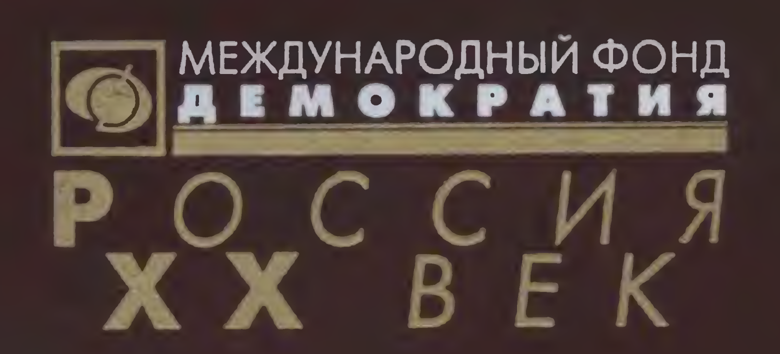
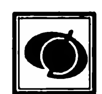

ДЕЛО БЕРИЯ

ПРИГОВОР ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

ДОКУМЕНТЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
«ДЕМОКРАТИЯ»
(Фонд Александра Н. Яковлева)

ДОКУМЕНТЫ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1997 ГОДУ
АКАДЕМИКОМ А.Н. ЯКОВЛЕВЫМ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД «**ДЕМОКРАТИЯ**», МОСКВА

РОССИЯ. XX ВЕК

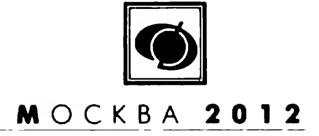
ДОКУМЕНТЫ

ДЕЛО БЕРИЯ

ПРИГОВОР ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

СОСТАВИТЕЛЬ

В.Н. Хаустов

МОСКВА 2012

ББК 63.3(2)6-8
Д29

*Общественный фонд «Международный фонд "Демократия"
(Фонд Александра Н. Яковлева)»
выражает благодарность Фонду «Президентский центр Б.Н. Ельцина»
за поддержку данного издания*

*Фонд признателен «Blavatnik Family Foundation»
за участие в подготовке издания*

Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост.
Д89 В.Н. Хаустов. М.: МФД, 2012. — 752 с. — (Россия. XX век. Документы).

ISBN 978-5-89511-028-7

Предлагаемый читателю сборник посвящен подготовке и проведению судебного процесса над Л.П. Берия и его ближайшими соратниками. Представленные документы, несмотря на явную ангажированность следствия, убедительно раскрывают совершенные «фигурантами» преступления и не оставляют сомнений в правомерности вынесенного им приговора.

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-89511-028-7

От составителя

Предлагаемое вниманию читателя издание продолжает тему, начатую публикацией материалов июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, в ходе которого были сформулированы основные обвинения в отношении арестованного Л.П. Берия[I].

Сборник состоит из двух разделов. В первом сосредоточены материалы, связанные с подготовкой обвинительного заключения по делу Берия и его ближайших сотрудников по МВД СССР — В.Н. Меркулова, Б.З. Кобулова, С.А. Гоглидзе, В.Г. Деканозова, П.Я. Мешика и Л.Е. Влодзимирского.

Во втором разделе представлены документы, в которых отражены, главным образом, обвинительные заключения в отношении руководителей органов МВД на местах, следственных работников, ходатайства о помиловании осужденных, преследовании их родственников.

Значительный объем этих материалов сразу же направлялся членам Президиума ЦК КПСС. О реальном политическом весе каждого из представителей высшей партийной элиты свидетельствует тот факт, что большинство протоколов направлялись на имя Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева, который, судя по рассылке, знакомился с ними одним из первых.

В марте 1953 г. Берия объединил Министерство государственной безопасности и Министерство внутренних дел в единое МВД СССР и стал главой данного ведомства. Таким образом, будучи заместителем Председателя Совета Министров СССР и членом Президиума ЦК КПСС, Берия возглавил министерство, которое длительный период времени являлось «вооруженной частью партии» и верной силовой опорой советского государства. Многочисленные инициативы Берия по вопросам внутренней и внешней политики после смерти Сталина и сосредоточение в его руках огромных властных полномочий не могли не встревожить партийную верхушку страны. Берия стал опасным соперником в борьбе за власть. В черновых записях выступления Маленкова на заседании Президиума ЦК от 26 июня 1953 г., где был арестован Берия, содержатся важные положения о некоторых причинах его ареста. Маленков отмечал, что органы МВД занимают такое место в системе государственного аппарата, где имеется наибольшая возможность злоупотребить властью. Управление охраны МВД фактически контролировало каждый шаг охраняемых лиц, «с утра до вечера шагу не шагнешь без контроля»[II].

Вскоре после окончания июльского Пленума ЦК КПСС Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко представил в Президиум ЦК КПСС план оперативно-следственных действий по делу Берия. Фактически это был план подтверждения в процессе следствия всех обвинений, высказанных участниками Пленума. Необходимо было доказать, что Берия использовал органы МВД для противопоставления их партии и государству. Особое внимание в ходе допросов требовалось уделить ближайшему окружению Берия,

---

[I] См.: Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1999.

[II] Там же. С. 70.

активно использовать очные ставки, чтобы получить компрометирующие материалы. Ставилась задача доказать преступную расстановку Берия кадров, службу в муссаватистской контрразведке, установление связи с И. Броз Тито и др.

Для предварительного следствия был характерен обвинительный уклон. Берия и его ближайшие сотрудники по МВД были признаны виновными в контрреволюционных преступлениях, включая измену родине и шпионаж. Все обвинения, выдвинутые на июльском Пленуме, нашли свое подтверждение. Из многочисленного количества преступных действий не вызывают никаких сомнений обвинения в непосредственном участии в политических репрессиях, организации заказных убийств, злоупотреблениях. Проблема репрессий на заседании Пленума не рассматривалась, но стала одним из реальных доказательств действительной преступной деятельности Берия

Создание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, закрытый порядок заседаний были предопределены. Члены Президиума ЦК КПСС понимали последствия открытого процесса. Все они в недавнем прошлом являлись участниками репрессивной политики, а ссылки Берия на решения директивных органов становились обвинениями и в их адрес. Нельзя не согласиться с утверждением С.Л. Берия, что другие партийные и советские руководители ничем от Берия не отличались[I]. Они также послушно выполняли указания Сталина.

Протоколы важнейших допросов, материалы заседаний Специального судебного присутствия частично опубликованы в книге заслуженного юриста России А.В. Сухомлинова[II]. Причем автор вполне обоснованно отмечает, что многие обвинения носили не правовой характер, а являлись следствием политического заказа.

Ряд исследователей акцентируют внимание на первостепенной роли Берия в «реформаторских» начинаниях, подчеркивая чуть ли не революционный характер его предложений. В этой связи важно отметить, что большинство инициатив Берия получало одобрение и поддержку высших руководителей партии и государства и воплощалось в постановлениях Совета Министров СССР и Президиума ЦК КПСС. Дальнейшие шаги советского руководства во второй половине 1950-х гг., в период «оттепели», связанной с именем Н.С. Хрущева, свидетельствовали об определенном сломе сталинской модели государства.

Дело Берия еще долгое время будет оставаться предметом дискуссий среди историков, столкновений различных точек зрения и полярных мнений об оценке его роли в развитии советского общества. Но в основе должна лежать не столько деятельность отдельной личности, сколько проблема ответственности высшего руководства страны за проводимый внутриполитический курс, соотношение целей и средств их достижения. Реальные преступления Берия, как и всех членов Президиума ЦК КПСС в период правления И.В. Сталина, заключались в методах достижения поставленных задач в процессе создания мощного, прежде всего в военном отношении, государства. Такая политика не может быть оправдана в сознании последующих поколений. Дело Берия является в определенном смысле приговором сталинской модели государства. Практика показала, что советская империя

[I] См.: *Берия С.* Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002.

[II] См.: *Сухомлинов А.В.* Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2003.

не стала ни демократическим, ни социальным государством. Достаточно было ликвидировать идеологические путы и ослабить контроль со стороны политической полиции за настроениями и поведением населения, как империя начала разваливаться.

В мае 2000 г. Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации в порядке надзора пересмотрела дело Берия и его ближайших соратников по службе в НКВД—МГБ СССР. Берия, Меркулов, Кобулов и Гоглидзе были признаны теми руководителями, которые хотя и не были инициаторами, но организовывали на государственном уровне и лично проводили массовые репрессии в отношении собственного народа. Поэтому закон «О реабилитации жертв политических репрессий» на них не распространяется.

В отношении Влодзимирского, Деканозова, Мешика приговор был изменен. Они были признаны менее активными соучастниками Берия. Состав преступления был переквалифицирован на обычное воинское преступление, то есть злоупотребление властью при наличии особо отягчающих обстоятельств (ст. 193-17«б» УК РСФСР в редакции 1926 г.). В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни» Военная коллегия постановила считать каждого из них осужденными к 25 годам лишения свободы.

В сборник включены наиболее важные документы, позволяющие получить достаточно полное представление об обвинениях в отношении Берия и его соратников и не оставляющие места для различных домыслов о его роли в истории террора и последующем наказании. Публикация основана на материалах, отложившихся в Архиве Президента Российской Федерации, где работал составитель, и переданных в 2011 г. в Российский государственный архив социально-политической истории.

При подготовке научного аппарата сборника составитель использовал фундаментальные сборники биографических данных на сотрудников НКВД—НКГБ—МГБ СССР, подготовленные руководителем исторического отдела «Мемориала», всемирно известным исследователем, доктором философии Н.В. Петровым.

В.Н. Хаустов

Раздел I

СЛЕДСТВИЕ. ПОДГОТОВКА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

№ 1
ПИСЬМО Л.П. БЕРИЯ В ЦК КПСС

28 июня 1953 г.

В ЦК КПСС
Товарищу Маленкову

Дорогой Георгий!

Я был уверен, что из той большой критики на президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и буду полезен в коллективе. Но ЦК решил иначе, считаю что ЦК поступил правильно. Считаю необходимым сказать, что всегда был беспредельно предан партии Ленина—Сталина, — своей родине, был всегда активен в работе. Работая в Грузии, в Закавказье, в Москве МВД, Совете Министров СССР и вновь в МВД все, что мог, отдавал работе. Старался подбирать кадры по деловым качествам, принципиальных, преданных нашей партии товарищей. Это же относится к Специальному комитету, Первому и Второму главным управлениям, занимающихся атомными делами и управляемыми снарядами. Такое же положение Секретариата и помощников по Совмину. Прошу товарищей Маленкова Георгия, Молотова Вячеслава, Ворошилова Клементия, Хрущева Никиту, Кагановича Лазаря, Булганина Николая, Микояна Анастаса и других пусть простят, если и что и было за эти пятнадцать лет большой и напряженной совместной работы. Дорогие товарищи желаю всем Вам больших успехов за дело Ленина—Сталина, за единство и монолитность нашей партии, за расцвет нашей Славной Родины.

Георгий, прошу, если это сочтете возможным семью (жена и старуха мать) и сына Серго, которого ты знаешь, не оставить без внимания.

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 163. Автограф.

Опубликовано: Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1999. С. 73—74.

№ 2
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ О ПРЕСТУПНЫХ АНТИПАРТИЙНЫХ И АНТИГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ БЕРИЯ

29 июня 1953 г.

Строго секретно
Особая папка

П 12/11

1. Ведение следствия по делу Берия поручить Генеральному Прокурору СССР.

2. Обязать т. Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний, к выявлению и расследованию фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.), а также к расследованию вопросов, связанных со снятием т. Строкача.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 138. Копия. Машинопись.
Опубликовано: Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 74.

№ 3

ПИСЬМО Н.Т. БЕРИЯ Н.С. ХРУЩЕВУ

29 июня 1953 г.

Секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву
от Нины Теймуразовны Берия

Двадцать шестого числа этого месяца, около 12 часов ночи забрали моего сына с семьей (беременная жена на 7-м месяце и двое детей — одной 5 лет, другой $2^1/_2$), и с тех пор не знаю где они! Меня оставили дома одну, сказав, что Л.П. Берия задержан по распоряжению правительства. Я супруга Лаврентия Павловича с 1922 года, т.е. больше тридцати лет. Я член КПСС, политически грамотна, имею высшее образование (кандидат с/х наук). Как все советские граждане, так и я считаю, что Лаврентий Павлович — ваш соратник и друг в деле строительства коммунизма, в деле борьбы против внешних и внутренних врагов Советского государства. Я думаю, все вышесказанное дает мне право обратиться непосредственно ко всем вам — с просьбой уделить мне полчаса с тем, чтобы поговорить со мною. Я Лаврентия Павловича знаю очень хорошо и в горе и радости, знаю его человеческие слабости, и следовательно, и то уязвимое место, откуда враг и клеветник мог к нему подойти. Я не глупый человек, я понимаю, что к чему; поэтому может быть я сумею пролить свет на какие-либо события компрометирующие его. Я прошу Вас, вызовите меня к себе, отдайте этому полчаса из вашего, правда, очень немного времени отдыха. У меня никого нет. Я не знаю, что мне делать. У Вас имеются жены, дети, внучата, вы можете себе представить, что со мной делается. Если я еще дня три останусь в таком неведении, я сойду с ума. Умоляю Вас, позовите меня, спросите что-нибудь, скажите мне что-нибудь!

Если Лаврентий Павлович в чем-либо непоправимо ошибся и нанес ущерб Советскому государству, и, следовательно, незачем меня и вызывать. Прошу Вас разрешить мне разделить его судьбу, какова бы она не была. Я ему предана, верю ему как коммунисту, несмотря на всякие мелкие шероховатости в нашей супружеской жизни — я люблю его. Я никогда не поверю в его сознательное злонамерение в отношении партии, не поверю его измене ленинско-сталинским идеям и принципам. Следовательно, я не заслуживаю никакой пощады! Я только прошу пощадить моего сына Сергея. Он молодой, способный, принципиальный, образованный коммунист. Ему двадцать восемь лет, и уверяю вас, у него не было и двадцати восьми досужих дней. Я все сделала для того, чтобы он всегда был занят своей работой и учебой; поэтому

он свою сознательную жизнь провел самостоятельно и независимо от нас. Лаврентий Павлович занятый всегда большой государственной работой не мог уделять ему никакого времени и внимания даже тогда, когда он был несовершеннолетним; после же он был всегда вне дома на учебе или на работе. Он относится к своему отцу с уважением и любовью, как и должен относиться молодой человек к своему отцу пока он это заслуживает. Он мой сын, в него вложена почти вся моя жизнь, сохраните его для пользы нашего государства, облегчите ему и помогайте перенести несчастье, постигшее нашу семью. Его жена, внучка А.М. Горького, — молодая, не имеющая никакого жизненного опыта женщина, и при том слабого здоровья. В силу определенных условий, у нее не выработано никакой трудовой дисциплины, она незнакома с правилами советского общежития и малейшее напряжение в жизни вызывает у нее отвращение. Конечно, со временем она вырастет и станет на высоте подабающей советской матери и женщине, но пока что создать самостоятельно для нормального физического и морального воспитания детей условия — она не сможет; таким образом урегулирование быта и мелочей домашней жизни целиком ляжет на Сергея; все это будет, конечно, отражаться на его работоспособности, о чем я и сожалею. Они ушли из дома без копейки денег. Все трудовые сбережения Серго, в том числе и деньги, полученные за лауреатство, лежат дома и опечатаны. Возможно, он не допущен на работу; что же он должен делать? Помогите ему, прошу вас всех, он это возместит Советского государству своим честным трудом. Я воспитана партией, советским обществом и моей семьей в глубоком уважении, любви и преданности вам; это и дает смелость обратиться к вам с такого рода письмом.

НИНА Т. БЕРИЯ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 175—176об. Рукопись. Подлинник.

№ 4

ЗАЯВЛЕНИЕ Т.А. СТРОКАЧА Н.С. ХРУЩЕВУ О МИНИСТРЕ МВД БЕЛОРУССИИ МЕШИКЕ

30 июня 1953 г.

Сов. секретно

Товарищу Маленкову Г.М.[1]

Посылаю Вам заявление тов. Строкача Т.А.
Прошу ознакомиться.

Н. ХРУЩЕВ

ЦК КПСС
товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.
(лично)
От члена КПСС Строкача Т.А.,
партбилет № 3686629

Считаю своим долгом как член партии доложить Вам, Никита Сергеевич, о некоторых неправильных, на мой взгляд, антипартийных действиях министра внутренних дел УССР т. Мешика П.Я.

---

[1] На листе имеется помета: «Разослано: т. Молотову В.М., т. Ворошилову К.Е., т. Булганину Н.А., т. Кагановичу Л.М., т. Микояну А.И., т. Сабурову М.З., т. Первухину М.Г., т. Швернику Н.М., т. Пономаренко П.К., т. Кириченко А.И.».

В апреле с.г. т. Мешик дал мне, как начальнику областного Управления МВД по Львовской области, указание собрать и донести в МВД УССР сведения о национальном составе руководящих кадров партийных органов, начиная от парторганизаций колхозов, предприятий и до обкома партии включительно. Одновременно т. Мешик предложил сообщить о недостатках работы партийных органов в колхозах, на предприятиях, в учебных заведениях, среди интеллигенции и среди молодежи.

Считая такие указания неправильными, так как органы МВД не должны и не имеют права проверять работу партийных органов, я позвонил по «ВЧ» лично т. Мешику и проверил, действительно ли он дал такое указание. Тов. Мешик подтвердил, что это его указание, и потребовал ускорить исполнение. Думая, что т. Мешик по ошибке или по неопытности дал такое указание, я попытался убедить его, что собирать такие сведения о работе партийных органов через органы МВД недопустимо. Тов. Мешик обрушился на меня с ругательством и с большим раздражением сказал так: «Тебе вообще наших чекистских секретных заданий нельзя поручать, ты сейчас же пойдешь в обком и доложишь о них секретарю, но знай, что это задание тов. Берия и с выполнением его тянуть нельзя, потрудитесь выполнить его сегодня же». Я не поверил т. Мешику, что это задание исходит от т. Берия, так как считаю, что т. Берия, как член Президиума ЦК КПСС, в любое время может такие данные получить в ЦК КПСС или ЦК КП Украины.

Руководствуясь своим партийным долгом, я доложил секретарю обкома партии т. Сердюку о полученном мною от т. Мешика таком явно неправильном указании. Тов. Сердюк возмутился действиями т. Мешика и тут же немедленно доложил об этом бывшему секретарю ЦК КП Украины т. Мельникову. Что ответил т. Мельников т. Сердюку и как т. Мельников на это реагировал — я не знаю.

В этот же день вечером мне во Львов позвонил т. Берия и сказал дословно следующее: «Что Вы там делаете, Вы ничего не понимаете, зачем Вы пошли в обком партии и рассказали Сердюку о полученном Вами задании. Вместо оказания помощи, Вы подставляете ножку т. Мешику. Мы Вас выгоним из органов, арестуем и сгноим в лагерях, мы Вас сотрем в порошок, в лагерную пыль Вас превратим». И далее т. Берия в состоянии сильного раздражения несколько раз повторил следующее: «Ты понял это или нет, понял, понял. Так вот учти». На мои попытки объясниться по этому вопросу т. Берия не стал меня слушать и положил трубку.

Этот разговор т. Берия по телефону вызвал у меня, как члена партии, большое удивление и недоумение. Я подумал, что т. Берия так резко реагировал и сделал мне такое серьезное замечание только потому, что министр внутренних дел УССР т. Мешик неверно, тенденциозно доложил т. Берия о том, что я обратился в обком партии. Будучи убежденным в правильности своих действий, я пытался найти пути для того, чтобы объясниться с т. Берия и выполнить, что же мне делать. Я доложил секретарю ЦК КП Украины т. Мельникову о полученном мною замечании от т. Берия и просил его вмешательства и защиты. При этом я т. Мельникову сказал, что бы со мною ни случилось, никакие угрозы, никто и никогда не заставит меня делать что-либо антипартийное. Я был и всегда буду передан нашей партии и за партию готов в любое время отдать свою жизнь. Тов. Мельников успокаивал меня, рекомендовал мне не волноваться. Он мне сказал: «Вас ЦК КП Украины знает, Вам доверяет и никогда Вас в обиду не даст. Нам известно, что

Вас во Львове хорошо приняли, Вашей работой довольны и Вы спокойно работайте».

Несмотря на это, без всякого к тому повода МВД СССР 12 июня с.г. меня сняло с должности начальника УМВД и отозвало в Москву. На мою просьбу оставить меня работать на Украине, мне категорически в этом отказали.

О непартийном поведении министра внутренних дел УССР т. Мешика свидетельствуют еще и такие факты. Тов. Мешик, зная о разговоре т. Берия со мною, дважды напомнил мне: «Ну, как попало тебе от т. Берия? Впредь умнее будешь». Далее т. Мешик в издевательской форме говорил мне буквально следующее: «А т. Мельников — секретарь ЦК — плохой чекист, он тебя как шпиона ЦК сразу выдал, звонит мне и прямо говорит, что Строкач доложил секретарю обкома Сердюку о том, что я, Мешик, собираю сведения о партийных органах. Разве так можно расконспирировать свою агентуру». Меня этот разговор т. Мешика удивляет, и я считаю его не случайным.

Характерно отметить, что и заместитель министра внутренних дел УССР т. Мильштейн ведет такие же разговоры. Например, в марте т.г. он мне и т. Ивашутину, бывшему заместителю министра внутренних дел УССР, говорил, что теперь все будет по-новому, партийные органы не будут вмешиваться так, как это было раньше, в работу чекистских органов. Начальники УМВД областей должны и будут независимы от секретаря обкома партии.

Находясь в Москве с 15 июня с.г., я несколько раз просил т. Берия и его заместителя т. Кобулова Б.З. принять меня для личного объяснения, но безрезультатно, всякий раз мне в этом отказывали. Зная особую приближенность к руководству МВД СССР генерал-лейтенанта Кобулова А.З. (брат заместителя министра т. Кобулова Б.З.), я однажды зашел к нему и рассказал о том, что меня сняли с работы и что я до сих пор не могу получить назначения, просил его совета. Генерал Кобулов А.З. сказал мне, что он обо всем осведомлен и также упрекал меня в неправильных моих действиях, выразившихся в том, что я доложил секретарю обкома партии о полученных мною указаниях от т. Мешика. «Вы, — говорит т. Кобулов, — не учли того, что к руководству МВД СССР пришел т. Берия и что теперь органы МВД не будут в такой зависимости от партийных органов, как это было раньше. Вы не представляете себе, какими правами пользуется т. Берия. Он решительно ломает все старые порядки не только в нашей стране, но и в демократических странах. Не надо бояться, что начальник УМВД или министр республики попадает в опалу перед партийными органами. Вот Вам свежий пример: т. Мельников, секретарь ЦК КП Украины, напоролся на Мешика и полетел, полетел, даже несмотря на то, что он был в Президиуме ЦК КПСС».

Я думаю, Никита Сергеевич, что поведение указанных выше товарищей является неправильным, антипартийным. Эти действия со стороны таких людей, как министр внутренних дел УССР Мешик и др. ему подобных идут вразрез с учением Ленина—Сталина о руководящей роли партии и если действия не пресечь, то они могут нанести большой вред.

Изложенное докладываю на Ваше рассмотрение.

СТРОКАЧ

28 июня 1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 180—184. Подлинник. Машинопись.

№ 5
ПИСЬМО Л.П. БЕРИЯ В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС[1]

1 июля 1953 г.

В ЦК КПСС
Товарищу Маленкову

Дорогой Георгий!

В течение этих четырех тяжелых суток для меня, я основательно продумал все, что имело место с моей стороны за последние месяцы после пленума ЦК КПСС, как на работе, так и в отношении лично тебя и некоторых товарищей президиума ЦК, и подверг свои действия самой суровой критике, крепко осуждаю себя. Особенно тяжело и непростительно мое поведение в отношении тебя, где я виноват на все сто процентов. В числе других товарищей я тоже крепко и энергично взялся за работу с единственной мыслью сделать все, что возможно и не провалиться всем нам без товарища Сталина и подержать делами новое руководство ЦК и Правительства. В соответствии с имеющимися указаниями ЦК и Правительства, укрепляя руководство МВД и его местных органов, МВД внесло в ЦК и в Правительство по твоему совету и по некоторым вопросам по совету т. Хрущева Н.С. ряд заслуживающих политических и практических предложений, как то: по реабилитации врачей, реабилитации арестованных по так называемому мингрельско-национальному центру в Грузии и возвращение неправильно сосланных из Грузии, об амнистии, о ликвидации паспортного режима, по исправлении искривления линии партии, допущенной в национальной политике и в карательных мероприятиях в Литовской ССР, Западной Украине и западной Белоруссии, но совершенно справедлива твоя критика, критика т-ща Хрущева Н.С. и критика других товарищей на Президиуме ЦК, с последним моим участием, на мое неправильное желание вместе с решениями ЦК разослать и докладные записки МВД. Конечно, тем самым в известной мере принизили значение самих решений ЦК, и что создалось недопустимое положение, что МВД как будто исправляет Центральные Комитеты Коммунистической партии Украины, Литвы и Белоруссии, тогда как роль МВД ограничивалась только выполнением указаний ЦК КПСС и Правительства. Хочу прямо сказать, что с моей стороны настаивать на рассылке докладных записок было глупостью и политическим недомыслием, тем более ты мне советовал, что этого не следует делать. Поведение мое на заседании Президиума ЦК и Президиума Совмина очень часто было неправильное и недопустимое, вносившее нервозность и излишнюю резкость, я бы сказал, как это сейчас хорошо продумал и понял, что иногда доходило до недопустимой грубости и наглости с моей стороны в отношении товарищей Хрущева Н.С. и Булганина Н.А. при обсуждении по германскому вопросу. Конечно, здесь, безусловно, виноват и заслуживаю всякого осуждения. В то же время я, также как и все Вы, старался внести предложения в Президиум, направленные на правильное решение вопросов, как корейский, германский, ответы Эйзенхауэру и Черчиллю, турецкий, иранский и др.

Поступок мой при приеме венгерских товарищей бестактный, ничем не оправданный. Предложение о Надь Имре, должен был не я, или кто иной

---

[1] На отдельном листе имеется помета Берия: «С. секретно. В ЦК КПСС. Лично т-щу Маленкову Г.М.».

вносить, а тебе надо было сделать, а тут я выскочил идиотски, кроме того, наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и развязность, за что, конечно, меня следует крепко взгреть. Но должен сказать со всей честностью, сам тщательно готовился и заставлял своих помощников готовиться к заседаниям ЦК и Правительства, чтобы в меру своих сил и способностей помочь в правильном решении обсуждаемых вопросов. Если же вносились мной инициативные вопросы, то несколько раз пересматривал вместе с товарищами, работающими со мной, чтобы не ошибиться и не подвести ЦК и Правительство. У меня остался в Совмине, я не успел представить тебе докладную записку и проект решения об упорядочении наградных дел, над этим я провозился около двух месяцев. Вопрос об этом, как ты знаешь, мы с тобой долго вынашивали еще при жизни товарища Сталина. В отношениях товарищей, с которыми я работаю, всегда старался быть принципиальным, партийным, требовательным, чтобы порученные им дела выполнялись, как это требуется в интересах нашей партии и нашего Правительства. Никаких других отношений с указанными товарищами у меня никогда не было. Взять хотя бы руководящих работников в МВД. Т-щей Круглова, Серова, Масленникова, Федотова, Стаханова, Питовранова, Короткова, Сазыкина, Горлинского, Гоглидзе, Рясного, Судоплатова, Савченко, Райхмана, Обручникова, Мешика, Зырянова и многих других, кроме помощи им в работе, требований, чтобы лучше организовать борьбу с врагами Советского Государства, как внутри страны, так и вне ее, у меня не было. Да и указанные товарищи работали, как положено настоящим партийцам. Т-ща Серова с бригадой по оказанию помощи Московской и Ленинградской милиции просто загонял, чтобы сделать все возможное и навести порядок в работе милиции указанных городов, и сделать необходимые выводы и предложения для других республик. Безусловно, под руководством Партии, Правительства работу МВД можно было в течение не более года наладить, как внутри страны, так и зарубежные страны, и обеспечить квалифицированный совет органам безопасности Стран Народной Демократии. Для этого людей в МВД более чем достаточно, только нужно кропотливо и неустанно работать. Я в начале говорил, что я перед тобой виноват, что не сумел себя поставить, как я это был обязан сделать, это самая непростительная ошибка. Тем более, это очень досадно, что мы дружно, честно по партийному работали в течение многих лет и тяжелых и грозных военных, в восстановительный период нашей страны. Все ценное в моей жизни связано совместной работой с тобой. С первых же дней в 1938 г. по наведению порядка в МВД, твое участие в приемке и сдаче дел, укрепление кадрами МВД при твоей помощи, — большая, напряженная работа во время войны в Государственном Комитете Обороны, когда волей партии нам было поручено: тебе — организовать в необходимых количествах в соответствующих предприятиях министерств выпуск самолетов и моторов, а мне — вооружения и боеприпасов, или вопросы формирования для фронта, совместная работа в Оперативном бюро Совнаркома СССР по организации народного хозяйства во время войны, когда понадобилось крепко поддержать работу транспорта, были направлены оба мы с тобой с т.т. Кагановичем Л.М. и Микояном А.И. для налаживания железнодорожного транспорта, который играл исключительную роль. Первые недели войны, когда нечем было прикрыть Западный фронт, который немец сильно теснил, наша совместная работа по созданию под руководством Государственного Комитета, Ставки и лично товарища

Сталина резервного фронта для защиты подступов к Москве, было организовано 15 полнокровных, чекистских войсковых дивизий. Одновременно посылка тебя на Сталинградский фронт, меня — на Кавказский. Надо прямо сказать, что мы самым добросовестнейшим образом относились к успешному выполнению поручений партии, Правительства и товарища Сталина, никогда не жалели сил и энергии и не знали страха. После войны совместная работа в Комиссии по восстановлению разрушенных районов. Особо должен отметить нашу совместную активную многолетнюю работу в Специальном Комитете при Совете Министров по созданию атомного оружия, а позже системы «Комета» и «Беркут» — управляемых снарядов. Никогда не забывал я твое большое товарищеское человеческое отношение ко мне, когда я, по известным тебе причинам, в подавленном настроении вылетал в 1948 г. в район Семипалатинска Каз. ССР, где, как известно, успешно завершилось испытание атомного оружия. Как тебе хорошо известно, а последнее время и т-щу Булганину Н.А., организации, контролируемые Специальным Комитетом, Первое и Второе Главные управления и их предприятия и научно-технические силы, лаборатории, конструкторские бюро и институты представляют колоссальнейшее достижение, это гордость нашей страны. Я тебе вскользь докладывал и поручил составить для Правительства подробный доклад о состоянии наших атомных дел. Уже в этом году должны произвести несколько взрывов, в том числе одной модели сверхмощной равной 250—300 тысяч тонн тротила.

По «Беркуту» испытания закончены удачно. Теперь все дело — обеспечить производство в серии и соответствующими кадрами, и в этой области делается очень много соответствующими министерствами. Главное, на основе «Кометы» и «Беркута» есть колоссальные возможности дальнейших улучшений в области управляемых снарядов, как в смысле точности, так и по скорости и дальности. Специальный доклад готовится для правительства. Эти орудия надо двигать вперед, это настоящее будущее, которым надо вооружить армию нашей страны. США и Англия придают этому исключительное значение. Повторяю, что все это достигнуто потому, что этого хотели Партия и Правительство, но хотел сказать, что и тут мы совместно работали. Почти одновременно освободили тебя из ЦК, а меня из МВД, и стали работать в Совнаркоме. Повторяю, дружно стали работать, так же честно и по-партийному вместе с товарищами Молотовым В.М., Кагановичем Л.М., Булганиным Н.А., Ворошиловым, Микояном А.И., а после перехода в Москву и с т. Хрущевым Н.С. и другими. Своей работой, своей преданностью своему ЦК и своему Правительству, мы убедили товарища Сталина, что он был не прав в отношении нас. Я не говорю о всевозможных поручениях, которые давались нам ЦК, правительством и лично товарищем Сталиным, в связи с чем приходилось очень часто и кропотливо работать, всегда мы старались быть принципиальными и объективными, не было у нас других интересов, так сложилось, что мы чуть ли каждый день встречались в течение десяти лет, и разговор у нас всегда был только о делах, о людях, как лучше организовать ту или иную работу и как лучше выполнить имеющиеся поручения. У меня всегда была потребность с тобой посоветоваться, и всегда для дела получалось лучше. Я видел в лице тебя старшего, опытного партийного деятеля большого масштаба, талантливого, энергичного и неутомимого, прекрасного друга и товарища, я никогда не забуду твою роль в отношении меня в ряде случаев, и особенно когда хотели меня связать с событиями в

Грузии. И когда не стало товарища Сталина я, не задумываясь, назвал тебя, так же как и другие товарищи, Председателем Правительства, и что считал и считаю это единственно правильным. В дальнейшем я еще больше убедился в том, что именно ты успешно поведешь вместе с руководящим коллективом ЦК и Правительство. Поэтому моя трагедия в том, что, как я уже выше говорил, на протяжении свыше десяти лет были настоящими большевистскими друзьями, работали с душой на самых различных сложных условиях работы, были в сложных переплетах, и никто не расстроил нашу дружбу, столь ценную и необходимую для меня, а теперь исключительно по моей вине потерял все, что связывало нас.

Хочу сказать несколько слов в отношении товарищей.

Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное ровное отношение к Вам. Работая в Закавказье, мы все высоко ценили Вас, считали верным учеником Ленина и верным соратником Сталина, вторым лицом после товарища Сталина, это наглядно можно было видеть в отношении Вас Закавказской организации. Если спросить мою семью, то Вам могут рассказать очень много хорошего о Вас, с моих слов. После переезда в Москву, если не считать дел, если помните Мальцева, работавшего в Архиве, и Слезберга — которые велись по прямому указанию т-ща Сталина, что может, очевидно, подтвердить т-щ Анастас Иванович и кое-кто и другие, я не знаю ни одного случая, чтобы меня можно было упрекнуть в отношении Вас. Наоборот, Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче. Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова Г.М., а спустя небольшой промежуток времени подошли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его в немедленной организации Комитета Обороны Страны со всеми правами. Совместная работа в Комитете, Ваша исключительная роль в области внешней политики, Ваше прекрасное отношение ко мне в бытность на конференциях (я об этом многим товарищам рассказывал) в Тегеране, Ялте и Потсдаме, где, как знаете, я и не был делегатом, а был по роду своей работы, хотя Вы и настаивали.

Я привел бы и другие факты, но скажу одно, что я не раз говорил, тот, кто ссорит Молотова со Сталиным, тот совершает чудовищное преступление перед нашей Страной и нашей Партией. Я думаю, что это могут подтвердить т-щи Маленков Г.М. и Микоян А.И. и др. Очень часто раньше, а еще недавно тов-щ Сталин называл сводниками Маленкова Г.М. и меня, имея в виду Вас и Микояна.

Клемент Ефремович! Тоже начну с Закавказья, мы Вас крепко любили, я по поручению руководящих органов Грузии, ездил специально в Москву в ЦК и т. Сталину и настоял прислать Вас в связи с пятнадцатилетием Советской Грузии.

В начале войны, товарищ Сталин сильно отругал меня и назвал политическим трусом, когда я предложил назначить в тяжелые времена, переживаемые нашей Родиной, известных всей стране товарищей Вас и Буденного командующими фронтами. Обругать обругал, а чуть позже т-щ Сталин назначение провел. Это, я думаю, товарищи подтвердят. С т. Маленковым Г.М. очень часто говорили между собой и другими товарищами о предложении

т-щу Сталину назначить Вас председателем Президиума Верховного Совета, и только теперь было это проведено. Всего не скажешь.

Никита Сергеевич! Если не считать последнего случая на Президиуме ЦК, где ты меня крепко и гневно ругал, с чем я целиком согласен, мы всегда были большими друзьями, я всегда гордился тем, что ты прекрасный большевик и прекрасный товарищ и я не раз тебе об этом говорил, когда удавалось об этом говорить, говорил и т-щу Сталину. Твоим отношением я всегда дорожил.

Николай Александрович!

Никогда и нигде я тебе плохого не делал. Помогал честно и как мог, т. Маленков Г.М. и я не раз о тебе говорили т-щу Сталину, как о прекрасном товарище и большевике. Когда т-щ Сталин предложил нам вновь установить очередность председательствования, то я с т. Маленковым Г.М. убеждали, что этого не надо, что ты справляешься с работой, а помочь мы и так поможем.

Лазарь Моисеевич и Анастас Иванович. Вы оба знаете меня давно. Анастас меня направил еще в 1920 году из Баку для нелегальной работы в Грузию. Тогда еще меньшевистскую от имени Кавбюро РКП и Реввоенсовета, XI армии, Лазарь знает с 1927 г., и не забуду никогда помощи, оказанной мне по партийной работе в Закавказье, когда вы были секретарем ЦК. За время работы в Москве можно было многое сказать. Но одно скажу — всегда видел с Вашей стороны принципиальные отношения, помощь в работе и дружбу, я со своей стороны делал все, что мог.

Товарищи Первухин и Сабуров говорили, что у меня было привилегированное положение при жизни т-ща Сталина, это же не верно. Георгий, ты это лучше других знаешь, знают это и другие члены Президиума. В действительности, когда я работал в Закавказье, а потом в Грузии ЦК ВКП(б) и т. Сталин крепко поддерживали и помогали в работе, и работа хорошо шла и лично я был в восторге. Но скоро после перевода в Москву, когда немного навели порядка в МВД после Ежова, т. Сталин выделил МГБ из МВД, особый отдел передал Наркомату Обороны и только в начале войны, когда надо было остановить бегущие, отступающие наши войска, был вновь объединен МВД — возвращен Особый отдел из Наркомата Обороны и после проделанной работы по остановке бегущих войск, когда было расстреляно несколько десятков тысяч дезертиров, созданы заградительные отряды и др., — вновь было выделено МГБ. Т-щам, которые близко работали в Политбюро, это хорошо известно. Что же касается моего отношения к т. Сабурову, то т. Маленков Г.М. и я отстояли его на посту Председателя Госплана, а т. Первухина, конечно, по заслугам я представил и провел Героя Социалистического Труда.

Все это, может быть, мне не следовало в моем положении писать, но прошу Вас мне это простить. Дорогой Георгий! Прошу тебя понять меня, ты лучше других знаешь меня. Я только думал, как лучше сделать, конечно, в пределах своих возможностей, вместе с Вами Страну могущественной и славной, думать иначе обо мне просто недоступно моей голове. Конечно, за все, что произошло, меня надо призвать крепко к порядку, указать свое место и крепко одернуть, чтобы было, что помнить до конца своей жизни. Но поймите дорогие товарищи, я верный сын нашей Родины, верный сын партии Ленина и Сталина и верный Ваш друг и товарищ. Куда хотите, на какую угодно работу, самую маленькую пошлите, присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать и буду работать всей душой и со всей энергией. Говорю от всего сердца, это неверно, что, раз я занимал большой пост, я не буду годен для другой маленькой работы, это ведь очень легко проверить

в любом крае и области, совхозе, колхозе, стройке, и умоляю Вас не лишайте меня быть активным строителем, на любом маленьком участке славной нашей Родины, и Вы убедитесь, что через 2—3 года я крепко исправлюсь и буду Вам еще полезен. Я до последнего вздоха предан нашей любимой Партии и нашему Советскому Правительству.

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

Т-щи, прошу извинения, что пишу не совсем связано и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенснэ (очков).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 160, 164—172. Подлинник. Рукопись.
Частично опубликовано: Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 74—80.

№ 6
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Р.С. САРКИСОВА

1 июля 1953 г.

Генеральный Прокурор Союза ССР РУДЕНКО Р.А. и помощник Главного военного прокурора подполковник юстиции БАЗЕНКО Н.А. допросили:

САРКИСОВА Рафаэля Семеновича 1908 г. рождения, уроженца г. Кировобада, чл. КПСС с 1930 г., полковника, помощника начальника отдела 1 Главного управления МВД СССР, женат, армянин, образование 6 классов, из семьи рабочего, со слов не судим.

Допрос начат в 20.30.

На протяжении 18 лет я работал в охране Берия, в начале в роли прикрепленного и последнее время в должности начальника охраны.

Будучи приближенным Берия, я хорошо знаю его личную жизнь и могу характеризовать его как человека развратного и не честного.

Мне известны многочисленные связи Берия со всевозможными случайными женщинами.

Мне известно, что через некую гражданку Субботину Берия был знаком с подругой Субботиной, фамилию которой я не помню, работала она в доме моделей. Впоследствии от Абакумова я слышал, что эта подруга Субботиной была женой военного атташе. Позже, находясь в кабинете Берия, я слышал, как Берия звонил по телефону Абакумову и спрашивал его, почему до сих пор не посадили эту женщину.

Кроме того, мне известно, что Берия сожительствовал со студенткой института иностранных языков М.М[1]. Впоследствии она забеременела от Берия и сделала аборт.

Сожительствовал Берия также с 18—20 летней девушкой Л.Д. От Берия у нее родился ребенок, с которым она сейчас живет на бывшей даче Обручникова.

Находясь в Тбилиси, Берия познакомился и сожительствовал с гражданкой М. После сожительства с Берия у М. родился ребенок, которого по ука-

[1] Здесь и далее: имена не раскрываются по этическим соображениям.

занию Берия я вместе с порученцем Витоповым отвезли и сдали в детский дом в Москве.

Мне также известно, что Берия сожительствовал с женой военнослужащего Героя Советского Союза, фамилию которого я не помню, звать жену этого военнослужащего София, телефон ее Д-1-71-55. Проживает она по ул. Тверская-Ямская, дом номер не помню. По предложению Берия через начальника санчасти МВД СССР Волошина ей был сделан аборт.

Повторяю, что подобных связей у Берия очень много.

По указанию Берия я вел специальный список женщин, с которыми он сожительствовал. Впоследствии, по его предложению, я этот список уничтожил. Однако один список я сохранил. В этом списке указаны фамилии, имена, адреса и номера телефонов 25—27 таких женщин. Этот список находится на моей квартире в кармане кителя.

Таким образом, я был Берия превращен в сводника. Занимаясь сводничеством, я часто задумывался над поведением Берия и был крайне возмущен, что такой развратный и нечестный человек находится в правительстве.

Год или полтора тому назад жена Берия в разговоре мне сказала, что в результате связей Берия с проститутками он болел сифилисом. Лечил его врач поликлиники МВД Юрий Борисович, фамилию его не помню.

Об изнасиловании Берия девушки мне неизвестно, однако зная хорошо Берия, я допускаю, что такой случай мог иметь место.

Протокол записан с моих слов правильно и не[1] прочитан.

Допрос окончен в 23-00.

САРКИСОВ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОЮЗА СССР *Р. РУДЕНКО*

ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *БАЗЕНКО*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 185—186. Копия. Машинопись.

№ 7

ПИСЬМО Л.П. БЕРИЯ В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС

2 июля 1953 г.

В Президиум ЦК КПСС

Товарищам Маленкову, Хрущеву, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Первухину, Булганину и Сабурову. Дорогие товарищи, со мной хотят расправиться без суда и следствия, после 5-дневного заключения, без единого допроса, умоляю Вас всех, чтобы этого недопустили, прошу немедленного вмешательства, иначе будет поздно. Прямо по телефону надо предупредить.

Дорогие т-щи настоятельно умоляю Вас назначить самую ответственную и строгую комиссию для строгого расследования моего дела, возглавив т. Молотовым или т. Ворошиловым. Неужели член Президиума ЦК не заслуживает того, чтобы его дело тщательно разобрали, предъявили обвинение, потребовали бы объяснения, допросили свидетелей. Это со всех точек зрения хорошо для дела и для ЦК. Почему делать так, как сейчас делается, посадили в подвал, и никто

[1] Так в тексте.

ничего не выясняет и не спрашивает. Дорогие товарищи, разве только единственный и правильный способ решения без суда и выяснения дела в отношении члена ЦК и своего товарища после 5 суток отсидки в подвале казнить его.

Еще раз умоляю Вас всех, особенно т.т. работавших и с т. Лениным и т. Сталиным, обогащенных большим опытом и умудренных в разрешении сложных дел т-щей Молотова, Ворошилова, Кагановича и Микояна. Во имя памяти Ленина и Сталина прошу, умоляю вмешаться и незамедлительно вмешаться, и Вы все убедитесь, что я абсолютно чист, честен, верный Ваш друг и товарищ, верный член нашей партии.

Кроме укрепления мощи нашей Страны и единства нашей Великой партии, у меня не было никаких мыслей.

Свой ЦК и свое Правительство, я не меньше любых т-щей поддерживал и делал все, что мог. Утверждаю, что все обвинения будут сняты, если только это захотите расследовать. Что за спешка, и притом очень подозрительная.

Т. Маленкова и т. Хрущева прошу не упорствовать, разве будет плохо, если т-ща реабилитируют.

Еще и еще раз умоляю Вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить.

Ваш ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 173—174. Подлинник. Рукопись.
Опубликовано: Источник. 1994. № 4; Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 81.

№ 8
ЗАПИСКА М.Т. ПОМАЗНЕВА В ЦК КПСС И ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.П. БЕРИЯ

2 июля 1953 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КПСС
и ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР
товарищу Маленкову Г.М.
товарищу Хрущеву Н.С.

Считаю своим партийным долгом доложить Вам следующее:

1. В 1950 году в Секретариате ЦК рассматривался вопрос о распространении на партийных, профсоюзных и комсомольских работников преимущество льгот, установленных для важнейших отраслей народного хозяйства, т.е. если работник получал эти льготы, работая в промышленности и был выдвинут на партийную, профсоюзную или комсомольскую работу, то сохранять их за этим работником.

Этот вопрос был перенесен в Совмин, где он рассматривался много раз и в конце концов был снят, ввиду нежелания решать его и протестов со стороны Берия.

2. В конце 1952 года было принято несколько решений Секретариата ЦК по вопросу о переводе отдельных областей в высшую группу по зарплате. Эти решения не были оформлены потому, что не пропускал Берия.

Эти факты говорят об игнорировании Секретариата ЦК и принижении руководящей роли партийных органов.

3. По линии спецкомитета имело место задабривание министров и других руководящих работников и заигрывание с ними. Большинство минист-

ров оборонной промышленности и машиностроения получили по несколько орденов и стали лауреатами Сталинских премий. Много наград давалось строителям. Выдача наград производилась в аппарате спецкомитета.

4. Аппарат спецкомитета не в меру отмечался наградами. Достаточно сказать, что за последние годы секретарь спецкомитета Махнев стал Героем Социалистического Труда, дважды лауреатом Сталинских премий и получил несколько орденов.

Этот аппарат всячески ограждался. За него Управление делами постоянно имело мордобои от Берия. Например, полковник Алексеев, ранее работавший в аппарате Управления делами и перешедший затем в спецкомитет, был вызван к т. Булганину Н.А. за то, что он не закончил вопрос и затянул его. В связи с этим мне было сказано — если будете лезть к моему аппарату, руки отрубим. Из Госплана был взят на работу в качестве помощника Берия работник Пашков, который стал вызывать работников Управления делами для переговоров о работе в аппарате спецкомитета, без согласования со мной. Я позвонил Пашкову и категорически заявил ему, что он этого делать не имеет права, ибо это аппарат Правительства, а не одного лица, по поручению которого он это делает. Пашков лично и через Махнева доложил об этом Берия, который вызвал меня и в грубой, резкой форме заявил, что выгоним и никто не поможет. Это же было сказано позже по поводу жалобы того же Пашкова о кабинете и машине, с упоминанием о том, что мне уже об этом раньше было сказано и повторяться не будет.

5. Высотные здания Берия считал своим детищем. Однажды я слышал, как он говорил — другие уже десять раз сфотографировались бы на фоне этих зданий, а тут строим и ничего. Много раз он говорил мне, что без него квартир в высотных зданиях не распределять. Из последней секции дома на Котельнической набережной он хотел иметь для МВД половину, т.е. 55 квартир. При этом он ссылался на то, что освобождаемые из заключения работники потеряли квартиры. На 40 квартир он даст списки, а 15 распределит позже, оставив их в резерве.

6. После того как Председателем Совета Министров СССР был назначен тов. Маленков Г.М., я у Берия был три раза (до этого, как у одного из председательствующих ежедневно). Первый раз в марте. Он меня вызвал, когда у него находились нач. Управления охраны Кузьмичев, работник этого Управления Кирдин и Ордынцев. Мне было сказано, что контингент обслуживаемых Управлением охраны сокращается и что сокращаемый контингент переходит на обслуживание в Управление делами. Когда я задал вопрос о ком идет речь — были названы т.т. Андреев, Косыгин, Пегов, Суслов, Пономаренко, Игнатьев. Я доложил, что никто из названных лиц, кроме тов. Косыгина и Пономаренко к нам не имеет отношения. Было поручено Ордынцеву, Кузьмичеву и Кирдину подготовить проект с моим участием в части, касающейся Управления делами. Что было сделано. В результате было принято решение, по которому дачи Суслова и Игнатьева переданы на баланс Управления делами ЦК, дача для т. Пегова на баланс Секретариата Президиума Верховного Совета. После подготовки проекта я у Берия не был.

Второй раз — в апреле. Я был вызван по вопросу об отделах угольной промышленности, нефтяной промышленности и высотных зданий. Он сказал, что столько много помощников ему не требуется. Помощник должен быть лично близким человеком. Он предложил своих помощников (бывших членов бюро) Харченко и Мельникова назначить в угольный отдел, Белень-

кого и Ильина в нефтяной отдел и Кожевникова и Сергеева в отдел высотных зданий. Это я считал правильным и сказал, что будут подготовлены соответствующие предложения и проекты приказов. Что и было сделано Прокофьевым с участием Ордынцева и доложено письменно через Ордынцева.

Третий раз — на днях. Ко мне позвонил заведующий Секретариатом Берия — Ордынцев с вопросом — почему в министерствах выплачивают денежное довольствие по-новому — увеличенное, а в аппарате этого не сделано. Я сказал, что и имелось в виду позже решить, и что предложения подготовлены, но не рассмотрены, т.к. комиссия не собиралась. Он стал спрашивать, а что подготовлено? Я ему сказал, что можешь посмотреть. Он был у меня и посмотрел. Он при этом выразил некоторое недовольство в намеченных нами размерах довольствия. Считая, что секретариатам Зам. предов Совмина надо прибавить — работают люди много. Махневу, как военному, можно меньше дать — и ушел. Через некоторое время он спросил меня, знает ли об этом Берия. Я сказал, что нет, т.к. эти предложения не докладывались. Через день или два мне позвонил Берия и сказал, чтобы я зашел и показал ему денежное довольствие и по высотным зданиям. Я зашел — у него находился Ордынцев. Я докладывал ему наши предложения по денежному довольствию, распределению квартир в высотных зданиях и о сохранении дач за бывшими министрами, т.е. я взял папку свою и Берия из 4-х папок, которые были подготовлены для доклада т.т. Маленкову, Хрущеву и Берия.

По денежному довольствию он возмущался, почему т. Петроковскому намечено больше, чем Ордынцеву и сказал, что Лапшов и Ордынцев должны получать одинаково с Петроковским, неправильно, что Пономареву намечено больше, чем Шария — они должны получать одинаково, много платите Степанову и другие, более мелкие, замечания. Большинство поправок Берия мною были внесены в предложения.

По распределению квартир в высотном здании на Котельниках я доложил, что просьб около 1,5 тысячи, а квартир 110. Он предложил сделать справку на каждую просьбу, после чего доложить. По сохранению дач за б. министрами он почти не смотрел, сказав, вносите, вносите. Тут же был вызван находившийся в приемной т. Комаровский, при котором мне было сказано, чтобы были прекращены всякие разговоры об отказе от эксплуатации университета. По этому вопросу я с ним спорил, доказывая, что чистить уборные в университете Управлению делами не подходит. Он мне сказал, что Пономаренко, если и попросит себе это дело, ему не дадут, т.к. это здание равно капиталам Дюпона и других американских миллиардеров. Я был резко обрезан за настойчивость и ушел.

На следующий день я был вызван к т. Маленкову Г.М., где находился Берия. Я доложил проекты о дачах для руководящих работников, об обеспечении т. Андреева А.А., о сохранении дач за бывш. министрами и о денежном довольствии для аппарата.

Когда тов. Маленков Г.М. и Берия уже уходили из кабинета, я доложил, что у нас есть спор по размерам денежного довольствия с Управлением делами ЦК и что по этому вопросу тов. Хрущев Н.С. вызывает меня в 9 ч. вечера. Тов. Маленков Г.М. ничего не сказал, а Берия сказал — спорь, если правильно.

7. Теперь становится понятным, почему Берия писались последнее время документы безымянно «В Президиум», «на Президиум», а не с обращением к Председателю Совета Министров СССР тов. Маленкову Г.М.

8. После решения о новом составе спецкомитета Берия подписывал много распоряжений самостоятельно.

9. На прошлой неделе из разговора с т. Старовским мне стало известно, что Секретариат Берия усиленно разыскивает знатока экономики стран народной демократии, а от т. Егорова из Санупра о том, что Ордынцев по указанию Берия обязал его все донесения о состоянии здоровья министров посылать не только тов.тов. Маленкову Г.М., Хрущеву Н.С., но и ему.

М. ПОМАЗНЕВ

2.VII.53 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 187—192. Копия. Машинопись.

№ 9
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА П.А. ШАРИЯ

2 июля 1953 г.

Совершенно секретно

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю первичный протокол допроса арестованного ШАРИЯ П.А.
Приложение: на 2 листах.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР РУДЕНКО

«3» июля 1953 г.
№ 198/лсс

Протокол
допроса арестованного

2 июля 1953 года, Генеральный Прокурор СССР Руденко и Начальник следственной части по особо важным делам Главной Военной прокуратуры полковник юстиции Кульчицкий допросили с соблюдением ст.ст. 134—140 УПК РСФСР

ШАРИЯ Петра Афанасьевича, 1902 г. рождения, быв. помощника Заместителя Председателя Совета Министров Союза ССР...

По существу дела показываю:

Работая в Грузии на научно-преподавательской работе, я в феврале 1952 года был арестован органами МГБ как участник так называемой мингрэльской националистической группировки и находился под стражей до марта 1953 года.

В марте 1953 года дело по обвинению меня было прекращено, меня освободили из тюрьмы и назначали помощником Берия.

В процессе работы в качестве помощника Берия на основе отдельных его высказываний, в которых я мог усмотреть выпячивание им собственной роли в решении важных государственных вопросов, а также на основе нередких его замечаний в отношении отдельных руководителей правительства у меня стало складываться мнение, что Берия страдает бонапартистскими, диктаторскими замашками.

Учитывая при этом, что Берия занимает пост Министра внутренних дел СССР, для меня стала вырисовываться явная опасность для партии и государства этих его бонапартистских, диктаторских замашек.

Конкретно эти проявления у Берия выражались в стремлении вносить свои поправки почти во все проекты решений правительства, поступавших из других ведомств, в разнообразных попытках создания себе особой популярности, а также в несколько пренебрежительном тоне его критических замечаний в адрес других руководителей Коммунистической партии и Правительства.

Подобного рода высказывания мне приходилось слышать от Берия несколько раз в присутствии то ЛЮДВИГОВА, то ОРДЫНЦЕВА, либо обоих вместе.

Кроме того, я замечал выход за пределы своих функций со стороны Берия. Я имею в виду такие факты, как непосредственный вызов к себе в МВД СССР секретаря ЦК компартии Литвы СНЕЧКУСА и Председателя Совета Министров Литвы, а также вызов к себе в Совет Министров секретаря ЦК компартии Эстонии КЕБИНА.

Берия в нашем присутствии позволял себе резкую критику Сталина, причем из его высказываний у меня создалось мнение, что он мнит себя приемником Сталина.

Из всего этого у меня, еще раз повторяю, складывалось твердое мнение, что настроения Берия представляют опасность для нашей страны.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано.

ШАРИЯ

Допрос начат в 23 ч. 30 м.
Допрос прерван в 4 часа 00 мин. 3/VII-53

ДОПРОСИЛИ:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *РУДЕНКО*
НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ ГЛАВНОЙ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *КУЛЬЧИЦКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 198—200. Копия. Машинопись.

№ 10
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Б.А. ЛЮДВИГОВА

4 июля 1953 г.

Сов. секретно

№ 1/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса арестованного ЛЮДВИГОВА Бориса Александровича.

Приложение: Копия протокола от 4 июля 1953 г. на 4 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ
ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО

4 июля 1953 года гор. Москва, зам. Главного Военного прокурора Генерал-майор юстиции КИТАЕВ и военный прокурор Главной военной прокуратуры подполковник юстиции КУПЦИНОВ допросили арестованного —

ЛЮДВИГОВА Бориса Александровича. Биографические данные в деле имеются.

По существу дела показал:

В дополнение к ранее данным показаниям хочу следствию сообщить, что, начиная с марта этого года поведение Берия резко изменилось. С его стороны часто стали проявляться факты, свидетельствующие о его внутренней фальши и лицемерии. Берия буквально зарвался. Следует отметить, что после марта 1953 г. Берия совершенно переродился. Он резко критиковал руководителя партии в моем присутствии и в присутствии Шария и Ордынцева. Высмеивал Шария за то, что он с восхищением отзывался о некоторых трудах руководителя партии.

Характерно отметить, что Берия во всех вопросах всегда стремился показать свою особую роль в решении государственных вопросов. Из его высказываний и поведения явствовало, что Берия считал себя наиболее влиятельным государственным деятелем страны. Это можно проиллюстрировать на таком факте.

В июне этого года, когда Президиум ЦК КПСС принял решение по Украине и освободил Мельникова с поста секретаря ЦК КП Украины, Берия в присутствии меня, Ордынцева и Шария заявил, что это он, Берия с треском выгнал Мельникова, точнее — Мельников, дескать, был убран по его, Берия, требованию.

Разительным примером мании величия со стороны Берия служит следующий факт: после издания Указа об амнистии Берия не раз заявлял: «Я освободил миллион», «Я освобождаю миллион людей». Это Берия говорил в присутствии Шария, Ордынцева.

Об этом также может быть известно Круглову.

Берия иронически и свысока отзывался о некоторых руководителях нашего государства. Так, например, по вопросу о перегибах в Западной Украине, Берия в проекте записки и проекте постановления в Президиум ЦК КПСС указывал, что массовые репрессии и другие операции вызывались создавшейся так обстановкой, а устно комментировал в ироническом тоне, что в то, мол, время на Украине работал Н.С. Хрущев.

В погоне за большей популярностью Берия не отличался скромностью. Подтверждением этого обстоятельства могут служить факты следующего порядка. Представляемые Министерством внутренних дел записки в Президиум ЦК КПСС по конкретным вопросам он часто сопровождал требованием обязательно рассылать свои записки, наряду с решениями ЦК, секретарям ЦК республик, краев и областей.

Неоднократны были случаи, когда Берия принимал в МВД секретаря ЦК КП Литвы Снечкуса, секретаря ЦК КП Эстонии Кэбина, которого я лично видел в кабинете Берия в МВД. Однажды Берия собирался принять в МВД Зимянина из Белоруссии и приказал Ордынцеву напомнить ему об этом приеме. Ордынцев забыл напомнить, точнее, не смог напомнить Берия и за это получил от него нагоняй.

С целью своей популяризации среди сотрудников МВД, Берия, как только пришел в Министерство, многим руководящим работникам МВД заявлял, что он скоро проведет закон о выплате сотрудникам МВД денег за воинские звания.

Как я уже отмечал, Берия после марта 1953 года совсем распоясался. Не сдерживая себя, он оскорблял не только своих помощников, но и многих руководящих работников: Серова, Круглова, Стаханова и других, бесцеремонно обзывая их всякими словами. Берия чувствовал себя вельможей. Меня он также часто ругал и оскорблял, называя балдой, куриной головой. Если я возмущался, он кричал: «Что на меня смотришь, как баран».

В апреле с.г. секретариат Берия в Совете Министров (Ордынцев, Стрижаченко и Кузин) по указанию Берия готовил записку по вопросу о пересмотре порядка награждения орденами. Был в том числе затронут вопрос об ордене Ленина. По предложению Берия, в записке было указано, что не следует награждать орденом Ленина работников науки и искусства. Я и Шария неоднократно доказывали правильность награждения этим орденом всех советских граждан, достойных и заслуживших этой высшей награды. Берия не считал орден Ленина высшим орденом в стране. Он предлагал учредить новый орден, более высший, чем орден Ленина, а именно «Орден Народной славы», с невиданными доселе преимуществами для награжденных этим орденом, в частности, выплата при вручении ордена 300 тысяч рублей и выделение дачи. Считая, что орден Ленина был и должен быть высшим орденом в стране, полагаю: предложение Берия явно политически неправильное и вредное, так как оно ведет к принижению значения ордена Ленина, признанного партией и народом в качестве высшей орденской награды. Такое решение Берия, если бы оно было принято, не поняли бы ни партия, ни народ никак иначе, как принижение роли и значения Великого Ленина. Благодаря моему и Шария настоянию пункт о прекращении награждать орденом Ленина работников науки и искусства из записки был вычеркнут. Что касается предложения об ордене «Народная Слава», при последнем обсуждении проекта записки у Берия, на котором я не присутствовал, это предложение было в записке оставлено. Дальнейшая судьба этого проекта мне неизвестна. Должен находиться в Секретариате Совета Министров, о нем знает Ордынцев.

Кроме того, в этой же записке Берия предлагал учредить союзный и республиканский «ордена культуры», например в Азербайджане орден «Низами», в Грузии орден «Руставели», на Украине орден «Шевченко», в Армении орден «Налбандяна» и т.д. По этим вопросам Ордынцев по поручению Берия связывался по телефону с секретарями ЦК КП указанных республик.

Более по делу пока показать ничего не имею. Протокол мной прочитан, записано правильно.

Допрос длился с 9.00 часов до 11 часов дня.

Б. ЛЮДВИГОВ

Допросили:
Генерал-майор юстиции *КИТАЕВ*
Подполковник юстиции *КУПЦИНОВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 204—208. Копия. Машинопись.

№ 11
ТЕКСТ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ А.Н. ПОСКРЕБЫШЕВА НА ИЮЛЬСКОМ ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС[1]

Не позднее 7 июля 1953 г.

Сообщение Президиума ЦК о фактах антипартийного и антигосударственного поведения Берия вызывает чувство законного негодования его пре-

---

[1] К печатному тексту несостоявшегося выступления приложена собственноручная записка Поскребышева: «В Президиум ЦК КПСС. В связи с тем, что мне не удалось выступить на Пленуме ЦК КПСС по вопросу об антипартийной и антигосударственной деятельности Берия, прилагаю текст моей речи. А. Поскребышев». На первом листе имеется рукописная помета: «Архив. Д. Суханов. 11 VII 53 г.».

ступной деятельностью и обманом партии. Карьеристические стремления Берия, особенно ярко проявившиеся после смерти т. Сталина — выпячивание себя на первое место не только в качестве одного из руководителей партии и правительства, но и стремление играть первую роль в международном масштабе, — привело его к отрыву и противопоставлению себя руководящему ядру ЦК. Он встал на антипартийный и антигосударственный[1] путь интриг и политиканства, стремясь занять первое место в руководстве партией и государством.

К той характеристике, которая дана Президиумом ЦК в отношении Берия, я хотел бы добавить несколько фактов из моих наблюдений и замечаний тов. Сталина, подтверждающих правильность выводов, сделанных Президиумом ЦК.

Все действия Берия были направлены на то, чтобы показать, что он является самым способным, самым преданным и верным человеком тов. Сталину, а все остальные члены руководящего ядра являются второстепенными людьми. Берия добивался всяческими путями занять при жизни тов. Сталина место первого заместителя тов. Сталина по Совмину, считая, что только он один является действительным преемником тов. Сталина. Когда же последовало решение утвердить тов. Булганина первым заместителем тов. Сталина по Совмину, то Берия был очень недоволен этим решением, характеризуя т. Булганина как слабо подготовленного и неспособного справиться с этой работой.

Другой пример. Тов. Сталин предложил привлечь заместителя Председателя Совмина т. Первухина в качестве члена руководящей группы Совмина. Это встретило со стороны Берия также неблагожелательное отношение, ввиду чего тов. Сталин потребовал формального решения о назначении т. Первухина в состав руководящей группы.

Недостойно также вел себя Берия в отношении руководящих работников министерств и ведомств. Это выражалось в нетерпимости к чужим мнениям, в чрезмерной грубости, поношениях работников и дискредитации их, хотя такое отношение к ним не вызывалось существом дела. Часто приходилось слушать заявления от работников о недостойном и грубом поведении Берия как на заседаниях Совмина, так и при личных докладах ему работников.

В то же время критику его действий Берия воспринимал очень болезненно, считая, что он непогрешим и критике не подлежит. Даже критика тов. Сталина в отношении его работы воспринималась им неправильно и в минуты раздражения после такой критики Берия говорил, почему его так критикует т. Сталин, ведь он является верным учеником т. Сталина и никто больше его не сделал для популяризации т. Сталина.

Мы прекрасно знаем, что тов. Сталин не нуждался в какой-либо популяризации.

Кроме того, следует сказать, что т. Сталин был страшно возмущен теми мерами, которые применял Берия во время поездок т. Сталина на юг и в другие места. Вместо того, чтобы организовать поездку без привлечения публики, меры, принимаемые Берия, давали противоположные результаты. Выставление усиленной охраны по пути следования поезда и в местах отдыха т. Сталина, приостановление железнодорожного движения во время следования поезда и очистка автомобильной трассы во время поездок на юге приводили к тому, что все население в этих районах знало, что это едет т. Сталин. Вместо конспирации получалась самая широкая огласка. Тов. Ста-

---

[1] Слово вписано от руки.

лин потребовал отмены этих мероприятий и строго предупредил Берия, что он примет суровые меры наказания.

Во время поездок т. Сталина Берия считал, что только он один может сопровождать т. Сталина и находиться около него во время пребывания т. Сталина на юге и в других местах. На это т. Сталин реагировал тем, что категорически отказался от его услуг. Тогда Берия переменил свою тактику и стал приспосабливать время своего отдыха к поездкам т. Сталина.

Как вел себя Берия во время встреч с т. Сталиным на юге? Он со свойственной ему хитростью начинал говорить о недостатках работы того или иного руководящего работника члена Политбюро[I]. Такие часто повторяемые заявления создавали впечатление у т. Сталина о действительной непригодности и слабости этого работника. Особенно он старался оклеветать[II] работу т. Молотова как в МИД-е, так и в Совмине, а также и т. Ворошилова и Кагановича[III].

Далее. Одним из отрицательных качеств Берия являлось его самовосхваление, стремление выдвинуть себя на первое место. Как один из примеров припоминаю такой случай. Товарищи знают, что Политбюро вело практику поочередного выступления членов Политбюро с докладами о годовщине Октябрьской революции. Когда было поручено Берия подготовить доклад, то, посылая свой доклад тов. Сталину на просмотр, Берия заявил хвастливо, что его доклад по содержанию превосходит все предыдущие доклады членов Политбюро. Однако тов. Сталин, ознакомившись с докладом, отметил неправильность ряда положений, выдвинутых в разделе доклада о международном положении, внеся в этот раздел серьезные поправки принципиального порядка.

Точно так же Берия выпячивал свою роль в Великой Отечественной войне.

Оценивая результаты боев под Москвой, он заявлял, что решающую роль в этом деле сыграли войска МГБ и МВД, тем самым выдвигая себя как руководителя МГБ и МВД на роль спасителя г. Москвы. Никто не сомневается, что войска МГБ и МВД, как и вся наша Армия, проявили мужество и героизм в борьбе с немецкими захватчиками. Такое бахвальство, само собой разумеется, не выдерживает никакой критики[IV].

Точно так же хвастливо он приписывал себе первенствующую роль в деле организации производства вооружения во время войны, затушевывая работу других руководящих деятелей Государственного Комитета Обороны.

Используя секретность в работе специальных комитетов, председателями которых он являлся, и пользуясь этим, без согласования с другими членами Политбюро докладывал о проделанной работе. Как характерный случай можно привести пример с награждением работников, занимающихся вопросами атомной энергии, без предварительного обсуждения с членами Политбюро. В числе награжденных был и Берия. При втором представлении этих работников он в завуалированной форме намекал о желательности вознаграждения его, но товарищ Сталин прошел мимо этих намеков, и Берия не был награжден.

[I] Слова «члена Политбюро» вписаны от руки вместо зачеркнутого «включая при этом и бытовую сторону жизни этого работника».

[II] Слова «старался оклеветать» вписаны от руки вместо зачеркнутого «заострял вопросы на работу».

[III] Слово вписано от руки.

[IV] Предложение вписано от руки.

Здесь уже говорилось об отношении Берия к партии, о его стремлении принизить роль партии, превратить партию во второстепенный придаток государственного аппарата. Вот еще пример. По его инициативе была введена такая практика, когда в решениях Совета Министров записывались пункты, обязывающие партийные организации выполнять те или иные поручения Совета Министров. Такие поручения, принимаемые помимо ЦК, ослабляют руководящую роль партии.

Считаю своим долгом довести до сведения членов Пленума ЦК оценку Берия тов. Сталиным. Говоря о Берия, тов. Сталин характеризовал его так: Берия развалил разведку, и ни в коем случае нельзя ему доверять этот участок работы. Тов. Сталин крепко ругал себя за то, что согласился с предложенной Берия кандидатурой Абакумова в качестве руководителя МГБ. Попытки Берия, работавшего в Совмине, взять под свое политическое[I] наблюдение работу МГБ, не увенчались успехом. В целом тов. Сталин характеризовал Берия так: Берия мнит себя большим политическим деятелем, но он не годится на первые роли, ему можно лишь доверить участок хозяйственной работы.

Порочные методы работы бывших органов МГБ — произвол, беззаконие, бесконтрольность — являются благодатной почвой для всяких авантюристов и провокаторов. Совершенно нетерпимым является такое положение, когда член ЦК, министр или секретарь обкома, являясь по вызову к Берия, не знал, вернется ли он домой или будет посажен в тюрьму. Необходимо решительно покончить с этими порочными методами — произволом и беззаконием в органах МВД, поставив их под строгий и неослабный контроль партии.

Считаю совершенно правильными решения Президиума ЦК, пресекшего в зародыше вражескую авантюру Берия. Преступные действия Берия, как это установлено, преследовали цели — серьезно расшатать диктатуру пролетариата в нашей стране, вызвать замешательство в партии, ослабить связи партии с массами, ослабить роль и значение Советского Союза в социалистическом лагере и значительно усилить позиции капитализма в его борьбе против лагеря социализма.

Выводы из этого дела для нас совершенно ясны. Мы должны теснее сплотиться вокруг руководящего ядра нашей партии, повысить бдительность, укреплять связи партии с массами. Сила партии в единстве ее рядов. Шире развертывать критику и самокритику. Мы должны постепенно помнить заветы Ленина и Сталина — беречь единство партии как зеницу ока.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 209—215. Подлинник. Машинопись.

№ 12

ЗАПИСКА БАГРАМЯНА МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Н.А. БУЛГАНИНУ[II]

5 июля 1953 г.

МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

В связи с арестом Саркисова, который выполнял грязную роль в угоду крупного провокатора, злейшего врага партии и советского народа Берия, считаю своим долгом доложить Вам о следующем.

[I] Слово вписано от руки.

[II] На первом листе имеется помета: «Т.т. Маленкову Г.М., Молотову В.М., Хрущеву Н.С., Кагановичу Л.М. Булганин. "8" июля 1953 г.».

Впервые я с Саркисовым познакомился после окончания Великой Отечественной войны. Поводом к этому знакомству послужило то, что он был женат на младшей дочери одного железнодорожного рабочего, слесаря по специальности, по имени Воскан со станции Кировабад (раньше Елисаветполь), семья которого хорошо была известна еще в 1907—1915 гг. мне и моему отцу, тоже железнодорожному рабочему той же станции.

После парада Победы семья Саркисовых пригласила меня с женой к себе на обед. В день приглашения у меня на квартире был генерал-лейтенант Семенов, бывший командующий артиллерией II гвардейской армии.

Я, жена и тов. Семенов заехали к Саркисовым. У последних живет мать жены Саркисова по имени Мариам. В день приглашения в этой семье я застал старшую сестру жены Саркисова с мужем. По 1907—1915 годам я лично хорошо знал только мать и ее старшую дочь, а с младшей дочерью — женой Саркисова в этот день я познакомился впервые.

Хорошо помню, что после обеда Саркисов лично сам сделал несколько фотоснимков с гостем, в том числе снимал меня, мою жену и тов. Семенова. Часть этих снимков Саркисов переслал мне в Ригу и хранится у меня на квартире.

После этого я и моя жена были у Саркисовых еще два раза, в том числе один раз в Гаграх в 1948 году.

Жена Саркисова за все время нашего знакомства была у меня на квартире в Москве два раза, а в 1947 году приезжала в Ригу на свадьбу моей дочери. Сам Саркисов у меня в семье был всего один раз, если мне память не изменяет, в 1947 году. Последний раз я Саркисова видел года полтора тому назад.

В дни похорон товарища Сталина я написал Саркисову одну записку, в которой просил его доложить через Секретариат Берия заявление тов. Атарбекова, бывшего члена партии и чекиста. Последний является младшим братом известного чекиста периода гражданской войны Атарбекова Георгия Александровича, работавшего под руководством товарища Кирова в Астрахани. В этом заявлении тов. Атарбекова просил Берия помочь устроиться где-либо на работу.

На этом, собственно, и заканчивается весь круг моего знакомства с Саркисовым, который теперь вызывает во мне чувство омерзения.

БАГРАМЯН

5 июля 1953 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 221—222. Копия. Машинопись.

№ 13

ПИСЬМО Г. КОСТОМАРОВА Н.С. ХРУЩЕВУ ОБ ИЗЪЯТИИ ДЕЛ ИЗ АРХИВА

7 июля 1953 г.

С. секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Настоящим сообщаю, что в бытность мою директором Центрального государственного архива Октябрьской социалистической революции МВД СССР ко мне в архив явились два сотрудника НКВД и попросили представить им возможность ознакомиться с делами фонда меньшевистского грузинского контрреволюционного правительства. Насколько помню дела, которые интересовали указанных лиц, относились к контрразведке. В тот же день, поздно

вечером, в архив явились два других сотрудника МВД СССР — одна из них была лейтенант Г. Балашова. Мне было предложено срочно выдать им дела. Я заявил, что дела без отношения из наркомата я выдать не имею права. Тогда Балашова подала отношение с предложением выдать дела, указанные в письме. Эти дела были выданы под расписку Балашовой. Я перед выдачей этих дел быстро просмотрел их содержание. Из просмотра установил, что в двух делах в числе агентов контрразведки меньшевистского правительства значился Л. Берия и еще одно лицо, занимавшее тогда видное положение в Грузии; точно фамилию другого лица не помню, но твердо запомнилось, что эта фамилия начиналась с буквы «Ч». Такое скоропалительное изъятие дел из архива меня смущало, потому что там в числе агентов контрразведки числился Л. Берия. Я об этих делах решил написать краткую записку с приложением копии отношения Наркомата внутренних дел в Секретариат товарища Сталина. Никто меня по этому вопросу позднее не вызывал.

До 1941 года дела, в которых имелась фамилия Берия, в архив не возвращались. Были ли они возвращены в архив, мне неизвестно, так как я уже не являлся директором архива Октябрьской революции. Балашова вскоре была уволена в запас, и мне думается, что она проживала в Москве. На мой вопрос, для кого были взяты дела, Балашова мне тогда сказала для ЦК ВКП(б).

Сообщая об этом, я думаю, что в Центральном архиве Октябрьской революции, наверное, сохранились описи указанных выше дел.

За точность факта ручаюсь. Копию отношения МВД СССР прилагаю.

Думаю, что следует срочно просмотреть дела фонда контрразведки грузинского контрреволюционного правительства в Центральном архиве Октябрьской революции.

Г. КОСТОМАРОВ

7.VII. 1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 236—237. Подлинник. Машинопись.

№ 14

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Г.А. ОРДЫНЦЕВА

7 июля 1953 г.

Сов. секретно

7/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю первичный протокол допроса арестованного ОРДЫНЦЕВА Г.А.[1]

Приложение: на 3 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ОРДЫНЦЕВ Григорий Алексеевич
по делу известен.

Допрос начат в 22 часа.

---

[1] На первом листе имеется помета: «Обложку с росписями об ознакомлении — см. записку от 11.VII.53 г. № 18/ссов».

По существу дела показал:

ВОПРОС: Расскажите о вашей преступной деятельности против Партии и Государства.

ОТВЕТ: Я считаю, что лично я против Партии и Государства никакой преступной деятельности не вел. Можно сказать, что я не только не вел преступной деятельности, но даже и в мыслях этого не имел.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вы продолжительное время работали с Берия и знаете много фактов его преступной деятельности против Партии и Государства.

ОТВЕТ: На протяжении длительном работы у Берия, мне приходилось наблюдать ряд фактов, которые обращали мое внимание, как недостойные факты, которые я был склонен относить к его нескромности, бахвальству и другим отрицательным чертам характера. Но после марта м-ца 1953 года этих отрицательных сторон, на мой взгляд, стало настолько много, что над отдельными из них я стал задумываться, а некоторые меня просто возмущали.

Должен честно признаться, что у меня не было даже отдаленной мысли о том, что за всем этим кроется какая-то враждебная деятельность. И только теперь, когда я воскрешаю в памяти все известные мне факты, отдельные его высказывания, замечания и т.п., когда их связываю все воедино, тщательно анализирую и взвешиваю в свете последних событий, я все больше и больше убеждаюсь в определенном мнении в отношении Берия. Я считаю, что он вел себя по отношению к Партии и ее руководству нечестно, хитрил, в погоне за популяризацией своей личности и раздуванием своего авторитета противопоставлял себя Партии, дискредитировал других руководителей Партии и Правительства и особенно недопустимо резко высказывался о Сталине. Все это, как я сказал, особенно проявилось в последний период после марта м-ца 1953 г. Этот период характерен тем, что Берия развил активную деятельность по подготовке и внесению в Правительство различных проектов, направленных на реформу существовавших до марта 1953 г. порядков. Он лихорадочно искал различные вопросы для того, чтобы внести в Правительство. И как мне теперь кажется, все это делалось с той целью, чтобы решения Правительства по этим вопросам непременно связать со своим именем, обеспечить себе этим самым известную популярность в Партии и в народе и нажить политический капитал. По различным вопросам, которые обсуждались в Правительстве, даже в том случае, когда они не имели к нему непосредственного отношения, он стремился выступать со своими контрпроектами и замечаниями и добиваться принятия этих проектов. Это, думается мне, делалось все с той же целью, дабы обеспечить себе пальму первенства в этих делах.

Для этого периода также характерны попытки Берия в своей практической работе вмешиваться в области, которые к нему не имели отношения. Этот же период характерен и тем, что Берия стремился по всякому поводу подчеркнуть и выпятить свою роль в делах Партии и Государства, как в прошлом, так и в особенности теперь, и вместе с тем принизить роль других руководителей Партии и Государства. Особенно бросались в глаза поношения им Сталина.

Для того чтобы подтвердить все вышесказанное, приведу следующие факты свидетелем которых мне приходилось быть.

1. Примерно в конце марта м-ца 1953 г. Берия вызвал меня и повел разговор о следующем: что, мол, теперь по старинке работать нельзя, что ему теперь придется влезать во многие дела, которыми раньше он не занимался и что поэтому ему нужно укрепить свой аппарат; что ему нужно иметь по-

мощников по различным отраслям, которые помогали бы ему разбираться в вопросах и готовить отдельные предложения для внесения в Правительство. Он дал мне задание — на первое время подобрать двух таких работников. Такие работники были подобраны на должность помощника по вопросам сельского хозяйства — Савельев и на должность помощника по вопросам промышленности — Фурдуев. Вскоре он взял себе помощника по международным вопросам Шария, по внутриполитическим вопросам он мыслил использовать помощником Людвигова. В конце июня м-ца 1953 года, когда в Правительстве остро встали вопросы стран народной демократии, Берия поручил мне подыскать ему в помощники квалифицированного экономиста, который бы занимался странами народной демократии. Но это поручение осталось невыполненным. За это время по линии Совета Министров (я оставляю в стороне вопросы, которые он вносил по линии МВД) были внесены по сельскому хозяйству 2 вопроса — о развитии заготовок фруктов и о пересмотре решений Правительства по расширению посевов пшеницы в Закавказских республиках. Как известно, Берия вопросами сельского хозяйства не занимался, поручений ему таких не было, тем не менее, он вносил вопросы по сельскому хозяйству и имел специального человека по этим делам. Инструктируя своих помощников, он им говорил, что они призваны для того, чтобы следить за той или иной отраслью, изучать ее, а, главное, для того, чтобы на основе анализа помогать ему ставить в Правительстве проблемные вопросы. Берия дал указание, чтобы помощники обзавелись соответствующими данными, материалами и литературой, чтобы когда потребуются какие-либо данные — они были бы под рукой. Шария, например, он дал указание пошире обзавестись материалами по международным вопросам, нотной перепиской по различным странам, чтобы необходимые данные у него были под рукой.

Написано с моих слов правильно и мною прочитано.

Б. ОРДЫНЦЕВ

Допрос окончен в 23 часа 30 мин.

ЗАМ. ГЛАВНОГО ВОЕН. ПРОКУРОРА
генерал-майор юстиции *КИТАЕВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 1—4. Подлинник. Машинопись

№ 15
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ

8 июля 1953 г.

Сов. секретно

11/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю первичный протокол допроса арестованного БЕРИЯ Л.П.[1]
Приложение: на 6 листах.

Р. РУДЕНКО

[1] На первом листе имеется помета: «Обложку с росписями об ознакомлении — см. записку от 11.VII.53 г. № 18/ссов».

Протокол допроса

1953 года, июля 8 дня, Генеральный Прокурор Союза ССР Руденко допросил арестованного БЕРИЯ Л.П., который показал:

БЕРИЯ Лаврентий Павлович, 1899 года рождения, уроженец сел. Мерасули Сухумского района Грузинской ССР.

ВОПРОС: Вы арестованы за антисоветскую заговорщическую деятельность против Партии и Советского государства. Намерены ли вы рассказать следствию о своей преступной деятельности.

ОТВЕТ: Это я категорически отрицаю.

ВОПРОС: Уточним некоторые данные вашей деятельности в прошлом.

Почему в июне 1917 года в момент ожесточенной борьбы большевиков в Баку против внутренней и международной контрреволюции вы добровольно поступаете техником-практикантом в гидротехническую организацию армии и уезжаете на румынский фронт?

ОТВЕТ: Действительно в июне или в другом месяце 1917 года я добровольно вступил техником-практикантом в гидротехническую организацию армии вместе с Чекрыжевым, который учился вместе со мной в Баку в техническом училище. Почему я не остался в Баку для участия в подпольной работе — я над этим не задумывался.

ВОПРОС: Когда вы возвратились в Баку?

ОТВЕТ: Возвратился в 1917 году, в октябре месяце и продолжил учебу в техническом училище.

ВОПРОС: Чем занимались в Баку в период оккупации турками?

ОТВЕТ: Продолжал учиться и был в ячейке этого училища и выполнял отдельные небольшие поручения.

ВОПРОС: Вы в автобиографии, написанной 22 октября 1923 г., указываете: «Осенью 1919 года от партии "Гуммет" поступаю на службу в контрразведку». Правильно это?

ОТВЕТ: Да, правильно.

ВОПРОС: Ответьте, от кого именно вы получили задание поступить в контрразведку?

ОТВЕТ: Задание получил от одного из руководителей «Гуммет» — Мирзадауда Гуссейнова. Контрразведка эта находилась при муссаватистском правительстве и состояла из левых элементов коммунистов и муссаватистов и вначале своей деятельности должна была вести борьбу с белогвардейцами. Имела ли отношение к этой контрразведке английская контрразведка — я ничего не могу сообщить.

ВОПРОС: Расскажите подробно о вашей деятельности в контрразведке?

ОТВЕТ: В основном моя деятельность свелась к ознакомлению с письмами граждан, которые поступали в контрразведку. Эту работу я проводил под руководством Измайлова, который был тогда коммунистом. Работа моя в контрразведке продолжалась месяца три-четыре, а может быть больше, сейчас не помню.

ВОПРОС: Кто такой Муссеви?

ОТВЕТ: Муссеви левый коммунист. Еще до меня он получил задание работать в контрразведке, как это мне было известно от Гуссейнова, причем он был заместителем начальника контрразведки, а начальником контрразведки был Ших-Заманов. От Гуссейнова я имел поручение контактировать работу с Муссеви.

Муссеви давал задание Измайлову, а через него мне ознакамливаться с письмами и при надобности ориентировать его, Муссеви, о письмах, заслуживающих внимания.

Муссеви был убит, по моему мнению, муссаватистами за его деятельность. Относится это к периоду конца 19 или начала 20 года.

ВОПРОС: Кто может подтвердить, что по заданию «Гуммет» вы работали в контрразведке, и как выполнялось это задание?

ОТВЕТ: Назвать лиц, которые могут подтвердить то обстоятельство, что именно по заданию «Гуммет» я работал в контрразведке, и как выполнялось это задание мною, — я, кроме Гуссейнова и Измайлова, не могу. В 1920 году в адрес бывшего в то время секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Каминского поступило заявление о моем сотрудничестве в контрразведке в пользу муссаватистов. Это заявление было предметом специального разбора на президиуме ЦК АКП(б) и я был реабилитирован.

ВОПРОС: В своей автобиографии вы указываете: «...приблизительно в марте 1920 года после убийства Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в бакинской таможне».

Покажите подробно по вопросу оставления работы в контрразведке, по чьему указанию вы оставили эту работу?

ОТВЕТ: По совету Гуссейнова я подал заявление начальнику контрразведки об увольнении с работы и был уволен беспрепятственно. Истинной причиной моего ухода из контрразведки являлось то, что эта контрразведка стала полностью муссаватистской. При помощи Гуссейнова я поступил на работу в Бакинскую таможню счетным сотрудником. Гуссейнов в то время был вроде директора департамента министерства финансов муссаватистского правительства и, как мне кажется, таможня находилась в его ведении.

ВОПРОС: Расскажите о вашем аресте в Тифлисе? Кто допрашивал Вас, о чем?

ОТВЕТ: Первый арест был в 20 году в Тифлисе. Я был задержан вместе с другими на несколько часов и освобожден. Никто и ни о чем меня тогда не допрашивал. Вторично я был арестован в том же году в Тифлисе и направлен вместе с Коландадзе в Кутаисскую тюрьму, где я содержался под арестом месяца два — два с половиной. Никто меня там не допрашивал.

ВОПРОС: В вашей биографии, опубликованной в Б.С.Э., указывается, что в августе 1920 года в результате организованной вами голодовки политических заключенных вы были высланы меньшевистским правительством из Грузии. Правильно ли это?

ОТВЕТ: Да, правильно.

ВОПРОС: Куда вы были высланы?

ОТВЕТ: Был выслан в Советский Азербайджан.

ВОПРОС: Как могло случиться, что вас, активного политического противника меньшевиков, как это вы утверждаете, организатора голодовки политических заключенных, меньшевики выслали в Азербайджан? Почему такая снисходительность?

ОТВЕТ: Выслали не только меня в Советский Азербайджан, а и других, причем это объяснялось с одной стороны нашим нажимом — объявлением нами голодовки и, как мне кажется, главным являлось вмешательство представительства РСФСР в Грузии, которое возглавлялось Кировым.

В этом представительстве я числился дипкурьером.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что утверждение об организованной вами голодовке есть ложь, что в действительности в Кутаисской тюрьме вы проявили себя как трус, не подчинились решению партийных товарищей и отказались участвовать в голодовке, объявленной коммунистами? Отвечайте.

ОТВЕТ: Утверждаю, что я был одним из организаторов голодовки, но по состоянию здоровья был отправлен в числе других в тюремную больницу за несколько часов до общего прекращения голодовки.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что еще в 20 годах партийная организация отмечала у вас наличие уклонов к карьеризму и бонапартизму и уклона к левизне?

ОТВЕТ: Может быть, что и было, но я не помню и не представляю.

ВОПРОС: Вы знаете Шария? Это ваш приближенный, которого после освобождения из тюрьмы вы взяли к себе помощником. Так это?

ОТВЕТ: Шария — это приближенный ко мне человек и, действительно, после освобождения из тюрьмы он был взят мною в помощники. Личных счетов у меня с Шария нет.

ВОПРОС: В своих показаниях Шария утверждает, что за последнее время с вашей стороны были явно заметны бонапартистские, диктаторские замашки. Правильно это?

ОТВЕТ: Это абсолютная неправда. Я не могу никак объяснить, почему Шария так говорит.

ВОПРОС: Признаете ли вы свое преступно-моральное разложение?

ОТВЕТ: Есть немного. В этом я виноват.

ВОПРОС: Вы знаете Саркисова? Это ваше доверенное лицо?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: В своих показаниях Саркисов говорит, что он в основном выполнял роль сводника. Так ли это?

ОТВЕТ: Кое-что делал. Этого не буду отрицать.

Хочу дополнить, что вопрос о работе в контрразведке подымался Каминским в 1937 году в ЦК партии, и это обвинение против меня было признано необоснованным. Так же поднимался этот вопрос и в 1938 году в ЦК партии, и так же это обвинение не нашло подтверждения.

Прочитано, записано с моих слов все верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос начат в 21 час 8 июля 1953 г. и закончен 9 июля в 0 час. 35 мин.

ДОПРОСИЛ:

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 5—11. Копия. Машинопись.

№ 16
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ

9 июля 1953 г.

Сов. секретно

13/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю протокол допроса арестованного БЕРИЯ Л.П. от 9 июля 1953 г.[1]

---

[1] На первом листе имеется помета: «Обложку с росписями об ознакомлении — см. записку от 11.VII. 53 г. № 18/ссов».

Приложение: на 4 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, июля 8 дня, Генеральный Прокурор Союза ССР РУДЕНКО допросил арестованного БЕРИЯ Лаврентия Павловича

(Анкетные данные по делу известны)

Допрос начат в 21 час 9 июля 1953 г.

ВОПРОС: Уточните еще некоторые данные Вашей биографии. Вы утверждаете, что являлись членом Коммунистической партии с марта 1917 года?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Почему же в 1919 году вы получили задание начать работу в меньшевистской контрразведке не от большевистской организации, а от «Гуммет»?

ОТВЕТ: Членом «Гуммет» я не являлся, однако задание сотрудничать в муссаватистской контрразведке я получил от «Гуммет», персонально от Гуссейнова. «Гуммет» являлся большевистской организацией.

ВОПРОС: Вам должно быть ясно, что меньшевистская разведка не могла действовать иначе, как под контролем английской разведки?

ОТВЕТ: Я ничего не замечал, чтобы английская контрразведка контролировала муссаватистскую контрразведку.

ВОПРОС: Оглашается вам постановление о привлечении вас в качестве обвиняемого от 8 июля 1953 года.

Признаете ли вы себя виновным в этих преступлениях?

ОТВЕТ: Абсолютно не признаю себя виновным.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что, выступая на траурном митинге 8 марта 1953 года, двурушничали и обманывали народ и партию?

ОТВЕТ: Абсолютно считаю это неправильным.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что, заверяя партию и народ в верности принципам ленинско-сталинской политики, вы в кругу приближенных вам людей — Ордынцева, Людвигова, Шария оскверняли память вождя, кощунственно издевались над ним?

ОТВЕТ: Отказываюсь отвечать на этот вопрос; могу ответить Президиуму ЦК КПСС.

ВОПРОС: Вы признаете, что в своих преступных целях противопоставляли органы МВД Партии и Советскому государству?

ОТВЕТ: Абсолютно не признаю.

ВОПРОС: Кому вы говорили о том, что в государстве «не должно быть двух хозяев — партии и советской власти»?

ОТВЕТ: Никому не говорил.

ВОПРОС: Где и кому вы говорили, что в МВД должен быть только один хозяин, имея в виду себя?

ОТВЕТ: Никому и нигде я не говорил этого.

ВОПРОС: Что заявляли вы относительно значения партийной организации в МВД и о роли секретаря партийной организации?

ОТВЕТ: Ничего антипартийного я не говорил о роли секретаря партийной организации МВД и парторганизации.

ВОПРОС: На что намекали вы, говоря, что через год, возможно, произойдут такие события, перед которыми события сегодняшнего дня покажутся мелочью?

ОТВЕТ: Никону я этого не говорил.

ВОПРОС: Вы признаете, что умышленно назначали руководящие кадры органов МВД без согласования с ЦК КПСС?

ОТВЕТ: Никого умышленно не назначал.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вы знаете Мамулова, это близкий вам человек?

ОТВЕТ: Я считаю, что это партийный человек и более или менее близкий мне человек. Никаких личных счетов между мной и Мамуловым не было.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания вашего приближенного — Мамулова:

«Среди работников МВД и даже среди партийных работников Берия насаждал мнение о том, что МВД должно стоять выше партии и правительства. Чувствовалось, что МВД он хотел превратить в какой-то второй правительственный центр. Это подтверждается тем, что он назначал руководящих работников МВД без согласования с партийными органами, а если ему и приходилось согласовывать эти вопросы, то делал он это с большим нежеланием».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Эти показания Мамулова отрицаю.

ВОПРОС: С какой целью вы ставили на руководящие посты в центральном аппарате МВД и на периферии опороченных и не внушающих доверия людей, тесно связанных с вами?

ОТВЕТ: Таких людей я не знаю, может быть, и есть, но я их не знаю.

ВОПРОС: За что вы угрожали начальнику Львовского управления МВД Строкачу «сгноить в лагере» и «превратить его в лагерную пыль»?

ОТВЕТ: Грубость я по отношению к Строкачу допустил, но в такой ли форме, сейчас не помню. Поступил неправильно. Неправильно я поступил, когда предложил собирать данные о составе работников партийных и советских органов, но исходил я из лучших побуждений — представить материал в Президиум ЦК КПСС.

ВОПРОС: Ваше задание начальникам УМВД собирать сведения о составе партийных и советских работников, о недостатках в работе партийных органов разве не указывает на то, что это была попытка поставить органы МВД над партийными и советскими?

ОТВЕТ: Безусловно, я поступил неправильно. Этого я не должен был делать, но исходил из лучших побуждений, чтобы представить материал в ПК партии.

Протокол прочитан, записано все правильно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен 9 июля 1953 г. в 22 часа 35 минут.

Допросил:

Генеральный Прокурор СССР *РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 14—18. Копия. Машинопись.

№ 17

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ АРЕСТОВАННЫХ ЛЮДВИГОВА Б.А. И МАМУЛОВА С.С.

8 июля 1953 г.

№ 14/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копии протоколов допросов арестованных:
1. ЛЮДВИГОВА Б.А. от 8 июля 1953 года.
2. МАМУЛОВА С.С. от 8 июля 1953 года[1].
ПРИЛОЖЕНИЕ — на 12 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ
ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО

8 июля 1953 года, гор. Москва. Военный прокурор Главной Военной прокуратуры подполковник юстиции Купцинов сего числа допросил арестованного

ЛЮДВИГОВА Бориса Александровича (биографические данные в деле имеются), который на поставленные вопросы дал следующие показания:

ВОПРОС: Подтверждаете ли вы ранее данные показания о преступной деятельности Берия, направленной против Партии и Советского правительства?

ОТВЕТ: Да, свои показания о преступной деятельности Берия, направленной против Партии и Советского правительства, данные мною 1—4 июля 1953 года, я полностью подтверждаю.

Я подтверждаю что Берия, как это показывают факты, на протяжении длительного периода, еще при жизни вождя Партии проводил двуличную, неискренную и по существу лицемерную политику по отношению к Партии и ее вождю. И если Берия при жизни вождя прикрывался маской уважения и преданности вождю, то после его смерти Берия показал свое истинное отношение к нему, стремясь принизить его роль и значение для Советского государства, поносить его и допускать кощунственные высказывания. После марта 1953 года я не слышал от Берия ни одного слова или высказывания о вожде Партии, которое не сопровождалось бы раздражением, а иногда и озлоблением.

Как я уже показал, Берия насмехался над некоторыми лицами, как например над Шария, который восхищался делами вождя. Берия говорил, что Сталин за последнее время делами не интересовался, ничего не делал и что все вопросы государства Совет Министров решает без него. Был случай явно клеветнического выпада со стороны Берия по адресу вождя Партии, когда он назвал его «великим фальсификатором».

Собственно, еще при жизни вождя Берия тоже стремился принизить его роль как руководителя и теоретика Коммунистической партии и Советского государства. В подтверждение этого можно привести следующий пример.

[1] На первом листе имеется помета: «Обложку с росписями об ознакомлении — см. записку от 11.VII.53 г. № 18/ссов».

Когда проходил XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, я готовил для Берия проект речи, с которой он должен был выступить на съезде. В этой речи я подчеркнул историческое значение труда Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и сослался на открытые им основной экономический закон капитализма и основной экономический закон социализма. Прочитав эту часть речи, Берия в присутствии Ордынцева, а затем и в моем присутствии стал доказывать, что Сталин эти законы не открывал и нечего их было открывать и обосновывать, так как они уже давно, еще до него были открыты и сформулированы Марксом. Это была явная попытка ревизовать учение вождя со стороны Берия, который, несмотря на мои упорные возражения и обоснованные доводы, продолжал настаивать на своем и согласился с нами уже после того, как в печати появились многочисленные отзывы об этом труде Сталина.

После смерти вождя Партии и Советского государства Берия резко изменился. Он не только стал критиковать и поносить вождя Партии, но изменил свое отношение к Центральному Комитету партии и ее руководителям. Берия стал заносчив, стремился подчеркнуть свою особую роль в решении государственных вопросов и стал считать себя наиболее влиятельным государственным деятелем страны. Берия совершенно переродился и повел линию противопоставления органов МВД Центральному Комитету партии и Правительству.

Я могу это подтвердить следующими примерами: во-первых, Берия заявлял о том, что в нашей стране, дескать, не должно быть двух хозяев — двух властей: партийной и советской. Руководствуясь этим взглядом, который может также подтвердить Ордынцев, Берия стал отгораживать Министерство внутренних дел от Центрального Комитета, ведя линию на противопоставление Министерства ЦК КПСС.

В частности Берия стремился проводить мероприятия по линии МВД, минуя Центральный Комитет, игнорируя его и не ожидая его согласия и одобрения. Я имею в виду мероприятия по реорганизации органов МВД и сокращению войск пограничной охраны, когда Берия подписал приказ по этому вопросу и разослал для исполнения, а докладную записку в ЦК о проводимых мероприятиях задержал. Я имею также в виду составленную по распоряжению Берия записку в ЦК на значительно заниженное количество руководящих работников МВД, подлежащих утверждению Центральным Комитетом. Это сделано с той целью, чтобы многие руководящие работники МВД краевого, областного, республиканского значения и даже центрального аппарата могли назначаться, утверждаться и смещаться властью министра внутренних дел, минуя ЦК и без его согласия.

В погоне за большей популярностью и в стремлении нажить себе политический капитал Берия стремился влезать в любые вопросы политической и государственной жизни страны и всюду показать свою особую роль в решении многих вопросов. При этом представляемые Министерством внутренних дел записки в Президиум ЦК по конкретным вопросам он часто сопровождал требованием обязательно рассылать его записки вместе с решениями ЦК секретарям ЦК республик, краев и областей, чтобы показать, что это именно его решение принято в ЦК.

Берия стремился показать, что это по его требованию был отстранен от поста секретаря ЦК КП Украины Мельников, что он, Берия, сыграл важную роль в амнистировании заключенных, заявляя что: «Я освободил миллион».

Часто вмешиваясь не в свои функции, Берия по существу подменял Центральный Комитет, игнорировал его. Так, например, Берия, минуя ЦК, вызывал к себе в МВД секретаря ЦК КП Литвы Снечкуса, секретаря ЦК КП Эстонии Кебина, представителя Белоруссии Зимянина. По этим же мотивам работники Министерства внутренних дел, минуя ЦК, занимались вопросами деятельности Министерства культуры, вопросами восстановления еврейского театра, организации еврейской газеты, разработкой положения о порядке награждения орденами и т.д. При этом, разрабатывая положение об ордене В.И. Ленина, Берия не считал этот орден в качестве высшей награды и в целях принижения его значения и исторической роли Великого Ленина пытался учредить новый высший орден «Орден Народной Славы», а также республиканские ордена культуры.

Игнорируя Центральный Комитет, Берия, располагая всевозможной информацией, представляющей интерес для ЦК, не посылал ее туда. Так, Берия не сообщил в ЦК о задержанной в июне этого года японской шхуне, в которой находились подозрительные японские пассажиры. Не сообщил в ЦК о задержанном американском гражданине, приплывшем на наш остров Большой Диомид в районе Аляски. Не сообщал также о систематических переходах наших границ иранскими гражданами, совершавшихся в индивидуальном и групповом порядке.

Очевидно не желая «выносить сор из избы», Берия не сообщал в ЦК об имевших место в МВД серьезных недостатках в работе. В частности в ЦК не было сообщено о факте виновности работников контрразведки МВД в связи с изменой Родине офицера группы Советских оккупационных войск в Германии майора интендантской службы Ронжина. Не сообщено также в ЦК о факте притупления бдительности со стороны работников 2 Главного управления МВД, в результате чего имели место два случая проникновения советских граждан в здания иностранных посольств с изменническими намерениями. Не сообщалось в ЦК также и о других отрицательных фактах в работе МВД.

Почувствовав себя после марта 1953 года самоувереннее, Берия окончательно распоясался, стал чувствовать себя вельможей, пренебрежительно относиться к некоторым руководителям Партии и Советского правительства, а по отношению к своим подчиненным допускать грубость, резкие оскорбления, бесцеремонно обзывая их всевозможными оскорбительными словами. При этом он оскорблял не только меня и равных мне, но и многих других руководящих работников — Серова, Круглова, Стаханова и т.д.

Перечисленные факты, а также другие примеры, о которых я показывал ранее, свидетельствуют о проявлении со стороны Берия мании величия, о выставлении себя как наиболее важного государственного и политического деятеля страны, о противопоставлении МВД — партии, а себя, как руководителя этого органа, — Центральному Комитету.

ВОПРОС: Что вам еще известно о преступной деятельности Берия по отношению к Партии и Советскому правительству?

ОТВЕТ: Хочу еще сказать, что Берия, лицемерно заявляя о своей преданности партии, о необходимости беречь и охранять ее завоевания, на деле пытался подорвать единство рядов партии и ее руководящего ядра путем противопоставления органов МВД Центральному Комитету, а также ослабления и подрыва партийного влияния, руководства партии советским государственным аппаратом.

Говоря на словах об охране и неприкосновенности советской земли, Берия на деле вынашивал капитулянтские взгляды в интересах некоторых капиталистических государств. Так, примерно, 23 июня этого года Берия в разговоре со мной, с Шария и Ордынцевым прямо высказался о том, что необходимо отдать Финляндии Карельский перешеек, а Японии — Курильские острова, что таким образом мы можем добиться якобы улучшения отношений с этими государствами. Кроме того, он также считал необходимым отдать Германии Кенигсберг.

Далее, Берия на словах являлся последователем ленинско-сталинской национальной политики, а на деле проявлял националистические взгляды и замашки. Особенно он не любил армян, оскорбительно отзывался о них, называя их «солеными армяшками» и т.д. и заявлял, что они «везде лезут». По этой причине по распоряжению Берия были уволены некоторые работники армянской национальности, а один из них, Акопова, является русской и уволена лишь потому, что Берия считал ее по фамилии «Акопян».

ВОПРОС: Какова была цель Берия при подборе кадров окружать себя «своими» людьми?

ОТВЕТ: Как я уже показал, Берия взял к себе в аппарат таких людей, которые в течение длительного времени работали с ним, являлись его воспитанниками. К ним я отношу Кобулова, Гоглидзе, Саркисова, Мешика и других. Являясь его воспитанниками, эти люди были наиболее преданы ему, беспрекословно выполняли все его требования и распоряжения. Поэтому Берия верил им, не сомневался в их преданности и уверенно проводил свою преступную антипартийную политику, не сомневаясь, что он вполне может положиться на них.

На одном из допросов я показал, что Берия, игнорируя партийные органы, заявил, что сейчас такое время, что на пост секретаря партийного комитета МВД поставь хоть пустую бутылку и назови секретарем, это не будет иметь никакого значения, так как в данное время такая обстановка, что неизвестно, что будет через год, что может произойти такое, после чего сегодняшние события могут показаться мелочью. Я не могу точно сказать каких перемен ждал Берия, но полагаю, что ожидая развития каких-либо событий в стране, политической борьбы и т.д., он, очевидно, имел в виду сохранить при себе те кадры, которые преданы ему и поддержат его в осуществлении задуманных им намерений.

Во всяком случае, проводя свою преступную деятельность, Берия считал, что эти лица его не выдадут.

ВОПРОС: Что вам известно о хранении Берия в служебном кабинете различных женских и детских предметов?

ОТВЕТ: Мне известно, что в служебном кабинете Берия в Совете Министров хранились детские вещи — распашонки, сапожки, дамское белье и прочие предметы, которые по указанию Берия приобретал Муханов. Все это предназначалось для сожительницы Берия по имени Ляля, у которой, очевидно, имелся от него ребенок.

ВОПРОС: Расскажите об обстоятельствах составления биографической справки на Берия для Большой Советской Энциклопедии?

ОТВЕТ: Эту справку составлял я по поручению Берия. При ее составлении я пользовался краткой биографией, опубликованной в политическом словаре, брошюрой «Верный сын большевистской партии» и собственноручно написанной Берия анкетой после того, как он был избран депутатом

Верховного Совета СССР. Личным делом Берия я не пользовался и не видел его.

ВОПРОС: Что вам известно о фактах получения Берия гонорара за свои речи и выступления?

ОТВЕТ: По поручению Берия я несколько раз по его доверенности получал гонорар для Берия. В 1949 году был получен гонорар за статью к 70-летию Сталина, которую писал не Берия, а я и Шария. В 1951 году мною для Берия был получен гонорар за опубликованный в печати доклад, посвященный 34 годовщине Советской Армии. Доклад писал я и Шария. В 1952 году был получен гонорар за речь Берия на XIX съезде партии. Готовил эту речь я, помогал Ордынцев.

Протокол мной прочитан, записано правильно.

Допрос начат в 20-00 час., окончен в 1 час. 30 мин, 9 июля 1953 года.

Б. ЛЮДВИГОВ

ДОПРОСИЛ: *ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ КУПЦИНОВ*

Протокол

1953 года, июля 8 дня. Следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР государственный советник юстиции 3 класса Каверин в гор. Москве, в Бутырской тюрьме допрашивал арестованного

МАМУЛОВА Степана Соломоновича, который показал:

ВОПРОС: Что вам известно о преступной деятельности Берия против Партии и Советского государства?

ОТВЕТ: Я хочу сначала остановиться на личности Берия, а затем уже перейти к известным мне фактам его преступной деятельности против Партии и Советского государства.

В прошлом мне много раз приходилось слышать от партийных работников Грузии правдивые суждения о личности Берия, которые открыто не могли быть высказаны. Его называли: «бонапартистом», «грязных дел мастером» и просто «аферистом». Эти высказывания в отношении него я считаю правильными.

Кроме того, я лично убедился в том, что Берия человек с чрезвычайно низким интеллектуальным и культурным уровнем. Отдельные партийные работники уверяли, что Берия за всю свою жизнь не прочитал ни одной книги. Думаю, что это соответствует действительности, я сам убедился в том, что Берия не способен к умственному труду. Он никогда по-настоящему не работал, был не в состоянии просидеть хотя бы час за серьезным делом. За него работали другие. Мне известно, например, что книгу «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» писали: Меркулов, Шария, Людвигов и Бедия. Эту книгу Берия едва ли прочитал до конца.

По характеру Берия крайне властолюбивый, своенравный и мстительный. Во всех без исключения вопросах он считал себя умнее других и в пренебрежительном тоне высказывался об окружающих. В последнее время я наблюдал какую-то повышенную раздражительность и нервозность Берия. Он часто кричал на работников, оскорблял их и унижал их человеческое достоинство.

ВОПРОС: Вы можете показать о конкретных фактах преступной деятельности Берия?

ОТВЕТ: Да, мне известны некоторые факты преступной деятельности Берия, направленные против Коммунистической партии и Советского государства.

1. Среди работников МВД и даже среди партийных работников Берия насаждал мнение о том, что МВД должно стоять выше Партии и Правительства. Чувствовалось, что МВД он хотел превратить в какой-то второй правительственный центр.

Это обстоятельство подтверждается тем, что он назначал руководящих работников МВД без согласования с партийными органами, а если ему и приходилось согласовывать эти вопросы, то делал он это с большим нежеланием.

Я был, например, свидетелем разговора Берия по телефону с первым секретарем Ленинградского обкома партии Андриановым, который не соглашался со снятием с работы начальника УМВД Ермолаева.

Берия грубо, оскорбительно и, я бы сказал, пренебрежительно говорил с Андриановым и вопреки его желанию назначил в Ленинград в качестве начальника УМВД Богданова.

При беседах с вновь назначенными начальниками управлений МВД Берия обычно подчеркивал, что они не должны никого бояться. Нужно было понимать Берия так, что они не должны были на местах подчиняться даже партийным органам. Именно так и понимали Берия назначенные начальники УМВД.

Однажды в моем присутствии Берия говорил по телефону с первым секретарем Челябинского обкома партии Патоличевым, причем в грубой форме ругал последнего за то, что он осмелился пожаловаться на начальника УМВД, допустившего, по мнению Патоличева, какие-то неправильные действия. Берия говорил, в частности, Патоличеву о том, что он якобы засиделся в Челябинске и превратился в удельного князя.

2. На ответственные должности в партийные органы и в органы МВД Берия назначал своих людей, т.е. таких работников, которые его лично знали и были преданными и верными ему.

Казалось бы, что Берия не должен был иметь отношение к назначению партийных работников, однако он хвалился тем, что может снять и назначить руководящих партийных работников.

Мне, например, через первого секретаря ЦК КП Грузии Мирцхулава стало известно, что Берия дал ему прямое указание «перешерстить» партийных работников Грузии путем снятия старых, хотя и ничем не опороченных, секретарей горкомов и райкомов партии и замены их новыми.

Я уже давал показания о том, что при последнем своем приходе в МВД Берия вместо выдвижения на ответственные должности молодых, способных и честных работников, стал разыскивать и назначать своих старых сослуживцев, хотя и скомпрометировавших себя на работе, но преданных лично ему. К числу этих лиц относятся: Кобулов Богдан, Кобулов Амаяк, Мешик, Мильштейн, Рапава и многие другие.

За последнее время моей работы в качестве начальника секретариата МВД у меня сложилось мнение, что Берия готовился к какой-то новой расстановке кадров.

Об этом свидетельствует хотя бы следующий факт. Когда Берия говорил со мной о необходимости поехать на партийную работу в ЦК КП Грузии, то почему-то разговор у нас зашел о втором секретаре Тбилисского горкома партии Багиряне. Берия прямо сказал о нем: «Потом он поедет в Армению». Что означало слово «потом» и когда это будет, я не понял и у Берия не

спросил. Одновременно Берия заявил: «У Арутюнова там что-то неладно». Этим Берия хотел мне сказать, что он снимет с работы Арутюнова, показывая свое всесилие.

В мае 1953 года первый секретарь ЦК КП Грузии Мирцхулава сообщил, что у него имеется личное указание Берия подобрать 10—20 человек членов партии, обязательно грузин, с высшим образованием, в возрасте до 30 лет для Берия. Подбор этих работников был поручен мне и заведующему административным отделом Гигошвили. Министр внутренних дел Грузии Деканозов дважды звонил мне по телефону и говорил, что Берия интересуется и торопит с подбором этих людей. До моего ареста мы успели подобрать только несколько человек и список их переслали Деканозову. На какую работу должны были посылаться эти работники мне неизвестно.

3. Берия неоднократно неодобрительно и с пренебрежением отзывался о некоторых руководящих партийных работниках. Еще во время войны он в моем присутствии в покровительственном тоне и с пренебрежением отзывался о Жданове. Точного выражения Берия я не помню, но смысл его высказывания был таков, что бедняга Жданов якобы по своей неспособности ничего в Ленинграде сделать не может.

Помню также, что в процессе подготовки речи Берия на XIX съезде партии потребовались решения секретариата и оргбюро ЦК партии. Когда эти решения были подобраны и зачитывались в кабинете Берия, то что-то ему не понравилось, и он о членах секретариата и оргбюро ЦК партии отозвался пренебрежительно. Смысл его высказывания заключался в том, что члены секретариата и оргбюро ЦК партии вообще мало понимают.

4. Берия являлся очень мстительным человеком. Он не мог сносить хотя бы малейшей обиды.

Партийные работники Грузии говорили о том, что Берия уничтожил неугодных ему работников, посмевших в каких-либо вопросах пойти против него.

Мне известно уже из последних событий о том, что бывший секретарь Президиума Верховного Совета Грузинской ССР Эгнатошвили, сигнализировавший в ЦК КПСС о взяточничестве и о мингрельской националистической группе, в мае 1953 года, когда я уже работал в ЦК КП Грузии, был арестован. Первый секретарь ЦК КП Грузии Мирцхулава говорил мне, что этот арест произведен по личному указанию Берия.

В тот же примерно период времени Председатель Совета Министров Грузинской ССР Бакрадзе, в моем присутствии, в кабинете Мирцхулава говорил, что Берия его очень сильно ругал по телефону за якобы либеральное отношение к группе работников, возглавлявшейся Мгеладзе. Берия прямо заявил Бакрадзе, что этих работников «нужно раздеть и выпустить голенькими». Указание Берия явилось основанием для пересмотра некоторых решений ЦК КП Грузии в отношении Мгеладзе и других работников.

Протокол допроса мною прочитан, ответы на вопросы записаны с моих слов правильно.

Допрос производился с 13 до 23 часов с перерывом с 20 до 22 час. 30 мин.

С. МАМУЛОВ

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ВАЖНЕЙШИМ ДЕЛАМ КАВЕРИН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 19—31. Копия. Машинопись.

№ 18
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

10 июля 1953 г.

Сов. секретно

№ 18/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса арестованного БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 10 июля 1953 г.

Приложение — на 7 листах.

Р. РУДЕНКО

1953 г. июля 10 дня, Генеральный Прокурор Союза ССР РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

По делу ранее допрашивался.

Допрос начат в 21 час 30 минут.

ВОПРОС: Возвратимся к вопросу о Вашем задании органам МВД о сборе сведений по поводу состава партийных и советских кадров и о недостатках в партийной работе. Вы угрожали Строкачу сгноить его в тюрьме и превратить в лагерную пыль за то, что он отказался выполнить ваше преступное распоряжение о сборе сведений?

ОТВЕТ: Я давал указание собрать данные о составе работников местных органов западных областей Украины, как обстоит дело с выдвижением из местного населения в эти органы. Я не подразделял — о каких органах собирать сведения, но, разумеется, речь шла как об органах МВД, так и советских и партийных органах.

Я, безусловно, поступил неправильно, антипартийно, безобразно, ругал Строкача совершенно незаслуженно. Это было бессовестно с моей стороны, но исходил из лучших побуждений — представить записку в ЦК партии и отразить общее политическое положение в западных областях Украины.

ВОПРОС: Вы давали такие же задания не только по Украине, но и по Белоруссии? Это так?

ОТВЕТ: По Белоруссии я тоже давал такие же задания, что также крепко осуждаю.

ВОПРОС: Такие же задания давались вами и по Прибалтийским республикам?

ОТВЕТ: То же самое было и по Прибалтийским республикам, что тоже, безусловно, осуждаю; считаю политическим позором для себя, т.к. эти данные мне можно было получить в любую минуту в ЦК Нацкомпартии и ЦК КПСС, тем более данные о личном составе, они являлись просто иллюстрацией того политического положения в этих областях и республиках, которое было обрисовано в моих записках в ЦК КПСС.

ВОПРОС: Вы признаете, что все эти факты указывают на противопоставление вами органов МВД партии и правительству, в преступных целях поставить МВД над партией и правительством?

---

[1] На отдельных листах имеются рукописные пометы: «Прочитал. КВ. 11-VII-53, 18.00», «Читал Л. Каганович 13 VII», «1-8 читал В. Молотов 12 VII», «Булганин 13 VII», «Читал Микоян 13 VII», «М. Сабуров 14 VII», «Первухин 14 VII», «Тов. Хрущев ознакомлен. Д. Суханов».

ОТВЕТ: Субъективно у меня не было никакой такой цели, но объективно партийные органы могли истолковать это, и это было правильно, что это есть противопоставление органов МВД партийным и советским органам, установление контроля МВД над партийными и советскими органами. Это была моя непростительная, политическая роковая ошибка.

ВОПРОС: Намерены ли вы дать правдивые показания о своей изменнической деятельности?

ОТВЕТ: Абсолютно это отрицаю.

ВОПРОС: Вы заявляли Людвигову о том, что в угоду капиталистическому миру следует поступиться частью территории Советского Союза.

ОТВЕТ: Нет, этого я не заявлял.

ВОПРОС: Вы и здесь говорите неправду. В кругу преданных вам людей вы прямо выступали с заявлениями, что следует поступиться территориальной неприкосновенностью Советского Союза. Вам оглашаются показания Людвигова: «Известно, что на мавзолее Берия говорил о сохранении великого наследия наших вождей, беречь завоеванное и т.д. В действительности же, в его сознании уже вынашивались капитулянтские идеи. Так, например, 23 июня с.г. Берия, в присутствии меня, Шария и Ордынцева прямо высказался о том, что следовало бы отдать немцам Кенигсберг, финнам — Карельский перешеек, а японцам — Курильские острова, и таким путем добиться улучшения отношений с этими государствами. Таким образом, Берия не прочь был передать часть советской территории в угоду капиталистическим государствам, какими являются Япония и Финляндия».

ОТВЕТ: Этого я не говорил. Почему так показывает Людвигов, не могу объяснить.

ВОПРОС: Какое право вы имели вызывать к себе в МВД секретарей ЦК нацкомпартий?

ОТВЕТ: По моей просьбе в МВД СССР ко мне явился Зимянин из Белоруссии, находившийся в это время в Москве и назначенный на пост 1 секретаря ЦК Белоруссии. Я с ним имел беседу о положении дел в Белоруссии и дал ему копию моей записки по Белоруссии, которую я представлял в ЦК партии. Ко мне по своей инициативе зашли в МВД секретарь ЦК КП Литвы Снечкус и председатель Совета Министров Литвы (фамилии я не помню), которые были приняты мной. Сколько они ожидали этого приема в приемной МВД — я не знаю. Также являлись ко мне в МВД секретарь ЦК и председатель Совмина Латвии, которых я тоже принимал. В МВД я также принимал секретаря ЦК КП Эстонии Кебина. Основной разговор шел о том, как помочь органам МВД местными работниками. По-моему, я больше никого в МВД не принимал. Моя большая политическая ошибка в том, что после обсуждения вопросов и принятия решения в ЦК партии я принял их в МВД. Я повторяю, что это моя большая политическая ошибка и большое преступление.

ВОПРОС: Какое отношение к вам имели вопросы о восстановлении еврейского театра, издания еврейской газеты, установлении новых орденов, вопросы деятельности Министерства культуры?

ОТВЕТ: По вопросу об организации еврейского театра, издания еврейской газеты мы по линии МВД были заинтересованы и в связи с этим готовили записку в ЦК партии. По вопросу установления новых орденов лично я по своему служебному положению ни с какой точки зрения отношения не имел, но по своей инициативе готовил этот вопрос для постановки в ЦК партии. Что касается Министерства культуры, то мое отношение к этим вопросам было с позиций освещения настроений интеллигенции.

ВОПРОС: Я оглашаю вам показания Людвигова от 8 июля 1953 г.: «... Часто вмешиваясь не в свои функции, Берия по существу подменял Центральный Комитет, игнорировал его. Так, например, Берия, минуя ЦК, вызывал к себе в МВД секретаря ЦК КП Литвы Снечкуса, секретаря ЦК КП Эстонии Кебина, представителя Белоруссии Зимянина. По этим же мотивам работники Министерства внутренних дел, минуя ЦК, занимались вопросами деятельности Министерства культуры, вопросами восстановления еврейского театра, организации еврейской газеты, разработкой положения о порядке награждения орденами и т.д. При этом, разрабатывая положение об ордене В.И. Ленина, Берия не считал этот орден в качестве высшей награды и в целях принижения его значения и исторической роли великого Ленина, пытался учредить новый высший орден — "Орден Народный Славы", а также республиканские ордена культуры».

ОТВЕТ: По вопросу о вызовах секретарей ЦК нацкомпартий о еврейском театре и газете, о министерствах культуры, я уже давал объяснения. Что касается разработки вопроса о награждении орденами, учреждения новых орденов и установления порядка в награждениях, то такой вопрос мною готовился для постановки в ЦК партии, хотя, повторяю, что я по своему служебному положению не имел к этому делу отношения. Я не имел цели принизить значимость ордена Ленина.

ВОПРОС: Не правильно ли будет сказать, что в погоне за популярностью и особым влиянием вы умышленно вмешивались не в свои функции?

ОТВЕТ: Я прошу верить, что это неправильно.

ВОПРОС: Вы признаете, что игнорируя ЦК партии, сознательно не информировали ЦК о фактах, имеющих существенное значение, в частности, о фактах нарушения госграницы?

ОТВЕТ: Об отдельных случаях нарушений границ, не заслуживающих внимания, в ЦК не сообщалось; о всех же заслуживающих фактах нарушений границ непременно сообщалось в ЦК.

ВОПРОС: Почему вы не сообщили в ЦК о задержании в июне 1953 г. японской шхуны с подозрительными пассажирами?

ОТВЕТ: Если это не сообщено, то это большое упущение.

ВОПРОС: Почему вы не сообщили в ЦК о задержании на острове Большой Диомид американца?

ОТВЕТ: И первый, и второй случаи я смутно вспоминаю. То, что не информировали ЦК и правительство, — это неправильно, но я уверен, что в МИД было сообщено.

ВОПРОС: Вы признаете, что подбирали в свой личный аппарат помощников и консультантов по отраслям государственного управления, не имевшими никакого отношения к вашим служебным функциям?

ОТВЕТ: У меня были помощники по сельскому хозяйству и внешне-политическим, международным вопросам, хотя по роду моей деятельности и распределения обязанностей сельское хозяйство и вопросы внешне-политические не входили в мою прерогативу. Держал я этих помощников в целях быть полезным при обсуждениях этих вопросов.

ВОПРОС: Дайте правдивые показания о вашем сотрудничестве с иностранными разведывательными органами?

ОТВЕТ: Никакого сотрудничества с иностранными разведывательными органами не было.

ВОПРОС: Для какой цели вы пытались установить связи с Тито—Ранковичем?

ОТВЕТ: Я могу ответить на этот вопрос Президиуму ЦК партии.

ВОПРОС: Вы признаете, что, отказываясь от курса на развитие социализма в ГДР, вы выступали как капитулянт перед буржуазией и предатель дела социализма?

ОТВЕТ: Не признаю.

ВОПРОС: Но вы признаете факт своих заявлений о том, что Германия должна развиваться как капиталистическая страна?

ОТВЕТ: Не признаю.

ВОПРОС: Вы признаете, что организовали шпионаж и слежку за руководителями партии и правительства?

ОТВЕТ: Не признаю.

ВОПРОС: Вы признаете, что по вашему приказанию было организовано подслушивание телефонных разговоров руководителей партии и правительства?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Вы признаете, что на деле превратились в агента международного империализма и буржуазного перерожденца?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Вы признаете, что в своем преступном моральном разложении дошли до связей с женщинами, связанными с иностранными разведчиками?

ОТВЕТ: Может быть, я не знаю.

ВОПРОС: Вы знаете Катушонок?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Почему она была выслана по решению Особого совещания?

ОТВЕТ: Была ли она выслана — я не знаю. Вспоминаю, что у меня была знакомая Катушонок, с которой я сожительствовал, а потом, много спустя, мне стало известно, что она себя скомпрометировала связями с иностранцами. Но у меня с ней преступных связей не было.

ВОПРОС: Не ясно ли вам, бывшему министру внутренних дел, что подобного рода ваши похождения представляли интерес для иностранных разведок?

ОТВЕТ: Очевидно интересовались, но я утверждаю, что никогда никаких связей ни с иностранцами, ни с иностранными разведками не имел.

Протокол прочитан, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен 11 июля 1953 г. в 0 ч. 5 м.

Л. БЕРИЯ

Допросил:
Генеральный Прокурор СССР — *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР — *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 37—44. Копия. Машинопись.

№ 19
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Б.А. ЛЮДВИГОВА

10 июля 1953 г.

Совершенно секретно

№ 20/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса арестованного Людвигова Бориса Александровича от 10 июля 1953 г.

Приложение — на 3 листах.

Р. РУДЕНКО

10 июля 1953 г., гор. Москва, Военный прокурор Главной Военной прокуратуры подполковник юстиции КУПЦИНОВ допросил арестованного — ЛЮДВИГОВА Бориса Александровича (биографические данные в деле имеются), который по существу дела на поставленные вопросы показал:

ВОПРОС: На допросе 3 июля вы заявили, что Берия в германском вопросе стоял на приостановлении и снижении темпов социалистического строительства. Между тем в пункте первом и втором «Предложений по оздоровлению политической обстановки в ГДР», составленных вами, указано: «Признать неправильным в нынешних условиях курс на строительство социализма в ГДР, принятый СЕПГ и одобренный ЦК в решении от 8 июля 1952 г., и ликвидировать маломощные кооперативы», т.е. речь идет о ликвидации строительства социализма в ГДР.

Уточните ваши показания в этой части.

ОТВЕТ: Предложения эти были разработаны в апреле 1953 г. Шария и согласованы со мной и Ордынцевым при следующих обстоятельствах. Министерство иностранных дел прислало в адрес Берия материалы по германскому вопросу, в том числе по экономическому положению в ГДР. По предложению Берия эти материалы были изучены Шария, и на основе изучения данных материалов разработаны им «Предложения по оздоровлению политической обстановки в ГДР», в которых и было указано на то, что в нынешних условиях курс на строительство в ГДР социализма неправилен, и на необходимость ликвидации нежизненных кооперативов, а также на оказание помощи индивидуальным хозяйствам. С этими предложениями Шария ознакомил меня и Ордынцева.

При этом перед изучением Шария указанных материалов и составлением «Предложений» Берия дал ему указания, которые шли гораздо далее разработанных Шария мероприятий. В частности, Берия считал, что проводимая в ГДР экономическая политика является неправильной и что взятый СЕПГ курс на строительство социализма в ГДР также является неправильным. Поэтому Берия считал, что колхозы в ГДР надо вообще распустить. Помню, что Берия на материалах или на обложке наложил резолюцию в виде заметок «распустить колхозы». Подробнее об этом знают Шария и Ордынцев.

Через несколько дней МИД прислало второй материал по германскому вопросу, заключение по которым давал я, и высказал в нем свое личное суждение о том, что в связи с создавшейся обстановкой в ГДР и неправильным толкованием вопроса об укреплении ГДР необходимо «...вновь рассмотреть вопрос о политических задачах и экономическом и культурном развитии в ГДР».

На основе изучения всех материалов по Германии мной, Шария и Ордынцевым был составлен проект постановления в Президиум ЦК КПСС, в котором сделан вывод о нецелесообразности форсирования строительства социализма в ГДР и указаны конкретные мероприятия по оздоровлению положения в ГДР. Этот проект с незначительными изменениями был принят ЦК, а разработанные Шария «Предложения» нами были отвергнуты, как принципиально неправильные, составленные по указанию и под влиянием Берия, которые по сути дела ориентировали ГДР не на построение социализма, а на капиталистическое развитие.

Предъявленные мне для обозрения: справка на трех листах, озаглавленная «К германскому вопросу», является именно той, которую составил я, отразив в ней свою позицию, и справка на трех листах, озаглавленная «Предложения по оздоровлению политической обстановки в ГДР» является той справкой, которую составлял Шария по указанию Берия.

ВОПРОС: Скажите, какова роль Берия в опубликованных им литературных трудах?

ОТВЕТ: Ни одной статьи в печать, ни одной речи или доклада на съездах, праздниках и т.д. Берия сам лично никогда не писал, в силу того, что он не способен на подобный труд и не мог изложить и сформулировать то или иное положение. Ни планы, ни разработки по этим статьям или речам им никогда не составлялись. Вся эта работа выполнялась мной, Шария, Мамуловым, иногда Ордынцевым. Что касается книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», над этим произведением работали Бедия (бывший завкультпропом Закавказского крайкома ВКП/б/), я, Мирцхулава В. При этом решающую роль в создании данной книги сыграла личная помощь вождя партии, его руководящие и направляющие указания. Сам же Берия, кроме правки и редактирования готового материала, более ничего не сделал, да и не мог сделать. Могу смело утверждать, что ни в одном труде, ни в одном докладе или выступлении Берия сам лично не написал даже одной страницы.

ВОПРОС: Что Вам известно по поводу ремонта Кобуловым за счет государственных средств своей дачи?

ОТВЕТ: В 1938 году Кобулову из фонда МВД была выделена дача. С того времени он круглый год пользовался безраздельно этой дачей. На ремонт этой дачи Кобулов представил в МВД смету на сумму около 400 тысяч рублей. Берия разрешил произвести ремонт этой дачи за счет государства на сумму 280 тысяч руб. Ремонт был произведен в течение мая этого года, во сколько он обошелся, мне неизвестно.

Протокол мной прочитан, записано правильно.

Б. ЛЮДВИГОВ

Допрос начат в 13. 30 м. Окончен в 16 ч. 50 мин.

Допросил: подполковник *(КУПЦИНОВ)*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 45—48. Копия. Машинопись.

№ 20

ЗАПИСКА В.А. МАХНЕВА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.П. БЕРИЯ В СПЕЦКОМИТЕТЕ

11 июля 1953 г.

Сов. секретно

Товарищу Маленкову Г.М.

Прочтя опубликованную вчера суть подрывной деятельности Берия, я продумал заново некоторые факты, характеризующие его поведение и роль в решении проблем по линии Специального Комитета (в особенности в последние 3—3,5 месяца).

Считаю своим долгом доложить эти факты Центральному Комитету КПСС и Правительству, так как они (эти факты), по моему убеждению, должны помочь Вам выявить роль и вражескую деятельность Берия в области специальных работ.

1. Проблему АБ нашей стране удалось решить лишь благодаря тому, что ЦК и Правительство давали для этого неограниченные ресурсы денежных средств, материалов (создали преимущественные перед всеми другими нуждами народного хозяйства условия), поставили на службу этой цели лучшие силы науки, техники, сотен тысяч рабочих, военных строителей и заключенных.

Я не могу сейчас вспомнить хотя бы несколько случаев, когда бы по инициативе Берия был принят какой-либо план создания той или иной АБ или нового предприятия.

Он, по моему мнению, действовал только под нажимом ЦК и лично т. Сталина, либо вынужден был принимать решения (нередко с длительными проволочками) по документам (планам, предложениям), поступившим от наших ученых, конструкторов, организаторов атомной промышленности.

Ценой огромных затрат средств и сил нашего народа мы решили атомную проблему. Берия же был только эксплуататором (в буквальном смысле) всех этих средств и сил, а прибыль (успехи) приписывал себе, пользуясь этим для того, чтобы втереться в доверие т. Сталина.

Лично он никогда не вникал в суть дела и не пытался этого сделать. Когда же мы встречали какие-либо трудности на пути и появлялась угроза невыполнения решений Правительства, Берия, не утруждая себя разбором дела по существу, применял оружие запугивания, угроз, издевательств над человеческим достоинством.

«Мы вас арестуем», «Мы тебя в порошок сотрем», «Вместо Вас других найдем», «Вы подозрительный человек — мы вам доверять не будем», «Вы нечестный человек», — вот арсенал приемов запугивания и издевательства, какие лично мне и другим товарищам по работе пришлось испытать на себе. Он доводил нас до истерик, до тяжелой болезни.

Только в эти последние дни мне стало ясно, что это оружие он не от имени руководителей наших («мы»), а от своего имени применял и спекулировал на нашей преданности делу и желании, не щадя своего здоровья и человеческого достоинства, продолжать работать у этого эксплуататора-бездельника, ограниченного человека, работать, как каторжник, не зная отдыха, не имея возможности учиться.

Факты:

1. Вы, Георгий Максимилианович, вероятно, помните, что в конце 1949 года на юге Берия после доклада и показа т. Сталину фильма о результатах испытаний получил решением ЦК и Правительства особую благодарность за успешное руководство работами по АБ (буквального текста этого решения я не знаю) и получил Сталинскую премию. Так вот, после этого он возомнил себя «исторической личностью». Он потребовал заказать ему в Гознаке «почетную грамоту ЦК и Совмина за подписью т. Сталина и Вашей» в особой сафьяновой папке (папка сохранилась, а текст грамоты я еще в прошлом году порвал, так как впоследствии о грамоте он не вспоминал).

2. В решении ЦК и Совмина, мне помнится, что Берия было присвоено звание лауреата Сталинской премии 1 степени. Обычно это означает — без выдачи денежной премии. Он по приезде в Москву вызвал меня и Помазнева и потребовал вручить ему «что там полагается». Когда я ему сказал, что в тексте надо было записать «присудить» премию, то он заявил, что «мы там (у И.В. Сталина) так и понимали». По требованию Берия т. Помазнев вручил ему (Берия) в его же кабинете вместе с дипломом 175 000 рублей.

Если Берия сказал неправду, то, значит, премию он получил незаконно.

3. В 1953 г., когда, как Вам известно, у т. Сталина обсуждались результаты испытаний системы «К», по указанию Берия, т. Щукиным, мною и т. Любимовым был подготовлен проект решения о премиях и наградах для участников этих работ. На первой странице проекта он потребовал оставить прочерк (вместо суммы премии) для его сына и Куксенко. (Мы с т. Любимовым считали, что по законам полагается им максимум по 150 000 рублей.) Когда же после совещания у т. Сталина мне было возвращено решение (№ 300-145сс от 3.II.53 г.) без виз на первой странице, то оказалось, что в секретариате Ордынцева перепечатали первую страницу проекта и уже сумма премии его сыну была поставлена 500 000 р.!

Считая, что так решено на совещании у т. Сталина вместе с Вами и т. Булганиным, я не обратил на это внимания. Он мне по телефону так и сказал: «Мы внесли поправки по указанию т. Сталина».

Теперь же я сомневаюсь, что в первом и во втором случае Берия не было совершено воровство с подлогом.

Таким образом, помимо того, что он вовсе не руководитель решения проблемы АБ и Управления снарядов, он просто вор. (Сына его я считал талантливым, но при коллективе в КБ-1 в 9000 человек, может быть, он также обкрадывал идеи конструкторов и выдавал за свои?)

4. В решении (от XII-1949 или в 1950 г.?) Берия после подписи т. Сталина вычеркнул пункт о выдаче всем награжденным работникам 1-го Главка и рабочим двухмесячного оклада.

Когда же я попытался настаивать на оставлении этого пункта, считая неправильным обижать непосредственных участников работ, Берия заявил, что якобы т. Сталин сказал, что «и так много денег дано на премии». Я попросил, чтобы он (Берия) сам завизировал поправку. Он выругал меня «матом», но визу поставил.

Таким образом, он и тут не преминул при награждениях вызвать возмущение (что надо двухмесячный оклад выдать он сам же предлагал, и работники это знали).

Вот такова его «роль» в решении важнейших проблем нашей страны.

Учитывая, что перед народом у Берия был создан ореол «талантливого» помощника И.В. Сталина, изложенные мною факты помогут развенчать этого бездарного, тупого и грязного стяжателя.

5. Дела Берия в последние месяцы (с 5.III по VI). Заболев после очередного приступа грудной жабы, я с 25.III по 7.VI не знал, что творится по нашим делам (Специального Комитета).

После выхода из больницы я стал изучать принятые с III по VI месяцы решения и сейчас могу сказать, что:

Берия принял не одно, а целый ряд принципиально важных решений, обходя ЦК и Правительство (см. перечень их):

— Об испытаниях АБ (известное уже Вам).
— О программе работ КБ-11 на 1953 г.
— О программе производства тяж. воды.
— Об испытаниях изделий Р-5.
— О лаборатории Здродовского.

и др. (Об этих решениях мной было сказано т. Малышеву В.А. в ходе пленума ЦК).

6. После испытаний 1952 г. Берия заявил мне, что надо приступить к написанию сборника материалов к истории создания АБ. Я, ссылаясь на

занятость текущими делами и на неприспособленности моей к литературным трудам, стал отказываться. Тогда Берия поручил мне передать это задание т.т. Емельянову и Васину, предупредив о том, что никто, кроме них, не должен знать об этом. Т.т. Емельянов и Васин были вызваны к Берия и поручение о подборе материалов и схеме сборника им давал сам Берия. Нас смущало то, что сборник этот нельзя публиковать, так как невозможно написать историю решения проблемы АБ, не раскрыв каких-либо секретов. И мы заявили ему об этом. Но Берия все же поручил т.т. Емельянову и Васину приступить в подбору справок, заявив, что может быть сборник публиковать и не придется. Необходимость сборника Берия мотивировал тем, что-де для истории надо показать Сталинский план создания АБ и его осуществление, показать силу советского строя. В последнее время (в марте) Берия торопил т.т. Емельянова и Васина с подбором материалов к сборнику.

На днях я от т. Васина узнал, что материалы к сборнику Берия у него взял и положил в свой сейф в Кремле (материалов этих я не видел).

Теперь становится ясно, что Берия тонко и коварно прикрывал именем т. Сталина настоящую цель сборника — самому влезть в историю, показать себя «исторической личностью».

Изложенные выше факты, характеризующие облик Берия и его роль в решении проблемы создания советской АБ, говорят с том, что Берия лишь грязно наследил в нашей истории.

7. О первом заместителе Берия — члене ЦК КПСС т. Ванникове.

Меня смущает поведение т. Ванникова после ареста Берия.

Я знаю т. Ванникова с тех пор, как Берия взял его в начале Отечественной войны из тюрьмы и назначил Наркомом боеприпасов.

Берия его (т. Ванникова) всегда оберегал (достаточно сказать, что я знаю один факт, когда не Берия ему устраивал скандалы, а Ванников, и Берия срочно искал его, чтобы успокоить).

С начала создания Спецкомитета т. Ванников являлся бессменным первым заместителем Председателя Комитета.

Берия слушался всех его советов и все предложения принимал безапелляционно.

Я всегда ценил в т. Ванникове его инженерный опыт и умение оперативно решать вопросы. Я уважал его, хотя т. Ванников нередко наговаривал Берия на т. Завенягина (чтобы показать его слабым работником), на т.т. Владимирского, Левшу (мол-де они только критики, а не помощники). В результате т. Левша был переведен в III главк, а т. Владимирский растерялся и не знал, что ему можно и что нельзя делать.

Ниже приведу факты, смущающие меня:

1. т. Ванников незадолго до разоблачения Берия вызвал секретаря партбюро т. Морозова и заявил ему, что, во-первых, его прорабатывать нельзя, так как он член ЦК, во-вторых, он с Берия еще в тюрьме сидел и Берия его знает очень хорошо.

2. Когда Берия поручил т. Ванникову составить известные Вам доклады для Правительства и я на первой странице доклада написал адрес и слова «докладываю Вам», т. Ванников в присутствии т. Любимова заявил мне, что «теперь Берия так не обращается в Правительство, и в доказательство показал мне Протокол ЦК (кажется, по делам Литвы) и записку МВД. Я ему заявил, что я понимаю поручение как доклад — отчет Правительству, и настоял на своем.

После разговора у т. Булганина относительно целей сбора материалов (для отчета) т. Ванников мне с глазу на глаз сказал: «Ты даже не представляешь себе, какое ты великое дело сделал тем, что отстоял начало отчета». На мой вопрос, что это за «великое дело», т. Ванников отмолчался.

3. Берия дал полномочия т. Ванникову единолично решать все вопросы по АБ и по ведомству т. Рябикова.

Во время моей болезни (март—май) т. Ванников получил от Берия, повидимому, широкие полномочия по Спец. Комитету (т.т. Васин и Любимов мне сказали, что он был у Берия).

Ванников в апреле, мае начал единолично изменять планы, утвержденные Правительством (утверждал графики, изменяющие утвержденные Правительством планы). Факты эти может конкретно привести мой бывший заместитель т. Любимов. Он, минуя т. Рябикова, давал указания его подчиненным, в результате чего т. Рябиков незадолго перед арестом Берия приходил ко мне и заявлял, что он «подаст в отставку, так как дальше работать нельзя».

Сейчас же после разоблачения Берия т. Ванников старается всячески принизить свою роль в Спец. Комитете и всячески дискредитировать работу аппарата Спец. Комитета.

Зачем это требуется т. Ванникову — мне неясно.

4. В последнее время важнейшие решения, требующие рассмотрения в Правительстве, т. Ванников представлял на единоличное утверждение одного Берия. Например:

— Решение вести весьма опасные работы под Москвой (предложение проф. Здродовского — это решение надо пересмотреть).

— Об испытаниях АБ.

— Об испытаниях Р-5 и др.

— О плане работ КБ-11 на 1953 г.

5. После того как т. Ванников узнал об аресте Берия, он потребовал от меня перед пленумом тотчас же вскрыть сейф Леоновой (с чекистской перепиской) с тем, чтобы найти те письма, «где про меня писали». Я поручил товарищам своим открыть сейф, но составить акт. Тов. Ванников отказался от своего требования. Почему т. Ванникову требовались оправдательные документы?

6. Следует сказать, что в 1-й главк Берия послал ряд чекистов с открытой целью следить за секретностью и за подбором кадров (Мешик, Павлов, Поляков).

Последних двух (т.т. Павлова и Полякова) т. Ванников считает лучшими работниками в Главке. Т. Ванников добивается их выдвижения и утверждения. Желательно было бы проверить, так ли они ценны. Ставя вопрос об уполномоченных, т. Ванников должен был поставить вопрос и о других чекистах, расставленных Берия в системе бывш. 1 и 2 Гл. управлений.

По препарату «Т» у нас есть 2 института, во главе которых стоят по указанию Берия также чекисты (Полосин в Св-ке, Бухаров — в Заг-ске). В их руках находятся страшные средства террора и диверсий.

(Вчера я в присутствии т. Левша по телефону просил т. Хруничева позвонить т. Круглову и т. Булганину об этом. Пытался связаться с т. Малышевым, но неудачно.)

Следует поставить также вопрос о необходимости создания местных советских органов (их нет в городке КБ-11, в городах комбинатов № 817 и № 813).

Берия всячески оттягивал рассмотрение и решение этого вопроса, внесенного несколько лет назад т. Завенягиным.

В вопросе о создании советских органов т. Ванников занимал отрицательную позицию (он предлагал иметь при директорах административные отделы).

Этот вопрос требуется решить незамедлительно, так как по вине Берия права трудящихся на указанных объектах узурпированы отсутствием советской власти и недопустимо жестким режимом. Инструкции по режиму следует также пересмотреть в сторону облегчения условий жизни.

Тов. Ванников действительно не терпел систем уполномоченных, которыми руководил в аппарате Спец. Комитета помощник зам. Председателя Совета Министров т. Сазыкин. Но одновременно т. Ванников и не был сторонником создания органов советской власти на местах и повышения роли парторганов (Берия под предлогом соблюдения секретности также не допускал повышения их роли).

Я сообщаю эти факты о Берия не в целях оправдания себя, так как я никогда не был близким к нему человеком в смысле личных отношений. Я работал в Комитете не на Берия, а для Родины. Я никогда также и не подхалимствовал перед ним.

Я виноват, как и все другие в том, что слепо верил ему, чтил его, как ближайшего соратника т. Сталина, и несмотря на то, что никогда не уважал его за грубые окрики и хамское отношение ко мне, безропотно продолжал работать, пока тяжелая болезнь не свалила меня.

Факты, изложенные касательно т. Ванникова, я обязан изложить опять же не потому, что мне т. Ванников лично что-либо сделал. Я буду рад, если эти факты не имеют значения.

О моей вине по работе в аппарате Спец. Комитета.

В начале организации аппарата Берия предложил мне (под предлогом необходимости следить за соблюдением секретности) взять в аппарат в качестве помощника чекистку т. Леонову (быв. жену начальника Следственного отдела МВД и в настоящее время жену Ордынцева). Леонова (как это видно сейчас, она была приставлена также и для слежки за мной) запустила канцелярию, и мне не удалось из-за занятости, а в последнее время из-за болезни проверить ее работу по канцелярии и по архиву и ликвидировать запущенность в секретном делопроизводстве и архиве. На это потребуется значительное время. В этом я виноват.

Свои предложения об использовании архива б. Спец. Комитета я изложил отдельной запиской вместе с т. Коробовым.

Считаю, что архив важнейших документов (в том числе переписку Уполномоченных, которая шла помимо меня, переписку с МГБ и, самое главное, архив из 646 важнейших постановлений и решений) надо сохранить и тщательно просмотреть. Постепенная передача документов б. Спец. Комитета в Министерство совершенно недопустима.

За короткий срок трудно, т. Маленков, вспомнить деятельность Комитета за 8 лет работы и оценить, все ли правильно делалось нами под руководством Берия. Если ЦК и Правительством будет признано полезным использование меня для этой цели, я честно выполню любое поручение.

В. МАХНЕВ

11 июля 1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 49—66. Подлинник. Машинопись.

№ 21
ЗАПИСКА В. МАХНЕВА Г.М. МАЛЕНКОВУ

11 июля 1953 г.

Совершенно секретно

Товарищу Г.М. МАЛЕНКОВУ

Я хочу высказать Вам также, тов. Маленков, некоторые сомнения в правильности плана специальных работ (по АБ), предложенного Берия и утвержденного т. Сталиным на 1953—55 гг.

Надо позаботиться разоблачить подрывную деятельность Берия в области атомных дел, по-новому присмотревшись к планам, диктовавшимся нам Берия ранее (и доверчиво подписанным И.В. Сталиным после успешных испытаний 1952 г.).

Вы активно участвовали в работе Специального Комитета, знаете какие успехи мы имеем, но мы сильно отстаем от США и Вы поймете эти мои сомнения.

Вот вопросы, которые меня сейчас волнуют, и мне сдается, что надо искать враждебную руку Берия в следующих направлениях:

1. Берия, ссылаясь на трудности валютного плана, сдерживал добычу урана в Германии, Чехословакии, Румынии. Сейчас мы добываем в СССР только 20 % нашей потребности. Правильно ли это? Мне неизвестно насколько благоприятен наш расчетный валютный баланс. Может быть, Берия делал это умышленно? Из ТАСС мне известно, что политики США старались, во-первых, сохранить уран, найденный в недрах США, недобытым и, во-вторых, максимально выкачать уран и торий из других стран (Бельгийское Конго, Бразилия, Канада).

Сомнение мое основано на том, что т. Булганин сказал мне, что Берия вел линию на отказ от полученных ценой миллионов русских жизней завоеваний в Восточной Германии.

Если это так, то Берия сознательно отдавал основную нашу урановую базу американцам (в Саксонии мы добываем ежегодно около 1000 тонн урана, что Вы и другие члены ПБ и Правительства могли не знать).

По моему мнению, надо пересмотреть план добычи урана за границей и постараться выкачать его в максимально сжатые сроки и создать по урану нужные нам стратегические запасы сырья (в металле). Особенно благоприятна для этого обстановка в Румынии, где нашими геологами (отнюдь не по инициативе Берия) найдены богатые руды урана на поверхности. (Я ставил этот вопрос на совещании у т. Малышева, но так наши товарищи приняли решение позже разобраться и внести этот вопрос в Правительство.)

2. После смерти И.В. Сталина Берия провел через Президиум Совета Министров решение о ликвидации Министерства геологии и о передаче разведок урана Министерству металлургической промышленности. Как можно строить атомную промышленность, не имея в руках сил для разведки атомного сырья? (Я внес это предложение т. Малышеву. Он сомневался в правильности, но принял его с учетом мнения тов. Завенягина и других товарищей из 1-го Главка.) Не следует ли отложить принятые под давлением Берия решения по этим вопросам. Необходимо всемерно форсировать разведку новых отечественных месторождений урана, не жалея для этого средств. Считаю, что, например, Прикарпатская Украина и Восточная Сибирь дадут нам уран.

3. О стратегических запасах урана и остродефицитных материалов, нужных для атомной промышленности на случай войны.

Ни Берия, ни мы сами не думали и специально не разрабатывали такого плана. Между тем на время войны нам нужно иметь не только запасы ура-

на, но и дефицитных материалов (металлический кальций, щавелевая кислота, фильтры для диффузионных машин и пр.).

Не следует ли продублировать мощности наших химико-металлургических и других заводов?

Не следует ли выработать план создания стратегических запасов и мобилизационных мощностей? (Наши товарищи также считают, что это надо особо продумать и внести позднее.)

4. Нашим руководителям по атомной промышленности известно, что мы отстали от США во много раз по производству урана 235 диффузионным способом.

Попытки тов. Завенягина в 1952 г. поставить резко этот вопрос не увенчались успехом, потому что Берия заявил, что наша машиностроительная промышленность «и так стоит на коленях» перед атомной промышленностью и не сможет дать нужное число диффузионных машин.

Не следует ли пересмотреть этот вопрос и решительно увеличить мощности по производству урана 235, так как догонять США в запасах АБ можно только этим методом (было бы целесообразно быстро построить еще 2—3 диф. Завода в районах новых гидростанций и расширить Комбинаты № 813 и № 817 и соответственно мощности по производству сырья для них.

5. Не следует ли также после 1953 г. пересмотреть предложенную Берия программу производства АБ на 1953—55 г.г. и решить:

а) делать ли больше относительно малой мощности или

б) делать больше большой мощности

Берия не хотел вникнуть в этот план.

6. Надо пересмотреть планы строительства и дислокацию складов для хранения. С емкостями хранения мы сегодня испытываем острейшие трудности. (На совещании у т. Малышева этот вопрос также мною ставился.)

7. Надо пересмотреть единолично утвержденный Берия план разработки новых конструкций АБ на 1953 г. в КБ-11 и вместе с нашими учеными и конструкторами проверить, нет ли новых возможностей на пути создания малогабаритных зарядов для управляемых снарядов-ракет, ракет дальнего действия и торпед.

Эти работы в КБ-11 отстают очень сильно. Берия затягивал организационное решение этих задач.

8. Следовало бы пересмотреть план научно-исследовательских работ в области атомной физики и особой ревизии подвергнуть такие вопросы:

а) почему у нас отстают работы по решению проблемы получения урана 233 (равного по ценности плутонию) из тория. Этот вопрос имеет особо важное значение, так как помимо урана мы можем иметь хорошую сырьевую базу тория. В этом вопросе в 1-м Главке ведутся длительные дискуссии и нет конкретного плана действий.

б) Почему наши ученые плохо работают (и крайне отстают от американцев) над созданием атомных котлов, дающих воспроизводством атомных взрывчатых веществ. Берия не вникал или не хотел вникать в этот вопрос.

в) План применения искусственных радиоизоляторов в науке, медицине, технике следует также пересмотреть. Под видом сохранения секретности Берия требовал жесткого режима секретности для этих работ и тем самым сдерживал развитие их. Эту мысль высказывали т.т. Малышев, Ванников и Завенягин, и я считаю, что они, безусловно, правы.

9. Необходимо ближе подключить военных работников (руководителей Министерства обороны, командующих родами войск) к атомным делам. Надо чтобы они знали действие АБ и заботились о технике и тактике применения

АБ. Берия всячески сдерживал приближение к этому оружию, и мы были бессильны что-либо сделать (АБ находился в руках бывшего 1-го Главка и под охраной МВД, а не в руках военного министерства).

10. Не следует ли рассмотреть вопрос о срочном перевооружении учебно-тренировочной части для транспортирования АБ с ТУ-4 на новейшие самолеты (Ил-28, ТУ-16). Этот вопрос Берия откладывал решением. Он не раз говорил, что «надо иметь АБ, но это не значит, что мы будем применять ее», выдавая это мнение за высказывание И.В. Сталина.

Я был в Специальном Комитете не для политики, а для черновой работы и принимал ссылки Берия на указания И.В. Сталина за чистую монету.

Мне ясно, что правильность этой политики Берия может определить только ЦК нашей Партии и Правительства.

Товарищ Маленков, я отнюдь не хочу себе приписывать эти мысли, возникшие после ареста и разоблачения Берия. По ряду вопросов этих же сомнений держатся также и другие товарищи из атомной промышленности (например, т.т. Завенягин, Славский, отчасти т. Ванников). По-видимому, т. Малышев вместе с ними внесет свои предложения на этот счет.

Я не хочу забегать вперед и считаю, что сомнения, возникшие за 2 дня, следовало бы подкрепить и проверить более тщательным изучением принятых решений (хранящихся в архивах Специального Комитета) и имеющихся данных разведки о том, что делается в США и Англии. Данные эти, кстати сказать, весьма скудны.

После того как решением (о создании Специального Комитета) в 1945 г. Берия было поручено взять разведку по атомным делам в свои руки, данные нашей разведки стали сокращаться, и сейчас их вовсе нет. (К разведке Берия привлекал работников МГБ Судоплатова, Эйтингона, Василевского, Сазыкина.)

Лично я не знал и был далек от секретов этой организации, поэтому мне трудно судить случайно или нет это совпадение.

В. МАХНЕВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 61—66.

№ 22

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИТОГАХ ОБСУЖДЕНИЯ РЕШЕНИЙ ИЮЛЬСКОГО 1953 Г. ПЛЕНУМА ЦК КПСС В ПАРТОРГАНИЗАЦИЯХ МВД СССР 11 ИЮЛЯ 1953 Г.[1]

24 июля 1953 г.

Особая папка
Сов. секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Информация

об итогах обсуждения в парторганизациях МВД СССР постановления Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»

11 июля 1953 года в обстановке единодушия и сплоченности вокруг ЦК КПСС и Советского правительства прошло собрание партийного актива Ми-

[1] На первом листе имеются пометы: «Архив. Д. Суханов. 30.VII.53.», «Тов. Хрущеву доложено 28.VII-53». На краткой справке имеется помета: «Т. Маленков ознакомлен. Д. Суханов. 29 VII-53».

нистерства, посвященное обсуждению Постановления Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях БЕРИЯ».

На собрании партийного актива присутствовало 1500 коммунистов. С докладом выступил Министр внутренних дел Союза ССР т. КРУГЛОВ С.Н. Собрание проходило при высокой активности коммунистов. Из 40 человек, записавшихся в прениях по докладу, выступило 19 человек. На активе выступил секретарь ЦК КПСС и заместитель Министра внутренних дел Союза ССР т. ШАТАЛИН Н.Н.

Докладчик и выступавшие в прениях коммунисты отметили, что Постановление Пленума ЦК КПСС имеет огромное значение в жизни партии и всего советского народа.

Клеймя позором коварные действия агента международного империализма БЕРИЯ, участники собрания партийного актива с величайшим единодушием, бурными аплодисментами встретили принятые Президиумом Центрального Комитета меры, обезвредившие преступные происки гнусного изменника и предателя Родины БЕРИЯ.

Многие выступавшие на активе коммунисты отметили, что преступные действия БЕРИЯ нанесли большой вред оперативно-служебной и партийно-политической работе в МВД СССР.

В принятом решении собрание партийного актива МВД единодушно одобрило Постановление Пленума ЦК КПСС и заверило Центральный Комитет партии, что чекисты Министерства внутренних дел СССР еще теснее сплотятся вокруг ЦК КПСС, выше поднимут революционную бдительность и боеспособность своих рядов, всегда будут надежной и твердой опорой Центрального Комитета КПСС, до конца верными учению марксизма-ленинизма и отдадут все свои силы великому делу строительства коммунизма в нашей стране.

С 13 по 18 июля с.г. по итогам Пленума ЦК КПСС проведены партийные собрания во всех партийных организациях главных управлений, управлений и отделов МВД СССР. На собраниях выступило 1646 членов и кандидатов в члены КПСС.

В выступлениях и принятых резолюциях коммунисты с гневом и возмущением клеймили преступные антипартийные и антигосударственные действия злейшего врага партии и народа, агента международного империализма БЕРИЯ и с полным единодушием одобряли своевременные и решительные меры, принятые Президиумом ЦК КПСС для ликвидации преступных действий БЕРИЯ.

Вместе с тем на партийных собраниях в обстановке развернутой критики и самокритики коммунисты вскрывали недостатки в деятельности чекистских аппаратов, смело выявляли факты нарушений партийного принципа подбора кадров и подвергли критике конкретных виновников этих недостатков.

Серьезные недостатки были вскрыты и в постановке партийно-организационной и партийно-политической работы в парторганизациях Министерства.

На партийном собрании 2-го Главного управления выступавшие в прениях товарищи отмечали, что преступные антигосударственные действия БЕРИЯ в МВД нанесли большой вред разведывательной работе управления. Заграничная разведка МВД оказалась в значительной степени дезорганизованной, особенно большой вред нанесен разведывательной работе по нелегальной линии в связи с упразднением специального подразделения, занимавшегося этой деятельностью.

По вредительскому указанию БЕРИЯ одновременно все резиденты МВД и значительное количество оперработников были вызваны из-за границы, вследствие чего резидентуры МВД за границей оказались оголенными, оставлены без руководства. Сокращение аппарата управления и заграничных резидентур проводилось вредительски. Из разведывательного аппарата было уволено большое количество людей, направленных партийными органами.

Острой критике подверглись руководители 2-го Главного управления т.т. КОРОТКОВ, САВЧЕНКО, ФЕДОСЕЕВ, ТИШКОВ. Коммунисты т.т. ЗУБОВ, АФАНАСЬЕВ, КОРОТИН, АРСЕНТЬЕВ, МАЕВСКИЙ и другие говорили об их бездушном отношении к людям, грубости, волоките и бюрократизме в решении оперативных вопросов. Особенно отмечалась трусость и нерешительность т. ФЕДОСЕЕВА, его подхалимские и карьеристские наклонности. Заместитель начальника управления т. САВЧЕНКО неправильно подходил к подбору и расстановке кадров, окружал себя подхалимами и угодниками. Так он в течение многих лет возит за собой начальника Секретариата ГУБАРЕНКО, устраивавшего личные дела САВЧЕНКО и по-хамски относящегося к сотрудникам.

Выступивший в прениях коммунист т. ОТРОЩЕНКО, как и другие, резко критиковал бывшего начальника управления т. РЯСНОГО, который рьяно, беспрекословно проводил в жизнь преступные указания БЕРИЯ, безропотно смотрел ему в рот.

Собрание отметило крупные недостатки в партийной работе управления. В Парткоме не была развернута должная критика и самокритика, отсутствовала коллегиальность в работе. В вопросах подбора и расстановки кадров Партком занимал позицию невмешательства. Слабо проводилась среди чекистов воспитательная работа.

Немало приводилось примеров вражеской деятельности БЕРИЯ и на партийном собрании 1-го Главного управления.

Коммунист т. ШЕВЕЛЕВ в своем выступлении привел пример об отношении БЕРИЯ к югославскому посольству в Москве. Несмотря на ряд антисоветских, злопыхательских речей ТИТО уже после опубликования решения Советского правительства о назначении нового посла СССР в Белград и крайне вражеское поведение личного состава югославского посольства в Москве, БЕРИЯ дал указание резко ослабить режим в отношении югославов.

Неоднократные реорганизации и перестановки оперработников с места на место, проводившиеся по указанию БЕРИЯ, болезненно сказались на работе и создавали неуверенность у работников управления.

Тов. ШЕВЕЛЕВ поставил вопрос — остается ли в силе приказ МГБ СССР № 0015? Он считает, что в этом приказе принижена роль среднего и низшего оперсостава и его ответственность за работу, так как оперуполномоченные согласно приказу лишены права проводить вербовки агентуры. В этом деле он просил внести ясность и исправить положение. Он также считает ненормальным и то положение, когда литерные службы в настоящее время оторваны от управления и проведение литерного мероприятия в связи с этим крайне осложняется. В интересах дела предлагает подчинить контрразведывательному аппарату литерные службы.

Многие коммунисты на собрании указывали, что за последние два года аппарат 1-го Главного управления бесконечно перестраивается. При каждой реорганизации и перестройке агентура передавалась от одного работника к

другому, в результате чего за короткое время некоторые агенты побывали у 5—7 оперработников, что вредно сказывается на качестве агентурной работы.

Серьезно ослабило работу контрразведывательного управления и то обстоятельство, что начиная с 1951 года часто менялись начальники управления. Так, за это время начальниками управления успели побывать: ШУБНЯКОВ, ЦАНАВА, РЯСНОЙ, ФЕДОТОВ. При этом каждый новый начальник охаивал все, что делалось ранее, под тем или иным предлогом считал необходимым произвести перестановку руководящего состава управления и дать свои собственные «новые» указания по работе. Не вызывалась никакой необходимостью реорганизация аппарата 1-го Главного управления, произведенная т. ФЕДОТОВЫМ и КОБУЛОВЫМ по указанию БЕРИЯ. КОБУЛОВ и ФЕДОТОВ перетрясли все кадры и перестроили все управление, не учитывая того, что аппарат контрразведки только что накануне был перестроен и реорганизован по указанию ЦК и Совета Министров в Главное разведывательное управление.

На собрании отмечалось, что серьезно сказалось на ослаблении работы контрразведывательного управления наличие порочного стиля работы его руководителя т. ФЕДОТОВА, который является слабым организатором, по характеру беспринципный, нерешительный человек. Тов. ФЕДОТОВ был послушным орудием в руках БЕРИЯ и КОБУЛОВА, в управлении создавал обстановку нервозности и истерии, связанными с постоянным страхом перед КОБУЛОВЫМ и БЕРИЯ. В качестве примера приводился случай с задержанием посетителя одного из посольств. БЕРИЯ и КОБУЛОВ с помощью ФЕДОТОВА, из опасения как бы не стало известно об этом факте Советскому правительству, приняли все меры к тому, чтобы скрыть факт посещения этим лицом посольства. Пор видом конспирации даже начальнику отдела было запрещено говорить об этом деле.

Тов. ФЕДОТОВ слабо вникает в работу управления, редко беседует с оперативными работниками, не принимает агентуру.

Первый и другие отделы Главного управления были совершенно устранены от использования материалов литерной техники. В результате этого серьезные материалы, полученные 2-м Спецотделом, мариновались в сейфах КОБУЛОВА и КАРАСЕВА.

Выполняя вредительские установки БЕРИЯ и КОБУЛОВА, т. ФЕДОТОВ способствовал ослаблению руководства периферийными органами. Было запрещено направление работников центрального аппарата на места для оказания помощи по отдельным делам. Коммунисты т.т. ОДЛЯНИЦКИЙ, НОСОВ, ПОЛУКАРОВ, РУБЛЕВ в своих выступлениях отметили, что следственные дела, которые велись в управлении на группу врачей, в частности на ВОВСИ и КОГАНА, прекращены незаконно.

Созданная по указанию БЕРИЯ комиссия в составе т.т. КОЗЛОВА, ЛИВАНОВА и ЗАХАРОВА вела себя неправильно, она не приняла во внимание ни доказательства техники, ни данные о террористических высказываниях этих врагов, игнорировала заключение экспертной комиссии, вызовы арестованных не документировались. Члены комиссии устраивали незаконные очные ставки с арестованными, когда те не хотели отказываться от показаний. Такая очная ставка была устроена супругам ВОВСИ. Тов. ЗАХАРОВ пошел на прямой сговор с арестованной женой ВОВСИ, давал ей прямые указания писать клевету, обливать грязью следственные органы.

Ряд выступавших товарищей считает, что вражеская деятельность врачей ВОВСИ и КОГАНА доказана, и вносил предложение — просить руководст-

во Министерства пересмотреть в отношении их ранее принятые решения об их освобождении. В связи с этим вносилось также предложение просить ЦК КПСС отстранить от руководства Лечсанупра Кремля врачей, освобожденных из-под ареста.

Выступавшие товарищи просили также ознакомить их с Постановлением ЦК КПСС от 4 декабря 1952 года о работе органов б. МГБ.

Начальник Следственного отдела т. РУБЛЕВ внес предложение о ликвидации Особого совещания, считая, что этот орган вольно или невольно дает возможность протаскивать неполноценные дела и нарушать советскую законность.

Член партии т. СЫСОЕВ в своем выступлении привел факты неправильных действий бывшего начальника управления т. РЯСНОГО. Он сообщил, что в 1938—1941 г.г. резидентурой бывшего МГБ СССР в Лондоне были добыты и сфотографированы документальные материалы английской разведки, из которых видно, что англичанам удалось получить информацию о некоторых заседаниях Политбюро и Пленумов ЦК. В одном из документов указывалось, что агент англичан имеет хорошие возможности для получения информации от ближайшего окружения одного из членов Политбюро. В другом документе отмечалось, что агент англичан хорошо устроился, чтобы освещать разговоры, происходящие в Политбюро. Не исключено, что до последнего времени английская разведка получает аналогичную информацию, так как в 1941 году связь с агентурой, через которую нашей резидентуре удавалось добывать эти данные, была потеряна.

Несмотря на важность, с государственной точки зрения, розыска английской агентуры, этот розыск начат лишь в 1946 году и был поручен РАЙХМАНУ. ЦК партии по существу добытых материалов проинформирован лишь в январе 1952 года т. ИГНАТЬЕВЫМ. Необходимость объективной проверки информации, упоминаемой в сообщениях англичан о заседаниях Политбюро, была очевидна, но эта проверка через Секретариат ЦК КПСС не была организована. Несмотря на заявление по этому вопросу в ЦК партии т. СЫСОЕВА в январе 1953 года и указание из ЦК т. ИГНАТЬЕВУ о необходимости проверки этих материалов по существу, проверка по вине руководства 1-го Главного управления и Министерства до сих пор не проведена. В январе 1953 года по этому делу было арестовано 5 человек. На следствии было установлено, что объекты разработки были заранее предупреждены о существе имевшихся на них материалов в агентурном деле. Один из объектов разработки имел близкое общение с бывшим начальником Главного управления охраны МГБ СССР ВЛАСИК (в настоящее время арестован). Об этом хорошо было известно т. РЯСНОМУ, но последний по непонятным причинам счел возможным ознакомить с содержанием этих материалов ВЛАСИКА. После ознакомления с материалами ВЛАСИК вызвал к себе объекта разработки в кабинет и рассказал ему об имеющихся на него материалах. После чего посадил его в машину и увез к себе на дачу, где не раз до этого устраивал попойки. На следующий день этот объект разработки предупредил остальных связанных с ним лиц об имеющихся на них в МВД СССР материалах.

На партийном собрании 3-го Управления отмечалось, что вражеские действия БЕРИЯ и его сообщника ГОГЛИДЗЕ нанесли серьезный вред военной контрразведке, отдельные участки оказались оголенными. Пом. начальника 3-го Управления т. ВЫЖЛЕЦОВ внес предложение как можно быстрее пересмотреть структуру 3-го Управления, по его мнению, вместо

трех отделов, ранее обслуживавших соответствующие военные министерства, в Управлении целесообразно создать один отдел.

Коммунисты т.т. КУКУШКИН и ВЫЖЛЕЦОВ указывали, что ГОГЛИДЗЕ старался проводить работу 3-го Управления в отрыве от Министерства обороны и Главного Политуправления Советской Армии, давал указания через агентуру собирать информацию о политработе в частях, о работе Генерального Штаба. ГОГЛИДЗЕ нарушал большевистский принцип подбора и расстановки кадров. Выступавшие отмечали, что на ряде ответственных участков продолжают оставаться люди, не соответствующие своему назначению. Так бывший начальник Особого отдела Западно-Сибирского военного округа т. МЕЛЬНИКОВ, развалив работу в этом округе, был переведен заместителем начальника Особого отдела Приволжского военного округа; бывший начальник Особого отдела Московского района ПВО КИРЕЕВ также после развала работы был переведен на работу в одну из армий Военно-воздушных сил в качестве начальника Особого отдела.

На партийном собрании в 4-м Управлении резкой критике подверглись руководители управления т.т. САЗЫКИН, РОДИОНОВ, УТЕХИН за то, что они игнорируют требование Устава партии о подборе и расстановке кадров по политическим и деловым качествам, без участия и влияния партийной организации, подбирали и расставляли кадры по признакам личной преданности и приятельских отношений. В результате в ряде отделов на руководящих должностях оказались лица, в прошлом отчисленные из центрального аппарата как не оправдавшие высокого доверия партии на порученных им участках работы, или по другим причинам. Например, пом. начальника отдела назначен исключенный из партии СВЕРДЛОВ, освобожденный из тюрьмы, обвинявшийся в проведении националистической работы, в прошлом участник молодежной троцкистской организации, морально разложившийся человек. Помощником начальника управления назначен т. ЖУКОВ, ранее отчисленный из центрального аппарата, как не оправдавший доверия ЦК КПСС. Начальником одного из отделов назначен приятель т. САЗЫКИНА — ЛИТКИНС, который, как отмечали коммунисты, с приходом в управление обманным путем взял для просмотра в другом отделе дело-формуляр, по которому разрабатывается его близкий знакомый. В этом же деле имелись показания арестованных, бывших сотрудников МГБ, в которых ЛИТКИНС назывался как их близкая связь. Начальником отделения назначен РУЗИН, ранее снятый Алтайским крайкомом партии с должности начальника управления за грубое отношение к людям, использование служебного положения в корыстных целях и привлеченный за это к строгой партийной ответственности Центральным Комитетом партии. Также по-приятельским отношениям были взяты в 4-е Управление ранее отчисленные из центрального аппарата т.т. БЕНДЕРСКИЙ, БРИНД, ЛЕЙБКИНД и близкий т. САЗЫКИНУ человек т. ПОДОБЕД. В то же время т.т. САЗЫКИН, РОДИОНОВ и УТЕХИН без всяких оснований изгнали из управления честных, преданных партии коммунистов т.т. БОГОМОЛОВА и СТЕПАНОВА, направленных Центральным Комитетом партии на работу в органы.

Ряд коммунистов в своих выступлениях указывал, что т.т. САЗЫКИН, ЖУКОВ и МАТЕВОСОВ допускали политические ошибки в своей практической работе. В частности, указывалось, что т. САЗЫКИН и ЖУКОВ не сигнализировали Центральному Комитету о том, что БЕРИЯ была подписана и направлена на Украину директива, в которой местные органы Украины

ориентировались на контроль за партийно-советскими органами. Тов. МАТЕВОСОВ, ссылаясь на руководство Управления, давал указания своим подчиненным не направлять указания в Грузию по организации чекистской работы по выявлению и разработке грузинских националистов, заявляя, что Грузией будет заниматься сам БЕРИЯ.

По указанию т. САЗЫКИНА сданы в архив дела оперативного учета на бывших работников органов, в которых имелись серьезные компрометирующие материалы о принадлежности их к троцкистам и подозреваемых в шпионской деятельности.

На партийном собрании в 5-м Управлении отмечалось, что структура Экономического управления до конца не продумана. Руководители управления отвлекали оперативный состав от агентурно-оперативной работы сбором всякого рода экономической информации о недостатках в работе промышленности, о фактах антигосударственной практики и т.п. Полученная обширная информация, на которую было затрачено много сил оперативного состава и агентуры, фактически реальной пользы не принесла.

Агентурно-оперативная работа в области сельского хозяйства, как в центре, так и на местах, официально была прекращена. В свете происшедших событий становится ясным, что это был очередной враждебный замысел БЕРИЯ, в конечном счете, также способствовавший подрыву колхозного строя.

На собрании отмечалось, что чекистская работа по линии 1-го отдела (объекты особой государственной важности) значительно ослабла. Этому, прежде всего, способствовала дезорганизующая работа, которую удалось осуществить врагу народа БЕРИЯ. Он сократил отдел на 54 % и доходил в своей наглости до того, что требовал оставить в нем лишь 15 человек из 147.

В деле строительства специальных объектов БЕРИЯ создал обстановку полнейшей бесконтрольности в расходовании государственных средств. В результате многие миллионы народных денег тратились непроизводительно. Только его вражеской работой можно объяснить такое положение, когда к контролю за деятельностью этих предприятий не допускались ни партийные, ни советские контролирующие органы под предлогом так называемой секретности.

Выступавшие т.т. ПОПОВ, ШИШКИН, ШАРКОВ указывали, что вредительская подрывная деятельность БЕРИЯ и его приспешников нанесла большой вред и следственной работе.

Разглагольствуя о соблюдении законности, БЕРИЯ, КОБУЛОВ на деле сами грубейшим образом попирали и нарушали революционную законность и указания ЦК КПСС в проведении чекистского следствия и своими действиями пытались насаждать в следственных аппаратах порочную, вредную практику.

С первых же дней своей деятельности БЕРИЯ и КОБУЛОВ ввели систему вызовов арестованных без фиксирования показаний. Эти совершенно неправильные действия быстро заразили и руководителей 5-го Управления ГОРЛИНСКОГО, ТРОФИМОВА. Особенно в этом неблаговидно выглядит заместитель начальника управления ТРОФИМОВ, который при рассмотрении дел, в частности на еврейских националистов, пытался их вражеские действия оправдать какой-то общей обстановкой, якобы созданной в стране. Неосновательно ТРОФИМОВЫМ было дано письменное указание о прекращении следственного дела на «Т» с огульным охаиванием проделанной работы по этому делу.

Многие выступавшие товарищи — ШАРКОВ, ШИШКИН, ДУБАС, ПОПОВ, РОМАШКО и другие указывали, что ТРОФИМОВ политически ма-

лограмотный человек, отстал от чекистской работы. Приводился пример, когда ТРОФИМОВ, встав на неправильный путь смазывания дела «Т», в присутствии ряда товарищей восхвалял ТРОЦКОГО, называя его великим «оратором», «организатором» и т.п. Тов. РОМАШКО привел пример, когда ТРОФИМОВ, будучи на явке с агентом, заявил ему, что в СССР якобы существует режим притеснения евреев.

Выступавшие на собрании т. ПОПОВ и другие прямо заявили, что ГОРЛИНСКИЙ, в свое время снятый с должности начальника Ленинградского УМГБ, притащен БЕРИЯ в аппарат, как человек нужный и преданный ему. На собрании был высказан ряд критических замечаний на предложение т. РЯСНОГО по поводу упразднения аппаратов СПУ и ЭКУ в системе МВД СССР. Многие товарищи считают, что это предложение т. РЯСНОГО, высказанное им на собрании партактива МВД СССР, является непродуманным и в корне неправильным.

На партийном собрании в 6-м Управлении отмечалось, что руководители управления т.т. ЛОРЕНТ, КИРЕЕВ и начальник отдела кадров т. ФИЛОНОВ, слепо выполняя указания БЕРИЯ, бывшего руководства Управления кадров, неправильно расставляли руководящие кадры на периферии, допускали серьезные ошибки и при комплектовании центрального аппарата управления. Ряд хороших работников, направленных ЦК КПСС на работу в МВД, необоснованно были удалены из центрального аппарата. Так поступили с бывшим зам. начальника управления т. МАЖАРА, начальниками отделов АГАФОНОВЫМ, ЕГОРОВЫМ и другими работниками. При расстановке кадров руководители управления ЛОРЕНТ, КИРЕЕВ и начальники отделов ФИЛОНОВ, КУЗНЕЦОВ, ПОЗДНЯКОВ, зам. начальника отдела кадров ЗАХАРОВ не советовались с Парткомом и партийными организациями, подбирали кадры по признакам знакомства. Так, на должность начальников дорожных отделов милиции Московского узла были назначены ранее скомпрометировавшие себя т.т. МАКСИМОВ, ПОГОСОВ, НИКОЛАЕВ и другие. Зам. начальника дорожного отдела милиции по политчасти Рижского вокзала назначен т. ПАНОВ, не имеющий опыта политработы, с серьезным партийным взысканием.

Коммунист т. МИХАЙЛОВ в своем выступлении отметил, что начальник отдела кадров т. ФИЛОНОВ перетащил из Ярославля, где он ранее работал начальником управления, своего друга КОРОЛЕВА и зачислил его начальником отделения во 2-ом отделе. Занимавшего до КОРОЛЕВА эту должность т. ЕФРЕМОВА без оснований понизили и сделали заместителем КОРОЛЕВА.

Член КПСС т. КОПЫЛОВ отмечал, что зам. начальника управления КИРЕЕВ при подборе кадров руководствовался также принципом знакомства. В центральный аппарат и на Московский узел был назначен ряд работников — ЖУЙКОВ, БРЕДИХИН и другие, которых знал КИРЕЕВ по совместной работе в Ростове-на-Дону.

Многие выступавшие коммунисты подвергали критике структуру Управления транспортной милиции 6-го Управления и предлагали немедленно ее пересмотреть. Отсутствие следственных, кадровых аппаратов, разведки, учета, как в Управлении транспортной милиции, так и на местах препятствует нормальной работе Транспортной милиции.

7-е Управление Министерства и 7-е отделы областных управлений не выполняют вовремя задания транспортной милиции, считают их второстепенными. Выступавшие коммунисты предлагали также пересмотреть суще-

ствующую систему заработной платы в органах транспортной милиции, восстановить институт заместителей начальников милиции по политчасти, ликвидированный при реорганизации транспортной милиции.

Отмечалось также, что Партком Управления и партийные организации ослабили организационно-партийную работу. В течение 4-х месяцев не было общих партийных собраний управления. Партком и его секретарь т. СИДОРОВ не проявили настойчивости при решении кадровых и служебных вопросов, мало уделялось внимания парторганизации Управления транспортной милиции.

На собрании поднимался вопрос о предоставлении сотрудникам одного свободного вечера для повышения их идейно-политического и общеобразовательного уровня, а также вопрос о неправильном решении руководства Министерства о снятии радиотрансляционных точек в кабинетах рядовых оперативных работников.

В обстановке развернутой критики и самокритики прошло партийное собрание в Следственной части по особо важным делам. Как указывалось на собрании, БЕРИЯ назначил на руководящую работу в Следственную часть ВЛОДЗИМИРСКОГО, ИВАНОВА, ОСЕТРОВА и МЕШИКА, которые начали свою деятельность с рассмотрения следственных и архивно-следственных дел, в которых находился компрометирующий их самих и братьев КОБУЛОВЫХ материал. Одновременно они вызывали арестованных, с которыми ранее поддерживали близкие связи, и давали им понять, что им следует отказаться от показаний, а также отбирали клеветнические заявления на следователей, ведших их дела (так было с РАЙХМАНОМ, ИТКИНЫМ, ШЕЙНИНЫМ и ЛИБЕНСОНОМ). После этого без ознакомления с материалами следственных дел арестованных освобождали, а следователей, ведших их дела, арестовывали. Причем ИТКИН, как отмечали выступающие, в числе своих близких связей называл МЕШИКА, ВЛОДЗИМИРСКОГО, ИВАНОВА. По заявлению ИТКИНА был арестован ведший его дело следователь БЕЛЯЕВ, в постановлении на арест которого были приписаны факты, имевшие место в Следственной части в период, когда БЕЛЯЕВ еще не работал.

Подобным же образом ВЛОДЗИМИРСКИМ и ОСЕТРОВЫМ было сфальсифицировано постановление на арест следователя ЯШИНА, который непродолжительное время принимал участие в следствии по делу РАЙХМАНА. Арестованные следователи в начале привлекались к ответственности по ст. 193-17 «а» УК РСФСР, а после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» им было предъявлено без всяких оснований обвинение по ст. 193-17 «б».

Коммунист т. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ считает, что КОБУЛОВЫМ и ВЛОДЗИМИРСКИМ неправильно были арестованы работники Следственной части ЦВЕТАЕВ, КОНЯХИН, ЦЕПКОВ, ЯШИН, БЕЛЯЕВ, ЯЗЕВ, так как не было достаточных данных и не принято во внимание ряд оправдывающих их обстоятельств. Тов. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ считает совершенно незаслуженным выдвижение на должность зам. начальника Контрольной инспекции при Министре бывшего сотрудника Следственной части БОЛХОВИТИНА, который вместе с ЦЕПКОВЫМ занимался одним и тем же делом. Причем ЦЕПКОВ был арестован, а БОЛХОВИТИН выдвинут.

Выступавшие товарищи говорили, что в Следственной части была создана обстановка самого неприкрытого террора. ВЛОДЗИМИРСКИЙ демагогически заявлял о соблюдении социалистической законности, а в действи-

тельности же фальсифицировал материалы следствия, как например дело ТАВДИШВИЛИ — бывшего зам. Министра Грузинской ССР.

Коммунист т. ПИЧУГИН в своем выступлении отметил, что арестованный ШВАРЦМАН в своих показаниях давал материал о неблаговидных похождениях ВЛОДЗИМИРСКОГО и просит руководство Министерства расследовать причины поспешного освобождения им РАЙХМАНА, ИТКИНА и других.

Зам. начальника Следственной части т. КОЗЛОВ говорил, что составленное по врачам заключение группой следователей было переделано КОБУЛОВЫМ, САВИЦКИМ и ВЛОДЗИМИРСКИМ, куда был включен материал неизвестный следователям. Он же вносит предложение рассмотреть вопрос о создании в Министерстве единой Следственной части, влив в нее существующие следственные отделы при оперативных управлениях.

В решении собрания коммунисты Следственной части просят руководство Министерства провести расследование по фактам антипартийных действий ВЛОДЗИМИРСКОГО и бывшего зам. начальника Следственной части ИВАНОВА и привлечь их к строгой ответственности.

Докладчик и выступавшие в прениях коммунисты 2-го Спецотдела отметили, что в результате политической близорукости и притупления чекистской бдительности ряд коммунистов отдела т.т. КОЛОБАШКИН, НИКИФОРОВ, СТЕПАНОВА, РЮМИН, ЖИГАРЕВ, ИВАНОВ и другие принимали участие в выполнении вражеского задания БЕРИЯ и КАРАСЕВА. Бывший начальник отдела КАРАСЕВ еще в 1939—1940 гг. выполнял преступные задания БЕРИЯ. Все это произошло потому, что в отделе слабо поставлена работа по воспитанию у сотрудников высокой революционной бдительности, коммунисты нередко слепо выполняют задания руководства. За последнее время партийная работа среди сотрудников ослабла. Партийные собрания отдела проводятся редко и поэтому коммунисты лишены возможности вскрывать и критиковать недостатки партийной и служебной работы.

Руководство подразделений скрывало от партийных организаций ряд проводимых мероприятий, секретари парторганизаций не знают о них. Заместители начальника отдела т.т. ИВАНОВ и КОЛОБАШКИН, зная о преступных заданиях БЕРИЯ, не сигнализировали об этом в ЦК КПСС.

Многие выступавшие коммунисты указывали на то, что зам. начальника отдела т. КОЛОБАШКИН слабо воспринимает критику, на каждом собрании признает свои ошибки, но не принимает мер к их устранению.

На партийном собрании в 3-м Спецотделе говорилось, что отдел давно оказался «в скорлупе», из которой до сих пор не может выйти. Технология производства до сих пор еще несовершенна. Во всем преобладает кустарщина. Отдел работает с закрытыми глазами. Оперативные отделы не знают, над чем работает 3-й Спецотдел, а 3-й Спецотдел толком не знает, для кого он работает, нет контакта в работе с оперативными отделами.

В отделе нет деловой связи с научно-исследовательскими институтами. Работают над открытием уже давно открытых проблем.

На собрании также отмечалось, что нынешний зам. начальника 5-го Спецотдела ЕЛЬНИКОВ все время переходит из одного спецотдела в другой, причем при всех случаях он всегда тянет за собой определенную группу приближенных ему людей во главе с МИХАЙЛОВЫМ.

На партийном собрании 4-го Спецотдела отмечалось, что бывшее руководство МВД умышленно провело реорганизацию и резкое сокращение аппарата 4-го спецотдела в Германской Демократической Республике накану-

не событий 17 июня, что в значительной мере ослабило радиоконтрразведывательную работу в ГДР.

Несмотря на решение Правительства в 1952 году о строительстве радиоцентра для разведывательной службы, по указанию КОБУЛОВА это строительство было прекращено.

Коммунистами отмечались и другие недостатки в работе отдела. Плохо обстоит дело в Средней Азии и на Дальнем Востоке с перекрытием диапазона дежурной слежки. Приостановилась разработка новой секретной аппаратуры, на год оттянулось оснащение отдела аппаратурой ультра-коротковолнового диапазона, затянулась реконструкция антенных полей.

Зам. начальника службы связи т. МЕДВЕДЕВ считает, что их службу неправильно передали из 2-го Главного управления в 4-й Спецотдел, в результате чего она сейчас разделена на две части, и от этого страдает оперативная работа.

Коммунист т. САЛТЫКОВ остановился на отсутствии коллегиальности в работе отдела. Многие вопросы решаются в узком кругу, без привлечения начальников отделений.

В докладе и прениях был подвергнут критике начальник 6-го Спецотдела т. ВОРОНИН за то, что в практике своей работы допускает окрики, запугивание подчиненных, не советуется с партийной организацией. В результате отсутствия должного контакта в работе между руководством и партийным комитетом отдела были допущены ошибки в расстановке кадров при проведении сокращения штатов. Так, бывший работник отделения кадров ЛАВРОВ зачислен на должность старшего техника, а работавший в этой должности в течение 8-ми лет МЫШЛЯВКИН переведен на работу курьером. На оперативную должность в отдел был назначен бывший работник Управления кадров Министерства АРБУЗОВ, который не желает работать в этом отделе и в настоящее время числится в штате, а фактически к работе не приступил. В то же время хорошие работники (быв. начальник отделения КУКУШКИН и другие) были выведены за штат.

Зам начальника отдела МАТВИЕВСКИЙ критиковался за грубость с подчиненными и за поверхностное руководство. Тов. МАТВИЕВСКИЙ занимается мелкими вопросами, а важные вопросы не решает. В течение 7 месяцев держал ориентировку по работе периферийных органов, которая так и не увидела света.

Коммунисты поднимали также вопрос о том, что сокращение штатов в отделе прошло необдуманно. В ряде отделений (1, 2, 4, 5) штаты сокращены настолько, что трудно нормально работать. Каждый оперативный работник 2-го отделения должен просматривать по 85—100 килограммов корреспонденции. При такой загрузке качество работы значительно ухудшается.

На партийном собрании в 5-м Спецотделе отмечалось, что в отделе имели место крупные нарушения государственной дисциплины, преступной бесхозяйственности. Так, например, разработка «Буран» выполнялась в течение 5 лет весьма сомнительным специалистом, бывшим заключенным ТЕРМЕН, который вел эту работу без научного и технического обоснования. Сейчас эта работа снята, хотя на нее было потрачено около миллиона рублей денег.

Бывшим начальником отдела ЖЕЛЕЗОВЫМ было израсходовано около 10 млн рублей на строительство завода № 2. Однако после пуска завод использовался не с полной нагрузкой, а в настоящее время он вовсе закрывается, оборудование его демонтируется, здание завода предполагается использовать под складское помещение.

Коммунист т. МАТВИЕНКО указал на крайнюю запущенность учета секретного делопроизводства в отделе. Бывшим начальником отдела ЖЕЛЕЗОВЫМ безучетно издавались рекламные материалы (альбомы) с совершенно секретными сведениями не только об оперативной технике, но и об оперативной работе некоторых отделов МВД.

Бывший начальник лаборатории ТЕРМЕН несколько лет хранил без учета секретные документы, без разрешения снимал копии с документов. В результате такого отношения к совершенно секретным документам сейчас многих секретных документов не хватает, и неизвестно где находятся.

На партийном собрании резкой критике была подвергнута работа начальника отдела т. КРАВЧЕНКО. Коммунисты т.т. УЛЬЯНОВ, КОЗЛОВ С., НИКИТИН и другие указывали на то, что т. КРАВЧЕНКО при решении принципиальных вопросов работы отдела не считается с партийной организацией и с Парткомом отдела. Он не терпит коллективности в работе, все вопросы решает единолично, в обращении с партактивом, с сотрудниками допускает грубость и бестактность.

Докладчик и ряд коммунистов, выступавших на собрании 9 отдела, отмечали, что бывшее Бюро № 1, созданное ранее, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б), как подразделение для ведения специальной работы в тылу противника БЕРИЯ самочинно было упразднено и реорганизовано в 9-й отдел Министерства, что нанесло серьезный вред работе. Руководители отдела т.т. СУДОПЛАТОВ и ЭЙТИНГОН, зная об этом, не сигнализировали ЦК КПСС.

В отделе грубо нарушался большевистский принцип подбора и расстановки кадров. На работу в отдел были приняты сомнительные люди, ранее уволенные из органов, как например, ПРАВДИН, СЕРЕБРЯНСКИЙ и другие. Руководители отдела при расстановке кадров не советовались с партийной организацией.

Коммунист т. ТИЩЕНКО высказал свое мнение о том, что на ряде ответственных участков в Министерстве до сих пор остаются отдельные работники, не соответствующие своему назначению. Так, он считает, что во 2-м Главном управлении работает т. САВЧЕНКО, человек малограмотный и не способный руководить отделом советнического аппарата за границей. Не по плечу дали работу и т. ИВАНОВУ, послав его советником Министерства общественной безопасности Китая.

Тов. ТИЩЕНКО сообщил далее собранию следующие факты: в 1951 году он был в командировке за границей. При проверке там одного человека выяснилось, что он является родственником зам. начальника управления бывшего Комитета информации т. ПУДИНА, женатого на эмигрантке. Об этом он сообщил руководству. Однако т. ПУДИН не был уволен, а позже оформлен на пенсию и получает около 4 тысяч рублей в месяц. В том же 1951 году за границей он проверял другого человека, который оказался близким родственником БЕРИЯ. Мать этого человека была на свадьбе БЕРИЯ. Через некоторое время он получил указание из МВД СССР прекратить проверку. При приезде в Москву он узнал, что эти материалы были доложены УТЕХИНУ и подшиты в особую папку.

Касаясь выступления на партактиве МВД т. РЯСНОГО, коммунист т. СТУДНИКОВ сказал, что охаивание им Бюро № 1 на партактиве говорит о том, что т. РЯСНОЙ хочет отвести удар от себя. Как известно, т. РЯСНОЙ, будучи начальником 2 Главного управления, выполняя указания БЕ-

РИЯ, отозвал из-за границы работников советской разведки и тем самым помог БЕРИЯ развалить работу советских резидентур за границей.

Коммунист т. ГОРОШКИН внес предложение ввести в МВД СССР институт парторгов ЦК КПСС или создать Политуправление Министерства внутренних дел СССР.

Факты вредительской деятельности БЕРИЯ и его приспешников были вскрыты на партсобрании в Контрольной инспекции. Все выступавшие в прениях товарищи говорили о том, что руководство Контрольной инспекции было подобрано не по деловым и политическим качествам, а по признаку личной преданности БЕРИЯ. В этой связи были названы фамилии быв. начальника Контрольной инспекции РАЙХМАНА, который до его назначения на эту должность находился в тюрьме и был освобожден из-под стражи по указанию БЕРИЯ; быв. зам. начальника Контрольной инспекции, ныне арестованного КОБУЛОВА; быв. пом. начальника Контрольной инспекции ШЛЮГЕРА, ныне уволенного из органов МВД, и старшего инспектора Контрольной инспекции ХРАМЕЛАШВИЛИ, направленного на работу в инспекцию по указанию БЕРИЯ. В отношении РАЙХМАНА выступавшие заявляли, что он являлся послушным БЕРИЯ человеком и беспрекословно выполнял все его указания. Работая в Контрольной инспекции, РАЙХМАН давал политически неправильные установки при выездах работников инспекции в командировки, в частности по национальному вопросу.

Коммунист т. ИЗОТОВ заявил, что неправильные установки РАЙХМАНА по вопросу национальных кадров нашли свое отражение в приемо-сдаточных актах при назначении нового руководства в отдельных союзных республиках. Так, например, в приемо-сдаточном акте по МВД Латвийской ССР было указано, что неудовлетворительная работа МВД Латвии объясняется исключительно тем, что там отсутствовали национальные кадры.

Выступавшие в прениях многие коммунисты указывали, что РАЙХМАН пренебрегал вопросами практической чекистской работы. Он приказал сдать в архив материалы февральско-мартовских проверок работы УМВД Курской, Одесской, Ульяновской областей, где были серьезные сигналы на лиц, подозрительных по террору и буржуазному национализму. Эти материалы до сих пор лежат в архиве.

В тайне от работников Инспекции РАЙХМАН создал в г. Москве конспиративные квартиры, якобы для приема агентуры. Фактически же никакой агентуры Контрольная инспекция не имела, и эта функция несвойственна для аппарата инспекции. На оборудование этих квартир РАЙХМАНОМ были израсходованы большие государственные средства, и, кроме того, на обслуживание этих квартир он поставил несколько человек сотрудников Контрольной инспекции, которых снабдил фиктивными документами.

Коммунист т. БОЛХОВИТИН заявил, что БЕРИЯ с помощью подхалимов КОБУЛОВА, ВЛОДЗИМИРСКОГО, ПАРАМОНОВА и других расправился с целым рядом неугодных ему лиц из числа работников Следственной части по особо важным делам, заключив в тюрьму присланных на работу в МВД ЦК КПСС КОНЯХИНА, ЯШИНА, а также ПУТИНЦЕВА, ЦЕПКОВА и других, честно выполнявших свой служебный долг.

Коммунист т. БЕЛОВ по этому же вопросу заявил, что РАЙХМАН с приходом БЕРИЯ в МВД СССР написал на его имя клеветническое заявление, в котором лживо обвинил некоторых работников Следственной части в преступлениях, которые те фактически не совершили. РАЙХМАН писал в

этом заявлении, что работники Следственной части вымогали от него показания на БЕРИЯ и КОБУЛОВА, чего в действительности не было.

Коммунист т. ХРОМОВ указал, что в результате неправильной установки БЕРИЯ в органы МВД в Прибалтийских советских республиках были приняты на работу лица из числа местного населения, на которых имеются серьезные компрометирующие материалы, в том числе материалы о связях с американцами.

Коммунисты в своих выступлениях просят руководство Министерства разобраться в антипартийном поведении РАЙХМАНА и привлечь его к ответственности.

На собрании поднимался также вопрос о том, что вредительская деятельность БЕРИЯ отразилась на ослаблении чекистских органов в пограничных районах. На границе с Турцией, Ираном, Афганистаном, Финляндией настолько ослаблены разведывательные органы, что создалась возможность для вражеских разведок свободно переправлять преступные элементы на нашу территорию. Коммунист т. ЕРЕМИН считает неправильным, что отменен специальный паспортный режим, установленный ранее для пограничных районов.

На партийном собрании в Главном управлении пограничных войск подвергалось критике руководство ГУПВ за то, что оно не всегда прислушивается к мнению парторганизации в вопросах подбора и расстановки кадров.

По принципу приятельских отношений, по указанию бывшего начальника Управления кадров ОБРУЧНИКОВА, в 3-й отдел ГУПВ был назначен т. ВОЛОШИН, имеющий серьезные компрометирующие материалы. Не вызывалось никакой необходимостью назначение на должность зам. начальника авиаотдела (в отделе 11 человек) генерал-майора ЧУПРОВА, для чего пришлось понизить по должности т. ЗОНОВА, успешно справлявшегося со своими обязанностями.

До последнего времени руководство ГУПВ не решает вопроса об освобождении от должности начальников первых отделов Грузинского округа МАГРАДЗЕ и Туркменского округа ХАКЧЕЛЬДИЕВА, не обеспечивающих порученного участка.

Выступающий на собрании член партии т. КУЗЬМЕНКОВ остро критиковал начальника Политуправления т. СТЫРОВА за грубость в обращении с сотрудниками, окрики и запугивание.

На собрании отмечалось, что в аппарате ГУПВ на деле не осуществляется принципа коллективного руководства, особенно это относится к Политуправлению, Морскому управлению и штабу. Служебные совещания собираются от случая к случаю, но и они носят формальный характер.

Отмечалось ненормальное положение с тем, что в течение года руководством Министерства не рассматриваются материалы на присвоение званий офицерскому составу. Выпускники Харьковского погранучилища с апреля с.г. не имеют званий.

Коммунист т. ИОНОВ внес предложение о замене в пограничных войсках старого оружия, выпуска военного времени, которое нередко отказывает в действии, новым оружием.

Предлагалось пересмотреть штаты Политуправления и политорганов войск в связи с тем, что после сокращения они уменьшились на 40 %.

Серьезно критиковалась работа Парткома ГУПВ и его секретаря т. СОНИНА за то, что Партком слабо и неконкретно руководил партийными организациями и плохо был связан с ними.

На партийном собрании в парторганизации Главного управления внутренней охраны коммунисты подвергли резкой критике начальника Главного управления т. ФИЛИППОВА за то, что он в своей работе нарушал принцип коллегиальности, не опирался на партийную организацию и начальников отделов, не прислушивался к их мнению и не советовался с ними. Коммунисты прямо заявляют, что мы не знаем т. ФИЛИППОВА, а т. ФИЛИППОВ не знает нас. По мнению коммунистов, организационные мероприятия в ГУВО проводились непродуманно, без учета сегодняшнего дня и задач, стоящих перед этим управлением.

Коммунисты также указывали на ничем необоснованное проведение таких мероприятий, как упразднение должности зам. начальника ГУВО по политчасти, закрытие ряда печатных органов в некоторых соединениях, сокращение численности войск в Прибалтике и попытка сократить численность войск в Германии.

Резкой критике также подвергся т ФИЛИППОВ за неправильный принцип подбора и расстановки кадров. По его указанию были устроены в Ленинградский отряд капитан МАЛИНИН и майор ХОМЕНКО, работавшие ранее вместе с ним.

Начальник политотдела т. ТЕРЕЩЕНКО резко критиковал за бестактность и грубость заместителя Министра внутренних дел т. МАСЛЕННИКОВА в отношениях к руководящим работникам управления и его неправильные указания о том, что работникам МВД можно обращаться в ЦК КПСС будто бы только через Министра МВД и его заместителей.

Большинство выступавших на партийном собрании Главного управления милиции резко критиковали начальника ГУМ т. СТАХАНОВА за неправильный стиль руководства милицией. Указывалось, что он игнорирует коллегиальность в работе, не прислушивается к мнениям опытных работников и не советуется с ними, не проводит служебных совещаний с руководящим составом, в том числе с начальниками отделов Главного управления милиции.

Выступавшие отмечали, что милиция до настоящего времени находится на «задворках» МВД, и просили новое руководство МВД уделить больше внимания милиции и вывести ее из такого положения.

Резкие критические замечания высказывались в адрес политотдела ГУМ и начальника этого отдела т. ТИКАНОВА за неудовлетворительное выполнение решения ЦК КПСС от 19 июня 1952 года «О работе политотдела ГУМ МВД СССР» и за плохую постановку политико-воспитательной работы в органах милиции.

Заместитель Министра внутренних дел т. СЕРОВ критиковался за то, что он не способствовал усилению политико-воспитательной работы в органах милиции, а, наоборот, тормозил ее развертывание своими неправильными указаниями по этому вопросу.

На собрании отмечалось также, что одной из серьезных причин, мешающих улучшению работы милиции — это является чрезмерно низкая зарплата милиционеров, что затрудняет комплектование милиции способными кадрами.

Выступавшие на партийном собрании коммунисты отдела «С» т.т. КАЛЯДОВ, АКИМУШКИН и другие отмечали, что до сих пор не решен вопрос об оснащении Отдела правительственной связи специальной современной шифрующей аппаратурой. Отдел располагает только устаревшей маскирующей аппаратурой, не дающей гарантии секретности переговоров. До настоящего вре-

мени отдел не имеет положения и технических инструкций о работе правительственной связи, как в центре, так и в периферийных органах.

Выступавшие подвергли резкой критике бывшего заместителя начальника отдела т. ПОТАПОВА за его неправильные действия, направленные на раскол коллектива.

На собрании в парторганизации Отдела «П» коммунисты указывали, что за последние годы резко возрастает число спецпоселенцев за счет того, что их дети при достижении 16-летнего возраста, по существу не имея никакого отношения к деятельности своих родителей, а многие из них прибыли на спецпоселение малолетними или родились на спецпоселении, до сих пор берутся на спецучет. Это обстоятельство приводит к искусственному увеличению числа спецпоселенцев, тогда как Правительством массовых операций по выселению не проводилось. На спецпоселении находится большое количество членов КПСС и комсомольцев, и вопрос об их освобождении из спецпоселения не решался.

После выхода в свет Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» назрел вопрос о пересмотре содержания на спецпоселении значительного количества спецпоселенцев, однако этот вопрос до настоящего времени не решен.

В докладе и выступлениях коммунистов на партийном собрании Секретариата особого совещания указывалось на то, что Особое совещание в течение 4-х месяцев не созывалось, в связи с чем скопилось большое количество нерассмотренных дел и жалоб, дела иногда решались путем опроса членов Особого совещания, что являлось нарушением установленного порядка рассмотрения дел.

В качестве примера неправильного рассмотрения дел указывалось, что начальник отделения т. СЕДОВ, по указанию начальника Секретариата Особого совещания т. ИВАНОВА, вынес нарушающее советские законы заключение по делу о реабилитации шофера сына БЕРИЯ гр-на СНЕЖКО.

На партийном собрании 9-го Управления коммунистами отмечалось, что существующий ныне штат ряда подразделений личной охраны слишком малочислен, в связи с этим вносилось предложение о необходимости пересмотра штата в этих коллективах в сторону некоторого увеличения с тем, чтобы усилить охрану (подразделения т.т. РОТОВА, КУЗЬМИЧЕВА, НАЗАРОВА). Много говорилось о необходимости повышения специальной подготовки сотрудников, и в частности об организации планомерных занятий по спецделу. Высказывались пожелания, чтобы учеба была организована применительно к программе межкраевой чекистской школы.

На собрании парторганизации (подразделение т. АКШЕНЦЕВА) отмечалось, что доставку спецпродуктов на базу 501-а осуществляют не сотрудники управления, а работники группы экспедиции Министерства внешней и внутренней торговли. Коммунисты внесли предложение, чтобы был организован соответствующий контроль за доставкой продуктов на спецбазу.

Коммунисты говорили о том, что в управлении имели место факты подбора кадров по признакам приятельских отношений, таким в частности путем в управление были протащены подхалимы КУЗЬМИЧЕВА: МЕЛЬНИКОВ, КУЗИН, ГРИШКОВ. Коммунисты подчеркивали при этом, что Партком и отдел кадров не проявили в этом деле принципиальности и решительности.

Коммунисты критиковали работников кадрового аппарата, которые редко бывают в подразделениях, слабо изучают сотрудников на практической

работе, мало советуются с партийными организациями по вопросам подбора, расстановки и воспитания кадров.

На всех партийных собраниях коммунисты просили поставить вопрос перед руководством МВД СССР об организации при Министерстве общеобразовательной школы для сотрудников.

Во многих парторганизациях говорилось, что отдел кадров и финчасть неправильно поступили, снизив без оснований зарплату ряду категорий сотрудников, и вносилось предложение, чтобы этот вопрос вновь был пересмотрен.

Много было поднято вопросов, связанных с переаттестацией офицерского состава, награждением за выслугу лет, неудовлетворительным обеспечением жилплощадью сотрудников охраны.

Коммунисты парторганизации 8-го Управления отмечали серьезные упущения в работе отделов управления, которые возникли в связи с проводимой реорганизацией. Так, коммунисты парторганизации 16-го отдела т.т. ЧИСТЯКОВ, АНТОНОВ, ТРИШИН, КАЗАКОВ, НОВОСПАССКИЙ выступали с предложением выделения контрольно-инспекторского отдела из 8-го Управления в ведение ЦК КПСС. Они считают, что контрольно-инспекторский отдел, находясь в Министерстве внутренних дел, не может выполнить все функции, возложенные на него, не сможет быть «ушами и глазами» ЦК КПСС за работой шифрорганов. Пребывание контрольно-инспекторского отдела в МВД ставит Министерство внутренних дел над парторганами, ибо этот отдел осуществляет контроль за работой особых секторов парторганов. То же самое отмечал в своем выступлении член КПСС т. МАНЫКИН из парторганизации планово-технического отдела.

Коммунисты 8-го отдела т.т. РОДИОНОВ, ЛОГИНОВ, ДАНИЛОВ, СТРОГАНОВ, ЧЕБЫШЕВ, ГАЙДУКОВ, ТАРЕЕВ, ЗЛОБИН, УСИКОВ отмечали, что организация 8-го отдела в составе 8 Управления не отвечает требованиям по организации шифрорганов в МВД, себя не оправдывает и тащит к старому. Они выдвигают предложение о выделении отдела из 8-го Управления в самостоятельный отдел, подчиненный непосредственно руководству Министерства. Коммунисты этого же отдела т.т. РОДИОНОВ, ВАСИЛЬЕВ, СТРОГАНОВ, ПОНОМАРЕВ отмечали и то, что ликвидация учебно-кадрового отделения в составе 8-го отдела наносит большой вред делу подбора и воспитания кадров шифрработников, а коммунисты т.т. ДАНИЛОВ, ЛОГИНОВ, ФИЛАТКИН и другие серьезно критиковали работу руководства управления и отделов за медленное разрешение ряда вопросов спецработы 8-го отдела.

Коммунисты планово-технического отдела т.т. МОЛДАВАНОВ, МАНЫКИН; 1-го отдела т.т. БИРЮКОВ, ПОЛИН, КУТЫРОВ, ВИДОВ и другие отмечали, что реорганизация 8-го Управления привела к отрыву материально-технической базы, изготавливающей спецтехнику для подразделений 8-го Управления (передача опытного завода в Министерство электростанций и электропромышленности), в результате чего основные машины не могут изготовлять внутри управления. Они выдвигали предложение о пересмотре этого решения. Кроме того, т. МОЛДАВАНОВ отмечал как недостаток ликвидацию научно-технической базы в спецслужбе.

Серьезные недостатки отмечались коммунистами в общей структуре 8-го Управления и штатной расстановке. Резко критиковали коммунисты тот факт, что до сего времени не решены вопросы правового положения офицеров. Коммунисты считают совершенно ненормальным факт, что до сего времени отсутствует положение о прохождении службы сотрудниками Министерства,

о порядке присвоения званий, о пенсионном обеспечении, о снятии 15 % надбавки за секретность, а также задержку выдачи наград за выслугу лет и т.д.

Отмечались факты неправильной расстановки кадров, нарушения принципа большевистского подбора кадров в Управлении. Коммунисты отдела кадров отмечали, что только по звонку КОБУЛОВА на работу в Управление был зачислен КИ-ЧЖИ, уволенный ранее из органов как работник, не соответствующий своему назначению. По звонку свыше оставлена в штатах КАКУЧАЯ, которая не справляется с порученным участком работы, и другие факты.

Коммунисты парторганизации Управления учебных заведений т.т. МЕЛЬНИКОВ, БАТАРАГИН, ГЛЕБОВ, БУГОРКОВ отмечали, что преступная деятельность БЕРИЯ нанесла вред и делу подготовки кадров. По указанию БЕРИЯ из школ по подготовке оперативного состава в Прибалтике и Западной Украине были уволены все русские преподаватели, что вызвало много различных толкований в коллективе, однако руководство и политотдел управления не придали этому политической оценки и никуда об этих фактах не сигнализировали.

Коммунисты т.т. МОЗАЛЕВ, ЧАДОВ, БАТАРАГИН подвергли критике стиль работы начальника управления т. МАРЧЕНКОВА. Они отмечали, что т. МАРЧЕНКОВ работу строит на окриках, запугиваниях и штурмовщине. Вместо делового руководства учебными заведениями аппарат управления выпускает поток бумаг, в то же время указания и инструкции, как, например, инструкция об организации учебного процесса в школах, выпуском задерживаются.

На партийном собрании Управления кадров коммунисты подвергли острой критике бывшего начальника Управления кадров МВД ОБРУЧНИКОВА, заместителей начальника Управления кадров т.т. МАШКОВА и ЗАБОЛОТНОГО (в настоящее время работает начальником 2-го Спецотдела МВД), а также пом. начальника УК т. ФИЛИППОВА и начальников отделов т.т. ПАНКОВА и СМИРНОВА.

Коммунисты отмечали, что ОБРУЧНИКОВ слепо выполнял все указания врага народа БЕРИЯ, совершенно не считался и не прислушивался к советам работников аппарата, это привело к тому, что на места было послано много лиц, не внушающих политического доверия. Так, например, РАЙХМАН, МИЛЬШТЕЙН, МЕШИК, ДЕКАНОЗОВ и другие. При увольнении работников из Министерства допускалось беззаконие, нарушалось положение о прохождении службы, увольнялись инвалиды 2 и 3 группы без оформления пенсии. Члены КПСС т.т. ПОСТНОВ, СКОРНЯКОВ говорили, что ОБРУЧНИКОВ допускал грубость в обращении с сотрудниками, редко собирал аппарат, оторвался от парторганизации.

Партийное собрание приняло решение просить Комиссию Партийного Контроля при ЦК КПСС привлечь ОБРУЧНИКОВА к партийной ответственности за непартийное и беспринципное отношение к подбору кадров.

Коммунисты т.т. ВАРЕНИК, ПОСТНОВ, КОРОЛЬКОВ и другие критиковали т.т. МАШКОВА и ЗАБОЛОТНОГО за примиренческое отношение к нарушениям партийных принципов в подборе кадров. Тов. ГЕРАСЕНКОВ и РОЖКОВ резко критиковали начальника 5-го отдела т. ПАНКОВА за высокомерие, грубость, аракчеевские замашки и предлагали поручить партийному бюро разобраться с фактами непартийного поведения т. ПАНКОВА.

Выступавшие коммунисты внесли предложения организовать учебу работников управления, пересмотреть структуру отделов, ведающих оператив-

ными кадрами периферии, ускорить выпуск положения о прохождении службы работниками МВД, просить ЦК КПСС направить в Управление кадров партийных работников для укрепления аппарата и пересмотреть назначение некоторых вызывающих сомнение руководящих работников.

Коммунисты подвергли критике работу партбюро и его секретаря т. ПЕРЕВЕРЗЕВА за то, что он не проявлял принципиальности при увольнении из аппарата ряда хороших работников, не развернул по-настоящему работу парторганизации, длительное время не проводилось партийных собраний.

В парторганизации 1-го Спецотдела член партии т. КАМЕНСКИЙ отметил, что объединение двух отделений следственных фондов в одно, территориально находящихся на большом расстоянии друг от друга (ул. Дзержинского, д. 12 и Б. Пироговская, д. 17), произведено неправильно. Тов. КАМЕНСКИЙ считает, что это затрудняет оперативное решение вопросов, в связи с этим он вносит предложение о создании двух самостоятельных отделений по месту нахождения архивных фондов.

Коммунист т. КРОТКОВ указал, что в бывшем Отделе «А» (быв. начальник отдела ГЕРЦОВСКИЙ) многие годы в особом фонде архива хранились провокационные материалы на видных руководителей нашей партии, которые только в последнее время 1-м Спецотделом направлены в ЦК КПСС. Тов. КРОТКОВ предлагает создать специальную комиссию для рассмотрения фондов особого архива. В своем выступлении т. КРОТКОВ отметил также, что Особое совещание МВД в практике своей работы допускало извращения советской законности, в связи с этим он считает дальнейшее существование Особого совещания нецелесообразным.

Коммунист т. ДОРОФЕЕВ заявил, что с объединением двух министерств в одно необходимо упорядочить вопрос о представлении учетно-регистрационных материалов на арестованных.

Коммунист т. КИРИН сказал, что МВД СССР от мая 1953 года «О результатах приема быв. Отдела "А" МГБ СССР» составлен необъективно, огульно охаивает всю работу сотрудников бывшего Отдела «А».

Такое же мнение высказал т. КУЛИЧИХИН. Он же заявил, что начальник 1-го Спецотдела т. КУЗНЕЦОВ грубый, неспособный работник, разваливший в свое время работу Отдела «А». Тов. КУЛИЧИХИН считает, что т. КУЗНЕЦОВ неправильно подошел к подбору кадров отдела, без всякого основания уволил из отдела бывшего заместителя начальника Отдела «А» т. ТИТОВА и оставил своим заместителем угодного себе человека т. ПАВЛОВА, который в 1941 году, работая начальником 1-го Спецотдела УМВД Московской области, оказал ему личную услугу. Тов. КУЛИЧИХИН критиковал Управление кадров, и в частности бывшего начальника Управления кадров ОБРУЧНИКОВА, за бездушное и формальное отношение к разбору его заявления, поданного руководству МВД СССР.

Члены партии т.т. ПРОКУРОВ, КАМЕНСКИЙ, САБОИН, КИРИН критиковали т.т. КУЗНЕЦОВА и ПАВЛОВА за слабую связь с секторами, за элементы бюрократизма в работе, за незнание действительной обстановки в аппарате отдела.

Коммунист т. ПОПКОВ заявил, что в МВД СССР продолжительное время не решаются правовые вопросы (оформление пенсии, присвоение званий). Крайне плохо обстоит дело с обеспечением сотрудников жилплощадью.

На партийном собрании парторганизации Управления геодезии и картографии член КПСС т. ЗУБАКОВ отметил, что на некоторых предприятиях

в сейфах т. СТЫРОВА. Это результат того, что кроме неоперативности у наших руководителей есть нерешительность».

Критические выступления были в адрес партийного бюро ЦАУ. Выступавшие коммунисты т.т. БОРИСОВ, АНДРЕЕВ, ЛУКИНА и другие отмечали, что партбюро не способствовало развитию критики и самокритики в коллективе. Проходило мимо фактов, когда т. ГУРЬЯНОВ и другие выступали с хвалебными речами на партийных собраниях. Партбюро плохо вникало в служебную деятельность коммунистов, вследствие чего о многих выявленных в работе архивов недостатках коммунистам неизвестно. Тов. ЛУКИНА, обращая внимание партбюро на необходимость повышения уровня агитационно-массовой и воспитательной работы, сказала: «У нас в управлении длительное время совершенно не проводятся общие собрания».

Большинство выступавших на партсобрании коммунистов парторганизации Отдела «М» резко критиковали Управление кадров МВД и начальника отдела т. ЯЦЕНКО за серьезные ошибки и недостатки в подборе и расстановке кадров. Коммунисты т.т. ЛЕОНТЬЕВ, РОСТОВ, ИЛЬИЧЕВ, ШИШОВ и другие отмечали, что ОБРУЧНИКОВ и аппарат Управления кадров в своей практической работе нередко грубо нарушали указания партии по работе с кадрами.

Коммунисты отмечали, что ОБРУЧНИКОВ, слепо выполняя указания БЕРИЯ, занял линию на избиение честных работников, не прислушивался и не считался с мнением партийных организаций, решал судьбу людей одним росчерком пера. В то же время у работников Управления кадров находили поддержку такие сотрудники, как ЛЕВЧЕНКО, которого коммунисты характеризовали как подхалима и угодника, грубияна и зазнавшегося человека. ЛЕВЧЕНКО за каких-нибудь полтора месяца сменил (не без помощи УК) три должности, выбирая местечко «потеплее», и наконец устроился у СЛАДКЕВИЧА (ГУВО). Коммунисты отмечали, что т. ЯЦЕНКО в момент слияния двух отделов (Отдел «М» МГБ и Отдел «М» МВД) занял ошибочную, вредную позицию огульного охаивания сотрудников Отдела «М» МГБ, что сказалось и при расстановке штатов отдела. Тов. ЯЦЕНКО устранил от этого дела парторганизацию, не хотел считаться с мнением коммунистов по отдельным работникам. Отмечалось, что т. ЯЦЕНКО недооценивает важность метода коллективного руководства, редко проводит оперативно-служебные совещания, мало общается с начальниками отделений и рядовыми сотрудниками, слабо опирается в своей работе на парторганизацию.

Коммунисты т.т. СОЛОВЬЕВ, ИЛЬИЧЕВ, БОГДАНОВ, ТРИГУБЕНКО и другие отмечали, что Отдел «М» МВД еще крайне слабо влияет на повышение мероприятий «М» в подразделениях Министерства, не ведет действенной борьбы с прямой недооценкой этой важной работы в ряде главков.

Указывалось, что особенно плохо с мероприятиями по линии моб. работы обстоит дело в Главном управлении погранвойск и 3-м Главном управлении. Начальники этих подразделений, особенно т. ЗЫРЯНОВ, не хотят этим вопросом заниматься и добились того, что у них в штатах нет даже людей, которые должны были бы проводить эту работу.

Коммунисты отмечали, что т. ЯЦЕНКО знает, что это грубая ошибка, наносящая огромный вред делу, но в силу того, что он не хочет портить приятельских взаимоотношений с некоторыми руководителями, эти вопросы им резко перед руководством МВД не ставились.

На партийном собрании парторганизации УС МПВО коммунисты отмечали, что вражеская деятельность БЕРИЯ коснулась и вопросов местной

противовоздушной обороны. Управление было практически устранено от перемещения и назначения руководящих работников на местах и до сих пор не знает штатной расстановки и по многим подразделениям. На руководящие должности назначались лица, не внушающие доверия или не имеющие необходимых деловых качеств.

Ряд коммунистов т.т. ГОРБУЛИН, ГЕТМАН, ТОМЫРЕВ, ШЕРЕДЕГА считают ошибкой упразднение в УС МПВО политического отдела. Это мероприятие расценивается, как попытка принизить роль партийно-политической работы в вопросах местной противовоздушной обороны.

В ряде выступлений резкой критике была подвергнута работа Управления кадров МВД и его руководителей ОБРУЧНИКОВА и МАШКОВА. Отмечалось, что ОБРУЧНИКОВ и МАШКОВ превратились в чиновников, оторвались от сотрудников, перестали прислушиваться к советам и предложениям. Это обстоятельство привело к тому, что допускаются грубые ошибки при назначении и увольнении работников. Так, т. ГЕТМАН в своем выступлении отметил, что в результате отсутствия необходимой партийной принципиальности со стороны работников Управления кадров на Украине до сих пор работает в качестве начальника УС МПВО УССР т. СЕРГИЕНКО, который снят с этого поста приказом МВД еще в январе 1953 года.

Как отметил т. СНЕЖКО, беспринципно подходят к решению вопроса о замене начальника УС МПВО г. Ленинграда т. МАХАНЬКОВА, который развалил работу, ведет себя вызывающе.

Коммунисты парторганизации Автобазы № 2 т.т. БОРИСОВ, СЕМЕНОВ, КОЛЕСНИК и другие в своих выступлениях поднимали вопросы о пересмотре режима рабочего дня, установления единой зарплаты водительскому составу, так как в настоящее время они получают зарплату по трем системам.

Коммунисты Военно-строительного управления т.т. ЦЕЛЕЦКИЙ, СОКОЛОВ и другие отметили, что по указанию зам. Министра т. МАСЛЕННИКОВА проведено сокращение аппарата политорганов и даже ставился им вопрос об упразднении института заместителей командиров по политчасти. Коммунисты этой парторганизации т.т. ЩЕМЕЛЕВ, БОЧКАРЕВ и другие отмечали, что в войсках слабая воинская дисциплина, много аморальных явлений и дисциплинарных проступков. В частях почти не проводятся занятия по боевой и специальной подготовке. В настоящее время зам. Министра т. МАСЛЕННИКОВ дал даже установку на уменьшение и без того небольшого времени на занятия по боевой и специальной подготовке.

Коммунисты Комендантского отдела т.т. ЛАБЗОВ, ИЗМАИЛОВ, КУЛИК указывали на ошибки, допущенные при расстановке сотрудников по новому штатному расписанию.

Член КПСС т. СЕРГЕЕВ указывал на то, что особенно много ошибок при расстановке сотрудников допущено в 4-й комендатуре (начальник т. ФЕДОРОВ), где по непонятным причинам понижены по должности отличники службы, лучшие активисты т.т. ЩЕРБИНИН, ПОЗДЫШЕВ, РОМАНОВ, и в то же время повышены по должности имеющие нарушения, взыскания, пассивные в общественной жизни, беспартийные сотрудники т.т. БЫСТРОВ, ЗУЕВ, КАРПУШКИН, АНОСКИН и другие.

Партбюро отдела и его секретарь т. КОСОВ не проявили необходимой принципиальности при расстановке кадров в отделе, а начальник отдела т. БРОВКИН игнорировал советы партбюро. Члены КПСС т.т. МЕЛЬНИКОВ, КОРНЕЕВ, ДАНИЛОВ и другие отмечали беспринципность секрета-

ря партбюро т. КОСОВА при решении вопросов, указывали на порочную практику огульного наложения взысканий.

Коммунист т. МЕЛЬНИКОВ отметил, что имеются случаи, когда семьи изменников Родины, ранее работавших в МВД, получают от Министерства пенсии. Подробный материал об этом имеется в Особой инспекции Управления кадров, но почему-то положен под сукно. Он также указывал на недопустимый стиль в работе отдельных работников Управления кадров, когда честных, преданных и умелых сотрудников вывели за штат, например, т. ГОНЯЕВА, и им же ставят в упрек, что они о безобразиях, творимых такими проходимцами, как КОБУЛОВ, писали в свое время в ЦК КПСС.

На партийных собраниях резкой критике подвергались парткомы МВД СССР за то, что они за последнее время резко ослабили руководство первичными парторганизациями, не оказывали им повседневной практической помощи.

Были вскрыты также серьезные недостатки в постановке идеологической работы в парторганизациях. Идейно-теоретический уровень пропаганды все еще не отвечает требованиям, предъявляемым ЦК КПСС. Парткомы недостаточно уделяли внимания воспитанию пропагандистов.

Вместе с тем коммунисты вскрывали недостатки в работе парткомов и партбюро управлений и отделов, которые слабо вникали в оперативную работу, устранялись от подбора и расстановки кадров, не добились широкого развертывания критики и самокритики и за последнее время заметно ослабили партийно-организационную и воспитательную работу.

Собрания в партийных организациях управлений и отделов МВД СССР по итогам Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях БЕРИЯ» проходили в обстановке дальнейшего развития внутрипартийной демократии, на высоком идейном уровне.

Следуя указаниям ЦК КПСС извлечь из дела БЕРИЯ политические уроки и сделать необходимые выводы для своей дальнейшей работы, коммунисты на партийных собраниях подвергли острой критике недостатки в деятельности парторганизаций, наметили мероприятия по осуществлению задач, поставленных Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза.

Все критические замечания и предложения коммунистов, высказанные на партийных собраниях, партийными комитетами МВД СССР изучаются и принимаются меры по их реализации.

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА МВД СССР МАСЮТИН
СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА № 1 МВД СССР ВАСИЛЬЕВ
СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА № 2 МВД СССР СЕРГЕЕВ
СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА № 3 МВД СССР РЫБАКОВ
СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА 8 УПРАВЛЕНИЯ МВД ГУСЕВ

«24» июля 1953 года
№ 465
«ОП»

В информации о собрании партийного актива МВД СССР по постановлению Пленума ЦК КПСС говорится, что собрание прошло на высоком уровне. Доклад сделал тов. Круглов, в прениях выступило 19 человек.

Единодушно одобряя постановление ЦК КПСС, коммунисты вскрыли серьезные недостатки в работе аппарата МВД.

На партсобрании 2-го Главного управления указывалось, что Берия нанес большой вред разведывательной работе. Он ликвидировал специальное подразделение, занимающееся нелегальной сетью, отозвал в Москву всех резидентов.

Острой критике подверглись руководители этого управления т.т. Федосеев, Коротков, Савченко, Тишков.

Многие коммунисты критиковали бывшего начальника управления Рясного, беспрекословно проводившего в жизнь преступные указания Берия.

В 1-м Главном управлении проводился такой пример, когда по указанию Берия фактически было прекращено наблюдение за югославским посольством.

Коммунисты указывали на бесконечные перестройки этого управления и частую смену руководства. Начальник управления т. Федотов работает слабо. Ряд коммунистов говорил о том, что следственные дела на врачей — Вовси и Когана прекращены незаконно.

Приводился такой факт, что в 1938—41 г.г. резидентурой в Лондоне добыты и сфотографированы материалы, говорящие о том, что англичане получают информацию о заседаниях Политбюро ЦК, эту информацию агент получает из окружения одного члена Политбюро. Руководство 1-го Главного управления провалило выяснение этого вопроса. В этом деле замешаны Власик и Рясной.

В 3-м Управлении критиковалась постановка военной контрразведки.

В 4-м Управлении много говорилось о порочной практике подбора кадров. На руководящую работу подбирались лица, выпущенные из тюрем, приятели, знакомые и т.д. На собрании указывалось, что руководители управления т.т. Сазыкин и Жуков не сообщили ЦК КПСС о преступной директиве Берия установить контроль за партийными и советскими работниками ЦК КПУ и Совета Министров Украины.

В 5-м Управлении коммунисты говорили о непродуманности структуры управления, о том, что Берия создал атмосферу бесконтрольности в расходовании государственных средств.

Коммунисты указывали, что Берия, Кобулов ввели практику вызова арестованных без фиксации допроса.

Остро проходило собрание в следственной части. Ставленники Берия — Влодзимирский, Иванов, Осетров, Мешик провоцировали подачу заявлений со стороны арестованных на следователей, в результате чего ряд следователей незаконно арестован.

На партсобраниях некоторые руководящие работники подвергались критике за голое администрирование, окрики, грубость, запугивание. Коммунисты говорили о том, что Бюро № 1, созданное по решению Политбюро ЦК, Берия самолично устранил.

В Контрольной инспекции коммунисты указывали, что Берия поставил во главе инспекции выпущенного из тюрьмы Райхмана, своего приближенного.

На собраниях также сообщалось о том, что на границах с Турцией, Ираном, Афганистаном, Финляндией ослаблена разведка.

Коммунисты предлагали ввести в органах парторгов ЦК КПСС или политотделы. Было внесено предложение об увеличении штатов политорганов войск МВД.

На собраниях говорилось о том, что назрел вопрос о пересмотре спецпоселенцев. Дети спецпоселенцев, не имеющие никакого отношения к преступлениям родителей, также берутся на спецучет.

Коммунисты указывали на то, что штаты ряда подразделений личной охраны слишком малочисленны, и предлагали их увеличить.

В Управлении учебных заведений приводился такой пример, когда Берия дал указание уволить всех русских преподавателей из школ МВД, готовящих кадры для нац. республик.

Коммунисты резко критиковали начальника управления кадров Обручникова, который слепо выполнял все указания Берия.

Коммунисты Центрального архивного управления говорили о том, что по указанию Стырова месяца два тому назад некоторые работники (Гурьянов) начали собирать материал на тов. Маленкова.

На собраниях резко критиковались парткомы МВД за то, что они слабо руководили первичными парторганизациями, идейно-теоретический уровень пропаганды невысок, парткомы устранились от работы с кадрами.

В принятых решениях намечены меры по усилению партийной работы.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 484. Л. 81—119. Копия. Машинопись.

№ 23

ЗАЯВЛЕНИЕ М.Д. КУПЕРА Г.М. МАЛЕНКОВУ

11 июля 1953 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
Тов. МАЛЕНКОВУ (лично)
От Купера Моисея Давидовича, проживающего
в г. Ухта Коми АССР, Первомайская ул., № 4-б, кв. 10

ЗАЯВЛЕНИЕ

Узнав о разоблачении Берия Лаврентия Павловича как злейшего врага партии и советского народа, считаю своим долгом сообщить Вам следующее:

Когда в октябре м-це 1936 года арестован был бывший секретарь Таганрогского Горкома ВКП(б) Варданиан Степан Христофорович, работавший до 1932 г. в Грузии и Армении, то его родственник (женат был на сестре Варданиана) Терминосов Леон Сергеевич, работавший до 1932 года в Закавказье, а с 1932 г. по 1936 г. председателем Таганрогского Горплана, мне сказал, что арест Варданиана и Гогеберидзе (быв. работник ЦК Грузии) объясняется тем, что Варданиан и Гогеберидзе Левон в 1936 году в Кисловодске через т. Поскребышева подали на имя т. Сталина заявление с серьезным материалом, порочащим прошлое Берия Л.П. О содержании этого материала он мне не говорил. Независимо от этого факта, в момент откровенных высказываний о Берия Л.П., Терминосов мне сказал, что по бесспорным данным, не вызывающим никаких сомнений, Берия Лаврентий Павлович в период большевистского подполья в Закавказье служил в контрреволюционной контрразведке, будучи законченным провокатором.

Автор этого заявления — Купер Моисей Давидович, 1902 года рождения, окончил в 1926 г. Киевский институт народного хозяйства, в апреле м-це 1937 года в г. Таганроге исключен заочно из кандидатов в члены ВКП(б), а затем 29 апреля 1937 года арестован Таганрогским Горотделом НКВД и после 3-х годичного пребывания там под следствием, где меня подвергали совершенно недопустимым особо мучительным издевательствам, постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 27 августа 1940 года я был

заключен на 8 лет в Ухтижемский исправтрудлагерь с формулировкой мотивов «за участие в правотроцкистской организации», к которой я никогда в жизни никакого отношения не имел, как и ко всякой другой антисоветской деятельности.

Еще более, спустя пять с половиной лет после отбытия совершенно незаслуженного наказания — постановлением Особого Совещания от 3 марта 1951 года Министерством Госбезопасности я сослан на поселение в Коми АССР без указания срока, под надзор местных органов МГБ с фотографическим повторением решения Особого совещания при НКВД от 27 августа 1940 года и извращением констатирующей части его.

Поэтому я вынужден факт о Берия направить Вам отсюда почтой, так как лишен права выезда.

М. КУПЕР

г. Ухта
11 июля 1953 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 480. Л. 60—61. Подлинник. Машинопись

№ 24

ПИСЬМО В.Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА К.Е. ВОРОШИЛОВУ

11 июля 1953 г.

Лично. Экстренно

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич
Москва, ул. Семашко, дом 5, кв. 2
Тел. Б 8-75-11
Председателю Президиума Верховного Совета СССР
К.Е. ВОРОШИЛОВУ

Глубокоуважаемый и дорогой Климент Ефремович!

Громадные события последних дней, связанные с разоблачением крупнейшего врага народа этого архинегодяя Берия, повелительно заставили меня тотчас сообщить Вам, как возглавляющему Президиум Верховного Совета СССР, а также ЦК Партии, Председателю Совета Министров и его первому заместителю и Министру иностранных дел, что я считаю себя обязанным сообщить всем Вам, что, несмотря на мой возраст, я столь же энергичен, как и всегда ранее, и готов тотчас же приступить к любой работе, которая потребовалась бы в борьбе с теми, кто, очевидно, разброшен повсюду этим агентом международной империалистической или иной какой разведки, обладавший таким исключительным доверием самой высшей партийной и правительственной власти.

Я думаю, что теперь все мы, старые коммунисты вместе с другими должны как один стать на ответственную работу, чтобы очистить административные и иные ряды от этой, хуже чем чумовой заразы предательства, заговоров и диверсантских убийств, которые, как видимо, готовились у нас в Москве по приказу международных империалистических разведок и кровавых выступлений каких-то таинственных сил. Этот махровый провокатор, неизвестный мне Берия, очевидно, успел многое подготовить за время своей деятельности, когда ему так много доверялось.

Вот почему я полагаю, что все мы старые большевики, активные участники трех революций, должны немедленно отдать все свои силы Правитель-

ству и Партии для ответственной работы, для разоблачения и изъятия врагов народа.

С коммунистическим приветом

ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ

P.S. При сем прилагаю копию моего письма к В.М. Молотову, которое прошу прочесть.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 480. Л. 62—63. Копия. Машинопись.

№ 25
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ

11 июля 1953 г.

Совершенно секретно

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса арестованного БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 11 июля 1953 года.

Приложение — на 9 листах.

Р. РУДЕНКО

12 июля 1953 года
№ 22/ссов

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, июля 11 дня, Генеральный Прокурор СССР Руденко допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Анкетные данные в деле имеются.

Допрос начат в 21 ч. 50 м.

ВОПРОС: Вернемся к вашим ответам по германскому вопросу. Вы продолжаете утверждать, что не были якобы противником курса на строительство социализма в ГДР?

ОТВЕТ: Противником не являлся. Был сторонником курса на строительство социализма в ГДР. Моя позиция по германскому вопросу была такова, как и Президиума ЦК.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Людвигова по поводу указаний, данных вами Шария по германскому вопросу:

«При этом перед изучением Шария указанных материалов и составлением “предложений”, Берия дал ему указания, которые шли гораздо далее разработанных Шария мероприятий. В частности, Берия считал, что проводимая в ГДР экономическая политика является неправильной и что взятый СЕПГ курс на строительство социализма в ГДР также является неправильным. Поэтому Берия считал, что колхозы в ГДР надо вообще распустить.

Помню, что Берия на материалах или на обложке наложил резолюцию в виде заметок “распустить колхозы”».

Об этом же говорят Шария и Ордынцев. Вы признаете, что являлись сторонником развития Германии по капиталистическому пути и были врагом строительства социализма в Германии?

ОТВЕТ: Мои предложения по германскому вопросу были приняты с некоторыми поправками и эти поправки я полностью разделяю. В показаниях

Людвигова очень много неточностей. Мои предложения сводились не к отказу от курса строительства социализма в ГДР, а на очень осторожный подход к этому строительству.

ВОПРОС: Перейдем к вопросу о расстановке кадров в МВД. Вы признаете, что стремились занять ключевые, руководящие должности в Министерстве своими приближенными, готовыми выполнить любое ваше преступное задание?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания бывшего вашего заместителя по кадрам Обручникова:

«Когда Берия был назначен министром внутренних дел СССР, вместе с ним появились на руководящих постах люди, давно уволенные из органов МВД-МГБ Кобулов Б., Мешик, Влодзимирский, Осетров, Людвигов, Сазыкин, Савицкий и др., назначение которые проходило без ведома Управления кадров. Характерно отметить, что Кобулов фактически приступил к руководству в МВД чуть ли не в день смерти товарища Сталина. Все организационные вопросы по Министерству сразу перешли в руки Берия, Кобулова, Гоглидзе и Влодзимирского».

Правильно показывает Обручников?

ОТВЕТ: Фамилии Обручников называет правильно, но он представляет положение в искаженном виде. По моему представлению утверждены соответствующими органами первыми заместителями Круглов, Кобулов, Серов; заместителем Масленников; членами коллегии: Обручников (по кадрам), Мамулов — нач. секретариата б. зам. министра, Стаханов — нач. главного управления милиции, Гоглидзе — б. зам. министра МГБ, Сазыкин, Рясной, начальники управлений — Федотов, Горлинский, Коротков и др. При назначении работников на руководящие посты я не исходил из позиций близости этих людей ко мне, а исходил из соответствия их должностям, на которые они назначались. Руководствовался их деловыми, политическими и чекистскими качествами.

ВОПРОС: Из каких соображений вы назначили имеющего весьма значительный перерыв работы в органах МВД и скомпрометированного в прошлом вашего приближенного Кобулова своим первым заместителем? Не сделали ли вы это потому, что имели в лице Кобулова верного соучастника в антисоветской деятельности?

ОТВЕТ: Абсолютно нет.

ВОПРОС: Кто готовил записку по Белоруссии?

ОТВЕТ: Записку по Белоруссии готовил Кобулов.

ВОПРОС: Кобулов был в курсе вашего намерения добиться смещения Патоличева?

ОТВЕТ: Был в курсе, в записке было сделано это предложение.

ВОПРОС: Таким образом, именно Кобулов являлся вашей правой рукой и именно с помощью его, в первую очередь, осуществлялись ваши преступные планы?

ОТВЕТ: Я бы сказал, что это неправильно. Я это отрицаю.

ВОПРОС: Какие у вас были отношения с Мильштейном?

ОТВЕТ: У меня были хорошие деловые отношения с ним, считал его преданным партии и не сомневался в его политических и деловых качествах.

ВОПРОС: Вам было известно, что Мильштейн является человеком с темным прошлым, все близкие родственники которого находятся в США, а брат

Мильштейна, приехавший при его помощи из Польши в Советский Союз, расстрелян за шпионаж?

ОТВЕТ: Мне известно, что кто-то из его близких родственников находился в Америке еще до советского периода, но кто именно из родственников — не то отец, не то мать — точно не помню. Когда-то это проверялось. Что касается его брата, то мне известно, что на него он, Мильштейн, сам заявил органам МВД и чуть ли не на основании его заявления брат его был арестован.

ВОПРОС: И вы считали при таких его политических качествах возможным назначить его первым заместителем Министра внутренних дел Украины?

ОТВЕТ: Я абсолютно был убежден, что он честный человек.

ВОПРОС: Не признаете ли вы, что Мильштейн был назначен на этот пост потому, что в его лице вы имели верного исполнителя любых ваших преступных распоряжений и человека, тесно связанного лично с вами?

ОТВЕТ: Нет, я это категорически отрицаю. Мильштейна знаю по работе примерно с 23 года и, кроме деловых отношений, у меня с ним других отношений не было. Он у меня не бывал, и я у него не бывал.

ВОПРОС: А не свидетельствуют ли о близости следующие его письма, адресованные вашей жене? Я оглашаю Вам текст этих писем.

Первое — «Нина Теймуразовна, боюсь быть надоедливым, но так мучительно сидеть без дела, а я уже не работаю третий месяц, что все же решился Вам вновь написать. Очень прошу Вас напомнить обо мне Лаврентию Павловичу насчет посылки на работу в систему МВД. Для меня это важнейший вопрос жизни, и я прошу Вашей поддержки. Шлю горячий привет Вам, Лаврентию Павловичу, Серго и желаю самого лучшего в жизни. Ваш Мильштейн С.Р.»

Письмо второе —

«Дорогая Нина Теймуразовна. Разрешите от всей души поблагодарить Вас за поддержку, за чуткое отношение ко мне...

Уезжая на новую работу по линии МВД, я хочу пожелать Вам и всей Вашей семье многих лет здоровья, счастья и успехов. Ваш Мильштейн С.Р. 29.III.1951 г.».

Не свидетельствуют ли эти письма о вашей тесной связи с Мильштейном?

ОТВЕТ: Об этих письмах мне известно. Я считаю, что Мильштейн к такому способу устройства на работу не должен был прибегать, что он действовал неправильно. Близость у меня с Мильштейном была только по деловой работе, другой близости не было. Эти письма никакого влияния на устройство его на работу не имели.

ВОПРОС: На каком основании вы назначили давно скомпрометировавшего себя на работе в органах МВД Мешика Министром внутренних дел Украины?

ОТВЕТ: Я не считал Мешика скомпрометированным. Мешика знаю по работе с 1939 года, с момента моей работы в Москве. Мешик работал еще до войны Наркомом государственной безопасности Украины. В Москве он работал начальником ЭКУ. Отрицательным у Мешика являлось, что он в свое время злоупотреблял выпивками. Но меня потом заверили, что он бросил пить. Назначая его на Украину, имел в виду, что он знает украинский язык и был в прошлом Наркомом госбезопасности Украины.

ВОПРОС: Не потому ли вы назначили Мешика Министром внутренних дел Украины, чтобы в лице его иметь верного соучастника?

ОТВЕТ: Нет, у нас с ним далекие отношения.

ВОПРОС: Назначая кадры на руководящие должности, вы попирали установленный порядок согласования с ЦК КПСС. Признаете это?

ОТВЕТ: Подавляющее большинство руководящих работников мною представлялось в ЦК на утверждение, но были случаи нарушений, когда работники назначались моим приказом без согласования с ЦК партии.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания б. начальника управления кадров МВД СССР Обручникова:

«Существующий прежний порядок подбора, расстановки кадров и согласований назначений с партийными органами были полностью игнорированы и я, в частности, узнавал о назначении ряда лиц на руководящие посты из приказов, поступивших ко мне на ознакомление.

Берия совершенно игнорировал порядок согласования с ЦК КПСС номенклатурных должностей и, когда я ему об этом докладывал, он возмущался и в пренебрежительном тоне отвергал всякие попытки убедить его в необходимости согласования.

В аппарате Министерства и на периферии появились люди, в прошлом скомпрометированные и уволенные из органов МВД. Это сразу бросилось в глаза и создалось впечатление, что кадры подбираются не по их деловым и политическим качествам, а по личной преданности их Берия, Кобулову и их приближенным.

В вопросах о назначении выдвигаемых Берия людей он не терпел никаких, даже самых робких предложений с моей стороны и, более того, чтобы отвергнуть наши соображения, он в присутствии Кобулова, Гоглидзе и других наносил оскорбления, называя меня ослом, ишаком и т.п., подчеркивая, что мы игнатьевцы-перегибщики и негодные работники.

Когда я приходил к нему с предложениями сделать представление в ЦК КПСС о назначении или освобождении того или иного номенклатурного работника, он в резкой и пренебрежительной форме заявлял мне, что ему нужно давать проекты приказов, а не представления. Причем это им говорилось в такой форме, чтобы подчеркнуть его независимость полную от ЦК КПСС

С первых дней его работы в МВД СССР было заметно, что он оторвался от ЦК КПСС и такую же линию намерен проводить во всех периферийных органах МВД...»

Намерены ли вы признать, что с самого первого дня после прихода на пост Министра внутренних дел сознательно игнорировали установленный порядок назначения кадров для того, чтобы иметь возможность занять основные должности своими людьми?

Даже министры внутренних дел республик и начальники управлений областей назначались вами без согласования с ЦК?

ОТВЕТ: Обручников тенденциозно излагает все. Объяснить его тенденциозность я не могу.

В связи с реорганизацией аппарата МВД я исходил из того, чтобы скорей назначить людей на соответствующие должности и поэтому безусловно допустил нарушение установленного порядка утверждения руководящих кадров в ЦК, имея в виду в последующем представить на утверждение тех, которые мною были назначены на работу. Сыграло известную роль то, что значительная часть работников, назначенных мною, ранее утверждалась в ЦК по работе в органах МГБ, но это ни в какой мере не освобождало меня от необходимости своевременного представления в ЦК об утверждении их в новых должностях, и, что безусловно, эти мои действия были неправильными.

Видно, что такие нарушения, допущенные мною, работниками МВД были истолкованы как попытка игнорировать установленный порядок ЦК партии — утверждения руководящих кадров.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Обручникова:

«В марте с.г. меня вызвал Берия и предложил подготовить приказ МВД о назначении министров внутренних дел республик и начальников управлений областей, назвав мне ряд фамилия: Мешика, Богданова, Мильштейна и др., куда, кого назначить. Я подготовил проект представления в ЦК по этому вопросу, имея в виду, что после решения ЦК будет издан приказ, как это делалось прежде.

Когда я явился к Берия с проектом представления в ЦК КПСС, он меня выругал площадной бранью и заявил, что ему не нужно никаких представлений, а нужен приказ. Когда я ему добавил, что вопрос о кандидатурах не согласован с секретарями обкомов, Берия буквально рассвирепел и выгнал меня из кабинета. При этом разговоре присутствовали Мамулов, Доброхотов, Кобулов, Круглов и Серов. После этого Берия приказ подписал, а представление в ЦК не подписал и передал его Мамулову, но затем, как мне сказал Доброхотов, представление все же было послано через несколько дней...»

Вы признаете эти факты?

ОТВЕТ: Я эти факты не признаю, они аналогичного порядка, как и предыдущие. Анализируя все это сейчас, конечно действия мои являются непростительными, преступными, хотя, повторяю, я исходил из того, чтобы скорее провести реорганизацию аппарата и назначения. В последующем я имел в виду представить все назначения номенклатурные в аппарат ЦК.

ВОПРОС: Как использовали вы партийных работников, призванных в систему МВД, в частности в центральный аппарат?

ОТВЕТ: Некоторые б. партийные работники, мобилизованные в органы МВД, были освобождены в связи с реорганизацией аппарата по деловым качествам.

ВОПРОС: Вы показываете неправду. Признаете ли вы, что вы умышленно выживали партийных работников из органов МВД?

ОТВЕТ: Нет, не признаю.

ВОПРОС: Вы показываете неправду. Оглашаю вам показания Обручникова по этому поводу:

«В конце апреля 1953 года я пришел к Берия со списком людей, пришедших на работу в МГБ—МВД в 1952 году из партийных органов, с предложением оставить их на работе в центральном аппарате МВД. В частности, в списке были Миронов, Лялин, Алидин, Егоров, Максименко и другие.

Берия меня буквально разнес и приказал выгнать всех на периферию как игнатьевцев и сказал, что в аппарат нужно подбирать старых работников, уволенных из органов, которых, как он заявил, "я знаю"».

Правильно ли это?

ОТВЕТ: Это показание явно неправдивое. Я помню, принимал из б. партийных работников Епишева и Лялина. Были мнения Обручникова и других, что они не подходят для работы в МВД. Помню, что из быв. партийных работников Алидин работает в должности нач. отдела, а Доброхотов — первым заместителем начальника секретариата. Работают также некоторые б. партийные работники в управлении кадров, а также и в других отделах и управлениях.

Заявление Обручникова о том, что я дал указание подбирать работников, уволенных из органов, которых только «я знаю», неправильно, так как примерно 90 % назначенных на руководящие должности я лично не знаю.

ВОПРОС: По вашей инициативе были вызваны в Москву резиденты, находившиеся в иностранных государствах?

ОТВЕТ: Да, я дал такое задание.

ВОПРОС: Для какой цели вы держали в Москве резидентов с апреля по день ареста?

ОТВЕТ: Вызваны они были потому, что работа их за рубежом была сведена на нет, присылаемая ими информация в лучшем случае была повторением тассовской информации. Поэтому ставилась задача пересмотреть состав, но практически получилось, что резиденты прибыли со всех основных стран. Соответствующую подготовку и работу с ними вело разведывательное управление.

ВОПРОС: Вы понимали, что осуществляя такой массовый вызов резидентов, во-первых, расшифровываете ценных сотрудников, во-вторых, нарушаете всю работу нашей агентуры за границей.

ОТВЕТ: Они друг друга давно знали, и поэтому это не было расшифрованием, а за границей оставалась часть работников.

Протокол прочитан, записано с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен 12 июля 1953 года в 1ч.50 мин.

Допросил: ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *П. ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 67—76. Копия. Машинопись.

№ 26

ПИСЬМО Ю.С. ВИЗЕЛЯ В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС[1]

11 июля 1953 г.

товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.
товарищу МОЛОТОВУ В.М.
товарищу ВОРОШИЛОВУ К.Е.
от члена КПСС — Визель Ю.С.
партбилет № 1872194

Прошу ознакомиться с моим письмом. Факты, излагаемые мною, достоверны, легко могут быть проверены и имеют некоторое значение в связи с последними событиями — разоблачением Берия как врага партии, авантюриста и буржуазного перерожденца.

В 1938 году, работая в органах МВД, я был включен Кобуловым и Берия в агентурно-следственную работу, результатом которой явились материалы, компрометирующие товарищей Ворошилова К.Е., Калинина М.И. и Жемчужину.

Меня и многих других работников органов привлекли к этой работе под предлогом необходимости выполнения ответственного партийного поручения.

Необычность обстановки и условий работы по данному делу, примененная в следствии изощренная тактика и методика и тенденциозность, на-

[1] На первом листе имеется помета: «Архив. Копию направить т. Шаталину. Д. Суханов. 20.VII.53 г.».

правлявшаяся свыше, привели меня к мысли, что под предлогом «показать нашим товарищам, как их обволакивает вражеское окружение» (слова Берия) предпринята серьезная попытка дискредитировать ряд руководящих деятелей партии и правительства.

Позднее мне стало известно, что следственный отдел по особо важным делам вел «расследование» дореволюционной деятельности товарища Молотова В.М. с целью компрометации его.

Вместе со мной работал сотрудник органов Зубов А.Н. Беседуя с ним о том, что нас втравили в грязное дело, я склонил его написать совместное письмо на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова об обстоятельствах возникновения и развития этого дела.

Такое письмо было нами написано на конспиративной квартире Зубова на Тверском бульваре, но передача его затруднялась тем, что за мною велось круглосуточное наблюдение, и можно было предполагать, что оно установлено и за Зубовым, поэтому он предложил использовать для передачи письма его жену.

Письмо было передано ей нами на улице, и объяснено как его передать.

Спустя несколько дней Зубов сообщил мне, что письмо им уничтожено.

Мысль сообщить руководству партии об этом деле, а также других извращениях в работе органов не оставляла меня и после этого.

В скором времени я оказался на положении активно разрабатываемого человека, и на меня исподволь началась заготовка компрометирующих материалов.

В 1943 году я сделал попытку добиться приема в ЦК партии. Я позвонил Вашему, товарищ Маленков, секретарю и попросил его доложить Вам мою просьбу о приеме. Не докладывая Вам, он тут же ответил, что Вы не сможете принять меня, и предложил мне позвонить тов. Павлову (или Петрову — точно не помню). Этот товарищ оказался занятым, и меня принял инструктор тов. Балабанов в присутствии работника органов.

Этим товарищам я не решился рассказать всего того, о чем хотел сообщить ЦК, но кое-что об обстановке в органах я им рассказал. Тов. Балабанов ответил мне, что ЦК доверяет товарищам, осуществляющим руководство в органах, и порекомендовал обратиться к ним.

Результатом моего посещения ЦК явилось снижение в должности и срочная отправка меня, больного, не оправившегося после тяжелого ранения, на фронт.

Сперва меня вызвал начальник особой инспекции при Министре и предложил немедленно покинуть Москву («не болтаться здесь») и выехать на фронт со снижением в должности, ибо в противном случае меня исключат из партии.

Вслед за этим меня посетил «доброжелатель» — работник органов Гукасов и посоветовал, не подымая шума, немедленно уехать, или меня доведут до состояния, когда я буду вынужден просить милостыню на улице.

Я уехал, но решил после войны, если останусь жив, при любых условиях, сообщить товарищу Сталину все данные, которыми я располагал об обстановке в органах.

На фронте ко мне приставили в качестве заместителя работника органов Карасаева, усиленно интересовавшегося, не намерен ли я еще раз обращаться в ЦК. На мое замечание, что после войны будет видно, Карасаев мне заметил, что если преподанный мне предметный урок не будет мною учтен, меня «сотрут в порошок».

После возвращения из армии в 1946 году, а также позднее, в 1948 году, по инициативе Зубова у нас состоялось несколько встреч. Первые беседы

носили характер прощупывания моих настроений, не намерен ли я что-либо предпринять по упомянутому выше делу.

Желая убедить меня в безнадежности этого мероприятия, Зубов рассказал мне, что во время войны он выезжал в лагеря, где организовал ликвидацию заключенных, привлеченных и осужденных по этому делу, что наряду с этим ему во время Отечественной войны было поручено проверить благонадежность товарища Ворошилова К.Е.

При другом разговоре, происходившем в Сокольническом парке культуры и отдыха, Зубов говорил, что авторитет Берия незыблем, ибо его считают неподкупным, и что Берия явится «наследником», т.к. есть основание полагать, что за «семью печатями» (собственные его слова) хранится соответствующий документ.

Я говорил Зубову, что считаю направление работы органов неправильным, что органы занимаются не тем, чем они должны заниматься, а в подборе, расстановке и использовании чекистских кадров руководствуются не государственными соображениями. Я назвал это нищетой духа и убожеством мысли и дел.

Из органов меня уволили в сентябре 1946 года. Не обладая другой профессией, кроме чекистской, я долгое время не мог устроиться на работу и был вынужден обратиться за помощью в трудоустройстве к товарищам, знавшим меня по работе в органах. Все их попытки помочь мне получить работу оказывались тщетными.

После очередной неудачной попытки получить работу ко мне явился Зубов. Поинтересовавшись, как я живу, он с цинизмом заметил «кольцо замкнуто» и предложил помочь мне в получении работы при условии, если я соглашусь уехать из Москвы.

В 1946 году я еще раз попытался быть выслушанным в ЦК. Мне удалось добиться приема у товарища, осуществлявшего контроль за органами, по фамилии Павлов (возможно Петров). Я рассказал ему о неправильных методах работы органов, о том, что и в 1938—39—40 г.г. и позднее органы фактически работали на холостом ходу, не выполняя основной своей задачи, о фактах беззакония и произвола, привел ему убедительный пример о зам. министра Обручникове.

На все это он мне ответил, что по затронутым вопросам мне надлежит обратиться к Берия, а что касается Обручникова, то он только недавно утвержден зам. министра внутренних дел, и пока нет оснований пересмотреть вопрос о нем.

После такого ответа не могло быть речи о более серьезном разговоре.

Приведенные мною факты и обстоятельства и многие другие, которые я в этом письме не привел, еще более утвердили меня в мысли, что подобные явления в нашей действительности стали возможны в результате коварного обмана руководства партии, а деятели, избравшие своей профессией обман путем изощренной фальсификации, служат не государственным, а узкогрупповым, своекорыстным интересам.

Оценивая реально положение, в котором я очутился, и памятуя о судьбе честных коммунистов, уничтоженных за попытку сообщить ЦК правду о неблагополучном положении в органах, я понимал неизбежность моей насильственной смерти.

Не желая умереть, не сообщив товарищу Сталину всего того, что я знал, я решил написать ему письмо.

Не зная, дойдет ли письмо по назначению, я решил написать тогдашнему Министру госбезопасности Абакумову с просьбой доложить содержание письма товарищу Сталину.

Весною 1948 года я сдал письмо в приемную МГБ. В этом письме я писал о спровоцированной в 1938 году фальсификации с целью компрометации товарищей Ворошилова К.Е. и Калинина М.И. и ошельмовании во вражеской деятельности тов. Жемчужиной.

Я указал, что данные следствия по этому делу явились не результатом того, что содержавшиеся в них факты имели место в действительности, а благодаря примененным в процессе следствия методам и приемам.

Этим письмом я свидетельствовал, что все материалы этого следствия являются клеветой и ложью, и просил подвергнуть меня допросу для дачи подробных показаний.

В этом письме я указал о первой моей попытке в 1938 году сообщить правду об этом деле руководству партии и что в результате нарушения мною неписанных канонов круговой поруки лица, заинтересованные в сокрытии правды, упредив меня, выставили меня в роли «потрясателя основ» и таким путем развязали себе руки в отношении меня.

Далее я писал, что подобные явления стали возможны в результате подмены принципа партийности и государственности в работе органов беспринципной групповщиной.

В заключение я просил доложить товарищу Сталину содержание моего письма.

Никто меня не вызвал и со мной не разговаривали, но то, чему подвергли после этого письма меня и мою семью на протяжении шести лет и до последнего времени, оказалось хуже смерти.

В этом письме я не могу изложить все, о чем должен рассказать, и прошу, если никто из руководителей партии не сможет лично меня выслушать, поручить человеку, заслуживающему доверие, поговорить со мной.

Вместе с этим прошу дать указание министру внутренних дел разыскать упомянутое мною письмо, а также несколько других моих писем на имя Абакумова, посланных мною с фронта.

ВИЗЕЛЬ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 4—9. Подлинник. Машинопись.

№ 27

ОБЪЯСНЕНИЕ М. ЗИМЯНИНА Н.С. ХРУЩЕВУ О СОДЕРЖАНИИ РАЗГОВОРОВ С Л.П. БЕРИЯ[1]

15 июля 1953 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н.С.

В соответствии с Вашим поручением докладываю о содержании разговоров, которые у меня были с врагом народа Берия дважды по телефону и один раз — на приеме у него 15 июня 1953 г.

---

[1] На первом листе имеются пометы: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. Н. Хрущев. 16.VII.53 г.», «К делу Берия. Доложено. Д. Суханов. 17.VII.53 г.». На последней странице помета: «Разослано: т. Маленкову Г.М., т. Молотову В.М., т. Ворошилову К.Е., т. Булганину Н.А., т. Кагановичу Л.М., т. Микояну А.И., т. Сабурову М.З., т. Первухину М.Г.».

Первый телефонный разговор состоялся незадолго (за 3 или 4 дня, даты точно не помню) до принятия постановления Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 г. «Вопросы Белорусской ССР». Я работал тогда в МИД СССР. Позвонил работник из секретариата Берия и предложил мне позвонить по кремлевскому телефону Берия.

Я позвонил, и состоялся разговор следующего содержания. Берия спросил, как я попал в МИД? Я ответил, что был в ЦК КПСС и к товарищу Молотову, что состоялось решение Президиума ЦК, в соответствии с которым я и работаю в МИД СССР. Затем Берия спросил, знаю ли я белорусский язык. Я ответил, что знаю. После этого Берия сказал, что вызовет меня на беседу, и повесил трубку.

Я доложил об этом разговоре товарищу Молотову сначала по телефону, а затем устно. Устный разговор состоялся несколько позже. Полагая, что меня могут перевести на работу в МВД, я сказал товарищу Молотову, что хотел бы остататься в МИД СССР. Однако товарищ Молотов, ничего не сказав мне о записке Берия, дал понять, что речь идет об ином предложении, против которого ему трудно возражать.

Второй телефонный разговор с Берия состоялся (также после предварительного звонка его помощника), насколько помню, уже после принятия решения Президиума ЦК от 12 июня. Берия предложил мне явиться к нему в понедельник, 15 июня 1953 г.

В понедельник я был на приеме у Берия вечером. Разговор продолжался примерно 15—20 минут.

Берия начал беседу с того же, что и в телефонном разговоре — как я попал в МИД? Я ответил. Берия заявил, что решение о моем назначении в МИД было ошибочным, неправильным, не мотивируя, почему. Я ответил, что «мое дело солдатское». ЦК решает вопрос о моей работе, я не могу рассуждать, правильно ли это или неправильно, а обязан выполнять решение, как и всякое другое.

Берия возразил: Ваше дело не совсем солдатское. И даже вовсе не солдатское. И тут же перешел к следующему тезису, что белорусы удивительно спокойный народ. На руководящую работу их не выдвигают — они молчат, хлеба дают мало — они молчат. Узбеки или казахи на их месте заорали бы на весь мир. Что за народ белорусы?

Не зная, с каким заклятым врагом партии и народа я имею дело, я принял эти слова как произнесенные невсерьез, и помню, что ответил Берия, что белорусы — хороший народ.

Затем Берия спросил меня, как я оцениваю Патоличева. Я пытался дать краткую, объективную характеристику тов. Патоличеву, но Берия прервал меня, сказав, что я напрасно развожу «объективщину», что Патоличев — плохой руководитель, пустой человек. После этого Берия заявил, что он написал записку ЦК КПСС, в которой подверг критике неудовлетворительное положение дел в республике с осуществлением национальной политики, а также с колхозным строительством. Кратко пересказав содержание записки, Берия заявил, что надо поправлять положение, что мне предстоит это делать. При этом Берия сказал, что я не должен искать себе «шефов», как это делали мои предшественники.

Я ответил, что «шеф» в партии есть один — Центральный Комитет партии. Берия заметил: «И Правительство». Я сказал, что это само собой разумеется, так как ЦК партии и Правительство неотделимы друг от друга.

Берия вновь заявил мне, чтобы я не искал себе «шефов» Это уже звучало, как предостережение или угроза, ибо сказано было очень резко. Я ответил, что учту его совет.

Затем Берия осведомился, читал ли я его записку о Белоруссии. Я ответил, что ничего не знаю об этой записке, тут же предложил сотруднику принести записку и завизировал ее на мое имя.

Вслед за этим Берия сказал мне, что министром внутренних дел БССР назначен Дечко, а также назначен ряд новых начальников областных управлений МВД — белорусов, предложил познакомиться с ними, сказал, что надо поддерживать чекистов. Я ответил, что чекисты не могут обижаться на отсутствие поддержки со стороны ЦК КП Белоруссии, Берия заявил вновь, что «надо поддерживать чекистов, у них острая работа, а долг чекистов — поддерживать Вас». После этого Берия встал, давая понять мне, что разговор окончен, но в заключение в третий раз сказал, уже не помню в какой связи, чтобы я не искал себе «шефов».

После ухода от Берия я зашел в его секретариат, где меня ознакомили с запиской Берия в ЦК КПСС о Белоруссии.

Вслед за тем мне прислали ее в Минск.

Будучи до предела загружен работой в связи с подготовкой к пленуму ЦК КП Белоруссии, я не имел возможности глубоко размышлять над тем, почему Берия, предупреждая меня от поисков «шефов», направил мне записку, но в глубине души был несколько встревожен тем, что эту записку направил мне не Президиум ЦК, а Берия. Поэтому я записку Берия никому не оглашал, а после пленума ЦК КП Белоруссии отправил ее в Канцелярию Президиума ЦК КПСС.

Теперь, после разоблачения Берия Президиумом ЦК КПСС, я сознаю, что шаги, предпринятые Берия по отношению ко мне, были провокационными от начала до конца, а ознакомление с его запиской — попыткой подкупа или шантажа, разобраться в которой я вовремя не сумел. Глубоко сожалею, что оказался в таком положении. Но Берия я раньше не знал — никогда не был у него, не знал подлых повадок этого предателя, относился к нему, как к видному государственному деятелю. Только узнав, что Берия является злейшим врагом партии и народа, я понял, насколько подлым является этот иезуит, насколько подлым было и его отношение ко мне лично, раз и меня он пытался запятнать.

Заявляю Центральному Комитету КПСС, что никогда ничего общего с врагом партии и народа Берия не имел, честно боролся и буду бороться за дело нашей Великой Коммунистической партии до последнего дыхания.

Член ЦК КПСС М. ЗИМЯНИН

15 июля 1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 27—30. Подлинник. Машинопись.

№ 28

ПИСЬМО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ МЕЛЬНИКОВА Н.А. БУЛГАНИНУ[1]

15 июля 1953 г.

МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

В связи с разоблачением Берия как врага коммунистической партии и советского государства, считаю своим долгом доложить Вам некоторые факты, которые в связи с делом Берия могут теперь иметь другую оценку.

[1] На первом листе имеются пометы: «Т.т. Маленкову Г.М, Молотову В.М., Хрущеву. Н.С. Булганин», «Архив. Доложено. Д. Суханов. 30.VII.53 г.», «Послано т. Руденко».

Изложенные факты относятся к периоду оборонительных боев за главный Кавказский хребет и в районе Орджоникидзе (Владикавказ) в Великую Отечественную войну.

1. К 1 августа 1942 года я прибыл в г. Сухуми на должность Начальника штаба 3-го стрелкового корпуса. Управление корпуса было сформировано в июне 1942 года. Командиром корпуса был назначен генерал-майор Леселидзе. Корпус входил в состав 46 армии (штаб армии г. Кутаиси) и имел задачу оборонять побережье Черного моря от возможной высадки морского десанта немцев. Как известно, летом 1942 года, т.е. в этот период советские войска вели сдерживающие бои с противником на Северном Кавказе и на подступах к Кавказским горам.

Ни в штабе корпуса, ни командиром корпуса генералом Леселидзе не оценивалась обстановка в том направлении, что необходимо и немедленно начать выдвижение частей корпуса с побережья моря на перевалы Главного Кавказского хребта. В первых числах августа 1942 года у Командующего 46 армией генерала Сергацкова созрело решение о необходимости немедленного выдвижения частей для занятия обороны на перевалах, но, как я понял его, он ждал утверждения этого решения Военным Советом Закавказского фронта. Примерно 14 августа я был вызван Командующим армией в Сочи, в штаб 20 горно-стрелковой дивизии, где получил от него приказание командиру корпуса генералу Леселидзе о немедленном выдвижении частей корпуса на перевалы. Генерал Леселидзе отнесся к этому приказанию скептически, возражал против такого поспешного приказания и считал, что еще нет данных для немедленного выдвижения частей на перевалы. Об этом мною было доложено генералу Сергацкову, и последний после длительного переговора по телеграфному аппарату с генералом Леселидзе в моем присутствии в категорической форме приказал выполнять его приказ. Таким образом, генерал Леселидзе затягивал выдвижение частей на перевалы. В результате этого с опозданием были выдвинуты на перевалы части 394 Грузинской стрелковой дивизии, и по этой причине противник упреждал нас в выдвижении на перевалы. При этом следует подчеркнуть, что части 394 стрелковой дивизии не были заранее подготовлены и приспособлены для ведения боев в горах. Вышедшие батальоны на перевалы по существу без сопротивления сдали их противнику.

Привожу этот факт с той целью, чтобы показать, как теперь стало известно, преступную деятельность Берия, прибывшего в г. Сухуми в качестве члена Комитета обороны. Берия прибыл с большой группой своих приближенных. На заседании в Сухуми, на котором присутствовали Военные Советы Зак. фронта и 46 армии и секретари горкомов Краснодарского края, он свирепо отстранил от должности Командующего, начальника штаба и начальника тыла 46 армии и других. Назначил командующим армией генерала Леселидзе, а начальником штаба — привезенного с собой полковника Миколадзе, Он создал большой Военный Совет армии и включил в его состав врагов народа, как, например, бывшего Секретаря Сухумского обкома Барамия. Угрожал расстрелом и другими кознями секретарям горкомов Краснодарского края за то, что они не наводят порядка, и за то, что требуют рабочей силы для оборонительных работ, и сказал, что не даст из Грузинской ССР людей для оборонительных работ. Между тем он ни словом не обмолвился на руководство Грузинской ССР и Абхазской АССР, которые своею деятельностью и пассивным созерцанием усугубляли беспорядки и увеличивали панику.

Например, противник в течение трех дней бомбил г. Сухуми. В городе возникли пожары, паника и грабежи. А руководство Абхазской АССР, и в

частности секретарь обкома Барамия и начальник Управления НКВД (по фамилии, насколько припоминаю, Гагуа), после первой бомбежки сбежали в горы и бросили город и население на произвол судьбы. Однако к ним со стороны Берия никаких мер не было принято. Также не помню, чтобы были привлечены к ответственности командир 394 стрелковой дивизии Контария и командиры полков этой дивизии за сдачу перевалов.

Как я уже указывал, Берия прибыл в г. Сухуми с большой группой приближенных ему работников. Вместе с ним прибыли Нарком внутренних дел Грузинской ССР Роппау, полковник Миколадзе, а также Соджая Пиашев и много других лиц.

Для упрочения угрожаемого положения на Клухорском и Марухском направлениях требовалось принять меры для усиления этих направлений более стойкими частями. Предлагалось перебросить из Батуми 9 горнострелковую дивизию, а на ее место передислоцировать 394 дивизию. В этом Берия отказывал. Позже, видимо под давлением сверху, были направлены на усиление этих направлений 9 горнострелковая дивизия, 155 стр. бригада и 107 стр. бригада, прибывшая с Брянского фронта.

На меня, как на начальника штаба корпуса, и на комиссара корпуса полковника (ныне генерал-майор) Буинцева была возложена Военным Советом армии ответственность за Марухское направление. Для этого нам передали 107 стр. бригаду, с которой мы прибыли к Марухскому перевалу. По прибытии нами было установлено наличие специальной группы, присланной Берия со специальным назначением руководства этим направлением. Об этом, видимо, и не знал Военный Совет армии. Подобные же группы от Берия находились и на других направлениях, и в частности, на Клухорском направлении находилась группа под руководством Серова (Зам. Министра НКВД СССР). Фактически мы были отстранены от руководства боевой деятельностью подчиненных нам войск.

Возникает необходимость проверить истинное политическое лицо всех лиц, коих Берия привез с собой, назначал и продвигал их по службе.

2. Некоторые факты о ходе боев в районе Орджоникидзе (Владикавказ) в ноябре 1942 года.

Северной группой войск командовал генерал Масленников И.И. В начале ноября 1942 года противник нащупал слабое место в нашей обороне в районе — Нальчик, прорвал оборону и за двое суток узким коридором вышел к окраинам Орджоникидзе. Такое неожиданное появление противника нас удивляло. В ходе продвижения противник разогнал части 10 стр. корпуса, который только что приступил к формированию в районе южнее селения Ардон. Командиром этого корпуса был назначен генерал Лавягин, для которого, как было известно, появление противника было неожиданным. Генерал Масленников И.И. отдал под суд генерала Лавягина.

Войска 9 армии готовились к наступлению на Молгабег. Вследствие неожиданного прорыва немцев на Орджоникидзе наступление было отменено, и 3 стр. корпус спешно выдвигался в район Орджоникидзе для занятия рубежа обороны в районе поселка Кировский. Нам представлялось, что сил в группе войск было достаточно для быстрого и полного разгрома противника.

Кроме 3 стр. корпуса, в районе Орджоникидзе находились в резерве, как было известно, дивизия НКВД и 10 гвардейский стр. корпус. Командир 3 стр. корпуса полковник (ныне генерал, Командующий ПриВО) Перекрестов предлагал нанести удар во фланг и тыл прорвавшейся группировки немцев. Командующий 9 армией генерал Коратеев поддерживал это предложение командира

3 стр. корпуса. Но, как было нам известно, генерал Масленников И.И. отверг его, 10 гвардейский стр. корпус впоследствии был введен в бой лобовым ударом, завязался затяжной бой. В ходе напряженного боя в один из дней командир корпуса и начальник штаба были вызваны на командный пункт армии. Командарм генерал Коратеев развернул заранее заготовленную карту и указал нам рубеж для занятия войсками корпуса в случае отхода. Эта карта с рубежами, на которые должны отойти наши войска, видимо, была прислана из штаба группы войск. Мы все чувствовали и знали, что Масленников И.И. не мог терпеть такого способного и опытного командарма как генерал Коратеев.

Руководство генерала Масленникова И.И. сводилось к постоянным угрозам расстрела. Были случаи, когда он своими действиями грубо компрометировал действия командиров соединений. Например, 3 стр. корпусу была передана одна стрелковая дивизия (номер ее не помню), которая находилась в движении. Вместе с этим Масленниковым И.И. было приказано с утра следующего дня начать наступление.

День был короткий. Командир корпуса и штаб корпуса в ночь кануна наступления по частям разыскивали эту прибывающую дивизию. Естественно, к наступлению не были готовы. Однако генерал Масленников И.И. приказал наступать. Наступление было неудачным. Генерал Масленников приказал расследовать и пытался невиновных в этом наказать.

Заслуживает внимания и такой факт, когда затягивалась переброска 3 стр. корпуса из-под Моздока под Новороссийск в состав Черноморской группы войск. После войны мне стало известно, что перегруппировка войск из Северной группы в состав Черноморской группы осуществлялась по замыслу товарища Сталина с целью отрезать отход немцев на Таманский полуостров. Как известно, с переброской опоздали, и замысел товарища Сталина не был выполнен, что потом, впоследствии, привело к большим ненужным потерям.

Я затрудняюсь делать какие-то определенные выводы о лицах и фактах, изложенных мною выше. Повторяю, мой долг, в связи с делом Берия донести Вам.

Старший преподаватель Высшей
Военной Академии им. К.Е. Ворошилова
полковник МЕЛЬНИКОВ

15.7.53 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 31—35. Копия. Машинопись.

№ 29
ПИСЬМО Е. ГНЕДИНА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС

16 июля 1953 г.

ПРЕЗИДИУМ КПСС
тов. МАЛЕНКОВУ Георгию Максимилиановичу

от ГНЕДИНА Евгения Александровича, бывшего заведующего Отделом Печати Народного Комиссариата Иностранных Дел, ныне ссыльного в Карагандинской области Казахской ССР, ст. Агадырь, Акчатаустрой

ЗАЯВЛЕНИЕ

В связи с разоблачением антипартийной и антигосударственной деятельности Берия сообщаю сведения о его преступных действиях, выразившихся

в том, что он лично, в своем кабинете Народного Комиссара Внутренних Дел, применял пытки для получения ложных показаний с целью обмануть Партию и Правительство.

Берия не удалось сделать меня орудием своего провокационного замысла. В течение четырнадцати лет, добиваясь реабилитации, я ссылался на неправильные методы следствия, но не решался до сегодняшнего дня в письменных заявлениях и даже кому-либо устно сообщить о личной причастности Берия к незаконным методам следствия. Я не называл имени Берия не только из-за недостатка мужества, но и из-за неправильно понимаемого чувства государственной и партийной дисциплины.

В ночь на 11 мая 1939 года, занимая должность Заведующего Отделом Печати НКИД, я был арестован и доставлен в кабинет Кобулова — ближайшего сотрудника Берия. Я решительно отверг заявление Кобулова, что являюсь шпионом, и утром 11 мая был препровожден для пыток в кабинет Берия. Для того чтобы высказываемое мною обвинение не было голословным, я вынужден изложить некоторые подробности.

Меня посадили на стул против Берия, а по бокам поместились Кобулов и неизвестный мне работник Следственной Части. Кобулов доложил Берия, что я на ночном допросе «вел себя дерзко», и как только я, прервав Кобулова, заявил, что настаиваю на своей абсолютной невиновности, Кобулов с подручным, по сигналу Берия, стали с обеих сторон обрабатывать мою голову, как боксер — тренировочный мяч.

Затем меня, оглушенного, по команде того же Берия всесторонне обработали резиновыми дубинками. На вопросы Берия я повторял, что никаких преступлений не совершал.

После этого начальник тюрьмы Миронов привел меня в холодный карцер, где меня без одежды продержали некоторый срок и вновь доставили в кабинет Берия. И снова Берия лично руководил избиениями, и снова на свои вопросы услышал от меня заявление о моей невиновности.

Затем меня подвергали избиениям в помещении Следственной Части больше суток (или несколько суток). В тех условиях я лишился возможности отличать смену дня и ночи.

Доведя меня до такого состояния, когда Кобулов соершенно всерьез заинтересовался, не страдаю ли я падучей (я ответил отрицательно, что и соответствует действительности), меня в третий раз привели в кабинет Берия. Он, конечно, был осведомлен о моем состоянии и, зная, что мне уже известно как содержание лживых показаний, которые пытались у меня исторгнуть, так и то, кого ему желательно оговорить, потребовал, чтобы я «признался».

Я сказал: «Я обязан говорить только правду: я ни в чем не виновен». На это Берия ответил: «Подобной философией вы только ухудшаете свое положение».

Ясно, что Берия не мог не убедиться в том, что в моем лице имеет дело с честным человеком, так как показаний от меня не получил, а предъявленные мне голословные и дикие посторонние показания были, несомненно, добыты либо с ведома и по приказу Берия, либо им самим в результате пыток и незаконных методов следствия.

Тем не менее, Берия обрек меня на дальнейшее следствие, суд, лагерь, ссылку.

Поскольку цель настоящего заявления — сообщить данные о Берия, я здесь не касаюсь моего дела и моей судьбы. Повторяю только, что и на следствии, и на суде я опроверг обвинения в какой бы то ни было моей причастности и к антисоветской деятельности в органах внешней политики, и вообще — в какой бы то ни было преступной деятельности. Я вошел в тюрьму коммунистом и остался им по сегодняшний день.

Е. ГНЕДИН

16 июля 1953 года.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 37—40. Копия. Машинопись.

№ 30
ПИСЬМО СЛЕДОВАТЕЛЯ В.Н. ЗАЙЧИКОВА Н.С. ХРУЩЕВУ О ДЕЛЕ АБАКУМОВА[1]

16 июля 1953 г.

В связи с тем, что сейчас расследуется преступная деятельность Берия, считаю необходимым сообщить Центральному Комитету следующее.

В январе 1953 г. Секретариат ЦК КПСС направил меня на работу пом. нач. следственной части по особо важным делам МГБ СССР. В феврале с.г. Игнатьев, Гоглидзе, Коняхин (б. зам. нач. следственной части) и я были вызваны товарищем Сталиным И.В. Я был вызван как один из участников составления проекта обвинительного заключения по делу Абакумова.

Тов. Сталин подверг представленный ему проект обвинительного заключения критике главным образом за то, что документ неубедительно показывал причины и процесс падения Абакумова.

При этом тов. Сталин сказал, что в обвинительном документе мы должны сказать правду, какой бы она ни была. Тов. Сталин говорил, что если за Абакумовым наблюдались порочащие его действия еще до выдвижения на пост министра, то и об этом надо сказать, не боясь того, что это может указать на ошибочность выдвижения Абакумова. Далее тов. Сталин сказал: «У нас кандидатура Абакумова не вызывала доверия. Назначили мы его по настоянию Берия. Вскоре после назначения членам Политбюро стало ясно, что Абакумов не на месте. Вот из-за такого отношения к подбору кадров я недолюбливаю Берия и не доверяю ему».

Должен добавить, что на всех стадиях рассмотрения в Министерстве переработанного после указаний тов. Сталина проекта обвинительного заключения Гоглидзе стремился избавить документ от фактов, которые могли натолкнуть на мысль об ошибочности выдвижения Абакумова. В частности, Гоглидзе неоднократно предлагал исключить указание на то, что Абакумов в 1933 г. переводился из членов в кандидаты партии за нежелание ликвидировать свою политическую безграмотность.

ЗАЙЧИКОВ В.Н.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 42—43. Подлинник. Машинопись.

[1] На первом листе имеются пометы: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. Н. Хрущев. 16.VII.53 г.», «Архив. Доложено. Д. Суханов. 17.VII.53 г.».

№ 31

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

16 июля 1953 г.

Совершенно секретно

№ 39/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 16 июля 1953 года.

Приложение: на 12 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, июля 16 дня, Генеральный Прокурор СССР РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича (анкетные данные в деле имеются).

Допрос начат в 21 ч. 20 мин.

ВОПРОС: Вернемся к вашей биографии. Дайте правдивые показания — когда вы вступили в партию?

ОТВЕТ: В партию вступил в марте 1917 года при следующих обстоятельствах: незадолго до Февральской революции 1917 года в техническом училище была забастовка студентов против педагога Некрасова за то, что он давал неправильные оценки при зачетах и очень плохо относился к учащимся. Я был старостой своего класса и был одним из инициаторов этой забастовки. Вскоре после этой забастовки, уже после Февральской революции в марте м-це 1917 года группа участников этой забастовки в количестве 3—5 человек, в том числе и я, решили записаться в партию большевиков. Запись производил учащийся техникума Цуринов-Аванесов. Как он затем оформлял это вступление наше в партию — я не знаю, но он был связан с кем-то из районного комитета партии, с кем именно — не знаю. Никаких удостоверений о вступлении в партию не выдавалось.

ВОПРОС: Как могло случиться, что вы, будучи членом партии с марта 1917 года, в июне этого года добровольно вступаете практикантом в гидротехническую организацию и выехали в Одессу? Было ли это поступление согласовано вами с партийной организацией?

ОТВЕТ: Что я поступил в эту организацию, Цуринов знал, но я ни с кем в партийной организации этого не согласовывал. Тогда я считал возможным это делать, т.к. над этим не задумывался.

ВОПРОС: Как могло случиться, что вы, будучи членом большевистской организации, как вы утверждаете с марта 1917 года, в 1919 году осенью поступаете агентом контрразведки муссаватистской по заданию «Гуммет», членом которой, как вы заявляете, не являлись?

ОТВЕТ: От большевистской партийной организации задания поступить агентом в муссаватистскую контрразведку я не имел. Имел я это задание от

---

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «Читал В. Молотов 18.VII», «Читал Н. Хрущев», «Читал К. Ворошилов», «Читал Л. Каганович», «Читал Микоян», «Читал М. Сабуров 24.VII.53», «Читал Первухин 27.VII».

большевистской части «Гуммет», а в частности Гуссейнова, и я был уверен, что он действует и от имени большевистской организации.

ВОПРОС: Вы даете лживые показания. Вы не вступили в партию в 1917 году. Вам известна такая фамилия Вирап?

ОТВЕТ: Я утверждаю, что вступил в партию в марте 1917 года. Вирапа я хорошо знаю. Он был во время подполья связан с нашей ячейкой технического училища как представитель Бакинского комитета партии. В 1919 году, когда я работал агентом муссаватистской контрразведки, Вирап был задержан контрразведкой вместе с другими, и я еще оказывал ему содействие вместе с Исмайловым связаться со своими людьми. Через непродолжительное время все эти задержанные были освобождены. Впоследствии Вирап в 24—25 г.г. стал ярым троцкистом и был выслан из Закавказья и, по-моему, был расстрелян.

ВОПРОС: Просили ли вы Вирап в 1920 году засвидетельствовать ваши политические убеждения в период службы в муссаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: Такая просьба с моей стороны была. Возник этот вопрос в связи с тем, что б. секретарь ЦК Азербайджана Каминский, желая устроить на должность управделами ЦК, которую я занимал, свою жену, поднял материалы о моей работе в муссаватистской контрразведке. Так как Вирап знал меня по партийной работе примерно с осени 1919 года и ему была известна моя работа в контрразведке и что в Бакинском комитете знали о моей работе в контрразведке, я и обратился к Вирапу с просьбой выдать мне характеристику о моей работе. Эту характеристику, которую мне дал Вирап, я читал, но не могу вспомнить ее содержание сейчас.

ВОПРОС: Вам предъявляется выданная по вашей просьбе характеристика Вирап от ноября 1920 года.

ОТВЕТ: По-моему это она.

ВОПРОС: В характеристике, выданной Вирап по вашей просьбе, указано: «Могу удостоверить, что Берия находится в партии с декабря месяца 1919 года и был в ячейке техников». Правильно пишет Вирап?

ОТВЕТ: Вирап пишет верно, он мог и не знать, что я с 1917 года в партии, так как я ему об этом не говорил. Вирап, как прикрепленный к партийной ячейке техников, должен был бы знать мой партийный стаж. Он, очевидно, назвал дату моего пребывания в партии с момента организации ячейки техников, где он был прикрепленным от бакинского комитета.

ВОПРОС: В этой же характеристике Вирап, говоря о вашей работе в контрразведке, указывает, что среди группы работавших там был и Берия, как сочувствующий. Правильно утверждение Вирап?

ОТВЕТ: Он правильно пишет, но он не знал о моем партстаже.

ВОПРОС: Почему архивные документы, принадлежащие ЦК КП(б)Аз., находились в вашем личном распоряжении, кто их изъял?

ОТВЕТ: Я просил изъять, но кто их изымал из архива ЦК КП(б)Аз. не могу сказать, так как не помню. То, что я хранил эти документы лично у себя, это я поступил неправильно, изъял их потому, что боялся, как бы их не уничтожили бывшие руководители ЦК КП(б) Азербайджана, которые впоследствии были разоблачены как враги. Они вели против меня травлю в бытность мою секретарем Зак. крайкома.

ВОПРОС: Вам предъявляется обложка из этого вашего архива, хранившегося у вас, на которой учинена следующая запись: «Личный архив № 2 товарища Берия (дела по Баку), вскрыть только по личному распоряжению товарища Берия» (подпись неразборчива). Кто учинил эту запись и чья эта подпись?

ОТВЕТ: Эта запись учинена Меркуловым и это же его подпись. Меркулов работал зам. наркомом внутренних дел. Оформлял он эти документы потому, что я ему доверял, кроме того Меркулов в 1938 году помогал мне в составлении объяснения в ЦК ВКП(б) на имя Сталина по вопросу о моей службе в контрразведке.

ВОПРОС: При каких обстоятельствах вы были арестованы в Грузии в 1920 году?

ОТВЕТ: Первый раз я был арестован весной или летом в 1920 году в Тифлисе, где я находился по заданию регистрода XI армии. Был задержан в здании ЦК большевиков, куда я был вызван Назаретяном, который был одним из руководителей ЦК. Особый отряд меньшевистский еще до моего прихода оцепил здание ЦК. Вход туда был свободным, а выход нет. Всех нас задержали в этом здании около суток, а затем всех освободили. Части из задержанных предложили покинуть Тифлис, что предложили мне — я не помню, может быть, тоже покинуть Тифлис. Со всеми нами, в том числе и со мной, вел разговор какой-то сотрудник этого меньшевистского отряда, протокола допроса не велось.

Спустя некоторое время из Тифлиса я выехал в Азербайджан как дипкурьер посольства РСФСР и при возвращении обратно в Грузию по заданию регистрода был задержан на границе пограничными особыми отрядами меньшевистского правительства. Был доставлен в Тифлис и, несмотря на мои протесты о незаконности ареста, так как являлся дипкурьером, меня все же через несколько дней отправили в Кутаисскую тюрьму. Перед направлением в Кутаисскую тюрьму в результате моих протестов явились представители посольства РСФСР Андреев и Белоусов, которым я вручил все документы и деньги, которые при мне находились. Они мне заявили, что посольство РСФСР опротестовало мое задержание перед министром иностранных дел грузинского меньшевистского правительства.

ВОПРОС: Фамилия Пунке вам известна?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Кто был начальником регистрода XI армии?

ОТВЕТ: Начальником был Тарасов, был ли Пунке начальником регистрода XI армии — не помню, может быть после.

ВОПРОС: При аресте при переходе границы у вас было отобрано удостоверение на шелку, подписанное начальником регистрода XI армии?

ОТВЕТ: Нет, ничего у меня не было отобрано.

ВОПРОС: Вам известна также фамилия Нечаев?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания бывшего резидента разведывательного управления Кавказского фронта в Закавказье — Нечаева:

«В 1920 году я работал окружным резидентом разведывательного управления (регистрода) Кавказского фронта в Закавказье. В зону моей деятельности, наряду с другими районами, входила и меньшевистская Грузия. Во второй половине 20 года в мои руки попала грузинская меньшевистская газета, издававшаяся в Тифлисе, в которой в качестве большой сенсации сообщалось об аресте органами министерства внутренних дел меньшевистского правительства Грузии «большевистского агента» Л.П. Берия с рядом изобличающих его данных. Я хорошо помню, что в этом сообщении приведен был полный текст найденного при Берия секретного удостоверения на шелку о том, что предъявитель его является сотрудником регистрода XI армии. Хорошо также помню, что на этом удостоверении стояла известная мне подпись начальника регистрода XI армии Пунке.

ОТВЕТ: Мне это задание поручалось.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показаний бывшего резидента Кавказского фронта Нечаева: «Хочу еще сказать, что в то время органы разведупра не рекомендовали своим работникам связываться с подпольными партийными организациями, и уж во всяком случае, такая связь не могла быть поручена таким второстепенным разведработникам, каким был сотрудник регистрода XI армии Л.П. Берия. Связь с закавказским краевым комитетом была, насколько мне известно, поручена только мне, как резиденту (окружному) регистрода Кав. фронта. При моих встречах тогда с М. Цхакая, Назаретяном, Туманяном я не слышал от них, чтобы кто-либо из других разведработников был с ними связан, хотя они знали, что я — представитель фронта». Правильно это?

ОТВЕТ: Я никогда не заявлял, что по линии регистрода XI армии имел задание связываться с подпольными партийными организациями, но я имел при выезде в Тифлис первый раз задание передать пакет нелегальному ЦК — Назаретяну. Это и было мной выполнено. Задание мне было дано Микояном А.И.

ВОПРОС: Вам известно это название — «особый отряд»?

ОТВЕТ: Да, мне известно. Это охранка грузинского меньшевистского правительства.

ВОПРОС: Вы признаете, что меньшевистская охранка была тесно связана с английской разведкой?

ОТВЕТ: Известно, что она была связана с английской и другими иностранными разведками.

ВОПРОС: Вы признаете, что меньшевистская охранка отправляла в Батум к англичанам для физического уничтожения захваченных в Грузии партийных и советских работников?

ОТВЕТ: Мне известно из газет несколько таких случаев.

ВОПРОС: Почему меньшевистская охранка, неизменно уничтожавшая при помощи англичан всех попадавших в ее руки сотрудников советских разведывательных органов, оказалась столь милостива к вам, хотя вы были пойманы с поличным и широко разрекламированы в меньшевистской печати?

ОТВЕТ: Что думали меньшевики и из чего они исходили, так решая вопрос, — я не могу сказать, но здесь важную роль сыграли протесты посольства РСФСР в Грузии. Все находившиеся в Кутаисской тюрьме обвинялись в подготовке к вооруженному восстанию, и подавляющее большинство их было выслано. Писала ли о моем аресте меньшевистская печать — я не знаю.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Нечаева:

«...Берия, несмотря на наличие документальных доказательств его агентурной работы, остался безнаказанным и сумел невредимым уйти из рук меньшевистской контрразведки "особого отряда". Мне известны факты, когда мои товарищи по работе, пойманные грузинской контрразведкой при менее компрометировавших их обстоятельствах, чем Берия, исчезли бесследно. По имевшимся у меня тогда сведениям, грузинский "особый отряд" передавал их английской контрразведке, обосновавшейся тогда в Батуми, которая их и уничтожала». Намерены ли вы дать правдивые показания о том, когда и при каких обстоятельствах были завербованы и сделались агентом английской разведки?

ОТВЕТ: Это абсолютная неправда, ни в какой никогда иностранной разведке я не состоял.

ВОПРОС: Вы поддерживали до последнего времени тесные связи с грузинскими белогвардейскими эмигрантами?

ОТВЕТ: Ни с кем не поддерживал.

ВОПРОС: В 1939 году вам доложил бывший начальник 5 отдела ГУГБ НКВД Фитин о «добровольной явке» в Советский Союз эмиссара лидера грузинских меньшевиков Ноя Жордания, причем этот эмиссар требовал беседы только лично с вами?

ОТВЕТ: Не помню, не то Фитин, не то кто другой, доложили мне, что задержан прибывший из-за границы эмиссар лидера грузинских меньшевиков Ноя Жордония. Не помню, докладывали ли мне, что он настаивает на личной встрече со мной, но не исключаю, что это могло быть так.

ВОПРОС: Вы признаете, что предлагали доставить этого эмиссара грузинских меньшевиков в Москву?

ОТВЕТ: Наверно.

ВОПРОС: Вы признаете, что имели с этим эмиссаром несколько длительных бесед с глазу на глаз в отсутствие каких бы то ни было других лиц?

ОТВЕТ: Один на один я с ним не беседовал. Не помню, кто присутствовал еще. Кобулов наверняка присутствовал, но были и другие работники, которые имели отношение — фамилии их не помню.

ВОПРОС: Назовите фамилию эмиссара?

ОТВЕТ: Беришвили.

ВОПРОС: Дайте ему характеристику?

ОТВЕТ: Прожженный меньшевик, наверняка агент иностранных разведок и в первую очередь турецкой.

ВОПРОС: Сообщите, о чем шли беседы и с какой целью этот эмиссар требовал личной беседы с вами?

ОТВЕТ: Почему он настаивал на личном свидании со мной — я сейчас объяснить не могу. В беседе со мной он сообщил о наличии двух группировок среди эмигрировавших грузинских меньшевиков, что одна группа, возглавляемая Ноя Жордания, стоит против поражения Советского Союза, вторая группа, возглавляемая не то Гегечкори, не то Чхенкели, которая стоит за поражение Советского Союза. Мы подробно его расспрашивали о положении в меньшевистской эмиграции, о турецкой разведке и об эмигрантах других национальностей.

ВОПРОС: Вы признаете, что запретили кому бы то ни было из сотрудников НКВД работу с меньшевистским эмиссаром, заявив, что будете поддерживать связь только лично?

ОТВЕТ: Нет, отрицаю.

ВОПРОС: Вы переправили затем этого эмиссара обратно в Турцию под предлогом того, что якобы завербовали его как агента, снабдив его советскими деньгами и инвалютой?

ОТВЕТ: Не помню, отправляли его в Турцию или нет, но разговор был, чтобы отправить. Должны об этом знать: Кобулов, Меркулов, Рапава.

ВОПРОС: Вы признаете, что в последующем этот фактически агент английской разведки являлся к вам еще несколько раз?

ОТВЕТ: Возвращался ли он еще, был ли он у меня — я не помню.

ВОПРОС: Вы направили затем в Турцию только для связи с этим агентом Вардо Максимелишвили и ее мужа Давида Матарадзе?

ОТВЕТ: Я вспоминаю теперь, что этого эмиссара Беришвили мы возвратили в Турцию. Подробно о заданиях ему знают названные мною лица. Для

связи с этим эмиссаром необходимо было послать наших людей. С моей санкции были направлены Вардо Максимелишвили и ее муж Давид Матарадзе.

ВОПРОС: Кто такие Вардо Максимелишвили и Давид Матарадзе?

ОТВЕТ: Оба они были сотрудники НКВД и, кажется, оба окончили разведывательную школу. Направлены были в Турцию во время войны, в каком году точно не помню.

ВОПРОС: Вардо Максимелишвили это ваша сожительница?

ОТВЕТ: С ней я сожительствовал еще до ее замужества, имел от нее ребенка, который был сдан в детский дом, но после ее замужества я с ней связь прервал.

ВОПРОС: Все ваши указания этому мнимому агенту писались лишь вами лично и передавались в запечатанных вами конвертах только Максимелишвили?

ОТВЕТ: Это неправда.

ВОПРОС: Максимелишвили и Матарадзе затем были арестованы органами МВД и освобождены вами с приходом на работу в Министерство внутренних дел?

ОТВЕТ: Они были арестованы вместе с мингрельцами и освобождены мною. Освобождены мною по заключению начальника следственной части Влодзимирского.

ВОПРОС: Вы признаете, что через этого эмиссара и своих сообщников Максимелишвили и Матарадзе устанавливали преступные антисоветские связи с лидерами грузинских меньшевиков?

ОТВЕТ: Абсолютно нет.

Хочу дополнить, что Беришвили, по-моему, в настоящее время находится в тюрьме в Тбилиси.

Допрос закончен 17 июля 1953 г. в 2 ч. 05 мин.

Протокол прочитал, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

ДОПРОСИЛ:

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 132—144. Копия. Машинопись.

№ 32

ПИСЬМО СОТРУДНИКА АППАРАТА СМ СССР А. ПАВЛЕНКО Г.М. МАЛЕНКОВУ О СТИЛЕ РАБОТЫ Л.П. БЕРИЯ[1]

17 июля 1953 г.

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Прежде чем изложить свою просьбу, выражаю Вам и в Вашем лице Президиуму ЦК нашей партии горячую искреннюю благодарность и глубокое удовлетворение по поводу разоблачения гнусного провокатора, врага партии и народа — иуды Берия.

---

[1] На первом листе имеется помета: «Архив. Доложено. Д. Суханов. 18.VII.53 г.».

Жалко только, что мы, работники аппарата Совмина, оказались политически близорукими, не смогли помочь ЦК КПСС разгадать лицо этого матерого иезуита, и вместе с тем очень горько сознавать, что из-за этого подлеца приходится оставлять работу в аппарате Совета Министров СССР в тот самый момент, когда после устранения этого изменника с его полицейскими методами руководства созданы нормальные условия для плодотворной работы.

В связи с делом Берия считаю своим партийным долгом чистосердечно заверить, что моя совесть как коммуниста абсолютно чиста. Работая в аппарате Совмина, я считал, что выполняю задание партии и Правительства и работаю для государства, партии и народа, а не на Берия. Занимался я, главным образом, контролем и проверкой важнейших решений Правительства по вопросам угольной, нефтяной, лесной, асбестовой и апатитовой промышленности, цветной металлургии, электростанций, железнодорожного и водного транспорта и важнейшим стройкам.

Работал я самым добросовестным образом, не считаясь ни со временем, ни со здоровьем, лишь бы успешно выполнить задание Правительства. Все подготавливаемые мною по результатам проверки или по поручению Совмина вопросы почти как правило рассматривались в Президиуме Совета Министров СССР. Никакого отношения к оперативной работе Министерства внутренних дел СССР я не имел, а после назначения Берия министром и освобождения МВД от хозяйственных функций, занимался только стройками нефтяной промышленности. С этого времени никаких поручений по вопросам МВД я от него не получал и даже по вопросам строек нефтяной промышленности ни разу не вызывался. Моя роль как помощника Зампреда Совмина в обычном понимании этого слова фактически являлась формальной, т.к. все документы докладывались ему только работниками его секретариата

В указанной должности я был утвержден вместе с другими членами Бюро по топливной промышленности после его расформирования, а содержание работы оставалось прежним (контроль за выполнением решений Правительства).

Мои отношения с Берия за все время работы в аппарате Совмина были обостренными, о чем знают все бывшие члены Бюро по топливу и транспорту и многие работники аппарата, поэтому не случайно, что коммунисты парторганизации Управления Делами Совмина при обсуждении 13 июля с.г. решений Пленума ЦК КПСС никакого упрека и замечания о моем поведении не сделали. Обостренность отношений с ними началась с моих возражений при назначении на работу в Бюро, а затем вызывалась недовольством с моей стороны, как и других членов Бюро, порочными полицейскими методами его руководства.

При рассмотрении на Бюро или на совещаниях у него различных вопросов, вместо разбора предложений по существу, он обычно никому не давал до конца высказать свои замечания и возражения и допускал, как правило, грубые окрики, угрозы и запугивание: «Мы вас выгоним вон», «Посадим в тюрьму», «Отрубим руки», «Мы вам больше ничего не будем поручать», «Будешь ходить с бубновым тузом» и другие оскорбительные и нецензурные выражения.

Возражения и критику он не терпел. Когда приходилось выступать с какими-либо замечаниями или возражениями по рассматриваемым вопросам, он приходил в ярость и кричал: «Откуда ты такой взялся, кто ты такой, и какие у тебя заслуги» др. Однажды при такой ругани бывший член Бюро т. Мельников просил освободить его от работы в аппарате Совмина, на что последовал ответ: «Ты думаешь, что уйдешь в Министерство на место прежней работы, не выйдет, пойдешь туда, куда пошел Панов».

Можно привести также факт его хамского отношения к оценке людей, приведенный бывшим членом Бюро по топливной промышленности т. Харченко в его выступлении на партсобрании. На одном из совещаний присутствующие товарищи давали положительную оценку одному хорошему работнику и указывали на его добросовестность и трудолюбие. В ответ было заявлено, что «это чепуха и вздор, все вы работаете только из-за страха, а ваши разговоры о честности и трудолюбии — это никому ненужная болтовня».

На рассмотрение любого вопроса по результатам проверки решений Правительства обычно им затрачивалось несколько минут. В существо дела он не вникал и опирался на канцелярские справки секретариата.

По одному моему возражению против такого метода работы в связи с обсуждением на Бюро вопроса о ходе строительства электростанций мне было заявлено: «Мы вас выгоним вон, я не позволю третировать работников секретариата, чтобы это было в последний раз». С людьми он, как правило, не советовался, смотрел на всех высокомерно.

Многие работники аппарата Совмина, как выяснилось на общем партийном собрании Управления Делами при обсуждении решений Пленума ЦК КПСС, полностью подтверждают тот факт, что в обращении с людьми он вел себя, действительно, по-хамски. Никто его не уважал, а все боялись.

О его пренебрежительном отношении к коммунистам парторганизации Управления Делами и к партийным органам можно судить по таким фактам, если кто-либо из работников аппарата при вызове к нему находился на партийном собрании или выполнял какие-либо партийные поручения, такой работник обзывался лодырем и бездельником. В течение длительного времени нельзя было провести общее партийное собрание с докладом Управляющего Делами по улучшению работы аппарата, так как, по сообщению на собрании т. Помазнева и секретаря парткома, он фактически запретил проведение такого собрания, заявив при этом: «Надо посмотреть, кто там ходит у вас в активе».

Его порочным полицейским методам руководства я и другие работники не придавали должного внимания, относя это к личным чертам характера, и лишь только теперь, в свете решений Пленума ЦК, стало ясным, что его несоветское, непартийное и хамское обращение с людьми было неслучайным и вызывалось враждебными его настроениями распоясавшегося провокатора. О других фактах его враждебной деятельности мне стало известно только после ознакомления с решением Пленума ЦК КПСС.

В заключение позволю себе напомнить, что на работу в Бюро по топливу и транспорту я был направлен по решению Совмина и ЦК партии при моем возражении. Решение состоялось в 1947 году в то время, когда я находился в командировке в Кузбассе, и мои возражения не были приняты во внимание, о чем я Вам лично докладывал, и только после последующего решения Секретариата ЦК партии приступил к работе в Бюро.

После ликвидации Бюро я вновь обращался в ЦК партии с просьбой перевести меня на другую работу, но мне было сообщено, что я должен оставаться на работе в аппарате Совмина.

До прихода на работу в Совмин мною пройдена прекрасная школа партийного воспитания в аппарате ЦК партии и, находясь на работе в аппарате Совмина, я прилагал все силы к тому, чтобы быть во всем принципиальным и оправдать доверие ЦК партии и Правительства. Поэтому очень тяжело сознавать, что в настоящее время, будучи совершенно невиновным во всем происшедшем и желая отдать все свои силы делу партии и народа, оказываешься ненужным.

Еще раз прошу Вас поверить мне, что моя партийная совесть в связи с делом Берия совершенно чиста, оказать мне в этом полное доверие и при возможности выслушать меня лично по этому вопросу.

А. ПАВЛЕНКО

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 49—52. Подлинник. Машинопись.

№ 33
ВЫПИСКИ ИЗ МАТЕРИАЛОВ АМЕРИКАНСКОЙ «СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ РАССЛЕДОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ФАКТОВ, ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ МАССОВОГО УБИЙСТВА В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ»

17 июля 1953 г.

Совершенно секретно

№ 44/ссов

Товарищу Маленкову Г.М.

По моему поручению были произведены некоторые выписки из находящихся в МИД СССР изданных в Вашингтоне в 1952 году материалов американской «Специальной комиссии по проведению расследования и изучения фактов, доказательств и обстоятельств массового убийства в Катынском лесу». Эта комиссия была создана американским конгрессом с пропагандистской целью мобилизации общественного мнения против СССР, для чего использована была клеветническая версия о том, что убийство польских военнопленных в Катынском лесу совершено якобы не гитлеровцами, а советским НКВД. Комиссия выезжала в Европу (Англия, Западная Германия, Франция), где производила допросы польских эмигрантов, немцев и других лиц. Довольно значительная часть материалов, изданных комиссией, посвящена тому, что Берия, принимая в 1940 году группу польских офицеров, в косвенной форме признал якобы факт убийства польских военнопленных, заявив, что в отношении этих лиц «мы допустили большой промах. Мы сделали большую ошибку». Аналогичное заявление, как утверждают американцы, было затем сделано и народным комиссаром внутренних дел Меркуловым.

Ниже приводятся выписки лишь из небольшого числа аналогичных документов, содержащихся в семи томах, изданных до настоящего времени сенатской комиссией.

1. Из «Предварительного доклада» американской «специальной комиссии по проведению расследования и изучению фактов, доказательств и обстоятельств массового убийства в Катынском лесу». Издано: Вашингтон, 1952 год, Правительственное издательство США.

«Русские признают свою «грубую ошибку».

...(г) Тот же свидетель (Примечание: американцы нигде не называют имен польских свидетелей, допрошенных ими о беседе с Берия) рассказал о подобных заявлениях, сделанных советским министром НКВД Берия подполковнику Берлингу, одному из шести поляков, оказавшихся предателями и вступивших в Советскую армию в 1941 году. В октябре 1940 года Берлинг также спрашивал Берия, почему Советы не вербуют офицеров из этих лагерей на службу в польскую армию, которую предполагается создать. Берия ответил: «Мы допустили большой промах. Мы сделали большую ошибку».

2. Приложение к материалам советской комиссии. Военный штаб, 6 мая 1943 года.

«...Когда я упомянул в разговоре с комиссаром Берией о большом числе наших первоклассных офицеров из лагерей в Старобельске и Козельске, он ответил: "Составьте список их, однако многих из них больше там нет, потому что мы допустили большую ошибку".

Во время второго разговора с комиссаром Меркуловым последний еще раз подтвердил содержание указанного комиссаром Берией.

Соответствует подлиннику. Военный штаб, 14 мая 1943 г.

(Печать польского военного командования)».

3. Выписка из стенограммы допроса полковника американской армии Генри И. Шиманского, произведенного конгрессменом Махровичем.

«Махрович: Вы, возможно, найдете запись беседы с Берия, главой НКВД.

Митчелл: Приложение V к вещественному доказательству 10а содержит запись беседы, на которую вы ссылаетесь. Она находится в части доклада, датированной 6 мая 1943 года.

Махрович: Имеете ли вы запись беседы генерала Берия, в которой он упоминает об ошибке, которую они допустили?

Шиманский: Да.

Махрович: Мне бы хотелось, чтобы вы зачитали ее. Скажите, генерал Берия был генералом, возглавлявшим НКВД, не так ли?

Шиманский: Правильно.

Махрович: Эта беседа произошла когда?

Шиманский: До октября 1940 года.

Махрович: Кто присутствовал на беседе?

Шиманский: На беседе присутствовали Горжинский, бывший подполковник Букоемский и бывший подполковник Зигмунд Берлинг.

Махрович: Кто передал вам запись этой беседы?

Шиманский: Она была взята из одного документа, а генерал Андерс дал мне заверенную копию.

Махрович: Зачитайте, пожалуйста, заявление Берия, сделанное тогда.

Шиманский (читает): "...Согласно письменным заявлениям, находившимся у полковника Горжинского, Берия, когда его спросили о судьбе польских военнопленных офицеров, заявил следующее: «Мы допустили большую ошибку»".

Махрович: Это было заявлением генерала Берия, когда его спросили о судьбе польских военнопленных офицеров?

Шиманский: Да, сэр».

«Это мнение Берия было подтверждено народным комиссаром госбезопасности Меркуловым, согласно дальнейшему высказыванию Берия о том, что вышеуказанных офицеров больше не существует. Отсюда вытекает, что с офицерами, интернированными в Козельск и Старобельск, что-то произошло даже до октября 1940 года».

В МИД СССР хранятся как английский текст, так и русский перевод материалов американской комиссии.

Генеральный прокурор СССР Р. РУДЕНКО

Разослано:
тов. Молотову В.М.
тов. Хрущеву Н.С.
тов. Булганину Н.А.

20.VII.53 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 145—148. Подлинник. Машинопись.

№ 34
ДОПОЛНЕНИЯ К ВЫПИСКАМ ИЗ МАТЕРИАЛОВ АМЕРИКАНСКОЙ «СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ...»

18 июля 1953 г.

Совершенно секретно

№ 53/ссов

Товарищу Маленкову Г.М.

Дополнительно к информации от 17 июля 1953 года представляю выписки из материалов американской «специальной комиссии по проведению расследования и изучению фактов, доказательств и обстоятельств массового убийства в Катынском лесу».

1. Из «Предварительного доклада» комиссии американского конгресса:

Глава III. «Показания людей, спасшихся из трех лагерей»

...«(в) В октябре 1940 года, когда Советы начали опасаться нападения со стороны нацистов, некоторым военнопленным из группы 400 поляков, оставшихся в живых, было предложено сформировать штаб польской армии, которую предполагалось создать в России. Было ясно, что среди этой группы не оказалось людей, достаточно квалифицированных для создания такого штаба. Один свидетель показал в Лондоне, что он спрашивал советского министра государственной безопасности Меркулова, почему русские для формирования этого штаба не отобрали людей из числа тех поляков, которые были эвакуированы из Козельска, Старобельска и Осташкова. Меркулов ответил: "Мы совершили ошибку. Этих людей нельзя использовать. Мы дадим вам других". Это заявление было сделано Меркуловым спустя шесть месяцев после эвакуации русскими этих трех лагерей (см. стр. 553, т. IV опубликованных протоколов заседаний комиссии)».

Из протокола допроса свидетеля А.:

(Примечание: фамилия свидетеля не названа американцами якобы потому, что у свидетеля находятся родственники в Польше, и он боится, что они будут репрессированы.)

Допрашивает сенатор Махрович.

«А.: После того как мы были переведены из тюрьмы, называемой Бутырка, в тюрьму, называемую Лубянка...

Махрович: Что произошло в Лубянке?

А.: Сначала они допрашивали старших офицеров.

Махрович: Прежде скажите, говорите ли вы по-русски?

А.: Да.

[...]

Махрович: Вы только что коснулись разговоров, имевших место между старшими офицерами и офицерами НКВД. Не так ли?

А.: Я разговаривал только с двумя из них — Егоров, Меркулов.

Махрович: Когда вы разговаривали с Меркуловым?

А.: Я разговаривал с Меркуловым во второй половине октября.

Махрович: Кем является Меркулов?

А.: Он представился мне как министр внутренней безопасности — государственной безопасности.

Махрович: В этой беседе комитет интересует в особенности, что было сказано в отношении офицеров, которые были убиты в Катыни.

А.: Да, я понимаю это.

Махрович: Не расскажете ли вы нам, было ли что-либо сказано в процессе вашего разговора с Меркуловым о судьбе исчезнувших офицеров?

А.: Сначала я должен рассказать вам о разговоре с Берия.

Махрович: В разговоре с Берия вы не участвовали, не правда ли?

А.: Нет, не участвовал. Но мне о нем рассказали сразу же.

Махрович: Я хочу сначала выяснить, о чем вы лично разговаривали с Меркуловым.

А.: При разговоре с Меркуловым присутствовал другой русский офицер, который не представился мне, но которого, мне кажется, звали Райхман.

Махрович: О чем вы разговаривали с этими офицерами?

А.: Он спросил меня, могу ли я командовать артиллерийской бригадой. Я ответил "да"...

Но я спросил его "откуда мы возьмем других офицеров?"...

Я спросил его, не можем ли мы получить польских офицеров из Козельска либо из Старобельска? На это я получил ответ от Меркулова: "Мы совершили ошибку".

Махрович: Я хотел бы слышать ответ полностью, что он еще сказал?

А.: "Мы совершили ошибку, эти люди более недоступны. Мы вам дадим других".

Махрович: Это был разговор, который вы лично вели с Меркуловым?

А.: Да.

Махрович: Когда это приблизительно происходило?

А.: Это было во второй половине октября.

Махрович: 1940 года?

А.: 1940 года.

Махрович: Не спрашивали ли вы Меркулова, почему эти офицеры являются недоступными?

А.: Нет, я не спрашивал его. Я ему в дальнейшем не задавал вопросов.

[...]

Махрович: Теперь, мне кажется, вы упомянули также, что некоторые из группы семи, которые были взяты вместе с вами в Москву, имели беседы с Берия? Не правда ли?

А.: Да.

Махрович: В первую очередь скажите, кто такой Берия.

А.: Берия является министром внутренней полиции.

Махрович: Он является министром НКВД. Правильно ли это?

А.: Да.

Махрович: Это внутренняя полиция?

А.: Да.

Махрович: Теперь он является вице-премьером России?

А.: Да.

Махрович: Вы не присутствовали при этом разговоре?

А.: Нет, я не присутствовал.

Махрович: Знаете ли вы, когда он происходил?

А.: Это было за несколько дней до моего разговора.

Махрович: Таким образом, в октябре 1940 года?

А.: После 10 октября 1940 года.

Махрович: Знаете ли вы, кто участвовал в разговоре с Берия?

А.: Да, я знаю.

Махрович: Кто они?

А.: Подполковник Берлинг, полковник Горчинский, подполковник Букаенский и подполковник Горчинский...

Подполковник Горчинский рассказал мне об этих беседах, когда он возвратился вечером...

Мы постучали в дверь и были пропущены из наших камер в ванную комнату. Мы уселись в ванной комнате, и он рассказал мне в этот вечер о своей беседе с Берия...

Махрович: Расскажите нам точно, что он вам передал относительно разговора с Берия.

А.: Он сказал, что в разговоре было предложено сформировать бронетанковую дивизию. Берия сказал, что он хочет сформировать бронированный кулак. Берлинг поинтересовался: "Откуда мы возьмем офицеров? Я хотел бы получить своих офицеров из Старобельска и Козельска". Об Осташкове речи не было, потому что в Осташкове были в первую очередь пограничная полиция и охрана. На это Берия ответил, разумеется по-русски, что "мы совершили большую ошибку". И он повторил это дважды: "Мы совершили большую ошибку", "мы совершили большую ошибку".

Генеральный прокурор СССР Р. РУДЕНКО

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 157—162. Подлинник. Машинопись.

№ 35

ЗАПИСКА БАГИРОВА МАЛЕНКОВУ Г.М., ХРУЩЕВУ Н.С.[1]

17 июля 1953 г.

Товарищу Маленкову Г.М.
Товарищу Хрущеву Н.С.

Считаю своим долгом обратиться в Президиум ЦК партии со следующей просьбой. Будучи чистым и честным перед партией и своей партийной совестью в момент, когда каждый коммунист, каждый советский человек всемерно помогает партии и государству в выявлении и ликвидации всех последствий вражеской работы Берия, я выгляжу как чужой человек, это в лучшем случае. Почему так получилось? Потому, что допустив одну невозможную ошибку, тут же не исправил ее честно, а наоборот углубил. Узнав впервые об аресте врага народа Берия 2-го июля у товарища Хрущева, я на его вопрос: «Звонил Берия?», ответил нет, когда как накануне, т.е. 1-го июля звонил Берия, как и многим другим. Так запутавшись в одном этом вопросе, я дальше на Пленуме ЦК, так и после натворил столько глупостей, допустил столько новых серьезных ошибок, что у всех возникли недоумение, сомнение и подозрение. Этим именно объясняется и суровая оценка моему поведению, которую вчера дал Президиум ЦК партии, выразивший политическое недоверие ко мне. Это высшая мера наказания для члена парии; видимо я заслужил ее, проявив по существу растерянность и дезертирство с поля боя.

Будучи всегда в самые опасные моменты жизни партии и страны, в самые крутые моменты борьбы партии с ее многочисленными врагами в первых рядах, в данном случае в разоблачении самого гнусного и подлого врага

[1] На первом листе имеется помета: «К делу Берия. Доложено. Д. Суханов. 17.VII.53 г.».

Берия я, как бы это не случилось, оказался в стороне. Поэтому совершенно естественно непонимание и недоумение у товарищей, которые и думают, в чем же дело? Что давит на Багирова? Дружба с Берия или взаимобоязнь, взаимообязанность? Нет, товарищи, ни то, ни другое. На меня, Багирова, ни со стороны Берия, ни со стороны каких бы то ни было врагов ничего не давит и не может давить. Были у меня более близкие друзья и приятели, чем подлец Берия, которых, не моргнув глазом, лично сам разоблачил и громил. В отношении разоблачения и расправы над Берия, оказавшимся самым злейшим и самым опасным врагом, тем паче колебаний быть не может. У меня дело не в этом, а в том, что, сказав один раз неправду, запутавшись в начале, усугубил свою вину перед партией впоследствии еще больше. Это первый случай в моей партийной жизни и работе.

Товарищи! Чтобы со мной не случилось и как бы сурово не наказали вы меня, я был и остаюсь верным солдатом нашей Великой Ленинской Сталинской партии. Каждая капля моей крови принадлежит ей.

Я в данном случае крепко споткнулся, но не упал, и вполне в состоянии выправиться, искоренить свою вину и выполнять любые задания партии. И прошу президиум ЦК партии помочь мне и дать возможность сделать это.

М. Багиров

17 июля 1953 года
гор. Москва

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 125—129. Подлинник. Рукопись.

№ 36

ЗАПИСКА БАГИРОВА МАЛЕНКОВУ Г.М., ХРУЩЕВУ Н.С.[1]

18 июля 1953 г.

Товарищу Маленкову Г.М.
Товарищу Хрущеву Н.С.

Для быстрого выявления многих вражеских проделок Берия, в особенности для полного установления преступления Сумбатова, целесообразно арестовать и допросить:

1. Мичурина, долго работавшего в охране Берия и очень близкого к Сумбатову. Мичурин, кажется, в отставке, но живет в Москве.

2. Рыбак — руководителя фельдсвязи МВД СССР, живет в Москве. Брат Рыбака, бывший замнаркома нефтяной промышленности не то в период Отечественной войны, не то после, арестован.

Они не только сами могут многое сказать о Берия и Сумбатове, но дать связи их, как старые, так и, главным образом, новые московские.

М. Багиров

18 июля 1953 года
гор. Москва

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 130—131. Подлинник. Рукопись.

---

[1] На первом листе имеются пометы: «К делу Берия. Доложено. Д. Суханов. 18.VII. 53 г.», «тов. Хрущев ознакомился. 18/VII».

№ 37
ЗАПИСКА КОМЕНДАНТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ Н. СПИРИДОНОВА Г.М. МАЛЕНКОВУ О Л.П. БЕРИЯ[1]

18 июля 1953 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

В связи с разоблачением Берия как врага партии и советского народа, вспоминая обстановку предвоенного и военного времени 1941 г. от октября м-ца до начала 1942 г., возникавшие тогда сомнения в данное время приобретают смысл вражеской деятельности Берия.

1) В тяжелые дни для нашей столицы Москвы, когда гитлеровские войска были на подступах я Москве, неожиданно для нас — Управ. Коменданта Московского Кремля без всякого извещения, в ГУМе была сосредоточена крупная воинская часть с артиллерией.

Мы всегда во время тревог очень беспокоились за это странное законспирированное от нас соседство с Кремлем.

Впоследствии со слов других работников УКМК говорили мне, что в этих т.н. войсковых частях НКВД был какой-то сбор подозрительных людей.

Кроме того бывш. нач. хоз. упр. Совета министров СССР тов. Опарин И.Е. уже после войны как-то по телефону сказал мне о наличии в ГУМе радиостанции Берия.

Связывая теперь эти два обстоятельства, не следует ли предположить, что сосредоточение крупной войсковой части, состоящей из подозрительных людей, у Кремля готовилось для нападения на Кремль.

2) Очень странным и весьма подозрительным являются теперь отдельные случаи неожиданных, без объявления тревог, бомбежек Кремля.

Вспоминаю случаи разрушения бомбами здания ЦК КПСС, разрыв бомбы в Арсенале и третьей — в Государств. университете.

В Кремле разорвалась бомба типа реактивного снаряда нашего изготовления.

Моя попытки исследовать по осколкам тип бомбы были тогда сорваны.

3) Появление одиночки террориста Дмитриева на Лобном месте Красной площади 6-го ноября 1942 г. в день торжеств. заседания в Кремле с докладом И.В. Сталина, обстрел им правительственной машины вызывает подозрение в организации этого акта Берия и его подручных с целью напугать правительство и сорвать заседание.

4) В данное время вызывает подозрение обстоятельство направления в Германию перед войной совершенно неподготовленного к дипломатической деятельности Деканозова в качестве посла СССР.

Дипломатическая линия и линия разведки оказались в руках у Берия, чем была скрыта внезапность нападения на вашу страну гитлеровских войск.

Не следует ли предположить, что все эти действия Берия являлись пораженческими, а он еще тогда рвался к власти.

КОМЕНДАНТ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ
Н. СПИРИДОНОВ

18.VII.53 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 54—56. Подлинник. Машинопись.

---

[1] На первом листе имеется пометы: «Тов. Булганину Н.А. Г. Маленков 18.VII», «Архив. Д. Суханов. 8.VIII.53».

№ 38
ПИСЬМО С.М. ШТЕМЕНКО Н.С. ХРУЩЕВУ О Л.П. БЕРИЯ[1]

21 июля 1953 г.

В ЦК КПСС
товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.
от члена КПСС генерал-
лейтенанта Штеменко С.М.

Как Вам известно, я снят с занимаемой должности и снижен в воинском звании на две ступени, с генерала армии до генерал-лейтенанта.

Это тяжелый удар для меня. Я честно и добросовестно прослужил в армии 27 лет. Поступил я в армию добровольно, когда мне было 19 лет. Партия и армия меня воспитали и вырастили.

Но все же не это меня беспокоит сейчас. Я перенесу, как подобает коммунисту, отстранение от должности и снижение в звании. Воля партии и нашего Правительства для меня закон, и данное решение не подлежит обсуждению.

Меня волнует и беспокоит сейчас другое, а именно, что на мое честное имя коммуниста и генерала в результате подлой, преступной деятельности врага народа Берия наброшена тень, и меня тревожит мысль, смогу ли я доказать партии свою честность и преданность ее делу, но уверен и знаю, что есть справедливость в нашей партии, которая позволит разобраться и установить, что я абсолютно не причастен к антипартийным и антигосударственным действиям подлейшего преступника Берия.

Я вместе со всеми честными людьми нашей Родины с чувством возмущения и негодования проклинаю этого презренного врага народа и вместе со всеми членами нашей партии целиком и полностью одобряю решения ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР по делу Берия. Я присоединяю свой голос к многомиллионному голосу нашего народа, выражающего горячую благодарность Президиуму ЦК КПСС, своевременно и решительно разоблачившему и обезвредившему подлого провокатора, предателя и авантюриста Берия.

Позвольте, Никита Сергеевич, кратко рассказать Вам о моих отношениях с Берия.

Впервые я встретился с этим Берия, будь трижды проклято его имя, в 1942 году во время его поездки в Закавказье. Для работы к нему была прикомандирована группа из Генштаба, возглавляемая генерал-лейтенантом Бодиным. В составе этой группы был и я. В Закавказье были около двух месяцев. За этот период все задания по работе я получал от своего непосредственного начальника генерала Бодина. С Берия никаких непосредственных дел не имел. Видел его несколько раз на совещаниях и один раз при выезде для осмотра оборонительных рубежей в район Махачкала, Грозный.

Второй раз я выезжал с Берия в 1943 году на Северо-Кавказский фронт в район Краснодара. Там он был около 10 дней. В этот период я выполнял его поручения, ездил в войска, собирал обстановку, готовил проекты донесений в Ставку, принимал участие при рассмотрении вопросов фронта. Активных

[1] На первом листе имеются пометы: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. Н. Хрущев. 22.VII.53 г.», «Архив. Доложено. Д. Суханов. 23.VII.53 г.». На последнем листе имеется помета о рассылке: «Разослано: т. Маленкову Г.М., т. Молотову В.М., т. Ворошилову К.Е., т. Булганину Н.А., т. Кагановичу Л.М., т. Микояну А.И., т. Сабурову М.З., т. Первухину М.Г.».

наступательных операций в это время фронт не проводил. Обе стороны сидели в обороне. Вся деятельность Берия на фронте свелась в основном к помощи фронту в вопросах снабжения.

Почему именно я ездил с Берия в Закавказье и на Северный Кавказ? Потому что это было мое направление еще с мирного времени. Впоследствии на Северный Кавказ я ездил с маршалом тов. Жуковым Г.К., а еще позднее с маршалом тов. Ворошиловым К.Е. Был я и на других фронтах — с тов. Маленковым Г.М. на Западном, с тов.Тимошенко С.К. на двух Прибалтийских фронтах, с тов. Жуковым Г.К. на 2-ом Белорусском. С кем посылали, с теми и ездил, а впоследствии посылали и самостоятельно.

В дальнейшем до конца войны с Берия встречался только у товарища Сталина, когда вместе с начальником Генштаба бывали у него на докладе. Кроме того, в конце 1943 года, Берия вместе с другими руководителями Правительства ездил в Тегеран на проводимую там конференцию, где я видел его. Я с группой в составе трех человек осуществлял связь Верховного Главнокомандующего с Генштабом, а через него с фронтами. Что делал Берия в Тегеране, мне неизвестно, но я знаю, что он участия в работе конференции не принимал. У меня с ним никаких дел не было как в Тегеране, так и в дальнейшем до конца войны. Иногда Берия звонил мне как начальнику оперативного управления и спрашивал обстановку на фронтах, которая ему и докладывалась как члену Правительства. Однажды он по телефону дал мне указание послать в МВД Мамулову справку, если не ошибаюсь, касающуюся работы группы, которая была с ним в Закавказье в 1942 году. Справка эта была нужна для получения медалей за оборону Закавказья.

Говоря о медалях за оборону Закавказья, следует обратить внимание на такой факт. Непонятно, почему медали за оборону Закавказья нам в Генштаб были присланы не из Президиума Верховного Совета, а из МВД, и грамоты к этим медалям были подписаны Берия. Я не знаю, каков был порядок выдачи этих медалей в войсках, но тогда в Генштаб эти медали были присланы из МВД с грамотой за подписью Берия. Может эти грамоты выдавались им тем, кто с ним ездил?

В бытность мою начальником Генштаба с конца 1948 года по июнь 1952 года отношения с Берия были те же, что и раньше, т.е. видел я его при докладах у товарища Сталина или на заседании Президиума Совета Министров. Лично у него в кабинете за это время был один раз, когда докладывал ему основные вопросы мобилизационного плана Советской Армии, которые по указанию товарища Сталина докладывались мною лично каждому члену Политбюро. Со стороны Берия при этом докладе был один вопрос, — что это план войны, или нет. Я ответил, что это план отмобилизования существующей армии. Больше никаких вопросов он не задавал, и весь мой доклад длился около 10 минут, не больше. За период пребывания меня в должности начальника Генштаба Берия звонил мне по телефону не чаще 2—3 раз в год по тем или иным вопросам справочного характера, точно ответить затрудняюсь, т.к. не помню. Года два или три подряд за этот период, помню, что он по телефону давал задание подработать совместно с Министерствами угольной и нефтяной промышленности вопрос об освобождении угольщиков и нефтяников от очередных призывов в армию. Эти задания выполнялись Главным оргуправлением Генштаба и представлялись в Совет Министров на утверждение. Иногда при своих обращениях ко мне по телефону Берия спрашивал, как идут дела в министерстве. Я ему обычно отвечал «все в по-

рядке» или «удовлетворительно», иногда говорил, что у нас имеются нерешенные вопросы в надежде, что он нам поможет решить их. Но его, видимо, мало интересовало, решаются наши вопросы или нет, т.к. после моего такого ответа он обычно, не давая никаких советов или указаний, клал телефонную трубку.

Примерно в конце мая 1952 года Берия позвонил мне по телефону и, не задавая других вопросов, спросил, как идут дела в министерстве. Я ответил примерно так, что в делах Генштаба и министерства, особенно после ареста т. Яковлева, есть трудности, которые заключаются в том, что многие вопросы не решаются, возвращаются обратно, многие наши предложения не принимаются. Он спросил, где не решаются вопросы. Я ответил, что ряд вопросов представлен товарищу Сталину, большинство же вопросов находится в Совете Министров и в Бюро по военным и военно-промышленным вопросам. Какие где находятся вопросы, я не перечислял, а он не спрашивал.

После такого ответа Берия сказал, напишите об этом товарищу Сталину и особо подчеркните, что Ваши вопросы не решаются в Бюро по военным и военно-промышленным вопросам. Я ему ответил, что нами уже подготавливается доклад товарищу Сталину о положении дел в министерстве и будет ему в ближайшее время представлен.

Следует доложить, что в этот день, или накануне этого дня, министр тов. Василевский А.М. и я как начальник Генштаба решили представить товарищу Сталину доклад, в котором указать, какие основные вопросы у нас не решаются, и хотели просить товарища Сталина помочь нам. До этого мы с маршалом Василевским не один раз обсуждали, как нам быть, составляли перечни нерешенных вопросов, которые он брал с собой при поездках в Совет Министров, а потом решили, как я уже доложил, написать письмо товарищу Сталину. Об этом я и сказал Берия. После моего ответа Берия сказал, представляйте доклад товарищу Сталину и еще раз подчеркнул, что особо остро нужно сказать о том, что наши вопросы не решаются в Бюро по военным вопросам. На этом разговор закончился.

На второй или третий день после этого я был отвезен в больницу на операцию, а по выходе оттуда уже не приступал к работе, т.к. был освобожден от должности начальника Генштаба. Таким образом, при мне указанный доклад так и не был представлен товарищу Сталину. Представлялся ли он после, не знаю. Я убыл на новую должность в группу советских войск в Германии.

После прибытия из Германии обратно в Генштаб в марте 1953 г. имел с Берия один разговор по телефону в конце мая месяца. Он мне позвонил и спросил, могу ли я подобрать в Генштабе или в Академиях двух офицеров, одного, который хорошо знал бы ход Отечественной войны, и второго, который мог бы хорошо обосновать события войны с политической точки зрения. Я ответил, что, безусловно, такие офицеры есть у нас и они будут подобраны. Он сказал, что вскоре позвонит и спросит, кто подобран. Для какой цели нужны эти офицеры Берия не сказал, а я постеснялся спросить. По этому вопросу мною было дано задание начальнику военно-научного управления тов. Покровскому и начальнику военно-исторического отдела тов. Платонову, которые подобрали и рекомендовали мне 4—5 человек, которых я взял себе на заметку, но Берия больше не звонил и эти кандидаты ему доложены не были.

Кроме изложенного мной выше никаких поручений Берия я не выполнял и от него никаких заданий не получал. Никогда Берия меня не спрашивал о характеристике тех или иных руководителей Военного министерства, или других лиц. Никогда, ни разу, ни устно, ни письменно я не докладывал Берия какие-либо факты, касающиеся работы того или иного руководителя Военного министерства или другого лица.

Почему я докладывал Берия по изложенным выше вопросам? Потому что он был одним из руководителей партии и правительства. Я знал, какое он занимает положение, и не мог не докладывать ему, когда он меня спрашивал. Никто не мог отказаться от доклада ему по любому вопросу, который он мог спросить.

О трудностях в министерстве весной 1952 года, т.е. о том, что у нас не решались некоторые вопросы, докладывал ему потому, что считал, что он может оказать помощь министерству, но и опять-таки докладывал ему не специально, а отвечал на его вопросы.

Я, как и все коммунисты, считал и сейчас считаю, что о недостатках и трудностях в работе я обязан докладывать, кому положено, а тем более руководящим деятелям партии и правительства, и не замазывать недостатки. Так учит нас партия.

Вопросы Берия ко мне не носили какого-то особо секретного или доверительного характера, и я, конечно, как и все, не мог тогда и думать, что свои вопросы, как видимо и все свои деяния, он использовал в своих корыстных целях. Видимо, рекомендуя написать указанное мной письмо товарищу Сталину, он преследовал какие-то свои цели, а вовсе делал это не из желания помочь министерству. Я не могу считать себя каким-то секретным осведомителем Берия, потому что, как я уже доложил выше, ни устно, ни письменно не докладывал ему ничего, кроме служебных вопросов, как начальник Генерального штаба. Нельзя же это рассматривать как сведения специального осведомителя.

В бытность мою начальником Генерального штаба со мной разговаривали по телефону и другие члены Политбюро и руководители Правительства и в том числе товарищ Сталин. Я выполнял и обязан был всегда выполнять все их указания и обязан давать ответы на любые их вопросы. Это ясно каждому.

Мне говорят, почему я не докладывал министру о своих разговорах с Берия? Не докладывал потому, что разговоры с ним не носили принципиального характера и были очень редки. Я не докладывал министру, если мог сам решить, о разговорах по телефону и с другими членами Правительства, т.к. обычно у меня спрашивали какую-либо справку и эти разговоры также не были принципиальными, так как известно, что важные и принципиальные вопросы у нас по телефону не решаются, да, кроме того, по важным вопросам звонили министру, а не мне. Только про каждый разговор с товарищем Сталиным немедленно докладывалось министру, но такие разговоры были чрезвычайно редки.

Во всяком случае, у меня не было и в мыслях скрывать о своих разговорах с Берия, т.к. он был таким человеком, указания которого всеми беспрекословно выполнялись, и их скрывать было нечего.

Товарищ Булганин Н.А. сказал мне, что якобы я через Берия докладывал товарищу Сталину разные сплетни на некоторых руководящих военных лиц. Я не делал этого, и мне больно и обидно было это слышать, я не такой

низкий и бесчестный человек. Возможно, что этот мерзавец Берия, не гнушавшийся ничем и не считавшийся ни с кем, в разговоре с товарищем Сталиным, опорочивая и возводя клевету на отдельных военных руководителей, мог для убедительности ссылаться на меня, зная, что товарищ Сталин длительное время относился ко мне с доверием.

О том, что Берия мог использовать мое имя в своих грязных интригах, свидетельствует, хотя, может быть, и маловажный, но показательный факт. Совсем недавно, в апреле или мае этого года, товарищ Булганин Н.А. сказал мне, что в разговоре с ним Берия сообщил ему, что в Генштабе нет доклада из Кореи от тов. Разуваева по вопросам, связанным с применением американцами бактериологического оружия и что якобы о том, что такого доклада нет, ему сказал Штеменко. Я тогда же доложил маршалу товарищу Булганину Н.А., что никакого разговора по этому вопросу у меня с Берия никогда не было, очевидно, это какая-то ошибка. Зачем в данном случае этому подлецу Берия потребовалось ссылаться на меня, когда я с ним об этом не говорил ни слова, очевидно, для подтверждения своих каких-то доказательств. Почему он не мог сделать то же самое в разговорах с товарищем Сталиным.

Конечно, мне трудно, почти невозможно доказать теперь, что я никогда ничего подобного не говорил Берия, и если им возводилась клевета на отдельных лиц со ссылкой на меня, то это делал он в своих грязных, преступных целях, не считаясь со мной. Ведь не считался же он не с такими людьми, как я, клеветал на наших руководителей и строил против них подлые интриги.

Наконец, мог ли я в каких-то карьеристских целях докладывать Берия что-либо, кроме служебных вопросов, с тем, чтобы выслужиться перед ним. Нет, не мог! Свидетельством этому служит моя добросовестная 27-летняя служба в армии, из которой почти половину (больше 12 лет) я прослужил в Генштабе, пройдя последовательно все ступени штабной службы от офицера направления до начальника Генштаба. В течение почти четырех лет я нес тяжелую и ответственную службу в должности начальника Генштаба, и в это время я желал для себя не большего, а только меньшего. Я никогда не имел серьезных упреков по службе со стороны своих начальников.

Во время войны я неоднократно просился на фронт, а в мирное время — в войска. Будучи вызван к министру в марте с.г. из Германии для обратного назначения в Генштаб, я в присутствии маршала тов. Жукова Г.К. и маршала тов. Соколовского В.Д. убедительно просил министра обороны товарища Булганина Н.А. не брать меня в Генштаб и приводил при этом ряд доводов.

Однако помимо моего желания меня назначили обратно в Генштаб. Уже после моего назначения я как-то при разговоре с товарищем Булганиным Н.А. просил его при первой возможности направить меня, да и других, кто долго сидит в Генштабе, в войска. Он обещал учесть эту просьбу. Разве это не свидетельствует о том, что я не лез на большие должности, а просился даже на меньшие. Я солдат и всегда работал там, куда меня назначат, и никогда ни у кого не просил для себя поблажек, льгот или каких-то теплых мест.

Поверьте мне, Никита Сергеевич! Я никогда не был лжецом. Вот и теперь, в трудный период моей жизни, когда я отстранен от работы и снижен в звании, меня нисколько не беспокоит моя так называемая служебная карьера. Я буду работать в том месте и на той должности, куда меня пошлют,

и это я заявляю не только теперь, когда мне туго, так говорил я всегда. Есть же люди, которые знают меня десятки лет. Как я уже доложил Вам, меня беспокоит сейчас не это, я тяжело переживаю теперь другое, а именно, что на мое имя коммуниста легла тень и смогу ли я вернуть прежнее доверие и доказать партии свою честность и преданность ее делу. Эти качества, как известно, проверяются не на словах, а на деле. Вот на том деле, которое доверит мне партия, я и постараюсь доказать свою преданность делу партии и нашему правительству и искупить те ошибки, которые у меня были, и доказать, что к преступным делам Берия я никакого отношения не имею.

Почему я не выступил публично с оценкой дела Берия, с разоблачением его как врага народа и своим отношением к нему? Находясь на Пленуме ЦК КПСС, у меня была мысль попросить слова, но, прямо Вам скажу, побоялся, т.к. я был отстранен от должности, что мое выступление будет расценено, как попытка использовать трибуну столь ответственного заседания для личного оправдания. С Берия я вместе не работал, как другие, ему непосредственно подчинен не был и каких-либо фактов, разоблачающих его, не имел. Кроме того, я был в подавленном состоянии, к тому же первый раз на Пленуме ЦК КПСС, и просто не решился попросить слова.

Мог я, безусловно, выступить, и это было бы даже в моих личных интересах, на партийных активах Министерства обороны или Генштаба, но, к сожалению, меня туда не пригласили, и я узнал об их проведении после того, как они прошли.

Заканчивая свое письмо к Вам, я еще раз со всей ответственностью заявляю, что я могу ошибиться, допустить оплошность, прозевать, но я никогда не совершал и не совершу какого-либо дела или поступка во вред своей Родине. Скоро месяц, как я существую, как отщепенец, без пользы для дела, и не знаю, как со мной поступят дальше. Прошу Вас, помогите мне в определении на работу, я еще не стар и по мере своих сил и возможностей смогу принести пользу своей Родине, служению которой я всегда отдавал и отдам впредь все свои силы и энергию, а когда потребуется, то и свою жизнь.

Маршалу Советского Союза товарищу Булганину Н.А. мною по изложенному вопросу с более детальным описанием пребывания Берия в Закавказье в 1942 году представлены письма 15 июля и 20 июля.

Генерал-лейтенант ШТЕМЕНКО

21 июля 1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 71—79. Подлинник. Машинопись.

№ 39
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ В.Н. МЕРКУЛОВА

21 июля 1953 г.

Совершенно секретно

63/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса свидетеля МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича от 21 июля 1953 года.

Приложение: на 6 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса свидетеля

1953 года июля 21 дня, Генеральный Прокурор СССР РУДЕНКО допросил в качестве свидетеля нижепоименованного, который показал:

МЕРКУЛОВ Всеволод Николаевич, 1895 года рождения, уроженец г. Закаталы, Аз.ССР, образование — незаконченное высшее — физико-математический факультет Ленинградского университета, член КПСС с 1925 года, Министр государственного контроля СССР, прож. ул. Горького, д. 31, кв. 131, несудившийся.

Свидетель предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний по ст.ст. 95, 92 УК РСФСР.

МЕРКУЛОВ

ВОПРОС: С какого времени вы знаете Берия?

ОТВЕТ: С Берия я познакомился в 1923 году, когда он обратил внимание на мою статью, опубликованную в сборнике «Чекисты 1-му мая». Берия понял, что в моем лице он имеет грамотного человека (самому Берия этого как раз не хватало), и стал меня приближать. Когда Берия был переведен на партийную работу, он предложил и мне перейти в партийные органы. Затем, когда Берия был переведен в Москву, он предложил и мне переехать в Москву. Через некоторое время я был назначен первым заместителем Берия на посту Наркома внутренних дел.

ВОПРОС: Что вам известно о преступной деятельности Берия?

ОТВЕТ: О преступной деятельности Берия, как таковой, мне ничего неизвестно. Насколько я понял из выступлений на Пленуме ЦК КПСС, преступная деятельность Берия стала развертываться после смерти И.В. Сталина. Очевидно, однако, что эта преступная деятельность Берия была подготовлена более длительным периодом, но, должен заметить, что я последние семь-десять лет был оторван от Берия, и как он вел себя это время по работе — не знаю.

Характеризуя Берия в прошлом, могу сказать, что это был человек с крутым и властным характером, добивавшийся власти, расчищая себе дорогу от соперников. Он демонстративно подчеркивал свою преданность И.В. Сталину, хотя в действительности, как показали события последнего времени, не был предан ему. В подтверждение могу привести следующий факт. За день до похорон И.В. Сталина Берия позвонил мне по телефону и просил приехать к нему. Приехав к Берия, я застал там Людвигова, Ордынцева, Мамулова, через некоторое время зашел тов. Поспелов. Я обратил внимание на поведение Берия, — он был весел, шутил, чувствовалось, что он не только не опечален кончиной И.В. Сталина, но, наоборот, чем-то окрылен. Тогда я подумал, что он умеет хорошо держать себя в руках, но теперь очевидно, что такое поведение Берия было обусловлено совсем иным: Берия ждал смерти И.В. Сталина, чтобы развернуть свою преступную деятельность.

ВОПРОС: Что вам известно о прежней службе Берия в муссаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: Еще в бытность в Тбилиси Берия как-то вызвал меня и сказал, что его враги распространяют слухи о том, что он служил в муссаватистской

контрразведке. В действительности, говорил Берия, он состоял в «Гуммет» — бакинской организации, близкой к большевикам. Насколько помнится, службу в муссаватистской контрразведке Берия вообще отрицал.

Берия просил меня вылететь в Баку и разыскать в партийном архиве реабилитирующие его документы, так как боялся, что враги могут уничтожить эти документы. Я вылетел в Баку, где пришел к Багирову и рассказал о поручении Берия. Насколько помнится, Багиров позвонил в истпарт и предложил оказывать мне содействие. Мне удалось найти в истпарте две папки с документами, — содержание этих документов я припоминаю смутно. Официального письма от Берия о выдаче мне документов у меня не было. Не помню, расписывался ли я в получении документов.

Вернувшись в Тбилиси, я передал полученные в Баку документы Берия, который был удовлетворен содержанием этих документов и спрятал их в свой сейф.

Затем до 1938 года я никакого отношения к этим документам не имел. В 1938 году я, при переезде в Москву, лично упаковал эти документы вместе с другими документами и они были отправлены в Москву.

В том же 1938 году Берия однажды потребовал папки с документами и сказал при этом, что И.В. Сталин требует от него объяснений по поводу службы в муссаватистской контрразведке. Не помню, кто писал эти объяснения. Может быть, я набросал для Берия, с его слов, черновик объяснения, а Берия затем его переписал начисто. Может быть, я помогал Берия формулировать объяснения, а писал их сам Берия.

После этого Берия забрал папки с документами и заявил, что он должен показать их И.В. Сталину. Больше я этих папок не видел.

ВОПРОС: Разве потом, после 1938 года вам не приходилось упаковывать личный архив Берия, в том числе и эти папки?

ОТВЕТ: Нет, упаковкой личного архива Берия после 1938 г. я не занимался.

— Свидетелю передается обложка упаковки личного архива с надписью: «Личный архив товарища Берия № 2 (дела по Баку). Вскрыть только по личному распоряжению товарища Берия».

Свидетель признал, что эта надпись выполнена его рукой.

ВОПРОС: Очевидно, вы запамятовали, так как эта обложка была обнаружена у Берия при обыске в полной сохранности, не нарушенной.

ОТВЕТ: Припомнить, что Берия вновь передавал мне эти документы, не могу. Если бы я помнил об этом, я бы сказал.

ВОПРОС: Что вам известно о получении из архива Октябрьской революции документов, компрометирующих Берия по прежней его службе в муссаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: По этому поводу мне ничего неизвестно.

ВОПРОС: Знали ли вы сотрудника НКВД Журбенко?

ОТВЕТ: Такую фамилию я припоминаю, но на какой работе он находился в НКВД — вспомнить не могу.

ВОПРОС: Не известно ли вам, что именно Журбенко были переданы документы, компрометирующие Берия, полученные из архива Октябрьской революции?

ОТВЕТ: Нет, по этому поводу мне ничего неизвестно.

ВОПРОС: Известно ли вам, за что осужден и расстрелян Журбенко?

ОТВЕТ: Нет, по этому поводу я ничего не знаю.

ВОПРОС: Вы помните дело по обвинению бывшего члена Президиума ВЧК — Кедрова?

ОТВЕТ: Нет, этого дела я не помню.

ВОПРОС: Не вспоминаете ли вы, что 9 июля 1941 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла оправдательный приговор Кедрову?

ОТВЕТ: Нет, этого я не помню.

ВОПРОС: Не припоминаете ли вы, что именно по этому делу вы входили с представлением на имя Председателя Верховного суда СССР — об отмене оправдательного приговора в отношении Кедрова?

ОТВЕТ: Этого я также не помню.

ВОПРОС: Известно ли вам, что при наличии оправдательного приговора Кедров в октябре 1941 года был расстрелян?

ОТВЕТ: Нет, это мне неизвестно. В августе и сентябре 1941 г. я находился по специальному заданию в Ленинграде, а в начале октября того же года уехал в Куйбышев.

ВОПРОС: Вы являлись одним из авторов «К истории большевистских организаций в Закавказье»?

ОТВЕТ: Нет, я участвовал лишь в редактировании уже готового текста. Насколько мне известно, книгу эту писал Бедия и некоторые другие.

ВОПРОС: Не считаете ли вы, что выдавая себя за автора этой книги, Берия присвоил чужой труд?

ОТВЕТ: Конечно, это было именно так. Я считал эти действия Берия более чем плагиатом. Мне было стыдно за Берия, поставившего свою подпись под чужой работой.

ВОПРОС: Вы принимали в октябре 1940 года группу военнопленных польских офицеров, которые должны были составить ядро вновь формируемой польской армии?

ОТВЕТ: Да, это было так. Эту группу польских военнопленных офицеров возглавлял Берлинг. Однако было ли это в октябре 1940 г., я не помню.

ВОПРОС: Вы принимали эту группу польских офицеров один или совместно с Берия?

ОТВЕТ: Насколько припоминаю, польских офицеров сначала привели ко мне в кабинет, а затем все пошли к Берия.

ВОПРОС: Райхман присутствовал при приеме польских офицеров?

ОТВЕТ: Не могу припомнить этого. Присутствовали те сотрудники НКВД, которые занимались обработкой группы польских военнопленных офицеров.

ВОПРОС: Польские офицеры интересовались судьбой военнопленных, находящихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях?

ОТВЕТ: Вероятно, интересовались как источником, из которого можно было формировать польскую армию.

ВОПРОС: Какой ответ на этот вопрос вы дали польским офицерам?

ОТВЕТ: Не помню сейчас, какой ответ я им дал.

ВОПРОС: Вы не осведомлены о существе ответа Берия на аналогичный вопрос, заданный ему польскими офицерами?

ОТВЕТ: Нет, этого я не знаю.

ВОПРОС: Не ответили ли вы на вопрос польских офицеров, что военнопленные из Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей не могут быть использованы, так как в отношении их была допущена большая ошибка?

ОТВЕТ: Смешно было бы говорить о возможности такого ответа. Разумеется, я такого ответа не давал. В моем присутствии Берия также не давал польским офицерам такого ответа.

Записано верно. Протокол мною прочитан.

В. МЕРКУЛОВ

Допрос начат 12.00.
Окончен в 14 час. 15 м.

Допросил: *ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР* *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола
Пом. Генерального Прокурора СССР *Л. СМИРНОВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 201—207. Копия. Машинопись.

№ 40
ЗАПИСКА Г.И. ПЕТРОВСКОГО Г.М. МАЛЕНКОВУ О СОЗДАНИИ КОМИССИИ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ

22 июля 1953 г.

Председателю Совета министров СССР
Г.М. Маленкову

Ввиду обнаруженных предательских и провокаторских дел для партии и Родины, наделанных Берия, то же делалось и Ежовым в свое время, — требуется особо строго провести контроль над работой НКВД и МВД.

Очевидно, эти временщики слишком большую власть имели и перегибали во всех областях управления. Они немало загубили честных коммунистов, дерзнувших где-нибудь критикнуть этих сатрапов, за что превращались в лагерную пыль.

Поэтому следует пересмотреть все дела членов партии, репрессированных органами МВД и НКВД за время управления Берия и Ежова.

Для этого создать особую комиссию и дать ей право самостоятельно разбирать каждое дело и заявление членов партии и докладывать Президиуму ЦК партии (КПСС).

Прошу Вас, Григорий Максимилианович, уведомить меня в получении этого письма.

Г. ПЕТРОВСКИЙ

22.VII.1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 81—81об. Подлинник. Рукопись.

№ 41
ЗАПИСКА В.Н. МЕРКУЛОВА Г.М. МАЛЕНКОВУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ КОПИЙ ПИСЕМ Н.С. ХРУЩЕВУ[1]

21, 23 июля 1953 г.

Дорогой товарищ МАЛЕНКОВ!

При этом представляю копию моего письма, направленного в ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н.С.

Прошу ознакомиться, если найдете время,

---

[1] На отдельном листе имеется резолюция: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. Н. Хрущев. 22.VII.53 г.».

Мною в настоящее время подготовлено второе, более обширное письмо о Берия и моей работе с ним в прошлом. Это письмо будет представлено мною Вам после перепечатки послезавтра.

21 июля 1953 г.

В. МЕРКУЛОВ

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС
товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.
от В.Н. МЕРКУЛОВА

Прошло уже немало дней после Пленума ЦК КПСС, на котором были оглашены в докладе товарища Маленкова и в выступлениях товарищей Хрущева, Молотова, Булганина и других членов Президиума ЦК убедительные факты преступных, антипартийных и антигосударственных действий Берия.

Но каждый день, чем больше вдумываешься в это дело, тем с большим возмущением и негодованием вспоминаешь само имя Берия, возмущаешься тем, как низко пал этот стоявший так высоко человек, докатиться до такой низости и подлости мог только человек, не имеющий ничего святого в душе. Правильно говорили на Пленуме ЦК, что Берия не коммунист, что в нем нет ничего партийного.

Естественно, задаешь вопрос, как это могло произойти, когда началось перерождение Берия, превращение его в авантюриста худшего пошиба, врага нашей партии и народа. Не бывает так, чтобы такие вещи происходили внезапно в один день. Очевидно, в нем шел какой-то внутренний процесс, более или мене длительный.

Так как мне пришлось довольно близко соприкасаться с Берия по совместной работе в Тбилиси в годы 1923—38, то я, в соответствии с Вашим предложением, задаюсь целью проанализировать, где находятся корни нынешних преступных действий Берия с тем, чтобы помочь до конца разоблачить его.

Мне думается, они кроются в характере Берия.

Анализируя в свете того, что ныне мне стало известно о Берия, его поступки и поведение в прошлом, придаешь им сейчас уже другое значение и по-иному воспринимаешь и оцениваешь их.

То, что раньше казалось просто отрицательными сторонами в характере Берия, недостатками, которые свойственны многим людям, теперь приобретает иной смысл и иное значение. Даже так называемые «положительные» стороны в характере и работе Берия сейчас выглядят в другом свете.

У Берия был сильный, властный характер. Он органически не мог делить власть с кем-нибудь.

Я знаю его с 1923 года, когда он был зам. председателя ЧК Грузии. Было ему тогда всего 24 года, но эта должность его и тогда уже не удовлетворяла. Он стремился выше.

Вообще он считал всех людей ниже себя, особенно тех, которым он был подчинен по работе. Обычно он старался осторожно дискредитировать их в разговорах с подчиненными ему работниками, делал о них колкие замечания, а то и просто нецензурно ругал. Он никогда не упускал случая какой-либо фразой умалить человека, принизить его. Причем иногда он это делал ловко, придавая своим словам оттенок сожаления: жаль, мол, человека, но ничего не поделаешь!

А дело сделано — человек в какой-то мере уже дискредитирован в глазах присутствующих.

Я не могу сейчас конкретно вспомнить про кого и что именно он говорил, но его выражения, вроде: «Что он понимает в этом деле! Вот, дурак! Он, бедняга, мало к чему способен!» и т.д. — я хорошо помню. Эти выражения часто срывались у него с уст, буквально, как только после любезного приема затворялась дверь за вышедшим из его кабинета человеком.

Так он вел себя в отношении вышестоящих его работников в нашем присутствии, в присутствии его подчиненных. По всей вероятности, такой же тактики держался он и в других местах, где нас не было.

Но так он поступал не всегда и не со всеми. Пока человек был силен, он держался с ним подобострастно и даже приниженно.

Я помню, как-то в моем присутствии ему позвонил по телефону бывший тогда секретарем Заккрайкома ВКП(б) Мамия Орахелашвили — тогда еще он был в силе и ничем не скомпрометирован. Надо было видеть, как даже внешне изменился Берия, говоря с ним по телефону, как часто он повторял: «Слушаю, товарищ Мамия, хорошо, товарищ Мамия» и т.д. Можно было подумать, что Мамия присутствует в кабинете и Берия видит его перед собой, и фигура, и лицо, и поза его изменились, выражая последнюю степень подобострастия. Эта картина меня страшно поразила в свое время.

И надо было видеть, как Берия обращался с тем же Мамия Орахелашвили, когда положение того пошатнулось. Берия стал тогда совсем другим человеком, властно, грубо и нахально обрывавшим Орахелашвили на заседаниях Крайкома.

Умело действуя и прикрываясь интересами партии и Советской власти, Берия сумел постепенно одного за другим вытеснить или арестовать всех тех, кто стоял у него на пути к власти в Грузии и Закавказьи. Каждую ошибку, каждый промах своих противников Берия ловко использовал в своих интересах. Он предусмотрительно писал систематически в ЦК Грузии информационные записки о недостатках в районах, что позволило ему впоследствии доказать, что он-де «своевременно предупреждал».

Восстание крестьян-аджарцев в Хулинском районе Аджаристана в феврале 1929 г., вызванное ошибочными действиями местных властей по вопросу о снятии чадры, было хорошо использовано Берия против тогдашнего руководства ЦК КП(б) Грузии.

Когда думаешь теперь об этом, напрашивается вывод, что действия Берия, направленные якобы на исправление ошибок в районах Грузии, проводились Берия не потому, что того требовали интересы партии и народа, а для того, чтобы продвинуться выше. На тот период личные интересы Берия совпадали с интересами государственными, и ему, как говорится, идти было до поры, до времени по пути.

Он в тот период, работая в Грузии и Заказказье, и не мог действовать иначе, так как был бы разоблачен давно.

Скрывать до поры до времени свои планы и намерения, выжидать удобного случая — вот тактика, которой, как теперь мне ясно, придерживался Берия все годы до смерти товарища Сталина.

Нет никакого сомнения в том, что Берия, постоянно демонстративно проявлявший «преданность и любовь к товарищу Сталину», делал это не потому, что действительно любил товарища Сталина как вождя, учителя и друга, а для того, чтобы приблизиться к товарищу Сталину и тем самым приблизиться к власти.

Этот вывод я делаю на основе следующего. Накануне похорон товарища Сталина, в воскресенье, Берия вызвал меня к себе в кабинет и предложил принять участие в редактировании его речи на предстоящих похоронах товарища Сталина. В кабинете Берия, когда я туда приехал, были уже Мамулов, Людвигов, Ордынцев, а позже Берия вызвал Поспелова П.Н. Я обратил тогда внимание на поведение Берия. Он был весел, шутил и смеялся, казался окрыленным чем-то. Я был подавлен неожиданной смертью товарища Сталина и не мог себе представить, что в эти дни можно вести себя так весело и непринужденно.

Это и дает мне основание теперь, в свете уже известного, сделать вывод о том, что Берия не только по-настоящему не любил товарища Сталина, но, вероятно, даже ждал его смерти, чтобы развернуть свою преступную деятельность.

Берия шел к власти твердо и определенно, и это было его основною целью, целью всей его работы в Грузии и Закавказье.

В 1930 или 1931 годах (я точно не знаю, так как работал в это время в Батуми) Берия удалось побывать лично у товарища Сталина. Я не знаю, как это произошло, думаю, что с помощью тов. Серго Орджоникидзе.

Видимо, Берия, будучи у товарища Сталина, имел возможность в соответствующем свете изобразить тогдашнее партийное руководство Грузии и Закавказья. Припоминаю, Берия как-то сказал мне, что в разговоре с ним товарищ Сталин спросил его, Берия: «Ты что, секретарем ЦК хочешь быть?», и Берия якобы ответил: «Разве это плохо?»

Из этого разговора и из других, о которых у меня не осталось конкретных воспоминаний, я знал, что Берия хочет стать секретарем ЦК Грузии и Заккрайкома ВКП(б).

Как известно, в октябре 1931 г. ЦК ВКП(б) так и решил вопрос: назначил Берия первым секретарем ЦК Грузии и секретарем Закавказского краевого комитета ВКП(б).

Надо сказать, что Берия действовал все время очень осторожно и умно и никогда не давал оснований подозревать его в политической нечестности. Что же касается отрицательных черт его характера, тогда они мне казались обычными человеческими недостатками. А недостатков было немало.

Так, например, он ценил людей лишь постольку, поскольку они были ему нужны в данный момент или могли быть нужны в будущем. Когда же они переставали быть ему нужными, он просто отворачивался от них, а при случае даже мог дать им пинок в спину.

Я, например, припоминаю, каким внимательным был Берия и как он ухаживал за Власиком, пока еще сам не стал достаточно близок к товарищу Сталину, чтобы иметь возможность пренебречь Власиком.

Берия мог иногда издеваться и довольно грубо над маленькими людьми, всецело от него зависящими. Так, например, у него на даче в Гаграх работал агрономом некий Зедгенидзе. Берия часто приглашал его к себе к обеду, но целый обед над ним измывался грубо и плоско, заставляя несчастного агронома — человека уже не молодого, краснеть и потеть.

Еще один штрих. Как известно, характер человека нигде так ярко не проявляется, как в игре. Тут видишь, честен ли человек, способен ли он на самопожертвование в общих интересах команды, сливается ли он с коллективом или старается выпятить себя и т.д. Я неоднократно наблюдал Берия в игре в шахматы, в волейбол, для Берия в игре (и я думаю, и в жизни) важно было

выиграть во что бы то ни стало, любыми способами, любой ценой, даже нечестным путем. Он мог, например, как Ноздрев, стащить с шахматной доски фигуру противника, чтобы выиграть. И такая «победа» его удовлетворяла.

Иные, может быть, скажут — это мелочь, шутка, но я считал и считаю, что это нечестно, и в известной мере характеризует Берия как человека.

Я привожу эти факты для того, чтобы дать представление о Берия, как о человеке непартийном, как о человеке, поступки которого определялись в первую очередь личными интересами.

Общая культурность и грамотность Берии, особенно в период его работы в Тбилиси, была не высокой. Берия тогда буквально не мог написать стилистически грамотно несколько строк.

Я никогда или почти никогда не видел, чтобы Берия читал что-нибудь, кроме газет. Уже будучи в Москве и видя Берия в составе руководства Партии и страной, я подумывал иногда, — неужели он не работает над собой. Ведь он имел все возможности брать специальные уроки марксизма-ленинизма, прикрепив к себе лучших московских преподавателей. У меня даже была мысль дать ему такой совет. Ведь без марксизма-ленинизма нельзя правильно участвовать в управлении страной. Но подать такой совет я все-таки не решался: не такие были у нас в это время отношения, да и случая подходящего не было.

Может быть, Берия в Москве и занимался, я этого не знаю, но что касается Тбилиси, то там он книг в руки не брал.

Разумеется, доклады на Пленумах Заккрайкома и ЦК КП(б) Грузии, на съездах грузинской компартии в основном составлялись для него его помощниками, в том числе и мною. Это, конечно, было в порядке вещей.

Что касается книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», то это особый вопрос. За такую книгу, вообще говоря, можно было автору дать степень кандидата исторических наук и, конечно, подпись на книге должен был ставить подлинный ее автор. Эта книга — не отчетный доклад партийного органа, хотя и называлась она в подзаголовке докладом на партийном активе.

Относительно этой книги и о том, как она была написана, я могу сказать следующее.

Когда, как и при каких обстоятельствах пришла Берия мысль сделать доклад на тему «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», я не знаю.

Впервые о существовании такого доклада я узнал летом 1935 г., когда как-то утром был вызван Берия к нему на дачу в Крцанисы (в нескольких километрах от Тбилиси).

Приехав на дачу, я нашел там уже ряд работников Заккрайкома и ЦК(б) Грузии из обычного окружения Берия. Помню Бедия — зав. агитпропом, Хоштария — тогдашнего помощника Берия. Было еще несколько человек, но я не могу их сейчас вспомнить. Они были заняты редактированием доклада, вернее одной из глав доклада, который, как я тут же узнал, назывался «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» и который Берия должен был сделать на тбилисском партийном активе.

В душе я удивился, почему Берия раньше не привлек меня к составлению этого доклада: может быть, он считал меня некомпетентным в этой области, тем более что при составлении этого доклада необходимо было пользоваться документами на грузинском языке, которого я не знаю. Во всяком

случае доклад был готов полностью, и я только принял участие совместно с другими в редактировании готового текста.

Кто писал доклад? Активное участие принимал в нем, безусловно, Бедия, бывший в то время зав. агитпропом Заккрайкома.

На пленуме ЦК КПСС в июле т.г. секретарь ЦК КП Армении т. Арутюнов, кроме Бедия, назвал также Павле Сакварелидзе. Фамилию эту я смутно помню, но кто такой Сакварелидзе, кем он был и что с ним стало, я не знаю.

Полагаю, что подробности составления этого доклада должны быть известны Хоштария Семену, бывшему тогда помощником Берия. Хоштария одно время занимал должность зам. министра земледелия СССР и в 1951 г. после известного Мингрельского дела был направлен в Грузию.

Припоминаю такой эпизод. Свой доклад Берия делал в летнем помещении одного из тбилисских клубов. Текст доклада перед выступлением вручил Берия Хоштария. Видимо, Хоштария не проверил страниц доклада и они оказались перепутанными. В середине доклада Берия заметил, что страницы подложены не в порядке. Произошло замешательство, пока Берия разыскал в папке нужные страницы.

Этот доклад Берия был или послан, или лично доложен (я этого не помню) товарищу Сталину, который внес некоторые, насколько мне известно, небольшие поправки. Затем доклад вышел отдельным изданием.

Для меня было, конечно, ясно, что эта работа не могла быть и не была сделана Берия. Это не было в его возможностях. Доклад был обширный, являлся научной работой и, во всяком случае, требовал большого количества времени для розыска и отбора соответствующих исторических документов в архивных учреждениях Грузии и Закавказья.

Я не думаю также, что Берия внес в редакцию этой работы много своих мыслей и формулировок. Для этого нужно было знать историю, знать документы. Я никогда не видел, чтобы Берия сидел за этой работой.

Мне было в душе, признаюсь, немного стыдно за Берия: как можно поставить свою подпись под чужим произведением. Это даже не плагиат, а нечто большее.

Единственным извинением для Берия, которое я позже в душе придумал, было то, что подпись Берия на этом труде придавала ему большее значение, чем какая-либо иная подпись. Она позволила книге сыграть значительную роль и в конечном счете принести большую пользу партии.

Лица, приписывающие мне авторство этой книги, просто не в курсе дела.

Я полагаю, понятно для чего Берия организовал написание этой книги.

«Работа» Берия являлась одним из способов завоевания расположения товарища Сталина, одной из ступеней приближения его к товарищу Сталину, приближения его к власти. Все делалось для этой цели.

Ряд докладов, сделанных Берия на пленумах Закавказского краевого комитета ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии, на съездах Компартии Грузии, готовил я с помощью многих других работников аппарата.

Некоторые статьи Берия, помещенные в «Заре Востока» или в «Правде», и отдельные выступления готовились также мною чаще всего совместно с другими работниками вдвоем, втроем и даже вчетвером — Бедия, Шария, Кудрявцевым, Григорьяном, Мамуловым и др.

Берия придерживался при составлении докладов и статей, если можно так выразиться, своеобразного «бригадного» метода работы. Он обычно созывал для этой работы много людей — зав. отделами, секретарей и др. Конечно, и

Берия вносил свои поправки в текст и подавал мысли, которые затем облекались нами в литературную форму. Но в конечном счете было трудно установить, кто же является подлинным автором того или иного доклада или статьи.

Я иногда возражал против такого метода, считая, что чем больше людей привлекаются к подобного рода работе, тем больше времени идет на пустые разговоры и пререкания. Однако Берия, за редким исключением, со мной не соглашался.

Это понятно, нельзя сейчас или очень трудно найти автора статьи или доклада.

Берия применял еще следующую уловку, когда доклад или статья были готовы и начиналась последняя правка, опять, как правило, собиралась группа работников, принимавших участие в подготовке, и, естественно, вносились в текст окончательные изменения. Эти изменения в печатанный на машинке текст Берия обычно вносил собственноручно, несмотря на то, что это задерживало общую работу, так как Берия писал медленно и у него не всегда ладились окончания слов, особенно прилагательных в различных падежах.

Посла окончания работы листки со своими «поправками» Берия передавал помощнику для хранения.

Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что это делалось для того, чтобы в будущем при разборке архива Берия была обнаружена «его работа» над докладами и статьями. Полагаю, что такого рода материал может быть обнаружен и сейчас в личном архиве Берия.

Хочу остановиться теперь на обстоятельствах, связанных с разговорами о службе Берия в муссаватистской разведке.

Я отчетливо понимаю теперь важность этого дела, но, к сожалению, у меня сохранились по этому вопросу несколько смутные воспоминания. Объясняется это тем, что я в свое время не придавал особого значения этим разговорам, тем более, что Берия отрицал правильность этих разговоров и не проявлял в связи с ними никакой нервозности.

Дело было так. Как-то Берия, будучи еще в Тбилиси (дату не помню), вызвал меня и сказал, что враждебно настроенные к нему люди распускают слухи о том, что он, Берия, якобы, работал в 1919 году в Баку в муссаватистской разведке. На самом деле это-де не так. В муссаватистской разведке он, Берия, никогда не работал, а работал по заданию партии в молодежной азербайджанской организации ГУММЕТ, что об этом имеются документы в партийном архиве в Баку и что мне необходимо съездить в Баку, разыскать эти документы и привезти их к нему, а то, мол, его враги могут сами разыскать эти документы и уничтожить их, и тогда он, Берия, ничем не сможет доказать свою правоту.

Я верил тогда Берия, зная с его слов, что у него врагов немало, и, разумеется, никаких сомнений в правоте его рассказа у меня не было. На другой день я выехал в Баку.

В Баку в партийном архиве я без особого труда нашел одну или две папки (сейчас точно не помню). В них имелось два или три документа за 1919 г., в которых упоминалась фамилия Берия. Это были очень короткие протоколы Бакинского комитета партии, а может быть, ЦК, написанные на четвертушках писчей бумаги. Помню, что на протоколах фигурировала подпись Каминского.

Как я ни напрягаю память, я не могу сейчас точно вспомнить содержание этих протоколов. У меня осталось только в памяти, что записи носили незначительный характер. Но косвенно они подтверждали это обстоятельст-

во, по крайней мере, у меня в памяти сохранилось именно такое представление об этих документах.

Я перелистал в архиве еще немало папок, но больше никаких документов с упоминанием фамилии Берия не нашел. Через день я вернулся в Тбилиси, захватив с собой папки.

Когда Берия ознакомился с документами он, по-моему, остался ими доволен. Очевидно, ничего другого он и не ожидал найти. Он взял их у меня и положил в свой сейф.

Когда в 1938 г. Берия уезжал в Москву на работу в НКВД СССР, он поручил мне отправить в Москву его бумаги и документы. Я разобрал ящики его стола и его сейф и нашел упомянутые выше папки. Все бумаги Берия, а также собственные дела я зашил в несколько мешков из бяза, запечатал и, насколько помнится, отправил их в Москву фельдсвязью.

В Москве в конце 1938 года или в начале 1939 г. как-то вечером Берия спросил меня, где находятся упомянутые папки. Я ответил, что они у меня в сейфе зашиты в мешках. Он предложил принести их к нему в кабинет, что я и сделал. Когда я пришел к нему с папками, он мне сказал, что вопрос о его якобы службе в муссаватистской разведке снова поднимается и что товарищ Сталин потребовал от него объяснение, и что он должен написать это объяснение сейчас же.

С его слов я сделал набросок его объяснения по этому вопросу на имя товарища Сталина. В это объяснение были полностью переписаны указанные документы из папок, касающиеся Берия. Текст объяснения состоял из комментариев к этим документам и, насколько я припоминаю, заканчивался утверждением, что он, Берия, никогда в муссаватистской разведке не работал. В этом был смысл всего объяснения.

Берия внимательно пересмотрел текст, внес некоторые уточняющие поправки, затем собственноручно переписал его начисто. При этом он торопился и посматривал на часы. Видимо, ему надо было ехать на «ближнюю». Затем он взял беловик вместе с черновиком, положил их в папку с документами и уехал, сказав, что он должен эти папки показать товарищу Сталину. С тех пор я этих папок или папку не видел.

О результатах своего доклада товарищу Сталину Берия мне ничего не говорил, и я его, конечно, не спрашивал, как никогда не спрашивал о его разговорах с товарищем Сталиным. Так как после этого ничего не случилось, надо полагать, что товарищ Сталин удовлетворился объяснениями Берия.

Папки должны храниться, по-моему, или в личном архиве Берия, или среди бумаг товарища Сталина. Вряд ли папки могли пропасть, так как Берия ими дорожил. Возможно, об этих папках что-нибудь знают Мамулов или Людвигов, но я этого не могу утверждать наверное.

У меня не осталось в памяти заслуживающих внимание воспоминаний о рассказах Берия о своем прошлом, о работе его в Баку. Помню, что эти рассказы были краткими и случайными. Кроме того, что написано в его биографии в Большой Советской Энциклопедии, у меня сохранилась в памяти одна деталь, что Берия работал в Комиссии по экспроприации буржуазии в Баку.

Вот, примерно, что я ныне припомнил и что я счел нужным в первую очередь сказать о Берия.

Более подробные данные о Берия и моей работе с ним изложены в дру-

гом, более обширном письме, которое мною подготовлено, перепечатывается и будет представлено дополнительно.

В. МЕРКУЛОВ

21 июля 1953 г.

Дорогой товарищ МАЛЕНКОВ

В дополнение к письму от 21 июля т.г., при этом представляю экземпляр моего второго письма, направленного в ЦК КПСС тов. Хрущеву Н.С.

Прошу ознакомиться, если найдете время.

Разумеется, трудно на 40 страницах уложить отрезок времени в 30 лет. Однако я старался в сжатой форме охватить существенное.

Полагаю, у Вас нет оснований сомневаться в том, что все, изложенное мною в письмах, — правда.

В. МЕРКУЛОВ

23 июля 1953 г.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ К.П.С.С.[1]
товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.
от В.Н. МЕРКУЛОВА

Я знал Берия почти 30 лет. И не только знал, но в отдельные годы этого периода был близок к нему, не раз бывал у него дома в Тбилиси.

Разумеется, за все эти годы я никогда ни на минуту не подвергал сомнению его политическую честность. Он никогда не давал мне повода усомниться в его преданности и любви к товарищу Сталину.

Но теперь, в свете того, что я узнал о преступных действиях Берия на Пленуме ЦК КПСС из доклада товарища Маленкова и из выступлений товарищей Хрущева, Молотова, Булганина и других, перебирая в памяти прешедшие годы, я уже другими глазами смотрю на факты и события, связанные с Берия.

Исходя из предложения, сделанного мне Вами, я попытаюсь далее проанализировать то, что я видел и слышал, бывая с Берия, и что сохранилось у меня в памяти. При этом мне, к сожалению, придется также говорить о себе, так как иначе не будет понятен характер отношений Берия ко мне и моих — к нему.

С сентября 1921 года я начал работать в ЧК Грузии в должности пом. уполномоченного. Осенью 1922 года заместителем председателя и начальником секретно-оперативной части (СОЧ) ЧК Грузии был назначен Берия, приехавший из Баку.

Перед майскими праздниками 1923 г. группа чекистов задумала выпустить печатный сборник под названием «Чекисты — Первому Мая». Типография в ЧК Грузии была своя, и потому технически выпуск такого сборника не представлял трудностей. Всего в этом сборнике вместе с обложкой насчитывалось 12 или 16 страниц обычного журнального формата. Заполнен он был статьями и заметками сотрудников ЧК Грузии. Была в сборнике статья за подписью Берия, но, как говорили, эту статью писал не Берия, а некий Логинов, прибывший в ЧК Грузии незадолго до этого из ОГПУ.

Я также принял участие в этом сборнике, написав нечто вроде статьи или фельетона под заголовком «Я и Мы».

---

[1] На первых листах имеются пометы: «Членам Президиума ЦК КПСС. Н. Хрущев. 24.VII.53 г.», «К делу Берия. Доложено. Д. Суханов. 24.VII.53 г.».

Статья была достаточно наивной, не блистала особыми достоинствами, но все же своим стилем и содержанием она резко отличалась от всего другого помещенного в сборнике материала, в общем довольно бледного и шаблонного, так как сборник этот был подготовлен и издан буквально в течение нескольких дней.

Моя статья обратила внимание Берия. Хотя она была подписана псевдонимом, Берия, конечно, узнал кто автор, и вызвал меня к себе познакомиться.

Очевидно, именно тогда Берия увидел во мне человека, владеющего пером, умеющего литературно излагать свои мысли, т.е. он увидел во мне то, чего он был сам лишен и чего ему никогда недоставало, — грамотность.

Должен сказать (сейчас, спустя 30 лет, я полагаю, могу это сделать без риска быть обвиненным в самовосхвалении), что в тот период, несмотря на свои 27 лет, я был наивным, очень скромным и очень застенчивым человеком, несколько замкнутым и молчаливым. Речей я не произносил и так и не научился произносить их до сих пор. Язык у меня был словно чем-то скован, и я ничего с ним не мог поделать. Другое дело — перо. С ним я умел обращаться.

Не был я также никогда ни подлизой, ни подхалимом или выскочкой, но держал себя всегда скромно и, думаю, с чувством собственного достоинства.

Таким я и предстал перед Берия, когда он меня тогда вызвал. Не надо было быть особо проницательным, чтобы понять все это, и мне думается, что Берия с первого взгляда разгадал мой характер. Он увидел возможность использования моих способностей в своих целях без риска иметь соперника или что-либо в этом роде.

Короче говоря, в конце того же мая месяца 1923 г. я был назначен Берия начальником Экономического отдела ЧК Грузии (в это время я работал в ЭКО уполномоченным или старшим уполномоченным, не помню, была ли тогда такая должность).

Вскоре в ЧК Грузии прибыл некий Станский. Его надо было устроить на ответственную работу. Берия вызвал меня и спросил, не буду ли я возражать, если он назначит Станского начальником ЭКО, а меня его заместителем.

Вынужден здесь снова сказать о себе несколько слов: во мне никогда не было и нет и тени честолюбия (что, может быть, плохо), я никогда не гнался и не гонюсь за должностями, наградами, орденами и пр. Я об этом и товарищу Сталину писал в 1945 году. Думаю, что знающие меня могут подтвердить эту черту моего характера. Должность, положение никогда не имели для меня значения. Для меня важно было, чтобы характер и содержание самой работы меня удовлетворяли и чтобы она была мне по силам. Поэтому я, конечно, сразу же согласился на предложение Берия.

Я упоминаю об этом незначительном случае, во-первых, для того чтобы указать, что Берия на этом факте легко мог убедиться с первых дней своего знакомства со мной в отсутствии у меня честолюбия, и, во-вторых, для того чтобы попутно сказать, что Берия в дальнейшем не раз предлагал мне разные должности, более высокие, чем я к тому времени занимал, и я каждый раз отказывался.

Моя искренность в этом вопросе, очевидно, настолько была тогда ясна Берия, что он в более поздние годы даже считал возможным обходить меня, не считаться со мной. Так, например, когда в 1936 г. в связи с 15-летием со дня советизации Грузии орденами и медалями было награждено большое количество работников, Берия не включил меня в это число.

Как-то мы отдыхали в Гаграх, и товарищ Сталин должен был приехать на обед к Берия. К этому дню в Гагры были вызваны из Тбилиси многие работники. Во время обеда Берия по очереди представлял товарищу Сталину всех своих работников и о каждом говорил несколько слов, но я был пропущен, хотя на обеде присутствовал.

Тогда Берия, очевидно, не считал нужным этого делать. Но в 1938 г., когда я его упрашивал не выдвигать мою кандидатуру на должность первого заместителя Наркома внудел СССР, он не обратил внимания на мои доводы.

Позже, обдумывая этот вопрос, я понял, что мое выдвижение на эту должность было осуществлено им главным образом потому, что в его окружении из чекистов я был единственным русским, которого он хорошо знал.

Возвращаюсь к 1923 году.

Станского через несколько дней перевели начальником Адм. ХОЗУ или управделами, и я вновь был назначен нач. ЭКО.

В сентябре 1923 г. Берия на практике убедился, что я могу быть ему полезен: он поручил мне составить доклад о работе ЧК Грузии по борьбе с грузинскими антисоветскими партиями. Моя задача заключалась в том, чтобы свести в одно целое и отредактировать уже написанные доклады разных групп секретного отдела ЧК Грузии. Ввиду срочности я вынужден был прямо диктовать доклад на машинку, я работал 24 часа подряд, сменились 4 машинистки, и доклад был в срок отправлен в Москву.

При Берия в ЧК—ГПУ я занимал должности — начальника ЭКО (1923—27 гг.), начальника инфаго и политконтроля (1927—29 гг.), зам. председателя и нач. СОЧ ГПУ Аджаристана (1929—51 гг.) и начальника секретного отдела Зак. ГПУ (май-октябрь 1931 г.).

Должен сказать, что на работу руководимых мною отделов (за исключением ГПУ Аджаристана) Берия не обращал почти никакого внимания. Все свое внимание он сосредоточил на работе двух основных отделов — СО (борьба с антисоветскими партиями и антипартийными группировками) и КРО (борьба со шпионажем и бандитизмом).

Я мог в любое время без доклада зайти в кабинет Берия (этим правом, впрочем, пользовались тогда и другие начальники отделов), но доложить дела руководимых мною отделов мне удавалось относительно редко и наспех, так как Берия, не обращая на меня внимания, вызывал к себе сотрудников других, «своих» отделов и с ними занимался. Я должен был уходить, а когда наступал конец занятиям, Берия вызывал меня и говорил: «Давай твои дела отложим на завтра, а сейчас пойдем постреляем». Тут же он вызывал по телефону коменданта с патронами, еще 2—3-х сотрудников-стрелков и мы шли в тир стрелять.

Часто и на другой день повторялась та же история. Лишь когда истекали сроки отсылки информационных донесений в ОГПУ, Берия наспех просматривал мои информации и они отсылались. Работой же отделов КРО и СО Берия занимался лично, вплотную и подолгу.

Берия, очевидно, понимал, что от успешной работы этих двух отделов (СО и КРО) зависит его служебное положение, его продвижение выше к власти. А продвижение к власти, как я теперь уверен, было его основной целью в жизни. Грузинские меньшевики и другие антисоветские партии, как известно, были в Грузии сильны, находились в глубоком подполье, и их надо было разбить во что бы то ни стало. Берия понимал также, что только товарищ Сталин может дать ему возможность подняться выше. И потому задача Берия была — обратить каким-либо образом на себя внимание товарища Сталина. Но как

это сделать? Успешная работа в ЧК Грузии в части разгрома меньшевиков и других антисоветских партий была, мне кажется, одним из этих способов.

Думаю, что представил Берия товарищу Сталину Серго Орджоникидзе. Именно с ним сперва Берия завязал отношения, ездил к нему, когда Серго Орджоникидзе отдыхал в Боржоми и, кажется, в Кисловодске.

По характеру своему Берия был очень крутым, жестким, грубым и властным человеком, не любившим делить власть с кем-нибудь. Хотя при решении оперативных вопросов он обычно собирал совещания начальников соответствующих отделов, вызывал часто и рядовых работников, непосредственно занятых той или иной разработкой, но это делалось только для того, чтобы разобраться в деле, а затем самому принять решение.

Но когда Берия хотел, или это было ему нужно, он мог быть любезным, гостеприимным хозяином, показать себя хорошим товарищем, внимательным и чутким. Берия старался это делать в отношении своего ближайшего окружения, понимая, что от того, как будет работать его окружение, зависит его собственная судьба.

Другое дело — люди, занимавшие официальные посты, люди, которым он должен был подчиняться по работе.

Обычно он старался осторожно дискредитировать их в разговорах с подчиненными ему работниками, делал о них колкие замечания, а то и просто нецензурно ругал. Никогда не упускал он случая какой-либо фразой умалить человека, принизить его.

Я не могу сейчас конкретно припомнить, про кого и что именно он говорил, но помню его выражения, вроде: «Что он понимает в этом деле? Это дурак! Бедняга, он мало к чему способен» и т.д. Эти выражения часто срывались у него с уст, буквально как только затворялась дверь за вышедшим из его кабинета человеком.

Надо сказать, что присылавшиеся из Москвы на пост председателя Зак. ЧК люди (Павлуновский, Кацнельсон, Кауль) действительно не блистали особыми способностями. Берия умело их выживал одного за другим, пока, наконец, но добился назначения себя на этот пост. Сделавшись председателем Зак. ГПУ и полномочным представителем ОГПУ в Закавказье, Берия на этом не остановился.

Следующей ступенью для него были — секретарь ЦК КП(б) Грузии и секретарь Заккрайкома ВКП(б).

Но прежде, чем дальше излагать события, я должен коротко остановиться на истории с Павлуновским.

Это было, кажется, в 1927 или 1928 году. Начальником секретного отдела ЧК Грузии был тогда Валик, начальником КРО — Залпетер, начальником ЭКО — Ершов, начальником Инфаго — я.

Председателем Зак. ГПУ был прислан некий Павлуновский, который всем нам, начальникам отделов, не понравился. Мы не любили к нему ходить на доклад, так как он плохо разбирался в сложных условиях Грузии и Закавказья, а оперативную работу знал слабо. Конечно, и Берия по своему обыкновению всячески старался дискредитировать Павлуновского в наших глазах. Отношения с Павлуновским Берия и всего аппарата обострились.

Между тем, в этот период Берия почему-то воспылал большой дружбой к начальнику ЭКО Ершову и стал его заметно выделять, а нами открыто пренебрегать, хотя до этого ко всем нам он относился одинаково ровно и хорошо. Берия перестал нас принимать, и работа явно страдала, особенно по

линии СО и КРО, где требовались ежедневные указания. Мы собирались переговорить с Берия о создавшемся положении, но не успели этого сделать, так как Берия внезапно уехал в Москву в командировку, фактически даже не попрощавшись с нами. Тогда Валик и Залпетер решили пойти и рассказать Павлуновскому о том, что оперативная работа в аппарате вследствие странного поведения Берия находится под угрозой срыва. Павлуновский был весьма обрадован, получив в свои руки козырь для борьбы с Берия.

Вначале о таком повороте дела я ничего не знал, но позже Валик и Залпетер рассказали мне о своих посещениях Павлуновского, объяснив это мне необходимостью вывести оперативную работу из того тупика, в который ее завел Берия. Из неправильно понимаемого тогда мною чувства товарищества (я, конечно, считал товарищами Валика и Залпетера, а не Берия, бывшего нашим начальником) я согласился по их просьбе вместе с ними пойти к Павлуновскому.

Мне тогда казалось по моей наивности, что я помогаю товарищам в их оперативной работе. Но скоро я увидел, что речь идет не об оперативной работе, а о борьбе против Берия, в которую меня втягивают. Павлуновский вынудил меня даже написать официальный рапорт с просьбой откомандировать меня в Москву, так как-де «я не могу работать с Берия». Этот рапорт, насколько мне известно, находится в архивных делах б. Заккрайкома ВКП(б).

Склок, по характеру своему, я не переносил. Создавшаяся обстановка меня мучила, Павлуновский, у которого я был всего раза три, мне не нравился, и я вообще перестал ходить и к Павлуновскому, и к Берия, кроме как в случаях крайней служебной необходимости. А по содержанию моей работы в Инфаго такие случаи бывали, к счастью, редко.

Вскоре, однако, эта склочная история как-то сама собой затихла. Павлуновского убрали из Закавказья, позже, в разное время уехали из Тбилиси также Залпетер и Валик. Мои отношения с Берия стали налаживаться, хотя, конечно, не без шероховатостей.

По причине этих шероховатостей, а также из личных соображений семейного порядка я просил Берия перевести меня из Тбилиси куда-нибудь в район и в феврале 1929 г. Берия направил меня в Батуми заместителем председателя и начальником СОЧ ГПУ Аджаристана.

Я счел нужным остановиться на этой истории с Павлуновским, так как она, к сожалению, во многом определила в дальнейшем мои отношения с Берия. Я в какой-то мере чувствовал себя виноватым перед Берия, который, так сказать, «простил» меня. Это заставляло меня в дальнейшем лучше думать о Берия, чем он заслуживал, и в свою очередь не раз «прощать» Берия случаи его пренебрежения мною, факты грубоватого со мной обращения, главным образом в Москве.

Теперь, в свете новых данных о Берия, я спрашиваю себя, почему он «пощадил» меня после случая с Павлуновским, когда он мог меня уничтожить, как говорится, одним пальцем, как позже он сделал это с Валиком и Залпетером, расстреляв их после прихода в НКВД СССР. Я думаю теперь, что я все-таки тогда был ему нужен и он не находил подходящего человека из числа русских. А расправиться со мной он мог в любое время и позже. К тому же он, безусловно, понимал, что я по натуре своей не способен интриговать, а история с Павлуновским, расцененная мною в одном письме, посланном ему в 1931 г. из Батуми, как ошибка с моей стороны, давала ему известную гарантию, что она не повторится. Берия также понимал, что для

этого он должен сохранить хотя бы видимость хороших отношений ко мне. Действительно, в дальнейшем Берия изредка, но умело делал по отношению ко мне различные «жесты», которые поддерживали периодами начинавшее угасать во мне убеждение в том, что он хорошо относится ко мне. Теперь я уверен в том, что это был только строгий, точный расчет холодного, жесткого карьериста, делавшего свои ходы в большой задуманной им вражеской игре против Партии и Советской власти.

В Батуми я проработал 2 с лишним года. В мае 1931 г. Берия вызвал меня из Батуми для участия в составлении доклада о политическом положении Грузии. Большое место в докладе занимало, насколько я помню, положение в Аджаристане, что и было причиной моего вызова.

Чероз несколько дней я был назначен начальником организованного тогда секретного отдела Зак. ГПУ и в Батуми больше ее вернулся.

Я спрашиваю себя сейчас, почему Берия понадобилось в мае 1931 г. перевести меня из Батуми в Тбилиси. Я полагаю, Берия считал, что наступает последний этап его борьбы за власть с руководством КП(б) Грузии и Заккрайкома ВКП(б) и что ему понадобится грамотный человек. Упомянутый выше доклад о политическом положении Грузии являлся одним из моментов этой борьбы, дальнейшие события подтверждают это предположение, так как уже через 5 месяцев Берия достиг своей цели, став в ноябре 1931 г. первым секретарем ЦК Грузии и секретарем Заккрайкома ВКП(б). В следующем году он поднялся еще выше, став первым секретарем ЗКК ВКП(б).

Берия предложил мне идти к нему на работу помощником. Я согласился, хотя должность помощника секретаря Крайкома оказалась в дальнейшем не очень приятной. Хуже всего было то, что я не мог располагать своим временем, был связан с Берия часами его работы, должен был сидеть у него в приемной. Меня раздражал звонок, которым Берия меня вызывал, и я даже его испортил. У Берия была практика работать непосредственно с заведующими отделами Заккрайкома. Почту ему докладывал зав. особым сектором Крайкома Саруханов, и мне приходилось работать только тогда, когда надо было готовить какой-либо доклад или выступление. Берия сам понял, что я недоволен характером работы и обстановкой, потому что пересадил меня из своей приемной в отдельную комнату, себе назначил секретаря, а позже перевел меня на должность заведующего совторготделом Заккрайкома ВКП(б). Затем я занимал должности зав. особым сектором и зав. промышленным отделом ЦК КП(б) Грузии.

Став секретарем Заккрайкома и ЦК КП(б) Грузии, Берия часто ездил в Москву и, как правило, брал с собой меня, а также тех, кто был ему нужен по делам, по которым он приезжал в Москву. Берия любил пошуметь в веселой компании, послушать скабрезные анекдоты, выпить и т.д. Для этих целей я был неподходящим, и он брал обычно с собой также людей, которые его веселили, играя по сути дела роль шутов. Таким был, например, Широков, в то время работник Управления погранохраны.

Меня он брал в Москву, как я понимал, на тот случай, если вдруг понадобится что-нибудь написать. А писать почти всегда что-нибудь приходилось.

Например, в Москве я готовил для Берия статью в годовщину смерти С.М. Кирова для газеты «Правда», речь на похоронах Серго Орджоникидзе, несколько раз, совместно с другими, готовил выступления Берия на сессиях Верховного Совета СССР, часто писал по взятым из Тбилиси материалам докладные записки в различные наркоматы.

В Москве почти каждый вечер Берия вызывался к товарищу Сталину. Останавливался Берия сперва в гостинице «Селект», позже — в подготовленной для него квартире в районе Самотечной площади, я жил отдельно в гостинице, и Берия при необходимости вызывал меня по телефону.

Должен сказать со всей ответственностью, что у меня никогда за все время общения с Берия не было с ним того, что называется задушевной беседой. Берия никогда не говорил со мной «по душам», никогда не посвящал меня в свои планы и намерения, за исключением текущих. Я мог только догадываться иногда по отдельно брошенным им замечаниям о том, что он намеревается делать.

О себе, о жизни в Сухуми и Баку Берия рассказывал мало и редко в первые годы моего знакомства с ним. У меня не осталось в памяти ничего особого от того, что всем известно и что заслуживало бы внимания.

Из событий периода работы Берия в Заккрайкоме и ЦК КП(б) Грузии заслуживают взимания история с написанием книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», а также обстоятельства, связанные с разговорами о службе Берия в муссаватской разведке. Об этом я написал подробно в другом представленном Вам 21 июля с.г. письме и потому эти вопросы я здесь обхожу.

Считаю только нужным уточнить один момент. Мне казалось, и так я и написал Вам, — что после того, как Берия составил объяснение на имя товарища Сталина по вопросу о его службе в муссаватистской разведке, он взял с собой привезенные в свое время мною из Баку папки с некоторыми архивными документами, касающимися этого вопроса, и больше их мне не возвращал. Так почему-то рисовала это обстоятельство моя память. Оказывается, как мне показал тов. Руденко, это было не так. Я не могу, к сожалению, и сейчас вспомнить точно все обстоятельства, но одно ясно, что Берия или вернул мне эти папки на хранение после показа их товарищу Сталину, или же в какой-то момент (может быть тогда, когда Берия переходил на постоянную работу в Совет Министров СССР), он поручил мне упаковать его архив и тогда вручил эти папки. Я, очевидно, по его указанию сделал тогда особый сверток из бакинских дел. Повторяю, я и сейчас не могу точно вспомнить, как было дело. Если бы я помнил факт упаковки мною этих дел, я бы, конечно, об этом написал. Мне неприятно, что память подвела меня.

Берия, вероятно, был недоволен своим назначением в конце августа 1938 г. к Ежову заместителем Наркома внутренних дел СССР. Берия расчитывал на перевод в Москву на работу, но, видимо, не думал, что ему придется работать в НКВД, да еще заместителем Ежова. Прямо он об этом не говорил, но это чувствовалось из его отдельных замечаний.

Он предложил мне ехать с ним, и я согласился.

Вскоре Берия выписал из Тбилиси ряд работников: Кобулова, Мамулова, Деканозова, Шария, Капанадзе, Эсиава, Гагуа и др. Приехало из Грузии так много работников, что позже Берия пришлось часть из них откомандировать обратно, т.к., кажется, товарищ Сталин обратил на это внимание.

Отношение Берия ко мне в Москве переменилось.

В Тбилиси у Берия была практика каждый воскресный день созывать у себя на даче руководящих работников Заккрайкома и ЦК КП(б) Грузии, в том числе бывал, конечно, и я. В Москве он перестал меня звать к себе домой и за 15 лет моего пребывания в Москве я у него дома не по службе был не более 2—3 раз, и то в первые месяцы пребывания в Москве.

Здесь он приблизил к себе Кобулова и именно с ним часто по окончании ночной работы уезжал домой или на дачу.

Кобулова в Тбилиси я почти не знал и познакомился с ним ближе здесь в Москве. С его слов я знаю, что в Тбилиси Берия, оказывается, крепко его поддерживал в оперативной работе и давал ему различные задания в период своей работы в Заккрайкоме.

Хотя в конце 1938 г., когда Берия стал Наркомом внудел СССР вместо Ежова и, несмотря на мои просьбы не делать этого, выдвинул меня своим первым заместителем, он в оперативной работе все же опирался главным образом на Кобулова.

Сейчас мне совершенно ясно, что Берия выдвинул меня на эту должность главным образом только потому, что я был единственным русским из его окружения. Он понимал, что назначить первым заместителем Кобулова или Деканозова он не может. Такие кандидатуры не будут приняты. Оставалась одна моя кандидатура. Думаю, что Берия понимал, по крайней мере внутренне, что я не был приспособлен по своему характеру для этой должности, но другого выхода, видимо, у него не было.

Полагаю, что позднее в 1941 г., выдвигая мою кандидатуру в качестве Народного комиссара госбезопасности в период кратковременного разделения НКВД на НКГБ и НКВД, Берия также исходил при этом из тех же самых соображений. Товарищ Сталин, очевидно, от него требовал назвать кандидатуру, и он назвал меня.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны, как известно, НКВД и НКГБ вновь объединились. Я опять занял должность первого заместителя Наркома внудел СССР. Однако, должен сказать, что, как и раньше, целый ряд поручений Берия давал, минуя меня, непосредственно Кобулову, Фитину и другим работникам. Сейчас можно назвать это бесцеремонностью по отношению ко мне или же методом работы, но факт остается фактом.

Во время войны товарищ Сталин несколько раз лично направлял меня в командировки по специальным заданиям. Так, я ездил в Ленинград, в Сталинград, Краснодарский край, в Прибалтику, но Берия в свои поездки во время войны брал с собой обычно Кобулова. Это, видимо, бросилось в глаза товарищу Сталину, потому что был такой случай. Товарищ Сталин поручил Берия и т. Щербакову съездить в Горький, посмотреть, как там обстоит дело в связи с участившимися бомбардировками города немцами. Берия предложил Кобулову его сопровождать. Однако в самый последний момент, минут за 35 до отхода поезда, Берия позвонил мне и сказал, что должен поехать я, а не Кобулов. В поезде на мой вопрос Берия несколько раздраженно сказал, что таково указание товарища Сталина.

Я замечал также, что Берия периодами старается держать Кобулова несколько в тени, особенно в такие моменты, когда, в связи с какими-либо острыми делами, которые, кстати говоря, вел сам Кобулов, можно было ожидать проявления неудовольствия со стороны товарища Сталина. В этих случаях Берия выдвигал на передний план меня, ставя меня под удар, хотя понимал, что Кобулов лучше меня знает и лучше сумеет доложить тот или иной острый вопрос.

Признаюсь, мне было тогда по приезде в Москву страшно тяжело работать в НКВД СССР, чего я никак не ожидал, едучи в Москву. С одной стороны, у меня не оказалось поначалу достаточных оперативных навыков (от Инфаго ЧК Грузии или ГПУ Аджарии до ГУГБ НКВД СССР — дистанция

огромного размера), с другой стороны, новые чекистские «методы», применявшиеся тогда и не известные мне до того времени (я ведь уже 7 лет был на партработе), меня крайне угнетали, несмотря на то, что по этому вопросу было позже известное разъяснение ЦК ВКП(б).

В 1943 г. товарищ Сталин дал указание вновь выделить НКГБ из НКВД и назначил меня Наркомом госбезопасности СССР. С этого времени встречи мои с Берия, оставшимся Наркомом внудел СССР, стали, естественно, реже, хотя товарищ Сталин, вызывая меня, обычно вызывал и Берия, и наоборот. Я имел тогда возможность наблюдать, как вел себя Берия в присутствии товарища Сталина, как он никогда ему не противоречил, обычно поддакивал с явно подобострастным видом, говоря: «Правильно, товарищ Сталин! Верно, товарищ Сталин!» и т.д. и, лишь выходя из кабинета товарища Сталина, Берия принимал свой обычный, самоуверенный вид. Удивляло меня это очень. Но, полагаю, что Вы об этом знаете лучше меня, и я не буду приводить здесь своих наблюдений.

Одновременно с разделением НКВД, насколько мне припоминается, выделился в самостоятельное управление так называемый СМЕРШ, начальником которого стал Абакумов. Абакумов оказался, пожалуй, не менее честолюбивым и властным человеком, чем Берия, только глупее его. Абакумов вскоре после своего назначения сумел ловко войти в доверие товарища Сталина, главным образом, как он сам говорил, путем систематических почти ежедневных докладов товарищу Сталину сводок о поведении ряда лиц из числа крупных военных работников.

Ряд случаев убедил меня в том, что Абакумов, карьерист и интриган, хитро и тонко чернит меня перед товарищем Сталиным. Ловко использовав против меня известное провокационное шахуринское дело, Абакумов в мае 1946 г, стал Министром госбезопасности СССР. Сумев обманным путем войти в доверие к товарищу Сталину, Абакумов перестал считаться с членами ПБ, и Берия, насколько я заметил, стал бояться Абакумова, как огня.

Как говорится, нашла коса на камень.

Поэтому в качестве председателя комиссии по приемке—сдаче дел МГБ Берия фактически потворствовал проискам Абакумова, который в процессе приемки от меня дел всячески старался найти против меня какие-либо материалы, а не найдя материалов, вынужден был извращать факты. Я не имел возможности защищаться документально, опровергнуть «материалы» Абакумова, так как аппарат МГБ был уже в руках Абакумова. Я должен был ограничиться тем, что акт сдачи дел подписал с обширными замечаниями.

У меня тогда сложилось твердое мнение, что Берия смертельно боится Абакумова и любой ценой старается сохранить с ним хорошие отношения, хотя точно знает, что Абакумов — нечестный человек, фактически, как мы теперь знаем, два врага партии и народа старались тогда перехитрить друг друга.

Процесс сдачи дел МГБ затянулся на 4 месяца, и только в августе 1946 г. вышло известное решение ЦК обо мне, в связи с моим освобождением от работы в МГБ. Я был назначен затем заместителем начальника Главсовзагранимущества и уехал за границу, это назначение состоялось по инициативе товарища Сталина. Я расценивал его как выражение доверия со стороны товарища Сталина, учитывая, что я был послан за границу, несмотря на освобождение с такого поста, как Министр госбезопасности СССР. Настроение у меня было самое отличное. Я всей душой отдался новому делу, ста-

рался быстрее его освоить. Освобождение от работы в МГБ, где мне было, особенно последнее время, так тяжело, радовало меня, а не огорчало.

Однако я полагал, что история с моим уходом из МГБ доставила Берия ряд неприятных моментов. Берия сам говорил мне, что из-за меня он имел от товарища Сталина много неприятностей, и хотя, как было сказано выше, Берия в период приемки и сдачи дел МГБ занимал не очень благожелательную ко мне позицию, тем не менее, находясь в Румынии в 1946 г., вдали от родины, под влиянием минуты, я написал ему под новый год теплое, несколько «литературное» письмо, полагая, что оно несколько сгладит оставшийся у Берия, возможно, неприятный осадок от всего этого дела. Мне теперь стыдно за это письмо, и я краснею от внутреннего негодования на себя, вспоминая, какие теплые слова я адресовал Берия, этому авантюристу и проходимцу, который, видимо, смеялся в душе, читая лирические излияния человека, к которому у него, вероятно, уже давне не было никакого человеческого чувства.

Отчуждение и безразличие Берия ко мне я заметил сам, когда вернулся из-за границы, но я попрежнему неправильно анализировал положение. Мне казалось, что в связи со мной у Берия создалась сложная ситуация с Абакумовым.

Абакумов, я точно знал, ненавидел меня и писал на меня товарищу Сталину и в ЦК кляузы, которые, однако, не достигали поставленных Абакумовым целей, так как при проверке оказывались лживыми.

Берия же, как я полагал, тогда считал, что если Абакумову удастся скомпрометировать меня, то в какой-то мере косвенно будет в глазах тозарища Сталина скомпрометирован и Берия, и потому неоднократно уговаривал меня «не портить отношений с Абакумовым, звонить ему, поддерживать с ним связь».

Считая Абакумова мерзавцем и карьеристом, рискуя оказаться жертвой какой-либо удачной провокации со стороны Абакумова, я все-таки не хотел следовать совету Берия, а года два даже не подавал Абакумову руки.

С 1946 г. после моего назначения в Главсовзагранимущество я, по-моему, окончательно перестал быть нужным Берия и видел его за редким исключением только на заседаниях Совета Министров СССР.

Можно привести ряд фактов, когда Берия демонстративно игнорировал меня, особенно если при этом присутствовал Абакумов. Что же, это было в характере Берия и меня нисколько не удивляло!

В 1948 г., узнав об очередной кляузе Абакумова, я хотел поговорить о ней с Берия и пришел к нему в приемную, но он меня не принял, передав через секретаря, что вызовет сам и, конечно, не вызвал, как я и ожидал.

Приступив к работе после первого инфаркта в прошлом году, я как-то снова зашел в приемную Берия. Однако он опять меня не принял, хотя у него никого не было. К этому времени Абакумов был уже арестован, и потому отказ Берия принять меня показался мне просто обидным, и я немедленно ушел из его приемной, Не хочет видеть меня, думал я, — ну, что ж, его дело! Не он один меня знает!

Хотя товарищ Сталин, как известно, сам поставил вопрос о моем освобождении из МГБ, я знал, что товарищ Сталин продолжает доверять мне. А доверие товарища Сталина было для меня, как и для каждого из нас, все! Знал я об этом из целого ряда фактов. Так, вскоре после моего назначения в Главсовзагранимущество, на одном из дипломатических приемов, Власик

по секрету передал мне, что в случайном разговоре с ним товарищ Сталин прямо заявил ему о том, что он мне доверяет.

В мае 1947 г., представленный тов. Микояном, я был утвержден товарищем Сталиным в качестве начальника Главного Управления советским имуществом за границей.

Кажется, в следующем, 1948 году, был случай, когда тов. Молотов вызвал меня и сказал, что намечается создание Министерства советского имущества за границей и спросил, согласен ли я занять пост Министра в этом Министерстве. Я понимал, что предложение было сделано по указанию товарища Сталина.

В феврале 1949 г., как известно, по инициативе товарища Сталина Совет Министров СССР принял постановление об одобрении моего доклада о работе Главсовзагранимущества за 1948 г.

Затем в 1950 г. именно товарищ Сталин назвал меня как кандидата на должность Министра госконтроля СССР. И я определенно знал, что всем этим действиям товарища Сталина по отношению ко мне Берия не только не способствовал, но, может быть, даже противодействовал им.

Я чувствовал себя почти реабилитированным после освобождения от работы в МГБ в 1945 г. Последующий арест Абакумова показал, что я был прав, когда в ответ на кляузы Абакумова писал о нем товарищу Сталину, как о личности подозрительной.

Неожиданно товарищ Сталин скончался. Я только за месяц до этого приступил к работе после второго инфаркта, и мне тяжело было перенести этот удар. Я всегда считал, что умру раньше товарища Сталина.

Накануне похорон товарища Сталина Берия неожиданно позвонил мне на квартиру (что он не делал уже лет восемь), расспросил о здоровье и просил приехать к нему в Кремль.

У него в кабинете я нашел Мамулова, Людвигова, Ордынцева, и позже пришел т. Поспелов. Оказывается, надо было принять участие в редактировании уже подготовленной речи Берия на похоронах товарища Сталина. Во время нашей общей работы над речью, что продолжалось часов 8, я обратил внимание на настроение Берия. Берия был весел, шутил и смеялся, казался окрыленным чем-то. Я был подавлен смертью товарища Сталина и не мог себе представить, что в эти дни можно вести себя так весело и непринужденно.

Теперь в свете нам известного о преступных действиях Берия я делаю вывод, что Берия не только по-настоящему не любил товарища Сталина как вождя, друга и учителя, но, вероятно, даже ждал его смерти (разумеется, в последние годы), чтобы развернуть свою преступную деятельность. Это, конечно, стало мне ясно сейчас, но тогда я объяснял поведение Берия его умением держать в руках свои нервы, как и подобает настоящему государственному деятелю.

Несколько дней спустя я даже счел своим долгом предложить Берия свои услуги для работы в МВД, так как полагал, что в связи со смертью товарища Сталина международная и внутренняя обстановка может потребовать усиления работы МВД, мои знания и опыт в этой области могут пригодиться, и я окажусь полезным Берия в этой работе, хотя, признаюсь, работа в МВД меня уже мало привлекала, тем более в сравнении с самостоятельной работой в Госконтроле. Однако Берия отклонил мое предложение, очевидно, как я теперь полагаю, считая, что я не пригожусь для тех целей, которые он намечал себе тогда, беря в свои руки МВД. В тот день я виделся с Берия в последний раз.

Когда в мае месяце т.г. я дважды просил у него по телефену приема, он сказал мне, и неожиданно довольно сухо, что сам мне позвонит, — обычный прием, когда люди не хотят принять человека.

Можно было бы в заключение сказать здесь о некоторых возникших у меня соображениях в связи с необычайной активной деятельностью, которую Берия развил после кончины товарища Сталина, сказать о его нежелании иметь главного контролера по МВД и брошенной им во время обсуждения этого вопроса на Президиуме Совмина фразе — «Что они (т.е. Госконтроль) могут проверять в МВД, сперва их самих надо проверить!», что доказывает, что он не желал иметь никакого контроля над собой, даже ограниченного узкими рамками финансово-хозяйственной деятельности.

Но я полагаю, что эти соображения в настоящее время уже не имеют значения.

Хотя Вы, тов. Хрущев, сказали мне 11 июля т.г., что мне не инкриминируется моя близость в прошлом к Берия, я все же счел необходимым рассказать здесь, когда и как эта близость возникла, в чем она заключалась и как развивалась на различных этапах моих отношений с Берия.

Отрицательные черты характера Берия, о которых я выше говорил, были мне, конечно, известны, но я никогда не подозревал Берия в политической нечестности и не думал о том, что он может оказаться врагом Партии и народа, авантюристом худшего пошиба, буржуазным перерожденцем и агентом международного империализма. И, однако, это теперь непреложный факт, убедительно доказанный в докладе товарища Маленкова на Пленуме ЦК КПСС и в выступлениях членов Президиума ЦК.

Думая о том, что произошло, хочется проклясть день и час моего знакомства с Берия, с этим авантюристом, врагом Партии и народа, своим преступлением запятнавшим биографии десятков и сотен честных людей, которые волею сложившейся обстановки были когда-то в какой-то степени близки к нему.

Я хочу одновременно сказать Президиуму ЦК нашей партии, что на протяжении всей моей сознательной жизни я был чист перед Партией, Родиной, перед товарищем Сталиным и теперь также чист перед нынешним руководством Центрального Комитета нашей Партии.

В. МЕРКУЛОВ

23 июля 1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 208—225. Копия. Машинопись.

№ 42

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ

23 июля 1953 г.

№ 73/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 23-го июля 1953 года.

Приложение: на 8 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса

1953 года, июля 23 дня, Генеральный Прокурор Союза ССР РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича (анкетные данные в деле имеются).

Допрос начат в 13 часов 15 мин.

ВОПРОС: Фамилия «Белахов» вам известна?

ОТВЕТ: Я его лично не знаю, но от Кобулова мне известно, что Белахов проходил по какому-то делу.

ВОПРОС: Когда и в связи с чем был арестован Белахов?

ОТВЕТ: Точно не припоминаю обстоятельств, в связи с чем был арестован Белахов. Об этом может быть знает Кобулов.

ВОПРОС: Вам известно, какие незаконные методы применялись Кобуловым и подчиненными ему следователями при допросах Белахова, чтобы вынудить у него нужные вам показания?

ОТВЕТ: Я ничего не знаю.

ВОПРОС: Оглашаю вам показания Белахова:

«С первого же дня ареста меня нещадно избивали по 3—4 раза в день, и даже в выходные дни. Избивали резиновыми палками, стальными пружинами и линейками, били по половым частям. Я терял сознание. Прижигали меня горячими папиросами, обливали водой, приводили в чувство и снова били. Потом перевязывали в амбулатории, бросали в карцер и на следующий день снова избивали.

Дело дошло до того, что я мочился кровью, перешибли позвоночник, и я стал терять зрение, и появились галлюцинации...»

Вам известно это?

ОТВЕТ: Мне ничего неизвестно об этом.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Белахова от 4 апреля 1941 года, из которых устанавливается вымогательство клеветнических показаний на Жемчужину:

«Мне говорили, чтобы я только написал маленькое заявление на имя наркома, что я в этом признаю себя виновным, а факты они мне сами подскажут. На такую подлость я идти не мог. Тогда меня отвезли в Сухановскую тюрьму и избили до полусмерти. В безсознательном состоянии на носилках отправили в камеру...

24.VIII и 29.VIII были две очные ставки, касающиеся... Жемчужиной. На очных ставках я заявил, что это клевета. Я хотел изобличить этих клеветников, но мне не дали возможности, хотя я имел и мог сообщить очень ценные сведения для следствия, безусловно, правдивые.

После очных ставок, спустя несколько дней, мне от имени руководства гр. Райхман, Подольский и Визель сказали:

"Гр. Белахов, успокойтесь. Вас никто не винит, в отношении вас следствие допустило ошибку. Вас напрасно били. Расскажите откровенно, что вы знаете о доме Канель и о Жемчужиной?"»

Вы признаете, что прибегали к сбору клеветнических материалов, приказав вашему доверенному Кобулову добыть их любыми незаконными методами?

ОТВЕТ: Я это отрицаю.

ВОПРОС: Вы лжете. Вы сами вынуждали Белахова к даче заведомо ложных показаний в отношении Жемчужиной. Вот что показывает Белахов:

«Народный комиссар НКВД Берия и нач. следственной части два раза вызывали к себе и говорили:

"Белахов, будьте откровенны, вы будете на свободе и будете научно работать. Правда, первое время не в Москве, а в провинциальном вузе, а потом переедете в Москву".

Я твердо верил слову наркома, члену Политбюро и жил этой надеждой. На протяжении года со мной никто о деле не говорил и твердили, что надо подождать».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Это не признаю.

ВОПРОС: Вы знали, что, несмотря на все незаконные методы, следствие смогло лишь добыть данные о том, что Белахов слышал отдельные контрреволюционные высказывания некой Канель?

ОТВЕТ: Вообще дело Белахова и Канель я сейчас не помню.

ВОПРОС: Вам было известно, что действия Белахова были квалифицированы по ст. 58-10 УК?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам предъявляется повестка к заседанию Особого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР.

Вы подтверждаете, что действия Белахова были квалифицированы по ст.ст. 58-10 и 11 УК РСФСР?

ОТВЕТ: Я подтверждаю, что мне предъявлена повестка к заседанию Особого совещания при Наркоме внутренних дел СССР, в которой значится дело Белахова И.Л., преступление которого квалифицировано по ст. 58-10 и 11 УК РСФСР.

ВОПРОС: Даже если предположить, что Белахов допустил антисоветские высказывания, а материалами дела это не доказано, можно ли применить высшую меру уголовного наказания за подобные преступления, совершенные в мирное время?

ОТВЕТ: Не должна быть применена.

ВОПРОС: На каком же основании и за что был расстрелян по вашему приказанию Белахов?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вы признаете себя виновным в том, что, желая избавиться от Белахова и опасаясь, что он может разоблачить вас как фальсификатора и клеветника, вы, используя свое служебное положение, умертвили Белахова?

ОТВЕТ: Не признаю.

ВОПРОС: На предыдущих допросах вы утверждали, что, служа в муссаватистской контрразведке, якобы занимались только просмотром корреспонденции?

ОТВЕТ: Большой частью занимался этим, на 90 %.

ВОПРОС: Чем же еще занимались?

ОТВЕТ: При прибытии пароходов из Ирана на пристани мы проверяли подозрительных лиц, которых засылали из Ирана.

ВОПРОС: Чем еще занимались?

ОТВЕТ: Больше ничем не занимались.

ВОПРОС: Вы лжете. Вам предъявляется одно из дел муссаватистской контрразведки: письмо за № 1095, адресованное «Господину приставу 5 участка г. Баку», и в нем сказано: «Прошу произвести обыск совместно с агентом Берия в редакции газеты "Искра"».

Признаете теперь, что являлись активным агентом муссаватистской контрразведки и, в частности, участвовали в обысках?

ОТВЕТ: Признаю, что участвовал в обыске. Об этом раньше не говорил потому, что забыл. Газета «Искра» была революционного направления.

ВОПРОС: Фамилию Фоталеева вы помните?

ОТВЕТ: Сейчас не могу вспомнить, может быть и знал такого.

ВОПРОС: Вместе с Фоталеевым вы производили обыск не только в редакции, но и в типографии газеты «Искра»?

ОТВЕТ: Может быть. Не помню.

ВОПРОС: Вам предъявляется другое письмо, адресованное приставу 5 участка Бакинского полицеймейстерства.

В этом письме вам и агенту Фоталееву поручается произвести обыск в типографии газеты «Искра». Признаете теперь этот факт?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлено письмо на имя пристава 5 участка о производстве мной обыска вместе с Фоталеевым в типографии газеты «Искра».

Производил ли я обыск — не помню.

ВОПРОС: Вам знакома такая фамилия — Мирза-Бали?

ОТВЕТ: Знакома.

ВОПРОС: Кто такой Мирза-Бали?

ОТВЕТ: Он учился со мной в техническом училище, затем он оставил учебу. Он был левым муссаватистом. Отношения у меня с ним были хорошие.

ВОПРОС: Где сейчас Мирза-Бали?

ОТВЕТ: Сейчас не знаю, но известно было, что он в Турции.

ВОПРОС: Каким образом он попал в Турцию?

ОТВЕТ: Я не знаю.

ВОПРОС: Приезжал ли к вам в 1923 году в Тбилиси Мирза-Бали?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Скрывался ли у вас на квартире в 1923 году Мирза-Бали?

ОТВЕТ: Нет, не скрывался.

ВОПРОС: Вы оказывали содействие Мирза-Бали перебраться за границу?

ОТВЕТ: Нет, никогда.

ВОПРОС: Теперь перейдем к другим вопросам. Вы признаете, что объявив себя автором книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», совершили плагиат и присвоили чужой труд?

ОТВЕТ: Ничего подобного.

ВОПРОС: Какие у вас были отношения с Меркуловым?

ОТВЕТ: Хорошие.

ВОПРОС: Личных счетов у вас с ним не было?

ОТВЕТ: Нет, не было.

ВОПРОС: Теперь вам оглашаются показания свидетеля Меркулова:

«*Вопрос*: Вы являетесь одним из авторов книги "К истории большевистских организаций в Закавказье"?

Ответ: Нет, я участвовал лишь в редактировании уже готового текста. Насколько мне известно, книгу эту писал Бедия и некоторые другие.

Вопрос: Не считаете ли вы, что, выдавая себя за автора этой книги, Берия присвоил чужой труд?

Ответ: Конечно, это было именно так. Я считал эти действия Берия более чем плагиатом. Мне было стыдно за Берия, поставившего свою подпись под чужой работой».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Не признаю.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что вы присвоили чужой литературный труд для того, чтобы обмануть И.В. Сталина и, пользуясь такими махинациями, показать, что вы якобы преданы ему, втереться в доверие к Сталину и таким путем пробиться к власти?

ОТВЕТ: Не признаю. Хочу добавить, что этот доклад готовился по моей инициативе, я был главным участником подготовки материалов к докладу, помогал мне в сборе материалов филиал ИМЭЛ г. Тбилиси. Принимало участие в подготовке этого доклада около 20 человек и около 100 человек было принято б. участников революционного движения того времени. Я отрицаю, что я это делал с целью втереться в доверие к Сталину. Я считал совершенно необходимым издание такой работы. Что же касается того, что я хотел таким способом пробиться к власти, то это мне непонятно, т.к. я уже тогда был секретарем Зак. Крайкома и ЦК Грузии.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что являлись политическим двурушником, внешне подчеркивая преданность вождю партии, а фактически дожидаясь его смерти для того, чтобы развернуть преступную деятельность по захвату власти?

ОТВЕТ: Абсолютно не признаю.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания свидетеля Меркулова от 21 июля с.г.:

«Характеризуя Берия в прошлом, могу сказать, что это был человек с крутым и властным характером, добивавшийся власти, расчищая себе дорогу от соперников. Он демонстративно подчеркивал свою преданность И.В. Сталину, хотя в действительности, как показали события последнего времени, не был предан ему. В подтверждение могу привести следующий факт. За день до похорон И.В. Сталина, Берия позвонил мне по телефону и просил приехать к нему. Приехав к Берия... я обратил внимание на поведение Берия — он был весел, шутил, чувствовалось, что он не только не опечален кончиной И.В. Сталина, но, наоборот, чем-то окрылен. Тогда я подумал, что он умеет хорошо держать себя в руках, но теперь очевидно, что такое поведение Берия было обусловлено совсем иным: Берия ждал смерти И.В. Сталина, чтобы развернуть свою преступную деятельность».

Правильно показывает Меркулов?

ОТВЕТ: Неправильно показывает Меркулов.

Протокол мне прочитан, записано все с моих слов верно.

БЕРИЯ

Хочу дополнить, что арест Белахова, Канель и др. был произведен в связи с Жемчужиной по указанию инстанции.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 17 час. 10 мин.

Л. БЕРИЯ

ДОПРОСИЛ:

Генеральный прокурор СССР *РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола допроса следователь по важнейшим делам *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 28—37. Копия. Машинопись.

№ 43
ПИСЬМО СОТРУДНИКА МВД БУНЯКОВА В ЦК КПСС С ПРЕДПОЛОЖЕНИЕМ О «ШПИОНСКОЙ» РАБОТЕ Л.П. БЕРИЯ

24 июля 1953 г.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС
товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

После того, как мне из решения Пленума ЦК КПСС стало известно о вражеской деятельности, особенно о его работе в муссаватистской разведке в 1919—20 годах во время оккупации Баку англичанами, я тщательно продумал все факты, которые можно было бы использовать при допросах Берия.

В результате чекистского анализа целого ряда фактов как всем известных, а также известных только узкому кругу чекистов выявляется целая цепь косвенных улик, укрепляющих у меня подозрение в том, что Берия является агентом английской разведки. Как мне кажется, ряд фактов, относящихся к деятельности Берия в органах НКВД—МВД, нуждается в срочной проверке с целью установления и отбора уликовых данных против него.

Будучи уверен, что следствию по делу Берия многое известно из того, что я описываю в данном заявлении, все же я не теряю надежды в том, чтобы сделать попытку навести следствие хотя бы на одну хорошую мысль.

Из всех возможных улик против Берия (после ее основательной проверки и подготовки) может служить уликой это формирование польской армии Андерса и вывод ее в Иран вместе с другими польскими реакционерами.

После войны стало известно, что англичане намеревались высадить армию Андерса в Греции, имея цель дойти до Польши, где поднять восстание «Армии Крайовой» и таким путем преградить путь Советской Армии на запад. Как мне представляется, план использования польских реакционных сил против СССР был продуман Черчиллем в начале Великой Отечественной войны.

У меня лично сложилось убеждение (может быть ошибочное), что формирование 100-тысячной армии Андерса в СССР и вывод ее в распоряжение англичан является крупнейшей военно-политической комбинацией английской разведки за весь период второй мировой войны. При проведении этой комбинации умело использовалась военно-политическая обстановка, что позволяло проводить ее замаскированно, по этапам.

При проведении следствия по делу Берия имеется возможность выяснить роль английской агентуры из числа советских официальных лиц, имевших отношение к проведению этой комбинации.

В этом деле прежде всего следовало бы выяснить роль Берия и Майского, который был арестован органами МГБ и, кажется, признался в принадлежности к агентуре английской разведки.

Проведение польского дела, как известно, началось с того, что 30 июля 1941 года в Лондоне было подписано специальное соглашение между послом СССР в Англии Майским и премьер-министром польского эмигрантского правительства Сикорским. В соглашения было предусмотрено — амнистия польских граждан и формирование польской армии для борьбы с немцами под советским командованием.

Следовало бы допросить Майского о том, какие неофициальные переговоры он вел с Черчиллем для того, чтобы осуществить намеченную комбинацию.

Для формирования польской армии и проведения оперативной работы среди польских граждан в составе 2-го Управления НКВД (нач. генерал-лейтенант Федотов) был создан специальный отдел, во главе которого был поставлен Жуков Георгий Сергеевич, верный холуй Берия. Достаточно сказать, что Жуков милостью Берия дослужился, вернее, сделал себе карьеру с лейтенанта до генерал-лейтенанта. Вызванный Берия из Сибири Жуков недавно был назначен начальником отдела по борьбе с украинскими националистами. После разоблачения Берия Жуков пытается уверять всех, в том числе и партийное собрание, в том, что его якобы Берия преследовал и загнал в Сибирь, хотя это и не соответствует действительности.

В конце 1941 года генерал Сикорский приезжал в СССР, где его опекал, возможно, и сопровождал Жуков. Сикорский посетил формировавшиеся в СССР польские дивизии, а 3 и 4 декабря 1941 года был принят в Кремле.

Следовало бы установить, встречался ли Сикорский с Берия, при каких обстоятельствах, наедине или со свидетелями и с кем именно. Желательно бы выяснить содержание бесед Сикорского с Берия в то время.

В самом начале формирования польской армии военнослужащие были настроены против Советского Союза, и было ясно, что они воевать против немцев под советским командованием не собираются.

У меня закралось подозрение, что, возможно, умышленно врагами советского народа были проведены некоторые мероприятия, способствовавшие отрицательным настроениям поляков. К числу таких мероприятий относится все то, что использовалось польской реакцией для разжигания антисоветских настроений. В связи с этим следовало бы проверить все то, что относится к лагерю польских военнопленных в районе Смоленска. Начальником этого лагеря был майор государственной безопасности Ветошников В.М. Следовало бы его допросить в связи с делом Берия.

Как известно, Сикорский в ходе переговоров выразил пожелание о выводе части польских войск в Англию и на Средний Восток. Это пожелание Сикорского похоже на предлог для того, чтобы впоследствии снять подозрение с некоторых советских официальных лиц, принимавших участие в формировании польской армии.

В качестве начальника штаба польской армии был прислан из Англии генерал-майор Шишко-Богуш, тот самый генерал, который в 1940 или 1941 году высаживался с войсками в Норвегии у Нарвика. Это был проверенный англичанами человек. Он был направлен в СССР не для того, чтобы воевать против немцев под советским командованием.

Весной 1942 года в гор. Янги-Юль (под Ташкентом), где дислоцировался штаб армии Андерса, прибыл английский полковник в качестве офицера для связи. Поскольку я в то время работал в Ташкенте начальником отделения, то я понаслышке от товарищей знал, что английский полковник совершенно ничего не делает и никуда якобы не выходит из пределов территории польского штаба, что ведет он себя странно — ходит в одних трусах и играет в волейбол. Но это все понятно пустяки, важнее другое. Среди сотрудников НКВД ходил слух, что английский полковник незадолго до приезда в Янги-Юль был обменен англичанами у немцев, так как он находился в фашистской Германии в плену или был там интернирован. Очень важно выяснить, что это за полковник. Если этот полковник был военным атташе в Германии, то это будет представлять для следствия большой интерес в связи с допросом Амаяка Кобулова и Деканозова, которые до войны находились в Берлине.

Для формирования польской армии и проведения оперативной работы среди польских граждан в составе 2-го Управления НКВД (нач. генерал-лейтенант Федотов) был создан специальный отдел, во главе которого был поставлен Жуков Георгий Сергеевич, верный холуй Берия. Достаточно сказать, что Жуков милостью Берия дослужился, вернее, сделал себе карьеру с лейтенанта до генерал-лейтенанта. Вызванный Берия из Сибири Жуков недавно был назначен начальником отдела по борьбе с украинскими националистами. После разоблачения Берия Жуков пытается уверять всех, в том числе и партийное собрание, в том, что его якобы Берия преследовал и загнал в Сибирь, хотя это и не соответствует действительности.

В конце 1941 года генерал Сикорский приезжал в СССР, где его опекал, возможно, и сопровождал Жуков. Сикорский посетил формировавшиеся в СССР польские дивизии, а 3 и 4 декабря 1941 года был принят в Кремле.

Следовало бы установить, встречался ли Сикорский с Берия, при каких обстоятельствах, наедине или со свидетелями и с кем именно. Желательно бы выяснить содержание бесед Сикорского с Берия в то время.

В самом начале формирования польской армии военнослужащие были настроены против Советского Союза, и было ясно, что они воевать против немцев под советским командованием не собираются.

У меня закралось подозрение, что, возможно, умышленно врагами советского народа были проведены некоторые мероприятия, способствовавшие отрицательным настроениям поляков. К числу таких мероприятий относится все то, что использовалось польской реакцией для разжигания антисоветских настроений. В связи с этим следовало бы проверить все то, что относится к лагерю польских военнопленных в районе Смоленска. Начальником этого лагеря был майор государственной безопасности Ветошников В.М. Следовало бы его допросить в связи с делом Берия.

Как известно, Сикорский в ходе переговоров выразил пожелание о выводе части польских войск в Англию и на Средний Восток. Это пожелание Сикорского похоже на предлог для того, чтобы впоследствии снять подозрение с некоторых советских официальных лиц, принимавших участие в формировании польской армии.

В качестве начальника штаба польской армии был прислан из Англии генерал-майор Шишко-Богуш, тот самый генерал, который в 1940 или 1941 году высаживался с войсками в Норвегии у Нарвика. Это был проверенный англичанами человек. Он был направлен в СССР не для того, чтобы воевать против немцев под советским командованием.

Весной 1942 года в гор. Янги-Юль (под Ташкентом), где дислоцировался штаб армии Андерса, прибыл английский полковник в качестве офицера для связи. Поскольку я в то время работал в Ташкенте начальником отделения, то я понаслышке от товарищей знал, что английский полковник совершенно ничего не делает и никуда якобы не выходит из пределов территории польского штаба, что ведет он себя странно — ходит в одних трусах и играет в волейбол. Но это все понятно пустяки, важнее другое. Среди сотрудников НКВД ходил слух, что английский полковник незадолго до приезда в Янги-Юль был обменен англичанами у немцев, так как он находился в фашистской Германии в плену или был там интернирован. Очень важно выяснить, что это за полковник. Если этот полковник был военным атташе в Германии, то это будет представлять для следствия большой интерес в связи с допросом Амаяка Кобулова и Деканозова, которые до войны находились в Берлине.

Очень важно было бы выяснить, не встречался ли английский полковник с Кобуловым Амаяком в Янги-Юле или в Ташкенте.

В моем представлении кажутся подозрительными три факта, которые имеют между собой какую-то связь.

Во-первых, тот факт, что генерал Сикорский, имевший прямое отношение к формированию армии Андерса и выводу ее из СССР, в июне 1943 года погиб при авиационной катастрофе. Это наводит на мысль, что англичане могли убрать нежелательного своего агента, который сыграл определенную роль и в дальнейшем мог быть опасным.

Во-вторых, сразу после прихода Берия в МВД он вызвал в Москву с периферии Жукова, свою правую руку по польским делам, и назначил его нач. отдела по борьбе с украинскими националистами, он также вызвал в Москву генерал-майора Новобратского, бывшего при Берия начальником английского отдела, и опять назначил его на этот же отдел. Я слышал, что Берия добился того, чтобы должность начальника отдела в МВД не входила в номенклатуру ЦК КПСС. Это было сделано не случайно, дело тут не только в подборе кадров по принципу личной преданности, но и в заслугах перед Берия.

В-третьих, после назначения Новобратского начальником отдела он терроризировал свой аппарат, пытался запугать сотрудников, представляя их как людей неспособных. В то же время он предпринял попытки склонить арестованного Майского к отказу от показаний, а, как я уже упоминал, Майский признался, что он английский агент и якобы находился на личной связи у Черчилля. Об этом я узнал от товарища, который поделился со мной по строгому секрету тогда, когда товарищ и я возмущались поведением Новобратского. Понятно, я бы никому не сказал об этом, но дело в том, что я рискнул об этом написать только потому, что чувствую связь между этими тремя фактами.

Имеется еще одно обстоятельство, но его ставить в какую-то связь со всеми изложенными выше фактами без тщательной проверки нельзя.

Генерал Жуков Г.С. считался по должности главным офицером для связи с армией Андерса. Жуков больше находился в Москве и в штабе армии бывал наездами. Заместителями у Жукова были два полковника, которые последовательно, сперва один, а потом другой постоянно находились при штабе Андерса. Первого полковника я почти не знал и фамилию его забыл, второй — полковник Тишков в настоящее время работает во 2 Главном Управлении МВД.

После того как армия Андерса выехала в Иран, а затем, как известно, высадилась в Италии, полковник Тишков был переброшен в штаб Тито и после окончания войны возвращался в СССР через Италию.

Полковник Тишков очень хорошо знает всю историю с армией Андерса и по своим знаниям мог бы внести полную ясность в этот вопрос. Но будет ли он объективен в изложении фактов, судить не берусь.

Как мне представляется, по польскому вопросу целесообразно было бы провести тщательную проверку, а потом уже допросить лиц, имевших отношение к этим делам.

Начать проверку польских дел я бы рекомендовал с допроса тов. Гречихина, долгое время работавшего адъютантом у Жукова Г. Уже когда Жуков работал в Сибири, тов. Гречихин написал на него анонимное заявление. После того, как был установлен автор этой анонимки — Гречихин, он был уволен из НКГБ и строго предупрежден о неразглашении известных ему

фактов. Мне неизвестно содержание анонимного заявления Гречихина, но уверен, что там были такие факты, которые и теперь будут иметь значение для расследования по делу Берия и его подручного Жукова.

Гречихин после увольнения из НКГБ работал в аппарате НКПС, возможно, и в настоящее время он там работает.

При следствии по делу Берия желательно выяснить его роль при решении вопроса о досрочном наступлении советских войск в январе 1945 года.

Всем известен такой факт, когда Черчилль прислал телеграмму от 6 января 1945 года в адрес Верховного Командования с просьбой выручить четыре армии «союзников», попавших в немецкий «мешок» в Арденнах.

Будучи верным своему союзническому долгу, Верховное Командование перенесло срок наступления с 20 на 12 января 1945 года. В результате «союзники» были спасены. Немецкое командование перебросило механизированную армию на Советский фронт. Любопытно то обстоятельство, что «союзники» были далеки от честного выполнения союзнического долга. Когда я допрашивал немецких разведчиков, то они мне рассказывали о том, что, когда немецкие эшелоны с войсками и техникой следовали из Арденн на Восточный фронт, то союзники их не только не бомбили, но всячески оберегали. Немецкий разведчик Штреккер показал, что он был очевидцем такого факта, когда под Берлином образовалась пробка из эшелонов, следовавших на Восток. В это время был массированный налет англо-американской авиации на Берлин. Видимость была хорошая. И, тем не менее, ни одна бомба не была сброшена на перевозимые войска.

Я, пожалуй бы, не стал обращать Ваше внимание на этот факт, если бы мне не бросился в глаза один подозрительный момент текста телеграммы Черчилля — это упоминание им о своем эмиссаре Теддере, который якобы застрял на пути в Москву из-за плохой погоды. Упоминание о Теддере было хитростью разведчика, чтобы в Верховном Командовании не подумали, что помимо Теддера может протолкнуть вопрос кто-то другой.

Поскольку в то время Берия был заместителем председателя ГКО и, кажется, отвечал за обеспечение фронта боеприпасами и военной техникой, то он в этом деле мог сыграть решающую роль.

В июне месяце 1945 года слушалось дело польского генерала Окулицкого и других.

Окулицкий являлся организатором польского реакционного подполья на территории Зап. Украины и Белоруссии, был арестован, а затем освобожден по амнистии и в 1941 году назначен нач. штаба армии Андерса. После приезда Шишко-Богуша генерал Окулицкий стал командовать дивизией, а в мае 1944 г. сброшен на парашюте в Польше для того, чтобы возглавить подпольную «Армию Крайову». В связи с тем, что я немного разбираюсь в польских делах того времени, мне представляется, что Окулицкий является крупным агентом английской разведки, доверенным человеком англичан. Тем не менее, этот вопрос не нашел свое отражение на следствии и особенно на судебном процессе. Арест Окулицкого мог бы внести ясность в вопрос о выводе из СССР армии Андерса. Тем не менее, все эти вопросы были смазаны. Если судить по материалам судебного процесса, то Окулицкий представлен там как польский патриот, посвятивший свою жизнь независимости Польши. Тогда как на самом деле Окулицкий грязные шпион, беспринципный наймит империалистов, о чем достаточно убедительно свидетельствуют документы, на основании которых проводилось предварительное

следствие. Расследованием дела Окулицкого руководил Влодзимирский — бывший в то время начальником следственной части по особо важным делам НКГБ.

Так что этот факт еще раз свидетельствует, что Влодзимирский не только лично преданный Берия человек.

В этом вопросе я не открываю ничего нового, достаточно взять судебный отчет по делу Окулицкого, изданный в 1945 году юриздатом НКЮ, чтобы убедиться в качестве и глубине проведенного предварительного расследования.

Если Окулицкий жив и находится в СССР, то его можно было бы использовать для внесения ясности в польско-английские дела в СССР.

В решении Пленума ЦК КПСС говорится, что Берия пытался использовать органы МВД в центре и на местах против партии и ее руководства, против правительства СССР.

Как известно, клика Тито—Ранковича совершила фашистский переворот в Югославии точно же таким же методом, путем подчинения органов партии и государства УДБ. Ранкович и его подручные из УДБ сыграли решающую роль в перевороте. В связи с этим могу только напомнить о том факте, что руководящая часть янычаров из МДЕ обучалась не где нибудь, а в Высшей школе НКГБ.

Связи клики Тито—Ранковича с Берия следовало бы поискать со времени войны, когда при нем находились сотрудники НКГБ, может быть, кто-нибудь из них выполнял роль связника.

В послевоенное время такие связи могли быть организованы через слушателей УДБ, к которым приезжал Тито и посещал их в Высшей школе. Этот вопрос при расследовании дела Берия обходить нельзя.

Наиболее трудным вопросом при расследовании шпионских дел является вопрос о связи агентов с их разведывательными органами. В этом вопросе часто трудно добыть улики, а для получения косвенных улик приходится сопоставлять целый ряд фактов, подозрительных как возможные каналы связи.

Пря установлении возможных каналов связи Берия с империалистическими разведками, и прежде всего английской разведкой, следовало бы проверить все, что относится к его отношениям с братьями Кобуловыми и Деканозовым, и в свою очередь последних — с внешним миром.

Накануне Великой Отечественной войны в качестве резидента НКВД в Берлин был направлен Амаяк Кобулов. Со слов товарищей, мне известно, что Кобулов в то время не имел соответствующего чекистского опыта.

В то же время послом СССР в Берлине был Деканозов, не имевший опыта в дипломатических делах.

В Москве наблюдал за ними Богдан Кобулов как замнаркома внутренних дел.

В связи с зтим следовало бы установить, с кем из англичан встречались Кобулов Амаяк и Деканозов в Берлине и что об этих англичанах известно как о разведчиках.

В начале войны после возвращения Амаяка Кобулова из Берлина он был назначен наркомом внутренних дел в Узбекской ССР. Мне кажется, что назначение Кобулова в Узбекистан не было случайным и вот почему: связь с внешним миром в 1941—42 годах осуществлялась главным образом через Иран; на территории Узбекистана находилась армия Андерса.

Характерна такая деталь. В августе 1942 года армия Андерса выехала в Иран, а в конце 1942 г. или начале 1943 года Кобулов Амаяк бал отозван в Москву.

Подозрительно еще одно обстоятельство. Военным прокурором армии Андерса был грузинский меньшевик Кипиани. Этот авантюрист участвовал в грузинском меньшевистском восстании, затем бежал в Польшу, где «ополячился» и служил офицером в польской армии или разведке. В 1941 году Кипиани был назначен военным прокурором армии Андерса. Мне известно из агентурных источников, что поляки недолюбливали Кипиани и высказывали пожелания, чтобы прокурором у них был поляк, а не грузин, и тем не менее он удержался в этой должности. Работая в Ташкенте, я видел однажды Кипиани у бюро пропусков НКГБ. Со слов товарищей, мне известно, что Кипиани всякий раз после какого-либо недоразумения или ареста чекистскими органами того или иного польского военнослужащего добивался приема его руководством НКГБ. Возможно, это был предлог для встреч с Кобуловим Амаяком. Встречался ли Кобулов с Кипиани в Ташкенте, мне неизвестно. Мне кажется, что выяснение этого вопроса может представлять для следствия немаловажный интерес.

В Москве Кобулов был назначен начальником оперативно-чекистского управления Главного Управления по делам военнопленных и интернированных.

Это назначение также было не случайным, в поле зрения Кобулова попадали немецкие разведчики, взятые в плен Советской Армией. Мне известны факты, когда Кобулов не передавал в МГБ захваченных в плен немецких разведчиков под предлогом того, что его аппарат сам сможет провести следствие. Копии протоколов допросов многих разведчиков в МГБ не пересылались, и таким образом проходящие по ним лица в розыск не объявлялись.

Спор из-за немецких разведчиков являлся одной из причин существовавшего между МГБ и МВД антагонизма.

У меня сложилось подозрение, что Кобуловы и компания стремились к тому, чтобы как можно меньше немецких разведчиков попало в МГБ, возможно, что они боялись показаний этих разведчиков.

Деканозов продолжал работать в аппарате МИДа. В связи с этим целесообразно бы установить, с кем из англичан он в то время встречался наедине, без свидетелей.

После снятия Кобулова Б.З. с поста заместителя наркома государственной безопасности он вскоре был назначен в ГУСИМЗ и почти постоянно находился в Берлине. В этой связи любопытна такая деталь. Когда а августе 1951 года я находился в служебной командировке в Берлине, то кто-то из чекистов поделился с мной о беседе с Кобуловым. Этот товарищ рассказал мне о том, что в беседе с ним Кобулов выразил намерение написать рапорт Абакумову, чтобы получить разрешение вести разведывательную работу за границей, используя возможности аппарата ГУСИМЗа за границей. Сама по себа эта мысль хорошая, но в данном случае она наводит на подозрение в том, не пытался ли Кобулов легализовать свои связи с иностранцами.

После прихода Берия в МВД, Кобулов Богдан прибыл в Москву. Тогда на должность зам. нач. инспекции при Берия назначают Амаяка Кобулова, который накануне авантюры в Берлине находился там в командировке.

Даже простой перечень фактов наводит на мысль, почему Кобуловых привлекал Берлин, почему они оттуда почти не вылазили.

Все изложенные мною факты и предположения, понятно, не могут быть уликами и требуют серьезной, основательной проверки. Я прошу Вас проверить через соответствующие аппараты изложенные мною факты и подозрения. В таком деле, как преступная деятельность Берия и его подручных, должно быть проверено все, что относится к их прошлой работе, чтобы у нас была полная уверенность, что все подозрительные факты изучены и проверены и что в процессе следствия не осталось ни одного не исследованного вопроса.

Сотрудник Высшей школы МВД СССР
подполковник БУНЯКОВ

P.S. Я бы хотел, чтобы это заявление в МВД СССР не пересылалось.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 82—92.

№ 44

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

24 июля 1953 г.

Сов. секретно

№ 80/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса арестованного БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 24 июля 1953 г.

Приложение: на 15 листах.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, июля 24 дня, Генеральный Прокурор Союза ССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича (анкетные данные в деле имеются).

Допрос начат в 22 часа.

ВОПРОС: Вы вызывали в апреле 1953 г. в Москву с докладом бывшего министра внутренних дел Литовской ССР Кондакова?

ОТВЕТ: Вызывал.

ВОПРОС: Какова была цель этого вызова?

ОТВЕТ: Вызывался он с целью разбора вопросов, связанных с реорганизацией министерства внутренних дел и о работе министерства внутренних дел Литовской республики.

ВОПРОС: Считаете ли вы, что обсуждение доклада Кондакова проходило в нормальной обстановке?

ОТВЕТ: По-моему, более или менее проходило в нормальной обстановке.

---

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «Документы №№ 63, 73, 74 и 80 тов. Хрущев ознакомлен. Д. Суханов. 27.VII.53 г.», «Читал В. Молотов 27.VII», «Материалы читал К. Ворошилов 29.VII.53 г.», «Булганин», «Читал Л. Каганович 29.VII», «Читал Микоян 28.VII», «Читал М. Сабуров 30.VII-53» «Читал Первухин 31.VII-53».

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Кондакова:

«20 апреля я был принят Берия в присутствии его заместителей, начальников управления МВД СССР Федотова, Сазыкина, зам. нач. управления Судоплатова, начальника войск внутренней охраны Филиппова, начальника отдела 4 Управления Жукова и бывших министров внутренних дел Латвийской ССР т. Ковальчук и Эстонской ССР т. Москаленко.

Мой доклад о положении дел в Литве, работе Министерства и состоянии борьбы с националистическим подпольем, основанный на объективных данных, и наши дальнейшие мероприятия в работе органов МВД республики были встречены Берия с большим неудовольствием, и особенно в той части, где я привел данные о враждебных проявлениях со стороны националистических элементов и сообщил о количестве ликвидированных бандитов и убитых ими советских граждан.

Берия положительно придрался к слову "бандиты" и требовал доказательств, дающих основание так называть их. Я ему объяснил, что они вооружены, грабят и убивают советских людей.

На это Берия отвечал: "Вы сами вынуждаете их на такие действия".

Будучи страшно раздражен, Берия не дал мне возможности продолжать доклад, назвав всю деятельность Министерства провокационной, одновременно заявив, что наличие в Министерстве, милиции республики, их периферийных органах и войсках внутренней охраны МВД Литовского округа среди личного состава лиц не литовской национальности свидетельствует о серьезных извращениях национальной политики партии в области кадров.

По выражению Берия, активные действия органов, направляемые на борьбу с враждебными элементами, порождают недовольство местного населения, а мероприятия органов советской власти по выселению и изъятию антисоветских, буржуазных, кулацких и других враждебных элементов, проводивших подрывную деятельность, являются провокацией, вызывающей противодействие литовского народа и угрожающей существованию советской власти в Литве».

Правильно показывает свидетель Кондаков?

ОТВЕТ: Тенденциозно. Грубость, может быть, и была проявлена с моей стороны в отношении Кондакова, но далеко не в такой степени, как он освещает.

Я считаю, что при обсуждении вопроса по Литве я сделал правильные выводы.

ВОПРОС: Вы пытались вынудить Кондакова дать ложные компрометирующие данные в отношении руководящих партийных кадров в Литве?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Оглашаю вам показания свидетеля Кондакова: «Убедившись, что мой доклад не интересует Берия, а моя попытка продолжать его вызывает еще большее раздражение, я прекратил его и только отвечал на задаваемые мне вопросы, смысл которых сводился к получению данных о состоянии аппарата ЦК, обкомов КП Литвы и характеристики их секретарей.

Зная всех товарищей только с положительной стороны, я так и доложил Берия, а о состоянии аппарата ЦК и обкомов сообщить ничего не мог, так как хорошо этого не знал, да и считал, что это в мои обязанности не входит.

Мне был задан Берия и такой вопрос: кто может быть первым секретарем ЦК КП Литвы кроме тов. Снечкус.

Когда я в ответ на это сказал, что мне трудно отвечать на такие вопросы, и одновременно еще раз высказал положительное мнение о т. Снечкус, Берия пришел в состояние озлобления и заявил, что я не министр, а чиновник

в погонах, порученного мне участка работы не обеспечиваю и буду от занимаемой должности освобожден.

Во время всего приема Берия неоднократно обрушивался на меня с бранью и нецензурными выражениями, доходя до оскорбления человеческого достоинства».

Правильно показывает Кондаков?

ОТВЕТ: Неправильно.

ВОПРОС: Признаете вы, что в целях осуществления своих преступных замыслов добивались удаления русских со всех руководящих работ в Литве?

ОТВЕТ: Не признаю, преступных целей у меня не было.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Кондакова:

«Необходимо отметить, что большое недовольство Берия высказал по адресу русских товарищей, работающих в партийных, советских и других организациях и учреждениях. Присутствие русских в Литве он рассматривал как выражение недоверия местным национальным кадрам».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Не подтверждаю.

ВОПРОС: Вы признаете, что преследовали цель активизации реакционной деятельности Ватикана в Литве?

ОТВЕТ: Не признаю, я преследовал другую цель — разложить католическую церковь и по этому вопросу были разработаны специальные мероприятия.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Кондакова по этому вопросу:

«Такая же брань и нецензурные выражения высказывались Берия в адрес ЦК КП Литвы, особенно когда шла речь о работе по борьбе с антисоветской деятельностью католичества.

Он считал неправильным то, что в течение ряда лет органы МГБ и МВД Литвы проводили репрессии в отношении реакционной части католического духовенства, что верующими рассматривается как гонение на религию, а ЦК КП Литвы якобы стоит в стороне и не препятствует этому.

Берия вел разговор о том, что следует пересмотреть дела на высланных и арестованных в свое время видных буржуазных и католических деятелей, вернуть их в Литву и через них повлиять на националистически настроенные элементы.

Это мероприятие привело бы не к ослаблению, а к активизации буржуазно-националистических элементов в Литве».

Правильно показывает Кондаков?

ОТВЕТ: Неправильно. Я не допускал нецензурных выражений в адрес ЦК КП Литвы; я не давал указаний пересматривать дела на высланных и арестованных видных буржуазных и католических деятелей.

Как показал я выше, по вопросу разложения католической церкви были разработаны МВД СССР специальные мероприятия, которые я не успел рассмотреть.

ВОПРОС: Вы признаете, что приказали Кондакову и его заместителям тщательно конспирировать от партийных органов полученные от вас по существу вредительские указания?

ОТВЕТ: Не признаю.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Кондакова:

«Заканчивая прием, Берия предупредил нас, что о содержании его разговора с нами никто не должен знать».

Правильно это?

ОТВЕТ: Тоже неправильно.

ВОПРОС: Вы признаете, что приказали Кондакову представить, втайне от партийных органов, докладную записку о положении в Литве?

ОТВЕТ: Нет, не приказывал.

ВОПРОС: Для наблюдения за Кондаковым по составлению записки вы командировали в Литву свое доверенное лицо — Сазыкина?

ОТВЕТ: Я командировал Сазыкина для помощи Кондакову. Сазыкин занимался вопросами литовского подполья по своему служебному положению.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания свидетеля Кондакова:

«Берия приказал нам вылететь в Вильнюс, собрать материалы о состоянии партийного и советского аппарата и через три дня представить ему записку.

В "помощь" нам был командирован начальник 4 управления МВД СССР Сазыкин, который в Вильнюсе пребывал "инкогнито" и наблюдал за тем, как мы выполняем поручение.

Сазыкин еще в пути от Москвы до Вильнюса набросал схему докладной записки (подлинник которой хранится у т. Мартавичус) и предложил ее нам.

Не располагая данными о состоянии партийного и советского аппарата и будучи предупреждены не обращаться за этим в партийные органы Литвы, мы при написании докладной использовали списки номеров телефонных аппаратов руководящих партийных и советских работников за 1952 год.

Сазыкин, имея установку Берия, не разрешал нам отмечать в докладной записке положительные моменты работы партийных, советских и чекистских органов республики.

В разделе записки о состоянии националистического подполья, где приводились данные о количестве убитых бандитов при проведении операций по ликвидации вооруженных националистических групп, Сазыкин рекомендовал избегать слова "бандиты", так как Берия это не нравилось и он, очевидно, считал их невинно погибшими».

Вы подтверждаете эти установки, которые дали Сазыкину?

ОТВЕТ: Первый раз слышу.

ВОПРОС: Признаете, что после того, как вам была представлена записка, в общем правильно отражающая положение в Литве, вы потребовали исказить в угодном вам направлении правильные данные и для этого вновь направили в Литву Сазыкина?

ОТВЕТ: Не признаю. Сазыкина я командировал вновь для сбора дополнительных материалов для докладной записки.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания свидетеля Кондакова:

«...эта записка размером 6—7 страниц была написана, где основные данные по всем разделам были изложены объективно.

28 апреля докладная записка после неоднократного переделывания была доложена Берия и, конечно, его не удовлетворила. Он нас снова ругал, особенно за разделы: нацподполье и состояние партийных и советских кадров республики, обвинил в том, что мы пытаемся скрыть действительное положение дел в Литве.

Нам было приказано возвратиться в Вильнюс и написать более обширную записку. Здесь же у себя в кабинете, где присутствовал и Сазыкин, Берия предупредил меня, Мартавичус и Гапиявичус, что если мы этой записки не напишем, то ее напишут в МВД СССР.

Это звучало как угроза на случай невыполнения задания.

И снова нас сопровождал начальник управления Сазыкин, который сам взялся за писание раздела о католичестве, использовав для этого материал из лекций,

читавшихся ряд лет оперативному составу органов республики, так как ничего нового к тому, что мы излагали в первом варианте записки, найти не мог.

Раздел о состоянии партийных и советских кадров был дополнен рядом старых фактов и имевших место случаев нарушений и извращений, допускавшихся при взимании налогов, распространении займов и проведении других мероприятий на селе.

Все эти факты были известны ЦК КП Литвы, они своевременно обсуждались на бюро ЦК и по ним принимались необходимые решения».

Подтверждаете правильность фактов, сообщаемых Кондаковым?

ОТВЕТ: Нет, не подтверждаю. Факты излагались в записке для ЦК партии мною те, которые были в распоряжении МВД СССР, и они никем не оспаривались. Я не оспариваю, что эти факты могли быть предметом рассмотрения ЦК КП Литвы ранее.

ВОПРОС: Признаете, что в результате ваших преступных распоряжений деятельность органов МВД Литвы была дезорганизована?

ОТВЕТ: Не признаю. Работа органов МВД Литвы не была дезорганизована, а улучшена, и мероприятия были направлены на дальнейшее улучшение работы органов МВД в Литве.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вам оглашаются показания Кондакова: «По указанию Берия в органах МВД и милиции в Литве одновременно и в короткие сроки были проведены: реорганизация аппарата министерства, ликвидация областных управлений МВД и полная перестановка руководящего состава как в министерстве, так и в периферийных органах.

Следует указать, что ликвидация областных аппаратов МВД республики была проведена почти за месяц до решения Правительства Союза о ликвидации областей.

Все это привело к дезорганизации чекистского аппарата республики и выключение его на значительное время из активной борьбы с антисоветской деятельностью националистического подполья и других враждебных элементов в Литве».

Признаете это?

ОТВЕТ: Кондаков неправильно показывает. Я этого не признаю. Кондакова сменили потому, что он был слаб и не отвечал своему назначению.

При новом министре Вильчунасе был пойман главарь националистического подполья Джемойтес.

ВОПРОС: Суммируя все эти вопросы, в итоге я спрашиваю, вы признаете, что, осуществляя свои вредительские мероприятия в Литве, действовали как враг Партии и Советского государства, умышленно активизируя буржуазно-националистические элементы и создавая для них обстановку безнаказанности?

ОТВЕТ: Не признаю. Я исходил из лучших побуждений — улучшить работу органов МВД.

ВОПРОС: Теперь перейдем к некоторым вопросам вашего прошлого: вам сейчас предъявляется дело по описи № 23 агента № 1 с личными сведениями и перепиской секретного сотрудника информационного отделения регистрационного отдела XI красной армии Берия Лаврентия, начатое 24 августа 1920 года и законченное 28 декабря 1920 года.

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлено названное выше дело.

ВОПРОС: Почему вы заполнили и подписали личную карточку сотрудника разведывательного отделения при реввоенсовете XI армии от имени Берия Герасима Дмитриевича?

ОТВЕТ: Предъявленная мне личная карточка на имя Берия Герасима Дмитриевича, по-моему, заполнена мною.

ВОПРОС: Почему она заполнена вами?

ОТВЕТ: Не помню сейчас точно, не могу объяснить. Берия Герасим Дмитриевич является моим двоюродным братом, и он мне в 20 году помогал как сотруднику регистрода XI армии. Являлся ли он сотрудником регистрода XI армии, я не помню. Почему я заполнял от его имени анкету, как я уже сказал, не помню. Берия сейчас жив и работает инженером в Грузии, где именно — я не знаю. До 1920 года я знал, что у меня есть двоюродный брат — Берия Герасим, но с ним не встречался, а имел только о нем положительные отзывы — не помню, от кого они исходили. Встретился я с ним впервые в Тбилиси в 1920 году, наверное, весной, и он мне немного помогал в сборе сведений, и я жил у него иногда на квартире, т.к. он в это время учился в Тифлисском училище.

Вспоминаю, что этого брата двоюродного, о котором я все выше показал, звали Николай — Колей. Почему в анкете, заполненной мной, он именуется Герасимом, не могу объяснить.

ВОПРОС: Актом от 18 июля с.г. криминалистической экспертизы Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики установлено следующее: «Рукописные тексты в личной карточке сотрудника разведывательного отделения при Реввоенсовете XI армии на имя Берия Герасима Дмитриевича и в подписке сотрудника разведывательного отделения XI армии от 24 августа 1920 года от того же имени, и подписи от имени Г. Берия в этих документах исполнены Берия Лаврентием Павловичем».

ОТВЕТ: Я этого не отрицаю. Об этом я уже показал раньше. Я только не могу объяснить, почему это мною сделано.

ВОПРОС: Вам известен Ной Рамишвили. Кем был Ной Рамишвили в период господства в Грузии меньшевиков? Какие отношения у вас были с Рамишвили?

ОТВЕТ: Ной Рамишвили был один из лидеров грузинских меньшевиков, был министром внутренних дел меньшевистского грузинского правительства. С Рамишвили никогда не встречался.

ВОПРОС: Почему, после того, как вы были арестованы на грузинской границе и изобличены как агент регистрода, Рамишвили ограничился заключением вас в тюрьму в административном порядке сроком на 3 месяца?

ОТВЕТ: Лично мне неизвестно, что меня разоблачили как агента регистрода, меня в этом никто не обвинял. Мне неизвестно также о сроке заключения меня в административном порядке. Ни разу меня не допрашивали, как и других. Все арестованные числились за министром внутренних дел.

ВОПРОС: Вам известна фамилия Ломтатидзе?

ОТВЕТ: Какой-то Ломтатидзе был секретарем министра внутренних дел Рамишвили. Когда я был задержан и заявил свой протест по поводу задержания, используя то, что я являлся дипкурьером, помню, что приехал как представитель министерства внутренних дел Ломтатидзе. Приехал он в особый отряд, т.е. в меньшевистскую охранку, где я находился задержанным.

ВОПРОС: Вам докладывали, что в Праге арестован один из меньшевистских грузинских руководителей, бывш. чиновник особых поручений при министре внутренних дел меньшевистского правительства Грузии — Ломтатидзе?

ОТВЕТ: Я не помню этого, может быть, докладывали.

ВОПРОС: Проявляя повышенный интерес к грузинским меньшевикам, вы не могли не знать о том, что Ломтатидзе арестован, осужден Особым совещанием и содержится во Владимирской тюрьме. Вы знали об этом?

ОТВЕТ: Я утверждаю, что не помню, и заявляю, что к меньшевикам повышенного интереса не проявлял.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Ломтатидзе:

«По материалам министерства внутренних дел Грузии в период моей работы в качестве личного секретаря Ноя Рамишвили мне известно, что начальник меньшевистской милиции Сенакского уезда сообщил нам в МВД Грузии, что он арестовал Берия за большевистскую деятельность. На этом письме Ной Рамишвили наложил резолюцию о том, чтобы заключить Берия в тюрьму в административном порядке на три месяца.

Я видел письмо с резолюцией Рамишвили и передал его в канцелярию для дальнейшего исполнения. Берия подлежал освобождению из тюрьмы по отбытии им наказания, т.е. через три месяца».

Чем объясняется такое снисходительное отношение к вам со стороны Рамишвили?

ОТВЕТ: Ломтатидзе явно путает с кем-то другим. Меня начальник милиции Сенакского уезда никогда не задерживал, там я не был и никакой работы там не вел. Задержал меня «особый отряд» меньшевистский на станции Пойлы. Начальником отряда или заместителем был какой-то Мамулашвили. Относительно административного ареста на 3 месяца мне неизвестно и мне не объявлялось.

ВОПРОС: Вновь предлагаю вам рассказать правду о своих связях с грузинскими меньшевиками и английской разведкой?

ОТВЕТ: Никогда ни с меньшевистской, ни с английской разведкой связи не имел.

ВОПРОС: Ваш представитель Шария, командированный в Париж, устанавливал связь с Гегечкори?

ОТВЕТ: Он не являлся моим представителем, и я не знаю, устанавливал ли он связь с меньшевиками, а в частности, с Гегечкори.

Мне стало после известно, что он встречался с рядом меньшевистских лидеров и, очевидно, по роду работы должен был встречаться.

ВОПРОС: Вы имели сведения, что Гегечкори — родственник вашей жены, прямо рассчитывает на помощь вашей жены?

ОТВЕТ: Никогда таких сведений не имел.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Беришвили:

«Мне известно, что Евгений Гегечкори вообще рассчитывал на жену Берия... Так, сам Жордания однажды сказал, что Гегечкори стал говорить среди своих очень близких людей, что он может рассчитывать на поддержку жены Берия после пребывания в Париже врача, родственника жены Берия».

Кого из родственников вашей жены вы командировали в Париж для поддержания связей с Гегечкори?

ОТВЕТ: Никаких связей с Гегечкори я не имел и не пытался иметь. Не помню точно, кажется, в 1936 году, я имел задание от И.В. Сталина послать кого-либо во Францию и прощупать настроение меньшевистской эмиграции. В то время я работал в Закавказье секретарем крайкома и ЦК Грузии. Мною была подобрана кандидатура некоего Гегечкори, не помню, как его зовут. Он работал врачом в лечкомиссии ЦК Грузии и являлся родственником Гегечкори, лидера меньшевиков. Этот врач Гегечкори являлся дальним родственни-

ком моей жены. Вспоминаю, что этот врач Гегечкори был послан в Париж по врачебной линии. После возвращения из Парижа этот врач Гегечкори информировал меня о встречах с Гегечкори и другими меньшевиками. Гегечкори мне рассказал о грызне, которая идет среди меньшевиков-эмигрантов, о различных группировках, при этом он мне сообщил о том, что Гегечкори меньшевик в беседе с ним, врачом Гегечкори заявил, что большевикам следовало бы обратить внимание на командный состав Красной армии.

ВОПРОС: С каких позиций поучал меньшевик Гегечкори обратить внимание на командный состав Красной армии?

ОТВЕТ: Врач Гегечкори мне об этом не говорил, а я не уточнял.

ВОПРОС: Продолжайте дальше показания.

ОТВЕТ: Об этой информации я доложил И.В. Сталину, а, в частности, о заявлении Гегечкори о командном составе Красной армии.

Врач Гегечкори, кажется, в 1937 году был арестован Министерством внутренних дел Грузии. Перед арестом его я поручал не то Гоглидзе, не то Кобулову заинтересоваться им, в связи с его встречами в Париже с меньшевистскими лидерами. Как мне впоследствии стало известно, Гегечкори был расстрелян.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Беришвили:

«Мне известно, что шурин Берия или двоюродный брат жены Берия, врач, которого как будто зовут Константином, в 1937 г. во время международной выставки приезжал в Париж, где секретно встречался с Евгением Гегечкори и с лидером национал-демократов (фашистов) Кедия Спиридоном. Он дал обещание им, что будет в Советском Союзе выполнять для них какое-то очень серьезное задание. Все это стало известно Ною Жордания и меньшевикам...» Что вы можете показать по этому поводу?

ОТВЕТ: Ничего не могу сказать, ничего не знаю. Жена моя не знала о посылке врача Гегечкори во Францию. Она узнала о его поездке после возвращения Гегечкори из Франции.

ВОПРОС: Вам известно, что эмигрировавшая грузинская контрреволюция рассматривает вас, как «своего человека» и твердо рассчитывает на вашу поддержку в случае государственного переворота?

ОТВЕТ: Абсолютно ничего неизвестно. Такого мнения не могло у них быть.

ВОПРОС: Не лгите. Вам оглашаются показания арестованного Ломтатидзе:

«Ной Жордания через своих эмиссаров, находившихся в Советской Грузии, а также из частных писем, поступавших к Жордания из Грузии в 1937 г., имел сведения о том, что Л.П. Берия фактически возглавлял антисоветское движение в Грузии. Оттуда упорно сообщали из многочисленных источников, что Л.П. Берия предпринимает шаги к объединению лично преданных ему грузинских коммунистов с грузинскими меньшевиками, проживавшими в Советской Грузии, а также и с другими элементами, недовольными советским строем.

То обстоятельство, что в Грузии искусственно возвеличивался Берия, искусственно внедрялся, так сказать, культ Берия, что, в частности, все приветственные телеграммы шли в два адреса — в адрес вождя СССР и обязательно, наряду с этим, в адрес Берия, — все это приводило нас, грузинских меньшевиков к убеждению, что Берия старается стать на один уровень со Сталиным с тем, чтобы потом умалить авторитет Сталина и занять его место. Все мы, зарубежные меньшевики, считали, что Берия готовится стать грузинским бонапартом.

Характерен один разговор со мной, который имел место между фашистом, агентом немецкой разведки Михаилом Кедия в 1943 г. в Праге в гостинице "Алкрон".

Кедия, обсуждая в то время грузинские дела, восхищался Берия. Он доверительно мне сказал, что "пока Берия в Москве у власти, нам нужно это использовать для достижения своих целей". Я выразил удивление, чем может нам помочь Берия. Кедия на это ответил: "Вы не все знаете. Берия тайно сочувствует нам. Его сердце принадлежит нам".

Кедия находился официально на жалованьи в ост-министериуме Розенберга и официально выполнял служебные поручения фашистских немецких властей по вопросам, связанным с грузинским населением, находившимся в Праге.

Характерно, что эмигранты-меньшевики и другие из числа мингрельцев всегда в штыки встречали всякую попытку критиковать Берия. Без преувеличения можно сказать, что эмигрантские мингрельские круги боготворили Берия».

Что вы можете показать?

ОТВЕТ: Это сущая провокация со стороны прожженного меньшевика — Ломтатидзе. Я хочу заявить, что в деле разгрома меньшевистских и других антисоветских партий в Закавказье, и особенно в Грузии, я принимал самое активное участие, а также в борьбе с меньшевистскими и другими эмиссарами, засылаемыми из-за границы и не без успеха.

Протокол прочитан, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен 25 июля 1953 г. в 2 часа 30 минут.

ДОПРОСИЛ:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола допроса следователь по важнейшим делам *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 59—75. Копия. Машинопись.

№ 45

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ

27 июля 1953 г.

Совершенно секретно

№ 88/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 27 июля 1953 года.

Приложение — на 12 листах.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, июля 27 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича (анкетные данные в деле имеются).

Допрос начат в 22 часа.

ВОПРОС: Работая министром внутренних дел, вы выдавали себя за блюстителя закона?

ОТВЕТ: Безусловно, должен был соблюдать закон.

ВОПРОС: Почему вы потребовали, чтобы лица, оправданные судом по всем делам, расследование по которым проводилось органами МВД, из-под стражи не освобождались до получения согласия на это от органов МВД?

ОТВЕТ: Вспоминаю, что такой порядок существовал не то с 1940, не то с 1941 г. В то время я был Народным комиссаром внутренних дел СССР. Входил с этим предложением я, и это было подтверждено инстанцией. Этому предшествовало то, что какая-то группа арестованных в свое время органами МВД была освобождена на законном основании по судебным приговорам, но МВД об этом не знало и не могло ответить инстанции.

ВОПРОС: Не объясняется ли вашим издевательством над социалистической законностью и правосудием в СССР то преступное задание, которое вы дали Кобулову в 1953 году — «обмазать судебные органы»?

ОТВЕТ: Никакого задания Кобулову «обмазать судебные органы» не давал.

ВОПРОС: Вам предъявляется фотокопия записей Кобулова в записной книжке директив, полученных от вас, а в частности, в отношении судебных органов. Вы и теперь будете отрицать свою вредительскую линию, направленную на дискредитацию судебных органов?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлена фотокопия записей Кобулова, среди которых значится «судебные органы обмазать», заполнена рукой, как мне кажется, Кобулова. Я таких заданий Кобулову не давал, и почему показывает Кобулов, что он получил от меня это задание, — сказать не могу.

ВОПРОС: С какого времени вы знаете Кобулова Богдана Захарьевича?

ОТВЕТ: Кобулова Богдана Захарьевича знаю с 1923 или 1924 года по работе в ЧК Грузии, где он работал уполномоченным секретного отдела.

ВОПРОС: В 1938 году вы ходатайствовали о переводе Кобулова из Грузии в Москву и рекомендовали его на работу в НКВД СССР?

ОТВЕТ: Я взял с собой Кобулова Б.З. на работу в НКВД СССР. К тому времени он работал зам. наркома внутренних дел Грузии. Я его взял с собой как толкового и способного работника.

ВОПРОС: Вы были осведомлены, что в 1945 году по решению ЦК партии Кобулов был освобожден от работы в чекистских органах, как скомпрометировавший себя?

ОТВЕТ: Я знал, что Кобулов вместе с Меркуловым и другими работниками был освобожден от работы в МВД и назначен начальником управления советским имуществом в ГДР. О наличии компрометирующих материалов на Кобулова и Меркулова мне не было известно.

ВОПРОС: В 1953 году вы снова взяли Кобулова на должность вашего первого заместителя еще до утверждения его ЦК партии?

ОТВЕТ: Да, я в 1953 году предложил Кобулова на должность одного из первых заместителей Министра внутренних дел СССР.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что Кобулов являлся вашим приближенным и доверенным человеком?

ОТВЕТ: Нет, не признаю.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показаний Мамулова от 21/VII-1953 года:

«Кобулов Богдан являлся наиболее близким приближенным и, я бы сказал, доверенным лицом Берия... У Берия Кобулов пользовался неограниченным доверием...».

Об этом показывают Людвигов, Деканозов и другие. Вы признаете это?

ОТВЕТ: Они сильно ошибаются. Заявляю, что за время его почти семилетней работы в Германии я видел его всего не более двух раз и то накоротке.

ВОПРОС: Вы подарили Кобулову Б. именные часы с надписью: «Дорогому Бахчо от Нины и Лаврентия»?

ОТВЕТ: Да, подарил.

ВОПРОС: Разве это не свидетельствует о близких отношениях с Кобуловым?

ОТВЕТ: Я не считаю это большой близостью.

ВОПРОС: Вы признаете, что неоднократно получали от Кобулова личные посылки из-за границы?

ОТВЕТ: Кажется, два раза Кобулов присылал мне материалы на костюмы дамские и мужские, бельевой материал, детские вещи из Берлина. Утверждаю, что я за все это с ним рассчитался через Муханова (был такой у меня порученец). Был также случай, когда мне Меркулов и Кобулов прислали из-за границы ценную вещь — радиолу, причем Меркулов и Кобулов хотели ее мне преподнести как подарок под видом образца, но я не согласился получать ее как подарок, вернул ее им. Они затем прислали другую улучшенную радиолу, за которую я уплатил через Муханова или через кого-то из охраны 9000 руб. Кобулову.

ВОПРОС: Как вы оцениваете подобного рода услуги со стороны Кобулова и Меркулова?

ОТВЕТ: Не следовало это делать им, и не следовало мне принимать. Здесь имело место угодничество со стороны Кобулова и Меркулова. С моей стороны это было покровительство угодникам.

ВОПРОС: Разве это не указывает на близкие отношения с Кобуловым и Меркуловым, выходящие за рамки обычных служебных отношений?

ОТВЕТ: Я не вижу в этом большой близости. Безусловно, по роду службы ни они, ни я не должны были этого делать.

ВОПРОС: Согласны ли вы, что решающую роль при назначении Кобулова первым заместителем играла его личная преданность и угодничество вам?

ОТВЕТ: Нет, я исходил из его опыта чекистской оперативной работы.

ВОПРОС: С какого времени вы знаете Деканозова?

ОТВЕТ: Деканозова знаю с начала 1922 года по работе в ЧК Азербайджанской республики.

ВОПРОС: В 1922 году при переходе на работу в Грузинскую ЧК вы взяли Деканозова с собой?

ОТВЕТ: В конце 1922 года я был переведен зам. председателя ЧК Грузии и не помню сразу или через некоторое время взял на работу в Грузию Деканозова, кажется, секретарем секретно-оперативной части.

ВОПРОС: После перехода вашего на партийную работу в Грузию вы тоже взяли Деканозова на работу в ЦК партии Грузии?

ОТВЕТ: Да. По моей инициативе Деканозов был переведен на работу в ЦК партии Грузии на должность заведующего одним из отделов в ЦК партии Грузии.

ВОПРОС: Перейдя на работу в НКВД СССР в 1938 году, вы Деканозова снова взяли с собой?

ОТВЕТ: Да. Деканозова взял на работу в НКВД СССР на должность начальника или заместителя ИНО.

ВОПРОС: Вы рекомендовали Деканозова на работу в НКВД?

ОТВЕТ: Нет, не рекомендовал.

ВОПРОС: Вернувшись в МВД СССР в 1953 году, вы снова взяли Деканозова в органы МВД? Вы назначили его министром внутренних дел Грузинской ССР?

ОТВЕТ: Да, взял. К этому времени Деканозов работал, кажется, в радиокомитете, на какой должности не помню. Взял его потому, что считал толковым, грамотным человеком.

ВОПРОС: Объясните, почему вы последние тридцать лет использовали Деканозова там, где работали сами и выдвигали его на ответственные должности? Разве он не доверенное ваше лицо?

ОТВЕТ: Не считаю его своим доверенным лицом. Деканозова с 1939 года, после его перехода на работу в МИД по 1953 год, я не встречал, за исключением отдельных официальных встреч на заседаниях и совещаниях.

ВОПРОС: Почему же при наличии такого длительного разрыва, как это вы утверждаете, вы с приходом на пост министра внутренних дел сразу вспомнили о Деканозове и поставили его на такой ответственный пост как министр внутренних дел Грузии?

ОТВЕТ: В начале был назначен министром внутренних дел Грузии Какучая, вместо заболевшего Кочвовашвили. Подыскивали ему зама, который бы ему крепко помогал, так как боялись, что он не поднимет работу. В этот период, спустя две-три недели после назначения Какучая, при подборе кандидатуры на заместителя министра в Грузию на совещании в Министерстве внутренних дел кто-то назвал кандидатуру Деканозова. Считая Деканозова сильнее Какучая как работника, я вошел с предложением о назначении Деканозова министром внутренних дел Грузии.

ВОПРОС: Кузьмичев С.Ф. был арестован в январе 1953 года в связи с возбуждением против него уголовного дела. К моменту вашего прихода в МВД СССР Кузьмичев продолжал содержаться под стражей?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: По вашему указанию 10 марта 1953 года было прекращено дело и освобожден из-под стражи Кузьмичев?

Вы при освобождении из-под стражи Кузьмичева говорили ему: «Твое дело чепуха, тебя посадил Сталин»?

ОТВЕТ: Нет, не говорил. Это неправда.

ВОПРОС: Почему об этом показывает Кузьмичев?

ОТВЕТ: Мне это непонятно.

ВОПРОС: Признайтесь, с какой целью вы сделали этот провокационный выпад?

ОТВЕТ: Это я исключаю.

ВОПРОС: Вы назначили Кузьмичева после его освобождения начальником Главного управления охраны МВД СССР?

ОТВЕТ: Вопрос освобождения Кузьмичева предрешался в инстанции, мною внесено предложение о назначении Кузьмичева на пост начальника Главного управления охраны СССР с учетом, что дело о нем прекращено и что этот вопрос предрешен был в инстанции. Я лично считал, что Кузьмичев по всем качествам подходил на этот пост, на который был назначен.

ВОПРОС: По каким признакам вы выдвинули Рапава на пост министра внутренних дел Грузии?

ОТВЕТ: В связи с тем, что группа работников МВД Грузии по указанию инстанции была отозвана для работы в НКВД СССР, в том числе был отозван Гоглидзе — б. наркном внутренних дел Грузии, встал вопрос о назначе-

нии на эту должность Рапава. Из остававшихся там работников Рапава более или менее подходил на эту должность.

ВОПРОС: Какие у вас были отношения с Рапава и его семьей?

ОТВЕТ: Были хорошие отношения, наши семьи бывали друг у друга, жили в одном доме одно время.

ВОПРОС: Вы беседовали с Рапава при освобождении его из-под стражи в 1953 году, когда были министром внутренних дел?

ОТВЕТ: Да, беседовал, коротко очень, причем присутствовало несколько сотрудников — не помню кто.

ВОПРОС: Для чего понадобилось вам в этой беседе с Рапава в 1953 году сделать провокационное заявление, что его в тюрьму посадил Сталин?

ОТВЕТ: Я это отрицаю.

Хочу дополнить: мои хорошие отношения с Рапава продолжались примерно до 1941 года, до случая, когда Рапава и другие его близкие лица прорабатывали руководство ЦК Грузии и вели разговор о том, что Рапава должен стать первым секретарем ЦК партии Грузии вместо Чарквиани. В связи с этим я резко изменил к Рапава отношение и крепко ругал его.

ВОПРОС: Чем Шария заслужил у вас такое доверие, что вы его прямо из тюрьмы взяли своим помощником в Совет Министров СССР?

ОТВЕТ: Я ему и раньше доверял. Взял потому, что верил ему.

ВОПРОС: Почему вы поручили составить записку в ЦК КПСС по делу мингрельской группы именно Шария, который арестовывался по этому же делу?

ОТВЕТ: Докладная записка составлялась в Министерстве внутренних дел СССР. Шария принимал участие в редактировании этой записки.

ВОПРОС: Где это видно, что б. арестованный по своему же делу составляет справку в ЦК партии?

ОТВЕТ: Его не нужно было привлекать для этого. Это безусловно моя ошибка, но я, повторяю, верил Шария.

ВОПРОС: Кто рекомендовал кандидатуру Шария для поездки во Францию?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вы давали указания Шария на встречу его с меньшевистскими лидерами в Париже?

ОТВЕТ: Указаний Шария не давал и перед отъездом его не видел. Не помню, встречался ли с ним после приезда.

ВОПРОС: Был ли передан вам и вашей жене личный привет из Парижа от меньшевика Гегечкори Евгения и его жены через родственника вашей жены Шавдия, вывезенного Шария самолетом из-за границы? Какая просьба Гегечкори Е. была вам также передана?

ОТВЕТ: Никто мне ничего не передавал и не мог передать.

ВОПРОС: Топуридзе-Сумбатов работал с вами в Азербайджанской ЧК?

ОТВЕТ: Работал в период 1921—1922 года.

ВОПРОС: В период вашей работы в Зак. ГПУ и Груз. ГПУ Топуридзе-Сумбатов работал начальником погранвойск Закавказья?

ОТВЕТ: Работал.

ВОПРОС: В 1938 году, когда вы перешли на работу в НКВД СССР, Сумбатов-Топуридзе был назначен начальником ХОЗУ НКВД СССР?

ОТВЕТ: Он был переведен еще до моего переезда в Москву примерно за год.

ВОПРОС: Сумбатов-Топуридзе посещал вас на квартире и на даче?

ОТВЕТ: Бывал, но редко, три-четыре раза за все время.

ВОПРОС: Сумбатов-Топуридзе был близким человеком для вас?

ОТВЕТ: Сумбатов-Топуридзе был близким человеком, я считал его хорошим, честным человеком.

Сумбатов-Топуридзе последние десять лет работал по советской линии в Аз. ССР.

ВОПРОС: Вам было известно, что Влодзимирский Л.Е. был уволен из органов МВД СССР за невозможностью его использования на этой работе?

ОТВЕТ: Мне не было это известно. Мне было известно, что Абакумов повздорил с ним и добился его освобождения.

ВОПРОС: Вам было известно, что Влодзимирский был снят решением ЦК Партии с работы в Главном управлении советским имуществом за границей за неудовлетворительную работу?

ОТВЕТ: Нет, это было мне неизвестно.

ВОПРОС: Чем же объяснить, что при наличии таких компрометирующих материалов на Влодзимирского вы, став в 1953 году министром внутренних дел СССР, вновь вернули его в органы и назначили начальником следственной части по особо важным делам?

ОТВЕТ: Влодзимирского я знал как хорошего следственного работника, затем имел положительные отзывы о нем от Меркулова, Кобулова и Обручникова. При решении вопроса о назначении начальника следственной части по особо важным делам кандидатуру Влодзимирского назвали Кобулов и Обручников. О том, что Влодзимирский снимался ранее с работы, мне не было известно.

ВОПРОС: Вы, назначая Влодзимирского на такой ответственный пост, обязаны были поинтересоваться его работой в прошлом?

Не потому ли вы назначили на должность начальника следственной части по особо важным делам, что он был послушным исполнителем ваших преступных замыслов и действий по делу Кедрова, Белахова и других?

ОТВЕТ: Конечно, я должен был поинтересоваться, но я исходил из того, что он был хорошим следственным работником и о нем мне дали хорошие отзывы. У меня никаких преступных замыслов против Кедрова, Белахова и других не было, и я не знал, что к этим делам имел отношение Влодзимирский.

ВОПРОС: Вам известно такое имя Капитон Кварацхелия?

ОТВЕТ: Известно.

ВОПРОС: Кто он?

ОТВЕТ: Капитон Кварацхелия по матери моей брат.

ВОПРОС: Что вы можете показать о нем?

ОТВЕТ: Капитон Кварацхелия, кажется, в 1915 году выехал в Харбин к своему дяде Егору Джакели, который содержал там станционный буфет. Этот Егор Джакели является также моим дядей. Капитон Кварацхелия проживал в Манчжурии примерно до 1926—27 года, после чего возвратился в Тбилиси и проживал в нашей семье несколько месяцев. Затем он вновь выехал в Манчжурию и забрал свою дочь, которая до этого жила в нашей семье. Не могу точно вспомнить в каком году, но через несколько лет он вернулся в Тбилиси, а затем переехал на постоянное жительство в Сухуми, где проживал все время и умер, кажется, в 1951 году.

ВОПРОС: Вы поручали Гоглидзе в 1936—37 году допросить Капитона Кварацхелия?

ОТВЕТ: Я поручал Гоглидзе допросить его и проследить за ним, установив за ним соответствующее наблюдение.

ВОПРОС: Чем вызвано это поручение в 1936—1937 году?

ОТВЕТ: Было вызвано тем, что он был за границей один раз, вернулся и снова уехал и опять приехал в Грузию.

ВОПРОС: А почему вы в 1926 году не воспрепятствовали его выезду за границу и не проверили его тогда, будучи зам. председателя Зак. ГПУ и председателем ГПУ Грузии?

ОТВЕТ: Я в его честности не сомневался, выезд за границу он оформил официально при моем содействии, я мог бы воспрепятствовать его выезду. Почему я не воспрепятствовал его выезду, объяснить не могу.

ВОПРОС: Вам докладывали протокол допроса Кварацхелия, который был произведен по вашему поручению?

ОТВЕТ: Нет, не докладывали и я больше не интересовался.

ВОПРОС: А не известно ли вам было, что Кварацхелия содержал в Харбине станционный буфет, неоднократно вызывался в жандармерию для осведомления о посетителях, которые посещают буфет?

ОТВЕТ: Мне об этом не было известно. Дополняю, что Кварацхелия после его вторичного возвращения я не видел.

Протокол прочитан, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 2 ч. 15 мин. 28/VII-1953 г.

Л. БЕРИЯ

ДОПРОСИЛ:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *РУДЕНКО*

Присутствовал при допросе и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 80—92. Копия. Машинопись.

№ 46
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ

31 июля 1953 г.

Совершенно секретно

№ 104/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого Берия Л.П. от 31 июля 1953 года.

Приложение: на 6 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, июля 31 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича. (Анкетные данные в деле имеются.)

Допрос начат в 22 часа.

ВОПРОС: Вам предъявляется обвинение в том, что в целях сокрытия своих преступлений вы совершали террористические убийства лиц, со

стороны которых опасались возможных разоблачений и, в частности, с помощью своих соучастников умертвили незаконно арестованных Кедрова М.С. и Белахова И.Л., т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-8 УК РСФСР.

Признаете себя виновным в этих преступлениях?

ОТВЕТ: Нет, не признаю.

ВОПРОС: Вам предъявляется подлинное поручение за № 2756/б от 18 октября 1941 года, адресованное сотруднику особых поручений спецгруппы НКВД СССР старшему лейтенанту госбезопасности Семенихину. Вы признаете, что это поручение подписано вами?

ОТВЕТ: На предъявленном мне поручении за № 2756/б от 18 октября 1941 года, адресованном сотруднику особых поручений спецгруппы НКВД СССР, подпись моя.

ВОПРОС: Теперь обратимся к списку заключенных, подлежащих расстрелу. Вы подтверждаете, что под № 22 значится Белахов Илья Львович, под № 23 — Слезберг Анна (Хая) Яковлевна, а под № 25 — Кедров Михаил Сергеевич, это правильно?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю.

ВОПРОС: На допросе 20 июля с.г. вы показали, что не помните, кто вел следствие по делам Кедровых, Голубева, Батуриной. Вы и сейчас это подтверждаете?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю, не помню.

ВОПРОС: Разве вы сами не принимали участие в допросах по этим делам? Вы лично допрашивали Голубева?

ОТВЕТ: Припоминаю, что я допрашивал не то Голубева, не то Кедрова И.М., не то обоих, но не один.

ВОПРОС: Вам оглашаются заявления Голубева, написанные 20.Х и 20.XI.1939 года на ваше имя и приложенные к делу по указанию Меркулова: «Прошу дать возможность лично вам сообщить ряд фактов по существу моего дела. Из-за боязни попасть вновь в Сухановскую тюрьму, я не сообщил эти факты следователям. По этой же причине не осмелюсь сообщить их и суду. Обращаюсь к вам с такой просьбой, потому что мое преступление было направлено, в частности, и против вас, вы несколько раз меня допрашивали и дали оценку моему делу... Пишу об этом не в личных интересах, так как если суд и сохранит мне жизнь, то все равно не имею намерения жить дальше...»

Вы подтверждаете теперь, что вы лично вели следствие по этим делам?

ОТВЕТ: Не помню, получал ли такое заявление. Может быть, я участвовал в допросах.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показаний Голубева на суде, где он заявил, что виновным себя признает только в том, что написал клеветническое заявление на вас. Свои показания на предварительном следствии он отрицает, как данные вынужденно. Признаетесь, что все «признания» этих людей, писавших о ваших преступлениях в ЦК партии, были получены в результате незаконных методов следствия?

ОТВЕТ: Не признаю, допускали ли следователи незаконные методы — мне неизвестно.

ВОПРОС: На допросе от 23 июля 1953 года вы утверждали, что Белахова лично не знаете и что только от Кобулова вам известно, что на Белахова имеется какое-то дело. Вы и сейчас это утверждаете?

ОТВЕТ: Я имел в виду другого Белахова, о котором я слышал от Кобулова, о чем я заявил и ранее. Белахова, арестованного в связи с Жемчужиной, лично его не помню.

ВОПРОС: Расскажите о том, как по вашему приказанию, в вашем кабинете в МВД Кобулов избивал Белахова?

ОТВЕТ: Нет, этого не было.

ВОПРОС: Оглашаю вам показания быв. следователя следчасти НКВД Визель, который вел следствие по делу Белахова:

«По этому же групповому делу был арестован один гражданин, работник парфюмерной промышленности, по фамилии Белахов. На допросе у Берия от арестованного требовали компрометирующих показаний на члена семьи одного из руководителей партии и правительства. Арестованный отказывался давать такие показания, указывая, что от него требуют лживых показаний. Тогда Берия, в присутствии меня, Кобулова и Зубова, приказал арестованному лечь на пол, спустив брюки, и кивнул головой Кобулову. Кобулов при нас избил арестованного резиновой палкой, которую он держал в руках во время допроса».

Теперь подтверждаете, что Белахов был подвергнут избиению по вашему приказанию и в вашем присутствии?

ОТВЕТ: Я это отрицаю. Не знаю, из чего исходит Визель, давая такие показания.

ВОПРОС: Арестованную Слезберг вы сами допрашивали?

ОТВЕТ: Кажется, один раз участвовал в допросе ее, а другой раз при проведении очной ставки.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания б. следователя Визель:

«Вскоре была арестована по прямому указанию Берия без каких-либо материалов к аресту и без оформления ордера на арест и санкции прокурора гражданка Слезберг. Сразу после ареста ее вызвал к себе Берия и, угрожая ей расправой, требовал показаний об антисоветской деятельности. Во время допроса Берия напомнил Слезберг случай, когда она выступала против него по вопросу о распространении эфироносных культур в Грузии. Это придавало допросу оттенок личной мести Слезберг со стороны Берия».

Вы признаете, что лично допрашивали Слезберг и угрожали ей расправой?

ОТВЕТ: Нет, этого я не признаю. После ареста ее сразу ко мне не доставляли, и я ей не угрожал расправой. Что касается эфироносных культур, то это не соответствует действительности.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания другого следователя МВД СССР Зубова:

«По-моему, на Слезберг, кроме указания, что она шпионка, никаких конкретных материалов не имелось. Тем не менее, указание исходило допрашивать ее как шпионку и добиться от нее признательных показаний. Мне было дано указание также побить Слезберг, и она два раза была побита мною, но не помню, какие она дала после этого показания. Знаю только, что она от них отказалась. Мне было известно, что по делу этой группы арестованных брались показания на Жемчужину. Должен отметить одно обстоятельство: когда я допрашивал Слезберг, она давала показания, что между нею и Берия существовали какие-то принципиальные разногласия по поводу эфиромасличных культур в Грузии». Вы признаете это?

ОТВЕТ: Это неправда.

ВОПРОС: Вы признаете, что постановления о расстреле лиц, переименованных в предъявленном вам списке, оформлены вашими соучастниками задним числом, через несколько месяцев после расстрела?

ОТВЕТ: Мне это неизвестно.

ВОПРОС: Влодзимирский вам хорошо известен?

ОТВЕТ: Известен, личных счетов нет.

ВОПРОС: Оглашаю вам показания Влодзимирского от 29 июля 1953 года: «Я помню, что с 17 октября 1941 года я вылетел в Краснодар на строительство оборонительных рубежей вместе с группой сотрудников "Главоборонстрой" и из этой специальной командировки вернулся в Москву только 25 февраля 1942 года. Через некоторое время, видимо, в первой половине марта 1942 года, меня вызвал к себе в кабинет зам. наркома внутренних дел Кобулов Б. и сказал, что нужно оформить дела на арестованных, расстрелянных по специальному указанию осенью 1941 года. Кобулов предложил составить по определенной им форме специальные заключения на каждого арестованного отдельно об их расстреле.

При составлении этих заключений даты, насколько я помню, не указывали, и Кобулов, а также и прокурор оформили их своими подписями.

Такие заключения были составлены на группу расстрелянных, но число их сейчас точно я не помню.

Я затрудняюсь сказать, кто конкретно составлял эти заключения. Видимо, это делали следователи, но кто именно — я затрудняюсь вспомнить.

Составленные заключения, в которых было написано, что этих лиц полагал бы целесообразным расстрелять, подписал я. Даты, когда я подписывал заключения, я не указывал потому, что форма, данная Кобуловым, даты не содержала. Кобулов утверждал лично эти заключения, но ставил ли он сам дату, я не помню. Во всяком случае, если на заключении ставилась дата — октябрь 1941 года, то это делалось задним числом».

Теперь вы признаете, что постановления о применении расстрела ко всем арестованным были сфальсифицированы и оформлены задним числом?

ОТВЕТ: То, что говорит Влодзимирский в части составления заключений по расстрелянным, я впервые слышу и мне это неизвестно.

Протокол прочитан мной, записано все с моих слов верно.

БЕРИЯ

Хочу дополнить, что список мною докладывался в инстанции и был санкционирован.

ВОПРОС: Докладывали ли вы в инстанции о том, что Кедров М.С. оправдан Военной коллегией Верховного суда СССР и подлежал немедленному освобождению из-под стражи?

ОТВЕТ: Я этого не докладывал, так как сам не знал об оправдательном приговоре, о чем я показал ранее.

ВОПРОС: Вы обязаны были знать об оправдательном приговоре?

ОТВЕТ: Мне не доложили об этом.

ВОПРОС: Вы докладывали в инстанции, что Белахову предъявлено обвинение по такой статье, по которой не предусмотрена высшая мера наказания — расстрел?

ОТВЕТ: Нет, не докладывал, мне это тоже не было известно.

Прочитал, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 24 часа 31.VII.1953 года.

Допросил: *ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР* *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 117—123. Копия. Машинопись.

№ 47
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ Г.М. ТЕР-САРКИСОВА

1 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 108/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса свидетеля ТЕР-САРКИСОВА Гайка Моисеевича от 1 августа 1953 года.

Приложение: на трех листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса свидетеля

1953 года, августа 1 дня, военный прокурор Главной военной прокуратуры полковник юстиции ПОГРАНИЦКИЙ допросил с соблюдением ст. 162-168 УПК РСФСР в качестве свидетеля

ТЕР-САРКИСОВА Гайка Моисеевича, 1894 года рождения, уроженца г. Шуша Нагорно-Карабахской авт. области Азербайджанской ССР; паспорт № 23-СУ-695156, выдан 75 отд. милиции г. Москвы 29.IV.1945 года; разведенного; армянина; в настоящее время нач. 1-го сектора Мосгорздравотдела; с высшим образованием; из рабочих; несудимого; члена КПСС с 1917 года; проживающего в Москве, 162, Хавско-Шабловский пер., д. 4/14, корп. 1, кв. 28, тел. В-2-04-57.

ПОДПИСКА: В соответствии со ст. 164 УПК следователь меня предупредил об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

ПОДПИСЬ (ТЕР-САРКИСОВ)

На днях я познакомился с постановлением Пленума ЦК КПСС по делу Берия Л.П., и мое внимание сосредоточилось на одном пункте этого постановления, в котором говорилось о работе Берия в муссаватистской контрразведке. Мне ярко вспомнилось то время, когда я лично встречал Берия в г. Баку в последних числах октября 1919 года, когда Баку был в руках буржуазных националистов и у власти было муссаватистское правительство. По существу в то время в Баку, да и не только в Баку, а во всех Закавказских республиках хозяйничали англичане, муссаватисты же были марионеткой в

руках англичан. Муссаватистская контрразведка находилась полностью в руках англичан и работала в их интересах по вылавливанию и уничтожению коммунистов и им сочувствующих. Вот в этот период времени я и встретил Берия Л.П. в муссаватистской контрразведке — он там работал и называл себя зам. начальника контрразведки. Во время встречи в 1919 году я не знал, что это Берия Л.П. Только в 1921 году, когда я вновь был в Баку, я встретил Берия уже в должности зам. председателя Азербайджанской ЧК (председателем был Багиров), мне стало ясно, что допрашивавший меня в 1919 году зам. начальника муссаватистской контрразведки и в 1921 году зам. пред. АзЧК — одно и то же лицо Берия Л.П. В то время я не придал этому обстоятельству должного значения; в дальнейшем же мне было известно, что Берия быстро пошел в гору, стал членом Правительства Советского Союза, и я думал, что прошлое Берия не играет большой роли и это прошлое известно руководителям Партии и Правительства Советского Союза. Узнав, что Берия враг народа, скрывший свое прошлое от Партии, я 22 июля с.г. написал письмо в ЦК КПСС, где изложил обстоятельства встречи с Берия в 1919 году.

В 1919 году я работал политкомиссаром особого отряда продармии в г. Киеве. В середине сентября, примерно, меня вызвали в Москву, где в ЦК партии тов. Стасова объявила мне, что я должен ехать на Кавказ для подпольной работы. Трудное было время: весь Кавказ был фактически в руках англичан, а формально существовали различные контрреволюционные правительства, главной целью которых была борьба с большевиками. Так, в Грузии в то время было меньшевистское правительство во главе с Жордания. В Армении дашнакское правительство, а в Азербайджане — муссаватистское правительство. Эти правительства руководились англичанами.

Вместе со мной в распоряжение подпольного крайкома в Баку из Москвы выехало 25—28 человек. На станции в Баку нас неожиданно арестовали. Всего было арестовано 14 или 15 человек, причем арестовывали работники жандармерии, которые через некоторое время направили нас в контрразведку; она помещалась на набережной Губанова. Ночью этого же дня нас поочередно стали вызывать на допрос. Меня вызвали днем на следующий день, допрашивал меня Берия (как я узнал впоследствии), который был одет в форму муссаватистской разведки с погонами и называл он себя заместителем начальника контрразведки. Допрос заключался в том, чтобы установить кто я, зачем приехал и не дашнак ли я. Берия особо тщательно интересовался, не являюсь ли я дашнаком. Никакого насилия к нам не было применено, хотя пытались установить, нет ли среди нас большевиков. Держали нас дня 3 или 4. Перед освобождением Берия вызвал нас и очень грубо предложил в течение 24 часов оставить Азербайджан. Я уехал в Карабахскую область и больше Берия не видел и ничего о нем не слышал. В 1920 году в Азербайджане установилась советская власть, а в 1921 году я по делам службы был в Баку и встретил Берия в ЧК — он был заместителем Багирова. Как получилось, что бывший контрразведчик муссаватистского правительства Берия попал на работу в органы ЧК, мне было совершенно непонятно.

Вот все, что я знаю о работе Берия в муссаватистской контразведке.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

ТЕР-САРКИСОВ

Допросил: *Полковник юстиции* *ПОГРАНИЦКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 129—132. Копия. Машинопись.

№ 48
ПИСЬМО С.М. БУДЕННОГО Н.А. БУЛГАНИНУ О «ВРЕДИТЕЛЬСКОЙ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.П. БЕРИЯ НА ФРОНТЕ[1]

1 августа 1953 г.

Секретно

МИНИСТРУ ОБОРОНЫ СССР
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

В результате неблагоприятно сложившейся обстановки для Крымского фронта в мае 1942 года, после эвакуации наших войск из Крыма, боевая численность Северо-Кавказского фронта составляла всего лишь около 40—45 тысяч штыков. За время май-июнь большими усилиями фронта были сформированы две танковые бригады. Однако уже 16 июля т. Сталин приказал танковые бригады направить в Сталинград, так как создавшаяся тяжелая обстановка у т. Тимошенко неотложно требует этого. Таким образом, после передачи танковых бригад СКФ не имел ни одного танка.

Необходимо отметить, что в то время, когда Южный фронт находился в катастрофическом положении и отходил в беспорядке, распоряжением Ставки мой участок обороны по р. Дон от Верхне-Курмоярской и до Качальника передается с подчиненными мне войсками (51 армия и 17 кавкорпус) Командующему Южным фронтом т. Малиновскому. Таким образом, в СКФ осталось по сути одна 47 армия численностью до 11 000 штыков, оборонявшая Таманский полуостров.

Войска Южного фронта, отступающие в беспорядке, оставили почти без боя Ростов и дали возможность противнику 21 июля форсировать в нескольких местах р. Дон. Когда противник форсировал р. Дон большими силами и начал развивать наступление, тогда решением Ставки за № 107734 от 28 июля Южный фронт был влит в СКФ. Что представляли из себя переданные войска Южного фронта?

Если 12 и 18 армии, имевшие девять стрелковых дивизий от 300 до 1200 штыков каждая, сохранили относительную боеспособность, то 37 армия имела четыре дивизии в среднем по 500—700 штыков каждая, были не боеспособные, а 56, 9 и 24 армии имели только войсковые штабы и специальные тыловые части.

Таким образом, общая численность штыков во всех армиях бывшего Южного фронта составляла около 12 000. Из Москвы в Краснодар 29 июля прилетел Л.М. Каганович, назначенный чл. ВС СКФ, приехал т. Корниец в качестве чл. ВС СКФ, а также и т. Антонов в качестве начальника штаба фронта. Обсудив создавшееся тяжелое положение для СКФ и учтя силы противника в Майкопско-Туапсинском и в Краснодарско-Новороссийском направлениях, составляют: 4 тд, 5 мд, 5 пд, 1 гсд и 1 кавдивизия румын, а наши в этом же направлении: 18 А — 6000 штыков, 12 А — 3000 штыков, 56 А — 4500 штыков, 47 А — 11 000 штыков, 17 кк — 8000 саб.

Мы решили не дать возможности противнику разбить наши малочисленные части в предгорьи и выйти к Черноморскому побережью, а во чтобы то ни стало сохранить их для своевременного занятия ими оборонительных ру-

[1] На первом листе имеются пометы: «Тт. Маленкову Г.М., Молотову В.М., Хрущеву Н.С. Булганин. 3.VIII.1953 г.», «Архив. Доложено. Д. Суханов. 4.VIII.53».

бежей, к сооружению которых ВС СКФ приступил еще 14 июня, а также к занятию и горных проходов между Новороссийск—Туапсе—Самурская.

С этой целью 18, 12 Ар. и 17 кк было дано направление на Туапсе, а 47 и 56 армиям — на Краснодар и Новороссийск, которые своевременно и заняли созданные укрепрайоны и горные проходы. Остальные части СКФ, отходящие в Минераловодском направлении (группа т. Малиновского) были Ставкой переданы Закавказскому фронту.

Несмотря на своевременное занятие войсками СКФ оборонительных рубежей и горных проходов, а также задержания противника, стремящегося выйти к Черноморскому побережью, они очутились в весьма тяжелом положении из-за острого недостатка боеприпасов, горючего, продовольствия и горного обмундирования. Боеприпасы в количестве 290 вагонов Южным фронтом были уничтожены, а 150 вагонов ушли на Махачкала. По справке начальника артснабжения СКФ полковника Рожкова, на 1 сентября СКФ имел: ручных гранат — 0,3 б/к, 14,5 мм ПТР — 0,3 б/к, 50 мм мин — 0,2 б/к, 82 мм — 0,1 б/к, 120 мм — 0,1 б/к, 76 мм — 0,5 б/к. Единственную коммуникацию (железную дорогу от Тбилиси до Сухуми) и от Сухуми шоссе, по которому мог снабжаться СКФ боеприпасами и всеми видами снабжения, оседлал Берия как уполномоченный ГОКО, имея при этом в своем распоряжении более 100-тысячную армию войск МГБ, не только не оказал никакой помощи в продовольствии, боеприпасах, горючем и других видах снабжения, а, наоборот, под всякими видами якобы неотложных задач, стоящих перед войсками Закавказского фронта, задерживал продвижение боеприпасов и других видов снабжения.

Несмотря на распоряжение Ставки № 170592 от 30 августа о передаче 20 гор. сд в состав СКФ, Командующий 46 армией Леселидзе по указанию Берия не выполнил, а на мое, Корниец и Антонова вторичное обращение к т. Тюленеву и Берия (копию представляю) не последовало даже ответа и дивизия передана не была.

Если бы противнику удалось со стороны Лабинской через Псебайскую и Красную Поляну (куда мы просили 20 гсд) выйти к Адлеру, то СКФ был бы целиком отрезан, а с развитием противником своих операций на Батуми, был бы отрезан и весь Черноморский флот. Я имел неосторожность в присутствии тт. Коринец, Шебунина и других лиц выразить по адресу Берия свое недовольство о его непонятном для меня поведении и крепко его выругать, добавив, что на самоуправство Берия средства могут найтись.

Моя неосторожность имела свои последствия. А именно. При слиянии СКФ с Закавказским т. Сталин по «ВЧ» предложил мне должность Командующего ЗФ, на что я дал свое согласие. Однако на другой же день я получил указание Ставки передать СКФ т. Тюленеву, а меня отозвали в Ставку. Безусловно, Берия отвел мою кандидатуру, так как она для него была тяжелой и невыгодной. Мои попытки встретиться с Берия для полной информации положения войск СКФ, несмотря на договоренность о дне встречи, в Тбилиси не осуществилась. Я, тт. Корниец, Разуваев и Шебунин приехали в Тбилиси, а Берия в этот день уехал с т. Тюленевым из Тбилиси. До 9 сентября я ждал Берия и, не дождавшись его, вылетел в Москву.

В то время я никак не мог думать, что Берия вообще враг Советской власти. А сейчас видно, что его действия в отношении СКФ и лично меня безусловно были вредительскими, а немцев он старался всеми силами пропустить к Черноморскому побережью. Думаю, что Берия как враг нашей

Родины был в сговоре со своими хозяевами о захвате Закавказья английской армией, находившейся тогда в Ираке под видом «союзной помощи».

С. БУДЕННЫЙ

1 августа 1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 119—121. Копия. Машинопись.

№ 49

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ М.А. ПРЕДИТ

1 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 116/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса свидетеля ПРЕДИТ Мартина Андреевича от 1 августа 1953 г.

Приложение: на 3 листах.

Р. РУДЕНКО

1953 г., августа 1 дня, г. Тбилиси. Ст. помощник Главного военного прокурора полковник юстиции ИВАНОВ допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, который показал:

ПРЕДИТ Мартин Андреевич, 1882 г. рождения, по национальности — латыш, постоянное местожительство Тбилиси, Зваретская, д. 25, персональный пенсионер, член КПСС с 1915 г., рабочий, образование низшее, не судим.

Будучи предупрежден об ответственности по ст. 95 УК ГССР за дачу ложных показаний, свидетель Предит показал:

В 1919 г. в августе м-це из Астрахани была направлена на подпольную работу в Закавказье и в тыл к Деникину группа в составе 10 коммунистов. В эту группу входил и я. В Астрахани нашу отправку готовил С.М. Киров. До окрестностей Баку мы добирались на парусных лодках. При высадке на берег часть товарищей задержали местные жители. Среди задержанных был и я. Нас через полицию передали в муссаватистскую контрразведку. Однако там нас раскрыть не смогли и отпустили с обязательством через три дня выехать из пределов Баку. Я и мой товарищ Канделаки в Бакинский подпольный ЦК партии явки не имели, а имели явку к представителю ЦК КП Грузии в Баку тов. Кваталиани. На третьи сутки после освобождения из контрразведки, утром, при выходе из гостиницы на моих глазах неизвестный тогда мне молодой грузин задержал Канделаки и повел его в город, где была контрразведка. Я тут же поднялся в гостиницу, чтобы забрать свои вещи, но вслед за мной пришел другой агент и задержал меня и отвел в муссаватистскую контрразведку. Там меня арестовали и направили под конвоем в распоряжение английских оккупационных войск в Батуми. Однако по дороге на станции Пойли мне удалось сбежать, пользуясь опьяненным состоянием конвоя.

По явке, которую мы успели получить в Баку у Кваталиани, я в Тбилиси встретился с Канделаки, который мне рассказал, что после того, как его в Баку задержал агент муссаватистской и английской контрразведки по имени Берия, он дал ему крупную взятку и был им освобожден и бежал в Грузию. Канделаки в 1920 г. рассказывал об этом и другим нашим товарищам.

В 1920 г. Канделаки работал секретарем Тбилисского комитета партии и через год умер.

Я же с 1921 г. стал работать в органах ВЧК—ОГПУ Грузии в Тбилиси.

В 1923 г. на должность начальника секретно-оперативной части ОГПУ Грузии прибыл Берия, который начал перемещать работников. На должность начальника экономотдела, где я тогда работал, был назначен Куропаткин. В это время я поинтересовался, не был ли Берия в Баку в 1919 г., и не он ли арестовал моего товарища Канделаки. Выяснилось, что Берия Л.П. в это время был в Баку, и он был похож на того молодого грузина, которого я сам видел и который задержал Канделаки. После этого я написал заявление о службе Берия в Баку в муссаватистской контрразведке в 1919 г. и о задержании им нашего подпольщика Канделаки. Куропаткин обещал мое заявление передать Председателю Закавказского ГПУ Панкратову, но не передал. Вскоре я разоблачил Куропаткина, как вымогателя взяток от семей арестованных. Куропаткин был арестован, и при нем было обнаружено мое заявление о Берия. Таким путем мое заявление попало в руки к Берия, и он вызвал меня к себе. Во время нашего разговора, в присутствии Новицкого, Берия признал, что он работал в 1919 г. в Баку в муссаватистской контрразведке, но что якобы он это делал по заданию партийной организации. О том, почему же он вымогал и взял взятку от Канделаки, мы тогда с Берия не говорили. Зам. начальника СОЧ Новицкий предложил мне написать объяснение. Я это сделал, но что с ним стало, не знаю. Через несколько дней Новицкий мне предложил написать рапорт об уходе из органов ОГПУ.

Такой рапорт я вынужден был написать, и меня освободили от работы. Потом я вернулся на работу в органы ОГПУ в 1932 г., т.е. через 9 лет.

Об этой истории со мной знали Меркулов и Зубов Петр. С ними я работал тогда в одной комнате и дружил с ними.

Позднее я этого вопроса больше не поднимал. Однако в мае 1953 г. я работнику ЦК КП Грузии Бедунидзе Отару сказал, что если я умру, то вы знайте, что Берия в 1919 г. работал в Баку в муссаватистской контрразведке, арестовал моего товарища Канделаки и за взятку его освободил.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

ПРЕДИТ

Допросил:
СТ. ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *ИВАНОВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 137—140. Копия. Машинопись.

№ 50
ИНФОРМАЦИЯ О ПЛЕНУМАХ ЦК, ГОРКОМОВ И РАЙКОМОВ КОМПАРТИИ ЛИТВЫ

3 августа 1953 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н.С.

Пленум ЦК КП Литвы совместно с активом республиканской партийной организации обсудил итоги июльского Пленума ЦК КПСС 13—14 июля. В пе-

риод с 15 по 20 июля были проведены пленумы горкомов и райкомов с участием широкого партийного актива. В настоящее время закончились собрания в первичных парторганизациях, посвященные этому вопросу.

Пленумы партийных комитетов и партийные собрания единодушно одобрили решения июльского Пленума ЦК КПСС. На пленумах и партийных собраниях было уделено значительное внимание разоблачению враждебной деятельности Берия в области национальных отношений, пытавшегося своими провокациями столкнуть литовский народ с русским народом. Участники пленумов и собраний вскрыли серьезные недостатки и ошибки партийных и советских органов Литовской республики в проведении ленинско-сталинской национальной политики.

Острой критике подверглись ЦК и Совет Министров Литовской ССР, допустившие грубое искажение указаний ЦК КПСС о выдвижении местных кадров и сбившиеся на путь огульной замены кадров нелитовской национальности, особенно в органах МВД, а также в ряде партийных и советских органов. Эти ошибки ЦК и Совета Министров серьезно ослабили работу партийных и советских органов.

Был подвергнут критике ряд руководителей республиканских и районных органов, поспешно, без подготовки дававших указания о переводе делопроизводства на литовский язык, о проведении совещаний, заседаний на литовском языке, не обеспечивая перевода резолюций и других документов, докладов и речей ораторов на русский язык.

Многие коммунисты высказывали замечания по поводу решения V пленума ЦК КП Литвы. Отмечалось, что оценка политического положения в республике, данная в решении пленума, не соответствует действительности, вносились предложения изменить это решение или отозвать его.

Массовую замену кадров нелитовской национальности начало проводить Министерство внутренних дел Литовской ССР. В системе этих органов были заменены все начальники районных отделов, начальники отделов министерства в течение нескольких дней. При этом нередко национальная принадлежность выдвигаемого работника служила главным основанием, политические и деловые качества недостаточно учитывались. Бывшие начальники райотделов МВД, а также бывшие начальники отделов Министерства внутренних дел республики механически были смещены с постов и назначены заместителями начальников этих же отделов. Вследствие такой спешки во главе многих отделов поставлены малоопытные, слабо подготовленные работники. За последние месяцы Министерство внутренних дел Литовской республики проводило непрерывные реорганизации, еще до решения Правительства СССР фактически распустило областные управления МВД, уволив свыше тысячи сотрудников, из которых более 300 человек не устроены и теперь.

В результате этого серьезно ослаблена борьба органов МВД против националистического подполья и буржуазно-националистических проявлений, которые оживили свою деятельность. Руководство министерства Литовской ССР слабо укрепляет расшатавшуюся дисциплину среди сотрудников, мало помогает районным отделам, особенно плохо проводится работа среди бойцов народной защиты, которых насчитывается свыше 4 тысяч человек.

Ошибка ЦК КП Литвы состоит в том, что он, допустив такое ослабление работы МВД, не вмешался в дело огульной перестановки кадров, после объединения министерств не принял мер к избранию парткома и налаживанию партийной работы, которая была расстроена, а бывший секретарь парткома

оказался уволенным с работы и переведенным в Ленинград. ЦК КП Литвы проявил медлительность в оздоровлении этого коллектива и исправлении допущенных ошибок.

Поспешность в замене кадров была проявлена также партийными и советскими органами. После V пленума ЦК КП Литвы отделы ЦК Компартии Литвы начали составлять списки на замену секретарей райкомов, заведующих отделами, заместителей председателей райисполкомов, заведующих отделами райисполкомов и других работников. Были намечены к замене многие ответственные работники ЦК КП Литвы, министерств и ведомств. Русским работникам было сообщено, что они будут освобождены и должны готовиться к выезду. Эта мера вызвала тревогу среди партийного актива, породила демобилизационное настроение как в самом аппарате ЦК КП Литвы, а также в горкомах и райкомах партии.

Более того, ЦК КП Литвы начал запрашивать по телефону сведения от райкомов партии о количестве работников нелитовской национальности, о наличии у них членов семьи, о станциях назначения, куда эти товарищи намерены возвратиться. Хотя такое указание через несколько дней было отменено, тем не менее, такие требования вызвали сильное недовольство и возмущение партийного актива, а слухи об этом проникли в массы. Некоторые райкомы и райисполкомы стали принимать решения об освобождении работников нелитовской национальности от занимаемых постов. Так, например, бюро райкома Таурагского района на заседании от 6 июня приняло решение об освобождении т.т. Игумнова, Коркунова, Кузнецовой, Рыжкова от работы в райкоме партии, как не знающих литовского языка. Бюро Плунгеского райкома партии также освободило работников райкома партии т.т. Зибарову, Барову, Малинина, Овчаренко, Поченкова, Шабазова, как не знающих литовского языка. Такие решения были приняты Дзержинским райкомом г. Вильнюса, Радвилишкским и другими райкомами партии и райисполкомами.

Ошибочная ориентация ЦК и Совета Министров Литовской ССР на массовую замену кадров нелитовской национальности, усилившиеся провокационные слухи о вывозе русских из Литвы, о роспуске колхозов и т.д. создали в июне месяце исключительно тревожную обстановку и в то же время крайне ослабили работу партийных органов, министерств и других советских учреждений.

Например, после V пленума ЦК КП Литвы Центральный Комитет КП Литвы решил заменить первого секретаря Каунасского горкома т. Каснаускайте, с ней были проведены переговоры и предложена другая работа. Был также намечен к замене второй секретарь горкома т. Смирнов, как не знающий литовского языка, а третий секретарь, как не обеспечивающий эту работу. Председатель Каунасского городского Совета т. Вильджунас выдвинут министром внутренних дел, и пост председателя до сих пор не замещен.

В это же время ЦК Литвы принял решение ликвидировать районы в гор. Каунасе. Это решение ЦК Литвы стало известно активу, райкомам и райисполкомам, которые фактически начали свертывать свою работу.

На пленуме городского комитета партии секретари первичных парторганизаций рассказали, что горком и райкомы партии в течение этих двух месяцев не созывали совещаний секретарей парторганизаций, не посылали своих докладчиков на заводы. Не оказывали помощи первичным парторганизациям, тогда как буржуазно-националистические элементы стали усиливать провокационные слухи. Этим объясняется, что некоторые коммунисты поддались неправильным, нездоровым настроениям.

Второй пример. Министерство сельского хозяйства, не завершив объединения, также было ослаблено, так как ЦК КП Литвы и Совет Министров решили заменить министра сельского хозяйства т. Августинайтис, выдвинув его на пост заместителя председателя Совета Министров, наметили к освобождению от работы первого заместителя т. Кольцова, бывшего министра совхозов т. Мамаева и других руководящих работников с намерением выдвинуть вместо них работников местной национальности. Более месяца актив знал, что министром будет другой работник, до самого последнего времени 5 важнейших главных управлений не имели начальников управлений, не были утверждены два заместителя министра, многие начальники отделов и до 150 сотрудников и специалистов. В таком положении Министерство сельского хозяйства пребывало более трех месяцев, до самых последних дней. Только 22 июля ЦК КП Литвы отменил свое решение об освобождении министра сельского хозяйства и принял ряд мер по укреплению министерства и утверждению работников на вакантные должности.

В известной степени такое положение было в ряде районов, где первые секретари были намечены на выдвижение или на учебу, вторые — к отзыву в распоряжение ЦК и ряд работников райкомов партии предполагалось заменить.

Серьезную ошибку допустили руководители ЦК и Совета Министров, пустив на самотек дело устройства на работу людей, освободившихся в связи с укрупнением министерств, ликвидацией областей и упразднением управления Литовской железной дороги. В связи с этим высвободилось свыше 4 тыс. работников. Устройство их на работу затянулось, так как ЦК КП Литвы не контролировал министерства, а Совет Министров также не занимался этим вопросом. Многие работники более двух и трех месяцев остаются не у дел. По состоянию на 25 июля были неустроенными 267 работников обкомов и облисполкомов и 1366 работников упраздненных областных организаций, министерств и ведомств.

В настоящее время ЦК начал исправлять этот недостаток, обсудил вопрос об устройстве работников на бюро ЦК КП Литвы, Совету Министров, руководителям министерств предложено в ближайшее время устроить людей на работу. За проведением этих указаний установлен контроль, принимаются меры по устройству на работу всех партийных работников.

Непосредственную ответственность за такие грубые извращения указаний ЦК КПСС по вопросам выращивания и выдвижения кадров несут руководители ЦК и Совета Министров. Председатель Совета Министров т. Гедвилас в своем выступлении на V пленуме ЦК ориентировал актив на массовую замену руководящих работников. Он допустил бестактное отношение к работникам русской национальности, а также к литовцам, не знающим литовского языка, заявив: «Русских отзовут, а куда поедете вы, забывшие язык своих отцов?»

На пленуме ЦК т. Гедвиласа никто не поправил. После пленума состоялось совещание председателей райисполкомов, которое по вине т. Гедвиласа приняло нездоровый характер. Против работников русской национальности искусственно подбирались факты, сгущались недостатки в их работе. Поведение т. Гедвиласа вызвало возражение его заместителей т.т. Шумаускас, Прейкшас и других, которые на второй день выступили с правильными речами и несколько исправили положение, но ЦК КП Литвы не реагировал на эту ошибку т. Гедвиласа, не обсудил этот вопрос на бюро ЦК. По поводу этой ошибки председателя Совета Министров республики были высказаны замеча-

ния лишь 12 июля при обсуждении тезисов доклада ЦК КП Литвы на VI пленуме по итогам июльского Пленума ЦК КПСС. Однако критика была недостаточной и никакого решения не принято. Тов. Гедвилас в ответ на критику его ошибок заявил членам бюро, что в его лице некоторые хотят найти «козла отпущения», а в своей речи на VI пленуме по существу обошел эти вопросы.

Факты неправильного отношения к русским работникам и буржуазно-националистические проявления приняли распространенный характер в Литовской ССР. Так, например, в Радвилишкском районе 18 июня с.г. секретарь районной газеты член ВЛКСМ Лягас на стекле запыленной легковой машины уполминзага т. Орлова написал: «Янки, убирайтесь из Литвы домой!» Когда т. Орлов сделал замечание Лягасу и упрекнул его в неправильном поведении, то Лягас повторил его. ЦК КП Литвы известен этот факт давно, но расследование его затянулось.

Первый секретарь Варенского райкома партии т. Печиокас в своей информации в ЦК КП Литвы сообщил, что секретарь райкома партии т. Кашинскас в беседе с работниками райкома партии и райотдела МВД сказал: «Раньше политика в отношении литовцев была неправильной и проводилась так же, как при немецкой оккупации. Сейчас решается вопрос правильно. Нечего делать русским в Литве, пусть убираются отсюда». Обращает на себя внимание, что секретарь райкома, сообщивший в ЦК КП Литвы о таких высказываниях Кашинскас, не поставил этот вопрос на обсуждение бюро райкома, а в ЦК КП Литвы эта записка пролежала 1,5 месяца и была подшита в папку сектора информации. ЦК Литвы давно известно, что Кашинскас обвиняется в принадлежности к националистической организации «Шаулю-Саюнга» (союз стрелков), однако материалы эти не разбираются. Теперь поручено отделу партийных, профсоюзных и комсомольских органов подготовить этот вопрос на бюро ЦК.

Секретарь Ионишского райкома партии т. Ратникас в своем докладе на пленуме райкома по итогам пленума ЦК КП Литвы в июне месяце с.г. искусственно подбирал факты о недостатках в работе русских товарищей на протяжении 7—8 лет. В результате прения шли неправильно, некоторые выступающие сделали демагогические выпады против русских работников. Часть коммунистов, участников пленума, покинула заседание. ЦК КП Литвы до последнего времени не реагировал на это.

На пленуме Пагегского райкома партии выступил секретарь парторганизации 14 дистанции пути т. Абранин и обвинил первого секретаря райкома т. Генявичус в национализме, указав, что он в ресторане поднимал бокал и говорил: «Я пью за единую и независимую Литву», а жена его всюду заявляла, что «скоро подадут эшелоны и будут вывозить русских так, как они вывозили литовцев». Пленум райкома решил создать комиссию для расследования этого заявления.

Секретарь Дзержинского райкома г. Вильнюса т. Маркевич в своем выступлении на пленуме ЦК КП Литвы сообщил, что 2 июля с.г. в Литовской киностудии происходило обсуждение киножурнала № 18. В киносъемке участвовали как русские, так и литовские товарищи. Все они пришли на обсуждение журнала. Все они являются коммунистами. Заседание происходило под председательством зам. министра культуры т. Банайтиса. Обсуждение велось на литовском языке, а переводов для русских товарищей организовано не было. Когда директор киностудии т. Пиктурна попытался протестовать против такого порядка, зам. министра т. Банайтис объяснил ему, что

пусть он после совещания все, что будет сказано на нем, переведет тем товарищам, которые не знают литовского языка. В Министерстве культуры проводились другие совещания, где переводов на русский язык не производилось, хотя участвовали работники, не владеющие литовским языком.

Факты буржуазно-националистических проявлений имеют место и среди военнослужащих. Так, например, в воскресенье, 19 июля, в г. Вильнюсе группа солдат в количестве 12—15 человек избила 3 русских рабочих. Солдаты выломали дубинки из забора и ими избили рабочих, при этом один из солдат выкрикнул: «Бей их — это русские!»

Имеются факты, свидетельствующие о неправильных настроениях отдельных русских работников. Бывший начальник районного отдела МВД Смеляйского района т. Горский на совещании работников милиции заявил: «Эти пастухи, которые взяли теперь отдел в свои руки, не смогут руководить и обеспечить нормальное политическое руководство в районе». В Министерстве внутренних дел на партийном собрании некоторые коммунисты (Мартыненко, Корчма) высказывали огульное недоверие к литовским работникам, выдвинутым на работу, проявили пренебрежительное отношение к местным кадрам. Подобные настроения имеются в Каунасской организации и некоторых других.

В ЦК Литвы, горкомах и райкомах партии имеется много других сигналов, свидетельствующих об оживлении буржуазно-националистических элементов, об ошибках многих руководителей, о националистических настроениях среди отдельных работников. Об этих фактах говорили коммунисты на пленумах и собраниях. Однако как ЦК КП Литвы, так горкомы и райкомы партии до самого последнего времени ограничивались общим осуждением провокационных действий буржуазно-националистических проявлений и прошли мимо конкретных фактов этих проявлений и грубых извращений вопросов национальной политики. Подробно и тщательно не проверили сигналы и не приняли мер к пресечению этих проявлений.

В докладе т. Снечкуса на VI пленуме ЦК КП Литвы по итогам июльского Пленума ЦК КПСС, в выступлениях других членов бюро ЦК КП Литвы эти вопросы не были поставлены со всей прямотой. Пленум ЦК и актив парторганизаций республики не получили достаточно правильной ориентации о борьбе против конкретных националистических проявлений, имеющихся в Литовской ССР, и против огульного, кампанейского подхода к замене кадров нелитовской национальности, к переводу делопроизводства на литовский язык.

Все вышеперечисленные факты и многие другие были известны ЦК КП Литвы, однако т. Снечкус не использовал их в докладе, а ограничился следующими замечаниями:

«Кое-где буржуазно-националистическим и кулацким элементам удалось привлечь на свою сторону одного, другого колхозника и, таким образом, кое-где захромала трудовая дисциплина в колхозах, один, другой колхозник задумал взять назад бывшую свою лошадь из колхоза. Отдельные низкой морали люди, стоящие у прилавка, отказывались отпускать товары говорящим по-русски людям.

Все это говорит о том, что в нашей республике еще имеются укрывшиеся вражеские элементы, которые сумели воспользоваться вражеской деятельностью Берия, и с этими элементами следует сурово бороться. Но вместе с тем нельзя допускать грубые политические ошибки, чтобы и всех тех, которые неправильно высказывались по вопросам национальной политики или

колхозного труда, уже можно было считать врагами и поступать с ними как с врагами».

После доклада в президиум поступило много записок, где указывалось, что в этой части доклад т. Снечкуса был несамокритичным. Такие мнения после пленума высказывали коммунисты на пленумах райкомов и на собраниях.

Серьезные ошибки допущены партийными и советскими руководящими органами Литвы при поспешном переводе делопроизводства на литовский язык, а также проведении на литовском языке заседаний, собраний и совещаний. Вместо того чтобы подробно разработать мероприятия, обсудить их широко в организациях и представить на утверждение ЦК КПСС, как этого требовало постановление Президиума ЦК КПСС, ЦК и Совет Министров Литвы начали эту работу без какой-либо подготовки. Так, например, ЦК КП Литвы стал рассылать решения организациям только на литовском языке, хотя во многих райкомах работает много товарищей, не знающих литовского языка. Многие совещания, заседания райкомов и райисполкомов стали проводиться на литовском языке. Однако ничего не было сделано, чтобы обеспечить перевод документов, речей участников совещаний на русский язык и те, кто не знает языка, фактически были лишены возможности участвовать на таких собраниях, и поставлены в тяжелое положение.

Так, например, на пленуме Каунасского горкома партии, где присутствовало свыше 700 человек, наушники для слушания переводов из трансляционного узла были установлены только на 400 местах, и когда выступали ораторы на литовском языке, то для всех участников наушников не хватило, а во время речи секретаря ЦК КП Литвы т. Нюнка из зала раздавались возгласы: просим выступать на русском языке, т.к. не хватает наушников, чтобы слушать перевод.

На пленуме ЦК комсомола также не был организован перевод на русский язык и комсомольцы-активисты, не владеющие литовским языком, более половины пленума ничего не понимали, только в середине работы пленума к каждому, не знающему литовского языка, был посажен в соседи товарищ, владеющий литовским языком, который и переводил ему речь выступающего.

В районах и городах Литовской ССР, за исключением г. Вильнюса, нет оборудования для трансляции переводов во время заседаний, собраний и совещаний. ЦК КП Литвы, Совет Министров и другие руководящие организации не подготовили соответствующих переводчиков, поэтому даже на пленумах ЦК КП Литвы и Вильнюсского горкома переводы на русский язык выступлений на литовском языке были на низком уровне и вызывали недоумение и недовольство участников.

Кадрами переводчиков ЦК КП Литвы и Совет Министров не занимались, и вопросы эти не обсуждались, поэтому оказалось, что таких работников очень мало, квалификация их низка, а в некоторых организациях и районах их совсем нет.

По всем этим вопросам были подробные беседы с первым секретарем ЦК КП Литвы т. Снечкусом, с другими секретарями и заведующими отделами ЦК. В результате некоторые вопросы, как, например, устройство работников бывших областей, об усилении борьбы с буржуазно-националистическими проявлениями, о руководстве Министерства сельского хозяйства, о проверке сигналов, поступающих в ЦК, были поставлены на обсуждение бюро ЦК, и намечены меры по устранению недостатков.

Подобрано и послано в районы свыше 500 докладчиков ЦК, которые проводят разъяснительную работу во всех колхозах, в каждой бригаде. Разработан и разослан материал для докладчиков на литовском, русском и польском языках. В отдельные районы, пораженные провокационными слухами, послана группа докладчиков ЦК и Министерства культуры для помощи райкомам и райисполкомам. В настоящее время в основном разоблачены провокационные слухи, распускавшиеся националистами и реакционным католическим духовенством, настроение трудящихся улучшилось. Колхозы приступили к уборке урожая. Фактов индивидуальной уборки общественных посевов нет, в 2—3 колхозах отдельные бригады колхозников, вступивших весной в колхоз, с разрешения правления колхозов индивидуально убирают рожь, посеянную ими единолично. Улучшена несколько разъяснительная работа в городах.

ЦК обязал также Министерство внутренних дел усилить борьбу против националистического подполья и буржуазно-националистических проявлений, предложил направить в город Каунас и другие районы оперативных работников Министерства внутренних дел для оказания помощи районным и городским отделам. Решено заслушать доклад министра на бюро ЦК о мерах, принимаемых министерством по борьбе с буржуазно-националистическим подпольем. Проведено общее собрание парторганизации МВД по выборам парткома. ЦК обязал все горкомы и райкомы партии в ближайшее время заслушать доклады начальников райотделов МВД об усилении борьбы с нацподпольем и буржуазно-националистическими проявлениями и принять меры по улучшению воспитательной работы с личным составом и бойцами народной защиты.

ЦК КП Литвы разработал соответствующие мероприятия для устройства работников, создал комиссии ЦК под председательством первого секретаря т. Снечкуса, председателя Совета Министров т. Гедвиласа, секретаря ЦК КП Литвы т. Ляудиса. Комиссиям поручено разобраться с каждым работником в отдельности в ближайшее время, принять меры по устройству его на работу.

Бюро ЦК КП Литвы поручило всем отделам ЦК, райкомам и горкомам партии рассмотреть и расследовать все случаи и сигналы о буржуазно-националистических проявлениях и принять необходимые меры, а некоторые внести на рассмотрение бюро ЦК.

Как показали пленумы партийных комитетов и собрания парторганизаций, где обсуждались итоги июльского Пленума ЦК КПСС, в Литовской ССР руководящими органами, в том числе ЦК и Советом Министров республики, допущены серьезные извращения указаний ЦК КПСС по вопросам о выдвижении местных кадров и ведения делопроизводства на родном языке в учреждениях и организациях. Эти ошибки были использованы националистическими элементами, которые подняли голову и усилили свою провокационную работу.

Выполняя постановление июльского Пленума ЦК КПСС, ЦК КП Литвы и Совет Министров начали исправлять эти ошибки. Однако это делается еще недостаточно энергично, медленно, неуверенно. Объясняется это тем, что первый секретарь ЦК КП Литвы т. Снечкус, председатель Совета Министров республики т. Гедвилас и другие руководители не освободились от ошибочного кампанейского подхода к делу выдвижения местных кадров и не понимают, что этим они противопоставляют местные кадры русским работникам. Такую же ошибку допускают руководители Литовской республики по вопросам делопроизводства.

Следовало бы поправить руководителей ЦК и Совета Министров Литовской ССР.

Необходимо также оказать помощь ЦК КП Литвы. Направить в Литовскую парторганизацию на месяц-полтора группу квалифицированных работников Отдела пропаганды и агитации и Отдела науки и культуры для помощи в усилении идеологической работы и улучшении пропаганды нерушимой дружбы народов СССР.

Министерству внутренних дел СССР целесообразно командировать в Литовскую ССР руководящих работников министерства для оказания помощи Министерству внутренних дел республики.

Зав. сектором Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС ВАКУЛЕНКО

3.VIII.1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 484. Л. 126. Копия. Машинопись.

№ 51
ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ А.Я. ГЕРЦОВСКОГО И Л.Е. ВЛОДЗИМИРСКОГО[1]

4 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 125/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копии протоколов допроса свидетеля ГЕРЦОВСКОГО Аркадия Яковлевича и обвиняемого ВЛОДЗИМИРСКОГО Льва Емельяновича от 4 августа 1953 года.

Приложение: на 9 листах.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

1953 года, августа 4 дня, пом. Главного военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил с соблюдением ст. 162-168 УПК РСФСР в качестве свидетеля

ГЕРЦОВСКИЙ Аркадий Яковлевич
(Анкетные данные имеются.)

ПОДПИСКА: В соответствии со ст. 164 УПК следователь меня предупредил об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

ГЕРЦОВСКИЙ

Дополнительно к своим показаниям от 23 июля 1953 года хочу показать о следующем:

С ноября 1938 года до декабря 1939 г. начальником I спецотдела НКВД СССР работал Петров Георгий, его отчество, кажется, Александрович. До этого Петров работал секретарем у Кобулова, в бытность его работы началь-

---

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «С документами №№ 88, 104, 108, 116, 125, 215 тов. Хрущев ознакомлен. Д. Суханов 6.VIII.53 г.», «Читал В. Молотов 6.VIII», «Читал К. Ворошилов 7.VIII», «Булганин», «Читал Л. Каганович 7.VIII», «Читал Микоян», «Читал Первухин 10.VIII», «Читал М. Сабуров 11.VIII».

ником СПО НКВД СССР. В последних числах ноября 1939 года, в субботу, Петров и его два заместителя — Баштаков, я и помощник Калинин, в 4 часа ночи, закончив работу, на одной машине поехали домой — по своим квартирам. Буквально через час мне позвонил на квартиру дежурный по отделу и сообщил, что Петров скоропостижно умер. Тогда я поехал к нему на квартиру вместе с Баштаковым и начальником секретного отдела Якимец. На квартире Петрова мы застали врача, но было уже поздно — Петров скончался от разрыва сердца еще до нашего приезда. Помимо дежурного врача на квартире Петрова мы застали постоянно лечащего врача Мариупольского.

В связи с этим случаем смерти НКВД СССР производилось расследование. Кто вел расследование — я не помню. Знаю, что Федотов, ныне начальник I Главного управления МВД СССР, а тогда работавший начальником контрразведывательного управления, участвовал при вскрытии трупа Петрова. Знаю, что при расследовании допрашивались некоторые свидетели, производилась экспертиза. В результате расследования производство по материалам было прекращено и материалы были сданы в архив, но, насколько я помню не сразу, а через продолжительный период времени. Как мне теперь припоминается, материалы о скоропостижной смерти Петрова поступили в архив спецотдела от Федотова вместе с материалами о смерти артиста Щукина в 1947 году, когда Федотов из МГБ СССР уходил в Комитет информации.

Не помню точно, примерно в 1948 или 1949 году б. Министр госбезопасности Абакумов потребовал от меня материалы о смерти Петрова. Я ему их дал, и через некоторое время они снова были возвращены в архив. Вскоре Абакумов потребовал их вторично, и я лично принес ему материалы, сказав, что он уже недавно смотрел эти материалы. Тогда Абакумов сказал мне, что его эти материалы интересуют потому, что Петров умер не сам, а его умертвил Кобулов в связи с тем, что Петров, работая секретарем у Кобулова в СПО, уничтожил много материалов по его указанию. Какие именно материалы были уничтожены Петровым — мне Абакумов не говорил.

Абакумов материалы на Петрова оставил у себя, и когда они были возвращены в архив и были ли вообще возвращены в архив, я не знаю. Во всяком случае, эти материалы могли попасть в архив и минуя меня, а если их в архиве нет, то должна быть моя записка о том, что материалы на Петрова переданы Абакумову.

Знаю, что лечащий врач Мариупольский в 1940 году был арестован, в связи с чем — не знаю, а затем был расстрелян.

Ничего другого по этому поводу я сообщить не могу. Внести необходимую ясность в это дело может Абакумов.

Хочу рассказать еще об одном подозрительном случае с женой б. зам. Наркома обороны Кулика — Симонич. Случай этот относится к 1940 году. В это время начальником I спецотдела был Баштаков, а я его заместителем. Но в связи с болезнью Баштакова, я исполнял обязанности начальника I спецотдела.

Бывш. начальник следчасти УГБ НКВД СССР Влодзимирский пришел ко мне и принес материалы для объявления розыска внезапно исчезнувшей жены маршала Кулика — Симонич-Кулик, по национальности сербки, находившейся в каком-то родстве с б. послом Югославии в СССР. Влодзимирский просил немедленно объявить розыск, для чего был составлен план розыска, утвержденный б. зам. НКВД СССР Меркуловым. Розыск был объ-

явлен по телеграфу, при этом были даны шифровки во все органы и размножены фотокарточки разыскиваемой.

Через день или два меня вызвал Берия. У него в кабинете был Кулик и кто-то еще из сотрудников НКВД. Я показал Берия шифртелеграмму, разосланную для розыска, размноженные для рассылки фотокарточки, и Берия, обратившись к Кулику, сказал ему: «Видишь, мы приняли все меры к ее розыску».

После этого ни Берия, ни Меркулов, ни Влодзимирский результатами розыска не интересовались, хотя все органы были обязаны каждые три дня доносить о ходе розыска.

Сам факт объявления розыска на Симонич через I спецотдел, без привлечения к активному агентурному розыску оперативных аппаратов, свидетельствовал о формальности самого розыска, и у меня сложилось впечатление, что все это делалось только для успокоения Кулика.

Позднее этого я слышал разговор между работниками спецгруппы, фамилий которых теперь не могу вспомнить, о том, что примерно в то же время, когда объявлялся розыск на Симонич, спецгруппой в присутствии Влодзимирского была расстреляна какая-то женщина, причем в отступление от общего порядка этот расстрел был произведен без участия I спецотдела и до того, как прибыл к месту расстрела прокурор Бочков. Эти же сотрудники спецгруппы говорили, что Бочков за это их крепко ругал. У меня сложилось впечатление, что эта неизвестная женщина, расстрелянная в присутствии Влодзимирского, была женой Кулика. Несомненно, что подробности этого дела должны быть известны Влодзимирскому, Меркулову и Берия.

Материалы о розыске Симонич-Кулик, безусловно, должны быть в архиве I спецотдела МВД СССР.

Были ли составлены какие-либо документы о произведенном расстреле женщины работниками спецгруппы, я не знаю.

Третий факт, заслуживающий внимания, — это случай освобождения из-под стражи шпиона Серебрянского и его жены.

Серебрянский, имя и отчество не помню, был нашим закордонным сотрудником. Он находился за границей вместе со своей женой — фамилии ее не помню.

В 1938 году оба они были арестованы за шпионаж, и впоследствии, насколько мне припоминается, в 1940 или, возможно, в начале 1941 г., они были Военной Коллегией Верховного суда СССР осуждены — Серебрянский к расстрелу, а его жена — к 10 годам ИТЛ. Приговор в отношении их длительное время не приводился в исполнение, а в начале войны оба они были из тюрьмы освобождены.

В это время я работал Начальником I Спецотдела НКВД СССР, а освобождение Серебрянского и его жены производилось II отделом НКГБ СССР. В этот период времени Берия был Наркомом Внутренних Дел СССР, а Наркомом Госбезопасности СССР был Меркулов, а его заместителем — Кобулов. Хотя эти наркоматы существовали раздельно, фактически с начала войны всеми делами обоих наркоматов управлял Берия, а спустя месяц после начала войны произошло вновь слияние обоих наркоматов, и во главе НКВД СССР стал Берия.

Со слов б. начальника отделения II отдела НКГБ СССР, ныне работающего начальником I Спецотдела МВД Киевской области Баринова, мне известно, что освобождение Серебрянского и его жены производилось не обычным порядком. Их из тюрьмы доставили в кабинет Судоплатова, рабо-

тавшего тогда начальником одного из Управлений, и здесь Судоплатов им объявил, что они освобождаются, вручил им крупную сумму денег от имени Берия и в сопровождении сотрудника направил их на жительство в одну из московских гостиниц. Каким образом было оформлено освобождение Серебрянского и его жены — я не знаю, и какие документы поэтому приобщены к архивному делу Серебрянского и его жены, я сказать не могу, но архивное дело их должно находиться в I Спецотделе МВД СССР.

Мне известно, что до 1946 года или 1947 г. Серебрянский работал в центральном аппарате НКВД—НКГБ СССР, так как б. начальник Управления кадров Свинелупов брал из архива дело Серебрянского в связи с решением вопроса о его увольнении из органов.

Дальнейшая судьба Серебрянского мне неизвестна.

Берия было, безусловно, известно о шпионской деятельности Серебрянского. Этот вывод я делаю на основании следующего. Еще в начале 1939 года Берия проводил совещание лиц, выделенных для составления учебников по чекистским дисциплинам. На этом совещании присутствовало около 100 человек, в том числе и я. На этом совещании кто-то внес предложение о привлечении к составлению учебников некоторых сотрудников органов, арестованных за нарушение законности. При этом была кем-то названа и фамилия Серебрянского. На реплику другого лица, что Серебрянский арестован за шпионаж, Берия ответил: «Нам известно, что он работал и на нас, и против нас, больше против нас. Тем не менее, его надо использовать». В это время Серебрянский находился в тюрьме под следствием. Был ли использован для этих целей Серебрянский, я не знаю, но бесспорно то, что Берия знал о его шпионской деятельности, а спустя два года Серебрянского освободили.

Дополнительно к сказанному могу указать еще на такой факт.

Весной 1951 г. Абакумов передал мне записку, написанную рукой Саркисова — начальника охраны Берия, в которой имелись сведения: фамилия, имя, отчество женщины-врача и наименование райпрокуратуры гор. Москвы, которой велось следствие по делу этого врача.

По указанию Абакумова это следственное дело мною было истребовано и передано ему.

После ареста Абакумова секретариат переслал следственное дело мне, и я доложил его Огольцову. Из дела было видно, что женщина-врач привлекалась к уголовной ответственности за производство незаконных абортов и неправильное лечение, в результате чего одна из больных, находившаяся под ее наблюдением, умерла. Огольцов при мне позвонил Саркисову и после переговоров с ним велел это дело хранить у себя.

Спустя примерно полтора месяца прокуратура района затребовала это дело, и я вновь доложил дело Огольцову, который предложил мне дело вернуть в прокуратуру. Фамилию обвиняемой я не помню. Полагаю, что Саркисов по поводу этого дела обращался к Абакумову не от своего имени. Записка Саркисова и переписка по этому делу должны храниться в I Спецотделе МВД СССР.

Показания записаны с моих слов правильно. Мне прочитаны, дополнить не могу.

ГЕРЦОВСКИЙ

Допрос начат в 11 ч. 15 м. Допрос окончен в 14.00 ч.

ДОПРОСИЛ:

Полковник юстиции *УСПЕНСКИЙ*

Протокол допроса обвиняемого

4 августа 1953 года ст. помощник Главного Военного прокурора полковник юстиции ИВАНОВ допросил обвиняемого —

ВЛОДЗИМИРСКОГО Льва Емельяновича (анкетные сведения приведены ранее).

Допрос начат в 15 часов.

ВОПРОС: Расскажите все, что вам известно об аресте и расстреле гр. Симонич-Кулик?

ОТВЕТ: Летом или в начале осени 1940 года меня вызвал к себе Берия в присутствии Меркулова или один Меркулов (точно это сказать я сейчас затрудняюсь, так как не все помню) и объявил мне, что я вхожу в состав группы из четырех человек, которой поручается произвести секретный арест жены маршала Кулика гр-ки Кулик. Кроме меня, в состав этой группы входило 2 или 3 работника 3-го спецотдела НКВД СССР, но фамилий их я не помню. Возглавлял тогда 3 спецотдел Церетели, прибывший вместе с Берия из Тбилиси еще в 1938 г. Принимал ли Церетели лично участие в этой операции, я точно сейчас не помню.

Согласно намеченному плану, задержание гражданки Кулик должно было быть произведено на улице, без огласки. Для этого были выделены 1 или 2 легковых автомашины, и в них дежурила вся группа. Засада была установлена недалеко от дома, в котором находилась квартира Кулика. На второй или на третий день, когда гр-ка Кулик вышла из дому одна и пошла по пустынному переулку, она была нами задержана и доставлена во двор здания НКВД СССР. С ней тогда остались сотрудники 3-го спецотдела НКВД СССР, а я ушел.

Всей этой операцией руководил Меркулов, он приезжал и проверял засаду и в ночное время один или два раза снимал пост.

Через месяц или полтора после задержания гр-ки Кулик, Меркулов или Кобулов поручили мне и начальнику внутренней тюрьмы Миронову съездить в Сухановскую тюрьму, взять одну арестованную, которую нам там выдадут, привезти ее в здание НКВД и передать ее коменданту Блохину. Когда мы приехали в Сухановскую тюрьму, то нам выдали арестованную, в которой я опознал жену Кулика.

Гр-ку Кулик мы с Мироновым доставили в помещение НКВД на Варсонофьевском переулке. Нас там встретил во дворе комендант Блохин, который вместе с Мироновым отвел ее во внутреннее помещение нижнего этажа здания. Я с ними прошел в первое помещение и остался в нем, а Блохин с Мироновым провели гр. Кулик в другое помещение, где ее и расстреляли.

Через несколько минут, когда мы вышли уже во двор с Мироновым и Блохиным, к нам подошли прокурор Бочков и заместитель наркома внутренних дел СССР Кобулов. Я хорошо помню, как Блохин при мне доложил им, что приговор приведен в исполнение. Бочков тогда выругал Блохина, сделав ему строгое замечание, что он привел приговор в исполнение, не дождавшись его и Кобулова.

ВОПРОС: Имели ли вы постановление на арест гр. Симонич-Кулик, санкционированный прокурором, и ордер на ее арест, когда проводили ее задержание на улице?

ОТВЕТ: Я этого не знаю. Я таких документов не видел. Эти документы могли быть по существующему положению у работников 8 спецотдела НКВД СССР.

ВОПРОС: Вы участвовали в допросе гр. Симонич-Кулик?

ОТВЕТ: Нет, не участвовал и не знаю, кто и о чем ее допрашивал.

ВОПРОС: Что вам известно о причинах и основаниях к аресту Симонич-Кулик?

ОТВЕТ: Мне абсолютно по этому вопросу ничего неизвестно.

ВОПРОС: Что вам известно о том, на каком основании была расстреляна гр. Симонич-Кулик?

ОТВЕТ: Об этом я также ничего не знаю. Однако, в связи с тем, что для приведения расстрела в исполнение явился прокурор, я считал, что все сделано на законном основании.

ВОПРОС: В каких других случаях проведения секретных арестов и по чьим поручениям вы участвовали?

ОТВЕТ: Насколько я помню, в других случаях проведения секретных арестов я не участвовал.

ВОПРОС: Скажите, Влодзимирский, а после секретного ареста Симонич-Кулик, для его прикрытия объявлялся розыск ее и инсценировались мероприятия по розыску?

ОТВЕТ: Возможно, это и делалось, но сейчас я точно этого не помню. Очевидно, по этому поводу должны были сохраниться документы.

ВОПРОС: Вас вызывал к себе Берия, когда он принимал мужа гр. Симонич-Кулик?

ОТВЕТ: Насколько я помню, Берия меня к себе при приеме Кулика не вызывал. Я точно не знаю, принимал ли он вообще Кулика после «исчезновения» его жены.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

Допрос окончен в 16 часов 50 минут.

ВЛОДЗИМИРСКИЙ

Допросил: *Ст. помощник Главного военного прокурора — полковник юстиции* *ИВАНОВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 141—151. Копия. Машинопись.

№ 52

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

5 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 134/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 5 августа 1953 года.

Приложение: на 11 листах.

---

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «Документы №№ 134, 135 читал В. Молотов», «тов. Хрущев ознакомлен. Д. Суханов 7.VIII.53 г.», « т. Ворошилов ознакомлен. Д. Суханов 7.VIII.53», «Читал В. Молотов 6.VIII», «Читал К. Ворошилов 7.VIII», «Булганин 10.VIII», «Читал Л. Каганович 10.VIII», «Читал Микоян 11.VIII», «Читал М. Сабуров 12.VIII», «Читал Первухин 12.VIII».

Протокол допроса

1953 года, августа 5 дня, Генеральный Прокурор Союза ССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО произвел допрос обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича. (Анкетные данные в деле имеются.)

Допрос начат в 21 ч. 50 м.

ВОПРОС: С какими заданиями Ставки вы выезжали на Закавказский фронт в августе 1942 года?

ОТВЕТ: Я выезжал с заданием прощупать настроение в руководящем составе партийных и советских органов в Закавказье, особенно в Грузии, нет ли панических настроений. Разобраться с обстановкой и постараться прикрыть перевалы Кавказского хребта.

ВОПРОС: Почему же вами — представителем ГКО не выполнялась директива Ставки верховного командования № 170536 от 30.VII.1942 года об организации жесткой и прочной обороны перевалов главного Кавказского хребта?

ОТВЕТ: Я считаю, что мною, командующим Закавказским фронтом Тюленевым, Бодиным — нач. оперативного управления Генштаба, Штеменко и военным советом фронта были предприняты все меры к закрытию перевалов, к закреплению войск Черноморской группы, к закреплению Северо-Кавказской группы войск по Тереку, к укреплению обороны городов — Владикавказа, Грозного и др.

ВОПРОС: Вы знаете генерала Сергацкова?

ОТВЕТ: Видел я его один раз и, судя по обстановке, которая была на Клухорском, Санчаронском перевалах, его нужно было снимать, что и было сделано Закавказским фронтом при моем участии, с последующим утверждением его снятия Ставкой.

ВОПРОС: Вам оглашается выписка из заявления Сергацкова:

«Первые два дня прошли в том, что Берия собирал неоднократные совещания, на которых всех ругал, как только ему хотелось, особенной бранью обрушиваясь на генерала армии Тюленева и на меня, однако решений никаких не принималось...

В это время у меня осталось очень нехорошее впечатление о поведении такого большого государственного деятеля советского государства, показавшего себя не столько крупным и опытным организатором, сколько истеричным деспотом, к тому же не совсем умным».

Что вы можете сказать?

ОТВЕТ: Он говорит неправду потому, что я его снял с поста командующего 46 армии.

ВОПРОС: Почему же вы назначили на его место человека, который нес непосредственную ответственность за оборону перевалов, — Леселидзе?

ОТВЕТ: Я считал Леселидзе одним из способных командиров.

ВОПРОС: Вам было известно, что Леселидзе не принимал мер к должной организации обороны перевалов, игнорируя приказы командования?

ОТВЕТ: Мне не было это известно, и не могло быть этого.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из заявления полковника Мельникова — б. нач. штаба 3-го стрелкового корпуса, командиром которого был Леселидзе.

«Ни в штабе корпуса, ни командиром корпуса генералом Леселидзе не оценивалась обстановка в том направлении, что необходимо и немедленно

начать выдвижение частей корпуса с побережья моря на перевалы главного Кавказского хребта. В первых числах августа 1942 года у командующего 46 армией генерала Сергацкова созрело решение о необходимости немедленного выдвижения частей для занятия обороны на перевалах, но, как я понял его, он ждал утверждения этого решения Военным советом Закавказского фронта.

Примерно 14 августа я был вызван командующим армией в Сочи, в штаб 20 горнострелковой дивизии, где получил от него приказание командиру корпуса генералу Леселидзе о немедленном выдвижении частей корпуса на перевалы. Генерал Леселидзе отнесся к этому приказанию скептически, возражал против такого поспешного приказания и считал, что еще нет данных для немедленного выдвижения частей на перевалы. Об этом мною было доложено генералу Сергацкову и последний, после длительного переговора по телефонному аппарату с генералом Леселидзе в моем присутствии, в категорической форме приказал выполнить его приказ. Таким образом, генерал Леселидзе затягивал выдвижение частей на перевалы. В результате этого, с опозданием были выдвинуты на перевалы части 394 грузинской стрелковой дивизии, и по этой причине противник упреждал нас в выдвижении на перевалы. При этом следует подчеркнуть, что части 394 стрелковой дивизии не были заранее подготовлены и приспособлены для ведения боев в горах. Вышедшие батальоны на перевалы, по существу, без сопротивления сдали их противнику».

Что вы скажете по этому поводу?

ОТВЕТ: Это я в первый раз слышу.

ВОПРОС: Почему игнорировали штаб фронта и штаб 46 армии, создав надуманную должность начальника опергруппы, и назначили на эту должность человека, совершенно несведующего в военных делах — генерала войск НКВД Петрова?

ОТВЕТ: Никого я не игнорировал, а для обеспечения связи назначил начальником оперативной группы Петрова. Именовалась ли эта должность — начальник оперативной группы — не помню.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из справки военно-научного управления Генерального штаба по вопросу обороны Кавказа.

«Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Берия устранил штаб фронта и штаб 43 армии от управления войсками, разработку плана обороны перевалов поручил не имеющему достаточного боевого опыта генералу войск НКВД Петрову, для которого была выдумана импровизированная должность начальника оперативной группы по обороне главного Кавказского хребта. Эта группа представляла собой особый штаб. Обращает на себя особое внимание план обороны перевалов, разработанный названной выше группой. Как видно из этого плана, к каждому начальнику участка обороны был поставлен доверенный человек Берия». Подтверждаете вы это?

ОТВЕТ: Я не подтверждаю это. Я не отстранял штаб фронта и штаб 46 армии от управления войсками, а Петров, по моему предложению, был назначен нач. оперативной группы с основной задачей обеспечения связью, так как она была самым важным мероприятием в тех условиях.

Что касается доверенных лиц, то речь, очевидно, идет о чекистских работниках, которые мною были прикомандированы к командованию частей и для того, чтобы они были толкачами. Хорошо помню, что на Клухорском перевале был прикомандирован Серов.

ВОПРОС: Чем была вызвана такая странная организация обороны перевалов — огромное количество участков, еще большее изобилие представителей Военного Совета фронта, когда к каждому русскому командиру обязательно прикрепляется гражданский человек из Грузии. Разве это не нарушало управление войсками и не подрывало доверия к русским военноначальникам?

ОТВЕТ: Нет, это не подрывало доверия и, с моей точки зрения, сыграло положительную роль. Прикрепленные к командирам русским из местных партийных, чекистских работников использовались для связей с местным населением в целях укрепления тыла.

ВОПРОС: Вам предъявляется план обороны перевалов главного Кавказского хребта, из которого видно, что к 15 начальникам обороны было прикреплено 15 грузин. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Я подтверждаю это.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из справки военно-научного Управления Генерального Штаба:

«Берия во время пребывания в Закавказье расстанавливал угодные ему кадры, стремясь заменить командиров русской национальности грузинами, подчеркивая при этом недоверие к русским командирам, и тем самым подрывал дружбу народов».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Не признаю. Это абсолютно неправильно.

ВОПРОС: Чем же было вызвано такое недоверие с вашей стороны к русским военноначальникам в период войны?

ОТВЕТ: С моей стороны недоверия к русским командирам не было, и в мыслях этого не было.

ВОПРОС: Вы признаете, что такие ваши действия по существу разжигали национальную рознь, были направлены на подрыв обороны Закавказья?

ОТВЕТ: Я отрицаю это.

ВОПРОС: Вам было известно настроение местного населения Карачаевской и Черкесской областей?

ОТВЕТ: К моему приезду немцы уже орудовали с карачаевцами и балкарцами.

ВОПРОС: Почему же вы не приняли своевременно решительных мер по изоляции наиболее враждебных элементов, которые оказывали немцам, как проводники, немалую помощь в овладении перевалами?

ОТВЕТ: Я пытался чекистскими отрядами прорваться к Эльбрусскому сельсовету, чтобы сделать заслон против карачаевцев и немцев, но уже поздно было.

ВОПРОС: Почему вы игнорировали командующего фронтом, начальника армии, вмешиваясь в управление войсками, внося дезорганизацию? Почему в такой критический момент вы назначаете начальника гарнизона Новороссийска и заместителя командующего 47 армии полковника пограничного отряда войск НКВД Рудовского, ничего не понимающего в военном деле человека?

ОТВЕТ: Может быть, и был назначен на эту должность Рудовский, я не помню. Командующего фронтом не игнорировал. Приняты были меры вместе с командованием Черноморской группы по защите окраин Новороссийска и перевалов, чтобы не допустить немцев к Туапсе и дальше.

ВОПРОС: Чем вы объясняете назначение генерала Масленникова командующим фронтом, некомпетентного в военных вопросах, отрицавшего, в частности, до своего назначения, траншейную систему обороны?

ОТВЕТ: Масленников был назначен Ставкой Верховного командования.

ВОПРОС: Вам известны характеристики, данные Масленникову товарищем Сталиным?

ОТВЕТ: Характеристики бывали и плохие и хорошие.

ВОПРОС: Вам оглашаются выдержки из справки военно-научного Управления Генерального Штаба по вопросу обороны Кавказа:

«Товарищ Сталин вынужден был неоднократно обращать внимание на крупные недочеты в деятельности генерала Масленникова:

"...Нам невыгодно выталкивать противника. Центр тяжести операции следует переместить в район Черноморской группы, чего не понимает ни Масленников, ни Петров.

Масленников может пустить в дело 58-А, которая болтается у него в резерве и которая в обстановке нашего успеха могла бы принести большую пользу". (Шифртелеграмма от 4.1.43 г.).

"...Вы оторвались от своих войск и потеряли связь с ними. Не исключено, что при таком отсутствии порядка и связи в составе Северной группы, Ваши подвижные части попадут в окружение немцев" (Директива № 30006 от 8.1.43 г.).

"...только для Тюленева и Кагановича. Обратите внимание на Масленникова, который оторвался от своих частей и не руководит ими, а плавает в беспорядке" (Директива № 1673 от 8.1.43 г.).

"Тов. тов. Берия, Кузнецову, Масленникову, Штеменко.

1. Ваша телеграмма дает правильную оценку обстановки и работы войск фронта. Ее недостаток состоит в том, что она относит все ошибки в работе войск фронта за счет штаба фронта и командиров, тогда как их следовало бы, прежде всего, отнести за счет командующего фронтом.

Тов. Масленников, как видно, не изжил еще канцелярско-бюрократического отношения к приказам и к вопросам тыла и все еще не понимает, что существо командования состоит не в отдаче приказов, а в обеспечении приказов силами и средствами и в проверке исполнения.

Если т. Масленников в течение месяца не изживет этих своих недостатков, то его придется снять с командования войсками фронта и понизить в должности". (Директива № 18570 от 16.III.43 г.)».

Вам это известно?

ОТВЕТ: Первая характеристика январская мне не известна, так как я тогда был в Москве. Вторая характеристика мне известна. Ее считаю совершенно правильной.

ВОПРОС: Чем объясняется бездействие Закавказского фронта и Северной группы Масленникова в период тяжелой обстановки для немцев (Сталинградская группа немцев окружена, часть войск с Кавказа была снята и переброшена туда же, соотношение сил на Кавказе было в нашу пользу). Почему вы ничего не делали, несмотря на директиву Ставки, и начали активные действия с опозданием, не окружая, а выталкивая противника?

ОТВЕТ: По этому вопросу ничего не могу сказать.

ВОПРОС: Почему вы в самый тяжелый период обороны Кавказа не привлекли к участию в боевых операциях войска НКВД, которых у вас насчитывалось свыше 120 тысяч человек?

ОТВЕТ: По-моему, максимально были привлечены.

ВОПРОС: Генерал Тюленев вам известен? Личных счетов у вас нет?

ОТВЕТ: Знаю. По-моему, личных счетов у нас нет.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из заявления генерала Тюленева:

«Для обеспечения успешной обороны Кавказа Ставка Верховного Главнокомандования наметила переброску нескольких частей и соединений регулярных войск за счет резерва Ставки из центра, однако полностью эти войска, намеченные Ставкой, переброшены не были. Вместо них в Закфронт прибывали войска НКВД. Эти войска были на особом учете в распоряжении Берия. Поэтому они не были использованы для боевых активных действий...

Будучи в Ставке Главнокомандования вместе с Л.М. Кагановичем (15—18 ноября 1942 г.), я вновь поставил перед Ставкой вопрос о передаче в распоряжение командования Закфронта хотя бы части войск НКВД, находившихся на территории Закфронта (15—20 полков). И.В. Сталин одобрил мою мысль, но присутствовавший при этом Берия резко воспротивился этому, допускал грубые выпады в адрес командования фронта. Из 121 тысячи войск НКВД, которые в большинстве своем бездействовали, Берия согласился передать в распоряжение Закфронта всего лишь 5—7 тысяч, и то по настоянию И.В. Сталина.

В результате такого преступного отношения к обороне Кавказа со стороны Берия, командование Закфронта не имело возможности использовать войска НКВД для развития успеха...»

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Я это не признаю.

ВОПРОС: Вам было известно, что англо-американские войска сконцентрировали к августу 1942 года крупные силы в Иране?

ОТВЕТ: Мне это неизвестно. Вообще мне было известно, что американцы и особенно англичане проявляли заботу о Закавказье.

ВОПРОС: Вам было ясно, что в случае, если на фронте создастся критическое положение, англо-американцы получат благоприятный повод для оккупации Баку и других районов Закавказья под предлогом «оказания помощи Советскому Союзу»?

ОТВЕТ: Да, они этого и хотели.

ВОПРОС: Вы признаете, что вместо того, чтобы выполнить задание Ставки Верховного Главнокомандования, вы приложили все усилия к тому, чтобы создать критическую обстановку на фронте и открыть дорогу врагу в Закавказье?

ОТВЕТ: Абсолютно не признаю.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из указанной справки Генерального Штаба по поводу ваших действий в Закавказьи во время Великой Отечественной войны:

«Действия врага народа и партии Берия были в первую очередь направлены к ослаблению обороны советских войск на перевалах главного Кавказского хребта с целью их открытия для прохода немецко-фашистских войск».

«...Подобная организация обороны перевалов, как видно, была сделана с целью обеспечения преступных замыслов Берия по открытию перевалов. Таким образом, в целях достижения своих преступных целей, Берия фактически нарушил управление войсками фронта, чем нанес огромный вред делу обороны Кавказа».

«Добиваясь осложнения стратегической обстановки на Кавказе, Берия, по-видимому, рассчитывал также и на оккупацию Закавказья англо-американскими войсками. Последние к этому времени сконцентрировали крупные силы в Иране, что вместе с войсками в Ираке составило по данным Закав-

казского фронта около двухсот тысяч человек, 360 танков, 400 бронемашин и 900 различных орудий. Войска были объединены в 1-ю армию под командованием генерала Вильсона. Как известно, англичане это сосредоточение войск проводили под предлогом "оказать помощь Советскому Союзу"».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Не признаю, категорически отрицаю.

ВОПРОС: Для какой цели вы взяли своих приближенных: Кобулова, Мильштейна, Цанава, Влодзимирского, Ордынцева и др., которые не являются военными специалистами?

ОТВЕТ: Взял я их в помощь себе для проведения чекистской работы на Кавказе. Кроме их разновременно было взято не менее 100 человек.

ВОПРОС: Не для того ли их взяли, чтобы при их помощи терроризировать командный состав армии и успешнее проводить свои преступные замыслы?

ОТВЕТ: Я это отрицаю.

ВОПРОС: Вам оглашается выписка из показаний генерала Сергацкова:

«Так, почти вся система управления соединениями и частями на перевалах была взята под контроль офицеров и генералов НКВД, расставленных лично Берия. Эти люди самостоятельно вмешивались в руководство боевой деятельностью частей, информировали Берия, а последний, пользуясь такой информацией, пытался командовать фронтом. Получалось, что Берия в основу брал не информацию, идущую по линии войск и их штабов, а информацию так называемых и безответственных наблюдателей.

Свидетельством того, что все было в руках НКВД, являются и такие факты, когда на перевалы для проверки прибывали комиссии или группы офицеров и генералов НКВД. И все это делалось без ведома высшего военного командования».

Правильно это?

ОТВЕТ: Нет, неправильно.

ВОПРОС: Объясните, почему вы, вместо мобилизации всех сил для обороны Кавказа, занимались со своими приближенными пьянством и всячески мешали деятельности военного командования, направленной к укреплению обороны Кавказа?

ОТВЕТ: Я пьянством не занимался.

ВОПРОС: Впоследствии вы распространяли в кругу своих соучастников лживую версию о том, что только в результате принятых вами мер гитлеровцы были остановлены на Кавказе в 1942 году?

ОТВЕТ: Я таких заявлений нигде, никому не делал.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Ордынцева:

«Восхваляя себя, Берия заявлял о том, что в результате принятых им мер в 1942 году на Кавказе немецкое наступление было приостановлено и Баку остался в наших руках. Если бы, как говорил Берия, он не принял мер, то бакинская нефть могла бы оказаться в руках врагов и в результате вся война могла быть проиграна».

Вам оглашается выдержка из заявления генерала Тюленева:

«Берия ставил себе в заслугу то, что якобы благодаря принятым им мерам немцы были остановлены на перевалах главного Кавказского хребта. На деле же оказывалось совсем обратное».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Я этого не заявлял.

Протокол прочитан, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Хочу дополнить, что со мной выезжали для выполнения задания Ставки Штеменко из Генштаба и Бодин.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 1 ч. 30 м. 6/VIII-1953 г.

ДОПРОСИЛ: *ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР* *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола Следователь по важнейшим делам Прокуратуры Союза ССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 174—186. Копия. Машинопись.

№ 53
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Б.З. КОБУЛОВА

4 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 135/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого КОБУЛОВА Богдана Захаровича от 4 августа 1953 года.

Приложение — на 6 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

4 августа 1953 года
гор. Москва

Помощник Главного военного прокурора подполковник юстиции БАЗЕНКО, с соблюдением ст. 135-138 УПК РСФСР, допросил нижепоименованного, который показал:

КОБУЛОВ Богдан Захарович (сведения в деле имеются).

Допрос начат в 21 ч. 45 м.

ВОПРОС: На допросе 30/VII-1953 г. вы заявили, что, допрашивая Белахова, не вымогали от него показания, компрометирующие отдельных руководителей Партии и Правительства или членов их семей.

Так ли это? Почему вы даете ложные показания?

ОТВЕТ: Я не лгу. Я показываю, что помню. Вымогательством показаний против руководителей Партии и Правительства и членов их семей я никогда не занимался. Допрашивался ли Белахов в отношении известного члена семьи одного из руководителей Партии и Правительства и в какой связи, я в настоящее время не помню.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показаний Белахова от 4/IV-1941 г., оформленных в виде приложения к протоколу допроса его военным прокурором ГВП. Белахов на допросе заявил:

«С первого же дня ареста меня нещадно избивали по 3—4 раза в день и даже в выходные дни. Избивали резиновыми палками, стальными пружинами и линейками, били по половым частям. Я терял сознание, прижигали меня горячими папиросами, обливали водой, приводили в чувство и снова били.

Потом перевязывали в амбулатории, бросали в карцер и на следующий день снова избивали, дело дошло до того, что я мочился кровью, перешибли позвоночник и я стал терять зрение и появились галлюцинации...»

Для какой цели производили все эти издевательства над арестованным?

ОТВЕТ: Это действительно издевательство. Но я о них не знал. И о том, что от Белахова вымогались таким путем показания, мне также не было известно.

ВОПРОС: Почему вы лжете на следствии. Вам оглашается другая выдержка из показаний Белахова, который показал:

«Избивая, от меня требовали, чтобы я сознался в том, что я сожительствовал с гр. Жемчужиной и что я шпион. Я не мог оклеветать женщину, ибо это ложь и, кроме того, я импотент от рождения. Шпионской деятельностью я никогда не занимался. Мне говорили, чтобы я только написал маленькое заявление на имя наркома, что я себя в этом признаю виновным, а факты все они сами подскажут. На такую подлость я идти не мог. Тогда меня отвезли в Сухановскую тюрьму и избили до полусмерти. В бессознательном состоянии, на носилках отправили в камеру».

Это правильно?

ОТВЕТ: Я не лгу. Этого заявления Белахова я не знаю. Описанные им факты и обстоятельства мне также неизвестны. В отношении Белахова Берия разрешил применить репрессию. Но чтобы дело доходило до таких недопустимых извращений, я не знал.

ВОПРОС: Следует ли вас понимать, что следователи скрывали от вас подобные факты?

ОТВЕТ: О таких издевательствах мне не докладывали.

ВОПРОС: И о вымогательстве клеветнических показаний в отношении члена семьи одного из руководителей Партии и Правительства тоже не докладывали?

ОТВЕТ: Этого я не помню, прошло очень много времени.

ВОПРОС: Почему вы лжете, что вы не знали об издевательствах над арестованными и вымогательстве от них показаний в отношении членов правительства и их семей.

Вам предъявляется собственноручное заявление Белахова, написанное в дополнение к протоколу допроса. Это заявление находится в деле Белахова на стр. 515—523, где он подробно описывает все эти факты?

ОТВЕТ: Это заявление я вижу впервые. То, что описывает Белахов, является недопустимым в практике работы органов, независимо от того, что Берия дал санкцию на применение к нему репрессии.

ВОПРОС: Как же вы не видели это заявление Белахова. Разве утверждая постановление о его расстреле, вы не знакомились с делом?

ОТВЕТ: Дело Белахова было эвакуировано, и в Москве его не было. Постановления, или вернее заключения, о расстрелах составлялись по справкам, полученным от руководителей следственных групп по ВЧ или по почте. Поэтому, подписывая эти заключения, материалы дела я не видел.

ВОПРОС: Однако заявление Белахова было им написано еще в апреле 1941 г., т.е. задолго до того как его дело было эвакуировано из Москвы.

ОТВЕТ: Мне это заявление никто не докладывал. Я знал, что Белахова на следствии били, но о том, что к нему применялись такие жестокие способы издевательства, я не знал.

ВОПРОС: С какой же целью Белахова избивали на следствии?

ОТВЕТ: Цель была одна — добиться признания о его вражеской работе и о характере связей с членом семьи одного из руководителей Партии и Правительства в соответствии с заданием, полученным от Берия.

ВОПРОС: Следовательно, Белахова били, требуя, чтобы он признал свою вражескую работу и преступную связь с членом семьи одного из руководителей Партии и Правительства, а он отказывался давать такие показания, ссылаясь на то, что это является клеветой. Правильно?

ОТВЕТ: По существу это так, с одной поправкой, что о члене семьи одного из руководителей Партии и Правительства речь шла в смысле компрометирующих ее материалов.

ВОПРОС: Вы признаете, что вы лично избивали Белахова?

ОТВЕТ: Да, я нанес Белахову несколько ударов по указанию Берия в его кабинете, после того как Белахов стал категорически отрицать свою причастность к антисоветской работе. Этот свой поступок я, безусловно, осуждаю и принял участие в избиении Белахова по требованию Берия.

ВОПРОС: Вы снова лжете. Вы стали избивать Белахова после того, как он отказался давать показания против члена семьи одного из руководителей Партии и Правительства.

ОТВЕТ: Я не помню этого точно, возможно это было и так.

ВОПРОС: Скажите, почему с 11/IV-1941 г., т.е. со дня составления Белаховым собственноручных показаний о его жестоком избиении во время допросов и вымогательства со стороны Берия и вас клеветнических показаний в отношении члена семьи одного из руководителей Партии и Правительства, и до 17/X-1941 г., т.е. в течение шести с лишним месяцев никаких следственных действий по делу не производилось, и, несмотря на систематические голодовки, которые объявлял Белахов, он ни разу не допрашивался до дня его незаконного расстрела?

ОТВЕТ: Почему так произошло, я не знаю и ничего по этому поводу показать не могу, так как не помню, почему Белахов более 6 месяцев не допрашивался.

ВОПРОС: Вы признаете, что по договоренности с Берия убили Белахова?

ОТВЕТ: Нет, этого я не признаю. Но признаю, что на основании предписания Берия от 18.X.1941 года Белахов в числе 25 других арестованных был действительно расстрелян без суда.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из справки старшего следователя следчасти 3 управления НКВД СССР Круковского, который указывает:

«Следствие по делу было закончено в апреле 1941 года. Обвинительное заключение о направлении дела на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР было утверждено комиссаром государственной безопасности 3 ранга тов. Федотовым и санкционировано Прокурором СССР тов. Бочковым 14.XV.1941 года. Однако дело на Особое совещание по неизвестным мне причинам передано не было и в настоящее время находится у нас».

Почему же это дело не было направлено на Особое совещание еще в апреле месяце 1941 года и в течение более полугода лежало без движения?

ОТВЕТ: Этого я не знаю. Однако я помню, что я был сторонником рассмотрения этого дела на Особом совещании и, насколько я помню, Федотов

действовал в соответствии с моими указаниями. Почему впоследствии это решение было отклонено, я не знаю. Кто отклонил это решение, мне также неизвестно. В конечном итоге, как я ранее уже показывал, Белахов был включен в подписанное Берия предписание от 18.X.1941 года и расстрелян без суда. За это решение ответственность должен нести Берия.

В заключение я хочу заявить, что дело Белахова расследовалось с грубыми нарушениями законов. Независимо от того, кто допускал эти нарушения и в какой мере — я, как бывший начальник следственной части НКВД СССР, признаю свою долю ответственности за эти нарушения и свое вынужденное участие в деле Белахова осуждаю. Я также считаю необходимым заявить, что Белахов необоснованно был расстрелян на основании письма Берия от 18/X-1941 г., тем более что он находился вне Москвы, т.е. района угрозы вторжения противника. Все это, как я уже ранее показал, также относится к делу Кедрова М. и Слезберг. Остальных дел из числа 25 расстрелянных арестованных я не помню. Записано с моих слов правильно и мной лично прочитано.

Допрос окончен в 2 ч. 20 м. 5/VIII-53 г.

Б. КОБУЛОВ

ДОПРОСИЛ:
ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *БАЗЕНКО*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 187—193. Копия. Машинопись.

№ 54

ПИСЬМО А. СУББОТИНА Н.А. БУЛГАНИНУ О Л.П. БЕРИЯ — «АГЕНТЕ» АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДКИ[1]

6 августа 1953 г.

Секретно

МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

В связи с разоблачением Берия как агента международного империализма считаю своим партийным долгом доложить Вам, что, по моему мнению, предатель Берия во время своего пребывания в августе 1942 года в г. Тбилиси имел связь с англичанами.

В качестве подтверждения я имею в виду следующий факт, имевший место в штабе Закавказского фронта в мою бытность Начальником штаба фронта, а именно:

Полковник Штеменко, прибывший с Берия как направленец нашего фронта в Генштабе, на третий день после прибытия обратился лично ко мне с просьбой — подготовить изолированную, хорошо прибранную комнату, необходимую ему якобы для приема и переговоров с английским военным представителем. Полковник Штеменко сказал мне, что этот прием ему поручил Берия. Но ни о характере, ни о цели этого приема Штеменко меня в

[1] На первом листе имеются пометы: «Тт. Маленкову Г.М., Молотову В.М., Хрущеву Н.С. Послано тт. Руденко Р.А. и Москаленко К.С. Булганин 6.VIII.1953 г.», «Доложено. Д. Суханов. 7.VIII.53».

известность не поставил, а также не назвал ни чина, ни должности, ни фамилии этого иностранного представителя. Обращение ко мне со стороны полковника Штеменко по этому вопросу носило секретный характер, и об этом приеме, как я понял из его слов, никто знать не должен.

Комната была приготовлена (она оказалась никем не занята), и полковник Штеменко ею был, после осмотра, удовлетворен. Это было вечером, а прием должен был состояться, по словам полковника Штеменко, или в данный вечер, или на другой день. Ключ от этой комнаты полковник Штеменко взял себе.

Состоялся ли прием — я не знаю, и поскольку полковник Штеменко облек этот вопрос в сугубую секретность, я не считал нужным спрашивать его об этом приеме и никаких разговоров по этому поводу я ни от кого вообще не слыхал.

Докладывая Вам, товарищ Маршал Советского Союза, об этом факте в связи с разоблачением Берия как врага нашего народа и как агента империализма, я, со своей стороны, считаю, что этот факт приема англичанина в условиях сложной военной обстановки говорит о преступной связи Берия и Штеменко с англичанами, направленной против интересов нашей Родины.

Генерал-майор А. СУББОТИН
(Начальник кафедры Высшей Военной Академии имени Ворошилова)

5 августа 1953 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 129—130. Копия. Машинопись.

№ 55
ЗАПИСКА ШТЕМЕНКО Н.А. БУЛГАНИНУ О ВСТРЕЧЕ Л.П. БЕРИЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ АНГЛИЙСКОГО ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ

6 августа 1953 г.

Секретно

МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

В соответствии с Вашими указаниями представляю отдельный доклад о приеме представителя английского военного командования в штабе Закфронта в 1942 году в бытность там Берия.

Как я уже Вам докладывал, в штабе Закфронта летом 1942 года, в бытность там Берия, принимался с официальным визитом один из военных представителей «союзников», по-моему, англичанин.

Насколько я вспоминаю, дело это происходило так. В один из дней пребывания в Закавказье, генерал Бодин, который, если мне память не изменяет, к этому времени был уже начальником штаба фронта, вызвал меня и, по-моему, в присутствии командующего фронтом тов. Тюленева, сказал мне, что в Тбилиси находится военный представитель «союзников», который просит принять его с официальным визитом, и что командование решило принять визит этого представителя. Далее Бодин сказал, что этот официальный визит должен принять офицер в звании полковника и что для этой цели выделяются три человека во главе со мной.

Решение о приеме в таком составе Бодин разъяснил примерно так, что этого англичанина не следует принимать крупным лицам из состава руководства фронтом, и к тому же он, Бодин, должен выехать вместе с Берия в войска. Был ли этот англичанин главой военной миссии, которая, если не ошибаюсь, была в то время в Тбилиси, или он специально в это время прибыл в Тбилиси, затрудняюсь доложить. Передавал ли мне Бодин это распоряжение от имени Берия, не помню, но, безусловно, я твердо уверен в том, что он знал об этом приеме и, видимо, давал санкцию или приказание на его проведение. Утверждаю это, потому что, во-первых, в бытность его в Закавказье командование все вопросы решало с его ведома и, во-вторых, потому что командование фронтом, в том числе и Бодин, по-моему, не могли решить этого вопроса самостоятельно, без Берия,

После переданного распоряжения о приеме Бодин дал примерно следующие инструктивные указания о порядке его приема.

Вместе со мной при приеме будет один представитель от контрразведки фронта и один офицер от разведотдела фронта или от 7 отдела политуправления фронта в качестве переводчика. Далее Бодин сказал, разговор с ним нужно вести по обыденным вопросам и больше слушать его, а самим говорить меньше. Вначале следует поприветствовать его от имени начальника штаба фронта и сказать, что он, т.е. начальник штаба фронта сожалеет, что сам не смог принять этот визит. Если спросит про обстановку на фронте, сказать, что новых данных, кроме опубликованных в газетах, на фронтах нет и что Закавказье прочно удерживается нами. Если он спросит, кто я, то ответить, что заместитель начальника штаба фронта. Кроме того, он сказал принять его в хорошей комнате, угостить фруктами и, если пожелает, предложить чаю.

Примерно такой инструктаж получил я от Бодина накануне приема этого англичанина.

На утро следующего дня мы собрались втроем — офицер от контрразведки, переводчик и я, осмотрели комнату, где предстоял прием, и условились, что переводчик, как обычно это положено, будет записывать нашу беседу. В это время кто-то из этих двух офицеров сказал, что этот англичанин в период пребывания его в Тбилиси женился на грузинке.

В штаб этого англичанина привезли два офицера и проводили его до комнаты, где мы находились.

При входе я его поприветствовал, как мне было приказано, от имени начальника штаба фронта, затем с ним поздоровались другие товарищи. После взаимных приветствий англичанин довольно длинно говорил о доблести Красной Армии и о том, что он очень рад, что его приняли в штабе Закавказского фронта. После этого мы его спросили, где он служил и что делал во время войны. Помню, что он говорил о своей службе на Ближнем и Среднем Востоке, но, где точно, доложить затрудняюсь. Далее мы его спросили о положении у них на фронте. Затем, по-моему, и он спросил о положении на фронте у нас. Мы ему ответили, как и было нам сказано, что на фронтах ничего нового, кроме публикуемого в газетах, нет и что Закавказье нами прочно удерживается. Далее, насколько я помню, разговор вращался вокруг общих тем, о том, что в Тбилиси жарко, но он сказал, что, будучи на Востоке, к жаре привык, помню, что он ел фрукты и хвалил их.

Весь прием продолжался примерно минут 20—25. После описанного мной, примерно, приема он ушел. До машины его провожал переводчик. Отвезли его обратно те же офицеры, которые его привозили. Фамилии этого англичанина я не помню, но ее легко установить, т.к. приезды иностранцев безусловно фиксировались отделом внешних сношений в Москве, органами контрразведки и разведки фронта, кроме того приметным является то, что он женился в Тбилиси на грузинке. Был он сухощав, среднего роста, лет около 40. Что делал этот англичанин в Тбилиси, когда он приехал, когда и куда убыл, с кем встречался, мне неизвестно, т.к. после этого приема я о нем больше ни разу не слышал, и никто о нем в моем присутствии разговора не вел. Каких-либо просьб командованию он при своем визите в штаб фронта не передавал.

Фамилий офицеров, которые были со мной при приеме, я не могу вспомнить, ведь прошло уже более 10 лет, но их также можно разыскать: От контрразведки был офицер, не грузин, в звании майор-подполковник, а офицер переводчик был в звании старший лейтенант-капитан, причем офицеров, знающих английский язык, в штабе фронта и политуправлении было немного. Кроме того, их фамилии должны быть в записи беседы, которую вел переводчик, она должна быть в архивах 7 отдела политуправления или разведотдела Закфронта. Описанный прием проходил официально, и о нем знают многие работавшие тогда в штабе Закфронта, и в первую очередь командование фронтом.

Почему именно мне было поручено принять этот визит? Сказано мне об этом, кроме того, о чем я доложил выше, не было.

Могу лишь высказать свои предположения.

Бодин, как я Вам уже докладывал, знал меня хорошо и, кроме этого случая, поручал мне принимать за него некоторых командиров, когда он был занят, поручал мне различные задания контрольного характера по вопросам, которые выполнялись штабом фронта, контроль за переброской войск, за ходом формирований и т.д. По его поручению я принимал командующего нашими войсками в Северном Иране генерала Мельника (ныне главного военного советника в Румынии), кроме того, я был после Бодина старшим представителем из Генштаба.

Помимо этого, Бодин, после назначения его начальником штаба фронта, предлагал мне остаться у него заместителем по ВПУ (была такая должность), я с радостью дал согласие, т.к. мне хотелось быть на фронте, однако это назначение не состоялось, и перед моим отъездом в Москву Бодин сказал мне, что мне приказано возвратиться в Генштаб.

Таковы мои предположения, почему меня выделили для проведения этого приема.

Берия к этому времени меня не знал, так как до этой поездки я с ним никаких дел не имел и знал его хорошо только по портретам. В Тбилиси, после нашего приезда туда, я каких-либо его личных поручений не выполнял, докладов устных или письменных ему не делал, на проводимых совещаниях, когда я там присутствовал, ни разу не выступал.

По прибытии генерала Бодина я ему официально доложил о состоявшемся приеме.

Генерал-лейтенант Штеменко

6 августа 1953 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 131—134. Копия. Машинопись.

№ 56
ЗАЯВЛЕНИЕ ССЫЛЬНОГО ПОСЕЛЕНЦА В.Д. КЛОНДРИТА[1]

6 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 4/71457

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Направляю при этом копию заявления ссыльно-поселенца КЛОНДРИТ В.Д. об известных ему фактах преступной деятельности Берия Л.П.

С. КРУГЛОВ

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ МВД
по Северо-Казахстанской области
подполковнику товарищу АГИБАЕВУ
(передается через майора ДАВИДЕНКО)

Ставлю в известность лично Вас, что 13 июля 1953 года мной сдано на почту в гор. Петропавловске письмо в адрес Председателя Совета Министров Союза ССР следующего дословно-текстуального содержания:

«авиопочтой»
С уведомлением о вручении
Председателю Совета Министров Союза ССР
товарищу Георгию Максимилиановичу МАЛЕНКОВУ
гор. Москва, Кремль

Узнав о постановлении пленума Центрального комитета КПСС, вынесенном по Вашему докладу в отношении врага коммунистической партии и Советского народа Л.П. БЕРИЯ, считаю долгом сообщить вам нижеследующее известное мне обстоятельство.

В июне месяце 1944 года, в бытность мою в 12-й колонии Тайшетлага НКВД, где я отбывал заключение в исправ. трудлагере (начальником колоны лагеря был тогда Георгий Васильевич БАРАХТИН), мне как заключенному рассказал один больной заключенный, бывший прокурор в Абхазии (фамилия его грузинская, но припомнить не могу), такой, с его слов, достоверный факт.

Л.П. БЕРИЯ в бытность его первым секретарем Закавказского ЦК компартии считал своим личным врагом старого члена партии, имевшего орден Ленина, ЛАКОБА — председателя Президиума Центрального исполнительного комитета Советов Абхазии за то, что ЛАКОБА знал о нем — БЕРИЯ, политически компрометирующие факты.

БЕРИЯ выдавал себя другом ЛАКОБА и во время выпивки подлил в вино яд и отравил ЛАКОБА.

ЛАКОБА был торжественно похоронен. Но, дабы окончательно обезопасить себя, коварством и интригами БЕРИЯ добился признания им отравленного ЛАКОБА врагом народа, и останки ЛАКОБА были перехоронены.

Я, — говорил мне этот заключенный, — факт этот лично проверил и рассказываю тебе, — продолжал он, — для того, чтобы хоть ты знал коварство этого негодяя БЕРИЯ, так как я настолько болен, что умру скоро.

---

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «К делу Берия. Разослано: т. Молотову В.М., т. Хрущеву Н.С., т. Булганину Н.А., т. Руденко В.А. Д. Суханов 11.VIII-53 г.».

Позже я слышал, что он, т.е. тот, кто мне это поведал, в больнице № 2 Тайшетлага, куда он был отправлен, умер.

В свете разоблачения БЕРИЯ как наймита иностранного капитала я счел необходимым написать лично Вам об этом факте, чего до сих пор никому не говорил.

Кстати укажу, что и я лично безвинно и беззаконно репрессированный, за что отбыл 8-летний срок в исправительно-трудовом лагере, а теперь считают меня бессрочно-ссыльным, я избит на следствии. В одиночном заключении просидел 1 год и 8 месяцев. Инвалид второй группы. Семь раз писал на имя БЕРИЯ, но отвечают мне, что я законно осужден. Однако никто до сих пор дело не пересматривал и не просматривал. Копии моих обращений у меня на руках, но они лишь суть крик моей души.

Борис Дмитриевич КЛОНДРИТ, рождения 1900 года, я внук бурлака, сын бедных безграмотных родителей. Бывший красногвардеец. Имел награды. С 14 марта 1919 года состоял членом РКП(б)—ВКП(б). Репрессирован постановлением Особого Совещания НКВД от 21.VII-1943 года. Приписаны мне статьи 58-10 и 58-11 Уг. Код. РСФСР.

12 июля 1953 года
г. Петропавловск Сев. Каз. обл., улица Базарбаева, дом 100. Клондрит.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 194—196.

№ 57
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА С.М. ШТЕМЕНКО

7 августа 1953 г.

Сов. секретно

№ 137/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса свидетеля ШТЕМЕНКО Сергея Матвеевича от 7 августа 1953 г.

Приложение — на 6 листах.

Протокол допроса свидетеля

1953 года, августа 7 дня, гор. Москва. Генеральный прокурор Союза ССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил в качестве свидетеля —

ШТЕМЕНКО Сергей Матвеевич, 1907 года рождения, урож. Урюпинск, Сталинградской области, образование высшее — академия Генерального штаба и академия Бронетанковых войск, чл. КПСС с 1930 г., в распоряжении Генерального штаба, генерал-лейтенант, женат, несудившийся, г. Москва, Садово-Кудринская ул. д. 28/30, кв. 46.

Свидетель предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний по ст.ст. 95, 92 УК РСФСР.

ШТЕМЕНКО

ВОПРОС: Вы сопровождали Берия при выездах его на Кавказ. Сколько раз и когда?

ОТВЕТ: Я сопровождал Берия при выездах на Кавказ два раза: первый раз летом 1942 года на Закавказский фронт и второй раз — весной 1943 года на Северо-Кавказский фронт.

ВОПРОС: В связи с чем вы оказались в числе сопровождавших Берия лиц при выезде его на Кавказ?

ОТВЕТ: Первый раз я сопровождал Берия вместе с группой других офицеров Генерального Штаба; старшим в этой группе являлся Бодин. О том, что мы сопровождаем Берия, я не знал до самого последнего момента. Я был включен в группу вследствие того, что в Генеральном Штабе именно я изучал ближневосточное направление и являлся начальником ближневосточного направления.

Второй раз я сопровождал Берия по указанию генерала Антонова, как исполняющего обязанности начальника Генерального штаба.

При первом выезде Берия сопровождала также большая группа сотрудников НКВД, по численности своей намного превышавшая группу военных специалистов.

ВОПРОС: Как вы можете охарактеризовать Берия при выездах его на Кавказ? Вам, как военному специалисту, отдаваемые им распоряжения казались разумными и правильными?

ОТВЕТ: Оценивая поведение Берия с точки зрения событий сегодняшнего дня, видишь, что в действиях его было много такого, что не только не способствовало обороне Кавказа, но, наоборот, дезорганизовывало оборону.

Прежде всего, Берия создал параллельно штабу фронта особую оперативную группу, возглавлявшуюся генералом Петровым из НКВД, которой была поручена оборона перевалов с подчинением войск, оборонявших эти перевалы. В группу Петрова входили люди, мало компетентные в военном деле. Создание группы Петрова только внесло дезорганизацию в оборону перевалов, а эта оборона являлась тогда важнейшей задачей, так как фланги уже оборонялись организованно.

Вторым действием Берия, дезорганизовывавшим оборону Кавказа, была замена ничем не опорочившего себя командующего 46 Армией — генерала Сергацкова, генералом Леселидзе. Такая ненужная замена командующего в напряженной обстановке никак не могла способствовать упрочению обороны.

В действиях Берия было очень много ненужной шумихи. Вспоминаю, в частности, как по распоряжению Берия мы выезжали производить осмотр оборонительных рубежей по линии Грозный—Баку. Весь этот выезд носил показной характер. Доходило до того, что военные специалисты вообще не имели возможности осмотреть укрепления, так как машины двигались мимо. Однако считалось, что Берия произвел таким образом «осмотр» оборонительной линии, и доносилось в Ставку, что им лично проверено состояние рубежей.

При пребывании Берия на Кавказе военное командование фактически было отстранено им от руководства; Берия во всей своей деятельности стремился опереться на сотрудников НКВД, большинство из которых были совершенно некомпетентны в военном деле. Возвращаясь к характеристике оперативной группы Петрова, следует указать, что их некомпетентность в военном деле доходила до того, что они не умели нанести обстановку на карту, не знали элементарных военно-топографических обозначений, не могли составить простейших оперативных документов.

По существу, все эти действия Берия, связанные с обороной перевалов Главного Кавказского хребта, как главной задачей в тот период, наносили вред этой обороне и создавали благоприятные условия для противника и тем самым усиливали угрозу проникновения немцев в Закавказье. Только в результате изменения общей стратегической обстановки после разгрома немцев под Сталинградом изменилась и обстановка в Закавказье.

ВОПРОС: Что вы можете показать об отношении Берия к русским командирам?

ОТВЕТ: Было очень заметно, что Берия делал упор на грузин, и не просто на грузин, но на грузин из НКВД. Таким образом, можно сделать вывод, что Берия не доверял русским и в первую очередь стремился опереться на сотрудников НКВД — грузин по национальности.

Иногда Берия в нашем присутствии разговаривал с лицами из своего окружения на грузинском языке.

ВОПРОС: Как представителю Генштаба, вам не представлялось совершенно ненормальным, что в напряженные моменты обороны Кавказа войска НКВД, находившиеся в распоряжении Берия, были почти целиком исключены из участия в боевых операциях?

ОТВЕТ: Я знаю, что в обороне Кавказа принимало участие незначительное количество войск НКВД, — отдельные малочисленные отряды под командованием полковника Пияшева из органов НКВД. Однако какова была общая численность войск НКВД, находившихся в Закавказье, я не знаю.

ВОПРОС: Уточните, кого именно из «официальных представителей» англичан вы принимали в штабе фронта и каким образом оказался там этот английский представитель?

ОТВЕТ: Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Могу лишь догадываться о том, что он имел отношение к британской военной миссии в Тбилиси, но достоверно утверждать это я не могу. Приказание принять англичанина я непосредственно получил от Бодина, но, очевидно, что без санкции Берия Бодин подобного приказания отдать не мог. Фамилию этого англичанина я не помню. Говорили, что англичанин женился в Тбилиси на грузинке и собирается увезти ее с собой. О себе англичанин говорил, что служит где-то на Ближнем или Среднем Востоке, — в Иране или в Ираке. Я не исключаю, что англичанин специально прибыл с Востока для каких-то переговоров и официальный прием был лишь ширмой, маскирующей эти переговоры.

Сам прием проходил непосредственно в штабе, англичанин был введен через парадный подъезд. Такой прием в самом центре штаба, где сконцентрировано его командование, оперативный отдел и т.д., является ненормальным, но это было сделано по приказанию Бодина, который, конечно, сам действовал в соответствии с приказаниями, полученными от Берия.

После приема я доложил о нем Бодину; насколько помнится, доложил устно, т.к. запись беседы вел переводчик.

ВОПРОС: Как могли вы, принимая английского представителя, не уточнить его фамилию и должностное положение?

ОТВЕТ: Это ошибка. Принимая англичанина, я знал и фамилию его, и должностное положение. Более того, явившись на прием, англичанин официально представился мне. Однако в настоящее время я позабыл фамилию и должность англичанина.

ВОПРОС: Я хотел бы уточнить, какие документы и в связи с чем представлялись вами Берия, из числа упоминаемых вами в письме на имя Берия от 22.IX.43 г. (14211)?

ОТВЕТ: Эти документы были направлены мною по личному требованию Берия. Не помню, по поводу этих документов или иных, мне звонил по телефону Берия. Не помню также, согласовывал ли я этот вопрос с начальником Генерального штаба. Однако этот вопрос мог быть разрешен мною самостоятельно, так как речь шла о копиях документов годичной давности.

ВОПРОС: Уточните, какие совершенно секретные сведения, упоминаемые в вашем письме № 14078 от 14.IX.43 г. были представлены вами Берия?

ОТВЕТ: Очевидно, что Берия были направлены сведения о численности войск в Закавказье. Эти сведения могли быть мною представлены только по прямому требованию Берия. Не помню, согласовал ли я направление этих сведений Берия с генералом Антоновым. Однако этот вопрос также мог быть разрешен мною самостоятельно без особого согласования, так как очевидно, что и в данном случае речь могла идти о данных, относившихся к 1942 году.

ВОПРОС: Кто подписывал документы к медалям «За оборону Кавказа»?

ОТВЕТ: В нарушение обычного порядка документы к медалям «За оборону Кавказа» были подписаны не Председателем Президиума Верховного Совета СССР, а Берия. Следует отметить, что и сами медали были получены нами не из Президиума Верховного Совета СССР, как обычно, а из НКВД.

Дополняю, что при выезде весной 1943 года на Северо-Кавказский фронт Берия также стремился создать шумиху и сделать вид, что им предприняты на этом фронте какие-то особые меры, хотя в действительности ничего существенного не предпринималось. Мною по указанию Берия систематически составлялись проекты донесений о положении на фронте в Ставку, Берия эти донесения изменял, дополняя их сообщениями, призванными показать особую его роль и деятельность. И в этот свой приезд на Кавказ Берия окружил себя сотрудниками НКВД, на которых и старался опереться.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан.

ШТЕМЕНКО

Допросил: ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР
Действительный государственный советник юстиции *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола
Пом. Генерального Прокурора СССР
Государственный советник юстиции III класса *Л. СМИРНОВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 197—203. Копия. Машинопись.

№ 58
ЗАПИСКА П. СУДОПЛАТОВА В СМ СССР О Л.П. БЕРИЯ

7 августа 1953 г.

Совершенно секретно

В СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

Докладываю о следующем известном мне факте.

Через несколько дней после вероломного нападения фашистской Германии на СССР, примерно числа 25—27 июня 1941 года, я был вызван в служебный кабинет бывшего тогда Народного Комиссара Внутренних Дел СССР Берия.

Берия сказал мне, что есть решение Советского правительства, согласно которому необходимо неофициальным путем выяснить, на каких условиях

Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановит наступление немецко-фашистских войск. Берия объяснил мне, что это решение Советского правительства имеет целью создать условия, позволяющие Советскому правительству сманеврировать и выиграть время для собирания сил. В этой связи Берия приказал мне встретиться с болгарским послом в СССР Стаменовым, который, по сведениям НКВД СССР, имел связи с немцами и был им хорошо известен.

Стаменов был завербован в агентурную сеть ОГПУ еще в 1934 году в Риме. Я с ним как с агентом НКВД СССР периодически по роду своей службы встречался в Москве.

Берия приказал мне поставить в беседе со Стаменовым четыре вопроса. Вопросы эти Берия перечислял, глядя в свою записную книжку, и они сводились к следующему:

1. Почему Германия, нарушив пакт о ненападении, начала войну против СССР;

2. Что Германию устроило бы, на каких условиях Германия согласна прекратить войну, что нужно для прекращения войны;

3. Устроит ли немцев передача Германии таких советских земель как Прибалтика, Украина, Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек;

4. Если нет, то на какие территории Германия дополнительно претендует.

Берия приказал мне, чтобы разговор со Стаменовым я вел не от имени Советского правительства, а поставил эти вопросы в процессе беседы на тему о создавшейся военной и политической обстановке и выяснил также мнение Стаменова по существу этих четырех вопросов.

Берия сказал, что смысл моего разговора со Стаменовым заключается в том, чтобы Стаменов хорошо запомнил эти четыре вопроса. Берия при этом выразил уверенность, что Стаменов сам доведет эти вопросы до сведения Германии.

Берия проинструктировал меня также и по поводу порядка организации встречи. Встреча должна была по указанию Берия состояться в ресторане «Арагви» в Москве за столиком, заранее подготовленном в общем зале ресторана.

Все эти указания я получил от Берия в его служебном кабинете в здании НКВД СССР.

После этого я ушел к себе готовиться к встрече.

Вечером этого же дня, примерно часов в 19, дежурный секретарь Наркома передал мне приказание отправиться на городскую квартиру Берия.

Я подъехал к дому, в котором проживал Берия, однако в квартиру допущен не был. Берия, прогуливаясь вместе со мной по тротуару вдоль дома, в котором он жил, заглядывая в свою записную книжку, снова повторил мне четыре вопроса, которые я должен был по его приказанию задать Стаменову.

Берия напомнил мне о своем приказании задавать эти вопросы не прямо, а в беседе на тему о создавшейся военной и политической обстановке. Второй раз здесь же Берия выразил уверенность в том, что Стаменов как человек, связанный с немцами, сообщит о заданных ему вопросах в Германию.

Берия и днем и на этот раз строжайше предупредил меня, что об этом поручении Советского правительства я нигде, никому и никогда не должен говорить, иначе я и моя семья будут уничтожены.

Берия дал указание проследить по линии дешифровальной службы, в каком виде Стаменов пошлет сообщение по этим вопросам за границу.

Со Стаменовым у меня была договоренность, позволявшая вызвать его на встречу.

На другой день, в соответствии с полученными от Берия указаниями, я позвонил в болгарское посольство, попросил к аппарату Стаменова и условился с ним о встрече у зала Чайковского на площади Маяковского.

Встретив Стаменова, я пригласил его в машину и увез в ресторан «Арагви».

В «Арагви», в общем зале, за отдельным столиком, как это было предусмотрено инструкциями Берия, состоялся мой разговор со Стаменовым.

Разговор начался по существу создавшейся к тому времени военной и политической обстановки. Я расспрашивал Стаменова об отношении болгар к вторжению немцев в СССР, о возможной позиции в этой связи Франции, Англии и США и в процессе беседы, когда мы коснулись темы вероломного нарушения немцами пакта о ненападении, заключенного Германией с СССР, я поставил перед Стаменовым указанные выше четыре вопроса.

Все, что я говорил, Стаменов слушал внимательно, но своего мнения по поводу этих четырех вопросов не высказывал.

Стаменов старался держать себя как человек, убежденный в поражении Германии в этой войне. Быстрому продвижению немцев в первые дни войны он большого значения не придавал. Основные его высказывания сводились к тому, что силы СССР безусловно превосходят силы Германии и что, если даже немцы займут первое время значительные территории СССР и, может быть, даже дойдут до Волги, Германия все равно в дальнейшем потерпит поражение и будет разбита.

После встречи со Стаменовым я немедленно, в тот же вечер, доложил о ее результатах бывшему тогда Наркому Берия в его служебном кабинете в здании НКВД СССР. Во время моего доклада Берия сделал какие-то записи в своей записной книжке, затем вызвал при мне машину и, сказав дежурному, что едет в ЦК, уехал.

Больше я со Стаменовым на темы, затронутые в четырех вопросах, не беседовал и вообще с ним больше не встречался. Некоторое время продолжалось наблюдение за шифрованной перепиской Стаменова. Результатов это не дало. Однако это не исключает, что Стаменов мог сообщить об этой беседе через дипломатическую почту или дипломатическую связь тех посольств и миссий, страны которых к тому времени еще не участвовали в войне.

Больше никаких указаний, связанных с этим делом или с использованием Стаменова, я не получал.

Встречался ли лично Берия со Стаменовым, мне неизвестно. Мне организация подобной встречи не поручалась. Из дела на Стаменова, имеющегося в МВД СССР, видно, что со Стаменовым как с агентом встречались до меня и после меня и другие сотрудники МВД СССР.

Выполняя в июне 1941 года приказание бывшего тогда Наркома Берия в отношении разговора со Стаменовым, я был твердо убежден и исходил из того, что выполняю тем самым указание партии и правительства.

Сейчас, после беседы, проведенной со мной в Президиуме ЦК КПСС, и полученных разъяснений, что никакого решения Советского правительства, о котором говорил Берия, нет и не было, для меня совершенно ясно, что Берия обманул меня, видимо, хорошо зная, что я без прямых указаний Правительства подобные разговоров ни с кем вести не буду. Да и мыслей подобного рода у меня возникнуть не могло.

Ныне в свете фактов изменнической и предательской деятельности, вскрытых ЦК КПСС, совершенно очевидно, что Берия, тщательно маскируясь, еще тогда в 1941 году, в самое тяжелое время для страны, стал на путь измены и пытался за спиной Советского правительства вступить в сговор с немецко-фашистскими захватчиками, стал на путь помощи врагу в расчленении СССР и порабощении советского народа немецко-фашистской Германией.

П. СУДОПЛАТОВ

7 августа 1953 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Оп. 24. Д. 465. Л. 204—208. Копия. Машинопись.

№ 59

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ

7 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 138/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 7 августа 1953 года.
Приложение: на 10 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, августа 7 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича (анкетные данные в деле имеются).

Допрос начат в 22 час.45 мин.

ВОПРОС: Вы продолжаете утверждать, что при выезде на Кавказ не совершили действий, направленных во вред обороне Кавказа?
ОТВЕТ: Нет, я не причинил вреда обороне, а делал все в интересах обороны.
ВОПРОС: Штеменко вам хорошо известен?
ОТВЕТ: Штеменко мне хорошо известен с самой хорошей стороны.
ВОПРОС: Вам оглашаются показания свидетеля Штеменко:
«При пребывании Берия на Кавказе военное командование фактически было отстранено им от руководства; Берия во всей своей деятельности стремился опереться на сотрудников НКВД, большинство из которых были совершенно некомпетентны в военном деле.
...По существу все эти действия Берия, связанные с обороной перевалов главного Кавказского хребта, как главной задачей в тот период, наносили вред этой обороне и создавали благоприятные условия для противника и тем самым усиливали угрозу проникновения немцев в Закавказье. Только в результате изменения общей стратегической обстановки после разгрома немцев под Сталинградом изменилась и обстановка в Закавказье...»
Вы признаете это?

ОТВЕТ: Не признаю. О принимаемых мною мерах по обороне Кавказа я уже показывал.

ВОПРОС: На допросе 5 августа с.г. вы отрицали, что, находясь в командировке на Кавказе, вы вместо мобилизации сил для обороны Кавказа занимались со своими приближенными пьянством. Вы и сейчас утверждаете это?

ОТВЕТ: Утверждаю, пьянством не занимался.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания ваших приближенных Саркисова и Надарая, бывших с вами на Кавказе в 1942 году:

«Следует отметить, что Берия и окружавшие его люди часто выпивали, выпивали всегда за обедом, а иногда и за ужином. Пили вино, коньяк, водку. Лично я был удивлен тем, что в такое напряженное и тревожное время Берия и его приближенные часто выпивали» (Надарая).

«...Во время этих командировок Берия и окружавшие его офицеры часто выпивали. Не преувеличивая, можно прямо сказать, что без вина почти никогда не кушали. В тоже время, проживая Тбилиси, Берия сожительствовал с женщинами» (Саркисов).

Вы подтверждаете теперь это?

ОТВЕТ: Нет, отрицаю.

ВОПРОС: Теперь перейдем к другим вопросам. Вам хорошо известен Цанава? Не имеете ли вы с ним личных счетов?

ОТВЕТ: Хорошо знаю Цанаву. К нему я лично ничего не имел. Цанава был мною арестован примерно за месяц — за полтора до моего ареста.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Цанава:

«...Берия был жестоким, деспотичным, властным человеком...

...он ради достижения своих целей мог жестоко расправляться с теми, кто стоял на его пути...»

ОТВЕТ: Это неправильно.

ВОПРОС: Эрика Бедия вы знаете?

ОТВЕТ: Знаю. Он работал в Закавказском крайкоме партии заведующим отделом агитации и пропаганды.

ВОПРОС: Бедия был арестован по вашему распоряжению?

ОТВЕТ: Никогда.

ВОПРОС: Вам известно было, за что арестован Бедия?

ОТВЕТ: Не помню, за что был арестован Бедия.

ВОПРОС: Фамилия Орагвелидзе вам известна?

ОТВЕТ: Мне известен Орагвелидзе Карло, работавший зав. отделом ЦК партии Грузии.

ВОПРОС: Вам оглашается из архивного дела Бедия заявление Орагвелидзе по поводу Бедия, явившееся основанием к возбуждению дела против последнего:

«На квартире у меня в 1936 году, в связи с болтовней Сефа о том, что он писал доклад Л. Берия, Е. Бедия заявил, что не Сеф, а он сам, Бедия, сделал этот доклад, который прочитал Л. Берия».

Признаете, что арестовали Бедия из мести за то, что он стал говорить о том, что является автором присвоенного вами труда?

ОТВЕТ: Не признаю. Арестован Бедия МГБ Грузии. Указаний я об аресте не давал, но о деле Бедия докладывали мне, наверное, докладывал Гоглидзе.

ВОПРОС: Из дела Бедия усматривается, что он был обвинен в подготовке совершения террористического акта над вами?

ОТВЕТ: Впервые слышу.

ВОПРОС: Почему дело Бедия не было направлено в суд, и на каком основании оно было направлено для рассмотрения во внесудебном порядке на тройку?

ОТВЕТ: Первый раз слышу.

ВОПРОС: Вам известно, что по решению тройки Бедия был расстрелян?

ОТВЕТ: Первый раз слышу, что Бедия был расстрелян по постановлению тройки.

ВОПРОС: Папулия Орджоникидзе был арестован по вашему приказанию?

ОТВЕТ: Нет, моих указаний об аресте Орджоникидзе не было.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Гоглидзе:

«Папулия Орджоникидзе являлся братом Серго Орджоникидзе. Он проживал в Тбилиси в одном доме с Берия и работал на железной дороге, где руководил каким-то отделом. В 1937 году Папулия Орджоникидзе был арестован нами по указанию Берия... Помню, что на него имелись материалы о резких высказываниях в адрес Берия... Если не ошибаюсь, Папулия был осужден тройкой и расстрелян, но подробностей его дела не помню».

Не было ли это вашей расправой с Папулия Орджоникидзе с целью очернить Серго Орджоникидзе?

ОТВЕТ: Категорически отрицаю.

ВОПРОС: Вы признаете, что не было никаких оснований для рассмотрения дела Папулия Орджоникидзе в особом порядке, на тройке, а не в суде?

ОТВЕТ: О том, что дело его было рассмотрено на тройке, мне неизвестно. Но я считаю, что Папулия совершил такие преступления, за которые он должен был нести судебную ответственность.

ВОПРОС: Вы признаете, что проявляли особый интерес к делам Бедия и Папулия Орджоникидзе и требовали от вашего соучастника Гоглидзе их осуждения?

ОТВЕТ: Никакого особого интереса к этим делам не проявлял.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания вашего соучастника Гоглидзе:

«*Вопрос:* Берия интересовался материалами следствия по делам Бедия, Папулия Орджоникидзе?..

Ответ: Да, он все время интересовался делами, и не было дня, чтобы он не поинтересовался ходом следствия по названным делам и многим другим. Я уже выше показал, что Берия систематически интересовался ходом следствия и показаниями арестованных, особенно он проявлял повышенный интерес к делам и показаниям тех лиц, с которыми он работал или близко знал их...».

Правильно показывает Гоглидзе?

ОТВЕТ: Гоглидзе немного передергивает, а вообще, я интересовался делами и обязан был интересоваться.

ВОПРОС: Вам оглашаются далее показания Гоглидзе:

«*Вопрос:* Как вы расцениваете отношение Берия к арестам и осуждению Папулия Орджоникидзе, Бедия?

Ответ: Я считаю, что Берия по делам Папулия Орджоникидзе, Бедия проявил личную заинтересованность и мстительность. Нужно иметь в виду, как я уже показывал раньше, Берия по складу характера деспотичен, мстительный и мелочный человек, особенно в тех случаях, когда он стремился достигнуть какой-то цели. Он не терпел никаких возражений, чужого мнения и авторитета других...».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Категорически отрицаю.

ВОПРОС: Вы помните Гегечкори Николая Георгиевича, врача, который вами направлялся в Париж на связь с лидером грузинских меньшевиков?

ОТВЕТ: Помню. Этот Гегечкори являлся родственником по жене.

ВОПРОС: По вашему указанию был арестован Гегечкори Николай?

ОТВЕТ: Как я раньше показал, я просил Гоглидзе заинтересоваться Гегечкори.

ВОПРОС: Гоглидзе показывает, что ваше слово «заинтересоваться» означало «посадить». Правильно это?

ОТВЕТ: Я не знаю, как он понял, но я просил заинтересоваться.

ВОПРОС: В чем был обвинен Гегечкори?

ОТВЕТ: Мне неизвестно.

ВОПРОС: Какова судьба Гегечкори Николая?

ОТВЕТ: Впоследствии мне стало известно, может быть, от Гоглидзе, что Гегечкори расстрелян. За что он расстрелян, я не интересовался.

ВОПРОС: Вам предъявляется дело по обвинению Гегечкори Николая, из которого усматривается, что он был обвинен в связи с лидером грузинских меньшевиков Гегечкори Евгением и что он якобы принимал непосредственное участие в подготовке террористического акта над Берия. Вам известно это?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлено дело Гегечкори Николая, из которого усматривается обвинение, указанное в вопросе, но об этом я впервые слышу.

ВОПРОС: Вам известно, что Гегечкори Николай по решению тройки за это был расстрелян?

ОТВЕТ: Я не знаю, по какому решению он был расстрелян.

ВОПРОС: Если Гегечкори был обвинен в том, что он имел связь с лидером грузинских меньшевиков Евгением Гегечкори, то я спрашиваю вас — кто послал его на эту связь?

ОТВЕТ: Ясно, что я послал его на эту связь.

ВОПРОС: Если действия Гегечкори Н. были признаны преступными, то как вы оцениваете свои действия как организатора этой связи?

ОТВЕТ: Я не считаю свои действия преступными.

ВОПРОС: Признайтесь, что Гегечкори был расстрелян вашими соучастниками по вашему указанию, так как вы имели основания опасаться разоблачений с его стороны?

ОТВЕТ: Категорически отрицаю.

ВОПРОС: 27 июля с.г. вы показывали о том, что ваш брат по матери Кварацхелия Капитон вернулся в 1937 году при вашем содействии из-за границы и поселился в Сухуми. Скажите, вы предложили Гоглидзе обеспечить его службой и квартирой?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам оглашается выписка из служебной записки Гоглидзе от 20 июня 1937 года:

«Тов. Жужунава! К вам в Сухум приезжает Капитон Кварацхелия — брат Л. Берия по матери. Я написал об этом т.т. Агрба и Гобечия, просил устроить на службу и дать квартиру...».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что такая записка мне предъявлена, подписана она Гоглидзе. Почему написал Гоглидзе эту записку мне неизвестно.

ВОПРОС: На прошлом допросе вы ничего не сказали о том, что также при вашем содействии прибыла из-за границы ваша племянница — дочь Капитона

Кварацхелия Сусанна вместе со своим мужем Козляковским Петром, которые первое время жили у вас на квартире в Тбилиси. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что прибыла также из-за границы Сусанна Кварацхелия вместе со своим мужем. Насколько я помню, я никакого содействия им не оказывал в возвращении из-за границы.

ВОПРОС: Вам оглашается выписка из показаний вашей жены Берия Н.Т.: «...возвращение Капитона, Сусанны, ее мужа, обратный отъезд и возвращение Капитона, устройство на работу, предоставление комнаты Капитону в Сухуми и Сусанне в Тбилиси не могло быть без помощи Берия...».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Она ошибается, я действительно оказывал содействие в обратном отъезде Капитона за границу, но что касается предоставления комнаты в Сухуми и Тбилиси, то моего содействия не было.

ВОПРОС: Вам было известно, что Козляковский П.Я., в прошлом белый офицер, и его жена Кварацхелия Сусанна были связаны с японской разведкой?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Велось ли какое следствие в отношении Сусанны?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: Вам докладывались Кобуловым материалы на Сусанну Кварацхелия, которые свидетельствовали о том, что она находилась за границей, была связана с фашистскими белоэмигрантскими организациями и японскими разведчиками, которые постоянно посещали их квартиру?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия справки, составленной в апреле 1938 года аппаратом МВД Грузинской ССР, из которой видно, что Сусанна Кварацхелия подлежала аресту и включена была в список лиц, подлежащих аресту.

Докладывал вам эту справку Кобулов?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлена такая справка, но эта справка мне Кобуловым не докладывалась, и первый раз ее вижу.

ВОПРОС: Почему Сусанна Кварацхелия не была арестована? Известно ли вам, что было указание Кобулова воздержаться от опермероприятий?

ОТВЕТ: Это мне не было известно.

ВОПРОС: Кем вам приходится Кварацхелия Гога?

ОТВЕТ: Такого я не знаю.

ВОПРОС: Кварацхелия Гога является дядей Сусанне Кварацхелия, тоже жил за границей и возвратился в Грузию.

ОТВЕТ: Я не знаю его.

ВОПРОС: Кварацхелия Гога также проходил по справке вместе с Сусанной Кварацхелия как агент японской разведки, также подлежал аресту, но по указанию Кобулова воздержались от оперативных мероприятий.

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне такая справка предъявлена, но я не знаю такого Кварацхелия Гога.

ВОПРОС: Джакели Георгий Георгиевич ваш родственник?

ОТВЕТ: У меня был родственник по линии матери — дядя Джакели Егор, который и умер лет 20 тому назад за границей. Георгия Георгиевича, который, очевидно, его сын, я не знаю.

ВОПРОС: Вам известно, что Джакели Георгий Георгиевич был арестован в 1946 году на Дальнем Востоке и осужден как изменник Родине, как ярый и активный контрреволюционер?

ОТВЕТ: Мне это неизвестно.

ВОПРОС: Вам предъявляется уголовное дело по обвинению Джакели Г.Г., который за активную контрреволюционную деятельность, выразившуюся в том, что он проживал в Манчжурии, был агентом железнодорожной полиции, преследовал советских граждан, служил в марте по октябрь 1938 года вахмистром в японском диверсионном отряде «Асано», подготавливался к борьбе против Красной Армии и совершению диверсионных актов в тылу советских войск. В 1941 году вновь вступил в этот отряд и в чине прапорщика был командиром взвода, подготавливался к вторжению в пределы Советского Союза для совершения диверсионных актов и других контрреволюционных преступлений. За все это Джакели Г.Г. приговором военного трибунала Приморского военного округа от 16.VIII.1946 года осужден к 25 годам лишения свободы.

Что вы можете сказать?

ОТВЕТ: Я подтверждаю, что это дело мне предъявлено, но до этого я ничего не знал.

Протокол прочитан, записано все с моих слов верно.

Допрос окончен 8.VIII.1953 года в 1 ч. 35 мин.

Л. БЕРИЯ

Допросил: *Генеральный Прокурор СССР*

Р. РУДЕНКО

При допросе присутствовал и запись протокола допроса вел следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 214–224. Копия. Машинопись.

№ 60

ЗАПИСКА М. БАГИРОВА Г.М. МАЛЕНКОВУ И Н.С. ХРУЩЕВУ[1]

11 августа 1953 г.

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.
Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Дорогие товарищи!

Прошло более месяца после июльского Пленума ЦК партии. Непартийное мое поведение как на Пленуме ЦК, так и после, совершенно правильно осуждено партией. Впервые за все время моей общественно-партийной жизни и работы так хорошо и крепко наша партия и ее ЦК меня предупредили и помогли понять всю глубину моих заблуждений и ошибок, а по существу антипартийных поступков, имевших место в моей работе в течение ряда лет. Решение объединенного пленума ЦК Компартии Азербайджана и Бакинского горкома партии совместно с активом (14.VII), обсуждение этого решения на Президиуме ЦК партии (16.VII), постановление Президиума ЦК по этому вопросу, личные указания Ваши и товарища Молотова В.М. (17.VII) меня спасли от дальнейших заблуждений и ошибок, показали, как исправиться и искупить свою вину перед партией. Решения июльского Пленума ЦК партии дали мне возможность по-партийному смотреть на все дела, и подвиги партии не приписывать никому. Документы и материалы, опубликованные после июльского Пленума ЦК, в частности, документы и статьи, посвященные пя-

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «Архив. Доложено. Д. Суханов. 12.VIII.53 г.».

тидесятилетию основания партии, сделали для меня совершенно ясным, что источником всех моих ошибок не только в повседневной практической работе, но и в статьях и брошюрах было неправильное понимание, непартийное отношение к роли личности в истории, поклонение культу личности.

Должен признаться, что даже отдельные частные высказывания товарища Сталина нередко я воспринимал как партийный закон. Это правда, товарищи! Именно это увлечение часто заслоняло и мешало правильно понять смысл острых принципиальных указаний и замечаний товарища Сталина по тому или другому вопросу, о том или другом работнике. В результате в течение длительного периода времени я не мог распознать подлинное нутро заядлейшего врага партии и народа Берия, самого подлого из подлых врага товарища Сталина. В этом я себя проклинаю, но ведь это не поможет мне.

Я обязан делом, работой, трудом своим, своим горбом, всеми своими возможностями реабилитировать себя перед партией, перед Центральным комитетом партии. Только в работе, в активной работе, в активном участии в реализации решений партии я могу себя оправдать, а не сидя без дела и переживая.

Поэтому очень и очень Вас прошу помочь мне в этом, работать я умею. ЦК партии меня спас, у ЦК партии прошу работу.

М. БАГИРОВ

11 августа 1953 г. г. Москва

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 11–12. Копия. Машинопись.

№ 61
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА К.С. САВИЦКОГО

8 августа 1953 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

1953 года, августа месяца 8 дня, помощник Главного военного, прокурора полковник юстиции ПЛАНКИН допросил с соблюдением ст.ст. 135-138 Уголовного процесс. кодекса РСФСР в качестве обвиняемого —

САВИЦКОГО Константина Сергеевича (анкетные данные имеются).

ВОПРОС: Расскажите о роли Берия, Гоглидзе и Кобулова в руководстве следствием в НКВД Грузии в 1937 году?

ОТВЕТ: Берия, будучи секретарем ЦК КП(б) Грузии, непосредственно и практически руководил следствием в НКВД Грузии. С целью раздутия своего авторитета и преувеличения своих мнимых заслуг перед партией и государством в строительстве Грузии, Берия как лично, так и через Гоглидзе, Кобулова давал указания допрашивать лиц, арестованных по подозрению в принадлежности к правотроцкистскому и националистическому подполью в направлении организации и подготовки против него теракта. Добытые следователями показания о террористической деятельности против Берия всячески поощрялись. Это приводило к тому, что все следователи стремились добиться у арестованных таких показаний. В результате по всем делам, где шла речь о подготовке террористических актов, указывалось и о подготовке теракта лично против Берия. Эта установка на получение показаний у арестованных о подготоврке терактов против Берия исходила от самого Берия,

который еще в начале 1937 года, допрашивая арестованного Мадебадзе Карпа — бывш. управляющего Грузмаргантреста, получил от него показания о подготовке теракта лично против него, Берия. Допрос Мадебадзе был застенографирован, и с ним были ознакомлены все следственные работники. После этого на оперативных совещаниях Гоглидзе, Кобуловым на примере с допросом Мадебадзе указывалось, как надо вести следствие и в каком направлении допрашивать арестованных. Берия был полностью в курсе всех следственных мероприятий, проводившихся НКВД Грузии, и ему докладывались, главным образом Кобуловым, почти все показания лиц, арестованных по подозрению в принадлежности к правотроцкистскому или националистическому подполью. По этим докладам он давал лично письменные указания, в каком направлении надо вести следствие и кого необходимо дополнительно арестовать. Так, после доклада Берия показаний арестованного бывш. секретаря ЦК ЛКСМ Грузии Георгобиани, он на протоколе написал: «Чепуха, Георгобиани должен дать показания о своих связях с Косаревым».

На бланках служебной записки ЦК КП(б) Грузии Берия писал фамилии лиц, которые должны быть арестованы. Лично сам я видел служебные записки Берия с таким текстом: «Арестовать такого-то и крепко допросить». Слово «крепко» было подчеркнуто. В частности, такую записку я видел у Кобулова в отношении бывш. секретаря комитета комсомола НКВД Грузии Асламазова Михаила. Следствие по его делу вел Ковальчук (ныне советник в Польше), который так «крепко» допрашивал Асламазова, что последний, не выдержав избиений, выбросился из окна 5-го этажа и разбился насмерть. Берия неоднократно, я это лично видел и на одном допросе присутствовал сам, приезжал из ЦК и сам допрашивал арестованных. Так им допрашивались: бывш. секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) Картвелишвили (Лаврентьев), бывш. секретарь ЦК КП(б) Грузии Кахиани и др.

Созданная Берия обстановка в 1937 году позволяла ему, Гоглидзе, Кобулову арестовать любое неугодное им лицо и расправиться с ним путем получения на него нескольких показаний от других арестованных при помощи их избиений. И она в то же время обеспечивала сохранность людей, преданных Берия.

ВОПРОС: Знал ли Берия об аресте Бедия?

ОТВЕТ: Об аресте Бедия Берия не только знал, но он, Бедия, был арестован по его указанию. Бедия до ареста работал редактором газеты «Коммунист» и без санкции Берия Бедия арестован быть не мог.

ВОПРОС: Показания Бедия докладывались Берия, и какие он давал указания по делу?

ОТВЕТ: Показания Бедия докладывались Берия Кобуловым, сейчас я не помню, давались ли Берия какие-либо письменные указания, но устно мне Кобуловым было передано, что Бедия надо допрашивать в направлении вскрытия всей его вражеской деятельности.

ВОПРОС: Направление дела Бедия на рассмотрение тройки НКВД Грузии было согласовано с Берия?

ОТВЕТ: Обычно на рассмотрение тройки направлялись дела на рядовых участников антисоветских организаций, остальные же дела на рассмотрение Военной коллегии. Дело Бедия, являвшегося в прошлом ответственным партийным работником, на рассмотрение тройки было направлено по указанию Берия. Направление дел на ответственных партийно-советских работников, вносимых на рассмотрение тройки, согласовывалось с Берия. Указание о подготовке дела Бедия на рассмотрение тройки нам передал Кобулов.

ВОПРОС: Как и каким образом от Бедия были получены признательные показания?

ОТВЕТ: Бедия был арестован мной и Парамоновым 20 октября 1937 года как участник антисоветской организации правых. В течение двух дней он признательных показаний не давал. Тогда по указанию Кобулова, переданному мною работникам, которые специально занимались избиениями, к Бедия были применены меры физического воздействия. После этого, на другой день мною и Парамоновым от Бедия было отобрано собственноручное заявление, которое было адресовано в два адреса — на имя Берия и Гоглидзе; в заявлении Бедия давались показания о его вражеской деятельности и о том, что он знал о подготовке теракта против Берия участниками этой организации. Следуя установившейся в НКВД Грузии «практике», в показаниях Бедия был отражен и эпизод с подготовкой теракта против Берия. Показания о своей вражеской деятельности Бедия дал под влиянием оказываемого на него давления мною и Парамоновым. После доклада нами Кобулову этого заявления Бедия в присутствии меня и Парамонова был вызван на допрос к Кобулову, где подтвердил и конкретизировал данные им показания. Через полтора месяца дело Бедия было закончено и направлено на рассмотрение тройки НКВД Грузии.

Изобличался Бедия как участник антисоветской организации показаниями других арестованных.

ВОПРОС: Кто докладывал дело Бедия на заседании тройки НКВД Грузии?

ОТВЕТ: Это дело на заседании тройки я не докладывал. Обычно такого рода дела докладывал Хазан, он являлся начальником I отделения IV отдела. Хазан принимал участие в подготовке материалов на арест Бедия. Он же составлял справку, предъявленную мне на л.д. 1 арх. дела Бедия, которую подписал Кобулов. Хазан составлял и постановление на арест Бедия.

ВОПРОС: Как вы можете охарактеризовать Хазана?

ОТВЕТ: В 1945 г. я узнал, что Хазан примыкал к троцкистам. Расследование по его делу производилось Влодзимирским. Хазан относился к показаниям арестованных без всякой критики и мог брать показания на участников организации списком. В 1938 году он был арестован за нарушения социалистической законности. При аресте в его сейфе были обнаружены заведенные им дела почти на всех сотрудников НКВД Грузии. Через два-три месяца после ареста Хазан был освобожден, дело о нем прекращено, и он уволен из органов.

ВОПРОС: Почему по делу Бедия не проводились очные ставки с лицами, изобличавшими Бедия в антисоветской деятельности?

ОТВЕТ: Тогда очных ставок не проводилось потому, что мы считали его вину доказанной показаниями других арестованных.

ВОПРОС: В процессе следствия Бедия вам не заявлял о том, что арестован он потому, что принимал участие в составлении книги «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья»?

ОТВЕТ: Таких заявлений Бедия не делал, и о том, что он принимал участие в составлении этой книги, он вообще ничего не говорил.

ВОПРОС: Другие арестованные не давали вам показаний об участии Бедия в составлении этой книги и не ссылались ли при этом на Бедия, как на лицо, сообщившее им это?

ОТВЕТ: Другие арестованные мне об этом ничего не говорили.

ВОПРОС: Вам зачитывается выдержка из заявления от 28.IX.1937 г. арестованного Горделадзе о том, что ему Бедия говорил: «Что его не выдвигают, что он работает, а награды и ордена получают другие, что доклад Берия "Об

истории большевистских организаций в Закавказье" написан чуть ли не его рукой», (л.д. 131 арх. дела Бедия). Аналогичное имеется и в заявлении Панухава (л.д. 265 арх. дела Бедия). С этими заявлениями при расследовании дела Бедия Вы знакомились?

ОТВЕТ: Возможно, что этих заявлений я и не читал, а если и читал, то не придал им значения.

ВОПРОС: Чем вы желаете дополнить свои показания?

ОТВЕТ: Заканчивая свои показания, я прошу отметить, что в той обстановке сомнений в деле Бедия у меня не было. Оценивая работу Берия в Закавказье, и особенно в период 1937—1938 гг. в Грузии, мне сейчас становится очевидным, что Берия в своих преступных целях использовал аппарат НКВД Грузии для расправы с лицами, мешающими ему (Берия расправился с бывшим I секретарем Закавказского краевого комитета ВКП(б) Мамия Орахелашвили, вначале изгнал его из Грузии, а потом в 1936 г. добился его ареста и осуждения), а равно использовал этот аппарат и для создания ему авторитета. Выбитые показания отдельных арестованных о подготовке террористических актов против Берия, широкое обнародование их создавали Берия мнимый авторитет как человеку беспредельно преданному партии и Советскому государству, беспощадно борющемуся с врагами советской власти, и что попытки антисоветских элементов совершить над ним теракт в этой связи казались якобы неслучайными. Это обстоятельство, с одной стороны, и издание от его имени книги «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», автором которой он не являлся, как теперь я узнал, с другой стороны, способствовали и облегчали ему дальнейшее продвижение на руководящие посты.

Показания записаны с моих слов верно и мне прочитаны.

Допрос начат в 12 час. 30 мин. Окончен в 18 час. 15 мин.

Допросил: *пом. главного военного прокурора*
полковник юстиции *ПЛАНКИН*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 18—23. Копия. Машинопись.

№ 62

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Б.З. КОБУЛОВА[1]

11 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 152/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого КОБУЛОВА Богдана Захаровича от 11 августа 1953 года.

Приложение: на 8 листах.

Р. РУДЕНКО

---

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «Документы №№ 138, 137, 146, 152 тов. Хрущев ознакомлен. Д. Суханов 14.VIII.53 г.», «Читал В. Молотов 15.VIII», «Читал К. Ворошилов 15.VIII», «Булганин 15.VIII», «Читал Л. Каганович 7.VIII», «Читал Первухин 17.VIII», «Читал М. Сабуров 18.VIII».

Протокол допроса обвиняемого

Помощник Главного Военного прокурора подполковник юстиции БАЗЕНКО с соблюдением ст.ст. 135—138 УПК РСФСР допросил нижепоименованного

КОБУЛОВА Богдана Захарьевича (сведения в деле есть).

Допрос начат в 19-00 час.

Критически рассмотрев мои взаимоотношения с Берия в свете состоявшегося решения Партии и Правительства о преступных антигосударственных действиях Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала, считаю своим долгом сделать следующее заявление, в котором я остановлюсь на отдельных известных мне фактах, дав им новую, с моей точки зрения, действительную оценку.

I. Берия — карьерист, авантюрист и бонопартист.

Берия я знаю с 1923 года, хотя личное знакомство с ним состоялось в конце 1927 года. Вплоть до 1945 г. я работал в органах ЧК, ГПУ, НКВД, руководимых Берия, причем с 1938 г. работал под его прямым руководством. С 1945 г. в связи с освобождением меня от работы в НКГБ и направлением на работу в Германию до марта 1953 года я с ним связи не имел, за исключением нескольких встреч, а в марте 1953 г. по его предложению был назначен первым заместителем министра внутренних дел СССР, т.е. Министерства, которое возглавлял Берия.

За это время я наблюдал за жизнью и деятельностью Берия и, насколько позволяло мне занимаемое мной положение, подмечал те или иные как положительные, так и отрицательные стороны.

Мне казалось, что отрицательные стороны в характере и работе Берия перекрываются с лихвой положительным в работе, однако жизнь показала, что я ошибался. Получилось наоборот. Все отрицательное в этом человеке не изжилось, а сильно развилось и привело его к борьбе против Советского государства.

Об этих известных мне отрицательных сторонах жизни и деятельности Берия я и хочу заявить.

Карьеристские стремления Берия были мной замечены еще в 1924—25 г.г., когда после подавления меньшевистского восстания в Грузии сперва в органах ЧК, а затем в других организациях появились портреты Берия, тогда еще молодого человека, 25—23 лет, наряду с портретами известных в то время руководителей Партии и Правительства, этот как будто бы мелочный факт скоро дал о себе знать: Берия стал чувствовать себя непревзойденным «божком», прославляемым определенной группой приближенных ему лиц (Киладзе, Саджая, Рапава и др.), игнорировать председателя ЧК и в результате добился того, что в 1927 г. был назначен председателем ГПУ Грузии, зам. председателя Закавказского ГПУ и наркомом внутренних дел республики.

В течение последующих четырех лет в результате карьеристских устремлений Берия было сменено три председателя Закавказского ГПУ, и Берия был назначен председателем Закавказского ГПУ и введен в состав коллегии ОГПУ.

До этого периода Берия поддерживал близкие отношения с тогдашними руководителями партийных организаций Закавказья и Грузии и, в частности, с Серго Орджоникидзе. Однако когда Берия нашел это удобным и возможным, он встал в «принципиальную позу» и стал «разоблачать» этих ра-

ботников, как извращающих линию партии. Конкретно речь идет о 1931 г., когда в результате действительно имевших место перегибов в работе в деревне в районах западной Грузии (Мингрелия и Имеретия) имели место массовые крестьянские волнения и повстанческие выступления.

В этот период И.В. Сталин находился на отдыхе и лечении в Грузии. Воспользовавшись этим обстоятельством, Берия дал указание аппарату ГПУ составить доклад с изложением фактов, подтверждающих нарушения со стороны ЦК КП Грузии политики партии в деревне. Такой доклад был составлен явно тенденциозно с целью дискредитации руководства ВКП(б) Грузии и представлен Берия И.В. Сталину. В результате решением ЦК ВКП(б) от 3/X-1931 г. Берия был назначен первым секретарем ЦК КП Грузии и вторым секретарем Заккрайкома ВКП(б).

Это обстоятельство было широко использовано Берия для своих личных карьеристских целей. На собраниях его называли не иначе как «боевой руководитель большевиков Закавказья и Грузии», «верный ученик И.В. Сталина» и т.п.

Вскоре в результате очередных козней Берия был снят с занимаемой должности и Орахелашвили, а Берия был назначен первым секретарем Закавказского крайкома партии.

Для этого периода характерно отметить, что наряду с упоминанием И.В. Сталина возвеличивалось имя Берия как «именитого сына грузинского народа».

Следует отметить, что имя Серго Орджоникидзе в то время было предано забвению. В этой связи следует остановиться еще на одном факте, свидетельствующем о карьеристских и авантюристических устремлениях Берия. Я имею в виду доклад Берия на Тбилисском партийном активе «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», впоследствии изданный в виде специальной книги Берия.

Насколько мне известно, автором этой книги Берия никогда не был, и книга была написана группой подчиненных ему сотрудников Заккрайкома партии, в том числе Меркуловым и Бедия.

Особого внимания заслуживает вероломство и мстительность, проявленные Берия в отношении некоторых неугодных ему лиц в период массовых репрессий вражеских элементов в 1936—38 г.г., с которыми он расправился, используя этот момент. Я имею в виду дело Папулия Орджоникидзе — брата Серго Орджоникидзе. В Грузии широко было известно, что Папулия Орджоникидзе был человеком болтливым и на организацию какой-либо серьезной вражеской работы он не был способен. Это не могло не быть известным и Берия. Тем не менее, по его указанию Папулия Орджоникидзе был арестован и расстрелян. Этот факт сам по себе наглядно свидетельствует об отношении Берия к Серго Орджоникидзе и далеко идущих замыслах Берия.

В этот период Берия проявил повышенную заинтересованность к следственным делам на арестованных лиц НКВД Грузии и фактически руководил следствием. Почти все аресты производили с санкции Берия. Более того, Берия нередко приходил в НКВД или вызывал арестованных к себе в кабинет в ЦК КП Грузии и производил их допросы. В ряде случаев, допрашивая арестованных, Берия давал указания избивать их в его присутствии. Так, по указанию Берия я лично принимал участие в избиении арестованного Матикашвили, бывшего Наркомзема Грузии, признавшегося Берия в проведении антисоветской работы и намерении убить Берия. Кстати говоря, заслуживает внимания и то обстоятельство, что почти по всем следственным делам, где

речь шла о подготовке и намерении вражеских элементов совершить террористические акты против И.В. Сталина, вслед за ним упоминалось имя Берия, против которого якобы также готовились террористические акты.

Это объясняется прежде всего тем, что в период ежовщины к арестованным широко применялись меры физического воздействия, а также одобрительным отношением Берия к такого рода показаниям. Причем многие такие показания Берия представлял непосредственно И.В. Сталину. Я не помню сейчас конкретных дел на лиц, арестованных по указанию Берия без достаточных оснований из чувства мести, но такие факты имели место.

Так продолжалось до августа 1938 г., когда Берия был назначен первым заместителем наркома внутренних дел СССР.

Перед выездом в Москву Берия позвонил мне и спросил, буду ли я согласен перевестись на работу вне Грузии, если состоится решение соответствующих органов. Я ответил утвердительно, и действительно 13.11.1938 г. я получил извещение о вызове в Москву на должность начальника СПО НКВД СССР.

Во время моей работы в Москве мне также стал известен ряд фактов, свидетельствующих об авантюристической деятельности Берия. Особое внимание из числа этих фактов заслуживает дело на группу арестованных, в числе которых были Слезберг, Белахов и др., по которому Берия, ссылаясь на якобы имевшееся у него указание, путем применения физических мер воздействия, в том числе и с моим вынужденным по его требованию участием, добивался показаний, компрометирующих П.С. Жемчужину.

Несмотря на заключение комиссии А.А. Жданова о том, что следствие по этим делам велось правильно, я должен заявить, что это лишь формальная сторона дела. По существу Берия всячески старался и призывал к этому подчиненных ему работников добиться от арестованных показаний, компрометирующих Жемчужину. Такие показания были получены порочными, недопустимыми методами. Ясно, что компрометацией П.С. Жемчужиной Берия преследовал цель скомпрометировать одного из руководителей Партии и Правительства.

Только для того, чтобы замести следы своей авантюристической работы по этому делу, 18 октября 1941 г. Берия, воспользовавшись сложившейся военно-политической обстановкой в стране, распорядился указанных арестованных расстрелять без суда.

Приведенные мной факты говорят не только о карьеристской и авантюристической деятельности Берия, а также и о его бонапартистских устремлениях, которые при жизни И.В. Сталина он тщательно маскировал и проявил их после его смерти. Об этом будут свидетельствовать также факты, о которых я покажу дальше.

Допрос прерван в 21.50.
Допрос продолжен в 22.30.

II. Вероломство Берия по отношению к И.В. Сталину

При жизни И.В. Сталина Берия никогда не осмеливался, по крайней мере в моем присутствии, высказывать что-либо отрицательное как в отношении его лично, так и проводимой им политики.

После смерти И.В. Сталина вероломство Берия проявилось во всю ширь.

Мне известны следующие конкретные факты. При рассмотрении материалов по делу «О врачах вредителях» Берия заявил: «Хотели уничтожить цвет русской интеллигенции». Это было сказано при чтении рапорта Гог-

лидзе, в котором тот ссылался на полученные им указания о применении к арестованным по этому делу мер физического воздействия. Ясно было, что это высказывание Берия касалось И.В. Сталина. Вскоре Берия обнаглел и такие высказывания стал допускать уже в открытой форме. Так, рассматривая материал проверки по делу о мингрельских националистах, Берия сказал: «Зачем понадобилось зря позорить свой народ, не пойму». Более того, спрашивая Барамия, что побудило его признаться в наличии группы мингрельских националистов, и на ответ последнего, что его следователи нещадно били и требовали признаний, ссылаясь на решение ЦК Партии о принадлежности его к этой группе, Берия заявил ему: «Это не решение ЦК, ЦК об этом не знал. Это персональное решение Сталина».

Припоминаю еще один случай, когда Берия прямо заявил перед освобождением из-под стражи Рапава, что он был арестован Сталиным.

Эти высказывания Берия допускал в циничной форме открыто, не стесняясь присутствовавших.

Некоторые дальнейшие действия Берия, которые известны мне, также подтверждают его вероломство в отношении И.В. Сталина.

Так, например, по докладу начальника управления кадров Обручникова о том, что сотрудники личной охраны И.В. Сталина отказываются ехать работать на периферию. Берия вызвал их к себе и грубо предупредил, что тот, кто не выполнит этого указания, будет арестован и заключен в концлагерь.

По всему чувствовалось, что у Берия в отношении И.В. Сталина сказывается какая-то злоба. Да и не только к нему, но даже его детям. Когда по делу Василия Сталина стало известно, что тот помышляет встретиться с иностранцами и рассказать им о своем положении после разжалования, Берия приказал мне установить оперативную технику также за Светланой. Так как результаты оперативной техники не удовлетворяли Берия, ибо политически компрометирующего Светлану ничего добыто не было, Берия стал нервничать и даже обвинять работников оперативной техники в плохой работе. Почти ежедневно он требовал результаты наблюдения по оперативной технике, и отсутствие этих результатов раздражало его.

На самом же деле желание скомпрометировать Светлану, по моему мнению, вызывалось его мстительностью за то, что Светлана имела какое-то отношение к приему от психически больного Надирашвили заявления об изменнической работе Берия и передаче его И.В. Сталину. А сам часто, к случаю и без необходимости говорил, что «в политике месть не допускается».

В этой же связи заслуживают внимания действия Берия в отношении Поскребышева.

Берия приказал мне также установить наблюдение посредством оперативной техники за Поскребышевым. Вскоре после этого Берия позвонил мне по телефону и, сообщив, что в сводках ТАСС имеются данные в отношении Поскребышева, предложил установить за ним и наружное наблюдение, предупредив при этом, что Поскребышева могут похитить или тайно вывезти иностранные разведки. При этом Берия приказал в случае подозрительного появления Поскребышева на аэродромах или вокзалах немедленно его арестовать. Вслед за этим он прислал мне сводку ТАСС.

Наблюдение за Поскребышевым и оперативная техника ничего компрометирующего не дали, что также вызывало у Берия раздражение.

Некоторое время спустя Берия приказал поднять из архива все материалы в отношении Поскребышева и составить по ним справку. Однако такая

справка его также не удовлетворила, в связи с чем он вызвал начальника I спецотдела Кузнецова и приказал ему тщательно поискать дополнительные материалы. Таких материалов не оказалось. В связи с этим Берия сам лично допрашивал Власика о его преступных связях с Поскребышевым и, не добившись таких показаний, предложил мне допрашивать его по этому поводу, дав мне указание о том, что если Власик будет говорить, как Поскребышев компрометировал его, Берия, перед Сталиным, то не слушать Власика.

Таким образом, я прихожу к заключению, что Берия определенно был настроен против Сталина и после его смерти пытался скомпрометировать не только его ближайшее окружение, но и его самого.

Об этом говорит также и тот факт, что Берия с циничной откровенностью в официальных документах, представляемых в директивные органы по делам «О врачах» и «мингрело-националистической группе», отмечал неправильность тех или иных указаний и решений И.В. Сталина.

Об этом же свидетельствует ряд предложений Берия в директивные органы о пересмотре решений Правительства, принятых при жизни И.В. Сталина (об отмене паспортных ограничений, изменении режима передвижения иностранцев и т.д.).

Вспоминается мне еще одно высказывание Берия в годы Великой Отечественной войны по вопросу об обороне Кавказа. Берия говорил: «Считают, что Кавказ был освобожден от немцев в результате Сталинградской операции». Понятно было, что речь идет о мнении И.В. Сталина. Однако Берия не был согласен с этим и считал, что Кавказская операция имела самостоятельное значение. В этой связи примерно в 1944 г. Берия приказал тогдашнему замнаркома внутренних дел Аполлонову выделить соответствующего военного специалиста и написать историю обороны Кавказа.

Записано с моих слов правильно и мне прочитано.

Б. КОБУЛОВ

Допрос окончен в 2 ч. 10 м. 12/VII-53

ДОПРОСИЛ: *ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ* *БАЗЕНКО*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 43–52. Копия. Машинопись.

№ 63
ЗАЯВЛЕНИЕ Е.К. БАГДАСАРЬЯН О Л.П. БЕРИЯ[1]

12 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 460 к

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Направляю Вам при этом заявление БАГДАСАРЬЯН Евгении Кондратьевны и агентурное донесение о преступных действиях Берия, полученные от МВД Украинской ССР.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
(С. КРУГЛОВ)

---

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «К делу Берия. Доложено. Д. Суханов. 15.VIII.53 г.».

ВО ЛЬВОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МВД
От БАГДАСАРЬЯН Евгении Константиновны,
пенсионерки, прожив. в г. Львове
по ул. Конева в д. № 9, кв.4.

Заявление

Из сообщения ЦК партии и Правительства, я, как и другие граждане Советского Союза, с негодованием и отвращением узнала о злодейских преступлениях врага народа Берия.

Наш народ может быть только благодарен Президиуму ЦК КПСС, обезвредившему этого подлого гада — змею, столько навредившую советским людям. На многие поступки Берия открылись теперь глаза. И я, как простой советский человек, вспоминая слышанное мною раньше о Берия, — чему, однако, по молодости и не будучи достаточно уверена в фактах, не придала своевременно нужного значения, считаю теперь своим долгом сделать следующее заявление.

В 1935 году я со своими родными проживала в г. Тбилиси. В это время происходила какая-то конференция или совещание, на которое съехались видные партийные работники кавказских республик. Берия в то время был секретарем Закавказского крайкома ВКП(б).

Моя сестра — Ася Константиновна БАГДАСАРЬЯН, 1904 г.р., член партии, окончившая с-х Академию им. Тимирязва (в настоящее время проживает также в Тбилиси, работает агрономом — точного адреса не знаю) была тогда замужем за Заместителем Наркома земледелия Грузинской ССР ГУМЕДИНЫМ (ГУМЕДИН — это его партийная фамилия, под которой он работал. Подлинное имя, отчество и фамилия — Гургей Хуранович Дадаян (1902 г.р., урож. г. Зангезура, армянин). Ранее ГУМЕДИН был секретарем ЦК ЛКСМ Армении, потом — третьим секретарем Зак. крайкома ЛКСМ, затем учился в Москве, по возвращении с учебы работал некоторое время в Ленинакане, а после был назначен Зам. Наркома земледелия Грузинской ССР (оттуда перешел на работу в Армению — третьим секретарем ЦК КПА, был и членом ЦИК и, наконец, в 1936 году, стал Наркомом земледелия Армянской ССР). Сестра вышла замуж за него в 1922 году.

Среди приехавших в Тбилиси в 1936 году на конференцию или совещание партийных работников находился секретарь ЦК КП Армении ХАНДЖЯН, которого и я лично знала, так как он, бывало, приходил в гости к ГУМЕДИНУ домой.

Как вдруг разнеслась весть, что ХАНДЖЯНА, который еще накануне, вернувшись, совсем здоровым, часов в 12 ночи в дом Совнаркома Грузинской ССР, где остановился он и другие приезжие руководящие работники, был обнаружен утром мертвым, в окровавленной постели.

По официальной версии, у ХАНДЖЯНА, страдавшего туберкулезом, якобы хлынула кровь из горла, отчего он и умер, а кровь из горла залила постель. Но до этого ХАНДЖЯН чувствовал себя хорошо, врачебный акт о его смерти не был оглашен, останки в закрытом гробу отправили в Армению, где без шума и похоронили, не дав родным увидеть мертвое тело ХАНДЖЯНА.

Об этом тогда у нас в семье был разговор, и взволнованный ГУМЕДИН однажды рассказал нам (т.е. своей жене — моей сестре, мне и нашей матери), что смерть ХАНДЖЯНА — дело рук Берия.

По словам ГУМЕДИНА, ХАНДЖЯН лично ему говорил, что Берия вызывал его к себе и предложил ему, ХАНДЖЯНУ, покончить самоубийством, но ХАНДЖЯН отказался это сделать. Затем видели (кто именно — ГУМЕДИН или другие, не помню), что ХАНДЖЯН сжигал какие-то бумаги. После ХАНДЖЯНА обнаружили мертвым, но по словам ГУМЕДИНА, ХАНДЖЯНА убили люди Берия, а потом лишь нашли ложное объяснение, почему его постель была залита кровью. Сущность беседы и именно такое утверждение ГУМЕДИНА о преступных действиях Берия — я хорошо помню.

Моя сестра — Ася БАГДАСАРЬЯН, которая была членом партии и старше меня, могла бы лучше и больше об этом рассказать.

В 1936 году ГУМЕДИН был назначен Наркомом земледелия Армянской ССР, а в 1937 году он был арестован. Берия был тогда секретарем ЦК КП Грузии, Закавказский крайком был уже расформирован. Говорили в ту пору, якобы ХАНДЖЯН оказал врагом народа, и могила его пришла совсем в запустение. Были арестованы в 1937 году и многие грузинские руководящие работники, близкие к Берия. Не помню уже, кто именно в то время это говорил, но я слышала, что Ежов намеревался арестовать Берия, но тот узнал об этом, звонил по телефону СТАЛИНУ, СТАЛИН вызвал Берия в Москву, после чего Берия там и остался и в 1938 году сумел стать Наркомом внутренних дел СССР вместо Ежова.

С тех пор прошло много лет. О ГУМЕДИНЕ после ареста не было никаких сведений, связи с его семьей я не имела, из памяти многое уплыло, да и никаких веских доказательств для обвинения Берия я лично не имела, и если бы рискнула при положении Берия, то лишь поплатилась бы наверняка сама.

Теперь, все это с новой силой вспомнилось, и я не могу, не имею права больше молчать, когда стали ясны преступления злодея Берия, замыслившего покушаться на счастье нашей Родины, на судьбу советского народа.

Должна также сказать, что и мой муж стал как-то жертвой разжигавшейся Берия на Кавказе национальной розни. Так, в 1940 году, когда мой муж, покойный теперь БАХШЕЦЯН Гурген, член партии с 1925 года, армянин, был зам. зав. горторготделом г. Тбилиси, его вызвал один из секретарей ЦК КП Грузии Сергей Мартынович ИЖХАНОВ, тоже армянин, и говорил, что его «съедают за то, что армяне еще занимают посты в Грузии» и что поэтому он вынужден перевести моего мужа в другое место, что и было потом сделано. Это мне лично рассказывал мой муж.

Проживающая во Львове, по ул. Радищева 12 кв. 1, моя знакомая, армянка Ася ДАВИДЯН, мне как-то также рассказала, что Берия замял дело о преступных действиях диверсии грузинских националистов, пытавшихся взорвать памятник СТАЛИНУ в Ереване.

По словам ДАВИДЯН, дело обстояло так. В Ереване построен очень красивый большой памятник СТАЛИНУ. Проектировал его армянин, и это было гордостью для армян. Грузины хотели соорудить подобный памятник в Тбилиси. Автор ереванского памятника, к которому обратились они за этим, согласился. Но грузины хотели, чтобы на памятнике обязательно была грузинская надпись.

Армянин-автор настаивал, чтобы была армянская подпись. На том разошлись.

И вот однажды был обнаружен большой подкоп — ход подземный к памятнику СТАЛИНА в Ереване, сделанный злоумышленниками, грузински-

ми националистами, которые надумали осуществить гнусную диверсию — взорвать этот любимый народом памятник.

Сейчас везде только и слышишь полные гнева слова о предателе, подлеце Берия.

Приехавшая сегодня из Тбилиси моя родственница по мужу — БАХШЕЦЯН Евгения Багдасаровна, проживающая в Тбилиси, по Михайловскому проспекту, д. № 67, рассказала, что все честные люди, прохожие на улице, возмущаются злодеяниями Берия, проклинают его, говорят, что он имел связь с Ной Жордания — заклятым врагом советского народа, проживающим в Америке, и что много заявлений подают о Берия, также говорят теперь там, что Берия повинен в смерти ХАНДЖЯНА.

Все это я и считаю нужным заявить и уверена, что правда теперь обнаружится, а преступники будут наказаны.

Львов, 17 июля 1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 53–60, 70–71. Копия. Машинопись.

№ 64
ЗАПИСКА ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЦК КПСС ГРОМОВА Н.С. ХРУЩЕВУ ОБ ИТОГАХ ОБСУЖДЕНИЯ ИЮЛЬСКОГО 1953 Г. ПЛЕНУМА ЦК КПСС В ПАРТОРГАНИЗАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНА[1]

3 августа 1953 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н.С.

Представляю Вам записку т.т. Шубина и Трофимова об итогах обсуждения постановления Пленума ЦК КПСС от 7 июля с.г. в партийной организации Азербайджана.

Зав. Отделом партийных, профсоюзных
и комсомольских органов ЦК КПСС ГРОМОВ

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н.С.

Об итогах обсуждения в партийных организациях Азербайджана постановления Пленума ЦК КПСС о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия.

Постановление Пленума ЦК КПСС о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия обсуждено на пленумах всех городских и районных комитетов партии и на закрытых собраниях в первичных партийных организациях КП Азербайджана. При обсуждении этого вопроса коммунисты Азербайджана проявили высокую активность и показали политическую зрелость в оценке фактов, вытекающих из постановления ЦК КПСС. В своих выступлениях они единодушно одобрили как единственно правильные и своевременно принятые Президиумом и Пленумом ЦК КПСС меры по пресечению вражеской деятельности Берия и продемонстрировали несокрушимое единство и сплоченность вокруг Центрального Комитета КПСС.

---

[1] На записке имеется помета о рассылке: «Разослано: т. Маленкову Г.М, т. Молотову В.М., т. Ворошилову К.Е., т. Булганину Н.А., т. Кагановичу Л.М., т. Микояну А.И., т. Сабурову М.З., т. Первухину М.Г., т. Швернику Н.М., т. Пономаренко П.К., т. Кириченко А.И., т. Шкирятову М.Ф., т. Руденко Р.А., т. Круглову С.Н. 5.VIII.53 г.».

Коммунисты, знающие Берия по прежней работе в Баку и Тбилиси, приводили в своих выступлениях и заявлениях дополнительные факты, разоблачающие его как врага партии и народа.

Помощник прокурора республики, член партии т. Сафронов, работавший в ЧК Грузии с 1921 по 1929 год, заявил, что Берия постарался переселить во Францию до сотни человек национал-демократов и федералистов, арестованных за активную деятельность в меньшевистском правительстве Грузии, а в 1927 году, получив постановление особого совещания ОГПУ о выселении из Тбилиси в Сибирь 30 матерых троцкистов — Окуджава, Думбадзе, Цивцивадзе, Яшвили и других, Берия предложил группе работников ЧК, в том числе Кобулову и Сафронову сопровождать этих троцкистов до Москвы, предупредив при этом, чтобы они не препятствовали прогулкам арестованных на станциях. Троцкисты были отправлены в Москву скорым поездом в мягком вагоне и вместо Сибири уехали в Ташкент. Перед посадкой в поезд на ст. Тбилиси троцкисты организовали антисоветский митинг.

Тов. Сафронов сообщил также, что, переехав на работу в ГПУ Азербайджана в 1931 или в 1932 г. и разбирая архивы ЧК Азербайджана, он обнаружил дело об аресте Берия в 1920, в котором была анкета, написанная рукой Берия, и записка Вано Стуруа на имя председателя ЧК Ханбудагова с просьбой освободить Берия из-под ареста.

Это дело т. Сафронов передал бывшему председателю ГПУ Азербайджана Фриновскому, о чем, видимо, знал и т. Багиров, так как в своем заявлении на имя т. Багирова в 1952 году т. Сафронов писал: «Тов. Багиров, пусть хоть один человек, в том числе моя жена и мои родственники в Москве, заявят о том, что я разгласил известную Вам партийную тайну, как государственную тайну, которая известна по словам Берия (т. Сафронов был на приеме у Берия в 1950 году) узкому кругу руководящих партийных работников... Я прошу Вас, т. Багиров, если Вы и Берия в чем-либо сомневаетесь во мне — вызовите меня спросите по любому вопросу, в котором Вы сомневаетесь».

На партийном собрании в МВД Азербайджана член партии т. Мамедов заявил, что в 1930 году в Баку была раскрыта крупная контрреволюционная организация — азербайджанский национальный центр. По этому делу было арестовано 26 человек. Берия в это время был в Баку и помог это дело смазать, националистов осудили к трем годам каждого, а через полтора года освободили из тюрьмы. Далее т. Мамедов сообщил, что, когда Берия был председателем ЧК Грузии, он выпустил из своего кабинета крупного преступника Хадиджа Халила или Халила-Ага (точно фамилию не помнит), который перебежал в Турцию.

Бывший работник МГБ Азербайджана, член партии т. Хентов считает небезучастным Берия в поражении демократического движения в Южном Азербайджане и в ликвидации нашей разведывательной работы в Иране. Тов. Хентов сообщил, что во время Отечественной войны вместе с войсками в Иран было направлено много оперативных работников из Москвы, Азербайджана, Грузии и Армении. Этот аппарат создал широкую разведывательную сеть, однако в период наступления реакции все лица, работавшие в подполье, были раскрыты и влиты в ряды повстанческих отрядов, поэтому после ухода наших сил из Ирана там не осталось ни одной действующей резидентуры. Тов. Хентов считает крайне загадочной гибель руководителя демократического правительства Пишевари, который погиб якобы при автомобильной катас-

трофе, хотя вместе с ним ехал т. Кулиев — нынешний зам. министра МВД Азербайджана, который после этого случая быстро пошел в гору.

На пленумах и партийных собраниях КП Азербайджана коммунисты резко критиковали неискреннее поведение т. Багирова в деле разоблачения вражеской деятельности Берия и порочный, непартийный стиль руководства, насаждавшийся т. Багировым на протяжении длительного времени.

Выступивший на пленуме Артемовского райкома член партии с 1920 года т. Рзаев Б.А., работавший в органах ЧК республики с мая 1921 года, заявил, что знает Берия, Багирова и Сумбатова-Топуридзе как закадычных друзей. «В 1921 году во время чистки партии, — заявил т. Рзаев, — Берия был подвергнут разоблачению, но ему помогли Багиров и Сумбатов-Топуридзе, которого Берия забрал в Москву, а затем послал его к Багирову».

Член пленума Сумгаитского горкома партии т. Абдуллаев сказал: «никто так близко не знал Берия, как т. Багиров, и все же в такой острый политический момент он не помог партии и правительству разоблачить этого подлого врага».

Директор машиностроительного завода т. Вердиев, выступая на пленуме Кишлинского райкома партии, заявил, что т. Багиров постоянно грубил, глушил критику, оторвался от масс и не прислушивался к их голосу, все эти непартийные методы руководства передавались и другим руководящим работникам ЦК и Бакинского горкома.

На закрытом партийном собрании Союза советских писателей Азербайджанской ССР писатели-коммунисты предъявили серьезные политические обвинения т. Багирову и работникам ЦК КП Азербайджана. Писатели Али Велиев, М. Давтян, Мехти Гусейн, С. Рахман, С. Рустам и другие говорили о том, что своими непартийными методами руководства т. Багиров нанес огромный вред азербайджанской литературе. На бюро ЦК писателям не давали свободно выражать мнения, а заставляли только отвечать на вопросы. Качество литературных произведений и художественная ценность их, а также отношение к тому или иному писателю определялись произвольными мнениями т. Багирова, которые он часто менял в зависимости от настроения. Писатель А. Велиев заявил, что т. Багиров, ратуя на словах за дружбу с великим русским народом, на деле всячески старался сеять вражду между руководством Союза писателей СССР в лице т.т. Фадеева и Симонова, с одной стороны, и азербайджанскими писателями, с другой. Писатель Мехти Гусейн говорил, что в своем руководстве азербайджанской литературой т. Багиров был деспотом и клеветником. После появления в «Литературной газете» статьи одного из видных поэтов Азербайджана Самеда Вургуна «Права поэта», в которой он правильно излагал свои взгляды на вопросы социалистического реализма в литературе, т. Багиров заставил группу писателей, помимо их воли, выступить в этой же газете против т. Вургуна и очернить его. Такое же выступление по его требованию было организовано в газете «Известия», направленное против статьи писателя М. Ибрагимова.

Ряд коммунистов высказался о нечестности и неискренности т. Багирова перед партией и требовали проверки некоторых фактов о его партийности и поведении. На пленуме Артемовского райкома член партии т. Сквирский заявил, что т. Багиров неправильно приписал себе дооктябрьский партийный стаж (март 1917 года), так как ему известно, что в 1918 году, уезжая с отрядом Петрова в Астрахань, т. Багиров был беспартийным. Члены КПСС т. Иноземцева А.А. (член партии с 1916 года) и т. Нарчимашвили также

подтверждают, что т. Багиров вступал в партию в г. Астрахани в партячейке «железного полка» в конце 1918 года или в начале 1919 года. Тов. Иноземцева в то время работала в Астраханском горкоме партии, а т. Нарчимашвили служил в «железном полку».

Член партии т. Хентов П.В. сделал следующее заявление: в 1942 году в Баку из Ирана был доставлен крупный шпион из г. Пехлеви Мамед Дадаши. По указанию МГБ СССР следствие по его делу в Баку не велось, и Дадаши был этапирован в Москву, но по пути следования этот преступник при таинственных обстоятельствах исчез. Тов. Хентов утверждает, что т. Багиров родственно связан с Дадаши через бакинских миллионеров Дадашевых. Далее т. Хентов указывает, что в 1937 году с группой лиц, обвиняемых в измене Родине, был арестован Гиндин — родственник Багирова. На него имелись показания и личное признание, несмотря на это из-под ареста он был освобожден, а все остальные лица по этому делу осуждены. В угоду т. Багирову в 1940 году Гиндин составил «хронику жизни и деятельности т. Багирова» в 2 томах, в которой с лакейской слащавостью и прикрасами описываются мельчайшие подробности о т. Багирове: когда и где его избирали в президиум, когда и где он выступал с речами, какие постановления им подписывались и когда кому он посылал телеграммы и о чем и т.п. За свои «старания» этот темный человек продвигался т. Багировым вплоть до секретаря Бакинского горкома партии, а когда уже нельзя стало оставлять в Баку, то устроил его в Москве.

В выступлениях приводились многочисленные факты нарушений т. Багировым партийных принципов подбора кадров, покровительства с его стороны ряду преступных лиц: Сумбатову-Топуридзе, Падарову, Борщеву, Дадашевым и другим; подмены коллегиального руководства голым администрированием; расправы над коммунистами за критику и высказывались подозрения по поводу посещения Баку Деканозовым в декабре 1952 года.

При высокой активности коммунистов прошло партийное собрание МВД Азербайджанской ССР, на котором были вскрыты серьезные недостатки в оперативной деятельности министерства. Почти все выступавшие в прениях обвиняли министра внутренних дел т. Емельянова в подхалимстве и угодничестве т. Багирову, в грубом зажиме критики, попирании прав коммунистов, в защите провалившихся работников и устройстве их на руководящие посты.

На собрании указывалось, что т. Емельянов не занимался прямыми делами министерства и не организовал аппарат на борьбу с врагами народа, а занимался выполнением всевозможных личных поручений т. Багирова. За последние полтора года т. Емельянов и министерство провели 1500 проверок по поручению ЦК и 1800 по поручению обкомов и Бакинского горкома. Тов. Емельянов за это время получил и исполнил 195 личных поручений т. Багирова. На собрании приводились возмутительные факты, когда по поручению т. Багирова весь аппарат одного из отделов министерства в течение двух дней устанавливал: чья свадьба проехала мимо здания ЦК и кто жених и невеста. По заданиям т. Багирова аппарат МГБ организовывал слежку за партийными и советскими работниками и их женами, подслушивал телефонные разговоры и даже шел на провокации. Так, работник МГБ т. Касумов должен был свести секретаря райкома партии т. Наджафова с одной женщиной и через агента сфотографировать эту встречу.

На пленуме Шемахинского райкома партии работник райотдела МВД т. Эйвазов сообщил, что т. Емельянов запрещал начальникам райотделов информировать секретарей райкомов партии о работе органов и советовал

им уклоняться от посещения партийных собраний и заседаний бюро райкомов по мотивам занятости выполнением срочных заданий. В связи с тем, что выступающие предъявили серьезные обвинения т. Емельянову в извращении указаний партии о работе органов МВД и неправильном его поведении, собрание обратилось с просьбой в ЦК КП Азербайджана о необходимости глубокой проверки деятельности министерства.

Посещая районы и колхозы, мы беседовали с рабочими и колхозниками, которые от души благодарны Центральному Комитету КПСС за разоблачение Берия и одобряли решение о снятии т. Багирова с руководящей работы в Азербайджане. В селении Мадраса и в совхозе Шемахинского района колхозники и рабочие совхоза говорили нам, что они еще помнят спровоцированную в 1918 году резню между азербайджанцами и армянами, когда погибло много народа и был сожжен г. Шемаха, к этому вел Берия, но это ему не удалось, и мы благодарны Центральному Комитету партии за проявленную заботу о нас. По поводу Багирова колхозники и рабочие говорят, что он был похож на хана, с ними не разговаривал.

На пленумах и партийных собраниях решение объединенного пленума ЦК КП Азербайджана и Бакинского комитета, а также постановление Президиума ЦК КПСС о т. Багирове встретило всеобщее одобрение.

20 июля вторично был созван объединенный пленум ЦК Компартии Азербайджана и Бакинского горкома, посвященный обсуждению решения Президиума ЦК КПСС от 17 июля «О постановлении объединенного пленума ЦК КП Азербайджана и Бакинского горкома КП Азербайджана с активом». Участники пленума с глубоким удовлетворением встретили сообщение о том, что Президиум ЦК КПСС одобрил постановление объединенного пленума ЦК и Бакинского горкома КП Азербайджана с активом. Объединенный пленум, а также состоявшиеся вслед за ним пленумы райкомов партии показали, что коммунисты Азербайджана с сознанием полной ответственности воспринимают высокую оценку и большое доверие, оказанное Президиумом ЦК КПСС Бакинской и всей Азербайджанской партийной организации. На пленумах и партийных собраниях коммунисты заверили ЦК КПСС, что они оправдают доверие нашей партии и сделают все для успешного претворения в жизнь поставленных перед республикой задач.

Наряду с большим подъемом среди коммунистов и всех трудящихся имелись отдельные разговоры, направленные на дезорганизацию общественного мнения. На второй день после объединенного пленума распространялись слухи, что ЦК КПСС не утвердил постановление пленума о снятии Багирова. После сообщения о пленуме в печати эти слухи рассеялись, но в то же время пошли разговоры о том, что Багиров утвержден министром нефтяной промышленности и что он, как министр, будет влиять на жизнь Бакинской организации.

Сообщая Вам об изложенных фактах, считали бы необходимым поручить соответствующим органам провести проверку поступивших дополнительных материалов о преступных действиях Берия, а также поручить КПК при ЦК КПСС проверить правильность указываемого т. Багировым партийного стажа.

Зав. сектором Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Н. ШУБИН
Инспектор ЦК КПСС А. ТРОФИМОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 74–81. Копия. Машинопись.

№ 65
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ ОТ 14 АВГУСТА 1953 Г.

14 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 163/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 14 августа 1953 года.

Приложение: на 7 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса

1953 года, августа 14 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Допрос начат в 22 часа 10 мин.

ВОПРОС: На допросах 20, 23 и 31 июля с.г. вы отрицали свое участие в фальсификации дел в отношении разоблачавших вас и неугодных вам лиц, обвиняя их в контрреволюционных преступлениях, а также заявляли, что вы не знали о применении к ним во время следствия, в частности к Кедрову, Голубеву, Белахову, Слезберг, Бедия, Кедрову, Папулия Орджоникидзе и другим, мер физического принуждения.

Вы и сейчас это отрицаете?

ОТВЕТ: Да, отрицаю.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Мешика от 8.VIII с.г.

«Мне известен один случай применения мер физического воздействия по отношению к Голубеву. Это было в Сухановской тюрьме. Его вызвал к себе на допрос Берия.

В кабинете находились: Берия и кто-то из сотрудников. Я вошел в кабинет вместе с Голубевым. Берия задал Голубеву несколько вопросов, содержание которых я не помню. Что Голубев ответил, я также не помню. Затем Берия сделал знак находившемуся позади Голубева сотруднику (кажется, Шкурину), и тот сзади сильно ударил Голубева рукой по лицу. Голубев от удара упал со стула, и его сразу после этого Берия отправил назад в камеру

...Естественно, что сейчас, когда я на следствии узнал, что Кедров М.С. был расстрелян вопреки оправдательному приговору суда, я теперь полагаю, что факты, изложенные в документах Кедрова М.С. и заявлении Кедрова И.М. и Голубева, серьезно компрометировали Берия, и факт расправы с Кедровым М.С. несомненно является преступлением...».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Я отрицаю это. Мешик показывает неправильно.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Кобулова Б. от 4 августа.

«...Я нанес Белахову несколько ударов по указанию Берия в его кабинете... дело Белахова расследовалось с грубыми нарушениями законов. Независимо от того, кто допускал эти нарушения и в какой мере, я, как бывший начальник следственной части НКВД СССР, признаю свою долю ответственности за эти нарушения и свое вынужденное участие в деле Белахова осуждаю.

Я также считаю необходимым заявить, что Белахов необоснованно был расстрелян на основании письма Берия от 18.X.1941 года, тем более, что он находился вне Москвы, т.е. района угрозы вторжения противника. Все это, как я уже ранее показал, также относится к делу Кедрова М. и Слезберг».

Что вы можете сказать?

ОТВЕТ: Отрицаю показания Кобулова Б., Белахова я допрашиал в присутствии Кобулова или других сотрудников, но я не давал указаний избивать, и Кабулов при мне не избивал Белахова.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Кобулова Богдана от 11 августа 1953 года. «...Особого внимания заслуживает вероломство и мстительность, проявленные Берия в отношении некоторых неугодных ему лиц в период массовых репрессий вражеских элементов в 1936—1938 г.г., с которыми он расправился, используя этот момент. Я имею в виду дело Папулия Орджоникидзе — брата Серго Орджоникидзе. В Грузии широко известно, что Папулия Орджоникидзе был человеком болтливым, и на организацию какой-либо серьезной вражеской работы он не был способен. Это не могло не быть известным и Берия. Тем не менее, по его указанию Папулия Орджоникидзе был арестован и расстрелян. Этот факт сам по себе наглядно свидетельствует об отношении Берия к Серго Орджоникидзе и далеко идущих замыслах Берия.

В этот период Берия проявил повышенную заинтересованность к следственным делам на арестованных лиц НКВД Грузии и фактически руководил следствием. Почти все аресты производились с санкции Берия.

Более того, Берия нередко приходил в НКВД или вызывал арестованных к себе в кабинет в ЦК КП Грузии и производил их допросы. В ряде случаев, допрашивая арестованных, Берия давал указание избивать их в его присутствии. Так, по указанию Берия я лично принимал участие в избиении арестованного Матикашвили, бывшего Наркомзема Грузии, признавшегося Берия в проведении антисоветской работы и намерении убить Берия.

...Во время моей работы в Москве мне также стал известен ряд фактов, свидетельствующих об авантюристической деятельности Берия. Особое внимание из числа этих фактов заслуживает дело на группу арестованных, в числе которых были Слезберг, Белахов и др., по которому Берия, ссылаясь на якобы имевшиеся у него указания, путем применения физических мер воздействия, в том числе и с моим вынужденным по его требованию участием, добивался показаний, компрометирующих П.С. Жемчужину.

Такие показания были получены порочными, недопустимыми методами. Ясно, что компрометацией П.С. Жемчужиной Берия преследовал цель скомпрометировать одного из руководителей Партии и Правительства.

Только для того чтобы замести следы своей авантюристической работы по этому делу, 18 октября 1941 года Берия, воспользовавшись сложившейся военно-политической обстановкой в стране, распорядился указанных арестованных расстрелять без суда.

Приведенные мной факты говорят не только о карьеристской и авантюристической деятельности Берия, а также и о его бонапартистских устремлениях...».

Вы и сейчас будете отрицать факты, изложенные в этих показаниях?

ОТВЕТ: В таком изложении, как показывает Кобулов Богдан, это неправильно. Я признаю, что было два случая вызова, поправляюсь — три случая вызова в ЦК КП Грузии ко мне арестованных для проведения очных ставок

с лицами, не арестованными. При этом присутствовали и другие секретари ЦК партии Грузии. Случаев избиения арестованных у меня в кабинете в ЦК не было. Я признаю, что несколько раз, примерно 5—6, я присутствовал на допросах арестованных в НКВД Грузии. При мне были случаи — один или два — избиения арестованных с моего согласия.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Гоглидзе от 14 августа с.г. «...Будучи секретарем ЦК КП Грузии, Берия систематически давал указания НКВД Грузии, и в частности мне, по вопросам арестов отдельных лиц, как в связи с возникшими материалами на них в НКВД, так и по своей инициативе без всяких наших материалов...

...В первой половине 1937 года Берия, возвратившись из Москвы, где наверняка видался с Ежовым, предложил мне вызвать в ЦК КП Грузии на совещание всех начальников районных, областных НКВД и наркомов автономных республик. О характере совещания Берия мне предварительно не говорил. Когда все прибыли, Берия собрал нас в здании ЦК и выступил перед собравшимися с докладом.

В своем выступлении Берия указал, что в стране ведется борьба с врагами, которые тормозят развитие индустриализации страны, ведут подрывную работу в сельском хозяйстве и промышленности, подготавливают террористические акты против руководителей партии и правительства, совершают диверсии и занимаются шпионажем. Берия тогда указал, что органы НКВД Грузии в этом направлении работают плохо, и потребовал перестройки в работе. Далее Берия заявил, что если арестованные не дают нужных показаний, их нужно бить. С этого момента в Грузии началось избиение арестованных и стали появляться показания на большие группы лиц. Поскольку Берия дал общую установку на избиение арестованных, естественно, увеличились аресты не только действительных врагов, на которых имелись агентурные материалы в НКВД, но и, главным образом, лиц, «проходивших» по показаниям арестованных...

...Пока Берия находился на посту секретаря ЦК КП Грузии, он неоднократно присутствовал на допросах арестованных и некоторых из них в его присутствии избивали...».

ВОПРОС: Вы признаете это?

ОТВЕТ: Действительно я проводил такое совещание (с участием не более 10 человек) после приезда из Москвы и полученных указаний в ЦК партии об усилении борьбы с вражескими элементами, в частности троцкистами и правыми. Не помню, встречался ли я в Москве с Ежовым или нет. Утверждаю, что установок на этом совещании — избивать арестованных — я не давал.

ВОПРОС: Вы говорите неправду, что не давали указаний избивать арестованных, вы не только давали такие указания, но в вашем присутствии их избивали. Так это?

ОТВЕТ: Это было позже, когда эта система была введена Ежовым.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Савицкого от 8 августа с.г.

«Берия, будучи секретарем ЦК КП(б) Грузии, непосредственно и практически руководил следствием в НКВД Грузии. С целью раздутия своего авторитета и преувеличения своих мнимых заслуг перед Партией и государством в строительстве Грузии, Берия как лично, так и через Гоглидзе, Кобулова давал указания допрашивать лиц, арестованных по подозрению в принадлежности к правотроцкистскому и националистическому подполью в направлении организации и подготовки против него теракта. Добытые сле-

дователями показания о террористической деятельности против Берия всячески поощрялись. Это приводило к тому, что все следователи стремились добиться у арестованных таких показаний. В результате, по всем делам, где шла речь о подготовке террористических актов, указывалось и о подготовке теракта лично против Берия. Эта установка на получение показаний у арестованных о подготовке терактов против Берия исходила от самого Берия... Берия был полностью в курсе всех следственных мероприятий, проводившихся НКВД Грузии, и ему докладывались, главным образом, Кобуловым, почти все показания лиц...

На бланках служебной записки ЦК КП(б) Грузии Берия писал фамилии лиц, которые должны быть арестованы. Лично сам я видел служебные записки Берия с таким текстом: "Арестовать такого-то и крепко допросить". Слово "крепко" было подчеркнуто...

Созданная Берия обстановка в 1937 году позволяла ему, Гоглидзе, Кобулову арестовать любое неугодное им лицо и расправиться с ним путем получения на него нескольких показаний от других арестованных при помощи их избиений. И она в то же время обеспечивала сохранность людей, преданных Берия...

Об аресте Бедия Берия не только знал, но он, Бедия, был арестован по его указанию. Бедия до ареста работал редактором газеты "Коммунист", и без санкции Берия Бедия арестован быть не мог...

...Дело Бедия, являвшегося в прошлом ответственным партийным работником, на рассмотрение тройки было направлено по указанию Берия. ...Бедия был арестован мной и Парамоновым 20 октября 1937 года как участник антисоветской организации правых. В течение двух дней он признательных показаний не давал. Тогда по указанию Кобулова, переданному мною работникам, которые специально занимались избиениями, к Бедия были применены меры физического воздействия. После этого, на другой день мною и Парамоновым от Бедия было отобрано собственноручное заявление, которое было адресовано в два адреса — на имя Берия и Гоглидзе; в заявлении Бедия давались показания о его вражеской деятельности и о том, что он знал о подготовке теракта против Берия участниками этой организации. Следуя установившейся в НКВД Грузии "практике", в показаниях Бедия был отражен и эпизод с подготовкой теракта против Берия...

Выбитые показания отдельных арестованных о подготовке террористических актов против Берия, широкое обнародование их, создавали Берия мнимый авторитет как человеку, беспредельно преданному Партии и Советскому государству...».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Я это категорически отвергаю. Он говорит неправду,

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Мамулова от 12.VIII.1953 года:

«Берия не только давал указания об избиениях арестованных, но и присутствовал при избиениях в своем кабинете. По этому вопросу я был свидетелем фактов, имевших место в 1939 и 1940 г.г. В приемной Берия в письменном столе, в правой тумбочке, в ящике хранились завернутыми в газеты резиновые палки и другие какие-то предметы для избиений. Иногда Кобулов Богдан, Влодзимирский и другие заводили в кабинет Берия в присутствии последнего арестованного и уносили туда принадлежности для избиений. Через несколько времени в приемной были слышны вопли и крики арестованного, подвергавшегося избиению...».

Теперь вы дадите правдивые показания и расскажете следствию как вы расправлялись с неугодными и осмелившимися на вас писать лицами, превращая их методами физического насилия в контрреволюционеров и уничтожая их?

ОТВЕТ: Мамулов ошибается. Его я считаю и считал честным и порядочным человеком.

У меня в кабинете никого не избивали, но вообще в 1939—1940 г.г. в бытность мою Наркомом внутренних дел избивали арестованных и имели место факты, когда избиения были в моем присутствии.

Я заявляю, что ни с одним неугодным мне лицом я не расправлялся.

Протокол прочитал, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен 15 августа 1953 года в 0 ч.10 м.

Л. БЕРИЯ

ДОПРОСИЛ:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

Присутствовал при допросе и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 158—165. Копия. Машинопись.

№ 66

ЗАПИСКА Р. РУДЕНКО Г.М. МАЛЕНКОВУ О ПОКАЗАНИИ С.Л. БЕРИЯ

15 августа 1953 г.

Совершенно секретно

164/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

В протоколе допроса БЕРИЯ Сергея Лаврентьевича от 13.VIII-1953 года характерно следующее его показание:

«Я вспомнил два высказывания Берия Л.П., которые характеризуют его как авантюриста. В конце 1952 года по возвращении из командировки я в числе других работников был в кабинете у Берия Л.П. в Кремле. Во время обсуждения одного из вопросов стала обсуждаться одна кандидатура, и в процессе обсуждения кто-то сказал, что этот человек (чья кандидатура обсуждалась) работает не за страх, а за совесть. Берия Л.П. серьезно заметил, что "нет людей, работающих за совесть, все работают только за страх". Меня это высказывание Берия Л.П. настолько поразило, что я на том же совещании сказал ему: "Как же так, ведь советские люди работают из-за убеждений, из-за совести". На это Берия Л.П. мне сказал, что я не знаю жизни.

В 1953 году, месяц не помню, но было это до награждения работников КБ-1, в кабинете Берия Л.П. был совещание, на котором был я, Владимирский, Щукин и другие. На совещании обсуждался какой-то этап нашей работы, и во время обсуждения Берия Л.П. сказал, примерно, следующее: авантюрой является то, что не подготовлено. Если подготовить любое дело, то оно из авантюры переходит в реальность. Подробно его высказывание я привести не могу, но смысл именно был такой».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 166. Копия. Машинопись.

№ 67

СПРАВКА НА Н.И. ЭЙТИНГОНА[1]

17 августа 1953 г.

Совершенно секретно

170/ссов

Товарищу Маленкову

Представляя справку на Эйтингона Наума Исаковича, прошу Вашей санкции на арест Эйтингона.

Приложение: на 2 листах.

Р. РУДЕНКО

Справка

ЭЙТИНГОН Наум Исаакович, 1899 года рождения, уроженец гор. Могилева, образование высшее, генерал-майор, бывший заместитель начальника бюро № 1 МГБ СССР, по национальности еврей.

Материалами следствия ЭЙТИНГОН характеризуется как один из приближенных Берия, к которому последний все время проявлял особое внимание.

ЭЙТИНГОН был арестован в октябре 1951 года по обвинению в том, что в силу своих антисоветских убеждений он вступил «в преступную связь с особо опасными преступниками и, действуя заодно с ними, проводил вражескую работу против ВКП(б) и Советского государства».

После назначения Берия на должность министра внутренних дел СССР, он сразу же стал проявлять особый интерес к делу ЭЙТИНГОНА и принял меры к прекращению этого дела, хотя материалами были доказаны буржуазно-националистические высказывания со стороны ЭЙТИНГОНА.

Арестованный соучастник Берия — Гоглидзе показал:

«...Берия спросил, где находится Эйтингон. Я ему ответил, что он в тюремной больнице в Лефортово по поводу язвы желудка, но поправится ли он, мне неизвестно.

Берия тут же дал мне указание поехать в тюрьму, выяснить состояние здоровья Эйтингона, дать распоряжение администрации тюрьмы улучшить питание Эйтингона, вызвать его и сообщить ему, что им интересуется Берия. Помню, что перед тем, как дать мне указание поехать в тюрьму к Эйтингону, Берия заметил, что посадили Эйтингона в тюрьму, а он сделал большое дело для страны. Это свое замечание Берия не комментировал, но я понял, что речь идет о его закордонной работе.

Получив приказание от Берия, я поехал в тюрьму и выполнил все, что мне поручил Берия».

9 марта 1953 года уголовное дело в отношении ЭЙТИНГОНА было прекращено постановлением, вынесенным Мешиком и Ивановым и утвержденным Берия. В постановлении указано, что в действиях ЭЙТИНГОНА якобы отсутствует состав преступления, в связи с чем он подлежит немедленному освобождению из-под стражи и «полной реабилитации».

После освобождения ЭЙТИНГОНА Берия проявил особый интерес к материально-бытовому устройству Эйтингона. По распоряжению Берия ЭЙТИНГОНУ было выплачено 35 тысяч рублей.

---

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «Доложено. Д. Суханов. 20.VIII.53 г.».

Учитывая характер связей ЭЙТИНГОНА с Берия и, в частности, что по заданию Берия ЭЙТИНГОН осуществлял связи с троцкистами и представителями других враждебных партий за рубежом, считаю, что ЭЙТИНГОН подлежит аресту.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОЮЗА СССР
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК
ЮСТИЦИИ Р. РУДЕНКО

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 167—169. Копия. Машинопись.

№ 68
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

17 августа 1953 г.

Совершенно секретно

171/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Л.П. от 17 августа 1953 года.
Приложение: на 11 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса

1953 года, августа 17 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный Государственный Советник Юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Допрос начат в 14 час. 10 мин.

ВОПРОС: На допросе 14 августа с.г. вам приводились выдержки из показаний Мешика, Кобулова, Гоглидзе, Савицкого и Меркулова, изобличавших вас в фальсификации контрреволюционных дел с применением мер физического воздействия.

Сейчас вам оглашается показание б. начальника следственной части по особо важным делам Министерства Влодзимирского:

«Я знаю о том, что на допросе у Берия имел место факт избиения арестованного Ушакова, который имел место при мне. По указанию Берия в 1939 году секретарь наркома вызвал меня в кабинет Берия, у которого я застал б. сотрудника НКВД арестованного Ушакова. Когда я вошел в кабинет, Берия мне сказал, показывая на Ушакова, "побейте его". Я несколько раз ударил Ушакова по лицу. После этого Берия спросил у Ушакова: "Ну теперь будете рассказывать", Ушаков ответил: "Я все расскажу и ничего скрывать не буду". Тогда Берия, обратившись ко мне, сказал: "можете идти"...»

Вы подтверждаете это?

---

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «Документы №№ 163, 164, 171. т. Хрущев ознакомлен. Д. Суханов», «Читал В. Молотов 18.VIII», «Читал К. Ворошилов 19.VIII», «Булганин 19.VIII», «Л. Каганович 21.VIII», «Микоян 21.VIII», «М. Сабуров 22.VIII-53», «Первухин 24.VIII».

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания б. начальника вашей охраны, а в прошлом начальника внутренней тюрьмы в Грузии Надарая:

«...Работая начальником внутренней тюрьмы на протяжении почти трех лет, я сам был свидетелем массовых случаев избиения арестованных, содержавшихся в тюрьме. Мне известно, что арестованных избивали систематически и очень жестоко. Избивали арестованных с санкции Гоглидзе и Кобулова Богдана. Знал об избиениях арестованных и Берия, который тогда был секретарем ЦК Грузии. Причем Берия постоянно сам приезжал в МВД и допрашивал арестованных в кабинете Кобулова.

Часто арестованных водили к нему на допросы в здание ЦК.

В тюрьме арестованных избивали ремнями, веревками и палками. При избиениях над арестованными издевались. Арестованных ставили на несколько суток в угол. По нескольку суток заставляли стоять с тяжелым грузом до тех пор, пока арестованный, изнемогая, падал...

Нередко арестованных избивали до того, что они потом умирали. Причем таких арестованных перед смертью увозили в общую тюрьму.

Избивали арестованных до того, что их крики были слышны на улице...

Среди сотрудников были разговоры и я это сам слышал, что Берия, Кобулов, Гоглидзе, Савицкий, Хазан и Кримян много расстреляли неугодных им людей незаконно, избивая арестованных и фабрикуя дела...».

Правильно показывает Надарая?

ОТВЕТ: По существу показаний Надарая ничего не могу сказать. Что же касается моего личного участия, о котором показывает Надарая, то ранее я уже дал показания и к ним ничего не имею дополнить.

ВОПРОС: Признаете ли вы в результате приведенных на следствии ряда доказательств, что вами грубейшим образом попиралась социалистическая законность, фабриковались и фальсифицировались дела?

ОТВЕТ: Не признаю. Считаю, что применяемые в 1937 и 1938 годах методы избиения заключенных являлись грубейшим извращением социалистической законности и что по отдельным делам, о которых я показал ранее, я также принял участие в извращениях социалистической законности.

ВОПРОС: Знаете ли вы Тер-Саркисова Гайка Моисеевича?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания свидетеля Тер-Саркисова, члена КПСС с 1917 года, находившегося в 1919 году на подпольной работе в Баку:

«...По существу в то время в Баку, да и не только в Баку, а во всех Закавказских республиках хозяйничали англичане, муссаватисты же были марионеткой в руках англичан. Муссаватистская контрразведка находилась полностью в руках англичан и работала в их интересах по вылавливанию и уничтожению коммунистов и им сочувствующих. Вот в этот период времени я и встретил Берия Л.П. в муссаватистской контрразведке — он там работал и называл себя зам. начальника контрразведки...

...В 1919 году я работал политкомиссаром особого отряда продармии в г. Киеве. В середине сентября, примерно, меня вызвали в Москву, где в ЦК партии тов. Стасова объявила мне, что я должен ехать на Кавказ для подпольной работы...

...Вместе со мною в распоряжение подпольного крайкома в Баку из Москвы выехало 25—28 человек. На станции в Баку нас неожиданно арестовали. Всего было арестовано 14 или 15 человек, причем арестовывали работники

жандармерии, которые через некоторое время направили нас в контрразведку; она помещалась на набережной Губанова. Ночью этого же дня нас поочередно стали вызывать на допрос. Меня вызвали днем на следующий день, допрашивал меня Берия (как я узнал впоследствии), который был одет в форму муссаватистской разведки с погонами, и называл он себя заместителем начальника контрразведки. Допрос заключался в том, чтобы установить кто я...

...Перед освобождением Берия вызвал нас и очень грубо предложил в течение 24 часов оставить Азербайджан...».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Отрицаю это показание.

ВОПРОС: Вам оглашается показание члена КПСС с 1915 года Предита Мартина Андреевича:

«...По явке, которую мы успели получить в Баку у Кваталиани, я в Тбилиси встретился с Канделаки, который мне рассказал, что после того, как его в Баку задержал агент муссаватистской и английской контрразведки по имени Берия, он дал ему крупную взятку и был им освобожден и бежал в Грузию. Канделаки в 1920 году рассказывал об этом и другим нашим товарищам.

В 1921 году Канделаки работал секретарем Тбилисского комитета партии...».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Отрицаю и заявляю, что Канделаки сам присутствовал в 1920 году при разборе обо мне вопроса на бюро ЦК Азербайджана. Он тогда был заведующим отделом ЦК. Предита я не помню.

ВОПРОС: Вспомните, что вы вызывали Предита в ЧК Грузии в связи с заявлением Предита о вашей службе в контрразведке?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Предита.

«...Я написал заявление о службе Берия в Баку в муссаватистской контрразведке в 1919 году и о задержании им нашего подпольщика Канделаки...

...Мое заявление попало в руки к Берия, и он вызывал меня к себе. Во время нашего разговора, в присутствии Новицкого, Берия признал, что он работал в 1919 году в Баку в муссаватистской контрразведке...

...Через несколько дней Новицкий мне предложил написать рапорт об уходе из органов ОГПУ».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Никогда Предита по заявлению его не вызывал и этого его заявления не видел.

ВОПРОС: Вы знаете Гвиндадзе?

ОТВЕТ: Я его не знаю.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания члена КПСС с 1917 года Гвинцадзе:

«...На третий день после моего ареста меня вызвали к следователю на допрос, время было первый час ночи. Фамилии следователя я не знаю, но помню, он был в чине околодочного, нечто вроде помощника пристава. На допросе я был сильно избит. Когда меня вывели из комнаты следователя после допроса, я в коридоре увидел стоящим Берия Лаврентия Павловича, который держался свободно и с кем-то разговаривал...».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Не признаю. Я не участвовал в избиениях арестованных, и при мне никого не избивали.

ВОПРОС: Вы знаете Меликова Ису Меликовича?

ОТВЕТ: Знаю, он тоже работал в тот период, когда я работал в муссаватистской контрразведке.

ВОПРОС: Вы подтверждаете следующие его показания:

«...Я вскоре после этого разговора поступил на службу в муссаватистскую контрразведку на должность агента. В контрразведке я прослужил до конца 1919 года, а затем был оттуда уволен за учиненный мною в пьяном виде дебош в помещении контрразведки...

...Основной задачей муссаватистской контрразведки была борьба с большевистским подпольем и рабочими организациями...

...Вместе со мной в тот период в муссаватистской контрразведке служили: Берия Л.П., Али Байрамов, Касум Измайлов, Крылов, Казым Ризаев, Лысков, Миртафах Мусави и другие лица, фамилии которых не помню. Начальником контрразведки был Нагибег Шихзаманов...

...Насколько мне известно, Берия Л.П. в левом крыле партии Гуммет не состоял. В разговорах с ним в период совместной службы в муссаватистской контрразведке он отрицал свою принадлежность к партии Гуммет, ее левому крылу, а также отрицал свою принадлежность к большевистской партии...».

ОТВЕТ: Я подтверждаю, что Меликов в своих показаниях правильно называет лиц, которые сотрудничали в муссаватистской контрразведке. Я отрицаю его показания в той части, где он говорит, что якобы я отрицал свою принадлежность к большевистской партии. Я знал Меликова как сочувствующего большевистской партии.

ВОПРОС: Где сейчас Шихзаманов, бывший начальник муссаватистской контрразведки?

ОТВЕТ: Я не знаю, где он сейчас.

ВОПРОС: Вы, работая в ЧК Азербайджана, интересовались, где Шихзаманов?

ОТВЕТ: Тогда было известно, что он в первые дни установления советской власти эмигрировал в Иран. ЧК Азербайджана и я лично интересовались эмигрировавшими за границу антисоветчиками, в том числе и Шихзамановым.

ВОПРОС: Вы знаете сестру Шихзаманова?

ОТВЕТ: В связи с чем-то кто-то из родственников Шихзаманова, не помню кто, обращался с заявлением в ЧК, а по какому вопросу сейчас не помню. Не помню также, был ли кто из родственников Шихзаманова у меня на приеме.

ВОПРОС: Вы арестовывались ЧК Азербайджана в 1920 году?

ОТВЕТ: Был задержан на несколько часов.

ВОПРОС: При каких обстоятельствах, кем и за что вы были задержаны, и кто вел расследование по вашему делу?

ОТВЕТ: Я был задержан в средине 1920 года у себя дома сотрудником ЧК Азербайджана. При задержании у меня был произведен обыск, и я был из дома доставлен ночью в ЧК. Просидев в ЧК примерно до 11—12 часов дня, был вызван в кабинет председателя ЧК Азербайджана Баба Алиева, где также присутствовал и его заместитель Кавторадзе. Мне Баба Алиев сказал, что произошло недоразумение, вы свободны, можете сесть в машину и ехать домой. От машины я отказался и ушел домой. Мне были возвращены мои бумаги, которые были изъяты во время обыска.

Никто меня не допрашивал и ничего мне не говорили о причинах моего задержания.

ВОПРОС: И вы лично не интересовались, почему вас задержали?

ОТВЕТ: Нет, я не спрашивал и сейчас не знаю причин моего задержания.

ВОПРОС: Какие документы вы заполняли лично при задержании, в частности была ли вами заполнена анкета?

ОТВЕТ: Не помню, может быть, и заполнял.

ВОПРОС: Имели ли вы тогда документ, устанавливающий вашу партийную принадлежность?

ОТВЕТ: Никакого документа, устанавливающего мою партийность, у меня не было.

ВОПРОС: Как была вами заполнена графа в анкете о партийности?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Кто ходатайствовал о вашем освобождении из-под ареста?

ОТВЕТ: Впоследствии мне стало известно, что ходатайствовал Стуруа Георгий. Он тогда был секретарем ЦК Азербайджана, и ранее он меня знал примерно с 1918 года по Баку и Тбилиси.

ВОПРОС: Почему вы в анкетах, которые имеются в вашем личном деле, автобиографиях скрывали тот факт, что в 1920 году были арестованы ЧК Азербайджана?

ОТВЕТ: Поскольку мне при освобождении объявили, что это недоразумение, содержался я под арестом несколько часов, поэтому я не указывал об этом ни в анкете, ни в автобиографиях. Считаю, что поступил неправильно.

ВОПРОС: Знаете ли вы Сафронова Николая Федоровича, в прошлом работника ЧК и работника прокуратуры Азербайджанской ССР в настоящем?

ОТВЕТ: Знаю как работника ЧК.

ВОПРОС: В связи с каким вопросом вы принимали Сафронова в служебном кабинете Совета Министров СССР в 1950 году?

ОТВЕТ: Не помню, в каком месяце 1950 года ко мне несколько раз с заявлениями о личном приеме обращался Сафронов. Сначала я поручал Людвигову, чтобы он его принял, но Сафронов настаивал на личном приеме. В связи с этим я принял Сафронова, и он мне рассказал о следующем: когда он работал начальником учетно-регистрационного отдела ГПУ Азербайджана, то в архивных материалах за 1920 год он обнаружил дело о моем задержании в 1920 году. Сафронов высказался — удобно ли, чтобы эти материалы хранились в архиве и что он кому-то говорил, чтобы мне об этом сообщили. Я ответил Сафронову, чтобы он не беспокоился, что эти материалы хранятся в архиве, и почему они не должны храниться в архиве. Затем Сафронов перешел к другим вопросам, личным, в связи с его работой в суде или прокуратуре Азербайджана и просил моей помощи. У меня создалось такое впечатление, что Сафронов хотел решить личные вопросы и использовал архивный материал как повод.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из заявления Сафронова:

«На следующий вечер, часов в десять вечера, раздается звонок с квартиры моей сестры и, когда я поднял трубку, услышал голос Берия. — "Говорит Берия. Вы по какому вопросу хотите попасть ко мне на прием?" Я, признаться, стушевался и не знал, что ему ответить, но, придя в себя, я сказал ему, что по телефону сказать не могу. Тогда он меня спрашивает — "что в комнате, откуда вы говорите, кто-нибудь есть посторонние лица?" Я ответил снова, что по телефону я сказать не могу. Тогда он настойчиво потребовал сказать мне, и я ему выпалил, что хочу говорить о 1919 годе. Зная привычку его передразнивать, он тут же повторил: "О каком 1919 годе", но видимо спохватился, так как в его кабинете присутствовал докладывавший ему мою записку Людвигов.

Опомнившись, что он допустил оплошность, но чтобы Людвигов не подозревал в чем-нибудь, он мне приказал написать обо всем и передать лично Людвигову...

...Затем, видимо, вспомнив о 1919 годе, он тут же распорядился личному секретарю Муханову позвонить мне...

7.XII.1950 года Муханов позвонил и сказал мне, что Берия примет меня 18.XII.1950 года в 10 или 11 часов вечера в Кремле в своем кабинете.

На следующий день, в условленное время я пришел в комендатуру у Спасских ворот и получил пропуск на прием к Берия. Несмотря на то, что в приемной Берия было два генерала и несколько ответственных работников, я был ровно через 10 минут принят...».

Скажите, что вас так волновало, что одно напоминание о 1919 годе заставило вас срочно и вне очереди принять Сафронова?

ОТВЕТ: Я подтверждаю, что был у меня по телефону разговор с Сафроновым, но о 1919 годе он ничего не говорил. Он принимался мною в порядке очереди.

ВОПРОС: Вы интересовались у Сафронова тем, остались ли какие-нибудь следы в архиве, относящиеся к вашему аресту в1920 году?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Вам оглашается выписка из заявления Сафронова: «Он спросил меня, осталось ли что-либо в архиве. Я ему ответил, что, возможно, и осталось, но другие найти не смогут, так как не знают, где искать, но случайно могут наткнуться».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: А не потому ли вы приняли Сафронова, что боялись его, как знавшего об архивных документах, связанных с арестом в 1920 году, о чем вы все время скрывали?

ОТВЕТ: Я не боялся Сафронова и не мог бояться, так как эти материалы находились в архиве ЧК, хотя об этом в ЦК КПСС и не было известно. Я об этом не писал в ЦК.

После приема, через некоторый промежуток времени, Сафронов вторично добивался у меня приема, но я ему отказал.

ВОПРОС: Вы сознательно укрывали и этот факт вашего ареста в 1920 году органами ЧК, так же как на протяжении всего времени вы укрывали и маскировали свои антисоветские убеждения?

ОТВЕТ: Я отрицаю это. Я не придавал значения факту задержания меня на несколько часов, хотя я, признаюсь, поступил неправильно. Что касается антисоветских убеждений, то у меня их никогда не было.

ВОПРОС: Вы говорите неверно. Вам оглашаются показания Сергея Берия. «...В конце 1952 года, по возвращении из командировки, я в числе других работников был в кабинете у Берия Л.П. в Кремле. Во время обсуждения одного из вопросов стала обсуждаться одна кандидатура, и в процессе обсуждения кто-то сказал, что этот человек (чья кандидатура обсуждалась) работает не за страх, а за совесть. Берия Л.П. серьезно заметил, что “нет людей, работающих за совесть, все работают только за страх”. Меня это высказывание Берия настолько поразило, что я на том же совещании сказал ему: “Как же так, ведь советские люди работают из-за убеждений, из-за совести”. На это Берия Л.П. мне сказал, что я не знаю жизни...».

Как вы считаете, это советское или антисоветское ваше высказывание?

ОТВЕТ: Высказывание само антисоветское, но я такого высказывания не допускал.

Показывает Сергей Берия неправильно.

ВОПРОС: Вам оглашаются следующие его же показания: «В 1953 году, месяц не помню, но было это до награждения работников КБ-I, в кабинете Берия Л.П. было совещание, на котором был я, Владимирский, Щукин и другие. На совещании обсуждался какой-то этап нашей работы, и во время обсуждения Берия Л.П. сказал примерно следующее: авантюрой является то, что не подготовлено. Если подготовить любое дело, то оно из авантюры переходит в реальность. Подробно его высказывание я привести не могу, но смысл именно был такой».

Правильно это?

ОТВЕТ: Нет, неправильно.

Протокол прочитан, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Дополняю, что во время задержания меня в ЧК Азербайджана я находился в то время в распоряжении Разведупра 11 армии и за несколько дней до этого задержания прибыл из Тбилиси, откуда я был выслан меньшевистским правительством.

Прочитано, записано верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 17 часов.

Допросил: *ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР* *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 171—183. Копия. Машинопись.

№ 69

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ

19 августа 1953 г.

Совершено секретно

187/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Л.П. от 19 августа 1953 года.

Приложение: на 9 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса

1953 года, августа 19 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Допрос начат в 22 ч. 10 м.

ВОПРОС: Вы признаете, что с конца 1918 года вся деяельность муссаватистов в Азербайджане направлялась англичанами?

ОТВЕТ: Да, это верно. После изгнания турок вся деятельность муссаватистов направлялась англичанами.

ВОПРОС: Фамилию генерала Томсона вы помните?

ОТВЕТ: Вспоминаю фамилию Томсона, который командовал английскими оккупационными войсками в Азербайджане.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что объявивший себя военным губернатором Баку английский генерал Томсон являлся действительным хозяином муссаватистского правительства и всех подчиненных ему органов, в том числе и муссаватистской контрразведки?

ОТВЕТ: Да, это так.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из архивной справки о националистической партии азербайджанской буржуазии и помещиков «Муссават». «После вынужденного ухода турецко-германских оккупационных войск из Закавказья в конце 1918 года на смену им явились английские интервенты. В Азербайджане англичане захватили в свои руки железные дороги, водный транспорт, государственный банк, телеграф, почту. Командующий оккупационными войсками генерал Томсон объявил себя военным губернатором Баку, по его приказу в Баку были запрещены собрания и стачки, введены телесные наказания и смертная казнь. Муссаватистское "правительство", в тесном сотрудничестве с оккупантами, расправлялось с рабочими и крестьянами Азербайджана, служило ширмой, прикрывавшей хозяйничанье интервентов в Азербайджане».

Что вы можете сказать?

ОТВЕТ: Это правильно.

ВОПРОС: Кому подчинялась муссаватистская так называемая «организация по борьбе с контрреволюцией», то есть муссаватистская контрразведка?

ОТВЕТ: По-моему, министерству внутренних дел муссаватистского правительства.

ВОПРОС: Являясь частью муссаватистской сыскной полиции, контрразведка подчинялась так называемому «начальнику бакинского укрепленного района», то есть английским оккупационным властям?

ОТВЕТ: Я этого не знаю.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из постановления муссаватистского «Комитета государственной обороны» от 26.10.1919 г., опубликованного в «Вестнике правительства Азербайджанской республики» № 17 от I.XI.1919 года: «Комитет государственной обороны постановил разъяснить: начальнику бакинского укрепленного района, облеченному властью генерал-губернатора, подчиняются, в пределах бакинского градоначальства, все органы сыскной полиции, а в том числе и «Организация по борьбе с контрреволюцией».

Вы признаете теперь, что муссаватистская контрразведка являлась филиалом английской разведки?

ОТВЕТ: Раз муссаватистское правительство находилось на службе у английских оккупантов, то, конечно, и муссаватистская контрразведка находилась под влиянием английской разведки.

ВОПРОС: Вам оглашается из архивных материалов выдержка из объяснительной записки военного генерал-губернатора Баку к смете расходов на 1920 год: «Испрашиваемый кредит предназначается на выдачу пособий и наград чинам подведомственных генерал-губернатору учреждений: Бакинского градоначальства, Бакинского и Балахано-Сабунчипского полицмейстерства, начальника сыскной полиции. и начальника организации по борьбе с контрреволюцией. Указанные чины, по роду своей деятельности сталкива-

ясь со всевозможным преступным элементом, часто рискуют здоровьем и даже жизнью при исполнении ими служебных обязанностей».

Значит муссаватистская контрразведка была в центре внимания английских оккупационных властей и особо поощрялась ими?

ОТВЕТ: Из документа явствует, что это так.

ВОПРОС: Вы признаете, что ориентация на англичан вообще являлась характерной для муссаватистов не только в период гражданской войны, но и во все последующие годы подпольной борьбы против советской власти?

ОТВЕТ: По-моему, на турок и англичан и на всех, кто им бы помог в борьбе против советской власти.

ВОПРОС: Вам известно имя Хаджи Мирза Селим Ахунд заде?

ОТВЕТ: Впервые слышу.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из письма видного муссаватиста Хаджи Мирза Селим Ахунд заде — шейху Гассану Мештенди Ленкоранскому: «...каждое сознательное лицо должно преклоняться перед британским правительством, которое поистине заслуживает этого. Британское правительство оказывало поддержку Азербайджанскому народному собранию. Однажды кемалисты погубили нас, отняли у нас все средства вплоть до чести и предали нас русским, но англичане снова поставили наш парламент на ноги...»

Эта прямая ориентация на Англию являлась и является характерной для муссаватистского контрреволюциоиного подполья?

ОТВЕТ: Выдержку такую впервые слышу, фамилии, называемые здесь, также впервые слышу и поэтому ничего не могу сказать. Что касается ориентации на Англию, то я уже ответил на этот вопрос ранее.

ВОПРОС: Вам предъявляется архивное дело Азербайджанского государственного архива с материалами о положении в Азербайджане за 1929—30 гг.

Предъявляю вам из этого дела «Доклад о деятельности антисоветских партий Азербайджана» по состоянию на 15 июля 1929 года.

Вам известен этот документ?

ОТВЕТ: Мне предъявлен «Доклад о деятельности антисоветских партий Азербайджана». Я вспоминаю, что этот доклад представлен мною, и подтверждаю, что он подписан мною.

ВОПРОС: Теперь вам предъявляется страница 37 доклада.

Вы подтверждаете, что цитировали лично Хаджи Мирза Селим Ахунд заде для иллюстрации давних связей муссаватистов с английским империализмом?

ОТВЕТ: Мне предъявлена ст. 37 доклада, я подтверждаю это. То, что я ранее показал, что я впервые слышу эту выдержку и фамилию Хаджи, объясняется тем, что я это забыл.

ВОПРОС: Таким образом, вам всегда было вполне очевидно, что муссаватизм является агентурой английского империализма.

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Таким образом, активно сотрудничая в муссаватистской контрразведке, вы хорошо понимали, что являетесь вместе с тем сотрудником английской разведки?

ОТВЕТ: Я это отрицаю.

ВОПРОС: Я вам вновь предлагаю правдиво рассказать о своих преступных связях с английской разведкой?

ОТВЕТ: Я отрицаю это.

ВОПРОС: Вы признаете, что в 1920 году, будучи арестованным в Грузии, были затем освобождены меньшевистской охранкой как английский агент, о чем грузинские меньшевики знали?

ОТВЕТ: Отрицаю.

ВОПРОС: Вы можете назвать фамилии других задержанных сотрудников регистрода, которые были бы после разоблачения их освобождены меньшевиками, а не переданы англичанам для расстрела?

ОТВЕТ: Не могу назвать фамилии, т.к. других сотрудников регистрода не знал.

ВОПРОС: Майского вы знаете?

ОТВЕТ: Бывшего посла в Англии Майского я знаю.

ВОПРОС: Вам было известно, что Майский полностью признал себя на следствии виновным в измене Родине и сотрудничестве с английской разведкой?

ОТВЕТ: Мне было известно, но мне говорили не то Кобулов, не то Федотов, не то еще кто-то, что Майского избивали, и поэтому он наговорил на себя.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Майского от 18 августа с.г.: «*Вопрос:* К вам применялись физические меры воздействия? *Ответ:* Нет, не применялись. *Вопрос:* Вами 7 мая с.г. при вызове на допрос были подтверждены ранее данные показания? *Ответ:* Да. *Вопрос:* Вам угрожали на этом допросе? *Ответ:* Нет. *Вопрос:* Вы не только подтвердили эти показания 7 мая с.г., но и развили их, указав о преступных связях с правыми, о чем ранее вы не показывали. Это так? *Ответ:* Да. *Вопрос:* 11 мая 1953 года, при вызове вас на допрос, вы заявили о том, что в связи с тем, что 7 мая с.г. на допросе было высказано сомнение в отношении показаний в части Колонтай, вы желаете дополнить эти показания с тем, чтобы не возникало сомнений в правдивости этих показаний. Это правильно? *Ответ:* Да это правильно. Я сделал такое заявление».

На каком основании, вы заявляете, что показания Майского были им даны в результате применения к нему мер физического воздействия?

ОТВЕТ: То, что я сказал ранее, что Майского избивали, это неправильно. Майский мне жаловался на то, что ему угрожали.

ВОПРОС: Вам было известно, что 31 марта 1953 года, т.е. в бытность вас министром внутренних дел, Майский обратился с заявлением, собственноручно написанным, на имя Секретаря ЦК КПСС Г.М. Маленкова и в этом заявлении признал себя виновным в измене Родине?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам оглашаются выдержки из этого заявления Майского: «С момента моего ареста 19 февраля т.г. я очень много передумал и перечувствовал. Я критически просмотрел свою жизнь, и предо мной с особой яркостью встали все мои прошлые ошибки и преступления. Об ошибках я искренне сожалею, в преступлениях глубоко раскаиваюсь. Вместе с тем у меня родилось горячее желание сделать что-либо такое, что могло бы хоть в малой степени искупить то зло, которое я причинил СССР. Само собой разумеется, я с готовностью приму всякую форму искупления, которую определят компетентные инстанции...» «...Я хотел бы помочь группе молодых, способных советских историков специализироваться на борьбе с буржуазной фальсификацией новейшей истории. Однако практически этот вопрос мог бы стать позднее, в том случае, если бы суд нашел возможным сохранить мне жизнь...»

Таким образом, Майский признал себя виновным в преступлениях столь тяжких, что сомневался — будет ли сохранена ему советским судом жизнь.

Это так?

ОТВЕТ: Заявления этого не помню и не видел.

ВОПРОС: Теперь объясните, с какой целью вы скрыли заявление Майского и не отправили это заявление по назначению?

ОТВЕТ: Заявления этого я не видел.

ВОПРОС: С какой целью вы побудили Майского отказаться от своих первоначальных показаний?

ОТВЕТ: Я это отрицаю.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вам оглашаются показания Майского о том, как вы побуждали его отказаться от показаний: «...Вечером я был вызван к Берия. Там же присутствовал Кобулов. Берия мне прямо сказал о том, что вы "в своих показаниях плетете", чувствовалось по его разговору, что он мне прямо намекал на то, что мои показания ложны. Такое заявление Берия меня ободряло, тем более, что Берия прямо сказал мне, чтобы я подал официальное письменное заявление об отказе от ранее данных показаний, указав в этом заявлении о своих грехах. Это заявление, как он выразился, пойдет в дело, а второе заявление он предложил мне написать о формах сотрудничества с МВД. *Вопрос:* Таким образом, письменное заявление ваше от 15 мая с.г. подано вами в результате прямой подсказки Берия и Кобулова. Это так. *Ответ:* Это так».

Признайтесь теперь, что именно вы прямо подсказали Майскому отказаться от ранее данных показании?

ОТВЕТ: Не признаю. Майский говорит неправду как здесь, так и в своих показаниях.

ВОПРОС: Как вы намеревались использовать Майского после запроектированного вами его освобождения?

ОТВЕТ: Сначала он должен был рассказать всю правду о себе, о связях, и только после этого мною должен был быть рассмотрен вопрос об использовании его.

ВОПРОС: Признавайтесь, что вы намерены были учредить особый институт для изменника Майского для того, чтобы облегчить ему преступную связь с английской разведкой и лично пользоваться этим каналом?

ОТВЕТ: О каком институте шла речь, я сейчас не помню, но шла речь о том, где ему пристроиться и где ему работать после освобождения, с тем, чтобы использовать для связи с иностранцами, в том числе и с англичанами, но, повторяю, если будет признано целесообразным его освободить. Поручено было продумать форму использования Майского Кобулову, Федотову и Судоплатаву.

Я отрицаю, что я ставил задачей облегчить ему преступную связь с английской разведкой и лично пользоваться этим каналом.

ВОПРОС: Признавайтесь, что, скрывая Майского и побуждая его отказаться от первоначальных показаний, вы действовали в угоду английской разведке, спасая Майского от наказания?

ОТВЕТ: Нет, я это отрицаю.

ВОПРОС: Признавайтесь, что став агентом английской разведки в период гражданской войны, вы служили английскому империализму все последующие годы, вплоть до вашего разоблачения и ареста?

ОТВЕТ: Я это не признаю.

Протокол прочитан, записанное с моих слов верно.

БЕРИЯ

Допрос окончен 20 августа 1953 г. в 0 ч. 35 м.

Допросил: *ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР* *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 201—210. Копия. Машинопись.

№ 70
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ Ш.Н. БЕРИШВИЛИ

20—21 августа 1953 г.

Совершенно секретно

201/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса арестованного БЕРИШВИЛИ Ш.Н. от 20 и 21 августа 1953 года.

Приложение: на 7 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса

1953 года, августа 20 дня, следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР ЦАРЕГРАДСКИЙ допросил в качестве свидетеля БЕРИШВИЛИ Шалву Несторовича, который, будучи предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, дал следующие показания:

ВОПРОС: Сообщите правдиво следствию содержание вашей беседы с Берия, которую вы вели в присутствии Ильина на грузинском языке, после того как были доставлены в 1940 году в Москву, в кабинет Берия?

ОТВЕТ: Все беседы, которые я вел на грузинском языке с Берия, но в присутствии других лиц, касались причин моего перехода границы, моего предложения работать для Советского государства, форм этой работы и т.д., то есть всего того, что было известно и Федотову, и Ильину, и Кобулову, и Рапава.

Никаких специальных поручений от грузинских меньшевиков за границей я к Берия не имел, а также не получал от него каких-либо особых, личных его поручений для меньшевиков. Я считаю, что Берия не стал бы с меньшевиками — Ноем Жордания, Гегечкори и другими путаться по личным вопросам, так как, насколько мне известно, он имел другие цели, более важные для него — захват власти.

Берия стремился к захвату власти в Советском государстве и для достижения этого не останавливался ни перед чем и не остановится даже перед убийствами руководителей.

ВОПРОС: Какие имеются у вас основания так говорить?

ОТВЕТ: Мне, когда я в конце 1930 года вернулся в Париж, из нелегальной командировки в Грузию, Ной Жордания, после моего доклада о положении в Грузии и в Закавказье, сказал, что Берия готовится к большому делу — хочет быть первым. Сказал это Ной Жордания потому, что раньше наблюдал за Берия, а потом, как сказал Жордания, Берия удалось многих руководителей, которые ему мешали, удалить со своих постов. В частности, шла речь о секретаре ЦК Грузии Кахиани Михаиле.

Об этом же, т.е. о том, что Берия в Грузии имеет большое влияние и что он стремится еще более выдвинуться и прибрать власть в свои руки, писал Ною Жордания его друг и соратник и его резидент в Грузии старый меньшевик Нико Эльява. Нужно сказать, что Нико Эльява после падения меньшевистской власти в Грузии бежал оттуда с меньшевиками, но в 1926 году по заданию Ноя Жордания и с разрешения Советского правительства вернулся в Грузию. Резидентом Ноя Жордания Нико Эльява был до смерти, т.е., кажется, до 1935 года.

В 1938 году, когда Берия был назначен Наркомом внутренних дел, мне Ной Жордания сказал: «Берия, получив это назначение, уже достиг первого этапа на пути своего стремления к власти и будет стремиться занять первое место, вместо Сталина, причем на этом пути не остановится перед уничтожением Сталина и лиц, его окружающих».

Я выразил Ною Жордания свои сомнения, сказав ему, что Берия Сталина не предаст. На это Ной Жордания рассмеялся надо мной и назвал меня неверующим Фомой. Я тогда спросил, какие основания у Ноя Жордания так говорить. Он ответил, что у него на это есть основания. Какие основания — мне Ной Жордания не сказал. В тот же раз мне Ной Жордания показал список людей, которых Берия взял с собой из Грузии, и сказал, что это его костяк. Там были: Деканозов, Меркулов, Кобулов, Гоглидзе, Саджая, Заделава, Цанава, Каранадзе и другие, которых я не помню. Список этих людей был порядочный. Тогда же мне Жордания приказал — дела всех этих людей привести в порядок и следить зорко за их работой. Дело в том, что у Жордания на каждого из руководителей Грузии были заведены дела, в которых собирались все сведения об этом человеке, поступающие из разных источников.

Жордания также сказал, что Берия рассчитывает на часть людей, которых он освобождает из заключения, куда их посадил Ежов.

Через некоторое время, когда у нас как-то с Жордания зашел разговор на эту тему, то мне Жордания напомнил об одном обстоятельстве, а именно: когда в 1937 году в Париж приезжал врач Гегечкори (относительно его я уже давал показания), то он вел переговоры, в частности, и с Иосифом Салакая. Последний при меньшевистском правительстве был заместителем министра финансов, а за границей — членом загранбюро меньшевиков и представителем меньшевистского правительства Польши. Так этот врач Гегечкори, которому была в 1937 году (кажется так) во время Парижской выставки устроена фиктивная научная командировка, разговаривал с Салакая по вопросу объединения мингрельцев и говорил, что они могут рассчитывать на возвращение в Грузию, так как там готовится очень большое дело, во главе которого стоит Лаврентий Берия. Об этом факте мне известно было и лично со слов Салакая.

В 1939 году, в начале сентября, перед моим отъездом в Турцию по заданию Ноя Жордания, мне случайно пришлось прочесть письмо Леона Блюма, адресованное Ною Жордания, в котором Блюм писал, что Советы от нас уходят (это письмо было написано до начала войны Германии с поляками) и что, как думает Ной Жордания, нельзя ли устроить в Советском Союзе переворот, чтобы новое правительство взяло курс на союзников.

Я не знаю, что ответил Ной Жордания на это письмо, но когда я уезжал, то он мне по поводу стремления Берия захватить власть сказал, что это не только его данные, но и об этом серьезно продумывают союзники, и чтобы я об этом имел в виду. Никаких обоснований он и здесь мне не привел.

Когда я уже был в Турции, куда поехал в качестве эксперта по кавказским делам при французской военной миссии, куда меня устроил Ной Жордания, то в начале 1940 года я получил от него письмо с различными заданиями. Там также писалось, что, как ему известно из первоисточников, Гегечкори Евгений и Кедия Спиридон ведут переговоры с союзниками якобы от имени Берия, что если союзники помогут, а тогда они чувствовали себя еще крепко, то в Советском Союзе можно произвести правительственный переворот.

Во втором письме Ной Жордания мне сообщил, что как будто союзники вели переговоры (лично с Берия или его доверенным лицом — в письме не указывалось) и получили ответ, что с этим вопросом надо подождать.

Допрос прерван.

Протокол прочитал, записано все с моих слов верно.

Ш. БЕРИШВИЛИ

Следователь по важнейшим делам *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

Протокол допроса

1953 года, августа 21 дня, следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР ЦАРЕГРАДСКИЙ допросил в качестве свидетеля БЕРИШВИЛИ Шалву Несторовича, который, будучи предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, дал следующие показания:

ВОПРОС: На допросе 20 августа с.г. в конце допроса вы заявили, что сообщите следствию еще некоторые обстоятельства, относящиеся к стремлениям Берия захватить власть в стране. Продолжайте ваши показания.

ОТВЕТ: Свои показания я хочу дополнить тем, что в начале 1940 года в одном из писем Ной Жордания писал мне, что Харитон Шавишвили, проживающий в г. Женеве, в Швейцарии, тоже пронюхал о том, что союзники желали бы очень устроить переворот в правительстве в Советском Союзе. Вот все, что было сказано по данному вопросу в этом письме.

Должен сказать, что Харитон Шавишвили являлся представителем пресс-бюро меньшевиков в Швейцарии, где он живет с 1905 года и имеет очень большие связи с дипломатическими кругами и разведками. Он всегда располагал большой информацией по всем вопросам политики.

Несмотря на приказание Ноя Жордания держать в большом секрете дело о намерении союзников в отношении совершения переворота в Советском Союзе, я написал письмо Шавишвили. В нем я спрашивал Шавишвили, известно ли что-либо ему по этому вопросу. Он не замедлил мне ответом и написал, что очень удивлен, откуда мне это известно, поскольку я находился в Турции. Далее сообщал, что ему о стремлении союзников устроить внутренний переворот в правительстве в Москве стало известно еще в октябре месяце 1939 года и что якобы союзники метят в диктаторы нашего соотечественника Лаврентия. Шавишвили также написал, что по этому вопросу какие-то нити тянутся сюда, т.е. в Швейцарию из Берлина от Деканозова. Шавишвили предупреждал меня держать все это в особом секрете.

ВОПРОС: Скажите, вы были лично и хорошо знакомы с Шавишвили?

ОТВЕТ: Он очень близкий мой знакомый. Я у него бывал в Женеве неоднократно, а он, когда приезжал в Париж, то останавливался у меня. У Шавишвили есть жена (инвалидка) и один сын Михаил, который тоже часто жил у меня в Париже.

Письмо Ноя Жордания и письмо Шавишвили по изложенному мной вопросу находятся в Стамбуле, в моих бумагах на хранении у гречанки — моей близкой знакомой — Маряанти Емануилидис-Пастелос, которая живет в собственном доме на улице Абидей Хуриет Джа-деси № 48 (Стамбул-Шишли). Об этом знает и мой отчим Симон Гогитаури, проживающий в Стамбуле, в доме около грузинского монастыря. Дом этот принадлежит монастырю, находится он по адресу — ул. Джавези № 13/15.

В одном из писем Жордания также писал, что ему о переговорах Гегечкори Евгения с французским правительством по вопросу переворота говорил и депутат французской палаты, правый социалист и б. министр Андре Марке. Последний — интимный друг Ноя Жордания и Евгения Гегечкори. Когда в Грузии была меньшевистская власть, то Марке вместе с другими лидерами II интернационала приезжал в Грузию.

ВОПРОС: Скажите, ваше осуждение к лишению свободы, когда вы вторично в 1942 году нелегально перешли советскую границу, не отражается на безусловной правдивости ваших показаний?

ОТВЕТ: Категорически заявляю, у меня никаких личных счетов ни с кем нет, у меня нет оснований клеветать на людей, тем более, что я действительно нелегально перешел границу, хотя сам явился к пограничникам, и право лиц, судивших меня, — верить мне или не верить, тем более, что меня по прошлой работе оговаривали Матарадзе и его жена Вардо.

Все, что я здесь говорю, я говорю только правду. Я уверен, что следствие эту правду докажет.

Я хочу добавить, что все мингрельцы во главе с Гегечкори и Кедия (от меньшевиков и до фашистов) создавали особый культ величия Берия, считая его самым большим человеком в Советском Союзе, и всячески превозносили его и способствовали распространению среди иностранцев такого мнения. Они все утверждали, что преемником Сталина И.В. обязательно будет Берия. Это я все сам слышал много раз от них, а также слышал это от турецких политических деятелей. Как бы мингрельцы меньшевики и фашисты ни ругали советскую власть, они это никогда не делали в отношении Берия. Они считали его гением.

Допрос прерван.

Протокол прочитан, записано все с моих слов верно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ВАЖНЕЙШИМ ДЕЛАМ ЦАРЕГРАДСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 466. Л. 211—218. Копия. Машинопись.

№ 71

ЗАПИСКА М.А. СУСЛОВА Г.М. МАЛЕНКОВУ О ПРЕДЛОЖЕНИИ Л.П. БЕРИЯ ВЕНГЕРСКОМУ РУКОВОДСТВУ[1]

21 августа 1953 г.

Прибывший на отдых и лечение т. М. Ракоши при встрече с сотрудником Отдела ЦК КПСС т. Мошетовым сообщил, что в связи с арестом быв. начальника Управления госбезопасности Венгрии П. Габора из Москвы по линии МВД СССР были командированы в Венгрию для проведения следствия по делу П. Габора в июне 1953 г. 4 работника МВД СССР. Один из этих работников, т. Тишков, высказал т. Э. Гэрэ пожелание, чтобы министр внутренних дел Венгрии имел заместителя из советских работников.

Как сообщил т. Ракоши, этот вопрос обсуждался в узком кругу руководства ЦК Венгерской партии трудящихся. После обмена мнениями по этому

[1] На отдельном листе имеются пометы: «Товарищу Суслову М.А. Тов. Маленков Г.М. с Вашим предложением согласен. Д. Суханов 22.VIII-53 г.», «В архив. Тов. Ракоши сообщено. Документ сохранить», «Послано т. Хрущеву».

вопросу было поручено т. Гэрэ спросить т. Тишкова о том, является ли высказанное им пожелание его личным мнением или исходит из Москвы. Тов. Тишков якобы ответил, что это пожелание исходит из Москвы.

В беседе т. Ракоши сделал намек на то, что не исходило ли это пожелание от врага народа Берия без согласования с Советским правительством.

Вызванный в Отдел ЦК КПСС 18 августа с.г. работник МВД СССР т. Тишков сообщил, что он действительно по поручению Берия высказал пожелание министру внутренних дел т. Гэрэ иметь в качестве первого зам. министра внутренних дел Венгрии советского работника. По заявлению т. Тишкова, прежде чем передать предложение Берия венгерским друзьям, он якобы обменивался мнением по этому вопросу с советником МВД СССР в Венгрии т. Ивановым и им обоим было неясно, в каком положении окажется советник МВД СССР в Венгрии при назначении советского работника зам. министра внутренних дел Венгрии. Об этом т.т. Иванов и Тишков доложили Берия, который дал указание Тишкову высказать пожелание венграм, что можно было совместить должность советника МВД СССР и зам. министра.

Кроме этого, как сообщил т. Тишков, от Берия поступило указание рекомендовать венгерским друзьям обратиться к Советскому правительству с просьбой о направлении советского работника в Венгрию на должность зам. министра внутренних дел, а он, Берия, эту просьбу поддержит. По заявлению Тишкова, это указание он передал Гэрэ.

Считал бы целесообразным сообщить т. Ракоши о том, что предложение о назначении советского работника на должность зам. министра внутренних дел Венгрии было сделано работниками МВД СССР, находящимися в Венгрии, без ведома Советского правительства и ни в какой мере не может быть поддержано.

М. СУСЛОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 1—4. Подлинник. Машинопись.

№ 72

ЗАПИСКА СОТРУДНИКА МВД СССР ТИШКОВА С.Н. КРУГЛОВУ О ПРЕДЛОЖЕНИИ Л.П. БЕРИЯ ПО СТРУКТУРЕ МВД ВЕНГРИИ

19 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 539/к

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.[1]

Направляю при этом поступившее на мое имя заявление работника 2-го Главного управления МВД СССР тов. ТИШКОВА.

С. КРУГЛОВ

Совершенно секретно

Товарищу КРУГЛОВУ С.Н.

В июне месяце с.г., во время моего пребывания в командировке в Будапеште, когда ЦК Венгерской Партии Трудящихся принял решение о реор-

[1] На листе имеется рукописная помета: «Архив. По этому вопросу была записка Суслова М.А., и с предложениями, изложенными в ней, тов. Маленков согласился. Д. Суханов. 27.VIII.53 г.».

ганизации Венгерского Правительства, и в частности о слиянии МВД и УГБ Венгрии, мне позвонил по телефону Берия и предложил, совместно с Советником МВД СССР в Венгрии тов. ИВАНОВЫМ, оказать всемерное содействие новому Венгерскому Министру Внутренних Дел тов. ГЕРЭ в организации Министерства. Одновременно Берия предложил порекомендовать ГЕРЭ назначить Первым Заместителем Министра Внутренних Дел Венгрии советского чекиста.

Обсуждая этот вопрос с тов. ИВАНОВЫМ, мы пришли к выводу о нецелесообразности этого мероприятия, так как не говоря уже о том, что назначение советского человека, не знающего венгерского языка, на пост Заместителя Министра могло дать повод к обвинению Советского Союза во вмешательстве во внутренние дела Венгрии, такое назначение давало возможность венгерским друзьям перекладывать ответственность за недостатки и извращения в работе венгерских органов на нашего представителя и усложняло положение Советника МВД СССР при МВД Венгрии. Мы решили прежде, чем говорить с тов. ГЕРЭ, передоложить этот вопрос и высказать нашу точку зрения, что и было сделано.

Берия ответил, что нам следует предложить такой вариант: Старший Советник МВД СССР — он же Первый Заместитель Министра внутренних дел Венгрии. Зачем это надо, Берия не объяснял.

После этого повторного указания я и тов. ИВАНОВ во время беседы с тов. ГЕРЭ о предполагаемой структуре МВД Венгрии высказали такую мысль, преподнося ее как наше личное предложение. Тов. ГЕРЭ ответил, что он, конечно, был бы рад иметь заместителем опытного советского товарища, но не уверен в том, что Советское Правительство пойдет на это, так как они (венгры) недавно обращались с просьбой об оставлении на венгерской службе некоторых советских директоров предприятий, принадлежавших ранее ГУСИМЗу, и им в этом отказали. Договорились, что я выясню на этот счет мнение Берия и сообщу тов. ГЕРЭ.

Когда наш разговор с тов. ГЕРЭ был доложен Берия, он дал указание передать тов. ГЕРЭ, что он поддержит такое ходатайство Венгерского Правительства. Это было сообщено тов. ГЕРЭ, на что он ответил, что он посоветуется по этому вопросу в ЦК ВПТ.

Тов. ГЕРЭ до моего отъезда из Будапешта (7 июля с.г.) к этому вопросу не возвращался, а я не считал нужным напоминать ему об этом.

Более того, до моего отъезда он подобрал кандидатуры всех заместителей министра из числа венгров и советовался со мной и Заместителем Старшего Советника МВД СССР тов. КИРСАНОВЫМ по этим кандидатурам, и я считал, что вопрос этот венгерские друзья решили не поднимать.

В свое время я не придал значения этому делу и даже забыл о нем, тем более, что все ограничилось разговорами и никаких практических шагов венгерскими друзьями предпринято не было.

Сейчас предложение Берия назначить в качестве первого заместителя министра внутренних дел Венгрии сотрудника МВД СССР может представлять интерес как шаг к усилению его влияния и контроля в странах народной демократии.

Докладываю на Ваше распоряжение.

А. ТИШКОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 6—8. Подлинник. Машинопись.

№ 73
ЗАПИСКА АНДРИАНОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О ВСТРЕЧЕ С Л.П. БЕРИЯ[1]

20 августа 1953 г.

ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС
Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.
Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Прошу Вас при всей Вашей занятости найти время прочитать мое заявление и более обстоятельно разобраться с моим делом.

Вследствие моей преступной беззаботности и безответственности дело приняло серьезный характер. Выступая на пленуме ЦК, я резко и с известными фактами выступал против заклятого врага народа изменника Берия, но я при этом не сказал, что был у него на приеме. Я думал таким образом, что был у него по ведомственному вопросу и говорил о начальнике Управления. По неслужебным делам нигде не встречался и никаких дел не имел. Причем при первой возможности намеревался доложить Вам об этом, но и при встрече с Вами не с этого начал. Волновался, говорил неубедительно, что не является оправданием. Поэтому не удовлетворил Вас, хотя пытался рассказать честно и откровенно.

Был же я у него на приеме не более 3—5 минут, говорил о поведении начальника Управления, просил поправить его, тем более, что начальник Управления недавно приступил к работе. Перед уходом он задал мне вопрос — как работаете с Игнатовым? Я ответил — плохо. Тут и нечего было умалчивать, об этом было известно многим. Но я не придал значения этому вопросу. В разговорах разоблаченный враг был груб и дерзок.

После моего разговора с ним о начальнике Управления дело не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось, о чем я расскажу ниже.

Вследствие моего неправильного поведения возникли сомнения. После беседы с Вами я все-таки думал, чтобы объяснить Вам о своем поведении. Будучи у Вас на приеме, я не смог вспомнить такого факта.

Дело было, примерно, таким образом. Когда я был на приеме у товарища Маленкова, я говорил о положении дел в организации и о взаимоотношениях с т. Игнатовым. На все мои вопросы и неясности товарищ Маленков дал мне исчерпывающие разъяснения и ответы, и я был вполне удовлетворен.

После того, как я ушел от товарища Маленкова, мне сказали в комендатуре, что меня опять просят зайти к товарищу Маленкову. Когда я зашел к товарищу Маленкову, он сказал мне — быть может, следует поговорить вместе с т. Игнатовым? Я сказал, что Вашими указаниями я вполне удовлетворен и нет необходимости занимать время для вторичного обсуждения этого вопроса. На этом все кончилось. При моем уходе товарищ Маленков предложил мне зайти к товарищу Хрущеву. Речь шла об обсуждении поставленных вопросов на заседании Секретариата ЦК.

Когда я пришел в ЦК к товарищу Хрущеву, дело было по времени близким к обеденному перерыву, но я хотел вечером уехать в Ленинград, поэтому добивался встретиться вообще с товарищем Хрущевым. Встретил товарища Хрущева на ходу в коридоре ЦК. Вам, товарищ Хрущев, было видимо обо всем из-

[1] На отдельном листе имеется записка «Тов. Маленкову Г.М. Убедительно прошу Вас принять меня. В. Андрианов. 24.VIII-53 г.», а также помета «Архив. Доложено. Д. Суханов. 17.XI. 53 г.».

вестно, да и до этого я Вам рассказывал о наших делах. Вы, товарищ Хрущев, мне сказали — можете ехать в Ленинград, на Секретариате ЦК обсуждать не будем. После этого я выехал в Ленинград. Я был полностью удовлетворен решением вопросов в ЦК, и ходить после этого ни к кому не было никакой нужды.

Далее. После того когда я приехал из ЦК, поведение начальника Управления МВД ничуть не улучшилось. Он ко мне не ходил, не информировал. Об этом меня начали упрекать члены бюро обкома. Когда же приехал в Ленинград через несколько дней заместитель министра Серов (который был в Ленинграде почти до последних дней разоблачения врага), тогда он вел себя еще более вызывающе, провел облаву в Ленинграде, в течение ночи под видом борьбы с хулиганством задержали около тысячи неповинных людей и не сказал об этом обкому. Я звонил т. Круглову. Это было после приезда из Москвы, и просил его поправить начальника управления. Говорил я и о неправильных действиях руководителей МВД в ЦК, о чем я рассказывал в свое выступлении на пленуме.

Заместитель министра Серов дошел до того, что приказал снять милицейскую охрану в Ленинградском Совете, в областном исполкоме, в обкоме комсомола и около дома, где проживали руководящие партийные и советские работники, слова не сказав об этом ни мне, ни руководителям этих учреждений.

Вы меня справедливо критиковали — зачем я пошел к нему, зачем дал повод. Это правильно. Я сделал глупо, необдуманно и политически грубо ошибочно, тем более незрело, и не пристало это секретарю Ленинградской организации.

Это положение усугубляется и тем, как Вы сказали, что до моего посещения он резко ставил вопрос о снятии меня с работы, а потом изменил свое отношение. В этом своем посещении его я виноват перед ЦК и готов понести любое наказание. Но я честно Вам рассказал, как было дело. Я подошел примитивно и недостойно, грубо политически ошибочно. Я считал, что начальник только что прибыл в Ленинград, и хотелось поправить его через министра.

Недооценкой этого факта я усугубил свое поведение в дальнейшем. При этом я должен честно признаться, что переоценил себя без каких бы то ни было оснований.

Вы меня знаете почти четверть века. Я работал на Ваших глазах, честно и самоотверженно боролся за выполнение указаний партии. Я думал, что стою выше всяких подозрений. Прошу поверить мне, у меня не было ни малейших помыслов скрыть от Вас ни мой прием у него, ни о телеграмме. В нормальных условиях это не вопрос, а при моем глупом, неразумном, а, следовательно, политически ошибочном поведении оказалось делом.

На бюро Ленинградского обкома после Вашего разговора с т. Козловым очень резко подошли к оценке моего поведения — отстранили меня от работы, перестали все заходить ко мне и разговаривать со мной. Это горько и тяжело. Но я считаю это правильным. Раз в ЦК появляется сомнение к руководителю, тем более при моем таком поведении, интересы партии превыше всего.

Но в этом отношении ко мне со стороны бюро обкома хотя бы до некоторой степени я вижу плоды своей работы. Члены бюро единодушно, невзирая на лица, так строго говорили о моем поведении. Иначе и не могло быть. Интересы партии превыше всего. Этим фактом я глубоко удовлетворен. Но мне тяжело и на душе обидно, что я не оправдал доверия ЦК и подвел Ленинградскую организацию.

Я все же глубоко уверен, что ЦК не пожалеет времени и разберется со мной, накажет меня за то, в чем я виновен.

За эти дни я все передумал, так много пережил, больше, чем за всю свою сознательную жизнь.

Я до конца предан партии, все отдаю для дела партии, не считаясь со временем и здоровьем, но совершил грубейшую политическую ошибку. Это послужит для меня предметным уроком на всю жизнь.

Я говорю при этом не о своем положении, а о партийной честности, а о доверии партии. Работа для меня любая хороша, если ее доверяет партия.

За всю свою жизнь я не отступал от линии партии, беззаветно боролся за дело партии. Доверие партии для меня — это жизнь.

Прошу учесть мою просьбу при рассмотрении вопроса.

В. АНДРИАНОВ

Принято по ВЧ
20.VIII.53 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 9—16. Подлинник. Рукопись.

№ 74

ЗАЯВЛЕНИЕ СОТРУДНИКА УМВД ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВОЛКОВА О Л.П. БЕРИЯ, В.Н. АБАКУМОВЕ И Б.З. КОБУЛОВЕ[1]

20 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 568/к

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Направляю при этом поступиввшие в МВД СССР заявления полковника ВОЛКОВА об отношениях Берия с Абакумовым и о преступных действиях Кобулова Б.

С. КРУГЛОВ

С. секретно

Министру Внутренних Дел СССР
генерал-полковнику
товарищу Круглову С.Н.

Хочу доложить для Вашего сведения (м.б., это будет иметь значение для характеристики отношений между Берия и Абакумовым), в 1950 или 1951 году, во время моего доклада Абакумову по вопросу, касавшемуся обеспечению охраны товарища Сталина И.В. при возвращении его в Москву из отпуска с юга, Абакумов хвастливо подчеркнул, что по специальному решению только ему и Берия поручено присутствовать при встрече тов. Сталина. Никто иной из руководителей Партии и Правительства, по словам Абакумова, не должен якобы появляться на вокзале, как и в других случаях при встречах или проводах тов. Сталина. Что, собственно, означало это заявление Абакумова, я так и не понял, но из него следовало, что только Берия и ему оказано особое доверие и предпочтение перед дугими.

20.VIII.53 г.

полковник ВОЛКОВ

---

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «К делу Берия. Разослано: т. Молотову В.М., т. Хрущеву Н.С., т. Булганину Н.А., т. Руденко В.А. Д. Суханов. 22.VIII-53 г.».

С. секретно

Министру Внутренних Дел СССР
генерал-полковнику
товарищу Круглову С.Н.

Считаю необходимым доложить Вам о следующем:

1. В 1947 году, будучи назначен зам. начальника 5 Управления МГБ СССР, я узнал, что по поручению ЦК ВКП(б) подготавливается к рассмотрению вопрос о судьбе многочисленных чекистских материалов в отношении троцкистов, правых, эсеров, меньшевиков, анархистов, разработка которых в 1943—1944 г.г. почему-то прекращена.

Я принял участие в разбирательстве этого вопроса. Примерно в мае 1947 г. был подготовлен документ, подписанный т.т. Селивановским, Питовраковым, Дроздецким и Герцовским, из которого явствовало, что б. 2 Управление НКГБ, основываясь на указании руководства НКГБ СССР (Меркулов, Кобулов), сдало все дела на троцкистов и др. в архив, работа по троцкистам была прекращена, агентура использовалась по другим линиям и т.д.

Тогда же указанный документ был доложен ЦК ВКП(б), причем для соответствующих объяснений на этот счет вызывались в ЦК Меркулов, Кобулов и, насколько помню, т. Федотов. Со слов руководства МГБ СССР и в разговоре с т.т. Питоврановым и Дроздецким мне стало известно, ЦК партии квалифицировал действия Меркулова и Кобулова как грубую политическую ошибку, предложил поднять из архива необоснованно сданные дела на троцкистов и восстановить по ним чекистскую работу. В июне 1947 г. при моем участии была издана короткая директива (№ 147) по вопросу о восстановлении неправильно прерванной работы по троцкистам. Некоторое время я возглавлял работу специальной опергруппы, занимавшейся изъятием из архива и рассмотрением материалов указанной категории, а затем в составе 1 отдела 5 Управления, по заслуживающим внимания материалам, была организована соответствующая работа. Должен доложить, что по отчету работы б. 5 Управления за 1941—1951 г.г. можно сделать вывод, что решение ЦК ВКП(б) по этому вопросу было своевременно и несомненно дало положительные результаты.

В то же время, как мне известно, Кобулов долго неистовствовал по поводу выводов ЦК партии и злобно был настроен в отношении меня, Питовранова, Дроздецкого и др. Это узнавалось обычно окольными, случайными путями, которые я, естественно, не фиксировал, ибо считал свои действия правильными и не обращал внимания на злопыхательство Кобулова (следует указать, что в составленной мною лекции о борьбе наших органов с троцкистско-бухаринской агентурой иноразведок, переданной для чекистских школ, упоминалось о необоснованной сдаче дел на троцкистов в архив по вине б. руководства НКГБ СССР).

Считаю, что инициатива Кобулова насчет прекращения агентурной работы по троцкистам имеет связь с его заявлением, сделанным в выступлении на партийной конференции НКГБ (или активе) в 1944 году о том, что «троцкисты теперь перестали быть врагами партии, это обычные антисоветские элементы».

2. Работая начальником 5 Управления МГБ СССР, я непосредственно подчинялся заместителю министра Огольцову С.И. Однако мне много раз приходилось бывать на приеме с отдельными докладами и на рабочих сове-

щаниях руководителей Управлений и отделов у министра Абакумова. В процессе общения с Абакумовым я мог наблюдать стиль его работы и отношения к людям, в том числе отдельным руководителям партии и правительства.

У меня (как, очевидно, и у других товарищей — Питовранова, Герцовского, Шубнякова и др.) сложилось твердое впечатление, что Абакумов определенно оринтировался на Берия Л.П. Он нередко обращался к нему по телефону за советами и указаниями, часто ссылался в разговорах с руководящими работниками МГБ на мнения и поручения Берия. Я лично не раз был свидетелем, как Абакумов, прежде чем поставить тот или иной вопрос перед ЦК ВКП(б) или правительством, предварительно советовался с Берия и действовал в плане его указаний. Не будет ошибкой сказать, что отношение Абакумова к Берия было особым, отличным от его отношений с другими руководителями партии и правительства (т.т. Суслову, Пономаренко, большинству зампредов Совета Министров СССР). Абакумов обычно с небрежностью и неуважением разговаривал по телефону с кем-либо из указанных товарищей, но был весьма подобострастен и явно зависим от Берия. Из этого, а также из неизменной практики посылки всех документов в адрес Берия явствовало, что Берия является фактически шефом, руководителем МГБ, или по крайней мере лично Абакумова.

Думаяю, что не случайно, что Абакумов всячески оберегал от критики и законных претензий Цанава — б. министра госбезопасности БССР. Было широко известно, что Цанава спекулирует на родстве с Берия, отличается редким самодурством, непомерным и отвратительным барством, злобным преследованием «некоторых работников», игнорирует центральное управление МГБ СССР и т.д. Однако Абакумов в угоду Берия покрывал антипартийное поведение Цанава и отводил неоднократные попытки работников центрального аппарата призвать его к порядку.

Точно не знаю, но слышал от сотрудников, что Абакумов по указанию Берия уберег от привлечения к ответственности за какие-то преступления Какучая, одного из прихлебателей Берия.

Полагаю, что не безынтересно отношение Абакумова и к сигналам относительно аморального облика Берия. Я лично по указанию т. Огольцова два или три раза докладывал Абакумову случайно полученные от женской агентуры донесения с жалобами на приставания Саркисова, нач-ка охраны Берия. Из этих донесений можно было видеть, что Саркисов занимается подбором и поставкой для Берия (его имя прямо в донесениях не указывалось) девушек. В данном случае речь шла об агентах, на которых пал выбор Саркисова, и о его методах обработки для посещения особняка или дачи «одного из членов правительства». Абакумов, двусмысленно улыбаясь, обычно говорил, что об этом известно, что это проделки старого дурака Саркисова, что он, Абакумов, уже информировал на этот счет Л.П. Берия. Донесения уничтожались, но какие-либо следы, возможно, остались в материалах 5 Управления.

Если Вы найдете необходимым, чтобы в изложенном были внесены какие-либо дополнительные уточнения или пояснения, прошу указаний.

Зам. нач. отдела УМВД Псковской области,
полковник ВОЛКОВ

20 авг. 1953 г., г. Москва

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 9—16. Подлинник. Рукопись.

№ 75

ЗАПИСКА С.Н. КРУГЛОВА Г.М. МАЛЕНКОВУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПО ДЕЛУ Л.П. БЕРИЯ ФАКТА ОСВОБОЖДЕНИЯ АРЕСТОВАННОГО[1]

21 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 571/к

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

В июне 1939 года НКВД СССР был арестован КОЗЛОВСКИЙ Бенедикт Игнатьевич (он же Бенциан Израйлевич), 1899 года рождения, еврей, член КПСС, бывший заведующий 2-м восточным отделом НКИД СССР, ко времени ареста — заведующий отделом Государственной библиотеки им. Ленина.

КОЗЛОВСКИЙ в 1923 году участвовал в троцкистской оппозиции, о чем он указывает в своей биографии. Ряд арестованных и осужденных в 1937—1938 г.г. троцкистов показали о том, что КОЗЛОВСКИЙ, работая с 1924 года в НКИД СССР, являлся активным участником антисоветской троцкистской организации, был непосредственно связан с врагом народа КРЕСТИНСКИМ и выполнял указания ТРОЦКОГО.

Так, бывш. полпред СССР в Японии ЮРЕНЕВ К.К. на допросе 17—20 октября 1937 года показал:

«В мае месяце 1933 года в Токио приехал зав. 2 восточным отделом НКИД СССР КОЗЛОВСКИЙ Б.И. для участия в работе и переговорах по продаже Японии КВЖД в качестве члена советской делегации, состоявшей из меня — ЮРЕНЕВА, КОЗЛОВСКОГО и КУЗНЕЦОВА.

КОЗЛОВСКИЙ привез мне письмо КРЕСТИНСКОГО, в котором последний мне рекомендовал его как "своего вполне надежного человека". О том, что КОЗЛОВСКИЙ бывший троцкист, я знал раньше. Поэтому такая рекомендация КРЕСТИНСКОГО, по существу представлявшая мне КОЗЛОВСКОГО как участника троцкистской организации, для меня не явилась неожиданностью.

КОЗЛОВСКИЙ рассказал мне, что он является участником организации с 1926 года, но по директиве руководства организации ушел в подполье и сейчас находится в "резерве" впредь до соответствующего подходящего момента.

...я установил, что КОЗЛОВСКИЙ знал (очевидно, от КРЕСТИНСКОГО) о переговорах с японцами, которые я вел от имени ТРОЦКОГО.

В конце 1934 года, когда наступила решающая часть переговоров и вплотную подошли к установлению продажной цены за КВЖД, я рассказал КОЗЛОВСКОМУ о полученном мною письме ТРОЦКОГО, его просьбе и данном мною ему ответе. КОЗЛОВСКИЙ заявил, что он полностью со мной согласен и готов помочь».

Бывший консул СССР в Маньчжурии СМИРНОВ В.В. на допросе 3 декабря 1938 года показал:

«...При возвращении КОЗЛОВСКОГО из Токио в Москву через станцию Маньчжурия он мне буквально заявил, что на японо-советской конференции он — КОЗЛОВСКИЙ и КУЗНЕЦОВ действовали в соответствии с директивами ТРОЦКОГО — добиваться уступки дороги японцам и продажу ее использовать в целях получения от японцев известного процента от выкупных платежей

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «Разослано: т. Молотову В.М., т. Хрущеву Н.С., т. Булганину Н.А., т. Руденко Р.А. Д. Суханов 22.VIII-53 г.», «Архив. Д. Суханов. 8.X.53 г.».

на право-троцкистскую работу. При подписании соглашения официальная сумма была указана меньше той, которая была договорена неофициально».

Кроме того показаниями ЮРЕНЕВА К.К. и бывшего секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) ПОСТЫШЕВА П.П., допрошенного 2 августа 1938 года, КОЗЛОВСКИЙ изобличался также в шпионской связи с разведорганами Японии.

Будучи арестован, КОЗЛОВСКИЙ на первом допросе 12 июня 1939 года заявил, что является агентом японской разведки и участником троцкистской организации, написав об этом собственноручные показания.

Показания КОЗЛОВСКОГО были доложены КОБУЛОВУ Б.З., работавшему тогда в качестве заместителя начальника ГУГБ НКВД.

После этого, несмотря на важность показаний, которые дал КОЗЛОВСКИЙ, и имеющихся материалов о его преступной работе, дальнейшее следствие по делу было прекращено, а он, пробыв под арестом всего четыре дня, освобожден из-под стражи.

По распоряжению КОБУЛОВА, постановление об освобождении КОЗЛОВСКОГО из-под ареста было сформулировано следующим образом:

«10 июня 1989 года был арестован однофамилец КОЗЛОВСКОГО Б.И. — КОЗЛОВСКИЙ Бенедикт Игнатьевич, не подлежащий аресту, быв. заведующий отделом национальной литературы Всесоюзной библиотеки им. Ленина.

КОЗЛОВСКОГО Бенедикта Игнатьевича, бывшего заведующего отделом национальной литературы Всесоюзной библиотеки им. Ленина, как ошибочно арестованного, из-под стражи немедленно освободить».

При сдаче в архив из следственного дела по обвинению КОЗЛОВСКОГО были изъяты постановление на арест, все документы, на основании которых выносилось постановление на арест, и его собственноручные показания о преступной работе.

В связи с тем, что обстоятельства освобождения из-под стражи КОЗЛОВСКОГО вызывают сомнение, МВД СССР считает целесообразным ориентировать об изложенном выше Генерального прокурора Союза ССР для использования в следствии по делу БЕРИЯ и КОБУЛОВА.

С. КРУГЛОВ

21 августа 1953 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 9—16. Подлинник. Машинопись.

№ 76

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ДРОЗДЕЦКОГО О СВЯЗЯХ Л.П. БЕРИЯ И В.Н. АБАКУМОВА[1]

22 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 577/к

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Направляю Вам поступившие в МВД СССР заявление генерал-лейтенанта ДРОЗДЕЦКОГО о связях БЕРИЯ и АБАКУМОВА и заявление генерал-

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «К делу Берия. Разослано: т. Молотову В.М., т. Хрущеву Н.С., т. Булганину Н.А., т. Руденко Р.А. Д. Суханов. 25.VIII-53 г.».

майора ДРОЗДОВА с сообщением компрометирующих данных о КОБУЛОВЫХ[1].

С. КРУГЛОВ

Министру Внутренних Дел СССР
генерал-полковнику
товарищу Круглову С.Н.

Считаю необходимым доложить Вам о следующем: с июля м-ца 1946 г. по март месяц 1948 г. я работал Начальником 5 Управления МГБ СССР, которое было вновь создано на базе некоторых отделов бывшего 2-го Управления НКГБ, ранее (до 1943 г.) входивших в состав СПУ и ЭКУ НКГБ СССР.

В этот период, бывая на докладах и совещаниях у бывшего министра Абакумова, я имел возможность наблюдать и воочию видеть отдельные факты, свительствующие о личной близости Абакумова с Берия и подробной отчетности его о работе органов перед последним.

Нам тогда было объявлено, что непосредственное руководство над МГБ СССР осуществляет лично И.В. Сталин и все документы оперативного характера составляются только в его адрес. Следует отметить, что данное обстоятельство лицами, приближенными к Абакумову, использовалось для «раздутия» его авторитета, как человека особо доверенного и близкого к вождю.

Ненередко в моем присутствии по вопросам работы 5 Управления, а еще чаще по вопросам работы бывшего 2-го Главного Управления, о чем более подробно должен знать тов. Питовранов, Абакумов информировал Берия, который тогда над органами МГБ не шефствовал (по официальному распределению функций руководства).

Это обстоятельство вызывало у нас недоумение, которое приближенными к Абакумову лицами объяснялось обычно тем, что Берия, хоть непосредственно и не руководит нашим Министерством, но является старым чекистом и поэтому И.В. Сталин повседневно с ним консультируется. В связи с этим якобы и было необходимо подробно ориентировать Берия о важнейших вопросах работы органов.

Все с этим соглашались, но повторяю, что такие недоумения у ряда работников возникали нередко.

За давностью времен мне трудно сейчас вспомнить конкретные факты и назвать конкретных людей, но эти лица относились к руководящему составу МГБ СССР. «Разъяснения» же обычно исходили от наиболее близких Абакумову лиц, как например, бывшего начальника секретариата Чернова, его заместителя Бровермана и др.

Близость Абакумова к Берия подчеркивалась и крайне необычным для Абакумова почтительным отношением его к последнему. Если при разговорах по телефону с другими заместителями Пред. Совета Министров, секретаря ЦК КПСС, я не говорю уже о министрах и руководителях других союзных ведомств, он обычно был резок, груб и бестактен, то при разговорах даже по телефону с Берия он был очень внимателен и почтителен. Такое же отношение было и заочное.

О многих руководителях партии и правительства Абакумов, часто не стесняясь присутствия работников аппарата, допускал бестактности и вульгарность. И я ни разу не слышал проявления даже малейшего неприличия со стороны Абакумова в отношении Берия.

Руководителям периферийных органов МГБ Абакумов давал задания при выездах Берия в области и республики делать ему подробные отчеты о работе органов и агентуре.

---

[1] Заявление генерал-майора Дроздова не публикуется.

Например, в 1949 или в 1950 гг., когда Берия приезжал в Свердловскую область на объекты бывшего 1-го Главного Управления при Совете Министров (г. Верх-Нейвинск), то Абакумов лично мне звонил по «ВЧ», чтобы я полностью информировал Берия о состоянии агентурной работы на этом объекте, разрабатываемых лицах и агентуре.

Я с ним в Верх-Нейвинск не ездил, но по «ВЧ» передал это указание быв. зам. начальника отдела «К» на этом объекте т. Андрееву, который и докладывал Берия подробно все агентурные материалы, а также персональные данные об агентуре.

Со слов Андреева знаю, что Берия, когда узнал, что в составе агентурной сети имеются компетентные инженерно-технические работники и доступные к нему лица, очень ругал т. Андреева и предложил ему исключить их из действующей сети. Впоследствии я слышал, кажется, тоже от Андреева, что некоторых из этих лиц Берия ущемил, а некоторым прямо пригрозил, намекая на связь их с органами.

Небезынтересен и такой факт. Осенью 1949 года я получил отпуск, проводил его на даче близ Свердловска. Однажды ночью я неожиданно был вызван моим бывшим заместителем т. Фитиным к аппарату «ВЧ» для переговоров с Абакумовым.

Явившись в управление, я позвонил ему и получил укзание немедленно прекратить отпуск, выехать с дачи и подготовить ее для приема Берия, который при перелете на Восток и обратно должен был сделать остановку в Свердловске. Мне было предложено закупить необходимую мебель, подготовить изысканное питание, лучшие вина и т.д., не стесняясь в средствах.

Остановка Берия впоследствии не состоялась. Характерно, что при выездах туда других членов Политбюро и руководителей правительства (т.т. Микоян, Шверник, Первухин и др.), я никогда не только не имел подобных распоряжений, но даже предупреждался об их прибытии Управлением охраны лишь за несколько часов до их прибытия с уведомлением, что вся работа по их обеспечению должна быть проведена обкомом партии. А иногда и вообще никакого предупреждения не было.

Для меня лично непонятен и такой факт проявления открытого «благоволения» Берия к Абакумову, когда на оперативном совещании в июне м-це 1951 года по вопросу о разолачении Абакумова, я в своем выступлении указывал на то, что Абакумов окружил себя угодниками, подхалимами и доносчиками, Берия несколько раз меня резко прерывал и репликами опровергал эти данные. Непонятно было вообще молчание Берия при обсуждении указанного вопроса, т.к. все знали, что он наиболее осведомленный рководитель по вопросам чекистской работы и должен был дать соответствующую оценку положения.

Его молчание и неодобрительное поведение в отношении некоторых выступавших товарищей рядом присутствовавших на совещании лиц было воспринято также как сигнал для молчания до «выяснения подробностей».

Этот характер взаимоотношений между Берия и Абакумовым, по моему убеждению, был основан на большой их личной близости и заслуживает тщательной проверки.

Об изложенном я и считал необходимым довести до Вашего сведения.

генерал-лейтенант ***ДРОЗДЕЦКИЙ***

21 августа 1953 г. г. Москва

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 20—26. Подлинник. Рукопись.

№ 77

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ

22 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 208/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Л.П. от 22 августа 1953 года.

Приложение: на 10 листах.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, 22 августа. Генеральный прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Допрос начат в 14 часов 35 минут.

ВОПРОС: Почему вы, будучи в должности народного комиссара ранее, а затем министра внутренних дел СССР, тщательно оберегали от разгрома грузинскую контрреволюционную эмиграцию?

ОТВЕТ: Это неправильно.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Судоплатова:

«...что должно обратить сейчас внимание в свете разоблачения Берия — это то, что ни он, ни его заместитель Кобулов, люди, знавшие повадки и приемы борьбы грузинской и армянской антисоветской эмиграции против СССР, ничего практически не сделали для того, чтобы обезглавить, разложить и разгромить грузинскую и армянскую антисоветскую эмиграцию».

Это правильно?

ОТВЕТ: Это неправда.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показаний Судоплатова о следующем:

«Заслуживает внимания следующий факт: мною были разработаны мероприятия в отношении главаря меньшевистской грузинской эмиграции Гегечкори. Мне известно, что наш план был доложен б. зам. министра госбезопасности Огольцовым в инстанции и этот план был одобрен. Это было примерно в феврале 1953 года. В соответствии с этим планом был проведен ряд подготовительных оперативных мероприятий. Не помню точно, в конце марта или начале апреля этого года данный план мною был передоложен Кобулову. Кобулов мне заявил, что этим делом заниматься дальше не следует. Для меня совершенно очевидно, что Кобулов сам принять такого решения без санкции Берия не мог...».

Что вы можете сказать по этому поводу?

ОТВЕТ: Мне неизвестно об этом.

ВОПРОС: Вам известно, что грузинские меньшевики за границей тщательно следили за вами и возлагали на вас особые надежды?

ОТВЕТ: Мне это неизвестно.

ВОПРОС: Вам известно, что грузинская контрреволюционная эмиграция давно уже была полностью ориентирована о ваших преступных замыслах.

ОТВЕТ: Это неправильно.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Беришвили:

«В 1938 году, когда Берия был назначен наркомом внутренних дел, мне Ной Жордания сказал: "Берия, получив это назначение, уже достиг первого этапа на пути своего стремления к власти и будет стремиться занять первое место, вместо Сталина, причем на этом пути не остановится перед уничтожением Сталина и лиц, его окружающих".

Я выразил Ною Жордания свои сомнения, сказав ему, что Берия Сталина не предаст. На это Ной Жордания рассмеялся надо мной и назвал меня неверующим фомой, я тогда спросил, какие основания у Ноя Жордания так говорить. Он ответил, что у него на это есть основания. Какие основания — мне Ной тогда не сказал. В тот же раз мне Ной Жордания показал список людей, которых Берия взял с собой из Грузии, и сказал, что это его костяк. Там были: Деканозов, Меркулов, Кобулов, Гоглидзе, Саджая, Заделава, Цанава, Каранадзе и другие, которых я не помню. Список этих людей был порядочный. Тогда же мне Жордания приказал дела всех этих людей привести в порядок и следить зорко за их работой, дело в том, что у Жордания на каждого из руководителей Грузии были заведены дела, в которых собирались все сведения об этом человеке, поступающие из разных источников».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Это неправда.

ВОПРОС: Признавайтесь, что вы знали, как контрреволюционная грузинская эмиграция создает вокруг вас культ личности, расценивая вас как своего человека?

ОТВЕТ: Это мне неизвестно.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Беришвили:

«Все мингрельцы во главе с Гегечкори и Кедия (от меньшевиков и до фашистов) создавали особый культ Берия, считая его самым большим человеком в Советском Союзе, и всячески превозносили его и способствовали распространению среди иностранцев такого мнения, они все утверждали, что преемником Сталина И.В. обязательно будет Берия. Это я сам все слышал много раз от них, а также слышал это от турецких политических деятелей. Как бы мингрельцы-меньшевики и фашисты ни ругали советскую власть, они это никогда не делали в отношении Берия. Они считали его гением». Признавайтесь, что именно в результате преступных отношений, еще со времен гражданской войны между вами и грузинскими меньшевиками, вы спасали их от разгрома и рассчитывали на их полную поддержку в своей вражеской деятельности?

ОТВЕТ: Этого я не признаю. Беришвили провоцирует.

ВОПРОС: Вы признаете, что на протяжении своей работы в чекистских и партийных органах действовали как человек, чуждый и враждебный партии, стремившийся к установлению личной диктаторской власти и с этой целью окружавший себя людьми, готовыми выполнить ваше любое преступное задание?

ОТВЕТ: Не признаю.

ВОПРОС: Вы признаете, что еще во время работы в Азербайджане и Грузии сплотили вокруг себя группу заговорщиков, которая затем действовала совместно с вами?

ОТВЕТ: Не признаю.

ВОПРОС: Мичурина-Равера вы хорошо знаете. Он ваш приближенный?

ОТВЕТ: Знаю его. Приближенным не был.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Мичурина-Равера:

«...Я должен сказать, как человек, длительное время знавший его и наблюдавший за ним, что Берия был всегда властолюбивым и стремившимся к диктаторству. Это ярко проявлялось во время пребывания его в Азербайджане и в Грузии.

Берия убирал неугодных ему людей, делая это под видом их разоблачения как врагов народа или как не справившихся с руководством. Как мне теперь стало понятным, делая свою карьеру сначала по линии органов ВЧК—ОГПУ—НКВД, а затем по линии партийного руководства в Грузии и в Закавказье, Берия сумел весьма быстро реализовать свои цели и стать на положение вождя грузинского народа. В этом ему активно помогала группа чекистских работников, приближенных им к себе. В эту группу особо доверенных людей Берия входили в Грузии: Саджая, Меркулов, Кобулов Б., Кобулов А., Мильштейн, Деканозов, Цанава, Гоглидзе, Рапава, Церетели, позднее — Рухадзе; в других республиках Закавказья — Багиров, Агрба, Мугдуси, Цатуров и другие. Всех этих людей, кроме Багирова, Берия сам выдвигал на руководящую работу в чекистских органах, а затем, когда он возглавил закавказский краевой комитет ВКП(б) и ЦК КП Грузии, то расставил своих людей на руководящие государственные и партийные посты. Саджая стал секретарем обкома партии Аджарии, Деканозов — зам. председателя Совнаркома Грузии и председателем Госплана, Цанава — начальником Колхидстроя, потом секретарем обкома в Поти, Меркулов — начальником особого сектора, потом — начальником отдела и членом бюро ЦК КП Грузии, Гоглидзе — наркомом внутренних дел и т.д.

Когда Берия был назначен на работу в НКВД, с ним в Москву в 1938 г. поехали — Меркулов, Деканозов, Кобулов, Цанава, Мильштейн, Церетели, Гвишиани, Гульст Вениамин, Какучая, Капанадзе, Мамулов, Шария. Эти люди были расставлены Берия на руководящие посты в наркомате внутренних дел СССР и в некоторых союзных республиках. Гоглидзе был назначен начальником ОУ НКВД в Ленинград, Цанава — наркомом внутренних дел Белорусской ССР, Кобулов А. — первым заместителем министра внутренних дел УССР, Гвишиани — начальником управления НКВД Приморья во Владивостоке.

Вся эта группа лиц, приближенных Берия, была тесно связана с ним и готова выполнять любые его задания...».

Правильно показывает Мичурин-Равер?

ОТВЕТ: Он тенденциозен. Показывает неправильно.

ВОПРОС: Вы признаете, что в течение многих лет вас окружали соучастники: Кобулов Б., Гоглидзе, Деканозов, Савицкий, Рапава, Мичурин-Равер, Влодзимирский, Сумбатов, Кобулов А., Мильштейн, Мешик?

ОТВЕТ: Эти лица работали со мной на протяжении многих лет, но не являлись моими соучастниками, т.к. я отрицаю свою антисоветскую разведывательную работу.

ВОПРОС: Эти соучастники помогали вам избавляться от опасных или неугодных для вас людей, расчищая вам дорогу к власти?

ОТВЕТ: Неугодных людей я не убирал, и никто мне в этом не помогал.

ВОПРОС: Кому вы приказали «заинтересоваться» вашим эмиссаром Е. Гегечкори?

ОТВЕТ: По-моему, Гоглидзе.

ВОПРОС: Гегечкори был расстрелян по постановлению тройки под председательством Гоглидзе?

ОТВЕТ: Этого я не знаю, но наркомом тогда был Гоглидзе.

ВОПРОС: Кто вел следствие по делу Бедия?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: Вам предъявляется обвинительное заключение по делу Бедия, из которого видно, что следствие вели: Парамонов, Савицкий, Кобулов Б., а обвинительное заключение утверждено Гоглидзе. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, после ознакомления с обвинительным заключением это я подтверждаю.

ВОПРОС: Кто был председателем тройки, по постановлению которой был расстрелян Бедия?

ОТВЕТ: Не знаю. Наркомом тогда был Гоглидзе.

ВОПРОС: Кто утвердил обвинительное заключение по делу Папулия Орджоникидзе?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: Вам предъявляется обвинительное заключение по делу Павла Орджоникидзе, которое утверждено Гоглидзе.

ОТВЕТ: Мне предъявлено обвинительное заключение, я подтверждаю, что обвинительное заключение утверждено Гоглидзе, а составлено Гургенидзе и Зоделава.

ВОПРОС: Орджоникидзе также был расстрелян по постановлению тройки?

ОТВЕТ: Мне неизвестно.

ВОПРОС: Вам предъявляется выписка из протокола № 43 заседания тройки при НКВД Грузинской ССР от 9.XI.37 года, по решению которой Орджоникидзе П. был расстрелян.

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлена такая выписка.

ВОПРОС: Кто руководил следствием по делу Кедрова Игоря, Владимира Голубева и Батуриной?

ОТВЕТ: Не помню сейчас.

ВОПРОС: Вам предъявляется дело по обвинению Голубева В.П., из которого усматривается, что следствием по делу руководил Мешик, а обвинительное заключение составлено Либенсоном и Шварцманом, а утверждено Кобуловым Б.

ОТВЕТ: Подтверждаю.

ВОПРОС: Кто руководил следствием по делу М. Кедрова?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: Следствием руководил по делу Кедрова М. Мешик?

ОТВЕТ: Возможно, не отрицаю.

ВОПРОС: Кто руководил следствием по делу Белахова?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Следствием по делу Белахова руководил Кобулов Б.?

ОТВЕТ: Возможно.

ВОПРОС: Кто фальсифицировал и составлял задним числом постановления о расстреле Белахова, Кедрова М., Слезберг и других арестованных по списку 25 человек, утвержденному вами?

ОТВЕТ: Как и ранее показывал, мне неизвестно было, что эти постановления сфальсифицированы. Постановления эти, которые ранее же были предъявлены, составлялись Влодзимирским и Кобуловым.

ВОПРОС: Таким образом, именно ваши соучастники помогали вам расправляться с опасными или неугодными вам людьми и фальсифицировать следственные дела?

ОТВЕТ: Это я категорически отрицаю.

ВОПРОС: Признайтесь, что вы являлись, таким образом, организатором группы заговорщиков, совершавших тягчайшие преступления, в том числе и террористические убийства во имя ваших преступных контрреволюционных целей?

ОТВЕТ: Не признаю этого.

ВОПРОС: Признаете, что вашим контрреволюционным замыслом был захват власти и установление контрреволюционной диктатуры и что с этой целью вы проводили вредительские мероприятия?

ОТВЕТ: Отрицаю все это.

ВОПРОС: Вам понятно, что только в том случае, если органы Министерства внутренних дел являются верными проводниками политической линии Коммунистической партии и Советского государства, эти органы могут оправдать свое назначение?

ОТВЕТ: Абсолютно верно и понятно.

ВОПРОС: Вам понятно, что проведение в жизнь партийной и советской политики должно быть безусловным законом для органов Министерства внутренних дел?

ОТВЕТ: Абсолютно верно и понятно.

ВОПРОС: Вам понятно, что только враг народа и партии мог бы пытаться поставить органы Министерства внутренних дел над партией и государством, оторвать их от партии и государства?

ОТВЕТ: Абсолютно верно. Так может поступать только враг партии и народа.

ВОПРОС: Следовательно, давая задания органам МВД в тайне от партийных организации собирать сведения об их деятельности, провозглашая, что для чекистов есть один хозяин Берия, вы поступали как враг народа и партии?

ОТВЕТ: Я это категорически отрицаю. Я никогда не ставил своей целью противопоставлять органы МВД партии и правительству. Как я уже ранее показал о фактах сбора данных по Белоруссии, Прибалтике, Украине, что эти мои действия объективно партийные органы могли истолковать — и это было правильно, как противопоставление органов МВД партийным и советским органам, установление контроля МВД над партийными и советскими органами. Эти действия были антипартийными. Но я заявляю, что я не преследовал никакой вражеской цели. Наоборот, считал необходимым, чтобы органы МВД выполняли честно директивы партии и правительства.

ВОПРОС: Следовательно, сбор фальсифицированных и провокационных материалов, хранение их в отношении руководителей партии и правительства, шпионаж за руководителями партии и правительства указывают, что вы действовали как враг партии и народа в своих преступных контрреволюционных замыслах захвата власти и ликвидации Советского строя?

ОТВЕТ: Сбором провокационных материалов я не занимался, так же как не занимался шпионажем. Ранее данные показания от 17.VII.с.г. в отношении хранившихся в МВД провокационных материалов по отношению руководителей партии и правительства подтверждаю, так же как и подтверждаю, что мои действия являются преступными. Замыслов захватить власть я не имел.

Протокол прочитан, записано все с моих слов верно.

БЕРИЯ

Допрос окончен в 17 ч.15 м.

Допросил:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОЮЗА ССР
Действительный Государственный советник юстиции *РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 37—47. Копия. Машинопись.

№ 78
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Ш.Н. БЕРИШВИЛИ[1]

25 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 215/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса БЕРИШВИЛИ Шалва Несторовича от 25 августа 1953 года.

Приложение: на 5 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса

1953 года, августа 25 дня, следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР ЦАРЕГРАДСКИЙ допросил в качестве свидетеля БЕРИШВИЛИ Шалву Несторовича, который, будучи предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, дал следующие показания:

На прошлом допросе мне был задан вопрос о том, не повлиял ли мой арест в 1942 году и мое осуждение на безусловную правдивость моих показаний. Я ответил, что показываю только правду в отношении некоторых обстоятельств, касающихся восхваления Берия грузинскими эмигрантами за границей, его стремлений к захвату власти в стране. Я говорил, что правдивость того, что я показал, следствие докажет.

Сейчас я могу привести некоторые факты, которые частично подтверждают, с моей точки зрения, то, о чем я показал ранее.

Первое — о восхвалении Берия грузинскими эмигрантами от меньшевиков до фашистов, в особенности мингрельцами, о разговорах о том, что обязательно Берия будет на месте Сталина, о том, что Берия в 1938 году перевел и расставил близких ему людей с какой-то определенной целью, а в частности Деканозова, Кобулова, Меркулова, Цанава, Гоглидзе, Саджая и других, — я говорил еще до моего ареста в 1942 году.

Рассказывал я это в Грузии, когда после перехода границы и явки к пограничникам был направлен Рапавой в один из домов г. Тбилиси на улице Дзержинского, кажется № 13. Там проживал я 55 дней. Ко мне Рапавой был

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «Документы №№ 216, 215. т.т. Молотов и Хрущев ознакомлены. Д. Суханов. 28.VIII.53 г.», «Читал К. Ворошилов 29.VIII.53 г.», «Читал Булганин», «Читал Л. Каганович 31.VIII», «Читал Микоян 1.IX», «Читал М. Сабуров 2.IX.», «Читал Первухин 2.IX».

приставлен специальный работник НКВД Джоджуа Шукри (Георгий). Этому Джоджуа Шукри, который, кстати, мне заявил, что он якобы сочувствует и помогает меньшевикам, я на неоднократные вопросы о том, что говорят за границей о Берия, в ряде бесед рассказал о восхвалении Берия грузинскими эмигрантами как одного из самых способных государственных деятелей Советского Союза, что именно он будет вместо Сталина, что перевод им близких ему людей из Грузии в Москву, а также расстановка их на различные ответственные посты и в Москве и в республиках, сделаны им с какой-то целью и что у него есть намерение использовать этих людей для выполнения своего намерения. Я ему перечислил всех этих людей, которых помнил.

Между прочим Джоджуа мне в одной из бесед ответил, что, по его мнению, а также по мнению других лиц в Грузии, на месте Сталина наверное будет Берия.

Этот Джоджуа, насколько мне известно, и сейчас проживает в Грузии, так как в прошлом году он был допрошен как свидетель по делу Рапавы. По этому делу допрашивался и я.

Очевидно, после Джоджуа все это написал в НКВД, возможно, с добавлением кое-чего от себя, так как Влодзимирский, допрашивая меня, страшно ругал меня за якобы клевету на Берия.

Он тогда еще грозил мне побоями, карцером и т.д. Влодзимирский говорил мне, что клеветал я на Берия в то время, когда жил в Тбилиси, дожидаясь отправления в Москву.

Второе. Когда я был доставлен 15 января 1952 года в Тбилиси, во внутреннюю тюрьму МГБ СССР как свидетель по делу Рапавы, то в связи с этим и продолжительностью пребывания в тюрьме — полтора года, имел возможность читать литературу, а в частности грузинскую.

Меня тогда страшно поразило, что грузинские писатели и поэты безмерно превозносят в своих произведениях (стихах, поэмах, повестях и романах) Берия, приписывая в основном исключительно ему все то хорошее, что сделано в Грузии. В частности, спасение Закавказья от немецкого нашествия приписывается только ему. Основная роль великого русского народа в этом деле и руководителей его совершенно замалчивается. В целом ряде произведений Берия назван своим именем, а не образно. Поэтому, когда я сопоставлял известное мне за границей о Берия и здесь в Грузии, у меня складывалось уже определенное убеждение, что Ной Жордания был прав, когда меня назвал Фомой неверующим и когда говорил о наличии у него оснований утверждать, что Берия стремится к захвату власти.

Третье. Я убежден, что советские разведчики за границей, а также дипломаты, в частности в Турции и во Франции, не могут не знать о культе Берия за границей среди грузинских эмигрантов. Возможно, что они ранее этому не придавали значения и не доносили.

Четвертое. Немцы тоже считали Берия преемником Сталина. Об этом я показал до ареста Меркулову и Павлу Анатольевичу и самому Берия. Об этом в последующих моих допросах по делу все подробно изложено. Я считаю, что эти все факты достаточно убедительны и подтверждают сказанное мне Н. Жордания, а также правдивость моих показаний.

Я не имею доказательств и из-за этого первоначально не хотел на допросе показать на одно обстоятельство, касающееся Берия, но сейчас решил сообщить это следствию, которое проверит правдивость его в соответствии с другими данными.

Когда однажды, в 1928 или 1929 году, я и мой дядя Ной Рамишвили — б. министр внутренних дел при меньшевиках прочитал в тбилисской газете «Коммунист» (а газету мы выписывали) о назначении Берия на какую-то должность, то Рамишвили вспомнил в моем присутствии об аресте Берия в 1920 году меньшевистским правительством. Рамишвили сказал, что Берия был арестован его органами — начальником «особого отряда» Меки Кедия (отец фашиста Михаила Кедия) в 1920 году, когда он из Баку приехал в Грузию по каким-то заданиям от большевиков. Рамишвили тогда же сказал мне, что Берия после ареста все рассказал о своих заданиях и связях. Я удивился, а Рамишвили велел мне напомнить об этом, когда к нему придет Кедия Меки. Последний к нам вообще приходил часто. Я до смерти Рамишвили в 1930 г. жил с ним вместе. Когда к нам пришел Меки Кедия, то его спросили об аресте Берия в 1920 году и о том, как Берия вел себя на допросах. Кедия ответил, что Берия плакал и все разболтал о своих связях, заданиях, после чего он был освобожден. Хорошо не помню, но Кедия назвал тогда фамилию следователя, который допрашивал Берия. Кажется, он сказал, что Берия допрашивал следователь Чиабришвили.

Меки Кедия является родственником Спиридона Кедия, который был связан с англичанами с 1918 года через капитана, а потом полковника Скотта. Последний женился в 1936 году на дочери врача грузина Вахтанга Гамбашидзе. Последний также был связан с разведчиком Скоттом с 1918 года.

Ни Меки Кедия, ни Рамишвили мне ничего не сказали о том, имел ли Берия отношение к разведке до или после его освобождения.

Хочу сказать, что этот позорный факт Берия, когда им были выданы его товарищи и задания, совершенно извращен в романе А. Кутатели «Лицом к лицу», где в третьей книге этот арест Берия и пребывание его в Грузии расцениваются как его большой подвиг.

Когда я в 1942 году был привезен в Москву, то некоторое время жил на даче под Москвой, куда ко мне приезжал Павел Анатольевич, который сказал, что меня скоро вызовут. Вот то, что я хотел дополнить к своим предыдущим показаниям.

Мне известен еще один факт, касающийся Берия. В 1927 г. в Париж приехал бежавший из Грузии Акакий Кватаишвили, где он работал нелегально против советской власти. Брат Кватаишвили — меньшевик, б. офицер царской армии и полковник меньшевистской армии.

Кватаишвили знал, что еще в 1916 году в Тбилиси при меньшевиках была создана его товарищем (фамилию его я забыл) организация под названием как будто «Родина и справедливость» или «Родина и законность», целью этой организации было создание «демократической» России в старых границах. Организация эта была антисоветской. После установления советской власти в Грузии организация эта продолжала существовать и имела до 1927 года связь с Кватаишвили. По словам последнего, б. офицер царской армии Меркулов принадлежал к этой организации. Кватиашвили говорил, что Меркулов очень энергичный и способный человек. Кватаишвили также говорил, что Меркулов в связи с делом этой организации был арестован или вызван на допрос к Берия. Там Берия, увидев, что Меркулов очень толковый человек, попросил его сотрудничать с ним. Через некоторое время как будто Меркулов дал согласие сотрудничать с Берия. Кватаишвили рассказывал, что сотрудничать с Берия Меркулов пошел с разрешения руководителя этой организации.

Я, между прочим, смотрел список лиц, которые состояли в этой организации, их было в 1927 году 12 человек. Список этот мне показал Кватаи-

швили. Там мне запомнились фамилии — Морозова, Карпова и Приходько — все б. офицеры царской армии. Список этот я видел сам, и даже его я скопировал у Кватаишвили, а остальное все показываю со слов Кватаишвили.

Кватаишвили говорил мне и Жордания, что Берия работал больше головой Меркулова, чем своей. О том же нам тогда сообщали в Париже и нелегальные работники меньшевистского подполья, в частности Махарадзе Герасим.

Прочитано, записано с моих слов все верно.

Ш. БЕРИШВИЛИ

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ВАЖНЕЙШИМ ДЕЛАМ ЦАРЕГРАДСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 78—84. Копия. Машинопись.

№ 79

РАПОРТ А.А. БОЛХОВИТИНА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.П. БЕРИЯ[1]

24 августа 1953 г.

Совершенно секретно

№ 640/к

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Направляю Вам при этом рапорт бывшего помощника начальника Следственной части по особо важным делам МВД СССР т. БОЛХОВИТИНА о фактах преступной деятельности Берия и связанных с ним лиц.

С. КРУГЛОВ

Рапорт

заместителя начальника Контрольной Инспекции
при Министре внутренних дел СССР
полковника БОЛХОВИТИНА А.А.

Пятнадцать лет я проработал на следствии в центральном аппарате Министерства внутренних дел СССР (быв. НКГБ—МГБ СССР), из них последние семь лет в должности помощника начальника Следственной части по особо важным делам.

Проанализировав в связи с разоблачением ЦК КПСС врага Берия его так называемую деятельность в органах государственной безопасности, а также его многолетнее самозванное «шефство» над этими органами, я со своей стороны заявляю, что Берия, опираясь на ряд преданных ему антипартийных людей, проводил преступную линию в работе.

Берия, став осенью 1938 года заместителем наркома внутренних дел СССР, использовал это высокое назначение в своих карьеристских целях и культивировал те же порочные методы в агентурно-оперативной и следственной работе, что и враг партии Ежов.

Трудно разграничить — кто больше в то время (конец 1938 года) обманывал ЦК ВКП(б) показной работой органов НКВД — Ежов или Берия, кто больше произвел необоснованных арестов советских граждан, вскрыл мнимых антисоветских групп, организаций и резидентур — Ежов или Берия.

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «К делу Берия. Разослано: т. Молотову В.М., т. Хрущеву Н.С., т. Булганину Н.А., т. Руденко Р.А. Д. Суханов. 22.VIII-53 г.».

Оба они знали о беззакониях, творившихся в центральных и периферийных органах НКВД, оба поощряли массовые аресты советских граждан, насилия над арестованными, вымогательство показаний от обвиняемых и нанесли немалый вред государству.

Ежов за все эти преступные действия, как известно, поплатился. Берия же по свойственной ему привычке авантюриста обманывать партию сумел подвизаться в роли «разоблачителя» бывшего наркома, скрыл свои собственные грязные дела и избежал наказания.

Отчасти это удалось Берия потому, что всю следственную работу в Наркомате внутренних дел СССР он отдал на откуп своему душеприказчику Кобулову Богдану, назначив его начальником общей Следственной части НКВД СССР, который, установив контроль над показаниями арестованных, глушил появлявшиеся сигналы о неблаговидной деятельности Берия в Грузии и Москве.

С выходом в свет известного решения ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, строго запрещавшего необоснованные аресты советских граждан и произвол в следствии, Берия не довел его до сведения всех чекистов, не позволил изучить и широко обсудить этот важный программный документ для наших органов в партийных организациях и подразделениях НКВД. Зато Берия самолично созвал тогда всех следственных работников центрального аппарата НКВД и по существу ориентировал их на грубые методы в следственной работе, громогласно заявив, что «меры физического воздействия в отношении арестованных применялись и будут применяться».

Не случайно, что многие чекисты вплоть до обсуждения решения ЦК ВКП(б) от 11 июля 1951 года о неудовлетворительной работе органов МГБ СССР не знали о существовании закрытого письма ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года по этому же вопросу и, отвечая за допускаемые ими нарушения в оперативно-следственной работе, нередко оправдывались наличием распространившейся вредной установки Берия, данной им на широком совещании следователей. Руководя Следственной частью НКВД СССР, Кобулов, с ведома Берия, широко применял противозаконные методы ведения следствия, санкционируя избиения арестованных. Делалось это в целях создания дутых дел, в целях создания себе авторитета. С образованием в Министерстве Следственной части по особо важным делам с вступлением на должность начальника этой части Влодзимирского, положение дел в следствии в центре и на местах мало чем изменилось, ибо по-прежнему на него вредно влияли Берия и Кобулов.

Ставленник и послушный человек Берия и Кобулова — Влодзимирский, а также его заместители Шварцман и Родос постоянно требовали от следователей «шлифовки» (корректировки) протоколов допроса арестованных, изнурительных допросов обвиняемых в целях получения от них желаемых показаний. А так как где это резонансом доходило до периферийных органов, то и там длилось то же самое.

Берия, как известно, с 1940 года непосредственно не работал в НКВД. Тем не менее, Кобулов и Влодзимирский, а позднее Абакумов и Леонов многое почему-то делали по линии следствия в контакте с Берия и для Берия.

Сплошь и рядом они говорили следователям, что: «такого арестованного нужно размотать, ибо им интересуется Берия», «такой-то протокол вряд ли понравится Берия, и его следует подправить», «такое-то дело стоит на контроле у Берия, и с ним нужно поторопиться, а другие пусть полежат».

Вторые экземпляры основных документов следствия, как правило, направлялись непосредственно Берия.

Чувствовалось, что Берия держал этих людей в узде и через них старался подчинить себе органы следствия, как он это делал и в отношении аппарата разведки в целом.

Результатом этого вероломного воздействия Берия на органы явились многие нарушения и провалы в работе.

Приходу Берия в МВД СССР в марте 1953 года сопутствовало перетаскивание им в центральный аппарат старых своих связей, грязных и подмоченных людей типа Кобулова Богдана, его брата Кобулова Амаяка, Влодзимирского и других, в лице которых Берия видел свою опору, без которых Берия не мыслил работать. Им уже были реабилитированы и восстановлены на руководящей работе в органах арестовывавшийся за провокационную работу с агентурой Шлюгер, арестовывавшийся за попытку бежать в Турцию Храмелашвили, арестовывавшиеся за преступную деятельность за границей Матарадзе и Максимелишвили.

Неизвестно, как далеко пошел бы Берия с подобного рода начинаниями, нацеленными на создание себе антипартийного окружения, если бы он не был разоблачен ЦК.

В первые же дни своего пребывания на посту министра внутренних дел СССР Берия подверг огульному охаиванию все, что проделали ранее органы государственной безопасности СССР по борьбе с врагами. При этом он недвусмысленно нарицательно кивал в адрес ЦК КПСС, в адрес вождя советского народа и выпячивал свою роль человека, якобы пришедшего навести порядки в Министерстве.

На одном из оперативных совещаний (где присутствовали лица, сообщившие мне об этом факте) Берия приводил баснословные цифры «истребленной», по его словам, интеллигенции в стране, сокрушался по этому поводу и ни словом не обмолвился о том, что органы-то боролись не с интеллигенцией, а с троцкистами, бухаринцами и прочей сволочью, что даже его липовые натасканные цифры о так называемой «истребленной интеллигенции» скрытно содержат в себе действительные результаты работы партии и советской разведки по борьбе с вредителями, шпионами и оппортунистами всех мастей.

Ясно, что Берия сочувствовал всему этому отребью общества, а поэтому и причислял его к «пострадавшей интеллигенции».

Берия с явно вражеской целью дискредитации Советского Союза и выпячивания своей роли огульно охаял на весь мир известное дело врачей, а вместе с ним и на его фоне правительственный орган — МГБ СССР, проделав это без надлежащего разбирательства материалов.

Подобным же образом без надлежащего разбирательства Берия раскассировал так называемое грузинское дело, по которому, правда, проходили отдельные невиновные люди, но в то же время — ряд действительных преступников типа Петра Шария, Авксентия Рапава, Ильи Тавадзе и других.

Берия, не прикасаясь к этому делу, предвзято заявил, что оно «пустое», «липовое» и с помощью Кобулова, а также своих ставленников из Следственной части по особо важным делам Влодзимирского и Парамонова провел необоснованные освобождения арестованных, одновременно учинив расправу над следователями, занимавшимися этим делом.

Однако авантюра Берия не удалась.

Имеющиеся в архиве МВД СССР материалы на этих лиц и документы о их неправильном освобождении послужат ярким доказательством бесчинств и преступлений Берия, а также его сподручных Кобулова, Влодзимирского и Парамонова.

Друг Берия — Шария был, например, освобожден по одному окрику Берия на бывшего начальника внутренней тюрьмы МВД СССР Миронова А.Н. за несколько дней до вынесения постановления об освобождении, кстати сказать, несостоятельного постановления.

Рапава, Тавадзе и другие были освобождены после написания ими под диктовку Кобулова, Влодзимирского и Парамонова угоднических заявлений, прославляющих Берия, как их спасителя, и охаивающих следователей, как узурпаторов.

Берия делал все, чтобы вызволить из-под ареста своих людей, расставить их на высокие посты и опираться на них в проведении своей преступной деятельности. При этом Берия не считался с мнением ряда честных работников, представлявших объективные данные о грязном преступном прошлом арестованных, которым он шел на выручку.

Берия, несомненно, подлый человек и в быту, в личной жизни.

Помню, в 1949 году Абакумов долго возился с арестованной Следчастью по особо важным делам У.Л.П. уроженкой и жительницей гор. Москвы и, наконец, ее освободил, что произошло не без нажима Берия.

Эта легкого поведения девица, являвшаяся сожительницей пловца Бойченко, рассказывала в камере другим арестованным, что однажды ее вместе с подругой, тоже москвичкой, подцепили на улице Саркисов и Берия и затащили на дачу. Там Берия и Саркисов занимались любовными утехами с этими девицами.

Поскольку У. рассказывала обо всем этом в деталях арестованной Топорковой, а последняя передала факты мне, я сообщил о них т. Соколову — зам. нач. Сладчасти и Абакумову.

Абакумов тогда меня одернул, предупредив, чтобы я не собирал сплетни на высокопоставленных лиц. Однако вряд ли это было сплетней.

Характерно, что У. высказывала в камере уверенность, что с ней «ничего не сделает этот мальчишка Абакумов, если об ее аресте знает или узнает Берия». Так, собственно говоря, оно и произошло. Если У. действительно освобождена.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА КОНТРОЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ
при МИНИСТРЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Полковник (А. БОЛХОВИТИН)

24 августа 1953 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Л. 97—103. Подлинник. Машинопись.

№ 80
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО Б.З. КОБУЛОВА

25 августа 1953 г.

гор. Москва

Помощник Главного военного прокурора подполковник юстиции БАЗЕНКО с соблюдением ст.ст. 135—138 УПК РСФСР допросил нижепоименованного, который показал:

КОБУЛОВ Богдан Захарович (сведения в деле имеются).

Допрос начат в 21,5

ВОПРОС: Вы признаете, что, злоупотребляя своим служебным положением, из карьеристических и других преступных побуждений фальсифицируя дела, расправлялись с неугодными вам лицами?

ОТВЕТ: Нет, в этом я себя виновным признать не могу. Не исключаю, что в ряде случаев имели место ошибки, упущения в работе, недостаточно строгий надзор за работой подчиненного аппарата, но никакими преступными побуждениями я никогда не руководствовался. Как во время работы в аппарате НКВД Грузии, так и в НКВД СССР я был подконтрольным человеком, никогда не занимал первую роль, все свои действия согласовывал с соответствующими начальниками и действовал в соответствии с полученными от них указаниями.

ВОПРОС: Знаете ли вы Каранадзе Г.Т.?

ОТВЕТ: Да, знаю.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показаний Каранадзе Г.Т. от 28.VIII.53 г., который показал:

В 1937—38 гг. Кобулов сыграл зловещую роль, пользуясь тем, что Партия громила вражеские организации троцкистов, правых и других, он стал убирать с дороги всех своих потенциальных конкурентов.

Одновременно с этим Кобулов таким же путем парализовал всех лиц, которые, по мнению его и его шефа, Берия, могли помешать им в их карьеристических и авантюристических намерениях.

Для этой цели Кобулов сгруппировал вокруг себя верных людей, способных на любое грязное дело: Кримяна Никиту, Хазана и Урушадзе.

Вы подтверждаете эти показания?

ОТВЕТ: Эти показания я не подтверждаю. Я даже удивляюсь, откуда он это взял. В 1937—38 гг. он вовсе не работал в органах и был на партийной работе.

ВОПРОС: Скажите, Савицкий работал с вами в 1937—38 гг.?

ОТВЕТ: Да, работал. Он работал в моем подчинении.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показаний Савицкого от 8.VIII.53 г., который изобличает вас в том, что вы даете ложные показания.

Савицкий по этому поводу показал:

«Созданная Берия обстановка в 1937 г. позволила ему, Гоглидзе, Кобулову арестовать любое неугодное им лицо и расправиться с ним путем получения на него нескольких показаний от других арестованных при помощи их избиения».

Это правильно?

ОТВЕТ: Я не знаю, что конкретно имеет в виду Савицкий, но я утверждаю, что органы НКВД Грузии в этот период свою работу проводили в соответствии с директивами и указаниями НКВД СССР, а также ЦК Грузии, секретарем которого был в то время Берия. На основании тех же указаний применение физических мер воздействия носило относительно широкий характер, но в отношении арестованных, числящихся за подчиненным мне секретно-политическим отделом, санкция на применение таких мер давалась наркомом внутренних дел Грузии Гоглидзе, который обычно при этом или ссылался на имеющиеся у него указания НКВД СССР (вообще), или Берия (по конкретным делам).

Такая обстановка конечно, как это впоследствии было установлено проверкой по Советскому Союзу в целом, не исключала и по Грузии отдельных фактов перегибов или извращений. Но во всех случаях, когда они мне становились известны, принимались меры к их устранению.

ВОПРОС: Вы лжете. Вы не только не принимали никаких мер по устранению незаконных методов следствия, но, наоборот, сами были организато-

ром жестокого избиения арестованных и использовали это для фальсификации дел на неугодных вам лиц. Вы это признаете?

ОТВЕТ: Нет, не признаю. Я признаю то, что в соответствии с полученными мною указаниями, я действительно поручал подчиненным мне работникам применять меры физического воздействия в отношении тех или иных лиц, арестованных за вражескую работу, но никогда никому я не давал заданий на фальсификацию дел или материалов.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показаний Надарая С.Н. от 14.VIII.53 г., который показал:

«Работая начальником внутренней тюрьмы на протяжении почти трех лет, я сам был свидетелем массовых случаев избиения арестованных, содержавшихся в тюрьме.

Мне известно, что арестованных избивали систематически и очень жестоко.

Избивали арестованных с санкции Гоглидзе и Кобулова Богдана. Знал об избиениях арестованных и Берия, который тогда был секретарем ЦК Грузии. Причем Берия постоянно сам приезжал в МВД и допрашивал арестованных в кабинете Кобулова.

Часть арестованных возили к нему на допрос в здание ЦК.

В тюрьме арестованных избивали ремнями, веревками и палками. При избиении над арестованными издевались. Арестованных ставили на несколько суток в угол. По нескольку суток заставляли стоять с тяжелым грузом до тех пор, пока арестованный, изнемогая, падал. Для этой цели к арестованному привязывали веревками стол, на стол укладывали различный груз, и арестованный должен был все это держать на себе. В таком положении арестованный должен был стоять до полного изнеможения.

Многих арестованных на длительное время сажали в холодный, сырой карцер и держали голодом.

Нередко арестованных избивали да того, что они потом умирали, причем таких арестованных перед смертью увозили в общую тюрьму.

Избивали арестованных до того, что их крики были слышны на улице.

Организаторами всех этих издевательств над арестованными и жестоких избиений были: Богдан Кобулов, Константин Савицкий, Никита Кримян и Хазан, имя последнего не помню.

Вы подтверждаем эти показания?

ОТВЕТ: Эти показания я подтверждаю частично. Я повторяю, что в 1937—38 гг. избиение арестованных за вражескую работу носило относительно широкий характер и не запрещалось руководящими органами. Организатором избиений и издевательств над арестованными я не был.

Повторяю, я только передавал получаемые мной от Гоглидзе указания аппарату об избиении арестованных, в том числе лицам, перечисленным в показании Надарая.

За извращения и издевательства над арестованными люди не наказывались.

Помню действительно два случая смерти после избиения арестованных и один случай помещения арестованного в холодную комнату. Когда я узнал, что к арестованным применяют такого рода издевательства, как навьючивание вещей, я и Гоглидзе это запретили.

ВОПРОС: Вы опять лжете. Вам оглашается выдержка из показаний того же Надарая от 14.VIII.53 г., который показал, что вы и Гоглидзе санкционировали издевательства над арестованными.

Касаясь конкретно дела на арестованного бывшего секретаря ЦК Грузии Мамулия, Надарая показал: «Во время следствия Мамулия жестоко избивали. Я помню, что в течение 7—8 дней его заставляли стоять с привязанным столом с грузом.

Когда он падал, его поднимали и снова заставляли стоять. Когда Мамулия с привязанным столом стоял несколько суток в кабинете следователя, почти ежедневно к нему заходили Кобулов или Гоглидзе».

Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Таких деталей издевательства в отношении Мамулия я не знаю. Ежедневно я не справлялся о ходе следствия по делу. Но помню, что Гоглидзе заинтересовался ходом следствия по делу Мамулия и сказал, что хочет сам с ним поговорить. Мы вместе с ним зашли в комнату следователя, где действительно Мамулия стоял, навьюченный столом. Вот, по-моему, в связи с этим и последовало распоряжение, строго запрещающее следователям подобные издевательства над арестованными.

ВОПРОС: Кто же в таком случае давал указание о проведении таких издевательств над арестованными, и в частности, кто разрешил держать арестованного Мамулия в течение целой недели с привязанным столом?

ОТВЕТ: Кто давал такие разрешения, я не знаю. Я такого разрешения не давал. Очевидно, следователи самовольничали.

ВОПРОС: Вы опять лжете. Вам оглашается выдержка из показании Давлианидзе С.С., который изобличает вас, как организатора издевательств и массового избиения арестованных.

Давлианидзе показал:

«При проверке работы сотрудников 1-го отделения СПО, как-то: начальника 1-го отделения Хазана..., зам начальника 1-го отделения СПО Савицкого..., старшего оперуполномоченного Кримяна... и оперуполномоченного Гарибова, проверкой их работы и наблюдением выявил ряд фактов нарушения ими революционной законности по отношению к арестованным, явно провокаторские методы ведения следствия и применения мер физического воздействия над всеми арестованными — без учета состава преступления арестованных. Они вели следствие по делам на арестованных по санкциям на их арест со стороны Берия, Гоглидзе и Кобулова.

В 1938 г. неоднократно докладывал я Кобулову Б.З., что Хазан применяет провокационные методы следствия, а вместе с ним Савицкий и Кримян, что надо строго контролировать и проверять их следственную работу, а также проверить их личности, т.к. мне известно, что Хазан имел до 1936 г. переписку со своим дядей, профессором Шанхайского университета, а отец Савицкого — белый офицер и находится в эмиграции...

Однако мер никаких Кобулов Б.З. против них не принял и дал им указания не допускать меня к следственным делам, находящимся в производстве 1-го отделения и у следственной группы».

Почему вы не реагировали на полученные вами сигналы о провокационных методах следствия и поголовном избиении арестованных?

ОТВЕТ: Показания Давлианидзе я категорически отрицаю и заявляю, что он находится со мной во враждебных отношениях с 1938 г.

О том, что Хазан переписывался со своим родственников в Шанхае и Савицкий имел родственника за границей, Давлианидзе мне никогда не говорил.

Что касается провокационных методов следствия, то Давлианидзе как мой заместитель имел от меня поручение контролировать ход следствия

именно во избежание провокаций. Помнится, что секретарь партийной ячейки отдела Твалчрелидзе в тот период говорил мне, что парторганизация хочет заслушать вопрос о неправильном поведении Давлианидзе, выражавшемся в огульном охаивании результатов работы отдела. Слушался ли этот вопрос на парторганизации, я не помню.

ВОПРОС: Однако Давлианидзе докладывал вам, что Хазан, Савицкий и Кримян применяли провокационные методы следствия.

ОТВЕТ: Такого случая я не помню. В отношении Хазан я был сам всегда очень настороже и критически принимал его предложения, т.к. имел сигналы о том, что он, не зная конкретных условий Грузии, допускает ошибки в оценке различных политических событий и, следовательно, лиц, принимавших в них участие.

ВОПРОС: Скажите, за что Хазан был отстранен от работы?

ОТВЕТ: Нами были получены данные о том, что Хазан в 1927 г. или в 1928 г. в Одессе был связан с группой учащихся, примыкавших к троцкистской оппозиции. Кажется, в этой связи он был арестован и отстранен от работы.

ВОПРОС: Следовательно, Хазан, будучи сам троцкистом, по вашему поручению занимался расследованием дел в отношении лиц, арестованных за принадлежность к троцкистам?

ОТВЕТ: Только не по моему поручению. В качестве начальника СПО я стал работать с 1937 г., и Хазан работал начальником 1-го отделения СПО до моего назначения. В Грузию он был переведен из Москвы. Ничего политически компрометирующего Хазана я в тот период не знал. Когда впервые я узнал о связи Хазана с группой принадлежавшей к троцкистской оппозиции и при каких обстоятельствах я об этом узнал — не помню.

ВОПРОС: Вам известно, что в 1938 г. в отношении Хазана было возбуждено уголовное дело, который обвинялся в провокационных методах следствия и грубых нарушениях социалистической законности?

ОТВЕТ: Да, смутно помню.

ВОПРОС: Почему Хазан не был привлечен к уголовной ответственности?

ОТВЕТ: Точно я не помню, но по-моему, было указание Гоглидзе ограничиться его увольнением из органов, учитывая его положительную работу, проделанную им в Грузии.

ВОПРОС: Вы признаете, что Хазан не был привлечен к уголовной ответственности в результате покровительства с вашей стороны и Гоглидзе?

ОТВЕТ: Я ему никакого покровительства не оказывал.

ВОПРОС: Чем же в таком случае объяснить такое снисходительное отношение к решению вопроса об ответственности Хазан, который, как вы сами говорите, примыкал к троцкистской оппозиции и обвинялся в провокационных методах ведения следствия?

ОТВЕТ: Такое решение принял Гоглидзе. Это решение он объяснил тем, что Хазан сделал много полезного за время его работы в НКВД Грузии.

ВОПРОС: За что был уволен из органов Савицкий?

ОТВЕТ: Не знаю. Он был уволен в 1939 г. после моего переезда в Москву.

ВОПРОС: Где работал Савицкий после увольнения из органов?

ОТВЕТ: До войны он работал в мясомолочной промышленности и Закметаллургстрое. Во время войны он был начальником отдела трофейного имущества штаба Закавказского фронта.

ВОПРОС: Впоследствии по вашей рекомендации Савицкий снова был взят на работу в органы?

ОТВЕТ: Савицкий, кажется в 1942 г., подал рапорт о восстановлении его на работу в органы. Я этот рапорт направил на заключение зам. министра по кадрам Обручникову с просьбой проверить, насколько основательно он был уволен из органов и соответствуют ли действительности сведения о том, что его отец бежал в Иран.

Обручников доложил через некоторое время, что Савицкий уволен неосновательно и что его отец умер где-то в Средней Азии. На этом основании, со слов Обручникова, управление кадров сочло возможным удовлетворить просьбу Савицкого, которого я взял к себе секретарем.

ВОПРОС: Вы признаете, что, работая в НКВД Грузии, Вы специально подбирали вокруг себя преданных вам лиц, которые выполняли ваши преступные замыслы по уничтожению неугодных вам лиц?

ОТВЕТ: Никак не признаю. Я руководствовался только одним — вскрыть и ликвидировать антисоветское подполье. Людей я не подбирал, т.к. по своей должности я не имел на это права. Что касается Савицкого и Кримяна — они положительно зарекомендовали себя по чекистской линии и поэтому были переведены на работу в СПО.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показании Винер Я.Е., который, касаясь Хазана, Савицкого и Кримяна, заявил: «Через этих людей Кобулов создавал провокационные дела на лиц, которых он считал помехой на своем карьеристическом пути и которых считал нужным убрать с дороги».

Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Нет, категорически отрицаю. Винер находится со мной во враждебных отношениях.

ВОПРОС: Вернемся к вопросу об организованных вами преступных методах ведения следствия.

Вам оглашается выдержка из показаний Парамонова от 17.VIII.1953 г.:

«Уже тогда, общаясь с оперативными работниками, я узнал, что у нас существует практика, когда арестованные, отрицающие предъявленные им обвинения, в большинстве случаев по существу не допрашиваются и их показания нигде не фиксируются. Протоколы "без признания" вообще считались никчемными и составлялись только тогда, когда арестованные признавались. В них одно отмечалось, что тот или иной арестованный после упорного отрицания своей вины решил стать на путь признания и считает невозможным больше отпираться. В подавляющем большинстве случаев такое признание было не результатом изобличения арестованного данными, которыми располагало следствие, а исключительно применения к нему мер физического воздействия.

Безусловно, руководство Наркомата в лице Гоглидзе и Кобулова не только знало о такой порочной практике, но ее и поощряло.

Ближе с этой практикой я столкнулся тогда, когда стал помогать Савицкому в расследовании отдельных дел. Обычно после ареста мы вызывали заключенного и по имевшимся материалам предлагали сознаться и рассказать о его антисоветской или террористической деятельности.

Если арестованный отрицал свою вину, мы, не записывая его показаний, отправляли его обратно в камеру, а Савицкий обращался к Кобулову и получал санкцию на применение физических мер воздействия. После этого, при следующем вызове арестованного, мы вновь требовали признания, а в случае упорства принимались его избивать, и так продолжалось до тех пор, пока арестованный не соглашался давать показания, изобличая себя и других арестованных.

Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Нет, не подтверждаю. Такой практики, как правило, не существовало. Допускали ли подобные нарушения Савицкий и Парамонов, я не знаю, но подтверждаю, что на лиц, изобличаемых во вражеской работе, но не признававшихся, с санкции Гоглидзе в каждом отдельном случае применялись меры физического воздействия.

Это не исключает возможности нарушения правил ведения следствия в отдельных случаях, о которых мне не было известно.

ВОПРОС: Вы признаете, что лично избивали арестованных?

ОТВЕТ: Несколько случаев таких у меня было. Помню, что по указанию Берия я несколько раз ударил Матикашвили. Кого я еще избивал, я не помню.

Записано с моих слов правильно и мной прочитано.

Б. КОБУЛОВ

Допрос окончен в

Допросил:
ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *БАЗЕНКО*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 161—171. Подлинник. Машинопись.

№ 81
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОТРУДНИКА МВД СССР В.Н. ГУЛЬСТА

1 сентября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 235/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Вызванный на допрос бывший сотрудник органов МВД СССР ГУЛЬСТ Вениамин Наумович, член КПСС с 1921 года, дал следующие показания:

«В 1940 году в период моей работы зам. начальника 1 отдела по охране меня вызвал к себе Берия. Когда я явился к нему, он задал мне вопрос: знаю ли я жену Кулика. На мой утвердительный ответ Берия заявил: "Кишки выну, кожу сдеру, язык отрежу, если кому-либо скажешь то, о чем услышишь". Затем Берия сказал: "Надо украсть жену Кулик, в помощь даю Церетели и Влодзимирского, но надо украсть так, чтобы она была одна". В районе улицы Воровского в течение двух недель мы держали засаду, но жена Кулик одна не выходила. Ночью к нам каждый день приезжал Меркулов — проверять пост, он поторапливал нас и ругал, почему мы медлим. Но однажды она вышла одна, мы ее увезли за город в какой-то особняк. Что стало с этой женщиной, какова ее судьба, я не знаю. Слышал, что Кулик объявлял розыск своей жены, но найти ее не мог. Весной 1940 года Берия приказал мне вызвать мою машину и подать ее к 1 подъезду здания НКВД. В машину сели Берия, его шофер Борис Сергеев и я. Берия приказал ехать на дачу Литвинова, она была километрах в 30 от Москвы. Дачу Литвинова я показал Берия, он предложил ехать обратно. Когда мы отъехали километров пять, на крутом повороте Берия вылез из машины и сказал мне, что надо подгото-

вить диверсионный акт в этом месте против Литвинова. Берия обследовал место и наметил следующий план: когда машина Литвинова будет возвращаться из города на дачу, из-за поворота ему навстречу должна была выйти грузовая автомашина, за рулем которой должен был сидеть я, а в помощь мне придается Сергеев. Обстановка местности, рельеф ее, не позволяли уйти легковой машине из-под удара грузовой автомашины, которая должна была развить предельную скорость и врезаться в легковую машину. Необходимость такого диверсионного акта Берия мотивировал полученным якобы указанием от одного из руководителей партии и правительства. Через несколько дней Берия меня вызвал вторично и сообщил, что необходимость диверсионного акта отпала, и приказал молчать и никому не говорить о его задании».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 172—173. Подлинник. Машинопись.

№ 82

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Ш.О. ЦЕРЕТЕЛИ

1 сентября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 241/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого ЦЕРЕТЕЛИ Ш.О. от 1 сентября 1953 года.

Приложение: на 3 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса

1953 года, сентября 1 дня, Военный прокурор военной прокуратуры войск МВД СССР подполковник юстиции АНДРЕЕВ допросил обвиняемого ЦЕРЕТЕЛИ Шалва Отаровича.

Допрос начат в 11 ч. 50 мин.

ВОПРОС: На допросе 24 августа вы показали, что в 1941 году отказались участвовать в так называемой особой группе, создаваемой Берия и Судоплатовым для похищения и избиения советских граждан. Это соответствует действительности?

ОТВЕТ: Да, соответствует. Я действительно отказался участвовать в этом деле, о чем я сказал Судоплатову, а затем и Берия.

ВОПРОС: Ваш ответ свидетельствует о том, что даже после ареста вы продолжаете скрывать свою преступную связь с Берия. Разве вы не участвовали в похищениях советских граждан?

ОТВЕТ: От следствия я ничего не скрываю. В похищениях советских граждан я не участвовал. Были факты, когда я вместе с другими работниками отдела участвовал в так называемых негласных изъятиях отдельных лиц с последующей доставкой их в НКВД, но делалось это только по указанию руководства. Отделу давалось задание снять негласно такого-то человека и доставить его в здание НКВД, что мы затем и выполняли. Для чего это де-

лалось, по чьей инициативе, я не знаю. Также не знаю о том, что было с теми лицами, которых мы негласно доставляли в здание НКВД. Мы были просто исполнителями. Заявляю, что таких фактов в моей практике было несколько. Фамилии лиц, которые с моим участием были доставлены в НКВД, я сейчас не помню.

ВОПРОС: По заданию Берия или Кобулова Богдана вы участвовали в избиениях или убийствах советских граждан?

ОТВЕТ: В избиениях и убийствах советских граждан я не участвовал. Имел место случай, когда по заданию Берия и Кобулова Богдана я вместе с Влодзимирским и еще одним работником, фамилию которого сейчас не могу вспомнить, участвовал в ликвидации двух человек — мужчины и женщины, но я не считаю это убийством.

ВОПРОС: Расскажите об этом факте.

ОТВЕТ: Сейчас я не могу вспомнить, в каком году это было, кажется, в 1939 или 1940, но помню, что в летнюю пору. Я был вызван в кабинет Кобулова Богдана, где, когда я пришел, увидел, кроме Кобулова, Влодзимирского и еще одного сотрудника. Кобулов тогда объявил нам, что у нас есть двое арестованных, которых нужно ликвидировать необычным путем. Мотивировал он это какими-то оперативными соображениями. Тогда же он объявил, что нам троим поручается выполнение этого задания и что мы должны это сделать прямо в вагоне, в котором будут ехать этих люди из Москвы в Тбилиси, на территории Грузии. Кобулов говорил также, что затем нужно сделать так, чтобы народ знал, что эти люди погибли при автомобильной катастрофе при следовании на курорт Цхалтубо и что для этого нужно столкнуть автомашину в овраг. Кобулов сообщил нам, что по этому вопросу даны соответствующие указания Рапава А.П., работавшему тогда наркомом внутренних дел Груз. ССР. От Кобулова сразу же все мы пошли в кабинет Берия. Берия нового ничего не сказал, повторив в основном то же, что сказал нам Кобулов. Не помню, или у Кобулова, или у Берия, я просил разрешение ликвидировать этих лиц с применением огнестрельного оружия, но нам этого не разрешили и заявили, что нужно ликвидировать тихо, без шума. Старшим в этом деле был Влодзимирский. Я помню, что вагон был необычным, в вагоне был даже салон, всего нас в вагоне было пять человек — нас трое и мужчина с женщиной, последние ехали в разных купе. Не доезжая г. Кутаиси, мы ликвидировали этих лиц. Влодзимирский молотком убил женщину, а я молотком ударил по голове мужчину, которого затем третий наш сотрудник придушил. Этот же сотрудник сложил затем тела в мешки, и переложили на автомашину. Рапава же в соответствии с полученным заданием организовал автомобильную «катастрофу». Известно, что тела убитых были похоронены где-то по указанию Рапава, но затем было получено указание из Москвы похоронить этих лиц с почестями, и тогда тела были выкопаны, положены в хорошие гробы и вновь похоронены, но уже гласно. Что это были за лица, которых мы ликвидировали, я не знаю. После выполнения задания Влодзимирский мне рассказывал, что это были муж и жена, что этот человек работал где-то за границей, кажется, в Японии или Китае, а затем нам изменил и занимался шпионажем. Ликвидацию этих людей я считал законной, поскольку возглавлял это дело Влодзимирский, работавший тогда начальником следственной части по особо важным делам и знавший дела на этих арестованных. Кроме того, Кобулов говорил нам, что с этим человеком по шпионажу связаны другие лица и они сейчас находятся

за границей, а он прибыл на месяц в отпуск, и если вовремя не вернется обратно или долго будет содержаться в заключении, то это станет достоянием тех лиц и они могут не возвратиться в Советский Союз и тем самым избежать ответственности за свою преступную деятельность. Я верил, что указания Кобулова и Берия исходили из интересов дела и были законными. К тому же это было приказание, которое я обязан был выполнять.

ВОПРОС: Еще в каких убийствах по заданию Берия и Кобулова вы участвовали?

ОТВЕТ: Нет, не участвовал и заданий такого характера я больше не получал от них.

ВОПРОС: Что вы можете дополнить к своим показаниям по вопросу вашего участия в избиениях, похищениях и убийствах советских граждан?

ОТВЕТ: Я вспомнил, что вместе с Влодзимирским и Гульст В. я участвовал в тайном изъятии жены бывшего маршала Советского Союза Кулика, выполнено это было по указанию Берия. Возглавлял эту операцию Влодзимирский, и он же затем доставлял эту женщину по назначению. Для чего была изъята эта женщина и что с ней случилось потом — мне неизвестно. Других дополнений по этому вопросу я не имею.

Допрос окончен в 17 ч. 55 мин.

Записано с моих слов правильно и мной прочитано.

ЦЕРЕТЕЛИ

ДОПРОСИЛ:
ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР МВД СССР
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *АНДРЕЕВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 187—190. Подлинник. Машинопись.

№ 83
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.Е. ВЛОДЗИМИРСКОГО

2 сентября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 253/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого ВЛОДЗИМИРСКОГО Л.Е. от 2 сентября 1953 года.

Приложение: на 4 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

2 сентября 1953 г. ст. помощник Главного военного прокурора полковник юстиции ИВАНОВ допросил в качестве обвиняемого ВЛОДЗИМИРСКОГО Льва Емельяновича.

Допрос начат в 13 часов.

ВОПРОС: О каких случаях негласного изъятия или уничтожения граждан вам известно?

ОТВЕТ: Такие случаи негласного изъятия и ареста граждан возможно и были, но я знаю только об одном, а именно об изъятии гр. Симонич-Кулик, в котором я участвовал.

Мне известен один факт, когда двух арестованных мужа и жену отвезли недалеко от Тбилиси и там уничтожили их под видом автомобильной катастрофы. Об этом сразу же было объявлено в тбилисских газетах, как о несчастном случае. В этой операции принимал участие и я. Фамилий уничтоженных лиц я не помню.

ВОПРОС: Расскажите, кто и когда вам давал указания по уничтожению этих лиц и кто с вами в нем участвовал?

ОТВЕТ: В июле или в августе 1939 г. меня, Церетели и Миронова (начальника внутренней тюрьмы) вызвал к себе Берия. У него тогда находились Кобулов Б. и Меркулов. Берия поручил нам троим выполнить строго секретную операцию по уничтожению двух дел, которые являются шпионами. Тогда же у Берия или Кобулова был разработан план ликвидации этих лиц. Во всяком случае, этот план был утвержден Берия. Старшим группы был назначен Церетели. Согласно этому плану мы получили вагон с салоном. Начальник внутренней тюрьмы привез двух арестованных мужа и жену, которые были помещены в разные купе. Двери этих купе держали приоткрытыми, и я, Церетели и Миронов поочередно сторожили арестованных в коридоре. В этом вагоне мы следовали с поездом из Москвы в Тбилиси, а затем далее на Батуми. В пути, на одном из перегонов за Тбилиси, Миронов и Церетели убили арестованных ударами молотков по затылку. Сначала мною был выведен из купе в салон арестованный мужчина, который в салоне был убит Церетели и Мироновым, а затем таким же порядком мною в салон была доставлена арестованная гражданка, которая ими же была убита.

На одном из полустанков на рассвете нас встретил с двумя автомашинами Рапава. Мы вынесли трупы, поместив их в одну из машин, отвезли на дорогу к обрыву у крутого поворота дороги. Шофер на ходу выскочил, а машина с трупами свалилась в обрыв, и разбилась. После этого мы уехали с места происшествия, и все остальное по инсценировке автомобильной катастрофы и ее расследованию организовал Рапава.

ВОПРОС: О результатах выполнения задания вы докладывали Берия и Кобулову?

ОТВЕТ: О результатах выполнения задания Церетели докладывал Берия или Кобулову. Сам я, возможно, разговаривал с Кобуловым о том, как была выполнена эта операция.

ВОПРОС: Какие поощрения вы имели от Берия за эту операцию?

ОТВЕТ: Весной 1940 г. я был награжден орденом «Красное Знамя». Мне тогда не говорили, за что я награжден. Возможно, что я был награжден орденом за эту операцию.

ВОПРОС: Скажите, Влодзимирский, откровенно, не вы ли являлись старшим в этой группе и не вы ли лично убили арестованную гражданку Бовкун-Луганец Нину Валентиновну?

ОТВЕТ: Старшим в группе был не я, а Церетели. Гр. Бовкун-Луганец, фамилию которой я теперь вспомнил, убивал не я. Однако я принимал участие в этом деле ликвидации мужа и жены Бовкун-Луганец.

ВОПРОС: Вам оглашаются выдержки из показаний Церетели от 1 сентября 1938 г. Церетели показал:

«Старшим в этом деле был Влодзимирский. Я помню, что вагон был необычным, в вагоне был даже салон, всего нас в вагоне было пять человек — нас трое и мужчина с женщиной, последние ехали в разных купе. Не доезжая г. Кутаиси, мы ликвидировали этих лиц. Влодзимирский молотком убил женщину, а я молотком ударил по голове мужчину, которого затем третий наш сотрудник придушил. Этот же сотрудник сложил затем тела в мешки, и переложили в автомашину. Рапава же в соответствии с полученным заданием организовал автомобильную “катастрофу”. Что это были за лица, которых мы ликвидировали, я не знаю. После выполнения задания Влодзимирский мне рассказывал, что это были муж и жена, что этот человек работал где-то за границей...».

Вы подтверждаете эти показания Церетели?

ОТВЕТ: Я утверждаю, что старшим в нашей группе был Церетели, который знал местные условия и тогда был старше меня по званию. Возможно, что я передавал Церетели то, что мне рассказывал о них Кобулов Б. Я помню, что я спрашивал Кобулова после ухода от Берия о том, чем вызвана ликвидация этих лиц. Кобулов мне разъяснил, что эти лица — Бовкун-Луганец и его жена — работали за границей, являются крупными шпионами, и что их ликвидация необходима для дезинформации иностранной разведки, чтобы она не знала, что Бовкун-Луганец и его жена были арестованы.

Я входил в группу и принимал участие в ликвидации Бовкун-Луганец и его жены, но сам я ее не убивал, а в это время наблюдал за тем, чтобы никто из железнодорожников не прошел к нам в вагон из другого вагона. Трупы мы выносили, взяв их под руки, и в мешки их не прятали.

ВОПРОС: В каких убийствах по заданию Берия и Кобулова и вместе с кем вы еще участвовали?

ОТВЕТ: Я не участвовал в других случаях ликвидации граждан, а этот случай я не считал убийством, а рассматривал его как оперативное задание. Берия упоминал, что это строго секретное правительственное задание.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

ВЛОДЗИМИРСКИЙ

Допрос окончен в 14 час. 40 мин.

Допросил:
СТ. ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *ИВАНОВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 201—205. Подлинник. Машинопись.

№ 84
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ Р.Ф. МЕЛИХОВОЙ

7 сентября 1953 г.

Совершенно секретно

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса свидетельницы МЕЛИХОВОЙ Раисы Федоровны от 7 сентября 1953 года.

Приложение: на 5 листах.

Р. РУДЕНКО

№ 275/ссов
9 сентября 1953 года

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

1953 года, сентября 7 дня, помощник Генерального прокурора СССР СМИРНОВ допросил с соблюдением ст. 162—168 УПК РСФСР в качестве свидетеля

МЕЛИХОВУ Раису Федоровну, 1908 года рождения, уроженку г. Ровно УССР, паспорт XXXI-СУ № 742683 выдан 14.VI.1952 года 9 отделением милиции г. Москвы; замужем, имеет троих детей; русская, служащая, с незаконченным высшим образованием — МВТУ имени Баумана (три курса); с обвиняемым посторонняя; из семьи служащего; несудившуюся, беспартийную, проживающую в Москве, Мытная ул., д. 23, кв. 313, тел. В 2-59-52.

ПОДПИСКА: В соответствии со ст. 164 УПК следователь меня предупредил об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

МЕЛИХОВА

Мой муж И.М. Кедров служил в иностранном отделе НКВД СССР, занимаясь вопросами разведывательной работы по странам ближнего запада Германия, Австрия, Венгрия. Осенью 1938 года муж неожиданно для него был переведен с этой работы в систему ГУЛАГа и направлен на работу в один из лагерей в Ныроб (насколько помнится, без определенного назначения на усмотрение администрации лагеря). Муж дружил с сотрудником НКВД В. Голубевым (по существу Голубев являлся членом нашей семьи; с 1935—1936 г. Голубев жил с нами вместе). Голубев работал в КРО НКВД, занимаясь вопросами контрразведки по тем же странам ближнего запада, которыми занимался и мой муж.

После того как муж был направлен на работу в Ныробский лагерь, Голубев предложил поговорить со своей приемной матерью — старой коммунисткой-подпольщицей Батуриной. Батурина являлась женой одного из редакторов «Правды» в дореволюционное время — Батурина. Последние годы Батурина тяжело болела и в течение восьми лет лежала в постели.

Батурина обещала Голубеву поговорить об Игоре с одним из руководящих работников; не знаю — выполнила ли она это обещание, но через некоторое время И.М. Кедров был переведен обратно в Москву и возвращен на работу в ИНО.

Голубев продолжал все время работать в контрразведке. Мне известно, что Голубев был принят Берия, который, очевидно, знал Голубева по семье бывшего председателя ЗакЧК Могилевского (родная мать Голубева была второй женой Могилевского). Во всяком случае, Голубев был обласкан Берия и, несмотря на молодость (1913 года рождения), назначен на должность начальника отделения.

Мне известно, что с течением времени у моего мужа и у Голубева зародились подозрения в отношении Берия. Из отдельных реплик мужа и Голу-

бева я поняла, что эти подозрения вызваны проводившейся Берия линией на разрушение нашей разведывательной сети в Германии. Муж говорил, что в случае войны с гитлеровской Германией там не останется ни одного нашего агента. На чем основывались эти выводы мужа — я не знаю. Кроме того, недовольство и подозрения у мужа и Голубева вызывало и то, что после прихода Берия на должность народного комиссара внутренних дел СССР методы работы остались такими же, как и при Ежове.

Мне известно также, что Берия вызывал к себе моего мужа и Голубева и между ними состоялся какой-то крупный неприятный разговор. Мой муж об этом разговоре ничего мне не сообщил, но Голубев сказал как-то, что Берия на него кричал, а Голубев ответил ему якобы: «Не кричите на меня. Вы такой же коммунист, как и я», после чего вышел из кабинета, хлопнув дверью. В начале февраля 1939 года мой муж и Голубев были уволены из органов НКВД. Еще до своего увольнения муж и Голубев решили написать заявление в ЦК ВКП(б), высказав в этом заявлении свои подозрения по поводу Берия. Они начали писать это заявление до увольнения из органов НКВД, но закончили его и отправили в ЦК уже после увольнения.

Заявление они писали тщательно конспирируясь, печатали его на пишущей машинке сами.

Однажды, когда муж пошел мыться в ванну, я в кармане его гимнастерки обнаружила начало этого заявления. Оно было адресовано в ЦК ВКП(б) на имя товарища Сталина. Мне стало неудобно читать это заявление, и я делать этого не стала. Составляя заявление, муж и Голубев ходили к М.С. Кедрову советоваться. Вернувшись от М.С. Кедрова, Голубев рассказал мне, что у Кедрова хранится какая-то тетрадка с записями, компрометирующими Берия; о содержании этих записей я ничего не знаю.

Голубев обращался с просьбой к Батуриной — передать И.В. Сталину это заявление через знакомого ей руководящего работника, но она отказалась это сделать.

И муж, и Голубев после того, как заявление было ими написано, очень нервничали и опасались худшего: муж прямо говорил, что они могут быть физически уничтожены (вспоминаю, например, что муж говорил «может "случайно" наехать автомашина на улице или "случайно" свалиться кирпич»). Заявление, адресованное в КПК при ЦК ВКП(б), муж просил передать свою мать, старую коммунистку, члена партии с 1901 года — Кедрову. Он просил ее сделать это максимально конспиративно, и Кедрова, взяв от Игоря заявление, спрятала его у себя на груди. Заявление, адресованное в ЦК ВКП(б) на имя товарища Сталина, должен был передать в экспедицию ЦК Б. Голубев. Уйдя из дома для того, чтобы передать заявление, он задержался, и это вызвало у моего мужа крайнее беспокойство, — он считал, что Голубева убили.

Муж был уверен, что за ним и Голубевым следят и подслушивают его разговоры, поэтому он даже сорвал телефон, сказав, что пусть лучше не будет телефона, но, по крайней мере, не будут подслушивать его телефонных разговоров. Однажды муж позвал меня в ванную комнату и, открыв воду (он боялся подслушивания и в этом случае), сказал, что не исключено, что он будет арестован. Когда я спросила, что же он сделал, муж ответил, что он был и остается честным коммунистом и никаких преступлений не совершал, но тем не менее может быть арестован. Муж предупредил, чтобы я опасалась тайного похищения на улице.

21 февраля 1939 года муж был арестован. Обыском руководил какой-то грузин, который во время обыска разговаривал по телефону по-грузински.

За время нахождения мужа под стражей я получила от него два письма. В первом письме он сообщал, что, находясь в тюрьме, перечитал много книг (письмо это касалось сугубо нейтральных вопросов). Второе письмо следователь Либенсон передал мне прочесть осенью 1939 года. Письмо было очень грустным. Помню одну фразу: «На душе мрачно, как осенняя погода. Устраивай, Радочка, свою жизнь». Я поняла из этой фразы, что вопрос о судьбе мужа как-то решен. В этот раз мне передали также письмо от мужа сыну Артему (в копии прилагается к протоколу). Более никаких известий о судьбе мужа я не имела; в апреле 1941 года мне сообщили в Военной коллегии Верховного суда СССР, что он осужден к 10 годам лишения свободы без права переписки.

На вопрос о том, кто может быть осведомлен о содержании заявления, которое муж и Голубев писали в ЦК ВКП(б), отвечаю:

Мой муж рассказывал мне, что он говорил о заявлении с человеком, которого очень уважал как хорошего разведчика и честного коммуниста, Василием Михайловичем Зарубиным, ныне пенсионером МВД, генерал-майором в отставке. Однажды я беседовала с Зарубиным о муже, спрашивала — считает ли он его честным человеком. Зарубин ответил, что считает Игоря честным человеком. Однако на мой вопрос — говорил ли Игорь с ним о заявлении в ЦК ВКП(б), Зарубин ответил, что не припоминает этого и сослался на свой возраст и склеротические изменения памяти. Зарубин сказал: «Об этом должен знать Леоненко, секретарь партийной организации».

Возможно, что о содержании заявления может знать приемный сын М.С. Кедрова — Пластинин Владимир Никандрович. Он сейчас находится в Воронеже, где заведует кафедрой физической культуры в одном из институтов.

Записано правильно и мною прочитано.

МЕЛИХОВА

Допросил:
Пом. Генерального Прокурора СССР *Л. СМИРНОВ*

ПРИЛОЖЕНИЕ
к протоколу допроса МЕЛИХОВОЙ Р.Ф. от 7/IX-1953 г.

Копия письма И.М. Кедрова, полученного ею от следователя и адресованного сыну И.М. Кедрова — Артему:

Дорогой Темочка!

Давно уже мы с тобой не виделись и не беседовали. За это время ты, наверное, здорово вырос и многому научился. Пройдет еще один год, и ты начнешь учиться в школе. Там ты встретишь много ребят. У тебя будут новые товарищи. В школе ты должен быть отличником. Дома ты помогай маме в работе. Теперь ты уже большой и можешь помогать купать Борю и Наташу. Крепко люби свою маму. Она у тебя очень хорошая, всегда говори ей правду. Живи дружно с младшим братом и сестричкой и не давай их в обиду. Был ли ты на сельскохозяйственной выставке? Если нет — попроси Раду съездить на эту выставку вместе с тобой. Занимаешься ли ты по-прежнему рисованием? Когда ты будешь немного постарше, Рада возьмет тебя в Третьяковскую галерею, где ты увидишь много интересных картин.

Скажи маме, чтобы она почитала с тобой книги, которые называются «Робинзон Крузо» и «Том Сойер», и рассказала тебе о книге «Одиссея». Ут-

ром тебе надо делать зарядку, чтобы твое тело стало сильным и гибким, а это надо, чтобы быть хорошим красноармейцем.

Теперь уже пора готовиться к елке и ты с Гориком можешь сделать разные елочные игрушки из бумаги. Будь всегда смелым и честным. Люби свою бабушку и тетю Мери. Дружи с Сильвочкой и Гориком. Живи счастливо и радостно.

Крепко тебя целую. Папа. 28.VIII.1939 года.

Подтверждаю, что копия соответствует подлиннику, полученному мною от следователя т. Либенсона.

МЕЛИХОВА

ПОМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР *Л. СМИРНОВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467. Л. 215—220. Подлинник. Машинопись.

№ 85
ЗАПИСКА Р.А. РУДЕНКО Г.М. МАЛЕНКОВУ О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА Л.П. БЕРИЯ

15 сентября 1953 г.

Совершенно секретно

297/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

В связи с окончанием следствия по делу БЕРИЯ Л.П., учитывая, что большинство материалов дела составляет государственную тайну, мне представляется — будет правильным рассмотреть это дело в закрытом заседании Верховного суда СССР.

Такой порядок рассмотрения этого дела прямо предусмотрен законом, так как Берия обвиняется, в числе других преступлений, также в совершении террористических актов, и в соответствии с Законом от 1 декабря 1934 года дела о такого рода преступлениях подлежат рассмотрению в закрытых судебных заседаниях.

По тем же основаниям полагаю, что это дело должно слушаться без участия сторон.

Считаю, что дело надлежит поручить рассматривать специальному судебному присутствию Верховного суда СССР в составе: председательствующего — Председателя Верховного суда СССР. т. ВОЛИНА А.А. и членов суда т. ЗЕЙДИНА Е.Л. — первого зам. Председателя Верховного суда СССР и т. МОРОЗОВА Н.К. — председателя судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР.

Из числа допрошенных на предварительном следствии свидетелей возможно ограничиться вызовом в судебное заседание пятнадцати свидетелей. Список этих свидетелей прилагаю.

Прошу Ваших указаний.

Р. РУДЕНКО

СПИСОК СВИДЕТЕЛЕЙ

СТРОКАЧ Тимофей Амвросиевич — Министр внутренних дел УССР
БАСКАКОВ Михаил Иванович — Министр внутренних дел БССР

ОБРУЧНИКОВ Борис Павлович — б. Нач. Управления кадров МВД СССР
КОРОТКОВ Александр Михайлович — Нач. II-го Главного Управления МВД СССР
ЗУБОВ Алексей Николаевич — Пом. Нач. VI-го Отдела IV-го Управления МВД СССР
ЗАБОЛОТНЫЙ Григорий Иванович — Нач. II-го Отдела УВД СССР
КУЗНЕЦОВ Александр Семенович — Нач. I Спецотдела МВД СССР
САВЧЕНКО Сергей Романович — Зам. Нач. 2-го Управления МВД СССР
КОНДАКОВ Петр Павлович — Нач. Брянского Управления МВД
НИБЛАДЗЕ Ираклий Ильич — Нач. IV-го Отдела МВД Грузинской ССР.
СЕРГАЦКОВ Василий Фаддеевич — Генерал-инспектор стрелковых и воздушно-десантных войск
ШТЕМЕНКО Сергей Матвеевич состоит в распоряжении Генерального штаба
ВИЗЕЛЬ Юрий Савельевич — Зам. начальника отдела IV-го Главного Управления Министерства электропромышленности
АКОПЯН Александра Ивановна — временно не работает
ДРОЗДОВА Валентина Сергеевна — учащаяся школы рабочей молодежи

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 468. Л. 127—129. Копия. Машинопись.

№ 86

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В.Н. МЕРКУЛОВА Л.П. БЕРИЯ, ИЗЪЯТАЯ В ХОДЕ ОБЫСКА 20 СЕНТЯБРЯ 1953 Г.[1]

Считаю нужным доложить Вам следущее:

16 сентября я вместе с тов. СЕРОВЫМ и Штабом Центрального руководства оперчекистских групп прибыл в г. Проскуров — место расположения Штаба фронта.

Мы разместились в помещении Городского Отдела НКВД.

Т.т. ХРУЩЕВА и ТИМОШЕНКО в Проскурове не было, они находились в подразделениях частей.

Мы занялись налаживанием связи с оперативно-чекистскими группами, в частности вопросом предоставления им автотранспорта для переброски к границе, так как, несмотря на своевременно переданные в штаб КОВО заявки на потребное количество автомашин, машины выделены не были.

Еще в Киеве мы говорили по этому вопросу с ТИМОШЕНКО, и последний обещал нам в этом вопросе помочь. Так как ТИМОШЕНКО в Проскурове не было, я и тов. СЕРОВ зашли к Начальнику Штаба фронта тов. ВАТУТИНУ, с которым договорились, что он вместо 60 потребных нам легковых машин предоставит имеющиеся у него в резерве 30 грузовых машин.

Вечером того же дня ко мне в штаб пришел какой-то капитан РККА и сказал мне, что по распоряжению тов. ХРУЩЕВА к 24 часам мы должны очистить занимаемое помещение, так как в этом помещении предполагают разместить штаб войск.

На мой вопрос, где находится тов. ХРУЩЕВ, капитан ответил, что он только что приехал из района и находится в вагоне Командующего.

---

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «Документ, изъятый у Меркулова. Д.С.», «Тов. Маленков ознакомлен. Д. Суханов. 20.IX.53.», «Читал Булганин. 21.IX».

Я сказал, что по вопросу о помещении сам переговорю с тов. ХРУЩЕВЫМ, и вместе с тов. СЕРОВЫМ поехал в вагон.

Я ознакомил ХРУЩЕВА и ТИМОШЕНКО с Вашей директивой о работе чекистско-оперативных групп и затем поднял вопрос о машинах.

Товарищ ТИМОШЕНКО в категорической форме заявил, что он никаких машин нам не даст, так как у него их якобы нет, что НКВД богат машинами и должен сам позаботиться об этом деле.

Несмотря на мои и тов. СЕРОВА доводы о том, что Штаб фронта на основе имеющейся директивы НКВД и НКО обязан дать нам машины, ТИМОШЕНКО отказался, а когда я ему сообщил, что о машинах у нас уже имеется договоренность с т. ВАТУТИНЫМ, он заявил, что распоряжение ВАТУТИНА об этом он отменит.

Во время этого довольно длительного разговора ХРУЩЕВ молчал и один только раз робко заметил, что пожалуй нам следует помочь машинами, на что тов. ТИМОШЕНКО ему ответил, что машин не даст.

Тогда, после некоторого молчания, тов. ХРУЩЕВ также завел разговор о том, что НКВД само имеет машины.

Решив про себя, что машины, выделенные ВАТУТИНЫМ, я все равно получу, так как уже шла их приемка, я прекратил разговор на эту тему, заявив, что отношение тов. ТИМОШЕНКО мне непонятно, в особенности в момент, когда через несколько часов должны начаться военные действия, которые, в случае отсутствия чекистских отрядов, не будут должным образом закреплены.

Весь этот разговор шел во время обеда (я и тов. СЕРОВ от обеда отказались). После обеда т.т. ХРУЩЕВ и ТИМОШЕНКО собрались ехать к себе в штаб. Я тогда сказал т. ХРУЩЕВУ, что от его имени приходил кто-то с предложением срочно очистить помещение горотдела НКВД, и объяснил, что в этом помещении, помимо самого горотдела, находимся мы со штабом. Тов. ХРУЩЕВ сказал, что он не знал, что мы там разместились, а горотдел, по всей вероятности, насчитывает два-три человека, что в помещении горотдела имеется телефон ВЧ, и поэтому он думал его занять. Я сказал, что ВЧ еще не установлено, что телефоны ВЧ могут быть установлены в любом месте и что уже протянута линия от станции ВЧ до штаба, и что горотдел имеет штат в 20 человек, а наш штаб — 22 челов.

Этот разговор шел на ходу очень мирно, т. ХРУЩЕВ не настаивал на занятии помещения. Я только собрался предложить ему разместиться вместе, как вдруг вмешался молчавший до этого т. ТИМОШЕНКО и резко сказал ХРУЩЕВУ: «Ну поедем».

Тов ХРУЩЕВ оборвал разговор, попрощался с нами, и они явно демонстративно уехали.

Я с тов. СЕРОВЫМ на своей машине вернулись в помещение горотдела НКВД, и тут мне доложили, что т. ХРУЩЕВ просил позвонить ему по телефону. Я ему позвонил. Когда я назвал ему себя, тов. ХРУЩЕВ по телефону в резком, повышенном тоне стал говорить, что он считает мое поведение возмутительным, что помещение горотдела ему совершенно необходимо, что в случае, если мы не согласимся передать это помещение им, он вынесет постановление Военного Совета об этом и заставит нас это помещение передать Штабу. Я ему спокойно ответил, что его тон и разговор мне непонятен, что он простился, не договорившись со мной по этому вопросу, и сказал, что я сейчас приеду к нему для разговора на эту тему. Я с тов. СЕРОВЫМ поехали в Штаб фронта.

В кабинете тов. ТИМОШЕНКО я повторил тов. ХРУЩЕВУ, что мне не понятен его разговор по телефону, что сам т. ХРУЩЕВ распрощался со мной, не договорившись до конца, что вообще отношение штаба КОВО к оперативно-чекистским группам странное, в частности по вопросу о машинах, что у нас одно общее дело, успеху которого мы все должны помогать.

Тов. ТИМОШЕНКО вмешался в разговор, грубо заявил, что теперь он вовсе машин не даст, что мы якобы не представляем ему телефона ВЧ, что мы «мешаем ему командовать армией» и что он об этом напишет в ЦК товарищу СТАЛИНУ.

ХРУЩЕВ повторял, что «все это возмутительно».

Наш разговор был прерван вошедшим сотрудником Штаба, который заявил, что тов. ВОРОШИЛОВ вызывает тов. ТИМОШЕНКО к телефону ВЧ.

Мы на разных машинах поехали в горотдел НКВД, здесь на контрольной станции ВЧ, тов. ХРУЩЕВ в нашем присутствии переговорил с тов. ВОРОШИЛОВЫМ о состоянии войск и намечающихся мероприятиях. О происшедшем инциденте он ни слова не говорил. После окончания разговора по телефону я пригласил. т.т ХРУЩЕВА и ТИМОШЕНКО к себе в кабинет и возобновил прерванный разговор о помещении, желая внести ясность. Тут неожиданно тон разговора ХРУЩЕВА и ТИМОШЕНКО резко изменился. ТИМОШЕНКО стал говорить о возможности совместного размещения нас и их, причем ХРУЩЕВ сказал, что им понадобятся всего две комнаты. Тут же выяснилось, что размещаться полагали сами ХРУЩЕВ и ТИМОШЕНКО со своим персоналом.

Я сказал, что если т.т. ХРУЩЕВ и ТИМОШЕНКО хотят тут разместиться, они могут это сделать в любое время, и просил прислать человека для распределения комнат.

Я вновь поднял также вопрос о машинах. Т. ТИМОШЕНКО ответил, что, вообще говоря, машин у него нет, но что он не возражает против передачи уже выделенных нам машин. Тут же тов. ХРУЩЕВ, без всякой связи, стал говорить о том, что имеются чекисты, которые зазнаются, которые, одев форму, уже считают, что они не подчиняются парткомитетам, что таких чекистов надо одергивать.

Я сказал, что в НКВД шло много сволочи — контрреволюционеров и малопартийных людей, что мы органы НКВД чистили и чистим, многих посадили и расстреляли и что это ему самому очень хорошо известно.

Они уехали.

Считая нецелесообразным выселять горотдел с его делами, я и тов. СЕРОВ сочли более приемлемым переселиться нам самим. Мы предоставили т.т. ХРУЩЕВУ и ТИМОШЕНКО семь комнат, изолировали их от горотдела, которому открыли ход со двора.

В ту же ночь мы со штабом руководства заняли другое помещение (пустовавший дет. сад НКВД).

Анализируя происшедшее, считаю, что ТИМОШЕНКО — человек, не изживший еще партизанских привычек, не тактичный и самодур. По-моему, он держит под своим влиянием ХРУЩЕВА. В то время, как т. ХРУЩЕВ, как секретарь ЦК, должен был предложить ТИМОШЕНКО немедленно снабдить нас машинами, он отмалчивался и фактически поддержал совершенно неправильную точку зрения ТИМОШЕНКО.

Грубый разговор ХРУЩЕВА со мной по телефону, после мирного прощания у машины, объясняю тем, что ТИМОШЕНКО «накрутил» ХРУЩЕВА, пока они ехали в машине до Штаба.

Считаю поведение ХРУЩЕВА и ТИМОШЕНКО абсолютно недопустимым, ничем не вызванным с моей стороны и могущим вредно отразиться на дальнейшей работе, так как, естественно, о нормальном контакте в дальнейшем между нами не может быть и речи.

Во время инцидента я старался держать себя максимально выдержанно и не отвечал на грубости грубостями только потому, что не хотел в ответственный момент начала военных действий взять на себя инициативу полного разрыва.

МЕРКУЛОВ

сентября 1939 г., г. Проскуров

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 468. Л. 161—169. Копия. Машинопись.

№ 87

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ПОДГОТОВКЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ Л.П. БЕРИЯ

17 сентября 1953 г.

Строго секретно
Особая папка

№ П 33/III

О предложениях Генерального Прокурора СССР по делу Берия

1. Поручить тов. Руденко Р.А., с учетом поправок, принятых на заседании Президиума ЦК, в двухнедельный срок:

а) доработать представленный проект обвинительного заключения по делу Берия;

б) представить проект сообщения от Прокуратуры СССР;

в) внести предложения о составе специального судебного присутствия Верховного Суда СССР, имея в виду дело Берия и его соучастников рассмотреть в закрытом судебном заседании без участия сторон.

2. Поручить тов. Суслову М.А. принять участие как в подготовке Генеральным Прокурором СССР проекта обвинительного заключения по делу Берия, так и проекта Сообщения от Прокуратуры СССР.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 468. Л. 29. Копия. Машинопись.

№ 88

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСА В.Н. МЕРКУЛОВА ОТ 19 И 21 СЕНТЯБРЯ 1953 Г.[1]

19 и 22 сентября 1953 г.

Сов. секретно

324/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.

Представляю копии протоколов допроса арестованного МЕРКУЛОВА В.Н. от 19 сентября и 21 сентября 1953 года.

Приложение: на 11 листах.

---

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «Разослано: т. Молотову В.М., т. Хрущеву Н.С., т. Булганину. ДС. 25.IX.-53 г.».

Протокол допроса арестованного

1953 года, сентября 19 дня, Помощник Главного Военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил арестованного, который показал:

МЕРКУЛОВ Всеволод Николаевич, 1895 г. рождения, уроженец г. Закаталы Азербайджанской ССР, русский, отец — дворянин, лишенный по суду в 1893 или 1900 г. всех прав состояния, член КПСС с 1925 г., б. министр государственного контроля СССР, женат, несудим.

ВОПРОС: Следствие предлагает вам рассказать о некоторых данных из вашей биографии. Ваш отец являлся уездным начальником Закатальского округа?

ОТВЕТ: Мой отец был начальником участка Закатальского округа.

ВОПРОС: Вам известно, что в руках уездных и участковых начальников в соответствии с так называемым «Учреждением управления Кавказского края» сосредоточивалась вся полицейская власть; а также наблюдение за местным общественным управлением и взимание повинностей?

ОТВЕТ: Да, примерно так.

ВОПРОС: Вы в своей автобиографии указывали, что ваш отец подвергался аресту, был осужден и был лишен всех прав и состояний. За что был осужден ваш отец?

ОТВЕТ: Мой отец был осужден за растрату денежных сумм в размере около ста рублей.

ВОПРОС: Вам известно, что ваш отец помимо этого был осужден за лихоимство и вымогательство от местного населения?

ОТВЕТ: Возможно, что это и так. Мой отец умер в 1908 году, и я знаю об осуждении отца только с его слов, а также из документов, оставшихся у отца и хранившихся мною, — послужного списка и прошения о помиловании на имя царя, поданного моим отцом. Однако отец помилован не был и после отбытия тюремного заключения учительствовал. Перед смертью на клочке бумаги он написал: «Я жертва клеветы».

ВОПРОС: Где находится ваш младший брат Георгий?

ОТВЕТ: Мой младший брат Георгий учился в Воронежском кадетском корпусе и, будучи учащимся, в январе 1916 года умер от туберкулеза легких. Умер он в Тбилиси и там же был похоронен на Петропавловском кладбище.

ВОПРОС: Кто из ваших родственников находится в Америке?

ОТВЕТ: У меня родственников в Америке нет. В Америке находится дядя моей жены — Яхонтов Виктор Александрович. Он является родным братом отца моей жены.

Отец моей жены был штабс-капитаном. Со слов матери моей жены Яхонтов В.А. был военным, кажется, генералом, выехал в Америку в 1917 году.

С Яхонтовым я встречался один раз — в 1930 году, в г. Батуми, когда он приезжал из Америки в СССР. По его словам он читал в Америке лекции об СССР и приехал в нашу страну для того, чтоб пополнить свои знания об СССР.

В 1930 году я работал заместителем председателя ГПУ Аджаристана. О моей встрече с Яхонтовым я представил подробную информацию в КРО ГПУ Грузии. Летом текущего года в газете «Правда» была помещена коррес-

понденция из Нью-Йорка о том, что Яхонтов прочел лекцию о Советском Союзе.

ВОПРОС: Вы признаете, что являлись на протяжении ряда лет одним из наиболее доверенных приближенных Берия?

ОТВЕТ: На протяжении ряда лет я был близок к Берия, работая вместе с ним в органах ЧК—ГПУ Грузии и на партийной работе. О моих взаимоотношениях с Берия я подробно написал в своих заявлениях на имя Секретаря ЦК КПСС.

На очередном допросе вы будете допрошены по существу вашей совместно с Берия преступной деятельности. Следствие предлагает вам дать подробные и правдивые показания по этому поводу.

Показания записаны с моих слов правильно, мною прочитаны.

В. МЕРКУЛОВ

Допрос начат в 16 ч. 45 мин. Допрос окончен в 17 ч. 50 мин.

ДОПРОСИЛ:
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *УСПЕНСКИЙ*

Протокол допроса арестованного

1953 года, сентября 21 дня, Генеральный Прокурор СССР РУДЕНКО допросил арестованного — МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 13 ч. 45 м.

ВОПРОС: С какого времени вы знаете Берия Л.П.?

ОТВЕТ: Знаю Берия с осени 1922 года, когда он работал заместителем председателя ГрузЧК, а я работал уполномоченным ЭКО ГрузЧК. В этот период времени он меня знал просто как одного из сотрудников ГрузЧК.

В мае 1923 года группа чекистов решила выпустить сборник под названием: «Чекисты 1-му мая». Я принял участие в выпуске этого сборника, написав статью или фельетон под названием «Я и мы». Эта статья обратила внимание Берия, так как она выделялась из других опубликованных материалов стилем и содержанием. Узнав, кто автор (статья была под псевдонимом), Берия вызвал меня, и с того времени Берия стал приближать меня к себе.

С того времени и до ноября 1931 г. я работал вместе с Берия в Груз и ЗакЧК—ГПУ. С февраля 1929 г. по май 1931 г. я работал в Батуми заместителем председателя ГПУ Аджаристана.

Когда Берия был назначен секретарем ЦК Компартии Грузии и ЗакКрайкома, он предложил мне перейти на партийную работу в качестве его помощника по ЗакКрайкому. Я согласился и работал в партийном аппарате ЗакКрайкома и ЦК Компартии Грузии до августа 1938 г., выполняя последовательно обязанности помощника секретаря ЗКК ВКП(б), зав. совторготделом Заккрайкома, зав. особым сектором ЦК Грузии и зав. промышленным отделом ЦК Грузии.

В августе 1938 года Берия был назначен зам. наркома внутренних дел СССР и предложил мне поехать с ним на работу в Москву в НКВД СССР. Я согласился и в конце августа 1938 г. переехал в Москву и приступил к работе в НКВД СССР. Вначале я был в должности начальника КРО, а в ноябре 1933 года я был назначен первым заместителем Наркома внутренних дел СССР.

В этой должности я состоял до марта или апреля 1940 года, т.е. до момента реорганизации НКВД. В связи с реорганизацией я был назначен наркомом государственной безопасности СССР, а когда в июле или августе 1941 года произошло слияние НКВД и НКГБ СССР, я вновь был назначен первым заместителем наркомвнудела, которым являлся Берия.

В начале 1943 года НКГБ был вновь выделен из НКВД, и я был назначен наркомом госбезопасности, а Берия был наркомом внутренних дел СССР. В мае 1946 года я был освобожден от должности министра государственной безопасности СССР за неудовлетворительную работу министерства — я не помню точной формулировки этого постановления, но там также указывалось о не совсем честном отношении с моей стороны к ЦК партии, при этом имелось в виду, что некоторые вопросы работы министерства не докладывались И.В. Сталину.

После этого я был назначен заместителем начальника Главного Управления советским имуществом за границей при министерстве внешней торговли СССР, а в мае 1947 г. это управление было реорганизовано в Главное управление при Совете Министров СССР, а я был назначен начальником этого управления.

В октябре 1950 г. я был назначен министром государственного контроля СССР.

ВОПРОС: Вы признаете, что вся ваша служебная карьера была связана с покровительством, оказываемым вам со стороны Берия?

ОТВЕТ: Первый период моей работы в органах ЧК—ГПУ, на партийной работе и в НКВД СССР и мое продвижение на этой работе было связано с хорошим отношением Берия ко мне, который ценил во мне известные качества.

Назначение в 1941 году на пост народного комиссара государственной безопасности СССР, я считаю, было произведено по рекомендации Берия.

Назначение меня в 1943 г. на пост наркома государственной безопасности СССР, я считаю, было произведено без рекомендации Берия и, может быть, вопреки его желанию.

Это я объясняю следующим: в первых числах октября 1941 года Берия вызвал меня из Ленинграда, где я находился в командировке, и завел со мной разговор о том, что обстановка сложилась тяжелая, не исключена возможность нашей эвакуации из Москвы, и что в связи с этим необходимо оставление на подпольной работе в Москве ответственного работника, члена ЦК, русского по национальности, явно намекая на меня. Я сделал вид, что не понял его намека. Я считал, что эта работа очень ответственная, а я разведывательной работы почти не знал, т.к. столкнулся с ней впервые, будучи наркомом государственной безопасности СССР три-четыре месяца.

С другой стороны я опасался, что И.В. Сталин расценит мое согласие остаться в Москве при немцах как желание использовать это в других целях.

После этого разговора Берия резко изменил отношение ко мне. Он сразу откомандировал меня в Куйбышев, затем в Краснодар, а в последующем проявлял ко мне грубость, чувствовалось недовольство с его стороны мною.

Назначение меня на пост начальника Главного управления советским имуществом за границей, а затем и министром госконтроля СССР, состоялось также без рекомендации Берия.

ВОПРОС: Почему вы сами считали, что можете работать только с Берия? Чем объяснялась такая преданность Берия?

ОТВЕТ: Вообще я не считал, что могу работать только с Берия. Берия относился ко мне хорошо. Я знал его достоинства и недостатки, ценил его. Я никогда не сомневался в его политической честности и преданности И.В. Сталину.

ВОПРОС: Разве вы не обращались неоднократно с просьбами к Берия взять вас на работу с собой на любую должность, где бы Берия ни работал?

ОТВЕТ: Насколько я припоминаю, я обратился к Берия с просьбой о работе с ним после смерти И.В. Сталина.

Насколько я помню, я писал Берия три письма: одно из Батуми в тридцатых годах в связи с награждением меня знаком Почетного чекиста, в котором я выражал благодарность Берия, но точно содержания письма я сейчас не помню; второе письмо из Румынии, в котором я поздравлял его с новым годом и там обратился к нему с рядом теплых фраз; третье письмо — это после смерти И.В. Сталина.

Помимо этого из Берлина я послал Берия поздравительную телеграмму в связи с его пятидесятилетием.

ВОПРОС: Вам предъявляется ваше письмо к Берия, не имеющее даты, но, очевидно, относящееся к 1930 году, так как вы работали заместителем начальника Аджаристанского ГПУ. Вы признаете, что писали это письмо?

ОТВЕТ: Да, это письмо написано мною.

ВОПРОС: В этом письме вы пишете:

«Только лично. Дорогой Лаврентий! Здесь у нас распространились слухи о якобы предстоящем твоем уходе из Тифлиса. Я не вдавался в оценку правильности этих слухов, вероятности их и т.д., но в связи с ними у меня к тебе глубокая просьба: не забыть меня.

В случае если ты действительно решил уехать из Закавказья, я очень прошу тебя взять меня с собой туда, где ты будешь работать.

Город и должность меня не интересуют: я согласен работать где угодно.

Не переоценивая себя, все же полагаю, что если я приналягу (а это делать при желании я умею), то справлюсь с любой работой, которую ты мне поручишь.

Тебя во всяком случае никогда ни в чем не подведу. Ручаюсь тебе в этом всеми ошибками прошлого, которые лишний раз вспоминать мне очень тяжело.

Надеюсь, будешь иметь меня в виду. Это моя самая большая просьба, с которой я когда-либо обращался к тебе.

Писать много не хочу и не умею, но уверен, что ты поймешь и поверишь мне всецело.

Крепко жму руку. Всегда твой — В. Меркулов». Как вы расцениваете это письмо?

ОТВЕТ: В этом письме действительно выражена мною личная преданность Берия. Я старался найти повод, находясь на работе в Батуми, выразить свои хорошие чувства и благодарность Берия и этим самым загладить те неприятности, которые я ему причинил и о чем я вспоминаю в этом письме. Мне помнится, что Мильштейн, работавший тогда секретарем у Берия, сказал мне, что Берия доволен этим письмом.

Письмо это относится к 1930 году.

Когда я ранее показывал о письме из Батуми Берия, я имел в виду это письмо, содержание которого забыл. В памяти у меня отложилось, что письмо это связано с награждением меня знаком «Почетного чекиста».

ВОПРОС: О каких «ошибках прошлого», которые «лишний раз вспоминать» вам тяжело, вы писали в этом письме?

ОТВЕТ: В этом письме, говоря об «ошибках прошлого», я имел в виду так называемую историю с Павлуновским.

Примерно, в 1927—1928 гг. в Тбилиси приехал Павлуновский, назначенный на должность председателя ЗакЧК или ЗакГПУ. У Павлуновского сложились нехорошие отношения со своим заместителем — Берия.

Берия не любил делить власть и, как мне казалось, сам стремился занять должность председателя ЗакЧК—ГПУ.

В это время начальником СО ЗакЧК был Валик, начальником КРО — Залпетер, нач. ЭКО — Ершов, начальником Инфаго — я.

Ко всем нам Берия хорошо и ровно относился. Мы часто бывали все вместе с Берия во внеслужебной обстановке.

Внезапно Берия изменил к нам отношение по неизвестной для нас причине, стал меньше уделять внимания оперативной работе и сохранил попрежнему хорошее отношение только к нач. ЭКО — Ершову.

Мы хотели объясниться с Берия, но это нам не удалось, т.к. Берия внезапно уехал в командировку в Москву. В его отсутствие Валик и Залпетер пошли к Павлуновскому и высказали ряд недовольств по службе и Берия. Об этом они рассказали мне и предложили также пойти к Павлуновскому. При этом Валик и Залпетер мне объяснили, что посещение Павлуновского и обращение к нему было вызвано желанием создать нормальные условия для оперативной работы.

Из товарищеских чувств к Валику и Заппетеру, я также посетил Павлуновского и подтвердил их заявление в отношении оперативной работы.

Павлуновский обрадовался создавшимся положением и использовал наши заявления против Берия, доложив о них секретарю Заккрайкома. В дальнейшем Павлуновский убедил меня написать заявление с просьбой откомандировать меня в Москву, т.к. я не могу-де работать с Берия. Таким образом создалась фактическая группировка против Берия, в которую я был невольно втянут.

После приезда Берия из Москвы у нас с ним состоялось объяснение. Берия был расстроен. У него были крупные неприятности в Заккрайкоме. Я перестал ходить и к Павлуновскому, и к Берия.

Через некоторое время Павлуновский был отозван с работы в Москву, а Валик и Залпетер также уехали разновременно из Тбилиси.

Я чувствовал, что мною совершена ошибка в отношении Берия, и меня это очень угнетало. Взаимоотношения у нас с Берия ухудшились, кроме того, у меня были семейные неприятности, и я просил Берия направить меня на периферию. В результате этого в феврале 1929 г. я был назначен в Батуми заместителем председателя ГПУ Аджаристана.

Вот почему в письме, написанном мною Берия в 1930 году, я и писал о своих ошибках в отношении Берия.

ВОПРОС: Вы признаете, что во все последующие годы проявляли такое же подобострастие к Берия и преданность ему?

ОТВЕТ: Подобострастия ни к Берия, ни к кому-либо другому я никогда не проявлял, но сохранял к Берия хорошее чувство, хотя Берия не всегда относился ко мне справедливо и внимательно.

ВОПРОС: Обыском у вас обнаружен биографический очерк Л.П. Берия. Кто является автором этого очерка?

ОТВЕТ: Я этого биографического очерка не писал. Кто его написал, я точно не знаю, возможно, кто-либо из редакции «Заря Востока», в частности, Григорьян, а возможно, автором его является Людвигов. Видимо, этот экземпляр очерка мне передал Берия для просмотра.

Мною писалась краткая биографическая заметка о Берия для Малой советской энциклопедии, причем перед отправкой ее в редакцию Берия лично ее редактировал.

ВОПРОС: После вашего снятия с должности министра государственной безопасности СССР вы в своем заявлении И.В. Сталину указывали:

«Порукой моей преданности является моя почти 23-летняя работа под руководством товарища Берия, самого верного из ваших учеников».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю. Теперь я вижу, что формулировка «самого верного» редакционно неудачна. Слова «самого» нельзя было писать.

ВОПРОС: Вам оглашается текст написанного Вами письма в адрес Берия от 11 марта 1953 года:

«Дорогой Лаврентий!

Хочу предложить тебе свои услуги: если я могу быть полезным тебе где-либо в МВД, прошу располагать мною так, как ты сочтешь более целесообразным. Должность для меня роли не играет, ты это знаешь. За последние годы я кое-чему научился в смысле руководства людьми и учреждением и, думаю, теперь я смогу работать лучше, чем раньше.

Правда, я сейчас полуинвалид, но надеюсь, что через несколько месяцев (максимум через полгода) я смогу уже работать с полной нагрузкой, как обычно.

Буду ждать твоих указаний.

Твой В. Меркулов. 11.III.53 г.».

Как вы оцениваете такое личное обращение к Берия?

ОТВЕТ: Я считал, что в своей жизни я многим обязан Берия и потому предложил ему свои услуги, полагая, что в связи со смертью И.В. Сталина работа в органах МВД должна особенно усилиться и мой опыт и знания могут пригодиться.

Однако должен сказать, что внутренне — желания идти на работу в органы МВД у меня не было.

Теперь мне ясно, что такого письма писать не следовало.

Должен сказать, что большую роль в написании мной этого письма сыграло теплое отношение Берия, проявленное ко мне за два дня до этого, когда Берия вызывал меня для оказания помощи в редактировании его речи на траурном митинге.

ВОПРОС: В момент написания вами этого письма в адрес Берия вы были министром государственного контроля СССР. Почему же вы по вопросам, изложенным в этом письме, не обратились в ЦК партии или к Советскому правительству, а обратились лично к Берия?

ОТВЕТ: Это было непродуманно с моей стороны.

Показания записаны с моих слов правильно, протокол мною лично прочитан.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 468. Л. 175—182. Копия. Машинопись.

№ 89
ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСА В.Н. МЕРКУЛОВА

23 и 25 сентября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 366/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копии протоколов допроса обвиняемого арестованного МЕРКУЛОВА В.Н. от 23 и 25 сентября 1953 года.

Приложение: на 22 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса

1953 года, сентября 23 дня. Помощник Главного военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил арестованного МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 15 ч. 10 м.

ВОПРОС: 21 сентября с.г. вы показали, что биографического очерка Л.П. Берия не писали. Вы продолжаете это утверждать?

ОТВЕТ: Да, предъявленного мне биографического очерка Л.П. Берия я не писал. Я уже говорил о том, что я писал биографическую справку о Берия строчек на пятьдесят для второго издания Малой советской энциклопедии. Это был в 1932—34, возможно в 1935 году.

ВОПРОС: Вам предъявляется брошюра, изданная редакцией газеты «Заря Востока» в 1940 году, изъятая в вашем сейфе, под названием «Верный сын партии Ленина—Сталина», автором которой являетесь вы. Это так?

ОТВЕТ: Я ознакомился с предъявленной мне брошюрой, изданной редакцией газеты «Заря Востока» в 1940 году под названием «Верный сын партии Ленина—Сталина». Но автором ее я не являлся.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вам предъявляется письмо б. редактора газеты «Звезда Востока» В. Григорьяна от 29.11.1940 г., адресованное вам. Вы подтверждаете, что это письмо действительно написано вам Григорьяном?

ОТВЕТ: Да, это письмо мне писал Григорьян, но я совсем о нем забыл.

ВОПРОС: Вам приводится выписка из этого письма: «Посылаю сигнальный экземпляр брошюры "Верный сын партии Ленина—Сталина". Книга еще не вышла и не могла, разумеется, выйти без контрольного просмотра твоего как автора.

Убедительная просьба просмотреть брошюру, внести в нее необходимые поправки...

Цифры достижений, успехов все обновлены, многое заново написано, но в основном брошюра по своей структуре сохранена. В первую часть никаких абсолютно изменений не внесено, как ты сам убедишься после прочтения».

Теперь вы признаете, что являетесь автором этой брошюры?

ОТВЕТ: Я внимательно ознакомился с брошюрой, предъявленной мне, и все же не могу вспомнить, писал ли я ее, но как видно из письма Григорьяна, я действительно принимал участие в составлении этой брошюры в 1937 году. Прошу мне верить, что я действительно забыл о своем участии в составле-

нии этой брошюры, так как вообще отрицать свое авторство в этой брошюре у меня нет смысла.

ВОПРОС: В биографии Берия, составленной вами и изданной редакцией «Заря Востока», вы писали: «С начала 1919 года до установления Советской власти в Азербайджане (апрель 1920 г.) товарищ Л. Берия, будучи председателем нелегальной коммунистической организации техников, ведет по поручению райкома партии организационную пропагандистскую работу в нелегальных большевистских ячейках Баку».

Но ведь вам же было известно, что в этот период времени Берия активно участвовал в муссаватистской контрразведке. Вы признаете это?

ОТВЕТ: По вопросу службы Берия в муссаватистской контрразведке я располагал сведениями только в пределах того, что мне говорил сам Берия и что содержалось в материалах, привезенных мною по поручению Берия из Баку. При этом Берия не говорил мне о службе своей в муссаватистской контрразведке, а, насколько я помню, он говорил о том, что работал в молодежной организации «Гуммет» по заданию ЦК КП(б) Азербайджана или Бакинского комитета КП(б). Во всяком случае, то, что говорил мне Берия, по своему содержанию не отличалось от того, что им было написано в объяснении по этому вопросу на имя Сталина в конце 1938 или в начале 1939 года. Однако сейчас я точно не могу вспомнить содержание этого заявления.

ВОПРОС: Почему же вопрос о службе Берия в муссаватистской контрразведке или, как вы показали, об участии Берия в молодежной организации «Гуммет» не нашел никакого отражения в большой по объему биографии Л.П. Берия, составленной вами?

ОТВЕТ: Я подробностей составления мной биографии Берия не помню, но очевидно, она составлялась со слов Берия и по материалам его личного дела. Поэтому в биографии Берия нашло отражение только то из его жизни, что он сам рассказал о себе.

ВОПРОС: 21 июля с.г. вы показали, что книгу «К истории большевистских организаций в Закавказье» писали Бедия и некоторые другие лица и что Берия присвоил себе чужой труд. Вы прямо указывали: «Мне было стыдно за Берия, поставившего свою подпись под чужой работой».

Почему же в биографии Берия, составленной вами, вы превозносите Берия к тому же как автора этой книги?

ОТВЕТ: В официальной изданной брошюре другого и нельзя было писать. К тому же, раздумывая над тем, почему у меня не отложилось в памяти мое авторство и прослушав заслушанный мной отрывок из брошюры о книге Берия «К истории большевистских организаций в Закавказье», я все больше склоняюсь к тому, что эту брошюру писал не я один, в частности этот раздел брошюры. Об этом следует спросить Григорьяна.

ВОПРОС: Не свидетельствует ли каждая строка в написанной вами биографии Берия о том, что в ней особо выпячивается роль Берия и что ему приписываются несуществующие заслуги?

ОТВЕТ: Во-первых, эта брошюра о Берия и, естественно, что в ней о нем, главным образом, и говорится. Во-вторых, эта брошюра, видимо, готовилась к выборам в Верховный Совет СССР, судя по экземпляру, печатному на машинке, а, как известно, все предвыборные материалы отличаются стилем неумеренного восхваления кандидатов в Верховный Совет. И, наконец, судя по несвойственному мне стилю, я продолжаю сомневаться, что она написана мной целиком.

ВОПРОС: Расскажите о том, как вы помогали Берия скрывать от партии его службу в муссаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: Я не знал о том, что Берия служил в муссаватистской контрразведке, и скрывать ему это обстоятельство я не помогал.

ВОПРОС: Вы по поручению Берия изъяли в партийном архиве в Баку документы, свидетельствовавшие о службе Берия в муссаватистской разведке. Расскажите об этом.

ОТВЕТ: Примерно в 1932—1933 году, возможно в 1934 г. или даже еще позже, когда я работал в Заккрайкоме помощником Берия или завсовторготделом, меня вызвал Берия и сказал, что о нем распространяют враги слухи, якобы он в 1919—1920 гг. работал в Баку в муссаватистской контрразведке, что в партийном архиве в Баку за эти годы должны находится документы, его реабилитирующие, и он просил меня съездить в Баку достать эти документы. При этом Берия указал на то, что враги могут изъять эти документы, и тогда ему нечем будет защищаться. Не имея оснований не верить Берия, я выехал Баку, где обратился за помощью к Багирову, просил его дать указание о допуске меня к партийному архиву. Багиров такое указание дал, и я был допущен к архиву. В архиве я нашел две папки с документами, касавшимися Берия. Перечислить, какие документы были в этих папках, я сейчас не могу, так как не помню.

Я сейчас не помню, но очевидно я выдал расписку в архиве о том, что мною взяты эти две папки с документами, так как без этого вряд ли мне эти документы были выданы.

Эти две папки с документами я привез к Берия, он их просмотрел и остался ими доволен. Документы, вшитые в папки, Берия положил в свой сейф.

ВОПРОС: Почему именно вам Берия дал такое поручение? Разве это входило в ваши обязанности по службе?

ОТВЕТ: Видимо, я работал в это время помощником Берия. Он знал, что я точен, аккуратен и смогу выполнить это поручение, я нисколько этому не удивился.

ВОПРОС: Это поручение свидетельствует о том, что вы были доверенным, близким человеком Берия. Это так?

ОТВЕТ: Да, так. Я действительно был тогда близким человеком Берия. Я этого не скрываю.

ВОПРОС: Как поступил Берия с документами, которые вы привезли ему из Баку?

ОТВЕТ: Эти документы с момента, когда я их привез из Баку и до 1938 г., когда Берия вместе со мной выехал в Москву на новую работу, хранились в сейфе Берия.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Документы хранились лично у вас. Это так?

ОТВЕТ: Я не помню этого.

ВОПРОС: Вам предъявляется рапорт на имя Берия, составленный вами 7 октября 1938 года, из которого видно, что документы, изъятые вами в 1933—34 годах из партархива в Баку, вы хранили у себя до 1938 г. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Ознакомившись с собственноручно написанным мною рапортом от 7 октября 1938 года, я должен подтвердить, что документы, привезенные мною из Баку, хранились у меня до 1938 года. Я об этом просто забыл.

ВОПРОС: Объясните, почему вы, уже не работая помощником Берия в Заккрайкоме, а будучи заведующим отделом в Заккрайкоме, а затем ЦК

компартии Грузии, несколько лет хранили архивные документы о Берия. Разве это входило в ваши обязанности?

ОТВЕТ: Объясняю это так. Очевидно в 1933—34 гг., когда я привез документы из Баку, Берия ознакомился с ними, но потом оставил их у меня до того времени, когда они ему понадобятся. Я их вложил в сейф, и они там лежали. Я в этом ничего странного не вижу.

ВОПРОС: Из вашего рапорта видно, что привезенные вами документы из Баку касались службы Берия в муссаватистской контрразведке. Теперь вы не будете этого отрицать?

ОТВЕТ: Мне казалось, что речь шла о работе Берия по заданию партийных органов в «Гуммет». Из рапорта я вижу, что документы, привезенные мною из Баку, касались работы Берия в муссаватистской контрразведке по заданию «Гуммет». Я уже показал ранее, что по этому вопросу у меня в памяти сохранились смутные воспоминания.

ВОПРОС: Возвратимся к вопросу о биографии Берия, составленной вами. Вы убедились в том, что документы, привезенные вами из Баку в 1933—34 гг. и хранившиеся у вас несколько лет, в частности и тогда, когда вы писали биографию Берия, касались и службы Берия в муссаватистской контрразведке. Почему же в биографии Берия, написанной вами, события из жизни Берия в 1919—1920 гг. изложены иначе?

ОТВЕТ: Я уже показал, как писалась биография Берия, и другого ничего сказать не могу. Кроме того, биография Берия писалась как агитационный материал, и писать в ней о службе Берия в муссаватистской контрразведке не было необходимости.

ВОПРОС: Кто занимался отправкой из Тбилиси в Москву в 1938 г. всего личного архива Берия?

ОТВЕТ: Берия поручил это мне, поскольку я отправлял свой архив.

ВОПРОС: Почему именно Вам Берия поручил разобраться с его личным архивом и самую отправку его? Вы подтверждаете, что это свидетельствует об особом доверии его к вам?

ОТВЕТ: Повседневно личным архивом Берия я не занимался. Разбор личного архива и отправку его в Москву я производил, очевидно, с участием помощника Берия и, возможно, его секретаря. Берия мне, конечно, доверял, но как именно, особо или просто доверял, я не знаю. Думаю, что Берия поручил мне отправку его архива в Москву потому, что я ехал вместе с ним.

ВОПРОС: Расскажите о том, как вы по поручению Берия составляли текст объяснения на имя И.В. Сталина по поводу службы Берия в муссаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: Очевидно 7 октября 1938 г., т.е. в день составления рапорта, о котором я уже дал показания, в Москве, Берия вызвал меня в свой служебный кабинет, возможно, в комнату отдыха, и сказал, что вновь поднимается вопрос о его службе в муссаватистской контрразведке и что он должен написать по этому поводу объяснение Сталину.

Берия попросил меня принести ему папки, привезенные в свое время мной из Баку и хранившиеся у меня. Когда я принес ему папки, он попросил помочь ему написать объяснение. Так как я пишу быстрее и грамотнее Берия, черновик объяснения писал я, но Берия здесь же диктовал фразы, которые я корректировал. Когда черновик объяснения был написан мной вместе с Берия, он переписал объяснения своей рукой. Затем он потребовал от меня написать рапорт, очевидно для того, чтобы объяснить Сталину, где

находились документы из бакинского партархива, и этот рапорт также взял с собой. Очевидно, Берия помимо объяснения и моего рапорта брал с собой и папки с документами. После составления объяснения и рапорта Берия уехал к И.В. Сталину.

ВОПРОС: В муссаватистской контрразведке служил Берия. Почему же вы писали объяснение за Берия?

ОТВЕТ: Я уже объяснил, что Берия грамотно не мог изложить документ и поэтому привлек меня к составлению объяснения на имя И.В. Сталина. Ни к кому другому за помощью в составлении этого объяснения Берия обратиться не мог, так как в Москве никто не знал о существовании документов, взятых из партархива г. Баку. Моя роль свелась к тому, что я со слов Берия и под его диктовку писал черновик, корректируя грамотно фразы.

ВОПРОС: После этого Берия вам вернул папки с документами, касавшимися службы его в муссаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: Эти папки мне Берия вернул, но когда именно не помню.

ВОПРОС: Где затем хранились эти папки с документами?

ОТВЕТ: Они хранились у меня, но не помню до какого времени. В момент первого разделения Наркомата в 1941 г., возможно, в момент второго разделения Наркомата в 1943 г. или, наконец, в момент перехода Берия на работу в Совет Министров СССР в 1945 г. Берия предложил мне опечатать эти папки и передать ему или его помощникам, что я и сделал.

Привлекался ли я Берия к приведению в порядок всего его личного архива в Москве, я сейчас не помню, думаю, что нет.

ВОПРОС: Итак, с 1922 года вы работали вместе с Берия в Груз. ЧК и Зак. ЧК, в Заккрайкоме и ЦК Компартии Грузии, в НКВД СССР, переходя из одного учреждения в другое вслед за ним; в личных письмах Берия выражали свою преданность ему и готовность работать только с ним; в составленной вами биографии Берия восхваляли его, приписывая ему несуществующие заслуги; по указанию Берия выполняли поручения, не связанные с выполнением служебных обязанностей; многие годы были хранителем личного архива Берия.

Вы признаете, что на протяжении всего времени, начиная с 1922 года, были лично преданы Берия, были его особо доверенным человеком и были соучастником Берия в совершенных им преступлениях против Партии и Государства?

ОТВЕТ: О своей совместной с Берия работе в перечисленных учреждениях, о личных письмах Берия, о своей роли в составлении биографии Берия и хранении его личного архива я уже показал. Преступных антипартийных поручений мне Берия не давал, и я таких поручений не выполнял. О первых годах моей близости к Берия, когда он был заместителем председателя Груз. ЧК, а затем председателем Зак. и Груз.ЧК, я уже показал.

В дальнейшем Берия вырос, как известно, в крупного партийного и государственного работника. Я ни на минуту не сомневался в его политической честности и преданности И.В. Сталину, и я не считал для себя зазорным поддерживать близость с таким человеком, тем более, что он, особенно в первое время, относился ко мне в общем хорошо.

Однако моя преданность и благодарность ему не могли дойти до такой степени, чтобы забыть долг члена партии и гражданина и стать на путь выполнения его преступных заданий.

О преступных действиях Берия мне стало известным только на Пленуме ЦК ВКП(б) из доклада руководителей Партии и Правительства.

Я категорически заявляю, что соучастником Берия в его преступных антипартийных и антигосударственных действиях я не был.

Хочу также заявить, что за последние годы у меня сильно ослабла память. Многое из своей жизни я уж забыл или помню смутно и неточно. Отсюда те вынужденные «признания» в забывчивости, которые я делаю в этом и в других протоколах допроса.

Однако, как бы у меня память ни ослабела, я твердо помню и знаю, что каких-либо действий, направленных против Партии, Советской власти и Родины, я никогда и нигде не совершал.

Протокол записан с моих слов правильно, мною лично прочитан.

МЕРКУЛОВ

Допрос окончен в 21 час.

Допросил:
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *УСПЕНСКИЙ*

Протокол допроса арестованного

1953 года, сентября 25 дня, Помощник Главного Военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил арестованного МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 14 ч. 15 мин.

ВОПРОС: Вам известен Кедров Михаил Сергеевич?

ОТВЕТ: Я не помню его.

ВОПРОС: Кедров был старым большевиком, членом коллегии ОГПУ, в 1921 году работал на посту представителем ВЧК в Закавказье. Теперь вы вспоминаете Кедрова?

ОТВЕТ: Нет, не припоминаю.

ВОПРОС: Сына Кедрова М.С. — Кедрова Игоря Михайловича, работавшего в 1938 и в начале 1939 года в иностранном отделе ГУГБ НКВД СССР, вы знали?

ОТВЕТ: Я его также не помню.

ВОПРОС: Бывшего сотрудника КРО НКВД СССР Голубева В.П. вы помните?

ОТВЕТ: Припоминаю, что в первый период моей работы в НКВД СССР, в каком точно году — сказать не могу, мне кто-то докладывал или сводку подслушивания или агентурное донесение о Голубеве, сотруднике НКВД СССР, или возможно протокол его допроса. В этом документе, который мне докладывался, говорилось о каком-то разговоре с другим сотрудником НКВД СССР, но что именно — не помню. Какова судьба Голубева — я не помню.

ВОПРОС: Разве вам неизвестно о том, что в 1939 году Кедров И.М. и Голубев В.П. обращались с заявлением в ЦК ВКП(б), в котором сообщали сведения о Берия Л.П., казавшиеся им подозрительными?

ОТВЕТ: Этого я не помню.

ВОПРОС: Когда были арестованы Кедров И.М. и Голубев В.П.?

ОТВЕТ: По поводу Кедрова И.М. я ничего не знаю, так как и самого Кедрова И.М. не помню. Что касается Голубева, то судя по тому, что мне о нем докладывали, о чем я показал выше, он был арестован, хотя точно утверждать этого я не могу.

ВОПРОС: А вы лично не имели отношения к аресту Кедрова И.М. и Голубева В.П.?

ОТВЕТ: В отношении Кедрова И.М., которого я совсем не помню, я ничего сказать в ответ на заданный вопрос не могу. Что касается Голубева, то имел ли я отношение к его аресту — я не помню.

ВОПРОС: Вам предъявляется ордер на арест Кедрова И.М. от 20 февраля 1939 года, подписанный вами. Вы признаете это?

ОТВЕТ: Да, этого я не отрицаю. Ордер на арест Кедрова был подписан мною.

ВОПРОС: Объясните, почему арест Кедрова И.М. был произведен вами без санкции прокурора, и только через три месяца, в мае 1939 года, была получена санкция прокурора на содержание Кедрова И.М. под стражей?

ОТВЕТ: Ознакомившись с материалами архивного следственного дела № 975036 по обвинению Кедрова И.М., я подтверждаю, что в нем на листе 1 имеется ордер на арест Кедрова, подписанный мною от 20 февраля, и на листе 2 — постановление об избрании меры пресечения Кедрову, санкционированное прокурором 16 мая 1939 года. Я не могу припомнить обстоятельств, при которых мною был подписан ордер на арест Кедрова, и потому не могу ответить на этот вопрос, но, очевидно, здесь было допущено мною нарушение закона. Судя по предъявленному мне архивно-следственному делу, должно быть еще агентурное дело на Кедрова, Голубева и Батурину. Возможно, из него можно установить основания для ареста Кедрова.

ВОПРОС: Вы что же предполагаете, что в этом агентурном деле может быть санкция прокурора на арест Кедрова, которая была дана вам в феврале 1939 года, т.е. до подписания вами ордера на арест?

ОТВЕТ: Конечно, санкция прокурора в этом агентурном деле быть не может, но, не имея никаких материалов, я не мог выписать ордера на арест, да еще сотрудника НКВД.

ВОПРОС: Значит, вы признаете, что грубо нарушили закон в отношении Кедрова, арестовав его без санкции прокурора?

ОТВЕТ: Да, закон был нарушен, но потом, спустя три месяца, санкция на содержание Кедрова под стражей была у прокурора получена.

ВОПРОС: Какими материалами вы располагали в отношении Кедрова И.М. к моменту его ареста?

ОТВЕТ: Я сейчас не помню, какими материалами в отношении Кедрова я располагал к моменту его ареста. Они, очевидно, имелись в его агентурном деле.

ВОПРОС: Вы ознакомились с материалами архивно-следственного дела на Кедрова И.М. Есть ли в этом следственном деле какие-либо материалы о преступной деятельности Кедрова, добытые до 20 февраля 1939 г., т.е. до момента ареста Кедрова?

ОТВЕТ: В следственном деле таких материалов нет.

ВОПРОС: Вам предъявляется ордер на арест Голубева В.П. от 20 февраля 1939 г., подписанный вами. Вы признаете это?

ОТВЕТ: Да, признаю. Ордер на арест Голубева В.П. от 20 февраля 1939 года подписан мною.

ВОПРОС: Голубев также был арестован вами без санкции прокурора, и эта санкция на содержание его под стражей от прокурора была получена спустя три месяца?

ОТВЕТ: Как видно из дела — также.

ВОПРОС: Значит, и в отношении Голубева было допущено вами грубое нарушение закона?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Из материалов архивно-следственного дела Голубева, предъявленного вам для ознакомления, видно, что никаких материалов о преступной деятельности Голубева до 20 февраля 1939 г., т.е. до момента его ареста, собрано не было. На основании чего же был арестован Голубев?

ОТВЕТ: В деле действительно таких материалов нет. Очевидно, материалы, послужившие основанием для ареста Голубева, так же как и в отношении Кедрова, имелись в агентурном деле на них. Следует при этом иметь в виду, что Кедров И.М. и Голубев В.П. фактически проходят по одному делу.

ВОПРОС: Кто вел следствие по делам Кедрова И.М. и Голубева В.П.?

ОТВЕТ: Как видно из дел, с которыми я ознакомился, следствие по делам Кедрова и Голубева вели Мешик и Либензон, а руководил ими Кобулов Богдан.

ВОПРОС: В этот период времени Кобулов Б. подчинялся вам как первому заместителю Наркома внутренних дел СССР?

ОТВЕТ: Да, конечно.

ВОПРОС: Вы предложили Кобулову и Мешик искусственно создать уголовное дело против Голубева и Кедрова И.М.?

ОТВЕТ: Нет, конечно.

ВОПРОС: Вы сами верите в то, что Кедров И.М. и Голубев были немецкими шпионами?

ОТВЕТ: Беглый просмотр архивно-следственных дел Кедрова и Голубева дает основание сказать, что вряд ли они были немецкими шпионами.

ВОПРОС: Разве не абсурдным было утверждение следствия о том, что якобы Кедров И.М. получил от германской разведки задание написать заявление в ЦК ВКП(б) о преступлениях Берия?

ОТВЕТ: Да, такое обвинение и неправдоподобно и абсурдно.

ВОПРОС: Но ведь Кедров и Голубев, как это видно из их первых протоколов допроса после ареста, были арестованы в связи с обвинением их в том, что они направили заявление в ЦК ВКП(б), в котором указывали о преступных действиях вновь назначенного Наркома внутренних дел СССР Берия Л.П. Как же вы могли дать указание об аресте Кедрова И.М. и Голубева?

ОТВЕТ: Я уже сказал, что не помню, какие у меня были тогда основания для ареста Кедрова И.М. и Голубева. Возможно, они находятся в их агентурном деле.

ВОПРОС: Теперь расскажите о судьбе отца Кедрова — Кедрова Михаила Сергеевича. Вспомнили ли вы теперь о деле Кедрова М.С.?

ОТВЕТ: Нет, не вспомнил.

ВОПРОС: Вам предоставляется возможность ознакомиться с материалами архивно-следственного дела № 100219 и агентурного дела на Кедрова М.С. Вы имели отношение к следствию по этому делу?

ОТВЕТ: Я этого не помню, но думаю, что не имел отношения к следствию по этому делу, так как уже беглый просмотр дела говорит о его исключительно безобразном характере, и я бы, наверное, его помнил.

ВОПРОС: Вам известно, что следствие по делу М.С. Кедрова велось с применением незаконных приемов следствия?

ОТВЕТ: Мне неизвестно, так как этого дела, как я уже показал, я не могу вспомнить. Об этом мне стало известно сейчас при ознакомлении с агентурным делом.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из показаний Кедрова М.С.

«Затем начались непрерывные, в течение 22 часов в сутки, безмолвные "допросы" с предложением "давать показания", и несколько суток подобных "допросов" уже совершенно расшатывало нервную систему и создавало полное безмолвие и готовность сознаться в преступлениях, если таковые на самом деле не были совершены арестованным.

Я не буду приводить всех мер воздействия, применявшихся ко мне в Сухановской тюрьме. Спустя 25 дней, т.е. 9 мая, я был переведен в Лефортовскую тюрьму.

Меры воздействия в этой тюрьме не только не были ослаблены, но усилились и приняли еще больший издевательский характер. Меня часами заставляли стоять в кабинете следователей в безмолвии, навытяжку, в то время как один следователь ложился спать, а другой сидел за столом в ожидании, когда я начну давать показания о моей "шпионской" и "агентурной" работе. Отвратительные издевательства проделывал надо мной в особенности гр. Либенсон. Он тряс меня за шиворот и сталкивал со стула, ставил меня, как мальчишку, в угол носом, хватал за бороду, рвал мою гимнастерку, и когда я пробовал отводить его руку, он, грозя мне пальцем, как собаке, говорил: "Тубо! Рукам волю не давай".

Когда в кабинет заходило несколько следователей, гр. Либенсон демонстрировал меня перед ними, как дрессированное животное — "Взгляните на эту харю! Шпик! Плюнуть хочется..." и т.д.

В начале июня, после отказа моего сознаться в преступлениях, которые я не совершал, и моего заявления, что я всегда был и остаюсь верным членом партии Ленина—Сталина, гр. Мешик отправил меня в карцер "за оскорбление Партии", предупредив вместе с тем, что если я захочу давать показания, то буду немедленно возвращен к следователю. Это был не карцер, а форменный погреб, сырой, холодный, с замурованным наглухо окном. Пол совершенно мокрый, загаженный экскрементами.

Держать меня в подобном помещении и в одном нижнем белье после перенесенной мною тяжелой гангрены ноги — являлось совершенно ненужной жестокостью, грозившей рецидивом и ампутацией ноги.

После нескольких часов сидения я был возвращен в кабинет (камеру) следователей, причем из-за дрожи во всем теле я не в силах был говорить, и мой общий вид свидетельствовал об ужасном впечатлении, произведенном на меня этой мерой воздействия. Но никакого другого выбора, как подтвердить свою невиновность, у меня не было. На следующий день я снова был вызван гр. Мешиком и после нескольких минут объяснений опять отправлен в карцер, теперь уже на двое суток...

С 2—3 августа я был передан новому следователю гр. Албогачиеву. О циничности его высказываний я говорить не буду. В основном они сводились к тому, как и чем меня будут бить, если я в ближайшие же дни не дам показаний.

В первых же числах августа в кабинет, где работал следователь Адамов, вошел гр. Мешик. Он спросил, буду ли я давать показания и, получив ответ, что я невиновен, приказал мне встать со стула и принялся меня бить по лицу. Временами останавливался, повторяя свой вопрос и слыша тот же ответ, снова меня бил. Затем обратился к Адамову и сказал: "Хочешь, бей его". И Адамов подошел ко мне и тоже ударил меня по лицу».

Вы признаете, что применение подобных преступных методов ведения следствия является издевательством над социалистической законностью?

ОТВЕТ: Конечно, такие методы ведения следствия совершенно недопустимы.

ВОПРОС: Ознакомившись с материалами следственного дела Кедрова М.С., вы убедились в том, что Кедров М.С. Военной коллегией Верховного суда СССР 9 июля 1941 года был оправдан.

Вам предъявляется письмо Председателя Верховного суда СССР от 30 августа 1941 года, адресованное вам, с отклонением вашего представления об отмене оправдательного приговора по делу Кедрова М.С.

Значит, вы обращались к Председателю Верховного суда СССР с просьбой об отмене оправдательного приговора по этому делу.

ОТВЕТ: Я не помню, писал ли я представление Председателю Верховного суда СССР об отмене оправдательного приговора по делу Кедрова. Думаю, что нет, так как из осмотренных мною двух дел на Кедрова М.С. я вижу, что по поводу отмены оправдательного приговора Кедрова писался документ на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР за подписью Кобулова. Правда, копия этого документа, оставшаяся в агентурном деле, не имеет номера и даты. Я допускаю, что письмо Кобулова из Президиума Верховного Совета СССР поступило в Верховный суд, Председатель которого ответил мне, как первому заместителю Наркома. Но я ответ его в свое время не читал, так как 30 августа находился в командировке в Ленинграде.

ВОПРОС: Вы пытаетесь скрыть свою причастность к делу Кедрова М.С. Вам предъявляется представление Председателю Верховного суда СССР от июля 1941 года, подписанное вами.

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Да, это представление подписывал я, но я его не помню. Скрывать что-то от следствия из того, что я помню и знаю, я не собираюсь.

ВОПРОС: Теперь вы скажите, за что Берия решил расправиться с Кедровым М.С.?

ОТВЕТ: Об этом я не знаю, так как не помню дела Кедрова, а Берия мне об этом ничего не говорил.

ВОПРОС: Разве вам неизвестно, что Кедров М.С. располагал сведениями, компрометирующими Берия по его работе в Баку?

ОТВЕТ: Повторяю, что дела Кедрова М.С. я не помню и не знаю, какими сведениями он располагал о работе Берия в Баку.

ВОПРОС: В этом представлении вы пишите:

«Родной сын Кедрова — Кедров Игорь Михайлович, арестованный в 1939 году за шпионскую работу, показал, что для осуществления провокационных заданий германской разведки им были использованы клеветнические сообщения его отца — Кедрова М.С.».

Таким образом, вы знали, что Кедров М.С. располагал сведениями, компрометирующими Л.П. Берия?

ОТВЕТ: Буквально это не вытекает из приведенной выдержки, но возможно, что тогда мне и рассказали об этом деле и, в частности, о сведениях, которыми располагал Кедров о Берия, но сейчас я этого не помню.

ВОПРОС: Объясните, почему Кедров при отсутствии вины в его действиях, при наличии оправдательного приговора по делу, вынесенного Военной коллегией Верховного суда СССР, не был вами освобожден из-под стражи?

ОТВЕТ: Нас, работников НКВД, ругали за случаи оправдательных приговоров, и мы старались их опротестовывать. Очевидно, в данном случае, когда мне принесли на подпись представление об опротестовании оправдательного приговора, я не вдавался в существо дела и подписал это письмо. Направив это письмо в Верховный суд СССР, мы ожидали ответа. Почему

Кедров М.С. не был освобожден из-под стражи после 30 августа 1941 года, я не знаю, так как в этот период времени был в командировке, откуда вернулся в первых числах октября, и тут же уехал в Куйбышев.

ВОПРОС: В своем представлении в Верховный суд вы указали на то, что следствием была установлена предательская деятельность Кедрова в интересах английских интервентов на Северном фронте. Вы подтверждаете, что еще 9 февраля 1941 года было получено заключение ст. преподавателя кафедры истории гражданской войны Академии имени М.В. Фрунзе полковника Ангарского о работе Кедрова М.С. на Северном фронте в 1918 году, полностью реабилитирующее Кедрова М.С., которое было скрыто от судебных органов, было приобщено только к агентурному делу Кедрова М.С. и о котором ничего не говорилось и в вашем представлении в Верховный суд СССР?

ОТВЕТ: Из просмотренного мною агентурного дела на Кедрова М.С. в настоящее время я вижу, что в нем действительно имеется заключение полковника Ангарского о работе Кедрова М.С. на Северном фронте в 1918 году, реабилитирующее Кедрова, которого нет в следственном деле. Однако при подписании представления в Верховный суд вряд ли я имел возможность лично сличить текст представления с материалами следственного и агентурного дела, доверяя в этом отношении подчиненным мне работникам, готовившим представление.

ВОПРОС: В своих многочисленных жалобах, приобщенных к агентурному делу, и в собственноручных показаниях, также приобщенных к агентурному делу, Кедров М.С. утверждал, что в процессе следствия к нему применялись недопустимые методы, грубо нарушающие социалистическую законность.

Как же вы, подписывая представление об отмене оправдательного приговора, не приняли мер к проверке этих жалоб и наказанию виновных?

ОТВЕТ: Не помню, чтобы ко мне поступала какая-либо жалоба Кедрова М.С.

ВОПРОС: В вашем представлении утверждается:

«Во время пребывания под стражей Кедров в кругу сокамерников вел злобные антисоветские разговоры».

Но ведь вам должно быть известно из материалов дела и агентурного дела, в частности, что все разговоры Кедрова М.С. сводились к высказываниям о безобразиях, творимых в НКВД СССР в период руководства им Л.П. Берия и вами, его первым заместителем.

Вам приводится выдержка из донесения агента № 414, имеющегося в агентурном деле, с которым вы ознакомлены:

«Кедров и тонко и грубо дискредитирует нынешнего Наркомвнудела, заявляя, что Ежова не стало, а ежовщина продолжается вовсю, что обман партии продолжается, что его (Кедрова) сын стал сигнализировать в ЦК о безобразиях, творящихся при новом Наркомвнуделе и его вскоре же арестовали, обвинили в шпионаже и попытке дискредитировать нового Наркомвнудела по заданию немецкого посольства. По словам Кедрова, новый Наркомвнудел имеет личные счеты за прошлое по Закавказью с самим Кедровым».

Вот какие разговоры вел Кедров М.С., находясь под стражей. Что же здесь преступного в высказываниях Кедрова?

ОТВЕТ: В момент подписания представления в Верховный суд я этого донесения агента не видел, а проверять правильность написанного в представлении с материалами следственного и агентурного дела, как я уже выше показывал, я возможности не имел, доверяя в этой части подчиненным мне работникам.

ВОПРОС: Вам известно, что по приказанию Берия, которое им было дано в октябре 1941 года, Кедров М.С., при наличии никем не отмененного оправдательного приговора, был расстрелян?

ОТВЕТ: Об этом я узнал только в период следствия. С заключением Влодзимирского, утвержденным Кобуловым о расстреле Кедрова М.С., приобщенным к делу Кедрова, я ознакомился только сегодня, и никогда — ни Берия, ни Кобулов, ни Влодзимирский мне об этом не говорил.

ВОПРОС: Как вы оцениваете эти действия Берия, Кобулова и Влодзимирского по делу Кедрова?

ОТВЕТ: По меньшей мере преступными.

ВОПРОС: Вы признаете, что, не приняв мер к освобождению Кедрова М.С. из-под стражи, при наличии оправдательного приговора, вы тем самым стали соучастником Берия в совершении этого гнусного преступления?

ОТВЕТ: Виновным себя в этом не признаю. В спешке, в условиях первых дней войны, я подписал представление в Верховный суд об опротестовании оправдательного приговора, недостаточно хорошо разобравшись с делом. Если отказ Верховного суда был бы мною лично получен, я бы, безусловно, принял меры к освобождению Кедрова. Однако, как я выше показал, в день получения ответа Верховного суда меня в Москве не было.

Показания записаны с моих слов правильно, протокол мною лично прочитан.

В. МЕРКУЛОВ

Допрос окончен в 22 часа.

ДОПРОСИЛ:
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *УСПЕНСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 9—31. Копия. Машинопись.

№ 90
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

24 сентября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 356/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 24 сентября 1953 года.

Приложение: на 6 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, сентября 24 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

---

[1] На первом листе протокола имеются следующие пометы: «Маленков Г.М. и Хрущев Н.С. ознакомлены. Д. Суханов», «Читал. Булганин. 26.IX», «В. Молотов. 1.X», «К. Ворошилов. 28.X-53 г.», «Чит. А. Микоян. 4.X», «М. Сабуров. 6.X», «Первухин. 7.X-53», «Л. Каганович. 3.XI».

Допрос начат в 15 ч. 10 м.

ВОПРОС: Вы знали Мамулия?

ОТВЕТ: Да, я знал Мамулия. он был секретарем ЦК КП(б) Грузии до Картвелишвили, после которого секретарем ЦК стал я.

ВОПРОС: За что был арестован и осужден Мамулия?

ОТВЕТ: Я не знаю.

ВОПРОС: Вы интересовались ходом следствия по делу Мамулия и его показаниями?

ОТВЕТ: Один раз я присутствовал на его допросе. Какие он давал показания — я не помню.

ВОПРОС: Вы давали указания во время следствия бить Мамулия?

ОТВЕТ: Вообще избивали арестованных, но указаний избивать Мамулия я не давал.

ВОПРОС: Вы знали Орахелашвили И.Д.?

ОТВЕТ: Знал. В Закавказье он был последнее время секретарем Заккрайкома, которого я сменил.

ВОПРОС: За что был арестован и осужден Орахелашвили?

ОТВЕТ: Я не знаю. Он был арестован в Москве.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вам оглашаются показания Гоглидзе: «...В 1937—1938 гг. я почти ежедневно бывал на докладе у Берия. В одно из таких посещений Берия летом 1937 он дал мне указание арестовать Орахелашвили и доставить его в НКВД Грузии». Признаете это?

ОТВЕТ: Гоглидзе неправильно показывает. Я не давал таких указаний.

ВОПРОС: Каких показаний от Орахелашвили добивался Кобулов по вашему указанию?

ОТВЕТ: Я не знаю. Никаких указаний Кобулову я не давал.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Надарая: «...Примерно в конце 1937 года, начале 1938 г., кажется, из Москвы в Тбилиси был доставлен арестованный бывший директор Института красной профессуры Орахелашвили. Поместили его в камеру с одним арестованным, фамилию которого я сейчас не помню.

Через некоторое время этот арестованный попросил меня вызвать его. Я его вызвал, и он мне сказал, что Орахелашвили рассказывал ему, что Богдан Кобулов требует от него показаний о вражеской деятельности многих людей и очень ответственных, которых он, Орахелашвили, вовсе не знает, и требует включить их в протокол как якобы троцкистов, что он Орахелашвили и сделал. Впоследствии Орахелашвили был расстрелян».

ОТВЕТ: Мне это неизвестно.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вы и ваши подручные — Гоглидзе, Кобулов и другие добивались от Орахелашвили показаний на Серго Орджоникидзе. Это так?

ОТВЕТ: Я не знаю, чего они добивались, мне это неизвестно.

ВОПРОС: Вы не могли не знать о вымышленных клеветнических показаниях Орахелашаили, данных в результате его истязаний, о Серго Орджоникидзе. Орахелашвили 9.IX.1937 года показал: «...Лично я очень много обязан Серго Орджоникидзе, но даже чувство благодарности и преданности к нему не мешает мне осветить его действительную роль в событиях, при которых зарождались враждебные ВКП(б) и Соввласти группировки и контрреволюционные организации... Серго Орджоникидзе высказывал недовольство партийным руководством, допускал контрреволюционные провокационные выпады по адресу секретаря

ЦК КП(б) Грузии Лаврентия Берия. Надо со всей ответственностью признать, что Серго Орджоникидзе фактически вдохновлял нашу контрреволюционную борьбу против партийного руководства Грузии и лично секретаря ЦК КП(б) Грузии — Лаврентия Берия... Он не только поддерживал наши контрреволюционные выпады по адресу Сталина и секретаря ЦК КП(б) Грузии Берия, а, наоборот, задавал тон этим нашим контрреволюционным разговорам...».

Вы признаете, что эти клеветнические, добытые преступными методами показания получены по вашему прямому указанию?

ОТВЕТ: Я указаний не давал и этих показаний на Серго Орджоникидзе не помню.

ВОПРОС: Вам оглашается показание Гоглидзе: «Указания Кобулову получить показания от арестованных на Серго Орджоникидзе мог дать только Берия...»

ОТВЕТ: Он показывает неправильно.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вам оглашаются показания Савицкого: «Мне лично Кобулов говорил, что ты не сумел добиться от Орахелашвили признательных показаний, а Кримян их добился... Берия очень высоко оценивает полученные Кримян от Орахелашвили показания, чрезвычайно ими интересуется, знакомится с каждым протоколом и сам дает указания по делу...»

ОТВЕТ: Он говорит неправду.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Кобулова: «Вспоминаю, что Орахелашвили действительно давал показания в отношении Серго Орджоникидзе, содержание которых из-за давности события я вспомнить не могу. Должен, однако, заявить, что по существующему тогда порядку показания на руководящих деятелей партии и государства не могли быть мной или моими подчиненными мне работниками зафиксированы в протокол без предварительного доклада и получения на то специального разрешения бывшего наркома внутренних дел Гоглидзе, который в свою очередь получал разрешение от Берия...»

Вы и сейчас будете отрицать, что по вашим указаниям добивались преступными методами фальсифицированные материалы в отношении Серго Орджоникидзе?

ОТВЕТ: Я отрицаю. Кобулов говорит неправильно. Таких показаний на Серго Орджоникидзе я не помню.

ВОПРОС: Признавайтель, что именно в своих авантюристических преступных целях вы стремились осквернить память Серго Орджоникидзе?

ОТВЕТ: Нет, этого я не делал.

ВОПРОС: Вы знали, что Серго Орджоникидзе относится к вам с недоверием, как бывшему агенту муссаватистской контрразведки?

ОТВЕТ: Серго Орджоникидзе относился ко мне исключительно хорошо. Он был инициатором моего продвижения: из Баку в Тбилиси, а затем назначения меня на должность председателя ГрузЧК и первого заместителя ЗакЧК.

Работая в Закавказье, Серго Орджоникидзе чуть не каждый день вызывал меня, оказывал мне помощь в работе советами и указаниями по борьбе с антисоветскими элементами. Его хорошее отношение ко мне проявлялось также и в том, что он на активах отзывался в своих выступлениях обо мне положительно. В 1926 году Орджоникидзе писал Дзержинскому с приложением выписки из решения ЦК КП(б) Азербайджана по вопросу о моей службе в муссаватистской контрразведке. После возвращения из Москвы в тот период на мой вопрос, что мне еще надо представлять, Серго Орджоникидзе ответил: «Продолжай также работать, все в порядке».

Мне кажется, что отношения Серго Орджоникидзе ко мне, может быть, несколько изменилось в начале 1934 года или позже, так как до этого времени у нас все время были отношения хорошие. Я его всегда информировал письменно о делах в Закавказье и, в частности, о Грузии. Иногда он отвечал мне на эти письма. Эти письма находятся в моем архиве, из которых можно видеть его исключительно хорошее ко мне отношение.

У Серго Орджоникидзе могло измениться ко мне отношение в результате всяких наговоров работников Закавказья, в свое время снятых с работы ЦК ВКП(б) за всякого рода антипартийные группировки, а их там было очень много.

ВОПРОС: Если так действительно относился к вам Серго Орджоникидзе, а вы, как это сейчас утверждаете, относились к нему хорошо, то вы перед ним лицемерили и двурушничали, а в действительности в кругу своих приближенных нередко проявляли свое злобное отношение к Серго Орджоникидзе. Это правильно?

ОТВЕТ: Это неправильно.

ВОПРОС: Вам оглашается показание Гоглидзе. Он показывает: «Как мне приходилось наблюдать до 1934—1935 гг. Берия, во всяком случае внешне, относился к Орджоникидзе положительно, а затем наступил какой-то резкий перелом, и Берия в присутствии меня и других лиц допускал в отношении Серго Орджоникидзе резкие высказывания пренебрежительного характера. Помню, что Берия обвинял Орджоникидзе в том, что он выдвигал негодных людей на ответственные посты, а те ходят к Орджоникидзе, наушничают, сплетничают ему, как бы в отношении Берия, и что Орджоникидзе этим людям верит. У меня складывалось впечатление, что Берия говорил это в результате какой-то личной злобы на Орджоникидзе и настраивал против него других». Вы признаете это?

ОТВЕТ: Он говорит неправду.

ВОПРОС: Об этом же свидетельствует ваш соучастник Шария. Он показывает: «Мне известно, что Берия внешне относился к С. Орджоникидзе как бы хорошо, а в действительности говорил о нем в кругу приближенных всякие гадости. Помню как-то в разговоре Берия в резком пренебрежительном тоне обвинил Орджоникидзе в том, что тот якобы натворил в Грузии немало дел. Этот разговор был приблизительно в 1938 году...». Вы это также будете отрицать?

ОТВЕТ: Я это показание отрицаю. Оно неправильное.

ВОПРОС: Вы признаете, что вы в своих авантюристических преступных целях пытались осквернить память Серго Орджоникидзе и фальсифицированными, клеветническими материалами сделать его врагом советского государства?

ОТВЕТ: Нет, я этого не признаю.

Протокол прочитан, записан с моих слов верно.
Берия Л.П. от подписи протокола отказался.

Допрос окончен в 17 час. 35 мин.

Допросил:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 1—8. Копия. Машинопись.

№ 91

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР Р. РУДЕНКО И МИНИСТРА МВД СССР С. КРУГЛОВА О ПРИВЛЕЧЕНИИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГЕРЦОВСКОГО[1]

29 сентября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 1013/к

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС
товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Докладываем Вам, что, по имеющимся данным, бывш. начальник отдела «А» МГБ СССР генерал-майор Герцовский А.Я. 1904 года рождения, член КПСС с 1939 года, являющийся в настоящее время начальником отдела МВД Якутской АССР, находясь на руководящей работе в чекистских органах, прикрывал преступные действия врага народа Берия, обманывавшего партию, а также допускал грубые нарушения советской законности и злоупотреблял своим служебным положением.

Среди архивных материалов, хранившихся лично у Герцовского, обнаружен пакет, опечатанный личной печатью с инициалами Герцовского, в котором находились компрометирующие материалы в отношении бывш. коменданта МГБ СССР генерал-майора Блохина.

Среди этих материалов имеется копия письма от 4 февраля 1939 года за подписью бывшего наркома внутренних дел СССР Берия, адресованного товарищу И.В. Сталину, в котором сообщается о показаниях, данных на следствии бывш. заместителем начальника учетно-статистического отдела НКВД СССР Зубкиным.

В письме говорится, что Зубкин, признавшись в шпионской работе в пользу немецкой разведки и причастности к антисоветскому заговору, в который был вовлечен бывшим секретарем Ягоды Булановым, показал, что Буланов имеет террористическую группу из числа работников комендатуры НКВД СССР, и назвал участников этой группы, в том числе Блохина, а также ряд работников комендатуры, которых Буланов рассчитывал привлечь в случае необходимости к террористической деятельности.

Далее в письме указывалось, что лица, названные в показаниях Зубкина, арестованы НКВД СССР и по их делам ведется следствие.

В действительности же Берия арест Блохина не санкционировал, а на постановлении на его арест написал следующую резолюцию:

«С. секретно. Вызван был мною Блохин и руководящие работники комендатуры, которым мною было сообщено кое-что из показаний на них. Обещали крепко поработать и впредь быть преданными партии и Советской власти. 20.II-39 г. Л.Б.».

Постановление на арест Блохина с указанной резолюцией Берия также обнаружено в упомянутом выше пакете, хранившемся у Герцовского.

Таким образом, из документов, найденных в этом пакете, видно, что Берия обманул Центральный Комитет партии. Лица, названные в показаниях

---

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «Тов. Булганин ознакомился с этим документом и предлагает принять предложение т.т. Круглова и Руденко. В. Чернуха 28.IX.53», «Предложение тов. Булганина правильное и следует сообщить по телефону т.т. Руденко и Круглову. Д. Суханов. 30.IX.». «Тов. Булганин сообщил т.т. Руденко и Круглову ВЧ. 2.Х».

Зубкина, не только не были арестованы, как об этом Берия сообщил в письме товарищу Сталину И.В., но до последнего времени работали в органах МГБ, а Блохин, получив в 1945 году по представлению Берия звание генерал-майор, до мая 1953 года работал комендантом МГБ—МВД СССР.

Герцовский, храня у себя документы, свидетельствующие о том, что Берия обманул ЦК КПСС, помешал разоблачению как самого Берия, так и лиц, скомпрометированных показаниями Зубкина.

Являясь в 1939 году заместителем начальника 1-го Спецотдела НКВД СССР, Герцовский не принял мер к розыску архивно-следственного дела на бывш. уполномоченного Наркомлегпрома в ЗСФСР Сеф С.Е., которое 1939 года было передано Кобулову и от него не вернулось, а в настоящее время значится утраченным.

Указанный Сеф С.Е. в 1938 году был расстрелян по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Он проходит по показаниям участника право-троцкистского центра в Закавказье Горячева, завербованного бывш. вторым секретарем Закавказского крайкома партии Кудрявцевым. По показаниям Горячева как активный троцкист проходит также работавший в то время в Закавказском крайкоме партии Мамулов Степан, об антисоветской деятельности которого хорошо знал Сеф.

Герцовский, зная, что дело Сефа от Кобулова не вернулось, не реагировал на это и тем самым прикрывал действия Кобулова, возможно уничтожившего это дело.

Нарушая советскую законность, Герцовский самочинно направлял в ссылку на поселение, а также задерживал в ссылке лиц, не подлежавших ссылке.

Вместе с тем, возглавляя отдел «А» МГБ СССР, Герцовский не информировал партийные инстанции о длительном расследовании следственных дел и незаконном содержании арестованных под стражей, хотя отдел «А» должен был контролировать соблюдение уголовно-процессуальных норм при расследовании дел на арестованных органами МГБ.

Более того, Герцовский давал периферийным органам МГБ устные указания о том, чтобы все заявления арестованных, независимо от того, кому они арестованы, направлялись следователю, ведущему дело. На практике это приводило к грубым нарушениям советских законов и к игнорированию права арестованных обжаловать действия органов МГБ в центральные партийные и советские органы.

Особенно вопиющее нарушение советской законности с участием Герцовского было допущено по известному Вам делу в отношении Орджоникидзе К.К.[I] Зная о том, что Орджоникидзе К.К.[II] находится в заключении необоснованно, Герцовский дважды лично ставил вопрос о продолжении содержания его под стражей и таким образом способствовал незаконному содержанию Орджоникидзе К.К.[III] в тюрьме с полной изоляцией в течение 12 лет.

Без разрешения руководства Министерства Герцовский в 1945—1946 г.г. из конфискованного имущества, учетом и сдачей которого в госфонд ведал возглавлявшийся Герцовским отдел «А» МГБ СССР, приобрел для себя 7 предметов, за что в 1951 году ему объявлен выговор. С разрешения Герцовского конфискованное у арестованных имущество продавалось сотрудникам МГБ СССР.

[I] «Орджоникидзе К.К.» вписано от руки.

[II] То же.

[III] То же.

Используя свое служебное положение, Герцовский в 1944 году оформил на себя половину дачи осужденного Хилько, бывшего сотрудника МГБ. Впоследствии эта дача была передана им бывш. начальнику отделения отдела «А» МГБ СССР Гусеву.

МВД и Прокуратура СССР считают необходимым привлечь Герцовского к уголовной ответственности.

Просим Вашего согласия.

Генеральный прокурор СССР Р. РУДЕНКО

Министр Внутренних дел СССР С. КРУГЛОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 32—36. Копия. Машинопись.

№ 92

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР Р. РУДЕНКО И МИНИСТРА МВД СССР С. КРУГЛОВА О Н.М. РУХАДЗЕ[1]

29 сентября 1953 г.

Совершенно секретно

№1013/к

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС
товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

МГБ СССР 11 июля 1952 года был арестован бывший министр государственной безопасности Грузинской ССР Рухадзе Н.М., 1905 года рождения, уроженец села Диди-Джихаиши (Грузия).

Допросом свидетелей и документальными данными, добытыми в процессе следствия, установлено, что Рухадзе длительное время скрывал свое кулацкое происхождение. Как выяснилось, родители Рухадзе являлись кулаками и занимались ростовщичеством, в связи с чем в 1930 году раскулачивались, лишались избирательных прав и высылались из пределов Самтредского района Грузинской ССР. Два родных брата Рухадзе в прошлом служили в меньшевистской армии. Первая жена Рухадзе Лазарева (Лазариди) А.И., с которой он находился в браке с 1926 по 1947 год, состояла в греческом подданстве и происходила из семьи домовладельца, недвижимая собственность ее родителей после установления в Грузии советской власти была национализирована. Вторая жена Рухадзе — Дуненко Т., в брак с которой он вступил в 1948 году, является дочерью полковника царской армии. Первый муж ее — Арутюнов в 1937 году был арестован органами НКВД за антисоветскую деятельность и, находясь в тюрьме, умер.

Следствием установлено, что Рухадзе, работая в чекистских органах, занимался преступной деятельностью, грубо нарушал социалистическую законность и создавал провокационные дела, по которым арестовывались и обвинялись в тяжких преступлениях ни в чем не повинные советские люди.

Еще в 1937—38 годах, будучи начальником Гагринского горотдела НКВД и пользуясь покровительством и прямой поддержкой бывшего наркома внутренних дел Грузинской ССР Гоглидзе (арестован в связи с делом Берия), Рухадзе производил аресты советских граждан по непроверенным ма-

[1] На первом листе имеется помета: «Архив. Доложено. Д. Суханов. 4.X.53».

териалам, а затем путем применения изуверских приемов вымогал от них вымышленные «признания» в шпионской, террористической и другой контрреволюционной деятельности.

Однако более полно свое подлинное вражеское лицо Рухадзе проявил в 1948 году, после того как ему удалось пробраться на пост министра государственной безопасности Грузинской ССР.

Оказавшись во главе министерства, Рухадзе начал свою «деятельность» с того, что дал указание об уничтожении всех компрометирующих материалов в отношении себя и своих родственников, в результате чего было сожжено большое количество агентурных и архивно-следственных дел, по которым проходили сам Рухадзе, его жена, братья и другие лица.

В 1948—49 гг. Рухадзе в карьеристических целях создал провокационное дело Мамаладзе и других, обвинявшихся в принадлежности к несуществующей подпольной контрреволюционной организации, программа которой, содержавшая в себе установки по террору против партийного и советского актива, печаталась с ведома Рухадзе и у него на квартире агентом-провокатором Хухунашвили (арестован).

В 1949—50 годах Рухадзе, стремясь «выдвинуться» и показать себя, добился изъятия из Прокуратуры и передачи в МГБ Грузинской ССР уголовного дела на группу лиц, обвинявшихся во взяточничестве и других служебных преступлениях.

В ходе следствия по этому делу по прямому указанию Рухадзе применялись к арестованным зверские избиения, изнурительные ночные допросы и другие строжайше запрещенные советскими законами меры воздействия.

Стремясь создать себе карьеру и свести личные счеты с неугодными ему руководящими работниками партийного и советского аппарата Грузинской ССР, Рухадзе путем незаконных методов ведения следствия, вымогательства и фальсификации показаний арестованных всячески старался скомпрометировать и арестовать как можно больше честных людей.

В результате преступных действий Рухадзе, направленных на избиение руководящих кадров, в разное время было репрессировано и привлечено к уголовной ответственности большое число работников партийного и советского аппарата Грузии, в том числе Героев Социалистического Труда, депутатов Верховного Совета и членов ЦК КП Грузии.

Материалами следствия установлено, что неправильные действия по указанному делу допускал также бывший заместитель министра госбезопасности Грузинской ССР Тавдишвили М.К. (арестован), который уличен в отдельных фактах тенденциозной записи протоколов допроса арестованных.

Кроме Рухадзе и Тавдишвили б. МГБ СССР была арестована жена Рухадзе — Рухадзе (Дуненко) Т.Г., которая обвиняется в том, что знала о ряде служебных злоупотреблений Рухадзе, но не сообщила об этом органам Советской власти.

Поскольку преступная деятельность Рухадзе Н.М. полностью доказана, МВД СССР и Прокуратура Союза считают возможным закончить следствие по его делу в ближайшее время и направить следственные материалы на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, предложив применить меру наказания Рухадзе Н.М. 25 лет тюремного заключения.

В отношении Тавдишвили, совершившего преступления, предусмотренные ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР, применить Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии».

Дело по обвинению жены Рухадзе — Рухадзе (Дуненко) Татьяны Григорьевны, ввиду отсутствия в ее действиях состава преступления, производством прекратить.

Генеральный прокурор Союза ССР Р. РУДЕНКО

Министр внутренних дел СССР С. КРУГЛОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 38—41. Копия. Машинопись.

№ 93

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

28 сентября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 375/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Л.П. от 28 сентября 1953 года.

Приложение: на 10 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, сентября 28 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Допрос начат в 15 часов.

ВОПРОС: С какого времени вы знаете Багирова?

ОТВЕТ: Багирова знаю с начала моей работы в АзЧК, т.е. примерно с апреля 1921 года. В то время он был председателем АзЧК, а я был начальником секретно-оперативной части и одновременно первым его заместителем.

ВОПРОС: Какие у вас были отношения с Багировым?

ОТВЕТ: По-моему, у меня с Багировым были хорошие отношения. На протяжении всего времени, начиная с 1921 года и до моего ареста, мы поддерживали с Багировым хорошие отношения. Багирова я считал одним из наиболее преданных партии человеком. Иногда бывали друг у друга дома.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Берия Н.Т. от 13 августа с.г.:

«...Берия дружил с Багировым. Последнего я знаю с 1922 года еще по Баку. Багиров работал тогда тоже в ЧК и Берия ему подчинялся. После Багиров бывал у нас на квартире в Тбилиси, когда приезжал. В Москве у нас тоже бывал в первые годы нашего нахождения в Москве. Я бывала у Багирова на квартире в Баку вместе с Берия, а также одна. Это было по окончании войны...»

Правильно это?

ОТВЕТ: Да, это правильно.

---

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «т.т. Маленков, Хрущев и Булганин — ознакомлены. Д. Суханов 3.X.53», «Читал В. Молотов 5.X», «Читал А. Микоян 8.X», «М. Суслов 12.X», «Первухин 13.X», «Читал К. Ворошилов 28.X.53 г.», «3.XI. Л. Каганович».

ВОПРОС: Вы признаете, что Багиров был назначен на должность секретаря ЦК КП(б) Азербайджана по вашему представлению?

ОТВЕТ: Да, я назвал кандидатуру Багирова, который в это время работал предсовнаркома Азербайджана, на пост секретаря ЦК Азербайджана. Кандидатура Багирова была известна в ЦК.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Мильштейна о ваших взаимоотношениях с Багировым:

«...С Багировым Берия начал свою работу в органах ЧК и был его заместителем в Азербайджанской ЧК в период с 1920 по 1922 гг., т.е. до перехода Берия на работу в Грузинскую ЧК. За время совместной работы и до последних дней у Берия были самые близкие взаимоотношения с Багировым. Багиров постоянно общался с Берия, когда последний работал в Тбилиси, а затем в Москве. Берия открыто покровительствовал Багирову, когда работал секретарем Закавказского крайкома партии, а затем министром внутренних дел СССР и зам. председателя Совета Министров СССР. Все вопросы, которые требовали для разрешения в Совете Министров СССР и ЦК КПСС поддержки, Багиров предварительно согласовывал с Берия. Я считаю, что покровительство и поддержка Багирова со стороны Берия не являются случайными. Багиров, несомненно, знал и знает всю деятельность Берия в Азербайджане и компрометирующие материалы...

Берия целиком поддерживал Багирова и, в конечном счете, добился снятия и репрессирования всех его противников и выдвижения Багирова секретарем ЦК КП Азербайджана...»

Правильно это?

ОТВЕТ: Мильштейн показывает тенденциозно и неправильно. Багиров по ряду вопросов входил непосредственно в правительство и к главе правительства.

Что же касается отношений с Багировым, то, как я уже показал, у меня были хорошие отношения с Багировым, но иногда бывали и плохие, когда я с ним не соглашался или заставлял его выполнять данные ему указания. Я ни в какой мере не был зависим от Багирова.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что при непосредственном содействии Багирова вам удалось получить из государственных архивов Азербайджана архивные материалы, за которыми вы направляли в Баку Меркулова?

ОТВЕТ: Я не знаю, обращался ли Меркулов за содействием к Багирову. Меркулов мне об этом не говорил. Меркулов ездил за документами, которые реабилитировали меня в связи с решением ЦК партии Азербайджана в 1920 году. Я не прятал документов, которые бы меня в чем-то изобличали, и не стремился к их изъятию.

ВОПРОС: А разве письмо Вирапа, из которого видно, что вы в марте 1917 года не вступали в партию, что в 1919 году вы были сочувствующим, не было вами скрыто от ЦК партии?

ОТВЕТ: Письмо это находилось вместе с другими архивными материалами у Меркулова, а Вирап не знал о моем партстаже, и поэтому так и написал.

ВОПРОС: Меркулов на допросе 21.VII.1953 года показал, что эти документы он получил из архива лишь при содействии Багирова, давшего незаконное распоряжение об их выдаче Меркулову.

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Если Меркулов так показывает, то, очевидно, так и было.

ВОПРОС: Вы признаете, что еще в 1921 году Багиров на заседании комячейки АзЧК с участием центральной комиссии по проверке, пересмотру и очистке личного состава АКП спас вас, когда вас обвиняли в присвоении бриллиантового кольца и неподобающем отношении к женщинам?

ОТВЕТ: В то время в комячейке АзЧК была склока и меня необоснованно обвиняли. Это были интриги Шахбазова и его семьи, в то время работавшего начальником административного управления ЧК.

ВОПРОС: Почему вы и Багиров во время чистки в 1921 году в ячейке скрыли о вашей службе в муссаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: Я ничего не скрывал, т.к. этот вопрос ЦК Азербайджана разбирал в 1920 году.

ВОПРОС: Вам предъявляется архивная выпись из протокола заседания комячейки АзЧК, хранившегося в фонде № 10, дело 5/4, л. 39, св. 1, опись 31, из которой видно, что вы и Багиров скрыли тогда факт вашей предательской деятельности в муссаватистской контрразведке.

Что вы можете показать?

ОТВЕТ: Я подтверждаю, что мне предъявлена копия архивной записи из протокола заседания комячейки с участием центральной комиссии по проверке, пересмотру и очистке личного состава АКП и что в этой записи нет указаний о моей службе в муссаватистской контрразведке. Почему эта запись не сделана, мне неизвестно, но я утверждаю, что я не скрывал этого, т.к. этот вопрос рассматривался в ЦК Азербайджана.

ВОПРОС: Вы заместителя начальника Аз. УНКВД Нодева О.Я. знаете?

ОТВЕТ: Нодева какого-то припоминаю, который работал в УНКВД Азербайджана и был прислан из Москвы.

ВОПРОС: За что Багиров в 1936 году потребовал снятия с работы Нодева?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вам было известно, что это было сделано Багировым ради вас?

ОТВЕТ: Я этого не знаю.

ВОПРОС: Вам оглашается выдержка из стенографической записи выступления Багирова на заседании бюро ЦК АКП (б) 25 декабря 1936 года, где, обвиняя Нодева, Багиров говорил:

«...И сегодня, вместо того, чтобы вместе со всей большевистской партийной организацией воздать должное тов. Берия за его большевистскую упорную борьбу за последние 5—6 лет в Азербайджане, вы пускаетесь на болтовню.

С этим мы никак не можем согласиться. Я думаю, что надо будет поставить вопрос перед Наркомвнудел о снятии Нодева и объявить ему выговор с последним предупреждением...»

Что вы можете сказать?

ОТВЕТ: Это я впервые слышу.

ВОПРОС: Вам оглашается телеграмма, адресованная на имя Ежова:

«За недопустимую клеветническую антипартийную болтовню по адресу товарища Лаврентия Берия бюро ЦК АКП(б) решило объявить выговор заместителю начальника Аз. УНКВД Нодеву и постановило просить вас снять его с работы. Просим санкционировать снятие Нодева с работы и отозвать его в распоряжение НКВД Союза. Секретарь ЦК АКП(б) Багиров. 25 декабря 1936 года».

Что вы можете сказать?

ОТВЕТ: Мне также ничего не известно по этому поводу.

ВОПРОС: Из стенограммы заседания бюро усматривается, что Нодев в неофициальных разговорах, когда речь зашла о Берия и когда другие стали

восхвалять Берия как талантливого и крупного чекиста Советского Союза, то Нодев сказал:

«Это только в Закавказье о нем такого мнения, а где бы и с кем бы вы не говорили, везде — от Владивостока до Москвы о нем отрицательного мнения. Все считали, что Берия из Закавказья выживал полпредов — постоянных представителей ОГПУ, всех выживал с подвохами, применяя всякого рода нехорошие вещи...»

Вам известно об этом?

ОТВЕТ: Как я уже показал, я об этом ничего не знаю.

ВОПРОС: Вам известно, что после этого в декабре 1937 г. Нодев был арестован по проискам Багирова и вашим и расстрелян?

ОТВЕТ: Мне это ничего не известно. Я должен заявить, что вопрос о назначении и смещении полномочных представителей ОГПУ в Закавказье, по существу, решался в ЦК ВКП(б) и поэтому обвинение меня в том, что я выживал этих представителей — необоснованно.

ВОПРОС: Знаете ли вы Блохина В.М.?

ОТВЕТ: Знаю, что был комендантом МВД СССР Блохин.

ВОПРОС: Было ли вам известно, что на Блохина имелись серьезные материалы, указывающие на антисоветские связи с заговорщиками и, в частности, с Ягодой?

ОТВЕТ: Я не помню сейчас, какие материалы были в отношении Блохина, но что-то было компрометирующее его, даже речь шла о том, чтобы его подвергнуть аресту. Об этом я докладывал И.В. Сталину. Со мной И.В. Сталин не согласился, заявив, что таких людей сажать не надо, они выполняют черновую работу. Тут же он вызвал начальника охраны Власика и спросил его — участвует ли Блохин в исполнении приговоров и нужно ли его арестовывать? Власик ответил, что Блохин участвует, и с ним вместе участвуют его помощник Раков, и положительно отозвался о Блохине. После этого вопрос о Блохине не поднимался, и он остался на работе коменданта НКВД СССР, а затем МВД СССР до 1953 года. Когда я стал министром внутренних дел СССР, узнав, что Блохин продолжает работать, дал указание об освобождении его, т.к. он засиделся на этой работе. Был назначен другой комендант.

ВОПРОС: 4 февраля 1939 года вы на имя И.В. Сталина направили письмо, в котором указывали о серьезных компрометирующих данных на Блохина и других лиц и в заключении писали: «перечисленные лица нами арестованы, ведется следствие». Это сообщение ваше не отвечало действительности, т.к. Блохин не арестовывался. Чем вы можете это объяснить?

ОТВЕТ: Мне предъявлена копия письма от 4 июня 1939 г., из которой усматривается вышесказанное. Послано ли это письмо, или я лично докладывал его и в связи с этим произошел мой разговор с И.В. Сталиным, о чем я ранее показал, — я этого сейчас не помню.

ВОПРОС: Вам предъявляется постановление от января 1939 года об избрании меры пресечения — ареста Блохина, на котором вами учинена следующая резолюция:

«С. Секретно. Вызван мною Блохин и руководящие работники комендатуры, которым мною было сообщено кое-что из показаний на них. Обещались крепко поработать и впредь быть преданными партии и советской власти. 20.II.1939 г. Л.Б.».

Что вы можете показать?

ОТВЕТ: Предъявленная мне резолюция от 20.II.1939 г. учинена мною. Я вспоминаю, что это также мною было сделано по указанию И.В. Сталина.

ВОПРОС: Блохин имел отношение к производству опытов над осужденными в спецлаборатории?

ОТВЕТ: Не знаю. Может быть, и имел. Я лично не санкционировал его допуска к этой работе, но он мог иметь допуск по разрешению Меркулова, который больше занимался этими делами.

ВОПРОС: Вам известен Шлюгер Ш.С.?

ОТВЕТ: Известен. Он работал инспектором при Министре внутренних дел СССР. На эту должность он был назначен мною в 1953 году.

ВОПРОС: До этого назначения Шлюгер находился под стражей и за что?

ОТВЕТ: Да, он находился под стражей и обвинялся в националистических высказываниях. Следственная часть НКВД дала заключение об освобождении его из-под стражи и о прекращении на него дела.

ВОПРОС: Вами куда и когда был командирован Шлюгер после освобождения из-под стражи?

ОТВЕТ: Он был командирован в составе бригады МВД СССР в Венгрию. Точно не могу сказать когда, возможно за две-три недели до моего ареста.

ВОПРОС: Вы знаете Шлюгер Людмилу Дмитриевну?

ОТВЕТ: Знаю. Это жена Шлюгера Ш.С.

ВОПРОС: Какие у вас отношения со Шлюгер Л.Д.?

ОТВЕТ: Никаких отношений. Один раз видел ее. Она пришла ко мне на квартиру по поводу квартиры, в связи с освобождением ее мужа из-под стражи.

ВОПРОС: Почему она к вам пришла на квартиру?

ОТВЕТ: Позвонила, и я ей разрешил.

ВОПРОС: Вы с ней сожительствовали?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Шлюгер Л.Д. от 16.IX.1953 года:

«...После освобождения мужа в день рождения Берия я послала ему поздравительную телеграмму следующего содержания: "Дорогой Лаврентий Павлович! Поздравляю вас с днем рождения. Желаю здоровья и плодотворной работы на благо нашей Родины. Людмила Шлюгер".

Однажды после этого, насколько я помню, 6 июня 1953 года в то время, когда муж был в командировке в Венгрии, ко мне домой кто-то позвонил по телефону и спросил: "Это квартира Шлюгер? С вами говорят из министерства. Нам нужна жена Шлюгер". Затем мне сказали, что со мной будет говорить министр и что мне позже позвонят. Вечером в половине девятого раздался звонок. Меня спросили по телефону: "А вы телеграмму министру посылали?" Я подтвердила, что посылала телеграмму. Голос с грузинским акцентом сказал, что мне позвонит через час еще раз. Между половиной двенадцатого — двенадцатью часами ночи мне опять позвонили и сказали, что сейчас за мной приедет машина, что там будет находиться полковник в военной форме и что мне надо сесть в машину, полковник отвезет меня к министру.

Действительно, вскоре к дому подошла машина "Победа" и в ней был полковник. Я села в машину, и мы поехали, но машина почему-то повернула не к министерству, а в обратную сторону. Мы долго ездили по каким-то переулкам. В конечном счете, приехали в особняк Берия...

...Наконец приехал Берия Л.П. Он спросил: "Вы телеграмму послали?" и затем сказал: "Я решил вас отблагодарить". Затем Берия спросил: "Ваш муж долго сидел?" Я ответила, что мой муж находился под стражей два месяца. Затем Берия расспрашивал меня — давно ли я замужем, есть ли у меня дети. Потом он пригласил меня в столовую ужинать. Там кроме нас двоих никого не было. Полковник куда-то ушел. За ужином Берия угощал меня вином,

поднял тост за мое здоровье, затем за здоровье моей дочки. После ужина Берия повел меня в спальню, усадил меня на край кровати и стал меня обнимать. Я пыталась уклониться от его домогательств, просила Берия не трогать меня, но Берия сказал, что здесь философия ни к чему, и овладел мною. Я боялась ему сопротивляться, так как опасалась, что Берия может посадить опять моего мужа. Поэтому я не сопротивлялась...

Через две недели после первой встречи с Берия, мне позвонили опять, прислали машину, и я вторично оказалась в особняке Берия...

Я считала, что только подлец может пользоваться зависимым положением жены подчиненного, да еще недавно освобожденного из-под стражи для того, чтобы овладеть ею...»

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Она показывает неправильно. Она была у меня на квартире вечером, была недолго. Пришла сама, предварительно мне позвонила.

Протокол прочитан мною. Записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 18 часов.

Л. БЕРИЯ

Допросил:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола Следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 42—53. Копия. Машинопись.

№ 94

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В.Н. МЕРКУЛОВА[1]

1 октября 1953 г.

Сов. секретно

№ 406/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого МЕРКУЛОВА В.Н. от 1 октября 1953 года.

Приложение: на 12 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

1953 года, октября 1 дня, помощник Главного военного прокурора полковник юстиции Успенский допросил в качестве обвиняемого Меркулова Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 13 час. 45 мин.

ВОПРОС: Вам фамилия «Белахов» известна?

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «т.т. Маленков, Хрущев и Булганин — ознакомлены. Д. Суханов 7.X.53», «Читал В. Молотов 9.X», «Читал А. Микоян 12.X», «М. Сабуров 13.X.», «Первухин 12.X», «Читал К. Ворошилов 29.X.53 г.», «3.XI. Л. Каганович».

ОТВЕТ: Фамилию «Белахов» я припоминаю. Он работал в парфюмерной промышленности или имел какое-то отношение к этой промышленности. Он арестовывался органами НКВД СССР, кажется, еще до войны, по его делу велось следствие. Белахов в числе других лиц проходил по разработке, которая, кажется, носила название «Змеиное гнездо» или «Змеиный клубок». Разработкой, а затем и следствием по этому делу руководил Кобулов, который получал по этому делу указания непосредственно от Берия.

ВОПРОС: А вы имели отношение к разработке, а затем и к следствию по этому делу?

ОТВЕТ: К делу группы людей, с которой был связан Белахов, я имел отношение только в его последней стадии, когда по поручению Берия я знакомился с материалами дела.

ВОПРОС: Белахов Илья Львович, врач-дерматолог, был арестован в июне 1939 года. Вы имели отношение к его аресту?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам предъявляется ордер на арест Белахова Ильи Львовича, подписанный вами в июне 1939 года. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю. Я обычно подписывал ордера на арест по представлению мне постановления на арест, санкционированного прокурором. В данном случае постановление на арест, утвержденное Кобуловым, ко мне поступило, и я подписал ордер на арест.

ВОПРОС: Таким образом, вы имели отношение к делу Белахова с момента его возникновения?

ОТВЕТ: Очевидно, я принял участие в деле Белахова с начала его возникновения, хотя это включение мое в дело заключалось только в подписании ордера на арест. Когда я выше говорил о том, что к делу Белахова и связанной с ним группы людей я имел отношение только в последней стадии, я имел в виду не только дело Белахова и других, но и агентурную разработку под названием «Змеиный клубок». Так, во всяком случае, мне припоминается.

ВОПРОС: Почему был арестован Белахов?

ОТВЕТ: В чем обвинялся Белахов, я не помню. Очевидно, это написано в постановлении на арест Белахова.

ВОПРОС: Вами продлялись сроки следствия по делу Белахова 20.XII.1939 г., 28.II.1940 г., 29.IV.1940 г., 29.V.1940 г., 9.IX.1940 г., 12.X.1940 г., 20.XII.1940 г. Ознакомьтесь с этими постановлениями. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю.

ВОПРОС: Таким образом, на протяжении года, с декабря 1939 года по декабрь 1940 года, вы семь раз лично продляли срок следствия по делу и должны были быть в курсе следствия по делу. Не вспоминаете ли, кто, кроме Кобулова, участвовал в следствии по делу Белахова?

ОТВЕТ: В тот период времени следствие почти никогда не укладывалось в установленный законом срок, и потому приходилось срок следствия продлевать с санкции прокурора. Обычно мне приносили при докладе много постановлений на продление срока следствия, и я их подписывал, обычно, не вдаваясь в существо дела, зная, что прокурор, а в отдельных случаях и прокурор Союза, дает соответствующее указание о сроке следствия и тех или иных следственных действиях.

Кто, кроме Кобулова, вел следствие по делу Белахова, я не припомню, но из постановления на арест Белахова видно, что его готовил Визель, и он, вероятно, вел следствие. Возможно, что в дальнейшем и другие следователи

принимали участие в следствии. Возможно, на отдельных допросах Белахова присутствовал и я, но я этого не припоминаю.

ВОПРОС: Вам известно, какие незаконные методы применялись Кобуловым и подчиненными ему следователями при допросах Белахова, чтобы у него вынудить нужные для следствия показания?

ОТВЕТ: Я сейчас не припоминаю.

ВОПРОС: Оглашаю вам показания Белахова от 4 апреля 1941 года:

«С первого же дня ареста меня нещадно избивали по 3—4 раза в день и даже в выходные дни. Избивали резиновыми палками, стальными пружинами и линейками, били по половым частям. Я терял сознание. Прижигали меня горячими папиросами, обливали водой, приводили в чувство и снова били. Потом перевязывали в амбулатории, бросали в карцер и на следующий день снова избивали.

Дело дошло до того, что я мочился кровью, перешибли позвоночник, и я стал терять зрение, и появились галлюцинации...

Избиение происходило в Наркомате, в комнате 552-а, избивали Визель, Зубов и еще одно лицо, потом Иванов (комната 224) и гр. Подольский».

Вам известно это?

ОТВЕТ: Я ничего не могу вспомнить по этому вопросу. Полагаю, что если бы об этом мне доложил прокурор или кто-нибудь другой, то я бы принял необходимые меры.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Кобулова Б.З. от 4 августа 1953 года:

«Я нанес Белахову несколько ударов по указанию Берия в его кабинете...

Дело Белахова расследовалось с грубыми нарушениями законов. Независимо от того, кто допускал эти нарушения и в какой мере, — я, как бывший начальник следственной части НКВД СССР, признаю свою долю ответственности за эти нарушения и свое вынужденное участие в деле Белахова осуждаю».

Вы и об этом не знаете?

ОТВЕТ: О том, что Белахова избивал Кобулов в кабинете Берия, по указанию Берия, я не припомню. Если Кобулов показывает, что при этом избиении Белахова в кабинете Берия был и я, то, очевидно, это так и было. Я уже раньше показывал, что в кабинете Берия били арестованных и я при этом присутствовал, но я не припомню, каких арестованных били и был ли среди них Белахов.

ВОПРОС: Вы лжете, ссылаясь на плохую память. Вы арестованным Белаховым занимались лично и не могли забыть о том, каким истязаниям он подвергался во время следствия.

Вам приводится выписка из собственноручных показаний Белахова от 4 апреля 1941 года:

«28.X. — гр. Подольский составил протокол. Протокол является гнусной клеветой (в первой трети своей). Это — нелепая омерзительная фантазия, клевета, составленная им. На мой протест, он мне сказал: не будьте глупцом, надо же что-нибудь дать, не напрасно же вас здесь держали. Когда я не хотел подписать, я был так избит, что совершенно потерял всякое присутствие духа, причем опять последовала угроза пытать, и снова отвезли в Сухановскую тюрьму.

Совершенно истерзанный, истощенный, я подписал этот протокол, но заявил, что я откажусь при первом удобном случае.

На следующий день меня вызвал зам. наркома гр. Меркулов. Он беседовал со мной два дня подряд. Я ему рассказал все чистосердечно. Рассказал

ему обо всех избиениях и рассказал, что я никогда не был ни в каких организациях и рассказал — почему подписаны были и заявление, и протокол, составленные гр. Подольским».

Вы признаете, что вам было хорошо известно о применении к Белахову в процессе следствия грубого насилия для получения от него показаний, которые нужны были следствию?

ОТВЕТ: Я не лгу, когда говорю, что память у меня настолько ослабла, на почве развившегося склероза мозга, что я многого не помню вовсе, а другое помню смутно и в самых общих чертах. Я не имею никакого намерения и желания что-либо скрывать от следствия. Я понимаю, что следствие располагает всеми документальными данными и всеми возможностями, чтобы доказать мне тот или другой факт. Понимая это, как же я могу отрицать тот или иной факт без всякого смысла, зная, что это производит только неблагоприятное впечатление. Я прошу верить, что я действительно не могу вспомнить многих событий прошлых лет, даже таких, которые на первый взгляд, казалось, должны были бы запечатлеться у меня в памяти. После ареста я в камере пытаюсь, перебирая в памяти свою работу, вспомнить отдельные эпизоды, но это мне почти не удается. Другие эпизоды я помню достаточно хорошо и о них показывал.

По существу заявления Белахова могу только сказать, что я не помню этого двухдневного разговора с ним, хотя полагаю, что раз Белахов говорит об этом, то, очевидно, это так и было. Что я сделал, выслушав Белахова, я не помню, но, очевидно, должен был доложить Берия. Какие указания дал мне Берия, я также не помню.

ВОПРОС: После 28 октября 1940 года к вам поступали письменные жалобы Белахова?

ОТВЕТ: Не помню, возможно, поступали.

ВОПРОС: Вам представляется жалоба Белахова от 8 мая 1941 г., адресованная вам как наркому государственной безопасности СССР, в которой он сообщает о преступных методах ведения следствия по его делу. Вами читалась эта жалоба арестованного Белахова?

ОТВЕТ: Как видно из моей резолюции на этой жалобе, о направлении ее моему заместителю Серову, — мной эта жалоба читалась.

ВОПРОС: Почему же и в этом случае, когда вы хорошо помнили о грубых нарушениях законности по делу Белахова — от самого Белахова, который был у вас за шесть месяцев до этого и рассказывал о чудовищных издевательствах, которым он подвергался, — вы не приняли никаких мер по делу Белахова?

ОТВЕТ: Очевидно, меня что-то сковывало в моих действиях по этому делу. Полагаю, были какие-то специальные указания Берия по этому делу, подкрепленные его объяснениями, но вспомнить их я не могу.

ВОПРОС: Вам предъявляется жалоба арестованного Белахова от 17 мая 1941 года, в которой он писал:

«Я не виновен, и я умоляю вас спасти меня. Я умоляю вас обратить внимание на незаконность и преступность некоторых лиц, которые вели следствие... В процессе следствия меня избивали, пытали, принуждая подписывать несуществующие факты. Я не могу вам передать всю тяжесть перенесенных мною мук и страданий».

Вы подтверждаете, что эта жалоба вами лично читалась и 20 мая 1941 года докладывалась Берия, о чем свидетельствует ваша собственноручная подпись и резолюция, учиненная вами на препроводительном письме начальника внутренней тюрьмы от 19 мая 1941 года, при котором и поступила жалоба Белахова?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю.

ВОПРОС: Какие же меры были приняты вами и Берия к проверке обоснованности предъявленного Белахову обвинению?

ОТВЕТ: Я уже говорил, что не помню, какие указания давал мне Берия по этому делу. Как видно из моей резолюции, Берия предложил дело Белахова снять временно с рассмотрения в Особом совещании.

ВОПРОС: Заявление, адресованное прокурору, начальником тюрьмы было направлено вам как наркому государственной безопасности СССР. Почему же вы с этим заявлением Белахова пошли к Берия?

ОТВЕТ: Вместе с заявлением прокурору поступили заявления Белахова на мое имя как наркома госбезопасности и на имя Берия как председателя Особого совещания при НКВД СССР. Эти заявления были при одном препроводительном письме. Поэтому я и пошел к Берия.

Дело Белахова было начато Берия, велось по его указанию длительное время в НКВД, и я не счел возможным не посоветоваться с ним.

Я вижу теперь, что я должен был набраться смелости и доложить дело Белахова И.В. Сталину.

ВОПРОС: Теперь перейдем к другому вопросу. Скажите, для чего применялись меры физического насилия к Белахову?

ОТВЕТ: Для этого мне нужно ознакомиться со следственным и агентурным делом Белахова и других, проходивших по одной разработке, чтобы уяснить чего добивались следователи от Белахова. Помню, что все дело Белахова было связано с именем П.С. Жемчужиной. Нет сомнения в том, что указание о ведении следствия по делу Белахова и других были даны Берия, но я не могу сейчас вспомнить какие-либо конкретные разговоры с Берия и Кобуловым в этой плоскости.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Белахова от 4.IV.1941 г., из которых устанавливается вымогательство клеветнических показаний на Жемчужину:

«Мне говорили, чтобы я только написал маленькое заявление на имя наркома, что я в этом признаю себя виновным, а факты мне сами подскажут. На такую подлость я идти не мог.

Тогда меня отвезли в Сухановскую тюрьму и избили до полусмерти. В бессознательном состоянии на носилках отправили в камеру...

24.VIII и 29.VIII были две очные ставки, касающиеся... Жемчужиной. На очных ставках я заявил, что это клевета. Я хотел изобличить этих клеветников, но мне не дали возможности, хотя я имел и мог сообщить очень ценные сведения для следствия, безусловно, правдивые.

После очных ставок, спустя несколько дней, мне от имени руководства — гр. Райхман, Подольский и Визель сказали:

"Гр. Белахов, успокойтесь. Вас никто не винит, в отношении вас следствие допустило ошибку. Вас напрасно били. Расскажите откровенно, что вы знаете о доме Канель и о Жемчужиной?"»

Вы подтверждаете, что Берия, руководя следствием по делу Белахова, добивался получения от него клеветнеческих материалов на некоторых руководителей Партии и Правительства и членов их семей?

ОТВЕТ: Утверждать, что Берия лично при мне давал указания такого порядка, я не могу, но поскольку он руководил следствием и учитывая следственные материалы, которые мне были предъявлены сегодня, я могу сказать, что Берия добивался получения компрометирующих показаний на П.С. Жемчужину и в связи с этим неизбежно давал необходимые указания Кобулову, а может быть и следователям. Иначе это дело не велось бы с такими нарушениями закона.

ВОПРОС: Это подтверждает и следователь Визель, производивший следствие по делу Белахова. Вам зачитываются показания Визель:

«По этому же групповому делу был арестован один гражданин, работник парфюмерной промышленности, по фамилии Белахов. На допросе у Берия от арестованного требовали компрометирующих показаний на члена семьи одного из руководителей Партии и Правительства.

Арестованный отказывался давать такие показания, указывая, что от него требуют лживых показаний.

Тогда Берия, в присутствии меня, Кобулова и Зубова, приказал арестованному лечь на пол, спустив брюки, и кивнул головой Кобулову. Кобулов при нас избил арестованного резиновой палкой, которую он держал в руках во время допроса».

Признаетесь, что вам также было известно, что от Белахова и других, арестованных вместе с ним, вымогали клеветнические материалы в целях компрометации некоторых руководителей Партии и Правительства и членов их семей?

ОТВЕТ: Очевидно, я узнал об этом от Белахова 29 октября 1939 года, когда Белахов рассказал мне о том, как велись его допросы. Но поверить арестованному на слово я не мог. Полагаю, что я рассказал об этом Берия, но авторитет Берия тогда давил на нас — чекистов с такой силой, что мы не могли противопоставить ему свое мнение.

ВОПРОС: Но ведь из приведенных вам показаний Кобулова и Визель видно, что именно Берия вымогал от Белахова показания клеветнического порядка и давал указание об избиении Белахова. Это вам и рассказал Белахов 29 октября 1939 г. Почему же вы обратились только к Берия и ограничились его разъяснениями?

ОТВЕТ: Я уже сказал, что авторитет Берия на нас давил. Он, очевидно, дал мне такие разъяснения, которыми я вынужден был удовлетвориться, хотя в душе вряд ли мог считать показания Белахова, данные им 28 октября, правдоподобными.

ВОПРОС: Вам известно, чем закончилось следствие по делу Белахова?

ОТВЕТ: Судя по моей резолюции от 20 мая 1941 года на одном из документов, приобщенных к делу, который мне был предъявлен сегодня, дело Белахова было внесено на рассмотрение Особенного совещания при НКВД СССР и временно было снято по указанию Берия.

ВОПРОС: Вам известно, что действия Белахова были квалифицированы по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР?

ОТВЕТ: Ознакомившись с предъявленными мне некоторыми материалами дела и наблюдательного производства прокуратуры: постановлением следователя от 2.IV.1941 г. об исключении из обвинения Белахова ст. 58-1 «а» и копией повестки Особого совещания при НКВД СССР, я могу подтвердить, что преступление Белахова было квалифицировано по ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

ВОПРОС: Чем мотивировал Берия необходимость снятия дела Белахова с рассмотрения в Особом совещании 20 мая 1941 года?

ОТВЕТ: Я не могу этого вспомнить.

ВОПРОС: Как же поступили с Белаховым дальше?

ОТВЕТ: Я не знаю, что было дальше, т.к. вскоре уехал в Прибалтику, Ленинград, Одессу, а затем началась война и мои дальнейшие поездки.

ВОПРОС: Вам предъявляется постановление Влодзимирского, утвержденное Кобуловым 17 октября 1941 года, с предложением о расстреле Белахова и справка I спецотдела НКВД СССР от 7 марта 1942 года о том, что

Белахов расстрелян 1 ноября 1941 года. Как вы оцениваете действия Кобулова и Влодзимирского по этому делу?

ОТВЕТ: Как преступные.

ВОПРОС: Вам известно, что расстрел Белахова, как и ряда других арестованных, был произведен по письменному указанию Берия?

ОТВЕТ: Нет, неизвестно.

ВОПРОС: А вы не участвовали в составлении списка арестованных, подлежащих расстрелу без суда?

ОТВЕТ: Нет, участвовал.

ВОПРОС: И не слышали от Берия, от Кобулова или других лиц о том, что такой список составляется — в октябре 1941 г.?

ОТВЕТ: Не могу этого вспомнить.

ВОПРОС: Вам известно, что уголовный закон вообще не предусматривает такой меры наказания, как расстрел, за преступления, предусмотренные ст.ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР?

ОТВЕТ: Да, известно.

ВОПРОС: Вы признаете, что оказали содействие Берия в умерщвлении Белахова, опасаясь, что он может разоблачить Берия и вас, как фальсификаторов и клеветников?

ОТВЕТ: Нет, не признаю. Мое большое упущение заключается в том, что в мае 1941 года, когда я получил письменное заявление Белахова, я не доложил о нем И.В. Сталину.

Показания записаны с моих слов правильно, протокол мною лично прочитан.

МЕРКУЛОВ

Допрос окончен в 21 час. 30 мин.

Допросил:
Полковник юстиции *УСПЕНСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 77—90. Копия. Машинопись.

№ 95
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

3 октября 1953 г.

Сов. секретно

№ 415/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Л.П. от 3 октября 1953 года.

Приложение: на 8 листах.

Р. РУДЕНКО

---

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «С документами №№ 415, 450, 417, 445, 460, 458 ознакомлены т.т. Маленков, Хрущев и Булганин. Д.С.», «Читал В. Молотов 14.X», «Читал А. Микоян 17.X», «М. Сабуров 20.X», «Первухин 21.X», «Читал К. Ворошилов 29.X.53 г.», «3.XI. Л. Каганович».

Протокол допроса

1953 года, октября 3 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Допрос начат в 13 час. 10 мин.

ВОПРОС: Вы Серебрянского Якова Исаковича знаете?

ОТВЕТ: Да, помню, что такой Серебрянский работал в НКВД еще при Ягоде, затем НКВД был арестован и впоследствии был освобожден.

ВОПРОС: Почему Серебрянский Я.И., осужденный 7 июля 1941 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР к ВМН за измену Родине, как шпион и участник антисоветской заговорщической организации, куда был завербован Ягодой, оказался в августе 1941 года в числе работников II отдела НКВД СССР?

ОТВЕТ: Я не помню обстоятельств, при которых он был освобожден. Это должен знать Судоплатов или кто-либо из его группы. После освобождения Серебрянский был оставлен в НКВД СССР. Ему предполагались поручения специальных заданий.

Во время одного из докладов И.В. Сталину он поручил мне выяснить — где находятся работники, которые при Ягоде использовались для специальных заданий за кордоном. В связи с этим я навел справки и установил, что таким работником, в частности, являлся Серебрянский, который к этому моменту был нами арестован. Был ли он осужден к расстрелу — я не помню. Серебрянский был освобожден в целях использования его для спецзаданий.

ВОПРОС: Кто возбуждал ходатайство о помиловании Серебрянского перед Президиумом Верховного Совета СССР?

ОТВЕТ: Не помню сейчас, но очевидно я.

ВОПРОС: Вы дали указание Абакумову крепко допросить Серебрянского?

ОТВЕТ: Я не знаю, кто допрашивал Серебрянского, кто вел следствие и давал ли я указание о допросе Серебрянского.

ВОПРОС: Вам предъявляется архивно-следственное дело № 981168 по обвинению Серебрянского Я.И., где на странице 35, на заявлении Серебрянского от 12/XI-1938 г., в котором он пишет о своих антисоветских преступлениях, вами наложена резолюция: «Тов. Абакумову! Крепко допросить. Л. Берия. 13/XI-1938 года». Что означало «крепко допросить»?

ОТВЕТ: Мне предъявлено указанное выше дело и заявление Серебрянского. Я подтверждаю, что резолюция на заявлении наложена мною. Не могу сейчас объяснить, что означало слово «крепко».

ВОПРОС: Вы лично принимали участие в следствии по делу Серебрянского?

ОТВЕТ: Не помню сейчас, участвовал ли я в следствии, но я его принимал вместе с другими работниками.

ВОПРОС: Вам предъявляется протокол допроса Серебрянского от 16/XI-1938 г., из которого усматривается, что Серебрянского допрашивали вы, Кобулов и Абакумов. Подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю, что мне предъявлен протокол допроса от 16/XI-1938 г., из которого усматривается мое участие при допросе. Подписывал ли я этот протокол допроса или нет — не помню.

ВОПРОС: Вам известно, что Серебрянский в прошлом активный эсер, что в 1918 году при Муссаватистском правительстве жил в Баку и был свя-

зан с эсерами, а при меньшевистском правительстве жил в Тифлисе, и что некоторое время находился в те же годы в Персии?

ОТВЕТ: Мне это неизвестно. По Баку и по Тбилиси я его не знал.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Эти все данные имеются в архивно-следственном деле по обвинению Серебрянского, в допросах которого вы лично участвовали и отлично знали, что представляет из себя Серебрянский.

ОТВЕТ: Никакого отношения к Серебрянскому не имел и до 1938 года его не знал. Не помню, знал ли я тогда, что Серебрянский в прошлом был эсер.

ВОПРОС: Вам известно, что Серебрянский в 1921 и в 1923 гг. арестовывался? За что?

ОТВЕТ: Не помню. Не исключено, что арестовывался.

ВОПРОС: Вам известно, что президиум ГПУ 29 марта 1922 г. постановил: взять Серебрянского на учет, лишить права работать в политических, розыскных и судебных органах соввласти и в наркоминделе в связи с обвинением Серебрянского в связях с эсерами и сокрытии при поступлении в ВЧК своей прошлой принадлежности к правым эсерам?

ОТВЕТ: Мне это неизвестно. Я не знал, что этот документ имеется в деле. Мне известно, что он сотрудничал в ГПУ.

ВОПРОС: Вам известно, что Серебрянский перебросил из-за границы в СССР группу белогвардейцев, шпионов, террористов, которые впоследствии были репрессированы, и что Серебрянский по заданию Ягоды, Ежова и Буланова подбирал яды для террористических целей в отношении руководителей партии и правительства?

ОТВЕТ: Я это первый раз слышу.

ВОПРОС: Это все имеется в материалах архивно-следственного дела, по которому вы лично вели следствие. В этом был признан виновным Серебрянский Военной коллегией Верховного суда СССР и осужден к расстрелу.

ОТВЕТ: Я один раз участвовал в допросе Серебрянского. Все материалы дела мне неизвестны. Они должны быть известны Судоплатову и Абакумову.

ВОПРОС: Для каких преступных целей вы, став министром внутренних дел СССР, в 1953 году разыскали и вновь взяли на работу в МВД СССР Серебрянского, уволенного в 1946 году из органов?

ОТВЕТ: Решено было привлечь Серебрянского и других (Эйтингона, Василевского), ранее работавших в группе Судоплатова, для использования их как имеющих опыт в подготовке людей, даче советов для выполнения специальных заданий по американским базам.

Сам Серебрянский имел опыт по выполнению специальных заданий по взрыву кораблей через своих людей.

ВОПРОС: Значит, вы считали возможным использовать Серебрянского — изменника Родины и шпиона для того, чтобы он готовил кадры и давал советы?

ОТВЕТ: Я считал возможным использовать Серебрянского в органах МВД, т.к. с момента освобождения его из-под стражи по делу о его антисоветской изменнической деятельности он не был ни в чем уличен преступном, и людьми, с которыми он работал, характеризовался положительно. Конечно, можно было обойтись и без Серебрянского и не брать его на работу в МВД.

ВОПРОС: Вам было известно, что дело об антисоветской изменнической деятельности Серебрянского было приостановлено до особого распоряжения на основании вашего личного указания. Это так?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам предъявляется постановление от 3 августа 1939 года, утвержденное Кобуловым о приостановлении дела Серебрянского до особого распоряжения в связи с вашими специальными заданиями. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю.

ВОПРОС: Давидова Николая Давидовича вы помните?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: На основании каких материалов был арестован Давидов?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вы, будучи в это время секретарем ЦК КП (б)Грузии, давали указание об аресте Давидова?

ОТВЕТ: Никаких указаний об аресте Давидова я не давал.

ВОПРОС: Вы говорите неверно. Вам предъявляется письмо Давидова от 18.II.35 года, адресованное «Петру Франсовичу». На этом письме 16.VII.1937 г. вами наложена резолюция: «Арестовать». Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, на этом письме мною наложена резолюция: «Арестовать».

ВОПРОС: Какие у вас были основания для ареста Давидова, т.к. ни письмо, ни какие-либо другие материалы не свидетельствовали о каких-либо преступлениях, совершенных им?

ОТВЕТ: Я вообще не должен был накладывать такой резолюции — «арестовать». Я и сейчас, после того, как ознакомился с письмом и со своей резолюцией, наложенной на нем, не могу вспомнить Давидова, а также тех, кто докладывал мне это письмо и другие материалы, которые могли быть.

ВОПРОС: Признайтесь, что вы с Кобуловым арестовали Давидова, который затем был расстрелян, приписав ему обвинение в том, что он якобы хотел совершить теракт над Берия, хотя в действительности в деле таких доказательств нет. Недовольство вами Давидов высказывал.

Вы признаете, что это была расправа с Давидовым?

ОТВЕТ: Еще раз повторяю, что Давидова не помню, не знаю — в чем он обвинялся, что с ним произошло мне неизвестно. О том, что он расстрелян, — слышу впервые.

ВОПРОС: Вы признаете, что вы лично принимали участие в избиении арестованных как во время работы в Грузии, так и в Москве, подавая примеры беззаконий всем работникам аппарата?

ОТВЕТ: Нет, этого я не признаю.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Меркулова от 28 сентября с.г.:

«...в моем присутствии Берия несколько раз бил арестованных. Фамилии этих арестованных я не помню. Я видел, как Берия бил арестованных в своем кабинете и в тюрьме — рукой и резиновой палкой. Рукой Берия бил арестованных по лицу, а палкой — по мягким частям тела, иногда по спине.

Вопрос: А вы тоже избивали арестованных? Расскажите об этом.

Ответ: Да, бил, следуя примеру Берия... Во время допроса какого-то арестованного Берия лично несколько раз ударил арестованного и в ходе дальнейшего допроса предложил мне также ударить арестованного...

В Лефортовской тюрьме было жутко проходить, слыша крики избиваемых. Я не мог заснуть ночами, вспоминая эти картины. Избиение арестованных имело место и в кабинетах следователей в наркомате...»

Правильно показывает Меркулов?

ОТВЕТ: Меркулов показывает неправильно на меня, что я избивал арестованных. Арестованных я не бил. В моем присутствии было несколько случаев, когда избивали арестованных, но кто бил — я не помню.

ВОПРОС: При допросе 23 июля с.г. вам были предъявлены архивные документы — письма муссаватистской контрразведки, где вам поручалось произвести обыски в редакции газеты «Искра» и в типографии газеты «Искра». Скажите, какого направления была газета «Искра», в редакции и типографии которой вы производили обыски? Кто издавал эту газету?

ОТВЕТ: Газета «Искра» была газетой легальной. Но, как мне помнится, в издании этой газеты участвовала подпольная большевистская организация.

ВОПРОС: Какие указания вы, работая зам. председателя Аз. ЧК, получили от С.М. Кирова в связи с вашим вмешательством в партийную работу и с проведением слежки за партработниками?

ОТВЕТ: Первый раз слышу.

ВОПРОС: Вам предъявляется ваше письмо от 28 мая 1922 г. на имя ответственного секретаря ЦК АКП С.М. Кирова и ответ секретаря ЦК АКП от 27.VI.1922 г., где отмечается сказанное выше. Вы признаете это?

ОТВЕТ: Я ознакомился с отношением АзЧК на имя С.М. Кирова, подписанным мною и чл. коллегии Журба, а также с ответом ЦК АКП на мое отношение.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что в ответе ЦК АКП указывается в заключении: «Постоянно имейте наблюдение, чтобы работники ваших органов старались бы по возможности быть более объективными, чтобы они не вмешивались в самую внутреннюю жизнь партийных организаций и чтобы их работа не принимала характера секретной агентуры или наблюдений за партработниками, как это было отмечено в циркуляре Заккрайкома ВКП(б) № 98»?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю. Как видно из моего отношения на имя С.М. Кирова, речь шла о том, как выполнить приказ ВЧК. В ответе указывается, что следует руководствоваться приказом ВЧК и не допускать извращений, не вмешиваться во внутреннюю жизнь партийных организаций. Приказ ВЧК предусматривал, как это видно из моего отношения, что органы ЧК должны были информировать ЦК о работе партийных организаций по материалам о работе советских и хозяйственных органов.

ВОПРОС: Следовательно, вы уже тогда в 1922 году проводили в работе ЧК линию противопоставления органов ЧК Азербайджана партийным органам. Признаете это?

ОТВЕТ: Не признаю. Я считаю, что это не вытекает из предъявленных мне документов.

Протокол прочитан, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 17 час.

Допросил:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 97—106. Копия. Машинопись.

№ 96
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В.Н. МЕРКУЛОВА

3 октября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 417/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого МЕРКУЛОВА В.Н. от 3 октября 1953 года.

Приложение: на 6 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

1953 года, октября 3 дня, помощник Главного военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил в качестве обвиняемого МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 15 часов.

ВОПРОС: На допросе 25 сентября 1953 года вы показали, что основания для ареста Кедрова И.М. и Голубева В.П., произведенного по ордерам, подписанным вами, могли быть в агентурном деле, заведенном на Батурину, Кедрова и Голубева.

Вам предъявляется это агентурное дело для ознакомления.

ОТВЕТ: Я ознакомился.

ВОПРОС: Вы признаете, что в агентурном деле на Батурину, Кедрова и Голубева отсутствуют материалы о которой-либо антисоветской деятельности Кедрова и Голубева?

ОТВЕТ: Да, в агентурном деле таких материалов нет. Но я высказывал только свое предположение о возможности таких материалов в агентурном деле. Надо считать, что указание об аресте Кедрова и Голубева было дано мне непосредственно Берия, возможно, по телефону, как я об этом уже показывал.

ВОПРОС: Значит, Берия предложил арестовать Голубева и Кедрова только в связи с тем, что ими было подано заявление в ЦК ВКП(б), компрометирующее Берия?

ОТВЕТ: Да, очевидно, так. Этот вывод я делаю из того, что, ознакомившись со следственным и агентурным делами на Кедрова и Голубева, я не нашел в них материалов о преступной деятельности Кедрова и Голубева, собранных до их ареста.

ВОПРОС: Но это означает, что Берия, давая указание об аресте Кедрова и Голубева, решил расправиться с ними за законные действия их, но направленные против Берия?

ОТВЕТ: Да, другого вывода сделать невозможно, если у самого Берия не было еще других соображений.

ВОПРОС: Тогда вы должны признать, что, выполняя преступное указание Берия об аресте ни в чем не повинных людей, вы были соучастником этой расправы над Голубевым и Кедровым. Это так?

ОТВЕТ: Нет, этого я не могу признать, так как в то время я не считал Берия за преступника, не мог даже предположить о возможности его каких-

либо преступных намерений и не мог не выполнить его приказания об аресте Кедрова и Голубева.

ВОПРОС: В октябре 1941 года Берия дал указание о расстреле без суда 25 арестованных. Что вам об этом известно?

ОТВЕТ: Мне об этом ничего неизвестно. Только в ходе следствия я узнал о том, что в октябре 1941 года без суда были расстреляны Кедров М.С. и Белахов, причем, как это видно из дела, с которым я во время следствия ознакомился, Кедров М.С. был расстрелян даже при наличии оправдательного приговора, вынесенного в отношении его Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

ВОПРОС: Разве вы не принимали участия в составлении письменного предписания, подписанного Берия, о расстреле 25 арестованных?

ОТВЕТ: Нет. Возможно, я слышал какие-нибудь разговоры о том, что такой список должен быть составлен, но я сейчас этого не помню.

ВОПРОС: Вы скрываете свое участие в этом чудовищном преступлении. Вам зачитывается выписка из показаний Кобулова Б.З. от 1 октября 1953 года:

«Предъявленное мне предписание Берия на имя Семенихина от 18.10.1941 г. я получил уже в готовом виде от Меркулова буквально на ходу перед моим отъездом вместе с Лапшиным на один из загородных объектов, подчиненных Лапшину, по поручению Берия.

Этот документ был передан мне Меркуловым на исполнение потому, что вся оставленная в Москве группа сотрудников НКВД была сформирована в отряд под руководством Блохина с подчинением мне. В эту группу входил и сотрудник Блохина — Семенихин, которому был адресован подписанный Берия документ».

Что вы теперь скажете по этому поводу?

ОТВЕТ: Кобулов нагло врет. Никакого списка лиц, подлежащих расстрелу, от 18.10.1941 года я ему передавал. Насколько я припоминаю, меня 18 октября 1941 г. не было и в Москве. Прошу проверить по материалам НКВД СССР, когда в октябре 1941 года я выехал из Москвы в Куйбышев, и допросить Берия, кому он передавал список.

ВОПРОС: Допрошенный 1 октября 1953 года Кобулов опроверг и ваши прежние показания о времени выезда вас из Москвы в Куйбышев в октябре 1941 года. Вам зачитывается выписка из его показаний:

«*Вопрос:* Скажите, когда Меркулов выехал из Москвы в Куйбышев?

Ответ: Точно не знаю, но, по-моему, в последних числах октября месяца, т.к. впервые из Куйбышева он мне звонил 7.XI.41 г. и сообщил, что приступил к работе и в этот день участвовал вместе с А.А. Андреевым в проведении ноябрьской демонстрации».

Вы подтверждаете эти показания?

ОТВЕТ: Нет, не могу подтвердить. По-моему, я выехал значительно раньше, чем конец октября. Звонил ли я Кобулову 7 ноября — не помню. Еще раз прошу проверить документально по материалам НКВД дату моего выезда в Куйбышев.

ВОПРОС: Вы ознакомились с заключениями о расстреле Кедрова М.С. и Белахова, подписанными Влодзимирским и утвержденными Кобуловым. Аналогичные заключения были составлены и в отношении других 23 человек, перечисленных в предписании, подписанном Берия.

Что вам известно о составлении этих заключений?

ОТВЕТ: Мне ничего неизвестно.

ВОПРОС: В марте 1942 года вы были в Москве?

ОТВЕТ: Да, я был в Москве.

ВОПРОС: Разве вам неизвестно, что эти заключения о расстреле 25 человек составлялись в марте 1942 года и оформлялись задним числом?

ОТВЕТ: Нет, неизвестно.

ВОПРОС: Вам оглашается выписка из показаний Влодзимирского от 29.VII.1953 года:

«Составленные заключения, в которых было написано, что этих лиц полагал бы целесообразным расстрелять, подписал я. Даты, когда я подписывал заключения, я не указал потому, что форма, данная Кобуловым, даты не содержала. Кобулов утверждал лично эти заключения, но ставил ли он сам дату, я не помню. Во всяком случае, если на заключениях ставились даты октябрь 1941 г., то это делалось задним числом.

Помимо Кобулова, обстоятельства составления заключений о расстреле должны быть известны прокурору, начальнику первого спецотдела Герцовскому и Меркулову».

Тот же Влодзимирский 12 августа 1953 года показал:

«Я был введен в заблуждение Кобуловым и Меркуловым, когда подписывал заключения, в которых была сделана ссылка на специальное указание директивных органов. Теперь я вижу, что такого специального указания относительно этой группы арестованных не было, а имелось только письмо Берия. Я не имел в то время оснований не доверять Кобулову и Меркулову, которые являлись заместителями наркома Внутренних дел».

Как видите, Влодзимирский прямо указывает на вас, как и на Кобулова, как на лиц, указание которых он выполнял, составляя заключения о расстреле 25 человек.

Теперь вы признаете, что приняли участие в составлении заключений о расстреле, оформленных задним числом?

ОТВЕТ: Нет, я не признаю. Моя память не сохранила никаких даже намеков на обстоятельства, при которых происходило составление этих заключений.

ВОПРОС: После расстрела 25 человек и после составления на них фальсифицированных заключений был ли у вас с кем-либо разговор по поводу конфискации имущества расстрелянных?

ОТВЕТ: Нет, не было.

ВОПРОС: Вам предъявляется фотокопия предписания Берия № 2756/б от 18 октября 1941 г., адресованного Семенихину с предложением выехать в гор. Куйбышев и расстрелять 25 арестованных. На этом предписании Герцовский собственноручно написал 12 апреля 1942 года справку следующего содержания: «Зам. Наркома Меркулов приказал произвести конфискацию имущества у всех перечисленных обсужденных», указав дату и учинив свою подпись.

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что на предъявленной мне фотокопии предписания Берия от 18 октября 1941 года действительно имеется справка указанного в вопросе содержания. Но я ничего не могу припомнить о моем разговоре с Герцовским по этому поводу в апреле 1942 года.

ВОПРОС: Допрошенный 3.X.1953 года Герцовский показал:

«...я докладывал Меркулову предписание Берия о расстреле 25 арестованных по вопросу о том, что делать с имуществом, изъятым у арестован-

ных, и получил его приказание о конфискации имущества у всех перечисленных в предписании лиц».

Таким образом, Герцовский, будучи допрошен, подтвердил, что справка на предписании Берия от 18.X.1941 г. учинена им, что он докладывал вам это предписание и говорил по поводу имущества, изъятого у расстрелянных, получив ваше указание о конфискации имущества.

Теперь вы признаете, что были причастны к документу, подписанному Берия, о расстреле 25 человек и дали указание Герцовскому о конфискации их имущества?

ОТВЕТ: Очевидно, если Герцовский так говорил, то так и было, но я ничего не могу вспомнить об этом сейчас.

Показания записаны с моих слов правильно, мною лично протокол прочитан.

МЕРКУЛОВ

Допрос окончен в 19 ч. 15 м.

Допросил:
полковник юстиции *УСПЕНСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 107—113. Копия. Машинопись.

№ 97
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В.Н. МЕРКУЛОВА

6 октября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 445/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого МЕРКУЛОВА В.Н. от 6 октября 1953 года.

Приложение: на 8 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

1953 года, октября 6 дня, помощник Главного военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил обвиняемого МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 12 час. 10 мин.

ВОПРОС: Расскажите кратко биографические сведения о себе со дня рождения до момента возвращения вас в Тбилиси в 1918 году?

ОТВЕТ: Родился я в гор. Закаталы Азербайджана в 1895 году. Отец мой, как я уже показывал ранее, был дворянин, военный, имел звание капитана. К моменту моего рождения он был начальник участка Закатальского округа. В 1899 или 1900 году он был осужден за преступления по должности и приговорен к лишению всех прав и заключению в тюрьму сроком на 8 месяцев. Ко времени его осуждения наша семья переехала в Тбилиси, где отец и отбывал свое восьмимесячное заключение в тюрьме. Моя мать, девичья фамилия Цинамзгваришвили, дворянка, была намного моложе моего отца. После

выхода из тюрьмы отец стал учительствовать, давал частные уроки. Мать тоже давала частные уроки. Кроме того, отец получал эмеритура — по 6 рублей на каждого члена семьи. Отец мой умер в 1908 году, мать жива и поныне, жила почти все время со мной.

Кроме меня, в семье было несколько детей — моих братьев и сестер. У меня был родной брат Георгий, моложе меня, который, учась в Воронежском кадетском корпусе, умер примерно в 1915 или в 1916 году в Тбилиси. Кроме того, у меня было два сводных брата и две сестры. Все они были значительно старше меня. Старший брат — Петр застрелился в 1906 или 1907 году, а, может быть вскоре, после смерти отца. Другой брат — Дмитрий работал счетоводом, затем бухгалтером в Азнефти, затем в Грузнефти и умер в тридцатых годах. Обе моих сводных сестры Елена и Зоя живы и живут — Елена в Азербайджане, а Зоя — в Тбилиси. Елена живет с мужем — фельдшером по специальности, сама она акушерка. У Зои муж работал в Статистическом управлении, умер в конце прошлого или в начале этого года.

После смерти отца я продолжал учиться в гимназии, занимаясь частными уроками. От платы за обучение в гимназии я был освобожден. Жили мы бедно, перебиваясь с хлеба на воду. Мать держала нахлебников — мальчиков дошкольного возраста, обычно двух, и готовила их к экзаменам. В 1913 году я закончил гимназию с золотой медалью и затем уехал в Петроград, где поступил учиться на физико-математический факультет университета. Обучаясь в университете, я получал стипендию 300 рублей в год.

В 1916 году я должен был перейти на четвертый курс. Но так как до летних каникул я не сдал экзамена по одному из предметов, то к осени этого года я еще числился студентом третьего курса. В связи с этим в октябре 1916 года, хотя я уже сдал этот экзамен, я был призван в армию и направлен в гор. Царицын (ныне Сталинград) и зачислен в студенческий батальон. Пробыв в нем недели три, я был направлен в гор. Оренбург в студенческую школу прапорщиком, которую я и окончил уже после февральской революции — в марте 1917 года.

По окончании школы я в чине прапорщика получил назначение в г. Новочеркасск, в запасный полк. В этом полку я пробыл до августа 1917 г., но в Новочеркасске почти не жил. За это время я ездил на фронт с подарками для солдат. По возвращении мне было поручено доставить в Тбилиси роту солдат — немецких колонистов, отправлявшихся на Кавказский фронт.

Вернувшись после этого в Новочеркасск, я своего полка уже не застал, так как он был направлен на фронт. Я должен был также поехать вслед за ним. Встретив на вокзале двух прапорщиков, ранее служивших в том же запасном полку, я присоединился к ним. Оба они сопровождали до г. Ровно женский «батальон смерти». Я отправился вместе с ними.

В Ровно я был прикомандирован к маршевому полку. В одной из деревень Ровенской области, в составе этого полка я пробыл месяца полтора, а затем, в октябре 1917 года, получил назначение на фронт на так называемое Луцкое направление. Будучи младшим офицером в роте, дислоцировавшейся на реке Стоход, я пробыл в составе этой роты до развала фронта. В этот период времени фактически боевых действий не было, солдаты и офицеры массами оставляли фронт, и ко времени брестских мирных переговоров на нашем фронте осталось очень мало войск. Я остался один с четырнадцатью солдатами, и, когда был получен приказ об оставлении линии фронта, мы ушли в Сарны.

Должен сказать, что на фронте у меня открылась язва голени, и меня солдаты вывозили на тележке или походной кухне, которую они где-то раздобыли и заехали за мной.

В Сарнах я переночевал на эвакопункте и на следующий день выехал в гор. Киев с намерением пробираться в Тбилиси. В Киеве я оказался в феврале или в марте 1918 года. Здесь я случайно узнал, что формируется армянский эшелон военнослужащих, едущих на родину в Армению, и получил разрешение присоединиться к нему. С этим эшелоном, командиром которого был капитан Завриев, я отправился на Кавказ. Эшелон этот от Киева через Ростов до Новороссийска следовал примерно месяц. В Новороссийске мы погрузились на пароход, который доставил нас в Поти, откуда я и направился поездом в Тбилиси.

Но родину в Тбилиси я прибыл примерно в апреле 1918 года.

ВОПРОС: Чем вы занимались в Грузии в период меньшевистского правительства?

ОТВЕТ: Когда в апреле 1918 г. я прибыл в Тбилиси, власть была в руках Закавказского сейма, т.е. блока буржуазных партий — меньшевиков, муссаватистов и дашнаков. В мае 1918 г. сейм распался, и образовались так называемые «независимые» республики — Грузия, Азербайджан и Армения. В Грузии власть перешла в руки меньшевиков. В феврале 1921 г. в Грузию вошли войска Красной Армии, и Грузия стала советской.

Прибыв в апреле 1918 г. в Тбилиси, я поселился у своей сестры Зои Цовьяновой и несколько месяцев жил на иждивении ее и ее мужа. В этот период времени я вместе с Полтавским — знакомым семьи Цовьяновых — издавал рукописный журнал и нигде не работал. Журнал этот затем мы стали печатать на шапирографе (15—20 экземпляров) и распространяли среди своих знакомых по 3 рубля за экземпляр.

В июле 1918 г. я женился на Яхонтовой Лидии Дмитриевне и переехал жить к ней. Затем из Баку приехала моя мать, которая встретила в Тбилиси свою подругу, работавшую начальницей училища для слепых. По ее предложению в это училище поступили работать моя мать, а позже и я. Поступил я работать в это училище в сентябре 1918 г. делопроизводителем и преподавателем. В училище я жил и проработал три года — до сентября 1921 года. Это и служило источником существования для меня и для матери.

ВОПРОС: Расскажите, когда и где вы вступили в коммунистическую партию?

ОТВЕТ: По приезде в Тбилиси я был настроен аполитично. В 1919 году, как и раньше в Петрограде, я вступил в общество «Сокол», где занимался гимнастикой, участвовал на вечерах, спектаклях. Это общество я посещал до второй половины 1920 года. Живя на квартире у своей сестры, а затем работая в школе слепых, посещая дом Цовьяновых, я у своего зятя нашел марксистскую литературу, с которой тогда впервые познакомился, и ко времени советизации Грузии я уже хотел вступить в коммунистическую партию, но не знал где и как это можно осуществить.

Еще при меньшевиках я встречался с товарищем по гимназии Бошинджагян (ныне профессор в Ереванском университете), который тогда еще был большевистски настроен, хотя и не был членом коммунистической партии. Ему я высказывал свои большевистские настроения еще при меньшевистском правительстве. После советизации Грузии я обратился к нему, и он порекомендовал мне поступить в ЧК, т.к. работа в училище слепых меня не удовлетворяла.

Бошинджагян поговорил обо мне с работником ЧК — Такуевым, после чего я явился к нему в сентябре 1921 г. и был взят на работу в ЧК. Меня зачислили помощником уполномоченного Транспортного отдела, а потом перевели уполномоченным в Экономотдел.

Работая в ЧК Грузии, я принимал деятельное участие в работе месткома и культкомиссии. В 1922 году я подал заявление в партячейку о принятии меня кандидатом в члены партии. Одновременно были поданы заявления и другими сотрудниками ЧК. Однако никто из нас принят тогда не был, а было решено создать в ЧК ячейку содействия. Однако эта ячейка для желающих вступить в партию создана не была. В 1923 году я вновь подал заявление в партячейку. Заявление это было рассмотрено общим собранием коммунистов ЧК, и я был принят кандидатом в члены партии в мае 1923 года. После этого меня вызывали в райком партии, а затем мое заявление рассматривалось по существовавшему тогда порядку на общем районном собрании коммунистов, которым я также был принят кандидатом в члены партии с двухгодичным стажем. Я получил кандидатскую карточку и платил после этого членские взносы.

В 1925 году я подал заявление о приеме меня в члены партии. Меня рекомендовали в члены партии — Кальницкий, Предит, Ананов, Берия и кто-то еще пятый. Я был принят в члены партии всеми необходимыми инстанциями, но партийный билет по причинам, зависевшим от аппарата ЦК Грузии или возможно Тбилисского Комитета партии, мне выдан не был, как и многим другим, находившихся в таком же положении, как и я. Кажется, в 1927 году ЦК партии Грузии вернул мое партийное дело в партячейку ЧК Грузии, как и других коммунистов, с предложением, насколько помочь заново оформить перевод из кандидатов в члены партии.

По этому вопросу я обратился к Берия, объяснив ему, что если я начну вновь вступать в члены партии, то я потеряю партийный стаж с 1925 года, когда я и проходил все необходимые инстанции. Берия сказал, что я прав и что надо возбудить ходатайство перед ЦК Грузии. Вопрос обсуждался на бюро партячейки ЧК Грузии, которое возбудило ходатайство перед ЦК КП(б) Грузии о присвоении мне партстажа с 1925 года и выдачи мне партбилета. ЦК КП(б) Грузии или Тбилисский комитет КП(б) рассмотрело и удовлетворило это ходатайство и, видимо, в 1927 году мне был выдан партийный билет. Припоминаю, что при обсуждении этого вопроса на бюро партячейки ЧК Грузии один из членов бюро Бавин, ныне генерал-майор в отставке, находящийся в Москве, голосовал против, не разобравшись, как он потом писал, в вопросе, но затем он подал письменное заявление в бюро партячейки с просьбой считать его голос «за» — установление мне партийного стажа с 1925 года.

Должен сказать, что, излагая обстоятельства моего вступления в партию, я не исключаю возможности допущения при этом некоторых неточностей, т.к. в памяти у меня эти обстоятельства не совсем хорошо сохранились.

У меня в домашнем сейфе должно находиться в подлиннике или в копии мое старое партийное дело. Это дело я получил на руки, насколько припоминаю, в 1927 году из ЦК КП(б) Грузии или из партячейки ЧК Грузии, как и некоторые другие коммунисты. Если будет предъявлено это дело, то я смогу более точно восстановить обстоятельства моего вступления в партию и установления мне партийного стажа.

ВОПРОС: На допросе 21 июля 1953 года вы показали, что Берия был человеком «с крутым и властным характером», «добивавшийся власти, расчищая себе дорогу от соперников».

Какие конкретные факты вы можете привести, подтверждающие это заявление?

ОТВЕТ: Я сделал такой вывод из того, что все ПП ОГПУ по Закавказью, приезжавшие в Тбилиси из Москвы — Могилевский, Кауль, Павлуновский, Кацнельсон, Реденс — не могли долго удержаться на работе в Закавказье, и Берия удавалось выживать их. Когда Берия перешел на партийную работу, ему также удавалось устранять со своего пути лиц, которые, как мне сейчас ясно, мешали или могли помешать его продвижению выше, например — Мамию Орахелашвили, Меерзон.

Берия применял различные способы для устранения лиц, мешавших его продвижению. В одних случаях он создавал тяжелые условия работы тому или другому ПП ОГПУ, настраивал аппарат против него; в других случаях, видимо, создавал в Заккрайкоме отрицательное мнение о новом работнике, используя малейшие промахи, напирая главным образом на то, что приезжие не знают местных, специфических условий; позднее, когда он стал пользоваться влиянием в Москве, использовал это влияние.

При этом Берия создавал видимость того, что все это делается им в интересах дела.

ВОПРОС: Вы подавали 21 и 23 июля 1953 года заявления в ЦК КПСС?

ОТВЕТ: Да, подавал.

ВОПРОС: Вы подтверждаете правильность фактов, изложенных в этих заявлениях?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: В своем заявлении от 23 июля 1953 года вы писали:

«Теперь, в свете новых данных о Берия, я спрашиваю себя, почему он "пощадил" меня после случая с Павлуновским, когда он мог меня уничтожить, как говорится, одним пальцем, как тоже он сделал это с Валиком и Залпетером, расстреляв их после прихода в НКВД СССР».

Расскажите подробнее о расправе Берия с Валик и Залпетер?

ОТВЕТ: В своем письме в ЦК КПСС я высказал свое мнение о расправе Берия с Валик и Залпетер как предположение в свете того, что мне стало известным о Берия теперь. Я исходил при этом из того, что, бывая в Москве, я иногда встречался с Валик Владимиром и Залпетер и никогда не замечал за ними каких-либо антипартийных высказываний или что-нибудь лично против Берия. Мало того, Валик даже высказывал желание «помириться» с Берия и просил меня устроить то ли свидание с Берия, то ли переговорить о нем с Берия. Я не помню сейчас, состоялось ли это свидание или был только разговор между мной и Берия о Валике, но помню враждебно-молчаливое отношение его к Валику.

Вскоре после переезда Берия и меня в Москву на работу в НКВД СССР Валик и Залпетер были арестованы и осуждены. С делами Валик и Залпетер я не знакомился, так как считал это неудобным, поскольку Валик и Залпетер могли давать какие-либо показания и обо мне. Насколько был обоснован материал, послуживший причиной их ареста — я не знаю.

Мое заявление в ЦК КПСС в части, касающейся дел Валика и Залпетера, изложено неточно и звучит категорично, в то время как я хотел высказать только свое предположение в свете фактов о Берия, ставших известными мне теперь.

Показания записаны правильно, мною протокол лично прочитан.

В. МЕРКУЛОВ

Допрос окончен в 19 час. 30 мин.

Допросил:

Полковник юстиции *УСПЕНСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 114—122. Копия. Машинопись.

№ 98

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В.Н. МЕРКУЛОВА

8 октября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 460/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича от 8 октября 1953 года.

Приложение: на 8 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

1953 года, октября 8 дня, помощник Главного военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил в качестве обвиняемого МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 13 ч. 00 м.

ВОПРОС: Когда вами были арестованы Мерецков и Ванников?

ОТВЕТ: Насколько припоминаю, летом 1941 года, в бытность мою Наркомом госбезопасности СССР.

ВОПРОС: Кто вел следствие по делу Мерецкова и Ванникова?

ОТВЕТ: Персонально кто вел следствие, я не помню, но я принимал участие в следствии по этим делам.

ВОПРОС: А Родос принимал участие в следствии по делам Мерецкова и Ванникова?

ОТВЕТ: Возможно, принимал, припомнить не могу.

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Берия от 17 сентября 1953 года:

«Мне известно, что Меркулов, проводя следствие по делу Мерецкого, Ванникова и других, добился путем применения незаконных методов, избиения арестованных и пыток вымышленных показаний их о принадлежности их к контрреволюционной организации».

Подтверждаете эти показания Берия?

ОТВЕТ: Пыток к Мерецкову, Ванникову и другим я не применял, но действительно во время допросов арестованных били, так как на это была санкция.

Аресты Ванникова, Мерецкова и ряда других лиц были произведены мною по указанию инстанции.

О ходе следствия очень подробно мною докладывалось лично в инстанции, куда я вызывался иногда по нескольку раз в день.

ВОПРОС: Вы утверждаете, что арест Ванникова, Мерецкова и ряда других лиц был произведен по указанию инстанции. Но ведь этому предшествовала ваша, как наркома госбезопасности, информация в инстанцию в отношении Ванникова, Мерецкова и других?

ОТВЕТ: Припоминаю, что в отношении Ванникова была дана информация. Надо сказать, что в этот период были произведены последовательно аресты группы работников, в том числе военных. Протоколы допросов этих арестованных представлялись в инстанцию, а также часто я давал информации устно и по телефону. В отношении Ванникова был представлен протокол допроса Мирзаханова — работника Наркомата вооружения. Представлялись ли протоколы допросов в отношении Мерецкова — я не помню.

ВОПРОС: Мирзаханов давал показания на Ванникова, будучи арестованным?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: А он тоже на следствии избивался?

ОТВЕТ: Не знаю, может быть.

ВОПРОС: Какова дальнейшая судьба Мирзаханова?

ОТВЕТ: Он впоследствии по указанию инстанции был освобожден из-под стражи, а дело в отношении его прекращено производством.

ВОПРОС: Значит, информация инстанции, основанная на показаниях Мирзаханова, была неправильной.

ОТВЕТ: Никакой специальной информации инстанции на основе показаний Мирзаханова, насколько я помню, я не представлял, а мною был представлен протокол допроса Мирзаханова, в котором были неправильные показания на Ванникова. В этом и заключается существо вопроса. Мирзаханов и Ванников позже были по указанию инстанции освобождены.

ВОПРОС: В чем заключалось ваше личное участие в следствии по делу Мерецкова, Ванникова и других?

ОТВЕТ: Я принимал участие вместе со следователем в отдельных допросах и передопросах Мерецкова, Ванникова и ряда других военных работников, которые были арестованы в тот период.

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Берия от 7 октября 1953 года:

«Меркулов играл главную роль, и у меня нет сомнений, что он лично применял пытки как к Мерецкову, так и к Ванникову и другим».

Вы подтверждаете, что лично применяли к этим арестованным пытки?

ОТВЕТ: Показания Берия я не подтверждаю, пыток к Мерецкову, Ванникову или к каким-либо другим арестованным я лично никогда не применял. Как я уже выше показал, на допросах, производимых с моим участием и без меня, Мерецкова и Ванникова били — рукой по лицу и резиновой палкой по спине и мягким частям тела, но нанесение этих ударов не превращалось при мне в истязание. Я лично тоже бил Мерецкова, Ванникова и некоторых других арестованных, но пыток к ним не применял. Прошу допросить Мерецкова и Ванникова по вопросу о том, применял ли я к ним пытки.

ВОПРОС: Следствием по делу Мерецкова и Ванникова руководили вы?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: А вами не давались указания следователям о применении пыток и истязаний в отношении Мерецкова и Ванникова?

ОТВЕТ: Нет, никогда никаких указаний о применении пыток к Мерецкову и Ванникову или к каким-либо другим арестованным я не давал.

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Берия от 7 октября 1953 года:

«*Вопрос:* Расскажите о роли Меркулова в фальсифицировании дел на Мерецкова, Ванникова и других.

Ответ: Его роль в этих делах была решающая. Для меня несомненно, что в отношении Мерецкова, Ванникова и других применялись беспощадные избиения, это была настоящая мясорубка, и таким путем вымогались клеветнические показания».

Как видите, Берия категорически утверждает о применении истязаний и других самых жестких преступных методов воздействия на арестованных со стороны лиц, ведущих следствие по делам Мерецкова и Ванникова, указывая на то, что вам принадлежит решающая роль в этих делах. Дайте правдивые показания о методах ведения следствия по делам Мерецкова и Ванникова.

ОТВЕТ: Я не понимаю, почему Берия говорит так. Никаких указаний следователям о применении каких-либо пыток, истязаний или чего-либо похожего на «мясорубку», как говорит Берия, я никогда никому не давал. О своем поведении на следствии я показания уже дал выше.

ВОПРОС: Вы признаете, что в результате избиений и других нарушений законности во время следствия от Мерецкова, Ванникова и других арестованных были получены ложные, вымышленные показания.

ОТВЕТ: Да, действительно, их показания в отношении себя и других были вымышленными, и я сам с ужасом стал замечать, что в результате применения битья к арестованным получаются вымышленные показания, в результате чего могут быть произведены необоснованные аресты невиновных людей. Мне это стало особенно ясным, когда я увидел, что число арестованных растет. Я не знал, как выйти из создавшегося положения, но, к счастью, вскоре по указанию инстанции были освобождены Мирзаханов, Ванников и Мерецков, и после этого битье арестованных и дальнейшие аресты по их показаниям прекратились.

Хотя арестованные были освобождены и, следовательно, дела их велись неправильно, мне не было в инстанции сделано ни единого упрека. Я объяснял это тем, что весь ход следствия по этим делам мною со всеми подробностями докладывался в инстанции.

ВОПРОС: Вы показали, что дела Ванникова, Мерецкова и других были прекращены, вам инстанцией не было сделано упрека. А вы докладывали в инстанции о том, что к арестованным применялись пытки, истязания и что от них «выбивались» вымышленные, не соответствующие действительности показания?

ОТВЕТ: Я докладывал в инстанции о том, что арестованных били. О том, что к ним применялись пытки, истязания — я не докладывал, так как об этом мне ничего не было известно. О своих сомнениях в правдивости данных арестованными показаний — я не докладывал, так как к тому времени, когда у меня появились сомнения, я еще сам для себя не решил, что мне следует предпринять. Может быть, я в дальнейшем и доложил бы об этом, но вопрос был решен тем, что арестованные были по указанию инстанции освобождены из-под стражи.

ВОПРОС: Вы сами себе противоречите. Вначале вы ответили на поставленный вопрос, что показания Мерецкова, Ванникова и других в отношении себя и других были вымышленными. Теперь вы говорите только о «сомнениях в правдивости данных арестованными показаний». Где же правда?

ОТВЕТ: Я считаю, что никакого противоречия нет. Во время следствия я мог только испытывать сомнения в правдивости показаний арестованных. Что же касается убеждения в ложности их показаний, то это убеждение

пришло позднее, тогда, когда арестованные отказались от своих показаний перед их освобождением из-под стражи.

ВОПРОС: Вы признаете, что дела Мерецкова, Ванникова и других вами фальсифицировались и что вами делалось это в карьеристических преступных целях?

ОТВЕТ: Нет, этого я признать не могу. Сознательно я эти дела не фальсифицировал, а получилось это в результате независящего от меня стечения ряда обстоятельств и факторов. Карьеризм вообще не свойственен моей натуре.

ВОПРОС: Вы скрываете от следствия свою роль в этих делах. Вам зачитывается выписка из показаний Берия от 7 октября 1953 года:

«Мне вспоминается, что, говоря со мной о деле Мерецкова, Ванникова и других, Меркулов преподносил его с позиции своих достижений, что он раскрыл подпольное правительство, чуть ли не Гитлером организованное. Я считаю, что основным виновником в фабрикации этого дела является Меркулов, и он должен целиком нести за это ответственность».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Берия говорит неправду. Такого разговора с ним я не помню. Возможно, я ему просто докладывал содержание дел Мерецкова, Ванникова и других, но этими делами я не хвастался, так как хвастливость мне вообще не свойственна. Как я мог хвастаться этим делом, когда, наоборот, у меня были сомнения в правдивости показаний арестованных.

Я не знаю, какую роль сыграл Берия в деле освобождения из-под стражи арестованных Мерецкова и Ванникова, так как ни он сам, ни кто-либо другой мне об этом не говорили. Но у меня тогда сложилось впечатление, что он сыграл в этом какую-то положительную роль. Не помню, когда у меня был разговор с Кобуловым, в котором я высказал удовлетворение по поводу положительной роли в этом деле Берия. Я сказал Кобулову, что Берия помог мне тогда выйти из трудного положения в связи с моими сомнениями в правильности дела Ванникова, Мерецкова и других. Я привожу этот разговор с Кобуловым в подтверждение того, что я не мог хвастаться этим делом.

ВОПРОС: На допросе 3 октября вы упорно отрицали свою причастность к незаконному расстрелу 25 арестованных, произведенному по письменному предписанию Берия от 18 октября 1941 года.

Вы теперь вспомнили обстоятельства, при которых было составлено письменное предписание с включением в него 25 арестованных?

ОТВЕТ: Хотя я долго думал об этом, но вспомнить не мог, но, очевидно, судя по показаниям Кобулова, Влодзимирского и Герцовского, я какое-то касательство к этому списку имею.

Надо полагать, что Берия может сказать, как обстояло дело с составлением этого списка.

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Берия от 7 октября 1953 года:

«*Вопрос:* Кто персонально намечал фамилии лиц, подлежавших расстрелу для включения их в список 25?

Ответ: Этот список готовили Меркулов и Кобулов. Это я утверждаю категорически».

Теперь вы признаете, что были прямым соучастником Берия в незаконном расстреле без суда, без законно вынесенных приговоров 25 арестованных?

ОТВЕТ: Нет, я не могу этого признать, так как, если я и принимал, как говорит Берия, участие вместе с Кобуловым в составлении этого списка, то мог это делать только по прямому указанию Берия. Но я не допускаю мыс-

ли, чтобы Берия при этом не разъяснил мне и Кобулову необходимости и целесообразности составления такого списка. Поэтому я не мог считать тогда этого распоряжения Берия незаконным и рассматривать себя соучастником Берия в расстреле 25 арестованных.

Показания записаны с моих слов правильно, протокол мною лично прочитан.

МЕРКУЛОВ

Допрос окончен в 19 ч. 50 м.

Допросил:
Полковник юстиции *УСПЕНСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 139—147. Копия. Машинопись.

№ 99
ДОКЛАД ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР Р. РУДЕНКО О ПЕРЕПИСКЕ ЭМИГРАНТА Е. ГЕГЕЧКОРИ С Н.Т. БЕРИЯ

7 октября 1953 г.

Совершенно секретно

446/ссов

Товарищу Маленкову Г.М.

При ознакомлении с хранящимися в МВД СССР архивными материалами, касающимися разработки одного из лидеров грузинской контрреволюционной эмиграции Е. Гегечкори, сотрудником Прокуратуры СССР 7 октября 1953 года было обнаружено личное письмо Гегечкори к жене Л. Берия — Н. Берия.

Необходимо указать, что бывшие сотрудники МВД, занимавшиеся разработкой грузинской эмиграции, зная, что Прокуратура собирает доказательства, подтверждающие связь Гегечкори с Берия, не сообщили следствию об этом письме. Так, бывший начальник 1-го Главного управления НКВД СССР — МГБ СССР Фитин П.Н., получивший в 1946 году это письмо от заграничной агентуры, зная, что письмо хранится в делах МВД, о нем на допросе 18 июля 1953 года вообще не упомянул, хотя специально допрашивался о связи Берия с грузинской эмиграцией. Бывший резидент во Франции Гузовский А.А. и сотрудник резидентуры во Франции Тавадзе И.К. (ныне арестованные) также ничего не показали о письме Гегечкори к Н. Берия, хотя оно было направлено Фитину при сопроводительном письме за их подписями.

Привожу расшифровку условных наименований, содержащихся в сопроводительном письме Гузовского и Тавадзе:
«Виктор» — Фитин, начальник 1-го Главного управления
«Качу» — Е. Гегечкори
«Георгий» — Тавадзе — сотрудник резидентуры во Франции
«Старик» — Ной Жордания
«Павел» — Л. Берия
«Петров» — В. Меркулов
«Кир» — Гузовский — резидент МВД во Франции.

В связи с обнаруженными документами будут произведены допросы Л. Берия, Н. Берия, В. Меркулова, Гузовского, Тавадзе и свидетелей — Гукасова (сотрудник ИНО), Фитина (бывшего начальника ИНО).

Приложение: на 4 листах.

Р. РУДЕНКО

7 октября 1953 г.

Копия

Тов. Виктору
26 апреля 1946 г.
Письмо № ЭМ

Телеграммой от 18 апреля с.г. мы были предупреждены Вами о переписке, которую ведет «Качу» с Тегераном. Вы считаете содержание письма лишним подтверждением нелояльности его к нам. Мы никогда не поддавались излишним иллюзиям, но объективное наблюдение подсказывает нам, что «Качу» твердо стал на позиции лояльности, которые нам надлежит использовать. По поводу переписки с Тегераном, как и с Италией раньше, «Качу» нам сообщал в частности: по поводу переписки с Сасания он сказал лично «Георгию» и рекомендовал ее использовать, предлагая свои услуги. Он сказал «Георгию», что Сасания первая написала ему письмо, на которое он ответил. Содержание письма указывало на необходимость избегать всяческих контактов с англичанами и всеми теми, кто намерен еще использовать меньшевиков как акцию против Советского Союза. «Качу» тогда же объяснил, что писал он все это закамуфлировано и очень осторожно, не будучи уверен в том, что его переписку не контролируют англичане, и не знает, как воспримут это Сасания и группа грузин, находящихся в Тегеране. Тогда же «Качу» сказал, что следует подождать ответа он Сасания и затем уже продумать вопрос, как лучше и полезнее постепенно перевести тегеранскую группу меньшевиков на службу нам. О Сасания он сказал, что она — бывшая учительница, лично он ее не знает, но слышал, что она умная женщина и активно работает в грузинской эмиграции, которая насчитывает 40 человек. «Качу» обратил наше внимание на то, что эта группа меньшевиков представляет для нас оперативный интерес, и он готов сделать все возможное, чтобы использовать ее в наших интересах. В качестве доказательства прилагает при этом собственноручно написанный «Качу» адрес Сасания.

Поскольку у нас еще не было достаточных данных для постановки этого вопроса, мы решили подождать ответа Сасания и затем обо всем сообщить Вам. В связи с тем, что особенно последнее время нам самим совершенно не ясно Ваше отношение к «Качу» и др., не ясно, каково должно быть наше поведение, возникает много трудностей в определении нашей позиции. Охлаждение отношений «Качу» чувствует, волнуется, постоянно подчеркивая, что налаженное с таким трудом взаимопонимание ускользает, его не используют, ему не доверяют. Правда, он каждый раз подчеркивает, что, несмотря на недоверие и предвзятость сложившегося мнения о нем в Центре, он будет продолжать действовать самостоятельно, не связывая его с указаниями оттуда. По поводу декларации он говорит, что вина не его, что дело не доведено до конца. Он давно готов был подписать (готов это сделать и сейчас) ее, но мы считали, что должен был подписать ее также и «Старик», который туго раскачивался. Сейчас, как Вам известно, «Старик» публично высказал свои позиции, и это нельзя не считать за большое достижение.

22 апреля «Качу» вызвал меня и «Георгия». Он говорил много о доверии, о том, что все заглохло, сознался в том, что потерял надежду на активную рабо-

ту с нами (в этих целях он сохранял свое свободное время и не работал), и по причинам чисто материальным (проел свои запасы) он вынужден поступить на работу и сейчас устроился помощником оного из парижских адвокатов, составляет ему юридические доклады и готовит некоторые дела. Затем «Качу» просил переслать написанное им письмо Нине, жене «Павла». Он не скрыл, что после того, как интерес к нему заметно упал, он не может лично написать письмо «Павлу», опасаясь, что оно будет как-нибудь нехорошо истолковано. Однако из текста письма Вы увидите, что оно предназначено вовсе не для Нины. В нем излагается все то, что, по-видимому, у него наболело.

Поэтому мы считаем, что вопрос о дальнейшем нашем поведении должен быть решен, ибо у нас нет ясности. Продолжать бесцельные встречи и поддерживать разговоры на общие темы — мало полезно. Мы твердо придерживаемся директив т. Негрова и Ваших, не вступаем ни в какие разговоры, ничего не просим и ничего не получаем.

Просим указаний.

КИР

ГЕОРГИЙ

Копия

25.IV.1946 г.

Дорогая Нина, у меня есть реальные основания думать, что я не вполне выброшен из твоей памяти; время от времени, несмотря на многое, нас разделяющее, ты проявляешь внимание к своему старому дяде.

Ты можешь быть уверенной, что это взаимно: мне крайне приятно слышать о тебе лестные отзывы. Что же? Это голос крови — один из непреложных законов человеческой природы.

Пользуюсь случаем, чтобы написать несколько слов о себе; именно несколько слов, ибо, если писать пространно, этому не будет конца.

Очевидно, обо мне к вам поступают сведения. Думаю, что они точны, ибо источник их мне известен и известен с наилучшей стороны. Все же, если пишу непосредственно, то в целях устранения даже тени недоразумения.

Я подошел к последней грани своей жизни. Плохо ль или хорошо — об этом не мне судить, — я прошел свой путь. У старых людей своя психология, непонятная для молодых. У меня не осталось другой претензии, как передать будущему поколению результаты моего долгого опыта. Не вдаваясь в детали, я пришел к выводу, что Грузия в борьбе за свою национальную свободу не может и не должна рассчитывать на Запад. Если четверть века назад она могла предполагать найти тут реальные гарантии в этом направлении, то теперь такие поиски я расцениваю как пустую и даже вредную трату времени.

Думаю, что сказанного достаточно, чтобы тебе понять, что такая постановка вопроса — ключ к дальнейшему; под этим углом я подхожу к дальнейшим событиям.

Исходя именно из этого, я по своей собственной инициативе думал поддержать наши территориальные требования к Турции. Был момент, когда я считал, что было возможно в соответствующей форме выступление эмиграции, но меня постигла неудача. Не хочу говорить о причинах ее, констатирую только факт.

Было бы крайне несправедливо возлагать какую-либо ответственность за это на лицо, поддерживающее со мной связь; наоборот, он делал все воз-

можное, дабы облегчить мою задачу, и давал правильную информацию своим верхам. Об этом я тебя прошу поставить в известность кого следует.

Надеюсь, к этому вопросу мы еще вернемся, и у эмиграции еще будет возможность выполнить свой долг перед Родиной.

Предстоит длительная и упорная работа по расчистке сгущенной десятилетиями атмосферы. Трудная и, если хочешь, крайне неблагодарная задача, я в этом отдаю себе ясный отчет; но она вытекает из понимания моего священного долга перед моим народом.

Не хочу скрывать, что у меня нет убеждения в наличии взаимного понимания оттуда. Достаточно привести пример полного исчезновения профессора Такайшвили (о нем в течение целого года ни слуху ни духу), чтобы прийти к такому выводу.

Но, как я сказал выше, я действую не по чьей либо указке, а за свой страх и риск и в пределах моих сил буду вести свою линию...

Ну, дорогая Нина, прими от твоего старого дяди самые лучшие пожелания.

ЕВ. (подпись)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 91—94. Подлинник. Машинопись.

№ 100
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

9 октября 1953 г.

Сов. секретно

№ 469/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Л.П. от 9 октября 1953 г. и шесть фотоснимков записок Берия, относящихся к 1937 году, которые предъявлялись ему при допросе.

Эти документы были обнаружены в архиве МВД Грузии и 8 октября с.г. поступили через МВД СССР в Прокуратуру СССР.

Приложение: на 12 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса

1953 года, октября 9 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Допрос начат в 15 часов.

ВОПРОС: На предыдущих допросах вы отрицали, что, будучи секретарем ЦК КП(б) Грузии, фактически лично руководили следствием в НКВД Грузии и лично отдавали распоряжения об арестах, применении незаконных методов допроса и т.д.

Вы и теперь это продолжаете утверждать?

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «С документами №№ 469, 478 и 481 ознакомлены т.т. Маленков, Хрущев и Булганин, Микоян», «Читал В. Молотов», «М. Сабуров», «Первухин», «Читал К. Ворошилов 29.X.53 г.», «Л. Каганович 3.XI».

ОТВЕТ: Да, я это продолжаю утверждать.

ВОПРОС: Вам оглашались показания ваших соучастников — Гоглидзе, Кобулова, Савицкого и других о том, что многие аресты в Грузии производились в 1937—1938 гг. по вашим личным запискам, причем в ряде случаев прямо указывали, что это шпионы, враги народа, еще до начала следствия. Вы это отрицали. Вы и сейчас продолжаете придерживаться прежних показаний?

ОТВЕТ: Да, я подтверждаю прежние показания.

ВОПРОС: Теперь вам предъявляется записка на бланке ЦК КП(б) Грузии, датированная 25 октября 1937 года. Вы признаете, что эта записка написана вами?

С какой целью писалась вами эта записка?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю, что предъявленная мне записка на бланке ЦК КП(б) Грузии от 25.X.37 г. на восемь человек написана и подписана мною. Надписи в этой записке карандашом против фамилий лиц, мною написанных — «Хазан, Савицкий, Кримян, Гульст и др.», учинены не мною. Кто и когда учинил эти надписи, я не знаю, но Хазан, Савицкий и другие являлись тогда сотрудниками НКВД Грузии и, очевидно, они должны были заниматься расследованием дел, переименованных в моей записке лиц. Эту записку, очевидно, я составил при докладе мне руководителей НКВД Грузии.

ВОПРОС: Поглядите на № 6, указанный в этой записке. Вы признаете, что здесь написано вашей рукой: «Тарумов (Гофилект) — бесспорно, он шпион»?

ОТВЕТ: Да, эта запись учинена мною. Припоминаю, что Тарумов был связан с персидским консулом, сам имел двойное подданство, имел подозрительные связи. Это вытекало из предыдущих докладов руководителей НКВД. Это дало мне основание для учинения такой надписи.

ВОПРОС: Вы понимали, что когда пишете Кобулову — «бесспорно, он шпион», — это означало для Кобулова обязанность сделать охарактеризованного вами так человека шпионом?

ОТВЕТ: Я писал на основании материалов Гоглидзе и Кобулова, ими же представленных, и нового этим самым ничего не сообщал.

ВОПРОС: Теперь вам предъявляется записка на бланке ЦК КП(б) Грузии, датированная 25 октября 1937 года.

Вы признаете, что и эта записка написана и подписана вами?

ОТВЕТ: Да, предъявленная записка написана и подписана мною.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что писали в этой записке: «НКВД — арестовать М. Киладзе (Кобулеты), Бегеладзе (Хашури), Зейналов (Ахлцик), Первушин (Промсовет), Джавахидзе (Тквибули), Приходько, как врагов народа»?

Значит, и в этой второй записке, датированной 25.X, вы предлагали произвести аресты шести человек, причем прямо указывали НКВД считать их врагами народа?

ОТВЕТ: Да, я подтверждаю это. Записка эта явилась результатом доклада Гоглидзе и представленных им материалов. В тот период я считал, что поступаю правильно, когда писал такие записки. Теперь бы я так не поступил.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что на предъявленной вам записке об аресте шести лиц Кобуловым наложена резолюция: «т. Хазану. Всех немедленно арестовать.25.X.37 г.»?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю.

ВОПРОС: Теперь вам предъявляется датированное 21 октября 1937 года заявление зам. директора Тбилисского филиала ИМЭЛ Саруханова, в котором тот сообщает, что «В состоянии раздражения, вызванного конфликтом

чисто делового порядка», он уничтожил фотоснимки двух картин — «вышки зашевелились и берегите кандалы»?

Вы признаете, что на этом заявлении вами наложена следующая резолюция: «НКВД. Арестовать Саруханова — он был очень близок к Тер-Татриеляну, Ерзинкяну, Пирумову, Семушкину и ряду других — ныне разоблаченных врагов. Л.Б. 25.X.37 г.»?

ОТВЕТ: Да, признаю. Считал, что его надо арестовать.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что на этом заявлении имеется и резолюция Кобулова: «Хазану. Арестовать немедленно Саруханова. Дело его поручить т. Гургену Айвазову. 25.X.37 г.»?

ОТВЕТ: Подтверждаю.

ВОПРОС: Теперь вам предъявляется служебная записка, адресованная: «НКВД т. Гоглидзе» и датированная 30.X.37 г.

Вы признаете, что эта записка, в которой Гоглидзе приказывается арестовать 6 человек, также написана и подписана вами?

ОТВЕТ: Да, точно. Записка написана на основании доклада Гоглидзе.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что на этой вашей записке в тот же день, 30 октября 1937 года учинены следующие надписи: «т. Кобулову. Для исполнения. Гоглидзе»; «т. Хазану. Сегодня же исполнить. Кобулов»?

ОТВЕТ: Подтверждаю.

ВОПРОС: Теперь вам предъявляется еще одна записка на бланке ЦК КП(б) Грузии, адресованная в НКВД Грузии Гоглидзе и датированная 3 ноября 1937 года.

Вы признаете, что эта записка также написана и подписана вами?

ОТВЕТ: Да, признаю.

ВОПРОС: Вы признаете, что в этой записке приказывали Гоглидзе произвести аресты 33 человек?

ОТВЕТ: Да, признаю. Эта записка также была написана исключительно на основании доклада и требований Гоглидзе.

ВОПРОС: Теперь вам предъявляется еще одна записка из блокнота, адресованная: «НКВД — т. Кобулову» и датированная 16.XII.37 года.

Вы признаете, что в этой записке приказывали Кобулову арестовать пять человек?

ОТВЕТ: Признаю. И эта записка была мною дана на основании требований Гоглидзе и Кобулова и на основании их доклада.

ВОПРОС: Значит, прежние ваши показания о том, что вы лично, будучи секретарем ЦК КП(б) Грузии, не давали распоряжений об арестах, не писали служебных записок с приказаниями арестовать многих лиц, были ложными?

ОТВЕТ: Я ложных показаний следствию не давал. Я эти документы не считаю записками, а как согласие на арест ряда лиц по требованиям Гоглидзе и Кобулова. Конечно, правильнее было бы потребовать от Гоглидзе и Кобулова официальные справки на каждое лицо, подвергавшееся аресту, и таких записок не писать, тем более что в этих записках не указаны совершенно мотивы — за что эти лица подвергаются аресту. Повторяю, что я это делал по требованию Гоглидзе и Кобулова, по их докладам.

Я сдерживал Гоглидзе и Кобулова, потому что они ставили вопрос об аресте большого числа лиц.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что такая незаконная и преступная практика арестов создавала для вас и ваших соучастников возможность расправиться с неугодными для вас людьми?

ОТВЕТ: Не признаю. Преступных целей не преследовал. Я не стану отрицать, что в Грузии в период 1937—1938 гг. имели место перегибы и извращения при проведении арестов, но их было бы больше, если бы я не сдерживал Гоглидзе, Кобулова и других работников НКВД. Я тоже несу ответственность за эти перегибы и извращения.

ВОПРОС: Вы признаете, что, будучи секретарем ЦК КП (б) Грузии, лично производили массовые аресты на основании ничем не мотивированных служебных записок, адресованных вашим соучастникам Гоглидзе и Кобулову, и создавали таким путем обстановку террора в ваших заговорщических целях?

ОТВЕТ: Не признаю. Заговорщических целей я не имел и террора не создавал.

Протокол прочитан мною, записано все с моих слов верно:

Л. БЕРИЯ

Дополняю, что хотя записки об арестах, предъявленные мне, писались мной и указания исходили лично от меня, но я должен заявить, что об этих указаниях было известно ряду членов бюро ЦК и писались эти записки зачастую в присутствии их.

Допрос окончен в 17 часов 20 минут.
Прочитано:

БЕРИЯ

Допросил:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола Следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 152. Л. 152—159. Копия. Машинопись.

№ 101
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА С.А. ГОГЛИДЗЕ

10 октября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 478/ссов

Т. МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого ГОГЛИДЗЕ Сергея Арсеньевича от 10 октября 1953 года.
Приложение: на 6 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

Гоглидзе Сергея Арсеньевича от 10 октября 1953 года (сведения в деле имеются)

Допрос начат в 12 ч. 55 м.

ВОПРОС: На прошлых допросах вы показали, что в 1936—1938 гг. аресты многих лиц были вами проведены по прямому указанию Берия. Эти ваши утверждения являются правильными?

ОТВЕТ: Абсолютно правильно. Я уже показывал, что в 1936—1938 гг. Берия повседневно вызывал меня с докладами, а в мое отсутствие — Кобулова, Рапава или Степанова, и давал указания по делам и на аресты новых лиц. Кроме того, Берия неоднократно давал указания на аресты руководящих работников партийно-советских органов, на которых в НКВД Грузии вообще не было никаких компрометирующих материалов.

В тех случаях, когда по инициативе НКВД ставился вопрос об аресте лиц, на которых имелись материалы, мы докладывали Берия протоколы допросов и составляли подобные справки. На этих документах Берия писал, кого нужно арестовать, и только после этого проводились аресты.

ВОПРОС: В тех случаях, когда Берия давал вам указания на аресты по своей инициативе, при отсутствии в НКВД Грузии компрометирующих материалов, он это делал в устной или письменной форме?

ОТВЕТ: Нужно иметь в виду, что Берия до перехода на работу секретарем ЦК КП Грузии работал наркомом внутренних дел Грузии, он знал людей, дела и считал себя хозяином в Грузии. Он в те годы вообще ни с кем не считался и не терпел никаких возражений и даже мнений. Когда он давал устные указания или письменные арестовать любого работника, эти его указания выполнялись аппаратом НКВД Грузии немедленно и безоговорочно.

ВОПРОС: Берия на допросе показал, что, если он и давал вам указания на арест того или иного работника, то он делал это по вашему докладу и вашему настоянию. Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Нет, этого я подтвердить не могу. Берия нагло врет, заявляя, что давал указания на аресты людей только по моему докладу и моему настоянию. Стоит обратиться к архивным делам по Грузии за те годы, и легко можно убедиться, что почти на всех протоколах допросов, которые докладывались Берия, имеются его резолюции «арестовать», «арестовать и крепко допросить», что с учетом проведенного им в 1937 году в ЦК КП Грузии совещания означало крепко побить. Такого рода указания от Берия мы получали ежедневно.

В тех случаях, когда Берия давал указания на аресты людей по своей инициативе при отсутствии на них каких бы то ни было компрометирующих материалов в НКВД Грузии, он добавлял «арестовать как врагов народа», «арестовать как заговорщиков» или арестовать как троцкистов, уклонистов, правых или с ними связанных. Имея такие указания от Берия, я их передавал обычно Кобулову, а тот следователям, которые и вели в этом направлении следствие.

Больше всего такие поручения выполняли подчиненные Кобулову работники — Савицкий, Хазан, Кримян, Урушадзе и некоторые другие, работавшие тогда в СПО НКВД Грузии.

Если иметь в виду те методы на следствии, которые широко применялись в 1937—1938 годах особенно, то от многих арестованных путем избиений и других незаконных способов удавалось получать показания, в которых они признавали себя виновными и уличали других лиц в государственных преступлениях.

Трудно сейчас мне сказать, какие показания арестованных в те годы лиц отвечают действительности и какие даны в результате избиений и фальсификации протоколов. В то время многие дела, подлежащие рассмотрению в судебных органах и, в частности, в Военной коллегии Верховного суда СССР, были рассмотрены тройкой НКВД Грузии, куда обвиняемые не вызывались, и не были проверены их показания непосредственно. Такое положение создалось в результате того, что нами было получено указание из НКВД СССР рассмотреть все дела на тройке НКВД Грузии ввиду большой

перегрузки работой Военной коллегии, которая не могла регулярно приезжать в Тбилиси и рассматривать там дела.

ВОПРОС: Вам предъявляется письмо Берия на бланке Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии от 3.XI-1937 года на ваше имя, в котором говорится — арестовать 33 человека. На этом документе имеется ваша резолюция от того же числа: «Кобулову — арестовать. Гоглидзе».

На основании каких материалов Берия дал вам, а вы Кобулову указания арестовать 33 человека?

ОТВЕТ: Ознакомившись с указаниями Берия от 3 ноября 1937 года об аресте 33 человек, я еще раз подтверждаю свои показания о том, что Берия считал себя хозяином в Грузии и давал мне указания по своей инициативе арестовать людей целыми группами. Не исключено, что на некоторых из перечисленных в письме Берия лиц имелись материалы в НКВД Грузии, но многие из них могли быть арестованными без всяких материалов, а только потому, что Берия их знал и считал нужным арестовать.

В тех случаях, когда Берия при докладах ему протоколов допросов арестованных считал необходимым арестовать лиц, упоминавшихся в показаниях, он всегда писал резолюцию на протоколе, кого дополнительно арестовать, и возвращал протоколы. То же самое он делал на справках-докладах, которые мы ему представляли.

Когда же он требовал арестовать кого-либо по своей инициативе, он писал записки вроде той, с которой я сейчас ознакомился, или давал устные указания.

ВОПРОС: Допрошенный по этому поводу Берия заявил, что он: «...это делал по требованию Гоглидзе и Кобулова, по их докладам». Кто же из вас говорит правду?

ОТВЕТ: Берия, безусловно, нагло врет. Прежде всего, если Берия давал мне согласие на арест людей, перечисленных в его записках, то для чего ему понадобилось писать такие записки отдельно, когда он всегда писал на материалах, которые ему докладывались (протоколы, справки).

Если же Берия это делал, как он заявляет, по моему настоянию, то должны были быть какие-то материалы в НКВД Грузии на этих лиц, которые ему докладывались мною, иначе получается, что Берия давал указания арестовать невинных людей по моей устной просьбе, и тогда тем более незачем ему было писать записок.

ВОПРОС: Вам предъявляется записка Берия на бланке ЦК КП Грузии от 25 октября 1937 года с предложением арестовать шесть человек «как врагов народа» (М. Киладзе, Бегеладзе и др.). На основании каких материалов эти лица вами были арестованы?

ОТВЕТ: Ознакомившись с запиской Берия от 25 октября 1937 года, адресованной «НКВД» с предложением арестовать М. Киладзе, Бегеладзе, Зейналова, Первушина, Джавахидзе и Приходько как врагов народа, хочу еще раз отметить, что Берия нагло лжет: из самой этой записки видно, что она им написана не по моему настоянию, как он это заявляет, а по его инициативе. В записке даже не указана фамилия, кому она арестована.

Если Берия ее писал по моему настоянию или по моему докладу, он бы ее арестовал мне, а не вообще «НКВД», как это он сделал.

Именно ему принадлежит инициатива в аресте этих людей. Он, Берия, нередко давал указания арестовать людей, не говоря даже о мотивах, по которым он считает необходимым их арестовать.

Имелись ли какие-либо компрометирующие материалы на кого-либо из перечисленных в записке Берия лиц, сейчас сказать затрудняюсь.

ВОПРОС: Берия на допросе также заявил: «Я сдерживал Гоглидзе и Кобулова, потому что они ставили вопрос об аресте большого числа лиц» и даже «...в Грузии в период 1937—1938 годов имели место перегибы и извращения при проведении арестов, но их было бы больше, если бы я не сдерживал Гоглидзе, Кобулова и других работников НКВД».

Что вы можете сказать по этому поводу?

ОТВЕТ: Берия выкручивается и нагло врет. Он повседневно руководил в те годы работой НКВД Грузии, давал указания, кого арестовать, и в этом инициатива принадлежала только ему.

Берия ежедневно принимал меня с докладами, длившимися по нескольку часов, что могут подтвердить его бывшие технические секретари — Тавадзе и Вардо Максимелишвили. Он давал также указания по агентурной и другой работе НКВД Грузии, конкретно называл даже лиц, которых нужно вербовать. Мне не известен ни один случай, когда бы Берия не согласился с доводами НКВД Грузии об аресте людей.

Я не могу снять с себя ответственности за перегибы, извращения и другие факты, имевшие место в период моей работы в Грузии в качестве наркома внутренних дел Грузии, но я говорю все так, как было в действительности, а Берия, как это видно из приведенных его показаний, лжет и пытается переложить всю вину на плечи других. Я уже говорил, что полностью доверял Берия и выполнял безоговорочно все его указания, но я не могу признать того, чего не было в действительности.

ВОПРОС: Вам предъявляется заявление Саруханова от 21 октября 1937 года на имя Берия и резолюция Берия от 25 октября 1937 года об аресте Саруханова. За что вами был арестован Саруханов?

ОТВЕТ: Саруханов в момент ареста работал зам. директора Тбилисского филиала ИМЭЛ, а до 1937 года он работал в Заккрайкоме партии вместе с Берия. Были ли какие-либо материалы на Саруханова, кроме указаний Берия на его арест, я сейчас не помню и не знаю, как его дело разрешено. Этим делом занимался Кобулов и, как видно из предъявленного мне заявления Саруханова и резолюции на нем, следствие по этому делу Кобулов поручал Айвазову.

Допрос окончен в 17 ч. 45 м.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано.

ГОГЛИДЗЕ

Допросил:
полковник юстиции *КУЛЬЧИЦКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 166—172. Копия. Машинопись.

№ 102
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ А.О. ЭЙНГОРНА

5 октября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 481/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса свидетеля ЭЙНГОРН (Тараса) А.О. от 5 октября 1953 года.

Приложение: на 6 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса свидетеля

1953 года, октября 5 дня, старший помощник Главного военного прокурора полковник юстиции ИВАНОВ допросил с соблюдением ст.ст. 162—168 УПК РСФСР в качестве свидетеля

ЭЙНГОРН (Тарас) Абрам Осипович, 1899 года рождения, уроженца г. Одессы, предъявлена справка спецпоселенца, выданная Управлением МВД по Красноярскому краю 11 сентября 1953 года за № 15 275, женат, еврей, служащий УИТЛК Министерства юстиции СССР, Нижнее-Ингашский район Краснодарского края, с 1950 года находится на спецпоселении, образование высшее. В 1924 году окончил военную академию имени Фрунзе, из рабочих, в 1939 году был осужден Особым совещанием НКВД СССР на 8 лет ИТЛ, наказание отбыл, беспартийный, состоял членом КПСС с июня 1917 г. по февраль 1937 года, исключен из партии в связи с арестом, прожив. — Красноярский край, Нижне-Ангашский район, поселок Решеты.

В соответствии со ст. 164 УПК следователь меня предупредил об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

ЭЙНГОРН (подпись)

По делу объясняю:

В органах ВЧК—ОГПУ—НКВД СССР я работал с 1919 по 1937 г. 22 марта 1937 года я был арестован, и меня стали допрашивать о связях с Ломинадзе и об антисоветской деятельности. Я показывал, что я был знаком с Ломинадзе по работе в Коммунистическом интернационале молодежи и отрицал какое-либо участие в антисоветской деятельности.

После систематических избиений в Лефортовской тюрьме в феврале 1938 года, меня в бессознательном состоянии заставили подписать подготовленный следователями Скурихиным, Щавелевым и Гейманом и отпечатанный на машинке протокол допроса, содержание которого я не помню.

После подписания протокола я написал заявление на имя наркома о том, что меня пытали и я подписал протокол, содержания которого не знаю.

Я помню, что на допросах в период с декабря 1937 г. по март 1938 года у меня требовали показания, что я готовил покушение на Ежова.

В марте 1939 года меня перевели во внутреннюю тюрьму НКВД СССР. В двадцатых числах марта 1939 года меня вызвал к себе в кабинет старший лейтенант госбезопасности Влодзимирский, который объявил мне, что на днях закончился XVIII съезд партии и что имеется решение об использовании арестованных старых чекистов на работе по их специальности. Влодзимирский подчеркнул, что ему известно о моей разведывательной работе в иностранном отделе НКВД СССР и что во мне, как советском разведчике-специалисте, органы НКВД заинтересованы.

По разъяснению Влодзимирского, для доказательства своей чистосердечности я должен написать хоть что-нибудь о своей виновности, и тогда он будет иметь возможность поставить вопрос перед руководством НКВД о моем освобождении из-под ареста и дальнейшем испытании меня на работе.

После этого предварительного разговора Влодзимирский вернул меня в камеру, заявив, что вызовет меня позже.

Действительно, в тот же день, но поздно вечером Влодзимирский меня вновь вызвал из камеры к себе в кабинет. Я заметил, что был в радостно-возбужденном состоянии и имел знаки различия уже не старшего лейтенанта, а капитана госбезопасности. Влодзимирский мне с пафосом объявил, что он со мной разговаривает с ведома и по поручению самого наркома Л.П. Берия, которому, по словам Влодзимирского, лично известно о моем знакомстве с его земляком Бесо Ломинадзе.

Далее Влодзимирский мне сказал, что я должен написать свои показания о том, что мне известно, что Ломинадзе находился в очень близкой и тесной связи с Микояном Анастасом Ивановичем — членом Политбюро ЦК ВКП(б), что, когда Ломинадзе был снят с работы секретаря Закавказского крайкома ВКП(б) за связь с Сырцовым по антипартийному право-левацкому блоку, Микоян помогал ему и устроил его у себя в наркомате начальником главного управления высших учебных заведений.

Далее Влодзимирский мне сказал, что нужно в показаниях подчеркнуть, что Микояну было известно, что Ломинадзе сохранял своих сторонников, устраивал их на работу в наркомате.

Влодзимирский потребовал от меня, чтобы в показаниях было особо указано, что мне известно со слов Ломинадзе, что Микоян сочувствовал ему и идейно был с ним близок.

По словам Влодзимирского, мои показания будут им переданы лично Берия и это даст возможность ему поставить вопрос о моем освобождении из-под ареста и использовании меня на чекистской работе.

Несмотря на все уговоры и обещания Влодзимирского меня освободить, я ему ответил, что мне неизвестно о вражеской связи Ломинадзе с членом Политбюро Микояном, что я нахожусь под следствием уже третий год и сам никаких клеветнических показаний не давал и давать не буду. Влодзимирский, видя, что я не даю согласия клеветать на Микояна, перешел к угрозам. Я ему ответил, что я уже был в Лефортовской тюрьме два раза и что мне бояться нечего. Тогда Влодзимирский обещал перевести меня в другую тюрьму, пострашнее Лефортова, закончив разговор со мной угрозой: «Я тебе устрою такую жизнь, что ты и твои дети век меня будете помнить».

Свою угрозу перевести меня в другую тюрьму Влодзимирский реализовал, и после того, как мне было объявлено об окончании следствия по моему делу, я был переведен в Сухановскую тюрьму, где один раз был избит и после этого отправлен в больницу Бутырской тюрьмы. В избиении меня Влодзимирский и следователь Иванов, который заканчивал мое дело, участия не принимали.

В апреле 1939 года меня допрашивал военный прокурор Коперник и следователь Иванов. После допроса на мой вопрос военный прокурор мне объявил, что мое дело заканчивается. В тот же день вечером меня вызвал к себе в кабинет следователь Иванов, к которому зашел и Влодзимирский. Когда Иванов вышел за нитками для того, чтобы подшить мое дело, Влод-

зимирский мне сказал: «Так как вы находитесь под арестом и следствием свыше двух лет, не даете никаких показаний, сильно обозлились на НКВД, то мы не освободим вас, несмотря на то, что прокурор согласен вас освободить».

Об этом заявлении Влодзимирского я написал в своей просьбе о пересмотре моего дела на имя Президиума 19-го партийного съезда 25 сентября 1952 года.

Я считаю, что Влодзимирский свою угрозу полностью осуществил и добился моего осуждения через Особое совещание НКВД СССР, постановлением которого в июне 1939 года я был осужден к 8 годам ИТЛ.

Сам Влодзимирский, как подручный и ближайший сподвижник Берия, сделал быструю карьеру от старшего лейтенанта в 1939 году до генерал-лейтенанта в 1945 году.

Мне известно, что после прихода Берия к руководству НКВД в 1938 году от арестованных требовали клеветнические показания и на других руководителей партии и правительства. В частности, в ноябре 1938 года, когда я содержался в Бутырской тюрьме, со мной в одной камере был молодой инженер-паровозник из аппарата НКПС СССР.

Вернувшись с допроса сильно избитым, он рассказал мне, что следователи требовали от него дать клеветнические показания против наркома путей сообщения Л.М. Кагановича, которого он лично знал и который к нему хорошо относился по работе. Таких показаний, несмотря на его избиение, он не дал и, желая покончить жизнь самоубийством, во время прогулки с разбегу стукнулся головой о тюремную стену. После этого арестованного инженера я больше не встречал и не знаю о его судьбе. Фамилии его я в настоящее время не помню.

Во время следствия по моему делу весной 1939 года меня вызывал к себе в кабинет майор госбезопасности Макаров. В его кабинете был комиссар госбезопасности 3 ранга Кобулов Б.З. и еще несколько сотрудников. От меня Макаров и Кобулов требовали показаний об антисоветской деятельности. Я им отвечал, что я ни в чем не виноват и показаний об антисоветской деятельности давать не буду. Я тогда же заявил требование, чтобы наказали тех, кто меня мучил на следствии. Кобулов на меня тогда закричал, что я оговариваю честных сотрудников НКВД и не даю тех показаний, которые необходимы следствию. Я убежден, что Кобулов Б. знал о том, что я отказался Влодзимирскому дать клеветнические показания на Микояна, и именно это имел в виду.

После моего отказа выполнить требование Кобулова Б. и дать показания находившиеся в кабинете сотрудники меня схватили и ударили несколько раз. После этого меня водворили в камеру внутренней тюрьмы и, как я ранее показывал, в мае направили в Сухановскую тюрьму.

Что касается Кобулова Б., то мне известно, что он являлся одним из самых близких и доверенных людей Берия, через которого Берия проводил свою преступную работу внутри аппарата НКВД—НКГБ еще с того времени, когда Берия был в Закавказье. Кобулов и Влодзимирский являлись исполнителями преступных действиях Берия по фабрикации ложных, клеветнических показаний, которые путем зверских избиений вымогались от арестованных на отдельных руководителей партии и правительства.

От своего брата Игната Самуила Осиповича, бывшего члена ЦКК ВКП(б), ответственного работника Наркомтяжпрома, работавшего длительное время

с Серго Орджоникидзе, я слышал в 1935—1936 гг., что Серго Орджоникидзе ему говорил, что Берия причиняет ему много больших неприятностей, посылая на него из Закавказья клеветнические доносы.

Игнат был арестован в 1937 году и, как мне говорила его жена, умер в заключении.

Берия человек с темным прошлым. В начале 1930 года я короткий период работал совместно с бывшим резидентом ОГПУ в Стамбуле Минскером Яковом Григорьевичем в центральном аппарате ИНО ОГПУ, занимаясь восточными делами. Мы с ним тогда разрабатывали директиву нашей агентуре в Стамбуле по освещению зарубежных муссаватистов.

Минскер рассказал мне, что он, работая резидентом в Стамбуле, имел сведения от агентов, связанных с муссаватистами, компрометирующие Берия по периоду его пребывания в Баку в 1918 году, когда там находился полковник Бичерахов — известный агент английской разведки, руководивший всеми антисоветскими группировками в Азербайджане.

Берия уже тогда по этим данным был связан с одной из этих группировок. Это могло дать Берия возможность в дальнейшем, когда муссаватисты пришли к власти, поступить на службу в их контрразведку.

Азербайджанец Лутфалиев Халин, проживающий в селе Абан Красноярского края, видел фотографию Берия, снятого в форме этого муссаватистского учреждения. Об этом он говорил мне в августе 1953 года.

Если Берия в 1918 году, проживая в Баку, имел связь с английским агентом Бичераховым, то он мог иметь отношение к аресту двадцати шести бакинских комиссаров.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

ЭЙНГОРН

Допросил:
Ст. пом. Главного военного прокурора
полковник юстиции *ИВАНОВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 173—179. Копия. Машинопись.

№ 103

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В.Н. МЕРКУЛОВА[1]

15 октября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 504/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого МЕРКУЛОВА В.Н. от 15 октября 1953 года.

Приложение: на 5 листах.

Р. РУДЕНКО

---

[1] На первом листе имеются пометы: «т.т. Булганин и Микоян ознакомлены. Д. Суханов. 20.X.53», «т.т. Маленков и Хрущев ознакомлены. Д. Суханов. 22.X.53», «Читал В. Молотов 24.X», «Читал М. Сабуров 27.X», «Читал Первухин 27.X», «Читал К. Ворошилов 29.X», «Л. Каганович 31.X».

Протокол допроса обвиняемого

1953 года, октября 15 дня, помощник Главного военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил в качестве обвиняемого МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 13 часов 20 минут.

ВОПРОС: На допросе 6 октября 1953 года вы показали, что все ПП ОГПУ по Закавказью, приезжавшие в Тбилиси из Москвы — Могилевский, Кауль, Павлуновский, Кацнельсон, Реденс, не могли долго удержаться на работе в Закавказье, и Берия удавалось выживать их. Приведите конкретные факты, подтверждающие это ваше заявление?

ОТВЕТ: Могилевского следует исключить из этого списка, поскольку я вспомнил в последние дни, что он, работая ПП ОГПУ Закавказья, погиб в результате аварии с самолетом, на котором он летел на охоту в районе Сухуми вместе с секретарем Заккрайкома Мясниковым и, кажется, Атарбековым, работавшим на советской работе в Закавказье.

В отношении других ПП ОГПУ Закавказья, перечисленных выше, у меня сложилось впечатление о том, что Берия их выжил из Закавказья, — вот теперь, после ареста Берия. Дополнить свои показания по этому вопросу, данные 6 октября с.г., какими-либо конкретными фактами не могу, так как в памяти они не сохранились.

ВОПРОС: Вам известны причины, вызвавшие аварию самолета, в котором летел Могилевский и другие?

ОТВЕТ: Припоминаю, что шли разговоры в тот период времени о том, что они везли в самолете охотничьи припасы, которые в результате неосторожного курения загорелись, и это привело к катастрофе. Следственные материалы по поводу этой катастрофы мне неизвестны.

ВОПРОС: Цатурова Георгия Артемьевича, бывшего работника ЗакГПУ вы знаете?

ОТВЕТ: Знаю.

ВОПРОС: Вам приводится выписка из показаний Цатурова Г.А. от 12.IX.1953 г.:

«С первых дней работы в аппарате ЗакГПУ я увидел, что между аппаратом Закавказского и Грузинского ГПУ существует скрытая вражда и что подсиживание работников ЗакГПУ, пренебрежительное к ним отношение исходило от Берия и культивировалось им. Берия упорно добивался поста председателя ЗакГПУ. К Павлуновскому он относился недоброжелательно и вел против него различные интриги. По слухам я знал, что по инициативе Берия на Павлуновского было подано заявление в крайком ВКП(б), которое было подписано приближенными к Берия лицами; в заявлении указывалось, что Павлуновский не считается с местными кадрами, не знает местных условий работы. В результате интриг Берия, созданной им обстановки, Павлуновский вскоре с поста председателя ЗакГПУ был снят».

Вы подтверждаете эти показания Цатурова?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что действительно между аппаратом ГрузГПУ и аппаратом ЗакГПУ была скрытая враждебность, которая подогревалась в аппарате ГрузГПУ — Берия. Кто подогревал эту вражду в аппарате ЗакГПУ, я не знаю. Берия всегда иронически относился к поступавшим бумагам из ЗакГПУ, не упуская случая их «проработать» среди сотрудников ГрузГПУ.

Берия действительно неприязненно относился к Павлуновскому и настраивал аппарат против него.

Подавалось ли заявление в Заккрайком на Павлуновского, о котором говорит Цатуров, я вспомнить сейчас не могу. Возможно, такое заявление и подавалось, хотя не исключаю, что Цатуров путает в этом вопросе.

Павлуновский работал некоторое время и затем был отозван из Закавказья. Причины его отзыва мне неизвестны. Думаю, что Берия мог использовать для этого какой-нибудь неудачный шаг Павлуновского.

ВОПРОС: Вам зачитывается еще выписка из показаний Цатурова от 12.IX.1953 г.:

«Назначение Кауль на должность председателя ЗакГПУ было воспринято Берия как личная обида. Отношения между Кауль и Берия обострились в связи с подысканием кандидатуры на должность начальника СПО ЗакГПУ. Видя, что Берия усиливает работниками Грузинское ГПУ и стремится прибрать к своим рукам ЗакГПУ, Кауль обратился с ходатайством в Москву прислать на должность нач. СПО объективного человека. Берия же предлагал и настаивал назначить на эту должность своего ставленника Лордкипанидзе. Против этой кандидатуры Кауль возражал...

...Берия дал нам указание встретить Аргова хорошо, но в курс дела его не вводить, затягивать ознакомление его с работой, так как на работе в ЗакГПУ он находится временно...

...Заместителем Аргова был назначен Лордкипанидзе, который был посажен в кабинет к Аргову и должен был следить за ним...

Аргов чувствовал себя одиноким, созданная обстановка вокруг него угнетала его, и тогда он написал письмо на имя начальника СПУ ГПУ СССР Дерибаса, в котором жаловался на ненормальные условия работы, на отношение грузин к русским. Это письмо со стола Аргова выкрал Лордкипанидзе и передал Берия, который его размножил...

В связи с письмом Аргова Берия вызвал меня и сказал: "Смотри, вот какие люди у нас работают, приезжие не могут понять специфики работы в Закавказье, у нас есть свои кадры, а этот Аргов — великодержавный шовинист". После этого предложил обсудить вопрос об Аргове в партийном порядке. До решения Заккрайкома мы исключили Аргова из членов партии, но потом в Москве он был восстановлен в партии.

После отъезда Аргова начальником СПО был назначен Лордкипанидзе. Случай с Арговым был использован Берия и для компрометации Кауля, который вскоре сам уходит с должности председателя ЗакГПУ».

Что вы можете сказать по поводу этих показаний Цатурова?

ОТВЕТ: Я подтверждаю фактическую сторону истории с Арговым, изложенную в приведенных мне показаниях Цатурова, хотя сам я лично во время истории с Арговым, насколько я припоминаю, в Тбилиси отсутствовал и знаю ее со слов других сотрудников Зак и ГрузГПУ.

Считаю, что Берия в данном случае использовал письмо Аргова в своих целях, в результате чего Аргов вынужден был уйти, а на его место был назначен Лордкипанидзе. Конечно, этот случай был использован Берия и против Кауль.

ВОПРОС: Тот же Цатуров 12.IX.53 г. показал:

«Я уже отмечал, что Берия по существу руководил всей работой ЗакГПУ, использовал Реденса в борьбе за захват руководящих постов в АрмГПУ и замены лиц, работающих на этих постах, своими доверенными людьми, беспрекословно выполняющими его поручения и слепо веривших ему. Берия устроил у себя банкет, на котором напоил до потери сознания Реденса

вином. Реденс был в штатской одежде и когда он возвращался домой, то по ошибке постучался и зашел в чужую квартиру. Постовым милиционером он был доставлен в милицию, где его "по ошибке" задержали. Пьяный Реденс позвонил Берия и попросил его "выручить", приехать за ним. Берия его "выручил", отвез домой; на другой день состоялось заседание бюро Крайкома, где было принято решение — Реденса за бытовое разложение снять, а на должность председателя ЗакГПУ просить ЦК ВКП(б) утвердить Берия».

Вы подтверждаете эти показания?

ОТВЕТ: Да, случай с Реденсом, изложенный в показаниях Цатурова, действительно имел место.

ВОПРОС: Как же вы оцениваете действия Берия, о которых говорилось выше, в отношении Павлуновского, Кауль и Реденса?

ОТВЕТ: В тот период времени я верил Берия полностью и не считал его способным в своих действиях допустить что-нибудь незаконное или непартийное. Однако теперь я вижу, сопоставляя различные факты из поведения Берия, что в своей борьбе за власть, при устранении лиц, стоявших у него на пути к власти, Берия не брезгал никакими средствами, использовал малейший промах своих «противников», будь то служебный промах или житейски-бытовой. Я не могу понять, какая пелена покрывала мои глаза и мешала мне в свое время разгадать истинное лицо Берия и дать должную оценку его действиям.

Берия умел все свои действия облекать в такую форму, которая тогда не вызывала сомнений в законности и правильности этих его действий, с точки зрения интересов дела.

На самом же деле Берия в своих действиях вырисовывается как ловкий и хитрый интриган, для которого нет ничего святого, руководствующийся только своими личными интересами, способный предать все и вся, чтобы добиться своих личных карьеристических целей, не останавливаясь при этом, как известно, даже перед преступлением.

Показания записаны с моих слов правильно, протокол мной лично прочитан.

В. МЕРКУЛОВ

Допрос окончен в 17 час. 15 мин.

Допросил:
Полковник юстиции *УСПЕНСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 191—197. Копия. Машинопись.

№ 104

ПРОЕКТ СООБЩЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР О ЗАВЕРШЕНИИ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ Л.П. БЕРИЯ

17 октября 1953 г.

В ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР

Прокуратурой СССР закончено следствие по делу о преступной антисоветской изменнической деятельности БЕРИЯ Л.П., МЕРКУЛОВА В.Н., КОБУЛОВА Б.З. и др.

Следствием установлено, что обвиняемый Берия Л.П. явился организатором антисоветской изменнической группы заговорщиков, ставившей своей преступной целью использовать органы МВД как в центре, так и на мес-

тах против Партии и ее руководства, против Правительства СССР, поставить МВД над Партией и Правительством для захвата власти, ликвидации советского строя и реставрации капитализма.

Активными участниками этой изменнической заговорщической группы являлись обвиняемые — Меркулов В.Н., Кобулов Б.З., Гоглидзе С.А., Мешик П.Я., Влодзимирский Л.Е., привлеченные к уголовной ответственности по настоящему делу, и другие лица, ныне арестованные, дела в отношении которых выделены в отдельные производства.

Заговорщики совершили ряд тягчайших государственных преступлений. Преступная антигосударственная деятельность осуществлялась Берия Л.П., Меркуловым В.Н. и другими обвиняемыми в течение длительного времени.

Установлено, что организатор изменнической группы — Л. Берия — являлся агентом контрразведки контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, действовавшей под контролем английских разведывательных органов. Состоя в этой секретно-агентурной должности, Берия в 1919 году активно участвовал в борьбе английских оккупантов и муссаватистов против революционного рабочего движения в Баку.

Скрыв свою активную службу в контрреволюционной контрразведке и проникнув на секретную работу в разведывательный отряд (регистрод) XI армии, Берия в 1920 году вновь совершил предательство, выдав меньшевистской охранке в Грузии полученные им от регистрода задания и связи.

Подвергнув Берия для вида непродолжительному аресту в Кутаисской тюрьме, грузинские меньшевики затем выслали его как своего агента в Баку. С этого времени завязываются тесные преступные связи между Берия и контрреволюционной грузинской эмиграцией — агентурой ряда иностранных разведок — не прерывавшиеся до разоблачения и ареста Берия.

С помощью соучастников по антисоветскому заговору, Берия скрывал свое преступное прошлое, не останавливаясь для этой цели перед убийствами лиц, располагавших компрометирующими Берия сведениями.

Действуя как агент международного империализма, Берия вынашивал преступные замыслы государственного переворота в целях захвата власти, установления контрреволюционной диктатуры и реставрации капитализма в СССР.

Маскируя и скрывая свое предательство, оставаясь неразоблаченным агентом иностранной разведки, Берия путем обмана, интриг и террора пробрался на ряд руководящих должностей в органы государственной безопасности, а затем партийные органы Закавказья и Грузии, до 1938 года Берия находился на работе в Закавказье.

На протяжении всего этого периода Берия не только не прекращал своей преступной деятельности, но вовлек в нее ряд новых лиц и стал организатором антисоветской заговорщической группы.

Участники этой группы вербовались преимущественно из числа подчиненных Берия по службе морально разложившихся лиц, совершивших преступления или серьезно скомпрометированных, но укрытых Берия от ответственности, преданных ему и готовых выполнить любое преступное распоряжение.

Ядро антисоветской изменнической группы заговорщиков составили — Б. Кобулов, В. Меркулов, С. Гоглидзе, привлеченные к уголовной ответственности по настоящему делу.

Сообщники Берия, тесно связанные с ним совместными преступлениями, помогали ему расправляться с неугодными людьми, создавать атмосферу тер-

рора, обманывать партию и государство. В свою очередь Берия покрывал преступления этих лиц и всячески содействовал продвижению их по службе.

В подавляющем большинстве случаев заговорщики, желая расправиться с опасными или неугодными для них людьми, использовали аппарат НКВД.

Ряд следственных дел фальсифицировался заговорщиками; преступники применяли незаконные методы следствия, вымогая от арестованных показания о якобы готовившихся против Берия и его соучастников террористических актах. Таким путем преступники расправлялись с неугодными им людьми, отвлекали от себя подозрения и создавали себе ложную репутацию преданных советской власти работников.

Берия и его сообщникам удалось скрыть свои преступления, совершенные в Закавказье и Грузии, и остаться неразоблаченными.

Этому способствовало и то обстоятельство, что обвиняемому Берия удалось при помощи обмана и различных карьеристских махинаций пробраться в 1938 году на пост народного комиссара внутренних дел СССР.

Заняв эту должность, Берия назначил своих соучастников по преступной деятельности в Закавказье и Грузии на ряд руководящих должностей, как в самом аппарате НКВД, так и на периферии. Так, обвиняемый Меркулов был назначен на должность начальника Главного управления государственной безопасности и первого заместителя наркома. Б. Кобулов был назначен на должность начальника экономического отдела наркомата и затем заместителя наркома. Гоглидзе был назначен начальником УНКВД в Ленинграде. Кроме того, Берия вовлек в свою преступную антигосударственную заговорщическую деятельность морально разложившихся, карьеристски настроенных сотрудников центрального аппарата НКВД обвиняемых — Мешика и Влодзимирского.

В этот период, используя положение народного комиссара внутренних дел СССР, Берия с помощью своих сообщников совершил ряд изменнических актов, направленных к ослаблению обороноспособности Советского Союза и, в частности, к подрыву деятельности советской разведки против гитлеровской Германии.

Как установлено сейчас следствием, капитулянтская предательская деятельность Берия проявилась в первые же дни Великой Отечественной войны, когда Берия в изменнических целях, используя свое служебное положение народного комиссара внутренних дел, пытался установить тайную связь с Гитлером.

В тех же изменнических целях Берия и другие заговорщики осенью 1942 года в напряженный момент обороны Кавказа сделали попытку открыть врагу перевалы через Главный Кавказский хребет, что должно было привести к иностранной оккупации Закавказья и передать в руки империалистических государств бакинскую нефть. Только разгром немцев под Сталинградом изменил, вопреки вражеским планам заговорщиков, обстановку на Закавказском фронте.

В результате победоносного завершения Великой Отечественной войны были сорваны изменнические капитулянтские замыслы участников антисоветского заговора Берия.

Берия и его сообщники продолжали тщательно конспирировать свою преступную деятельность.

Однако и в этот период они не прекращали своей изменнической деятельности и особенно активизировали ее после кончины И.В. Сталина, делая ставку на общую активизацию реакционных империалистических сил.

Добившись назначения на пост министра внутренних дел СССР, Берия попытался использовать аппарат МВД для захвата власти.

В этих преступных целях активные участники заговорщической группы, изгнанные в 1945—1946 гг. из органов МВД как политически скомпрометированные, были вновь назначены Берия на руководящие должности в МВД СССР как в центре, так и на периферии: Б. Кобулов — первым заместителем министра внутренних дел СССР, Мешик — министром внутренних дел Украины, Влодзимирский — начальником следственной части по особо важным делам МВД СССР. Кроме того, ряд других соучастников Берия, находившихся под стражей по обвинению в государственных преступлениях, был освобожден им из-под стражи и назначен в преступных заговорщических целях на ответственные должности в МВД СССР.

Подготавливая государственный переворот, Берия и его сообщники собирали фальсифицированные клеветнические материалы в отношении партийных и советских организаций, их руководителей, не гнушаясь для получения таких материалов применением запрещенных законом преступных методов следствия, незаконными арестами и т.д.

Участники заговорщической группы подвергали преследованиям и гонениям честных работников органов МВД, строивших свою работу под руководством партийных организаций и отказывавшихся выполнять преступные распоряжения Берия.

Выступая как агент международного империализма и рассчитывая на поддержку реакционных империалистических сил, Берия в кругу соучастников открыто предлагал поступиться территориальной неприкосновенностью Советского Союза в угоду империализму.

Материалами следствия доказано, что Берия и Б. Кобулов предприняли попытку установить тайную связь с правительством одного из империалистических государств.

Установлены факты покровительства со стороны Берия разоблаченным агентам иностранных разведок.

Как указано выше, участники заговорщической группы совершали террористические убийства лиц, со стороны которых могли опасаться разоблачений. Так, ими был умерщвлен старый коммунист — член партии с 1902 года бывш. член президиума ВЧК и коллегии ОГПУ при Ф.Э. Дзержинском персональный пенсионер М.С. Кедров, располагавший компрометирующими Берия данными.

Установлен также ряд других фактов террористических убийств, совершенных заговорщиками.

Участники заговорщической группы предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать буржуазно-националистические элементы в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и, в первую очередь, подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

Являясь контрреволюционным буржуазным националистом и подготавливая государственный переворот, Берия поддерживал тесный контакт с белогвардейской грузинской эмиграцией, используя для этого, в частности, лиц, являющихся агентами иностранных разведок.

С целью подрыва колхозного строя и возбуждения продовольственных затруднений внутри страны, Берия саботировал ряд важных мероприятий Партии и Правительства, направленных к увеличению урожайности и поднятию материального благосостояния советского народа.

Таким образом, установлено, что участники антисоветского заговора Берия во всей своей деятельности выступали как агентура международного империализма, добиваясь захвата власти и реставрации капитализма в СССР.

Кроме того, материалами следствия установлены факты преступного морального разложения Берия и совершенных им корыстных злоупотреблений.

Берия предан суду по обвинению в измене Родине, совершении террористических актов, активной борьбе против рабочего класса и революционного рабочего движения, проявленной им на секретно-агентурной должности в контрразведке контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане в период гражданской войны, то есть в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б», 58-8, 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Преступные деяния Меркулова В.Н., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А., Мешика П.Я., Влодзимирского Л.Е. квалифицированы по ст.ст. 58-1 «б», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР дело по обвинению Берия Л.П. и других направлено в Верховный суд Союза ССР для судебного рассмотрения в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 470. Л. 2—9. Копия. Машинопись.

№ 105
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

19 октября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 521/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю протокол допроса Берия от 19 октября 1953 года.

Докладываю, что в связи с поступлением из МВД СССР 8 октября 1953 года нескольких записок Берия с приказаниями об аресте различных лиц, мною была командирована в гор. Тбилиси бригада военных прокуроров с заданием лично проверить архивы МВД Грузинской ССР.

Просмотрев около 300 архивных дел, члены бригады отобрали 13 томов документов с резолюциями Берия об арестах, свидетельствующих, что именно Берия в 1937—1938 г.г. являлся инициатором массовых арестов при отсутствии доказательств виновности и применения незаконных методов следствия.

Среди подобных резолюций имеются следующие: «Крепко излупить», «Взять крепко в работу», «Арестовать и сегодня же взять в работу и жену», «Взять в работу — добиться признания», «Его взять крепко в работу», «Он может оказаться шпионом», «Лизу и ее мужа надо секретно изъять» и т.д. Кроме того, установлено, что вопрос о расстреле арестованных решался резолюцией Берия «1 кат.» на протоколе допроса, при отсутствии других доказательств вины.

В связи с этими обнаруженными в архивах МВД Грузинской ССР документами Берия и был допрошен 19 октября 1953 года.

Приложение: на 11 листах.

Р. РУДЕНКО

---

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «тов. Булганин ознакомлен. Д. Суханов 21.X.53», «Читал К. Ворошилов 5-XI-53 г.».

Протокол допроса

1953 года, октября 19 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Допрос начат в 15 ч. 15 м.

ВОПРОС: Вы признаете, что все сношения с грузинской эмиграцией происходили только с вашей санкции и организовывались лично вами?

ОТВЕТ: Не признаю.

ВОПРОС: Наимичеишвили был послан для установления связи с грузинской эмиграцией также вами?

ОТВЕТ: Возможно.

ВОПРОС: Донесения Наимичеишвили о связях с грузинской эмиграцией поступали к вам лично?

ОТВЕТ: Я никаких донесений не получал, а если и получал, то их не помню.

ВОПРОС: Какой псевдоним был присвоен вам для связей с заграничной эмиграцией?

ОТВЕТ: Для связи с резидентурой был псевдоним «Павел».

ВОПРОС: Какой псевдоним был присвоен Наимичеишвили?

ОТВЕТ: Псевдонимы вообще должны быть, но я их не знаю и ему псевдонима не присваивал. Псевдонимы давались начальником ИНО Фитиным.

ВОПРОС: Вам предъявляется письмо, адресованное Ваке, т.е. Наимичеишвили, на ваше имя. Вы признаете, что на этом письме имеется резолюция, датированная 15 января 1940 года и написанная вами:

«т.т. Ф. и Суд. 1) ИНО. политическая информация, полученная от Качу — газетная. 2) Активизировать, ускорить вторую встречу. Л.Б. 15.1.40 г.».

ОТВЕТ: Да, признаю. Качу псевдоним Гегечкори Евгения.

ВОПРОС: В этом письме Наимичеишвили, с которым вы ознакомились, доносил вам:

«Качу спрашивал также о вас, вашей семье и т.д. Я ему сказал, что перед отъездом сюда видел вас. В общем беседа длилась два часа. В конце он мне дважды повторил, чтобы я повидал его у него дома без всякой помехи со стороны третьих лиц, а также повидал бы и тетю (его жену), дал мне номер своего телефона, и я его проводил на машине до дому.

Вторая встреча с Качу предполагается в ближайшие дни».

Вы признаете, что приказывали Наимичеишвили «активизировать и ускорить» вторую встречу с Е. Гегечкори, которая должна была быть строго конспиративной и происходить без всяких свидетелей из числа сотрудников нашей резидентуры в Париже?

ОТВЕТ: Да, признаю.

ВОПРОС: В последующем Наимичеишвили был арестован по вашей инициативе?

ОТВЕТ: Я знаю, что Наимичеишвили был арестован, но не по моей инициативе. Кто был инициатором его ареста, я не знаю.

ВОПРОС: Основное обвинение, предъявленное Наимичеишвили, заключалось в установлении тайных связей с грузинской эмиграцией, в том числе с Гегечкори?

ОТВЕТ: Мне неизвестно это, так же как неизвестна причина ареста.

ВОПРОС: Но вы не отрицаете, что Наимичеишвили устанавливал связь с грузинскими меньшевиками, в том числе и с Гегечкори, по вашему приказанию?

ОТВЕТ: Письмо он прислал в НКВД СССР, и из моей резолюции вытекает, что я давал указание о встрече с Гегечкори.

ВОПРОС: Что вы можете показать о причинах смерти Наимичеишвили в тюрьме?

ОТВЕТ: Я знал, что он умер в тюрьме, но причины его смерти мне неизвестны.

ВОПРОС: Устанавливая связи с Гегечкори, вы использовали для этого родственные отношения к нему вашей жены?

ОТВЕТ: Нет, я это не использовал.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Меркулова от 12 октября 1953 г.

«...Я знаю об этом из того, что в 1936—1938 гг., когда еще Берия Л.П. работал в Тбилиси, Берия Нина отправляла письмо в Париж Гегечкори. Подробностей этого я не помню, но припоминаю, что это письмо составлялось Л.П. Берия, которому я помогал по его просьбе в редактировании. Это письмо, насколько я помню, ставило целью напомнить Гегечкори о существовании Н.Т. Берия, от имени которой оно и составлялось, и наметить возможности контакта с Гегечкори.

Более подробно содержание письма я не помню. Составленное нами письмо было затем переведено на грузинский язык, подписано Н.Т. Берия и отправлено в Париж. Каким образом оно было отправлено в Париж — почтой или через людей, выезжавших во Францию, — я не помню».

Правильно показывает Меркулов?

ОТВЕТ: Меркулов показывает неправильно. Это им выдумано.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что Гегечкори посылал письма в адрес вашей жены Н.Т. Берия?

ОТВЕТ: Может быть, и было письмо от Гегечкори Евгения к моей жене, но я не помню.

ВОПРОС: Вам предъявляется подлинное письмо Е. Гегечкори, адресованное «Дорогой Нине» и датированное 25 апреля 1946 г.

При каких обстоятельствах вами было получено это письмо?

ОТВЕТ: Я не могу вспомнить ни этого письма, с которым я ознакомился, ни обстоятельств, как оно попало в МВД СССР, и сомневаюсь вообще — письмо ли это Гегечкори.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Меркулова от 12.X.1953 года. Меркулов показывает:

«Письмо, адресованное “дорогой Нине”, я передал Берия... Я уже говорил о том, что переписка с Гегечкори и была завязана Н.Т. Берия. Из того, что было написано в письме Гегечкори к Н.Т. Берия 25 апреля 1946 года видно, что между ними велась какая-то переписка».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Я это абсолютно не помню.

ВОПРОС: Вам предъявляется сопроводительное письмо «ЭМ» от «Кира» и «Георгия», т.е. Тавадзе и Газовского на имя Фитина.

В этом письме сказано:

«Затем Качу просил переслать написанное им письмо Нине, — жене “Павла”. Он не скрыл, что после того как интерес к нему заметно упал, он не мог лично написать письма “Павлу”, опасаясь, что оно будет как-то не-

хорошо истолковано. Однако из текста письма вы увидите, что оно предназначено вовсе не для Нины».

Теперь вы признаете, что поддерживали личную переписку с Гегечкори?

ОТВЕТ: Я не вел личной переписки с Гегечкори. Я вспоминаю, что во время войны моя жена получила письмо из Парижа от Гегечкори на грузинском языке. Я не помню содержание этого письма, а также, каким образом оно было доставлено. Возможно, она мне даже читала это письмо, но я не помню его содержания сейчас.

ВОПРОС: В письме на имя вашей жены Н.Т. Берия Гегечкори писал:

«У меня есть реальные основания думать, что я не вполне выброшен из твоей памяти. Время от времени, несмотря на многое, нас разделяющее, ты проявляешь внимание к своему старому дяде.

Ты можешь быть уверена, что это взаимно. Мне крайне приятно слышать о тебе лестные отзывы. Что же? Это голос крови — один из непреложных законов человеческой природы».

Объясните, что это за знаки внимания, которые проявлялись к Гегечкори?

ОТВЕТ: Я не могу это объяснить.

ВОПРОС: Гегечкори в этом своем письме далее писал следующее:

«Очевидно, обо мне к вам поступают сведения. Думаю, что они точны, ибо источник их мне известен, и известен с лучшей стороны. Зое же, если пишу непосредственно, то в целях устранения даже тени недоразумений... Было бы крайне несправедливо возлагать какую-либо ответственность за это на лицо, поддерживающее со мной связь: наоборот, он сделал все возможное, чтобы облегчить мою задачу, и давал информацию своим верхам. Об этом я тебя прошу поставить в известность кого следует».

Объясните, о каком источнике для поддержания связи с Гегечкори идет речь и кого должна была ставить в известность ваша жена?

ОТВЕТ: Этого я не знаю.

ВОПРОС: Признаете ли вы, что Гегечкори является иностранным агентом, в том числе агентом английской разведки, злейшим врагом советской власти?

ОТВЕТ: Да, это известно.

ВОПРОС: Значит, вы поддерживали тесные связи, в том числе и письменные, с агентом английской разведки?

ОТВЕТ: Он нами разрабатывался.

ВОПРОС: Теперь вернемся к вопросу о том, что вы, будучи секретарем ЦП КП(б) Грузии, фактически лично руководили следствием в НКВД Грузии и лично отдавали распоряжения о массовых арестах и незаконных методах следствия.

На допросе 9 октября 1953 года вы утверждали, что записки об арестах ряда лиц писали по требованию Гоглидзе и Кобулова и на основании их докладов. Вы и сейчас это утверждаете?

ОТВЕТ: Да, я это подтверждаю. Бывали случаи, что и я сам давал указания об арестах на основании имевшихся материалов.

ВОПРОС: Теперь вам оглашаются показания Гоглидзе от 10 октября 1953 года, данные в связи с вашими показаниями от 9 октября с.г. Гоглидзе показывает:

«Берия нагло врет, заявляя, что давал указания па аресты людей только по моему докладу и моему настоянию.

...В тех случаях, когда Берия давал указания на аресты людей по своей инициативе, при отсутствии на них каких бы то ни было компрометирующих материалов в НКВД Грузии, он добавлял: "арестовать как врагов народа", "арес-

товать как заговорщиков" или "арестовать как троцкистов, уклонистов, правых или с ними связанных"... Берия неоднократно давал указания на аресты руководящих работников партийно-советских органов, на которых в НКВД Грузии вообще не было никаких компрометирующих материалов... когда он давал устные указания или письменные арестовывать людей, эти его указания выполнялись аппаратом НКВД Грузии немедленно и безоговорочно».

«Имея такие указания от Берия, я их передавал обычно Кобулову, а тот следователям, которые и вели в этом направлении следствие. Больше всего такие поручения выполняли подчиненные Кобулову — Савицкий, Кримян, Хазан, Урушадзе и некоторые другие, работавшие тогда в СПО НКВД Грузии».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Гоглидзе показывает неправильно.

ВОПРОС: Вам предъявляются архивные материалы: справки, копии протоколов допросов, служебные записки и прочие документы, на которых имеются резолюции, написанные вами.

Вам предъявляется служебная записка на бланке ЦК КП(б) Грузии, адресованная НКВД Кобулову, от 17 июля 1937 года на арест 14 человек, и письмо, адресованное Кобулову, пом. секретаря ЦК КП Грузии Тавадзе, где приведен список лиц, подлежащих аресту по вашему указанию.

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю, что предъявленная мне записка написана мною. В ней дано указание об аресте 14 человек.

ВОПРОС: Вам предъявляется справка на 14 человек, «проходящих» по показаниям Авалиани И.А. от 22 ноября 1937 года (не арестованных), на которой имеется ваша резолюция от 27 ноября 1937 года: «арестовать всех». Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлен этот документ. Похоже, что я наложил резолюцию.

ВОПРОС: Вам предъявляется справка по протоколу допроса Шахновиц-Девдариани Э.И. от 29 января 1937 года на 27 человек, «проходящих» по ее показанию, ранее не репрессированных. На этой справке имеется ваша резолюция от 4.II.1938 года: «арестовать московских затребовать».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Справка мне предъявлена. Подтверждаю, что на ней резолюция наложена мной.

ВОПРОС: Вам предъявляется список на 20 человек, «проходящих» по показаниям обвиняемого Ломан К.Г. от 27—28 ноября 1937 г., которые ранее не были изъяты, с вашей резолюцией «арестовать».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Список мне предъявлен. Резолюция на нем моя.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия протокола допроса обвиняемого Марковина Б.М. от 25 января 1938 года с вашими резолюциями: «Арестовать Максименко. 30.1.1938 г.», «Арестовать и допросить основательно (Григорьяна)», «Арестовать Литвака и сегодня же взять в работу и жену. 30.1.38 г.», «Арестовать Свердлова», «Арестовать Рывкина». Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Мне предъявлена копия протокола допроса обвиняемого Марковина от 25.1.38 г. Я подтверждаю, что эти резолюции учинены мною.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия протокола допроса Никеладзе Е.С. от 2.XII.1937 г. с вашей резолюцией: «Его взять крепко в работу. Он может оказаться шпионом» с пометкой на протоколе «1 категория».

ОТВЕТ: Копия протокола допроса Никеладзе Е.С. мне предъявлена, резолюция учинена мною.

ВОПРОС: Вам предъявляется протокол допроса Мурина Я.Б. от 1.II.1938 г. с вашей резолюцией: «Гоглидзе: 1) взять с него подробный и точный протокол, для чего хорошо допросить. 2) Ибрагима Сулеймана взять в работу — добиться признания и агентурно осветить. 3) Произвести установочные данные на проходящих лиц. 4) Лиду и ее мужа надо секретно изъять. Л.Б. Срочно».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю, резолюция на предъявленном мне протоколе допроса Мурина учинена мною.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия протокола допроса Гугунава Г.С. от 27 октября 1937 года, на которой имеется ваша резолюция: «Гоглидзе. Взять крепко в работу Гугунава. Он знает очень многое, но ничего не говорит. 29 октября 1937 г.».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, резолюция на этом документе, который предъявлен мне, наложена мною.

ВОПРОС: Вам предъявляется заявление Горделадзе Г., адресованное Наркомвнудел ГССР С. Гоглидзе. На этом заявлении, в котором Горделадзе пишет, что Э. Бедия (также арестованный по вашему приказанию) «часто выражал недовольство своим положением, говорил, что его не выдвигают, что он работает, а награды, ордена получают другие, что доклад Берия об истории большевистских организаций Закавказья написан чуть ли не его рукой...», наложена вами резолюция: «взять его еще в работу крутить знает многое и скрывает. 24.12.1937 года». Вы признаете это?

ОТВЕТ: Да, резолюция на этом предъявленном мне заявлении учинена мною.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия дополнительных показаний В. Жужунава с вашей резолюцией: «крепко излупить Жужунава» (даты резолюции и показаний отсутствуют).

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Да, резолюция «крепко излупить Жужунава» учинена мною.

ВОПРОС: После вашей резолюции «крепко излупить Жужунава» появился протокол допроса Жужунава от 11—17 ноября 1937 года на 22 листах, на котором учинено вами 19 резолюций об аресте лиц, «проходящих» по его показанию. Вам предъявляется этот протокол с резолюциями. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, эти резолюции об аресте лиц, проходящих по показанию Жужунава, учинены мною.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия протокола допроса обвиняемого Зардания от 23 января 1938 года, по показаниям которого «проходило» 38 человек, с вашей резолюцией: «всех проходящих арестовать. 7.II.38 г.». На протоколе имеется пометка: «1 категория».

Вы признаете это?

ОТВЕТ: Мне этот документ предъявлен. Признаю, что резолюция учинена мною.

ВОПРОС: Вам предъявляются 13 томов архивных материалов МВД Грузинской ССР, в которых имеются сотни ваших аналогичных резолюций. Теперь вы признаете, что в своих контрреволюционных заговорщических целях создавали обстановку террора, расправляясь с неугодными вам людьми,

применяя для этого методы физического воздействия и фальсифицируя материалы следствия?

ОТВЕТ: Я не признаю, что это мною делалось в целях контрреволюционных, но я признаю, что это были грубейшие извращения закона, что при таких многочисленных указаниях об арестах могли подвергаться репрессиям лица, невиновные, оклеветанные в результате незаконных методов следствия, но я утверждаю, что эти резолюции накладывались мною после докладов Гоглидзе и Кобулова. Тринадцать томов архивных материалов мне предъявлено.

Протокол мною прочитан, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 10 ч.20 м.

Допросил:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 470. Л. 158—169. Копия. Машинопись.

№ 106
ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСА В.Н. МЕРКУЛОВА[1]

17 и 19 октября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 528/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копии протоколов допроса обвиняемого МЕРКУЛОВА В.Н. от 17 и 19 октября с.г.

Приложение: на 26 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

1953 года, октября 17 дня, помощник Главного военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил в качестве обвиняемого МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 10 ч. 45 мин.

ВОПРОС: Расскажите, что вам известно о действиях Берия в бытность его работы в ЧК—ГПУ Грузии, направленных на противопоставление органов ЧК—ГПУ — партийным органам?

ОТВЕТ: Анализируя отдельные факты и обстановку, которая существовала в органах ЧК—ГПУ Грузии в период 1925—1931 г.г., я прихожу теперь к выводу, что такое противопоставление органов ЧК—ГПУ — партийным органам действительно имело место. На периферии оно выражалось в том, что районные органы ЧК Грузии чувствовали себя независимыми от местных партийных органов и считали, что они подчиняются только ЧК Грузии.

---

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «тов. Булганин ознакомлен. Д. Суханов 23.X.53», «Читал К. Ворошилов».

Я не помню ни одной директивы или устных указаний Берия о том, чтобы на местах держать связь с местными партийными органами. Даже в городах, в частности, в Батуми, где мне пришлось работать, чекисты и принимали участие в работе партийных органов, все ж мы считали, что подчиняемся только ЧК Грузии. В центральном аппарате ГПУ Грузии — его противопоставление партийным органа проявлялось, на мой взгляд, яснее. Оно выражалось в том, что ГПУ Грузии считало себя по крайней мере на равных правах с ЦК КП(б) Грузии. Берия практиковал посылку в ЦК Грузии многочисленных коротких и обстоятельных докладных записок о политическом положении в различных сельских районах Грузии. В этих записках указывалось на недостатки в работе партийных и советских органов на местах так, как они отражались в высказываниях различных слоев крестьянского населения. Из этих записок напрашивался вывод, что ГПУ Грузии лучше знало положение в районах Грузии, чем ЦК КП(б) Грузии, и работало лучше, чем партийные и советские органы.

Со стороны Берия наблюдалось пренебрежительное отношение к секретарям ЦК Грузии.

Вскоре после ликвидации вооруженного выступления крестьян в Хулинском районе Аджаристана в Батуми приехали ознакомиться с положением дел на месте секретари ЦК — Кахиани и Гогоберидзе. С их стороны была попытка обвинить ГПУ Грузии в том, что оно своевременно не предупредило ЦК о готовящемся выступлении.

Тогда Берия достал свыше десятка различных своих записок, и ему удалось убедить Кахиани и Гогоберидзе в том, что ГПУ Грузии достаточно полно информировало ЦК КП(б) Грузии о положении в Аджаристане и что именно ЦК КП(б) Грузии не приняло надлежащих мер.

Там же на месте нами составлялась записка о политическом положении в районах Аджаристана. Секретарь ЦК Грузии Гогоберидзе брал листки записки с машинки и прочитывал, причем сделал мне какое-то замечание по поводу написанного. Когда об этом я рассказал Берия, он мне ответил: «Что он понимает», а на мое замечание, что он — секретарь ЦК, Берия сказал: «Мало ли что», очевидно, желая умалить в моих глазах престиж секретаря ЦК и возвысить свой собственный, как председателя ГПУ Грузии.

Как видно из сказанного, Берия уже в тот период противопоставлял органы ГПУ — партийным органам, хотя тогда это противопоставление и не имело еще ясно выраженной формы, такой, как в 1953 году.

ВОПРОС: В своих показаниях 3 октября с.г. вы заявили, что Берия, перейдя в Грузии на партийную работу, принял меры к устранению лиц, мешавших его дальнейшему продвижению по службе — Меерзона и Орахелашвили. Приведите конкретные факты, подтверждающие это заявление?

ОТВЕТ: Мамия Орахелашвили работал первым секретарем Заккрайкома, а Берия вторым секретарем. Берия, не любивший быть на вторых ролях, был недоволен тем, что первым секретарем является Орахелашвили, а не он. На заседаниях крайкома Берия относился к председательствовавшему Орахелашвили грубо, находя в этом поддержку со стороны некоторых членов крайкома. Мамия Орахелашвили часто болел, и Берия использовал это обстоятельство для того, чтобы характеризовать Орахелашвили как человека, который тормозит работу. Конкретно, что еще использовал Берия для устранения Орахелашвили и занятия его места, я теперь припомнить не могу. Думаю, Берия имел о нем разговор в инстанции.

После того, как Берия стал первым секретарем Заккрайкома, на должность второго секретаря из Москвы прибыл Меерзон. Берия был недоволен его приездом и хотел, чтобы вторым секретарем работал зав. орготделом крайкома Кудрявцев. Берия удалось это осуществить, используя для этого, насколько припоминаю, какое-то неудачно составленное Меерзоном письмо или его неосторожный разговор с одним из работников аппарата Заккрайкома или ЦК КП(б) Азербайджана. Более подробно вспомнить обстоятельства, связанные с устранением Меерзона, я в настоящее время не могу. Меерзон был отозван Москвою.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что Берия, став секретарем Заккрайкома ВКП(б), взял на работу в партийный аппарат чекистов — близких ему людей?

ОТВЕТ: Да, взял. Он взял на партийную работу меня, Деканозова, Мильштейна, Цанава, Цатурова. Я работал в ЗКК ВКП(б), остальные в Грузии.

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Цатурова от 14 сентября 1953 года:

«...Став первым секретарем крайкома, Берия продолжает руководить и направлять работу ЗакГПУ, он производит, если образно выразиться, "чекизацию" партийного аппарата. Ряд приближенных, доверенных лиц был им направлен на партийную работу. Деканозов был назначен третьим секретарем ЦК Грузии, Меркулов — зав. особым сектором, я был назначен зав. орготделом Ленинского райкома ВКП(б). Вместе с нами на руководящую партийную работу был послан ряд чекистов. Используя аппарат ГПУ, Берия установил контроль за каждым ответственным работником. Достаточно кому-нибудь из секретарей райкома, работников аппарата ЦК, Заккрайкома высказать какое-либо неодобрение, замечание о Берия, как оно становилось ему известным. Такая система контроля, вернее, шпионажа за каждым работником создавала неуверенность у работников, глушила всякую критику и способствовала росту популярности Берия. Все что ни делалось в Закавказье, в аппарате ГПУ, все приписывалось личности Берия, объявлялось его заслугой».

Правильно показывает Цатуров?

ОТВЕТ: Берия взял на партийную работу, как я уже выше показал, несколько чекистов (всего 5 человек), что он, по-моему, имел право сделать. Назвать это «чекизацией» партийного аппарата, конечно, нельзя. Я был тогда назначен не зав. особым сектором, как показывает Цатуров, а пом. секретаря ЗКК КП(б). Что касается системы шпионажа, о которой говорит Цатуров, то мне об этом решительно ничего неизвестно. О том, что Берия глушил критику в свой адрес, используя чекистский аппарат — мне также ничего неизвестно.

ВОПРОС: Но вы признаете, что в период работы Берия секретарем Заккрайкома ВКП(б) его близкие люди, в том числе и вы, восхваляли Берия, приписывая ему несуществующие заслуги?

ОТВЕТ: Действительно, особенно в последний период работы Берия в Закавказье и в Грузии, и, в частности, после выхода в свет книги «К вопросу об истории большевистских организации в Закавказье», авторство которой Берия было присвоено, многие люди, в том числе и близкие к нему люди, в ряде случаев непомерно восхваляли Берия, приписывая ему лично все заслуги в деле проводимой тогда реконструкции сельского хозяйства в Грузии, реконструкции Тбилиси и другое. Приписывать мне какую-то особую роль в деле восхваления Берия — будет неправильно. Выступал я за время моей работы в Заккрайкоме ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии очень редко

(всего раз пять за семь лет) и характеризовал Берия в умеренных тонах, а то и без всякого восхваления. Что касается биографии Берия, изданной редакцией газеты «Заря Востока», то я был соавтором брошюры и, как я припоминаю, мне принадлежит ее первая часть, рисующая биографию Берия до его перехода на партийную работу. Вторая ее часть, где непомерно восхваляется Берия, написана, как я полагаю, работниками редакции. Общий тон ее определялся тем обстоятельством, что брошюра эта готовилась как агитационный материал к выборам в Верховный Совет СССР в 1937 году, а издана она была в 1940 году, когда Берия работал уже в Москве в НКВД СССР.

Допрос прерван в 14 ч. 30 мин.
Допрос возобновлен в 15 ч. 40 мин.

ВОПРОС: Расскажите, как Берия использовал аппарат ГПУ—НКВД в бытность его секретарем Заккрайкома для расправы с неугодными ему людьми?

ОТВЕТ: Мне известно, что Берия, работая секретарем Заккрайкома ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии, интересовался работой органов ГПУ—НКВД и вызывал к себе работников этих органов — Агрба, Лордкипанидзе, Гоглидзе, Кобулова. Были случаи, когда Берия вызывал к себе в здание ЦК арестованных и допрашивал их. Так, я лично, зайдя случайно к нему в кабинет, увидел там арестованного Матикашвили, б. наркомзема Грузии. В другой раз, зайдя как-то в кабинет Берия, я увидел, что он не то допрашивал, не то производил очную ставку между б. зав. сельхозотделом Заккрайкома Кекелия и кем-то из арестованных. Насколько мне известно, Берия и сам ходил иногда в здание ГПУ—НКВД, очевидно, для допросов арестованных.

Какие задания работникам ГПУ—НКВД давал Берия — я не знал, и Берия мне об этом никогда ничего не говорил. Протоколы допросов арестованных, адресованные Берия, иногда проходили через меня, но это было крайне редко, так как протоколы допросов арестованных, видимо, докладывались ему работниками ГПУ—НКВД при личном докладе.

Впервые я ознакомился с большим количеством протоколов допроса арестованных при подготовке для Берия доклада к одному из пленумов ЦК Грузии на тему о контрреволюционных организациях, вскрытых в Грузии. Было это в 1937 или в 1938 годах. Для этой цели по заданию Берия я поехал в ГПУ Грузии, где мне дали подобранные протоколы допросов арестованных и осужденных за последние годы. Там же, в здании ГПУ Грузии, я делал выписки из протоколов, которые и были использованы Берия в докладе.

Что же касается использования Берия органов ГПУ—НКВД для расправы с неугодными ему людьми, мне об этом ничего неизвестно.

ВОПРОС: Но вы не можете не знать, что в 1936—1938 г.г. Берия, используя свое служебное положение, при поддержке Гоглидзе, Кобулова и вашей арестовывал людей по соображениям личной мести и в целях расправы с людьми, располагавшими сведениями, компрометирующими Берия. Дайте по этому поводу правдивые показания?

ОТВЕТ: Я еще раз категорически заявляю, что мне ничего неизвестно о случаях ареста Берия при помощи ГПУ Грузии лиц по соображениям личной мести и в целях расправы с людьми, располагавшими сведениями, компрометирующими Берия. Никакой поддержки Берия в этом вопросе я не оказывал и не мог оказывать и не понимаю, почему такой вопрос мне задан.

ВОПРОС: А что нам известно об указаниях Берия работникам органов НКВД Грузии, грубо нарушающих законность при ведении следствия?

ОТВЕТ: При мне лично Берия никаких указаний работникам органов НКВД Грузии о применении незаконных методов ведения следствия не давал, но мне было известно в 1937 и 1938 годах, что арестованных бьют и в Москве, и в Тбилиси. Узнал я об этом со слов знакомых чекистов, а также один раз об этом я услышал от арестованного Матикашвили, находившегося в кабинете Берия, в ЦК Грузии, когда я, как показывал выше, случайно зашел в кабинет. На вопрос Берия к Матикашвили «почему же вы дали такие показания», Матикашвили смущенно ответил: «Бьют, Лаврентий Павлович!» Так как Берия после этого обратился ко мне и затем я вышел из кабинета, то, что сказал Берия на это заявление Матикашвили — мне неизвестно. Думаю, что заявление Матикашвили не было новостью для Берия, так как Берия не мог не знать о том, что арестованных бьют.

Показания записаны с моих слов правильно, протокол мною лично прочитан.

В. МЕРКУЛОВ

Допрос окончен в 17 час. 45 мин.

ДОПРОСИЛ:
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *УСПЕНСКИЙ*

Протокол допроса обвиняемого

1953 года, октября 19 дня, помощник Главного военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил в качестве обвиняемого МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 13 ч. 30 мин.

ВОПРОС: Деканозова В.Г., Кобулова Б.З. и Гоглидзе С.А. вы знаете?
ОТВЕТ: Да, знаю.
ВОПРОС: В каких отношениях вы с ними находились?
ОТВЕТ: В хороших отношениях.
ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Деканозова В.Г. от 9 октября 1953 года:

«С назначением Берия на должность секретаря ЦК Компартии Грузии по инициативе Берия ряд работников органов ГПУ, в том числе я и Меркулов, был переведен на работу в ЦК. Меркулов уже тогда пользовался большим доверием Берия и был назначен на должность зав. особым сектором ЦК. С переходом Берия на работу в Закавказский крайком партии Меркулов также был переведен в Заккрайком, он был назначен зав. отделом, фактически же исполнял обязанности секретаря Берия. При выездах Берия в командировки в Москву он всегда брал с собой Меркулова. Из лиц, которых приблизил к себе Берия в те годы, я не знаю более близкого к Берия человека, чем Меркулов. Берия даже называл его ласкательно “Меркулич”. В 1938 году с переездом Берия в Москву он забрал с собой и Меркулова».

«Между Меркуловым и Берия взаимоотношения были исключительно близкими, это видно из тех фактов, о которых мной даны сегодня показания. Меркулов очень многое сделал для Берия, а последний Меркулову доверял. Никогда я не слышал от Меркулова каких-либо критических замечаний в адрес Берия».

Правильно показал Деканозов о ваших взаимоотношениях с Берия?

ОТВЕТ: Деканозов в основном показал правильно, но вношу следующие уточнения.

Сразу же после перехода Берия на партийную работу в 1931 году я перешел на работу в Закрайком ВКП(б) и работал помощником секретаря Заккрайкома Берия. Через некоторое врем я был назначен зав. отделом Заккрайкома, а на работу в ЦК КП(б) Грузии я перешел только после ликвидации Закавказской федерации. Ласкательно «Меркулич» Берия называл не только меня, но и других: Кобулова — «Кобулич», Мамулова — «Мамулич».

Я не представляю, что я, как показывает Деканозов, «многое» сделал для Берия. Я просто выполнял свои обязанности помощника секретаря или зав. отделом Заккрайкома, стараясь это делать как можно лучше. Действительно, я выезжал вместе с Берия в Москву и в другие командировки, писал для него различные документы, готовил доклады и выступления.

По своему характеру, привычкам и стремлениям я являюсь полной противоположностью Берия. Это можно проиллюстрировать рядом примеров. Может быть, поэтому Берия и ценил меня, как свою противоположность. Но Берия никогда не посвящал меня в свои планы и намерения и никогда не вел со мной никаких доверительных бесед личного характера на эту тему. Берия доверял мне как хорошему, грамотному, точному, аккуратному и замкнутому по своему характеру работнику. Берия всегда держал себя со мной так, что никогда не возбуждал во мне никаких сомнений в своей политической честности или подозрений в каких-то темных намерениях.

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Кобулова Б.З. от 1 октября 1953 года:

«Меркулов слыл среди работников ЧК—ГПУ как грамотный человек, близко стоящий к Берия и используемый им для составления различного рода докладов и информаций как в центр, так и для личного пользования Берия...».

«...В 1931 году, после перевода Берия на партийную работу, в числе группы чекистов, которые были Берия переведены на работу в партийный аппарат, был и Меркулов».

«...Меркулов был одним из немногих работников аппаратов и ЧК—ГПУ и парторганов Грузии и Закавказья, которые стояли к Берия близко и пользовались его доверием.

Меркулов часто сопровождал Берия при его поездках в Москву, а на месте, по общему мнению окружающих людей, был в полном смысле помощником Берия».

Вы подтверждаете показания Кобулова о ваших взаимоотношениях с Берия?

ОТВЕТ: Да, эти показания правильны. В пределах тех заданий, которые давал мне Берия и которые касались работы Берия как секретаря Крайкома (выступления, доклады, статьи в газету, письма в Москву и др.), я был его помощником.

Считаю нужным для точности указать, что примерно через год после перехода на партийную работу и ознакомившись с людьми, работавшими в партийном аппарате, Берия, поручая мне подготовку того или иного доклада, выступления или статьи, подключал ко мне одного или нескольких работников аппарата, и мы вместе проделывали всю порученную работу. После того как Берия принимал нашу работу, на мне лежала обязанность окончательно отредактировать, сверить цитаты, отпечатать. Из таких работников

я могу назвать — Шария, Кудрявцева, Бедия, Мамулова, Дарахвелидзе, Хоштария и другие.

ВОПРОС: Вам зачитывается выдержка из показаний Гоглидзе С.А. от 6 октября 1953 года:

«...Когда Берия находился на отдыхе в Гаграх в 1935—36 г.г., Меркулов тоже приезжал в Гагры и устраивался постоянно в доме отдыха НКВД Грузии. Одновременное пребывание Берия и Меркулова в Гаграх обуславливалось тем, что Меркулов там выполнял все поручения Берия, и тогда уже было видно, что Меркулов являлся наиболее доверенным лицом у Берия. Уже в те годы все выезды Берия в Москву сопровождались обязательно Меркуловым.

Меркулов готовил для Берия все его выступления, доклады и документы, наплавляемые в ЦК ВКП(б) и Правительству СССР.

Должен отметить, что Меркулов по своему характеру очень скрытный человек и весьма работоспособный. Несмотря на то, что у меня с ним сложились хорошие и даже приятельские отношения, он умел держать в тайне все то, что делал для Берия, и вообще избегал разговоров о своей работе. Берия об этом, безусловно, знал и эти качества Меркулова ценил».

Правильно показал Гоглидзе?

ОТВЕТ: Гоглидзе показал правильно.

ВОПРОС: Тогда же, 6 октября 1953 года, Гоглидзе показал:

«Примерно в середине 1937 г. Меркулов был назначен заведующим особым сектором ЦК КП Грузии и тогда еще более в его руках были сосредоточены все вопросы и секреты по работе в ЦК КП Грузии. До назначения Меркулова на эту должность зав. особым сектором работал Мильштейн, а после него непродолжительное время работал на этой должности Капакадзе.

Когда Меркулов был назначен зав. особым сектором ЦК КП Грузии, он также готовил для Берия все ответственные документы, его речи и доклады, документы и протоколы допросов арестованных, как правило, после доклада мною их Берия передавались Меркулову для составления информации в ЦК ВКП(б) и составления представлений и справок на аресты новых лиц.

Насколько Меркулов пользовался доверием у Берия, можно судить хотя бы по тому, что составляемые им письма по работе НКВД Грузии, которые затем Берия направлял в Москву, мне для прочтения не давались, и я узнавал о них позже, когда следовало то или иное указание мне по работе».

Вы подтверждаете эти показания Гоглидзе?

ОТВЕТ: Гоглидзе правильно показывает, что и после назначения меня зав. особым сектором ЦК КП(б) Грузии я также продолжал в порядке, указанном выше, готовить для Берия его доклады, выступления и другое. В моих руках, как зав. особым сектором, были сосредоточены все вопросы и секреты по работе ЦБ Грузии так, как это положено по должности зав. особым сектором.

Протоколы допросов арестованных, полученные Берия от Гоглидзе, Берия иногда передавал мне для возвращения в НКВД Грузии, причем это делалось, как я припоминаю, не как правило, а редко.

Я не помню, чтобы составлялась мною специальная информация в ЦК ВКП(б) по протоколам допроса арестованных или что составлялись мною представления и справки для ЦК ВКП(б) на арест новых лиц.

Я помню, что Берия время от времени писал письма лично И.В. Сталину. Эти письма он диктовал мне. В этих письмах Берия наряду с вопросами работы ЦК КП(б) Грузии по партийной и советско-хозяйственной линиям, докладывал также о работе НКВД Грузии и о произведенный арестах.

Поскольку эти письма носили личный характер, они, естественно, не могли быть даны для прочтения Гоглидзе. Я не помню, чтобы хотя один раз И.В. Сталин ответил на них Берия и, очевидно, те или иные указания о работе НКВД Грузии, которые получал Гоглидзе от Берия, давались Берия непосредственно. Копии писем Берия на имя И.В. Сталина, очевидно, находятся в личном архиве Берия, и все сказанное легко можно проверить.

ВОПРОС: Савицкого, б. работника ЧК—ГПУ Грузии, вы знаете?

ОТВЕТ: Да, знаю.

ВОПРОС: В каких отношениях вы были с Савицким?

ОТВЕТ: Ни в каких отношениях я с ним не был. Я знал, что он работал в ЧК—ГПУ Грузии у Кобулова, но в Тбилиси с ним почти не встречался и не разговаривал. Позднее, работая в Москве в НКВД СССР и в ГУСИМЗе, я его встречал и знал, что он работает помощником у Кобулова, по-прежнему ни в каких отношениях, кроме как служебных, я с ним не находился. Когда я работал в ГУСИМЗе, я познакомился с биографией Савицкого, поскольку его не хотели утверждать на работе в ЦК ВКП(б), и сказал Кобулову, что его не следует держать. Кобулов мне ответил, что он человек проверенный, грамотный, и потому он держит его у себя, тем более что замены ему нет.

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Савицкого от 10 августа 1953 года:

«По заданиям Берия Меркулов готовил для Берия материалы, используемые им на партийных активах с приведением выдержек из показаний арестованных НКВД Грузии. По заданию Кобулова я лично подбирал для Меркулова наиболее характерные показания арестованных и те показания, которыми Меркулов интересовался».

Правильно показал Савицкий?

ОТВЕТ: Я уже показал, что по поручению Берия один раз, кажется, в 1937 году, я ездил в НКВД Грузии, где на месте знакомился с протоколами допросов арестованных и делал необходимые выписки. Кто мне давал материалы для этого — я не помню, очевидно, Савицкий, раз он об этом показывает.

Возможно, Берия в отдельных случаях интересовался протоколами допроса некоторых арестованных и поручал мне раздобыть их. В таких случаях я звонил, конечно, не Савицкому, а Гоглидзе или Кобулову, которые эти протоколы присылали мне.

ВОПРОС: Вы участвовали в начале 1937 года в ЦК Грузии на совещании работников НКВД Грузии, которое проводил Берия?

ОТВЕТ: Я не помню такого совещания, но если такое совещание было, я, наверное, на нем присутствовал.

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Савицкого от 10 августа 1953 г. по поводу этого совещания:

«...В первых месяцах 1937 года, Берия, в связи с тем, что следствие по делам на правотроцкистских и националистических элементов в районах Грузии и в центральном аппарате, по его мнению, проводилось неактивно и что по районам производилось мало арестов, созвал совещание начальников райотделений, горотделов, наркомов Абхазии и Аджарии, начальников отделов центрального аппарата НКВД Грузии. На это совещание я попал случайно, так как был вызван с протоколами допросов на ряд арестованных (фамилии их не помню). Совещание проводилось Берия в помещении ЦК КП(б) Грузии. На совещании Берия подчеркивал, что работники НКВД Грузии борьбу с правотроцкистскими и националистическими элементами,

а равно с лицами, которые арестовываются по его указанию, должны рассматривать как выполнение лично его задания, поручения и что с арестованными нечего церемониться.

...Берия подчеркивал свою роль как секретаря ЦК в разоблачении антисоветских элементов и требовал активизации борьбы с ними.

В качестве примера плохой работы он привел Озургетский район. На это начальник Озургетского райотделения бросил реплику, что он арестовал 28 троцкистов, на это Берия ответил: "Ты будешь арестован 29-м за то, что так мало арестовываешь".

После совещания работники НКВД Грузии стали широко применять самостоятельно, без согласования этого вопроса с руководством НКВД Грузии, меры физического воздействия ко всем арестованным лицам...

...Я хорошо знаю, что в кабинете Гоглидзе, где Берия сам допрашивал отдельных лиц, в присутствии его и по указанию Берия этих лиц подвергали избиениям.

...На совещании в ЦК КП(б) Грузии, кроме Берия, присутствовали ответственные работники ЦК: Мамулов, Меркулов и быв. нарком внутренних дел Гоглидзе».

Теперь вы припоминаете обстоятельства, связанные с этим совещанием?

ОТВЕТ: Нет, не припоминаю. Давались ли такие указания по работе Берия, о которых говорит Савицкий, — мне неизвестно.

ВОПРОС: Из показаний Деканозова, Кобулова, Гоглидзе и Савицкого видно, что вы были в курсе всей деятельности органов НКВД Грузии в 1936—38 г.г., знали о преступных указаниях, данных Берия работникам НКВД по вопросам производства необоснованных арестов и ведению следствия, были близким, доверенным лицом Берия и не могли не знать о случаях расправы Берия с неугодными ему людьми. Следствие настаивает на том, чтобы вы дали откровенные показания по этим вопросам.

ОТВЕТ: Я отчетливо понимаю, что только правдивые показания с моей стороны являются для меня спасением, и я все время показываю правду о том, что я знаю и что помню.

На вопрос, поставленный мне, я вынужден вновь ответить, что я был в курсе деятельности органов НКВД Грузии в 1936—1938 г.г. в пределах только тех материалов, с которыми мне приходилось тогда знакомиться, готовя доклад для Берия, или же для составления тех или иных документов, которые мне поручал Берия. Однако я ничего не знал о преступных указаниях, которые Берия давал работникам НКВД по вопросам производства необоснованных арестов и ведению следствия. Я также ничего не знаю о случаях расправы Берия с неугодными ему лицами при помощи органов НКВД.

Теперь, в свете того, что мне известно о преступной деятельности Берия, я считаю, что в числе лиц, которые в большом количестве были арестованы органами НКВД Грузии, могут находиться лица, неугодные Берия по тем или иным причинам и с которыми он расправился, используя в этих целях органы НКВД. Однако я повторяю еще раз, я не знаю, какие указания и под каким внешним прикрытием давал Берия органам НКВД Грузии — Гоглидзе, Кобулову для достижения этой цели.

ВОПРОС: Следствие напоминает вам об отдельных фактах. Вам зачитывается выписка из показаний Кобулова Б.З. от 11/VIII-1953 года:

«...Особого внимания заслуживает вероломство и мстительность, проявленные Берия в отношении некоторых неугодных ему лиц в период массовых

репрессий вражеских элементов в 1936—38 г.г., с которыми он расправился, используя этот момент. Я имею в виду дело Папулия Орджоникидзе — брата Серго Орджоникидзе. В Грузии широко было известно, что Папулия Орджоникидзе был человеком болтливым, и на организацию какой-либо серьезной вражеской работы он не был способен. Это не могло не быть известным и Берия. Тем не менее, по его указанию Папулия Орджоникидзе был арестован и расстрелян. Этот факт сам по себе наглядно свидетельствует об отношении Берия к Серго Орджоникидзе и далеко идущих замыслах Берия».

Вам известен факт расправы Берия с Папулия Орджоникидзе?

ОТВЕТ: Мне известно, что Папулия Орджоникидзе был арестован и осужден к расстрелу. Жил П. Орджоникидзе в том же доме, где жили Берия, я, Кобулов и другие работники НКВД. Отличался он вздорным характером и был буйного нрава. Рассказывали о случаях нанесения им побоев некоторым лицам. По отношению к Берия П. Орджоникидзе держал себя независимо и не оказывал ему особого почтения, что Берия не могло нравиться.

Какие основания были у Берия для ареста П. Орджоникидзе и какие указания давал Берия по его делу, я не знаю.

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Цатурова от 15 сентября 1953 года:

«..В период 1937—1938 г.г., когда производилась очистка тыла страны от правотроцкистских элементов и других охвостьев, Берия использовал этот период для тонкой расправы с лицами, неугодными ему.

По указанию Берия было создано дело против председателя СНК Армении Тер-Габриэляна, который всегда поддерживал Ханджяна и выступал на его стороне против Берия. Габриэлян был арестован как участник правотроцкистской террористической организации, готовившей теракт против Берия.

Секретарь ЦК Армении Аматуни, ставленник Берия, и председатель армянского ГПУ Мугдуси стремились и добивались от Тер-Габриэляна признательных показаний, но добиться их не могли. В результате применения мер физического воздействия Тер-Габриэлян выбросился из четвертого этажа и разбился насмерть. Не исключена была возможность, об этом ходили слухи, что Тер-Габриэлян был просто уничтожен».

Что вам известно о случае расправы Берия с Тер-Габриэляном?

ОТВЕТ: Мне ничего об этой расправе неизвестно. Я знал Тер-Габриэляна как председателя СНК Армении и встречал его на заседаниях крайкома. Очевидно, в то время я знал об его аресте и обстоятельствах его смерти, но сейчас я об этом не помню. Какие указания и кому давал Берия в отношении Тер-Габриэляна, я не знаю.

ВОПРОС: Вам зачитываются показания Кобулова Б. от 11 августа 1953 года:

«...В этот период (1936—1938 г.г.) Берия проявил повышенную заинтересованность к следственным делам на арестованных лиц НКВД Грузии и фактически руководил следствием. Почти все аресты производились с санкции Берия. Более того, Берия нередко приходил в НКВД или вызывал арестованных к себе в кабинет в ЦК КП Грузии и производил их допросы. В ряде случаев, допрашивая арестованных, Берия давал указания избивать их в его присутствии. Так, по указанию Берия, я лично принимал участие в избиении арестованного Матикашвили, бывшего наркомзема Грузии, признавшегося Берия в проведении антисоветской работы и намерении убить Берия. Кстати говоря, заслуживает внимания и то обстоятельство, что почти по всем следственным делам, где речь шла о подготовке и намерениях вражеских элементов совер-

шить террористические акты против И.В. Сталина, вслед за ним упоминалось имя Берия, против которого якобы также готовились террористические акты».

Разве вам не известны указания Берия об избиении арестованных и об искусственном создании обвинения арестованных в подготовке террористических актов против него — Берия Л.П.?

ОТВЕТ: Категорически заявляю, что такие указания Берия мне неизвестны. Я уже ранее показывал, что Берия вызывал к себе на допрос арестованных в свой кабинет в ЦК Грузии и сам ходил в НКВД Грузии для допроса арестованных, но били ли арестованных в присутствии Берия и по его указанию — я не знаю. Мне об этом тогда никто не говорил — ни Гоглидзе, ни Кобулов, ни сам Берия.

Что касается подготовки якобы террористических актов против Берия, то об этом я знал из протоколов допросов арестованных, в частности, из протокола допроса Матикашвили я знаю, что он, Матикашвили, и еще кто-то, фамилию не помню, дежурили у дома Берия с целью совершения теракта, но по каким-то причинам они его не совершили.

ВОПРОС: Вам зачитываются показания работника НКВД Грузии Кримян:

«...Однажды в воскресенье, я, Савицкий и группа чекистов обедали в ресторане дома Красной Армии. Когда мы вышли из ресторана и пошли в сторону наркомата, то увидели как из ворот НКВД быстро выехала машина с Берия, при входе в наркомат кто-то из сотрудников сказал, что был Берия, провел совещание и дал указание применять меры физического воздействия к троцкистам, правым и другим врагам. Войдя в здание и подойдя к приемной Кобулова, мы услышали как избивают арестованных. В кабинете Кобулова несколько сотрудников зверски избивали арестованного, фамилию его не знаю. В кабинете заместителя Кобулова — Давлианидзе тоже избивали. Приоткрыв дверь в кабинет, я увидел следующую сцену: арестованный лежал около стола Давлианидзе, последний, опираясь обеими ладонями рук на стол, топтал ногами арестованного. Несколько сотрудников, находящихся в кабинете Давлианидзе, тоже принимали участие в избиении. На меня это произвело такое впечатление, что я растерялся. Арестованных избивали и в других кабинетах. На другой день мне, Савицкому и другим сотрудникам, отсутствующим в наркомате, Кобулов объявил об указании Берия...».

Таким образом, Савицкий, Цатуров, Кобулов, Кримян и ряд других лиц, допрошенных по делу, показали, что в 1936—1938 г.г. Берия неоднократно давал указания об избиении арестованных и их избивали в его присутствии.

Вы продолжаете утверждать, что вам об этом не было известно?

ОТВЕТ: Я уже показывал, что мне было известно о том, что арестованных бьют и в Москве, и в Тбилиси. Как, какие способы применяют при избиениях арестованных, я не знал. Я понимал, конечно, что Берия также знает об избиениях арестованных в НКВД Грузии. Но я лично никогда не слышал, чтобы Берия при мне давал Кобулову, Гоглидзе или кому-либо другому указания об избиении арестованных, о проведении необоснованных арестов или незаконных методов ведения следствия. В какой форме он давал эти указания, кому и когда — я также не знаю.

ВОПРОС: А что вам известно о расправе, учиненной Берия над Бедия, одним из авторов книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», авторство которой было присвоено Берия?

ОТВЕТ: Я знаю, что Бедия, один из авторов книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», был арестован и затем рас-

стрелян. В чем обвинялся Бедия и по каким материалам он был арестован — я сейчас припомнить не могу, хотя, очевидно, в свое время показания Бедия и лиц, которые давали на него показания, я читал. Какие указания давал Берия по его делу — мне неизвестно.

ВОПРОС: Расскажите, что вам известно о вмешательстве Берия в работу тройки по рассмотрению дел на арестованных, обвинявшихся в контрреволюционных преступлениях?

ОТВЕТ: Я ничего не могу по этому поводу сказать, так как ничего не знаю.

ВОПРОС: Вам зачитываются показания Кобулова Б. от 13 октября 1953 года:

«Берия был полновластным “хозяином” в Грузии, и все организации и учреждения, в том числе и НКВД, беспрекословно выполняли его требования и указания. Гоглидзе работу тройки по рассмотрению дел также проводил в соответствии с указаниями Берия, с которым Гоглидзе по ряду дел согласовывал предварительно вопрос определения меры наказания и затем это оформлял решениями тройки. В делах б. СПО НКВД Грузии за 1937—38 г.г. имеется немалое количество составленных по требованию Гоглидзе списков арестованных, дела на которых подлежали рассмотрению на заседаниях тройки, причем на этих списках имеются пометки Берия, определяющие меру наказания, которую должна была вынести тройка, а именно — “I” (первая категория — расстрел), “II” (вторая категория — до 10 лет)».

Вам известно об этом?

ОТВЕТ: Я ничего не могу припомнить по этому вопросу.

ВОПРОС: Расскажите об известных вам случаях, когда НКВД Грузии производились аресты по личным запискам Берия при отсутствии других материалов на лиц, подлежавших аресту?

ОТВЕТ: Мне о таких случаях ничего неизвестно.

ВОПРОС: Вам зачитываются показания Кобулова от 13/X-1953 г.:

«*Вопрос:* 11 августа с.г. вы показали, что в период массовых репрессий в 1936—1938 г.г., когда Берия был секретарем ЦК КП(б) Грузии, он фактически руководил всем следствием в НКВД Грузинской ССР. Конкретизируйте эти свои показания?

Ответ: Эти свои показания я вновь подтверждаю, действительно, Берия в те годы являлся лицом, которое фактически направляло всю работу НКВД Грузии, связанную с изъятиями участников антисоветского подполья, лично допрашивал арестованных как в здании НКВД Грузии, так и в ЦК КП(б) Грузии, знакомился с протоколами допроса почти всех наиболее важных арестованных и давал после этого указания о дальнейших оперативно-следственных мероприятиях, вплоть до применения к арестованным мер физического воздействия. В отдельных случаях избиение арестованных по его указаниям производилось в его же присутствии, в кабинетах как моем, так и Гоглидзе.

...Имели место случаи, когда инициатива ареста значительного круга лиц принадлежала не НКВД, а самому Берия, который в таких случаях, как секретарь ЦК Грузии, писал нам на своих бланках письма, предлагая арестовать тех или иных лиц. Эти распоряжения безоговорочно выполнялись, хотя у нас достаточных данных для постановки вопроса об арестах не было, или же в отдельных случаях материалы на лиц, подлежавших аресту, по указанию Берия вообще отсутствовали.

В отдельных распоряжениях Берия прямо писал “арестовать как врагов народа” или такой-то “бесспорно является шпионом” и т.п. Следует отметить, что по письмам Берия об арестах, написанных на бланках ЦК КП(б)

Грузии, было арестовано значительное количество руководящего партийного, советского и хозяйственного актива, в отношении которого НКВД вопроса об аресте не ставило, не имея к тому достаточных оснований».

Что вы можете сказать по этому поводу?

ОТВЕТ: Мне известно, что Берия как секретарь ЦК КП(б) Грузии вопросами работы НКВД занимался, вызывал к себе Гоглидзе и Кобулова, давал им указания по работе, допрашивал у себя в кабинете в ЦК арестованных и ходил для этой цели в здание НКВД. К тому времени Берия имел настолько большой авторитет, что его указания, видимо, выполняли безоговорочно, а некоторые даже называли его «хозяином». Что касается дачи Берия указаний на бланках секретаря ЦК Грузии об арестах различных лиц, на которых в НКВД Грузии не было достаточных материалов, то об этом мне ничего неизвестно.

ВОПРОС: Вам зачитываются показания Гоглидзе от 20 августа 1953 года:

«...К тому, что я уже показывал раньше, анализируя все то, что мне известно о Берия, главным образом, за время совместной с ним работы в Грузии в 1937—1938 г.г., хотел бы отметить еще следующее: начиная с 1937 года, Берия как-то особо начал проявлять интерес к работе НКВД Грузии и повседневно интересоваться ходом следствия, арестами и показаниями арестованных. С этого периода Берия непосредственно руководил органами НКВД Грузии, давал мне и моим заместителям указания кого арестовать, в каком направлении допрашивать, и нередко сам принимал непосредственное участие в допросах. Он давал указания кого из арестованных нужно бить, и были случаи, когда он сам присутствовал при избиении арестованных. Берия нередко давал задания подготовить для него справки что имеется в НКВД на того или иного ответственного работника партийно-советских органов Грузии, а затем, получив справки, давал указания, кого арестовать. Были и такие случаи, когда Берия, не спрашивая, чем мы располагаем на того или иного работника, давал указание арестовать и крепко допрашивать, что в тех условиях означало допрашивать с применением физических мер воздействия. Помню, что особо повышенный интерес проявил тогда Берия к лицам, в прошлом занимавшим руководящие посты в Грузии и оказавшимся на руководящей работе за пределами Грузии. Я имею в виду таких работников, как бывших секретарей ЦК КП Грузии Кахиани, Картвелишвили, Гогоберидзе, Мамулия, быв. председателя СНК Грузии Орахелашвили, быв. председателя СНК Грузии, а позже СНК Закавказья Элиава. Знаю, что по заданию Берия бывший тогда зав. особым сектором ЦК КП Грузии Меркулов В.Н. составлял письма на этих людей, а затем мы получали указания от Берия их арестовывать и в каком направлении допрашивать.

Вы подтверждаете показания Гоглидзе С.А.?

ОТВЕТ: Я не могу вспомнить ни одного письма с представлениями в ЦК ВКП(б) на арест указанных выше лиц. Если о них писалось в личных письмах, адресованных Берия И.В. Сталину, то их должен был писать я, поскольку письма на имя И.В. Сталина обычно писались мною под диктовку Берия. Но возможно, что во время составления этих писем я уже не был зав. особым сектором ЦК КП(б) Грузии, как показывает Гоглидзе, а зав. особым сектором был Капанадзе, который, может быть, и писал эти письма. В составлении этих писем я ничего предосудительного не вижу и не исключаю возможности, что по поручению Берия их писал я.

Повторяю, что случаи, когда Берия давал указания Гоглидзе об аресте тех или иных лиц при отсутствии на них материалов в НКВД Грузии, мне неизвестны.

ВОПРОС: Вам предъявляются записки на бланках ЦК КП(б) Грузии, адресованные «НКВД», «Гоглидзе» и «Кобулову» с предложением: «арестовать как врагов народа» — 8 чел. от 25/X-1937 г., «арестовать» — 5 чел. от 13/XII-1937 г., «арестовать» — 6 чел. от 30/X-1937 г., «арестовать» — 33 чел. от 3/XI-1937 г., «арестовать» — 8 чел. от 25/X-1937 г., написанные и подписанные лично Берия с перечислением фамилий лиц, подлежавших аресту.

Что вы можете сказать по поводу этих записок?

ОТВЕТ: Я подтверждаю, что на предъявленных мне записках, из которых пять на бланках ЦК КП(б) Грузии, действительно Берия предлагалось арестовать указанное в вопросе число людей.

Почему такие записки составлялись и как они в НКВД Грузии пересылались — я сказать не могу, так как не помню.

ВОПРОС: Итак, из показаний Кобулова, Гоглидзе, Савицкого, Цатурова, Кримян видно, что Берия в 1936—38 г.г., работая секретарем ЦК КП(б) Грузии, используя аппарат НКВД Грузии, с помощью Кобулова и Гоглидзе расправлялся с людьми, неугодными ему, подвергая их арестам и последующим репрессиям; давал указания об арестах лиц, в отношении которых в НКВД Грузии не было материалов, дававших основания для ареста; давал указания об избиении арестованных, что вело за собой дачу показаний арестованными, не соответствующих действительности, оговор большого количества лиц.

Как могло случиться, что вы, будучи близким, доверенным человеком Берия, систематически знакомясь с протоколами допросов арестованных, составляя по материалам НКВД Грузии и по этим протоколам допросов по поручению Берия доклады, статьи и выступления, лично составляя справки на арест разных лиц, и, наконец, поддерживая тесные отношения с Кобуловым и Гоглидзе, «не знаете» или «не помните» об этих преступных действиях Берия?

ОТВЕТ: Это может показаться странным, но тем не менее это так. Я показывал и показываю только правду, и только то, что знаю или помню. В памяти у меня действительно огромные провалы, ставящие меня в тяжелое положение. Предъявленные мне сегодня на допросе документы к несчастью ничего мне не напомнили, и память не дает мне возможности что-нибудь припомнить вокруг них, хотя еще в начале допроса я понимал, что такого рода документы мне могут быть предъявлены, так как мне было задано о них несколько вопросов.

Я был близок к Берия. Я действительно на протяжении 1936—38 г.г. знакомился со многими протоколами допроса арестованных. Я готовил для Берия один доклад и, кажется, одну статью по материалам протоколов допроса. Возможно, я также составлял справки для ЦК ВКП(б) на арест разных лиц по поручению Берия. Но все это никогда не возбуждало во мне мысли о том, что делается что-то преступное, что Берия расправляется с людьми ему неугодными, потворствует избиениям арестованных, дает указания об арестах лиц, на которые в НКВД не было материалов и т.д.

Я никогда не присутствовал, когда Гоглидзе и Кобулов делали доклады Берия о своей работе и получали от него указания. В тот период времени у меня не было тесных отношений с Кобуловым и Гоглидзе. Я тогда почти не встречался с ними и никогда не вел разговоров с ними о работе органов в такой плоскости, которая позволила бы мне сделать вывод о незаконных действиях Берия.

Такое положение вещей способствовало, видимо, тому, что я не задерживал своего внимания на отдельных действиях Берия, и потому они не от-

кладывались в моей памяти, поскольку я в них не находил ничего ненормального или незаконного.

Что касается записок Берия, предъявленных мне, с указанием об аресте большого количества лиц, то о них я ничего не могу вспомнить. Может быть, даже они проходили через меня, но я не помню этого.

Я не помню также, чтобы мне попадались протоколы допроса арестованных с какими-либо преступными пометками Берия.

Я вижу, что Берия преступник. Я хотел бы помочь следствию разоблачить Берия до конца, раскрыть какие-либо еще не вскрытые стороны его преступной деятельности, но я не могу найти в своей памяти такие уличающие Берия факты. Берия никогда не посвящал меня в свои планы и намерения, тем более преступные или незаконные.

Показания записаны с моих слов правильно, протокол мною лично прочитан.

В. МЕРКУЛОВ

Допрос окончен в 23 ч. 40 мин.
Во время допроса делался перерыв с 16 до 17 часов.

ДОПРОСИЛ:
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *УСПЕНСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 470. Л. 170—196. Копия. Машинопись.

№ 107
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В.Н. МЕРКУЛОВА[1]

23 октября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 545/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого МЕРКУЛОВА В.Н. от 23 октября 1953 года.
Приложение: на 7 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса обвиняемого

1953 года, октября 23 дня, помощник Главного военного прокурора полковник юстиции УСПЕНСКИЙ допросил в качестве обвиняемого МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича, который показал:

Допрос начат в 17 ч. 15 м.

ВОПРОС: В 1941 году, в начале войны, из НКГБ СССР в Куйбышев был эвакуирован архив, в котором оказались мешки с материалами, имевшими надпись «Личный архив Наркома Госбезопасности СССР Меркулова». Объясните происхождение этого архива.

ОТВЕТ: Я такого архива не помню. Может быть, кто-нибудь другой его создал и назвал его «Личным архивом наркома», но я такого архива не создавал.

---

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «тов. Булганин ознакомлен. Д. Суханов 26.Х.53», «Читал К. Ворошилов 5-XI-53».

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из показаний Борцовского от 10.X.1953 года:

«Будучи в Куйбышеве в августе 1941 года, я впервые увидел среди архивных материалов у Проскурякова, работавшего до объединения наркоматов в НКГБ, мешки с материалами, на которых была надпись: «Личный архив наркома Государственной безопасности СССР Меркулова». С материалами, хранившимися в этих мешках, я тогда не знакомился».

Теперь вы не припоминаете обстоятельств, связанных с созданием этого «личного архива»?

ОТВЕТ: Такого личного архива, который хранился бы не у меня, я не припоминаю. Возможно, что в отделе «А» имелись какие-либо секретные материалы, не подлежавшие выдаче без особого разрешения, но кто назвал их «личным архивом наркома» — я не знаю.

Все дела по наркомату лично мною были в свое время сданы Абакумову в установленном порядке. Дела, хранившиеся у меня в кабинете в сейфе, тоже были переданы Абакумову под расписку.

Помню, что при сдаче дел Абакумову были найдены дела с компрометирующими материалами на сотрудников, по которым в свое время производилась проверка и сотрудники были оставлены на работе. Абакумов считал, что этих работников надо уволить, и просил указаний у Берия. Последний образовал комиссию в составе Круглова, Абакумова и меня, и мы вновь пересмотрели все эти материалы и решили ряд сотрудников уволить.

Припоминаю, что, кроме дел на сотрудников, были еще какие-то секретные дела, возможно, на некоторых ответственных работников, возникшие еще до образования Наркомата Государственной безопасности. Более подробно вспомнить о содержании этих дел я не могу.

Абакумов эти дела принял, и что с ними стало потом — я не знаю. Может быть, речь идет об этих делах.

Называть эти дела «личным архивом наркома» — неправильно.

ВОПРОС: Комиссия, образованная Берия, в состав которой входили и вы, рассматривая в 1946 г. дела на сотрудников органов НКГБ, рассматривала и материалы на ответственных работников?

ОТВЕТ: Нет, не рассматривала.

ВОПРОС: Почему?

ОТВЕТ: Нам не было такого поручения от Берия.

ВОПРОС: А вы лично, как нарком госбезопасности СССР, в период вашей работы наркомом знакомились с этими материалами на ответственных работников?

ОТВЕТ: Я не могу сейчас припомнить перечня материалов на ответственных работников, которые хранились в этом архиве, и поэтому затрудняюсь сказать, знакомился ли я с этим архивом в период работы наркомом госбезопасности в 1941 г. и в 1943—46 гг. Возможно, что с некоторыми из этих материалов я был знаком или знал об их существовании в тот период, когда они велись в НКВД СССР в 1938—1940 гг. Так, например, в этот период времени по указанию Берия Кобуловым велась проверка биографических данных некоторых руководителей партии и правительства. Эту работу непосредственно проводил сотрудник СПО НКВД СССР Финкельберг, выезжавший для этой цели на места. Думаю, что с этими материалами в целом я не знакомился.

ВОПРОС: В период вашей работы наркомом госбезопасности СССР вы лично докладывали в инстанцию о материалах, хранившихся в указанном архиве, на некоторых руководителей Партии и Правительства?

ОТВЕТ: Нет, не докладывал. Возможно, я не вспомнил о них в свое время или считал, что о них уже доложено, поскольку они архивные.

ВОПРОС: Кем же и когда был создан архив материалов на ответственных работников, который под наименованием «Личный архив наркома госбезопасности Меркулова» был отправлен в начале войны из НКГБ СССР в Куйбышев?

ОТВЕТ: Я не знаю. Возможно, что в 1941 году, при первом разделении наркомата мне доложили, что в отделе «А» хранятся дела на ответственных работников, и я дал указание их хранить отдельно от других материалов и, конечно, никому не выдавать. Кто и почему их назвал «Личным архивом наркома», я не знаю.

ВОПРОС: Вами давалось поручение Кобулову в 1944 г. разобрать «Личный архив наркома» после того, как этот архив из Свердловска, куда он был перевезен из Куйбышева, был снова доставлен в Москву?

ОТВЕТ: Я не могу этого припомнить.

ВОПРОС: Вам зачитывается выдержка из показаний Герцовского от 10.X.1953 года:

«В конце 1944 года Кобулов, работавший тогда заместителем НКГБ СССР Меркулова, потребовал к себе “личный архив наркома”. Мои работники пошли к Кузнецову, работавшему тогда начальником I Спецотдела НКВД СССР, взяли этот “личный архив наркома” и принесли его в кабинет Кобулова. Мешки здесь были вскрыты, и Кобулов лично рассматривал архивные материалы. Через некоторое время часть этого архива, по-моему, немного менее половины его, была передана к нам в отдел “А” на хранение. Что сделал Кобулов с другой частью “личного архива наркома” — мне неизвестно.

Что вы можете показать по этому поводу?

ОТВЕТ: Я об этом случае ничего припомнить не могу. Очевидно, это имело место, но докладывал ли мне об этом Кобулов и почему он заинтересовался этим архивом, я не помню.

ВОПРОС: Перейдем к другим вопросам. Вы Лознер Вениамина Моисеевича знаете?

ОТВЕТ: Не припоминаю.

ВОПРОС: Напоминаю вам о том, что к Лознер В.М. вы обратились за помощью в 1932 году, когда приехали по поручению Берия в г. Баку для розыска архивных материалов в Партархиве г. Баку о службе Берия в муссаватистской контрразведке.

ОТВЕТ: Я не помню этого.

ВОПРОС: Вам зачитывается выписка из заявления Лознер В.М. от 14.IX.1953 года:

«1. В 1919 году в гор. Баку имел место такой случай: однажды вечером муссаватистской полицией было оцеплено здание центрального рабочего клуба и все находившиеся там были задержаны. Их стали проверять по одному человеку, при этом одних выпускали, а других задерживали. Последних набралось несколько десятков человек, среди которых оказался и я. Проверку находившихся в клубе и распределение их на первую и вторую группы проводил молодой парень в форменной фураже ученика Бакинского технического училища. Все задержанные были под конвоем доставлены в контрразведку. Через некоторое время здесь все задержанные были вновь подвергнуты фильтровке: одних выпустили, других задержали. Этой операцией опять руководил тот же “техник”.

2. В 1920—22 г.г. я работал в аппарате ЦК АКП(б). Кажется, это было в конце 1920 г. или в начале 1921 г. В ЦК подал заявление секретарь коллегии ЧК Берия, в котором он просил послать его на подпольную работу в меньшевистскую тогда Грузию. Я присутствовал при том, когда Берия подал заявление Секретарю ЦК (последним тогда был Григорий Каминский). Берия, секретаря коллегии ЧК, я тогда увидел в лицо впервые и узнал в нем того "техника", который проводил операцию в рабочем клубе и в контрразведке. Я рассказал об этом Каминскому. При наведении справок выяснилось, что "техник" из контрразведки и Берия — это действительно одно и то же лицо. Была выделена тройка членов ЦК, которым было поручено выяснить этот вопрос.

...Когда рассматривалось заявление Берия, было принято решение об отказе в посылке его на подпольную работу. Вопрос же о работе Берия в муссаватистской к/разведке был оставлен открытым, и комиссия должна была продолжить свою работу. Больше к этому вопросу, насколько помню, в ЦК не возвращались.

3. В 1930—35 гг. я работал в Бакинском Совете. Не помню точно когда, не то в 1931, не то в 1932 году ко мне пришел Меркулов, работавший тогда в аппарате Заккрайкома; секретарем Заккрайкома был Берия. Меркулов обратился ко мне с таким вопросом. Он, по его словам, прибыл в Баку, имея задание Берия подобрать материалы, относящиеся к истории Азербайджанской и Бакинской организации большевиков. Разбираясь в материалах в архиве ЦК, он обнаружил исчезновение одного протокола того периода, когда я работал в Секретариате ЦК. Меркулов просил меня зайти с ним в архив ЦК посмотреть это дело: не смогу ли я помочь ему установить, куда мог деться этот протокол. Когда я просмотрел папку протоколов, о которых шла речь, я обратил внимание на то, что недостает того протокола заседания ЦК, на котором рассматривалось заявление Берия о посылке его на подпольную работу в Грузию и сообщение комиссии, выделенной ЦК в связи с этим заявлением».

Теперь вы припоминаете вашу встречу и разговор с Лознер В.М.?

ОТВЕТ: Припомнить Лознера и свой разговор с ним я не могу. Вероятно, так и было, как он говорит, но я вспомнить не могу. Я не могу также припомнить, почему я обратился к нему и как его разыскал.

ВОПРОС: Вам предъявляется брошюра-доклад «25 лет ВЧК—ОГПУ—НКВД», прочитанный вами 20/XII.1942 г., и отпечатанный на машинке текст вашего выступления на митинге сотрудников НКВД и НКГБ СССР от 1/X.1943 г.

Вы подтверждаете, что этот доклад вами делался и что вы выступали на митинге с речью, содержание которой изложено в предъявленном вам документе?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю.

ВОПРОС: Как вы оцениваете свою речь на митинге и ту часть доклада, в которой вы говорите о Берия?

ОТВЕТ: Даже с учетом того, что этот доклад и речь мной произносились в 1942—43 гг. и что доклад был посвящен двадцатипятилетию ВЧК—ОГПУ—НКВД, а речь произносилась в связи с присвоением Берия звания Героя Труда, я должен признать, что дал слишком высокую, незаслуженную и потому неправильную оценку роли Берия в органах НКВД и как работника советских и партийных органов.

Мне неприятно перечитывать эти места и стыдно, что я мог такими лестными словами характеризовать Берия.

Показания записаны с моих слов правильно, мною лично прочитаны.

МЕРКУЛОВ

Допрос окончен в 21 ч. 30 м.

Допросил:
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *УСПЕНСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 470. Л. 206—213. Копия. Машинопись.

№ 108
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ М.А. БАГИРОВА[1]

29 октября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 569/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса свидетеля БАГИРОВА Мир-Джафар Аббасовича от 29 октября 1953 года.
Приложение: на 10 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса свидетеля

1953 года, октября 29 дня, гор. Москва. Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил в качестве свидетеля нижепоименованного, который показал:

БАГИРОВ Мир-Джафар Аббасович, 1896 г. рожд., уроженец г. Кубы Аз. ССР, образование высшее, член КПСС с марта 1917 г., заместитель начальника объединения «Куйбышевнефть», прож. гор. Куйбышев, объединение «Куйбышевнефть», несудившийся, женат.

Свидетель предупрежден об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний по ст.ст. 95, 92 УК РСФСР.

БАГИРОВ

ВОПРОС: Что вы можете сообщить следствию об изменнической предательской деятельности Берия?

ОТВЕТ: Я ничего не знал о предательской деятельности Берия до 1 июля 1953 года, т.е. до Пленума ЦК КПСС, где Берия был разоблачен, как предатель. Поэтому о предательской деятельности Берия я следствию ничего сообщить не могу.

ВОПРОС: С какого времени вы знакомы с Берия?

ОТВЕТ: В феврале 1921 года я был назначен на работу в Аз. ЧК в качестве председателя ЧК. До этого я служил в армии. Примерно через 7—10 дней на

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «тов. Маленков ознакомлен. Д. Суханов 3.XI.53», «Читал Булганин 4-XI», «В. Молотов. 5.XI».

работу в ЧК прибыл по путевке партийной организации (ЦК АКП(б) или Бакинского комитета сейчас не помню) Берия. Он был назначен на должность заместителя председателя ЧК и начальника СОЧ. С этого времени я знаком с Берия.

ВОПРОС: Являясь председателем Аз. ЧК, вы были осведомлены о службе Берия в муссаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: О службе Берия в муссаватистской контрразведке я ничего не знал до 1937 года, когда Каминский по этому поводу обратился с официальным заявлением в ЦК ВКП(б). Берия о том, что он служил в контрразведке муссаватистского правительства, мне также ничего не говорил. Берия рассказывал мне, что он выполнял якобы задания разведывательного характера по поручениям большевистской подпольной организации, но о существе этих заданий он мне не рассказывал.

Таким образом, о том, что Берия служил в муссаватистской контрразведке, я впервые услышал в 1937 году.

ВОПРОС: Вы присутствовали в декабре 1921 года на заседании комячейки Аз. ЧК с участием Центральной комиссии по проверке, пересмотру и очистке личного состава АКП?

ОТВЕТ: Да, присутствовал.

ВОПРОС: В протоколе этого заседания содержится запись вашего выступления о Берия в следующей редакции:

«Багиров: он строг, требовательный, во время экспроприации высказывал стойкость, не давал никому поблажек, прямой и искренний, сам требователен и любит, чтобы с него тоже требовали».

Эта запись вашего выступления правильна?

ОТВЕТ: Да, в то время я так говорил. Тогда я верил Берия.

ВОПРОС: Далее в протоколе следуют записи выступлений сотрудников о морально-бытовом разложении Берия и, в частности, о его приставаниях к сотрудницам аппарата ЧК, присвоении кольца и др. Вам были известны факты, свидетельствующие о морально-бытовом разложении Берия?

ОТВЕТ: Нет, мне ничего не было известно о морально-бытовом разложении Берия, и именно поэтому я защищал его на заседании комячейки. Я считал, что, возможно, выступавшие тенденциозны по отношению к Берия, так как он строг и требователен.

ВОПРОС: Давая свои объяснения на заседании комячейки с участием центральной комиссии по чистке, Берия рассказал о своей службе в муссаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: Нет, он об этом не рассказал.

ВОПРОС: Что вам известно об аресте Берия в 1920 году Аз. ЧК?

ОТВЕТ: По этому поводу мне ничего неизвестно.

ВОПРОС: Вам докладывали, что в архивах Аз. ЧК находятся документы, относящиеся к аресту Берия в 1920 году?

ОТВЕТ: Нет, мне об этом никто не докладывал. Об аресте Берия в 1920 году я впервые услышал сегодня.

ВОПРОС: В 1932 или 1933 г. к вам в Баку приезжал Меркулов с поручением Берия разыскать в партийном архиве документы, относящиеся к службе Берия в муссаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: За документами в Бакинский партийный архив из Тбилиси приезжали многие. Меркулов, как помощник Берия, в то время приезжал в Баку часто. Однако Меркулов ничего не говорил мне, что приехал в Баку за

документами, относящимися к службе Берия в муссаватистской контрразведке. Возможно, что под видом обычной работы с историко-партийными документами, по какому-нибудь заданию Берия, Меркулов фактически производил розыски документов, относящихся к службе Берия в муссаватистской контрразведке, однако мне о том, что Меркулов производит розыск именно этих документов, ничего известно не было.

ВОПРОС: Что вам известно о взаимоотношениях Берия с Серго Орджоникидзе?

ОТВЕТ: Берия держался по отношению к Серго Орджоникидзе подло. Сначала Берия использовал хорошее отношение к нему Серго Орджоникидзе в своих карьеристических целях, а затем, когда Орджоникидзе помог Берия достигнуть определенного положения, то именно Берия стал интриговать против Орджоникидзе. Вспоминаю следующий случай: за несколько месяцев до своей смерти С. Орджоникидзе посетил в последний раз Кисловодск. В этот раз он позвонил ко мне по телефону и просил приехать к нему. Я выполнил эту просьбу Орджоникидзе и приехал в Кисловодск, где в это время гостил Г. Дмитров. Орджоникидзе подробно расспрашивал меня о Берия и отзывался при этом о нем резко отрицательно. В частности, Орджоникидзе говорил, что не может поверить в виновность своего брата Папулия, арестованного в то время Берия. Очевидно, что Орджоникидзе тогда понял уже всю неискренность и вероломство Берия, сначала использовавшего поддержку Орджоникидзе для того, чтобы пробиться к власти, а затем решившего любыми средствами очернить Орджоникидзе.

Берия стало известно через своих людей о том, что Орджоникидзе вызывал меня в Кисловодск, и он говорил по этому поводу со мной по телефону, но я ответил, что Орджоникидзе интересовался вопросами, связанными с добычей нефти.

Отношение Берия к Серго Орджоникидзе является одним из наиболее убедительных примеров подлости Берия, его карьеризма и вероломства.

ВОПРОС: Вам известен Кедров Михаил Сергеевич?

ОТВЕТ: Да, Кедров мне известен, причем известен с самой лучшей стороны. Кедров являлся старым большевиком, активным участником и организатором обороны Севера в период гражданской войны, а затем членом Президиума ЧК при Ф.Э. Дзержинском. Это был человек большой нравственной чистоты и честности. Как уполномоченный Дзержинского Кедров приезжал в Баку и производил проверку работы ЧК.

ВОПРОС: Что вам известно об информации, направленной Кедровым Дзержинскому по поводу Берия?

ОТВЕТ: По этому поводу мне ничего неизвестно.

ВОПРОС: Вам был известен Сеф?

ОТВЕТ: Да, Сеф был мне хорошо известен. Он был одним из приближенных Берия. Берия подставил ко мне, направив на работу в Азербайджан, Сефа в качестве второго секретаря Бакинского городского комитета партии и Агрба в качестве второго секретаря ЦК.

ВОПРОС: В связи с чем Сеф после ареста в Тбилиси был этапирован в Баку?

ОТВЕТ: Сеф не давал никаких показаний в Тбилиси. Не помню, давал ли я указания Сумбатову этапировать Сефа из Тбилиси в Баку, или же Сумбатов запросил Сефа по собственной инициативе. Вспоминаю, что Сеф в Баку пытался покончить жизнь самоубийством, но ему помешали это сде-

лать, и тогда Сеф начал давать подробные показания о своей враждебной контрреволюционной деятельности.

ВОПРОС: Вам известно, что от Сефа с помощью избиений вымогались показания о подготовке им террористических актов против вас, Берия и Сумбатова-Топуридзе?

ОТВЕТ: Нет, по этому поводу мне ничего неизвестно. Вообще, я никогда не верил сообщениям органов госбезопасности, что против меня якобы готовятся террористические акты. Я всегда смеялся над такими сообщениями.

ВОПРОС: Вам были известны следующие собственноручные показания Сефа, адресованные им Сумбатову-Топуридзе:

«В 1934 году имели место две попытки в проведении индивидуального местного террора на территории Баку, первый — в августе против товарищей Берия и Багирова, второй — в сентябре против Багирова и Сумбатова»?

ОТВЕТ: Нет, мне об этих показаниях Сефа ничего известно не было.

ВОПРОС: Фамилия Нодев вам известна?

ОТВЕТ: Кажется, был такой сотрудник в НКВД.

ВОПРОС: В связи с чем персональное дело Нодева рассматривалось на бюро ЦК АКП(б) 25 декабря 1936 года?

ОТВЕТ: В связи с заявлением Акопова и Пурниса о Нодеве, как это видно из протокола № 169 заседания бюро ЦК АКП(б) от 25 декабря 1936 года, предъявленного мне сейчас.

ВОПРОС: Вы помните, как проходило обсуждение персонального дела Нодева на этом бюро ЦК?

ОТВЕТ: Нодев обвинялся в клевете на Берия. В это время Берия находился в расцвете своего авторитета и славы. Поэтому обсуждение дела Нодева проходило в пользу Берия.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия расшифрованной телеграммы из Баку следующего содержания:

«Москва. Наркомвнудел Союза товарищу Ежову.

За недопустимую клеветническую антипартийную болтовню по адресу товарища Лаврентия Берия бюро ЦК АКП(б) решило объявить выговор заместителю начальника Аз УНКВД Нодеву и постановило просить вас снять его с работы тчк Просим санкционировать снятие Нодева с работы и отозвать его в распоряжение НКВД Союза. Секретарь ЦК АКП(б) Багиров».

Вы посылали эту телеграмму?

ОТВЕТ: Да, такую телеграмму я посылал.

ВОПРОС: Вам известно, что Нодев затем был обвинен в контрреволюционном преступлении и расстрелян соучастниками Берия?

ОТВЕТ: Нет, об этом я слышу сейчас в первый раз.

ВОПРОС: Вы не отрицаете, что основанием к разбору дела Нодева на заседании бюро ЦК АКП(б) послужила беседа, которую Нодев имел якобы с Акоповым и Пурнисом о Берия?

ОТВЕТ: Да, основанием к постановке этого вопроса на бюро послужило заявление Акопова, который (А. Акопов) в декабре 1936 г. являлся вторым секретарем ЦК АКП(б), а Пурнис заместителем начальника Азербайджанского УНКВД. Оснований не верить их заявлению тогда не было. Следует отметить, что как Акопов, так и Пурнис являлись выдвиженцами Берия, направленными им на работу в Азербайджан.

ВОПРОС: Теперь вам оглашается запись выступления Акопова из протокола № 169 заседания бюро ЦК АКП(б) от 25 декабря 1936 года:

«Акопов — Разговор между мной, Пурнисом и Нодевым происходил вне официальной обстановки. Говорили на всякие темы, а потом разговор перешел относительно работы тов. Берия в Закавказье. Я или Пурнис, если память мне не изменяет, сказали, что товарищ Берия является одним из крупных и талантливых чекистов Советского Союза. Тов. Нодев сказал, что это только в Закавказье о нем такого мнения, а где бы и с кем бы вы не говорили, везде — от Владивостока до Москвы, о нем отрицательного мнения. Такую фразу, мне кажется, сказал Нодев: "Все считают, что Берия из Закавказья выживал полпредов — постоянных представителей ОГПУ, всех выживал с подвохами, применяя всякого рода нехорошие вещи". Причем так он повторил раза два или три».

Какую же «недопустимую, антипартийную, клеветническую болтовню» вы усмотрели в этом высказывании Нодева о Берия, ведь вам были достаточно хорошо известны те коварные интриганские приемы, при помощи которых Берия действительно выживал из Закавказья направляемых туда полномочных представителей ОГПУ?

ОТВЕТ: Мне было известно о том, что Берия не уживался с полномочными представителями ОГПУ, но, что он прибегает к коварным интриганским приемам борьбы с ними — я не знал. В 1936 году Берия являлся первым секретарем Заккрайкома и членом ЦК ВКП(б). Я считал тогда высказывания Нодева о Берия клеветническими.

ВОПРОС: Теперь вам оглашаются извлечения из вашего выступления на заседании бюро ЦК АКП(б) от 25 декабря 1936 года по поводу Нодева и его высказываний о Берия:

«Больше всего меня возмущает то, что тов. Нодев грамотный человек, и сказать, что он ничего не понимает, будет неверно. Он — культурный человек, как можно было не понимать того, что он говорил...»

«...Я лично думаю, что это мнение т. Нодева, видимо, не его личное мнение. (Голоса: правильно). Извините, пожалуйста, потому что для личного мнения у вас нет никаких таких оснований ни в смысле отношения и соприкосновения с т. Берия, как с большевиком и чекистом на практической работе, ни в смысле других отношений. Не имея оснований, т. Нодев болтает зады тех, которые действительно получили по рукам от партии и советской власти через тов. Берия и руками тов. Берия.

Если бы вы были большевиком настоящим, вы должны были бы понять, что вы говорите и можно ли безнаказанно так болтать то, что вы хотели... И сегодня, вместо того, чтобы вместе со всей большевистской партийной организацией воздать должное тов. Берия за его большевистскую упорную борьбу за последние 5—6 лет в Азербайджане, вы пускаетесь на болтовню. С этим мы никак не можем согласиться. Я думаю, надо будет поставить вопрос перед Наркомвнуделом о снятии Нодева и объявить ему выговор с последним предупреждением».

Не свидетельствует ли подобное ваше выступление на бюро ЦК АКП(б) 25.XII.36 г. о восхвалении вами Берия и угодничестве по отношению к нему?

ОТВЕТ: Конечно, с точки зрения сегодняшнего дня это выступление является угодническим по отношению к Берия. Однако я прошу зафиксировать в протокол, что все это происходило в 1936 году, когда Берия являлся первым секретарем Заккрайкома и членом ЦК ВКП(б), и я защищал его не просто как Берия-человека, а именно как руководителя партийной организации Закавказья.

ВОПРОС: На этом же заседании бюро ЦК АКП(б) вы заявили, характеризуя Берия:

«Причем, к вашему сведению, борьбу с контрреволюционной разведкой партия поручила ему еще в подполье».

Какие основания были у вас для такого явно несоответствующего действительности заявления?

ОТВЕТ: Я это заявил, основываясь только на личных утверждениях Берия. Он усиленно распространял версию о том, что являлся подпольщиком и одним из организаторов борьбы за установление советской власти в Азербайджане. Я признаю, что в данном случае слепо поверил Берия.

ВОПРОС: Каковы были ваши личные отношения с Берия?

ОТВЕТ: В период совместной работы в Закавказье наши отношения были товарищескими и близкими. Бывая в Тбилиси, я останавливался у Берия, ночевал у него на квартире. После перехода Берия на работу в Москву я у него был не более двух раз. Жена Берия в период Отечественной войны как-то один раз останавливалась у меня. Берия в период Отечественной войны также один раз проездом останавливался у меня в Баку.

Протокол записан правильно и мною прочитан.
Допрос начат: 9 час.45 мин., окончен: 13 часов 25 минут.

БАГИРОВ

Допросил:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола ПОМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА *СМИРНОВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 470. Л. 214—225. Копия. Машинопись.

№ 109

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

2 ноября 1953 г.

Сов. секретно

№ 580/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 2 ноября 1953 года.

Приложение: 5 листов.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, ноября 2 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

---

[1] На отдельном листе имеются рукописные пометы: «С документами №№ 580, 601. тов. Мленков ознакомлен. Д. Суханов 6.XI.53 г.», «Читал В. Молотов 6.XI», «Читал К. Ворошилов 9.XI», «Читал Л. Каганович 9.XI», «Читал Микоян 10.XI», «Читал Первухин 10.XI».

Допрос начат в 15 час. 10 мин.

ВОПРОС: На допросе 24 сентября с.г. вы заявили, что вам неизвестно о клеветнических показаниях, добытых по вашему указанию у Орахелашвили в отношении Серго Орджоникидзе, вы отрицали оглашенные вам по этому вопросу выдержки из показаний Гоглидзе, Савицкого, Кобулова. Вы и сейчас это утверждаете?

ОТВЕТ: Да, утверждаю. Показания Орахелашвили в отношении Серго Орджоникидзе мне неизвестны.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия протокола допроса Орахелашвили от 10 сентября 1937 года с вашей резолюцией на первой странице: «Ос. сектор. Переслать в ЦК КП(б) т. Сталину. Л. Берия. 19.IX.1937 года».

Вы подтверждаете, что это вами учинена резолюция?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлена копия протокола допроса Орахелашвили от 10.IX.37 г. с указанной выше резолюцией.

Может быть, эта резолюция учинена мною.

ВОПРОС: Вам предоставляется возможность ознакомиться с протоколом допроса Орахелашвили от 10.IX.37 г., где кроме признания в подготовке им в отношении вас теракта, на страницах 32—36 имеются клеветнические показания, полученные преступными методами у Орахелашвили в отношении Серго Орджоникидзе. В частности, он показывает:

«Я хочу дать показание о роли Серго Орджоникидзе в нашей контрреволюционной организации...

Прежде всего, будучи очень тесно связан с Серго Орджоникидзе, я был свидетелем его покровительственного и примиренческого отношения к носителям антипартийных и контрреволюционных настроений...

Вообще, я должен сказать, что приемная в квартире Серго Орджоникидзе, а по выходным дням его дача (в Волынском, а затем в Сосновке) являлись зачастую местом сборищ участников нашей контрреволюционной организации, которые в ожидании Серго Орджоникидзе вели самые откровенные контрреволюционные разговоры, которые ни в коей мере не прекращались даже при появлении самого Орджоникидзе...

Надо со всей откровенностью признать, что Серго Орджоникидзе фактически вдохновлял нашу контрреволюционную борьбу против партийного руководства Грузии и лично Секретаря ЦК КП(б) Грузии — Лаврентия Берия, хотя организационно с нами по к.р. работе связан не был.

Он не только поддерживал наши контрреволюционные выпады по адресу Сталина и Секретаря ЦК КП(б) Грузии — Берия, а, наоборот, задавал тон этим нашим к.р. разговорам...

Впоследствии мне стало известно, что Серго Орджоникидзе вкупе с Леваном Гогоберидзе, Петре Агниашвили и Нестором Лакоба ведут самую активную борьбу против секретаря ЦК КП(б) Грузии Лаврентия Берия, распространяя по его адресу заведомо клеветнические и возмутительные вымыслы...

В связи с 50-летием Серго Орджоникидзе, мною была написана и выпущена специальная брошюра его биографии.

Все время пока я писал эту биографию я жил на даче у Серго Орджоникидзе, а затем ездил к нему в Кисловодск.

Со всей ответственностью должен заявить, что этот документ, составленный мною по непосредственным указаниям Серго Орджоникидзе, являлся сугубо антипартийным, ибо в нем заведомо сознательно допущены извращения, выражающиеся в том, что слишком раздута роль Серго Орджоникидзе в революционном движении, главным образом, за счет роли Ленина и Сталина...»

Теперь вы вспоминаете, что вам были известны клеветнические показания на Серго Орджоникидзе, полученные преступными методами от Орахелашвили?

ОТВЕТ: Этих показаний, с которыми я ознакомился, я не помню. Мне кажется, что я знакомлюсь с ними впервые. Я не помню, чтобы я наложил такую резолюцию на протоколе допроса Орахелашвили, т.к. если бы направлялся этот протокол И.В. Сталину, то было бы специальное сопроводительное письмо, а не просто резолюция с поручением особому сектору.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия вашего препроводительного письма от 20.IX.37 г. за № 2488/с, где вы специально, намеренно обращаете внимание на то место в протоколе допроса, где говорится о Серго Орджоникидзе, а именно:

«...Между прочим, на стр. 37 этих показаний М. Орахелашвили подробно рассказывает о том, как в прошлом году, ко дню 50-летия Серго Орджоникидзе им была написана брошюра-биография С. Орджоникидзе...

М. Орахелашвили заявляет, что эта биография, составленная им по непосредственным указаниям С. Орджоникидзе, является сугубо антипартийным документом...»

Признаете ли вы, что вами представлялся этот протокол от 10 сентября 1937 года И.В. Сталину?

ОТВЕТ: Письмо, с копией которого я сейчас ознакомился, принадлежит, наверное, мне. В этом письме также сказано, что при письме представляется протокол допроса Орахелашвили от 10.IX.37 года. В предъявленной мне копии протокола допроса Орахелашвили от 10.IX.37 года есть 36 страниц, а в моем письме делается ссылка на 37-ю страницу, хотя по существу, вопросы, на которые я делаю ссылки в письме от 20.IX.1937 г., отражены в протоколе допроса Орахелашвили, предъявленном мне сегодня.

В этом письме мною обращалось внимание на брошюру, изданную в связи с 50-летием Серго Орджоникидзе, и не обращалось внимание И.В. Сталина на другие места из показаний Орахелашвили, что вызывает у меня сомнения — этот ли протокол, который мне предъявлен, я представлял в 1937 году.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Ведь именно на копии протокола допроса Орахелашвили от 10 сентября 1937 года вами лично учинена резолюция: «Ос. сектор. Переслать в ЦК КП(б) т. Сталину. Л. Берия. 19.IX.37 года».

Намерены ли вы дать правдивые показания, что в своих авантюристических преступных целях вы пытались осквернить память Серго Орджоникидзе и фальсифицированными, клеветническими материалами сделать его врагом Советского государства?

ОТВЕТ: Таких намерений у меня не было.

ВОПРОС: На допросе 7 августа с.г. вы показали, что не знаете, за что был арестован Бедия Эрик, к его аресту непричастны и первый раз на следствии узнали, что Бедия расстрелян по постановлению тройки.

Вы и сейчас продолжаете это утверждать?

ОТВЕТ: Да, я продолжаю это утверждать.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вам предъявляется копия протокола допроса Бедия Ермолая (Эрика) Алексеевича от 25 ноября 1937 года, на которой имеется ваша резолюция: «Допросить Гогейшвили». Следовательно, вы были в курсе дела Бедия и знали за что он был арестован?

ОТВЕТ: Я ознакомился с предъявленным протоколом. На этом протоколе, на третьей странице имеется резолюция: «Допросить Гогейшвили», которая учинена, кажется, мною.

ВОПРОС: Вам предъявляется протокол № 38 от 21.X.37 г. заседания бюро ЦК КП(б) Грузии, на котором в присутствии Бакарадзе, Деканозова, Меркулова, Рапава и Кобулова обсуждался по вашему докладу вопрос об аресте и о снятии с работы, исключении из состава пленума и кандидатов в члены бюро ЦК КП(б) Грузии и из партии Бедия Е.А. На этом протоколе имеется ваша подпись. Вы подтверждаете, что вам предъявлен этот документ?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю, что этот документ мне предъявлен. Подпись на этом протоколе моя.

ВОПРОС: Признаете ли вы теперь, что давали ложные показания, когда утверждали, что не знаете за что был арестован Бедия Э., непричастны к его аресту и не знали, в чем он обвинен и за что расстрелян?

ОТВЕТ: Не признаю. Инициатором ареста Бедия я не являлся, а инициатором его ареста являлись Гоглидзе и Кобулов, которые, очевидно, представили материалы в ЦК КП(б) Грузии, которые были рассмотрены на бюро ЦК. Я не помню сейчас, в чем обвинялся Бедия Э., точно так же как не помню, за что он был расстрелян по решению тройки.

Дополняю, что я клеветнических материалов в отношении Серго Орджоникидзе никогда не собирал.

Протокол прочитан, записано все верно с моих слов.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 17 час. 30 мин.

ДОПРОСИЛ:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Оп. 24. Д. 471. Л. 1—7. Копия. Машинопись.

№ 110
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА А.С. ХАЗАНА[1]

6 ноября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 620/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого ХАЗАНА А.С. от 6 ноября 1953 года.

Приложение: на 5 листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса обвиняемого

1953 года, ноября 6 дня, военный прокурор Главной военной прокуратуры полковник юстиции СТРУКОВ допросил в качестве обвиняемого ХАЗАНА Александра Самойловича.

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «Т.т. Маленков и Хрущев ознакомлены. Д. Суханов 10.XI.53», «Читал В. Молотов 10.XI», «Читал К. Ворошилов 11.XI».

Допрос начат в 13 час. 10 мин.

ВОПРОС: Вспоминаете ли вы арестованного Долидзе Г.Д. — б. секретаря РК КП(б) Грузии, подвергался ли он вами избиению?

ОТВЕТ: Фамилию Долидзе я помню. Возможно, его избивали, а арестован он должен быть по указанию Берия, так как таких лиц арестовывали по указанию Берия. Ход следствия по этому делу я не помню.

ВОПРОС: Зачитываю вам собственноручное письмо Долидзе, находящееся в архивно-следственном деле № 26252 по обвинению Долидзе Г.Д. Письмо адресовано Берия и Гоглидзе, начинается с фразы: «Говорю свое последнее слово вам» и заканчивается фразами: «Моя просьба перед смертью, подумайте над этим. Мое показание, как и многих — сплошной вымысел, надуманный под палкой». Что вы можете сказать о содержании этого письма?

ОТВЕТ: Я еще до ареста давал характеристику проводимого нами следствия в 1937 году, такую же, какую дал Долидзе в зачитанном мне письме. Подобные письма, заявления арестованных рассматривались как уловки врага, что влекло дальнейшее репрессирование арестованного, сделавшего такое заявление. Само это письмо Долидзе я не помню, но устно такие заявления арестованных следователям были, они докладывались Кобулову, и он говорил, что это уловка и требовал усилить репрессии. При рассмотрении дел на тройке такие заявления не принимались во внимание.

ВОПРОС: Следствие располагает данными, что вы сразу после ареста избили Арутюнова Георгия так, что, когда пришел Твалчрелидзе продолжить допрос, то Арутюнов не мог давать показания и вскоре умер. Почему вы скрываете этот и другие подобные случаи, как вы получали несоответствующие действительности медицинские заключения о причинах смерти арестованных?

ОТВЕТ: Я не собираюсь отрицать, что Арутюнов был избит и не мог поэтому дать показания, не отрицаю, что он мог быть избит Твалчрелидзе с моим участием, но я помню, что Твалчрелидзе мне докладывал об арестованном, который был в очень плохом состоянии, что падал с кровати и в конечном итоге умер. Акт о причинах смерти Арутюнова, предъявленный мне из дела Арутюнова (арх. № 39843), не соответствует действительности, так как для фиксации причины смерти нужно было вскрытие трупа, чего не было. Мне помнится, что Твалчрелидзе договаривался с работниками санотдела, как нужно составить акт. Во всяком случае, помню, что Твалчрелидзе мне доложил, что нужный акт составлен, выразив это в иронической форме. Теперь я могу предположить, что Твалчрелидзе о составлении акта мог договориться с начальником санотдела Вансяном, а возможно и с другими врачами.

ВОПРОС: Не могли вы скрыть факта смерти недопрошенного арестованного от Кобулова или Гоглидзе. Какая у вас была общая установка руководства Наркомата об оформлении медицинских заключений о причинах смерти арестованных, погибших от пыток, применяемых вами и другими следователями?

ОТВЕТ: Случаи смерти арестованных мы от начальства не скрывали и не могли скрыть. Общая установка руководства — составлять фиктивные акты, представляя, что человек умер от обычных, естественных причин. Когда и при каких обстоятельствах давалась такая установка и кем именно, я не помню, но Кобулову это оформление известно, и, возможно, он сам договаривался с начальником санчасти. О том, что смерть в результате избиений в медзаключениях отражалась как смерть от естественных причин (заболеваний), можно убедиться при обозрении дел, прекращенных за смертью арес-

тованного. Я уже показывал, что умер Дзигришвили, которого я лично видел в кабинете у Ковальчука, удавился арестованный Педан. У Твалчрелидзе в камере умерла беременная женщина, которую Твалчрелидзе сильно избивал, и заключенные женщины вынесли из камеры труп умершей. Фамилию этой женщины я не помню, возможно, это была родственница Нестора Лакоба. Мне помнится, что кроме Арутюнова и этой женщины из арестованных, числившихся за I отделением, никто от побоев не умирал, но категорически утверждать этого я не могу.

ВОПРОС: Вам предъявляется для обозрения архивно-следственное дело № 12805 по обвинению Баратовой-Микадзе Ю.З. Скажите, были ли у вас основания для ее ареста и тем более для ее осуждения?

ОТВЕТ: Баратова-Микадзе была арестована по моему и Кобулова постановлению. Оснований для ареста никаких не имелось. Следствие вел Овян. Не было оснований и для ее осуждения, хотя в обвинительном заключении сказано, что она была в курсе контрреволюционной деятельности своего мужа Микадзе Николая и являлась соучастницей в шпионаже своего мужа, но в деле никаких материалов об этом нет, а сама Баратова-Микадзе виновной себя не признала. Решение о расстреле Баратовой было принято тройкой по докладу Овяна. Поскольку не было каких-либо данных о совершении Баратовой преступления, она не подлежала аресту, видимо, она арестована по указанию руководства как связь Микадзе Николая.

Протокол мною прочитан, показания записаны с моих слов правильно.

А. ХАЗАН

Допрос окончен в 15 час. 20 мин.

ДОПРОСИЛ:
ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ СТРУКОВ

Приложение

Письмо Долидзе Л.П. Берия и С.А. Гоглидзе

Говорю свое последнее слово вам. Я и вместе со мной весьма многие преданные сыны нашей великой Сталинской партии ни в чем не виноваты. Мы погибаем благодаря провокации врагов, которые сумели оговорить лучших, преданных товарищей. Система же следствия в нашем органе НКВД такова, что оговор врагов находит подтверждение, от нас не выслушивают никаких оправданий, никаких доводов, заставляют подписывать и показывать всякую чушь и ерунду. Говорят, были и такие, которые ничего не показывали, их тоже расстреляли. Кому это нужно, как не врагам. Наши следователи ни в чем не виноваты, они подчинены этой порочной системе следствия, они заранее уверены твердо, что дело имеют с врагами народа. Почему никто не подумает над тем, что враги могут оговорить и честных преданных людей. На одного врага идут десятки преданных людей, ими оговоренных. Почему не подумаете над тем, что весь актив, который не раз доказал свою преданность Ленинско-Сталинской партии, вдруг стал врагом того строя, за который они боролись, врагами той партии, которая их воспитала и создала, — ведь это ерунда и чушь.

Совершается ужасное и чудовищное дело, истребляются люди, беспредельно преданные партии Сталина, беззаветно преданные вождю партии Великому Сталину.

Моя просьба перед смертью, подумайте над этим. Мое показание, как и многих, сплошной вымысел, надуманный под палкой.

Прощайте.

ДОЛИДЗЕ Г. кам. № 21.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 471. Л. 24—29. Копия. Машинопись.

№ 111

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

10 ноября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 634/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Л.П. от 10 ноября 1953 года.

Приложение: на 8 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, ноября 10 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Допрос начат в 15 ч. 15 м.

ВОПРОС: Ваш брат Капитон Кварацхелия, как вы показали 27 июля с.г., выехал в 1927 году при вашем содействии вторично за границу, в Китай. Скажите, к кому он поехал?

ОТВЕТ: Он поехал к дяде Джакелли Егору, который содержал станционный буфет на китайско-манчжурской дороге.

ВОПРОС: Что вам рассказывал Капитон Кварацхелия, когда он первый раз в 1926 году и второй раз в 1937 году вернулся из Китая в Грузию, о вашем дяде Джакелли Георгии (Егоре) и его семье?

ОТВЕТ: Он говорил что-то о Джакелли, но что именно, я сейчас не помню, и я не проявлял интереса.

ВОПРОС: Что вам рассказывала о Джакелли Георгии и его семье, а в частности о сыне Джакелли — Георгии Георгиевиче ваша племянница Кварацхелия (Козляковская) Сусанна Капитоновна, приехавшая в 1934 году из Китая в Грузию?

ОТВЕТ: Не могу вспомнить, встречался ли я с Козляковской Сусанной после ее возвращения из Китая в Грузию. Не могу также вспомнить, имел ли я с ней разговоры после ее возвращения из Китая в Грузию.

ВОПРОС: Скажите, что вам известно о вашем двоюродном брате Джакелли Георгии Георгиевиче?

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «Т.т. Маленков и Хрущев ознакомлены. Д. Суханов. 12.XI.53», «Читал В. Молотов 13.XI», «Читал К. Ворошилов 14.XI», «Читал Л. Каганович 16.XI».

ОТВЕТ: Я не могу назвать, когда и от кого, но мне было известно, что Джакелли Георгий Георгиевич как будто где-то болтается, не то в американской, не то в японской разведке: был связан с какой-то из них. Постараюсь вспомнить, когда и от кого мне это стало известно.

ВОПРОС: Вы пытались установить связь с Джакелли Георгием Георгиевичем и через кого?

ОТВЕТ: Сейчас ничего не могу сказать, т.к. не помню. Если что вспомню, дам показания.

ВОПРОС: Вы говорите неправду, такие вещи не забываются, и вы их отлично помните, но пытаетесь скрыть их на следствии.

Вам оглашаются показания Джакелли Георгия Георгиевича от 2.XI. с.г.:

«После продолжительной беседы этот человек, назвавший себя "Гришей", потребовал от меня подписку в том, что я обязуюсь, если потребуется, не щадя своей жизни, работать в пользу России и русского народа. За нарушение доверенных мне поручений, указывалось в подписке, я несу ответственность своей жизнью. Эту подписку я ему дал. Она была напечатана очень отчетливо на русском языке.

Я помню, что во время разговора "Гриша" несколько раз ссылался на Лаврентия Берия. Так он мне говорил: "твой брат Лаврентий хочет, чтобы ты работал для нас". "Выбор Лаврентия пал на тебя". От него же я узнал, что Лаврентий уже не на Кавказе, а в Москве (это было в конце 1938 года). "Гриша" мне рассказывал, что он работал вместе с Лаврентием в каком-то учреждении в Баку...»

Что вы можете показать?

ОТВЕТ: Мне об этом ничего неизвестно.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вам известно, что действовавший от вашего имени и по вашему поручению «Гриша» связал Джакелли Георгия Георгиевича с английской разведкой?

ОТВЕТ: Мне это ничего неизвестно.

ВОПРОС: Вам оглашается по этому вопросу показание Джакелли Г.Г. от 2 ноября 1953 года:

«В конце 1939 г. или в начале 1940 года во время одной из встреч с "Гришей" он меня предупредил, что мне предстоит выполнить исключительно ответственное и рискованное задание, связанное с поездкой, и что о характере этого задания мне скажет лицо, с которым я сейчас встречусь...

...Войдя в комнату, был страшно удивлен, встретив англичанина Невеля младшего, которого в лицо я знал с 1933 года и даже несколько раз разговаривал с ним. Кроме того, от сослуживцев по Харбинскому уголовному розыску я знал, что он является крупным английским разведчиком...

...Невель меня принял очень любезно и обратился ко мне со словами: "Вот, видите, у нас и деловая встреча". Он говорил со мной по-русски. Невель младший объявил мне, что теперь мы поработаем вместе. Он спрашивал меня, какие я имею сведения из Советского Союза, имею ли я связь с Советским Союзом, что слышно от брата. Я сначала подумал о том, что он меня спрашивает о Капитоне Кварацхелия, которого Невель младший лично знал. Позднее, во время этой же встречи, я понял, что он меня спрашивает о Лаврентии Берия...

По его словам, меня решили использовать для этого поручения потому, что на это есть указания. Я спросил — от кого? Он мне ответил: — от вашего брата Берия и удивился, что "Гриша" не сказал мне об этом ранее...

Невель младший сказал, что мне придется съездить к шефу в Дайрен и отвезти ему важный пакет, который на следующий день мне передаст "Гриша"...

В Дайрене хозяином импортно-экспортной конторы, которому я вручил пакет, оказался англичанин, лет 65-ти, выше среднего роста, лысый, с темными глазами, с тонкими чертами лица...

...Он предупреждал меня, что провал этой работы не только опасен для моей жизни и что японцы меня не спасут, если бы и захотели это сделать, но, что надо помнить, что я могу поставить под удар такого большого человека, как Берия. Фамилию Берия он упомянул в беседе несколько раз...

...Я пришел к глубокому пониманию того, что Берия был более крупным шпионом английской разведки, чем я...»

Что вы можете сказать?

ОТВЕТ: Мне об этом ничего неизвестно.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания Джакелли Г.Г. от 5.XI.1953 года:

«Во время встречи с шефом английской разведки в Дайрене, как я уже показывал ранее, он предупредил меня об особой осторожности в выполнении тех ответственных и важных поручений, которые мне даются, и что мой провал повлек бы не только мою гибель, но поставил бы под удар и такого большого человека, как Берия. Вместе с тем он подчеркнул, что связь с Берия была создана с большим трудом и что для этого пришлось преодолеть недоверчивость Берия и другие трудности. После этого шеф разведки перешел к выяснению личных качеств Берия и его интимной жизни, о чем я уже дал показания на прошлых допросах...»

Теперь вы намерены дать показания о вашей шпионской деятельности в пользу английской разведки?

ОТВЕТ: Английским шпионом я никогда не был. Показания Джакелли считаю провокационными.

ВОПРОС: Знаете ли вы Урушадзе Аполлона Павловича?

ОТВЕТ: Знаю. Это был зубной врач в Тбилиси. В прошлом активный меньшевик. Использовался ЧК Грузии для связи с меньшевиками.

ВОПРОС: Известно ли вам, что Урушадзе при помощи польского консульства устанавливал нелегальную связь с загранбюро меньшевиков и, в частности, с председателем Грузинского комитета в Польше, б. секретарем Н. Жордания — Имнадзе?

ОТВЕТ: Мне известно, что Урушадзе использовался ГПУ Грузии для связи с меньшевиками, находившимися в Польше, через польского консула в Тбилиси. Урушадзе, как врач, обслуживал консула.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия письма Урушадзе А.П., направленного им 8 февраля 1937 года Имнадзе, через б. генконсула в Тбилиси Залесского, в котором говорится:

«Брат Кота!

Желаю тебе доброго здоровья. Только сегодня у меня появилась возможность написать тебе письмо. Как давно я тебя не видел, и сколько нам за это время пришлось пережить! Я думаю, что если бы ты нас сейчас увидел, то не узнал бы. Наше моральное состояние и наши мучения ужасны. Мы здесь совсем отрезаны от мира. Ничего не знаем о том, что у вас там делается. Много ждали, но пока ничего не видно. Здесь господствует полная анархия. Неизвестно, кто кого сажает в тюрьму. Вчерашнее правительство находится в тюрьме, и неизвестно, кто туда попадет завтра. Обстановка очень сложная. Ежедневно ожидаем чего-нибудь нового. Сейчас все возможно.

Товарищи очень просят меня установить с вами связь. Необходимо как можно скорее получить от вас сведения. Как себя чувствует Ной Ж.? Где он находится? Что делает? Если увидишь его, прошу передать от меня сердеч-

ный привет. Жду от тебя подробной информации тем же самым путем. Что касается данного письма, то о нем должен знать только ты. Будь осторожен, чтобы кто-нибудь еще, даже из наших, не узнал об этом письме.

У большевиков, сейчас везде свои агенты. Ответ пришли мне на имя Залесского, вовнутрь вложи отдельный конверт для меня. Залесский об этом знает, он мне его вручит. О нашей переписке будем знать только я, Залесский и ты. Если найдешь нужным, сообщи Ною. Больше никому ничего не говори. Помни, что это опасно и все дело может быть испорчено.

Говорят, что среди эмигрантов царят раздоры и анархия. В чем дело? Напиши подробно. Мы хотим знать, кто что из себя представляет. Кто остался, кто отошел. Где Евгений Акаки, Котя, Гварджаладзе, Арсенидзе, Каки Церетели и другие наши лидеры. Занимаются ли они чем-нибудь? Напиши о политической обстановке. Можем ли мы в ближайшее время на что-нибудь надеяться или нет? Необходимы сведения из верных источников, чтобы на этом можно было что-нибудь создавать, и при необходимости можно было бы делать соответствующие выводы.

Итак, ожидаем ответ в самое ближайшее время. Это письмо является совершенно секретным. Кроме тебя никто не должен его читать. Как прочтешь, сразу уничтожь его. Ответь тем же самым путем...

Твой Аполлон Урушадзе».

Известно ли вам это письмо?

ОТВЕТ: Я припоминаю, что должно было быть написано письмо Имнадзе, но это ли письмо — я не могу сказать. Это должны знать Гоглидзе и Кобулов.

ВОПРОС: А разве вам Урушадзе не давал это письмо перед отправлением его в Польшу через Залесского?

ОТВЕТ: Может быть. Я отрицать не могу, но не помню.

ВОПРОС: Вам оглашается показание Урушадзе А.П. по этому вопросу:

«По заданию Берия Л. я в беседе с Залесским установил, что в Польше проживают Имнадзе Котэ — б. секретарь Н. Жордания, полковник Сиамоншвили и др., о чем я доложил Берия Л., и получил от него задание написать письмо Имнадзе, и передать через Залесского. Берия Л. рассказал мне тему письма, а когда я написал письмо, то ознакомил с письмом Берия Л., который одобрил содержание письма. Письмо было написано химическим карандашом через копировальную бумагу, копию письма я передал лично Берия Л.».

Правильно показывает Урушадзе А.П.?

ОТВЕТ: Возможно, так и было, как показывает Урушадзе, но я этого не могу сейчас вспомнить.

ВОПРОС: Значит вы лично, через Урушадзе устанавливали тайную связь с грузинскими меньшевиками в Польше?

ОТВЕТ: Я уже показывал, что Урушадзе использовался НКВД Грузии для связи с грузинской эмиграцией.

ВОПРОС: Вы показываете неправду. В архивных документах НКВД Грузии нет этого письма, а оно было обнаружено в архиве 2 отдела польского генштаба, о чем вам было известно.

ОТВЕТ: Может быть, об этом мне и было известно, но я сейчас не могу вспомнить. Вспоминаю, что около года тому назад из МВД СССР мне было прислано сообщение о том, что в архивах польского генерального штаба обнаружены документы, указывающие на связь Урушадзе с польской разведкой через польского консула. Очевидно, речь шла об этом письме и других документах. Я тогда передал это сообщение Гоглидзе с тем, чтобы он заинтересовался этим делом.

ВОПРОС: Вам в 1939 году была представлена из НКВД Грузии подробная записка о том, что Урушадзе А.П. изобличается в активном участии в контрреволюционном подполье Грузии и шпионской деятельности в пользу германской и польской разведывательных служб. Вы помните это?

ОТВЕТ: Не помню, но может быть и посылали.

ВОПРОС: Вам предъявляется для ознакомления копия этой записки, из которой усматривается активная вражеская деятельность Урушадзе.

ОТВЕТ: Мне предъявлена копия записки от 2 мая 1939 года за № 44174 на 10 листах. Некоторые факты из вражеской деятельности Урушадзе я вспоминаю.

ВОПРОС: Почему же Урушадзе А.П., который при правительстве Керенского являлся начальником милиции в одном из районов Петрограда, а при меньшевистском правительстве в Грузии начальником тифлисской городской милиции, членом учредительного собрания, участвовавший в 1918 году в расстреле большевиков в Тбилиси, а в 1924 году принимавший активное участие в меньшевистском восстании и изобличенный в активной шпионской деятельности в пользу иностранных разведок, не был арестован?

ОТВЕТ: Я не помню, почему не арестовали Урушадзе.

ВОПРОС: Признавайтесь, что вы укрыли Урушадзе А.П. от ответственности, так как имели с ним давние преступные связи по шпионской деятельности?

ОТВЕТ: Я не признаю этого.

Протокол прочитал, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 18 часов.

ДОПРОСИЛ:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 471. Л. 30—38. Копия. Машинопись.

№ 112
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Б.З. КОБУЛОВА[1]

12 ноября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 635/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

В ноябре 1953 года Прокуратурой СССР в архиве МВД Грузинской ССР разыскано уголовное дело по обвинению ОРДЖОНИКИДЗЕ Нины Давыдовны — жены Папулия ОРДЖОНИКИДЗЕ, расстрелянного Берия из мести к Серго ОРДЖОНИКИДЗЕ.

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «Т.т. Маленков и Хрущев ознакомлены. Д. Суханов 13.XI.53», «Читал В. Молотов 13.XI», «Читал К. Ворошилов 14.XI», «Читал Л. Каганович 16.XI».

Установлено, что ОРДЖОНИКИДЗЕ Н.Д. была арестована по распоряжению Берия без всяких к тому оснований. Постановление на арест и ордер подписаны Кобуловым Б. На всем протяжении следствия ОРДЖОНИКИДЗЕ, несмотря на примененные к ней незаконные методы, не признавала себя виновной ни в каком преступлении.

ОРДЖОНИКИДЗЕ Н.Д. была обвинена в том, что высказывала недовольство по поводу ареста мужа и, как и по всем подобным делам, в террористических высказываниях по адресу Берия.

Несмотря на отсутствие доказательств виновности, дело ОРДЖОНИКИДЗЕ было передано на рассмотрение «тройки» под председательством Гоглидзе, и в марте 1938 года она была первый раз осуждена к 10 годам лишения свободы, а в июне 1938 года той же «тройкой» и на основании тех же «материалов» она была расстреляна.

Показаниями Кобулова установлено, что преступная расправа с Ниной ОРДЖОНИКИДЗЕ была учинена по прямому указанию Берия.

Мной принесен протест в Верховный Суд СССР для посмертной реабилитации Нины ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Представляю протокол допроса арестованного Кобулова Б.З. по делу ОРДЖОНИКИДЗЕ Н.Д.

Приложение: на двух листах.

Р. РУДЕНКО

Протокол допроса

обвиняемого КОБУЛОВА Богдана Захаровича от 12 ноября 1953 года (сведения о нем в деле имеются).

ВОПРОС: Вам предъявляется архивно-следственное дело № 10472 на 24 листах по обвинению ОРДЖОНИКИДЗЕ Н.Д. Ознакомьтесь с материалами этого дела и объясните, за что была арестована и расстреляна Орджоникидзе Н.Д.

ОТВЕТ: Как видно из материалов этого дела, Орджоникидзе Н.Д. была арестована транспортным отделом НКВД Закавказской ж.д. на основании приказа НКВД СССР № 00486 в связи с тем, что она являлась женой осужденного по I категории Орджоникидзе Павла (Папулия) Константиновича. Обвинение ей было предъявлено по ст. 58-10 УК Груз. ССР. Дело это было закончено 29.II.1938 года и решением тройки при НКВД она через месяц была осуждена к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовой лагерь. Однако 14.VI.1938 года это дело транспортным отделом НКВД было передоложено, и решением той же тройки Орджоникидзе была приговорена к расстрелу и расстреляна.

По существу этого дела могу показать следующее:

Как я уже объяснял ранее на следствии, дело по обвинению Орджоникидзе Папулия велось транспортным отделом НКВД Закавказской ж.д., и я как нач. СПО НКВД Грузии никакого отношения к его расследованию не имел. Наблюдал за следствием по этому делу Гоглидзе, который впоследствии рассмотрел как председатель это дело на заседании тройки, по решению коей Орджоникидзе и был расстрелян. В связи с этим надо отметить, что имеющаяся в предъявленном мне сейчас деле справка нач. отделения транспортного отдела НКВД Абгарова от 20.II.1938 года (л.д. 8) о том, что Орджоникидзе

Павел (Папулия) Константинович осужден к ВМН 13.XI.1937 года Военной коллегией Верхсуда СССР, является фиктивной. К работе транспортного отдела НКВД Закавказской ж.д. я отношения не имел и утверждение мною постановления об аресте Н.Д. Орджоникидзе и ордера на обыск объясняется тем, что Гоглидзе и его заместитель Рапава, руководившие работой транспортного отдела, в этот день (9.XII.1938 года) находились в отлучке в связи с их выбором в Верховный Совет СССР первого созыва. Формально основания на арест Орджоникидзе Н.Д. были законны. Однако нужно заметить, что ее арест не мог быть произведен без наличия у транспортного отдела НКВД специальной санкции от Берия, т.к. Орджоникидзе была ему лично знакома и известна. Более того, как я показывал на предыдущих допросах, жены видных участников антисоветского подполья не только арестовывались, но и приговаривались Гоглидзе к различным видам наказания только после доклада им и получения соответствующих указаний от Берия. Мне трудно сказать что-либо определенное, почему первичное постановление тройки НКВД от 29.III.1938 года было отменено и 14.VI.1938 года решением той же тройки Орджоникидзе Н.Д. была приговорена к расстрелу, но я не сомневаюсь, что Орджоникидзе Н.Д. была расстреляна по указанию Берия. Я считаю, что Орджоникидзе Н.Д. расстреляна незаконно, так как в деле отсутствуют основания для вынесения такой меры наказаний, тем более что и по инструкции НКВД СССР максимальная мера наказания могла быть определена не свыше 8—10 лет ИТЛ. Безусловно, в данном случае расстрел Орджоникидзе Н.Д. был произведен не в результате какой-либо ошибки, а был вызван местью со стороны Берия в отношении семьи Орджоникидзе.

Записано со слов моих верно и мной прочитано.

Б. КОБУЛОВ

Пом. Генерального Прокурора СССР *ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 471. Л. 39—41. Копия. Машинопись.

№ 113
ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА Л.П. БЕРИЯ[1]

17 ноября 1953 г.

Совершенно секретно

№ 664/ссов

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляю копию протокола допроса обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича от 17 ноября 1953 года.

Приложение: на 6 листах.

Р. РУДЕНКО

[1] На первом листе имеются рукописные пометы: «Т.т. Маленков и Хрущев ознакомлены. Д. Суханов 18.XI.53», «Читал В. Молотов 19.XI», «Читал К. Ворошилов 21.XI», «Читал Л. Каганович».

Протокол допроса

1953 года, ноября 17 дня, Генеральный Прокурор СССР действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил обвиняемого БЕРИЯ Лаврентия Павловича.

Допрос начат в 15 час. 25 мин.

ВОПРОС: Вы Орджоникидзе Нину Давидовну знаете?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Это жена Папулия Орджоникидзе?

ОТВЕТ: Да, вспоминаю. Я ее лично знал.

ВОПРОС: За что была арестована в 1937 году Нина Орджоникидзе, за что осуждена и к какому наказанию?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вы показываете неверно. Вам оглашаются показания обвиняемого Кобулова Б. от 12 ноября 1958 года по поводу ареста Орджоникидзе Н.:

«...ее арест не мог быть произведен без наличия у транспортного отдела НКВД специальной санкции от Берия, т.к. Орджоникидзе была ему лично знакома и известна. Более того, как я показывал на предыдущих допросах, жены видных участников антисоветского подполья не только арестовывались, но приговаривались Гоглидзе к различным видам наказания только после доклада им и получения соответствующих указаний от Берия».

Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Я не отрицаю показаний Кобулова, но я не помню этого.

ВОПРОС: Вам предъявляется архивное уголовное дело за № 10472 по обвинению Орджоникидзе Н.Д.

Как вы видите, она была арестована как жена репрессированного вами по 1-й категории Орджоникидзе Павла Константиновича и ей было предъявлено обвинение по ст. 58-10 УК Груз. ССР.

Почему же она была расстреляна по решению тройки от 14.VI.1938 г., хотя статья 58-10 УК и приписанная ей в обвинительном заключении ст. 58-1 «в» УК не предусматривают расстрела?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлено дело по обвинению Орджоникидзе Н.Д., из которого усматривается, что 29 марта 1938 года Орджоникидзе Н.Д. по решению тройки была осуждена к 10 годам лишения свободы, а 14 июня того же года она по решению той же тройки осуждена к расстрелу, хотя статьи, предъявленные ей, и не предусматривали расстрела.

Как видно из справки, имеющейся в деле, она 15 июня 1938 г. была расстреляна. Я не помню, докладывалось ли это дело мне или нет.

Также не помню, давались ли мною какие указания по этому делу или нет.

ВОПРОС: Вы говорите неправду.

Вам оглашаются показания обвиняемого Кобулова от 12-го ноября с.г.:

«Мне трудно сказать что-либо определенное, почему первичное постановление тройки НКВД от 29 марта 1938 года было отменено и 14 июня 1938 года решением той же тройки Орджоникидзе Н.Д. была приговорена к расстрелу, но я не сомневаюсь, что Орджоникидзе Н.Д. была расстреляна по указанию Берия. Я считаю, что Орджоникидзе Н.Д. расстреляна незаконно, т.к. в деле отсутствуют основания для вынесения такой меры наказания, тем более что и по инструкции НКВД СССР максимальная мера наказания могла быть определена не свыше 8—10 лет ИТЛ. Безусловно, в дан-

ном случае расстрел Орджоникидзе Н.Д. был произведен не в результате какой-либо ошибки, а был вызван местью со стороны Берия в отношении семьи Орджоникидзе».

Теперь вы признаете, что с целью мести совершили убийство Орджоникидзе Нины, как совершили убийство и ее мужа — Павла Орджоникидзе?

ОТВЕТ: Я не признаю это. Когда Кобулов говорит о мести с моей стороны по отношению к семье Орджоникидзе, то он лжет.

ВОПРОС: Вы знаете Эгнаташвили Василия Яковлевича?

ОТВЕТ: Да, я знаю Эгнаташвили В.Я. Он работал последнее время секретарем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР.

ВОПРОС: Вы давали указания Мирцхулава и Деканозову об аресте Эгнаташвили В.Я. и за какие преступления, совершенные им?

ОТВЕТ: Он был арестован по моему указанию за то, что вел провокационные разговоры против ЦК Компартии Грузии, в частности, по делу мингрельцев.

ВОПРОС: Вам оглашаются показания обвиняемого Деканозова В.Г. от 26 августа с.г. по вопросу ареста Эгнаташвили:

«...Заслуживает внимания факт ареста Эгнаташвили В.Я., работавшего до апреля 1953 года секретарем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР. Эгнаташвили был арестован МВД Грузинской ССР в конце апреля или в начале мая 1953 г. по указанию секретаря ЦК Компартии Мирцхулава. Мирцхулава сказал мне, что указание на арест Эгнаташвили он, в свою очередь, получил от Берия. Берия предложил арестовать Эгнаташвили за скрытие своей принадлежности к партии социал-федералистов до 30-х годов, рекомендовал найти Рачвелишвили, который состоял якобы в партии социал-федералистов вместе с Эгнаташвили, и допросить его. Мирцхулава говорил мне, что Берия его предупредил не обращать внимания на то, что он, Берия, рекомендовал Эгнаташвили при вступлении в компартию. Было очевидно, что Берия сводил личные счеты с Эгнаташвили, который, как об этом было известно в парторганизации Грузии, давал информацию вождю партии по мингрельскому вопросу. Заинтересованность по делу Эгнаташвили проявил и Кобулов Б.З., который лично звонил мне по ВЧ и спрашивал, в каком состоянии оно находится...».

Вы подтверждаете показания Деканозова?

ОТВЕТ: Я давал указания Деканозову об аресте Эгнаташвили. Я отрицаю показания Деканозова в той части, где он говорит, что я это сделал с целью мести.

Давая указание об аресте Эгнаташвили, я имел в виду его прошлое — принадлежность к федералистам, хотя в 1937 году, будучи секретарем ЦК Грузии, я был инициатором приема его в партию большевиков. Тогда мне тоже было известно, что он принадлежал в прошлом к федералистам.

Протокол мною прочитан, записано все с моих слов верно.

Л. БЕРИЯ

Допрос окончен в 16 час. 30 мин.

ДОПРОСИЛ:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и вел запись протокола следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 471. Л. 245—249. Копия. Машинопись.

№ 114
ЗАПИСКА Р.А. РУДЕНКО В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС ОБ ОЗНАКОМЛЕНИИ ОБВИНЯЕМЫХ Л.П. БЕРИЯ И ДР. С МАТЕРИАЛАМИ СЛЕДСТВИЯ

27 ноября 1953 г.

Совершенно секретно

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС
Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.
Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Докладываю, что следственные материалы по делу Берия и других в количестве 39 томов и десяти пакетов приложений в соответствии с процессуальным законом были предъявлены в период с 26 октября по 25 ноября 1953 года обвиняемым Берия, Меркулову, Деканозову, Кобулову, Гоглидзе, Мешику и Влодзимирскому, которые с этими материалами полностью ознакомились.

25—26 ноября 1953 года обвиняемым объявлено об окончании следствия. Обвиняемые опрошены по поводу того, чем они имеют дополнить следствие. При этом Меркуловым, Гоглидзе, Мешиком и Влодзимирским были заявлены некоторые несущественные ходатайства о производстве дополнительных следственных действий (о допросе свидетелей, могущих характеризовать обвиняемых по прежней работе, об изменении квалификации их преступлений со статей Уголовного Кодекса, карающих контрреволюционные преступления, на статьи о должностных преступлениях и некоторые другие).

В связи с тем, что все обстоятельства, затронутые в ходатайствах обвиняемых, или уже достаточно исследованы следствием или не имеют доказательственного значения, — в удовлетворении этих ходатайств отказано.

Обвиняемые Кобулов и Деканозов никаких ходатайств не заявили.

26 ноября 1953 года объявлено об окончании следствия обвиняемому Берия, который заявил, что считает следствие проведенным достаточно полно и никаких дополнительных ходатайств не имеет. Протокол объявления об окончании следствия обвиняемому Берия прилагаю.

Таким образом, уголовное дело по обвинению Берия, Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского закончено следствием и подлежит направлению для судебного рассмотрения в Верховный суд СССР.

Прошу Ваших указаний.

Приложение: на 2 листах.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР Р. РУДЕНКО

Протокол

Город Москва, 26 ноября 1953 года.

Генеральный Прокурор СССР — Действительный Государственный советник юстиции РУДЕНКО и следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР — государственный советник юстиции 3 класса ЦАРЕГРАДСКИЙ, рассмотрев дело № 0029 по обвинению БЕРИЯ Лаврентия Павловича, в соответствии со статьей 206 УПК РСФСР объявили ему об окончании предварительного следствия по делу.

Обвиняемый БЕРИЯ Л.П. знакомился 8, 9,10, 11, 12, 14 сентября 1953 года и 4, 5, 6, 9, 12, 24, 25, 26 ноября 1953 года со всеми материалами дела в подшитом и пронумерованном виде в 39 томах с приложением, а именно: с томом № 1 на 268 листах, с томом № 2 на 265 листах, с томом № 3 на 287 листах, с томом № 4 на 282 листах, с томом № 5 на 294 листах, с томом № 6 на 271 листе, с томом № 7 на 296 листах, с томом № 8 на 276 листах, с томом № 9 на 264 листах, с томом № 10 на 116 листах, с томом № 11 на 172 листах, с томом № 12 на 70 листах, с томом № 13 на 250 листах; с томом № 14 на 269 листах, с томом № 15 на 266 листах, с томом № 16 на 359 листах, с томом № 17 на 279 листах, с томом № 18 на 232 листах, с томом № 19 на 290 листах, с томом № 20 на 230 листах, с томом № 21 на 254 листах, с томом № 22 на 330 листах, с томом № 23 на 382 листах, с томом № 24 на 275 листах, с томом № 25 на 271 листе, с томом № 26 на 260 листах, с томом № 27 на 237 листах; с томом № 28 на 103 листах, с томом № 29 на 74 листах, с томом № 30 на 73 листах, с томом № 31 на 73 листах, с томом № 32 на 73 листах, с томом № 33 на 359 листах, с томом № 34 на 298 листах, с томом № 35 на 311 листах, с томом № 36 на 111 листах, с томом № 37 на 334 листах, с томом № 38 на 350 листах, с томом № 39 на 323 листах и с приложением — документами арестованных.

После ознакомления с делом обвиняемый БЕРИЯ Л.П. заявил, что с делом он полностью ознакомлен, а также и с содержанием ст. 206 УПК. Он считает, что следствием подробно исследованы обстоятельства дела и дополнить следствие ничем не имеет, так же как не имеет и ходатайств.

Протокол прочитал, записано все верно.

Л. БЕРИЯ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ВАЖНЕЙШИМ ДЕЛАМ ПРОКУРАТУРЫ СССР *ЦАРЕГРАДСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 472. Л. 195—198. Копия. Машинопись.

№ 115

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ПО ДЕЛУ Л.П. БЕРИЯ

10 декабря 1953 г.

Строго секретно

П43/I

Вопросы Генерального Прокурора СССР

(тт. Руденко, Москаленко, Шверник, Каганович, Ворошилов, Молотов, Хрущев, Маленков)

1. Прилагаемый текст сообщения «В Прокуратуре СССР» по делу Берия и его соучастников с поправками, принятыми на заседании Президиума ЦК, утвердить и опубликовать в газетах за 17 декабря 1953 года.

2. Утвердить проект прилагаемого Указа Президиума Верховного Совета СССР об образовании и составе Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР для рассмотрения дела по обвинению Берия Л.П. и вместе с ним Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А., Мешика П.Я. и Влодзимирского Л.Е.

Принять предложение Генерального Прокурора СССР о рассмотрении дела по обвинению Берия и его соучастников в закрытом судебном заседании без участия сторон в порядке, предусмотренном Законом от 1 декабря 1934 года.

3. Утвердить представленный Генеральным Прокурором СССР т. Руденко проект обвинительного заключения по делу Берия и вместе с ним Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского.

Обвинительное заключение разослать для ознакомления членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, а также первым секретарям обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик.

4. Рассмотрение дела по обвинению Берия и его соучастников в Специальном Судебном Присутствии Верховного Суда СССР начать 18 декабря 1953 года.

Секретарь ЦК

Приложение

В ПРОКУРАТУРЕ СССР

26 июня 1953 года Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев сообщение Совета Министров СССР о преступных действиях Л.П. Берия как агента иностранного капитала, направленных на подрыв Советского государства, постановил: снять Л.П. Берия с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и с поста министра внутренних дел СССР и привлечь Берия к судебной ответственности. Верховный Совет СССР 8 августа 1953 года утвердил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня.

В настоящее время Прокуратурой СССР закончено следствие по делу изменника Родины Л.П. Берия.

Следствием установлено, что Берия, используя свое положение, сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, ставившую своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел как в центре, так и на местах, против Коммунистической партии и правительства СССР в интересах иностранного капитала, стремившуюся в своих вероломных замыслах поставить Министерство внутренних дел над партией и правительством для захвата власти и ликвидации советского рабоче-крестьянского строя в целях реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии.

Активными участниками изменнической группы заговорщиков являлись связанные с Берия в течение многих лет совместной преступной деятельностью в органах НКВД—МВД обвиняемые: бывший министр государственной безопасности СССР, а в последнее время министр государственного контроля СССР — Меркулов В.Н., бывший начальник одного из управлений НКВД СССР, а в последнее время министр внутренних дел Грузинской ССР — Деканозов В.Г., бывший заместитель народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР, затем заместитель министра государственной безопасности СССР, а в последнее время заместитель министра внутренних дел СССР — Кобулов Б.З., бывший народный комиссар внутренних дел Грузинской ССР, а в последнее время начальник одного из управлений МВД СССР — Гоглидзе С.А., бывший начальник одного из управлений НКВД СССР, а в последнее время министр внутренних дел УССР — Ме-

шик П.Я. и бывший начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР — Влодзимирский Л.Е.

На протяжении многих лет Берия и его сообщники тщательно маскировали и скрывали свою вражескую изменническую деятельность. После кончины И.В. Сталина, когда реакционные империалистические силы активизировали подрывную деятельность против Советского государства, Берия перешел к форсированным действиям для достижения своих преступных целей, прежде всего путем использования органов МВД для захвата власти, что и позволило в короткий срок раскрыть подлинное лицо изменника Родины и принять решительные меры к пресечению его вражеской деятельности.

Став в марте 1953 года министром внутренних дел СССР, Берия начал усиленно продвигать на ряд руководящих должностей в Министерстве внутренних дел участников заговорщической группы. Заговорщики подвергали преследованиям и гонениям честных работников МВД, отказавшихся выполнять преступные распоряжения Берия.

С целью подрыва колхозного строя и создания продовольственных затруднений в нашей стране Берия всяческими способами саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий Партии и Правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов, на неуклонное повышение благосостояния советского народа.

Установлено также, что Берия и его соучастники предприняли преступные меры для того, чтобы оживить остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

Лишенные какой-либо социальной опоры внутри СССР, Берия и его сообщники строили свои преступные расчеты на поддержку заговора реакционными империалистическими силами из-за рубежа.

Как установлено теперь следствием, Берия завязал связи с иностранными разведками еще в период гражданской войны. В 1919 году Берия, находясь в Баку, совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в разведку контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, действовавшую под контролем английских разведывательных органов.

В 1920 году Берия, находясь в Грузии, вновь совершил изменнический акт, установив тайную связь с меньшевистской охранкой в Грузии, являвшейся филиалом английской разведки.

Следствием установлено, что и в последующие годы Берия поддерживал и расширял свои тайные преступные связи с иностранными разведками через засылаемых ими шпионов, которых иногда ему удавалось уберечь от разоблачения и заслуженной кары.

Действуя как изменник Родины и шпион, продавшийся иностранным разведкам, Берия на всем протяжении своей преступной деятельности с помощью своих сообщников поддерживал также тайные связи с контрреволюционными грузинскими меньшевиками — эмигрантами, агентами ряда иностранных разведок.

Тщательно скрывая и маскируя свое преступное прошлое и вражеские связи с разведками иностранных государств, Берия избрал в качестве основного метода клевету, интриги, различные провокации против честных партийных и советских работников, стоявших на пути его враждебных Советскому государству замыслов и мешавших ему пробираться к власти.

Пробравшись с помощью этих преступных методов на ответственные посты в Закавказье и Грузии, а затем в МВД СССР и вынашивая в изменнических целях планы захвата власти, Берия и его сообщники учиняли расправу с неугодными для них людьми, не останавливаясь перед актами произвола и беззакония, подлым образом обманывали Партию и государство.

Следствием установлен целый ряд преступных махинаций Берия, направленных к достижению карьеристских целей и для предупреждения разоблачения его вражеского лица. Так, следствием установлено, что для достижения своих предательских целей Берия в течение ряда лет с помощью своих сообщников вел преступную интриганскую борьбу против выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства — Серго Орджоникидзе, видя в нем человека, являвшегося препятствием к его дальнейшему продвижению и к осуществлению вражеских замыслов. Как теперь установлено, Серго Орджоникидзе питал политическое недоверие к Берия. После кончины Серго Орджоникидзе заговорщики продолжали жестоко мстить членам его семьи.

Следствием установлены и такие факты, когда заговорщики совершали террористические убийства лиц, со стороны которых опасались разоблачений.

Так, Берия и его соучастниками был умерщвлен М.С. Кедров — член Коммунистической партии с 1902 года, бывший член Президиума ВЧК и коллегии ОГПУ при Ф.Э. Дзержинском. Заговорщики имели основания подозревать Кедрова в том, что он располагает материалами о преступном прошлом Берия. Установлены также и другие факты террористических убийств, совершенных заговорщиками с преступной целью истребления честных, преданных делу Коммунистической партии и Советской власти кадров.

Как установлено следствием, Берия и его сообщники совершили ряд изменнических актов, пытаясь ослабить обороноспособность Советского Союза.

Материалами следствия доказано, что участники заговорщической группы — обвиняемые Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский, будучи связаны с Берия многолетней совместной преступной деятельностью, выполняя любые преступные задания Берия, помогая ему скрывать и маскировать свое преступное прошлое, совершили ряд тягчайших государственных преступлений, указанных выше.

Таким образом, установлено, что обвиняемые Берия, Меркулов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский, изменив Родине, действовали как агентура международного империализма, как злейшие враги советского народа.

Следствием установлены также факты иных совершенных Берия преступлений, свидетельствующих о его глубоком моральном падении, и, кроме того, факты совершенных Берия преступных корыстных действий и злоупотреблений властью.

Будучи изобличенными на следствии показаниями многочисленных свидетелей и подлинными документальными данными, обвиняемые признали себя виновными в совершении ряда тягчайших государственных преступлений.

Берия предан суду по обвинению в измене Родине, в организации антисоветского заговора, совершении террористических актов, активной борьбе против рабочего класса и революционного рабочего движения, проявленной

им на секретно-агентурной должности в органах разведки контрреволюционного муссаватистского правительства в период гражданской войны, то есть в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б», 58-8, 58-13, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский преданы суду по обвинению в измене Родине, совершении террористических актов и участии в контрреволюционной изменнической заговорщической группе, то есть в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР дело по обвинению Берия, Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского подлежит рассмотрению Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР для рассмотрения дела по обвинению Берия Л.П. и других»

Для рассмотрения уголовного дела по обвинению Берия Лаврентия Павловича по ст.ст. 58-1 п. «б», 58-8, 58-13, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР и по ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование»; Меркулова Всеволода Николаевича, Деканозова Владимира Георгиевича, Кобулова Богдана Захарьевича, Гоглидзе Сергея Арсеньевича, Влодзимирского Льва Емельяновича, Мешика Павла Яковлевича по ст. 58-1 п. «б», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР, — образовать Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР в следующем составе:

Председатель Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР КОНЕВ И.С. — Маршал Советского Союза.

Члены Специального Судебного Присутствия:

ШВЕРНИК Н.М. — Председатель ВЦСПС

ЗЕЙДИН Е.Л. — Первый заместитель Председателя Верховного Суда СССР

МОСКАЛЕНКО К.С. — Генерал армии

МИХАЙЛОВ Н.А. — Секретарь Московского обкома КПСС

ГРОМОВ Л.А. — Председатель Московского городского суда

ЛУНЕВ К.Ф. — Первый заместитель Министра внутренних дел СССР

КУЧАВА М.И. — Председатель Грузинского республиканского Совета Профессиональных Союзов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ

Москва. Кремль «___» декабря 1953 г.

РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 473. Л. 1—7. Копия. Машинопись.

Опубликовано: Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 384—388.

№ 116

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «ВОПРОС СПЕЦИАЛЬНОГО СУДЕБНОГО ПРИСУТСТВИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР»

14 декабря 1953 г.

Строго секретно

№ П44/6

Председателя Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР Конева И.С. и членов Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР Шверника Н.М., Зейдина Е.Л., Москаленко К.С., Михайлова Н.А., Громова Л.А., Лунева К.Ф. и Кучава М.И. с 15 декабря с.г. до окончания судебного процесса по делу Берия и его соучастников освободить от выполнения текущих дел по основной работе.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 473. Л. 232. Копия. Машинопись.

Опубликовано: Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 388—389.

№ 117

АКТ О ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА СПЕЦИАЛЬНОГО СУДЕБНОГО ПРИСУТСТВИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР В ОТНОШЕНИИ Л.П. БЕРИЯ

23 декабря 1953 г.

Сего числа, в 19 часов 50 минут, на основании предписания Председателя Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР от 23 декабря 1953 года за № 003, мною, комендантом Специального Судебного Присутствия генерал-полковником Батицким П.Ф., в присутствии Генерального Прокурора СССР действительного государственного советника юстиции Руденко Р.А. и генерала армии Москаленко К.С. приведен в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия по отношению к осужденному к высшей мере уголовного наказания — расстрелу — Берия Лаврентию Павловичу.

Генерал-полковник БАТИЦКИЙ

Генеральный Прокурор СССР РУДЕНКО

Генерал армии МОСКАЛЕНКО

РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 473. Л. 232. Копия. Машинопись.

Опубликовано: Московские новости. 1997. № 22. 1—8 июня; Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 389.

№ 118

СООБЩЕНИЕ «В ВЕРХОВНОМ СУДЕ СССР»

24 декабря 1953 г.

18—23 декабря 1953 года Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР в составе:

председательствующего — председателя Специального Судебного Присутствия Маршала Советского Союза Конева И.С. и членов Присутствия: председателя Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Шверника Н.М., первого заместителя Председателя Верховного Суда СССР Зейдина Е.Л., генерала армии Москаленко К.С., Секретаря Московского областного

комитета КПСС Михайлова Н.А., председателя Совета Профессиональных Союзов Грузии Кучава М.И., председателя Московского городского суда Громова Л.А., первого заместителя министра внутренних дел СССР Лунева К.Ф. рассмотрело в закрытом судебном заседании, в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года, уголовное дело по обвинению Берия Л.П. и других.

В соответствии с обвинительным заключением суду были преданы: Берия Л.П. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «б», 58-8, 58-13, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР; Меркулов В.Н., Деканозов В.Г., Кобулов Б.З., Гоглидзе С.А., Мешик П.Я., Влодзимирский Л.Е. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «б», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Судебное следствие полностью подтвердило материалы предварительного следствия и предъявленные всем подсудимым обвинения, изложенные в обвинительном заключении.

Судом установлено, что, изменив Родине и действуя в интересах иностранного капитала, подсудимый Берия сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, в которую вошли связанные с Берия в течение многих лет совместной преступной деятельностью подсудимые Меркулов В.Н., Деканозов В.Г., Кобулов Б.З., Гоглидзе С.А., Мешик П.Я. и Влодзимирский Л.Е. Заговорщики ставили своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел против Коммунистической Партии и Правительства СССР, поставить Министерство внутренних дел над Партией и Правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии.

Суд установил, что начало преступной изменнической деятельности Берия Л.П. и установление им тайных связей с иностранными разведками относится еще ко времени гражданской войны, когда в 1919 году Берия Л.П., находясь в Баку, совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в разведку контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, действовавшую под контролем английских разведывательных органов.

В 1920 году Берия Л.П., находясь в Грузии, вновь совершил предательство, установив тайную связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства, также являвшейся филиалом английской разведки.

В последующие годы, вплоть до своего ареста, Берия Л.П. поддерживал и расширял тайные связи с иностранными разведками.

На протяжении многих лет Берия Л.П. и его соучастники тщательно скрывали и маскировали свою вражескую деятельность.

После кончины И.В. Сталина, делая ставку на общую активизацию реакционных империалистических сил против Советского государства, Берия Л.П. перешел к форсированным действиям для осуществления своих антисоветских изменнических замыслов, что и позволило в короткий срок разоблачить Берия Л.П. и его соучастников и пресечь их преступную деятельность.

Став в марте 1953 года министром внутренних дел СССР, подсудимый Берия Л.П., подготовляя захват власти, начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие должности как в центральном аппарате МВД, так и в его местных органах. Берия Л.П. и его сообщники расправлялись с честными работниками МВД, отказывавшимися выполнять преступные распоряжения заговорщиков.

В своих антисоветских изменнических целях Берия Л.П. и его соучастники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать остатки

буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

Действуя как злобный враг советского народа, подсудимый Берия Л.П., с целью создания продовольственных затруднений в нашей стране, саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий Партии и Правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа.

Установлено, что, скрывая и маскируя свою преступную деятельность, подсудимый Берия Л.П. и его соучастники совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых они опасались разоблачений. В качестве одного из основных методов своей преступной деятельности заговорщики избрали клевету, интриги и различные провокации против честных партийных и советских работников, стоявших на пути враждебных Советскому государству изменнических замыслов Берия Л.П. и его сообщников и мешавших им пробираться к власти.

Судом установлено, что подсудимые Берия Л.П., Меркулов В.Н., Деканозов В.Г., Кобулов Б.З., Гоглидзе С.А., Мешик П.Я. и Влодзимирский Л.Е., используя свое служебное положение в органах НКВД—МГБ—МВД, совершили ряд тягчайших преступлений с целью истребления честных, преданных делу Коммунистической партии и Советской власти кадров.

Судом также установлены преступления Берия Л.П., свидетельствующие о его глубоком моральном разложении, и факты совершенных Берия преступных корыстных действий и злоупотреблений властью.

Виновность всех подсудимых в предъявленных им обвинениях была полностью доказана на суде подлинными документами, вещественными доказательствами, собственноручными записями подсудимых, показаниями многочисленных свидетелей.

Изобличенные доказательствами подсудимые Берия Л.П., Меркулов В.Н., Деканозов В.Г, Кобулов Б.З., Гоглидзе С.А., Мешик П.Я. и Влодзимирский Л.Е. на судебном следствии подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии, и признали себя виновными в совершении ряда тягчайших государственных преступлений.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР установило виновность подсудимого Берия Л.П. — в измене Родине, организации антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и восстановления господства буржуазии; в совершении террористических актов против преданных Коммунистической Партии и народам Советского Союза политических деятелей; в активной борьбе против революционного рабочего движения в Баку в 1919 году, когда Берия состоял на секретной агентурной должности в разведке контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, завязал там связи с иностранной разведкой, а в последующем поддерживал и расширял свои тайные преступные связи с иностранными разведками до момента разоблачения и ареста, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «б», 58-8, 58-13, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Суд установил виновность подсудимых Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А., Мешика П.Я. и Влодзимирского Л.Е. в измене Родине, совершении террористических актов и участии в антисоветской изменнической группе, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «б», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР постановило: приговорить Берия Л.П., Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А., Мешика П.Я., Влодзимирского Л.Е. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией лично им принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград.

Приговор является окончательным и обжалованию не подлежит.

Приговор приведен в исполнение.

Вчера, 23 декабря, приведен в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу — Берия Л.П., Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А., Мешика П.Я., Влодзимирского Л.Е.

Опубликовано: Правда. 1953. 24 декабря; Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 389—392.

№ 119

ЗАПИСКА Р.А. РУДЕНКО И С.Н. КРУГЛОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О ВЫСЕЛЕНИИ РОДСТВЕННИКОВ Л.П. БЕРИЯ, В.Н. МЕРКУЛОВА И ДРУГИХ ОСУЖДЕННЫХ

31 декабря 1953 г.

Совершенно секретно

№ 2172/К

товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.
товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

23 декабря 1953 года Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР осуждены враги народа Берия, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский. Принимая во внимание длительное совместное проживание и тесные родственные связи врагов народа со своими семьями и учитывая социальную опасность лиц, находившихся в близких связях с врагами народа, Прокуратура СССР и Министерство внутренних дел СССР считают необходимым запретить членам семей и близким родственникам указанных врагов народа проживание в городах Москве, Ленинграде, Тбилиси и других режимных городах и местностях Советского Союза, а также на территории Кавказа и Закавказья.

Указанные лица по месту вновь избранного ими жительства будут взяты под надзор органов МВД.

Персональный список членов семей и родственников осужденных врагов народа Берия, Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского, в отношении которых предусматриваются территориальные ограничения, прилагается.

Просим Вашего согласия.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР
Р. РУДЕНКО
МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
С. КРУГЛОВ

РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 101. Подлинник. Машинопись.

Опубликовано: Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 390—391.

Раздел II

НАКАЗАНИЕ СОРАТНИКОВ БЕРИЯ

№ 120

ЗАПИСКА АППАРАТНЫХ РАБОТНИКОВ ЦК КПСС О М.Д. БАГИРОВЕ

12 декабря 1953 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н.С.

После снятия с работы т. Багирова М.Д. в ЦК КПСС поступает много заявлений, в которых сообщается о диком произволе и беззаконии, царившем в Азербайджане в период его руководства. В письмах и устных заявлениях люди рассказывают о массовых необоснованных арестах руководящих работников районов и колхозов, расправе за критику, искусственном создании антисоветских и националистических группировок, якобы действующих в республике, о крупных извращениях, допущенных в сельском хозяйстве. Многие жалобщики указывают, что т. Багиров выдвигал на руководящую работу лиц, не внушающих политического доверия, провалившихся на прежней работе, и в то же время изгонял неугодных ему людей, действовал методами Берия, наводил страх на трудящихся и своим руководством нанес огромный ущерб республике.

Ознакомление на месте показывает, что все эти заявления в основном правильно отражают положение, сложившееся в республике в период работы т. Багирова. Многочисленные факты подтверждают, что он допускал действия, граничащие с преступлением, грубо попирал советские законы, сам лично давал указания работникам МВД, суда и прокуратуры о привлечении людей к уголовной ответственности, вплоть до расстрела.

За последние два года по решению ЦК КП Азербайджана в 20 районах были сняты с работы и привлечены к партийной ответственности первые секретари райкомов партии и председатели райисполкомов, причем большинство из них осуждено, а всего за 1951—1952 г.г. снято с работы 134 человека секретарей райкомов и председателей райисполкомов. За эти же годы в республике осуждено большое количество председателей колхозов и других руководящих районных и сельских работников. По заявлению секретаря ЦК КП Азербайджана т. Мустафаева, перебиты и отданы под суд лучшие председатели колхозов, осуждены 874 заведующих животноводческими фермами.

Ярким примером беззакония является судебное дело, возбужденное в 1951 году против руководителей Ждановского района. В ЦК КП Азербайджана поступило сообщение, что председатель Эйвазаларского сельсовета Герой Социалистического Труда т. Юсуфов имеет большое количество скота в личной собственности. Проверку этого заявления Багиров поручил министру госбезопасности Емельянову, который доложил ЦК, что Юсуфов имеет 1400 голов овец, 70 лошадей и 40 верблюдов. На основании этих данных были арестованы 20 чел., в том числе первый секретарь райкома партии и председатель райисполкома за покровительство преступной деятельности Юсуфова. Несмотря на то, что при вторичной проверке было установлено, что этот скот принадлежал колхозникам, а сам Юсуфов имел в личной собственности количество скота, предусмотренное Уставом сельхозартели,

следствие по данному делу прокуратура не прекратила, потому что обвинения данной группе были сформулированы в решении ЦК КП Азербайджана и опубликованы в печати. По этому делу были осуждены председатель райисполкома Герой Социалистического Труда Мамедов к четырем годам лишения свободы, первый секретарь райкома партии Бабаев к одному году — условно, зав. сельхозотделом Сулейманов к трем годам лишения свободы и другие лица к различным срокам наказания.

В 1952 году в Ханларском районе было возбуждено уголовное дело против председателя колхоза им. Тельмана, члена бюро райкома партии Бадаляна. Возникло оно в связи с тем, что Бадалян с согласия общего собрания колхозников и с разрешения Министерства заготовок СССР закупил в Краснодарском крае пшеницу для колхоза и колхозников. Узнав об этом, бывший председатель Гянджинского облисполкома т. Рагимов вызвал к себе Бадаляна и заявил ему: «Вы опозорили т. Багирова перед Москвой! Он на XIX съезде партии заявил о процветании республики, а вы ездите побираться в другие области». После этого Бадаляну было предъявлено обвинение в разбазаривании колхозных средств и, несмотря на то, что все расходы были приняты правлением колхоза, он был осужден на 6 лет. Массовые аресты были произведены в колхозе им. Ази Асланова Шамхорского района, где без достаточных оснований арестовали и отдали под суд 27 чел., в том числе 11 бригадиров из 12-ти.

Практика огульного привлечения к уголовной ответственности в республике получила настолько широкое распространение, что даже за партийные проступки коммунисты отдавались под суд. В августе 1952 г. после проведения Зангеланской районной партийной конференции по указанию ЦК КП Азербайджана были арестованы и осуждены все члены счетной комиссии, которым предъявили обвинение в фальсификации выборов. Аналогичный факт имел место в текущем году в гор. Кировабаде, когда председателя счетной комиссии схватили на улице и доставили в тюрьму.

Уголовному преследованию подвергались и лица, обращавшиеся с заявлениями в центральные и республиканские организации. Так, в 1952 году зав. отделом пропаганды и агитации Кировабадского горкома партии т. Джавадов сообщил в редакцию газеты «Правда» о незаслуженном выдвижении первым секретарем горкома партии т. Аббасова и председателем горисполкома т. Искендерова. ЦК КП Азербайджана, получив из редакции это письмо, вместо проверки по существу приведенных в нем фактов, стал собирать компрометирующие материалы против автора письма. По указанию Багирова т. Джавадов был арестован как клеветник. Не доказав обвинения в клевете, Джавадову поставили в вину незаконное получение гонорара в редакции радиовещания и осудили на 10 лет лишения свободы. В настоящее время т. Джавадов полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

Член КПСС т. Самедов А.М. обратился в горком партии с заявлением о злоупотреблениях директора универмага Багиева. Вместо того чтобы внимательно разобраться с этим заявлением, против Самедова было сфабриковано обвинение в хищении 6 метров штапельного полотна. Суд полностью оправдал т. Самедова, после чего он обратился к т. Багирову с просьбой оградить от произвола, но поддержки не получил; через несколько дней он был арестован в приемной прокурора республики Рагимова и заключен в тюрьму. Тов. Рагимов заявил нам, что этот арест он произвел по указанию Багирова. Ныне т. Самедов полностью реабилитирован.

Тов. Багировым были сфабрикованы многочисленные дела о существовании в республике антисоветских и антипартийных групп. В 1952 году министру

госбезопасности и прокурору республики было поручено провести тщательное следствие по делу так называемой антипартийной и антиобщественной группы, в которую якобы входили Абрамова-Сквирская (член партии с 1916 года), Ефимова, Эфендиева и др. Позже было состряпано дело об антипартийной группе Пинкуса — корреспондента газеты «Гудок», которой было предъявлено обвинение в проведении антисоветской работы под флагом критики. В конце 1951 года по примеру так называемой «мингрельской группы» ЦК КП Азербайджана искусственно создал нахичеванскую антипартийную, местническую группу во главе с председателем президиума Верховного Совета Нахичеванской АССР т. Джафаровым. Все члены этой группы были сняты с занимаемых постов и в административном порядке выселены из гор. Нахичевани.

В 1951 г. т. Багиров лично дал указание т. Емельянову найти армянскую националистическую группу, в которую якобы входят замминистра лесной промышленности т. Егиазаров, министр пищевой промышленности т. Каркарян, замминистра торговли т. Агабабов и работник МГБ т. Петросян. В июне 1953 г. т. Багиров вновь поднял вопрос об армянских националистах, когда на бюро ЦК обсуждался отчет о работе Кировабадского сельскохозяйственного института. Исходя из того факта, что в этом институте из 18 лаборантов было 14 армян, он сделал вывод, что это дело рук дашнаков, и тут же дал задание в двухмесячный срок вскрыть в Кировабаде националистическую организацию.

Проверкой установлено, что т. Багиров в течение длительного времени насаждал в организации непартийные нравы и порядки, воспитывал кадры в духе раболепства и беспрекословного послушания, а людей, неугодных ему, имевших собственное мнение и вскрывавших недостатки в работе, жестоко преследовал, шантажировал и открыто угрожал «сгноить» их в тюрьме, «выгнать из Азербайджана».

Такие угрозы делались второму секретарю ЦК КП Азербайджана т. Самедову, секретарю Бакинского горкома партии т. Гезалову, бывшей зав. отделом горкома т. Абрамовой-Сквирской и другим. Многие руководящие работники преследовались путем составления на них компрометирующих материалов и изгонялись из республики, а те, которые не выдерживали травли, сами покидали Азербайджан. В мае текущего года т. Багиров прислал в ЦК КПСС письмо, в котором оклеветал 13 чел. бывших ответственных работников Азербайджана и выражал свое возмущение тем, что они работают в московских организациях. Следует отметить, что травле, как правило, подвергались не только люди, неугодные т. Багирову, но и все их близкие и даже дальние родственники.

На протяжении многих лет т. Багиров грубо нарушал партийные принципы подбора кадров, выдвигал на руководящую работу лиц, не внушающих политического доверия, а также по признакам личной преданности и близких отношений. Наряду с политическими преступниками и проходимцами типа Сумбатова-Топуридзе, ныне арестованного, на ответственные должности выдвигались выходцы из буржуазно-кулацкой среды, вплоть до сыновей миллионеров, люди, связанные родством с эмигрантами и скомпрометированные по прошлой работе. Так, до последнего времени на должности министра промышленности строительных материалов работал сын известного бакинского миллионера Дадашев, женатый на племяннице т. Багирова. Сын крупного торговца Алиев был выдвинут секретарем ЦК КП Азербайджана, а затем президентом Академии наук Азербайджанской ССР. Длительное время секретарем ЦК КП Азербайджана работал т. Сеидов, многие родственники которого репрессированы за антисоветскую деятельность или находятся за

границей; в настоящее время т. Сеидов работает председателем Госплана республики. Сняв с должности секретаря ЦК Компартии т. Гасанова за связь с политически сомнительными родственниками, т. Багиров оставил его зав. отделом науки и культуры ЦК. На должность зав. промышленно-транспортным отделом ЦК выдвинут т. Гасан-Заде, скрывший от партии свое происхождение и судимость близких родственников за антисоветскую деятельность. Министром торговли назначен т. Айдинбеков, снятый решением ЦК КПСС с поста председателя Совета Министров Дагестанской АССР и получивший партийное взыскание за клевету и т.д.

Все эти люди были нужны Багирову для того, чтобы через них выполнять свою волю. Они создавали вокруг т. Багирова ореол величия и непогрешимости, провозглашали его «вождем азербайджанского народа и всех народов Ближнего Востока». В городах и селах устанавливались бюсты Багирова, в Джабраильском районе был создан музей, посвященный его «революционной» деятельности, ему преподносились дорогие подарки, составлялось подробное жизнеописание.

Тов. Багиров допустил также крупные ошибки и извращения в колхозном строительстве, вызвавшие массовое озлобление и недовольство населения республики. Так, в 1951 г. по его инициативе были приняты чрезвычайные меры по выполнению плана развития общественного животноводства, сводившиеся, главным образом, к пополнению колхозного стада за счет скота, находящегося в личной собственности колхозников, рабочих и служащих. Во все районы направлялись ответственные работники ЦК и Совета Министров, и под их руководством в массовом порядке проводилось изъятие скота путем подворных обходов, обысков, задержания скота на дорогах и общественных пастбищах. Многие колхозы до настоящего времени за переданный им скот с колхозниками не рассчитались, скот же, задержанный на дорогах и пастбищах, как правило, передавался колхозам бесплатно. Так, например, в колхозе им. Кагановича Ждановского района в один день было отобрано у колхозников 1159 голов скота, находившегося на общественном пастбище. В результате таких мер поголовье скота, находящееся в личной собственности колхозников, рабочих и служащих, в последние годы резко сократилось. В настоящее время в Азербайджане 60 процентов колхозных дворов не имеет крупного рогатого скота. В Нахичеванской АССР и Нагорно-Карабахской автономной области 85 процентов колхозных хозяйств не имеет коров.

Проверка показала, что во многих сельскохозяйственных артелях республики колхозники не имеют приусадебных участков. Ликвидированы приусадебные участки почти во всех колхозах Апшеронского полуострова, а значительные плантации виноградников на этом полуострове переданы дачникам из числа республиканских работников, нет приусадебных участков у многих колхозников Шушинского района, в колхозе им. Сталина Мардакентского района все 640 хозяйств колхозников лишены приусадебных участков.

Серьезные извращения допускались при заготовке шерсти. В республике устанавливался своеобразный «налог» — каждому колхозному двору, служащим и учащимся, проживающим в сельской местности, предлагалось сдать от 1 до 5 кг шерсти. Руководящие работники давали прямые указания: брать шерсть из подушек и матрацев, в связи с чем имелись многочисленные факты насильственного изъятия шерсти.

Тов. Багиров не терпел вмешательства центральных организаций в дела Азербайджана, старался опорочить работников, приезжавших для ознакомления с деятельностью республиканских организаций. Летом этого года в Азер-

байджан выехала группа работников Министерства юстиции СССР. Тов. Багиров не разрешил указанным товарищам провести проверку и добился отзыва их из Баку. Постановлениями ЦК КП Азербайджана и письмами в ЦК КПСС т. Багиров пытался опорочить работников Министерства путей сообщения СССР, Министерства промышленности строительных материалов СССР, работников газеты «Правда», «Гудок» и аппарата ЦК КПСС. Чтобы очернить работников союзных организаций, т. Багиров пользовался самыми низменными методами, вплоть до провокаций. Так было в 1948 г., когда он добился отзыва из Баку бригады Министерства госконтроля СССР.

Снятие т. Багирова с работы встречено трудящимися республики с большим удовлетворением. Рядовые коммунисты с возмущением говорят, что Багиров делал все для того, чтобы вызвать массовое недовольство населения, некоторые из них заявляют, что «мы его давно не считаем коммунистом», и указывают, что он еще в 1929 году, будучи председателем АзГПУ, совершил гнусное злодеяние, приказав расстрелять большую группу малолетних детей в Кедабекском районе, при подавлении Ягублинского восстания. Вызывает сомнение правильность указываемого т. Багировым партийного стажа — с марта 1917 года. Члены партии т.т. Абрамова, Иноземцева, Сквирский и др. утверждают, что он в этот период в партии не состоял. Архивные документы также подтверждают, что сам т. Багиров в одном случае заявлял, что вступил в партию в гор. Кубе в 1917 г., а в другом случае — в гор. Баку в июне 1918 года.

Многие рабочие, колхозники и служащие спрашивают, где работает Багиров и какое он понес наказание, связывают его деятельность с вражеской работой Берия и изъявляют свою готовность оказать помощь партии в разоблачении Багирова.

Считаем, что т. Багиров за время своей работы в Азербайджане совершил серьезные преступления и заслуживает привлечения к строгой партийной ответственности.

Инспектор ЦК КПСС ЯКОВЛЕВ

Инструктор отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС БОРЦОВ

12 декабря 1953 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 473. Л. 224—231. Копия. Машинопись.

№ 121

ЗАПИСКА Р.А. РУДЕНКО В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О М.Д. БАГИРОВЕ[1]

15 марта 1954 г.

Совершенно секретно
Особая папка

№ 63/лсс

ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС
товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.
товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

При расследовании дела по обвинению Берия и его сообщников, а также из заявлений и материалов, поступивших после судебного рассмотрения

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «Разослать чл. През. ЦК. Н. Хрущев».

этого дела, выяснилось, что бывш. секретарь ЦК КП Азербайджана Мир Джафар Багиров, являясь длительное время близким и преданным Берия человеком, при поддержке последнего проводил в органах НКВД—МВД Азербайджана такую же как и Берия вражескую работу.

Подобно Берия, Багиров в период 1937—1938 гг. по существу руководил чекистскими органами, используя их для массового избиения арестованных с целью фальсификации уголовных дел, расправы с неугодными людьми и уничтожения честных партийно-советских кадров.

По этому вопросу свидетель Шнейдер, работавший в НКВД Азербайджана, показал:

«Багиров лично давал указания работникам аппарата НКВД применять меры физического воздействия по отношению ко всем арестованным. Я два раза слышал, как Багиров давал такие указания во время заседаний тройки. Вместе с тем Багиров требовал, чтобы приговоренные тройкой к расстрелу подвергались жестоким избиениям, с целью получения от них показаний на других лиц. В моем присутствии Багиров давал указания бить приговоренных к расстрелу до такой степени, чтобы они не могли идти к месту казни, чтобы их несли к этому месту...»

«Весной 1938 года продолжались массовые аресты руководящих партийно-советских работников Азербайджана. Был "вскрыт" новый правотроцкистский центр, в существование которого не верили даже следователи, допрашивавшие арестованных. Следствие под руководством Багирова, Раева и Борщова велось главным образом путем применения пыток, истязаний и избиений арестованных, от которых получались вымышленные показания, а затем шли аресты новых невинных людей...»

Еще 22 мая 1939 года Шнейдер, находясь под стражей, в своем заявлений органам НКВД писал:

«Тогда же летом я подробно осветил Ежову (к нему специально я ездил за этим) массу фактов о том, как создавались дутые громкие дела; как подсказывались арестованным на допросах (в момент применения физического нажима) фамилии руководящих работников и эти фамилии записывались в протоколы как участники к.р. организаций; как перед арестованными клали списки работников учреждений — били их и спрашивали, кто из записанных в списках входит в организации, а арестованные враги называли, кого им хотелось; как из-под палки давали подписывать арестованным написанные в их отсутствие протоколы, где назывались многие "новые члены организации"; как на очных ставках (после применения палок) один арестованный подсказывал другому ряд фамилий лиц, которые якобы состояли в организации, и когда второй это отрицал, то протоколы не фиксировались...»

Факты жестоких избиений арестованных, производившихся по указанию Багирова, подтверждаются и б. начальником секретариата НКВД Аз. ССР Рыбак, который показал:

«В 1937 году органами НКВД Азербайджана были арестованы — председатель СНК Аз. ССР Усейн Рахманов, секретарь Бакинского комитета партии Сеф и секретарь Бакинского комитета партии Гиндин Александр. Следствие по их делу вел начальник СПО Цинман Лев. Работая начальником секретариата НКВД Аз. ССР, мне приходилось видеть, как в кабинет Сумбатова-Топуридзе, работавшего наркомом внутренних дел, приводили на допросы Усейна Рахманова, Сефа и Гиндина Александра. Наряду с Сумбатовым-Топуридзе, Цинманом в допросах принимал участие секретарь ЦК

Азербайджана Багиров. Во время таких допросов обычно из кабинета были слышны крики арестованных, а затем арестованные уже из кабинета сами не могли идти, их уводили под руки...»

Примером расправы Багирова с неугодными ему людьми является дело по обвинению б. цензора Главлита, пенсионера МГБ — Кафарлы Садых Кафар, который разоблачал Багирова и б. наркомвнудела Аз. ССР Емельянова в неправильных и преступных действиях. За это по указанию Багирова Кафарлы был арестован и необоснованно осужден за вредительство и антисоветскую агитацию к 10 годам лишения свободы, дело это 10 января с.г. пересмотрено и прекращено за отсутствием в действиях осужденного состава преступления.

Кафарлы показал о фактах, известных ему о Багирове и его работе в Азербайджане, а именно:

«...Во время первой империалистической войны Багиров служил в царской армии, в дикой дивизии, а после революции стал работать в ЧК Азербайджана. Он был председателем ЧК, а Берия был у него заместителем. С того времени Берия и Багиров являются друзьями, постоянно помогавшими друг другу. Когда и при каких обстоятельствах Багиров вступил в партию — я не знаю...

...В 1936 году Багиров оказался на посту секретаря ЦК КП Азербайджана. Наркомом внутренних дел Азербайджана являлся в то время приближенный Багирова Сумбатов. Борщов, считавшийся до этого среди сотрудников НКВД провокатором и сплетником, был назначен на должность помощника наркома внутренних дел Азербайджана, причем под его руководством работала особая следственная часть для расследования дел на лиц, арестованных по заданиям Багирова... При производстве следствия под руководством Борщова и Сумбатова применяли незаконные методы: избивали и истязали обвиняемых и свидетелей, организовывали провокации и фальсифицировали дела. В 1936 году эти работники арестовали много невиновных советских людей, фальсифицировали на них дела и расправлялись с ними...

...Таким образом, как Борщов, так и Сумбатов являлись прямыми помощниками Багирова в расправах над честными людьми, посмевшими когда-либо сказать о Багирове плохое слово. Багиров, нужно прямо сказать, при помощи Сумбатова и Борщова истребил полностью руководящий состав партийно-советских работников Азербайджана и стал на руководящие должности ставить своих близких и приближенных работников...»

Двурушничество Багирова и его стремление укрыть своего единомышленника Берия от разоблачения в предательстве и вражеской работе в отношении Партии и Советского Государства очевидны хотя бы по следующим фактам:

В декабре 1936 года бывш. начальник Азербайджанского Управления НКВД Нодев в беседе со своими сослуживцами Акоповым и Пурнисом заявил, что «только в Закавказье Берия считают выдающимся чекистом, а везде от Владивостока до Москвы о нем у людей отрицательное мнение, как о человеке, который всех выживал с подвохами, применяя всякого рода нехорошие вещи...»

За такое высказывание Нодев по инициативе Багирова был снят с работы, по партийной линии ему объявлен выговор, а в 1938 году он был обвинен в контрреволюционном преступлении и расстрелян.

Выступая по делу Нодева на Бюро ЦК КП(б)А, Багиров, зная, что Берия действительно коварными интриганскими приемами выживал из Закавказья направляемых туда полномочных представителей ОГПУ, расценил высказы-

вание Нодева как «недопустимую, антипартийную, клеветническую болтовню»; угоднически восхвалял Берия, которому якобы «вместе со всей большевистской партийной организацией нужно воздать должное за его большевистскую упорную борьбу за последние 5—6 лет в Азербайджане», и, наконец, с целью скрыть предательское прошлое Берия, заверил Бюро ЦК Азербайджана, что «партия борьбу с контрреволюционной разведкой поручила Берия еще тогда, когда он был в подполье».

Заведомая лживость такого заверения была очевидна и самому Багирову в момент его выступления, так как еще в 1934 году он активно помогал врагу народа Меркулову изымать в Баку из архива документы о предательской работе Берия в контрреволюционной муссаватистской разведке.

Багиров проявлял особую заботу о благополучии Берия. По этому вопросу бывш. начальник охраны Берия — Саркисов показал:

«...Когда однажды в 1942 году по поручению Берия я провожал на вокзал Багирова, уезжавшего из Москвы в Баку, то Багиров мне сказал: "От коммунистической партии Азербайджана поручаю тебе охранять Берия бдительно"».

Бывш. замначальника Особого отдела НКВД Ленинградского военного округа Самохвалов К.А. (осужденный б. особым совещанием НКВД СССР в июле 1940 г.) в своем заявлении указывает, что при допросе им в 1937 г. арестованного Ахундова последний сообщил, что Багиров и Берия инспирировали всевозможные клеветнические измышления вокруг личности товарища С. Орджоникидзе.

Багиров был полностью осведомлен о злобной интриганской борьбе, которую на протяжении ряда лет вел Берия против С. Орджоникидзе и об этом при допросе 29 октября 1953 г. показал:

«...Отношение Берия к Серго Орджоникидзе является одним из наиболее убедительных примеров подлости Берия, его карьеризма и вероломства...»

Ряд лиц в своих заявлениях и показаниях указывает на то, что в прошлом Багиров был связан с иранской и муссаватистской разведками.

Прошу Вашего согласия на арест Багирова и производство в отношении его расследования.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 66—71. Подлинник. Машинопись.

№ 122

ЗАПИСКА ЧЛЕНА КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ П. КОМАРОВА Н.С. ХРУЩЕВУ О РЕШЕНИИ КПК ПО ДЕЛУ М.Д. БАГИРОВА С ПРИЛОЖЕНИЕМ СПРАВКИ[1]

27 марта 1954 г.

Особая папка

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

В соответствии с поручением Пленума ЦК КПСС, состоявшегося в феврале-марте 1954 года, Комитет Партийного Контроля с участием работников Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС тт. Шубина и Борцова рассмотрел вопрос о партийном положении быв. секретаря ЦК КП Азербайджана Багирова М.Д.

---

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «П. 752. Разослать членам Президиума ЦК КПСС (указание тов. Хрущева)».

На основании проверки и рассмотрения вопроса на КПК установлено, что Багиров, будучи секретарем ЦК Азербайджана, двурушнически вел себя перед партией, на протяжении всей своей работы находился в тесной дружбе с врагом народа Берия, неоднократно выступал в его защиту, спасая от разоблачения, и скрывал от ЦК КПСС известные ему факты преступной, враждебной деятельности Берия.

Своими непартийными действиями Багиров при помощи и поддержке своего «шефа» Берия пытался оторвать Азербайджанскую партийную организацию от ЦК КПСС, решал вопросы руководства республикой в обход ЦК партии, не терпел вмешательства центральных органов в дела Азербайджана, старался опорочить работников, приезжавших в республику для проведения проверок, часто допускал оскорбительные выпады против руководящих работников союзных организаций и министерств.

Действуя преступными методами, Багиров творил произвол и беззакония, избивал и терроризировал партийные, советские и хозяйственные кадры, дискредитировал честных и преданных партии работников и грубо зажимал критику. Установлены многочисленные факты, когда по прямому указанию Багирова учинялась расправа с ни в чем не повинными людьми, производились аресты и осуждение этих лиц по фальсифицированным материалам. Багиров являлся непосредственным инициатором создания вымышленных, провокационных дел о так называемых антипартийных, антисоветских и националистических группировках и организациях.

В руководстве сельским хозяйством и колхозным строительством Багиров извращал политику Коммунистической партии и Советского правительства, давал противозаконные указания, направленные на подрыв общественного хозяйства колхозов и своими антигосударственными действиями вызывал массовое недовольство среди населения.

Как видно из имеющихся материалов, Багиров злоупотреблял служебным положением, — растрачивал миллионные государственные средства на свою личную охрану и бытовое обслуживание. Он насаждал в организации чуждые партии нравы. В целях рекламирования и восхваления в республике выпускались в большом количестве его портреты и бюсты, был организован музей Багирова.

В ходе проверки установлено также, что Багиров обманывал партию и ЦК в отношении своей прошлой деятельности. Присвоил себе партийный стаж с марта 1917 года, тогда как в Коммунистической партии в это время он не состоял. В своих автобиографических документах неправдиво сообщал о своей службе в 1917—1918 гг. в Кубинском уездном контрреволюционном комиссариате и в дашнакском буржуазно-националистическом отряде в Азербайджане, выдавал эту службу за революционную работу по заданиям большевиков и ложно изображал факт своего ареста в 1918 году уполномоченным известного Бакинского комиссара т. Джапаридзе за участие в преступных действиях дашнакского отряда.

Багиров скрывал от партийных органов свое исключение из партии во время чистки 1921 года, а также его привлечение Центральной Контрольной Комиссией ВКП(б) к партийной ответственности в 1929 году за злоупотребления служебным положением, недостойное поведение и произвол по отношению к арестованным в период его работы в органах ЧК—ГПУ Азербайджана.

Комитет Партийного Контроля, рассмотрев вопрос о Багирове М.Д. в его присутствии, за антипартийное поведение и допущенные им антигосударственные действия исключил его из членов КПСС.

Решение Комитета Партийного Контроля и записка тов. Ягодкина о результатах проверки прилагаются.

П. КОМАРОВ

Решение

Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС
О Багирове М.Д. — бывшем секретаре ЦК КП Азербайджана

На основании материалов проверки установлено, что Багиров М.Д., будучи секретарем ЦК КП Азербайджана, двурушнически вел себя перед партией, скрыл от ЦК КПСС известные ему данные о преступной враждебной деятельности врага народа Берия, с которым длительное время находился в приятельских отношениях. Злоупотребляя своим положением, творил произвол и беззакония в республике, избивал партийные, советские и хозяйственные кадры, грубо зажимал критику, насаждал в организации чуждые партии нравы и своими непартийными методами работы пытался оторвать Азербайджанскую партийную организацию от ЦК КПСС. Извращая политику Коммунистической партии и Советского правительства в области колхозного строительства, давал противозаконные указания и директивы, направленные на подрыв колхозного строя. Багиров преступно относился к расходованию государственных средств на личную охрану и свое бытовое обслуживание.

В соответствии с поручением Пленума ЦК КПСС нами рассмотрены поступившие в Центральный комитет партии материалы об антипартийном поведении Багирова М.Д.

Установлено также, что Багиров обманным путем присвоил себе партийный стаж с марта 1917 года, тогда как в партии большевиков он в это время не состоял. В своих учетно-биографических документах неправдиво сообщал о своей деятельности в 1917—1918 годах, выдавая за революционную работу свою службу в уездном контрреволюционном комиссариате и в дашнакском буржуазно-националистическом отряде в Азербайджане.

За антипартийное поведение и антигосударственные действия Багирова Мир Джафар Аббасовича оглы исключить из членов КПСС.

Материалы о преступных действиях Багирова М.Д. направить в Прокуратуру СССР.

Справка

об антипартийном поведении Багирова М.Д.

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в феврале-марте 1954 года, вывел Багирова М.Д. из состава членов ЦК КПСС и поручил Комитету Партийного Контроля рассмотреть вопрос о его партийном положении. При рассмотрении вопроса на Пленуме Багирову предъявлены обвинения в том, что он, будучи секретарем ЦК КП Азербайджана, двурушнически вел себя перед партией, скрыл от ЦК известные ему данные о преступной, враждебной деятельности Берия, пытался оторвать Азербайджанскую партийную организацию от ЦК КПСС, извращал политику партии и правительства в колхозном строительстве, творил произвол и беззакония, дискредитировал честных и преданных партии работников, насаждал в организации чуждые партии нравы, зажимал критику и грубо попирал принципы партийного руководства.

В соответствии с поручением Пленума ЦК КПСС нами рассмотрены поступившие в Центральный Комитет партии материалы об антипартийном поведении Багирова М.Д.

Установлено, что Багиров на протяжении всей своей работы в Азербайджане находился в тесной дружбе с ныне изобличенным врагом Коммунистической партии и советского народа Берия и тщательно скрывал от партии известные ему многие документы и факты, подтверждающие преступную, антисоветскую деятельность Берия. Являясь близкими приятелями, Багиров и Берия постоянно оказывали друг другу поддержку и неизменно приходили на помощь в те моменты, когда им грозило разоблачение.

Багиров, став в 1921 году председателем Азербайджанской ЧК, взял своим заместителем Берия, хотя ему было известно, что Берия находился на службе в муссаватистской контрреволюционной разведке, действовавшей под контролем английских разведывательных органов. Во время чистки рядов партии Багиров выступил в декабре 1921 года на собрании комячейки АзЧК в защиту Берия, обвинявшегося в морально-бытовом разложении и совершенных им преступлениях, дав ему положительную характеристику. Тем не менее, Азербайджанской проверочной комиссией Берия был исключен из членов партии, но Центральная Контрольная Комиссия РКП оставила его членом партии, объявив за некоммунистические поступки выговор с занесением в партбилет и запретив ему работать в органах ЧК. Несмотря на это, с помощью Багирова Берия остался на работе в органах ЧК и в 1922 году пробрался на пост заместителя председателя Закавказской ЧК.

В 1927 году, когда Багиров за непартийное поведение был снят с поста председателя Азербайджанского ГПУ, в свою очередь Берия пришел ему на помощь, устроив Багирова на должность начальника водного хозяйства Закавказья, а в 1929 году снова выдвинул его на работу в органы ГПУ. Обращаясь с этим вопросом в ЦК КП Азербайджана, Берия писал:

«Нам нужен во главе ГПУ сильный, решительный, энергичный и знающий местные условия работник... Наиболее подходящей кандидатурой для этого является кандидатура тов. Багирова... Нужно этот вопрос решить и притом в срочном порядке. Дальнейшая оттяжка абсолютно недопустима. Л. Берия».

По требованию Берия, являвшегося в то время заместителем председателя ЗакГПУ, Багиров вновь был назначен на пост председателя АзГПУ.

В дальнейшем, при попытках со стороны отдельных работников разоблачить преступную деятельность Берия, Багиров выступал в его защиту. В 1936 году, узнав о том, что заместитель начальника Азербайджанского управления НКВД Нодев отрицательно высказывался о Берия, Багиров создал против Нодева фальсифицированное дело и направил в Москву следующую телеграмму:

«Наркомвнудел тов. Ежову. За недопустимую клеветническую антипартийную болтовню по адресу товарища Лаврентия Берия бюро ЦК АКП(б)... постановило просить Вас снять его (т.е. Нодева) с работы. Секретарь ЦК АКП(б) Багиров».

В связи с этим Нодев был снят с работы, а впоследствии, с приходом Берия в органы НКВД, арестован и расстрелян.

Во время разоблачения вражеской деятельности Берия Багиров не только не помог партии в разоблачении его, но вел себя перед партией неискренне, двурушнически. В своих выступлениях на июльском Пленуме ЦК КПСС в 1953 году и на объединенном Пленуме ЦК Азербайджана и Бакинского горкома партии Багиров, фарисейски прикидываясь честным коммунистом, лживо заявлял, что ему ничего не известно о преступной деятельности Берия и что он с ним не связан. Между тем как незадолго до этого пленума

Багиров получил от Берия личный подарок — охотничье ружье с надписью: «Мир Джафар Багирову от Л. Берия».

Будучи секретарем ЦК КП Азербайджана, Багиров при покровительстве своего «шефа» Берия проводил антипартийную и антигосударственную линию в республике. На протяжении многих лет, грубо попирая партийные принципы подбора кадров, Багиров расставлял на руководящие посты лично преданных ему людей и засорял партийные и советские органы недостойными работниками. На пост заместителя председателя Совета министров республики в 1947 году Багиров выдвинул политического проходимца и преступника, ныне арестованного Сумбатова-Топуридзе, являвшегося связником Берия. Министром промышленности строительных материалов республики работал сын известного бакинского миллионера Дадашев, выдвинутый на эту работу только из-за того, что он находился в родственных связях с Багировым. До последнего времени заместителем заведующего административным отделом ЦК КП Азербайджана работал старый приятель Берия и Багирова Борщов, взятый в аппарат ЦК в 1948 году после увольнения его из органов МВД. На руководящей работе в республике длительное время находился некто Ахмед Тринич, матерый турецкий шпион, служивший во время гражданской войны в турецких войсках и принимавший активное участие в борьбе против Красной Армии, о чем было известно Багирову, но, несмотря на это, он всячески поддерживал Тринича по работе и представлял его к правительственным наградам.

Имея поддержку в лице врага народа Берия и чувствуя полную бесконтрольность в своей «деятельности», Багиров грубо зажимал критику, жестоко преследовал лиц, осмелившихся сообщать в центральные и республиканские органы о злоупотреблениях руководящих работников, творил произвол и беззакония. В этих целях он полностью подчинил себе органы госбезопасности и через своего сподручного бывшего министра госбезопасности Емельянова осуществлял расправу. По личному указанию Багирова в 1947 году был арестован член партии, врач Джавадов, написавший в Совет Министров СССР заявление о неправильном поведении некоторых руководящих работников республики. Джавадов, его жена — Мустафаева и 68-летняя теща были необоснованно обвинены в клевете и осуждены к трем годам исправительно-трудовых работ с поражением в правах на два года. Наряду с ними преследованию подверглись и их родственники. Начальник объединения «Азнефть» т. Али-Заде, доктор геологических наук, дважды лауреат Сталинской премии, был снят с работы, исключен из членов Академии наук Азербайджанской ССР, отозван из депутатов Верховного Совета, выведен из состава бюро Бакинского горкома партии, затем был изгнан из республики. Другой родственник — Мустафаев, являвшийся заместителем министра госбезопасности Азербайджанской ССР, был снят с работы и исключен из членов КПСС.

В 1952 году был исключен из членов партии и по фальсифицированным материалам осужден на 10 лет заведующий отделом пропаганды и агитации Кировабадского горкома партии т. Джавадов, вся вина которого состояла в том, что он написал в редакцию газеты «Правда» письмо о незаслуженном выдвижении отдельных работников в горком партии. Подобным же образом Багиров расправился с начальником Молотовского РО МГБ г. Баку т. Акоповым, который только за то, что обратился к Багирову с жалобой на неправильное поведение заместителя министра госбезопасности Керимова, в апреле 1952 года необоснованно был исключен из членов партии и осужден

военным трибуналом к 2 годам лишения свободы по обвинению в провокационных действиях.

Нередко без всякого основания Багиров давал непосредственные указания органам МГБ о привлечении к ответственности отдельных работников. В 1952 году Багиров, получив справку, составленную по его заданию на заместителя директора конторы бурения т. Али-Заде, написал следующую резолюцию:

«Срочно. Лично. В собств. руки тов. Емельянову С.Ф. Справка составлена по моему поручению. Али-Заде... разведчица... Прошу Вас позвонить мне... Начать расшифровку Али-Заде. Багиров».

После этого Емельянов завел дело на Али-Заде, и она была снята с работы и исключена из партии. Только при вмешательстве ЦК КПСС т. Али-Заде была реабилитирована.

В сентябре 1952 года после проведения Зангеланской районной партийной конференции по указанию Багирова были арестованы члены счетной комиссии тт. Гасанов, Талыбов, Бабаев, Исмаилов и Кулиев, которым предъявлялось обвинение в фальсификации выборов. В связи с отменой результатов голосования собралась повторная конференция, в день открытия которой арестованных под конвоем привели на заседание конференции, где всех их исключили из членов партии, а потом снова увели под конвоем в тюрьму. Впоследствии все члены счетной комиссии были осуждены к трем годам лишения свободы с поражением в правах на два года. Как показала проверка, арест и предание суду указанных товарищей являлись незаконным действием.

По указанию Багирова органы МГБ проводили сбор компрометирующих материалов на многих руководящих работников с целью дискредитации их. Так, в 1950 году быв. министр государственной безопасности Емельянов собрал компрометирующие данные на большую группу ответственных партийных и советских работников и интеллигенции, в результате многим из них выражено было политическое недоверие и они были сняты с работы.

Под флагом революционной бдительности Багиров искусственно создавал «дела» о существовании в Азербайджанской ССР антисоветских и антипартийных групп, в которые включал главным образом неугодных или провинившихся перед ним лиц и посредством создания таких провокационных дел расправлялся с ними. В этом отношении характерным является дело о так называемой антипартийной и антиобщественной группе ответственных работников, членов партии Абрамовой-Сквирской (член партии с 1916 года), Ефимовой, Мельникова, Соболевой, Эфендиевой, Кричевской. Указанные члены партии обвинялись Багировым в том, что они часто собираются на квартирах и ведут подрывную, антисоветскую работу. В результате они подверглись допросам в органах МГБ, снятию с работы, привлечению к партийной ответственности, а некоторые из них аресту. Проверкой КПК была установлена необоснованность предъявленных этим товарищам политических обвинений, и они реабилитированы. В связи с этим делом также был привлечен к ответственности муж одной из участниц этой «группы» — директор завода им. лейтенанта Шмидта, член ЦК КП Азербайджана, лауреат Сталинской премии Эфендиев Г.Э., против которого было необоснованно возбуждено уголовное дело, и он был осужден к 10 годам заключения. В настоящее время т. Эфендиев из заключения освобожден.

В 1951 году Багировым и быв. министром внутренних дел было создано «дело» о нахичеванской антипартийной местнической группировке во главе

с председателем Президиума Верховного Совета Нахичеванской АССР т. Джафаровым, заведующим отделом Нахичеванского обкома т. Григоряном и министром торговли республики т. Аббасовым, которые необоснованно были сняты с занимаемых постов, привлечены к партийной ответственности и в административном порядке высланы из г. Нахичевань с лишением права проживать в пограничной полосе.

О необоснованном обвинении отдельных коммунистов в организации антисоветских группировок свидетельствует также «дело» корреспондента газеты «Гудок» т. Пинкуса. Багиров, узнав о том, что т. Пинкус в 1953 году написал в ЦК КПСС заявление о непорядках на Азербайджанской железной дороге, созвал бюро ЦК КП Азербайджана, на котором устроил ему разнос, обвинив его в том, что он политически сомнительный человек, ведет провокационную работу и создал в республике «подпольную, антисоветскую, белогвардейскую группу», а затем добился его снятия с работы в газете «Гудок» и удаления его из республики.

В результате произвола и бездушного отношения к судьбам членов партии и беспартийных со стороны Багирова в Азербайджанской ССР проводилось массовое избиение руководящих работников и допускались многочисленные факты необоснованного ареста граждан. Только за период 1934—1938 гг. органами НКВД было арестовано и осуждено 27 458 чел., в том числе 14 602 человека — за контрреволюционные преступления, 871 чел. — за террористическую деятельность и 953 чел. — за шпионаж. Правильность привлечения такого большого количества людей к ответственности вызывает явное сомнение.

Массовое привлечение к ответственности продолжалось и в дальнейшем. За три последних года в районах республики было снято с работы 170 секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. За эти годы в республике осуждено большое количество председателей колхозов и других сельских работников, в том числе 874 заведующих животноводческими фермами. Так, в Ждановском районе по делу председателя Эйвазаларского сельсовета Юсуфова, который обвинялся в том, что он имел в личной собственности более 1500 голов скота, было арестовано 20 человек, в том числе три Героя Социалистического Труда, и, несмотря на то, что следствием обвинения не подтвердились, так как скот являлся колхозным, все арестованные были осуждены к различным срокам наказания, а Юсуфов умер в тюрьме до суда. В передовом колхозе им. Ази Асланова Шомхорского района без достаточных оснований были арестованы и отданы под суд 27 человек, в том числе 11 бригадиров из 12. В течение 1951—1952 годов и первой половины 1953 года было необоснованно арестовано 2790 граждан. Быв. министр госбезопасности Азербайджанской ССР Емельянов по этому вопросу сообщил в КПК, что Багиров «требовал много раз ареста людей, на которых органы ничем не располагали».

Прикрываясь фальшивыми фразами о дружбе народов СССР, Багиров на деле искусственно сеял национальную рознь и своими действиями извращал национальную политику коммунистической партии. В 1942 году, когда после захвата немцами Ростова-на-Дону, в г. Махачкале скопилось около 100 тыс. эвакуированных русских, украинцев и других граждан, и создалось тяжелое положение с ними, Багиров, несмотря на просьбу Дагестанского обкома принять эвакуированных и отправить их через Бакинский порт в Красноводск, не только отказал в этом, но даже организовал «санитарный кордон» с тем, чтобы не допустить эвакуированных в Баку, что значительно увеличило число жертв среди них.

Багиров непартийно относился к кадрам армянской национальности, выросшим в Азербайджане, и предпринимал неоднократные попытки сфабриковать «дела» против них. В 1951 г. по указанию Багирова органами МГБ незаконно и без всяких оснований была арестована Григорян, работавшая в Баку контролером Министерства госконтроля СССР, от которой в течение девяти месяцев добивались признания о существовании в республике армяно-националистической группы, в которую якобы входили некоторые руководящие работники-армяне. Не добившись никаких признаний, Григорян все же была обвинена в национализме и выслана из республики. В 1953 году при обсуждении на бюро ЦК КП Азербайджана работы Кировабадского сельскохозяйственного института, Багиров, исходя только из того, что из 18 лаборантов института было 14 армян, заявил, что в институте действует армянская националистическая организация, и предложил органам МГБ в двухмесячный срок «раскрыть эту организацию».

В руководстве сельским хозяйством и колхозным строительством Багиров извращал политику Коммунистической партии и Советского правительства и своими антигосударственными действиями наносил большой вред колхозному строю и вызывал массовое недовольство населения.

В 1951 году, в связи с невыполнением плана развития общественного животноводства в колхозах, по указанию Багирова в массовом порядке проводилось насильственное изъятие скота, находящегося в личной собственности колхозников, рабочих и служащих, путем подворных обходов, обысков и задержания скота на дворах и пастбищах. Отобранный скот передавался колхозам и зачислялся в выполнение плана развития общественного животноводства. Так, в Джабраильском районе было отобрано у колхозников 1500 овец и 290 голов крупного рогатого скота. В колхозе им. Кагановича Ждановского района было захвачено 1159 голов скота, находившегося на пастбищах и принадлежавшего колхозникам. Было изъято более 300 коров у жителей города Баку. В результате таких мер поголовье скота, находившегося в личной собственности колхозников, рабочих и служащих, в последние годы резко сократилось. В настоящее время в Азербайджане 60 % колхозных дворов не имеет крупного рогатого скота.

В 1951 г. при заготовке шерсти Багиров дал противозаконное указание брать шерсть из матрацев и подушек, принадлежавших колхозникам, рабочим и служащим, в связи с чем имелись многочисленные факты насильственного изъятия шерсти.

Как видно из материалов проверки, Багиров по вопросам сельского хозяйства давал такие указания, последствия которых приносили большой вред. Так, не считаясь с возражениями членов бюро ЦК и специалистов сельского хозяйства, он настоял в 1951 г. на проведении сверхраннего сева хлопка. В результате урожай хлопка в республике снизился с 18,7 центнеров до 12,7 центнеров с гектара, а план сдачи государству был выполнен только на 69,3 %. Кроме того, в колхозах Азербайджанской ССР, в нарушение Устава сельскохозяйственной артели, многие колхозники не имеют приусадебных участков, что вызывает справедливое недовольство среди них.

Являясь первым секретарем ЦК Азербайджана, Багиров пытался оторвать Азербайджанскую партийную организацию от ЦК КПСС, разрешал вопросы через своего «шефа» Берия, не терпел вмешательства центральных органов в дела Азербайджана, старался опорочить работников, приезжавших в республику для ознакомления и проверки партийных, советских и хозяй-

ственных организаций Азербайджанской ССР. В 1948 г. Багиров добился отзыва из Азербайджана бригады Министерства государственного контроля СССР, проверявшей финансово-хозяйственную деятельность Совета министров Азербайджанской ССР. После отзыва бригады он жестоко расправился с теми товарищами, которые привлекались на месте для участия в проверке. В 1953 г. Багиров не разрешил группе работников Министерства юстиции СССР, приехавшей в Азербайджан, проводить проверку о серьезных нарушениях советского законодательства в республике и добился их отзыва. Часто в оскорбительном тоне Багиров отзывался о руководящих работниках союзных организаций и министерств.

Как видно из выступлений делегатов на Бакинской городской партийной конференции и участников пленума ЦК КП Азербайджана т.т. Вургуна, Ибрагимова, Якубова, Багиров непартийно относился к Серго Орджоникидзе за то, что Орджоникидзе выступил в 1933 г. с отводом кандидатуры Багирова на пост первого секретаря ЦК КП Азербайджана. Зная о провокационных действиях Берия против Серго Орджоникидзе, Багиров не сообщал об этом в ЦК КПСС. В Комитет Партийного Контроля по этому вопросу Багиров заявил, что ему было известно об отношениях Берия к Орджоникидзе, но он не говорил об этом.

Злоупотребляя служебным положением, Багиров не считался с советскими законами, и в личной жизни вел себя как удельный князь. Вместе со своими приближенными без всякой необходимости он имел дачный поселок с земельной площадью в 50 гектаров, хозяйство которого велось по существу на частной основе с применением большого количества рабочей силы и свободной продажей продукции садоводства и овощеводства детским учреждениям, больницам, а также кооперации по рыночным ценам.

Личная охрана Багирова составляла 41 человек, на которых ежегодно расходовалось около одного миллиона рублей государственных средств. Быв. министр государственной безопасности Азербайджана сообщил в КПК:

«Багиров боялся, как бы его кто-нибудь не тронул... Требовал усиленной охраны... Для охраны Багирова существовал специально утвержденный... отдел охраны, который доходил до 31 чел.».

Кроме того, за счет государства содержался персонал из 8 человек для обслуживания личной квартиры Багирова, на что расходовались десятки тысяч рублей в год. В целях рекламирования Багирова, как «деятеля партии», его подхалимами в Азербайджане выпускались в большом количестве портреты, бюсты и даже был специально организован музей Багирова в Джебраиле.

Следует отметить, что, как видно из документов, Багиров, будучи нечестным человеком, скрывал от партии свое преступное поведение во время гражданской войны в Азербайджане, приписывая себе незаслуженно революционную деятельность. В своей автобиографии, написанной в 1923 году, указывает, что он вступил в большевистскую партию в марте 1917 года в г. Кубе и вел там борьбу за установление Советской власти. На самом деле это не соответствует действительности. В партию Багиров там не вступал и никакой революционной работы в Кубинском округе Азербайджана не проводил. Напротив, имеются данные, свидетельствующие о том, что Багиров в период пребывания в Кубе состоял на службе в контрреволюционном Кубинском уездном исполкоме. Работая учителем, в марте 1917 года он избирался в исполнительный комитет Кубинского уезда, состоявший из попов, мусульманских мулл, крупных кубинских помещиков и других контррево-

люционных элементов во главе с крупным помещиком Алибеком Зизикским. Свое избрание в этот, так называемый исполнительный комитет, он считает временем вступления в большевистскую партию и в качестве рекомендующих называет членов партии Абрамову Н., Иноземцеву А.А. и Нарчемашвили Н., которые это не подтверждают и заявляют, что он в этот период не был коммунистом. При выяснении партийности Багирова не установлено, когда и при каких обстоятельствах он вступил в Коммунистическую партию, так как не имеется никаких данных, а его объяснения являются противоречивыми, и поверить им нельзя.

Находясь в 1917 году в г. Кубе, Багиров, как это видно из имеющихся материалов и его объяснения, являлся заместителем Кубинского уездного «комиссара» Алибека Зизикского, который возглавлял отряд бандитов, расправлявшихся с местным населением, причем Багиров в это время также возглавлял созданный им главным образом из уголовных элементов «летучий отряд», занимавшийся грабежом и разбоем. В 1918 году Багиров находился в составе дашнакского отряда под командованием Амазаспа, учинившего зверский разгром г. Кубы и вырезавшего значительную часть городского населения. В связи с этими преступлениями Багиров был арестован уполномоченным известного бакинского комиссара товарища Джапаридзе — Левоном Гогоберидзе и заключен в тюрьму, откуда он бежал в Баку и затем в Астрахань, чтобы скрыть следы своего преступления. Но и находясь в Астрахани, Багиров также арестовывался по обвинению в воровстве и мародерстве, за что его соучастники были осуждены военным трибуналом, а ему удалось оправдаться перед судом. В 1920 году Багиров находился в плену турецких войск, действовавших в то время в ряде районов Азербайджана под командованием Нури Паши.

Тщательно маскируя свое преступное поведение, Багиров после окончания гражданской войны пробрался в органы ЧК на пост председателя Азербайджанской чрезвычайной комиссии и, находясь на этом посту, злоупотреблял своим положением и совершал преступные действия. В 1921 году Азербайджанской проверочной комиссией по чистке членов партии Багиров за связь и рекомендацию на ответственную работу некоммунистических элементов, своих частных знакомых, избиение арестованных в органах ЧК, за грубость и получение взяток был исключен из членов партии, но Кавказской краевой комиссией по чистке партии и ЦКК РКП(б) он был оставлен в партии.

Несмотря на это, Багиров и в дальнейшем злоупотреблял служебным положением и совершал недостойные поступки в период работы в органах ЧК—ГПУ Азербайджана. Так, в 1929 году Президиумом Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) под председательством т. Орджоникидзе Багиров был привлечен к партийной ответственности за допущение расправы в органах ГПУ, в бытность его председателем ГПУ Азербайджана. Однако в своих учетно-биографических документах он не указывал об этом решении ЦКК, а также о своем исключении из партии в 1921 году.

Таким образом, материалами дела установлено, что Багиров М.Д., будучи председателем ЧК—ГПУ и затем секретарем ЦК КП Азербайджана, вел себя антипартийно и допускал антигосударственные действия, за что должен понести партийную и судебную ответственность.

И. ЯГОДКИН
Член Комитета Партийного Контроля

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 72—85. Копия. Машинопись.

№ 123
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА М.Д. БАГИРОВА[1]

9 апреля 1954 г.

Сов. секретно
Особая папка

№ 80/лсс

Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Представляю Вам копию протокола допроса БАГИРОВА М.Д. от 9 апреля 1954 года.

Приложение: на 10 листах.

Р. РУДЕНКО

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО

9 апреля 1954 года, Генеральный Прокурор Союза ССР, действительный государственный советник юстиции РУДЕНКО допросил в Бутырской тюрьме МВД СССР арестованного БАГИРОВА Мир Джафара Аббасовича, который показал:

ВОПРОС: Когда вы вступили в партию большевиков?

ОТВЕТ: В марте 1917 года, в гор. Куба Аз. ССР.

ВОПРОС: Подавали ли вы заявление о приеме в партию, и кем оно рассматривалось?

ОТВЕТ: В то время никаких партийных организаций в гор. Кубе не было. В Пензенской воинской дружине, которая тогда несла охранную службу почты, казначейства и банка, я сблизился с тремя прапорщиками из бывших сельских учителей — Зондфлебелем, Ивановым, фамилии третьего я не помню.Эти лица называли оебя социал-демократами большевиками, и я разделял их политические настроения. Мы с ними собирались, советовались, как облегчить положение беднейших слов населения и противопоставить эти слои засилью в городе беков, кулаков и других капиталистическо-помещичьих элементов. Заявления о приеме в партию я не писал, и эти три человека и приняли меня в партию большевиков. По существу эти лица и были моими поручителями.

ВОПРОС: Почему во время перерегистрации в 1920 году вы указали других поручителей — Вилкова, Шарапова, Нарчимашвили и Агаева?

ОТВЕТ: Я указал этих товарищей только потому, что они в момент перерегистрации меня знали.

ВОПРОС: Сейчас вы утверждаете, что вступили в партию в марте 1917 года в г. Кубе, а при перерегистрации 16 ноября 1920 года на вопрос, когда вступили в партию, ответили, что в июне 1918 года, но уже не в г. Кубе, а в г. Баку. Когда же по этому вопросу вы говорили правду?

ОТВЕТ: Я не знаю, как это получилось.

ВОПРОС: Вам предъявляется копия протокола общего собрания комячейки Особотделения № 6 и Ревтрибунала 1 стрелковой дивизии о перерегистрации членов партии от 16.XI.1920 года. Вы признаете, что в этом протоколе зафиксировано ваше заявление о вступлении в партию в июне 1918 года в гор. Баку?

---

[1] На первом листе имеется рукописная помета: «Чл. През. ЦК. Н. Хрущев 10.IV».

ОТВЕТ: Да, действительно в осмотренной мной копии протокола значится так. Почему так получилось, что время и место моего вступления в партию иные, чем те, о которых я показал сейчас на допросе, объяснить затрудняюсь.

ВОПРОС: Вы признаете, что приписали себе дооктябрьский партийный стаж?

ОТВЕТ: Объективно это получается так, но я и мысли не имел приписать себе партстаж, так как считаю себя в партии с III-1917 года.

ВОПРОС: В 1917 году вы были заместителем Кубинского уездного комиссара, крупного помещика, видного муссаватиста капитана Зизикского Алибека, который возглавлял отряд бандитов, зверски расправлявшихся с местным населением. Вы это признаете?

ОТВЕТ: Да, я был выдвинут заместителем Зизикского с поста комиссара еврейской слободы по инициативе тех трех лиц, которые приняли меня в партию. Проработал я в этой должности до сентября 1917 года, а затем стал учительствовать. При мне зверств не было.

ВОПРОС: Вы признаете, что в 1918 году находились в дашнакском отряде под командованием Амазаспа, учинившего зверский разгром г. Кубы и вырезавшего значительную часть городского населения?

ОТВЕТ: В этом отряде я был по приказанию чрезвычайного уполномоченного Бакинского Совнаркома в Дагестане тов. Нанейшвили, который мне как коммунисту поручил следить за тем, чтобы со стороны дашнаков было меньше зверств. В этом отряде я пробыл примерно неделю. Отряд этот был послан Бакинским Совнаркомом для освобождения Кубы. Верно, за эту неделю дашнаки вырезали много невинных людей.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что за эти зверства вы были арестованы уполномоченным Бакинского комиссара Джапаридзе — Леваном Гогоберидзе и заключены в тюрьму?

ОТВЕТ: Да, я был арестован Леваном Гогоберидзе за то, что не принял мер к предотвращению зверств дашнаков, после ареста меня никто не допрашивал, и я пробыл под стражей дней 5. Освободила меня рота из русских, которая прибыла из Баку, после чего я туда же и уехал. Впоследствии вопрос о моей ответственности по этому делу никем не поднимался.

ВОПРОС: За что вы арестовывались второй раз уже в Астрахани?

ОТВЕТ: Я был начальником караульной группы, охранявшей склад с воинским имуществом, двое из моих красногвардейцев украли несколько пар ботинок, за что арестовали и меня. Дело это рассматривалось в Ревтрибунале, виновных осудили, а я был оправдан и возвратился в свою воинскую часть.

ВОПРОС: Вы привлекались к партийной ответственности в 1921 году?

ОТВЕТ: Нет, не привлекался. Летом 1922 года мне где-то сказали, что по решению ЦКК меня оставили в партии. В 1921 году меня для рассмотрения моего партийного вопроса никуда не вызывали.

ВОПРОС: Почему вы, как председатель АзЧК, зная, что контрреволюционер и бандит Алибек Зизикский, находясь на нелегальном положении, бывает в гор. Шемаха и устанавливает связи с к/р элементами, не приняли мер к его аресту и оберегали его от ответственности?

ОТВЕТ: О том, что Зизикский скрывается и ведет антисоветскую работу, я не знал, но мы его разыскивали.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Такие данные о преступной работе Зизикского лично вам передавал начальник Шемахинского уездного политбюро — Красный. Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Я не помню — были ли такие сообщения из политбюро от т. Красного.

ВОПРОС: Каким образом Зизикскому удалось в 1923 году легализоваться, ведь вы как руководитель ЧК не могли об этом не знать?

ОТВЕТ: Зизикский был легализован по моим указаниям с тем, чтобы его впоследствии репрессировать.

ВОПРОС: Не потому ли вы это сделали, что вместе с Зизикским работали в г. Кубе?

ОТВЕТ: Нет, не поэтому.

ВОПРОС: Вы были лично свидетелем зверств и бесчинств Зизикского. Почему вы, вместо репрессирования, его легализовали?

ОТВЕТ: Зверства и произвол со стороны Зизикского мне действительно были известны. Легализацию Зизикского вместо репрессирования его я считаю своей ошибкой.

ВОПРОС: Известен ли вам б. начальник штаба Шукри-Паши — Ахмед Бедин, под руководством которого турецкие войска заняли г. Кубу, вырезали там почти все армянское население и повесили зам. председателя Кубинского ревкома Магомеда Мехти?

ОТВЕТ: Ахмет Бедин, он же Ахмед Тринич, известен мне с 1922 года, я встречался с ним на партийных собраниях, конференциях и знаю его как одного из руководящих работников Азербайджана. С 1920-х годов в Баку ходили слухи о том, что Бедин-Тринич зверствовал вместе с турками, но в этом вопросе не было ясности.

ВОПРОС: Вы опять говорите неправду. Проверенную информацию о прошлом Бедина-Тринич вы получали по линии разведки от Эфендиева, а по партийной линии от Гулам Мамедова, Булгеис Мамедовой и др. Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю. Примерно до 1937 года у нас не было активной разработки Тринича, так как данные о его преступлениях были противоречивы.

ВОПРОС: Почему же Тринич, крупный разведчик, так долго оберегался вами от ответственности за свои преступления?

ОТВЕТ: Я уже показывал, что о его преступлениях были противоречивые данные. Правда, в 1933 году о нем заявление написал Баба-Алиев, но и после этого одни его оправдывали, а другие обвиняли, и трудно было разобраться. Я Тринича не защищал.

ВОПРОС: Вы подтвердили, что до ареста Берия были ему близким человеком. Вы признаете, что всегда поддерживали и покрывали его?

ОТВЕТ: Да, я с ним дружил.

ВОПРОС: В марте 1921 года, во время чистки партии, коммунист Шамсов обвинял вас в грубости, чванстве и требовал призвать вас к порядку. В ответ на это Берия в своем выступлении заявил: «Багиров единственный человек, один из лучших товарищей, который, занимая ответственный пост, ни к одной из группировок не примыкал». Это было поддержкой вас со стороны Берия?

ОТВЕТ: Да, это была поддержка.

ВОПРОС: На том же собрании присутствовавшими было доказано аморальное поведение Берия. Вы выступили и заявили: «...Берия строг к лентяям, эти товарищи нарочно играют чисткой, чтобы отомстить ему...».

Почему вы взяли Берия под защиту, ведь даже он сам не порочил лиц, его обвинявших?

ОТВЕТ: Да, я его защищал.

ВОПРОС: Вы признаете, что расправились с Нодевым только за то, что он плохо отозвался о Берия, как о чекисте?

ОТВЕТ: Да, признаю.

ВОПРОС: Кто рекомендовал Берия для работы в ГПУ Грузии?

ОТВЕТ: Я действительно дал о Берия хорошую характеристику.

ВОПРОС: Чем был вызван перевод Берия на работу из Баку в Грузию?

ОТВЕТ: Его взяли туда как грузина.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Вам было известно, что Берия был снят с работы с запрещением работать в органах ЧК и получил партийное взыскание.

Отвечайте правдиво, почему вы в обход партийного решения помогли Берия пролезть в ЧК Грузии?

ОТВЕТ: Тогда о таком партийном решении мне не было известно, и мне Берия о нем также ничего не сказал.

ВОПРОС: Кто помог вам в 1929 году возвратиться на должность председателя Аз. ГПУ?

ОТВЕТ: Берия.

ВОПРОС: Значит, вы друг друга выручали и продвигали?

ОТВЕТ: Объективно получается так.

ВОПРОС: Таким образом, у вас с Берия самые тесные личные связи были установлены с 1920-х годов?

ОТВЕТ: Да, точнее с февраля 1921 года,

ВОПРОС: Вы знали о службе Берия в муссаватистской разведке, когда узнали и при каких обстоятельствах?

ОТВЕТ: Да, знал. Об этом мне рассказал сам Берия на следующий день, как в феврале 1921 года пришел на работу в Аз. ЧК в качестве начальника СОЧ и моего заместителя. Он мне говорил, что в этой разведке работал по заданию партии. Моя крупнейшая ошибка перед партией и Советским государством состоит в том, что я поверил Берия на слово и его сообщения нигде до его ареста не проверил. Отсюда собственно и начинается, если так можно выразиться, история моего грехопадения с Берия.

ВОПРОС: Берия обещал вам перевод в Москву?

ОТВЕТ: Этого никогда не было.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Бывший начальник личной охраны Берия — Саркисов показал:

«Примерно в 1947—1948 гг. Берия ехал вместе о Багировым в машине и сказал ему: “Подожди, тебя мы тоже возьмем в Москву”. Я в то время находился с ними в машине».

Вы подтверждаете показания Саркисова?

ОТВЕТ: Возможно, такой разговор и был, но я его не помню.

ВОПРОС: Вы знали, что Берия ведет злобную интриганскую борьбу в отношении Серго Орджоникидзе?

ОТВЕТ: Да, я знал, что Берия нечестно и подло относился к Серго Орджоникидзе.

ВОПРОС: Вы заявили, что Серго Орджоникидзе был одним из самых лучших руководителей, у которого к вам было самое искреннее, теплое и родное отношение. Почему же вы ничего не сделали для того, чтобы разоблачить вероломство и подлость Берия, который травил Серго Орджоникидзе?

ОТВЕТ: Честно заявляю, что у меня нехватило на это мужества.

ВОПРОС: А разве вы не вели такую же интриганскую борьбу против Серго Орджоникидзе, как и Берия?

ОТВЕТ: Нет, такое обвинение я категорически отрицаю, никаких неприязненных проявлений к Серго Орджоникидзе с моей стороны не было.

ВОПРОС: Как отнесся Серго Орджоникидзе к выдвижению вас в качестве секретаря ЦК Азербайджана?

ОТВЕТ: Он отнесся к такому выдвижению меня отрицательно, так как считал, что в партийные руководители я не гожусь. Однако такое суждение обо мне меня ничуть не обижало и не восстанавливало против Серго Орджоникидзе.

ВОПРОС: Вы, будучи секретарем ЦК Азербайджана, принимали личное участие в арестах и допросах людей?

ОТВЕТ: Когда были основания для ареста людей, я давал такие указания, несколько человек допрашивалось после ареста с моим участием. Перечислить все такие случаи сейчас затрудняюсь, так как не помню.

ВОПРОС: Вы избивали арестованных?

ОТВЕТ: Лично сам я арестованных не бил, давал ли на этот счет комулибо указания — не помню.

ВОПРОС: К вам как секретарю ЦК КП Азербайджана с заявлением обратилась гр. Халилова Тамзат, инженер, в прошлом знатная стахановка нефтеперегонного завода имени Буденного, исключенная из партии в связи с арестом мужа и снятая с работы. Она просила вас помочь ей устроиться на работу, так как не имеет никаких средств к существованию и продает на жизнь последние вещи. Вместо того, чтобы разобраться с ее просьбой, вы направили ее заявление в Аз. УНКВД с письмом, в котором указали: «...После первого письма Халиловой — жены Шихсеидова, аналогичного прилагаемому, надо было ее изъять как непосредственную активную участницу всей вредительской работы мужа. Надо будет обратить внимание на это заявление и принять необходимые меры...». Как вы расцениваете такое свое отношение к Халиловой?

ОТВЕТ: Если в то время никаких обстоятельств в отношении Халиловой не было (какие-либо данные в НКВД о ее к/р действиях), то мое письмо нельзя иначе рассматривать, как возмутительное, отдающее произволом.

ВОПРОС: Сколько в Азербайджане было создано дел о так называемых террористических актах против вас и Берия?

ОТВЕТ: Как мне известно, дел 16—17.

ВОПРОС: А сколько людей по этим делам расстреляно?

ОТВЕТ: Не могу сказать, так как не помню, но в таких случаях обычно расстреливали.

ВОПРОС: Вы верили серьезно в то, что против вас готовились террористические акты?

ОТВЕТ: Нет, не верил.

ВОПРОС: Почему же вы допускали фабрикацию таких дел и расстрелы людей за подготовку таких террористических актов?

ОТВЕТ: Если такие дела создавались искусственно, это большая подлость со стороны тех, кто этим занимался. Отдельные дела мне докладывали, но я в них особо не вникал и их количества до марта с.г. точно не знал.

ВОПРОС: В таком случае вы считаете, что создание таких дел было вражеской работой?

ОТВЕТ: Да, это была подлая, вражеская работа.

Показания с моих слов записаны правильно и мной прочитаны.

БАГИРОВ

Допрос начат в 14 ч. 50 мин. и закончен в 21 ч. 20 мин.

Допросил:
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР *Р. РУДЕНКО*

При допросе присутствовал и запись показаний производил пом. Генерального Прокурора СССР *ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 86—96. Копия. Машинопись.

№ 124

ЗАПИСКА Р.А. РУДЕНКО И И.А. СЕРОВА В ЦК КПСС С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПРОЕКТА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ Н.М. РУХАДЗЕ[1]

16 апреля 1954 г.

Особая папка

№ 690-с

ЦК КПСС

Следствием по делу арестованного РУХАДЗЕ Н.М. установлено, что он являлся одним из наиболее приближенных лиц к БЕРИЯ и рьяно выполнял преступные указания последнего.

В угоду БЕРИЯ РУХАДЗЕ грубо попирал советские законы, производил массовые аресты ни в чем не повинных советских граждан, подвергал их бесчеловечным пыткам и истязаниям, с помощью преступных методов фальсифицировал следственные дела, в результате чего добивался необоснованного осуждения арестованных лиц.

РУХАДЗЕ еще в 1937 году, в бытность его работы начальником Гагринского отдела НКВД, проявил себя как изувер и садист, чем привлек к себе внимание БЕРИЯ, который отметил и приблизил его к себе.

РУХАДЗЕ не только был в курсе подлой интриганской борьбы БЕРИЯ против товарища Г.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ, но и лично принял активное участие в расправе над родственниками ОРДЖОНИКИДЗЕ.

В 1938 году, являясь начальником Дорожно-транспортного отдела НКВД Закавказской железной дороги, РУХАДЗЕ арестовал брата Г.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ — И.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ, жену последнего и добился их осуждения по сфальсифицированным материалам.

Проводя массовые репрессии честных советских людей, РУХАДЗЕ одновременно с этим, используя служебное положение, всячески оберегал явных врагов партии и Советского государства.

Преступная деятельность РУХАДЗЕ полностью доказана, в связи с чем Комитет государственной безопасности при Совете Министров Союза ССР и Прокуратура СССР считают возможным закончить следствие по его делу и все следственные материалы направить на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Просим Вашего согласия.

---

[1] На первом листе имеется руковписная помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС (указание тов. Хрущева)».

Проект обвинительного заключения по делу прилагается.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОЮЗА ССР
Р. РУДЕНКО

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
М. СЕРОВ

По следственному делу № 5547

«УТВЕРЖДАЮ»
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
генерал-полковник
(И. СЕРОВ)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОЮЗА ССР
действительный государственный советник юстиции
(Р. РУДЕНКО)

« » апреля 1954 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по обвинению РУХАДЗЕ Николая Максимовича в преступлениях, предусмотренных ст. 58-7 УК РСФСР

Следствием по делу врага народа БЕРИЯ установлено, что БЕРИЯ с целью последующего использования в борьбе с партией органов разведки преследовал и изгонял из органов НКВД—МГБ честных советских патриотов и расставлял на ключевых позициях лично преданных ему политических авантюристов типа кобуловых, влодзимирских и т.п.

К числу наиболее приближенных к БЕРИЯ лиц относился и арестованный 11 июля 1952 года бывший министр госбезопасности Грузинской ССР РУХАДЗЕ Н.М.

Действуя заодно с врагом народа БЕРИЯ, РУХАДЗЕ на протяжении многих лет проводил вредительскую деятельность в органах госбезопасности Грузии. В угоду БЕРИЯ РУХАДЗЕ грубо попирал советские законы, производил аресты ни в чем не повинных советских граждан, подвергал их бесчеловечным пыткам и истязаниям, с помощью преступных методов фальсифицировал следственные дела, в результате чего многие лица были необоснованно осуждены к тяжким мерам наказания вплоть до расстрела.

Как доказано следствием, преступную связь с БЕРИЯ РУХАДЗЕ установил еще в 1937 году, когда он в соответствии с вражескими установками БЕРИЯ и ГОГЛИДЗЕ производил массовые необоснованные аресты советских граждан, с помощью изуверских методов вымогал от них заведомо вымышленные показания и таким путем создавал провокационные следственные дела на большие группы лиц. Преступная деятельность РУХАДЗЕ была оценена соответствующим образом БЕРИЯ, который в конце 1937 года протащил его ответственным секретарем партколлегии КПК при ЦК компартии Грузии.

Предварительным и судебным следствием по делу врага народа БЕРИЯ установлено, что на протяжении ряда лет вел интриганскую борьбу против выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Г.К. ОРЖОНИКИДЗЕ, а после его смерти учинил жестокую расправу с его родственниками. РУХАДЗЕ не только был в курсе этой подлой деятельно-

сти БЕРИЯ, но и лично принял активное участие в расправах над членами семьи ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Брат обвиняемого РУХАДЗЕ Н.М. — РУХАДЗЕ И.М. в своем объяснении от 5 ноября 1937 года в НКВД Грузии писал:

«Николай РУХАДЗЕ в помещении редакции газеты "Муша" заметил портреты, которые мы готовили к двадцатилетию Октябрьской революции. Он между прочим сказал, что не следует выносить портреты тов. С. ОРДЖОНИКИДЗЕ».

На следствии РУХАДЗЕ Н.М. подтвердил факт этого разговора с братом и признал, что ему еще в 1937 году было известно, что в НКВД Грузии от некоторых арестованных вымогались клеветнические показания на Г.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ.

В 1938 году РУХАДЗЕ принял и непосредственное участие в расправе, учиненной БЕРИЯ над родственниками Г.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ. Дорожно-транспортным отделом Закавказской железной дороги, который в этот период возглавлял РУХАДЗЕ, были арестованы брат Г.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ — И.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ и жена последнего А.М. ОРДЖОНИКИДЗЕ, которые затем по сфальсифицированным под руководством РУХАДЗЕ материалам были незаконно осуждены.

Преступная деятельность РУХАДЗЕ и на этот раз была по достоинству оценена БЕРИЯ, который в 1939 году назначил его начальником Следственной части НКВД Грузии. В этой должности РУХАДЗЕ с помощью пыток и фальсификации осуществлял расправы с неугодными БЕРИЯ лицами.

Как верного своего сообщника БЕРИЯ продолжал продвигать РУХАДЗЕ; в 1941 году его назначают заместителем наркома внутренних дел Грузии, а затем начальником Особого отдела НКВД Закавказского фронта. В начале 1948 года РУХАДЗЕ с помощью БЕРИЯ становится министром госбезопасности Грузинской ССР.

О близких взаимоотношениях РУХАДЗЕ с БЕРИЯ один из сообщников БЕРИЯ — САВИЦКИЙ К.С. на допросе от 24 февраля 1954 года показал:

«Я РУХАДЗЕ хорошо знаю с 1937 года. Он являлся одним из наиболее близких людей к БЕРИЯ, выпестованных БЕРИЯ. РУХАДЗЕ пользовался большой поддержкой БЕРИЯ. В 1937 году по инициативе БЕРИЯ он был выдвинут с должности начальника Гагринского горотдела НКВД на большую партийную работу — ответственным секретарем КПК при ЦК КП(б) Грузии...

После первого разделения Наркомата внутренних дел на НКГБ и НКВД РУХАДЗЕ был назначен заместителем наркома внутренних дел Грузинской ССР. Его выдвижение на эту должность было делом рук БЕРИЯ. Когда началась война, то РУХАДЗЕ был назначен начальникам Особого отдела ЗакВО...

РУХАДЗЕ не имел особых заслуг, но он получил большое количество орденов и звание генерал-лейтенанта».

Аналогичные показания дал на допросе от 20 января 1954 года и арестованный по другому делу БРОВЕРМАН Я.М.:

«АБАКУМОВУ было хорошо известно, что БЕРИЯ знал РУХАДЗЕ еще по совместной работе в Грузии и что РУХАДЗЕ пользовался расположением БЕРИЯ. Это и определяло взаимоотношения АБАКУМОВА и РУХАДЗЕ.

Несмотря на то, что АБАКУМОВ в ряде случаев отрицательно отзывался в моем присутствии о РУХАДЗЕ как о руководителе чекистского органа, он все же фактически покровительствовал ему и попустительствовал в его преступных действиях как человеку, который был близко связан с БЕРИЯ». Тесная

связь РУХАДЗЕ с БЕРИЯ подтверждается и другими имеющимися в распоряжении следствия документами. Так, в приобщенном к делу письме к БЕРИЯ от 28 марта 1944 года РУХАДЗЕ подчеркивал, что он совместно с другими сообщниками БЕРИЯ — РАПАВА и ШАРИЯ на одной из вечеринок дважды поднимал тост «за кадры Лаврентия Павловича, оставленные в Грузии».

В заявлении на имя БЕРИЯ от 5 апреля 1953 года РУХАДЗЕ, уже изобличенный на следствии в совершении тяжких преступлений, рассчитывая с помощью БЕРИЯ уйти от ответственности, пишет ему:

«Лаврентий Павлович, вы меня знаете свыше 25 лет, я рос у вас на глазах и воспитан вами. Последние годы я совершил много преступлений, все то немногое, полезное, которое я сделал в прошлом, ничего ровным счетом не стоит...

Лаврентий Павлович, я обращаюсь к вам как родному отцу и воспитателю моему и на коленях, со слезами на глазах прошу пощадить, простить и помиловать...

Вы и только вы, Лаврентий Павлович, можете спасти меня».

РУХАДЗЕ еще в 1937 году проявил себя как изувер и садист, чем привлек к себе внимание БЕРИЯ.

Работая начальником Гагрского отдела НКВД, РУХАДЗЕ в соответствии с преступными указаниями врага народа БЕРИЯ и его подручных ГОГЛИДЗЕ и КОБУЛОВА арестовал большое число советских граждан и сфальсифицировал на них следственные дела.

Несмотря на то, что Гагрский район Абхазской АССР как район особого режима еще раньше был очищен от скомпрометированных в политическом отношении лиц, РУХАДЗЕ за несколько месяцев 1937 года произвел аресты свыше трехсот жителей района по обвинения в тягчайших государственных преступлениях.

Как показали свидетели и признал обвиняемый РУХАДЗЕ, массовые аресты этих советских граждан производились по сомнительным и непроверенным материалам, а следствие по их делам велось так называемым «упрощенным» методом. Смысл «упрощенного следствия» состоял в том, что для предания обвиняемого суду требовалось лишь его личное признание и наличие одного-двух агентурных донесений без какой-либо проверки и сбора доказательств. При этом к арестованным, отрицавшим вину, применялись жестокие пытки и истязания в целях получения от них «нужных» следствию показаний.

Такие установки об арестах и ведении «упрощенного следствия» РУХАДЗЕ, как начальник Гагрского отдела НКВД, дал в 1937 году всем своим подчиненным и потребовал неуклонного их выполнения, заявив при этом: «Кто не бьет арестованных, тот сам враг народа».

Об обстановке, созданной РУХАДЗЕ в 1937 году в Гагрском отделе НКВД, свидетель ВАСИЛЬЕВ В.Н. на допросе от 29 января 1954 года показал:

«...РУХАДЗЕ заявил, что оперативные работники отнюдь не должны стесняться в применении избиений к арестованным. Напротив, добавил он, проявление “мягкосердечия” к арестованным будет расцениваться как сочувствие врагам народа, и бросил фразу: “Кто не бьет, тот сам враг народа”.

В заключение РУХАДЗЕ сказал, что всем сотрудникам будут выданы специальные жгуты и валерьяновые капли для приведения в чувство тех арестованных, которые в результате избиений будут терять сознание.

На практике же избиения арестованных производились с помощью самых разнообразных орудий, в частности, резиновых палок, металлических

прутьев, шомполов, плеток, линеек, ремней. Кроме того, подследственные подвергались мерам воздействия в виде длительного стояния на ногах с поднятыми вверх или разведенными в сторону руками.

...Некоторые лица из аппарата, подчиненного РУХАДЗЕ, прибегали к пыткам в виде надавливания на обнаженные пальцы ног каблуком, затягивания половых органов специально сделанной петлей, лишения в течение нескольких дней пищи, воды и т.д.».

Свидетель СВИРИДОВ М.Б., работавший в 1937 году в Гагрском отделе НКВД, по этому вопросу на допросе от 21 января 1954 года показал:

«После... указания РУХАДЗЕ начались массовые избиения арестованных и применение к ним иных мер физического воздействия. Били всех арестованных, которые не давали показаний. Каждый сотрудник сделал себе соответствующее "орудие" в виде веревочных обмотанных проволокой шнуров, палок, самодельных резиновых дубинок из автопокрышек и т.д.

Арестованных били днем и ночью. При этом нужно заметить, что крики избиваемых были слышны на улице и жителям примыкающих к горотделу домов.

Помимо избиений арестованных заставляли длительное время стоять на ногах с поднятыми вверх руками. Такие "стояния" продолжались многие часы, причем у этого арестованного попеременно дежурили сотрудники горотдела. Были случаи, когда арестованные падали от изнеможения, их поднимали, давали немного передохнуть и вновь ставили в такое положение».

Об этом же показали и допрошенные по настоящему делу свидетели ПАРЦХАЛАДЗЕ Н.К., БАБУНАШВИЛИ Г.С., АЙБА Г.К., ХУНЦАРИЯ В.К., НАГАПЕТЯН А.С., ЗАДЫКЯН А.М. и другие.

Установлено также, что РУХАДЗЕ лично истязал арестованных, причем делал это в наиболее изощренных и зверских формах.

Следствием доказано, что в результате пыток некоторые арестованные были убиты на допросах. Свидетель ВАСИЛЬЕВ В.Н. по этому поводу показал:

«Дело доходило до того, что арестованных на допросах били до смерти, а затем оформляли их смерть как умерших от паралича сердца и по другим причинам.

Однажды я зашел в кабинет оперуполномоченного СЕРЕБРЯКОВА, у которого сидел на допросе один из арестованных (эстонец), и на мой вопрос СЕРЕБРЯКОВУ, как дела, он ответил, что арестованный молчит и не отвечает на вопросы. Я посмотрел на арестованного, он был мертв. Тогда я спросил СЕРЕБРЯКОВА, что он с ним сделал, и он мне показал свернутую проволочную плеть пальца в два толщиной, которой он бил этого арестованного по спине, не заметив того, что он уже мертв».

О фактах убийства арестованных на допросах показал и свидетель АНДЖАПАРИДЗЕ И.Т., работавший в 1937 году в Гагрском отделе НКВД.

«Когда я вошел в кабинет... то увидел, что арестованный неподвижно сидел на стуле, откинув голову назад и опустив руки. Подойдя к арестованному, я увидел, что он был мертв...

Пришедший врач действительно констатировал смерть этого арестованного от удара палкой по затылочной части головы...

...После прихода врача в кабинет вошел также и РУХАДЗЕ, которому сказали об этом факте».

О случаях смерти обвиняемых в результате пыток в Гагрском отделе НКВД показали также свидетели БАБУНАШВИЛИ Г.С. и СВИРИДОВ М.Б., при-

чем последний, как и свидетель ВАСИЛЬЕВ, заявил, что о смерти арестованных составлялись неправильные медицинские заключения, в которых скрывались истинные причины наступления смерти. По этому вопросу СВИРИДОВ показал:

«На всех... умерших в результате избиений арестованных, врачом... БОРИСОВЫМ были составлены фиктивные медицинские акты о смерти... арестованных якобы в результате болезни сердца».

Проверкой установлено, что в 1937 году в Гагрском отделе НКВД в ходе следствия умерли колхозники ВАТМАН И.Я. 1904 года рождения (через два дня после ареста), КЕТИЯ Н.М., 1886 года рождения (через две недели после ареста), РИБЛЕР А.П., 1872 года рождения (через неделю после ареста) и рабочий ШЕЛЕНБЕРГ И.Д., 1895 года рождения (через десять дней после ареста).

Следственные дела на этих лиц были уничтожены.

Об обстоятельствах убийства обвиняемого КЕТИЯ Н.М. свидетель АЙБА Г.К. на допросе от 5 февраля 1937 года показал:

«...Однажды на допрос вызвали двух братьев КЕТИЯ Нестора и Исната. Возвратившись в камеру, Иснат КЕТИЯ рассказал следующее:

Им организовали очную ставку между собой, чтобы Иснат показал на Нестора, так как последний не хотел подписывать протокол с признанием своей вины, ибо никаких преступлений не совершал. Иснат КЕТИЯ под воздействием пыток во избежание того, чтобы его не убили совсем, решил на очной ставке сказать, что они вместе с братом якобы совершили преступление. Но Нестор КЕТИЯ не подтвердил ложных показаний своего брата. Тогда следователь, проводивший очную ставку, приказал Иснату КЕТИЯ бить своего брата Нестора КЕТИЯ, что последний и начал делать. Вместе со следователем они били Нестора КЕТИЯ до тех пор, пока он не потерял сознание, после чего его вынесли. Больше Нестор КЕТИЯ в камеру не вернулся...».

Как установлено следствием, пытки, избиения и истязания арестованных, практиковавшиеся РУХАДЗЕ в период его работы в Гагрском отделе НКВД, применялись для получения от обвиняемых вымышленных показаний и создания фальсифицированных, так называемых «громких» следственных дел.

Характерным в этом отношении является групповое дело по обвинению ЛЕТКЕМАНА, СЕМЕНКОВИЧА и других, а также дело на большую группу лиц, обвинявшихся в принадлежности к «дашнакской террористической организации».

Обвиняемый ЛЕТКЕМАН, работавший пчеловодом совхоза «III Интернационал», был арестован Гагрским отделом НКВД но подозрению во вредительской деятельности, и следствие по его делу вел лично РУХАДЗЕ. На первых же допросах ЛЕТКЕМАН был подвергнут зверским избиениям, в результате которых он стал давать нелепые показания и оговаривать десятки ни в чем не повинных людей.

ЛЕТКЕМАН, в частности, показал, что он якобы был главным резидентом германской разведки и руководил обширной сетью агентов не только на территории Грузии, но и в ряде других областей Советского Союза.

По этим вымышленным показаниям ЛЕТКЕМАНА производились аресты названных им лиц, которые в свою очередь, подвергаясь на следствии пыткам, оговаривали новых лиц, и они также арестовывались. Таким образом, по делу ЛЕТКЕМАНА было арестовано свыше 30 человек.

О том, как велось следствие по делу ЛЕТКЕМАНА, свидетель ВАСИЛЬЕВ В.Н. в своем заявлении от 27 марта 1938 года писал:

«...ЛЕТКЕМАНА раздевали совершенно догола и били по чему попало — в это время показания о десятках шпионов, резидентов, подрезидентов и т.д.

Допускались такие "методы"... делалась веревочная петля, которая одевалась на половые органы, а потом эта петля сдавливалась. Били по голове резиновой плетью... давили на ноги каблуками сапога и т.д.

Словом, в кабинете днем и ночью стоял сплошной вой, крик и стоны. После этого, в "антрактах", давались показания, причем если ЛЕТКЕМАН показывал, что им было завербовано, допустим, трое, то его били за то, что мало, если завербовано, допустим, 30, — то за то, что много».

Свидетель СВИРИДОВ М.Б., принимавший участие в допросах ЛЕТКЕМАНА, по этому вопросу показал следующее:

«РУХАДЗЕ, я это видел лично, бил ЛЕТКЕМАНА кулаками в живот и по голове, избивал его веревочным шнуром, а однажды дошел даже до того, что привязал к половым органам ЛЕТКЕМАНА шпагат и стал дергать его, требуя показаний от ЛЕТКЕМАНА. Я в это время составлял протокол допроса ЛЕТКЕМАНА и лично видел эту картину».

Будучи изобличен, РУХАДЗЕ на очной ставке с ВАСИЛЬЕВЫМ заявил:

«...я... допрашивая арестованного ЛЕТКЕМАНА, действительно избивал его веревкой по голым пяткам и заставлял длительное время стоять на ногах. Возможно, что я наносил удары по лицу ЛЕТКЕМАНА и ладонью, а также давил каблуком на пальцы ног...».

О подобных методах ведения «следствия» по делу ЛЕТКЕМАНА показали также свидетели БАБУНАШВИЛИ Г.С., ПАРЦХАЛАДЗЕ Н.К., ПАЧУЛИЯ Г.А.

Доказано, что РУХАДЗЕ умышленно фальсифицировал дело ЛЕТКЕМАНА. Бывший заместитель начальника Гагрского отдела НКВД ВАСИЛЬЕВ В.Н. в период следствия по делу ЛЕТКЕМАНА писал официальные документы, в которых на основании неопровержимых фактов утверждал, что РУХАДЗЕ явно фабриковал дело ЛЕТКЕМАНА. Об этом же он заявлял и РУХАДЗЕ, но последний при поддержке ГОГЛИДЗЕ продолжал проводить линию на фальсификацию дела ЛЕТКЕМАНА, в результате чего было расстреляно 12 человек.

Следствием установлено, что за попытку разоблачить РУХАДЗЕ как вредителя и фальсификатора ВАСИЛЬЕВ был подвергнут со стороны ГОГЛИДЗЕ преследованию и по его настоянию исключен из партии.

По сфальсифицированному делу на так называемую «дашнакскую террористическую организацию» применялись столь же жестокие пытки и истязания, что и по делу ЛЕТКЕМАНА. Свидетель ЭРОЯН Х.А., арестовывавшийся в 1937 году Гагрским отделом НКВД по обвинению в принадлежности к «дашнакской террористической организации», дело на которого позднее было пересмотрено, на допросе от 3 февраля 1954 года показал:

«...меня... били руками, ногами, палками, резиновыми дубинками, в том числе по лицу, голове и т.д. От меня требовали, чтобы я подписал заранее написанный протокол, в котором было записано, что я являюсь членом антисоветской дашнакской организации.

Так продолжалось более месяца».

Свидетель МУКАЭЛЯН Г.С., привлекавшийся в 1937 году к ответственности по делу «дашнакской террористической организации», на допросе от 6 февраля 1954 года показал:

«Избивали меня специально подготовленным для этой цели резиновым жгутом, обернутым проволокой. После неоднократного моего избиения и дойдя до изнеможения, я вынужден был дать... ложные показания».

Обвиняемый РУХАДЗЕ признал, что подчиненные ему сотрудники Гагрского отдела НКВД, допрашивавшие арестованных по делу «дашнакской террористической организации» в соответствии с полученными от него установками об «упрощенном следствии» избивали арестованных.

Осмотром свыше 70 архивно-следственных дел на лиц, обвинявшихся в участии в «дашнакской террористической организации», установлено, что все постановления об избрании меры пресечения, обвинительные заключения и другие следственные документы были подписаны РУХАДЗЕ, то есть что следствием по этим делам руководил РУХАДЗЕ.

Как видно из архивно-следственного дела № 22121 на обвинявшегося в принадлежности к «контрреволюционной дашнакской организации» колхозника УРУМЯНА М.Г., он был арестован 17 июля 1937 года по постановлению, подписанному РУХАДЗЕ. Основанием к аресту УРУМЯНА послужили непроверенные, ничем не подтвержденные показания арестованного КУНДАХЧАНА О.Х. о том, что УРУМЯН будто бы являлся участником террористической группы и примыкал к контрреволюционной дашнакской организации.

В ходе следствия по делу УРУМЯНА было составлено всего три коротких протокола допроса. На допросе от 20 июля 1937 года УРУМЯН показал, что он якобы примыкал к «контрреволюционной дашнакской организации». Об обстоятельствах его вербовки в протоколе допроса записано следующее:

«Меня в к/р дашнакскую организацию завербовал КУНДАХЧАН Мисак Мелконович в августе месяце 1936 года, когда я работал на поле и ломал табак...

...КУНДАХЧАН Мисак сказал: "В Армении (но не сказал, в каком городе именно) строится табачный совхоз, запишемся ли в этот совхоз, там дадут корову, дом и хорошее жалованье в месяц два раза, запишемся". На что я согласился и КУНДАХЧАН... меня завербовал...

Прошла приблизительно одна неделя. Я пришел в Пиленковский базар, где и встретил КУНДАХЧАНА Мисака и последний объяснил мне, что "та бумага, в которой я записал твою фамилию, имя и отчество, имеет совершенно другие цели". На что я спросил КУНДАХЧАНА Мисака, что ты же говорил, что в Армении строится совхоз и для того записал, а теперь в чем дело. На что КУНДАХЧАН ответил, что "слушай, Мелкон, я тебя записал, это имеет другие цели. Мы организовали к/р дашнакскую организацию и ты будешь членом этой организации". На что я дал свое согласие быть членом в к/р даш. орг., работать честно и аккуратно и вербовать новых членов в нашу к/р дашнакскую организацию. На этом мы разошлись. После этого я с ним не встречался».

Хотя неправдоподобность этих показаний была очевидна, дело на УРУМЯНА было направлено на рассмотрение тройки НКВД Грузинской ССР, по решению которой в сентябре 1937 года он был расстрелян.

Аналогичным является и дело на крестьянина с. Колдохвары, Гагрского района КАРАКЕЯНА, который также был осужден к расстрелу по непроверенным и неправдоподобным показаниям.

Допросом свидетелей установлено также, что РУХАДЗЕ лично принимал участие в издевательствах над арестованными по делу «дашнакской террористической организации». В частности, свидетель ЧАКРЯН М.Е. на допросе от 11 февраля 1954 года показал:

«Зайдя в кабинет, где должен был производиться мой допрос, я увидел сидящих за столом начальника Гагрского отдела НКВД РУХАДЗЕ, сотрудников названного отдела НКВД МАРТИРОСОВА и КИМИШЕВА, а также арестованного ДЕМЕРЧАНА...

...МАРТИРОСОВ приказал мне избивать ДЕМЕРЧАНА Геворка, что мною и было сделано... когда ДЕМЕРЧАН Кеворк и я друг друга избивали, то присутствующие там РУХАДЗЕ и другие указанные мною выше сотрудники смеялись и хохотали на такое зрелище».

Из материалов архивно-следственных дел на лиц, обвинявшихся в принадлежности к «дашнакской террористической организации», видно, что свыше тридцати человек было осуждено к расстрелу и лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях. Остальные обвиняемые после пыток и истязаний из-под стражи были освобождены, хотя первоначально дела на них также направлялись в суд для рассмотрения в порядке закона от 1 декабря 1934 года. Прекращение дел на этих лиц в дальнейшем было мотивировано тем, что они не представляли социальной опасности.

Таким путем был скрыт факт фальсификации следственных дел на советских граждан, необоснованно обвиненных в совершении тягчайших государственных преступлений.

Собранными по делу доказательствами установлено, что и в 1939—1941 годах во время работы в Следчасти НКВД Грузии РУХАДЗЕ, выслуживаясь перед врагом народа БЕРИЯ и осуществляя его замыслы, продолжал преступную практику пыток и истязаний в отношении арестованных и фальсификации следственных дел.

Так, осенью 1939 года НКВД Грузии был арестован бывший начальник Управления милиции Наркомата внутренних дел Грузинской ССР КЕРКАДЗЕ М.И. и его жена — акушерка КЕРКАДЗЕ К.И.

Арест КЕРКАДЗЕ М.И. был произведен без всяких оснований, однако на следствии РУХАДЗЕ, который лично вел дело КЕРКАДЗЕ, допрашивал обвиняемого относительно того, что он якобы создал «группу», действовавшую против БЕРИЯ, КОБУЛОВА и РАПАВА.

Выполняя преступные указания сообщника БЕРИЯ — бывш. наркома внутренних дел Грузинской ССР РАПАВА, РУХАДЗЕ подвергал КЕРКАДЗЕ зверским истязаниям.

Арестованный ТАВДИШВИЛИ М.К. об этом показал:

«...КЕРКАДЗЕ... подвергался столь жестоким избиениям, что на допросы вахтеры приносили его буквально на руках, и он был весь забинтован».

Допрошенный в качестве свидетеля КЕРКАДЗЕ М.И. о пытках, которые применялись к нему со стороны РУХАДЗЕ, показал:

«На второй день после ареста меня вызывал к себе РУХАДЗЕ, работавший тогда начальником следственного отдела НКВД Грузинской ССР, и предложил рассказать о моей контрреволюционной работе.

После этого начались ежедневные систематические избиения меня на следствии, которые продолжались целый месяц. Несколько раз меня связывали веревками и били в таком виде по пяткам, ягодицам, но спине и другим местам.

Избивал меня главным образом сам РУХАДЗЕ... РУХАДЗЕ бил меня до такой степени, что я терял сознание и меня на носилках уносили в камеру».

Далее КЕРКАДЗЕ М.И. показал, что все эти пытки РУХАДЗЕ применял к нему, чтобы добиться от него признания в том, что он якобы выступал против БЕРИЯ.

Каким образом РУХАДЗЕ фальсифицировал дело, свидетель КЕРКАДЗЕ показал:

«После ужасных жесточайших избиений со стороны РУХАДЗЕ я подписал состряпанный РУХАДЗЕ протокол, в котором было написано, что на

съезде КП Грузии я якобы голосовал против БЕРИЯ, хотя в действительности этого не было.

Помню, что РУХАДЗЕ после страшных избиений давал мне на подпись много различных протоколов, которые я подписывал в бессознательном состоянии. Что именно было там написано, я сейчас не помню».

Показания КЕРКАДЗЕ о применявшихся к нему пытках подтверждаются материалами архивно-следственного дела № 795327 по его обвинению. Из дела видно, что РУХАДЗЕ подвергал КЕРКАДЗЕ «активному допросу», то есть истязал его до того, что КЕРКАДЗЕ впадал, по выражению РУХАДЗЕ, в «болезненное состояние».

РУХАДЗЕ на следствии признал, что, фальсифицируя дело КЕРКАДЗЕ, он выполнял прямой заказ РАПАВА.

Таким же пыткам РУХАДЗЕ подвергал и арестованную без всяких оснований жену КЕРКАДЗЕ — К.И. КЕРКАДЗЕ. По вопросу о том, как РУХАДЗЕ домогался от нее вымышленных показаний на ее мужа, КЕРКАДЗЕ К.И. показала:

«...РУХАДЗЕ... заставил меня стоять на ногах. Стояла я на ногах почти беспрерывно 7 суток... Во время этого "стояния" я несколько раз падала в обморок, ноги страшно распухли, я испытывала мучительный голод, т.к. есть не давали...

После этого РУХАДЗЕ завел меня в смежную комнату и приказал сесть на пол. В этой комнате я увидела мокрое окровавленное полотенце с узлами, тут же пришли трое сотрудников и начали меня бить веревками по ногам. Подобные избиения продолжались 4 дня, причем в них принимал участие и сам РУХАДЗЕ. В результате мои ноги омертвели и перестали чувствовать боль. Тогда меня стали бить веревкой по спине, плечам и т.д.

В процессе этих избиений РУХАДЗЕ подсовывал мне на подпись протокол, в котором было написано, что мне якобы было известно, что КЕРКАДЗЕ будто бы собирался убить БЕРИЯ и РАПАВА...».

РУХАДЗЕ признал, что КЕРКАДЗЕ К.И. на допросах им действительно избивалась, и показал, что он делал это в соответствии с преступными указаниями РАПАВА.

В ноябре 1939 года КЕРКАДЗЕ М.И. и КЕРКАДЗЕ К.И. были этапированы в Москву, где БЕРИЯ с участием РУХАДЗЕ лично допрашивал их. Несмотря на то, что в НКВД СССР КЕРКАДЗЕ М.И. и КЕРКАДЗЕ К.И. полностью отказались от данных ими под воздействием пыток показаний, они при отсутствии каких-либо доказательств были осуждены Особым совещанием.

В период работы РУХАДЗЕ в качестве начальника Следчасти НКВД Грузии также имели место случаи смерти подследственных в результате истязаний. РУХАДЗЕ на этот счет на допросе от 13 января 1954 года показал:

«...У меня сохранился в памяти случай, когда вскоре после избиений один из арестованных умер...

В день ареста этого подследственного, обвинявшегося, если не ошибаюсь, в германском шпионаже, РАПАВА приказал мне, не сажая обвиняемого в камеру, сразу же подвергнуть его допросу с избиением...

Допрашивая арестованного в своем кабинете, ШАВГУЛИДЗЕ подверг его избиению. Вскоре мне позвонил по телефону РАПАВА и, узнав от меня, что арестованный пока в шпионаже не сознается, сказал, что он сам зайдет на допрос. Я тут же велел ШАВГУЛИДЗЕ снова привести арестованного в

мой кабинет, где ШАВГУЛИДЗЕ и я вместе продолжали допрос и избиение арестованного.

Когда пришел РАПАВА, избиение подследственного продолжалось, причем РАПАВА в это время ругал арестованного и кричал мне и ШАВГУЛИДЗЕ: "Дайте ему покрепче!"

После допроса этот арестованный в тюрьме скончался».

Факт смерти этого подследственного подтвердили и допрошенные в качестве свидетелей ШАВГУЛИДЗЕ М.И. и ТАВДИШВИЛИ М.К.

Свидетель ТЕРТЕРАШВИЛИ Г.Б., говоря о произволе, насаждавшемся РАПАВА и РУХАДЗЕ в следственной работе, показал о факте, когда один из арестованных, не выдержав пыток в виде продолжительных «стоек», сошел с ума.

Допрошенные в качестве свидетелей бывшие сотрудники Следчасти НКВД Грузии ЛОБЖАНИДЗЕ М.А., БАЧИЛАВА И.М., КУЦИАВА П.В., РОГАВА В.А., ОКУДЖАВА А.В. и другие показали, что РУХАДЗЕ в 1939—1941 г.г. грубо попирал советские законы, пытал подследственных и практиковал систему т.н. «стоек».

В 1948 году, будучи назначен министром госбезопасности Грузинской ССР, РУХАДЗЕ начал свою деятельность с уничтожения материалов, компрометирующих его родственников, а также архивно-следственных дел, в которых имелись показания на самого РУХАДЗЕ. Показаниями свидетелей МАРКАРОВА, ДЖОРБЕНАДЗЕ, СОКОЛОВА и других, а также документальными данными доказано, что РУХАДЗЕ в начале 1948 года дал преступное распоряжение об уничтожении 36 архивно-следственных дед и ряда архивных агентурных разработок, в том числе на своего брата И.М. РУХАДЗЕ.

В это же время РУХАДЗЕ, продолжая свою вредительскую деятельность, создал провокационное дело на члена КПСС бывшего заместителя председателя Верховного Суда Грузии МАМАЛАДЗЕ и его знакомых КЕРЕСЕЛИДЗЕ и МИРИАНАШВИЛИ, которые по заведомо клеветническим материалам были обвинены в попытке создать контрреволюционную террористическую, диверсионную, шпионскую организацию. РУХАДЗЕ направил на разработку МАМАЛАДЗЕ провокатора и взяточника ХУХУНАШВИЛИ.

С ведома РУХАДЗЕ ХУХУНАШВИЛИ подбивал МАМАЛАДЗЕ к активным вражеским действиям, сам сочинил «программу» контрреволюционной организации, которую отпечатал на пишущей машинке на квартире у РУХАДЗЕ.

Проводившиеся в ходе разработки мероприятия по подслушиванию разговоров ХУХУНАШВИЛИ с МАМАЛАДЗЕ показали, что сообщения ХУХУНАШВИЛИ о намерении МАМАЛАДЗЕ создать вражескую организацию являлись ложными. Несмотря на это, разработка МАМАЛАДЗЕ продолжалась.

Весной 1948 года МАМАЛАДЗЕ написал от имени известного старого большевика СТУРУА письмо в адрес И.В. СТАЛИНА, в котором указал на антипартийные действия некоторых руководящих работников Грузии и заявлял, что они безнаказанно совершают их только благодаря поддержке БЕРИЯ, личность которого обожествляют. Действуя как сообщник БЕРИЯ, РУХАДЗЕ изъял это письмо из почтового вагона и приобщил к следственному делу на МАМАЛАДЗЕ в качестве "вещественного доказательства", якобы подтверждающего его "преступную" деятельность.

По сфабрикованным материалам РУХАДЗЕ в середине 1948 года арестовал МАМАЛАДЗЕ, КЕРЕСЕЛИДЗЕ и МИРИАНАШВИЛИ.

На следствии с первых же дней к МАМАЛАДЗЕ были применены истязания с целью принуждения его к даче вымышленных показаний.

Арестованный ТАВДИШВИЛИ М.К., допрашивавший МАМАЛАДЗЕ, показал, что он по указанию РУХАДЗЕ применял к МАМАЛАДЗЕ меры воздействия в виде длительных «стоек». Обвиняемый РУХАДЗЕ эти показания ТАВДИШВИЛИ подтвердил.

С помощью извращенных методов и фальсификации РУХАДЗЕ сфабриковал дело на МАМАЛАДЗЕ и необоснованно арестованных вместе с ним КЕРЕСЕЛИДЗЕ и МИРИАНАШВИЛИ, которые по провокационным материалам были осуждены Особым совещанием к разным срокам лишения свободы.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР 16 декабря 1953 г. обвиняемых МАМАЛАДЗЕ, КЕРЕСЕЛИДЗЕ и МИРИАНАШВИЛИ полностью реабилитировала.

В 1949—1950 годах по вине РУХАДЗЕ в течение девяти месяцев на территории Грузинской ССР безнаказанно проводил враждебную деятельность эмиссар загранбюро меньшевиков и агент американской и турецкой разведок ГАБИНАШВИЛИ Г.Г. После выполнения задания загранбюро меньшевиков и американской и турецкой разведок ГАБИНАШВИЛИ беспрепятственно ушел в Турцию.

Вместо своевременного проведения необходимых оперативных мероприятий по пресечению враждебной деятельности ГАБИНАШВИЛИ РУХАДЗЕ в декабре 1950 года, уже после ухода ГАБИНАШВИЛИ в Турцию, начал массовые аресты лиц, соприкасавшихся с ГАБИНАШВИЛИ во время его пребывания в Грузии. Всего по делу было арестовано свыше 70 человек, причем многие из них необоснованно, в связи с чем впоследствии 17 человек из-под стражи было освобождено.

Показаниями свидетелей КУЦИАВА, ТАВДИШВИЛИ и других установлено, что ответственность за эти необоснованные аресты падает исключительно на РУХАДЗЕ, который вопреки справедливым возражениям следственных работников давал категорические указания о производстве арестов. Это доказывается также приобщенными к делу документами с собственноручными резолюциями РУХАДЗЕ.

К арестованным по делу ГАБИНАШВИЛИ по распоряжению РУХАДЗЕ в массовом порядке применялись меры физического воздействия. К следственному делу на РУХАДЗЕ приобщены документы с его резолюциями:

«Т.т. НИБЛАДЗЕ, КУЦИАВА, ГУЧМАЗАШВИЛИ. Перейдите на активный допрос. Больше тянуть мы не можем... т. ГУЧМАЗАШВИЛИ проявляет непонятную медлительность».

«Т.т. НИБЛАДЗЕ. КУЦИАВА, ГУРГЕНИДЗЕ. Активно допросите ГОГИЧАШВИЛИ Ивана, он это заслуживает».

«Т.т. НИБЛАДЗЕ, КУЦИАВА, ГУЧМАЗАШВИЛИ. Он все так будет врать, надо приступить к активным допросам».

"Т.т. НИБЛАДЗЕ, КУЦИАВА, ГАМБАРОВ... У т. КОРИНТЕЛИ нет ни желания, ни цепкости. Проведите активный допрос, приведите ее к признанию».

Свидетель КУЦИАВА и обвиняемый РУХАДЗЕ показали, что указание об «активном допросе» означало, что арестованный должен быть подвергнут избиениям.

О пытках, применявшихся к арестованным по делу ГАБИНАШВИЛИ, бывший врач внутренней тюрьмы МГБ Грузинской ССР РАЗМАДЗЕ Р.Я. на допросе от 21 мая 1953 года показал:

«...жена ГАБИНАШВИЛИ, находившаяся под стражей... подвергалась таким побоям, что даже мне, хотя я и видал виды, становилось страшно. ГАБИНАШВИЛИ была избита до такого состояния, что вся распухла и не могла самостоятельно двигаться.

Бесчеловечным избиениям подвергались также арестованные ПЕРАДЗЕ и его жена».

Арестованный ТАВДИШВИЛИ М.К., принимавший непосредственное участие в расследовании дела на ГАБИНАШВИЛИ, показал:

«...извращенные методы в следствии насаждались РУХАДЗЕ и применялись только по его распоряжению.

Избиения арестованных, в частности, довольно широко практиковались при ведении следствия по делу... ГАБИНАШВИЛИ...».

Обвиняемый РУХАДЗЕ признал, что при расследовании дела на ГАБИНАШВИЛИ меры физического воздействия к арестованным действительно применялись.

В 1949 году РУХАДЗЕ совместно с б. замначальника 2-го Главного управления МГБ СССР РАЙХМАНОМ провалил также операцию по поимке эмиссара загранбюро меньшевиков БЕРИШВИЛИ.

Как показали свидетели ГУРГЕНИДЗЕ А.Е. и НИБЛАДЗЕ, РУХАДЗЕ, располагая необходимыми данными о местонахождении БЕРИШВИЛИ в Грузии, допустил беспрепятственный уход его в Турцию.

В связи с розыском БЕРИШВИЛИ РУХАДЗЕ была арестована его сестра БЕРИШВИЛИ Н. Следствие по ее делу по указанию РУХАДЗЕ началось с избиений. После одного из допросов, когда к БЕРИШВИЛИ были применены пытки, она не выдержала их, решила покончить жизнь самоубийством и повесилась в камере. О применявшихся к БЕРИШВИЛИ избиениях показал свидетель РАЗМАДЗЕ Р.Я. Кроме того, это доказывается актом судебно-медицинского вскрытия трупа БЕРИШВИЛИ.

Как установлено следствием, РУХАДЗЕ применял меры физического воздействия не только к лицам, обвинявшимся в государственных преступлениях, но и к арестованным за должностные преступления. Документально доказано, что подобные методы применялись к арестованным в 1949 году за взяточничество судебно-прокурорским работникам МАРГИЕВУ, КИРИЛЛОВОЙ, ЗОНЕНАШВИЛИ, ГВЕЛИСАНИ, АЛИБЕГОВУ, МЕСХИ, ЦАХАДЗЕ, МАЧАВАРИАНИ и КУКАРАДЗЕ.

Свидетель РАЗМАДЗЕ Р.Я. заявил, что ему, как врачу санчасти внутренней тюрьмы МГБ Грузинской ССР, было запрещено отражать в медицинских журналах диагнозы, говорящие о фактах избиения арестованных. Он показал:

«Если просмотреть тюремные медицинские журналы за 1949—1952 годы, можно встретить ряд записей "жалоб" арестованных на фурункулы и опухоли. Под такими записями в подавляющем большинстве случаев скрывались факты избиений подследственных, когда им после побоев требовалось оказывать медицинскую помощь.

Иногда в журналах вообще не записывались диагнозы, но по фельдшерскому журналу расходования медикаментов можно легко определить, кто из арестованных в связи с побоями подвергался лечению.

В фельдшерских журналах отражено немало случаев выдачи арестованным ихтиоловой мази, ихтиоловой примочки и йодной настойки. Эти медикаменты, как правило, отпускались арестованным для лечения вследствие избиений».

О масштабах практиковавшихся по указанию РУХАДЗЕ избиений арестованных свидетельствует полученный из МВД Грузинской ССР протокол осмотра амбулаторного журнала и журнала фельдшерских назначений за время с 1 января 1950 по 7 октября 1951 года. Из протокола осмотра видно, что за этот период лечение арестованных после применения мер физического воздействия производилось более чем в трехстах пятидесяти случаях.

Доказано, что грубейшие нарушения социалистической законности в следственной работе РУХАДЗЕ практиковал и после решения ЦК ВКП(б) от 11 июля 1951 года, в котором были осуждены порочные методы следствия, насаждавшиеся АБАКУМОВЫМ и его сообщниками в органах МГБ.

Так, в октябре 1951 года в порядке директивы № 66/241сс по указанию РУХАДЗЕ был арестован инвалид БАХТАДЗЕ М.М., который, как слепой, не подлежал привлечению к ответственности по указанной директиве. БАХТАДЗЕ необоснованно содержался под стражей в течение четырех месяцев. Из тюрьмы он был освобожден лишь после того, как секретариат Особого совещания при МГБ СССР вернул дело на БАХТАДЗЕ в МГБ Грузинской ССР, отметив, что БАХТАДЗЕ арестован незаконно.

Весной 1952 года по распоряжению РУХАДЗЕ, вопреки возражениям его подчиненных, был арестован член КПСС ПАРДЖИКИЯ А.И., являвшийся секретным сотрудником органов МГБ. В основу обвинения ПАРДЖИКИЯ были положены данные о его связи с реэмигрантом МЕУНАРГИЯ, хотя ПАРДЖИКИЯ встречался с МЕУНАРГИЯ по заданиям органов госбезопасности. ПАРДЖИКИЯ необоснованно содержался под стражей в течение двух с половиной месяцев.

По указанию РУХАДЗЕ также продолжали применяться и незаконные метода ведения следствия. Арестованных по делу так называемой мегрело-националистической группы, которое возникло по инициативе РУХАДЗЕ, изнуряли путем систематических и продолжительных ночных допросов. Некоторых арестованных по этому делу на допросах избивали и помещали на длительный срок в карцер.

Обвиняемый РУХАДЗЕ признал, что грубые нарушения социалистической законности по делу менгрело-националистической группы действительно допускались, и показал, что он был убежден, что такой группы как организационно-оформленного целого не существовало, но ЦК КПСС он об этом не информировал.

Наряду с большим количеством необоснованных арестов ни в чем не повинных советских граждан РУХАДЗЕ, как это установлено следствием, освобождал из-под стражи лиц, виновных в совершении тяжких государственных преступлений.

В феврале 1949 года по распоряжению РУХАДЗЕ был незаконно освобожден из-под стражи участник антисоветской молодежной организации ЧИКОБАВА Г.Б. Прекращение уголовного преследования в отношении ЧИКОБАВА мотивировалось необходимостью привлечения его к секретному сотрудничеству с органами госбезопасности. Доказано, однако, что после освобождения ЧИКОБАВА из-под стражи органами он не использовался.

19 мая 1951 года по указанию РУХАДЗЕ был освобожден из-под стражи с прекращением дела изменник Родине НАЛБАНДИШВИЛИ П.А., являвшийся руководителем ансамбля в созданном гитлеровцами так называемом грузинском национальном легионе. Участники этого ансамбля как изменники Родине были осуждены, а их руководитель — НАЛБАНДИШВИЛИ остался безнаказанным.

Следствием установлено также, что РУХАДЗЕ, создавая картину мнимого благополучия в МГБ Грузинской ССР, скрывал от ЦК КПСС и МГБ СССР серьезные провалы в работе органов госбезопасности Грузии.

РУХАДЗЕ, например, в течение длительного времени скрывал факт массового распространения антисоветских листовок на демонстрации трудящихся г. Тбилиси 7 ноября 1948 года.

Кроме того, доказано, что РУХАДЗЕ, являясь министром госбезопасности Грузинской ССР, подбирая кадры по принципу личной преданности, засорял органы МГБ Грузии политически сомнительными людьми.

Приобщенными к делу документами и показаниями свидетелей РУХАДЗЕ изобличается также в нарушении финансовой дисциплины, незаконной трате государственных средств, предназначенных на оперативные цели, и участии в подлоге ряда денежных документов.

На следствии РУХАДЗЕ признал себя виновным в том, что, выполняя преступные указания БЕРИЯ и его ближайших сообщников, практиковал систему избиений арестованных и допускал аресты советских граждан по непроверенным материалам. Свою вину в заведомой фальсификации следственных дел, вредительской деятельности и преступной связи с БЕРИЯ РУХАДЗЕ отрицает, заявляя, в частности, что в последние годы он якобы предпринимал меры к разоблачению БЕРИЯ,

Однако эти утверждения РУХАДЗЕ опровергаются материалами дела.

В преступной деятельности РУХАДЗЕ полностью изобличен показаниями свидетелей и арестованных по другим делам, очными ставками, вещественными доказательствами, справками, обзорами, протоколами осмотров, материалами сфальсифицированных уголовных дел и определениями судебных органов.

На основании изложенного —

РУХАДЗЕ Николай Максимович, 1905 года рождения, уроженец ст. Рустави, Грузинской ССР, грузин, гражданин СССР, бывш. член КПСС, женат, образование среднее, до ареста — министр госбезопасности Грузии, генерал-лейтенант

обвиняется в том, что,

занимая в течение многих лет руководящие должности в системе органов госбезопасности, проводил вредительскую деятельность; участвовал в расправе над родственниками одного из выдающихся деятелей партии и Советского государства;

в угоду врагу народа БЕРИЯ производил массовые необоснованные аресты советских граждан;

насаждал в подчиненных ему органах МГБ систему зверских пыток арестованных, вследствие чего некоторые обвиняемые были убиты на допросах;

с помощью истязаний и других строжайше запрещенных законом методов фабриковал провокационные дела, в результате чего многие советские

граждане были без оснований обвинены в совершении тяжких государственных преступлений и расстреляны;

скрывал от ЦК КПСС серьезные провалы в работе органов госбезопасности Грузии,

то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-7 УК РСФСР.

Считая следствие по настоящему делу законченным, а добытые данные достаточными для предания обвиняемого суду на основании ст. 208 УК РСФСР, дело по обвинению РУХАДЗЕ Н.М. направить на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Обвинительное заключение составлено « » апреля 1954 года в городе Москве,

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ
майор (ПЕРОВ)

Согласен:

И.о. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ
полковник (КОЗЫРЕВ)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 107—139. Копия. Машинопись.

№ 125
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О Н.М. РУХАДЗЕ

7 мая 1954 г.

Строго секретно

П 63/ XVII

Согласиться с предложением т. РУДЕНКО, изложенным в его записке от 16 апреля 1954 г. за № 690-с.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 106. Копия. Машинопись.

№ 126
ЗАПИСКА Р.А. РУДЕНКО В ЦК КПСС С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПРОЕКТА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ НКВД ГРУЗИНСКОЙ ССР

25 мая 1954 г.

Совершенно секретно
Особая папка

№ 1558-с

ЦК КПСС

Направляю проект обвинительного заключения по делу бывших следователей НКВД Грузинской ССР Савицкого, Кримяна, Хазана и Парамонова.

Считаю, что есть все основания для предания этих лиц суду по обвинению в соучастии во вражеской деятельности Берия.

Прошу санкционировать направление этого дела для рассмотрения в Военную коллегию Верховного Суда СССР.

Приложение: по тексту на 48 листах.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР
Р. РУДЕНКО

Совершенно секретно

«УТВЕРЖДАЮ»
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОЮЗА ССР
Действительный Государственный
советник юстиции
Р. РУДЕНКО

« » мая 1954 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 0068 по обвинению:
1. САВИЦКОГО Константина Сергеевича,
2. КРИМЯНА Никиты Аркадьевича,
3. ХАЗАНА Александра Самойловича и
4. ПАРАМОНОВА Георгия Иовича
в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Как было установлено приговором Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР по делу врага народа Берия и его сообщников, главарь заговорщической группы Берия, тщательно маскируя и скрывая свое преступное прошлое и вражеские связи с разведками иностранных государств, избрал в качестве основного метода своей преступной деятельности клевету, интриги, различные провокации против честных партийных и советских работников, стоявших на пути его враждебных Советскому государству замыслов.

Пробравшись с помощью этих преступных методов на ответственные посты в Закавказье и Грузии, а затем МВД СССР и вынашивая в изменнических целях планы захвата власти, Берия и его сообщники учиняли расправу с неугодными им людьми, не останавливаясь перед актами произвола и беззакония, подлым образом обманывали партию и государство.

В преступных целях истребления честных, преданных делу Коммунистической партии и Советской власти кадров, заговорщики совершали преднамеренные нарушения социалистической законности, фальсифицируя следственные дела, производя массовые аресты невиновных людей, применяя к арестованным избиения и пытки. Добившись с помощью этих преступных методов от арестованных вынужденных «признаний» в несовершенных фактически государственных преступлениях и клеветнических оговоров в отношении других лиц, заговорщики, используя так называемую «тройку» при НКВД Грузинской ССР, совершали затем террористические убийства невиновных людей под видом репрессирования их за контрреволюционную деятельность.

В качестве непосредственных исполнителей этих преступлений Берия привлек некоторых морально-разложившихся и скомпрометированных сотрудников НКВД Грузинской ССР, готовых выполнить любое его преступное указание. Укрывая этих преступников от ответственности, Берия, Меркулов, Кобулов и другие главари заговорщической группы назначали их на ответственные должности в органы НКВД—МВД и всячески продвигали их.

I.

Следствием по настоящему делу установлено, что обвиняемые Савицкий К.С., Кримян Н.А., Хазан А.С. и Парамонов Г.И., материалы в отношении которых были выделены из дела по обвинению Берия и других, являясь участниками изменнической группы заговорщиков, совершили в осуществление преступных планов Берия ряд тяжких государственных преступлений.

Следствием установлено, что Савицкий, Кримян, Хазан и Парамонов, осуществляя вражеские указания Берия о массовой фальсификации следственных дел для истребления честных партийных и советских кадров, творили беззакония и произвол при возбуждении и расследовании ими уголовных дел, а Берия, Гоглидзе и Кобулов оберегали их от уголовной ответственности за избиения и пытки арестованных и незаконные аресты невиновных людей.

Бывший нарком внутренних дел ГССР сообщник Берия — Гоглидзе на предварительном и судебном следствии показал, что избиения арестованных с целью получения от них вымышленных показаний были введены по указанию Берия в 1937 году и что после этого стали появляться показания о больших группах лиц, входивших якобы в различные контрреволюционные организации (т. 5, л.д. 173—180).

Обвиняемый Парамонов 17 августа 1953 года показал, что в тот период времени арестованные, отрицавшие предъявленные им обвинения, по существу не допрашивались, и их показания нигде не фиксировались. Протоколы допросов составлялись лишь тогда, когда арестованные признавались. В подавляющем большинстве случаев такое признание было результатом применения к арестованным так называемых «мер физического воздействия», то есть избиений и пыток (т. 5, л.д. 22).

Один из сообщников Берия — бывший начальник внутренней тюрьмы НКВД ГССР, а затем заместитель начальника личной охраны Берия — арестованный Надарая подтвердил применение пыток к арестованным и показал:

«Работая начальником внутренней тюрьмы на протяжении почти 3 лет, я сам был свидетелем избиений арестованных, содержавшихся в тюрьме. Мне известно, что арестованных избивали систематически очень жестоко...

...В тюрьме арестованных избивали ремнями, веревками и палками. При избиениях над арестованными издевались. Арестованных ставили на несколько суток в угол. По нескольку суток заставляли стоять с тяжелым грузом до тех пор, пока арестованный, изнемогая, не падал. Для этой цели к арестованному привязывали веревками стол, на стол укладывали различный груз, и арестованный должен был все это держать на себе. В таком положении арестованный должен был стоять до полного изнеможения. Нередко арестованных избивали до того, что они потом умирали. Организаторами всех этих издевательств над арестованными и жестоких избиений были Богдан Кобулов, Константин Савицкий, Никита Кримян и Хазан...

В отношении Кобулова, Савицкого, Кримяна и Хазана работники НКВД не случайно говорили, что они могут расстрелять любого невиновного человека...» (т. 7. л.д. 252—253).

Большое число свидетелей, допрошенных на следствии, также подтвердило, что в созданной врагом народа Берия преступной системе расследования дел в НКВД Грузии ведущую роль выполняли Савицкий, Кримян и Хазан, которые с особой жестокостью применяли пытки и истязания, фальсифицировали следственные дела и получали «сенсационные» показания от арестованных, и что именно у них по указанию Гоглидзе и Кобулова другие сотрудники НКВД ГССР обязаны были обучаться «новым» методам следствия.

Свидетели Лазарев, Бабалов, Квиркадзе и Васильев, работавшие в НКВД Грузии, по этому поводу показали:

«Особую жестокость в отношении арестованных проявляли нач. 1 отделения Хазан, следователи Савицкий и Кримян, которые сильно избивали арестованных. Во время работы из их кабинетов, когда приходилось прохо-

дить мимо, всегда слышались крики и стоны избиваемых арестованных» (показания Лазарева, т. 7, л.д. 113—114).

«...Наибольшее количество дел на руководящих партийных и советских работников вели Хазан, Савицкий и Кримян... Эти люди получали показания от арестованных в результате применения к последним жестоких репрессий. Протоколы допросов ими писались заранее. После избиений арестованных заставляли подписывать такие "показания"» (показания св. Бабалова, т. 6, л.д. 40).

«В особенности большую активность в избиении арестованных проявлял нач. 1-го отделения Хазан и следователи Кримян и Савицкий. Кримян и Савицкий на работу приходили выпившими, и они по существу не только избивали, а истязали арестованных» (показания Квиркадзе, т. 6, л.д. 99).

«В тот период среди следователей развивался невероятный ажиотаж — кто больше наберет показаний о новых людях и арестует» (показания Васильева, т. 6, л.д. 59).

Эти показания свидетелей не отрицал и Хазан, который на допросе 7 октября1953 года дополнил следующее:

«Если на допросе арестованный называл мало фамилий, т.е. лиц, участвовавших в к.р. организации, то считалось, и я так считал, что арестованный скрывает, говорит не полностью, и этот арестованный снова подвергался репрессии».

Хазан признал, что в результате его преступной деятельности в СПО НКВД пострадало много невиновных людей, которые после избиения ложно оговаривали как себя, так и других арестованных (т. 3, л.д. 92—93).

Такое признание Хазана нашло себе подтверждение и при осмотре ряда архивно-следственных дел.

Так, например, в январе 1938 года Кобулов арестовал члена ВКП(б) с 1921 года быв. председателя ЦК профсоюза адмработников Кизирия.

Для обоснования этого ареста к делу было приобщено несколько протоколов допроса арестованного Сухишвили, составленных Кобуловым и Хазаном. Сухишвили назвал большое число «участников» к.р. организации (П. Орджоникидзе и других), но о Кизирия даже не упоминал. Тем не менее, Кизирия был арестован и на допросах в свою очередь еще увеличил число «участников» к.р. организации, включая и Сухишвили.

В деле по обвинению Кизирия имеется заявление арестованного Брегвадзе от 5 января 1938 г., который сообщает:

«Кизирия рассказывает вновь приведенным в нашу камеру арестованным об ужасах при следствии, о том, что каждого бьют до тех пор, пока не признает себя виновным, независимо от правды...

Кизирия агитирует за то, чтобы каждый обвиняемый как можно больше назвал людей, независимо от виновности, и тем самым спасти себя. Он сам назвал их так много, что одному следователю хватит, если не больше, то покрайней мере на шесть месяцев» (т. 8, л.д. 149).

Заговорщики под руководством Берия вели «следствие» в том направлении, которое было ему угодно.

Признавая это, обвиняемый Савицкий показал:

«...Берия как лично, так и через Гоглидзе, Кобулова давал указания допрашивать лиц, арестованных по подозрению в принадлежности к правотроцкистскому и националистическому подполью, в направлении организации и подготовки против него теракта. Добытые следователями показания о

террористической деятельности против Берия всячески поощрялись. Это приводило к тому, что все следователи стремились добиться у арестованных таких показаний» (т. л.д.).

По этому же поводу арестованный Цанава Л.Ф. 9.II. 1953 г. показал:

«...Террор против Берия настолько вошел в быт, что считалось необходимым в каждом деле иметь признание арестованных, что они готовили теракт против Берия. Эти признания выколачивали из арестованных Кобулов и его сподручные Кримян, Хазан, Савицкий и др. Арестованные говорили только то, что хотел Кобулов, который заранее намечал нужные ему показания, вызывал к себе своих помощников Кримяна, Хазана, Савицкого, Парамонова и др., распределял среди них, какие показания должны им дать арестованные, и начиналась работа по выколачиванию показаний. Избивали просто до тех пор, пока арестованный не давал нужных Кобулову показаний...» (т. л.д. 382—383).

Находясь в изменнической группе заговорщиков, Савицкий, Кримян и Хазан были наиболее приближенными к Кобулову Б., а Парамонов — к Гоглидзе, по указанию которых они и проводили свою вражескую деятельность.

Это на следствии подтвердили свидетели, которые показали:

«В руках Савицкого, Кримяна и Кобулова были сосредоточены все следственные дела. Стоило им сказать только слово, чтобы человек был арестован.

Савицкий являлся самым близким приближенным лицом к Кобулову. Кобулов всюду тянул его за собой...

...Кримян был нечистоплотным человеком, фальсификатором. Авторитет ему был создан Кобуловым...» (показания свидетеля Гульста от 26.VIII.1953 г., т. 6, л.д. 263—264).

«Савицкий, Кримян, Хазан были близкими, доверенными людьми Кобулова, и их знал Берия. Им доверялось ведение следствия по наиболее крупным ответственным делам. Они были физическими исполнителями по расправе с лицами, неугодными для Берия...

...В период массового применения репрессий, кажется, в конце первой половины 1937 г., Савицкий и Кримян особенно изощрялись в применении различных методов воздействия на арестованных...» (показания свид. Бабалова от 2.II.1954 г., т. 6, л.д. 44).

«В 1937—1938 гг. Кобулов сыграл зловещую роль. Он стал убирать с дороги своих потенциальных конкурентов. Одновременно с этим Кобулов таким же путем парализовал всех лиц, которые, по мнению его и его шефа Берия, могли помешать им в их карьеристических и авантюристических намерениях. Для этой цели Кобулов сгруппировал вокруг себя верных людей, способных на любое грязное дело: Савицкого, Кримяна Я., Хазана...

...Эти лица, выполняя задания своих хозяев, проявляли также и свою инициативу, ни перед чем не останавливаясь, и цинично расправлялись с неугодными Кобулову и Берия лицами» (показания свид. Каранадзе от 28.VII.53 г., т. 6, л.д. 318—319).

«Через этих людей Кобулов создавал провокационные дела на лиц, которых он считал помехой на своем карьеристическом пути и которых считал нужным убрать с дороги...

...Группа Савицкий и Кримян создавала “дела” на людей, которые владели личными вещами, понравившимися им» (показ. свид. Винер, т. 6, л.д. 154—155).

Таким образом, Савицкий, Кримян, Хазан и Парамонов были непосредственными исполнителями вражеских заданий Берия, Гоглидзе и Кобулова.

II.

Политический облик и личность обвиняемых Савицкого, Кримяна, Хазана и Парамонова, их взаимоотношения с другими участниками заговорщической группы характеризуют следующие установленные следствием данные.

Савицкий Константин Сергеевич, являясь сыном полковника царской армии, дворянина, организатора белогвардейских отрядов для борьбы с Советской властью, был принят на работу в органы НКВД Грузинской ССР в 1931 году по рекомендации разоблаченного впоследствии как врага народа Кохреидзе. Пользуясь покровительством быв. нач. ЭКО, а затем и нач. СПО УГБ НКВД Грузинской ССР Кобулова Б., Савицкий через короткий промежуток времени был выдвинут с должности оперуполномоченного на должность нач. отделения, а затем и пом. начальника IV отдела.

В апреле 1939 г. Савицкий за невозможностью дальнейшего использования был уволен из органов НКВД в запас, но в 1941 году, при содействии Кобулова, был отозван с фронта и назначен зам. начальника отделения IV Управления НКВД СССР.

В 1943 году, когда Кобулов был назначен заместителем наркома госбезопасности СССР, Савицкий перешел к нему на работу в качестве личного секретаря.

В 1945 г. по указанию Кобулова Савицкий был назначен на должность зам. нач. секретариата НКГБ СССР, а после освобождения Кобулова от должности зам. наркома госбезопасности Савицкий добился своего увольнения из органов НКГБ по болезни.

В 1946 г. в связи с назначением Кобулова заместителем начальника Главного Управления советским имуществом за границей при Совете Министров СССР Савицкий по просьбе и рекомендации Кобулова был назначен пом. начальника этого управления.

В марте 1953 г. после назначения Кобулова первым заместителем министра внутренних дел СССР Савицкий по указанию Берия был вновь зачислен на работу в органы МВД и назначен помощником Кобулова. Таким образом, все продвижения Савицкого по службе были обусловлены его близостью к Кобулову, который неизменно при всех своих перемещениях переводил с собой и Савицкого как своего особо доверенного и надежного соучастника.

Кримян Никита Аркадьевич в органах НКВД Грузинской ССР начал работать с 1932 г. Являясь близким другом Савицкого и пользуясь покровительством Кобулова, Кримян стал быстро продвигаться по службе, а именно:

Начав работать в качестве практиканта оперуполномоченного ЭКО, Кримян был выдвинут в 1937 году на должность пом. нач. отделения, в 1938 г. — нач. отделения, в 1939 г. — заместителя начальника следчасти НКВД ГССР. В 1940 г. по личному указанию Берия Кримян был назначен нач. следчасти УНКВД Львовской области, в 1940—41 гг. — зам. начальника УНКВД Львовской области, а затем начальником УНКГБ Ярославской области. В 1945 г. Кримян был назначен наркомом государственной безопасности Армянской ССР. В 1947 г. за склоки и непартийное поведение Кримян был снят с этого поста и назначен с понижением на должность начальника УМГБ Ульяновской области.

В 1951 г. Кримян за незаконные аресты граждан, применение незаконных методов следствия, за преследование и необоснованные увольнения честных коммунистов в Ульяновской области с этой должности был снят и уволен из органов МГБ.

В период работы Савицкого и Кримяна в НКВД Грузии к Гоглидзе и Кобулову поступали сигналы о допускаемых Савицким и Кримяном нарушениях законности, присвоении ими ценностей и вещей арестованных, об их совместном пьянстве, однако они оставались безнаказанными.

Так, по заявлению бывш. сотрудника Копадзе на имя Гоглидзе о том, что Савицкий и Кримян при арестах не составляют протоколов обыска, отобранные вещи складывают в своих кабинетах, а затем их расхищают, расследование было поручено особоуполномоченному НКВД Твалчрелидзе, который принимал активное участие вместе с Хазаном, Савицким и Кримяном в расправах с арестованными. В результате, несмотря на сообщаемые Копадзе конкретные факты корыстных злоупотреблений Кримяна и Савицкого, Твалчрелидзе тщательного расследования не произвел, а в своем постановлении указал, что Савицкий и Кримян допускали лишь «некоторые нарушения».

О присвоении вещей и ценностей арестованных свидетель Давлианидзе 30.VII.1953 г. показал:

«Когда я в 1937 г. был назначен замначальника СПО НКВД Грузии, то обратил внимание, что два кабинета в отделе СПО были превращены по указанию Кобулова Б.З. в камеры хранения ценных вещей, изъятых у арестованных при обыске, как то: золотые и сеоебряные вещи, дорогие охотничьи ружья, отрезы материй, меха, фотоаппараты и т.п., и заведывать "камерами хранения" ценных вещей был приставлен оперработник Гарибов. Эти вещи не имели права хранить в таком порядке, а обязаны были немедленно сдавать в финотдел НКВД Грузии и в 1-й Спецотдел, но это было сделано с умыслом, и ценности и вещи присваивались Кобуловым, Хазаном, Савицким, Кримяном, Гарибовым.

О незаконности этих камер хранения я неоднократно лично докладывал Гоглидзе и Кобулову, но они не обращали внимания...

О присвоении ценностей и вещей Хазаном, Кримяном, Гарибовым, Урушадзе я подавал письменные рапорты Гоглидзе...» (т. 6, л.д. 282).

Свидетель Каранадзе на допросе 28.VII. 1953 г., кроме того, отметил:

«В связи с этим делом заслуживает внимания следующая деталь, характеризующая самого близкого подхалима Кобулова — Савицкого. В момент ареста Султанишвили с него сняли дорогую гимнастерку, которую не постеснялся надеть Савицкий и в которой он допрашивал самого Султанишвили, свидетелем чего являлся коллектив чекистов».

Аналогичные нарушения законности, присвоение вещей арестованных и другие злоупотребления своим служебным положением Кримян допускал и в последующий период своей работы во Львовской области и в других местах.

Хазан Александр Самойлович был принят на оперативную работу в Одесский окротдел ГПУ в 1928 году, хотя еще тогда имел связь с родственниками, проживавшими в США, и находился в дружеских отношениях с видной троцкисткой Упштейн и женой репрессированного дециста — Козюрой.

Хазан поддерживал связь с Упштейн, а также с ее единомышленниками троцкистами и позже, вплоть до ее второго ареста (т. 5, л.д. 334, фото и показания Красниковой, л.д. 81—85, Гурович, л.д. 258—273, т. 6).

В 1932 году Хазан подарил Упштейн книгу К. Маркса, на которой учинил надпись, содержащую гнусный выпад против В.И. Ленина (т. 6, л.д. 334).

В 1933 году после снятия с должности преподавателя Высшей школы ОГПУ Хазан был направлен на работу в НКВД Грузии, где был зачислен на

должность оперуполномоченного, а затем начальника отделения секретно-политического отдела.

Таким образом, враг народа Гоглидзе, несмотря на троцкистские связи Хазана, все же назначил его на руководящую должность в отдел, который должен был проводить борьбу с троцкистскими и другими антисоветскими организациями.

Из личного дела Хазана видно, что в 1935 году СПО ГУГБ НКВД СССР предложил перевести Хазана на другую работу как «абсолютно неподходящего», о чем центральная аттестационная комиссия НКВД СССР вынесла специальное постановление, однако Гоглидзе, получив уведомление об этом от 17 августа 1935 г. за № 387551, не только не выполнил это постановление, а, наоборот, назначил Хазана начальником 1 отделения СПО, занимавшегося следствием по делам троцкистов и правых (см. личное дело, вкладыш).

В 1937 году Хазан, проявив себя человеком, преданным Берия, Гоглидзе и Кобулову, беспрекословно выполнявшим любые их преступные задания, был назначен помощником начальника СПО, т.е. Б. Кобулова, с исполнением одновременно должности начальника 1 отделения.

Для того чтобы укрыть заговорщиков от разоблачения, Берия, Гоглидзе и Кобулов умышленно изменили обычную практику сосредоточения и проверки компрматерналов на сотрудников НКВД в аппарате особоуполномоченного и передали этот участок работы лично Хазану.

Хазану также было предостаплено право подготовки возбуждения уголовных дел на сотрудников НКВД с целью обвинения их в совершении контрреволюционных преступлений.

Получив такие полномочия, Хазан стал обвинять в либерализме и пособничестве врагам любых сотрудников НКВД, не соглашавшихся участвовать в фальсификации дел, в террористических расправах с неугодными Берия и его сообщникам людьми, и объявлял врагом всякого, кто непочтительно относился лично к нему самому. Об этом подробно показали обвиняемые Савицкий на допросе 19.VI.1953 г., Кримян на допросе 2.X.1953 г. и Парамонов.

Свидетели, работавшие в НКВД Грузии, в том числе и бывшие подчиненные Хазана, характеризуют его как фальсификатора следственных дел на сотрудников НКВД.

Они, в частности, показали:

«Если ему (Хазану) кто-либо не так поклонился или задал вопрос: “как дела”, он делал вывод, что интересуется следствием по делам правых и троцкистов, и сейчас же делал соответствующую заметку в наблюдательном деле сотрудника, задавшего вопрос или не так посмотревшего на Хазана» (показан. свид. Барского на допроса 29.VII.53 г., т. 6, л.д. 27).

«Сотрудники наркомата Грузии все боялись Хазана, т.к. ему не стоило никакого труда сфальсифицировать дело на любого сотрудника. Кобулов всегда защищал Хазана, создавал ему авторитет» (показания свид. Гульста на допросе 26.VIII.1953 г., т. 6, л.д. 266).

«В отношении Хазана нужно сказать, что он каждого сотрудника НКВД брал под подозрение, создавал атмосферу недоверия друг к другу» (показ. свид. Квирикашвили на допросе 23.X.53 г., т. 6, л.д. 333).

«Хазана все в аппарате рядовые сотрудники боялись, потому что он имел привычку издеваться не только над арестованными, но и над сотрудниками НКВД..., показывая на свой сейф, говорил, что у него на всех есть данные — дойдет и ваша очередь...»

«Хазан брал на учет любой слух, дело доходило до того, что он брал на учет просто фамилию человека, без каких-либо данных о нем...» (показ. свид. Миловой на допросе 15.1.1954 г., том 7, л.д. 186).

«...Я и другие сотрудники НКВД видели в лице Хазана опасного человека, могущего арестовать любого сотрудника, пользуясь большой поддержкой Гоглидзе и Кобулова» (показ. свид. Мовсесова на допросе 25.1.54 г., том 7, л.д. 213).

«Мне лично Хазан приказывал собрать материал, компрометирующий зав. особым сектором ЦК КП(б) Грузии Бежанова Хачи и зав. отделом кадров ЦК КП(б) Грузии Топуладзе Алексея за то, что они якобы препятствовали переводу его из кандидатов в члены ВКП(б). Я на это не дал согласия» (показ. свид. Твалчрелидзе на допросе 14.X.53 г., том 7, л.д. 323).

«Хазан создавал провокационные дела на сотрудников НКВД, за что был снят с работы и арестован, но впоследствии освобожден... ...Хазана все боялись. Боялись его потому, что как бы он не собрал на того или иного работника ложных материалов и не арестовал бы его» (показ. свид. Кукутария на допросе 20.X.53 г., том 7, л.д. 105).

Действительно, в 1937 году по материалам и постановлениям Хазана ряд сотрудников НКВД Грузии был арестован и расстрелян, но в настоящее время оказалось невозможным проверить уголовные дела, сфальсифицированные по материалам Хазана, т.к. в 1948 году по указанию ныне арестованного бывш. министра госбезопасности Грузии Рухадзе большое количество дел и так называемых «компрматериалов» на сотрудников НКВД Грузии было уничтожено (т. 8, фотокопия акта).

Ввиду того, что провокационные методы деятельности Хазана получили широкую огласку, Гоглидзе 2 февраля 1938 года вынужден был арестовать Хазана, но через два месяца по указанию Берия освободил его из-под стражи, ограничившись увольнением из органов НКВД.

Из приобщенного к настоящему делу следственного производства по обвинению Хазана в 1938 году видно, что, несмотря на ряд неопровержимых фактов фальсификации Хазаном дел, расследование по его делу не производилось, а в дело подшиты лишь объяснения Хазана. Более того, ряд документов, изобличавших Хазана, из дела был изъят, что подтверждено показаниями свидетеля Давлианидзе, начинавшего расследование дела по обвинению Хазана в 1938 году (т. 6, л.д. 302—303).

Арестованный Гоглидзе на допросе 27 сентября 1953 года подтвердил, что:

«В 1937 году по предложению Кобулова у Хазана были сосредоточены все материалы на сотрудников НКВД Грузии, проходивших по показаниям арестованных. Через несколько месяцев после этого решения стало известно, что Хазан специально собирает провокационным путем материалы на сотрудников НКВД и со многими из них сводит личные счеты, терроризирует аппарат угрозами и запугиванием».

Тот же Гоглидзе 14 декабря 1953г. показал:

«...По настоятельной просьбе Кобулова я написал представление Берия о том, чтобы дело Хазана прекратить, ограничиваясь увольнением, и Берия согласился. Впоследствии Хазан был принят в центральный аппарат НКВД СССР при содействии того же Кобулова, который мне как-то говорил, что Хазан обратился к нему с просьбой о даче характеристики, и он рекомендовал Хазана на неоперативную работу».

При этом Гоглидзе дополнил, что он тоже дал рекомендацию Хазану для поступления в органы МВД (т. 6. л.д. 222—223).

В 1942 году Хазан обратился к Берия с письмом и, как видно из показаний Гоглидзе, по его и Кобулова рекомендации был зачислен на руководящую работу в центральном аппарате НКВД СССР, но в 1945 году был уволен в запас, т.к. сведения о прошлых связях Хазана с троцкистами получили распространение среди сотрудников, и сообщник Берия — Меркулов счел неудобным оставлять Хазана в аппарате министерства (см. переписку в личном деле).

По рекомендации Кобулова Хазан, Савицкий и Кримян были приняты в партию, а по представлениям Кобулова, Гоглидзе и Берия они были в 1937 году награждены орденами.

Обвиняемый Хазан, признав, что в 1937 году получил правительственную награду по представлению Берия, Гоглидзе и Кобулова, показал, что после этого он, так же как Кримян, Савицкий и Парамонов, стал проявлять еще большее усердие в выполнении заданий Берия, рассчитывая получить более высокие правительственные награды (т. л.д.).

Парамонов Георгий Иович с 1930 года работал в должностях: пом. уполномоченного, уполномоченного и начальника 8 (учетного) отделения в НКВД Грузии; в период массовых арестов в 1937 году он, преследуя карьеристические цели, при содействии Савицкого добился от Кобулова перевода на следственную работу в СПО. Не обладая ни теоретической подготовкой, необходимой для работы следователя, ни следственным опытом, Парамонов, однако, стал пользоваться особой поддержкой со стороны врага народа Гоглидзе и был последним приближен к себе. Причиной этому послужило то, что, применяя избиения и пытки к арестованным, Парамонов вместе с Савицким фальсифицировал следственные дела, добиваясь ложных показаний от арестованных.

В ноябре 1938 года после перевода Гоглидзе в Ленинград в качестве начальника Управления НКВД, он тотчас же забрал с собой Парамонова и назначил его начальником секретариата. В 1941 году, будучи назначен уполномоченным ЦК ВКП(б) и СМ СССР по Молдавской ССР, Гоглидзе добился утверждения Парамонова своим помощником. Впоследствии, после назначения Гоглидзе начальником Управления НКВД по Хабаровскому краю, он вновь перетащил Парамонова с собой в качестве своего заместителя, и только в сентябре 1949 года, когда такая их близость обратила на себя внимание партийных работников, Парамонов был отозван в Москву, а затем назначен заместителем начальника управления НКВД по Горьковской области.

15 марта 1953 года, в период особой активизации группы заговорщиков, Парамонов был вызван Савицким в МВД СССР, где после переговоров с врагами народа Мешиком, Кобуловым и Берия получил назначение на должность заместителя начальника следчасти по особо важным делам МВД СССР.

Таким образом, обвиняемые Савицкий, Кримян, Хазан и Парамонов еще с 1933—36 годов были приближенными Кобулова, Гоглидзе и Берия и пользовались их особым покровительством.

III.

Как установлено предварительным и судебным следствием по делу врага народа Берия и его ближайших сообщников, Берия на протяжении ряда лет вел злобную интриганскую борьбу против выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства — Серго Орджоникидзе, видя в нем человека, питавшего политическое недоверие к Берия и являвшегося

препятствием к осуществлению вражеских замыслов заговорщиков. После смерти С. Орджоникидзе для того, чтобы посмертно скомпрометировать его, заговорщики продолжали сбор фальсифицированных клеветнических материалов, а также жестоко расправлялись с членами семьи С. Орджоникидзе. Установлено, что в 1937 году Берия дал своим сообщникам задание путем избиений и пыток добиться от арестованных клеветнических показаний, компрометирующих как С. Орджоникидзе, так и его родственников.

Так, на основании показаний арестованного Мамулия был заключен под стражу б. секретарь Заккрайкома ВКП(б) Орахелашвили, от которого Кобулов и Кримян добились клеветнических показаний в отношении С. Орджоникидзе и ряда других лиц. Содержание этих фальсифицированных показаний, изложенных в протоколе, подписанном Кримяном и Кобуловым, свидетельствует об их преступной попытке доказать, что Орджоникидзе боролся с Берия, преследуя этим якобы контрреволюционные цели.

Выписка из показаний Орахелашвили от 7.IX.1937 года приобщена к делу (т. л.д.).

После получения от Орахелашвили клеветнических показаний он был расстрелян.

Клеветнические, фальсифицированные показания арестованных для расправы с членами семьи С. Орджоникидзе Берия получал с помощью своих сообщников Кобулова, Савицкого, Кримяна, Хазана и некоторых других работников НКВД в Грузии.

В частности, для компрометации Серго Орджоникидзе и его родственников, клеветнические, фальсифицированные показания получались не только от арестованных Мамулия, Орахелашвили, но и от Буду Мдивани, Ш. Элиава, Дзидзигури, Ш. Киладзе, Э. Вашакидзе и других, подвергавшихся избиениям и другим незаконным мерам воздействия.

Жертвами мести Берия пали брат Серго Орджоникидзе — Папулия Орджоникидзе и его жена Нина Орджоникидзе, которые по сфальсифицированным уголовным делам были расстреляны.

Жертвами расправы Берия оказались родственники Серго Орджоникидзе — зам. председателя ЦИК Юго-Осетии Савва Оджоникидзе и руководящий работник хозорганов Грузии Дмитрий Орджоникидзе, которые также были расстреляны. Дмитрий Орджоникидзе был арестован 7 августа 1937 года по постановлению, вынесенному Хазаном при отсутствии каких-либо компрометирующих материалов, затем он был допрошен Савицким и Парамоновым, после чего они 14.IX.37 г. дело передали в Дорожно-Транспортный отдел НКВД Грузии, где в угоду Берия сотрудники приобщили некоторые сфальсифицированные показания.

Сообщники Берия по сфальсифицированным материалам добились заключения в лагерь на длительный срок другого брата С. Орджоникидзе — Константина Орджоникидзе.

Наконец, по преступному заданию врагов народа Берия, Гоглидзе и Кобулова их соучастники обвиняемые Савицкий и Парамонов 29 августа 1938 года необоснованно арестовали третьего брата С. Орджоникидзе — Ивана Константиновича Орджоникидзе и его жену Анну Михайловну.

29.11.1939 г. эти лица постановлением Особого Совещания при Наркомвнуделе СССР были заключены в лагерь якобы за антисоветскую агитацию.

Осмотром этого дела (окончание расследования по которому производилось в Дорожно-транспортном отделе УНКВД на Закавказской железной

дороге) установлено, что в качестве доказательства виновности осужденных представлено единственное показание бывш. домработницы И.К. Орджоникидзе — гр. Ничипуренко П.М. о том, что Орджоникидзе А.М. якобы высказывала недовольство против руководителей партии и правительства за то, что не было обеспечено соответствующего врачебного ухода и надзора за больным С. Орджоникидзе, а ее муж якобы возмущался арестом своего брата Папулия Орджоникидзе.

Эти лишенные конкретности в описании времени и места событий показания не могли быть использованы в качестве доказательства виновности Орджоникидзе, т.к. даже и в этом случае, если высказывания, о которых показала Ничипуренко, и имели место, то они не говорили о чем-либо преступном. Однако и такие «показания» были получены от Ничипуренко незаконным, провокационным путем, что подтверждается следующими обстоятельствами.

При аресте супругов Орджоникидзе обыск в их квартире не производился, и там осталась их домработница — Ничипуренко П.М.

Воспользовавшись тем, что меры к сохранности имущества арестованных никем не приняты, Ничипуренко и гр. Беда-Бедюк А.М. обворовали квартиру Орджоникидзе, похитив там золотые часы, 5 цепочек, золотые серьги с 20 бриллиантами, 3 золотых кольца, кулон с бриллиантами и др. изделия (т. 8, л.д. 55—59).

7.Х.1938 года Ничипуренко и ее соучастник с крадеными вещами были задержаны и доставлены к начальнику 4 отделения ДТО лейтенанту Цагурия, который предъявил изъятые изделия А.М. Орджоникидзе и после опознания сдал их в финансовый отдел НКВД Груз. ССР, составив соответствующий акт (т. 8, л.д. 56).

Вместо того, чтобы привлечь Ничипуренко и гр. Беда-Бедюк к уголовной ответственности за кражу, Цагурия незаконно освободил их от этой ответственности, и более того, спровоцировал Ничипуренко дать клеветнические показания в отношении супругов Орджоникидзе, на основании которых они были впоследствии незаконно осуждены (т. 8, л.д. 57).

В 1953—54 гг. определениями Военной Коллегии Верховного Суда СССР все решения по сфальсифицированным материалам на родственников Серго Орджоникидзе отменены и дела как сфальсифицированные прекращены (т. л.д.).

Характерно, что после окончания расследования дела по обвинению Дзидзигури, от которого вымогались клеветнические показания на С. Орджоникидзе, Гоглидзе подарил Кримяну квартиру Дзидзигури вместе с находящейся в ней обстановкой.

Обвиняемый Хазан на допросе от 25.IX.53 г. показал:

«Гоглидзе подарил Кримяну богатейшую обстановку и все вещи, находившиеся в многокомнатной квартире б. нач. транспортного отдела Дзидзигури. В числе этих вещей была радиола, впоследствии переданная в санаторий НКВД, имелся там спальный гарнитур карельской березы» (т. 3, л.д. 18).

В этот же период Гоглидзе и Хазана наградил квартирой с обстановкой, изъятой у арестованных (т.7, л.д. 386).

Обвиняемый Хазан подтвердил, что Дмитрий Орджоникидзе был арестован по его постановлению безо всяких материалов, но что лично он в этом аресте заинтересован не был, а выполнял указание руководства НКВД Грузии (т. л.д.).

Хазан не отрицал, что работникам НКВД Грузии было известно о неприязненном отношении Берия к Серго Орджоникидзе (т. л.д.).

Обвиняемые Савицкий и Кримян, участвовавшие в вымогательстве от арестованных клеветнических показаний в отношении Орджоникидзе, с целью сокрытия своих преступных действий пытались на следствии один на другого переложить ответственность за участие в расправах над членами семьи С. Орджоникидзе.

Обвиняемый Парамонов, участвовавший вместе с Савицким в незаконных арестах Ивана и Анны Орджоникидзе и в вымогательстве вымышленных показаний от Дмитрия Орджоникидзе, показал, что он лишь помогал Савицкому, но сам инициативы в вымогательстве показаний не проявлял.

Примером террористических расправ заговорщиков с неугодными людьми является также и дело по обвинению Бедия.

Следствием и приговором по делу организаторов изменнической группы заговорщиков — Берия, Меркулова, Кобулова и др. установлено, что Берия присвоил себе авторство труда «К вопросу об истории большевистских организаций в Закаваказье», написанного коллективом авторов под руководством бывш. директора филиала ИМЭЛ в Тбилиси Бедия Е.А.

Из материалов дела по обвинению Бедия видно, что в беседе со знакомыми Бедия предал огласке, что книга, автором которой Берия выдал самого себя, в действительности написана не им.

Берия с помощью Кобулова и Гоглидзе арестовал Бедия, после чего следствие по его делу било поручено участникам заговорщической группы — Савицкому и Парамонову.

Обвиняемый Савицкий показал, что Бедия признал себя виновным лишь после применения им, Савицким, и Парамоновым мер физического воздействия.

«При этом, — добавил Савицкий, — зная установившуюся в НКВД практику, в показаниях Бедия был отражен эпизод с подготовкой теракта против Берия» (т. л.д.).

Обвиняемый Хазан показал, что впоследствии Берия вызывал к себе на допрос арестованного Бедия, и последний сделал заявление об отказе от своих показаний, данных Савицкому и Парамонову, однако этот отказ в следственном деле зафиксирован не был (т. л.д.).

Парамонов и Савицкий, опасаясь, что при выполнении требований 206 ст. УПК Бедия потребует зафиксировать его отказ от ранее данных показаний и будет настаивать на проверке других доказательств по своему делу, грубо нарушив закон, не ознакомили обвиняемого с материалами следствия, составили 2.XII.37 г. обвинительное заключение и направили дело для рассмотрения не в суд, а на «особую тройку», по постановлению которой Бедия и был расстрелян.

В расправе над Бедия принял участие и Кримян, который после ареста Бедия понудил путем избиений арестованных Блау Д.М. и Бегеладзе Г.В. дать на Бедия показания, как на участника контрреволюционной организации правых, непосредственно готовившего теракт против Берия.

По инициативе Хазана его помощник Твалчрелидзе арестовал политредактора и цензора Васину М.Д., которая по сфальсифицированным материалам была заключена в лагерь на 10 лет за связь с «врагом народа» Бедия и др.

Хазан на следствии не отрицал, что Васина была арестована и репрессирована необоснованно, но сослался на распоряжение Берия, в силу которого Васина и была арестована (т. л.д.).

В 1954 году Военная Коллегия Верховного суда СССР это дело прекратила за отсутствием в действиях Васиной состава преступления (т. л.д.).

Расследованием по делу изменнической, заговорщической группы, возглавляемой врагом народа Берия, установлено, что заговорщиками совершались расправа с людьми под видом осуждения их «особыми тройками» как за контрреволюционную деятельность не только в тех случаях, когда это делалось по заданиям и в преступных интересах самого Берия, но и для террористических расправ с людьми, неугодными другим участникам заговорщической группы. Эти расправы осуществлялись путем фальсификации следственных дел, вымогательства и понуждения арестованных методами психического и физического воздействия к самооговору и оговору других лиц, неугодных Берия, Кобулову, Гоглидзе и др. заговорщикам.

Примерами такой расправы являются уголовные дела по обвинению бывш. сотрудника НКВД Груз. ССР Давидова Николая и других по обвинению в подготовке убийства Б. Кобулова и Гоглидзе.

16 мая 1937 г. Кобуловым была составлена справка на арест Давидова, в которой было указано, что «Давидов Николай изобличается показаниями арестованных участников к.р. троцкистской террористической группы в аппарате НКВД ГССР в том, что является активным участником к.р. работы этой группы. Показания, изобличающие Давидова Н. в к.р. работе, подтверждаются также обнаруженным собственноручно написанным документом о к.р. работе».

Фактически никаких изобличающих Давидова показаний не было, кроме письма Давидова о том, что, будучи в командировке в Москве, в феврале 1935 г. встречался с Лордкипанидзе, который впоследствии был арестован. На этом письме Берия наложил резолюцию: «Арестовать. Л.Б. 16.VII.37 г.», и Н. Давидов был арестован по постановлению Хазана.

Выполняя преступные указания Кобулова о расправе над Давидовым Николаем, Савицкий и Кримян путем избиения получили 19 июля 1937 г. на Давидова Николая клеветнические показания от арестованных Дзидзигури М.С. и Хитарова П.Ф., в результате на основании их Давидов был расстрелян.

В действительности же на протяжении всего следствия доказательств какого-либо преступления Давидова Н. добыто не было, и обвинение его в подготовке «теракта» против Гоглидзе и Кобулова в материалах следствия не нашло подтверждения.

Расстрел Давидова Николая послужил началом расправы с его братьями Саркисом и Александром и еще с семью жителями Мамукинской деревни А. Багдасаровым, М. Капанадзе, Г. Манучаровым, А. Манучаровым, В. Манучаровым, Н. Размадзе, Д. Ростомовым и, кроме того, с гр-ном Барсеговым.

Поводом к возбуждению этих дел послужили показания секретного сотрудника НКВД Мчедлишвили о том, что, проходя мимо пивной, находящейся в Мамукинской деревне, он якобы услышал от присутствовавших там братьев Давидовых, Капанадзе, братьев Манучаровых и Багдасарова высказывания о том, что за арест и осуждение Давидова Николая необходимо уничтожить Гоглидзе и Кобулова.

Допрошенный в качестве свидетеля Мчедлишвили от этих показаний отказался и заявил, что он по существу оговорил братьев Давидовых и других лиц.

По определению Военной Коллегии Верховного суда СССР от 13.III.1954 г. против Мчедлишвили возбуждено уголовное преследование.

О личной заинтересованности Б. Кобулова и Гоглидзе в совершении расправ над Н. Давидовым и жителями Мамукинской деревни показали свидетели Винер Я.Е. и Каранадзе Г.Л., а также обвиняемый Савицкий.

Содержащиеся в протоколе допроса Мчедлишвили клеветнические показания послужили единственным основанием к аресту, а затем к расстрелу Давидовых Саркиса и Александра, Размадзе, Манучароза В., Манучарова Г., Манучарова А., Капанадзе, Багдасарова и Ростомова. Все эти лица были арестованы в апреле 1938 г. по составленным Савицким одинаковым по тексту справкам о том, что они изобличаются в ведении злостной к.р. агитации и террористических настроениях.

Факт фальсификации дел в отношении Давидова Н., его братьев и др. установлен Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР.

13 марта 1954 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР решения тройки по делам Николая Давидова, его братьев и др. жителей Мамукинской деревни были отменены, а дела за отсутствием состава преступления в уголовном порядке прекращены.

Фальсификация дел по обвинению ряда жителей Мамукинской деревни была установлена прокуратурой и судом еще в 1940 году при рассмотрении дела на одного из жителей этой деревни Барсегова.

Однако сообщники Кобулова, получив дело на доследование, изъяли из него материалы судебного производства и добились заключения Барсегова в лагерь без суда, а само дело, подлежащее пересмотру, сдали в архив.

В 1954 году это дело Военной Коллегией Верховного Суда СССР прекращено и Барсегов реабилитирован (т. л.д.).

Установлен и ряд других случаев расправы обвиняемых Савицкого, Кримяна, Хазана и Парамонова с невиновными советскими гражданами.

Работавший председателем Зак. ГПУ до Берия Давид Киладзе в 1937 году по заданию Берия был арестован, а затем расстрелян якобы за подготовку теракта над Берия.

Были арестованы и расстреляны: жена Киладзе — педагог Шушана Киладзе, бывш. технический секретарь Киладзе в ГПУ — Вашакидзе Эмилия и ряд других лиц, близких знакомых Д. Киладзе.

Шушана Киладзе была арестована 1 августа 1937 года по постановлению Хазана, который предъявил ей обвинение в том, что она «ведет активную контрреволюционную работу», хотя для такого обвинения Хазан не имел никаких оснований.

Следствие по делу Ш. Киладзе вели Савицкий и Парамонов.

Свидетель Киларджешвили, работавшая в 1937 году в подчинении Хазана, на допросах 22.X и 22.XII.1953 г. показала, что она и еще две сотрудницы НКВД по приказанию Хазана подвергли Ш. Киладзе сильному избиению, которым непосредственно руководил Савицкий.

Из архивного дела по обвинению Ш. Киладзе видно, что протоколы допросов арестованной не составлялись около двух месяцев, а затем 1 октября 1937 г. Савицким и Парамоновым был составлен протокол, в котором записано, что Ш. Киладзе признала наличие у ее мужа террористических намерений в отношении Берия и что она, Ш. Киладзе, была согласна со своим мужем, выражавшим недовольство фактом незаслуженного снятия его с поста председателя ГПУ Грузии.

Приобщив к делу выписку из сфальсифицированного протокола допроса П. Орджоникидзе, Парамонов 4.X.37 г. доложил дело на «тройке» и Шушана Киладзе была расстреляна.

Эмилия Вашакидзе была арестована 4 августа 1937 г. по постановлению Хазана, который предъявил ей обвинение в том, что она «ведет к.р. работу», и следствие поручил своей подчиненной Киларджешвили.

Из архивного дела Э. Вашакидзе видно, что ни к аресту, ни тем более к осуждению Вашакидзе не было никаких оснований, все же она по постановлению «тройки» от 7 октября 1939 г. была расстреляна.

Свидетель Киларджешвили на допросе 22 декабря показала, что у нее, как ведущей следствие, не было каких-либо материалов на Э. Вашакидзе, которая не признавала себя виновной, но Кобулов приказал доложить дело на тройке и передать его мнение о расстреле Э. Вашакидзе (т. л.д.).

13 марта 1954 года эти дела прекращены Военной Коллегией Верховного суда за отсутствием в действиях Ш. Киладзе и Э. Вашакидзе состава преступления.

15 июля 1937 года по постановлению Хазана был арестован Арутюнов Георгий Константинович, ранее работавший личным секретарем у Д. Киладзе. Никакими материалами, компрометирующими чем-либо Арутюнова, Хазан не располагал, а арестовал его с целью получить показания на Д. Киладзе.

В деле Арутюнова имеется акт от 22 июля 1937 г., составленный комиссией врачей Ванцян, Мензон и Матиашвили о том, что 22 июля 1937 года Арутюнов умер от менингита. Заключение написано без вскрытия трупа, но указано, что Арутюнов во время болезни падал с кровати и поэтому на трупе отмечено несколько кровоподтеков.

В деле Арутюнова не имеется протоколов допросов и каких-либо материалов, подтверждающих запись Хазана в постановлении об аресте Арутюнова и предъявлении ему обвинения.

Это постановление Арутюнову не объявлено.

16.X.1937 г. Хазан и его помощник Твалчрелидзе вынесли постановление о прекращении дела в связи со смертью Арутюнова (т. л.д.).

Установлено, что Арутюнов умер не от заболевания менингитом, а от пыток.

Арестованный Гоглидзе на допросе 12 октября 1953 г. показал, что Арутюнова на следствии избивали, но он умер, не дав требуемых показаний. Протокола допроса написать не успели.

То же подтвердил и свидетель Твалчрелидзе (т. л.д.).

Хазан на допросе 19.II.1954 г. заявил:

«Я лично Арутюнова не избивал, а вызвал для этого двух дюжих вахтеров комендатуры... От Арутюнова добивались признания фактов к.р. деятельности Киладзе. Не отрицаю, что Арутюнов скончался от полученных повреждений при избиении его вахтерами» (том 3, л.д. 347—348).

На допросе 2.XI.1953 г. Хазан признал, что Арутюнов был арестован неосновательно, что его арестовали лишь как бывшего секретаря Киладзе с целью получить от него показания на Д. Киладзе (т. 3, л.д. 193).

Сообщая на допросе о других случаях смерти арестованных, Хазан 6.XI.53 г. заявил:

«Случаи смерти арестованных мы от начальства не скрывали и не могли скрыть.

Общая установка руководства — составлять фиктивные акты, представляя, что человек умер от обычных, естественных причин» (т. 3, л.д. 199—200).

Свидетель Рухадзе Татьяна, бывшая жена Арутюнова, на допросе 1 февраля 1954 г. показала, что Арутюнов ранее ничем не болел и 15.VII.37 г. был арестован здоровым (т. 7, л.д. 306).

Свидетель Размадзе, бывш. врач санчасти тюрьмы, на допросе 22 декабря 1953 г. показал:

«...особенно отличались тогда в избиениях арестованных Кримян, Савицкий и Хазан... от них с допросов поступали в камеры избитые арестованные... всех до полусмерти избитых во внутренней тюрьме тогда не держали, а сразу их отправляли в Тбилисскую тюрьму №1, где они затем там и умирали» (т. 7, л.д. 308—307).

Свидетель Ванцян — бывш. начальник санотдела НКВД Грузии, на допросах 22.X и 22.XII.53 г. признал, что в ряде случаев он подписывал акты о смерти следственно-заключенных, не видя трупов, и, в частности, заключение о причинах смерти Арутюнова подписал также, не видя трупа (т. 6, л.д. 134).

Свидетель врач Матиашвили, производивший вскрытие трупов в тбилисских тюрьмах, на допросе 19 декабря 1953 года также признал, что заключение о смерти Арутюнова было составлено без вскрытия трупа (т. 7, л.д. 151).

Таким образом, из приведенных доказательств явствует, что акт — заключение о смерти Арутюнова фиктивный, составленный для прикрытия террористической расправы с Арутюновым, учиненной Хазаном.

15 июня 1937 года по постановлению Хазана был арестован за «к-р троцкистскую работу» бывший нарком социального обеспечения Груз. ССР, член ВКП(б) с 1903 года Вашакидзе В.А., который в ночь с 18 на 19 июня 1937 г. находился на допросе у подчиненного Хазану сотрудника Айвазова (убит в 1942 году на фронте) а после возвращения в камеру через несколько минут умер.

В акте от 19.VI.37 г. те же врачи Ванцян и Матиашвили написали заключение, что Вашакидзе умер от паралича сердца.

13 июля 1937 г. Хазан и Айвазов дело прекратили за смертью обвиняемого.

В деле нет ни протоколов допросов, ни других материалов, подтверждающих обоснованность ареста Вашакидзе, за исключением заготовленной в декабре 1936 года за подписью Кобулова, но не подписанной им справки о том, что Вашакидзе, будучи наркомом соцобеспечения, оказывал материальную помощь и давал проездные ж.д. билеты лицам, которые были потом разоблачены как троцкисты.

В этой справке, кроме того, указано:

«Весной 1935 года в служебном кабинете Вашакидзе В. троцкист Орджоникидзе Папулия занимался проработкой Берия, употребляя уличные выражения в адрес последнего. Вашакидзе скрыл допущенные со стороны Орджоникидзе антипартийные выпады в отношении Зак. парт. руководства» (том 10, л.д. 4).

Таким образом, Хазан, используя сфабрикованную Кобуловым справку со ссылками на сфальсифицированные материалы по делу П. Орджоникидзе, арестовал старого коммуниста Вашакидзе, как близкого знакомого П. Орджоникидзе, и создал условия, повлекшие гибель Вашакидзе.

На допросе 5.1.1954 г. Хазан признал, что Вашакидзе был арестован необоснованно, и высказал предположение, что Вашакидзе был убит на допросе, т.к. следователь Айвазов (впоследствии погиб на фронте) жестоко избивал арестованных.

По постановлению Хазана от 14 июня 1937 года в Кисловодске был арестован за «к-р деятельность» профессор Тбилисского государственного университета Ханейшвили Г.А.

2 июля 1937 г. Нанейшвили был доставлен в Тбилисскую тюрьму, а 10 июля 1937 г. Хазан и Кобулов дали письменное указание о переводе арестованного во внутреннюю тюрьму НКВД Грузии.

24 июля 1937 г. Нанейшвили умер, и тогда же врачи Ванцян и Матиашвили дали заключение, что Нанейшвили, 43 лет, умер от порока сердца.

В деле нет ни протоколов допроса, ни других материалов, подтверждающих записанное Хазаном в постановлении обвинение Нанейшвили «в том, что он ведет к.р. работу» (том л.д.).

На допросе 5 января 1954 г. Хазан показал:

«Нанейшвили действительно был арестован по моему постановлению на основании справки Кобулова о близкой связи Нанейшвили с троцкистами. Соответствует ли действительности акт вскрытия трупа — сказать ничего не могу, но, судя по тому, что нет ни одного протокола допроса Нанейшвили, могу предположить, что арестованный мог погибнуть из-за избиения его Хечумовым и Абашидзе» (том 3, л.д. 281).

9 июля 1937 года, при отсутствии каких-либо материалов, по постановлению Хазана был арестован директор Боржомского курорта Немсицверидзе Г.З. В постановлении на арест Хазан безо всяких оснований написал, что Немсицверидзе «ведет к.р. работу».

10 июля 1937 г. Немсицверидзе был доставлен в Тбилиси спецконвоем, и Кобулов дал предписание Хазану: «Принять и оформить».

17 июля 1937 г. дежурный комендант НКВД рапортом сообщил, что Немсицверидзе, 41 года, в 7 час. 35 мин. 17 июля 1937 г. «после болезни скончался».

Из личного тюремного дела № 4589 видно, что Немсицверидзе в ночь с 16 на 17 июля 1937 года находился на допросе в 4 отделе (где Хазан был помощником начальника). Таким образом, установлено, что Немсицверидзе, неосновательно арестованный Хазаном, скончался сразу после возвращения его с первого допроса.

Лишь 14 декабря 1937 года дело было прекращено начальником 4 отделения Галавановым за смертью обвиняемого.

В деле нет ни протоколов допросов, ни других материалов о каком-либо преступлении Немсицверидзе.

Хазан на допросе 5 января 1954 г. признал, что неосновательно арестовал Немсицверидзе, и не мог объяснить причины ареста и смерти Немсицверидзе.

В ноябре 1937 года по распоряжению Берия без санкции прокурора был арестован зам. постоянного представителя Грузинской республики при Правительстве СССР Вермишев Леон Александрович, который скончался от избиения его Кримяном на допросах, где от Вермишева требовали вымышленные показания о якобы совершенных им преступлениях.

С целью сокрытия смерти Вермишева с ведома Кобулова в НКВД ГССР были уничтожены документы о задержании Вермишева.

Обвиняемый Кримян показал, что фамилию Вермишева он вообще не знает и его не допрашивал. Однако в совершенном преступлении изобличается материалами дела и показаниями Савицкого, который на допросе от 14 ноября 1953 года показал, что:

«Во второй половине 1937 г. в НКВД Груз. ССР был доставлен из Москвы заместитель постоянного представителя Армянской или Грузинской ССР Вермишев... Показаниям его придавалось особое значение, так как ими ин-

тересовался Берия. Арест Вермишева еще не был оформлен в соответствии с законом, как Кримян вызвал его на допрос.

Добиваясь признательных показаний от Вермишева, Кримян так его избил, что на следующий день в камере он умер.

Смерть Вермишева вызвала страшный переполох, так как об этом случае стало известно Берия. Кримян очень трусил и боялся, что его привлекут к уголовной ответственности. Однако после доклада Кобулова об этом случае Берия, последний пощадил Кримяна и это дело было замято» (том 1, л.д. 241).

На допросе 4.1.1954 года свидетель Арзанов В.Г., работавший в 1937 году пом. оперуполномоченного в отделении Кримяна, показал, что Кримян в его присутствии сильно избил Вермишева, который сразу после доставки его в тюрьму с допроса скончался (т. л.д.).

Свидетели Вермишева Е.А. и Вермишев А.А. подтвердили обстоятельства ареста Вермишева Л.А. и факт вызова его телеграммой Берия из Москвы в Тбилиси. Одновременно показали, что о судьбе Леона Вермишева им ничего неизвестно (т. л.д.).

Отрицая свою причастность к убийству Вермишева, обвиняемый Кримян возбудил ходатайство о допросе свидетеля Бабалова Л.М., который якобы в 1949 г. вел с ним разговор об устройстве на работу в Армянское постпредство Вермишева, о котором Савицкий дал показания, как об умершем в 1937 году.

Однако свидетель Бабалов на допросе 2 февраля 1954 года показал, что он видел в списке арестованных фамилию Вермишева, и на списке была отметка, что он числится за Кримяном. Он, Бабалов, хорошо помнит, что дело Вермишева вел лично Кримян. Разговор о Вермишеве у него с Кримяном имел место в 1947 г., но говорили они не о Вермишеве Леоне, а Вермишеве Григории, который по просьбе МГБ СССР был зачислен на должность и.о. зам. постпреда Армении (т. л.д.).

О том, что Кримян вел следствие по делу Вермишева, подтвердили и бывш. сотрудники НКВД ГССР Мовсесов и Твалчрелидзе.

Из справок 1 спецотдела МВД ГССР, 1 спецотдела МВД и Военной Коллегии видно, что никаких данных об осуждении и аресте Вермишева Л. у них не имеется (т. л.д.).

По личному указанию Берия была произведена расправа с гр-ном Квашали Григорием, который был арестован по справке Кобулова без каких-либо к тому оснований.

Расследование этого дела производилось в отделении Савицкого.

Бывший сотрудник этого отдаления Качарава (осужден к ВМН 13.17.41 г. за нарушения соцзаконности) в день ареста Квашали путем избиений получил от другого арестованного Сулаберидзе В.О. показания о Квашали, как участнике к.р. организации правых. Несмотря на то, что других доказательств вины Квашали не имелось, по указанию Савицкого было составлено обвинительное заключение, дело внесено на рассмотрение тройки, по решению которой Квашали был расстрелян.

После ознакомления с архивно-следственным делом № 15508 по обвинению Квашали обвиняемый Савицкий на допросе от 13 августа 1953 года признал, что Квашали был расстрелян по необоснованному обвинению.

О мотивах расправы Берия с Квашали показал свидетель Каранадзе на допросе 28.VII.1953 г.:

«В ГПУ НКВД Грузии работал Хатискаци, который был женат на Анне Квашали, сестре сотрудника НКВД. Авантюрист Берия склонил Анну Ква-

шали к сожительству, в результате чего Хатискаци развелся с ней. В 1937 г. с Хатискаци рассчитались, репрессировав его по первой категории.

Кроме того, по указанию Кобулова был арестован гр. Квашали, брат Анны Квашали, за то, что он открыто высказывал свое возмущение поведением Берия... Квашали был расстрелян...» (т. 6, л.д. 320).

При активном участии Савицкого были произведены террористические расправы с гр-нами: Которашвили И.В., Мардановым И.И., Микеладзе Э.С., Матикашвили, Азнатамовым, Петросяном и др. Все они необоснованно были обвинены в контрреволюционной деятельности, а затем по решению тройки НКВД ГССР расстреляны.

Которашвили был арестован по справке Савицкого, в которой указывалось, что Которашвили является членом террористической организации. Формальным основанием для ареста Которашвили послужили показания арестованного Бочоришвили М.С., данные им со слов другого арестованного Кобиашвили. Несмотря на то, что Савицкому еще до составления справки на арест Которашвили было известно о том, что Кобиашвили показания Бочоришвили не подтвердил, все же Которашвили было предъявлено обвинение по ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

При отсутствии каких-либо других доказательств и отрицании Которашвили своей вины, его дело было внесено на рассмотрение тройки, по решению которой Которашвили и был расстрелян (т. л.д.).

Обвиняемый Савицкий признал, что Которашвили арестован и расстрелян по непроверенным данным.

3 октября 1937 г. по указанию Кобулова был арестован Марданов И.И.

Ордер на арест Марданова, постановление об избрании меры пресечения были оформлены после его ареста Хазаном.

Желая оправдать незаконный арест Марданова, Савицким и Парамоновым 4.X.37 г. путем избиений арестованного родственника Марданова — Джиджоева И.Н. были получены от него вымышленные показания на Марданова, как на участника к-р организации.

5 октября Кобуловым была подписана справка на арест Марданова, где было указано, что в к.р. работе Марданов изобличен показаниями Джиджоева И.Н. и Джиоева Ш.З. (т. л.д.).

В действительности Джиоев по делу не допрашивался, а к материалам дела Марданова была приобщена только лишь выписка из заявления Джиоева Ш.З. от 19.IX.54 г. В своем заявлении Джиоев назвал как участника троцкистской организации и Марданова.

Обвиняемый Савицкий признал, что оснований для ареста Марданова не было.

После получения Савицким и Парамоновым показаний Марданова о признании им своей вины, он по решению тройки был расстрелян.

Обзором архивно-следственного дела по обвинению Дзуцева, якобы завербовавшего Марданова в к.р. организацию, установлено, что Дзуцев свою принадлежность к троцкистской организации, а равно вербовку им в эту организацию Марданова категорически отрицал.

Определением Военной Коллегии Верховного суда СССР приговор по делу Марданова отменен.

При расследовании дела по обвинению бывш. председателя Госплана ГССР Матикашвили Ш.С. Савицкий, при активном участии Кримяна, допускал грубейшие нарушения законности. В избиениях Матикашвили принимали участие лично Берия и Кобулов.

После получения от Матикашвили «признания» о своем участии в троцкистской организации и показаний на большое число других ответственных работников, как участников к-р организации, дело в отношении Матикашвили было направлено на рассмотрение выездной сессии Военной Коллегии Верхсуда, по приговору которой Матикашвили был расстрелян.

На основании вынужденных преступными методами клеветнических показаний Матикашвили был арестован и бывш. нач. табачного управления НКЗ Грузии Микелов З.С.

Добиваясь от Микелова признания об участии его в троцкистской организации, Савицкий и Кримян забили Микелова до смерти, составив протокол допроса Микелова без его подписи.

Савицкий, Кримян и Хазан составили фиктивный акт о причинах неподписания Микеловым протокола допроса от 25.VII.37 г. В акте было указано, что после допроса Микелову был дан на ознакомление и на подпись составленный по его показаниям протокол, но по ознакомлении с протоколом Микелову сделалось плохо, вследствие чего протокол допроса о признании Микеловым своей вины оказался неподписанным.

После смерти Микелова Кримян с целью оправдания расправы над ним приобщил к делу протокол допроса обвиняемого Хадашвили И.М. от 8.VIII.37 г., в котором говорилось о Микелове, как участнике к.р. организации.

Кримян показал, что в расследовании дела Микелова и допросах его он участия вместе с Савицким не принимал. Составленный Савицким 25 июля 1937 г. акт он подписал легкомысленно, и что о действительных причинах смерти Микелова ему ничего неизвестно. Он может только предполагать, что Савицким Микелов был забит на допросах (т. л.д.).

Утверждение Кримяна о том, что он не принимал участие в расследований дела Микелова, опровергается имевшимися в архивно-следственном деле Микелова материалами, личной подписью акта, составленного Савицким, и рапортом дежурного коменданта НКВД с пометкой «передать Кримяну».

С участием Савицкого и Парамонова необоснованно по постановлению Хазана был арестован, а затем расстрелян по решению тройки НКВД ГССР Авнатамов Н.М.

Применив к Авнатамову меры физического воздействия, Савицкий и Парамонов получили от него «признательные» показания. Эти показания никакими другими объективными данными не подтверждены и, несмотря на очевидную их надуманность и неправдоподобность, были положены в основу обвинения Авнатамова, который и был расстрелян (т. л.д.).

С участием Кримяна и Савицкого был арестован и привлечен к уголовной ответственности бывший сотрудник трудколонии НКВД ГССР Петросян А.З. Расследование по этому делу производилось с грубейшим нарушением социалистической законности, но так как Петросян желаемых показаний Савицкому и Кримяну не дал, то он впоследствии был необоснованно осужден якобы за проводимую им антисоветскую агитацию.

О том, что арест Петросяна проводился при активном участии Кримяна, свидетельствуют имеющиеся в архивно-следственном деле Петросяна материалы. Так, на отношении начальника Судакского РО от 7.VII.1937 г. имеется следующая резолюция Кримяна: «т. Мовсесов, Петросян мне лично известен. Очень близкая связь с Лордкипанидзе и Агабаляном и, несмотря на

это, он продолжает работать в наших органах. Переговорите со мной и ознакомьте меня с имеющимися на него материалами. 14.VII. Кримян».

2 августа 1938 г. Кримяном была составлена справка на арест Петросяна. На основании этой справки Кобулов дал указание об аресте Петросяна.

Свидетель Петросян А.Э. на допросе 21 января 1954 г. показал:

«...в августе 1938 г. в Тбилиси я был арестован НКВД по обвинению в подготовке теракта против Берия. Следствие по моему делу вели бывшие работники НКВД Грузии Кримян, Савицкий, Мовсесов и Пачулия. В период следствия меня систематически избивали Кримян и Савицкий. Кримян и Савицкий избивали меня кулаками, ногами, ременной плетью, заставляли меня танцевать и всячески издевались, постоянно истязали так, что я не менее 30—35 раз терял сознание и избитый, в синяках и кровоподтеках доставлялся во внутреннюю тюрьму.

Лично Кримян но время истязаний выбил мне кулаком четыре зуба. Он же заставлял меня лизать кровь на полу.

Кримян и Савицкий требовали от меня признания и подписи протокола о том, что я готовился совершить теракт против Берия» (том 7, л.д. 259).

Обвиняемый Кримян свое участие в расследовании дела Петросяна и его избиении отрицает, но изобличается показаниями Савицкого, потерпевшего Петросяна и материалами архивного дела (т. л.д.).

По указанию Кобулова Хазаном и Кримяном была произведена террористическая расправа с бывш. сотрудницей IV отдела НКВД Грузии Старшовой.

Основанием к аресту Старшовой послужили рапорты Хазана, его помощника Твалчрелидзе и пом. оперуполномоченного Киларджишвили, в которых они высказывали свои подозрения о том, что Старшова, как машинистка, проявляет повышенный интерес к работе отделения. Насколько несерьезны были эти подозрения, видно из рапорта Киларджишвили от 24 июля 1937 г., которая писала:

«В процессе допроса уже разложившейся Георгадзе Надежды машинистка Старшова без всяких причин три раза заходила ко мне в комнату, облокачивалась на стол, в упор смотрела арестованной Георгадзе...» (л.д. 15, арх. дело № 10529 по обв. Старшовой).

В своем рапорте от 25 сентября 1937 г. Хазан требовал подвергнуть Старшову аресту.

На основании этих рапортов Хазан 25.IX.37 г. предъявил Старшовой обвинение в том, что она проводила к.р. работу.

Произведя расследование по делу Старшовой, Кримян путем избиений добился от нее «признания», что она якобы информировала быв. нач. СПО НКВД ГССР Султанишвили о готовящемся его аресте и имеющихся о нем показаниях арестованных.

29 ноября 1937 г. Кримян дополнительно предъявил обвинение Старшовой в подрывной и террористической деятельности, допросил по ее делу жены Султанишвили — Султанишвили В.Н. и на этом закончил следствие.

По докладу Кримяна на тройке НКВД ГССР Старшова была расстреляна.

Допрошенный по делу Старшовой обвиняемый Кримян признал, что:

«Принадлежность Старшовой к правотроцкистской организаций и проведение ею подрывной террористической работы доказано не было... Решение тройки по ее делу является неправильным» (показания от 31.X.53 г., т. 2, л.д. 80).

Хазан на допросе 25.IX.53 г. показал, что, со слов Кримяна, ему известно, что Старшову на следствии избивали.

Свидетель Давлианидзе на допросе от 30.1.1953 г. показал, что Старшова была арестована и расстреляна необоснованно. Старшову он знал как честную сотрудницу НКВД.

По справке Кримяна, при отсутствии каких-либо доказательств вины, был арестован и необоснованно обвинен в к-р деятельности Роговский В.А., который по делу, направленному тем же Кримяном на «тройку», был расстрелян.

По материалам, сфальсифицированным Кримяном, был осужден к расстрелу быв. пред. Ахалцихского РИКа Русадзе Гоги и другие. Показывая о том, как Кримян вел «следствие» по этому делу, свидетель Арзанов сообщил на допросе 4.1.1954 года:

«Осенью 1937 г. был арестован Русадзе Гоги, его при допросах избивал Кримян, но он никаких показаний не давал и виновным себя ни в чем не признавал. Тогда Кримян после неоднократных избиений начал спрашивать у Русадзе, кого он имеет из близких друзей. Русадзе начал называть ему фамилии. Кримян записал фамилии, названные Русадзе, а затем все эти лица были арестованы» (том 6, л.д. 13—14).

При активном участии Кримяна и Хазана была произведена расправа с быв. сотрудником НКВД ГССР Осиповым и его женой, причем Осипов был расстрелян, а его жена осуждена к длительному лишению свободы.

О преступных методах ведения следствия по этому делу дают представление заявление Осиповой от 17.1.1954 г. и ее показания. После ареста ее мужа была арестована и она. На допросах сначала Хазан, а затем Кримян вымогали от Осиповой показания о том, что ее муж и она сама якобы занимались шпионажем. Кримян в течение двух недель избивал ее и, кроме того, в присутствии Гоглидзе и Кобулова ей показывали избитого, окровавленного, с поврежденной ногой ее мужа, который смог выговорить лишь, что он невиновен (т. л.д.).

Проверить дело по обвинению Осипова не представилось возможным, т.к. оно в числе других сфальсифицированных дел было уничтожено (см. акт, т. 8, л.д. 2).

Выше указывалось, что в марте 1953 года, после назначения Б. Кобулова заместителем министра внутренних дел СССР, обвиняемый Савицкий был назначен помощником Кобулова.

В этот период, вплоть до разоблачения и ареста врага народа Берия и его сообщников, Савицкий являлся активным участником антисоветской изменнической деятельности заговорщиков, резко активизировавшейся после кончины И.В. Сталина. Готовя захват власти, Берия в этот период совершил ряд изменнических действий, в том числе направленных к активизации антисоветского буржуазно-националистического подполья в союзных республиках. Эти вражеские действия Берия и его сообщников имели целью посеять вражду и рознь между народами союзных республик и великим русским народом.

Следствием по делу Берия и его сообщников установлено, что с целью обмана вышестоящих органов и добиваясь удаления работников русской национальности со всех ответственных постов в союзных республиках, Берия приказал ряду подчиненных ему работников представить фальсифицированные данные о национальном составе работников партийно-советских организаций в союзных республиках.

При этом обвиняемый Савицкий активно помогал Берия и Б. Кобулову в составлении подобного рода фальсифицированных документов.

Так, после отказа бывшего министра внутренних дел Баскакова представить фальсифицированный доклад о национальном составе ответственных работников партийно-советского аппарата в Белоруссии, подобную фальсифицированную докладную записку составил по указанию Б. Кобулова обвиняемый Савицкий.

Об обстоятельствах, при которых подобная записка была составлена, свидетель Баскаков показал:

«...6 июня с.г., днем, я прилетел в Москву и прямо явился к Кобулову в кабинет, который тут же поручил своему помощнику Савицкому вместе со мной написать записку на имя Л.П. Берия. В соответствии с указаниями Кобулова Савицким, при моем участии, в течение 30—40 минут была продиктована стенографистке записка, причем в нее включались данные только те, которые показывали организации, где работало белорусов мало и имелось больше русских. Данные же, где было белорусов больше, в записку не включались под предлогом, по выражению Кобулова, как "не характерные". Так была подготовлена записка, подписана мною и сдана Кобулову...

В этот же день, буквально через час после сдачи записки, примерно в 20—21 час 6 июня, я был вызван к бывш. министру Берия, где мне было объявлено, что я освобожден от должности министра внутренних дел Белорусской ССР...» (т. 10, л.д.).

Следствием установлено, что Савицкий активно участвовал в составлении аналогичных клеветнических документов и в отношении Литвы.

Привлеченные к следствию в качестве обвиняемых САВИЦКИЙ, КРИМЯН, ХАЗАН и ПАРАМОНОВ, отрицая свое участие в изменнической группе заговорщиков, признали себя виновными в ряде преступных действий, связанных с расследованием уголовных дел в НКВД Грузии, в избиениях арестованных с целью вымогательства у них показаний, в незаконных арестах и в безоговорочном выполнении преступных распоряжений Берия, Гоглидзе и Кобулова. Одновременно с этим обвиняемые объяснили, что в то время они не знали о вражеских намерениях Берия, Гоглидзе и Кобулова.

Однако эти объяснения обвиняемых опровергаются приведенными выше доказательствами, устанавливающими их вражескую деятельность, направленную на уничтожение невиновных и честных советских граждан для осуществления изменнических планов заговорщиков.

На основании изложенного:

1. САВИЦКИЙ Константин Сергеевич, 1905 года рождения, уроженец гор. Ташкента;

2. КРИМЯН Никита Аркадьевич, 1913 года рождения, уроженец гор. Карса,

3. ХАЗАН Александр Самойлович, 1906 года рождения, уроженец гор. Одессы и

4. ПАРАМОНОВ Георгий Иович, 1907 года рождения, уроженец гор. Баку

ОБВИНЯЮТСЯ:

в том, что, являясь участниками изменнической группы заговорщиков, возглавляемой врагом народа Берия, и выполняя вражеские задания Берия, Гоглидзе и Кобулова, они, в осуществление изменнических планов заговорщиков:

1. совершали незаконные аресты невиновных советских граждан, фальсифицировали следственные материалы и уголовные дела, ложно обвиняя арестованных в подготовке террористических актов против Берия, Гоглидзе и Кобулова и в совершении тяжких государственных преступлений;

2. организовывали и сами производили избиения и пытки арестованных, от которых вымогали вымышленные показания, необходимые Берия, Гоглидзе и Кобулову для террористических расправ с неугодными им работниками партийных, советских, научных и хозяйственных организаций;

3. непосредственно учиняли террористические расправы с арестованными как путем их убийства на допросах, так и создания невыносимых условий содержания под стражей, что влекло смерть заключенных;

4. учинили ряд других преступных действий, направленных против арестованных и членов их семей,

а Савицкий, кроме того, и в том, что в 1953 году после назначения Берия на пост министра внутренних дел СССР принимал активное участие в осуществлении вражеских замыслов Берия, являвшихся частью изменнического плана заговорщиков и направленных на подрыв дружбы народов СССР, — т.е. всех четверых в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Настоящее дело подсудно Военной Коллегии Верховного Суда СССР и подлежит рассмотрению в соответствии с Законом от 1 декабря 1934 года.

Составлено «   » мая 1954 года в гор. Москве

ПОМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
государственный советник юстиции 3 класса
Л. СМИРНОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 148—196. Копия. Машинопись.

№ 127
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ДЕЛЕ САВИЦКОГО, КРИМЯНА, ХАЗАНА И ПАРАМОНОВА

5 июня 1954 г.

Строго секретно

П 68/XVI

Поручить т. РУДЕНКО с учетом состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК представить на рассмотрение в ЦК КПСС свои предложения по данному вопросу.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 146. Копия. Машинопись.

№ 128
ЗАПИСКА Р.А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О ПРОЕКТЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ ШАРИЯ П.А. И ДР.

16 июня 1954 г.

Особая папка
Совершенно секретно

№ 1687 сс

ЦК КПСС

Представляю пятнадцать экземпляров Проекта обвинительного заключения по уголовному делу по обвинению Шария П.А., Мамулова С.С., Людвигова Б.А, Ордынцева Г.А., Муханова Ф.В.

Считаю доказанным по этому делу, что обвиняемые, являясь особо доверенными и приближенными к Берия людьми, активно участвовали в преступной деятельности заговорщической группы. Прошу санкционировать направление дела для рассмотрения в Военную Коллегию Верховного Суда СССР.

Приложение: пятнадцать экземпляров проекта обвинительного заключения, каждый на 32 листах.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР
Р. РУДЕНКО

Совершенно секретно

«УТВЕРЖДАЮ»
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОЮЗА ССР
Действительный государственный
советник юстиции
Р. РУДЕНКО

« » июня 1954 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 0067-1953 г.
по обвинению:
1. ШАРИЯ Петра Афанасьевича по ст.ст. 58-1 «а», 58-11 УК РСФСР
2. МАМУЛОВА Степана Соломоновича
3. ЛЮДВИГОВА Бориса Александровича
4. ОРДЫНЦЕВА Григория Алексеевича
5. МУХАНОВА Федора Васильевича по ст.ст. 58-1 «б», 58-11 УК РСФСР

23 декабря 1953 года приговором Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР были осуждены за контрреволюционную изменническую и террористическую преступную деятельность враг народа Берия и его соучастники Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский.

При производстве предварительного следствия по делу Берия и перечисленных выше его сообщников, материалы в отношении ряда других участников антисоветской изменнической заговорщической группы, в том числе обвиняемых по настоящему делу Шария П.А., Мамулова С.С., Людвигова Б.А, Ордынцева Г.А., Муханова Ф.В. были выделены в отдельные производства.

Как установлено предварительным и судебным следствием и признано приговором Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР по делу Берия и его сообщников, заговорщики ставили своей преступной целью использовать органы министерства внутренних дел против Коммунистической партии и Правительства СССР, поставить Министерство внутренних дел над Партией и Правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии.

Антисоветская преступная деятельность заговорщиков особенно активизировалась после кончины И.В. Сталина, когда, делая ставку на общую активизацию реакционных империалистических сил против Советского государства, Берия перешел к форсированным действиям для осуществления своих изменнических замыслов.

В этот период Берия и его сообщники принуждали работников местных органов МВД тайно собирать клеветнические сфальсифицированные данные о деятельности и составе партийных организаций, пытаясь таким преступным путем опорочить работу партийных органов.

В своих антисоветских изменнических целях Берия и его соучастники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

Действуя как злобный враг советского народа, Берия с целью создания продовольственных затруднений в нашей стране всячески саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий партии и правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа.

Приговором Специального судебного Присутствия Верховного суда СССР установлено также, что в качестве одного из основных методов своей преступной деятельности участники антисоветского заговора Берия избрали клевету, интриги и различные провокации против честных партийных и советских работников, стоявших на пути враждебных Советскому государству изменнических замыслов заговорщиков и мешавших им пробираться к власти. Используя свое служебное положение, заговорщики занимались истреблением честных, преданных делу Коммунистической партии и советской власти кадров.

Судом установлено, что Берия и его соучастники совершили ряд тягчайших преступлений против человечности, в том числе производили эксперименты на живых людях, испытывая на них действия различных ядов.

Готовясь захватить власть, Берия стремился получить поддержку со стороны империалистических государств ценой нарушения территориальной неприкосновенности Советского Союза и передачи капиталистическим государствам части территории СССР.

С помощью своих соучастников, в том числе обвиняемого по настоящему делу Шария, враг народа Берия поддерживал тайные связи с контрреволюционной грузинской эмиграцией — агентурой разведывательных органов ряда империалистических государств.

Специальное Судебное Присутствие Верховного суда СССР установило также ряд иных преступных деяний Берия, свидетельствующих о его глубоком моральном падении, в том числе корыстных преступлений и злоупотреблений властью.

Следствием по настоящему делу установлено, что обвиняемые Шария, Мамулов, Людвигов, Ордынцев и Муханов являлись активными участниками перечисленных выше тягчайших государственных преступлений, совершенных Берия и другими заговорщиками.

Конкретно виновность обвиняемых материалами дела установлена в следующем:

I.

Все обвиняемые по настоящему делу являлись особо доверенными и приближенными к Берия лицами.

Так, обвиняемый Шария, начиная с 1934 года, находился в числе ближайших соучастников Берия, всячески способствуя его преступной деятельности.

Следствием установлено, что Шария был серьезно скомпрометирован своими связями с троцкистами. Зная об этом, Берия не только не удалил Шария из аппарата МВД, но приближал его и продвигал по службе.

О характере своих отношений с Берия сам обвиняемый Шария на допросе от 7 июля 1953 года показал:

«...В марте 1934 года Берия вызвал меня в Крайком и предложил мне перейти на работу в Тбилисский горком партии на должность зав. отделом культуры и пропаганды...

Примерно с начала 1936 года я стал нередко бывать у Берия дома или на даче... Таким образом, я ближе познакомился с Берия и его семьей. Когда я бывал дома или на даче у Берия, там присутствовали разные лица, постоянного состава присутствовавших я там не наблюдал. Мое внимание тогда обращал широкий размах жизни в семье Берия.

В сентябре 1938 года Берия был освобожден от должности секретаря ЦК КП Грузии и уехал в Москву в связи с назначением его заместителем наркома внутренних дел СССР. Я в числе других провожал Берия на автомашине до Дзауджикау. Вскоре после отъезда Берия в Москву уехали Кобулов, Гоглидзе, Цанава, Саджая и др.

...В декабре 1938 г. меня вызвал к себе Берия и предложил работать в качестве начальника секретариата НКВД...

За время пребывания в Москве я также несколько раз бывал на квартире и на даче у Берия в числе других ответственных работников НКВД СССР.

...Безусловно, я тогда, как и теперь понимал, что вызвали меня из Грузии по предложению Берия, который знал, что я владею неплохо русским языком и могу быть ему полезным в составлении или редактировании тех или иных важных документов, необходимость которых он предвидел в связи с происходившими тогда событиями в НКВД... Впоследствии, когда я находился уже в Грузии на партийной или научной работе, Берия беспеременно вызывал меня через ЦК Грузии в Москву каждый раз, когда ему предстояло подготовить ту или иную статью или выступление...» (том л.д.).

В 1952 году Шария был арестован как участник так называемой мингрельской националистической группировки.

Берия, заняв в марте 1953 г. пост министра внутренних дел СССР, немедленно освободил Шария из тюрьмы, вызвал его в Кремль и поручил Шария составление документов государственной важности, а затем 9 апреля 1953 г. назначил Шария своим помощником в Совете Министров СССР.

Характерно, что, освобождая Шария из тюрьмы, Берия поручил ему составить представление в Правительство по тому самому делу, по которому Шария был ранее арестован и привлечен к уголовной ответственности.

О степени приближенности обвиняемого Шария к врагу народа Берия свидетельствует то обстоятельство, что последний использовал Шария для составления важных государственных документов еще до того, как Шария был официально назначен на работу в аппарат Совета Министров СССР.

По этому поводу Шария на допросах от 2 и 8 июля 1953 г. показал: «В марте 1953 года дело по обвинению меня было прекращено, меня освободили из тюрьмы и назначили помощником Берия».

И далее:

«Если не ошибаюсь, в среду 26 марта 1953 г. я был вызван в Кремль к Берия и был принят им в присутствии Ордынцева и Людвигова. Берия поручил мне помочь Людвигову в составлении записки в ЦК по делу врачей.

Во время моего нахождения в кабинете Берия он по какому-то поводу разразился резкими замечаниями в адрес Сталина...

Через несколько дней Берия вызвал меня и Людвигова к себе в МВД СССР, где у него находился Кобулов и, кажется, Влодзимирский. Там мне и Людвигову было дано поручение составить докладную в ЦК КПСС по делу так называемых мингрельских националистов. Когда работа подошла к концу и документы были одобрены, Берия вызвал меня и спросил, где я предпочитаю быть его помощником — в МВД СССР или Совете Министров СССР.

...По моему глубокому убеждению, назначая меня на эту работу, Берия исходил прежде всего из своего личного расчета использовать известные ему некоторые мой способности и навыки составлять и редактировать политические документы. Кроме того, я считаю, что он мне доверял, так как знал меня много лет» (том л.д.).

Обвиняемый Шария не отрицает, что, пользуясь доверием Берия, он понимал «явную опасность», которую представляла вражеская деятельность Берия для Коммунистической партии и Советского государства. Так, допрошенный 2 июня 1953 года Шария показал:

«В марте 1953 года дело по обвинению меня было прекращено, меня освободили из тюрьмы и назначили помощником Берия. В процессе работы в качестве помощника Берия на основе отдельных его высказываний, в которых я мог усмотреть выпячивание им собственной роли в решении важных государственных вопросов, а также на основе нередких его замечаний в отношении отдельных руководителей правительства, у меня стало складываться мнение, что Берия страдает бонапартистскими, диктаторскими замашками.

Учитывая при этом, что Берия занимает пост министра внутренних дел СССР, для меня стала вырисовываться явная опасность для Партии и государства этих его бонапартистских диктаторских замашек» (том л.д.).

Так же, как и Шария, обвиняемые Мамулов в Людвигов были связаны с Берия совместной преступной деятельностью, начиная с периода работы Берия в Закавказье.

По этому поводу арестованный Цанава показал:

«Я считаю, что отношения Берия к Мамулову были как к близкому человеку. По моим наблюдениям Берия еще в Грузии относился к Мамулову хорошо, можно сказать, с теплотой, он продвигал Мамулова по службе...

Я лично считаю, что если бы Мамулов не был близким, доверенным человеком Берия, последний никогда бы не назначил его начальником секретариата. То, что Мамулов имел звание генерал-лейтенанта, занимал должность зам. министра внутренних дел, дважды был избран депутатом Верховного Совета СССР, а в 1953 году направлен на руководящую работу в ЦК КП Грузии с оставлением в действующем резерве МВД СССР, все это свидетельствует о той заботе, которую проявлял о нем Берия...

Мне известно также, что семьи Берия и Мамулова до последнего времени общались между собой» (том л.д.).

Давая показания о наиболее приближенных к Берия лицах, свидетель Шиян В.В. 17 июля 1953 года показал:

«Из Грузии им были отозваны братья Кобуловы, Деканозов, Мильштейн, Мамулов, Шария, Гоглидзе и ряд других лиц. На протяжении всей своей работы Берия выдвигал этих лиц, передвигал их по службе за собой, они были его хвостами и особенно доверенными людьми...» (том л.д.).

Другой свидетель Визель Ю.С. 27 июля 1953 года показал:

«Берия приехал в Москву в 1938 году с группой своих людей. В эту группу входили: Кобулов, Гоглидзе, Мамулов, Шария и другие... Эти люди являлись участниками и исполнителями преступных замыслов Берия...» (том л.д.).

Аналогичные показания о близких отношениях Берия с Мамуловым, Шария, Людвиговым дали также арестованные Надарая, Рапава, Берия В., Герцовский, Рыбак и свидетели Горлинский, Иванов и др. (том л.д.).

Установлено, что Берия укрывал обвиняемых по настоящему делу от ответственности.

Так, в 1937 году органами МВД ГрузССР были получены от арестованных Горячева и Марковина показания о том, что Мамулов является участником троцкистской организации, однако никаких мер по отношению к Мамулову со стороны Берия принято после этого не было и показания арестованных оставлены без дальнейшей проверки.

Более того, в 1938 году, когда Берия пробрался на пост наркома внутренних дел СССР, Мамулов вместе с другими наиболее преданными Берия и приближенными к нему лицами был вызван в Москву и назначен на должность начальника секретариата МВД СССР.

Обвиняемый Людвигов являлся приближенным Берия и соучастником его преступной деятельности, начиная с 1931 года, когда Людвигов работал в Заккрайкоме ВКП(б) сперва заведующим сектором, а затем зам. заведующего культпросветотделом.

В 1936 г. Берия, будучи секретарем Заккрайкома ВКП(б), назначил Людвигова своим помощником.

В 1937 году Берия, располагая показаниями арестованных о том, что Людвигов является участником антисоветской организации, назначил его сначала заместителем заведующего, а затем заведующим особым сектором ЦК КП(б) Грузии. По этому поводу обв. Гоглидзе 14 декабря 1953 года показал: «На Людвигова было несколько косвенных показаний о его причастности к заговорщической деятельности к.р. организации. Все эти материалы мною или Кобуловым докладывались Берия. Но он никаких указаний не давал, и поэтому Людвигов не был в 1937 году арестован» (том л.д.).

На допросе 17 октября 1953 года Людвигов показал:

«Я хочу дополнить свои показания тем, что в то время готовился и арест меня, или обсуждался этот вопрос. Об этом я узнал в конце апреля 1941 года...

Увидев меня, Берия предложил мне поехать к нему на квартиру обедать. Поехали мы втроем... Берия, Кобулов и я на М. Никитскую. На квартире пообедали с выпивкой... Во время обеда, будучи выпивши, Кобулов мне сказал: “А мы хотели тебя арестовать в 1937 г., но Лаврентий Павлович не дал”» (том л.д.).

В 1938 году Берия назначил Людвигова первоначально зам. начальника секретариата МВД СССР, а затем своим помощником в Совете Министров СССР.

В разговоре с сотрудниками аппарата Людвигов всегда стремился подчеркнуть свою преданность Берия.

По этому поводу свидетель Несмелова на допросе 16 января 1954 года показала:

«Людвигов очень преданный Берия человек. Сам Людвигов это подчеркивал, иногда даже говорил, что за Берия он даст хоть отрубить свою правую руку. Людвигов признавал на работе только Берия, а с другими ни с кем не считался» (том л.д.).

Об особой близости Людвигова к Берия свидетельствует и то обстоятельство, что именно Людвигову Берия поручил хранение своих личных денег и ведение всех финансовых расчетов.

Берия признал, что перед проведением в 1947 году денежной реформы он поручил Людвигову тайно разместить в различных сберкассах значительную денежную сумму (более 40 тыс. рублей), чтобы избежать переоценки денег. Людвигов выполнил это преступное распоряжение Берия (том л.д.).

Признавая свою приближенность к Берия, Людвигов на допросе 17 июля 1953 года показал:

«Я не отрицаю, что был приближенным Берия, но это состояло в том, что Берия использовал меня, мои знания в своих интересах, т.к. он ничего не мог делать, не способен был на теоретическую и государственную деятельность, поэтому он моими руками и умом достиг себе ореола славы. Для этой цели он и приблизил меня к себе» (том л.д.).

Говоря о своей преданности Берия, Людвигов на допросе 19 сентября 1953 года показал:

«Я ни от кого не скрывал, что я был предан Берия, готов был выполнять его любые задания. Я действительно преклонялся перед Берия, даже в честь его назвал своего сына Лаврентием» (том л.д.).

Добившись в 1953 году назначения на пост министра внутренних дел СССР, Берия назначил Людвигова начальником секретариата МВД СССР, дав ему задание — следить за сотрудниками министерства и быть личным его информатором.

На допросе 19 сентября 1953 года Людвигов показал:

«В каком направлении меня хотел использовать Берия в дальнейшем, я не знаю, но в этой связи я могу отметить следующее: за последнее время, когда меня он перевел в секретариат МВД, то говорил мне, чтобы я секретариатом занимался не более двух часов в день, а остальное время тратил на то, чтобы ходить по управлениям МВД; присматриваться, изучать людей, говоря, что "ты не знаешь их". Он даже при Ордынцеве как-то сказал про меня: "Он думает, что я его перевел в МВД докладывать мне бумажки". Вот поэтому я понял, что Берия хотел меня использовать как своего человека для слежки в аппарате МВД» (том л.д.).

О степени близости Людвигова к Берия свидетельствует также то обстоятельство, что именно Людвигова Берия привлек совместно с Бедия и некоторыми другими авторами к работе по составлению книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». При активном участии Людвигова авторство этой книги было затем присвоено Берия.

Людвигов признал, что тщательно скрывал имена действительных авторов работы и выдавал за автора книги Берия, способствуя этим дальнейшей карьере последнего.

На допросе 5 октября 1953 года Людвигов показал:

«Когда мы с Бедия и Мирцхулава работали над книгой (докладом) об истории большевистских организаций в Закавказье, то, естественно, не рассказывали другим лицам об этом. Об авторстве мы молчали и позже. Когда я уезжал из Грузии на Украину, то Берия подарил мне экземпляр книги с надписью: "Товарищу моему и другу Б. Людвигову. Л. Берия" и дата. В этом случае Берия тоже не сделал намека на мое участие в написании книги».

Как установлено следствием по делу Берия, в 1937 году, после того как Берия стало известно, что Бедия и Мирцхулава в частных беседах назвали себя действительными авторами книги, оба они были арестованы и расстреляны. При этом основным обвинением, предъявленным Бедия, было обвинение в подготовке террористического акта против Берия.

Обвиняемый Ордынцев являлся приближенным к Берия лицом, начиная с марта 1941 г., когда по рекомендации Мамулова был назначен начальником секретариата Берия в СНК СССР и замначальника секретариата НКВД СССР, где и работал в непосредственном подчинении Берия вплоть до ареста последнего.

Характеризуя отношение Берия к Ордынцеву, обвиняемый Людвигов при допросе 31 октября 1953 года показал:

«По работе Ордынцев был самым близким и доверенным сотрудником у Берия. Наибольшая часть поручений Берия работникам аппарата давалась через Ордынцева. Даже подготовка каких-либо документов, не относящихся к секретариату непосредственно, не обходилась без участия Ордынцева, которого Берия подключал для работы к другим лицам.

С мнением Ордынцева Берия считался больше, чем с мнением других работников из аппарата...».

Обвиняемый Муханов, работая с 1939 года в секретариате НКВД СССР в качестве оперуполномоченного, начальника отделения и затем личного секретаря Берия по Совету Министров, проявил себя как человек, готовый выполнить любое, в том числе и преступное, задание Берия.

Обвиняемый Людвигов, характеризуя Муханова, на допросе 31 октября 1953 года показал: «Человек, которого можно назвать глазами и ушами Берия, был Муханов, о котором никто из работников аппарата Совета Министров СССР и даже министерств не скажет доброго слова. Муханов без надобности прислушивался к разговорам и даже о мелких дрязгах, ссорах среди работников доносил Берия. Муханов очень мстителен. Споры по служебным вопросам с ним он воспринимал как личную обиду, а вскоре делал неприятности — доносил Берия» (том л.д.).

Допрошенный в качестве свидетеля бывший сотрудник секретариата Медвинский Л.П. о Муханове показал следующее: «Муханова могу характеризовать как человека мстительного, с провокационным складом характера. Он о каждой мелочи доносил Берия и, со слов Ордынцева, знаю, что Муханов может выдумать любую небылицу и донести Берия» (том л.д.).

Сам Берия высказывался о Муханове как о человеке, преданном ему, и заявлял, что Муханов сделает для него все, что Берия пожелает. Это обстоятельство подтвердила свид. Акопян А.И. 14 июля 1953 года, которая показала: «Берия считал самыми преданными ему людьми Саркисова, Муханова и Ордынцева, говоря, что они все для него сделают» (том л.д.).

Эти показания свидетеля Акопян подтверждаются тем, что Муханов имел доступ к личным архивам Берия, хранившимся у него на городской квартире. Следствием по делу Берия установлено, что кроме Муханова к документам личного архива имел доступ лишь ограниченный круг наиболее доверенных соучастников Берия (Меркулов, Мамулов, Людвигов).

За время работы с Берия Муханов выполнял и личные поручения Берия, касавшиеся покупки разных вещей и продуктов как для семьи Берия, так и его сожительниц.

Подчеркивая свою личную преданность Берия, Муханов назвал своего сына в честь Берия «Лаврентием».

II.

Выше указывалось, что предварительным и судебным следствием по делу Берия и его сообщников были установлены тягчайшие преступления Берия, выражавшиеся в избиениях и пытках арестованных, а также производстве бесчеловечных опытов над живыми людьми, на которых испытывалось действие различных ядов.

Установлено, что обвиняемый Мамулов не только был полностью осведомлен об этих преступлениях, но и лично способствовал им. В приемной возглавляемого Мамуловым секретариата НКВД в письменном столе хранились специальные приспособления для избиения и пыток арестованных, доставлявшихся на допрос в кабинет Берия.

По этому поводу обвиняемый Мамулов на допросе 12 августа 1953 года показал: «В приемной Берия, в письменном столе, в правой тумбочке, в ящике хранились завернутыми в газеты резиновые палки и другие какие-то предметы для избиений. Иногда Кобулов Богдан, Влодзимирский и др. заводили в кабинет Берия в присутствии последнего арестованного и уносили туда принадлежности для избиений. Через некоторое время в приемной были слышны вопли и крики арестованного, подвергавшегося избиению. Я лично слышал несколько раз крики арестованных, избиваемых в кабинете Берия, где он находился» (том л.д.).

Являясь начальником секретариата МВД, Мамулов, как ближайший сообщник Берия, принимал участие в организации совершенно секретной лаборатории для производства бесчеловечных опытов по умерщвлению людей различными ядами.

Допрошенный по этому вопросу в качестве свидетеля бывш. комендант НКВД—МГБ—МВД Блохин В.М. на допросе 19 сентября 1953 г. показал: «После прихода Берия в 1938 году в НКВД СССР, не помню точно в каком месяце, меня вызвал к себе Берия и сказал, что надо подготовить специальное помещение для производства опытов над арестованными, приговоренными к расстрелу. Берия поручил мне подготовить план оборудования такого помещения. Я набросал план оборудования помещения в другом доме, передал его начальнику секретариата НКВД СССР Мамулову, который был в курсе этого задания, и Мамулов согласовал с Берия набросанный мною план. Когда помещение было подготовлено, я об этом доложил Мамулову, а он в свою очередь — Берия...» (том л.д.).

Следствием по делу Берия было установлено, что одним из основных методов преступной деятельности заговорщиков являлось попирание социалистической законности с целью фальсификации следственных дел и получения путем избиений и пыток ложных показаний от арестованных, которые затем специальной тройкой под председательством соучастника Берия — Гоглидзе осуждались к смертной казни якобы за совершенные к.р. преступления.

Таким путем Берия и его соучастники уничтожали честных, преданных советской власти и коммунистической партии людей, а также расправлялись с лицами, стоявшими на пути заговорщиков.

Эта преступная деятельность особенно широко была развернута участниками заговора в период 1937—1938 гг.

Установлено, что обвиняемый Людвигов в этот период активно содействовал Берия в расправе с неугодными ему людьми.

Обвиняемый Людвигов на допросе 5 октября 1953 года по этому поводу показал: «Работая зав. особым сектором ЦК (сначала я был заместителем зав.

особым сектором у Меркулова), я готовил решения бюро ЦК об арестах руководящих работников. Никакими материалами на лиц, подлежавших аресту, я не располагал. Решения об арестах на бюро не обсуждались, а выносились опросным порядком. Берия вызывал меня, предлагал составить опросный лист на решение об аресте того или иного руководящего работника номенклатуры ЦК "за участие в контрреволюционной организации". Этот лист первым подписывал Берия, а затем я собирал подписи остальных членов бюро, которые никогда не интересовались существом вопроса, а подписывали потому, что подписал Берия. Очень часто такое оформление решений было после фактически произведенных арестов. Таким образом, соблюдалась форма, а фактически об аресте Берия решал вопрос один» (том л.д.).

Квартиры и вещи арестованных и осужденных Берия распределял среди работников НКВД и других, для чего создал «комиссию» во главе с Людвиговым.

Лучшие квартиры осужденных с обстановкой забрали себе соучастники Берия и в их числе сам Людвигов.

III.

Берия с помощью обвиняемого Шария поддерживал тайные связи с контрреволюционными грузинскими эмигрантами.

Кроме того Шария помог Берия доставить в Советский Союз из Парижа и укрыть от ответственности родственника жены Берия Теймураза Шавдия, изменившего Родине и являвшегося в период войны сотрудником гитлеровской «службы безопасности» — «СД».

В 1945 году Берия направил Шария в Париж со специальным заданием установить связь с лидерами бывших грузинских контрреволюционных партий — меньшевиками, федералистами, эсерами, являвшимися агентами разведывательных органов ряда империалистических государств.

По этому поводу Шария на допросе 24 июля 1953 года показал: «Я зашел к Берия, чтобы узнать у него о подробностях этого поручения, зная, что без его участия вопросы по Грузии не решались. Берия мне ответил, что мне придется встречаться в Париже с белоэмигрантами, меньшевиками и др. Одновременно Берия сказал, чтобы я ознакомился с материалами по грузинской белоэмиграции, имеющимися в НКГБ СССР» (том л.д.).

Находясь в Париже, Шария встречался с лидерами грузинских меньшевиков — Евгением Гегечкори, Ноем Жордания и многими другими грузинскими эмигрантами. О своих встречах и переговорах о грузинскими меньшевиками Шария систематически информировал Берия, а по возвращении в СССР был у него на докладе и, кроме того, представил ему письменный доклад.

Возвращаясь из Парижа, Шария доставил оттуда в Тбилиси изменника Родине Шавдия, являющегося племянником жены Берия — Нины Теймуразовны. Укрыв Шавдия от уголовной ответственности, Шария принял меры к устройству Шавдия на учебу.

По этому поводу обвиняемый Шария 11 июля 1953 года показал: «При первой встрече в советском консульстве в Париже с Шавдия он сказал, что служил в советских войсках, попал в плен к немцам, служил у них в грузинских формированиях, в числе которых попал в Париж. ...Ко мне обратилась жена Берия — Нина Теймуразовна с просьбой помочь устроиться на учебу Шавдия. Помню, что я вызвал Шавдия в ЦК компартии Грузии и выяснил у него, где он хочет учиться и в чем конкретно ему нужна помощь» (том л.д.).

Бывший резидент МГБ во Франции свидетель Гузовский о пребывании Шария в Париже на допросе 28 июля 1953 года показал: «Шария мне передал, что перед вылетом в Париж он был у Берия и получил от него указания, кроме получения ценностей, заниматься выявлением политических настроений у грузинских эмигрантов, представлявших различные партии... Должен отметить, что Шария был осведомлен о наличии грузинских эмигрантов в Париже значительно лучше меня, что я заключил из беседы с ним при первой же встрече. Он, в частности, назвал мне фамилии белоэмигрантов, о которых я до его приезда не имел понятия. Кроме того, мне сразу стало понятно, что Шария имеет большие полномочия на различного рода встречи с белоэмиграцией, чего мне без санкции Москвы не представлялось, да и служебной необходимости в этом мне было» (том л.д.).

И далее: «По возвращении из Москвы у меня был разговор с Гегечкори, который спросил меня, как мы доставили в Тбилиси Шавдия, и добавил, что жена Берия является его племянницей и что он когда-то носил ее на руках. Помню, что он спросил меня, не был ли я на докладе у Берия и как живет его племянница жена Берия. Из этого разговора я понял, что, видимо, Шария имел с Гегечкори какой-то разговор о докладе Берия в переговорах с грузинскими эмигрантами» (том л.д.).

IV.

Приговором Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР по делу Берия и его сообщников установлено, что преступная деятельность участников заговорщической группы особенно активизировалась после кончины И.В. Сталина, когда Берия перешел к форсированию действий для захвата власти, делая ставку на общую активизацию реакционных империалистических сил против Советского государства.

В этот период обвиняемые по настоящему делу активно способствовали Берия в осуществлении его антисоветских изменнических планов.

Готовясь захватить власть, Берия выступил с рядом предложений и проектов, направленных к активизации буржуазно-националистического подполья в союзных республиках, свертыванию курса на строительстве социализма в странах народной демократии. Проявляя капитулянтство перед реакционными империалистическими силами, Берия требовал передачи империалистическим государствам ряда исконных территорий Советского Союза.

Раздувая и выпячивая свою мнимую «особую» роль в Советском государстве, Берия намеревался сфальсифицировать историю Великой Отечественной войны, стремясь и здесь показать свои несуществующие заслуги и принизить роль выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства в организации отпора и в последующем разгроме немецко-фашистских захватчиков.

Установлено, что обвиняемые по настоящему делу активно способствовали этим изменническим действиям Берия. Так, обвиняемый Шария на допросе от 8 июня 1953 года показал: «Берия обязывал меня составлять ему существенные замечания и поправки почти ко всем проектам, что нередко приводило к составленнию целых контрпроектов.

В качестве наиболее наглядного примера сошлюсь на проекты резолюций ЦК КПСС по вопросам Литвы и Западной Украины.

Берия прямо предложил мне и Людвигову составить вместо поступивших проектов, составленных секретарями ЦК, новые проекты, дав при этом соответствующие указания (том л.д.).

Это же показали на следствии обвиняемые Людвигов и Ордынцев (том л.д.).

Тогда же Берия обсуждал с обвиняемыми Шария, Людвиговым и Ордынцевым вопрос о коренном пересмотре истории Отечественной войны, допуская при этом злобные выпады против руководителей партии и правительства.

Как показал Шария, «в этом же разговоре Берия довольно безапелляционно говорил об ошибочности политики Советского правительства в предвоенные годы» (т. л.д.).

Вынашивая капитулянтские планы, Берия обсуждал с обвиняемыми Шария, Людвиговым и Ордынцевым вопрос о передаче империалистическим государствам исконных советских территорий на Востоке и Западе.

Обвиняемый Людвигов по этому поводу на допросе 7 июля 1953 года показал: «Известно, что на мавзолее Берия говорил о сохранении великого наследия наших вождей, беречь завоеванное и т.д. В действительности же в его сознании уже вынашивались капитулянтские идеи. Так, примерно 23 июня с.г. Берия в присутствии меня, Шария и Ордынцева прямо высказался о том, что следовало бы отдать немцам Кенигсберг, финнам — Карельский перешеек, а японцам — Курильские острова и таким образом добиться улучшения отношений с этими государствами» (том л.д.).

То же показали на допросе Ордынцев и Шария (том л.д. , том л.д.).

Следствием установлено, что Берия в присутствии обвиняемых по настоящему делу допускал злобные, клеветнические высказывания по адресу некоторых руководителей партии и правительства.

Так, обвиняемый Мамулов по этому поводу 8 ноября 1953 года показал: «Еще во время войны он (Берия) в моем присутствии... с пренебрежением отозвался о Жданове... Так же он о членах секретариата и оргбюро ЦК партии отозвался пренебрежительно...» (том л.д.).

Из показаний Мамулова видно также, что ему было известно о вражеских замыслах Берия, который пытался использовать органы МВД против партии и правительства для захвата власти.

Допрошенный по этому вопросу Мамулов 8 июля 1853 года показал: «Среди работников МВД и даже среди партийных работников Берия насаждал мнение о том, что МВД должно стоять выше партии и правительства. Чувствовалось, что МВД он хотел превратить в какой-то второй правительственный центр».

В подтверждение сказанного Мамулов привел факты, когда Берия на руководящие должности в МВД назначал близких ему лиц без согласования этих назначений с партийными организациями и в беседах с вновь назначенными работниками подчеркивал, что они не должны подчиняться на местах партийным органам (том л.д.).

Когда после кончины И.В. Сталина Берия понадобилось послать в Грузию своего приближенного, соучастника, он добился назначения Мамулова на должность члена бюро и зав. отделом партийных, комсомольских, профсоюзных органов ЦК КП Грузии.

При этом, посылая Мамулова в Грузию, Берия 10 апреля 1953 года издал приказ об оставлении Мамулова в действующем резерве МВД СССР. Вместе с Мамуловым Берия направил в Грузию на должность министра внутренних дел своего сообщника Деканозова (осужден к ВМН).

Свидетель Ниблалзе по вопросу о работе Деканозова и Мамулова в Грузии 1 августа 1953 года показал: «В последние два с половиной месяца после назначения Деканозова министром внутренних дел Груз. ССР я могу заявить, что этот ставленник Берия пытался сыграть роль вожака, которому лично Берия это было доверено. Об этом открыто заявил на Пленуме ЦК КП Грузии председатель Совета Министров Бакрадзе, который имел задание от Берия во всей работе слушаться Деканозова и Мамулова» (том л.д.).

Готовясь захватить власть и произвести контрреволюционный государственный переворот, Берия после кончины И.В. Сталина в кругу своих ближайших сообщников, к которым относились Шария, Людвигов и Ордынцев, открыто выступал с антисоветскими клеветническими измышлениями по адресу руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, а также о покойном вожде партии.

Будучи осведомлены об антисоветских замыслах Берия, обвиняемые по настоящему делу не только не приняли мер к пресечению преступной деятельности Берия, но способствовали ей.

Допрошенные на следствии Шария, Людвигов и Ордынцев признали, что в их присутствии Берия выступал с клеветническими, антисоветскими утверждениями о партийном и советском руководстве.

Обвиняемый Ордынцев по этому поводу показал: «...он вел себя по отношению партии и ее руководства нечестно, хитрил, в погоне за популяризацией своей личности и раздуванием своего авторитета противопоставляя себя партии, дискредитировал других руководителей партии и правительства и особенно недопустимо резко высказывался о Сталине. Все это, как я сказал, особенно проявилось в последний период после марта месяца 1953 года. Этот период характерен тем, что Берия развил активную деятельность по подготовке и внесению в правительство различных проектов, направленных на реформу существовавших до марта 1953 года порядков. Он лихорадочно искал различные вопросы для того, чтобы внести в правительство.

...Все это делалось с той целью, чтобы решения правительства по этим вопросам непременно связать со своим именем, обеспечить себе этим самым известную популярность в партии и в народе и нажить политический капитал.

...Этот же период характерен и тем, что Берия стремился по всякому поводу подчеркнуть и выпятить свою роль в делах партии и государства как в прошлом, так и в особенности теперь, и вместе с тем принизить роль других руководителей партии и государства. Особенно бросалось в глаза поношение им Сталина» (том л.д.).

Обвиняемый Людвигов показал: «...После смерти вождя Партии и Советского государства Берия резко изменился. Он не только стал критиковать и поносить вождя Партии, но изменил свое отношение к Центральному Комитету партии и ее руководителям. Берия стал заносчив, стремился подчеркнуть свою особую роль в решении государственных вопросов и стал считать себя наиболее влиятельным государственным деятелем страны. Берия совершенно переродился и повел линию противопоставления органов МВД Центральному Комитету партии и Правительству. Я могу это подтвердить следующими примерами: во-первых, Берия заявлял о том, что в нашей стране, дескать, не должно быть двух хозяев — двух властей: партийной и советской. Руководствуясь этим взглядом, который может также подтвердить Ордынцев, Берия стал отгораживать Министерство внутренних дел от

Центрального Комитета, ведя линию на противопоставление Министерства ЦК КПСС...» (том л.д.).

Активно способствуя преступной деятельности Берия, стремившегося к захвату власти, Шария, Людвигов и Ордынцев выполнили ряд поручений Берия по составлению проектов различных предложений, протаскивая в них преступные замыслы заговорщиков. В частности, они готовили для Берия предложения, направленные на срыв социалистического строительства в Германской Демократической Республике, а также аналогичные предложения, касающиеся стран народной демократии.

Людвигов на допросе 10 июля 1953 года, говоря о предложениях Берия по ГДР, показал: «Предложения эти были разработаны в апреле 1953 года Шария и согласованы со мной и Ордынцевым...

В частности, Берия считал, что проводимая в ГДР экономическая политика является неправильной и что взятый СЕПГ курс на строительство социализма в ГДР также является неправильным».

Другому своему соучастнику — обвиняемому Ордынцеву Берия поручил подготавливать проект мероприятий, направленных к тому, чтобы принизить роль ордена Ленина и ввести новый «высший орден», который рассчитывал получить сам Берия.

По этому поводу обвиняемый Ордынцев на допросе 8 июля 1953 года показал: «Предусматривалась особая церемония вручения этого ордена "Народной славы" на сессии Верховного Совета СССР и предоставления награжденному особых льгот и преимуществ в виде выплаты денежной премии с вручением ордена в сумме до 500.000 руб., строительства за счет государства дачи, установления ежемесячного вознаграждения в сумме 10.000—20.000 руб. и т.д. Берия лелеял мысль о том, что в первую очередь этот орден будет предназначен для него» (том л.д.).

При этом подготовка проекта решения об установлении этого ордена тщательно скрывалась от Верховного Совета СССР (том л.д.).

Как установлено предварительным и судебным следствием по делу Берия, он, вынашивая изменнические планы захвата власти, сконцентрировал у себя на квартире так называемый личный архив, в котором были собраны за многие годы через аппарат МВД провокационные материалы в отношении руководителей партии и правительства, сфальсифицированные заговорщиками. В этом же архиве хранились выкраденные Берия с помощью Меркулова из государственных хранилищ документы, изобличавшие Берия в принадлежности к муссаватистской разведке. К этим особым архивам, частично привезенным еще из Грузии, имели доступ обвиняемые по настоящему делу Мамулов, Людвигов и Муханов. Последнему Берия доверял хранение ключей от сейфа с перечисленными документами. По этому вопросу свидетель Шиян, работавший у Берия секретарем, 17 июля 1953 года показал:

«Отношения к личным архивам Берия я не имел. Весь грузинский архив, поступивший из Грузии, разбирали Меркулов и Бакизова... В Совете Министров архивами занимались Людвигов и Муханов» (том л.д.).

Показания свидетеля Шиян подтвердили Людвигов, Муханов, Надарая, Ордынцев и другие (том л.д.).

В 1951 году, после ареста бывшего министра госбезопасности СССР Абакумова, у которого при обыске на квартире были найдены совершенно секретные документы, Берия проявил беспокойство за свой архив с провокаци-

онными материалами, поручив Людвигову выбрать из него ряд документов и доставить их в кабинет Берия в Кремле.

Людвигов с Мухановым отобрали требуемые Берия документы и спрятали их в сейф Берия в Кремле (том л.д.).

Следствием установлены факты преступного отношения обвиняемого Людвигова к рассмотрению жалоб и заявлений трудящихся.

Свидетель Панфилов на допросе 31 декабря 1953 года, характеризуя Людвигова и Ордынцева как самых близких, доверенных лиц Берия, о Людвигове показал, что он отказывался даже участвовать в обсуждении партгруппой секретариата вопроса о бездушном, преступном отношении Людвигова к разрешению жалоб и заявлений граждан:

«В присутствии собравшихся коммунистов Людвигов, бросив на стол карандаш, заявил, что он (Людвигов) не намерен отчитываться перед коммунистами, что он подотчетен только Берия и, хлопнув дверью, ушел к себе в кабинет» (том л.д.).

Свидетель Панфилов привел примеры преступного поведения Людвигова при разрешении жалоб. Людвигов, желая избавиться от «надоедливых» жалобщиков, приехавших в Москву добиваться восстановления своих нарушенных прав, требовал от работников Главного управления милиции принудительной высылки из Москвы таких, неугодных Людвигову, жалобщиков.

Следствием установлены также факты морального разложения обвиняемых по настоящему делу. Как и Берия, они сожительствовали с подчиненными им сотрудницами аппарата Совета Министров и МВД. Так, например, в аппарате НКВД, а затем в секретариате Берия в Совете Министров СССР работала сотрудница Л., подчиненная Ордынцеву. Формировавший этот секретариат обвиняемый Мамулов вступил в сожительство с Л.; с нею же сожительствовал и Берия.

Обвиняемый Людвигов сожительствовал со своим секретарем Н., с которой одновременно сожительствовал и Берия. В то же время Берия сожительствовал с женой обвиняемого Людвигова.

Обвиняемый Шария, работая в ЦК КП Грузии, использовал для интимных связей с женщинами свой служебный кабинет в здании ЦК и т.д.

Привлеченные к следствию в качестве обвиняемых Шария, Мамулов, Людвигов, Ордынцев и Муханов, признав приведенные выше факты, отрицают, однако, свое участие в заговорщической группе Берия и утверждают, что выполняли все его указания, не зная о его изменнических замыслах (том 1. л.д. , том 2. л.д. , том 3. л.д. , том 4. л.д. , том 5. л.д. , том 6. л.д.).

Виновность обвиняемых Шария, Мамулова, Людвигова, Ордынцева и Муханова в предъявленном им обвинении полностью доказана показаниями арестованных участников заговорщической группы: Надарая, Саркисова, Рапава, Берия Н., Мичурина-Равера, Деканозова, Гоглидзе, показаниями свидетелей Шияна, Гузовского, Кузьмичева, Визеля, Акопяна, Горлинского, Цепкова, Блохина, Иванова, Обручникова и др., а также собранными по делу документами.

На основании изложенного:

1. ШАРИЯ Петр Афанасьевич, 1902 г. рождения, грузин, член КПСС с 1920 г., образование высшее, действительный член Академии Наук Грузинской ССР, профессор, доктор философских наук, уроженец Гальского района Абхазской ССР, до ареста помощник заместителя Председателя Совета Министров СССР;

2. МАМУЛОВ Степан Соломонович, 1905 г. рождения, уроженец г. Тбилиси, из семьи торговца, член КПСС с 1921 г., грузин, образование высшее, до ареста зав. отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК КП Грузии, генерал-лейтенант;

3. ЛЮДВИГОВ Борис Александрович, 1907 г. рождения, уроженец г. Тулы, русский, член КПСС с 1924 г., образование высшее, полковник, до ареста начальник секретариата МВД СССР;

4. ОРДЫНЦЕВ Григорий Алексеевич, 1911 г. рождения, уроженец Ленинградской области, Николаевской слободы, образование высшее, член КПСС, до ареста зав. секретариатом заместителя Председателя Совета Министров, полковник;

5. МУХАНОВ Федор Васильевич, 1912 г. рождения, уроженец Бронницкого района Московской области, русский, член КПСС, до ареста личный секретарь Берия, полковник, —

ОБВИНЯЮТСЯ

в том, что:

1. Они являлись на протяжении многих лет участниками преступлений изменнической группы заговорщиков, возглавлявшейся Берия и ставившей своей преступной целью использовать органы Министерства государственной безопасности как в центре, так и на местах против Коммунистической партии и Правительства СССР в интересах иностранного капитала, стремившейся в своих вероломных замыслах поставить Министерство внутренних дел над Партией и Правительством для захвата власти и ликвидации советского рабоче-крестьянского строя в целях реставрации капитализма и восстановления гоподства буржуазии.

2. Указанные выше соучастники Берия по антисоветскому заговору длительное время помогали ему скрывать свое преступное прошлое и помогали ему пробираться к власти и оказывали активное содействие Берия в расправе с неугодными ему людьми.

3. Являясь наиболее приближенными лицами к врагу народа Берия, обвиняемые имели доступ к личным архивам Берия, в которых хранились сфабрикованные клеветнические материалы на ответственных работников партийно-советских органов.

4. В период с марта по июнь 1953 года обвиняемые Шария, Людвигов, Ордынцев по указанию Берия проводили преступную деятельность, направленную на подрыв социалистического строительства в ГДР и странах народной демократии. Они совместно обсуждали планы, направленные против мероприятий, проводимых Партией и Правительством. Они оказывали деятельное участие по активизации антисоветской деятельности остатков националистических элементов для подрыва дружбы народов и морально-политического единства советского общества.

5. Обвиняемый Шария, выполняя задание врага народа Берия, в 1945 г. выезжал по заданию последнего в Париж для поддержания связи с контрреволюционной эмиграцией, являющейся агентурой иностранных разведок, и помог Берия доставить из Парижа в Москву и укрыть от законной ответственности родственника Берия — изменника Родине Шавдия, через которого Берия также поддерживал связи с контрреволюционной грузинской эмиграцией, то есть:

ШАРИЯ П.А. — в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а» и 58-11 УК РСФСР;

МАМУЛОВ С.С., ЛЮДВИГОВ Б.А., ОРДЫНЦЕВ Г.А. и МУХАНОВ Ф.В. — в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б» и 58-11 УК РСФСР.

Настоящее дело подлежит рассмотрению в Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Обвинительное заключение составлено в г. Москве « » июня 1954 года.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ
(Д. КИТАЕВ)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 2—35. Копия. Машинопись.

№ 129
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ПРОЕКТЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ ШАРИЯ П.А. И ДР.

1 июля 1954 г.

П 70/XXIV

Проект обвинительного заключения по делу Шария П.А., Мамулова С.С., Людвигова Б.А, Ордынцева Г.А. и Муханова Ф.В.

Принять предложение Генерального прокурора СССР т. Руденко по данному вопросу с учетом высказанных на заседании Президиума замечаний.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 1. Копия. Машинопись.

№ 130
ЗАПИСКА Р.А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О ПРОЕКТЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ А.З. КОБУЛОВА

16 июня 1954 г.

Совершенно секретно
Особая папка

№ 1686/сс

ЦК КПСС

Представляю пятнадцать экземпляров проекта обвинительного заключения по делу КОБУЛОВА А.З.

Считаю, что собранными по делу материалами установлено активное участие А. Кобулова в изменнической заговорщической деятельности Берия и есть все основания для направления дела в суд.

Прошу санкционировать предание А. Кобулова суду Военной коллегии Верховного суда СССР

Приложение: 15 экземпляров обвинительного заключения, каждый на 22 листах.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР
Р. РУДЕНКО

Сов. секретно

«УТВЕРЖДАЮ»
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОЮЗА ССР
Действительный государственный
советник юстиции
Р. РУДЕНКО

« » июня 1954 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу обвинения КОБУЛОВА Амаяка Захарьевича по ст.ст. 58-1 «б» и 58-11 УК РСФСР.

При расследовании дела об изменнической группе заговорщиков, возглавляемой врагом народа Берия, из этого дела постановлением Генерального Прокурора СССР от 14 сентября 1953 года были выделены в особые производства материалы по обвинению ряда участников заговорщической группы, в том числе и в отношении обвиняемого по настоящему делу КОБУЛОВА А.З. (том 1, л.д. 1).

Как установлено предварительным и судебным следствием и признано приговором Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР по делу Берия и его сообщников, эта изменническая заговорщическая группа ставила своей преступной целью использовать органы МВД СССР против Коммунистической партии и Советского правительства, поставить МВД над Партией и Правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя и восстановления капитализма в СССР.

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что Кобулов А.З., являясь активным участником изменнической заговорщической группы Берия и других, совершил ряд тяжких государственных преступлении, направленных к осуществлению изменнических планов заговорщиков.

Многолетнее пребывание Кобулова в органах НКВД—МВД неразрывно связано с преступной деятельностью врага народа Берия.

Являясь сыном виноторговца в Грузии, проникнув при помощи своего родного брата — ближайшего соучастника Берия Кобулова Б.З. (осужден Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР к ВМН) в органы НКВД—МВД, Кобулов А.З., на протяжении ряда лет находясь на руководящей работе в этих органах, выполнял преступные поручения врага народа Берия, за что последний укрывал Кобулова от ответственности и продвигал по службе.

О преступных связях Кобулова А.З. с Берия и особой близости их дали показания ряд допрошенных на следствии по настоящему делу лиц, в том числе арестованные участники заговорщической группы.

Так, арестованный в связи с делом Берия Рухадзе Н.М. на допросе 11 августа 1953 г. показал: «Кобулов А.З. также является приближенным человеком Берия. Его выдвижение по работе было связано с выполнением поручений Берия в 1937 г., когда Кобулов работал в центральном аппарате НКВД Грузии в должности начальника отделения. В 1938 году Кобулов был назначен начальником Гагринского горотдела НКВД, а когда Берия перешел на работу в Москву, Кобулов был назначен заместителем наркома внутренних дел Украинской ССР, фактически выполняя в это время обязанности наркома...

...Оба они — Деканозов и Кобулов Амаяк перед войной, несомненно, не без участия и рекомендации Берия были направлены на работу в Германию, первый на должность посла, а второй на должность первого советника посла. Считаю, что по своей подготовке и опыту дипломатической работы не соответствовали этим высоким постам и по меньшей мере странным является рекомендация этих людей Берия на дипломатическую работу в Германию» (том л.д.).

Арестованный соучастник Берия Деканозов В.Г. (осужден Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР к ВМН) 29 августа 1953 года дал следующие показания: «Советником посольства и одновременно резидентом работал Кобулов А.З., которого, как мне известно, Берия хорошо знал, хорошо к нему относился и поддерживал» (том л.д.).

Свидетель Шиян В.В. 17 июня 1953 года по этому вопросу показал: «Из Грузии им, Берия, были отозваны братья Кобуловы Богдан и Амаяк, Деканозов, Мильштейн, Мамулов и ряд других лиц. На протяжении всей своей работы Берия выдвигал этих лиц, передвигая их по службе за собой, они были его хвостом и особо доверенными людьми» (том л.д.).

Свидетель Иванов В.В. 14 октября 1953 г. показал: «В период работы наркома Берия окружил себя группой лиц, лично ему преданных и беспрекословно выполнявших любые его указания. К числу таких доверенных лиц Берия я отношу: Меркулова, Кобулова Б.З., Кобулова А.З. ...Все эти лица всячески превозносили Берия и были исполнителями всех его указаний» (том л.д.).

Аналогичные показания в отношении обвиняемого Кобулова А.З. дали также свидетели и обвиняемые: Визель Ю.С. (т. л.д.), Горлинский Н.Д. (т. л.д.), Урушадзе Д.Л. (т. л.д.), Керкадзе М.И. (т. л.д.), Гульст В.Н. (т. л.д.), Кримян Н.А. (т. л.д.).

Вынашивая в изменнических целях с давних пор планы захвата власти, Берия избрал в качестве основного метода клевету, интриги, различные провокации против честных партийных и советских работников, стоявших на пути его враждебных Советскому государству замыслов и мешавших ему пробираться к власти. Берия и его сообщники учиняли расправу с неугодными для них людьми, не останавливаясь перед актами произвола и беззакония, подлым образом обманывая Партию и Правительство.

Кобулов А.З. еще в 1937 г., работая под руководством своего брата Кобулова Б.З. в СПО НКВД Грузии, являлся активным участником этих злодеяний Берия.

Допрошенный по этому вопросу в качестве свидетеля Нацвлишвили М.Г. 20 ноября 1953 г. показал: «По распоряжению Кобулова работники СПО, главным образом Савицкий, Кримян, Хазан, Ковальчук, Кобулов Амаяк... арестовывали какого-либо советско-партийного работника или сотрудника НКВД и без всяких материалов на арестованного начинали его допрашивать. Когда арестованный ни в чем не признавался, его начинали избивать до тех пор, пока он не начинал давать, как правило, вымышленные показания. Эти показания арестованного являлись основанием его обвинения и его расстреливали по решению тройки. Иногда признания арестованных подкреплялись показаниями свидетелей, которых допрашивали также с применением физического насилия» (том л.д.).

О фактах избиений арестованных в отделении СПО НКВД ГССР, которым руководил Кобулов А.З., 10 мая 1354 г. показал также арестованный Хазан А.С. (том л.д.).

В 1938 г. Кобулов А.З., как доказавший свою преданность Берия и готовность выполнить любые преступные распоряжения последнего, был назначен начальником Гагринского горотдела НКВД, сменив в этой должности Рухадзе.

Материалами следствия по делу Берия и других заговорщиков установлено, что в Гагринском горотделе по преступным указаниям Берия и Гоглидзе происходила фальсификация следственных дел, для чего применялись истязания и пытки арестованных, совершались массовые аресты невиновных людей.

Об обстановке, которая была создана в Гагринском горотделе НКВД, дают представление рапорт и показания быв. заместителя начальника Гагринского горотдела — Васильева В.Н., который, выполняя свой партийный и служебный долг и решив разоблачить преступную деятельность заговорщиков, обратился по этому поводу с официальными рапортами и заявлениями в НКВД СССР и НКВД Грузинской ССР.

В 1937—1938 г.г. Васильев В.Н. направил на имя быв. наркома внутренних дел СССР Ежова, быв. зам. наркома внутренних дел СССР Фриновского и быв. наркома внутренних дел Грузинской ССР Гоглидзе (осужден к ВМН) несколько рапортов, в которых разоблачал преступную деятельность заговорщиков, направленную против Партии и Правительства.

Рапортом от 6 февраля 1938 г. Васильев доносил: «19 марта 1937 г. рапортом на имя наркома внутренних дел СССР Ежова ...мною было донесено о явном вредительстве в следственных делах Гагринского отдела НКВД... Ответа на свой рапорт я не получил, но вижу и своим партийным чутьем и чекистским опытом, что вредительство в следработе, в создании заведомо дутых и "липовых" дел продолжается, причем это вредительство осуществляется оперработниками, для которых подхалимство и погоня карьеристического свойства "за орденами" — все...» (том л.д.).

В другом рапорте 27 марта 1938 г. Васильев, говоря о допросе одного из арестованных, сообщал: «Началось с выставления в угол с поднятыми вверх руками и с лишения пищи, питья и возможности оправиться... Второй период — битье: ...раздевали совершенно догола и били по нескольку часов подряд по чему попало... Допускались такие "методы" — делалась веревочная петля, которая одевалась на половые органы, а потом эта петля сдавливалась. Били по голове резиновой плетью (не думаю, чтобы от такого воздействия показания были яснее), давили на ноги каблуком сапога и т.д. Словом, в кабинете днем и ночью стоял сплошной вой, крик и стоны...» (том л.д.).

По этому вопросу Васильев В.Н. показал: «С приходом Кобулова А. положение с избиением арестованных, фальсификацией протоколов допроса и другими нарушениями закона не изменилось. Кобулов, как и Рухадзе, лично избивал арестованных. При нем теми же способами получали показания от арестованных и сочиняли протоколы...» (том л.д.).

На допросе от 18 мая 1954 г. Васильев В.Н. дал следующие показания: «...Кобулов Амаяк лично избивал арестованных, фальсифицировал протоколы допросов и допускал другие нарушения закона. При Кобулове в 1938 году у арестованных получались показания путем вымогательства и избиений. Я лично несколько раз видел как Кобулов А. в своем кабинете в Гагринском горотделе НКВД сам избивал арестованных палкой, предварительно укладывая арестованных на пол...» (т. л.д.).

Узнав о содержании рапортов Васильева, Кобулов А.З. подверг Васильева преследованию и травле, обвинил в либерализме к врагам народа, в клевете на руководство НКВД Грузии и поставил вопрос об исключении его из

партии. Свидетель Васильев В.Н. по этому вопросу показал: «Спустя непродолжительное время Кобулов на одном из очередных партийных собраний выступил с целым докладом, в котором обвинял меня в либерализме, в том, что я мешаю органам НКВД бороться с врагами, пишу доносы в Москву, клевещу на руководство Грузии, потворствую врагам и что мне не место работать в органах НКВД. Кобулов в заключение внес предложение рассмотреть обо мне вопрос в партийном порядке как о клеветнике на руководство органов НКВД с последующими выводами... После этого я с работы был снят, месяцев пять проходил без работы в ожидании ареста, а затем меня исключили из партии...» (т. л.д.).

Подтверждая эти показания, Васильев В.Н, на допросе от 18 мая 1954 года, заявил: «...Проработав со мной в Гаграх несколько месяцев, Кобулов А. поставил вопрос на партийном собрании об исключении меня из партии за клевету на работников НКВД. Я считаю, что Кобулов А. в данном случае выполнял задание быв. наркома внутренних дел Грузии Гоглидзе и др., так как вопрос обо мне был предрешен еще в Тбилиси. Докладывал на партийном собрании обо мне Кобулов А. Он обвинил меня в том, что я мешаю органам НКВД бороться с врагами народа, клевещу на руководство НКВД Грузии, либерально отношусь к врагам и т.п. Все выступление Кобулова А. на партийном собрании было направлено против меня исключительно за направление мною рапортов в Москву, разоблачавших преступную деятельность быв. работников НКВД Грузии и, в частности, быв. работников Гагринского горотдела НКВД Рухадзе и др. На партийном собрании Кобулов совершенно не говорил о каких-либо других служебных проступках с моей стороны...» (т. л.д.).

Таким образом, установлено, что, помогая Берия скрывать преступления участников заговорщической группы, А. Кобулов подвергал преследованиям и травил честных работников органов НКВД, решивших разоблачить заговорщиков (т. л.д.).

Вскоре после этого Берия назначил Кобулова А. на должность народного комиссара внутренних дел Абхазии.

Заняв в 1938 году должность народного комиссара внутренних дел СССР, Берия назначил своих соучастников по преступной деятельности в Грузии на руководящие должности как в самом аппарате НКВД СССР, так и на периферии.

Кобулов А.З. в числе наиболее активных сообщников Берия в ноябре 1938 г. был отозван из Грузии и назначен на должность заместителя наркома внутренних дел Украинской ССР. Фактически в то время он выполнял обязанности комиссара внутренних дел Украины.

Используя положение народного комиссара внутренних дел СССР, Берия совершил в этот период ряд изменнических актов, направленных к ослаблению обороноспособности СССР, к подрыву деятельности советской разведки за рубежом, в первую очередь против гитлеровской Германии.

Именно в это время Кобулов А.З. по рекомендации Берия был назначен первым советником посольства СССР и резидентом разведки НКВД СССР в Германии.

Осуществляя изменнические планы Берия, Кобулов А.З. развалил работу разведки НКВД в Берлине и систематически представлял Правительству СССР дезинформационные материалы.

Взятый в плен советскими войсками во время Отечественной войны быв. сотрудник германской военной разведки «Абверштелле-Берлин» Мюллер

Зигфрид на допросах 1 июня 1945 г. и 21 мая 1947 г. показал, что, работая советником посольства СССР в Германии, Кобулов вел себя так, что германская разведка, зная, что Кобулов является резидентом советской разведки, подставила ему своего агента, который, будучи завербован Кобуловым, снабжал последнего дезинформационными материалами, передававшимися Кобуловым в Москву.

Мюллер на допросе показал: «Нам удалось установить, что советник советского посольства Кобулов проводил в Германии разведывательную работу... Кобулову в августе 1940 г. был подставлен агент германской разведки латыш Берлингс, который по нашему заданию длительное время снабжал его дезинформационным материалом... Кобулов в беседах с Берлингсом выбалтывал ему некоторые данные о политике советского правительства в германском вопросе...» (т. л.д.).

В письме Главного разведывательного управления МВД СССР от 7 октября 1953 г. Прокуратуре СССР по вопросу получения сведений Кобуловым А.З. от этого агента говорится следующее: «Агент "Л" был завербован в августе 1940 г. и находился на связи у резидента НКВД СССР в Берлине Кобулова А.З. до июня 1941 г. Из материалов дела на "Л" видно, что "Л" представлял информацию по внешней политике Германии, часть которой направлялась Берия в ЦК ВКП(б)... На протяжении всего времени сотрудничества с советской разведкой "Л" неоднократно сообщал Кобулову А. о стремлении Гитлера к улучшению отношений с Советским Союзом и о том, что Германия будет предпринимать все, чтобы избежать войны на два фронта.

Как показали дальнейшие события, эта "информация" являлась чистейшей дезинформацией, передаваемой нам через "Л" чиновниками германского министерства иностранных дел и бюро пропаганды, с которыми он был связан...» (т. л.д.).

Следует указать также, что этому агенту германской разведки Кобулов А.З. уплачивал за «информацию» от 300 до 500 германских марок ежемесячно (т. л.д.).

Неоднократно переходивший нелегально границы СССР агент германской разведки, использовавшийся Берия для тайных связей с грузинскими меньшевиками-эмигрантами, в 1952 году осужденный за шпионаж к 25 годам лишения свободы, — Беришвили Ш.Н. по вопросу о провале Кобуловым и Деканозовым разведывательной работы в Германии дал 19 января 1954 г. следующие показания: «Берия выдвинул на пост советника в Берлине своего близкого человека Яна Кобулова[1], брата своего близкого соратника Богдана Захарьевича, который был послан в Германию вместе с другим соратником Берия — Деканозовым, который был назначен, видимо, стараниями самого Берия там послом. Ян Кобулов, кроме обязанности советника, руководил там работой советской разведки и в этой работе он прямо оскандалился, не только себя оскандалил, но опозорил и советскую разведку...

И вместо того, чтобы за такой скандал и провал всей очень важной работы привлечь к ответственности Яна Кобулова, Берия, видимо, из своих темных целей, дал ему повышение и назначил его наркомом внутренних дел Узбекской ССР.

О настоящем скандале и полном провале работы разведки в Германии под руководством Яна Кобулова за границей появились даже очень меткие

---

[1] Речь идет об Амаяке Кобулове.

и забавные анекдоты. Не может быть, чтобы о заметках, фельетонах, карикатурах и насмешках, которые появлялись на страницах газет, Берия не знал. После всего этого простое приличие требовало, чтобы Я. Кобулова на время припрятать где-нибудь не на очень видную работу, если не хотел привлечь его к ответственности...

...Когда члены советской миссии из Германии прибыли в Стамбул и жили на пароходе “Сванетия”, турки говорили (и ответственные лица, а не какие-нибудь невежды), что чего же ждут Деканозов и Кобулов и почему же не бросаются в море от такого позора и скандала в Берлине, тем паче, что их на родине ждет смертная казнь, и как они все были поражены, когда получили оба такие высокие посты.

И в особенности были поражены назначением Кобулова, тогда как были все уверены, что его обязательно накажут, т.к. из донесений из Берлина от своих людей все знали хорошо как там оскандалился Кобулов и как гестапо подсовывало ему своих людей в лице агентов, а тот давал им большие деньги... А японцы мне прочли донесение о провале Кобулова из Берлина, и когда они читали — за живот держали руки и хохотали...» (том л.д.).

В 1941 г. по возвращении в СССР Кобулов за развал разведывательной работы в Германии не только не был предан суду, но Берия, укрыв Кобулова от ответственности, назначил его наркомом внутренних дел Узбекистана.

Состоя в этой должности, Кобулов продолжал проводить в жизнь вражескую линию Берия, направленную на противопоставление органов НКВД партии и правительству.

Допрошенный в качестве свидетеля бывш. начальник Бухарского облуправления НКВД Алиев Т. по этому вопросу 22 августа 1953 г. показал следующее: «...Кобулов, вместо того чтобы принять нужные меры по моему рапорту, в ноябре 1941 г. вызвал меня в наркомат внутренних дел и стал обвинять в том, что я неосновательно арестовал Шалыева... и предложил немедленно освободить его из-под стражи. Когда я попросил Кобулова дать на этот счет письменное указание, он в грубой форме оскорбил меня и заявил: “Мне доверяет Берия. Он и послал меня на работу в Узбекистан.

До этого я работал в посольстве в Германии и доверяли мне и Берия и правительство... Таких, как ты, я выгоню совсем из органов. Ты не имеешь права информировать ЦК о том, что мы делаем. Если возникнет необходимость, будем сами разрабатывать любого работника ЦК и репрессировать”. После таких разговоров Кобулов выгнал меня из кабинета» (том л.д.).

Следствием также установлено, что Кобулов А.З., как соучастник Берия, знал о той преступной интриганской борьбе, которую в течение ряда лет вел Берия против выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Серго Орджоникидзе.

Кобулову было известно, что в отношении Серго Орджоникидзе по заданию Берия путем вымогательства ложных показаний у арестованных собирались клеветнические материалы.

Допрошенный в качестве свидетеля начальник ХОЗУ МВД Узбекской ССР Каспаров А.Д. 22 марта 1954 года по этому вопросу показал: «В 1943 или в 1942 году мы с Кобуловым ехали в Москву. Ехали мы в его вагоне. На одной из станций уже после Куйбышева, как-то утром, примерно часов в 11, поезд наш стоял и ожидал встречного поезда. Поезд этот вел паровоз серии “СО”, т.е. Серго Орджоникидзе. Мы с Кобуловым стояли в вагоне у окна. Когда я увидел паровоз, ведущий встречный поезд, я сказал Кобулову, что то-

варищ Орджоникидзе сделал очень много для Советского государства и оставил о себе хорошую память. Кобулов ответил: "Что он сделал или нет, это не важно, но если бы он не умер, его бы аретовали". К этому Кобулов добавил, что на Орджоникидзе якобы была целая кипа материалов...» (том л.д.).

В 1944 г. Берия вызвал Кобулова А.З. в Москву и назначил на должность заместителя начальника Главного Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. В 1951 г. Кобулов был назначен начальником Управления по делам военнопленных и заместителем начальника ГУЛАГа.

Следствием установлено, что и в этот период Кобулов А.З. активно осуществлял преступные планы заговорщиков, направленные к подрыву и ослаблению советской разведки.

Кроме того, установлено, что Кобулов подчеркивал свою близость к Берия и восхвалял последнего. В то же время Кобулов открыто высказывался против партийного контроля за органами НКВД.

Данное обстоятельство подтверждено следующим установленным следствием фактом:

До назначения Кобулова А.З. на должность заместителя начальника Главного Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных оперативный отдел этого управления в 1942 и 1944 гг. активно проводил вербовку агентуры среди военнопленных на послевоенный период.

Еще в процессе приемки дел оперативного отдела Кобулов А.З., ссылаясь на указание Берия, пытался прекратить вербовку агентуры.

На возражение работников управления и заявление их о том, что эта работа проводится по личному указанию секретаря ЦК КПСС А.С. Щербакова, Кобулов заявил, что он признает указания, только исходящие от Берия, и что не дело Щербакова вмешиваться в дела, которыми занимается Берия.

Бывш. начальник оперативного отдела данного управления Швец Л.Г., будучи допрошен по этому вопросу в качестве свидетеля, 2 марта 1954 г. показал: «Оспаривая отрицательную характеристику этой работы, данную А. Кобуловым, и возражая против его намерения ликвидировать ее, я тогда докладывал А. Кобулову, что эта работа проводится нами по прямым указаниям А.С. Щербакова. В ответ на мои протесты и возражения А. Кобулов трижды подчеркивал, что он действует по личным указаниям Берия и что никаких иных, кроме этих указаний, он не признает и что не дело Щербакова вмешиваться в дела, которыми занимается Берия» (том л.д.).

После кончины И.В. Сталина, когда реакционные империалистические силы активизировали подрывную деятельность против Советского государства, Берия перешел к форсированным действиям для достижения своих преступных целей, прежде всего путем использования органов МВД для захвата власти. Став в марте 1953 г. министром внутренних дел СССР, Берия начал усиленно продвигать на руководящие должности в Министерстве внутренних дел участников заговорщической группы.

Уверенный в безусловной преданности Кобулова А., Берия назначил его заместителем начальника контрольной инспекции при Министерстве внутренних дел СССР, несмотря на то, что Кобулов, как работник ГУЛАГа, подлежал передаче в Министерство юстиции СССР.

Организуя так называемую «контрольную инспекцию», Берия придавал ей особое значение. По замыслу Берия, инспекция не ограничивалась контрольными функциями, а должна была иметь «наиболее ценную» агентуру и вместе с тем выполнять особые указания Берия. Состав инспекции был на-

значен в своем большинстве из числа скомпрометированных по работе, но лично преданных Берия работников.

Начальником контрольной инспекции был назначен незаконно освобожденный Берия из тюрьмы Райхман Л.Ф. (арестован в связи с делом Берия). Как Райхман, так и Кобулов, выполняя указания Берия, начали свою деятельность в контрольной инспекции с вербовки агентуры из числа лиц, освобождавшихся Берия из-под стражи.

По указанию Берия в распоряжение Райхмана и Кобулова было выделено для связи с агентурой несколько конспиративных квартир.

Райхман завербовал в агенты инспекции несколько человек из числа лиц, освобождавшихся из-под стражи и имевших возможность соприкасаться с составом руководящих партийно-советских работников, а Кобулов пытался завербовать освобождавшегося из тюрьмы бывш. сотрудника МВД СССР Храмелашвили, однако по распоряжению Берия последний после освобождении был назначен на должность ст. инспектора в ту же контрольную инспекцию (том л.д.).

Берия насаждал мнение о своей особой роли в государстве. Являясь одним из ближайших соучастников Берия, Кобулов А.З. открыто поддерживал это мнение, восхваляя Берия и полностью поддерживая преступные установки последнего на противопоставление органов МВД Партии и Правительству.

Отказавшийся выполнять преступное задание Берия о сборе клеветнических сведений по поводу деятельности партийных органов на Украине, сообщивший об этом преступном задании Секретарю ЦК КП Украины и за это подвергавшийся преследованиям со стороны Берия бывш. начальник УМВД по Львовской области, ныне министр внутренних дел Украины Строкач Т.А. 4 июля 1953 г. по этому вопросу показал следующее: «Находясь в Москве в июне с.г., я хотел попасть на прием к Берия и к Кобулову Б.З., но не был принят. Тогда я, зная особую приближенность к Берия заместителя начальника инспекции для контроля и особых поручений при министре Кобулова Амаяка Захарьевича, зашел к нему и рассказал о снятии меня с работы и о том, что я до сих пор не могу получить нового назначения.

Кобулов А.З. стал упрекать меня в том, что я доложил секретарю обкома партии об указаниях, полученных мною от Мешика. При этом Кобулов мне сказал: "Вы не учли того, что к руководству МВД СССР пришел Берия и что теперь органы МВД не будут в такой зависимости от партийных органов, как это было раньше. Вы не представляете себе, какими правами пользуется Берия. Он решительно ломает все старые порядки не только в нашей стране, но и в странах народной демократии. Не надо бояться, что начальник УМВД или министр внутренних дел республики попадет в опалу перед партийными органами. Вот вам свежий пример: Мельников напоролся на Мешика и полетел. Полетел, несмотря даже на то, что он был в Президиуме ЦК КПСС".

Изложенные выше факты привели меня к выводу о том, что действия Берия, Мешика, Мильштейна, Кобулова Б.З., Кобулова А.З. и других главарей этой банды есть единая линия противопоставления органов МВД партии, стремления стать над партией и правительством и провести свои бонапартистские замыслы» (том л.д.).

Эти показания свидетель Строкач Т.А. подтвердил в судебном заседании Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР 18—23 декабря 1953 г. (том л.д.).

В тот же период времени Берия и его сообщники под видом борьбы с извращениями политики партии в национальном вопросе стали проводить линию на активизацию остатков буржуазно-националистических элементов в союзных республиках. Добиваясь смещения русских работников со всех должностей в союзных республиках, заговорщики преследовали цель подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

И в этом вопросе Кобулов А.З. также являлся не только единомышленником Берия, но и активным проводником его преступных замыслов.

Из показаний свидетеля — секретаря парткома аппарата МВД СССР в Германии Никитина И.Н. и объяснений заместителя начальника политотдела Советской Контрольной комиссии в Германии Матвеева М. видно, что Кобулов А.З. в мае-июне 1953 г., будучи в командировке в Германии по выполнению специальных заданий Берия, допускал среди работников аппарата МВД СССР явно антисоветские высказывания, повторяя и сочувственно комментируя клеветнические измышления американской пропаганды по вопросам внешней политики Советского Союза и агрессии США против Корейской Народно-Демократической республики (том л.д.).

Кроме того, Кобулов А. заявлял, что русские должны быть удалены со всех ответственных постов в национальных республиках, и публично полностью одобрял вражеские действия Берия в Прибалтийских республиках, в западных областях Украины, на Кавказе, направленные к тому, чтобы посеять вражду и рознь между народами союзных республик и великим русским народом.

Специальным Судебным Присутствием Верховного суда СССР, рассматривавшим дело Берия и других заговорщиков, и предварительным следствием по этому делу было установлено, что преднамеренные преступные нарушения социалистической законности являлись для участников заговора одним из основных методов их вражеской деятельности против Советского государства. С этой целью заговорщики пытались разложить подчиненный им оперативный и следственный аппарат, внушая, что нормы советских законов вообще неприменимы к ведению следствия и к оперативной деятельности органов МВД.

И в этом отношении А. Кобулов являлся одним из активных участников заговорщической деятельности, лично допуская грубые и преднамеренные нарушения социалистической законности и подстрекая к тому же своих подчиненных,

Выше изложены факты подобных действий Кобулова, относящиеся к 1937—1938 гг.

Однако установлено, что таковой же была преступная деятельность Кобулова на протяжении всех последующих лет.

Так, 23 июля 1952 г. Кобулов А.З., являясь заместителем начальника ГУЛАГа и находясь в командировке в Ахтубинском лагере «Сталинградгидрострой», демонстративно, в присутствии руководящего персонала и прокурора лагеря подверг избиению заключенного Иванова.

Допрошенный по этому вопросу прокурор лагеря Мороков Б.Д. 6 ноября 1953 г. показал: «Приехал в лагерь примерно в 12 часов ночи и, пройдя жилую зону, узнал, что Кобулов находится в кабинете оперуполномоченного. Я направился туда. Когда я вошел в кабинет, то увидел следующее: в кабинете оперуполномоченного находились представители ГУЛАГа МВД СССР, зам. начальника строительства подполковник Воробьев и ряд других офицеров, Кобулов в это время избивал заключенного Иванова. В момент, когда я вошел, Кобулов нанес удар кулаком Иванову, отчего последний ударился о стенку.

Подполковник Воробьев, увидя меня, крикнул Кобулову: “Прокурор здесь...” Кобулов обернулся, увидел меня и сказал, выражаясь нецензурно в адрес прокуратуры, что ему все равно, кто бы ни пришел... Кобулов вышел из кабинета, и я в это время узнал, что он приехал по заданию ЦК КПСС для проверки жалобы заключенных о нарушениях законности в лагере» (том л.д.).

Заключенный Иванов И.Н. на допросе 24 июля 1952 г. показал: «Генерал, фамилии которого я не знаю, обратился ко мне и стал меня расспрашивать о моей жизни. Я ему стал рассказывать. В это время генерал ударил меня кулаком по голове, затем по лицу и стал пинками ног меня избивать в присутствии указанных выше лиц. Когда он закончил меня избивать, к генералу подошел один из офицеров и сказал ему, что приехал прокурор. В ответ на это генерал, выражаясь нецензурными словами, заявил: “Ну и что же, что прокурор?” Как только вошел в комнату прокурор, я обратился к нему и спросил, за что меня избивают, ведь я человек! После вмешательства прокурора меня немедленно этапировали в тюрьму» (том л.д.).

Судебно-медицинским осмотром заключенного Иванова, произведенным 24 июля 1952 г., обнаружено следующее: поверхностная ссадина на левой щеке, отек и резкая болезненность в области левого сосцевидного отростка, стенки наружного слухового прохода левого уха также отечны, на них следы засохшей крови (том л.д.).

В соответствии с изложенными выше обстоятельствами дела Кобулов А.З. был привлечен к следствию в качестве обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б» и 58-11 УК РСФСР (том л.д.).

Допрошенный на предварительном следствии обвиняемый Кобулов А.З. виновным себе не признал, пытался голословно отрицать предъявленное ему обвинение и опорочивать лиц, разоблачавших на следствии его преступную деятельность, объявлял голодовки и отказывался подписывать протоколы допросов, однако виновность его доказывается:

1) Показаниями осужденных и арестованных участников заговорщической группы: Рухадзе Н.М., Деканозова В.Г., Беришвили Ш.Н., Райхмана Л.Ф., Рапава А.Н., Мамулова С.С., Савицкого К.С., Хазана А.С.

2) Показаниями свидетелей: Никитина И.Н., Строкача Т.А., Морокова В.Л., Иванова И.Н., Швеца Л.Г., Алиева Т., Будякова Г.Н.., Васильева В.Н., Нацвлишвили М.Г.., Гульста В.Н., Керкадзе М.И., Урушадзе Л.Л., Горлинского Н.Д., Визеля Ю.С., Иванова В.В., Шияна В.В., Алахвердова Г.С., Жукова Г.С., Якобашвили М.А.

3) Приобщенными к делу документами.

На основании изложенного

КОБУЛОВ Амаяк Захарьевич, 1906 года рождения, уроженец г. Тбилиси, Грузинской ССР —

ОБВИНЯЕТСЯ

в том, что он:

1) Являлся участником преступной изменнической группы заговорщиков, ставившей своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел как в центре, так и на местах против Коммунистической партии и Правительства СССР, в интересах иностранного капитала, стремившейся в своих вероломных замыслах поставить Министерство внутренних дел над Партией и Правительством для захвата власти и ликвидации советского рабоче-крестьянского строя в целях реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии.

2) Добиваясь осуществления изменнических планов захвата власти, Кобулов А.З. совместно с другими участниками заговорщической группы расправлялся с неугодными или опасными для заговорщиков людьми путем фальсификации следственных дел, применения избиений к арестованным для вымогательства клеветнических показаний и расправ с невиновными людьми.

3) Действуя в интересах иностранного капитала, Кобулов А.З. вместе с другими заговорщиками способствовал преступной деятельности иностранных разведок и совершил изменнические действия, направленные к подрыву советской разведки в гитлеровской Германии.

4) В тех же изменнических целях Кобулов А.З. принял непосредственное участие в попытке активизировать антисоветскую деятельность остатков буржуазных националистических элементов для подрыва дружбы народов и морально-политического единства советского общества, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б» и 58-11 УК РСФСР.

Настоящее дело подлежит рассмотрению Военной Коллегии Верховного суда СССР.

Обвинительное заключение составлено в г. Москве « » июня 1954 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ВАЖНЕЙШИМ ДЕЛАМ
ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА ССР
Государственный советник
юстиции III класса (КАВЕРИН)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 38—60. Копия. Машинопись.

№ 131
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ПО ДЕЛУ КОБУЛОВА А.З.

3 июля 1954 г.

Строго секретно
Особая папка

П 70/XXV

Проект обвинительного заключения по делу Кобулова А.З.

Принять предложение Генерального прокурора СССР тов. Руденко, изложенное в его записке от 16 июня 1954 г. № 1686 сс.

Секретарь ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 36. Копия. Машинопись.

№ 132
ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ДЕЛЕ МИЛЬШТЕЙНА

24 июля 1954 г.

Строго секретно
Особая папка

№ П 73/XXVIII

О деле Мильштейна С.Р.

Принять предложение Генерального прокурора СССР т. Руденко, изложенное в его записке от 10 июля 1954 года № 1721 сс.

Секретарь ЦК

Совершенно секретно
ЦК КПСС

Представляю шестнадцать экземпляров обвинительного заключения по уголовному делу по обвинению Мильштейна С.Р.

Считаю доказанным активное участие Мильштейна в преступной деятельности изменнической заговорщической группы Берия, Меркулова, Кобулова и др.

Прошу санкционировать направление дела по обвинению Мильштейна для судебного рассмотрения в Военную коллегию Верховного суда СССР.

Приложение: 16 экземпляров обвинительного заключения, каждый на 31 стр.

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

10 июля 1954 года
№ 1721 сс

Совершенно секретно

«УТВЕРЖДАЮ»
Генеральный прокурор СССР
Действительный государственный
советник юстиции
Р. Руденко

« » ________ 1954 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу № 0071
по обвинению Мильштейна Соломона
Рафаиловича по ст.ст. 58-1 п. «б»
58-11 УК РСФСР.

В процессе следствия по делу изменнической группы заговорщиков, возглавляемой Берия, постановлением Генерального Прокурора СССР от 14 сентября 1953 г. были выделены в особые производства материалы по обвинению ряда участников этой заговорщической группы, в том числе и обвиняемого по настоящему делу Мильштейна С.Р. (т. 1, л.д. 1).

Предварительным следствием и приговором Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР от 23 декабря 1953 года было установлено, что изменническая заговорщическая группа, участником которой являлся обвиняемый Мильштейн С.Р., ставила своей преступной целью использовать органы МВД СССР против Партии и Правительства для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя и восстановления капитализма в СССР.

Конкретно в отношении обвиняемого Мильштейна С.Р. следствием по настоящему делу установлено следующее:

Мильштейн С.Р., выходец из семьи подрядчика на железной дороге, все родственники которого после революции выехали в Америку, а один из братьев впоследствии был расстрелян за шпионаж в пользу польской разведки, работал с 1922 года на технической работе в Особом отделе Закавказской ЧК, в 1926 году был назначен Берия, работавшим тогда председателем Грузинского ГПУ, на должность секретаря коллегии ГПУ Грузинской ССР и своим личным секретарем.

С помощью Берия Мильштейн в 1927 г. вступает кандидатом в члены ВКП(б), а в 1929 году по рекомендации Берия Мильштейн принимается в члены ВКП(б).

С этого времени вся последующая деятельность Мильштейна связана с Берия.

В 1931 году, когда Берия перешел на партийную работу, добившись поста секретаря ЦК КП(б) Грузии и секретаря Закавказского Краевого Комитета ВКП(б), в числе других близких ему лиц Берия перевел и Мильштейна в аппарат ЦК КП(б) Грузии, назначив его заведующим особым сектором ЦК, а затем помощником секретаря ЦК. В 1937 году Берия выдвинул Мильштейна на руководящую партийную работу — секретарем райкома, а в 1938 году — третьим секретарем Тбилисского горкома КП(б) Грузии.

Весь период работы в Грузии с 1926 по 1938 год Мильштейн, будучи близким, доверенным человеком Берия, вместе с Меркуловым, Деканозовым, Кобуловым, Гоглидзе, Церетели, Мамуловым, Мичуриным-Равер, Рапава и другими участниками преступной заговорщической группы, сколоченной Берия, активно содействовал карьеристическим целям Берия, участвовал в интриганской и провокационной деятельности Берия и других участников группы, выполнял преступные поручения Берия.

Многочисленные свидетели, допрошенные по делу, и арестованные участники заговорщической группы дали подробные показания о близости Мильштейна и Берия и совместной преступной деятельности в этот период времени.

Враг народа Кобулов Б.З., входивший в ядро заговорщической группы, сколоченной Берия, 7 декабря 1953 г. показал:

«Мильштейна я знаю с 1927 года, когда он был назначен секретарем Берия в ЧК—ГПУ Грузии вместо Деканозова, выдвинутого Берия на оперативную работу в секретный отдел. С первых же дней работы в этой должности Мильштейн произвел впечатление на местный оперсостав, к числу которого относился и я, как хитрый, пронырливый человек, близко стоящий к Берия. Существовало в тот период мнение, что разговоры с Мильштейном надо вести осторожно, так как любая опрометчивая фраза станет достоянием Берия. Назначению Мильштейна оперсостав удивлялся, так как Мильштейн в то время был беспартийным человеком и, понятно, не владел местным языком, что для дела было необходимо. Однако вскоре Мильштейн, как помнится, по рекомендации Берия был принят кандидатом, а затем членом ВКП(б). Еще до перехода Берия на партийную работу, Мильштейн считался одним из наиболее приближенных и доверенных лиц к Берия и был в курсе всей политики, проводимой Берия в ГПУ Грузии и Закавказья. В числе лиц, которых Берия взял с собой из ГПУ на партийную работу, был и Мильштейн. Это вызвало недоуменные настроения, т.к. ни по партстажу, ни по опыту работы, ни по знанию языка Мильштейн не подходил для этой роли, тем более, когда он был назначен секретарем райкома одной из тбилисских парторганизаций. Эта районная организация, безусловно, по инициативе и под руководством Мильштейна, во время городских партсобраний или конференций, а также массовых праздничных демонстраций особенно изощрялась в восхвалении и превозношении Берия...

Мильштейн был близок к Берия и в быту. В Грузии они проживали в одном доме, были знакомы семьями и, безусловно, во время работы в Гру-

зии Мильштейн был близок к Берия наряду с такими лицами как Меркулов, Деканозов и Рапава» (том л.д.).

Другой участник заговорщической группы, арестованный Мичурин-Равер 23 июля 1953 года показал:

«Я должен сказать, как человек, длительное время знавший его и наблюдавший за ним, что Берия был всегда властолюбивым и стремившимся к диктаторству. Это ярко проявлялось во время пребывания его в Азербайджане и в Грузии.

Берия убирал неугодных ему людей, делая это под видом их разоблачения как врагов народа или как не справившихся с руководством. Как мне теперь стало понятным, делая свою карьеру сначала по линии органов ВЧК—ОГПУ—НКВД, а затем по линии партийного руководства в Грузии и в Закавказье, Берия сумел весьма быстро реализовать свои цели и стать на положение "вождя" грузинского народа. В этом ему активно помогла группа чекистских работников, приближенных им к себе. В эту группу особо доверенных людей Берия входили в Грузии: Саджая, Меркулов, Кобулов Б., Кобулов А., Мильштейн, Деканозов, Цакава, Гоглидзе, Рапава, Церетели, позднее Рухадзе; в других республиках Закавказья — Багиров, Агрба, Мугдуси, Цатуров и другие. Всех этих людей, кроме Багирова, Берия сам выдвигал на руководящую работу в чекистских органах, а затем, когда он возглавил Закавказский краевой комитет ВКП(б) и ЦК КП Грузии, то расставил своих людей на руководящие государственные и партийные посты» (том л.д.).

Материалами предварительного и судебного следствия по делу Берия и его соучастников было установлено, что заговорщики на протяжении всего времени до момента их разоблачения стремились уйти от партийного контроля, поставить органы МВД над Партией и Правительством для осуществления своих изменнических целей — захвата власти. Эта вражеская линия на противопоставление органов НКВД партийным органам проводилась заговорщиками еще в бытность Берия председателем ГПУ Грузии. В этом отношении характерны показания осужденного ныне и отбывающего наказание за контрреволюционную деятельность соучастника Берия в период его работы в Закавказье — свидетеля Цатурова, являвшегося в то время секретарем партийной организации Закавказского и Грузинского ГПУ, который наряду с Берия, Меркуловым, Деканозовым и другими заговорщиками указал и на роль Мильштейна в этой преступной деятельности:

«Благодаря интригам, иезуитской хитрости, маккиавелистским приемам борьбы за первое место Берия достиг своей цели — стал председателем ЗакГПУ... уже в то время Берия стремился оторвать чекистский аппарат от партийного влияния, изолировать его, превратить его в особый орган, подчиняющийся только ему одному...

Укрепив организационно аппарат ЗакГПУ и расставив везде на руководящих должностях приближенных к нему лиц, Берия начинает активно участвовать в партийной жизни Заккрайкома. Он стремился завоевать доверие Серго Орджоникидзе, к которому часто ездил советоваться по различным вопросам. Берия ввел составление аппаратом ЗакГПУ обязательных специальных политинформаций не общего характера, а с освещением деятельности отдельных руководителей, групп. Эти политинформации корректировались Меркуловым, Мильштейном, Деканозовым. Берия достиг своей цели, он втерся в доверие к Орджоникидзе, именем которого он пов-

сюду стал козырять. Не без участия Берия, его интриг происходит смена секретарей Заккрайкома» (том л.д.).

Далее Цатуров показал:

«Став первым секретарем крайкома, Берия продолжает руководить и направлять работу ЗакГПУ, он производит, если образно выразиться, “чекизацию” партийного аппарата. Ряд приближенных, доверенных лиц был им направлен на партийную работу. Деканозов был назначен третьим секретарем ЦК Грузии; Меркулов — зав. особым сектором; я был назначен зав. орготделом Ленинградского райкома ВКП(б). Вместе с нами на руководящую партийную работу был послан целый ряд чекистов. Используя аппарат ГПУ, Берия установил контроль за каждым ответственным работником. Достаточно кому-нибудь из секретарей райкома, работников аппарата ЦК, Заккрайкома высказать какое-либо неодобрение, замечание о Берия, как оно становилось ему известным. Такая система контроля, вернее, шпионажа за каждым работником создавала неуверенность у работников, глушила всякую критику и способствовала росту популярности Берия. Все, что ни делалось в Закавказье, в аппарате ГПУ, все приписывалось личности Берия, объявлялось его заслугой» (том л.д.).

Показав далее о расправах Берия над неугодными ему людьми, в том числе и теми, которые в прошлом были в близких отношениях с ним, Цатуров сообщил:

«Близкими, приближенными лицами к Берия остались из числа тех, которые его окружали, Мильштейн, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Меркулов. Эти лица не были уничтожены Берия потому, что без них он не мог обходиться в практической работе. Они были беспредельно переданы Берия, и он им всегда покровительствовал» (том л.д.).

Как видно из приведенных выше показаний Кобулова, Мичурина-Равера и Цатурова, участник заговорщической группы, возглавляемой Берия, Мильштейн, будучи близким доверенным его человеком, был в курсе всех преступных действий Берия, доносил ему о настроениях окружавших Берия людей, участвовал в составлении так называемых информаций о деятельности руководящих партийно-советских работников Грузии, восхвалял Берия и помог ему вместе с другими участниками заговорщической группы расчистить дорогу для занятия высоких постов вначале в органах ЧК—ГПУ, а затем в партийных органах Грузии.

О близости Мильштейна к Берия, рабской преданности ему в этот период времени дали показания и другие арестованные и свидетели.

Один из участников изменнической группы заговорщиков Рапава 7 августа 1953 г. показал:

«...Чичибая — бывший секретарь райкома, Мичурин-Равер и Мильштейн весьма близкие люди Берия, то же Кобулов А. и другие. Это лица, на которых Берия в разное время опирался, и они ему лично преданы до мозга костей» (том л.д.).

Арестованный участник заговорщической группы Хазан 24 сентября 1953 г. показал:

«Приближенными и доверенными лицами Берия являлись: Гоглидзе, Кобулов, Мильштейн, Мамулов, Деканозов, Какучая, Церетели, Меркулов» (том л.д.).

Арестованный Савицкий 7 июля 1953 г. показал:

«Близкими лицами к Берия я считаю Кобулова Б., Мамулова, Мильштейна, Шария, Деканозова (в особенности). Каранадзе, Гоглидзе... Эти же лица были близки и к Кобулову» (том л.д.).

Свидетель Шафиров 15 сентября 1953 г. показал:

«Семен Мильштейн долгое время, примерно с 1924—1925 г. по день перехода из органов в ЦК Берия, был у Берия секретарем. Мильштейн находился в очень хороших отношениях с Берия. Берия с ним всегда советовался и выдвигал на ответственные посты. Мильштейн тогда приезжал на дачу к Берия в гости. Когда Берия перешел на партийную работу, он взял с собой и Мильштейна...» (том л.д.).

Об этой близости к Берия, доверительных отношениях между Берия и Мильштейном показали свидетели Якобашвили, Водясов, Гульст, Цепков и другие.

Близость Мильштейна к Берия, двенадцатилетняя совместная служба с ним в Грузии, из них свыше десяти лет в должности его секретаря и помощника, дала возможность Мильштейну быть в курсе преступной деятельности Берия и других наиболее активных участников заговорщической группы, о чем Мильштейн дал показания на предварительном следствии.

Так, 25 июля 1953 г. Мильштейн охарактеризовал Берия как человека властолюбивого, не брезговавшего для достижения власти никакими средствами. В качестве примера Мильштейн привел известный ему факт о том, как Берия добился расстрела секретаря ЦК Компартии Грузии Девдориани Гайоза за то, что он обещал отомстить Берия за незаконное увольнение из органов ГПУ и затем осуждение родного брата Девдориани Гоги.

Тогда же Мильштейн показал о расправе Берия с бывшими секретарями ЦК КП(б) Грузии Кахиани, Гогоберидзе и Картвелишвили.

Конкретно Мильштейн показал:

«Берия властолюбивая личность. Для достижения власти он не брезговал никакими средствами. Он убирал со своего пути всех тех, которые осмеливались хоть чем-нибудь ему возражать...

...Примерно в 1924—1925 г. Берия остался недоволен бывш. работником ГПУ Девдариани Гоги и добился снятия его с работы, а затем в 1937 г. был арестован не только Девдариани, но и его брат — Девдариани Гайоз — бывш. секретарь ЦК партии Грузии.

...Брат Девдариани был арестован и затем расстрелян потому, что он обещал отомстить Берия за своего брата — работника ГПУ.

...В 1937 г. в разных местах Советского Союза были арестованы бывш. секретарь ЦК партии Грузии Кахиани и Гогоберидзе, с которыми Берия в прошлом был в хороших отношениях и которые знали о Берия и его неблаговидных поступках, а также бывш. секретарь ЦК партии Грузии Картвелишвили, с которым Берия в прошлом был в плохих взаимоотношениях и которого считал своим личным врагом. Берия добился того, чтобы Кахиани, Гогоберидзе и Картвелишвили были этапированы в Грузию и чтобы следствие по их делам велось в Грузии... Все они были расстреляны» (том л.д.).

28 августа 1953 г. Мильштейн показал о фактах расправы Берия с неугодными ему людьми — Бежановым и Мороз. Кроме того, тогда же он показал о преступных методах ведения следствия в ГПУ—НКВД Грузии в 1937—38 гг. со стороны Кобулова и Гоглидзе, избиениях арестованных, фальсификации дел, искусственном создании дел и обвинений в подготовке террористических актов в отношении Берия, что ими делалось по указанию последнего. Наконец, Мильштейн показал и о том, что ему было известно об аресте брата Серго Орджоникидзе — Папулия Орджоникидзе и желании Берия собрать материалы, компрометирующие С. Орджоникидзе.

Так, Мильштейн показал:

«Примерно в 1930 году в ЗакГруз ГПУ в качестве начальника учетно-регистрационного и статистического отдела у Берия работал Бежанов, по имени, кажется, Иван. Жену этого Бежанова, работавшую телефонисткой у нас же, Берия упорно склонял к сожительству, и она сама об этом рассказывала среди сотрудников. Как мне известно, Берия не мог осуществить своих намерений и о его домогательствах стало известно Бежанову, а последний повел разговоры на эту тему и стал очень плохо относиться к Берия. Когда об этом узнал Берия, то тотчас же снял с работы Бежанова и перевел его не то в Азербайджанское ГПУ, не то в Армянское ГПУ и спустя некоторое время Бежанов оказался осужденным на 5 лет лишения свободы...

...Примерно в 1926 году в ГрузГПУ был освобожден от работы начальник секретно-политического отдела Мороз, хороший работник, пользовавшийся авторитетом среди сотрудников. Говорили, что он не поладил с Берия... После снятия с работы Мороз был переведен на ту же должность в Азербайджанское ГПУ. Впоследствии при помощи своего приближенного начальника Аз. ГПУ Сумбатова Берия добился того, что Мороз был осужден по делу Горбаченко и др. на 7 лет ИТЛ...

...Когда Берия был секретарем ЦК КП Грузии, а затем секретарем Заккрайкома, у него почему-то обострились отношения с Серго Орджоникидзе, он стал в отношении последнего выкапывать всякие компрометирующие материалы и, в частности, добился ареста его брата Папулия, который затем и был репрессирован как враг народа...

...На совести Кобулова все массовые репрессии, которые происходили в Грузии в 1937 году и даже в 1938 году... Несомненно, что по очень большому количеству дел "признания" у арестованных выколачивались, так как в то время очень широко применялись меры физического воздействия в отношении арестованных. Безусловно, прямое руководство Кобуловым и вся практическая работа по репрессиям согласовывалась с Берия и производилась по его указаниям. На этот период времени падает большое количество сфальсифицированных дел о так называемых террористических актах в отношении Берия и самого Кобулова... Чтобы, с одной стороны, создать о себе впечатление как о "непримиримых борцах с врагами народа", Кобулов, Гоглидзе под руководством Берия сфабриковали дела "террористов", а, с другой стороны, показывать себя поборниками законности, они для вида арестовали большого "липача" Хазана, который через короткое время спокойно ушел с работы... Внедряя приемы массового избиения арестованных, Кобулов сам принимал участие в избиениях по своему усмотрению и показывал следователям свою сноровку в этом» (том л.д.).

Зная об этих преступлениях Берия, Кобулова и Гоглидзе, Мильштейн помогал им скрывать от партии совершенные преступления и, продолжая работать с Берия, сам исполнял его преступные поручения.

В конце 1938 года при помощи обмана и различных карьеристских махинаций Берия удалось пробраться на пост народного комиссара внутренних дел СССР. Сразу же после этого Берия принял меры для назначения своих соучастников по преступной деятельности на ряд руководящих должностей в аппарате НКВД СССР и на периферии. Уже в декабре 1938 года Мильштейн, прибыв в Москву, был назначен Берия вначале на должность заместителя начальника следчасти НКВД СССР, а в марте 1939 года — начальником Главного транспортного управления НКВД СССР.

Как показал Мильштейн, в связи с разделением в феврале 1941 г. НКВД на два наркомата и переходом Транспортного управления в систему НКГБ, он был в том же феврале месяце по рекомендации Берия назначен заместителем наркома лесной промышленности и был в этой должности до момента слияния НКВД и НКГБ СССР.

В августе 1941 года при содействии Берия Мильштейн назначается заместителем начальника управления особых отделов НКВД СССР, а в 1942 году вновь назначается начальником транспортного управления НКВД СССР, оставаясь в непосредственном подчинении Берия, а с 1943 года — в подчинении Меркулова.

После освобождения Берия и Меркулова от должности наркомов внутренних дел и госбезопасности, в 1947 году Мильштейн из органов МГБ увольняется.

При содействии Берия в 1947 г. Мильштейн назначается начальником Казанской железной дороги, откуда он был уволен в ноябре 1950 года. После этого Мильштейн долгое время не мог получить работы. Тогда снова на помощь Мильштейну приходит Берия. Мильштейн обратился с личным письмом к Берия — в Совет Министров и на квартиру, затем обратился с письмом к жене Берия — Берия Н.Т., в котором он писал:

«Нина Теймуразовна!

Боюсь быть надоедливым, но так мучительно сидеть без дела (а я уже не работаю третий месяц), что все же решился Вам снова написать. Очень прошу Вас напомнить обо мне Лаврентию Павловичу насчет посылки на работу в систему МВД.

Для меня это сейчас важнейший вопрос жизни, и я прошу Вашей поддержки.

Шлю горячий привет Вам, Лаврентию Павловичу, Серго и желаю Вам самого лучшего в жизни.

Вам Мильштейн С.Р.»

Письмо это имело успех, и по указанию Берия Мильштейн получил назначение на должность первого заместителя начальника Управления ИТЛ и строительства железных рудников МВД в г. Красноярске, где и работал до 1953 года.

Уезжая на новую работу, полученную с помощью Берия, Мильштейн счел своим долгом написать его жене:

«Дорогая Нина Теймуразовна!

Разрешите от всей души поблагодарить Вас за поддержку, за чуткое отношение ко мне.

Вы человек большой и красивой души, настоящий человек во всем его благородстве и возвышенном понимании!

Уезжая на новую работу по линии МВД, я хочу пожелать Вам и всей Вашей семье много лет здоровья, счастья и успехов.

Ваш Мильштейн С.Р.

29.VIII.1951 г.»

Допрошенный по делу обвиняемый Мильштейн подтвердил, что вызов его из Грузии и назначение в аппарат НКВД СССР произведен был по инициативе Берия; он подтвердил также, что на должность зам. министра лесной промышленности он был рекомендован Берия; подтвердил, что в 1951 г. обращался с личными письмами к Берия и его жене, в результате чего ему удалось снова вернуться в органы МВД.

Об этом же дали показания арестованные участники заговорщической группы и некоторые свидетели. Эти же арестованные и свидетели охарактеризовали взаимоотношения Мильштейна и Берия в период 1938—1953 г.г.

Свидетель Цепков на допросе 27 августа 1953 г. показал:

«Мне известно, что в 1938 г., когда Берия приехал в Москву и вскоре стал наркомом внутренних дел СССР, он привез с собой группу работников из Грузии, в которую входили: Кобулов Б., Меркулов, Мильштейн, Какучая, Шария, Деканозов, Церетели, Цанава, Гоглидзе и другие. Все эти работники были поставлены Берия на руководящие посты как в центре, так и на периферии. В последующие годы я убедился в том, что все эти лица были доверенными людьми Берия, которые проводили в жизнь все его указания» (том л.д.).

Свидетель Шиян, давая 17 июля 1953 г. показания о Берия, заявил:

«Из Грузии им были отозваны братья Кобуловы, Богдан и Амаяк, Деканозов, Мильштейн, Мамулов, Шария, Гоглидзе, Цанава, Церетели, Гвишиани, Капанадзе и ряд других лиц. На протяжении всей своей работы Берия выдвигал этих лиц, передвигая их по службе за собой, они были его хвостами и особо доверенными людьми...» (том л.д.).

Осужденный враг народа Деканозов на следствии 2 ноября 1953 года показал:

«Мильштейн был рабски передан Берия, который относился к нему с большим вниманием и выделял его из числа даже руководящих работников наркомата внутренних дел. Мильштейн умел льстить Берия, что последнему направилось. Так, в разговоре с Берия, Мильштейн нередко употреблял такие выражения, как например: "Вы, Лаврентий Павлович, правильно нас учили" или "Вы, Лаврентий Павлович, правильно тогда предусмотрели" и т.д.» (том л.д.).

Арестованный Броверман 15 января 1954 г. показал:

«Особо близкий человек Берия — генерал Мильштейн, работавший с Берия еще в Закавказье...

Этот же Мильштейн постоянно величал Берия не иначе как "товарищ Лаврентий", а Меркулова — "Сева"» (том л.д.).

Осужденный враг народа Кобулов Б. 7 декабря 1953 г. показал:

«...В конце 1938 г. или в начале 1939 г. Берия перевел Мильштейна в Москву.

...После ухода Берия из НКВД Мильштейн был уволен из органов, однако вскоре был устроен при помощи Берия в системе МПС, над которым шефствовал Берия, а затем на одну из строек спецназначения, над которой также шефствовал Берия» (том л.д.).

Свидетель Пронин И.Ф., работавший в течение четырех лет заместителем Мильштейна в бытность начальником Главного транспортного управления НКВД СССР, 9 марта 1954 г., показал:

«...Мильштейн относился к числу близких к Берия людей, пользовался его поддержкой, неоднократно повышался без достаточных оснований по службе, незаслуженно получал от Берия всякие поощрения и льготы. Эта близость сложилась, видимо, в течение долгих лет, что было видно хотя бы потому, как Мильштейн обращался по службе к Берия, называя его по имени. Вообще, обращало на себя внимание то, что Мильштейн почти никогда не получал от Берия отказа в своих как личных, так и служебных просьбах...

...В свою очередь, Мильштейн при всяком удобном случае всячески восхвалял Берия, изображая его как особо одаренного государственного и политического деятеля и опытнейшего чекиста...» (том л.д.).

Свидетель Поташов А.И., работавший вместе с Мильштейном в Транспортном управлении НКВД—НКГБ СССР с 1939 по 1946 гг., 9 июня 1954 года показал:

«О Мильштейне могу сообщить следующее. Он сам, а также близко соприкасавшиеся с ним, подчеркивали особую близость Мильштейна к Берия и его окружению. Этим давалось понять, что Мильштейн, якобы в прошлом работавший в аппарате Берия на Кавказе, являлся человеком, облеченным особым его доверием.

Мильштейн пользовался случаем при разговорах с Меркуловым, Кобуловым, Гоглидзе по телефону, в присутствии подчиненных, показать свое короткое знакомство с этими лицами. Так, например, в моем присутствии Мильштейн, разговаривая по телефону с Меркуловым, называл его по имени "Сева", а говоря с Берия, называл его "товарищ Лаврентий". В аппарате было известно, что Мильштейн пользовался всяческой поддержкой этих лиц» (том л.д.).

О близких отношениях Мильштейна и Берия после 1938 года показал и ряд других допрошенных по делу лиц.

Мильштейн, работая в НКВД СССР с 1938 по 1947 год, был по-прежнему рабски предан Берия и в ряде случаев выполнял его преступные поручения.

В процессе следствия по делу Берия было установлено, что он в 1936—1938 г.г. в Грузии собирал провокационные материалы в отношении Серго Орджоникидзе, а после его смерти жестоко расправился со всеми его родственниками.

Как уже было сказано, Мильштейн еще в Грузии был в курсе этой провокационной деятельности Берия. Наряду с этим провокационные материалы в отношении Серго Орджоникидзе собирались в НКВД СССР при Ежове, в связи с чем в 1937 г. были арестованы секретари С. Орджоникидзе — Семушкин и Маховер, и от них следователи вымогали показания, которые могли быть использованы для компрометации С. Орджоникидзе. После того как Берия был назначен наркомом внутренних дел СССР, следствие по этим делам продолжалось, и от арестованных продолжали вымогать показания в отношении С. Орджоникидзе.

Работая в январе-марте 1939 г. заместителем начальника следственной части НКВД СССР, Мильштейн был в курсе одного из указанных выше дел на Маховера. Мильштейн признал, что 13 января 1939 года он лично утвердил постановление о продлении срока следствия по этому делу. Утверждая постановление, Мильштейн, естественно, не мог не знать содержание материалов этого дела. Осмотр этого дела показывает, что от Маховера вымогались показания, которые компрометировали деятеля Коммунистической партии Советского Союза — Серго Орджоникидзе.

В августе 1942 г. Мильштейн в г. Махачкала выполнил явно незаконное распоряжение Берия о расстреле тринадцати осужденных к ВМН до утверждения вынесенных в отношении их приговоров Верховным судом СССР. К делу приобщены четыре подлинных приказания, подписанные Мильштейном 16, 18, 19 и 20 августа 1942 г. о расстреле этих осужденных, со ссылкой в письменных приказаниях на «специальные указания» Берия. Как оказалось, в отношении трех осужденных — Алтухова И.В., Минтяк С.А. и

Иванова В.А. Верховный суд СССР и Верховный Совет СССР приговоры с ВМН не утвердили, и наказание в отношении их было заменено лишением свободы, о чем в сентябре 1942 г. председатель военного трибунала сообщил в НКВД Дагестанской АССР.

Таким образом, расстрел этих трех осужденных явился преступным актом, осуществленным по прямому приказанию Мильштейна. В данном случае Мильштейн действовал теми же методами, как и главарь заговорщической группы Берия, злодейски уничтоживший в октябре 1941 года 25 чел. следственно-арестованных.

На допросе 27 апреля 1954 г. Мильштейн по этому поводу показал:

«Я виноват в том, что лично не проверил, утверждены ли приговоры к ВМН Верховным судом СССР, в результате чего оказалось, что Алтухов, Минтяк и Иванов были расстреляны неправильно, так как в последующем наказание им было заметно лишением свободы» (том л.д.).

Ссылка Мильштейна на то, что он не знал, были ли утверждены приговоры в отношении осужденных к ВМН, — неосновательна.

Допрошенный по этому поводу 3 апреля 1954 г. бывш. начальник I спецотдела Дагестанской АССР Якименко показал:

«... Мильштейн и Медведев не только знали, что приговоры еще не утверждены, а говорили об этом, и на их приведение в исполнение без утверждения имели особые полномочия ГКО СССР» (том л.д.).

Фактически же Мильштейн никаких полномочий ГКО не имел, а выполнял преступное распоряжение Берия.

Работая начальником Главного транспортного управления НКВД СССР, Мильштейн, пользуясь покровительством Берия, допускал ряд грубейших нарушений законности, за что к ответственности не привлекался.

Так, указанный выше свидетель Пронин 9 марта 1954 г. показал:

«По работе Мильштейн характерен был тем, что требовал от аппарата реализации и разработки сомнительных, неподготовленных материалов и агентурных данных в погоне за количественными показателями в ущерб их качеству» (том л.д.).

Свидетель Поташов, длительное время работавший начальником следственного отдела Главного транспортного управления в бытность Мильштейна начальником этого управления, 9 июня 1954 г. показал:

«В оценке работы подчиненных сотрудников у Мильштейна имели значение только количественные показатели: количество арестов, количество вербовок агентуры, количество заведенных агентурных разработок, формуляров и т.п. Такое постоянное давление на аппарат было по существу направлено к натяжке и фальсификации как в агентурной, так и в следственной работе.

Без нужды создавалась непомерно большая агентурно-осведомительная сеть. Получила большое распространение практика допросов агентуры в качестве свидетелей, некоторых агентов толкали на путь провокации. Реализовывались недоработанные агентурные дела и формуляры...

Мильштейн благожелательно воспринимал совершенно очевидные натяжки в агентурной и следственной работе. Всякое сомнение в материалах обвинениях квалифицировалось им как "потеря чекистской остроты", "либерализм" и проч. Тот, кто был способен дать "модное" дело, т.е. дело, о котором можно было бы "пошуметь", написать спецсообщение, пользовался расположением и покровительством Мильштейна.

Необъективность Мильштейна приводила к многочисленным конфликтам между следственной частью и агентурными отделами при реализации дел; подтасовка агентурных материалов по реализуемым делам получала одобрение и поддержку Мильштейна.

На следователей Мильштейн оказывал давление путем выражения своей неудовлетворенности уровнем расследования дел: ничем не обоснованные подозрения, по его мнению, должны быть претворены в "признаниях"» (том л.д.).

Свидетель Железко Н.П., ныне работающий начальником следственного отдела Транспортного управления КГБ при Совете Министров СССР, а при Мильштейне работавший следователем следотдела, 14 июня 1954 г. показал:

«Более четырех лет работая рядовым следователем, мне приходилось быть свидетелем порочных методов работы бывш. начальника этого управления Мильштейна С.Р.

Систематически, почти каждый месяц, в кабинет Мильштейна вызывались все работники следственного отдела, где Мильштейн под видом заслушивания отчетов следователей о проделанной ими работе по существу производил "накачку" и бранил работников за то, что некоторые арестованные не приведены к признанию. Он требовал от следователей обязательного приведения к признанию арестованных, независимо от наличия вины. Я не помню ни одного случая в этот период, чтобы арестованный в результате объективного разбора дела был освобожден из-под стражи. По указанию Мильштейна принимались меры, допрашивалась агентура, чтобы не допустить освобождение невинного, так называемого "брака в работе".

Было широко распространено предъявление обвинения по ст. 58-11 УК РСФСР арестованным без установленных организационных связей, а лишь на том основании, что арестованные несколько раз встречались или вели разговоры в одной комнате на службе, по существу искусственно, на бумаге создавались антисоветские группы.

Мильштейном поощрялись сотрудники, допускавшие фальсификацию и провокационные методы в работе...» (том л.д.).

Аналогичные показания дали также б. сотрудники Транспортного управления НКВД СССР Гунер В.В. и Дубровин С.С.

О преступной практике Мильштейна в бытность его начальником Транспортного управления НКВД—НКГБ СССР арестованный сотрудник секретариата МГБ СССР Броверман 18 февраля 1954 г. показал:

«В конце 1946 или начале 1947 года при проверке следственной работы Транспортного отдела МГБ одной из железных дорог в Харькове или Донбассе (точно не помню) бригадой МГБ СССР, возглавлявшейся заместителем начальника следчасти по особо важным делам МГБ СССР Комаровым В.И., было установлено, что один из наиболее верных подручных Берия — Мильштейн С.Р. в бытность свою начальником Транспортного управления НКГБ СССР неофициальным путем заставлял работников транспортных органов НКГБ железных дорог планировать аресты и даже указывал заблаговременно контрольную цифру и количество арестов, которую должен был произвести в том или ином квартале чекистский орган» (том л.д.).

О том, что такая практика погони за наибольшим числом арестов независимо от того, насколько обоснованы эти аресты, исходила от Мильштейна, видно из следующих показаний свидетеля Поташова от 9 июня 1954 г.:

«Вредная практика руководства Мильштейна — погоня за количественными показателями — целиком распространялась и на подчиненные ему

транспортные отделы дорог. Все мы, и в том числе лично я, были неоднократно свидетелями того, как Мильштейн систематически ругал начальников ДТО “за снижение показателей работы”, за уменьшение количества арестов, за отсутствие “интересных” дел.

Результатом такого постоянного давления, на мой взгляд, явилось большое количество арестов на периферии не только рядовых железнодорожников, но и инженерно-технических работников» (том л.д.).

Вся эта преступная практика искусственного создания дел, фальсификации доказательств, постоянного давления на следственный аппарат с целью добиться «признания» арестованного, оценка работы подчиненных Мильштейну работников и органов по количеству арестов, количеству вербовок и количеству заведенных агентурных дел и формуляров — была составной частью преступной деятельности изменнической группы заговорщиков, возглавляемой Берия.

Как установлено приговором Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 г. по делу Берия и других участников заговорщической группы, «после кончины И.В. Сталина, делая ставку на общую активизацию реакционных империалистических сил против Советского государства, Берия перешел к форсированным действиям для осуществления своих антисоветских изменнических замыслов».

В марте 1953 г., став министром внутренних дел СССР, Берия, подготовляя захват власти и установление контрреволюционной диктатуры, стал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие должности как в центральном аппарате МВД, так и в его местных органах.

В числе других участников заговорщической группы Берия 15 марта 1953 г. вызвал из Красноярска и Мильштейна, назначив его заместителем министра внутренних дел Украинской ССР.

Еще до выезда к месту работу в г. Киев, Мильштейн вместе с врагом народа Мешиком по поручению Берия принял участие в комплектовании и подборе руководящих работников МВД на Украине.

О том, какими преступными методами производился подбор кадров МВД на Украину, и о роли в этом Мильштейна дал показания свидетель Строкач 4 июля 1953 года:

«После совещания мы пошли в кабинет к Обручникову и начали подбирать кандидатуры на должности начальником УМВД. Это происходило следующим образом. Мильштейн спрашивал у Обручникова — “Где сейчас Женя Рудаков? Назначить его начальником УМВД Одесской области”, далее говорил: “Где Володя Трубников? Назначить его начальником УМВД Тернопольской области” и т.д.

Кандидаты, названные Мильштейном и Мешиком, записывались в проект приказа. Когда Обручников, я или Ивашутин называли другие кандидатуры из числа лучших работников, то Мешик и Мильштейн отклоняли их одним словом — “это — милиционер”...

...Видя такой неправильный подход к подбору кадров, я и Ивашутин отказались принимать в нем участие и настаивали, чтобы эту работу провести в Киеве, согласовать кандидатуру с партийными органами, учесть при этом, что в УССР имеются хорошие начальники УМВД—УМГБ, которых можно оставить на работе. После этого дальнейшее обсуждение кандидатур было прекращено, но на подобранных Мешиком и Мильштейном кандидатов приказ был на следующий день подписан Берия без всякого согласования с местными партийными органами.

Из числа назначенных начальников УМВД ряд лиц был явно непригоден для этой работы, как например: Трубников, Бондаренко, которые уже ранее органами снимались с постов начальников УМВД—УМГБ за провал в работе и моральное разложение» (том л.д.).

Уже тот факт, что подбор и последующее назначение начальников УМВД Украинской ССР производилось без согласования с ЦК КП Украины, показывает, что Мешик и Мильштейн, выполняя преступное указание Берия, в первый же день своей работы на должностях министра и заместителя министра внутренних дел УССР практически проводили линию на противопоставление органов МВД партийным органам.

Эта линия продолжалась ими и в Киеве.

Свидетель Строкач показал:

«Следует отметить, что по прибытии в Киев Мешик и Мильштейн сразу же отстранили от работы направленных в МГБ УССР для укрепления ответственных партийных работников (зам. министра государственной безопасности по кадрам — быв. секретарь обкома партии Слонь, зам. министра госбезопасности УССР — быв. зав. отделом ЦК КП Украины Бровкина)».

Тот же свидетель Строкач показал и о высказываниях Мильштейна по вопросу взаимоотношений органов МВД с партийными органами:

«Характерно отменить, что у Мешика и Мильштейна в этом вопросе одна линия. Мильштейн вел такие же разговоры, как и Мешик.

В частности, в марте месяце с.г., находясь в приемной Кобулова Б.З. вместе с Мильштейном и Ивашутиным, я от него слышал, как он говорил, что "теперь все будет по-новому, партийные органы не будут вмешиваться в работу чекистских органов, как это было раньше, начальники УМВД областей будут независимы от секретаря обкома партии"» (том л.д.).

Изложив все известные ему обстоятельства о практической деятельности Мешика, Мильштейна и др. участников заговорщической группы по выполнению преступного указания Берия, свидетель Строкач показал:

«Изложенные выше факты привели меня к выводу о том, что действия Берия, Мешика, Мильштейна, Кобулова Б.З., Кобулова А.З. и других главарей этой банды есть единая линия противопоставления органов МВД — партии, стремление стать над партией и провести свои бонапартистские замыслы» (том л.д.).

Будучи допрошен по этому поводу, Мильштейн отрицал со своей стороны проведение линии на противопоставление органов МВД партийным органом. Вместе с тем Мильштейн в отношении Берия показал:

«Берия за время работы в МВД пытался поставить органы МВД в независимое от партии положение, пытался оградить органы МВД от контроля со стороны партии как в центре, так и на местах.

...Берия тех работников МВД, которые были присланы ЦК партии, старался выжить из аппарата МВД. К числу этих работников, в частности, относятся Бровкин и Слонь, работавшие на Украине.

...На совещании, имевшем место 19 марта 1953 г. по вопросу работы органов МВД в западных областях Украины, Берия в виде замечания сказал, что дело дошло до того, что в работу органов МВД вмешивается кто угодно. Мы поняли это указание как предстоящее возвращение к старой практике централизованного руководства органами МВД из Москвы, без вмешательства и контроля партийных органов и полагали, что по этому вопросу будет указание ЦК партии, но такого указания не последовало» (том л.д.).

Понимая, таким образом, что эти действия Берия были прямо направлены против партии, Мильштейн, как участник изменческой группы заговорщиков, разделял антипартийную установку Берия и, работая заместителем министра внутренних дел УССР, практически вместе с Мешиком проводил ее в жизнь.

Предварительным и судебным следствием по делу врагов народа Берия, Кобулова, Мешика и др. было установлено, что в антисоветских, изменнических целях Берия и его сообщники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать остатки буржуазно-националичтических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

Следствием по настоящему делу установлено, что Мильштейн вместе с Мешиком, выполняя преступные указания Берия по приезде в Киев, повели линию на активизацию подрывных националистических элементов и, в частности, оуновского подполья.

Мильштейн и Мешик под предлогом усиления борьбы с агентурой Ватикана выступили с проектом легализации базы оуновского подполья — униатской церкви и возвращения на Украину в качестве главы этой церкви — установленного агента Ватикана иезуита Иосифа Слепого.

Свидетель Сухонин, работавший начальником отдела МВД УССР и непосредственно ведавший вопросами борьбы с униатами, на допросе 21 августа 1953 года показал:

«Прослушав мою информацию, Мильштейн заявил, что агентурно-оперативная работа строится неправильно. Проводимые мероприятия по изъятию враждебного элемента из числа бывших униатов он квалифицировал как перегибы в работе, указав на то, что в настоящее время надо проводить работу на приближение духовенства к советской власти, заставить это духовенство переменить образ мысли и работать в пользу нас.

Далее Мильштейн заявил, что на Украине допускались большие перегибы в работе органов МГБ—МВД. Результатом такого перегиба явилась ликвидация униатской церкви в западных областях...

Мильштейн не согласился с моими доводами и заявил, что он остается при своем мнении и считает, что ликвидация униатской церкви является политически вредным мероприятием и не была поддержана украинским населением...

После этого Мильштейн дал мне указание составить план дальнейшей работы по униатам, в котором предусмотреть вопрос о возрождении униатской церкви на Украине.

Я возразил против такого указания, заявил, что возрождать церковь нельзя, так как не вижу пользы, а только вред.

Мильштейн мне заявил, что надо меньше рассуждать. На этом наша беседа закончилась» (том л.д.).

Проект Мешика и Мильштейна встретил единодушное отрицательное отношение со стороны всех работников МВД УССР, проводивших работу против контрреволюционного оуновского подполья.

Свидетель Сухонин на вопрос о том, как он расценил указания Мешика и Мильштейн о возрождении униатской церкви, показал:

«Я расценил эти указания Мешика и Мильштейна как вредные для дела, так как возрождение униатской церкви должно было повлечь за собой воз-

рождение базы оуновского подполья, активизацию буржуазных националистов за границей».

Свидетель Шелкунов — заместитель начальника 6 отдела МВД УССР на этот вопрос 18 августа 1953 г. ответил так:

«Указания Мильштейна в части возрождения на Украине униатской церкви считаю неправильными и даже враждебными, т.к. выполнение этих указаний привело бы к значительной активизации подрывной деятельности униатов как внутри Советского Союза, так и за рубежом против СССР» (том л.д.).

В мае 1953 года 4 Управлением МВД УССР было проведено совещание сотрудников УМВД областей, работающих по униатской церкви. Заключительная часть этого совещания проводилась Мильштейном. На совещании некоторые из работников УМВД областей привели отдельные факты нарушения советских законов представителями местной власти в отношении духовенства и религиозных общин.

Как показал свидетель Шелкунов, Мильштейн здесь же на совещании дал задание — через агентуру организовать подачу жалоб духовенством в Совет Министров УССР, а копии этих жалоб представить в МВД УССР.

В результате этого вскоре после совещания последовали жалобы в Управление православной церкви при Совете Министров УССР от епископов Станиславской, Закарпатской, Дрогобычской областей.

Свидетель Жуков Г.С. — начальник 2 отдела 4 Управления МВД СССР, будучи допрошен по этим же вопросам 7 августа 1953 года, показал:

«Во время пребывания в командировке в Киеве в конце июля 1953 года мне стало известно о том, что Мешик и Мильштейн спровоцировали епископов западных епархий подать суммированные за три года заявления об обидах, якобы нанесенных духовенству местными органами власти. Такого рода действия, безусловно, способствовали оживлению антисоветской активности враждебных националистических элементов в западных областях Украины» (том л.д.).

Будучи допрошен по этому поводу, Мильштейн заявил, что указаний о разработке плана по возрождению униатской церкви и указаний об организации подачи жалоб епископами западных областей УССР он не давал. Вместе с этим он показал:

«Показания Сухонина я подтверждаю только в той части, что я действительно говорил о необходимости приблизить униатское духовенство к советской власти, вывести униатских священников из подполья и подчинить их советскому влиянию. Речь шла о ликвидации перегибов, т.е. допущенного массового изъятия бывшего униатского духовенства» (том л.д.).

Тогда же по поводу подачи жалоб Мильштейн показал:

«Получив на совещании от присутствующих сведения о том, что епископы, наши агенты, заявляют работникам наших органов о допускаемых на местах перегибах в налоговом обложении, я сказал, что нужно им сообщить, чтобы они написали жалобы Уполномоченному Совета по делам русской православной церкви по УССР, а УМВД выслали нам копии этих жалоб и результаты их проверки» (том л.д.).

Таким образом, Мильштейн по существу признал, что репрессии в отношении униатов им расценивались как перегибы в работе органов МВД. Точно так же Мильштейн фактически признал, что им были даны указания работникам МВД об организации подачи жалоб духовенством западных областей УССР.

Изложенная выше преступная деятельность Мильштейна по активизации буржуазных националистических элементов и духовенства проводилась в целях подрыва морально-политического единства советского народа и являлась составной частью преступного плана заговорщической группы по захвату власти и ликвидации советского строя.

В соответствии с изложенными выше обстоятельствами дела Мильштейн С.Р. был привлечен в количество обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1 п. «б» и 58-11 УК РСФСР.

Допрошенный на предварительном следствии обвиняемый Мильштейн С.Р. виновным себя в предъявленных ему обвинениях не признал, заявив лишь, что должен нести ответственность за факт незаконного расстрела в 1942 г. трех осужденных, объяснив это допущенной им халатностью при подписании приказаний об их расстреле. Показания свидетелей, изобличавших его в совершении других преступлений, голословно отрицал.

Однако виновность его доказывается:

I. Показаниями осужденных и арестованных участников заговорщической группы: Кобулова Б.З., Деканозова В.Г., Гоглидзе С.А., Рапава А.Н., Цатурова Г.А., Мамулова С.С., Хазан А.С., Савицкого К.С., Надарая С.Н., Мичурина-Равера М.Л., Кобулова А.З., Берия Н.Т., Бровермана Я.М., Матарадзе Д.А., Максимелишвили В.М., Рыбак И.М.

II. Показаниями свидетелей: Пронина И.Ф., Строкача Т.А., Обручникова Б.П., Шиян В.В., Родованского И.И., Керкадзе М.И., Шафирова Г.Х., Якобашвили М.А., Гульст В.Н., Визель Ю.С., Цепкова В.Г., Дмитриева А.С., Поташева А.И., Железко Н.В., Гунера В.В., Дубровина С.С.

III. Приобщенными к делу документами.

На основании изложенного

Мильштейн Соломон Рафаилович, 1899 года рождения, уроженец г. Вильно, еврей, образование среднее, женат, член КПСС с 1929 года, перед арестом — заместитель министра внутренних дел Украинской ССР, воинское звание генерал-лейтенант, отец работал мастером-подрядчиком на железной дороге, прибегал к наемной рабочей силе, мать имела пошивочную мастерскую с 3—4 подмастерьями, родители в 1922 году выехали в США, где проживали до этого и другие их родственники, родной брат Илья, проживавший до 1936 года в Польше, расстрелян в СССР в 1937 году за шпионаж,

обвиняется в том, что:

I. является участником преступной изменнической группы заговорщиков, возглавляемой Берия, ставившей своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел как в центре, так и на местах против Коммунистической партии и Правительства СССР в интересах иностранного капитала, стремившейся в своих вероломных замыслах поставить Министерство внутренних дел над Партией и Правительством для захвата власти и ликвидации советского рабочее-крестьянского строя в целях реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии;

II. работая в Грузии более десяти лет личным секретарем и помощником Берия, будучи близким и доверенным лицом Берия, совместно с другими участниками заговорщической группы, участвовал в преступной, изменнической деятельности Берия, содействовал его карьеристическим целям, скрывал от партии известные ему факты террористических расправ Берия с неугодными ему людьми;

III. будучи назначен Берия в 1938 году заместителем начальника следственной части, а в 1939 году начальником Транспортного управления НКВД

СССР и работая в этой должности в течение семи лет, Мильштейн выполнял преступные указания Берия и практически осуществлял контрреволюционные цели изменнической группы заговорщиков: в 1942 году в г. Махач-Кала по указанию Берия незаконно расстрелял трех осужденных, в отношении которых Верховным Судом СССР наказание было определено в виде лишения свободы, ориентировал подчиненных работников на производство массовых арестов, расширение агентурно-осведомительной сети, фальсификацию уголовных дел, что приводило к необоснованному осуждению честных советских людей и искусственному созданию дел по обвинению в тяжких контрреволюционных преступлениях;

IV. работая в должности заместителя министра внутренних дел УССР в 1953 году, выполняя преступные указания Берия, противопоставлял органы МВД партийным органам и принял непосредственное участие в попытке активизировать антисоветскую деятельность украинских националистов для подрыва дружбы народов и морально-политического единства советского общества, то есть в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 п. «б» и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Настоящее дело подлежит рассмотрению Военной коллегией Верховного Суда СССР.

Обвинительное заключение составлено в г. Москве « » июля 1954 г.

ст. помощник Главного военного прокурора
полковник юстиции УСПЕНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 71—103. Копия. Машинопись.

№ 133
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О БЫВШЕМ 1-М СЕКРЕТАРЕ ЦК КП АРМЕНИИ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КПК ПРИ ЦК КПСС И ОТДЕЛА ПАРТОРГАНОВ И ЛИЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ АРУТИНОВА Г.А.[1]

2 сентября 1954 г.

П 81/ XXV

О т. Арутинове Г.А.

Утвердить предложение Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС и Отдела парторганов ЦК КПСС по союзным республикам об объявлении т. Арутинову Г.А. строгого выговора с предупреждением и занесением в учетную карточку.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

Постановлением Секретариата ЦК КПСС Комитету Партийного Контроля и Отделу партийных, профсоюзных и комсомольских органов поручено рассмотреть поступившие материалы о непартийном поведении бывшего первого секретаря ЦК КП Армении т. Арутинова Г.А. и свои предложения внести в ЦК.

---

[1] На листе имеется рукописная помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС 25.VIII.54».

Проверкой и личными его признаниями выяснено, что т. Арутинов подхалимничал, проявлял угодничество перед Берия. Для него посылались подарки, в республике насаждался культ Берия: он избирался в советские и партийные органы, его именем были названы колхозы, организовывалась посылка ему многочисленных приветственных писем и телеграмм, он всячески рекламировался в печати и устной пропаганде.

Тов. Арутинов подхалимничал и перед Кобуловым: без всяких к тому оснований, не спросив ЦК, он выдвинул кандидатуру Кобулова в состав депутатов Верховного Совета СССР при выборах 1946 года.

Как теперь выяснилось, что подтвердил и Арутинов, во время заседаний XVII партсъезда в его присутствии происходил разговор Орджоникидзе Г.К., который упрекал Берия за систематическое преследование и травлю им товарищей (Кахиани, Торошелидзе и др.), которых хорошо знал Орджоникидзе. Об этом факте он не сообщил в Центральный Комитет партии.

Будучи секретарем ЦК КП Армении, т. Арутинов вел себя недостойно. В местной печати рекламировался как «лучший соратник и помощник Берия». Поощрял чуждые партии нравы, когда на заседаниях, конференциях и совещаниях в его адрес принимались приветственные письма, посылались поздравительные телеграммы и рапорты, его портреты издавались массовыми тиражами, развешивались в учреждениях и организациях и выносились во время демонстраций, его именем были названы 17 колхозов.

Установлено, что после июльского Пленума ЦК КПСС 1953 г. т. Арутинов повел себя неправильно: вместо того, чтобы мобилизовать парторганизацию в связи с делом врага народа Берия на вскрытие и устранение имевшихся в Армении серьезных недостатков, Арутинов стал на путь зажима критики.

На объединенном пленуме ЦК и Ереванского горкома компартии Армении в июле 1953 г. он обвинил членов КПСС, выступивших с критикой его неправильного поведения, в клевете и распространении «дашнакских вымыслов», а 17 июля по его настоянию было принято решение бюро ЦК, в котором правильная критика недостатков работы ЦК КП Армении квалифицировалась как «охаивание достижений республики», а коммунисты, выступившие с критикой т. Арутинова, огульно обвинены в «национализме».

Кроме того т. Арутинов был крайне нескромен в быту: допускал большие затраты государственных средств на содержание и обслуживание занимавшихся им в Ереване двух особняков и числившихся за ним двух квартир в Тбилиси и Москве.

Тов. Арутинов, используя служебное положение, незаконно получал из издательств гонорар за опубликованные в печати официальные материалы ЦК Компартии Армении.

Так, за 1949—1952 гг. из редакции журнала «Партикян Кянк» и Госиздата республики он получил гонорар в сумме 66,3 тыс. руб. за опубликование отчетных докладов ЦК на съездах Компартии Армении и доклада на пленуме ЦК КП Армении. С полученных им сумм не платил членских партийных взносов.

Следует также отметить, что т. Арутинов в 1924 г., когда он учился в институте народного хозяйства в Москве, при проверке вузовских парторганизаций Комиссией по чистке исключался из членов партии «как балласт» и затем был восстановлен.

Объяснения т. Арутинова прилагаются.

Тов. Арутинов за непартийное поведение заслуживает исключения из партии. Но, учитывая, что т. Арутинов за эти серьезные политические ошибки снят с поста секретаря ЦК КП Армении, выведен из состава членов ЦК

Компартии Армении и ЦК КПСС и что в своем заявлении он просит Центральный Комитет оказать ему партийное доверие — оставить в партии и обещает оправдать это доверие на выполняемой им в настоящее время низовой работе в качестве директора совхоза, считали бы возможным внести следующее предложение: объявить т. Арутинову строгий выговор с занесением в учетную карточку.

П. КОМАРОВ
ГРОМОВ

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС
товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

ЦК КП Армении и некоторые первичные партийные организации выдвинули против меня обвинения, которые рассматривались 26 июля на заседании КПК при ЦК КПСС. На этом заседании высказывали сомнение в искренности моего выступления на июльском Пленуме ЦК, когда обсуждался вопрос о Берия. В связи с этим считаю необходимым довести до сведения ЦК КПСС мое отношение к делу Берия и к тем обвинениям, которые против меня выдвинуты.

На Пленуме ЦК КПСС я выразил чистосердечно то, что думал и думаю о государственных преступлениях Берия и его приспешников. Своевременные меры, принятые ЦК КПСС против врага народа Берия, я расценил, как расценили все члены партии, как устранение наивысшей угрозы коллективному руководству партии после смерти т. Сталина. Меры, принятые партией и правительством против Берия, я расценил как удар, нанесенный новым попыткам международной реакции реставрировать капитализм в Советском Союзе.

Это мое твердое и искреннее мнение о преступлениях Берия и о мерах принятых партией и правительством по ликвидации последствий его вражеской работы. Товарищи, высказывающие сомнения в моей искренности, видимо, исходят из того, что я раньше, в период работы в Грузии с 1931 года по сентябрь 1937 года работал в ЦК Грузии в качестве зав. оргинстротделом ЦК, а затем с 1934 года секретарем Тбилисского комитета партии. В этот период секретарем ЦК Грузии и Заккрайкома был Берия. Я его знал, часто встречался с ним и был в хороших отношениях. Я не мог в тот период распознать действительное лицо Берия, он был скрытный и работал замкнуто, никого не подпускал к вопросам, касающимся работы МВД Грузии, через которое он действовал и аппарат которого использовал в преступных целях.

Только на июльском Пленуме ЦК после ознакомления с материалами о вражеской работе Берия и с методами, которые применял в отношении руководителей партии и правительства, я вспомнил, что он такие же козни строил против т. Орджоникидзе Серго. Я случайно присутствовал, когда между заседаниями 17-го съезда т. Орджоникидзе С. упрекал Берия в том, что он (Берия) преследует всех тех лиц, которые бывают у него, и что Берия пытается дискредитировать т. Орджоникидзе в Грузии. При этом т. Орджоникидзе называл фамилии Кахиани П., Торошелидзе и др., которых Берия систематически травит и преследует. Значение этого разговора т. Орджоникидзе с Берия я понял только после Пленума ЦК, на котором обсуждалось дело Берия, и убедился, что и раньше он провоцировал и интриговал руководителей партии. Теперь стало мне ясно и его отношение к партийным кадрам Грузии, в особенности к тем, которые неполностью признавали его как секретаря ЦК Грузии, опасаясь, что, перейдя на работу из МВД в ЦК, будет применять «чекистские методы» в парторганизации.

В конце 1937 года без обсуждения в ЦК Грузии арестовал ряд лиц, которые отличались своей партийностью как, например, Дарахвелидзе В., Кекелия А. и др. Многие работники преследовались им, несмотря на то, что никаких обвинений против них не выдвигалось.

Чем объясняется, что никто не мог, в том числе и я, правильно оценить действия Берия в Грузии и сообщить об этом в ЦК ВКП(б).

Объяснить это можно только той атмосферой, которая была создана самим Берия и его приспешниками из МВД Грузии. Они упорно внедряли мысли, что Берия пользуется полным доверием ЦК ВКП(б) и т. Сталина, что Берия является лучшим проводником директив Правительства и т. Сталина, что все вопросы, которые ставятся им в Грузии, исходят из указаний т. Сталина.

Упорное муссирование таких слухов создало обстановку доверия к Берия и выполнения его указаний всеми работниками, в том числе и мною.

В такой обстановке невозможно было трезво и принципиально подойти к тем вопросам, которые стояли в тот период перед партийной организацией Грузии.

В этом я чувствую свою вину и ответственность перед партией.

В сентябре 1937 г. я переехал на работу в Армению и непосредственного отношения к Берия я не имел, редко встречался с ним. Он не вмешивался в вопросы Армении. Я ни один вопрос не вносил в Правительство или в ЦК при помощи Берия и не пользовался тем, что я раньше работал с ним. Меня обвиняют в том, что в период работы секретарем ЦК Армении я насаждал культ Берия, называя его именем колхозы, улицы и район.

Раздувание авторитета Берия как признанного руководителя большевиков Закавказья распространилось и на Армению задолго до моего переезда в Армению.

Еще до моего приезда в Армению многие организации и учреждения назывались его именем, например, дом пропагандиста Ереванского городского комитета партии, республиканская партийная школа и целый ряд колхозов и совхозов. При мне были названы его именем улица в городе Ереване и пригородный район. При мне действительно Берия избирался в Верховный Совет и ЦК КП Армении и в других выборных организациях.

Это моя ошибка, и за это я несу ответственность. После закрытого письма ЦК КПСС лишь понял я всю вредность и непартийность создания культа личности, который принижает руководящую роль партии и роль советского народа в строительстве коммунизма, тем более культа Берия, который не был связан с Арменией даже в период работы его секретарем Заккрайкома.

Я откровенно изложил свои отношения к Берия, как в период работы в Грузии, так и за период работы в Армении. Были у меня ошибки, но это не дает основания обвинять меня в неискренности перед партией и перед Центральным Комитетом КПСС.

Я признаю, что обсуждение закрытого письма ЦК КПСС проходило на пленуме ЦК Армении неудовлетворительно, не было развернутой критики и самокритики работы ЦК КП Армении и его бюро.

Грубая ошибка была допущена мною, когда при обсуждении хода проработки закрытого письма ЦК на бюро ЦК Армении было принято решение, оценивающее некоторые критические выступления членов партии в адрес ЦК Армении и его первого секретаря как националистические.

Это постановление бюро ЦК Армении не только не помогло широкому критическому обсуждению положения дел в Армении и руководства ЦК, но

по существу зажимало критику и прикрывало ошибки в работе первого секретаря ЦК Армении.

Свою грубую политическую ошибку я понял после обсуждения этого вопроса на заседании Секретариата ЦК КПСС. Правильно меня критиковали в отношении ошибок, допущенных при выдвижении кадров; что б. председателя Совмина т. Карапетяна С. надо было раньше снять с работы и привлечь его к партийной ответственности за сокрытие кулацкого происхождения, что б. председатель Президиума Верховного Совета Армении т. Папян М. недостаточно грамотный и что он не пользуется достаточным авторитетом, чтобы занимать такой высокий пост. Были ошибки допущены при назначении Корхмазяна, Кримяна, Ишханова и др.

Обвиняют меня в том, что в 1939 году дал санкцию на арест без достаточного изучения материалов по обвинению Меликяна в подготовке террористического акта. Расследование этого дела вело МВД Армении, которое обвиняло Меликяна, что он состоял в нелегальной антисоветской группе, от которой имел задание совершить террористический акт над тов. Микояном во время нахождения его в Армении. В деле имелись показания ряда лиц, ранее арестованных за антисоветскую деятельность, и признание самого Меликяна. Когда Заквоентрибунал нашел преступление недоказанным, я написал в МВД СССР к Берия о неправильном решении трибунала. В результате этого Особое совещание при МВД осудило его на 8 лет. Мое вмешательство в это дело объясняется тем, что 1937—1939 гг. были строгие директивы о пресечении в корне террористических действий против представителей партии и правительства. В настоящее время ряд дел пересмотрен и пересматриваются дела Меликяна, Мурадяна и др., признанные недоказанными, состряпанными аппаратом МВД.

Свою ошибку нахожу в том, что к материалам обвинения отдельных лиц со стороны МВД республики не относился критически, как это делается в настоящее время, после соответствующего указания ЦК КПСС.

Выдвижение Кобулова кандидатом в депутаты в Верховный Совет СССР в 1946 г. произошло при следующих обстоятельствах. В Совет национальностей Верховного Совета СССР Армения выбирала, кроме руководителей партии и правительства, также армян, работающих в Москве, избирались т. Алабян, т. Коштоянц, т. Овакимян и др., в 1946 г. была выдвинута и кандидатура Кобулова — ныне разоблаченного и осужденного врага народа. По этому вопросу никаких предложений ни от кого из центра к нам не было, и эта ошибка допущена нами в ЦК Армении.

Против меня выдвинуто обвинение, что я допускал излишества, имея квартиру из 5 комнат в г. Ереване, дачу и квартиру при постпредстве Армении в Москве из 4 комнат.

В 1943 году я тяжело заболел, в результате этого началась у меня сахарная болезнь, требующая ежедневного измерения количества сахара в принимаемой пище. В связи с этим с 1946 года я останавливался на квартире в доме, который принадлежал Дому культуры Армении в Москве. Я находил это допустимым, тем более, что многие секретари ЦК республик и обкомов имели в Москве квартиры и там останавливались во время приезда в Москву. В настоящее время это осуждается и считается излишеством. Если надо винить, то принимаю вину на себя.

После съездов Компартии Армении помимо публикации отчетных докладов в газетах, издательством выпускались эти отчеты отдельной книгой

для продажи. Три моих доклада были выпущены в продажу на армянском и русском языках. Госиздатом мне было выплачено до 56 тыс. рублей в виде гонорара. Если это нарушение закона, вину беру на себя. Других излишеств я не допускал за 16 лет работы в Армении.

Вступил я в Коммунистическую партию в сентябре 1919 года в гор. Телави Грузинской ССР в период владычества в Грузии меньшевиков. Партийную ячейку в школе организовал бежавший от белогвардейцев коммунист т. Зифельд (Симумяги). В начале 1920 года наша партийная ячейка, состоящая из 5 человек, слилась с городской организацией. При меньшевиках работал я в партийной организации и был инструктором бюро Телавской организации. После ареста членов бюро меньшевистским правительством, осенью 1920 года был избран председателем нелегального комитета большевиков и работал до ареста моего. Освобожден был из меньшевистской тюрьмы после установления советской власти в Грузии в феврале 1921 года.

При советской власти работал все время на партийной работе сперва в Телавском укоме партии, а затем в ЦК КП(б) Грузии.

1922—1924 гг. я учился в Москве, при проверке партийных документов вузов я был обвинен в пассивности, и от меня проверочная комиссия потребовала справку о моей прежней работе в Грузии и справку о нелегальной работе при меньшевиках. После представления этой справки в Московскую контрольную комиссию (к этому времени проверочная комиссия закончила свою работу) партдокументы мне были выданы.

Задержку партдокументов я не считал окончательным решением, поскольку проверочная комиссия от меня потребовала справку о прежней работе, и потому в автобиографии я об этом не указывал.

Обращаясь с этим заявлением в ЦК КПСС, я хочу сказать, что я осознал допущенные ошибки в своей работе и сделал для себя выводы из указаний ЦК КПСС. За эти ошибки я понес тяжелое, но справедливое наказание, был снят с должности секретаря ЦК КП Армении и выведен из состава членов ЦК КПСС. На каких участках бы я ни работал, везде работал с душой и преданно Центральному Комитету.

Хочу заверить ЦК КПСС в том, что могу еще работать с пользой для дела по осуществлению задач, поставленных Центральным Комитетом КПСС перед партией и страной.

АРУТИНОВ Г.А.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 127—135. Копия. Машинопись.

№ 134

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О КОВАЛЬЧУКЕ Н.К. С ПРИЛОЖЕНИЕМ ЗАПИСКИ Т.Т. СЕРОВА И ДЕДОВА

2 сентября 1954 г.

Строго секретно

П№ 81/XXVI

О Ковальчуке Н.К.

Принять предложение т.т. Серова и Дедова, изложенное в их записке от 11 августа 1954 года.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Секретно
ЦК КПСС

В соответствии с поручением нами рассмотрено письмо КОВАЛЬЧУКА Н.К. об изменении формулировки его увольнения из органов госбезопасности.

КОВАЛЬЧУК 1902 года рождения, украинец, член КПСС с 1927 года, с незаконченным средним образованием, в органах милиции и госбезопасности с 1919 по 1925 год и с 1927 по 1954 г.

За время работы КОВАЛЬЧУК имел ряд взысканий за допущенные им нарушения партийной дисциплины.

В 1923 году за совершение религиозного обряда он был исключен из кандидатов в члены партии.

В ноябре 1937 года постановлением окружной парткомиссии при политотделе управления пограничных и внутренних войск НКВД Грузинской ССР КОВАЛЬЧУКУ объявлен выговор с занесением в учетную карточку за проявленную политическую близорукость. Будучи секретарем Управления погранвойск НКВД Грузинской ССР, КОВАЛЬЧУК, зная о некоторых антисоветских действиях врага народа ШИРОКОВА, не сообщил об этом в партийные органы. Кроме того, КОВАЛЬЧУК подарил пистолет мужу своей сестры МАКСИМОВУ, который в 1937 году был арестован как участник троцкистской организации.

КОВАЛЬЧУК проходил по показаниям осужденных в 1938 г. за контрреволюционные преступления ГОСТХОРЖЕВИЧА и КРЕЙДЕНКО как участник антисоветского заговора, существовавшего в НКВД Грузинской ССР. ГОСТХОРЖЕВИЧ решением тройки при НКВД Грузинской ССР от 3 марта 1938 года осужден к ВМН, а КРЕЙДЕНКО 9 февраля 1940 года решением Особого совещания при НКВД СССР был осужден на пять лет лишения свободы.

Несмотря на такие показания, КОВАЛЬЧУК в 1938 году из погранвойск был переведен в аппарат НКВД Грузии и назначен с повышением начальником отделения 4 отдела.

Как сообщил заместитель главного военного прокурора т. КИТАЕВ, в ходе следствия по делу Берия и его сообщников выяснено, что наряду с участниками заговорщической группы, привлеченными к уголовной ответственности особое усердие в выполнении преступных указаний Берия проявлял КОВАЛЬЧУК, работавший в 1938 г. в НКВД Грузинской ССР.

В 1938 году Берия, заняв пост наркома внутренних дел СССР, направлял своих соучастников по преступной работе на руководящие посты как в аппарат НКВД, так и на периферию. КОВАЛЬЧУК был назначен на должность заместителя начальника 4 отдела УНКВД Ленинградской области, куда в то время начальником Управления был направлен Гоглидзе. Арестованный КРИМЯН показал, что Гоглидзе взял с собою КОВАЛЬЧУКА в числе нескольких наиболее близких ему людей. В дальнейшем при содействии Берия и его сообщников Меркулова, Кобулова и Гоглидзе КОВАЛЬЧУК систематически продвигался по службе вплоть до зам. министра госбезопасности СССР.

Из показаний КРИМЯНА видно, что к работе в НКВД Грузинской ССР КОВАЛЬЧУК был привлечен бывшим наркомом Гоглидзе, который знал его по работе в погранокруге и покровительствовал ему. В период работы в следственном отделе КОВАЛЬЧУКУ поручались ответственные и сложные дела.

По сообщению Главной военной прокуратуры СССР от 8 мая 1954 года КОВАЛЬЧУК, работая в указанной должности, наряду с участниками заго-

ворщической группы Гоглидзе, Кобуловым Б., Савицким и др., проявлял особое усердие в выполнении преступных указаний Берия, чинил беззакония и произвол в отношении советских людей. Так КОВАЛЬЧУК, ведя следствие на арестованного по указанию Берия бывшего секретаря комитета комсомола НКВД Грузии АСЛАМАЗОВА М., «так крепко» допрашивал его, что последний, не выдержав избиений, выбросился из окна 5 этажа и разбился насмерть (показания арестованных Савицкого и Гоглидзе). Арестованный по делу Берия Хазан показал, что КОВАЛЬЧУК избил до смерти арестованного ДЗЫГРАШВИЛИ Г.

В своем объяснении в Особой инспекции Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР факты в отношении АСЛАМАЗОВА и ДЗЫГРАШВИЛИ КОВАЛЬЧУК не отрицает, однако объясняет их случайностью.

В 1951 году постановлением Совета Министров Союза ССР КОВАЛЬЧУКУ объявлен выговор за халатное отношение к хранению и рассмотрению захваченных Советской Армией трофейных документов немецко-фашистских органов, представляющих оперативную ценность.

С 1949 по 1952 год КОВАЛЬЧУК, работая министром госбезопасности Украинской ССР, постановлением ЦК КПСС был освобожден от этой должности за необеспечение выполнения решений ЦК КПСС и серьезные провалы в агентурно-оперативной работе по борьбе с националистическим подпольем в западных областях Украины.

Придя к руководству МВД СССР в 1958 году, Берия направлял в страны народной демократии старшими советниками ряд работников без предварительного утверждения ЦК КПСС. В Польшу им был направлен КОВАЛЬЧУК.

За допущенные нарушения советской законности КОВАЛЬЧУК подлежит привлечению к уголовной ответственности, но учитывая давность допущенных нарушений и долголетнюю работу в органах госбезопасности, считаем возможным ограничиться в отношении его увольнением из органов госбезопасности по фактам, дискредитирующим высокое звание офицера.

Вопрос о нецелесообразности привлечения КОВАЛЬЧУКА к уголовной ответственности согласован с Генеральным прокурором СССР тов. РУДЕНКО.

И. СЕРОВ

А. ДЕДОВ

11 августа 1954 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 136—139. Подлинник. Машинопись.

№ 135

ЗАПИСКА А. ВОЛИНА В ЦК КПСС О ПРИГОВОРЕ МАМУЛОВУ, ЛЮДВИГОВУ, ШАРИИ, ОРДЫНЦЕВУ И МУХАНОВУ

30 сентября 1954 г.

ЦК КПСС

Военная Коллегия Верховного Суда ССР 28 сентября 1954 года рассмотрела дело пособников БЕРИЯ — ШАРИЯ П.М., МАМУЛОВА С.С., ЛЮДВИГОВА Н.А., ОРДЫНЦЕВА Г.М. и МУХАНОВА Ф.В.

Военная Коллегия, признав виновными в пособничестве врагу народа БЕРИЯ, приговорила МАМУЛОВА и ЛЮДВИГОВА к тюремному заключению сроком на 15 лет каждого; ШАРИЯ — к тюремному заключению сро-

ком на 10 лет, с конфискацией имущества и поражением в избирательных правах.

В отношении ОРДЫНЦЕВА и МУХАНОВА Военная Коллегия изменила обвинение, признав их виновными в недоносительстве об известных им некоторых контрреволюционных преступлениях БЕРИЯ, и приговорила к ссылке в отдаленные районы Советского Союза — ОРДЫНЦЕВА на 8 лет, МУХАНОВА на 6 лет.

Все осужденные лишены воинских званий.

Приговор Военной Коллегии нахожу правильным.

Председатель Верховного Суда
СОЮЗА ССР А. ВОЛИН

30 сентября 1954 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 149. Копия. Машинопись.

№ 136

ПРОСЬБЫ А.З. КОБУЛОВА О ПОМИЛОВАНИИ[1]

8, 26 октября, 9 ноября 1954 г.

Сов. секретно
В. срочно

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СОЮЗА ССР
от осужденного к смертной казни
быв. генерал-лейтенанта КОБУЛОВА
Амаяка Захарьевича

Просьба о помиловании

Арестован я по делу Берия. Больше года велось следствие по моему делу. 1-го октября 1954 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор, согласно ст. 58-16 УК РСФСР меня расстрелять.

I. Должен доложить, что следователь Каверин (Прокуратура СССР) дело мое вел тенденциозно, необъективно, прибегая в процессе следствия к грубым нарушениям закона. О неправильных действиях сл. Каверина я писал заявления в адрес руководящих инстанций и Генеральному Прокурору. Всего написано мною 9 заявлений: на имя Г.М. Маленкова 2 заявления; Н.С. Хрущева — 3; Н.А. Булганина одно и 3 заявления Ген. Прокурору. 9 сентября 1954 г. меня допросил полковник Сучков (Прокуратура СССР). Он в процессе допроса заявил мне, что «прошли времена Берия, когда следственные органы скрывали от суда жалобы арестованных. Все заявления ныне приобщаются к делу, и суд имеет возможность ознакомиться с жалобами арестованного. Во всяком случае заявления арестованного адресованные Генеральному Прокурору должны быть обязательно при след. деле». Парадоксально, но факт — ни одного моего заявления из девяти, адресованные мною руководству, как указал выше, в деле не оказалось. 13 и 23 сентября этого года, т.е. задолго до судебного разбирательства моего дела, я написал в

[1] На первом листе имеется помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС и т.т. Руденко, Волину, Серову и Круглову. К. Ворошилов 24.XI-54 г.».

Военную коллегию и попросил поинтересоваться судьбой моих заявлений, хотя бы адресованных в Прокуратуру СССР, но, к сожалению, безрезультатно.

Таким образом все мои жалобы в адрес следствия Военная коллегия не учла.

А это весьма важно, ибо почти все обвинительное заключение построено на голословном утверждении следователя. Я не имею возможности, при моем нынешнем положении, перечислить все незаконные действия следователя Каверина,

Если Президиум Верховного Совета найдет возможным и необходимым поинтересоваться судьбой моих заявлений, я был бы бесконечно благодарен. Ибо ознакомление Президиума Верховного Совета СССР с моими жалобами даст возможность объективного суждения по моему делу.

II. По моему делу Военная коллегия вынесла явно несправедливый приговор. Несправедливость приговора заключается в том, что Военная коллегия при судебном разборе моего дела подошла однобоко, необъективно; ходатайства, возбужденные мною 23 сентября были неосновательно отклонены.

Приведу факты (только некоторые):

1) В обвинительном заключении говорится, что я в 1937 году работал в Секретно-Политическом отделе НКВД Грузии под руководством своего брата, осужденного по делу Берия к ВМН, выполнял указания Берия, и это обстоятельство, т.е. выполнение преступных заданий Берия и послужило причиной дальнейшего моего продвижения по службе.

Докладываю Президиуму Верховного Совета СССР, что в 1937 году я в Сек.Пол. отделе не работал и вообще в Тбилиси не был. Я работал на периферии. Просил Военную коллегию взять справку из моего личного дела. Просьбу мою отклонили.

На суде меня спросили — с какого времени я знаю Берия. Я доложил: в 1929 году Берия с группой работников ГПУ Закавказья 7—8 человек выехал в Баку для ликвидации филиала «Промпартии» в Азербайджанской нефтяной промышленности, возглавляемой гл. инженером Азнефти Тагианосовым. Я был в этой группе. Допрашивал крупного вредителя быв. н-ка строительства Баку-Батумского нефтепровода Булгакова, в последующем осужденного.

В приговоре Военной коллегии сказано, что моя преступная связь с Берия начинается с 1929 года. Почему? На каком основании? Неужели моя честная работа по разоблачению крупного контрреволюционера, вредителя является моим грехопадением? Не вышло с 1937 годом, как утверждалось в обвинительном заключении, так взяли совершенно неосновательно 1929 г. как начало моей преступной связи с Берия.

2) В обвинительном заключении сказано, что я, будучи резидентом НКВД в Германии, в 1939—41 гг. систематически дезинформировал Правительство СССР.

Я доложил суду, что никогда, никакой информации я в Правительство не направлял. Вся моя информация шла в адрес Развед.Упра НКВД СССР. Просил истребовать справку. Моя столь простая, но важная просьба отклонена. А в приговоре сказано, что я направлял дезинформацию Берия, а он в свою очередь в Правительство. Неверно. Докладываю со всей ответственностью Верховному органу Советского государства, что я никакой информации непосредственно Берия никогда не направлял. Вся информация, повторяю, шла в адрес Развед.Упра НКВД СССР. Прошу проверить и убедиться.

3) В приговоре сказано, что я в процессе допросов истязал и пытал арестованных. На суд в качестве свидетеля по этому вопросу был вызван гр-н Яковиди, арестованный в Гаграх в 1938 году, в конце августа. Яковиди показал на суде, что он сидел в камере размером 3х4 кв. метра, где помещалось 37(!) человек арестованных; на допросе его били по заданию Кобулова в ноябре 1938 года. Яковиди бесцеременно показывает, что я якобы заходил во время его допроса в ноябре и дал указание следователю избить. Ложь от начала до конца. Почему? Потому, что в октябре 1938 г. я был переведен из Гагры в Сухуми, а в ноябре — в Киев и естественно физически я не мог дать подобных указаний. Моя служба в этот период в Сухуми и Киеве подтверждается обвинительным заключением (стр. 9).

4) В приговоре сказано, что я сеял национальную рознь между Великим русским народом и другими народами СССР. (Может быть формулировка не точная, но смысл докладываю правильно.)

По данному вопросу на суде дал показания Никитин, который заявил, что Кобулов в беседе с ним сказал, что в Риге русские милиционеры должны быть заменены латышами.

На самом деле было так: в мае 1938 г. я был в командировке в Берлине, где познакомился с Никитиным (он секретарь парткома уполномоченного МВД СССР в Германии).

В процессе беседы выяснилось, что многие наши работники, проживающие в Германии 4—5 и больше лет, не овладели абсолютно немецким языком. На это я заметил Никитину, что у нас и в Прибалтике такие курьезы, когда участковым милиционером состоит узбек или казах, и он в беседе с колхозниками прибегает к помощи переводчика. Собственно, то же самое подтвердил и Никитин в своих показаниях на суде. Где же здесь «разжигание розни между Великим русским народом и другими народами СССР».

5) В приговоре сказано, что я провалил работу с закордонной агентурой. Совершенно несправедливое обвинение.

Работая заместителем Н-ка Главного управления МВД СССР по делам военнопленных, я работу по закордонной агентуре поставил на квалифицированную основу. Нами передано советским разведорганам до ста высококвалифицированных агентов, завербованных среди военнопленных, содержащихся в СССР. Эта работа, проделанная Управлением, возглавляемым мною, при непосредственном моем участии была доложена Министром С.Н. Кругловым И.В. Сталину 9 мая 1950 года. Просил Военную коллегию взять этот документ, но, к сожалению и великому моему огорчению, и эта простая просьба отклонена.

Докладываю Президиуму Верховного Совета СССР, что я ничего преступного с Берия не имел. Я знал Берия только по занимаемому им официальному положению в партийном и государственном аппарате. Никаких преступных, антипартийных и противогосударственных заданий я не выполнял. 26 лет работал в органах НКВД—МВД честно, жил скромно. Было бы наивно и глупо с моей стороны утверждать, что у меня не было грубых ошибок в своей практической работе. Но отнюдь не заговор и не борьба против существующего строя. Бейте меня за эти проступки, но я честно, правдиво, искренне докладываю, что я не преступник, не заслужил высшую меру наказания.

16-й месяц нахожусь под страхом смерти. С 1-го октября она висит надо мной как дамоклов меч. Сидя в камере смертников, я чувствую ежеминутно

ее приближение, ее холодное дыхание. За это время много пережил. Во имя советской гуманности, во имя справедливости, во имя справедливости, во имя памяти Ленина и Сталина прошу слезно сохранить мне жизнь и помиловать.

Таю в душе этот луч надежды и жду справедливого решения. Каждый шорох у дверей камеры — это сверхчеловеческое испытание.

Пршу убедительно не отказать.

Осужденный к ВМН А. КОБУЛОВ

8 октября 1954 г.

Сов. секретно
Экз. №
Весьма срочно, только лично

Секретарю Президиума Верховного
Совета СССР
Гр-ну ПЕГОВУ
от осужденного к смертной казни — расстрелу,
до ареста генерал-лейтенанта КОБУЛОВА
Амаяка Захарьевича

Просьба о помиловании

22 октября 1954 года я обратился к Вам с письмом о помиловании. В настоящем письме представляю дополнительные факты фальсификации следствия следователем Кавериным (Прокуратура СССР), что послужило основанием для столь сурового для меня приговора, вынесенного Военн. Коллегией Верховного суда СССР 1-го октября 1954 года.

1) Провокация следователя Каверина о Серго Орджоникидзе.

В августе прошлого года Каверин на допросе меня спросил: знал ли я Мамия Орахелашвили. Я сообщил следующее: М. Орахелашвили знал только по имени, т.к. в 30 г. я был рядовым работником, а он был Секретарем крайкома партии и Пред. Совнаркома Закавказья. Слышал, что Орахелашвили был членом компартии с 1904 года, культурный, эрудированный; после снятия Бухарина с должности редактора «Правды» он редактировал центральный орган партии. Жена его — Мария Платоновна была Наркомпросом Грузии. В 1936 году в тбилисских газетах появилось информационное сообщение ЦК КП(б) Грузии, что М.П. Орахелашвили возглавляла антипарт. группировку против партийного руководства Грузии, т.е. Берия, и в этой связи она была снята с работы. В 1937 г. были арестованы муж и жена Орахелашвили и еще их зять — Евгений Микеладзе, одаренный и талантливый дирижер Тбилисской оперы, и все расстреляны.

Далее следователь Каверин спрашивает меня: что означает по-грузински «пехебзе мкидна»? На мое разъяснение, что это похабщина, он развернул следственное дело и огласил мне показания Мамия Орахелашвили, в которых он показывает, что приведенную выше брань Серго Орджоникидзе допустил в беседе с Орахелашвили по адресу И.В. Сталина.

Мне даже стало не по себе от этой информации Каверина. Я заявил, что не допускаю, чтобы Серго так отзывался о И.В. Сталине и назвал всю эту мерзость провокацией со стороны следствия, добавив, что вообще Серго хотели скомпрометировать, чему служат следующие факты: а) еще при жизни Серго брат его Павел (Папулия) Зам. н-ка Закавказских жел. дорог был арес-

тован, а затем расстрелян; б) в день похорон Серго я был в Москве в командировке. Это было в феврале 1937 года. Я слушал радиопередачу о похоронной процессии. Диктор передавал, что за гробом Серго следуют его родные и друзья, назвав при этом в числе других и Михаила Гвахария — директора Макеевского металлургического завода. М. Гвахария выступал с рядом статей в центральной печати о переходе завода на бездотационную работу. Вместе с тем Макеевский завод был известен тем, что там выросла т.н. династия металлургов Коробовых. Через некоторое время М. Гвахария был арестован на Украине и расстрелян; в) процесс Пятакова показал, что троцкисты свили себе прочное гнездо в Наркомтяжпроме и за спиной Серго творили свое гнусное дело. Вот как компрометировали Серго Орджоникидзе.

Каверин приведенные мною выше показания не занес в протокол, взял на заметку только фамилию Гвахария. 5 мая 1954 года, т.е. 9 месяцев спустя на допросе Каверин вновь спросил — что мне известно о С. Орджоникидзе. Исходя из того, что в августе 1953 г. он моим показаниям не придал значения, я ответил отрицательно. Он фиксирует протокол, в котором для моего «разоблачения» приводит показания сотрудника МВД Узбекистана Каспарова, который показывает, что при нашей совместной поездке в Москву я сказал: «если Серго не умер, его арестовали бы». Не было этого! Протокол я отказался подписать. И вот на основании голословного заявления Каспарова в обвинительном заключении и приговоре говорится, что знал о интриге, которая велась против С. Орджоникидзе. Какая интрига — представления не имею. Что же получается? Следователь Каверин сам ознакомил меня с провокацией, которая разыгрывалась против Орджоникидзе, и сам же, когда ему понадобилось, повернул ее острие против меня.

Я говорил об этом антисоветском, антипартийном методе допроса Каверина зам. глав. воен. прокурора Сов. Армии генерал-майору юстиции Китаеву (13 мая 1954 г.); писал об этом Генеральному Прокурору 8 июля 1954 г.; заявлял на заседании Военной коллегии при разборе моего дела — безрезультатно. В приговоре значится, что я знал об интригах против С. Орджоникидзе — одного из видных деятелей компартии и Советского государства. Не честно!

2) О «восхвалении Берия».

В 1942 году, будучи Наркомом Внутр. Дел Узбекистана, мне звонил Секретарь ЦК партии У. Юсупов и предложил принять депутата Верховного Совета СССР, Пред. Бухарского облисполкома — Назарова, т.к. Назаров жалуется на н-ка УНКВД Бухарской области Алиева. Назаров был у меня и рассказал, что н-к УНКВД Алиев представил в обком партии докладную записку, в которой просил разрешения арестовать Пред. Шафриканского РИКа (фамилию не помню). Ввиду того, что материал для ареста оказался абсолютно недостаточным, предложение Алиева было отклонено. Алиев, оставшись недовольным своим провалом, на бюро обкома вел себя развязно, допуская даже оскорбления по адресу Назарова, что, дескать, Назаров защищает контрреволюционеров. Назаров просил нашего вмешательства. Мною был вызван в Ташкент Алиев со всеми материалами на Пред. РИКа. Ознакомившись с материалами, я убедился, что бюро обкома правильно отказало Алиеву. Я разъяснил ему, что нельзя так легкомысленно ставить вопросы об аресте. Алиев и мною остался недоволен. Деталей нашей беседы я не помню, т.к. прошло 12 лет. В дальнейшем Алиев еще больше обострил отношения и с обкомом и облисполкомом, и его оставлять в Бухаре уже нельзя

было. Решением ЦК Узбекистана, по нашему предложению, он был переведен в Сурхан-Дарьинскую область зам. н-ка УНКВД к опытному н-ку Шишову, с расчетом, что он там у Шишова подучится, а затем можно будет назначить вновь на самостоятельный участок. Летом 42 г. я был в Сурхан-Дарьинской области (гор. Термез, на афганской границе). В беседе с секретарем обкома Сеидовым, последний просил взять от них Алиева, т.к. он ни с кем не считается. Тоже подтвердил Шишов. Возвратившись в Ташкент, я доложил ЦК и Алиев в 1942 году был уволен по решению ЦК КП Узбекистана. В своих показаниях, в 1953 году Алиев говорит, что он просил меня отказ в аресте Пред. РИКа написать на материалах. Вместо того я якобы заявил: «Ты знаешь — меня знает Берия, правительство, я был за границей! Ничего писать я не буду». Мне незачем было рисоваться перед Алиевым. Просил: а) допросить Назарова, б) взять дело Пред. РИКа и дать заключение правильно ли я отказал в аресте, в) потребовать характеристику ЦК партии Узбекистана на Алиева. Военная коллегия отклонила. Несправедливо! А в приговоре этот весьма сомнительный факт расценивается как восхваление Берия и противопоставление органов МВД партии.

Прошу учесть, что Алиев в настоящее время работает на низовой работе в культотделе Маргеланского райисполкома Ферганской области. За 12 лет после увольнения, как он показывает на допросе, неоднократно просил ЦК Узбекистана восстановить его в органах МВД. Однако все время получал отказ. Полагаю, что если с моей стороны была бы допущена какая-либо ошибка или тем более преступление, то ЦК не прошел бы мимо, хотя бы после моего ареста. А следствие квалифицирует мои правильные действия как заговор. Где справедливость?

3) «О противопоставлении органов МВД партии». В июле 1953 года ко мне на работу в МВД зашел генерал Строкач. Был у меня генерал Медведев, которого Строкач почему-то попросил уйти, т.к. он хочет поговорить со мной с глазу на глаз. Мне показалось подобное поведение Строкача как-то странным и непонятным. Когда Медведев удалился, Строкач рассказал, что у него получилась неприятность: звонил ему во Львов н-к секретариата МВД Украины Остапенко и просил подобрать в обкоме партии материалы о перегибах по Западной Украине. Он имел возможность негласно все это получить, но черт его толкнул, и он обратился к секретарю Львовского обкома партии Сердюку. Тот разгневался и доложил секретарю ЦК Украины Мельникову. По-видимому, Мельников в свою очередь звонил в Москву, и через некоторое время раздался звонок Берия. Берия его ругал за то, что он, Строкач, вставляет палки в колеса Мешику (быв. Мин. Внудел УССР). В этой связи он — Строкач назначается во Владимирскую область, и заплакал. Плакал он еще потому, что зря Берия его ругал, т.к. основанием снятия Мельникова с должности первого секретаря ЦК Украины послужили материалы, добытые им — Строкачем, и Мешик, мол, в своем выступлении на пленуме ЦК Украины по адресу Строкача никаких претензий и упреков не высказал. Пусть проверят, дескать, стенограмму. Я его успокоил, сказав, что он, очевидно, что-то недоделал, ну, посоветовал пойти к Берия и дать личное объяснение, обнадежив, что все это недоразумение и утрясется. На этом наш разговор закончился.

После моего ареста Строкач разразился показаниями, в которых извратил весь наш разговор и преподносит все в ином свете. Просил дать мне очную ставку. Следствие отказало. Просил Воен. колл. вызвать Строкача на суд — отклонили.

Поведение Строкача нельзя квалифицировать иначе, как провокацию. Причем это не первый случай провокации со стороны Строкача. Аналогичная нечестная игра им была затеяна и в 1951 году, о чем я докладывал на следствии (не записали) и на заседании Воен. кол. Дело в следующем: в 1951 г. в августе, будучи зам. нач. ГУЛАГа, мне С.Н. Кругловым было поручено обследование лагерей заключенных Украины и проведение совещания в Киеве. Проверив лагери, нами было созвано всеукраинское совещание, на котором присутствовал представитель ЦК партии Украины. В конце совещания выступил и я, доложил, какие задачи возложены ЦК КПСС и Советским Правительством на МВД СССР по строительству и промышленному производству; что основная раб. сила — заключенные, специфику работы с ними и что нужно нам практически сделать для выполнения указаний партии и Правительства. На этом совещание закончилось. Мы вышли в сосед. комнату, Строкач подошел ко мне, крепко пожал мне руку и сказал, что моим выступлением он очень доволен, т.к. я не дал повода представителю ЦК партии Украины ковыряться в их делах. На следующий день я выехал в Москву. Строкач, особо подчеркивая свое внимание ко мне, прибыл на вокзал, еще раз поблагодарил за выступление. Моя ошибка заключается в том, что я не заявил об этом в ЦК. К сожалению, о подобных вещах болтали более «высокопоставленные» лица, но все проходили мимо, т.к. так остро, как сейчас этот вопрос не стоял. Вот таков Строкач. Где с моей стороны противопоставление органов МВД партии? Как в первом, так и во втором случае инициатива разговора принадлежит Строкачу. Отказав мне в очной ставке со Строкачом, ни следствие, ни суд не хотят дойти до истины.

4) Об избиении арестованных. В 1937 году было указание руководства партии применять физические меры воздействия к арестованным врагам. В 1938 году, будучи Зам. Наркома внудел Украины, я получил телеграмму из ЦК ВКП(б) за подписью И.В. Сталина, которая была адресована ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву и НКВД УССР Кобулову, т.е. мне. В этой телеграмме говорилось примерно следующее: «За последнее время чекисты прекратили бить арестованных врагов народа. Если в капиталистических застенках мучают революционеров, почему мы должны быть снисходительны к врагам. Правда Успенские и Заковские извратили этот острый метод, но мы не можем отказаться, и разрешается бить и впредь». Было созвано совещание руководящих работников центра и периферии НКВД УССР с участием представителей Прокуратуры, и это указание И.В. Сталина зачитано.

Таким образом, речь должна идти не вообще об избиении, а применении этих острых методов незаконно, неосновательно. Я давал показания о физическом воздействии на арестованного Гогоберидзе, Коленика, быв. меньшевика, связанного по заданию грузинского меньшевистского подполья с загранцентром в Париже. Но следователь Каверин делает вид, что для него все это ново, сверхестественно. А ведь до 1953 года били арестованных. Приведу пример: в мае 1953 г. я допрашивал арестованного при Игнатьеве генерал-лейтенанта Белкина. Его в Лефортовской тюрьме, в ком. № 68 до ноября 1952 года били смертным боем. Такой же участи подвергся допрошенный мной быв. секретарь советского посольства в Лондоне Храмелашвили. Оба были освобождены.

В 1942 г. на обследование НКВД Узбекистана прибыл Зам. Наркома Внудел СССР Серов. Мы поехали с ним в Бухару. Он в присутствии сотрудников избил до крови арестованного узбека, хотя в этом никакой надобнос-

ти не было, ибо этот узбек до избиения признался, как немцы его завербовали и перебросили через линию фронта для распространения провокационных, пораженческих слухов.

Мне арестованный по делу Берия, быв. работник НКВД Грузии Савицкий К.С. рассказал: в 1937 году в Тбилиси приехала выездная сессия Военной коллегии под председательством Матулевича.

В ходе заседания суда, когда слушали дело Виссариона (Бесо) Квирквелия, обвиняемый спустил штаны, показал избитую, исполосанную, как зебра, голую задницу. Однако, несмотря на столь убедительные доказательства, Военная коллегия решила его расстрелять. Квирквелия был старый член партии, кажется с 1905 года, являлся членом Закав. Контрольн. Комиссии ВКП(б), известный в Грузии и Закавказье подпольщик-революционер. Сути дела я не знаю, но спрашивается, почему тогда не обратили внимание представители Высшего судебного органа на нарушение социалистической законности, а сейчас делают вид, что для них все это ново и дико. Следовательно, повторяю, нужно наказывать тех, кто извращал этот острый метод допроса.

Вот один характерный пример, который, с моей точки зрения, оправдывает этот острый метод. В 1947 г. Нарком Внудел Казахстана Пчелкин сообщил на имя С.Н. Круглова «строго секретной» докладной запиской, что в одном из лагерей военнопленных, расположенных в Казахстане, содержится полковник «СС», который дал показания, что он, работая в германской разведке, имел соприкосновение к картотеке, в которой значится немецкая агентура в СССР, завербованная в свое время Ягодой и Тухачевским. В сообщении перечислялись русские фамилии, названные в/пленным полковником. По указанию С.Н. Круглова полковника доставили в Москву. Я допросил и выяснил, что все это плоды досужей фантазии; его кормили за данные сведения особо, давали курить «Баян» и «Северную Пальмиру», и он сочинял. А фамилии брал из газеты «Пионерская Правда». Нашли мы эти газеты, сопоставили, совпало. Когда доложили С.Н. Круглову, он предложил «всыпать» этому подлецу и всыпали, а затем осудили на 25 лет. Правильно? Безусловно.

5) О выполнении «особых заданий» Берия. В мае 1953 года вышло решение ЦК КПСС о сокращении штата уполномоченного МВД СССР в Германии с 2220 чел. до 320, т.е. на 1900 единиц. Чем было вызвано столь большое сокращение? Оно было вызвано тем, что аппарат уполномоченного на территории Гер. Дем. Республики не занимался уже разведывательными и контрразведывательными делами, все это передавалось немецким органам, а основная задача состояла — советническая. Для выполнения решения ЦК по подбору действительно достойных работников и оставления их в Берлине по поручению Берия выехала комиссия в составе: меня — Кобулова, генерал-майора Каверзнева и полковников Безболотнова и Медведева. Подобрали работников, расставили, и, как заявил на процессе по моему делу Секретарь парткома уполномоченного МВД СССР в Германии Никитин, вызванный в качестве свидетеля (о нем я писал Вам в письме от 22 октября), подбор людей был правильный, партийный. Какое же особое (?!) задание Берия я выполнил, о котором говорится в приговоре, я не знаю. Я был в Берлине не один.

Вторая моя поездка в Берлин связана была с событиями, имевшими место в ГДР в июне 1953 г. Перед поездкой я Берия не видел. Мне позвонил генерал Федотов П.В. и передал, что он возглавляет бригаду, в которую вхожу и я, и через два часа надо быть на центр. аэродроме. Это было ночью

18 июня 1953 года. 19-го утром мы прилетели в Берлин, и через два дня я выехал в Галле, Лейпциг и Дрезден, где изъял две нелегальные радиостанции, работающие по заданию американцев. Содержателей этих радиостанций допросили. Они дали исключительно ценные показания о работе американской разведки против ГДР. В чем здесь «особое» задание Берия? Почему создают в приговоре искусственную загадочность? Просил вызвать лиц, с коими я ездил и работал в Берлине, в том числе руководителя бригады Федотова П.В., — отклонила Военная коллегия.

6) О свидетелях, допрошенных по моему делу.

По моему делу допрошен меньшевик-эмигрант, осужденный за шпионаж на 25 лет некий Беришвили. О его показаниях я узнал лишь из обвинительного заключения, т.е. в сентябре 1954 г., хотя он допрошен в феврале. До этого следователь Каверин делал секрет из показаний Беришвили, по вполне понятной причине, т.к. показания этого проходимца, о личности которого я не имел и не имею представления, — сплошное зубоскальство. Он пишет, например, в своих показаниях следующее: «Когда турки, руководящие работники (!), узнали, что Деканозов и Кобулов в Стамбуле живут на пароходе "Сванетия", то все в один голос говорили — почему они (Деканозов и я) не бросаются в море за провал разведки в Германии». Поясняю в чем дело: с 1939 по 41 год, т.е. до нападения Германии на СССР, я работал в Берлине в посольстве, руководя советской разведкой. В своей ноте Гитлер, «обосновывая» нападения, писал, что Сов. Союз нарушил договор 1939 года и как один из фактов называет меня, руководителя взрывов, поджогов, убийств и т.д., чего, конечно, не было. Что можно было ожидать от Гитлера! Благодаря заботам Сов. Правительства вся советская колония численностью до 1000 чел. выехала из Берлина 4 июля 1941 г. через Прагу—Вену—Белград—София—Стамбул—Анкара—Ленинакан—Москва, и вот наше прибытие в Стамбул этот проходимец Беришвили и превращает в шарж. А следователь Каверин рад ухватиться за всякую клевету и грязь, лишь бы она была направлена против меня.

Для разоблачения «свидетеля» Беришвили я просил допросить быв. нашего посла в Турции Виноградова А.С., работающего в настоящее время в радиокомитете по загранпередачам. Он нас встречал на вокзале и размещал по гостиницам Стамбула. Никто на пароходе «Сванетия» не жил. Я с женой и детьми жил в гостинице «Перапалас». В моей просьбе Воен. коллегия отказала.

Далее Беришвили показывает, что по случаю нашего приезда в Стамбульской печати появились карикатуры, фельетоны и т.д., высмеивающие провал в Берлине. Просил взять справку в ТАСС. Отклонили.

Все эти Беришвили, Швецы, Алиевы, Васильевы, Яковиди и им подобные, сидящие по уши в грязи, сейчас, пользуясь случаем, хотят в мутной воде поймать рыбку, заработать какой-то капиталец. Как будто нарочно А.С. Пушкин о свидетелях, допрошенных по моему делу, писал:

«Мы малодушны, мы коварны,
бесстыдны, злы, неблагодарны,
мы сердцем хладные скопцы,
клеветники, рабы, глупцы».

Поэтому еще раз прошу Вас поддержать мое ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР 1) отменить приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР, 2) предложить Военной коллегии: а) рассмотреть

все мои заявления и ходатайства, возбужденные перед судом и б) в случае возникновения новых обстоятельств допросить меня.

Осужденный к смерти А. КОБУЛОВ

26.Х-54 г.
Бутырская тюрьма,
Камера смертников

26 дней со дня осуждения к смертной казни!
480 дней одиночного заключения! За что?

А. КОБУЛОВ

9 ноября 1954 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Сов. секретно
Только лично. Весьма срочно

Секретарю Президиума Верховного Совета СССР
Гр-ну ПЕГОВУ
от осужденного к смертной казни — расстрелу,
до ареста генерал-лейтенанта КОБУЛОВА
Амаяка Захарьевича

Просьба о помиловании

На Ваше имя в октябре текущего года мною представлены две просьбы о помиловании. В этих заявлениях я излагал факты незаконных действий, допускаемых следователем Кавериным по моему делу, что привело к столь роковому для меня последствию — расстрелу. Со дня вынесения приговора прошло 40 (сорок) дней. Поскольку я пока жив и тюремной администрацией мне даны эти три листа бумаги, хочу еще выше поднять завесу и пролить свет на те безобразия, которые творил в процессе следствия Каверин (Прокуратура СССР).

1) В обвинительном заключении по моему делу Каверин уделил специальный раздел вопросу о том, что заговорщическая группа, возглавляемая Берия, как это признано специальным судом, грубо нарушала социалистическую законность. Точную формулировку не помню, но написано весьма крепко. В подтверждение своего грозного обвинения Каверин приводит показания Прокурора лагеря заключенных при «Сталинградгидрострое» о том, что я, будучи на этой стройке в июле 1952 г., нанес удар заключенному Иванову. Дальше следует показание Иванова. Причем все это Кавериным написано так, будто бы от этой пощечины потрясся мир. Что было на самом деле? Как известно, в июле 1952 г. был открыт Волго-Донской канал. Незадолго до открытия канала большая группа высвободившихся от работ на Волго-Доне заключенных была переброшена на соседнюю стройку — «Сталинградгидрострой». Перед открытием канала начальник «Сталинградгидростроя» Логинов на имя Министра Внудел Круглова прислал телеграмму о том, что заключенные, прибывшие из Волго-Дона в ультимативной форме требуют амнистии, т.к. им это обещали; если амнистии не будет, грозят учинить беспорядки. Телеграмма была составлена в тревожных тонах. С.Н. Круглов предложил мне поехать на стройку, навести порядок в лагере и принять все меры, чтобы в день открытия канала никаких эксцессов не было. Прибыв на место, я обеспечил все мероприятия — культурные, бытовые, оперативные, ре-

жимные и т.д., и действительно все прошло благополучно. До моего прибытия в лагерь в одном из лаготделений, расположенном в городе Сталинграде, произошел беспорядок: группа заключенных, возглавляемая бандитом Ивановым (19-летний мальчишка, имеет 4 фамилии, четырежды судим), с целью ограбления честно работавших заключенных организовала налет, в результате было ранено 32 заключенных. Прибыв в это лаготделение, я вызвал на допрос Иванова и в числе других вопросов спросил — каким образом ему — 19-летнему, удалось получить фиктивные документы на 4 фамилии. Он цинично мне ответил: «Любому из вас дать взятку — можно получить какой угодно документ!» Я предупредил — если он будет так вызывающе вести себя, вынужден буду немедленно отправить в тюрьму. Иванов: «Сперва я с вас выпущу кишки, а потом пойду в тюрьму». Я не выдержал и дал ему пощечину, предложив присутствующим на допросе офицерам направить его в тюрьму. Я вышел в коридор, где стоял Прокурор лагеря Мороков. Мы с ним познакомились, мило беседовали и в последующем я был у него в кабинете. Никаких претензий, ни слова! Но в Прокуратуру Союза он написал хлестко. Бывший Ген. Прокурор Сафонов сообщил об этом в ЦК. Решением ЦК была создана комиссия в составе: М.Ф. Шкирятова, С.Н. Круглова и Зав. админотделом ЦК — Громова. На комиссии я доложил то, что изложено выше. М.Ф. Шкирятов справедливо указал мне — «не надо было пачкать руки». Комиссия решила — «указать», что подтверждено решением ЦК КПСС. После решения ЦК С.Н. Круглов премировал меня месячным окладом 4000 р., извратив этот факт, Каверин преподнес как заговорческую деятельность, направленную «на свержение рабоче-крестьянского государства, восстановление буржуазии». Для подтверждения этой формулы на суд в качестве свидетеля был вызван Прокурор Мороков. Однако Военная коллегия, при всей своей необъективности по моему делу, о чем я докладывал Президиуму Верх. Совета от 3/X-54 г. и Вам, не нашла возможным включить этот раздутый до невероятности факт в приговор. <u>А ведь обвинительное заключение утверждено Генпрокурором СССР!</u> Спрашивается — имеет ли право следователь Каверин <u>ревизовать</u> решение ЦК КПСС, вынесенное на основании заключения столь авторитетной комиссии? В чем тут моя заговорческая деятельность, направленная против существующего правопорядка, с целью его свержения?

2) В резолютивной части обвинительного заключения, которая состоит из 4-х пунктов, в одном пункте Каверин говорит о моей связи с иностранным капиталом. Какой капитал имеет ввиду Каверин я не знаю, т.к. на эту тему допросов не было. Но я должен заявить, для сведения Каверина, что я действительно знаком с... «Капиталом» Маркса, и неплохо. Этот пункт обвинения также не нашел свое отражение в приговоре Военной коллегии. Возникает вопрос — откуда же взялась моя связь с иностранным капиталом? Докладываю: В начале следствия по моему делу, в июле или августе 1953 года, на одном из допросов Каверин в категорической форме потребовал от меня показания о моей связи вместе с Берия с английской разведкой. Что я мог ответить на столь нелепый и дикий для меня вопрос? Каверин в последующем проговорился об источнике моей «связи с английской разведкой»: в 1942 году, в Янги-Юле, под Ташкентом находился штаб, формируемый в СССР, под командованием генерала Андерса польской армии. Прокурором этой армии был некий Кипиани, грузин, которого не знал, не знаю и не видел никогда. В этот период я был Наркомом Внудел Узбекистана.

Сотрудник НКВД УзССР Буняков в бюро пропусков Наркомата видел Кипиани (Буняков работал в контрразведке по полякам и многих знал в лицо) и делает вывод, что возможно Кипиани хотел пройти к Кобулову. Из этого весьма туманного предположения Бунякова Каверин требует от меня показания о моей связи с «Интелидженс Сервис» и в обвинительном заключении пишет о связях с иностранным капиталом. При этом многозначительно умалчивает о заявлении Бунякова: это заявление он прячет, не прилагает к моему следственному делу, т.к. действительно смехотворно требовать показания о связях с иноразведкой на основании случайно появившегося в бюро пропусков незнакомого мне лица. Почему в Прокуратуре Союза разрешают Каверину столь легко обращаться с вопросом о связях с иностранным капиталом и английской разведкой? Неужели в Прокуратуре не видят, что Каверин пишет не фантастические романы типа Жюль Верна или Герберта Уэльса, а составляет обвинительное заключение, с соответствующей статьей Уголовного Кодекса, в результате которого обвиняемому грозит смертная казнь? Вот где чистейшая фальсификация, которую сейчас справедливо бьют!

3) В обвинительном заключении сказано, что после кончины И.В. Сталина Берия активизировал свою преступную деятельность по захвату власти и как одно из мероприятий организовал при МВД контрольную инспекцию, куда меня назначил в качестве Зам. Начальника. (Кратко об этом я Вам уже докладывал.)

Нужно сказать, что как в вступительной части, так и резолютивной обвинительного заключения говорится, что я являлся активным участником заговорческой группы, возглавляемой Берия, и группа ставила перед собой задачу «свержение рабоче-крестьянского государства и восстановление буржуазии». Эта же формула находит свое отражение в приговоре по моему делу. На протяжении всего следствия и на заседании суда просил предъявить мне доказательства — в чем моя конкретная преступная связь с Берия; какое преступное задание я выполнил, о каком преступном действии Берия я знал и не сообщил в ЦК; какие антигосударственные разговоры при мне вел Берия и я не реагировал. Никаких материалов! 17 марта 1954 г. на допросе мне предъявили вырезку из «Литературной газеты» от 27/XII-53 г., в которой говорится о решении суда по делу Берия и других. Больше мне ничего не предъявлено. Сообщение, напечатанное в нашей прессе, мог читать любой гражданин, и надо полагать транслировалось и по радио, т.ч. узнал весь мир. Если я являюсь активным участником заговора, то почему мне не предъявляют показания руководителя этого заговора? Потому, что их нет. Нужно сказать, что на протяжении следствия Каверин грозил мне очной ставкой с Берия (неизвестно по какому вопросу!), а также предъявлением документов о выполнении мною преступных заданий Берия. Но все это, как видно, оказались мыльные пузыри, пускаемые Кавериным. Иначе и быть не могло! Но Каверин не теряется. И здесь находит выход. В разделе о контрольной инспекции обвинительного заключения пишет, что я, выполняя задание Берия, пытался вербовать сотрудника МВД СССР Храмелашвили — какая гнусность! Как было на самом деле? В апреле месяце 53 г. я вызвал на допрос арестованного бывшего секретаря советского Посольства в Лондоне Храмелашвили. Он должен был быть освобожден, и перед освобождением необходимо было определить возможность его использования как агента для освещения грузинских националистов. На допросе выяснилось, что хотя

он и грузин, семья его проживает в Тбилиси, но он грузинского языка не знает, т.к. мать его украинка и он большую часть жизни своей прожил вне Грузии. Я сделал для себя заключение, что для освещения грузинских националистов, да и не только грузинских, вербовать лицо, которое не знает родного языка бессмысленно и нецелесообразно, Таким образом вопрос о вербовке Храмелашвили отпал, и он был освобожден. После освобождения он выехал в Тбилиси, где у него проживала семья (отец, мать, жена с детьми), и я его больше не видел. Нужно сказать, что Храмелашвили в совершенстве владеет английским языком, слабее немецким. Как узнал я впоследствии, он обратился с личным письмом к Берия. Берия его принял уже по возвращении Храмелашвили из Тбилиси и направил в качестве инспектора в контрольную инспекцию. Это было $1^1/_2$ месяца спустя после моего допроса Храмелашвили, о чем я давал показания, на которые и ссылается Каверин.

Следовательно я пытался вербовать не сотрудника МВД СССР Храмелашвили, а арестованного быв. секретаря советского Посольства в Лондоне, который лишь спустя $1^1/_2$ месяца после моего допроса был принят в МВД, как сотрудник? К чему эти дешевые приемы, допускаемые Кавериным? Второй факт моей «активной заговорческой работы» — выделение якобы Берия мне конспиративных квартир.

Повторяю — никаких квартир мне Берия не выделял, о чем я также показал в свое время на допросе.

Вот весь арсенал следствия о моем участии в захвате власти. Не знаю и не представляю, как Берия мог и должен был захватить власть и свергнуть существующий строй, хотя меня и считают активным участником заговора, но должен заявить, что надо быть круглым идиотом, чтобы думать об этом. В самом деле, как можно свергнуть государство, против которого ополчился Гитлер со своими вооруженными до зубов механизированными дивизиями, громадной авиацией и танками и в конце концов сломал себе шею?

Как можно свергнуть государство, которое после войны стало еще сильнее, которое, возглавляя лагерь мира и демократии, объединяет под своим знаменем 800 миллионов! От одного только дуновения этой многомиллионной массы на земном шаре могут произойти события, которых мир не видал и история не знает. И я — незначительная какая-то песчинка — должен был пойти против этого океана человеческих масс, организованных в стройную государственную систему. Прошу извинить меня, но это фантасмагорическое противоречие! В чем меня обвиняют — я не только не думал, но мне и во сне не снилось. Поэтому выражаю надежду, что Президиум Верховного Совета СССР отменит несправедливый приговор, вынесенный мне 1/X-54 г. Военной коллегией.

Несколько слов личного порядка. Сегодня исполнилось ровно 500 дней (пятьсот) как я нахожусь под стражей в одиночном заключении. 40 (сорок!) дней жду каждую минуту, каждую секунду — смерти. Сорок дней и сорок ночей при каждом каком-либо шорохе или шуме шагов в коридоре мне кажется, что идут за мной и уже должны взять на смертную казнь. Трудно описать пером те испытания, которым я подвергаюсь. Они, эти испытания и переживания, достойны пера такого гения, как Достоевский. Особенно тяжело было 7 и 8 ноября, когда весь советский народ ликует, все прогрессивное человечество отмечает Великий Праздник, а ты сидишь за железной решеткой, в каменном мешке, не чувствуя за собой никакой вины, оторванный от семьи, от несчастных своих детей...

Камера, в которую меня поместили после смертного приговора, почти лишена естественного света, из нее даже небо не просматривается; за эти сорок дней я не дышал свежим воздухом, меня за это время не выводили никуда, уборная в самой камере, стоит невыносимое зловоние... За что я подвергаюсь этим моральным пыткам. Сердце обливается кровью, не могу больше писать — глаза залиты горькими слезами...

Прошу Вас, очень прошу скорее кончить со мной — так или этак... Никакие нервы не выдерживают, ибо душевные переживания хуже всяких физических мук.

Осужденный к смерти — А. КОБУЛОВ

9 ноября 1954 г.
Бутырская тюрьма
камера смертников

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 162—167, 168—172, 181—189. Копия. Машинопись.

№ 137
ПРОЕКТ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ РАПАВА, РУХАДЗЕ И ДР.

10 января 1955 г.

Секретно

ЦК КПСС

Представляем проект обвинительного заключения по уголовному делу по обвинению Рапава, Рухадзе, Церетели и других.

Полагаем, что дело это следует рассмотреть на открытом судебном процессе в городе Тбилиси с участием обвинения и защиты.

Приложение: Проект обвинительного заключения на 119 листах и три листа приложения.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР Р. РУДЕНКО

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР И. СЕРОВ

«10» января 1955 года
№ 3лс

Секретно

«УТВЕРЖДАЮ»
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОЮЗА ССР
действительный государственный
советник юстиции
Р. РУДЕНКО

« » января 1955 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По уголовному делу № 0061 — по обвинению:
1. РАПАВА Аквсентия Нарикиевича,
2. РУХАДЗЕ Николая Максимовича,

3. ЦЕРЕТЕЛИ Шалвы Отаровича,
4. САВИЦКОГО Константина Сергеевича,
5. КРИМЯНА Никиты Аркадьевича,
6. ХАЗАНА Александра Самойловича,
7. ПАРАМОНОВА Георгия Иовича,
8. НАДАРАЯ Сардиона Николаевича

в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б», 58-8 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Предварительным и судебным следствием по делу изменника Родины Берия и его сообщников Меркулова, Кобулова Б., Гоглидзе и др. установлено, что для осуществления своих изменнических замыслов эти враги народа образовали преступную заговорщическую группу.

В период, когда враг народа Берия находился в Закавказье, в преступную деятельность заговорщиков был вовлечен ряд морально разложившихся и скомпрометированных сотрудников НКВД Грузинской ССР, укрытых Берия от ответственности и готовых совершить по его заданию любое преступление против Советского государства.

В число их входили обвиняемые по настоящему делу Рапава А.Н., Рухадзе Н.М., Церетели Ш.О., Савицкий К.С., Кримян Н.А., Хазан А.С., Парамонов Г.И. и Надарая С.Н., назначенные Берия и его ближайшими сообщниками врагами народа Кобуловым и Гоглидзе на ответственные должности в НКВД—МГБ Грузинской ССР и активно участвовавшие в осуществлении преступных планов заговорщиков.

Пробираясь к власти, тщательно маскируя и скрывая свое преступное прошлое и вражеские связи с разведками иностранных государств, враг народа Берия избрал в качестве основного метода своей преступной деятельности клевету, интриги, различные провокации против честных партийных и советских работников, стоявших на пути его враждебных Советскому государству замыслов.

Пробравшись с помощью этих преступных методов на ответственные посты в Закавказье, а затем в МВД СССР, Берия и его сообщники, попирая социалистическую законность, совершали расправы с неугодными им людьми.

Подло обманывая Партию и государство, участники заговорщической группы изменника Родине Берия использовали во вражеских целях свое служебное положение в системе Народного комиссариата внутренних дел.

В преступных целях истребления честных, преданных делу Коммунистической партии и Советской власти кадров заговорщики фальсифицировали следственные дела, производя массовые аресты невиновных людей, применяя к арестованным избиения и пытки.

Добившись от арестованных с помощью этих преступных методов вынужденных ложных «признаний» в государственных преступлениях и клеветнических оговоров в отношении других лиц, заговорщики, используя тройку при НКВД Грузинской ССР, совершали затем террористические убийства невиновных людей под видом репрессирования их за контрреволюционную деятельность.

Заговорщики подвергали преследованиям и гонениям, вплоть до физического уничтожения, честных сотрудников НКВД, отказывавшихся участвовать в фальсификации дел.

Враг народа Берия, постоянно сохраняя за собой руководство органами НКВД Грузии, расставил на руководящие должности в этом наркомате наиболее близких и преданных ему лично людей. Кроме своих ближайших

преступных сообщников врагов народа Кобулова и Гоглидзе, им были выдвинуты на наиболее важные для заговорщиков должности в НКВД ГССР обвиняемые по настоящему делу Рапава, Рухадзе, Церетели, Савицкий, Кримян, Хазан, Парамонов и Надарая.

В 1937—1938 гг. обвиняемый Рапава являлся заместителем наркома, а позднее наркомом внутренних дел Грузии и состоял председателем тройки при НКВД ГССР.

Обвиняемый Рухадзе в тот же период был начальником Гагрского отдела НКВД, а затем начальником дорожно-транспортного отдела Закавказской ж.д. В 1939 году Берия назначил Рухадзе начальником следственной части НКВД Грузии.

Обвиняемый Церетели являлся заместителем наркома внутренних дел ГССР, начальником управления милиции и членом тройки при НКВД Грузинской ССР.

Обвиняемый Хазан состоял начальником 1 отделения СПО НКВД Грузии, а затем помощником начальника СПО, т.е. помощником ныне осужденного к расстрелу ближайшего соучастника Берия — Б. Кобулова.

Обвиняемый Савицкий был в этот период начальником отделения, а затем помощником начальника 4 отдела НКВД Грузии.

Обвиняемый Кримян являлся помощником начальника отделения, а затем заместителем начальника Следственной части НКВД Грузинской ССР.

Обвиняемый Парамонов в 1937 году, преследуя карьеристские цели, добился через Б. Кобулова, при содействии Савицкого, перевода из учетного отделения НКВД Грузии на следственную работу. В последующем Парамонов являлся особо приближенным лицом к врагу народа Гоглидзе.

Обвиняемый Надарая являлся начальником внутренней тюрьмы НКВД ГССР, а затем заместителем начальника и начальником личной охраны Берия.

Как установлено следствием, именно обвиняемым по настоящему делу Берия поручал непосредственное исполнение наиболее важных для него преступных заданий.

Так, обвиняемые Рапава, Рухадзе, Кримян, Хазан, Савицкий и Парамонов непосредственно участвовали в интриганской борьбе Берия против выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Серго Орджоникидзе, собирая клеветнические материалы против С. Орджоникидзе, вымогая ложные показания, подвергая с этой целью арестованных пыткам, фальсифицируя уголовные дела против родственников и друзей Орджоникидзе, а затем умерщвляя этих лиц под видом репрессирования за контрреволюционную деятельность. Кроме того, обвиняемые, выполняя преступные указания Берия, Гоглидзе, Кобулова, совершили террористические расправы с рядом других невиновных в каких-либо преступлениях лиц, заведомо ложно обвиняя их в контрреволюционной деятельности.

Являясь сообщниками изменника Родине Берия, обвиняемые Рапава, Рухадзе, Церетели, Савицкий, Кримян, Хазан, Парамонов и Надарая, как установлено следствием, совершили ряд тяжких государственных преступлений.

Конкретно виновность обвиняемых установлена в следующем:

1. Преступные методы, применявшиеся обвиняемыми для расправ с неугодными им людьми

Предварительным и судебным следствием по делу Берия, Кобулова, Гоглидзе и других установлено, что, расправляясь с неугодными ему людьми,

враг народа Берия, не располагая какими либо данными, изобличающими этих лиц в преступлениях, лично составлял списки партийных и советских работников, подлежащих арестам. Затем эти списки передавались Гоглидзе или Б. Кобулову, которые поручали непосредственное исполнение террористических расправ обвиняемым по настоящему делу.

К материалам следствия приобщены фотокопии ряда подобных записок Берия, адресованных Гоглидзе и Б. Кобулову.

Так, в записке на имя Кобулова Б. от 17 июля 1937 года Берия предложил арестовать 14 человек. На препроводительном письме к этой записке имеется резолюция Кобулова от того же числа с поручением провести эти аресты обвиняемому Хазану (том 46, л.д. 3 и 4).

В двух других записках также на имя Кобулова Б., датированных 25 октября 1937 года, Берия предложил арестовать «как врагов народа» еще 14 человек. В тот же день Кобулов написал резолюцию Хазану «Всех немедленно арестовать» (том 38, л.д. 40, 41).

В записке на имя Гоглидзе от 3 ноября 1937 года Берия предложил арестовать 33 советских и партийных работников, в арестах и допросах которых участвовали обвиняемые по настоящему делу.

В свою очередь сообщники Берия после производства арестов получали от арестованных путем пыток и истязаний вымышленные показания в отношении новых лиц и представляли Берия сфальсифицированные протоколы допросов, а также списки лиц, упомянутых в показаниях. На этих документах Берия накладывал резолюции о производстве новых арестов, которые также производились обвиняемыми по настоящему делу.

К материалам следственного производства приобщено значительное число фотокопий справок и протоколов допросов арестованных, на которых против фамилий лиц, упомянутых в справках или показаниях, стоят резолюции Берия, Б. Кобулова, Гоглидзе о производстве немедленных арестов. Как правило, эти аресты производились без всякой проверки обоснованности и достоверности так называемых «изобличающих показаний» арестованных и без конкретизации этих показаний (том 46, л.д. 1—76).

Так, например, к делу приобщена фотокопия справки, составленная обвиняемым Савицким 11 апреля 1938 года, на 5 лиц, упоминаемых в одном из показаний. Кроме сведений о том, где эти лица работают и что трое из них члены ВКП(б) и двое беспартийных, других данных на них не было. На этом документе имеется резолюция: «Арестовать. 23. IV.1938 г. Л. Берия» и другая резолюция: «Савицкий всех арестовать. 23.IV.1938 г. Кобулов» (том 46, л.д. 54).

Преступный порядок производства массовых арестов, установленных в Закавказье Берия, служил изменническим целям участников заговорщицкой группы, помогая им истреблять честных советских людей, так как объективная проверка вынужденных пытками показаний неизбежно показала бы их ложность и несостоятельность.

Для получения от арестованных ложных показаний и самооговоров Берия и его сообщниками применялась система избиений и пыток, используя которые обвиняемые по настоящему делу фальсифицировали следственные дела.

По этому поводу обвиняемый Савицкий показал:

«Созданная Берия обстановка в 1937 г. позволяла ему, Гоглидзе, Кобулову арестовать любое неугодное им лицо и расправиться с ним путем получения на него нескольких показаний от других арестованных при помощи их избиения, и она в то же время обеспечивала сохранность людей, преданных Берия».

К делу приобщены фотокопии составленных участниками заговорщической группы протоколов допроса и иных документов с резолюциями Берия: «крепко допросить», «взять в работу и выжать все», «надо нажать», что означало на условном языке, принятом между участниками заговорщической группы, применение избиений и пыток к арестованным. На этих же документах Гоглидзе и Кобуловым указывалось, кому из доверенных им лиц персонально поручалось выполнение этих преступных распоряжений Берия. Обычно такими исполнителями являлись обвиняемые Савицкий, Хазан, Кримян и другие (том 46, л.д. 30, 37, 63 и др.)

Преступные методы, применявшиеся обвиняемыми во время расследования дел, характеризуются показаниями ряда свидетелей, опрошенных на предварительном следствии, и по существу не отрицаются самими обвиняемыми. В некоторых случаях применявшиеся к арестованным пытки были настолько тяжкими и мучительными, что люди умирали во время допросов или умирали, находясь в особых камерах пыток (так называемые «горячие» и «холодные» камеры), или кончали жизнь самоубийством.

Ниже приводятся некоторые из показаний, характеризующих преступную обстановку, созданную в тот период обвиняемыми в НКВД Грузинской ССР.

Обвиняемый Надарая показал:

«Работая начальником внутренней тюрьмы на протяжении почти трех лет, я сам был свидетелем избиений арестованных, содержавшихся в тюрьме. Мне известно, что арестованных избивали систематически очень жестоко... В тюрьме арестованных избивали ремнями, веревками, палками. При избиениях над арестованными издевались.

Арестованных ставили на несколько суток в угол, по несколько суток заставляли стоять с тяжелым грузом до тех пор, пока арестованный, изнемогая, не падал. Для этой цели к арестованному привязывали веревками стол, на стол укладывали различный груз, и арестованный должен был все это держать на себе. В таком положении арестованный должен был стоять до полного изнеможения. Нередко арестованных избивали до того, что они потом умирали.

Организаторами всех издевательств над арестованными и жестоких избиений были: Б. Кобулов, Константин Савицкий, Никита Кримян и Хазан... В отношении Кобулова, Савицкого, Кримяна и Хазана работники НКВД не случайно говорили, что они могут расстрелять любого невиновного человека».

Аналогичные показания дал бывший надзиратель внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР свидетель Сурмава Е.М., который показал, что в период своей службы там он видел:

«...столько неописуемых безобразий, убийств арестованных, жестоких избиений их, пыток в буквальном смысле этого слова, что даже сейчас, спустя почти 16 лет, вспоминаю об этом с содроганием... Внутренняя тюрьма НКВД была до отказа забита заключенными. Достаточно сказать, что в 6-ти метровых камерах содержалось по 12—13 человек заключенных, которые не могли там не только лежать, но и сидя-то размещались с трудом. Если учесть жару, которая бывает в Тбилиси летом, то совершенно ясно, что сколько-нибудь длительное пребывание в такой камере превращалось в пытку. Однако эти мучения арестованных бывшее руководство НКВД Грузии усугубляло еще целым рядом изощренных издевательств.

Во внутренней тюрьме существовала так называемая "горячая" камера, в которой стояла страшная жара. Высокая температура в камере поддержива-

лась с помощью пара... В зимнее время "горячая" камера использовалась как "холодная". Зимой, несмотря на холод, окно в этой камере распахивалось, а на пол иногда наливалась вода, чтобы создать совершенно нетерпимые условия для арестованного. Подследственные в "холодной" камере находились без обуви и в одном нижнем белье... В ряде случаев подследственных на допросах убивали... Много было таких арестованных, которых после избиений приходилось относить на руках в камеры в бессознательном состоянии. Я вспоминаю, что буквально замертво с допроса, производившегося Кримяном или Савицким, я и другие надзиратели не раз уносили в камеру арестованного.

Жестоким пыткам на допросах подвергался также арестованный Мамия Орахелашвили».

Бывший врач тюрьмы № 1 г. Тбилиси свидетель Курели И.Г. подтвердил, что имели место многочисленные случаи смертей арестованных в результате избиений, причем акты о смерти оформлялись без вскрытия трупов со стандартным диагнозом «заболевание сердца». Курели также подтвердил факт существования так называемых «горячих» и «холодных» камер пыток и показал:

«Я не помню фамилий умерших в результате избиений их на следствии. Их было много, а я часто даже не знал фамилии пациента, так как нам не говорили, особенно пациентов во внутренней тюрьме... В документах медработники не отмечали причин смерти или заболевания заключенного, так как Шашуркин и Надарая это запрещали. Писалось, что человек умер от заболевания сердца и т.п. Отмечали, что имеются ушибы, хотя были раны и кровоподтеки, но тогда в отношении избитых арестованных стандартно писали, что нуждается в помощи от ушиба.

Проходя во внутреннюю тюрьму, я узнал о наличии в ней "горячих" и "холодных" камер, которые можно назвать лишь камерами пыток. В "холодную" камеру люди помещались в одном белье.

Однажды меня вызвали в такую камеру для оказания помощи, но чем я мог помочь, когда человек окоченел, и ему нужны были тепло и уход. В "горячей" камере люди просили единственной помощи — воздуха».

Свидетель Тестова Т.С., работавшая фельдшерицей во внутренней тюрьме НКВД, показала:

«Мне приходилось наблюдать массовое избиение арестованных следователями. Обычно после допросов арестованные возвращались из кабинетов следователей сильно избитыми, некоторые из них доставлялись в камеры без сознания. Арестованные обращались за медпомощью с вывернутыми пальцами, на их теле были сплошные рубцы, кровоподтеки. Ступни ног у арестованных были избиты до такой степени, что с них слезала вся кожа и они представляли одну кровоточащую сплошную рану. Эти массовые зверские избиения особенно врезались мне в память...»

Бывшая медсестра внутренней тюрьмы Цверинава А.К., допрошенная на следствии в качестве свидетеля, полностью подтвердила показания свидетеля Тестовой и других.

В этой преступной обстановке массовых арестов, избиений и пыток невиновных людей, созданной участниками контрреволюционного заговора Берия, все обвиняемые по настоящему делу выделялись своей особой жестокостью, вследствие чего именно им главари заговорщической группы Берия, Гоглидзе, Кобулов давали наиболее конспиративные и важные для заговорщиков преступные поручения. О подобной роли обвиняемых Рапава,

Рухадзе, Церетели, Савицкого, Кримяна, Хазана и Парамонова дали показания свидетели: Гульст, Керкадзе, Маргиев, Мшвидобадзе, Маградзе, Маркелов, Бабалов, Окрошидзе, Прошичев, Сусанов, Арзанов, Ароян, Гомелаури и многие другие.

Мшвидобадзе В.И., дело по обвинению которого сфальсифицировано по указанию Рапава, допрошенный в качестве свидетеля показал:

«Добиваясь от меня признательных показаний, меня во время допросов избивали. Только в присутствии бывш. министра Рапава меня избивали 17 раз. По указанию Рапава меня избивали четыре работника МГБ, фамилии которых я не знаю» (том 34, л.д. 36—42).

Бывший надзиратель внутренней тюрьмы свидетель Ковшов С.Г. показал:

«Особой жестокостью отличались следователи: Хазан, Кримян, Савицкий и Парамонов. От них выводили арестованных, сильно избитыми. В кабинете стояли стоны арестованных и ругань следователей. Следователь предлагал мне постоять за дверью, и в это время слышишь как следователь, сильно матерно ругаясь, называл по-всякому арестованного, кричал: "Подпиши", а арестованный говорил следователю "зачем подписывать? Я не виноват", но подписывал, и мы его уводили. Что за документы подписывал арестованный, я не знаю».

Свидетель Бабалов показал:

«Наибольшее количество дел на руководящих партийных и советских работников вели Хазан, Савицкий и Кримян... Эти люди получали показания от арестованных в результате применения к последним жестоких репрессий. Протоколы допросов ими писались заранее. После избиений арестованных заставляли подписывать такие показания...

Савицкий, Кримян, Хазан были близкими доверенными людьми Кобулова, и их знал Берия. Им доверялось ведение следствия по наиболее крупным ответственным делам. Они были физическими исполнителями по расправе с лицами, неугодными для Берия... Савицкий и Кримян особенно изощрялись в применении различных методов следствия на арестованных».

Бывший начальник отделения 3 отдела НКВД Грузинской ССР Гульст В.Н., допрошенный по делу в качестве свидетеля, показал, что среди сотрудников наркомата обвиняемые Савицкий, Хазан, Кримян и Парамонов были известны как фальсификаторы уголовных дел, прибегавшие к бесчеловечным методам ведения допросов с целью получения от арестованных клеветнических показаний.

Зная о том, что эти обвиняемые пользуются особым покровительством со стороны Гоглидзе и Кобулова, остальные сотрудники Наркомата боялись их.

Гульст показал:

«Савицкого, Хазана, Кримяна и Парамонова я могу охарактеризовать как ближайших сообщников Гоглидзе и Кобулова по расправам над советскими гражданами. За ними прочно укрепилась "слава" как за "специалистами" создавать, фабриковать дела, истязать, калечить и истреблять невиновных людей.

Сотрудники и лично я боялись попадаться им на глаза, чтобы не попасть в число соучастников антисоветских групп или заговорщиков. С целью понуждения необоснованно арестованных советских граждан к признанию мнимой контрреволюционной деятельности, они широко применяли извращенные методы следствия. Для других сотрудников они как бы являлись "учителями" в этом деле.

Лично я как по попавшим ко мне донесениям камерной агентуры, так и сам слышал, как из кабинетов Савицкого и Кримяна раздавались душераздирающие крики, вопли и стоны.

Все следствие было сосредоточено фактически в руках Савицкого, Хазана, Кримяна и Парамонова. По их справкам и выбитым показаниям от арестованных производились при отсутствии каких-либо доказательств вины аресты других лиц...

Савицким, Кримяном, Хазаном в НКВД ГССР широко применялось избиение арестованных резиновыми палками, веревками, применялись карандаши для выкручивания пальцев рук, навешивание на арестованных, стоявших в положении "смирно", различных тяжестей: чемоданов с грузом, столов, стульев и др. предметов.

С целью получения "признательных" показаний, вернее понуждения к самооговору, были созданы так называемые "горячие" и "холодные" камеры.

Наряду с этим практиковались допросы "конвейером", в результате которых арестованные не имели отдыха и сна, методы психического воздействия.

Вновь арестованных помещали "для наглядного показа" к лицам, уже подвергнутым "обработке". Видя избитых, слушая их рассказы о пытках, отдельные арестованные при вызове к следователю предпочитали сразу же давать "признательные" показания».

Характеризуя преступные методы ведения следствия, применявшиеся обвиняемым Хазаном, свидетель Маргиев И.И., работавший надзирателем во внутренней тюрьме НКВД и неоднократно выводивший арестованных на допросы к Хазану, показал:

«Хазан начинал бить арестованных сразу, как только заводили их к нему в кабинет. Избиение начиналось с ударов кулаком в область головы еще при надзирателе, а затем продолжалось в течение всего допроса, причем Хазан бил туго скрученным жгутом из веревки, намоченной в воде, резиновыми плетками и пр. Если другие следователи как-то скрывали, что они бьют арестованных, Хазан, наоборот, делал это, никого не стесняясь... С допроса из кабинета Хазана неоднократно приходилось двум надзирателям выносить окровавленных людей, потерявших сознание, которым затем врач тюрьмы оказывал помощь... У меня сложилось впечатление, что он избивал каждого, кто попадал к нему на допрос... Были случаи, когда арестованные после допросов не могли стоять на ногах, так как у них были разбиты в результате избиений ступни ног и представляли из себя кровавую корку, покрывавшую всю ступню. Ноги были опухшие, на теле имелись множественные кровоточащие царапины и кровоподтеки».

Аналогичные показания по поводу преступных методов, применявшихся Хазаном, дали допрошенные на следствии его соучастники по преступной деятельности. Так, обвиняемый Кримян показал о Хазане следующее:

«Хазан был правой рукой Кобулова. Он задавал тон по применению репрессий, пользовался особым доверием у Гоглидзе, Кобулова и оказывал даже на них некоторое влияние. У всех сотрудников о Хазане было мнение как о страшном липаче. Все сотрудники его боялись... О тех сотрудниках, которые не добивались "признательных" показаний или неактивно применяли репрессии, Хазан говорил: "видимо, они сочувствуют троцкистам и связаны с ними"».

Другой соучастник Хазана обвиняемый Савицкий показал:

«Хазана я знал как жестокого человека, карьериста, интригана, подхалима, стремившегося влезть в доверие к начальнику. Это был какой-то челове-

коненавистник... Хазан неоднократно мне в присутствии других сотрудников, Парамонова и Кримяна говорил, что если при встрече человек не смотрит ему в глаза и у человека угрюмый вид, то это враг... когда же попадавшийся навстречу Хазану человек раскланивался с ним и улыбался ему, то Хазан говорил, что это враг, так как только человек с нечистой совестью мог лебезить перед ним.

Все сотрудники аппарата НКВД Грузии боялись Хазана, ибо считали, что он на любого может сфабриковать дело».

В конце 1937 года обвиняемый Рухадзе был направлен в распоряжение Кобулова для участия в следствии по делам, расследовавшимся в НКВД Грузии. По этому поводу Рухадзе показал:

«В качестве прикомандированного к НКВД Грузии я был, как мне помнится, с августа по первые числа ноября 1937 г. и находился в подчинении у Кобулова Б., являвшегося тогда начальником секретно-политического отдела НКВД Грузинской ССР... Кобулов приказал Кримяну или Хазану помочь мне в проведении очной ставки между арестованными Вардзиели и Орахелашвили. Очная ставка эта носила сугубо формальный характер и продолжалась не более 5—10 минут, причем, хотя Орахелашвили тогда и называл Вардзиели участником антисоветской организации, я все же пришел к выводу, что Орахелашвили оговаривает Вардзиели в результате применения к нему мер физического воздействия...

На этом очная ставка была прервана, а после нее Вардзиели был избит подошедшим в ходе очной ставки Хазаном. Бил Хазан Вардзиели по пяткам специальным металлическим никелированным прутом с продолговатым резиновым наконечником... Впоследствии Орахелашвили и Вардзиели были расстреляны» (т. 8, л.д. 326—328).

Тогда же, как утверждает Рухадзе, ему стало известно о том, что работники, подчиненные Кобулову, вымогают показания на С. Орджоникидзе, и в этой связи он предупредил своего брата Рухадзе М., чтобы он к октябрьским праздникам 1937 г. не вывешивал портрета С. Орджоникидзе.

Следует указать, что, расправляясь с честными работниками органов НКВД и в то же время спасая от разоблачений своих соучастников, враги народа Берия, Гоглидзе и Кобулов умышленно изменили обычную практику проверки компрометирующих материалов на сотрудников НКВД в аппарате особоуполномоченного и поручили это лично Хазану. Ему же было предоставлено право возбуждать уголовные дела против сотрудников НКВД по обвинению их в контрреволюционных преступлениях. Получив такие полномочия, Хазан стал обвинять в пособничестве врагам тех сотрудников НКВД, которые отказывались участвовать в фальсификации следственных дел и террористических расправах с неугодными Берия и его сообщникам людьми.

Установлено также, что Хазан использовал эти предоставленные ему особые полномочия для сведения личных счетов.

Характеризуя Хазана в тот период, свидетель Барский показал:

«Если ему (Хазану) кто-нибудь не так поклонился или задал вопрос, как дела, он делал вывод, что интересуются следствием по делу правых и троцкистов, и сейчас же делал соответствующие заметки в наблюдательном деле задавшего вопрос».

Свидетель Квирикашвили показал:

«В отношении Хазана нужно сказать, что каждый сотрудник НКВД брался под подозрение, создавалась атмосфера недоверия друг к другу».

Аналогичные показания дали свидетели Милова, Мовсесов и Кукутария.

Не ограничиваясь непосредственным участием в террористических расправах над невиновными людьми, совершаемыми участниками преступной заговорщической группы Берия в НКВД ГССР, обвиняемые организовывали подобные же преступления в периферийных органах наркомата. Так, из показаний свидетеля Бадьяна видно, что обвиняемый Церетели специально выезжал в Боржоми для инструктирования сотрудников районного отделения НКВД по поводу того, как применять избиения и пытки, «как бить» и «чем бить».

Обвиняемый Рухадзе, являвшийся в 1937—38 г.г. начальником Гагрского отдела НКВД Грузии, действовал такими же преступными и бесчеловечными методами, как и другие обвиняемые.

Допрошенный по этому поводу бывший заместитель Рухадзе — свидетель Васильев показал:

«В 1937 г. Рухадзе, вернувшись из Тбилиси, собрал оперативный состав Гагринского отдела и оперпунктов... Как заявил Рухадзе, арестованных, не дающих показаний с признанием своей вины, не называющих своих соучастников, на допросах нужно бить до тех пор, пока они не будут давать таких показаний.

Кто из оперативных работников не будет выполнять этих указаний, будет рассматриваться сам как враг народа и пособник врагам...

С этого времени начались массовые избиения и истязания различными способами, как кому приходило на ум... Дело доходило до того, что арестованных забивали на допросах до смерти, а затем оформляли их смерть, как умерших от паралича сердца и по другим причинам.

Однажды я зашел в кабинет оперуполномоченного Серебрякова (осужден), у которого сидел на допросе один из арестованных (эстонец), и на мой вопрос Серебрякову, как дела, он ответил, что арестованный молчит и не отвечает на вопросы.

Я посмотрел на арестованного, он был мертв. Тогда я спросил Серебрякова, что он с ним сделал, и он мне показал свернутую проволочную плеть пальца в два толщиной, которой он бил этого арестованного по спине, не заметив того, что тот уже мертв.

Многие арестованные после подобных допросов умирали в камерах.

Такой метод ведения следствия по делам привел к тому, что все камеры горотдела были забиты до отказа арестованными, которые не могли в камерах даже сесть, а стояли, и для того чтобы получить на допрос арестованного, нужно было буквально вытаскивать его из камеры.

На допросах арестованные в результате избиений и истязаний называли целыми списками своих знакомых и родственников, которые в протоколах допроса оговаривали новых лиц. Показания их не проверялись, и производились все новые и новые аресты.

Достаточно было арестованному с помощью следователя упомянуть фамилию любого человека, которого арестованный знал по совместной работе или был знаком лично с ним, как это лицо подвергалось аресту как участник контрреволюционной организации.

Инициатором и застрельщиком всех беззаконий являлся сам Рухадзе, который также ежедневно избивал арестованных и считал наиболее хорошими работниками тех, у которых много арестованных и которые получают показания на других лиц.

Дело дошло до того, что для оперативных работников был установлен лимит — заканчивать в день до 10 следственных дел на тройку».

Аналогичные показания дали свидетели Свиридов и Постолов, работавшие в 1937 году в Гагрском отделе НКВД ГССР.

Свидетель Свиридов показал:

«После указания Рухадзе начались массовые избиения арестованных и применения к ним мер физического воздействия. Били всех арестованных, которые не давали показаний. Каждый сотрудник сделал себе соответствующее "оружие" в виде веревки, обмотанной проволокой, шнуром, палки, самодельных резиновых дубинок из автопокрышек и т.д.

Арестованных били днем и ночью. При этом нужно заметить, что крики избиваемых были слышны на улице и жителям примыкавших к горотделу домов.

После избиений арестованных заставляли длительное время стоять на ногах с поднятыми вверх руками. Такие "стоянки" продолжались долго, причем у этого арестованного попеременно дежурили сотрудники горотдела. Были случаи, когда арестованные падали от изнеможения, их поднимали, давали немного передохнуть и вновь ставили в такое положение.

Рухадзе лично истязал арестованных, причем делал это в наиболее изощренных и зверских формах».

Свидетель Постолов показал:

«В середине 1937 г. в бытность начальником Гагрского отдела НКВД Рухадзе начались массовые аресты граждан. Мне неоднократно приходилось бывать в отделе и стать свидетелем того, что подследственных подвергали репрессии...

Я был очевидцем, как сам лично Рухадзе избивал подследственного, если не ошибаюсь, Леткемана» (том 41, л.д. 340—343).

Участие Рухадзе в истязании арестованного Леткемана подтвердил упомянутый выше свидетель Свиридов, который показал:

«Рухадзе, я это видел лично, бил Леткемана кулаком в живот и по голове, бил его веревочным шнуром, а однажды дошел до того, что привязал к половым органам Леткемана шпагат и стал дергать его, требуя показаний от Леткемана. Я в это время составлял протокол допроса Леткемана и лично видел эту картину».

Бывший сотрудник Гагрского отдела НКВД Парцхаладзе Н.К., подтверждая факты массовых избиений, показал:

«В одном помещении находилось по 30—40 и более арестованных, причем арестованные, подвергшиеся избиению на следствии, возвращались в помещение, где находилось много других арестованных, в том числе и таких, которые проходили по одному делу. Видя избитых на следствии арестованных, другие, боясь применения к ним таких же мер физического воздействия, были готовы давать любые показания, которые требовало следствие. Так было, например, с группой арестованных по обвинению в принадлежности к дашнакской а/с организации в составе 80—90 человек из Пилинковского подрайона...

Среди этих арестованных были совершенно неграмотные люди, которые вообще не знали, что представляет собой дашнакская организация. Следствие по этому делу вели Мартиросов и другие сотрудники Гагрского горотдела под непосредственным руководством Рухадзе».

В приведенных выше показаниях свидетеля Васильева упоминается о том, что в ряде случаев производимые преступными методами допросы об-

виняемых заканчивались смертью арестованных. Это подтвердил также ряд других свидетелей.

Так, быв. сотрудник Гагрского отдела, свидетель Калантаров Н.Н. показал:

«...в основном из видов репрессий как со стороны Рухадзе, а также и других сотрудников в отношении арестованных применялись избиения. Кроме того, арестованных заставляли стоять продолжительное время с поднятыми руками, не давали пищи, воды и проч... было два случая смерти арестованных, из них один умер в камере, а другой в кабинете следователя во время применения репрессий. Как помнится, один из них был по национальности немец и следствие по его делу вел лично Рухадзе» (том 20, л.д. 168—169).

Факты убийств арестованных на допросах подтвердили также свидетели Анджапаридзе Н.Т., Бабунашвили Г.С., Свиридов М.Б. и другие.

Враги народа Берия, Б. Кобулов, Гоглидзе, насаждая среди подчиненных им следователей убеждение в безнаказанности произвола и беззакония, избиений и пыток арестованных и других преступных нарушений установленного советскими законами порядка ведения следствия, ставили обвиняемых по настоящему делу в пример другим следственным работникам и обязывали их «учиться» у Рухадзе, Рапава, Хазана, Кримяна и других обвиняемых ведению следствия.

В этом отношении характерны показания свидетеля Окуджава:

«...я был назначен следователем в следчасти, начальником которой был Рухадзе...

...шла слава о следователях Савицком, Хазане и Кримяне, которые из арестованного "отбивную котлету" делали и получали нужные им показания. В то время они были героями, их имена произносились с трепетом, они были примером, на котором воспитывались мы — молодые следователи. Я сам мечтал в то время иметь такие способности, как Кримян или Савицкий. Теперь только стало понятно, что это были палачи Берия, а в то время искусственно создавался ореол славы вокруг этих лиц. Они считались опытными следователями, у которых нужно учиться, как допрашивать арестованных, чтобы получить от них признательные показания».

Свидетель Арзанов В.Г., работавший в качестве помощника Кримяна, характеризуя преступную деятельность Кримяна, Хазана, Савицкого и Парамонова, показал:

«Савицкий, Кримян, Хазан и работавший на пару с Савицким Парамонов считались лучшими следственными работниками, могущими заставить любого арестованного давать нужные показания. Остальные следователи должны были ориентироваться на этих следователей, учиться у них. Гоглидзе и Кобулов покровительствовали им, а Парамонов был наиболее приближенным человеком Гоглидзе, его доверенным лицом.

Наблюдая деятельность этих следственных работников, которых руководство НКВД Грузии считало лучшими, я сразу же убедился, что их поведение было несоветским, противозаконным... Производимое ими "следствие" было по существу терроризированием людей из числа партийно-советского актива, а также руководящих работников разных ведомств, так как только Савицкий, Кримян, Хазан и Парамонов вели дела на крупных работников. Следствие они начинали стандартно по каждому делу, путем избиения, вымогая показания».

Сфальсифицированные обвиняемыми по настоящему делу уголовные дела направлялись для рассмотрения на тройку при НКВД ГССР, в состав которой входили обвиняемые Рапава и Церетели.

Используя тройку, заговорщики совершали террористические убийства невиновных людей под видом их репрессирования за государственные преступления.

Являясь особо доверенным и приближенным к Берия соучастником его преступной деятельности, обвиняемый Рапава, будучи в это время председателем тройки при НКВД ГССР, выносил преступные решения о расстрелах неугодных ему и Берия невиновных людей. Так, под председательством Рапава тройкой при НКВД ГССР были вынесены решения о расстреле 18 невиновных людей, арестованных по сфальсифицированному Рухадзе уголовному делу о так называемой дашнакской террористической организации, а также преступные решения о расстреле необоснованно арестованных Э. Вашакидзе, Ш. Киладзе, Джатиева и многих других. (См. раздел 2 обвинительного заключения.)

В период 1937—38 г.г. Берия осуществлял расправы с невиновными людьми также с помощью своего сообщника обвиняемого Церетели, являвшегося членом тройки.

Обвиняемый Хазан по этому поводу показал:

«Нужно отметить, что в состав “тройки” Берия взял угодных ему людей — председательствовали Гоглидзе, либо Рапава, членом “тройки” был Ш. Церетели, человек тупой, жестокий... способный в угоду Берия и Гоглидзе соглашаться с любыми предложенными ими решениями».

Установлено, что Церетели участвовал в заседаниях тройки с 11 августа 1937 г. по 13 июля 1938 г., подписав ряд решений по сфальсифицированным заговорщиками делам, в частности решения о расстреле близких родственников Серго Орджоникидзе — Орджоникидзе П.К., Орджоникидзе Д.Г., Орджоникидзе С.В., ложно обвиненных в контрреволюционных преступлениях. Все они были расстреляны.

Церетели с Кобуловым Б. вдвоем 23 мая 1938 г. приняли преступное решение о расстреле жителей так называемой Мамукинской деревни: Давидова, Багдасарова, Манучаровых, Размадзе, Ростомова, заведомо ложно обвиненных в подготовке террористических актов против Кобулова и Гоглидзе.

Церетели подписал также решение «тройки» о расстрелах заведомо ложно обвиненных в к-р преступлениях Вашакидзе Э.А. и Киладзе.

В настоящее время все перечисленные выше дела Военной Коллегией Верховного Суда СССР прекращены за отсутствием состава преступления в действиях лиц, расстрелянных по решениям тройки, и эти лица посмертно реабилитированы.

По решению тройки, подписанному Церетели, был расстрелян один из авторов книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» — Бедия Е.А., рассказавший в частных беседах о том, что он является фактическим автором этой работы и вследствие этого арестованный обвиняемым Рапава по прямому указанию Берия.

Следствием установлено, что бесчеловечные избиения и пытки арестованных применялись обвиняемыми по настоящему делу не только в период ведения предварительного следствия, но в ряде случаев также и после осуждения арестованных к расстрелу.

В этих случаях участники заговорщической группы преследовали цель, используя подавленное психическое состояние осужденных, вынудить от них при помощи пыток ложные показания в отношении других невиновных лиц.

Свидетель Ковшов С.Г., подтверждая это, показал:

«Следователи — Хазан, Парамонов, Савицкий и Кримян неоднократно вызывали днем к себе заключенных, заставляли подписывать показания, а в ту же ночь этих заключенных мы вывозили на расстрел. Эти же следователи иногда приходили в комендатуру, когда арестованных связывали, вывозили на расстрел. Помню, что заключенные говорили этим следователям: "За что меня на расстрел ведете. Я не виноват"».

Быв. начальник тбилисской тюрьмы Окрошидзе показал, что обвиняемые Савицкий, Кримян и Хазан входили в так называемую «группу Кобулова Б.» и, как указал свидетель, «особо отличались в зверствах».

Окрошидзе показал также, что обвиняемые по настоящему делу участвовали в истязаниях арестованных перед расстрелом с целью понуждения их к даче ложных показаний. В подтверждение этого свидетель привел в числе других фактов следующее:

«...В 1937 г. в тюрьму № 1 в числе других арестованных был доставлен Двали, как мне припоминается, это был шофер начальника управления милиции Хмаладзе, также арестованного...

Двали был приговорен к расстрелу, и с группой других приговоренных его готовили вести на расстрел, причем руки его были связаны, и он сидел в кузове автомашины. В это время в тюрьму прибыл Кримян и потребовал, чтобы Двали привели в мой кабинет, куда пришел и Кримян. Когда привели Двали, Кримян спросил — хочет ли он рассказать о своих преступлениях. Двали ответил, что он ничего не знает и ни в чем не виноват.

Тогда Кримян ударил связанного Двали, который упал на пол, и лежащего Кримян начал топтать ногами. Несколько минут Кримян топтал его ногами, требуя дать показания, но Двали твердил, что он ничего не знает и ни в чем не виноват. Потом надзиратели унесли Двали, положили его в машину и увезли на расстрел».

Свидетель Гульст В.Н. об участии обвиняемых по настоящему делу в избиениях арестованных перед расстрелом показал:

«Савицким, Кримяном, Хазаном и Парамоновым также практиковалось избиение лиц, осужденных к расстрелу перед приведением приговоров в исполнение. К этому привлекались и другие следователи».

Из показаний обвиняемого Савицкого видно, что зверские избиения арестованных непосредственно перед расстрелом производились по распоряжению Берия, который заявлял: «Перед тем, как им идти на тот свет, набейте им морду».

Следствием по настоящему делу установлено также, что, осуществляя избиения осужденных к смертной казни перед приведением в исполнение расстрела, обвиняемые Савицкий, Парамонов и Кримян действовали не как простые исполнители преступных распоряжений врага народа Берия, но совершали эти преступления и по собственной инициативе, внося в них особую жестокость и изощренность. Это подтверждается показаниями ряда свидетелей.

Свидетель Арзанов показал, что перед расстрелом Лордкипанидзе Кримян послал его к нему для подписи сфальсифицированного протокола допроса. После же того, как Лордкипанидзе отказался подписать этот протокол, Кримян подделал сам его подпись.

Графической экспертизой установлено, что действительно некоторые подписи под протоколами допросов в деле Лордкипанидзе являются поддельными.

Свидетель Тестов, бывший надзиратель внутренней тюрьмы НКВД ГССР, выводивший Лордкипанидзе на расстрел, подтвердил, что один из оперативных сотрудников предлагал Лордкипанидзе подписать протокол, но последний отказался это сделать, говоря, что он уже «дал» много показаний в отношении невиновных людей.

Свидетель Глонти на вопрос — известны ли ему случаи, когда осужденных к расстрелу перед приведением смертной казни в исполнение избивали, показал:

«Да, таких случаев было много. В этих избиениях принимали участие Кримян, Савицкий, Парамонов, А. Кобулов, Лазарев и другие.

Я вспоминаю, что однажды Кримян, Савицкий, Гамсахурдия начали избивать осужденного Дзидзигури на глазах других осужденных сразу же, как только все они были размещены в грузовой автомашине, чтобы следовать к месту расстрела. Я лично видел, как Кримян, Савицкий и Гамсахурдия беспощадно били Дзидзигури рукоятками и убили его еще до расстрела.

Помню также, что Кримян, Арушанов и еще кто-то так избили во время следования к месту расстрела осужденного Слобода Константина, что превратили его лицо в сплошную кровавую маску...

Страшно были избиты во время следования к месту расстрела и бывшие сотрудники органов госбезопасности Морковин и Максименко. Били их Савицкий и Кримян. Во время избиений Морковина Савицкий и Кримян обвиняли его в том, что он не присваивал им очередные специальные звания и издевательски спрашивали его: "Ну как, теперь ты присвоишь нам звания?"

...Жуткие сцены разыгрывались и непосредственно на месте расстрела. Кримян, Хазан, Савицкий, Парамонов, Амаяк Кобулов... как цепные псы набрасывались на совершенно беспомощных, связанных веревками людей, и нещадно избивали их рукоятками от пистолетов.

Иногда при таких сценах присутствовал Кобулов Б., который наблюдал все эти дикие картины.

У меня отчетливо сохранилось в памяти, что перед расстрелом многие осужденные кричали, что они ни в чем не виноваты, проклинали Берия, Кобулова и Гоглидзе, называли их кровопийцами...

В моем присутствии осужденный быв. сотрудник органов госбезопасности Чхаидзе Датико, стоя на краю могилы, говорил, что его расстреливают только потому, что он не мог в угоду Берия, Кобулову, Гоглидзе и другим посылать на расстрел ни в чем не повинных людей, что за отказ быть сообщником Берия он погибает...»

Свидетель Гомелаури М.Г., работавшая машинисткой тюрьмы № 1 г. Тбилиси, показала об обвиняемом Парамонове следующее:

«...Обычно в тюрьму приезжал Парамонов вместе с другими следователями. Все они были, как правило, пьяные и перед выводкой арестованных приступали к избиениям.

Я помню, что Парамоновым был избит бывший сотрудник Зеленцов, который в прошлом когда-то являлся начальником Парамонова. Перед вывозом Зеленцова на расстрел Парамонов вызвал его и во дворе тюрьмы (место у нас называлось хозяйственным двором) приступил к избиению Зеленцова. Я слышала удары, стоны и крики Зеленцова. Зеленцов умер во дворе тюрьмы».

Инспектор Тбилисской тюрьмы, свидетель Сусанов А.Н., подтвердив, что Парамонов перед расстрелом забил до смерти своего бывшего начальника Зеленцова, показал и о том, что избиения арестованных производил также обвиняемый Надарая с помощью подчиненной ему особой команды.

Сусанов показал:

«...Команда эта вела себя безобразно по отношению к заключенным, приговоренным к расстрелу. Процедура приема приговоренных к расстрелу проходила в комендатуре, куда поодиночке вызывались приговоренные. За столом в комендатуре сидел Надарая и вместе с ним два его помощника. Удостоверившись путем опроса в личности приговоренного, Надарая садился на свое место, а его помощники набрасывались на заключенного и начиналось зверское избиение. Я знаю такой случай, когда приговоренного к расстрелу быв. начальника УСО Зеленцова забили на смерть и в машину отнесли уже труп. В этом зверском избиении главную роль играл приехавший из НКВД следователь Парамонов, который, видимо, и убил Зеленцова. После того, когда Зеленцов был убит, Парамонов рассказал, что Зеленцов был его начальником и придирался к нему, как он выразился — "жизни не давал"... Надо сказать, что Парамонов участвовал почти во всех случаях избиений арестованных, приговоренных к расстрелу. Чувствовалось, что он испытывал какое-то наслаждение, когда избивал арестованных, приговоренных к расстрелу — он знал, что жаловаться на него не будут, и давал полную волю своим темным подлым инстинктам. Это был настоящий садист...».

Показания свидетеля Сусанова находят подтверждение в ряде других материалов дела, характеризующих обвиняемого Надарая как активного сообщника Берия в расправах с неугодными ему людьми.

Надарая специально для этой цели в 1937 году был назначен Берия начальником внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР. При этом Берия особо приблизил к себе Надарая, сделав его участником своих поездок на рыбную ловлю, на загородные пикники и т.д., участие в которых принимали лишь некоторые приближенные к Берия лица.

Следствием установлено, что Надарая заведомо знал, что Берия и его соучастники производят уничтожение невиновных людей.

Из приведенных выше показаний свидетеля Курели видно, что Надарая принимал меры к сокрытию фактов избиений, пыток и истязаний арестованных, которые применялись к ним во время следствия. В частности, он категорически запрещал врачам указывать действительные причины заболевания или смерти арестованных, наступивших в результате применения к ним мер физического воздействия.

Вместе с тем следствием установлено, что, являясь начальником внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР, Надарая сам принимал участие в пытках и истязаниях арестованных с целью получения от них ложных самооговоров и вымышленных показаний в отношении других лиц, а также участвовал в избиениях арестованных перед расстрелом (том 43, л.д. 339—340).

На допросе Надарая показал:

«...Среди сотрудников были разговоры, и я это сам слышал, что Берия, Кобулов, Гоглидзе, Савицкий, Хазан и Кримян много расстреляли неугодных им людей, избивая арестованных и фабрикуя дела» (том 40, л.д. 75).

И далее он же показал:

«Во время исполнения приговоров и решений тройки осужденные мне иногда говорили перед смертью, что они расстреливаются ни за что» (том 41, л.д. 28).

Следствием установлено, что преступные методы следствия и фальсификации следственных дел применялись обвиняемыми как в бытность Берия в Грузии, так и после того, как Берия удалось проникнуть на пост наркома внутренних дел СССР.

Переводя из Грузии в НКВД СССР своих ближайших соучастников Гоглидзе и Кобулова, Берия назначил наркомом внутренних дел Грузинской ССР своего сообщника Рапава, а начальником следственной части наркомата другого своего соучастника — Рухадзе.

Возглавив наркомат внутренних дел ГССР, Рапава и Рухадзе продолжали применять истязания и пытки арестованных для вымогательства у них вымышленных показаний и фальсификации следственных дел.

Так, заподозрив бывшего секретаря парткома НКВД Грузии Керкадзе М.И. в том, что он на съезде КП Грузии голосовал против Берия, Рапава и Рухадзе арестовали Керкадзе и его жену и подвергли их жестоким пыткам.

Добившись таким путем «признания» от Керкадзе, что он на съезде КП(б) Грузии голосовал против Берия, обвиняемый Рухадзе доставил арестованных Керкадзе в Москву к Берия, где их допрашивали Берия, Меркулов, Кобулов и Рухадзе, а затем оба арестованных были осуждены особым совещанием при НКВД СССР якобы за антисоветскую агитацию.

Тогда же, в 1939 г., Рапава и Рухадзе без всяких оснований арестовали быв. заведующего отделом руководящих и партийных органов Абхазского обкома КП(б) Грузии Чакаберия В.С., сфальсифицировали на него дело и, несмотря на неоднократные указания прокурора об освобождении Чакаберия как незаконно арестованного, преступники продолжали содержать Чакаберия под стражей. Чакаберия умер в тюрьме (том 45, л.д.).

Подробно обстоятельства фальсификации обвиняемыми Рапава и Рухадзе этих дел изложены во втором разделе обвинительного заключения.

Об этом периоде преступной деятельности Рапава и Рухадзе свидетель Куциава П.В. на допросе показал:

«Тогда, как и в последующие годы, арестованные на допросах подвергались избиениям и допрашивались беспрерывно от одного до пяти и более суток. Указания о применении репрессивных мер при допросах арестованных, как мне помнится, давали Рухадзе и его заместители Галаванов и Гульст, при этом все они ссылались на распоряжение Рапава, тогда работавшего наркомом внутренних дел ГССР.

Лично я по указанию Рухадзе, а также его заместителей Галаванова и Гульста, 5—6 раз присутствовал при избиениях арестованных, которым подвергались они в служебных кабинетах названных выше лиц. При избиениях арестованных удары наносили резиновым жгутом по пяткам и ягодицам. Я являлся очевидцем, когда Рухадзе Н.М. лично избивал арестованных... наряду с избиением арестованных, по указанию Рухадзе ряд арестованных подвергался так называемым "конвейерным" беспрерывным допросам» (том 20, л.д. 323—324).

Свидетель Чачилава И.Н., быв. следователь следчасти НКВД ГССР, показал:

«...Рухадзе Н.М., будучи начальником следчасти НКВД ГССР, систематически применял на допросах обвиняемых, проходивших по следственным делам, "стойки", "конвейеры" круглосуточные, а иногда и по несколько дней. В отдельных случаях со стороны Рухадзе также применялись по отношению к арестованным побои...» (том 20, л.д. 270).

Это же подтвердил и заместитель секретаря парткома МВД ГССР, свидетель Барсегов Т.М., показав:

«Были случаи, когда из служебного кабинета Н. Рухадзе в соседних комнатах следователей слышны были крики заключенных» (том 29, л.д. 210).

Обвиняемый Рухадзе об этом периоде своей службы в НКВД Грузинской ССР, показал:

«Факты избиений арестованных действительно имели место, но в каждом случае применение мер физического воздействия к подследственным производилось по указанию быв. наркома внутренних дел Грузинской ССР Рапава... По распоряжению Рапава в следчасти НКВД Грузии в 1939—1941 г.г. избивались, например, арестованные, обвинявшиеся в принадлежности к меньшевистской организации, и ряд подследственных по групповому делу Квашали и других.

По указанию Рапава подвергался избиениям также арестованный Керкадзе».

Следствием установлены факты преступной фальсификации обвиняемыми по настоящему делу большого количества следственных дел. Отдельные из этих дел приводятся ниже.

Ряд дел, по которым следствием установлены факты избиений и истязаний арестованных, затем расстрелянных, не мог быть проверен, так как по преступному распоряжению Рухадзе дела эти были уничтожены. Фотокопия акта об уничтожении этих дел приобщена к материалам следствия.

2. Отдельные следственные дела, сфальсифицированные обвиняемыми

Как указывалось ранее, обвиняемые по настоящему делу непосредственно участвовали в сборе клеветнических фальсифицированных материалов о выдающемся деятеле Коммунистической партии и Советского государства Серго Орджоникидзе, а также в террористических расправах с его родственниками.

Следствием по делу Берия и его сообщников установлено, что им стало известно о том, что Серго Орджоникидзе располагал данными о службе Берия в муссаватистской контрразведке и в связи с этим высказывал политическое недоверие ему.

Затаив злобу на С. Орджоникидзе и опасаясь разоблачений с его стороны, Берия дал своим сообщникам задание получить компрометирующие показания в отношении С. Орджоникидзе. Такие ложные показания вымогались от арестованных путем избиений и пыток, причем вымогательства клеветнических показаний продолжались и после смерти С. Орджоникидзе.

По прямому указанию Берия подвергнут аресту бывший секретарь ЦК КП Грузии Мамулия, от которого с помощью преступных методов допроса вымогались заведомо клеветнические показания в отношении С. Орджоникидзе.

По этому поводу обвиняемый Надарая показал:

«Во время следствия Мамулия жестоко избивали. Я помню, что в течение 7—8 дней его заставляли стоять с привязанным столом с грузом. Когда он падал, его поднимали и снова заставляли стоять.

Когда Мамулия с привязанным столом стоял несколько суток в кабинете следователя, почти ежедневно к нему заходили Кобулов и Гоглидзе».

При помощи избиений и пыток от Мамулия были получены клеветнические показания в отношении С. Орджоникидзе.

Кроме того, Мамулия назвал в качестве своих соучастников по преступной контрреволюционной деятельности ряд лиц, находившихся в близких отношениях с С. Орджоникидзе, что послужило поводом для ареста этих лиц.

Из материалов следственного дела по обвинению Мамулия видно, что непосредственное участие в получении клеветнических показаний на близких знакомых С. Орджоникидзе принимали обвиняемые Савицкий и Парамонов. В частности, Савицким и Парамоновым был подвергнут допросу арестованный Чахвадзе З.Ф., который 9 сентября 1937 года дал показания о том, что ему якобы известно об участии в преступной организации «правых» 131 человека, в том числе бывш. секретаря ЦК КП Грузии Левана Гогоберидзе, бывш. секретаря Заккрайкома ВКП(б) Орахелашвили.

В отношении Гогоберидзе заговорщикам было известно, что он имел беседу с С. Орджоникидзе о службе Берия в муссаватистской контрразведке.

По этому поводу враг народа Б. Кобулов в рапорте, датированном 16 декабря 1936 года (т.е. до смерти С. Орджоникидзе) и адресованном на имя другого соучастника Берия — Гоглидзе, доносил:

«...Леван Гогоберидзе контрреволюционное клеветническое измышление о прошлом тов. Берия передавал со слов т. Серго Орджоникидзе...».

После получения ложных показаний о Л. Гогоберидзе, как одном из руководителей подпольной контрреволюционной организации «правых», Л. Гогоберидзе был подвергнут аресту и после длительных избиений и пыток осужден к расстрелу.

В настоящее время по обвинению Л. Гогоберидзе прекращено Верховным судом СССР за отсутствием в его действиях состава преступления и он посмертно реабилитирован.

Был арестован также и другой близкий знакомый С. Орджоникидзе, упомянутый в показаниях Чахвадзе, как якобы один из руководителей преступной организации правых — Мамия (Иван) Орахелашвили.

Следствие по его делу вели Б. Кобулов и Кримян. Так же, как Мамулия и Гогоберидзе, Орахелашвили подвергался жестоким избиениям и пыткам, в результате чего начал давать клеветнические показания о С. Орджоникидзе.

Свидетель Ароян, бывшая фельдшерица внутренней тюрьмы НКВД ГССР, показала о том, как пытали Орахелашвили, следующее:

«Я, например, оказывала медицинскую помощь арестованному Мамия Орахелашвили.

У меня сохранилось в памяти, что на спине у Орахелашвили имелись зияющие кровоточащие раны... и я их смазала йодом.

На ногах у Орахелашвили было множество синяков. Орахелашвили тогда жаловался на сильные боли и испытываемые им мучения. Я, как могла, старалась облегчить его страдания. Должна отметить, что вместе с Орахелашвили в камере был один арестованный, который или был сумасшедшим, или притворялся сумасшедшим. Он систематически терзал Орахелашвили в камере, царапал его, бил, не давал никакого житья; Орахелашвили подолгу вынужден был скрываться от него под кроватью в камере.

Когда я оказывала медицинскую помощь Орахелашвили, он жаловался на издевательства и избиения, которые ему приходится терпеть от сокамерника, и высказывал предположение, что такого соседа ему следователь подсадил специально».

Свидетель Сурмава, бывший надзиратель внутренней тюрьмы НКВД ГССР, вспоминая лиц, подвергавшихся особенно жестоким истязаниям, указал в числе таких арестованных М. Орахелашвили.

Из показаний обвиняемого Надарая, а также из других материалов, приобщенных к настоящему делу, видно, что после применения к Орахелашви-

ли избиений и пыток, он стал ложно оговаривать значительное число лиц, считая, что таким путем ему удастся затянуть следствие и добиться тщательной проверки правдоподобности своих показаний, во время которой выяснится ложность возведенных против него обвинений.

В этот же период Орахелашвили дал ложные показания в отношении С. Орджоникидзе, заявив, что хотя он «очень многим обязан Серго Орджоникидзе», но «даже чувство благодарности и преданности к нему» не помешает Орахелашвили «осветить его (Орджоникидзе) действительную роль в событиях, при которых зарождались враждебные ВКП(б) и советской власти группировки и контрреволюционные организации».

Протокол допроса Орахелашвили от 15 августа 1937 года приобщен к материалам следствия. Под этим протоколом в качестве лиц, производивших допрос, указаны Кобулов и Кримян.

Доказательством того, что следствие по делу Орахелашвили производил Кримян, является и тот факт, что на имя следователя УГБ ГССР Кримяна адресовано также клеветническое «собственноручное» заявление Орахелашвили по поводу брата Серго Орджоникидзе — Папулия Орджоникидзе. Кроме того, Орахелашвили было написано на имя Гоглидзе о враждебном отношении С. Орджоникидзе к Берия. Подлинник этого заявления не обнаружен, но имеющаяся в деле по обвинению Орахелашвили копия заявления заверена «пом. нач. 2 отд. 4 отдела УГБ мл. лейтенантом госбезопасности Кримяном».

Таким образом, материалами следствия с бесспорностью установлено, что именно Кримян подвергал зверским избиениям и пыткам бывш. секретаря Заккрайкома ВКП(б) М. Орахелашвили с целью получения от него клеветнических показаний на С. Орджоникидзе.

Орахелашвили был расстрелян по решению тройки при НКВД ГССР, принятому с участием обвиняемого Церетели.

Из показаний свидетеля Саркисова, бывшего шофера внутренней тюрьмы НКВД, вывозившего Орахелашвили вместе с другими арестованными к месту расстрела, видно, что Орахелашвили перед казнью крикнул: «Да здравствует советская власть!»

В настоящее время Верховным судом СССР дело по обвинению Орахелашвили производством прекращено за отсутствием состава преступления в действиях Орахелашвили, и он полностью реабилитирован посмертно.

Следствием установлено, что клеветнические показания о С. Орджоникидзе вымогались обвиняемыми по настоящему делу также от арестованных Буду Мдивани, И. Элиава, Дзидзигури, Шушаны Киладзе, Эмилии Вашакидзе и др.

После смерти С. Орджоникидзе Берия и его сообщники стали жестоко мстить членам его семьи. Так, обвиняемый Рапава возбудил уголовное дело в отношении брата С. Орджоникидзе — Папулия, ложно обвинив последнего в подготовке теракта против Берия. На основании этих ложных обвинений Папулия Орджоникидзе был расстрелян по преступному решению, принятому Гоглидзе и Церетели, как членами тройки при НКВД Грузинской ССР.

После совершения убийства Папулия Орджоникидзе заговорщики арестовали его жену Нину Орджоникидзе.

Орджоникидзе Н.Д. была заведомо ложно обвинена в террористических намерениях по отношению к Берия и в контрреволюционной агитации. Единственным поводом к этим обвинениям послужило то, что Нина Орджоникидзе высказывала убеждение в невиновности своего арестованного мужа.

29 марта 1938 года было принято решение тройки о заключении Н.Д. Орджоникидзе в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет.

Не удовлетворившись такой расправой с Н. Орджоникидзе, заговорщики 14 июня 1938 года вновь поставили уголовное дело на рассмотрение тройки и приняли преступное решение о расстреле Н.Д. Орджоникидзе.

15 июня 1938 года Нина Орджоникидзе была расстреляна.

В настоящее время дело по обвинению Папулия Орджоникидзе и Нины Орджоникидзе прекращены Верховным судом СССР за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления, и они полностью реабилитированы посмертно.

7 августа 1937 года обвиняемый Хазан, с санкции обвиняемого Рапава, при отсутствии каких-либо компрометирующих материалов, подверг аресту другого брата С. Орджоникидзе — Дмитрия. Ордер на арест был подписан обвиняемым Рапава. Допрос Д. Орджоникидзе был произведен обвиняемыми Савицким и Парамоновым.

По решению тройки при НКВД ГССР, принятому с участием обвиняемого Церетели, Дмитрий Орджоникидзе был расстрелян.

29 августа 1938 года обвиняемые Савицкий и Парамонов подвергли аресту третьего брата С. Орджоникидзе — И.К. Орджоникидзе и его жену Антонину Михайловну.

На основании сфальсифицированных материалов И.К. и А.М. Орджоникидзе были осуждены Особым совещанием при НКВД СССР к лишению свободы якобы за ведение контрреволюционной агитации.

В настоящее время Верховным судом СССР дела по обвинению Ивана, Антонины и Дмитрия Орджоникидзе прекращены производством за отсутствием в их действиях состава преступления.

Выполняя вражеские указания Берия, обвиняемый Рапава организовал слежку за женой Серго Орджоникидзе — З.Г. Орджоникидзе.

По этому поводу свидетель Гудушаури показал:

«Летом или осенью 1940 года меня, как начальника 2-го спецотдела, вызвал к себе Рапава и предложил в филиале ИМЭЛ, где работала над историческими материалами З. Орджоникидзе и ее ассистентка, фамилию которой не помню, провести литерные мероприятия, что... было выполнено.

...По указанию Рапава результаты литерных мероприятий ежедневно в письменном виде, т.е. стенографической запиской докладывал лично ему — Рапава. Что он делал с этими материалами и как их использовал, это для меня неизвестно. Знаю одно, что З. Орджоникидзе была установлена наружка».

Участие обвиняемых в фальсификации следственных материалов против Серго Орджоникидзе и его родственников всячески поощрялось главарями преступной заговорщической группы.

Так, после окончания расследования дела по обвинению Дзидзигури, от которого вымогались клеветнические показания на Серго Орджоникидзе, враг народа Гоглидзе «подарил» обвиняемому Кримяну квартиру Дзидзигури вместе с находившейся в ней обстановкой.

Обвиняемый Хазан по этому поводу показал:

«Гоглидзе подарил Кримяну богатейшую обстановку и все вещи, находившиеся в многокомнатной квартире бывш. начальника транспортного отдела Дзидзигури».

Самого Хазана в этот же период Гоглидзе также «наградил» квартирой с обстановкой, изъятой у арестованного Польшина.

Следствием и судебным приговором по делу организаторов изменнической группы заговорщиков Берия, Меркулова, Кобулова и других установлено, что враг народа Берия присвоил себе авторство книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», написанной коллективом авторов под руководством бывшего директора филиала ИМЭЛ в Тбилиси Е.А. Бедия.

Из материалов дела по обвинению Бедия видно, что в беседах со своим знакомыми Бедия предал огласке тот факт, что книга, автором которой Берия называл себя, в действительности написана не им.

Узнав об этом, Берия с помощью Кобулова, Гоглидзе и Рапава арестовал Бедия. Следствие по делу Бедия было поручено обвиняемым Савицкому и Парамонову.

Обвиняемый Савицкий признал, что Бедия дал показания о своей виновности лишь после применения к нему Савицким и Парамоновым «мер физического воздействия».

Савицкий показал:

«На первичных допросах Бедия признательных показаний не давал. В связи с этим Кобуловым было дано указание применить к нему меры физического воздействия. После этого Бедия признал, что он является участником антисоветской организации и дал показания о своей вражеской работе... При этом, зная установившуюся в НКВД Грузии практику, в показаниях Бедия был отражен и эпизод с подготовкой теракта против Берия. Показания о своей вражеской деятельности Бедия дал под влиянием оказываемого на него давления мною и Парамоновым».

Обвиняемый Хазан показал, что по окончании следствия Берия вызвал к себе на допрос арестованного Бедия и последний заявил об отказе от всех показаний, данных им Савицкому и Парамонову. Однако этот отказ в следственном деле зафиксирован не был.

Парамонов и Савицкий, опасаясь, что при ознакомлении с делом в порядке ст. 206 УПК Бедия потребует зафиксировать его отказ от ранее данных показаний и будет настаивать на проверке доказательств по его делу, грубо нарушив закон, не ознакомили обвиняемого с материалами следствия. После этого Парамонов и Савицкий составили 2 декабря 1937 года обвинительное заключение по делу Бедия и направили его для рассмотрения не в суд, а на тройку при НКВД ГССР, по постановлению которой Бедия был расстрелян.

В расправе над Бедия принимал участие также и обвиняемый Кримян, который после ареста Бедия принудил путем избиений арестованных Бляу Д.М. и Богаладзе Г.В. дать показания о Бедия, как участнике контрреволюционной организации «правых», готовившей якобы теракт против Берия.

Вымогательство показаний о якобы готовившихся терактах против Берия широко практиковались обвиняемыми также и по другим делам, расследуемым ими.

Признав это, обвиняемый Савицкий показал:

«Берия как лично, так и через Гоглидзе и Кобулова давал указания допрашивать арестованных по подозрению в принадлежности к правотроцкистскому и националистическому подполью, в направлении организации и подготовки против него теракта. Добытые следователями показания о террористической деятельности против Берия всячески поощрялись. Это приводило к тому, что все следователи стремились добиться получения у арестованных таких показаний».

По этому поводу арестованный соучастник Берия — Цанава Л.Ф. показал:

«Террор против Берия настолько вошел в быт, что считалось необходимым в каждом деле иметь признания арестованных, что они готовили теракт против Берия. Эти признания выколачивались из арестованных Кобуловым и его подручными: Кримяном, Хазаном, Савицким и др. Арестованные говорили только то, что хотел Кобулов, который заранее намечал нужные ему показания, вызывал к себе своих помощников Кримяна, Хазана, Савицкого, Парамонова и др., распределял среди них, какие показания должны им дать арестованные, и начиналась работа по выколачиванию показаний. Избивали до тех пор, пока арестованные не давали нужных Кобулову показаний».

Следствием по делу изменнической заговорщической группы Берия установлено, что заговорщики совершали расправы с неугодными им людьми под видом осуждения тройкой не только в тех случаях, когда это делалось по заданию и в преступных интересах самого Берия, но и для террористической расправы с лицами, неугодными другим участникам заговорщической группы.

Примером такой расправы является уголовное дело по обвинению бывш. сотрудника НКВД ГССР Николая Давидова в подготовке теракта против Кобулова Б. и Гоглидзе.

Несмотря на отсутствие каких-либо доказательств виновности, Н. Давидов был арестован Хазаном по ордеру, подписанному Рапава.

Выполняя преступное указание Кобулова о расправе над Н. Давидовым, Савицкий и Кримян путем избиений получили от арестованных Дзидзигури и Хитария клеветнические показания о террористических намерениях Давидова по отношению к Берия. На основании этих показаний Давидов был расстрелян.

В действительности на протяжении всего следствия никаких доказательств преступной деятельности Давидова добыто не было и обвинение его в подготовке теракта против Гоглидзе и Кобулова ничем не подтверждено.

Расстрел Давидова Н. положил начало расправе с его братьями Саркисом и Александром и еще с семью жителями Мамукинской деревни: М. Капанадзе, Г. Манучаровым, А. Манучаровым, В. Манучаровым, Н. Размадзе, Д. Ростомовым, А. Багдасаровым.

Поводом к возбуждению дела в отношении указанных выше лиц послужили показания секретного сотрудника НКВД Мчедлишвили о том, что, проходя мимо пивной в Мамукинской деревне, он якобы услышал высказывания находившихся там братьев Давидовых, Капанадзе, Манучаровых и Багдасарова о том, что за арест и осуждение Н. Давидова «необходимо уничтожить» Гоглидзе и Б. Кобулова.

Допрошенный в качестве свидетеля по делу врага народа Берия Мчедлишвили от этих показаний отказался и признал, что по существу ложно оговорил братьев Давидовых и других лиц.

Уголовные дела в отношении братьев Давидовых и всех других упомянутых выше лиц прекращены производством за отсутствием в их действиях состава преступления, и они посмертно полностью реабилитированы.

Допрошенный по поводу своего участия в фальсификации уголовных дел по обвинению братьев Давидовых и других жителей Мамукинской деревни обвиняемый Савицкий признал, что Богдан Кобулов и Гоглидзе были лично заинтересованы в расправе с этими лицами. Однако, зная об этом, именно Савицкий составил на всех перечисленных выше жителей Мамукинской деревни

одинаковые по тексту справки о том, что они якобы изобличаются «в ведении злостной контрреволюционной агитации и террористических настроений».

На основании этих справок, составленных Савицким, упомянутые выше жители Мамукинской деревни были арестованы, а затем расстреляны по решению тройки. Непосредственное участие в террористической расправе с жителями Мамукинской деревни принял обвиняемый Церетели, который с Б. Кобуловым подписал решения тройки о расстрелах. Необходимо отметить, что решения эти подписаны лишь двумя лицами — ныне осужденным врагом народа Б. Кобуловым (против которого жители Мамукинской деревни якобы готовили теракт) и обвиняемым Церетели.

1 августа 1937 года обвиняемый Хазан подверг незаконному аресту Шушану Киладзе — жену бывш. председателя Зак. ГПУ Д. Киладзе, расстрелянного якобы за подготовку террористического акта против Берия.

Хотя никаких материалов, изобличающих Ш. Киладзе в совершении какого-нибудь преступления, Хазан не имел, он предъявил арестованной обвинение в том, что она «ведет активную контрреволюционную работу».

Следствие по делу Ш. Киладзе производили Савицкий и Парамонов.

Свидетель Киларджешвили, работавшая в 1937 году в НКВД ГССР и подчинявшаяся Хазану, показала, что Киладзе по приказанию Хазана подвергалась сильным избиениям, которыми непосредственно руководил Савицкий.

Из архивного дела по обвинению Ш. Киладзе видно, что протоколов допроса арестованной не составлялось около двух месяцев, и лишь 1 октября 1937 года Савицким и Парамоновым был составлен единственный протокол допроса Шушаны Киладзе, в котором записано, что она признает свою осведомленность о враждебном отношении к Берия ее мужа и тот факт, что ее муж выражал недовольство по поводу снятия его с поста председателя ГПУ Грузии.

Обвиняемый Парамонов, выступая в качестве докладчика по делу Киладзе на тройке и при отсутствии каких-либо доказательств виновности Ш. Киладзе, потребовал ее осуждения. Председательствовавший на тройке Рапава лично внес предложение о расстреле Киладзе. Это предложение было принято с участием обвиняемого Церетели, и Киладзе в октябре 1937 года была расстреляна.

К материалам следствия приобщена фотокопия решений тройки по делу Киладзе.

Определением Военной коллегии Верхсуда СССР Ш. Киладзе посмертно реабилитирована.

В связи с тем же делом по обвинению Киладзе, Хазан 4 августа 1937 года арестовал бывш. секретаря Д. Киладзе — Эмилию Вашакидзе. Хотя никаких материалов для обвинения Вашакидзе в уголовном преступлении не было, Хазан предъявил Вашакидзе обвинение в том, что она «ведет контрреволюционную работу».

Установлено, что, несмотря на применение к Э. Вашакидзе жестоких избиений, никаких изобличающих ее материалов добыто не было. Тем не менее, 7 октября 1937 года обвиняемыми Рапава и Церетели было принято преступное решение о расстреле Вашакидзе, и она была расстреляна.

Свидетель Киларджешвили, производившая по заданию Хазана расследование дела по обвинению Вашакидзе и докладывавшая это дело на тройке, показала, что предложения о расстреле Вашакидзе исходили от Рапава и Б. Кобулова, несмотря на полное отсутствие доказательств ее виновности.

Киларджешвили показала:

«Я вела одно дело на бывшего секретаря председателя Зак. ГПУ Киладзе — Вашакидзе Эмилию в принадлежности ее к контрреволюционной организации. Она себя ни в чем виновной не признала, и у меня лично никаких материалов не было. Однако Кобулов говорил, что у него имеются материалы, и когда я закончила дело и пришла с ним к Кобулову, он сказал: "Идите и доложите его на тройке и скажите, что мое мнение — расстрелять".

Когда я пришла на тройку, то председательствовал Рапава. Когда я доложила дело, то Рапава сказал, что Вашакидзе плохого поведения, сожительствовала с Киладзе, и предложил ее расстрелять. Тройка постановила расстрелять, и это решение было приведено в исполнение.

Я утверждаю, что Вашакидзе была расстреляна совершенно невиновной».

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР решение тройки при НКВД ГССР было отменено и дело прекращено за отсутствием в действиях Э. Вашакидзе состава преступления.

Также в связи с делом по обвинению Киладзе Хазан арестовал Арутюнова Г.К., ранее работавшего личным секретарем Киладзе. Арутюнов был арестован Хазаном с целью получения от него компрометирующих материалов в отношении Киладзе при отсутствии каких-либо доказательств личной преступной деятельности Арутюнова.

Через несколько дней после ареста Арутюнов умер. В деле по обвинению Арутюнова имеется акт от 22 июля 1937 года, составленный врачебной комиссией (врачи Ванцян, Мензон и Матиашвили) о том, что смерть Арутюнова последовала 22 июля 1937 года от менингита. В заключении указано также, что Арутюнов во время болезни падал с кровати, вследствие чего на трупе отмечено несколько кровоподтеков. Вскрытие трупа Арутюнова не производилось.

В октябре 1937 года Хазаном и Твалчрелидзе было вынесено постановление, утвержденное Рапава, о прекращении дела по обвинению Арутюнова в связи со смертью обвиняемого.

Как установлено следствием, смерть Арутюнова наступила не от менингита, а от избиений, которым Арутюнов был подвергнут по приказанию Хазана.

Враг народа Гоглидзе показал, что Арутюнова на следствии жестоко избивали, но он умер, не дав показаний, которые от него вымогали следователи.

Аналогичные показания дал свидетель Твалчрелидзе.

Обвиняемый Хазан признал, что по его приказанию Арутюнов был подвергнут избиениям, от которых скончался. По этому поводу Хазан показал:

«Я лично Арутюнова не избивал, а вызвал для этого двух дюжих вахтеров комендатуры... От Арутюнова добивались признания фактов контрреволюционной деятельности Киладзе. Не отрицаю, что Арутюнов скончался от полученных повреждений при избиении его вахтерами... Арутюнов был арестован неосновательно... Его арестовали лишь как бывшего секретаря Киладзе с целью получить от него показания на Д. Киладзе».

После смерти Арутюнова его жена вышла замуж за обвиняемого Рухадзе. Допрошенная на следствии об обстоятельствах, при которых был арестован Арутюнов, она показала, что он ранее ничем не болел и в июле 1937 года был арестован здоровым.

Свидетель Ванцян, бывший начальник санотдела НКВД ГССР, признал, что в ряде случаев он подписывал акты о смерти следственно-заключенных, даже не видя трупов, и, в частности, заключение о причинах смерти Арутюнова подписал, также, не видя трупа.

Свидетель врач Матиашвили, патологоанатом, производивший вскрытие трупов в тбилисских тюрьмах, также признал, что заключение о смерти Арутюнова было составлено без вскрытия его трупа.

Обвиняемый Хазан по этому поводу показал:

«Случаев смерти арестованных мы от начальства не скрывали и не могли скрыть. Общая установка руководства — составлять фиктивные акты, представляя, что человек умер от обычных естественных причин».

Таким образом, из приведенных доказательств видно, что акт о смерти Арутюнова являлся фиктивным, составленным для прикрытия террористической расправы с Арутюновым, учиненной обвиняемыми Хазаном и Рапава.

15 июня 1937 года по постановлению Хазана был арестован за «к.р. троцкистскую работу» бывш. нарком социального обеспечения ГССР, член ВКП(б) с 1903 г. В. Вашакидзе. Следствие по этому делу было поручено Хазаном своему подчиненному Айвазову (умер в 1942 г.). Через несколько минут после возвращения в камеру с допроса Вашакидзе умер.

19 июня 1937 года врачи Ванцян и Матиашвили составили заключение, что смерть Вашакидзе наступила от паралича сердца.

13 июля 1937 года Хазан и Айвазов прекратили дело по обвинению Вашакидзе за смертью обвиняемого. Между тем в деле нет никаких материалов, обосновывающих арест Вашакидзе и совершение им какого-либо преступления, за исключением заготовленной в декабре 1936 года, но никем не подписанной справки о том, что Вашакидзе, будучи наркомом социального обеспечения, оказывал материальную помощь и давал проездные билеты лицам, которые были затем разоблачены как троцкисты. В справке, кроме того, указано:

«Весной 1935 г. в служебном кабинете Вашакидзе троцкист Орджоникидзе Папулия, занимаясь проработкой Берия, употреблял уличные выражения в адрес последнего. Вашакидзе скрыл допущенные со стороны Орджоникидзе антипартийные выпады в отношении Зак. парт. руководства».

Таким образом, надлежит считать, что Хазан используя сфальсифицированную справку со ссылками на дело Папулия Орджоникидзе, арестовал старого коммуниста Вашакидзе, как близкого знакомого Орджоникидзе, и создал условия, повлекшие гибель Вашакидзе.

В ноябре 1937 года на основании распоряжения Берия, без санкции прокурора, был арестован зам. постоянного представителя Грузинской республики при Правительстве СССР Вермишев Л.А. Расследование дела по обвинению Вермишева производил Кримян. Вскоре Вермишев скончался от избиений его Кримяном на допросах, во время которых Кримян требовал от Вермишева вымышленных показаний о якобы совершенных им контрреволюционных преступлениях.

С целью сокрытия смерти Вермишева, с ведома Кобулова Б., в НКВД ГССР были уничтожены все документы об аресте Вермишева.

Допрошенный по этому поводу обвиняемый Кримян показал, что фамилии Вермишева он вообще не помнит, и его не допрашивал. Однако обвиняемый Савицкий, изобличая Кримяна в убийстве Вермишева, показал:

«Во второй половине 1937 г. в НКВД ГССР был доставлен из Москвы зам. постоянного представителя Армянской или Грузинской республики Вермишев... Показаниям его придавалось особое значение, так как ими интересовался Берия.

Арест Вермишева еще не был оформлен в соответствии с законом, как Кримян вызвал его на допрос. Добиваясь признательных показаний от Вермишева, Кримян так его избил, что на следующий день в камере он умер».

Свидетель Арзанов, работавший в 1937 г. вместе с Кримяном, показал, что последний в его присутствии сильно избил Вермишева, который сразу после доставки его с допроса в камеру скончался.

Свидетели Вермишева Е.А. и Вермишев А.А. подтвердили обстоятельства ареста Вермишева и факт вызова его телеграммой Берия из Москвы в Тбилиси. Одновременно эти свидетели показали, что о дальнейшей судьбе Леона Вермишева им после вызова его в Тбилиси ничего не известно.

Тот факт, что именно Кримян вел следствие по делу Вермишева, подтвердили бывш. работники НКВД ГССР свидетели Мовсесов и Твалчрелидзе.

Из справок I Спецотдела МВД ГССР, I Спецотдела МВД СССР и Военной Коллегии Верхсуда СССР видно, что никаких данных об осуждении Л. Вермишева у них не имеется.

Таким образом, установлено, что Л. Вермишев был арестован Кримяном на основании преступного распоряжения Берия, что после этого Кримян во время допроса убил Вермишева и что для сокрытия следов преступления заговорщиками были уничтожены все документы, связанные с незаконным арестом Вермишева.

На основании постановления Хазана 14 июня 1937 г. в Кисловодске был арестован «за контрреволюционную деятельность» профессор Тбилисского государственного университета Нанейшвили Г.А.

2 июля 1937 г. Нанейшвили был доставлен в тбилисскую тюрьму, а 10 июля 1937 г. Хазан и Кобулов дали письменное указание о переводе арестованного во внутреннюю тюрьму НКВД Грузии.

24 июля 1937 г. Нанейшвили умер, и в тот же день врачи Ванцян и Матиашвили дали заключение, что смерть его наступила от порока сердца.

В деле по обвинению Нанейшвили отсутствуют протоколы его допросов, равно как отсутствуют и другие материалы, подтверждающие обвинение, предъявленное Хазаном арестованному Нанейшвили, в том, что он «ведет контрреволюционную работу».

Хазан по поводу ареста и смерти Нанейшвили показал:

«Нанейшвили действительно был арестован по моему постановлению, на основании справки Кобулова о близких связях Нанейшвили с троцкистами.

Соответствует ли действительности акт вскрытия трупа, сказать ничего не могу, но, судя по тому, что нет ни одного протокола допроса Нанейшвили, могу предположить, что арестованный мог погибнуть из-за избиений».

9 июля 1937 г., при отсутствии каких-либо компрометирующих материалов, по постановлению Хазана был арестован директор Боржомского курорта Немсицверидзе. В постановлении на арест Хазан без всяких к тому оснований написал, что Немсицверидзе «ведет контрреволюционную работу».

10 июля 1937 г. Немсицверидзе был доставлен в Тбилиси. 17 июля 1937 г. дежурный комендант НКВД рапортом сообщил, что Немсицверидзе, 41 года, в 7 ч. 35 мин. «после болезни» скончался.

Из личного тюремного дела № 4689 видно, что Немсицверидзе в ночь с 16 на 17 июля 1937 г. находился на допросе в 4 отделе, где Хазан был помощником начальника.

Таким образом, установлено, что Немсицверидзе, неосновательно арестованный Хазаном, скончался сразу же после возвращения с первого допроса.

Как указывалось выше, в деле по обвинению Немсицверидзе нет никаких изобличающих его материалов, отсутствуют также протоколы допроса обвиняемого.

Обвиняемый Хазан признал, что неосновательно арестовал Немсицверидзе, но не может объяснить причин его смерти.

При активном участии обвиняемых Хазана и Кримяна была совершена террористическая расправа с бывш. сотрудником НКВД ГССР Осиповым и его женой. Осипов был расстрелян, а его жена осуждена к длительному сроку лишения свободы.

О преступных методах ведения следствия, примененных обвиняемыми по этому делу, дают представление показания свидетеля Осиповой Р.С.:

«К Хазану меня доставил сотрудник Кримян. Он мне передал о вызове меня к Хазану и сопровождал меня от дома до кабинета Хазана.

Через несколько минут Хазан достал чистый лист бумаги и, не поднимая головы, сказал:

"Расскажите о контрреволюционной работе мужа и вашей?" Я от неожиданности и изумления ему ничего не ответила. Тогда он обратился ко мне с вопросом: "Вы, что не слышите?" и стукнул кулаком по столу. Я ответила, что не понимаю вопроса, и переспросила Хазана, не шутит ли он. Хазан сказал: "Какие здесь шутки". Сидевший рядом со мной на диване Кримян кулаком ударил меня по лицу. От удара у меня закружилась голова, и потемнело в глазах. Я услышала в это время, как Хазан приказал: "Отправь ее вниз..."

Ночью меня вызвали на допрос. Вахтер провел меня куда-то наверх. Мы долго поднимались и шли по коридору, а потом меня ввели в большой кабинет. Когда я вошла, то ко мне спиной стояло несколько сотрудников. Они расступились, и я увидела Осипова. Он полулежал и имел страшный вид. Лицо у него было все окровавленное, в кровоподтеках, волосы обильно пропитались кровью и стояли дыбом. Одна нога была у него голая, и она совершенно потеряла форму, была страшно опухшей и невероятно большой. Она была вся залита йодом и лежала на галоше.

Осипов имел вид полуживого человека, невероятно слабым голосом, елееле пошевелив руками, и с огромным усилием слегка повернув ко мне голову, которая на чем-то лежала, он каким-то неестественным голосом спросил меня: "Где ребенок?" Я ответила: "Не знаю". После этого он мне сказал: "Я ни в чем не виноват, что происходит, не понимаю".

От ужаса я оцепенела и впала в полуобморочное состояние...

На другой день меня привели ночью на допрос к Кримяну. Последний потребовал от меня признания в контрреволюционной шпионской работе.

Не добившись от меня признания, Кримян из чемодана, стоявшего у стены за столом, достал несколько хлыстов, смочил их концы водой, а затем спросил: "Вы подумали?" Я молчала, тогда он подошел ко мне и начал меня избивать.

От избиений я падала со стула, на котором сидела, но он и лежа продолжал меня бить...

После первого допроса, который кончился через несколько часов, с помощью вахтера, я с трудом дошла до камеры. Все мое тело было в рубцах... Допросы Кримян производил в течение месяца».

Проверить уголовное дело по обвинению Осипова не представилось возможным, так как оно в числе других сфальсифицированных обвиняемыми дел по преступному распоряжению Рухадзе было уничтожено.

Дело по обвинению Осиповой Р.С. определением Военной Коллегии Верхсуда прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления.

3 октября 1937 г. по указанию Кобулова был арестован Марданов И.И.

Ордер на арест Марданова и постановление об избрании меры пресечения были оформлены после его ареста Хазаном.

Желая оправдать незаконный арест Марданова, Савицкий и Парамонов 4 октября 1937 года, путем избиений арестованного родственника Марданова — Джиджоева И.Н., получили от него вымышленные показания на Марданова, как участника к.р. организации.

5 октября Кобуловым была подписана справка на арест Марданова, где указано, что в к.р. работе Марданов изобличен показаниями Джиджоева И.Н. и Джиоева Ш.З.

В действительности Джиоев по делу не допрашивался.

Обзором архивно-следственного дела по обвинению Дзуцева, якобы завербовавшего Марданова в к.р. организацию, установлено, что Дзуцев свою принадлежность к троцкистской организации, а равно вербовку им в эту организацию Марданова, категорически отрицал.

Обвиняемый Савицкий признал, что оснований для ареста Марданова не было.

После получения Савицким и Парамоновым показаний Марданова о признании им своей вины он по решению тройки был расстрелян.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР это решение тройки при НКВД ГССР было отменено и дело прекращено за отсутствием в действиях Марданова состава преступления.

Установлено, что обвиняемые Савицкий и Кримян при расследовании дела по обвинению бывш. председателя Госплана ГССР Матикашвили избивали арестованного. В избиениях Матикашвили принимали участие также лично Берия и Кобулов.

После получения от Матикашвили «признаний» о своем участии в троцкистской организации и показаний на большое число других ответственных работников, как якобы на участников антисоветской организации, он был осужден к расстрелу.

На основании вынужденных преступными методами вымышленных показаний Матикашвили был арестован и бывш. нач. табачного управления НКЗ Грузии Микелов З.С.

Добившись от Микелова признания об участии его в троцкистской организации, Савицкий и Кримян забили Микелова до смерти, составив протокол допроса Микелова без его подписи.

Затем Савицкий, Кримян и Хазан составили фиктивный акт о причинах неподписания Микеловым протокола допроса от 25 июля 1937 г. В акте указано, что после допроса Микелову был дан на ознакомление и на подпись составленный по его показаниям протокол, но по ознакомлении с протоколом Микелову сделалось плохо, вследствие чего протокол допроса о признании Микеловым своей вины оказался неподписанным.

Допрошенный о своем участии в убийстве Микелова обвиняемый Кримян показал, что в расследовании дела Микелова и допросах его он вместе с Савицким участия не принимал, а составленный Савицким 25 июля 1937 г. акт подписал легкомысленно и о действительных причинах смерти Микелова ему ничего не известно. Он может только предполагать, что Микелов был забит Савицким на допросах.

Утверждение Кримяна о том, что он не принимал участия в расследовании дела Микелова, опровергается имеющимися в архивно-следственном деле Микелова материалами, личной подписью акта, составленного Савиц-

ким, и рапортом дежурного коменданта НКВД с пометкой «передать Кримяну».

Обвиняемые Хазан, Савицкий и Парамонов совершили террористическую расправу над помощником прокурора Грузинской ССР по надзору за местами заключения Авнатамовым.

Установлено, что Авнатамов, добросовестно выполняя свой служебный долг, боролся с незаконными арестами и требовал соблюдения предусмотренного законом тюремного режима. Этим Авнатамов навлек на себя преследования со стороны участников заговорщической группы. По постановлению Хазана Авнатамов был необоснованно арестован обвиняемыми Савицким и Парамоновым, хотя к моменту ареста в НКВД ГССР никаких компрометирующих его материалов не имелось.

Характеризуя Авнатамова, его отношение к делу и обстоятельства, при которых он был привлечен к уголовной ответственности, свидетель Карели Г.М. — начальник спецчасти тюрьмы УИТЛК МВД ГССР, ранее работавший в Тбилисской тюрьме № 1, показал:

«Был арестован прокурор, надзиравший за нашей тюрьмой, Авнатамов, который большую часть своего рабочего времени находился у меня в канцелярии, где проверял личные дела и другие документы.

Авнатамов работал по надзору за тюрьмой года 2—3. Он был очень справедливым, честным человеком и требовательным прокурором.

Авнатамов строго следил, чтобы не было нарушений законности. Он смело освобождал из-под стражи людей, арест которых не был надлежаще оформлен, следил за сроками следствия.

Сам Авнатамов был смелым и прямо заявлял, что он не потерпит нарушений закона, кем бы эти нарушения ни допускались.

Он применял свои права и власть, как по делам милиции, других следственных органов, так и НКВД. Работники тюрьмы к Авнатамову хорошо относились, но из-за его требовательности некоторые работники, ответственные за порядки, его недолюбливали, но открыто это никто не проявлял».

Арестовав Авнатамова, заговорщики предъявили ему обвинение «во вредительстве по линии прокурорского надзора» и в частности в том, что Авнатамов якобы неправильно досрочно освобождал арестованных и направлял в дальние лагеря лиц, осужденных за мелкие преступления. Обвинение это являлось целиком лживым, так как досрочное освобождение производилось судом по предъявлению органов НКВД, а к направлению в дальние лагери арестованных Авнатамов вообще никакого отношения не имел.

Из показаний свидетеля Гомелаури М.Г. видно, что Авнатамов во время следствия подвергался зверским избиениям.

В результате избиения и пыток Савицкий и Парамонов получили от Авнатамова «признательные» показания.

Несмотря на то, что эти показания не были подтверждены никакими объективными данными и явно неправдоподобны, Авнатамов был расстрелян по решению тройки. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР это решение было отменено и дело прекращено за отсутствием в действиях Авнатамова состава преступления.

Обвиняемые Савицкий, Кримян и Хазан приняли совместно с Б. Кобуловым непосредственное участие в сборе фальсифицированных клеветнических материалов для зверской расправы, учиненной врагом народа Берия, над командиром 63 Грузинской дивизии комдивом Буачидзе Ф.М.

Заговорщикам было известно, что Буачидзе высказывался против избрания Берия секретарем ЦК КП(б) Грузии.

Решив отомстить Буачидзе, участники заговорщической группы начали в 1937 г. добиваться от арестованных клеветнических показаний против Буачидзе.

Из материалов дела по обвинению Буачидзе видно, что обвиняемые Савицкий и Кримян совместно с врагом народа Б. Кобуловым получили также ложные показания против Буачидзе от арестованного Чихвадзе, который 11 апреля 1937 г. показал, что ему известно якобы о тесной связи арестованного за контрреволюционную деятельность Тенгиза Жгенти с комдивом Буачидзе.

В этом же направлении заговорщиками допрашивался и арестованный троцкист Буду Мдивани, оговоривший на следствии ряд честных советских и партийных работников. На допросах 9, 17, и 27 июня 1937 г., которые проводились Кобуловым, Савицким и Кримяном, Мдивани показал, что комдив Буачидзе якобы был известен ему как участник антисоветской организации.

На последнем допросе Мдивани, кроме того, показал, что к.р. организация, в которую якобы входил Буачидзе, ставила перед собой террористические цели.

На допросе 14 июля 1937 г. Б. Кобулов и Хазан получили от Мгалоблишвили, быв. председателя Совета Народных Комиссаров Грузии, вымышленные показания, что он лично якобы завербовал в контрреволюционную организацию правых комдива Сосо Буачидзе.

Говоря о целях, которые ставила перед собой контрреволюционная организация правых, Мгалоблишвили указал, что ими готовился террористический акт против Берия.

На основании этих полученных преступными методами ложных показаний Буачидзе Ф.М. 30 июля 1937 года был арестован. Он был подвергнут зверским избиениям и пыткам, в результате которых 6 августа 1937 года умер в центральной больнице тбилисской тюрьмы.

В копии выданного тюрьмой свидетельства о смерти (подлинник не обнаружен) указан ложный диагноз «паралич сердца».

О том, какими зверскими способами была осуществлена заговорщиками расправа с Буачидзе, дают представление показания свидетеля Окрошидзе, быв. начальника тбилисской тюрьмы.

Окрошидзе показал:

«В 1937 г., летом, я не помню точно месяца, ко мне прибыл из внутренней тюрьмы бывш. командир дивизии Буачидзе. Он был избит до полумертвого состояния. На ногах он, конечно, не мог стоять. Он не мог говорить, а только стонал...

Я помню, что все тело Буачидзе было покрыто сплошными синяками и кровоподтеками. Он не мог мочиться естественным способом, т.к. у него был поврежден мочевой пузырь и моча выходила через живот, образуя влажность вокруг низа живота... По существу Буачидзе был уже в предсмертной агонии. Надо сказать, что Буачидзе был крепкого телосложения, здоровым и поэтому особенно бросалось в глаза его состояние.

На следующий день после доставки Буачидзе в тюрьму, он скончался. Каким путем оформлялась смерть Буачидзе, я не помню».

Осмотром уголовного дела по обвинению Буачидзе устанавливается, что на допросе он признал, что выступал против выдвижения кандидатуры Бе-

рия секретарем ЦК КП(б) Грузии, считая, «что если Берия придет к руководству партийной организацией, партийные организации будут руководить чекистскими методами... конкретно мы не обсуждали, в чем должны заключаться чекистские методы руководства, но представляли себе этот метод, как излишнюю жестокость в руководстве».

Этот протокол подписан Буачидзе. В деле имеется также неподписанный протокол допроса Буачидзе от 4 августа 1937 г., в котором указано, что Буачидзе якобы признал себя виновным в участии в контрреволюционной террористической организации.

Таким образом, следует считать установленным, что после того как Буачидзе отказался подписать ложный, сфальсифицированный соучастниками Берия протокол допроса, он был подвергнут зверским истязаниям, от которых скончался.

В настоящее время дело по обвинению Буачидзе прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

По указанию Хазана его помощник Твалчрелидзе арестовал политредактора и цензора Васину М.Д., которая по сфальсифицированным материалам была заключена в лагерь на 10 лет за связь с «врагом народа» Бедия и др.

Хазан на следствии не отрицал, что Васина была арестована и репрессирована необоснованно, но сослался на распоряжение Берия, в силу которого Васина подлежала аресту.

Военная коллегия Верховного суда СССР дело на Васину прекратила, как сфальсифицированное.

Обвиняемый Хазан допрашивал, а затем составил обвинительное заключение по делу бывшего зав. ОРПО ЦК КП(б) Грузии, а позднее секретаря райкома Долидзе. По решению тройки НКВД ГССР Долидзе был расстрелян.

О том, какими методами велось следствие по этому делу, дает представление предсмертное письмо Долидзе, адресованное им Берия и Гоглидзе:

«Говорю свое последнее слово вам. Я и вместе со мной весьма многие преданные сыны нашей великой сталинской партии ни в чем не виноваты. Мы погибаем благодаря провокации врагов, которые сумели оговорить лучших преданных товарищей. Система же следствия в нашем органе НКВД такова, что оговор врагов находит подтверждение, от нас же не выслушивают никаких оправданий, никаких доводов, заставляют подписывать и показывать всякую чушь и ерунду. Говорят, были и такие, которые ничего не показывали, их тоже расстреляли. Кому это нужно, как не врагам...

Почему никто не подумает над тем, что враги могут оговорить и честных, преданных людей? На одного врага идут десятки преданных людей, им оговоренных.

Почему не подумаете над тем, что весь актив, который не раз доказал свою преданность ленинско-сталинской партии, вдруг стал врагом того строя, за который они боролись, врагом той партии, которая их воспитала и создала? Ведь это ерунда и чушь!

Совершается ужасное, чудовищное дело. Истребляются люди, беспредельно преданные партии Сталина, беззаветно преданные вождю партии великому Сталину!

Моя просьба перед смертью — подумайте над этим. Мои показания, как и многие, сплошной вымысел, выдуманный под палкой.

Прощайте! Долидзе, камера № 21».

С участием Кримяна и Савицкого был арестован и привлечен к уголовной ответственности бывш. сотрудник трудколонии НКВД ГССР Петросян А.З. Расследование по этому делу производилось с грубейшими нарушениями социалистической законности. Несмотря на то, что арестованный не дал Савицкому и Кримяну требуемых от него показаний о подготовке теракта против Берия, Петросян все же был осужден якобы за проводимую им антисоветскую агитацию, хотя никаких доказательств его виновности не было.

О том, что арест Петросяна был произведен при активном участии Кримяна, свидетельствуют имеющиеся в архивно-следственном деле Петросяна материалы. Так, на отношении начальника Судакского РО НКВД от 7 июля 1937 года имеется следующая резолюция Кримяна: «т. Мовсесов, Петросян мне лично известен. Очень близкая связь с Лордкипанидзе и Агабаляном и, несмотря на это, он продолжает работать в наших органах. Переговорите со мной и ознакомьте меня с имеющимися на него материалами. 14.VII. Кримян».

2 августа 1938 г. Кримяном была составлена справка на арест Петросяна... На основании этой справки Кобулов дал указание об аресте Петросяна.

Свидетель Петросян А.З. на допросе 21 января 1954 года показал:

«...в августе 1938 г. в Тбилиси я был арестован НКВД по обвинению в подготовке теракта против Берия. Следствие по моему делу вели бывшие работники НКВД Грузии Кримян, Савицкий, Мовсесов и Пачулия. В период следствия меня систематически избивали Кримян и Савицкий. Кримян и Савицкий избивали меня кулаками, ногами, ременной плетью, заставляли меня танцевать и всячески издевались, постоянно истязали, так что я не менее 30—35 раз терял сознание и избитый, в синяках и кровоподтеках доставлялся во внутреннюю тюрьму.

Лично Кримян во время истязаний выбил мне кулаком четыре зуба, он же заставлял меня лизать кровь на полу.

Кримян и Савицкий требовали от меня признания и подписи протокола о том, что я готовился совершить теракт против Берия».

Обвиняемый Кримян свое участие в расследовании дела Петросяна и его избиении отрицает, но изобличается в этом показаниями Савицкого, потерпевшего Петросяна и материалами архивного дела.

По указанию Кобулова Хазаном и Кримяном была произведена террористическая расправа с бывш. сотрудницей IV отдела НКВД Грузии Старшовой.

Старшова обвинялась в том, что якобы проявляла повышенный интерес к работе отделения СПО, который ведал Хазан.

В своем рапорте от 25 сентября 1937 г. Хазан требовал подвергнуть Старшову аресту.

После ареста Старшовой Хазан 26 сентября 1937 г. предъявил ей обвинение «в проведении контрреволюционной работы».

Производя расследование по делу, Кримян путем избиений Старшовой добился от нее «признания», что она якобы информировала бывш. нач. СПО НКВД Султанишвили о готовящемся его аресте.

29 ноября 1937 г. Кримян дополнительно предъявил обвинение Старшовой в подрывной и террористической деятельности, допросил по ее делу жену Султанишвили — Султанишвили В.Н. и на этом закончил следствие.

По решению тройки НКВД ГССР Старшова была расстреляна. Дело Старшовой на тройке докладывал Кримян.

Допрошенный по делу Старшовой обвиняемый Кримян признал что:

«Принадлежность Старшовой к право-троцкистской организации и проведение ею подрывной террористической работы доказаны не были... Решение тройки по ее делу является неправильным» (том 2, л.д. 80).

Обвиняемый Хазан показал, что Старшову на следствии избивали.

Свидетель Давлианидзе на допросе от 30 июля 1953 г. показал, что Старшова была арестована и расстреляна необоснованно. Старшову он знал как честную сотрудницу НКВД (том л.д.).

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР решение тройки НКВД ГССР по делу Старшовой было отменено и дело о ней прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления.

По справке Кримяна, при отсутствии каких-либо доказательств вины был арестован и необоснованно обвинен в контрреволюционной деятельности Роговский В.А. Дело по обвинению Роговского направлено было тем же Кримяном на рассмотрение тройки при НКВД ГССР, по решению которой он был расстрелян (т. л.д.).

Определением Военной коллегии Верхсуда СССР решение тройки отменено и дело прекращено за отсутствием в действиях Роговского состава преступления.

По материалам, также сфальсифицированным Кримяном, по решению тройки при НКВД ГССР был расстрелян бывш. председатель Ахалцикского РИКа Русадзе Георгий. Показывая о том, как Кримян вел «следствие» по этому делу, свидетель Арзанов сообщил на допросе 4 января 1954 г.:

«Осенью 1937 г. был арестован Русадзе Гоги. Его при допросах избивал Кримян, но никаких показаний не давал и виновным себя ни в чем не признавал. Тогда Кримян после неоднократных избиений начал спрашивать у Русадзе, кого он имеет из близких друзей. Русадзе начал называть ему фамилии. Кримян записал фамилии, названные Русадзе, а затем все эти лица были арестованы» (том 6, л.д. 13—14).

Определением Военной коллегии Верхсуда СССР решение тройки отменено и дело прекращено за отсутствием в действиях Русадзе состава преступления.

Подобные же факты преступной фальсификации следственных дел с помощью избиений, применявшихся к арестованным, установлены следствием в отношении обвиняемого Рухадзе.

В этом отношении характерным является групповое дело, расследованное лично Рухадзе, по обвинению Леткемана, Семенковича и других.

Обвиняемый Леткеман, работавший пчеловодом совхоза «III-й Интернационал», был арестован Гагрским отделом НКВД по подозрению во вредительской деятельности. Следствие по этому делу вел лично Рухадзе. На первых же допросах Леткеман был подвергнут зверским избиениям, в результате которых стал давать нелепые показания, оговаривая десятки невиновных людей. Леткеман показал, в частности, что он якобы был главным резидентом германской разведки и руководил обширной сетью агентуры не только на территории Грузии, но и в ряде других республик Советского Союза.

На основании этих вымышленных показаний Леткемана были произведены аресты названных им лиц, которые в свою очередь после применения пыток оговаривали других людей, подвергавшихся также арестам. Всего по делу Леткемана было арестовано свыше 30 человек.

В 1937—38 гг. бывш. заместитель Рухадзе по должности начальника Гагрского горотдела НКВД Васильев, убедившись в том, что Рухадзе сознательно фальсифицирует дела, в одном из своих рапортов писал:

«По следделу Леткемана, о котором я сообщил в рапорте, уже расстрелян ряд людей и ряд людей осужден по длительному сроку на основе непроверенных в достаточной степени показаний самого обвиняемого, которого беспощадно и без толку избивали по нескольку раз в день в течение более месяца. Вообще практиковали и практикуется система сплошных избиений. Обвиняемые под влиянием жесточайших истязаний дают показания сплошь и рядом ложные, оговаривающие сотни лиц. Эти показания не проверяются в достаточной степени, начинаются новые “посадки”, новые избиения и так без конца...

Ошибка ли это? Со своей категоричностью заявляю, что нет, т.к. ведут следдела в достаточной степени опытные оперработники, но потерявшие чекистскую и партийную совесть...» (том л.д.).

В другом рапорте на имя Гоглидзе Васильев о деле Леткемана доносил:

«Допрос Леткемана начался с репрессии, причем эта репрессия проводилась беспрерывно в течение более месяца...

...Началось с выставления в угол с поднятыми вверх руками и с лишения пищи, питья и возможности оправляться — показания в этот период о вредительстве по пчеловодству.

Второй период — битье: Леткемана раздевали совершенно догола и были по несколько часов подряд по чему попало. В это время показания о десятках шпионов, резидентов, подрезидентов и т.д.

Допускались такие “методы”... делались веревочная петля, которая одевалась на половые органы, а потом эта петля сдавливалась. Били по голове резиновой плетью (не думаю, чтобы от такого воздействия показания были бы яснее), давили на ноги каблуком сапога и т.д.

Словом, в кабинете днем и ночью стоял сплошной вой, крик и стоны. После этого в “антрактах” давались показания, причем, если Леткеман показал, что им было завербовано, допустим, трое, то его били за то, что мало, если завербовано, допустим, 30, за то, что много. В том легко убедиться, прочитав спецдело, по которому проходят десятки лиц как шпионы, резиденты, диверсанты, вредители и т.д. и т.п.

На допросах Леткемана я убедился в том, что он абсолютно не понимал, что из себя представляет диверсионная агентура, массовое осведомление, агентура на консервации и т.д.

Следствие само учило Леткемана терминологии и этими по существу провокационными вопросами подсказывало ему пути ложных показаний» (том л.д.).

Несмотря на то, что Васильев сообщал Гоглидзе о преступных методах, применявшихся Рухадзе, и сознательной фальсификации им следственного дела по обвинению Леткемана и других, враг народа Гоглидзе поощрял преступные действия Рухадзе, отвечавшие вражеским установкам Берия. При поддержке Гоглидзе Рухадзе продолжал фальсификацию этого дела, в результате чего было расстреляно 12 человек, невиновных в совершении государственных преступлений.

За попытку разоблачить Рухадзе как фальсификатора следственных дел и государственного преступника Васильев был исключен из партии и подвергался преследованиям со стороны врага народа Гоглидзе и другого соучастника Берия — Амаяка Кобулова.

Данные, которые были приведены в рапортах Васильева, полностью подтверждаются показаниями свидетелей: Свиридова М.Б., Бабунашвили Г.С., Парцхаладзе Н.К., Пачулия Г.А.

Будучи изобличен на очной ставке с Васильевым в избиении арестованного Леткемана, обвиняемый Рухадзе заявил:

«Я... допрашивая арестованного Леткемана, действительно избивал его веревкой... палкой и заставлял длительное время стоять на ногах, возможно, что я наносил удары по лицу Леткемана кулаком и ладонью, а также давил каблуком на пальцы ног...» (том л.д.).

Обвиняемым Рухадзе было также сфальсифицировано уголовное дело о так называемой «дашнакской» террористической организации.

По этому делу к арестованным применялись столь же жестокие пытки и истязания, как и по делу Леткемана.

Свидетель Эроян Х.А., бывший секретарь комсомольской организации колхоза, арестовывавшийся в 1937 г. Гагрским отделом НКВД по обвинению в принадлежности к «дашнакской террористической организации», дело в отношении которого позднее было прекращено, показал:

«В июне 1937 г. я был арестован Гагрским горотделом НКВД... Начались систематические избиения меня на следствии, причем били руками, ногами, палками, резиновыми дубинками, в том числе по лицу, по голове и т.д. От меня требовали, чтобы я подписал заранее написанный протокол, в котором было записано, что я являюсь членом антисоветской дашнакской организации. Так продолжалось более месяца... Я видел, что избиению подвергались и многие другие арестованные, которых поле допросов приводили в камеру в полубессознательном состоянии» (том л.д.).

Свидетель Маукаэлян Г.С., также привлекавшейся в 1937 г. к уголовной ответственности по делу «дашнакской террористической организации», показал:

«Избивали меня специально подготовленными для этой цели шнуром, обернутым проволокой. После неоднократного моего избиения и дойдя до изнеможения, я вынужден был дать ложные показания» (том л.д.).

Осмотром более чем 70 архивно-следственных дел на лиц, обвинявшихся в участии в дашнакской террористической организации, установлено, что все постановления об избрании меры пересечения, обвинительное заключение и другие следственные документы были подписаны Рухадзе.

Таким образом, установлено, что следствием по этому делу руководил лично Рухадзе.

Допрошенный по этому поводу Рухадзе признал, что подчиненные ему сотрудники Гагрского отдела НКВД, допрашивавшие арестованных по делу дашнакской террористической организации, в соответствии с полученными от него установками «об упрощенном следствии», подвергали арестованных избиениям.

На основании сфальсифицированных материалов ряд арестованных по делу «дашнакской террористической организации» был расстрелян. Так, из материалов архивно-следственного дела № 22121 видно, что 17 июля 1937 г. по постановлению, подписанному Рухадзе, был арестован колхозник Урумян М.Г. Основанием к аресту Урумяна послужили ничем не подтвержденные и не проверенные показания арестованного Кундахчяна О.Х. о том, что Урумян будто бы являлся участником террористической группы и примыкал к контрреволюционной дашнакской организации.

Во время следствия по делу Урумяна было составлено всего три кратких протокола его допроса.

На допросе от 20 июля 1937 г. Урумян признал, что якобы примыкал к дашнакской контрреволюционной организации. Об обстоятельствах вербовки Урумяна в протоколе допроса записано следующее:

«Меня в контрреволюционную дашнакскую организацию завербовал Кундахчян Мисак Мелконович в августе месяце 1936 г., когда я работал на поле и ломал табак... Кундахчян Мисак сказал: "В Армении (но не сказал, в каком городе именно) строится табачный совхоз. Запишемся в этот совхоз. Там дадут корову, дом и хорошее жалование. Жалование в месяц два раза. Запишемся", на что я согласился, и Кундахчян меня завербовал.

Прошла приблизительно одна неделя. Я пришел на Пилинковский базар, где и встретил Кундахчяна Мисака, и последний объяснил мне, что: "Та бумага, в которую я вписал твою фамилию, имя и отчество, имеет совершенно другую цель". На что я спросил Кундахчяна М.: "Что же ты говорил, что в Армении строится совхоз и для этого записал, а теперь в чем дело?" На что Кундахчян ответил, что «слушай, Мелкон, я тебя записал, это имеет другие цели. Мы организовали к.р. дашнакскую организацию и ты будешь членом этой организации». На что я дал свое согласие быть членом в к.р. даш. орг., работать честно и аккуратно и вербовать новых членов в нашу к.р. дашнакскую организацию. На этом мы разошлись. После этого я с ним не встречался» (том л.д.).

Хотя нелепость таких «признательных» показаний была совершенно очевидна, дело по обвинению Урумяна было направлено на рассмотрение тройки НКВД ГССР, по решению которой Урумян в сентябре 1937 г. был расстрелян.

Аналогичным является дело по обвинению крестьянина села Колдохвары, Гагрского района, Каракеяна, который также был осужден к высшей мере наказания по непроверенным и столь же неправдоподобным показаниям.

Допросом установлено, что Рухадзе лично принимал участие в издательствах над арестованными по делу «дашнакской террористической организации». В частности, свидетель Чакрян М.Е. на допросе 11 февраля 1954 года показал:

«Зайдя в кабинет, где должен был производиться мой допрос, я увидел сидящих за столом начальника Гагрского отдела НКВД Рухадзе, сотрудников названного отдела НКВД Мартиросова и Кишмишева, а также арестованного Демерчяна...

Мартиросов приказал мне избивать Демерчяна Геворка, что мною и было сделано... когда Демерчян Геворк и я друг друга избивали, то присутствующие там Рухадзе и другие, указанные мной выше сотрудники, смеялись на такое зрелище» (том л.д.).

Преступный метод принуждения арестованных к зверским избиениям других арестованных вообще широко практиковался в Гагрском отделе в бытность Рухадзе начальником этого отдела. Так, свидетель Айба показал об обстоятельствах убийства арестованного Кетия следующее:

«...Однажды на допрос вызвали двух братьев Кетия Нестора и Исната. Возвратившись в камеру, Иснат Кетия рассказал следующее:

Им организовали очную ставку между собой, чтобы Иснат показал на Нестора, т.к. последний не хотел подписывать протокол с признанием своей вины, ибо никаких преступлений не совершал. Иснат Кетия под воздействи-

ем пыток во избежание того, чтобы его не убили совсем, решил на очной ставке сказать, что они вместе с братом якобы совершили преступление. Но Нестор Кетия не подтвердил ложных показаний своего брата. Тогда следователь, проводивший очную ставку, приказал Иснату Кетия бить своего брата Нестора Кетия, что последний и начал делать. Вместе со следователем они били Нестора Кетия до тех пор, пока он не потерял сознания, после чего его вынесли. Больше Нестор Кетия в камеру не вернулся...» (том л.д.).

Проверкой уголовных дел по обвинению в принадлежности к «дашнакской террористической организации» установлено, что по решениям тройки при НКВД ГССР, принятым под председательством Рапава и с участием Церетели, были расстреляны 18 человек и подвергнуты лишению свободы в ИТЛ 11 человек. Остальные обвиняемые после пыток и истязаний были из-под стражи освобождены, хотя первоначально дела в отношении их также направились в суд для рассмотрения в порядке, предусмотренном законом от 1 декабря 1934 г. Прекращение дел в отношении этих лиц было мотивировано тем, что они якобы признали свою вину, раскаялись и не представляют социальной опасности. Таким путем была скрыта фальсификация ряда следственных дел в отношении лиц, ложно обвиненных в совершении тяжких государственных преступлений.

В настоящее время Военной коллегией Верховного суда СССР все дела в отношении участников т.н. «дашнакской террористической организации» прекращены производством за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления.

Непосредственное участие обвиняемого Рухадзе в фальсификации уголовных дел по обвинению Леткемана и других, а также по обвинению в участии в «дашнакской организации» колхозников доказывается, кроме приведенных выше доказательств, также составленной самим Рухадзе его так называемой «оперативной биографией», в которой, всячески подчеркивая свою особую приближенность к Берия, обвиняемый писал:

«В 1935—1936 гг. и по октябрь 1937 г. работал в Гаграх в должности коменданта Гагрской особой погранкомендатуры, а затем начальника Гагрского отдела НКВД ГССР...

Лично вскрыл немецкую резидентуру, возглавляемую пчеловодом Леткеманом Г., имевшим связь с немецкими колонистами в Ставропольском крае.

По нашим ориентировкам там также была вскрыта и ликвидирована немецкая резидентура. По делу Леткемана по Гаграм было выявлено и разоблачено 17 шпионов немецкой разведки. Все осуждены были к ВМН. Под моим непосредственным руководством (агентурные и следственные мероприятия) было разоблачено и арестовано до 700 человек врагов народа, изобличенных во вредительской, диверсионной и террористической деятельности. Большая часть была осуждена к ВМН. Остальные к разным срокам наказания...

Принял непосредственное участие в следствии, организации процесса, а затем расстрела участников к.р. шпионского и диверсионного центра в Абхазии (Ладария, М. Лакоба и др., всего 17 человек).

По поручению товарища Берия арестовал и разоблачил как участников к.р. заговора в аппарате НКВД Абхазии Жужунава, Волковского, Петросяна и др...

Был вызван из Гагр в оперативную командировку в Тбилиси в НКВД ГССР, где проводил следствие по врагам народа (Вардзиели, Сапакоев, Джичоев, Киладзе, Чхаидзе и др.)

По указаниям товарища Л.П. Берия в июне 1939 г. был назначен на должность нач. следственной части НКВД Грузинской ССР и проработал в этой должности по апрель 1941 года» (том 29, л.д. 19—22).

Не отрицая фактов массового избиения арестованных и фальсификации дел и своего участия в этом, Рухадзе на следствии старался переложить основную вину в этом на Берия и Гоглидзе. На допросе он показал:

«В извращениях, которые имели место в следственной работе в Гагрском отделе НКВД в 1937 г., есть доля моей вины... Я лично неоднократно заходил в кабинеты следователей, где арестованных избивали... Я уже показал, что в Гагрском отделе НКВД, как и в других органах совбезопасности Грузии, в 1937 г. широко практиковалось избиение арестованных. Однако эти извращения в следствии явились результатом вражеских установок, которые давались Берия, Гоглидзе...» (том 8, л.д. 367).

Как уже указывалось ранее, после отъезда врага народа Берия в 1938 г. в Москву, Рапава и Рухадзе продолжали преступную практику заговорщиков, фальсифицируя следственные дела и применяя для этого к арестованным пытки и истязания.

Так, осенью 1939 г. НКВД Грузии были арестованы бывш. начальник Управления милиции и секретарь партбюро НКВД Грузинской ССР Керкадзе М.И. и его жена акушерка Керкадзе К.И.

Арест Керкадзе был произведен вследствие того, что Рапава и Рухадзе заподозрили Керкадзе в том, что, являясь делегатом съезда КП(б) Грузии, он голосовал против кандидатуры Берия. Дело по обвинению Керкадзе вел лично Рухадзе, который допрашивал обвиняемого о том, как он якобы создал преступную группу, действовавшую против Берия и Рапава. Рухадзе и Рапава подвергли Керкадзе истязаниям. По этому поводу свидетель Керкадзе М.И. показал:

«...когда меня вызвали в третий раз на допрос к Рухадзе, тогда начались настоящие изощренные пытки. Рухадзе, предложив: "Расскажите о к.р. работе", несколько раз сильно ударил меня резиновой дубинкой по местам, которые болели от прежних побоев, и по голове. От нестерпимой боли я ударился головой о стену, пытаясь защитить больные места тела от побоев...

Меня связали, и Рухадзе вместе со следователем Шавгулидзе и 2 или 3 помощниками, которых я не знаю, принялись зверски меня избивать мокрыми веревками, резиновыми палками и еще не знаю какими предметами...

Меня били на полу по местам особенно болезненным. Били меня всю ночь до утра, когда я терял сознание, мне давали нашатырного спирта, я приходил в себя, и меня снова начинали бить. Под утро, без сознания... меня вытолкнули в камеру...

Когда мое тело начало немного подживать, меня вновь потащили на допрос, вновь избивали до потери сознания... У меня появились сильные боли в области поясницы, видимо, мне повредили почки, так как я мочился кровью, били по голове, я потерял память, что и сейчас ощущается...

По существу в течение месяца, когда моим делом занимались Рухадзе и Шавгулидзе, допросов не было, а были систематические пытки, били меня смертным боем, и только благодаря моему здоровому организму я смог вынести такие пытки.

Рухадзе требовал от меня показаний, что я был недоволен Берия и Рапава и готовился их убить.

Однажды сделали мне очную ставку с моей женой. Ее привели избитой с опухшими ногами. Я был доведен до последнего предела человеческого терпения...

Жена на очной ставке сказала, что я был недоволен Берия и Рапава...

В тот раз я заявил: "Да, я был недоволен Берия и голосовал против него на выборах", чего на самом деле не было. Я был так измучен, что мог наговорить на себя что угодно, лишь бы избежать дальнейших пыток...» (том л.д.).

Факт зверских избиений Рухадзе арестованного Керкадзе подтвержден также показаниями ряда свидетелей.

Так, свидетель Окуджава показал:

«Когда я вошел к Рухадзе, то увидел, что он стоит посреди кабинета с плетью в руках, а на полу сидел избитый Керкадзе и умолял Рухадзе не бить его. Я знал Керкадзе, который раньше был секретарем парткома НКВД, и картина, которую я увидел, поразила меня.

Рухадзе же, увидев меня, исступленно закричал мне: "Вон", и я выбежал из его кабинета» (том л.д.).

Жена Керкадзе — свидетель Керкадзе Кетевана Ивановна подтвердила факт применения к ней Рухадзе избиений и пыток.

По этому поводу Керкадзе К.И. показала:

«Я арестована была 19 сентября 1939 г. После ареста меня допрашивал Рухадзе. Он от меня требовал, чтобы я сказала, что мой муж Керкадзе имел намерение убить Берия и Рапава и был недоволен тем, что у власти мингрельцы...

Когда я отказалась дать такие показания, то меня заставили стоять на ногах в течение пяти суток. У меня опухли ноги от беспрерывного стояния. Тогда ко мне применили другой метод. Меня завели в отдельную комнату, где были Рухадзе, Шавгулидзе и еще один человек, фамилию которого не знаю. Рузадзе приказал мне сесть на пол. Когда я села, Рухадзе приказал Шавгулидзе избивать меня по ногам. Шавгулидзе стал меня бить веревкой по ногам.

После этого взял веревку Рухадзе и стал меня ею избивать» (том л.д.).

Рухадзе признал, что избивал Керкадзе М.И. и его жену, но показал, что делал это, выполняя указания обвиняемого Рапава.

В ноябре 1939 г. Керкадзе М.И. и Керкадзе К.И. были этапированы в Москву, где их допрашивал Берия с участием Рухадзе.

Несмотря на то, что Керкадзе М.И. и его жена полностью отказались от данных ими ранее под воздействием пыток показаний, они при отсутствии каких-либо доказательств виновности были осуждены особым совещанием при НКВД СССР.

Признавая, что он применял избиения и пытки к арестованным, Рухадзе показал, что во всех случаях делал это с санкции и по указаниям обвиняемого Рапава. По этому поводу Рухадзе показал:

«Факты избиений арестованных имели место, но в каждом случае применение мер физического воздействия к подследственным производилось по указанию бывш. наркома внутренних дел ГССР Рапава...

Вообще в тех случаях, когда Рапава давал распоряжение об избиении арестованного, сотрудники следчасти, в том числе и я, пользовались, как правило, куском веревки, намоченным в воде. Кроме того, в некоторых случаях арестованным установили так называемые "стойки", причем последних заставляли стоять с поднятыми вверх руками» (том л.д.).

На другом допросе Рухадзе показал:

«Подтверждаю, что виды репрессий ("конвейерный допрос", допрос "стойка") действительно применялись в отношении арестованных, когда я возглавлял следственную часть НКВД ГССР. Однако следователи к указанным мерам физического воздействия прибегали только в соответствии с распоряжением бывш. наркома внутренних дел Грузии Рапава. В тех случаях, когда обвиняемые не сознавались в инкриминируемых им действиях, Рапава давал указание о применении так называемой "стойки" и "конвейерной" системы допросов, а если и это не побуждало арестованного к даче показаний, приказывал в последующем избивать их. Такие указания от Рапава получал я, а затем передавал их следователям...

"Стойки" и "конвейерная" система допросов применялись к арестованным сутками и более продолжительное время, но это делалось по распоряжению Рапава» (том л.д.).

Рухадзе признал также, что в результате применявшихся им избиений в бытность его начальником следчасти НКВД Грузии, имели место случаи смерти арестованных.

Рухадзе показал:

«...У меня сохранился в памяти случай, когда вскоре после избиений один из арестованных умер...

В день ареста этого подследственного, обвинявшегося, если не ошибаюсь, в германском шпионаже, Рапава приказал мне, не сажая обвиняемого в камеру, сразу подвергнуть его допросу с избиением. Допрашивая арестованного в своем кабинете, Шавгулидзе подверг его избиению.

Вскоре мне позвонил по телефону Рапава и, узнав от меня, что арестованный пока в шпионаже не сознается, сказал, что он сам зайдет на допрос.

Я тут же велел Шавгулидзе снова привести арестованного в мой кабинет, где Шавгулидзе и я вместе продолжали допрос и избиение арестованного.

Когда пришел Рапава, избиение подследственного продолжалось, причем Рапава в это время ругал арестованного и кричал мне и Шавгулидзе:

"Дайте ему покрепче!"

После допроса этот арестованный в тюрьме скончался» (том л.д.).

Факт смерти от избиений этого подследственного подтвердили допрошенные в качестве свидетелей Шавгулидзе М.И. и Тавдишвили М.К.

Бывшие сотрудники следчасти НКВД ГССР, допрошенные также в качестве свидетелей: Лобанидзе М.А., Бачилава И.М., Куциава П.В., Рогава В.А., Окуджава А.В. и другие показали, что Рухадзе, являясь в 1939—1941 гг. начальником следчасти НКВД ГССР, грубо попирал советские законы, пытал подследственных, практиковал систему так называемых «стоек» и совместно с Рапава насаждал произвол и беззаконие в следственной работе.

Свидетель Тертерашвили Г.Б., в частности, показал о факте, когда один из арестованных, не выдержав пыток в виде продолжительных «стоек», сошел с ума.

По вине обвиняемых Рухадзе и Рапава умер в тюрьме незаконно арестованный ими бывш. заведующий отделом руководящих партийных органов Аджарского обкома КП(б) Грузии Чакаберия В.С., ложно обвиненный в ведении контрреволюционной агитации, террористических намерениях и участии в к.р. организации.

Чакаберия был арестован в сентябре 1938 г. врагом народа Б. Кобуловым по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-10, 58-8, 58-7 и

58-11 УК ГССР. При помощи избиений от него были получены «признательные» показания.

29 мая 1939 г. дело по обвинению Чакаберия рассматривалось военным трибуналом Закавказского военного округа. В судебном заседании Чакаберия оказался от ранее данных показаний, как вынужденных. Вызванные в суд свидетели характеризовали Чакаберия положительно и показаний о якобы проводимой им контрреволюционной деятельности не дали. Военный трибунал оправдал Чакаберия во всех предъявленных ему обвинениях.

После этого обвиняемые Рухадзе и Рапава, решив добиться осуждения Чакаберия якобы за контрреволюционную деятельность, несмотря на наличие оправдательного приговора военного трибунала, подвергли Чакаберия аресту по тем же обвинениям, в которых он уже был оправдан.

Постановление об аресте Чакаберия подписано Рухадзе и Шавгулидзе и утверждено обвиняемым Рапава.

Следствием установлено, что, несмотря на категорическое предложение Прокурора СССР от 26 апреля 1940 г. о немедленном освобождении Чакаберия, преступники продолжали содержать Чакаберия под стражей, и 28 июля 1942 г. Чакаберия умер в тюрьме.

В настоящее время дело обвинению Чакаберия прекращено производством за отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления.

Приведенные выше факты фальсификации следственных дел, террористических расправ с невинными людьми, преступных и бесчеловечных методов, примененных обвиняемыми для осуществления злодейских изменнических замыслов заговорщиков, далеко не исчерпывают их преступной деятельности в период 1937—41 гг.

Материалы, изложенные в первом разделе обвинительного заключения, свидетельствуют, что преступные методы применялись обвиняемыми не только по тем уголовным делам, которые были проверены в ходе расследования настоящего дела, но и по большему числу других аналогичных дел.

В данное время производится дальнейшая проверка законности и обоснованности привлечения арестованных к уголовной ответственности по следственным делам, расследованным обвиняемыми или под их руководством.

Однако приведенные выше отдельные факты фальсификации следственных дел и террористических расправ с невиновными людьми с бесспорностью устанавливают, что:

1. Эти преступления совершались обвиняемыми систематически, в больших масштабах.

2. Обвиняемые по настоящему делу выполняли наиболее важные и конспиративные преступные поручения главарей заговорщической группы.

3. Обвиняемые по настоящему делу совершали злодеяния не только по преступным поручениям Берия, Кобулова Б., Гоглидзе, но и по собственной инициативе, действуя при этом с особой жестокостью и бесчеловечностью.

3. Преступная деятельность обвиняемого Рухадзе после назначения его министром госбезопасности ГССР

В 1948 году обвиняемый Рухадзе при содействии врага народа Берия с помощью интриг и провокаций сумел добиться назначения на пост министра государственной безопасности Грузинской ССР. Узнав о состоявшемся назначении своем на эту должность, Рухадзе немедленно написал благо-

дарственное письмо на имя Берия. По этому поводу свидетель Мильграм Б.А. показала:

«Я писала одну короткую записку, которую Рухадзе сам продиктовал мне в адрес Берия. Это было за день до опубликования решения о назначении Рухадзе министром госбезопасности Грузии. Записка эта была следующего содержания: в ней Рухадзе благодарил Берия за оказанное большое доверие и назначение и указывал, что он это доверие оправдает.

Когда я писала эту записку, я сначала не поняла, о каком назначении идет речь. Лишь на другой день после объявления решения о назначении Рухадзе министром госбезопасности мне стало ясно, за назначение на какую должность Рухадзе благодарил Берия» (том 43, л.д. 151—152).

Будучи министром госбезопасности Грузии, Рухадзе продолжал действовать такими же преступными и провокационными методами, каким действовал главарь заговорщической группы — Берия.

Так, после назначения министром госбезопасности Рухадзе начал свою служебную деятельность с уничтожения материалов, компрометирующих его самого, а также его соучастников и родственников. С этой целью в начале 1948 г. Рухадзе отдал преступное распоряжение об уничтожении более 300 архивно-следственных дел и агентурных разработок, содержащих компрометирующие данные в отношении Рухадзе, его родственников и соучастников. В результате этих преступных действий Рухадзе ряд следственных дел, сфальсифицированных заговорщиками, был уничтожен (том 25, л.д.).

Как установлено следствием, обвиняемый Руадзе так же, как и Берия, противопоставлял подчиненный ему аппарат министерства госбезопасности партийным органам, пытался вывести работу органов госбезопасности из-под контроля партийных организаций, настраивал аппарат на отрыв от партийных организаций.

Свидетель Урушадзе И.Г. показал:

«Рухадзе давал указания начальникам подведомственных органов МГБ не информировать секретарей горкомов, обкомов и райкомов по интересующим партийные органы вопросам» (том 16, л.д. 101).

Рухадзе собирал в отношении партийно-советских работников все возможные провокационные материалы, о чем показал начальник 2-го отдела МВД ГССР свидетель Маркаров А.М.:

«Рухадзе в последнее время переключил аппарат МГБ Грузинской ССР, как известно, на разработку руководящих партийных и советских работников республики» (том л.д.).

Продолжая подробно описанную в предыдущих разделах обвинительного заключения преступную практику фальсификации следственных дел и возведения ложных обвинений против честных советских и партийных работников, Рухадзе создал провокационное уголовное дело на члена КПСС, бывшего заместителя Председателя Верховного суда Грузии Мамаладзе и его знакомых Кереселидзе и Мирианашвили, которые были ложно обвинены в контрреволюционной, террористической, диверсионной и шпионской деятельности. Для так называемой «разработки» Мамаладзе Рухадзе направил к нему секретного сотрудника — провокатора, взяточника и клеветника Хухунашвили. С ведома Рухадзе Хухунашвили провоцировал Мамаладзе на контрреволюционную деятельность. С этой целью Хухунашвили сам составил «программу» контрреволюционной организации, которую отпечатал на пишущей машинке на квартире у Рухадзе.

Когда Мамаладзе составил письмо в адрес И.В. Сталина, в котором указал на антипартийные действия некоторых руководящих работников Грузии, и писал, что они безнаказанно совершают преступления только благодаря поддержке Берия, Рухадзе изъял это письмо из почтового вагона и приобщил к следственному делу по обвинению Мамаладзе в качестве «вещественного доказательства» его вины.

В середине 1948 г. Рухадзе арестовал Мамаладзе, Кереселидзе и Мирнанашвили.

С первых же дней следствия к Мамаладзе были применены истязания для понуждения его к даче вымышленных показаний.

Допрашивавший Мамаладзе бывший следователь Тавдишвили показал, что по указанию Рухадзе он применял к Мамаладзе длительные «стойки». Обвиняемый Рухадзе эти показания Тавдишвили подтвердил.

По решению «особого совещания» Мамаладзе, Кереселидзе и Мирнанашвили были приговорены к лишению свободы.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 декабря 1953 года дело по обвинению Мамаладзе, Кереселидзе и Марианашвили производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

В 1949—50 гг. по вине обвиняемого Рухадзе на территории Грузинской ССР длительное время находился и безнаказанно проводил антисоветскую вражескую деятельность эмиссар так называемого «загранбюро» грузинских меньшевиков, агент американской и турецкой разведок Габинашвили. После выполнения задания «загранбюро» меньшевиков, а также американской и турецкой разведок Габинашвили беспрепятственно ушел в Турцию.

Не приняв в свое время никаких действенных мер для пресечения вражеской деятельности Габинашвили, обвиняемый Рухадзе уже после ухода Габинашвили в Турцию начал под видом борьбы с его агентурой массовые аресты лиц, так или иначе соприкасавшихся с Габинашвили во время пребывания последнего в Грузии.

Из числа арестованных 17 человек были впоследствии освобождены из-под стражи, как подвергнутые арестам необоснованно.

По распоряжению Рухадзе к арестованным по делу Габинашвили применялись избиения и другие незаконные методы ведения следствия.

К материалам настоящего следственного производства приобщены документы с резолюциями Рухадзе о применении к арестованным подобных преступных мер. Ниже приводятся некоторые из этих резолюций:

«тт. Ниблалзе, Куциава, Гучмазашвили — перейдите к активному допросу. Более тянуть мы не можем... т. Гучмазашвили проявляет непонятную медлительность».

«тт. Ниблалзе, Куциава, Гургенидзе — активно допросите Гогинашвили Ивана. Он этого заслуживает».

«тт. Ниблалзе, Куциава, Гучмазашвили — он все так врет. Надо приступить к активным допросам».

«тт. Ниблалзе, Гамбаров...у т. Коренцели нет ни желания, ни цепкости. Проведите активный допрос, приведите ее к признанию» (том л.д.).

Свидетель Куциава и обвиняемый Рухадзе показали, что указание об «активном допросе» означало, что арестованные должны быть подвергнуты избиениям.

О пытках, применявшихся к арестованным по этому делу, бывш. врач внутренней тюрьмы МГБ ГССР Размадзе показал:

«...жена Габинашвили, находившаяся под стражей... подвергалась таким побоям, что даже мне, хотя я и видал виды, становилось страшно. Габинашвили была избита до такого состояния, что вся распухла и не могла самостоятельно двигаться» (том л.д.).

Бесчеловечным избиениям подвергались также арестованные Пирадзе и его жена.

Свидетель Тавдишвили, принимавший участие в расследовании дела Габинашвили, показал:

«... извращенные методы в следствии насаждались Рухадзе и применялись только по его распоряжению.

Избиения арестованных, в частности, довольно широко практиковались при ведении следствия по делу Габинашвили» (том л.д.).

Обвиняемый Рухадзе признал, что при расследовании дела Габинашвили к арестованным применялись «меры физического воздействия».

Следствием установлено, что в 1949 г. обвиняемый Рухадзе совместно с б. зам. начальника 2 Главного управления МГБ СССР, ныне арестованным Райхманом, провалил операцию по поимке другого эмиссара загранбюро грузинских меньшевиков Беришвили.

Свидетели Гургенидзе и Ниблалзе показали, что Рухадзе, располагая необходимыми данными о местонахождении Беришвили в Грузии, допустил беспрепятственный уход его в Турцию.

В связи с делом Беришвили Рухадзе арестовал его сестру — Беришвили Н. По указанию Рухадзе следствие по делу Н. Беришвили началось с ее избиения. После одного из допросов, когда к Берешвили были применены пытки, она, не выдержав их, покончила жизнь самоубийством, повесившись в камере.

О применении к Беришвили Н. зверских избиений показал свидетель Размадзе. Кроме того, это доказывается актом судебно-медицинского вскрытия трупа Н. Беришвили.

Таким образом, являясь министром государственной безопасности Грузии, Рухадзе при ведении следствия в 1948—52 гг. продолжал действовать столь же преступными методами, как и ранее.

С целью маскировки незаконных арестов Рухадзе стал проводить их под видом «задержания» граждан, но с содержанием «задержанных» во внутренней тюрьме МГБ ГССР. В процессе же следствия, добиваясь от арестованных и «задержанных» вымышленных показаний, Рухадзе наряду с избиением применял и так называемую «конвейерную систему» допроса арестованных. При «конвейерной системе» арестованного допрашивали непрерывно в течение нескольких суток, лишая его сна и пищи и доводя до полного истощения сил и потери сознания.

Свидетель Маргвелашвили В.В. об этих преступных нарушениях советской законности показал:

«...в следственной работе МГБ ГССР имели место грубейшие нарушения советской законности, применение извращенных методов допросов арестованных и систематическое нарушение уголовно-процессуальных норм...

В министерстве также существовала порочная практика, заключавшаяся в том, что с ведома Рухадзе задерживались в порядке ст. 100 УПК РСФСР лица, в отношении которых не было достаточных материалов для их изъятия, с целью получения от них новых данных. Задержанные подвергались

непрерывным допросам в течение 2—3 дней и по получении от них "признательных" показаний о преступной деятельности арестовывали их...

С ведома Рухадзе в следственном отделе применялись порочные методы допросов арестованных. Я имею в виду "конвейерную" систему допросов и «стойки». Арестованных допрашивали непрерывно по несколько дней» (том 13, л.д. 58—64).

Другой свидетель Шарашидзе В.И. по этому вопросу показал:

«... после окончания в 1951 г. школы следственных работников МГБ СССР был назначен на должность зам. начальника отдела. Мне известно, что в следственной работе министерства госбезопасности Грузинской республики в последние годы имели место грубейшие нарушения советской законности, выражавшиеся в необоснованных арестах и задержаниях советских граждан, в незаконном освобождении из-под стражи государственных преступников и применении противозаконных извращенных методов следствия. По указанию Рухадзе применяли такие осужденные извращенные методы следствия, как продолжительные допросы по несколько суток без отпуска арестованных в камеру и предоставлении отдыха...

Рухадзе, попирая советские законы, давал незаконные указания о применении физических мер воздействия в отношении многих арестованных» (том 17, л.д. 75—79).

К делу приобщены документы, подтверждающие, что Рухадзе, маскируя необоснованные аресты, ввел незаконную практику «задержания» советских граждан органами МГБ. Так, по данным учета за период с 1948—1951 г. подвергались незаконному задержанию органами МГБ с содержанием во внутренней тюрьме МГБ ГССР 966 человек (том 25, л.д. 156).

Осмотром тюремных дел также документально подтверждено, что Рухадзе практиковал «конвейерную систему» допросов, при которой, как установлено, арестованные находились на допросах без отдыха, пищи и сна от четырех до семи суток (том 20, л.д. 154).

Одним из видов пыток, которым подвергали арестованных в бытность Рухадзе министром госбезопасности ГССР, было помещение арестованных в «специальные камеры» внутренней тюрьмы.

По этому поводу пом. начальника внутренней тюрьмы МГБ ГССР свидетель Будников Ф.В. показал:

«Из общего количества камеры 5, 6, 7, 8, 9 и 10 представляют из себя камеры карцерного типа, причем 5 и 10 камеры представляют из себя каменные мешки, не имеют естественного освещения и естественного доступа воздуха, так как воздух туда проникает только через форточку в двери и щели двери...

Когда наркомом госбезопасности был Рухадзе, в 1949—1950 гг. зимой эти камеры не отапливались. Арестованных сажали туда в одном нижнем белье и на руки надевали наручники...

В отношении избиения арестованных я могу сказать, что случаи избиений были, причем избивали до того, что приходилось вмешиваться врачам, чтобы оказать избитым медпомощь» (том 44, л.д. 58—59).

Допрошенные в качестве свидетелей медицинские работники внутренней тюрьмы МГБ ГССР Размадзе и Махатадзе показали об известных им многочисленных случаях избиений арестованных (том. 20, л.д. 182—183, 244—246).

Свидетель Размадзе показал, что ему было запрещено отражать в медицинских журналах диагнозы, свидетельствовавшие об избиениях арестованных.

Размадзе показал:

«Если посмотреть тюремный медицинский журнал за 1949—52 гг., можно встреть ряд записей "жалоб" арестованных на фурункулы и опухоли. Под такими записями в подавляющем большинстве случаев срывались факты избиений подследственных, когда им после побоев требовалось оказать медицинскую помощь.

Иногда в журналах вообще не записывались диагнозы, но по фельдшерскому журналу расходования медикаментов можно легко определить, кто из арестованных в связи с побоями подвергался лечению. В фельдшерских журналах отражено немало случаев выдачи арестованным ихтиоловой мази, ихтиоловой примочки. Эти медикаменты, как правило, опускались арестованным для лечения вследствие избиений» (том л.д.).

О масштабах производившихся по преступным указаниям Рухадзе избиений арестованных свидетельствует протокол осмотра амбулаторного журнала и журнала фельдшерских назначений больницы внутренней тюрьмы за время с 1 января 1950 года по 7 октября 1951 года. Из этого протокола осмотра видно, что лечение арестованных после избиений производилось более чем в 350 случаях.

Незаконные методы следствия применялись по указанию Рухадзе также и при расследовании уголовного дела о так называемой мингрело-националистической группе. По этому делу арестованных изнуряли путем систематических и продолжительных ночных допросов.

Некоторых арестованных по этому делу на допросах избивали и помещали на длительный срок в карцер.

Обвиняемый Рухадзе признал, что по делу мингрело-националистической группы допускались грубые нарушения социалистической законности (том л.д.).

Следствием установлено, что в 1949 году по указанию Рухадзе была проведена незаконная операция по выселению местных граждан из Грузии под видом их добровольного согласия выехать с родственниками на места поселения последних.

В действительности же по указанию Рухадзе были оформлены специальные дела о выселении из Грузии этих лиц, как якобы подлежавших спецпереселению в обязательном порядке.

Допрошенный по этому поводу свидетель Селивановский М.Н. показал:

«...Никаких указаний по оформлению дел на добровольно выехавших в 1949 г. из Грузии, как на спецпоселенцев, я не давал, о том, что они переведены на положение спецпоселенцев, мне известно не было...

Я не могу утвердительно сказать, но по всей вероятности распоряжение об оформлении дел на добровольно выехавших греков из Грузии, как на спецпоселенцев, со ссылкой на меня дал министр ГССР Рухадзе» (том 15, л.д. 274—276).

К делу приобщены документы комиссии МГБ СССР, подтверждающие, что в результате произвола и беззакония, допущенного Рухадзе, большое количество советских граждан было незаконно выселено из Абхазии. На этих граждан по указанию Рухадзе были оформлены материалы с предложением о направлении их на спецпоселение как лиц, на которых якобы имеются серьезные компрометирующие материалы (том 24, л.д. 28—76).

Следствием установлено также, что Рухадзе, создавая видимость благополучия в оперативной деятельности МГБ ГССР, скрыл от ЦК КПСС и

МГБ СССР серьезные провалы в работе органов государственной безопасности Грузии. Так, например, Рухадзе в течение длительного времени скрывал факт массового распространения антисоветских листовок на демонстрации трудящихся г. Тбилиси 7 ноября 1949 года.

Доказано, что Рухадзе, являясь министром госбезопасности Грузинской ССР, подбирал кадры по принципу приближенности и личной преданности, засорив органы госбезопасности Грузии сомнительными, не внушающими политического доверия людьми.

Приобщенными к делу документами и показаниями свидетелей Рухадзе изобличается также в нарушении финансовой дисциплины, незаконном расходовании государственных средств, предназначенных на оперативные цели, и участии в подлоге ряда денежных документов.

Материалами предварительного и судебного следствия по делу врага народа Берия и его сообщников установлено, что после назначения Берия в 1953 году министром внутренних дел СССР заговорщики резко активизировали свою преступную деятельность.

Делая ставку на общую активизацию реакционных империалистических сил против Советского государства, враг народа Берия, готовя захват власти и установление контрреволюционной диктатуры, расставил на ряд ответственных должностей в МВД СССР как в центре, так и на периферии своих сообщников.

В это время ряд обвиняемых по настоящему делу также был возвращен Берия в систему МВД и назначен там на руководящие должности.

Так, обвиняемый Савицкий получил должность помощника Б. Кобулова, ныне осужденного. Обвиняемый Парамонов был назначен зам. начальника следчасти по особо важным делам МВД СССР. Обвиняемый Церетели занял должность заместителя министра внутренних дел ГССР и начальника пограничных войск Грузинского округа. Обвиняемый Рапава был освобожден Берия из-под стражи и выдвинут на пост министра государственного контроля ГССР (министром госконтроля СССР являлся соучастник Берия, враг народа Меркулов).

В период активизации антисоветской изменнической деятельности заговорщиков, обвиняемый Савицкий участвовал во вражеских действиях участников заговора, направленных к тому, чтобы посеять вражду и рознь между народами союзных республик и великим русским народом.

Следствием по делу Берия и его соучастников установлено, что с целью обмана вышестоящих органов и добиваясь удаления работников русской национальности со всех ответственных постов в союзных республиках, Берия приказал ряду подчиненных ему работников представить сфальсифицированные данные о национальном составе партийно-советских кадров в союзных республиках.

Обвиняемый Савицкий активно участвовал в составлении подобного рода сфальсифицированных документов. Так, после отказа быв. министра внутренних дел БССР Баскакова представить сфальсифицированный доклад о национальном составе ответственных работников партийно-советского аппарата в БССР, подробную сфальсифицированную докладную записку составил по указанию Берия и Кобулова обвиняемый Савицкий.

Об обстоятельствах, при которых подобная записка была составлена, свидетель Баскаков показал:

«...6 июня днем я прилетел в Москву и прямо явился к Кобулову в кабинет, который тут же поручил своему помощнику Савицкому вместе со мной

написать записку на имя Л.П. Берия. В соответствии с указаниями Кобулова, Савицким при моем участии в течение 30—40 минут была продиктована стенографистке записка, причем в нее включались данные только те, которые показывали организации, где работников белорусов было мало и имелось больше русских. Данные же, где было белорусов больше, в записку не включались под предлогом по выражению Кобулова, как не характерные.

Так была подготовлена записка, подписанная мною и сданная Кобулову.

...В этот же день, буквально через час после сдачи записи, примерно в 20—21 час 6 июня я был вызван к бывш. министру Берия, где мне было объявлено, что я освобожден от должности министра внутренних дел БССР...» (том л.д.)

Следствием установлено, что обвиняемый Савицкий участвовал также в составлении аналогичного клеветнического документа и в отношении литовских партийно-советских кадров.

4. Данные о личности обвиняемых. Укрывательство врагом народа Берия обвиняемых по настоящему делу от ответственности за совершенные ими преступления

Следствием по настоящему делу установлены тесные преступные связи обвиняемых с врагом народа Берия и его ближайшими соучастниками Б. Кобуловым, Гоглидзе, Меркуловым и др.

Установлены также данные, свидетельствующие о темном преступном прошлом обвиняемых, их связях с антисоветскими элементами, совершенных ими корыстных преступлениях и злоупотреблениях по должности.

Главари заговорщической группы Берия — Б. Кобулов, Гоглидзе тщательно оберегали и укрывали от ответственности своих соучастников, продолжая использовать их в своих преступных целях в последующие годы.

Личность обвиняемого Рапава и его особая приближенность к Берия характеризуется рядом свидетельских показаний и других материалов дела.

Так, свидетель Урушадзе Т.Л. показал:

«Рапава А.Н. — ставленник Берия. Жена его происходит из дворян, двоюродная сестра известного меньшевика Жордания. Шурин Рапава — Жордания Гиго нелегально перешел границу в Турцию и находится в Париже» (том л.д.).

Свидетель Барский Е.П. показал:

«В 1938 г. я случайно читал личное дело Рапава и поэтому узнал из одного документа, который тогда был в его личном деле, о том, что он состоял в 1917—1920 гг. в партии социал-федералистов, стремившейся к созданию самостоятельной буржуазной Грузии под протекторатом Англии.

В том же 1938 г. Берия на пост наркома внутренних дел выдвинул такого грязного человека, враждебного партии и Советской власти, каким был Рапава» (том л.д.).

Осужденный ныне враг народа Гоглидзе, характеризуя Рапава и его отношение к Берия, показал:

«Рапава я близко узнал с того времени, когда я в 1934 г. был назначен наркомом внутренних дел Закавказья, а Степанов и Рапава были назначены моими заместителями... Работая с Рапава до 1938 г., мне известно, что он был очень близким человеком с Берия, дружил с ним, жил в одном доме, посещали друг друга. Почему Берия поддерживал и выдвигал Рапава, я точно не знаю, но полагаю потому, что Рапава поддерживал Берия в его борьбе

с полномочными представителями ГПУ, с которыми Берия был в неприязненных отношениях, и принимал меры к тому, чтобы выгнать их, что в конечном итоге ему удалось» (том л.д.).

В период Великой Отечественной войны брат Рапава, попав в плен к немцам, изменил Родине и вступил в гитлеровскую партию. Об этом обстоятельстве было известно Берия, Меркулову и другим участникам заговорщической группы, которые сами известили Рапава об измене Родине, совершенной его братом.

Враг народа Меркулов показал, что в 1946 г. он послал Рапава полученное из Министерства вооруженных сил сообщение по поводу его брата, из которого было видно, что К. Рапава, полковник, бывший начальник химслужбы дивизии, находясь в плену, изменил Родине и вступил в фашистскую партию.

По поводу посылки Рапава этого документа Меркулов показал, что не помнит, с какой целью он адресовал сообщение Министерства вооруженных сил на имя Рапава, но полагал, что этот документ не составляет для последнего секрета.

В том же протоколе допроса, характеризуя отношение Берия к Рапаве, Меркулов показал:

«Рапава в период работы Берия в Грузии бывал неоднократно на даче у Берия. Берия выдвигал Рапава по работе. Он же, Берия, выдвинул Рапава в 1953 г. на должность министра госконтроля...» (том л.д.).

Обвиняемый Рухадзе, характеризуя особую приближенность Рапава и Берия, показал следующее:

«Родной брат Рапава — Капитон во время войны изменил Родине, — перешел на сторону немцев. В этот период Рапава Капитон был командиром химслужбы одной из армий. При наличии таких данных о близких родственниках и при наличии показаний Беришвили на самого Рапава Берия назначил его на ответственный пост и продолжал его держать в должности наркома, а затем министра внутренних дел и госбезопасности до 1948 года» (том л.д.).

Бывший секретарь ЦК КП Грузии Чарквиани К.Н., допрошенный в качестве свидетеля, показал:

«Рапава, будучи наркомом внутренних дел Грузии и членом бюро ЦК КП Грузии, собирал материалы на отдельных членов бюро и доносил обо всем Берия, зачастую извращая настоящее положение вещей... Собирая провокационные материалы на ответственных работников, Рапава не сообщал об этом в ЦК, а пересылал материалы непосредственно Берия... В 1942 г. Рапава собрал ложный провокационный материал на секретаря ЦК КП Грузии по промышленности Алавидзе...

В 1945 г. Рапава явился инициатором фальсификации уголовного дела против грузинской интеллигенции» (том 3, л.д. 157—158).

Далее, свидетель Чарквиани К.Н. в своих показаниях дал следующую характеристику Рапава:

«Рапава по складу своего характера непартийный человек, властолюбив не в меру своих способностей, карьерист и интриган... Рапава ни перед чем не остановится, чтобы очернить неугодного ему человека; скрытен, упрям и в упрямстве тверд и вынослив... Ни одного вопроса более или менее важного Рапава не поставил на согласование с ЦК, не обсудив его предварительно с Берия. Для Берия Рапава был надежным человеком, до конца ему лично

преданным и способным все утаить, скрыть, если это касалось Берия» (том 3, л.д. 157—166).

Не отрицая, что он скрыл преступное прошлое Берия, обвиняемый Рапава показал:

«...На мое имя поступило агентурное донесение или анонимка на Берия о том, что он в 1919 г. служил в муссаватистской полиции. При передаче дел Рухадзе я ему показал этот документ, и он его при мне порвал, сказав при этом, что сохранением такого документа мы сами распространяем провокацию о Берия» (том 1, л.д. 31—38).

Таким образом, установлено, что Рапава и Рухадзе, пользуясь покровительством Берия, в свою очередь скрывали от партии и государства преступное прошлое Берия и его службу на секретно-агентурной должности в разведке контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, действовавшего под контролем английских разведывательных органов.

С помощью Рапава Берия длительное время укрывал от ответственности племянника своей жены изменника Родины Шавдия.

Во время Отечественной войны Шавдия, изменив Родине, поступил на службу в так называемый «грузинский легион», находившийся в составе войск «СС», а затем в гитлеровскую «службу безопасности» — «СД», участвовал в расстрелах военнопленных союзных войск, в борьбе с партизанским движением и в охране тюрем. Находясь в Париже, Шавдия установил и поддерживал связи с контрреволюционной грузинской эмиграцией.

После окончания Великой Отечественной войны, Шавдия с помощью соучастника Берия — ныне осужденного Шария, был переброшен на самолете из Парижа в Грузию, где Рапава, располагая неопровержимыми данными о службе Шавдия в гитлеровской «СД» и совершенной им измене Родине, взял Шавдия под свою защиту, укрыв его от ответственности.

Арестованный Шавдия по этому поводу показал:

«Министр госбезопасности Грузии Рапава вызвал меня к себе на третий или четвертый день после прибытия в Тбилиси. Я ему коротко рассказал о пребывании в плену и службе у немцев в грузинском национальном легионе. По его указанию я коротко написал свои объяснения. Позднее, в 1945—46 гг., в Министерстве госбезопасности я дал подробные показания о своей изменнической деятельности во время пребывания у немцев. Рапава спрашивал меня, посещал ли я и сколько раз в Париже меньшевика Гегечкори... С Рапава в эти годы я встречался много раз. Он проживает в одном доме с моей бабушкой Гегечкори Д. Пока был министром госбезопасности Рапава, меня не привлекали к уголовной ответственности» (том л.д.).

Подтвердив, что Рапава покровительствовал изменнику Родины Шавдия, враг народа Б. Кобулов показал, кроме того:

«Шавдия на допросе подтвердил, что в разговорах с ним Гегечкори хвалил Рапава и Шария, как способных людей, занимающих видные государственные посты в Грузии» (том л.д.).

Об особой приближенности к врагу народа Берия обвиняемого Церетели Ш.О. свидетельствует то обстоятельство, что даже соучастники Берия называли Церетели «цепным псом Берия».

По этому поводу обвиняемый Савицкий показал:

«Церетели всегда занимал руководящие должности в НКВД Грузии. Он являлся близким, приближенным человеком Берия, который ему всегда покровительствовал...»

«Все сотрудники НКВД Грузии, равно как и я, всегда считали Церетели беспредельно преданным Берия. Его называли цепным псом Берия» (том л.д.).

Сообщник Берия — Кобулов Б. показал:

«Хотя Церетели почти неграмотен, Берия в 1938 году счел возможным перевести его в Москву и назначить зам. начальника 4 спецотдела. Берия возлагал на Церетели выполнение наиболее важных боевых заданий» (том л.д.).

Берия на допросе 26 августа 1953 года на вопрос, являлся ли близким к нему человеком Церетели, ответил: «Я доверял ему» (том л.д.).

Нужно знать, что Берия всячески поддерживал и продвигал Церетели, располагая сведениями о темном, преступном прошлом последнего.

Являясь по происхождению сыном князя и попав в 1915 г. в чине прапорщика царской армии в плен к немцам, Церетели вступил в так называемый грузинский легион, созданный немцами и грузинскими буржуазными националистами для оккупации Закавказья. В чине обер-лейтенанта Церетели прослужил в этом легионе на территории Германии и Турции более полутора лет (1915—1917 гг.).

По поводу легиона, в котором служил Церетели, враг народа Кобулов показал, что легион этот «был организован немецким военным командованием, по существу военной разведкой, для оказания грузинским меньшевикам помощи в установлении в Грузии буржуазного строя под протекторатом Германии. Легион состоял из военнослужащих русской армии по национальности грузин, главным образом дворянско-княжеского происхождения» (том л.д.).

Вернувшись в 1918 г. в Грузию, Церетели служил офицером армии меньшевистского правительства (том л.д.).

После установления Советской власти в Грузии Церетели арестовывался за убийство милиционера (том л.д.).

Зная, что Церетели выходец из социально чуждой среды и политически скомпрометированный человек, Берия, будучи председателем ГПУ Грузии и Закавказской федерации, всячески приближал Церетели, продвигал его по службе, поручал выполнение особых заданий, а также проявлял большую заботу о нем.

С особыми поручениями Берия Церетели в 1926 году выезжал в Турцию, а в 1928 году — в Иран (том л.д.).

Из письма Берия к Ягоде от 24 февраля 1933 г. видно, что он проявлял особую заботу о Церетели (том л.д.).

Свидетель Квиливидзе показал, что допрашивая в 1934—1935 гг. арестованного Магалашвили Нестора, со слов последнего он узнал, что деятельность грузинского комитета и легиона направлял немецкий разведчик граф фон Шуленбург, который занимался подготовкой немецкой агентуры в тылу русских войск.

Свидетель Квиливидзе показал:

«Из данных дела Магалашвили мне было известно о том, что Церетели Ш.О. в период первой мировой войны 1914—1918 гг. имел связь с германской разведкой, непосредственно с офицером германской армии фон Шуленбургом и что он в 1914—15 гг. являлся офицером грузинского национального легиона, находившегося на территории Турции» (том л.д.).

Из показаний свидетеля видно, что об этом он докладывал Гоглидзе, но никакого указания о допросе Магалашвили по поводу Церетели не получил.

В 1937 году Берия, Гоглидзе и Б. Кобуловым были получены данные об антисоветской деятельности Церетели и Рухадзе. Несмотря на то, что во всех других случаях подобные же данные влекли аресты заподозренных лиц, в отношении Церетели и Рухадзе не только не было сделано таких выводов, но компрометирующие их материалы оставлены без всякой проверки. В последующем эти материалы были уничтожены по распоряжению Рухадзе.

Враг народа Кобулов Б. при допросе его подтвердил, что в распоряжении НКВД Грузинской ССР имелись данные об антисоветской деятельности Церетели и что эти материалы докладывались Берия, но последний дал распоряжение Церетели к ответственности не привлекать. Более того, пробравшись в 1938 г. на пост народного комиссара внутренних дел СССР, Берия назначил ряд своих соучастников, в том числе и Церетели, на руководящие должности как в аппарате НКВД СССР, так и на периферии. При этом Церетели использовался Берия для выполнения наиболее конспиративных преступных поручений, связанных с тайным похищением и убийствами людей.

Враг народа Берия признал, что по его поручениям Церетели совершал тайные похищения людей и убийства, показал:

«...мною Церетели намечался на работу в специальную группу, которую возглавлял Судоплатов, для осуществления специальных заданий, т.е. избиений, тайного изъятия лиц... В эту группу привлечены были мной особо доверенные лица» (том л.д.).

Обвиняемый Рухадзе показал:

«В 1948 г. благодаря моему настоянию Церетели был освобожден от должности первого заместителя министра госбезопасности Грузинской ССР. Однако Церетели выехал в Москву с жалобой и направился прямо к Берия. Последний дал распоряжение МВД СССР о назначении Церетели начальником войск грузинского пограничного округа и зам. министра внутренних дел Грузии. Должность зам. МВД Грузии специально была введена по указанию Берия.

В 1950 году, когда погранвойска перешли в систему МГБ, Церетели вновь стал моим заместителем, причем для него специально ввели эту должность, опять-таки, по-видимому, по указанию Берия» (том л.д.).

Церетели подтвердил, что в 1948—1951 гг. он обращался к Берия и последний в обоих случаях помог ему остаться в должности заместителя министра внутренних дел, а затем заместителя министра госбезопасности Грузии.

После кончины И.В. Сталина Берия, активизируя свою подрывную деятельность против Советского государства и перейдя к форсированным действиям для достижения своих преступных целей, начал усиленно выдвигать на руководящие должности в Министерстве внутренних дел участников заговорщической группы. В это время Церетели был назначен заместителем министра внутренних дел ГССР и начальником пограничных войск грузинского округа. Установлено, что в июне 1953 года за несколько дней до разоблачения и ареста Берия, Кобулова и других участников заговорщической группы, Церетели был срочно вызван в Москву и встречался с Б. Кобуловым в рабочем кабинете последнего в здании МВД СССР.

О политическом облике и личности обвиняемых Савицкого, Кримяна и Хазана, об их взаимоотношениях с другими наиболее близкими к Берия участниками заговорщической изменнической группы следствием собраны следующие данные.

Савицкий, сын полковника царской армии, дворянина, организатора белогвардейских отрядов для борьбы с советской властью, пробравшись в органы НКВД Грузинской ССР в 1931 году, пользовался особым покровительством со стороны врага народа Кобулова Б. Через непродолжительное время Савицкий был выдвинут Кобуловым на должность начальника отделения, а затем и пом. начальника IV отдела.

В апреле 1939 г., после смены руководства НКВД ГССР, Савицкий был уволен из органов НКВД в запас за невозможностью дальнейшего использования.

В 1941 году Савицкий, при содействии Кобулова, был отозван с фронта и назначен зам. начальника отделения IV Управления НКВД СССР.

В 1943 году, когда Кобулов был назначен заместителем наркома госбезопасности СССР, Савицкий перешел к нему на работу секретарем.

В 1945 г. по указанию Кобулова Савицкий был назначен на должность зам. начальника секретариата НКГБ СССР, а после освобождения Кобулова от должности зам. наркома госбезопасности Савицкий добился своего увольнения из органов НКГБ по болезни.

В 1946 году в связи с назначением Кобулова заместителем начальника Главного управления советским имуществом за границей при Совете Министров СССР Савицкий по просьбе и рекомендации Кобулова был назначен пом. начальника этого управления.

В марте 1953 г., после назначения Кобулова первым заместителем министра внутренних дел СССР, Савицкий по указанию Берия был вновь зачислен на работу в органы МВД и назначен помощником Кобулова. Таким образом, вся служебная карьера Савицкого была обусловлена его близостью к Кобулову, который неизменно при всех своих перемещениях по службе переводил за собой и Савицкого, как лично преданного ему и готового выполнить любое его преступное задание.

Кримян Никита Аркадьевич в органах НКВД Грузинской ССР начал работать с 1932 года. Будучи морально разложившимся человеком и близким другом Савицкого, он был приближен к себе Кобуловым.

Начав работать в качестве практиканта оперуполномоченного ЭКО, Кримян при содействии Кобулова в 1937 году был выдвинут пом. начальника отделения, в 1938 г. — начальником отделения, в 1939 году — заместителем начальника следчасти НКВД ГССР. В 1940 году Кримян по личному указанию Берия был назначен начальником следчасти УНКВД Львовской области, в 1940—41 гг. — зам. начальника УНКВД Львовской области, а затем заместителем и начальником УНКГБ Ярославской области. В 1945 г. Кримян был назначен наркомом государственной безопасности Армянской ССР. В 1947 г. с этой должности за склоки и непартийное поведение Кримян был снят и назначен с понижением на должность начальника УМГБ Ульяновской области.

В 1951 году Кримян за допущенные им нарушения законности, выразившиеся в незаконных арестах граждан, в применении незаконных методов следствия, за преследования и необоснованные увольнения честных коммунистов, указывавших ему на недостатки в работе, с этой должности был снят и уволен из органов МВД за невозможностью дальнейшего использования.

Хазан А.С. был принят на оперативную работу в НКВД Грузии врагом народа Гоглидзе, который располагал сведениями о связях Хазана с троц-

кистами. В частности, Гоглидзе было известно, что в 1932 г. Хазан подарил троцкистке Упштейн книгу К. Маркса, на которой учинил надпись, содержавшую гнусный выпад против В.И. Ленина.

Из личного дела Хазана видно, что в 1935 г. СПО ГУГБ НКВД предложил перевести Хазана на другую работу «как абсолютно не подходящего», о чем Центральная аттестационная комиссия НКВД СССР вынесла специальное решение. Однако Гоглидзе, получив уведомление об этом, не только не выполнил постановления аттестационной комиссии, но, наоборот назначил Хазана начальником I-го отделения СПО.

Выполняя преступные задания врага народа Берия о фальсификации следственных дел и расправах с невинными людьми, Хазан, Кримян, Савицкий и Парамонов вместе с тем занимались мародерством, расхищали ценности, изъятые у арестованных.

О присвоении обвиняемыми вещей и ценностей арестованных свидетель Давлианидзе показал:

«Когда я в 1937 г. был назначен зам. нач. СПО НКВД Грузии, то обратил внимание, что два кабинета в СПО были превращены по указанию Кобулова Б.З. в камеры хранения ценных вещей, изъятых у арестованных при обысках, как то: золото и серебро... Охотничьи ружья, отрезы материи, меха, фотоаппараты и проч.

...Это было сделано с умыслом, и ценности и вещи присваивались Кобуловым, Хазаном, Савицким, Кримяном и Гарибовым» (том л.д.).

Ввиду того, что провокационные методы следствия, практиковавшиеся Хазаном, получили широкую огласку, Гоглидзе в феврале 1938 г. был вынужден арестовать Хазана. Однако, как видно из дела по обвинению Хазана, несмотря на ряд неопровержимых фактов совершенных им преступлений, никакого расследования фактически не проводилось, а следователь ограничился лишь получением собственноручных объяснений от Хазана.

Более того, как видно из показаний свидетеля Давлианидзе, из дела по обвинению Хазана был изъят ряд изобличающих его документов.

Давая показания по поводу причин ареста и последующего освобождения Хазана, враг народа Гоглидзе показал:

«В 1937 г. по предложению Кобулова у Хазана были сосредоточены все материалы на сотрудников НКВД Грузии, проходивших по показаниям арестованных. Через несколько месяцев после этого решения стало известно, что Хазан специально собирал провокационным путем материалы на сотрудников НКВД и со многим из них сводит личные счеты, терроризирует аппарат угрозами и запугиванием» (том л.д.).

На другом допросе Гоглидзе показал:

«По настоятельной просьбе Кобулова Б.З. я написал представление Берия о том, чтобы дело Хазана прекратить, ограничившись увольнением. Берия согласился. Впоследствии Хазан был принят в центральный аппарат НКВД СССР при содействии того же Кобулова, который мне как-то говорил, что Хазан обратился к нему с просьбой о даче характеристики, и он рекомендовал Хазана» (том л.д.).

Следует указать, что после вынужденного увольнения Хазана с оперативной работы в НКВД Грузии, он был назначен преподавателем дисциплины «Следственное дело» в межрайонную тбилисскую следственную школу НКВД.

Обвиняемый Парамонов с 1930 года служил в НКВД Грузинской ССР в должностях: пом. уполномоченного, уполномоченного и начальника 8 отделе-

ния в НКВД Грузии; в 1937 году он, преследуя карьеристические цели, при содействии Савицкого, добился от Кобулова перевода на следственную работу в СПО. Не обладая ни теоретической подготовкой, необходимой для работы следователя, ни следственным опытом, Парамонов, однако, стал пользоваться особой поддержкой со стороны врага народа Гоглидзе и был последним приближен к себе. Причиной этому послужило то, что, применяя избиения и пытки к арестованным, Парамонов вместе с Савицким фальсифицировал следственные дела, добиваясь ложных показаний от арестованных.

В ноябре 1938 года, после перевода Гоглидзе в Ленинград в качестве начальника Управления НКВД, он забрал с собой Парамонова и назначил его начальником секретариата. В 1941 году, будучи назначен на работу в Молдавскую ССР, Гоглидзе добился утверждения Парамонова своим помощником. Впоследствии, после назначения Гоглидзе начальником Управления НКВД по Хабаровскому краю, он вновь перетащил Парамонова с собой в качестве своего заместителя и только в сентябре 1949 года, когда такая их близость обратила на себя внимание вышестоящих организаций, Парамонов был отозван в Москву, а затем назначен заместителем начальника управления НКВД по Горьковской области.

15 марта 1953 года, в период особой активизации группы заговорщиков, Парамонов был вызван Савицким в МВД СССР, где после переговоров с врагами народа Мешиком, Кобуловым и Берия получил назначение на должность заместителя начальника следчасти по особо важным делам МВД СССР.

Выше указывалось, что обвиняемый Надарая, как приближенный Берия, был назначен по указанию последнего в 1937 году на должность начальника внутренней тюрьмы НКВД ГССР, где, заведомо зная, что Берия и его соучастники производят уничтожение невиновных людей, Надарая лично участвовал в зверских расправах с арестованными.

В 1939 году Берия назначил Надарая на должность заместителя начальника своей личной охраны, а в 1953 году назначил его начальником личной охраны. На протяжении 15 лет службы в личной охране Берия Надарая являлся одним из наиболее приближенных и доверенных соучастников Берия. Именно Надарая и другому сотруднику своей личной охраны Саркисову Берия доверял исполнение наиболее конспирируемых поручений.

О близких, доверительных отношениях, существовавших между Берия и Надарая, арестованный Дидюков показал:

«У Надарая с Берия взаимоотношения очень хорошие. Надарая так же, как и Саркисов, всегда и всюду был с Берия: на квартире, на службе, на даче. Надарая был близким человеком Берия. Берия ему безусловно доверял» (том л.д.).

В процессе следствия по делу Берия он был разоблачен как морально-растленный человек, окруживший себя в быту проходимцами и проститутками, политически сомнительными и морально разложившимися людьми. Превратив свой особняк и дачу в притон разврата, Берия использовал Надарая и Саркисова, как сводников, систематически доставлявших ему в особняк различных женщин, многие из которых были связаны с иностранными разведками.

По указанию Берия, Надарая и Саркисов устанавливали слежку за понравившимися ему женщинами и девушками, выяснили их фамилии и адреса, а затем привозили их к Берия» (том 40, л.д. 32, 38, 133, 138; том 41, л.д. 43, 47—48).

Арестованный Саркисов показал:

«Будучи приближенным Берия, я хорошо знал его личную жизнь и могу характеризовать его, как человека развратного и нечестного... Знакомства с женщинами Берия завязывал различными способами. Как правило, такие знакомства состоялись во время его прогулок. Прохаживаясь около своего дома, Берия замечал какую-нибудь заинтересовавшую его женщину. В этом случае он посылал меня, Надарая... узнать ее фамилию, имя, адрес или телефон... В ряде случаев Берия знакомился с женщинами по письмам и телеграммам, которые поступали в его адрес с различными просьбами гражданского населения... Мы ездили к таким женщинам и, если они оказывались привлекательными, мы доказывали об это Берия, заводили по его поручению с ними знакомство и затем в зависимости от договоренности приводили их на квартиру Берия или на дачу. Женщины на квартиру к Берия привозились, как правило, на ночь» (том л.д.).

Обвиняемый Надарая показал:

«Почти каждый день мы приглашали к нему (к Берия) ночевать какую-нибудь женщину... Вообще-то не одна девушка была завлечена в этот дом обманом и не одна поплатилась» (том л.д.).

По указанию Берия, Надарая и Саркисов вели списки женщин, которых они доставляли к Берия на ночь. К делу приобщено девять таких списков и отдельные записки с адресами женщин, изъятые у Надарая и Саркисова при аресте (том. 40, л.д. 32—33, 38, 226; том 41, л.д. 52).

На предварительном и судебном следствии Берия признал, что использовал Надарая и Саркисова как сводников, систематически доставлявших к нему в особняк различных женщин, и что он с помощью Надарая и Саркисова превратил свой особняк в притон разврата (том 41, л.д. 57—59).

Допрошенные в качестве обвиняемых Рапава А.Н., Рухадзе Н.М., Церетели Ш.О., Савицкий К.С., Кримян Н.А., Хазан А.С., Парамонов Г.И. и Надарая С.Н. голословно отрицали свое участие в изменнической заговорщической группе. Однако, будучи изобличены многочисленными доказательствами, предъявленными им в процессе следствия по настоящему делу, все обвиняемые вынуждены были признать ряд преступлений, совершенных ими.

Обвиняемый Рапава А.Н. признал, что он был близок к Берия и что, когда в 1946 г. ему и Рухадзе стали известны материалы о принадлежности Берия к муссаватистской разведке, они скрыли эти данные и уничтожили документы (том 1, л.д. 21, 34).

Рапава признал, что он санкционировал избиение арестованных в процессе следствия по отдельным делам и участвовал в выполнении преступного поручения Берия по тайному убийству двух лиц (том 1, л.д. 115—117, 103—105; том 2 л.д. 180—183).

Рапава вынужден был признать, что он утвердил постановление о возбуждении уголовного дела против Орджоникидзе П.К., подписал ордер на арест Орджоникидзе Д.Г., утвердил обвинительное заключение по делу Орджоникидзе И.К. и его жены — Орджоникидзе А.М. и, таким образом, участвовал в террористической расправе с родственниками Серго Орджоникидзе (том 2, л.д. 5, 7—10, 11, 13, 14—25, 28—31, 36—45; том 3, л.д. 21—24, 32—33, 75—76).

Рапава признал, что им были подписаны ордера на арест Давидова Н. по делу «Мамукинской деревни» и на арест быв. зав. агитпропотделом ЦК КП Грузии Бедия и утверждено обвинительное заключение по делу Барсегова (том 1, л.д. 214—217; т. 2 л.д. 12, 114—155; т.3, л.д. 98).

Рапава признал, что в 1937 году он был председателем тройки при НКВД ГССР, рассмотревшей большое число дел, по которым были вынесены решения о расстреле. Часть этих дел в настоящее время рассмотрена Военной коллегией Верховного суда СССР, и осужденные по ним лица были посмертно реабилитированы (Э. Вашакидзе, Ш. Киладзе и др.).

В преступной деятельности Рапава изобличается показаниями свидетелей: Чарквиани К., Мшвидобадзе, Тавдишвили, Керкадзе М., Керкадзе К., Киларджишвили, Гудушаури, Михайлова и других, показаниями обвиняемых, проходящих по настоящему делу, — Рухадзе, Хазана, Кримяна и документальными доказательствами, приобщенными к делу.

Обвиняемый Рухадзе Н.М. вынужден был признать, что он пользовался особым доверием Берия, продвигавшего его по службе и покровительствовавшего ему. Оказавшись в 1937 г. освобожденным от работы в НКВД Грузии в связи с показаниями арестованных о его антисоветской деятельности, он был тогда же назначен Берия на руководящую работу, а затем возвращен им же на работу в органы НКВД (том 4, л.д. 29—31).

Рухадзе признал, что в бытность его начальником Гагрского отдела НКВД были арестованы десятки невиновных людей, которые по вражеским установкам Берия подвергались жестоким избиениям на следствии, а позже были осуждены тройкой при НКВД ГССР. В 1939—1940 гг., когда он был начальником следственной части НКВД Грузии, нарушения закона в следственной работе продолжались и арестованных избивали по указанию и при участии занимавшего в то время должность наркома Рапава.

Рухадзе признал свое личное участие в избиении арестованных, а также признал, что позднее, с 1948 по 1952 гг., будучи министром госбезопасности Грузинской ССР, он давал указания починенным избивать арестованных и допускал другие извращения в следственной работе (том 45, л.д. 13—16, 29—39, 51).

Рухадзе признал, что в 1948 г. отдал преступное распоряжение об уничтожении архивно-следственных дел и большого количества агентурных разработок, в том числе материалов, содержавших компрометирующие данные в отношении его самого и родственников.

К следственному делу приобщено собственноручное заявление Рухадзе на имя Берия, датированное 5 апреля 1953 года. К этому времени была установлена виновность Рухадзе в совершении тягчайших государственных преступлений. Изобличенный в этих преступлениях, рассчитывая с помощью Берия уйти от ответственности, Рухадзе писал ему:

«Лаврентий Павлович, вы меня знаете свыше 25 лет, я рос у вас на глазах и воспитан вами. Последние годы я совершил много преступлений, все то немногое полезное, которое я сделал в прошлом, ничего ровным счетом не стоит...

Лаврентий Павлович, я обращаюсь к вам, как к родному отцу и воспитателю моему, и на коленях, со слезами на глазах прошу пощадить, простить и помиловать... Вы, и только вы, Лаврентий Павлович, можете спасти меня» (том 7, л.д.).

В преступной деятельности обвиняемый Рухадзе изобличается показаниями свидетелей: Васильева, Свиридова, Каранадзе, Тавдишвили, Галаванова, Размадзе, Гвишиани, Бондаренко, Хоштария, Ароянa, Глонти, Мильграм, Хечумова, Чаркян, Будникова, Керкадзе, Постолова и других, показаниями обвиняемых Рапава и Церетели, а также многочисленными документальными доказательствами, приобщенными к делу.

Обвиняемый Церетели Ш.О. признал, что в 1915—1917 гг. он в чине обер-лейтенанта служил в грузинском легионе, сформированном на территории Турции офицерами немецкой армии и грузинскими буржуазными националистами, а в 1918—1919 гг. служил в чине штабс-капитана в грузинской меньшевистской белогвардейской армии (том 9, л.д. 119—121).

Церетели признал, что длительное время он работал под непосредственным руководством Берия, который и использовал его на ответственной работе в органах НКВД—МВД СССР, доверяя ему наиболее ответственные операции и производство арестов (том 9, л.д. 82—83, 171—175, 198, 211—212).

Церетели признал, что он выполнял преступные поручения Берия о тайных похищениях и убийствах советских людей и что ему и некоторым другим лицам Берия незадолго до начала Великой Отечественной войны поручил организовать особую группу — «своеобразную банду» для похищений и избиений советских граждан (том 9, л.д. 54—55, 68—69, 75—76, 272—273).

Церетели признал, что в 1937—1938 гг. он являлся членом тройки при НКВД Грузии, рассмотревшей большое число дел, по которым были вынесены решения о расстреле, но заявил, что он якобы не помнит, подписывал ли сам решения о расстреле по делам родственников С. Орджоникидзе и делам «Мамукинской деревни» Давидова и других, однако был документально уличен в этом.

В преступной деятельности обвиняемый Церетели изобличается показаниями свидетелей: Суслякова, Квиливидзе, Талахадзе, Морозова, Куциава и других, показаниями обвиняемых, проходящих по настоящему делу, — Рапава, Рухадзе, Савицкого и Хазана, показаниями осужденных Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР врагов народа Берия, Кобулова Б., Деканозова и Влодзимирского, а также многочисленными документальными доказательствами, приобщенными к делу.

Обвиняемый Савицкий К.С. признал, что, находясь на следственной работе в НКВД Грузии, по указаниям Берия, Гоглидзе и Кобулова Б. он избивал арестованных и допускал иные преступные нарушения советской законности (том л.д.).

Савицкий признал, что с его участием и с участием Парамонова неосновательно были арестованы Орджоникидзе И.К., Орджоникидзе А.М. и Орджоникидзе Д.

Савицкий признал, что им, при активном участии Кримяна, были получены от ряда арестованных клеветнические показания на Орджоникидзе П.К. и что им также с участием Кримяна были ложно обвинены в контрреволюционной деятельности Николай Давидов и его два брата, братья Манучаровы Г. и А. и несколько других жителей Мамукинской деревни, которые затем по решению тройки НКВД ГССР были незаконно расстреляны.

Савицкий признал, что применяя к арестованному Бедия меры физического воздействия, он и Парамонов принудили его к показаниям о якобы проводимой им вражеской деятельности и подготовке теракта против Берия.

Савицкий подтвердил также свое участие в расправах над Квашали, Мардановым, Матикашвили, Авнатамовым и другими (том 2, л.д. 101, 102, 108, 130, 137, 188—189, 195, 240, 268—270, 278—280, 289—290, 295, 303, 312).

Савицкий признал, что в 1953 году он по заданиям Кобулова участвовал в подготовке документов, в которых Берия и Б. Кобулов сознательно извращали данные о национальных кадрах в отдельных союзных республиках (том л.д.).

В преступной деятельности обвиняемый Савицкий изобличается показаниями свидетелей: Глонти, Гульста, Ковшова, Арзанова, Киларджишвили, Петросян, Арабелидзе, Барского, Бабалова и других; показаниями обвиняемых Надарая, Хазана и Парамонова, арестованного по другому делу Цанава, показаниями врага народа Гоглидзе и документальными доказательствами.

Обвиняемый Кримян Н.А. признал, что он был близким лицом к Кобулову Б. и что, находясь на следственной работе в НКВД Грузии, он по указанию Берия, Гоглидзе и Кобулова Б. лично избивал арестованных и допускал другие преступные нарушения советских законов, что приводило к самооговорам и необоснованному осуждению этих лиц (том л.д.).

Кримян признал свое участие в расследовании дела Орахелашвили и получении ложных показаний на С. Орджоникидзе и его брата П. Орджоникидзе, но считает, что основную роль в этом выполняли Кобулов и Савицкий (том л.д.).

Кримян признал, что он принимал участие в расследовании по делам Бедия, Н. Давидова, Матикашвили, Роговского, Русадзе, Т. Тобидзе и что по его материалам необоснованно была осуждена к расстрелу Старшова (том л.д.).

Утверждение Кримяна, что после 1946 г. у него якобы ухудшились отношения с Кобуловым и что его доверенным лицом он не был, опровергаются письмами Кримяна, приобщенными в качестве доказательств к делу. В одном из этих писем Кримян 26 мая 1953 года писал Кобулову:

«Дорогой Богдан Захарович... мне не до лицемерия, но ведь вы знаете меня лучше, чем кто-либо. Ведь вы вырастили меня как чекиста, рекомендовали в партию.

Только вам я обязан своим ростом и выдвижением. Вы руководили всей моей чекистской деятельностью и, позволю напомнить, находили в свое время возможным называть меня своим воспитанником» (том л.д.).

В преступной деятельности обвиняемый Кримян изобличается показаниями свидетелей: Окрошидзе, Петросяна, Ковшова, Осиповой, Гульст, Глонти, Арзанова, Барского, Бабалова, Мовсесова, Арабелидзе, Твалчрелидзе, Гомелаури и другими, показаниями обвиняемых Савицкого, Надарая, Хазана, показаниями арестованного по другому делу Цанава и многочисленными документальными доказательствами.

Обвиняемый Хазан А.С. признал, что в период своей службы в НКВД Грузии он, исполняя указания Берия, Гоглидзе и Кобулова, производил аресты партийных и советских работников при отсутствии каких-либо материалов в качестве оснований к этому.

Хазан признал, что он выносил постановления о необоснованных арестах Д. Орджоникидзе, Н. Давидова, Ш. Киладзе, Э. Вашакидзе, Г. Нанейшвили, Г. Немсицверидзе, В. Вашакидзе и других и что он с целью вымогательства от арестованных показаний об антигосударственной деятельности лично избивал их и требовал этого же от своих подчиненных. Хазан показал:

«...в результате моей деятельности в СПО НКВД пострадало много невиновных людей» (том л.д.).

Хазан признал убийство арестованного Арутюнова и что арестованные Нанейшвили, В. Вашакидзе и Немсицверидзе, не выдержав «условий следствия», скончались, не дав показаний. Хазан подтвердил, что случаи убийства арестованных во время следствия скрывались путем составления фиктивных актов и что таким же образом было скрыто убийство Арутюнова (том л.д.).

Хазан признал, что у него были сосредоточены материалы, на основании которых арестовывались в тот период сотрудники НКВД Грузии (том л.д.).

Хазан признал, что, работая в прошлом в органах ОГПУ, он находился в приятельских отношениях с троцкисткой Упштейн и подарил ей книгу, в которой сделал надпись, содержавшую выпад против В.И. Ленина.

В преступной деятельности обвиняемый Хазан изобличается показаниями свидетелей: Твалчрелидзе, Киларжишвили, Квирикашвили, Мовсесова, Лазарева, Глонти, Окрошидзе, Гульста, Барского, Миловой, Арзанова, Бат, Ковшова, Маргиева, Саркисова А., Хонелидзе, Галаванова и других, показаниями обвиняемых Рапава, Рухадзе, Церетели, Савицкого, Надарая и Кримяна, а также многочисленными документальными доказательствами.

Обвиняемый Парамонов Г.И. признал, что, работая в СПО НКВД Грузии по расследованию дел, он допускал преступные нарушения законности и что он лично избивал арестованных, вымогая у них ложные признания в совершении ими государственных преступлений (том л.д.).

Парамонов признал, что он вынес постановления на арест Орджоникидзе Ивана и его жены Орджоникидзе Антонины и совместно с Савицким допрашивал их, а также арестованного Дмитрия Орджоникидзе (том л.д.).

Парамонов признал, что он участвовал в расследовании дела Бедия и докладывал это дело на тройке НКВД Грузии, которая вынесла решение о расстреле Бедия, и что он участвовал также в расследовании дел Авнатамова, Марданова, Ш. Киладзе, Н. Давидова и других (том л.д.).

Парамонов признал, что являлся приближенным Гоглидзе и служил совместно с ним в Грузии, Ленинграде, Молдавии и на Дальнем Востоке, что в 1953 году он был назначен Берия заместителем начальника следственной части по особо важным делам МВД СССР при содействии Кобулова и Савицкого.

В преступной деятельности обвиняемый Парамонов изобличается показаниями свидетелей: Глонти, Гомелаури, Ковшова, Гульста В., Карели, Тестовой, Хонелидзе, Яхнава, Тестова, Лазарева, Арзанова, Морозова и других, показаниями обвиняемых Савицкого, Хазана и Кримяна, а также документальными доказательствами.

Обвиняемый Надарая С.Н. признал, что, будучи начальником внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР, содержал арестованных в тяжелых, невыносимых условиях, что в процессе следствия по делам к арестованным, содержавшимся в тюрьме, применялись избиения и пытки с целью добиться от них самооговора и получения вымышленных показаний в отношении других неугодных Берия и его сообщникам лиц, которые затем были расстреляны с личным участием Надарая (том 40, л.д. 74—76, 86—88, 113; том 41, л.д. 26, 28—29).

Надарая признал, что Берия, приблизив его к себе, в 1937 году назначил начальником внутренней тюрьмы НКВД Грузии, а позже назначил заместителем, а затем начальником его личной охраны, что он, зная о глубоком моральном падении Берия, выполнял его личные поручения, в частности, систематически устанавливал фамилии различных женщин и доставлял их в особняк Берия (том 40, л.д. 31—33, 38, 102, 133, 138, 199).

В преступной деятельности обвиняемый Надарая изобличается показаниями свидетелей: Тестовой Т.С., Прошичева В.С., Карели Г.М., Сусанова А.Н., Курели И.Г., Ткачева П.В., Субботиной Д.А., Жуковской и др.; показаниями арестованных по другим делам: Саркисова Р.С., Дидюкова И.И., Рыбака И.М., Мичурина-Равера и др., показаниями врага народа Берия Л.П. и документальными доказательствами.

Формула обвинения

Следствием установлено, что обвиняемые Рапава, Рухадзе, Церетели, Савицкий, Кримян, Хазан, Парамонов и Надарая являлись участниками изменнической группы заговорщиков, возглавляемой врагом народа Берия, и выполняли вражеские задания Берия, Гоглидзе и Кобулова в осуществление изменнических планов заговорщиков, в частности:

1. Совершали незаконные аресты невиновных советских граждан, фальсифицировали следственные материалы и уголовные дела, ложно обвиняя арестованных в подготовке терактов против Берия, Гоглидзе, Кобулова и в совершении тяжких государственных преступлений.

2. Организовали и сами проводили избиения и пытки арестованных, от которых вымогали ложные показания, необходимые для террористических расправ с неугодными Берия и его соучастникам работниками партийных, советских, научных и хозяйственных организаций.

3. Учиняли террористические расправы с арестованными как путем их убийств на допросах, так и сознанием невыносимых условий содержания под стражей, что влекло смерть заключенных.

4. Непосредственно участвовали в сборе сфальсифицированных, клеветнических материалов в отношении выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства — Серго Орджоникидзе, а также в террористической расправе с родственниками Серго Орджоникидзе.

5. Обвиняемые Рапава и Церетели, используя в своих вражеских целях тройку при НКВД ГССР, совершали террористические акты, вынося в качестве членов тройки решения о расстрелах или осуждении к длительным срокам лишения свободы заведомо невиновных в контрреволюционных преступлениях честных советских граждан.

6. Обвиняемые Церетели и Рапава, кроме того, в том, что они выполняли преступные поручения Берия о тайных похищениях и убийствах людей.

7. Обвиняемый Савицкий, кроме того, в том, что в 1953 году после назначения Берия на пост министра внутренних дел СССР принимал активное участие в осуществлении вражеских замыслов Берия, являвшихся частью изменнического плана заговорщиков, направленных к подрыву дружбы народов СССР.

На основании изложенного:

1. Рапава Аквсентий Нарикиевич, 1899 года рождения, уроженец о. Корцхели, Зугдидского уезда, Грузинской ССР;

2. Рухадзе Николай Максимович, 1905 года рождения, уроженец ст. Рустави, Грузинской ССР;

3. Церетели Шалва Отарович, 1894 года рождения, уроженец местечка Сачхере, Сачхерского района, Грузинской ССР;

4. Савицкий Константин Сергеевич, 1905 года рождения, уроженец г. Ташкента;

5. Кримян Никита Аркадьевич, 1913 года рождения, уроженец г. Карса;

6. Хазан Александр Самойлович, 1906 года рождения, уроженец г. Одессы;

7. Парамонов Георгий Иович, 1907 года рождения, уроженец г. Баку;

8. Надарая Сардион Николаевич, 1903 года рождения, уроженец с. Селиста, Абашского района, Грузинской ССР

обвиняются:

1) Рапава А.Н. в том, что являясь участником антисоветской изменнической группы заговорщиков, возглавлявшейся врагом народа Берия, совершил

государственные преступления, указанные в п.п. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. 58-1 пункт «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР;

2) Рухадзе Н.М. в том, что, являясь участником антисоветской изменнической группы заговорщиков, возглавлявшейся врагом народа Берия, совершил государственные преступления, указанные в п.п. 1, 2, 3 и 4 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. 58-1 пункт «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР;

3) Церетели Ш.О. в том, что, являясь участником антисоветской изменнической группы заговорщиков, возглавлявшейся врагом народа Берия, совершил государственные преступления, указанные в п.п. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 формулы обвинения, предусмотренные ст. ст. 58-1 пункт «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР;

4) Савицкий К.С. в том, что, являясь участником антисоветской изменнической группы заговорщиков, возглавлявшейся врагом народа Берия, совершил государственные преступления, указанные в п.п. 1, 2, 3, 4, 7 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. 58-1 пункт «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР;

5) Кримян Н.А. в том, что, являясь участником антисоветской изменнической группы заговорщиков, возглавлявшейся врагом народа Берия, совершил государственные преступления, указанные в п.п. 1, 2, 3, 4 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. 58-1 пункт «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР;

6) Хазан А.С. в том, что, являясь участником антисоветской изменнической группы заговорщиков, возглавлявшейся врагом народа Берия, совершил государственные преступления, указанные в п.п. 1, 2, 3, 4 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. 58-1 пункт «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР;

7) Парамонов Г.И. в том, что, являясь участником антисоветской изменнической группы заговорщиков, возглавлявшейся врагом народа Берия, совершил государственные преступления, указанные в п.п. 1, 2, 3, 4 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. 58-1 пункт «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР;

8) Надарая С.Н. в том, что, являясь участником антисоветской изменнической группы заговорщиков, возглавлявшейся врагом народа Берия, совершил государственные преступления, указанные в п.п. 2, 3 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. 58-1 пункт «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Настоящее дело подсудно Военной Коллегии Верховного Суда СССР.
Обвинительное заключение составлено
« » января 1955 г. в г. Москве.

Пом. Генерального Прокурора СССР
Государственный советник юстиции
3 класса Л. СМИРНОВ

Список лиц, подлежащих вызову в суд

Обвиняемые:
1. Рапава А.Н. — под стражей (т.т. 1, 2, 3)
2. Рухадзе Н.М. — под стражей (т.т. 4, 5, 6, 7, 8)
3. Церетели Ш.О. — под стражей (т.т. 9, 10)
4. Савицкий К.С. — под стражей (т. 11)
5. Хазан А.С. — под стражей (т. 12)
6. Кримян Н.А. — под стражей (т. 13)
7. Парамонов Г.И. — под стражей (т. 14)
8. Надарая С.Н. — под стражей (т.т. 40, 41)

Свидетели:

1. Васильев В.Н. — Москва, Измайлово, Главный проспект, д. 10, кв. 1 (т. 36, л.д. 54—59; т. 18, л.д. 242—263).
2. Васина М.Д. — Москва, Ленинские горы, Городское шоссе, высотные дома, корпус № 18, кв. 51. (т. 36, л.д. 88—94).
3. Осипова Р.С. — гор. Батуми, ул. Сталина, д. 42 (т. 43, л.д. 189—193).
4. Курели И.Г. — гор. Тбилиси, переулок 300 арагвинцев, д. 16. (т. 43, л.д. 112—116).
5. Тестова Т.С. — гор. Тбилиси, ул. Атарбекова, д. 43. (т. 43, л.д. 361—363).
6. Цверианова А.К. — гор. Тбилиси, ул. Лермонтова, д. 26 (т. 43, л.д. 394—396).
7. Размадзе Р.Я. — гор. Тбилиси, ул. Палиашвили, д. 22 (т. 19, л.д. 262—274; т. 43 л.д. 203—206).
8. Ароян Ю.И. — гор. Тбилиси, ул. Плеханова, д. 77 (т. 43, л.д. 9—13, 34—35).
9. Орджоникидзе А.М. — гор. Тбилиси, ул. Джапаридзе, д. 5 (т. 43, л.д. 182—183).
10. Сурмава Е.М. — гор. Тбилиси, Тульская ул., д. 24 (т. 43, л.д. 214—219).
11. Ковшов С.Г. — гор. Тбилиси, ул. Клары Цеткин, д. 110 (т. 44, л.д. 174—177).
12. Маргиев И.И. — гор. Тбилиси, Душетская улица, д. 11 (т. 44, л.д. 299—301).
13. Тестов Я.Е. — гор. Тбилиси, ул. Атарбекова, д. 43 (т. 43, л.д. 352—355).
14. Глонти М.М. — гор. Тбилиси, ул. Конституции, д. 2 (т. 43, л.д. 96—100).
15. Гомелаури М.Г. — гор. Тбилиси, Касапский пер., д. 4 (т. 43, л.д. 85—87).
16. Сусанов А.Н. — гор. Тбилиси, проспект Плеханова, д. 137 (т. 43, л.д. 339—340).
17. Карели Г.М. — гор. Тбилиси, Рабатская ул., д. 5/9, кв. 1 (т. 44, л.д. 182—184).
18. Окрошидзе В.Н. — гор. Тбилиси, проспект Руставели, д. 1, кв. 48 (т. 44, л.д. 367—368).
19. Буачидзе Л.А. — гор. Тбилиси, Советская ул, д. 81 (т. 43, л.д. 38—39).
20. Петросян А.Е. — гор. Тбилиси, ул. Камо, д. 91 (т. 35, л.д. 267—269).
21. Арзанов В.Г. — гор. Тбилиси, ул. Лермонтова, д. 21 (т. 36, л.д. 12—16).
22. Окуджава А.В. — гор. Тбилиси, 2 Проектная ул., д. 26 (т. 44, л.д. 361—363).
23. Керкадзе М.И. — гор. Тбилиси, Плехановский пр., д. 134 (т. 34, л.д. 28—33; т. 44, л.д. 167—169).
24. Керкадзе К.И. — гор. Тбилиси, Плехановский пр., д. 134 (т. 34, л.д. 34—35).
25. Чарквиани К.Н. — г. Москва, Можайское шоссе, д. 36/50, кв. 217 (т. 3, л.д. 157—160).
26. Мшвидобадзе В.И. — г. Петропавловск, ул. Милицейская, д. 95 (т. 34, л.д. 36—38).
27. Свиридов М.Б. — гор. Тбилиси, Советская ул., д. 14, (т. 20, л.д. 235—237).
28. Давлианидзе С.С. — гор. Тбилиси, ул. Саджая, д. 5, (т. 36, л.д. 279—284).
29. Эроян Х.А. — г. Новые Гагры, Нагорная ул., д. 19 (т. 21, л.д. 58—60).

30. Мукаэлян Г.С. — село Гантиади, 4 квартал Гагрского р-на Абхазской АССР, колхоз им. Куйбышева (т. 21, л.д. 122—125).

31. Чакрян Н.Е. — село Накадули Гагрского р-на Абхазской АССР (т. 21, л.д. 166—170).

32. Айба Г.К. — село Отхари Гудаутского р-на Абхазской АССР, колхоз Мегоброби (т. 21, л.д. 97—100).

33. Джелетян С.С. — колхоз им. Чкалова Адлерского р-на, Краснодарского края (т. 44, л.д. 106—108).

*Пом. Генерального Прокурора СССР
государственный советник юстиции
3 класса Л. СМИРНОВ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 476. Л. 1—123. Копия. Машинопись.

№ 138
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О МАЛЕНКОВЕ Г.М.[1]

29 и 31 января 1955 г.

П105/1

О тов. Маленкове Г.М.

Принять представленный проект постановления с правкой, внесенной т. Молотовым, и дополнением, изложенным т. Кагановичем.

Поручить т.т. Молотову, Кагановичу, Суслову и Поспелову отредактировать данный проект постановления для внесения на рассмотрение Пленума ЦК КПСС.

Поручить т. Хрущеву выступить от Президиума ЦК с докладом на Пленуме ЦК КПСС о т. Маленкове.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Сов. секретно

Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС

О тов. МАЛЕНКОВЕ Г.М.
(Принято единогласно на заседании Пленума ЦК КПСС
31 января 1955 года)

Заслушав доклад тов. Хрущева Н.С. о тов. Маленкове Г.М. и полностью одобряя предложения Президиума ЦК по этому вопросу, Пленум ЦК КПСС считает, что т. Маленков не обеспечивает надлежащего выполнения обязанностей Председателя Совета Министров СССР. Не обладая необходимыми знаниями и опытом хозяйственной деятельности, а также опытом работы местных советских органов, т. Маленков плохо организует работу Совета Министров, не обеспечивает серьезной и своевременной подготовки вопросов к заседаниям Совета Министров. При рассмотрении многих ост-

[1] На отдельном листе имеется помета: «Резолюция Пленума ЦК КПСС разослана: первым секретарям ЦК компартий, крайкомов, обкомов партии (по списку членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС».

рых вопросов т. Маленков проявляет нерешительность, не занимая определенной позиции. Эти недостатки деловых качеств у т. Маленкова крайне отрицательно сказываются на работе Совета Министров.

В своей деятельности на посту Председателя Совета Министров СССР т. Маленков не проявил себя также достаточно политически зрелым и твердым большевистским руководителем.

В этом отношении характерна речь т. Маленкова на V сессии Верховного Совета СССР. По своей направленности эта речь с большими, экономически малообоснованными обещаниями, напоминала скорее парламентскую декларацию, рассчитанную на снискание дешевой популярности, чем ответственное выступление главы Советского правительства. В той же речи т. Маленковым было допущено теоретически неправильное и политически вредное противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам развития легкой и пищевой промышленности, выдвигался в качестве основного вывода лозунг форсированного развития легкой индустрии. Не случайно поэтому, что некоторые горе-экономисты, ухватившись за это ошибочное выступление т. Маленкова, стали развивать уже явно антимарксистские, антиленинские, правооппортунистические взгляды по коренным вопросам развития советской экономики, требуя преимущественных темпов развития легкой индустрии.

Тов. Маленков в своей речи на собрании избирателей 12 марта 1954 г. допустил также теоретически ошибочное и политически вредное утверждение о возможности «гибели мировой цивилизации» в случае, если империалистами будет развязана третья мировая война. Распространение подобных взглядов не только не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов развязать атомную войну, но, наоборот, способно породить настроения безнадежности усилий народов сорвать планы агрессоров, что выгодно только империалистическим поджигателям новой мировой войны, рассчитывающим запугать народы «атомным» шантажом.

ЦК КПСС считает необходимым также отметить допущенные т. Маленковым за последние годы и другие крупные политические ошибки, имея в виду правильное воспитание наших кадров на этих ошибках и предупреждение от повторения подобных ошибок в дальнейшем.

В течение длительного времени т. Маленков поддерживал близкие отношения с Берия, оказавшимся авантюристом и предателем, проявлял в отношении Берия вопиющую политическую близорукость, находился по многим вопросам под полным влиянием Берия, а иногда являлся безвольным орудием в его руках.

Тов. Маленков несет моральную ответственность за позорное «ленинградское дело», созданное Берия и Абакумовым, оклеветавшими перед И.В. Сталиным ряд руководящих работников, а также за сфабрикованное Берия и Абакумовым «дело» маршала артиллерии Яковлева и других военных работников. Тов. Маленков, находясь в столь тесных отношениях с Берия, не мог не знать о клеветнических наветах на этих работников со стороны Берия перед И.В. Сталиным.

Политическая бесхребетность т. Маленкова и его зависимость от Берия представляли особую опасность в период кончины И.В.Сталина. Вместо того чтобы действовать в полном контакте с другими руководящими деятелями партии и правительства, т. Маленков обособился с Берия; за спиной

других руководящих деятелей партии и правительства т. Маленков вместе с Берия подготовил предложения о составе правительства и «реорганизации» министерств. Это неправильное поведение Маленкова облегчило возможность провокатору Берия пролезть на пост министра внутренних дел с далеко идущими целями (подчинить себе партию и правительство), что грозило величайшей опасностью для нашего Советского государства.

Почти до самого ареста Берия т. Маленков находился под его влиянием и в ряде важнейших политических вопросов поддерживал предложения Берия. Тов. Маленков пошел за Берия по такому важнейшему вопросу, как вопрос о нашей политике в Германии. Тов. Маленков поддерживал предложения Берия о том, чтобы совсем отказаться от курса на строительство социализма в ГДР и держать курс на то, чтобы уйти из Германии, предоставив возможность создания единой буржуазной Германии в качестве якобы «нейтрального» государства. Когда же эти капитулянтские предложения были отвергнуты подавляющим большинством членов Президиума ЦК, не только Берия, но и т. Маленков после заседания обрушились с угрозами на отдельных членов Президиума, пытаясь их запугать и добиться проведения капитулянтской линии.

В свою очередь Берия всячески поддерживал т. Маленкова и выдвигал его с той преступной целью, чтобы, используя свое влияние на т. Маленкова, расчищать путь для своей личной власти.

В июне 1953 года под влиянием других членов Президиума ЦК, возмутившихся наглым, антипартийным поведением Берия, т. Маленков принял активное участие в пресечении преступной деятельности Берия. Однако т. Маленков в своем выступлении на июльском Пленуме ЦК КПСС не нашел в себе мужества для того, чтобы подвергнуть решительной партийной критике свои близкие отношения в течение длительного времени к провокатору Берия.

ЦК КПСС считает, что т. Маленков, руководя в течение ряда лет вопросами сельского хозяйства, несет политическую ответственность за серьезное отставание этой отрасли народного хозяйства. Не обладая необходимыми знаниями и опытом в области сельского хозяйства, т. Маленков по существу и не пытался всерьез разобраться в коренных вопросах сельского хозяйства, слепо доверяя таким очковтирателям, как быв. зав. сельхозотделом ЦК т. Козлов.

Все эти факты свидетельствуют об отсутствии у т. Маленкова деловых и политических качеств, необходимых для выполнения обязанностей главы Советского правительства. Между тем т. Маленков после разделения постов Председателя Совета Министров СССР и Первого Секретаря ЦК КПСС неправильно понял свои функции и явно претендовал не только на руководство деятельностью Правительства, но и на руководство Президиумом ЦК.

Учитывая все вышеизложенное, Пленум ПК КПСС постановляет: освободить т. Маленкова Г.М. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР.

Пленум ЦК КПСС требует от т. Маленкова, чтобы он извлек все уроки из допущенных им тяжелых политических ошибок и по-большевистски проявил себя на новой работе, которая ему будет поручена Центральным Комитетом партии.

* * *

Пленум ЦК КПСС с удовлетворением отмечает, что принятые Президиумом ЦК решения обеспечивают дальнейшее укрепление коллективного руководства партии на основе ленинской принципиальности.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 476. Л. 132—138. Копия. Машинопись.

№ 139
ЗАПИСКА П. БАРАНОВА В ЦК КПСС О ПРОЕКТЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ Е.М. ЛИБЕНСОНА

28 марта 1955 г.

Секретно

№ 3052/с

ЦК КПСС

Представляю проект обвинительного заключения по делу Либенсона Ефима Михайловича.

Считаю виновность Либенсона материалами дела доказанной.

За совершенные преступления Либенсон подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Прошу указаний.

И.О. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
П. БАРАНОВ

Совершенно секретно

«УТВЕРЖДАЮ»
И.О. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
Государственный советник юстиции
1 класса
П. БАРАНОВ

« » марта 1955 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 0063

по обвинению ЛИБЕНСОНА Ефима Михайловича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 17-53-1 «б» и 58-8 Уголовного Кодекса РСФСР.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда Союза ССР в декабре 1953 года рассмотрело уголовное дело об изменнической группе заговорщиков, возглавлявшейся врагом народа Берия.

Как установлено предварительным и судебным следствием, эта группа ставила своей преступной целью использовать органы МВД СССР против Коммунистической партии и Советского правительства для захвата власти, ликвидации советского строя и восстановления капитализма в СССР.

Одним из методов вражеской деятельности заговорщиков было учинение террористических расправ над людьми, неугодными Берия и его сообщникам. Преступники фальсифицировали уголовные дела и, применяя к арестованным избиения и пытки, добивались ложных показаний, после чего незаконно арестованные лица осуждались к длительным срокам лишения свободы или расстрелам.

Материалами предварительного следствия по настоящему делу установлено, что Либенсон, являясь одним из ближайших пособников заговорщиков, активно участвовал в их преступлениях, подвергал избиениям и пыткам невиновных людей и фальсифицировал уголовные дела.

Находясь на службе в органах НКВД, под непосредственным начальством врага народа Мешика (осужден Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР к ВМН), Либенсон являлся его приближенным и помощником в расправах с неугодными заговорщикам людьми.

О близости Либенсона к Мешику свидетель Курушев показал:

«...Надо сказать, что у Либенсона с Мешиком были самые близкие приятельские отношения и в отсутствие Мешика все вопросы по работе решались Либенсоном. Мешик и Либенсон, как правило, вместе ездили в тюрьму на допросы, вместе проводили очные ставки и вместе били арестованных...

..Либенсон в кругу следователей считался чем-то вроде палача, приближенного Мешику» (том 2, л.д.).

Указывая на личную преданность и близость Либенсона к Мешику, свидетель Сполохов показал, что Мешик за эту преданность питал к Либенсону неограниченное доверие, назначив его своим ближайшим помощником, и вместе с Либенсоном подвергал избиениям и пыткам арестованных в случаях, когда требовалось получить от них показания, нужные Берия и другим заговорщикам (т. 2, л.д.).

Свидетель Курушев лично видел, как в Лефортовской тюрьме Либенсон и Мешик избивали арестованного, требуя от него так называемых признательных показаний. Курушев показал:

«...Мешик и Либенсон заставили арестованного лечь на пол, после чего Либенсон с силой стал стегать его ремнем...

...Арестованный громко кричал, молил, чтобы его не били» (том л.д.).

Свидетель Мирошников П.И., арестованный по сфальсифицированным против него Мешиком материалам, показал:

«Примерно в три часа ночи приехал Мешик со своим работником Либенсоном. Оба были совершенно пьяны, хорошо были одеты.. Мешик вызвал меня к себе в кабинет и, ничего не говоря, лично стал меня избивать кулаками и ремнем. Это избиение было более жестоким, чем когда-либо. Они оба как бы соревновались в избиении. Били они меня примерно около двух часов» (т. л.д.).

Показания Мирошникова подтвердил свидетель Чекин, содержавшийся в то время в одной с ним камере (т. 1, л.д.).

В августе 1938 года незаконно был арестован заместитель Народного комиссара оборонной промышленности СССР Бондарь Г.И. Из материалов архивно-следственного дела Бондаря, сфальсифицированного при активном участии Либенсона, видно, что целью ареста Бондаря и фальсификации его дела было получить компрометирующие показания на бывш. Наркома оборонной промышленности М.М. Кагановича... Кроме того бывш. нач. отдела НКВД СССР Рейхман на допросе 26 апреля 1939 г. показал: «Материал подбирался также на... командарма Кулика ...От арестованного Бондаря я добился сфальсифицированных показаний о причастности Кулика к военно-фашистскому заговору...» (том л.д.).

Либенсон признал, что он принимал участие в проведении очной ставки между Бондарь и быв. начальником группы кадров Наркомата Осиевым.

О том, в какой обстановке проводилась очная ставка между Бондарем и Осиевым, последний показал: «...Бондаря ввели в кабинет... истерзанного, было совершенно очевидно, что его били. Его показания еще больше меня убедили, что он так же, как и я, под давлением издевательств и избиений решил признаваться в несуществующих преступлениях. Предыдущие избиения подготовили очную ставку, и она прошла, как обычный допрос, т.е. при всей абсурдности обвинения мне и Бондарю, мы признавались в несуществующих преступлениях».

По сфальсифицированным против него Либенсоном и следователем Кузнецовым следственным материалам в августе 1938 года Бондарь был осужден к ВМН и расстрелян.

По делу Бондаря Генеральным Прокурором СССР внесен протест в Военную Коллегию Верховного суда на предмет прекращения дела за отсутствием в его действиях состава преступления (том л.д.).

В июне 1939 г. без всяких к тому оснований был арестован начальник Главэнерго Регентов Т.П. Как явствует из материалов дела, сфальсифицированного Мешиком и Либенсоном, фабриковалось оно в целях получения провокационных клеветнических материалов на руководящих работников электропромышленности СССР. Для этого сразу же после ареста Регентов был подвергнут Мешиком и Либенсоном зверскому избиению. От Регентова требовали, чтобы он назвал фамилии лиц, завербовавших его в контрреволюционную организацию. Под влиянием систематических избиений Регентов дал Либенсону вымышленные показания, что завербовал его в к.р. организацию директор Шатурской ГРЭС Конторщиков. Однако эти показания не удовлетворяли Либенсона. Допрошенный по этому поводу свидетель Регентов показал:

«...Когда я заявил о своей невиновности, первым меня начал избивать Либенсон, который с силой бил кулаком по лицу и шее. Вместе с Либенсоном меня бил и Мешик. Когда меня начали бить, я стоял, затем, потеряв сознание, упал... Сколько времени меня били, я не могу сказать, но в камеру меня притащили два человека, видимо, вахтеры, так как сам я идти не мог... Показания, что меня завербовал в к.р. организацию Конторщиков, я дал Либенсону, но они его не устраивали. Со слов Либенсона я понял, что ему нужны показания, что руководители контрреволюционной организации были Вахрушев или Первухин, которые меня якобы завербовали. Вахрушев в то время был Председателем Совнаркома РСФСР, а Первухин был наркомом электростанций и электропромышленности. При дальнейших допросах Либенсон прямо и открыто требовал показаний на Первухина и Вахрушева, убеждая, что такой маленький человек, как Конторщиков, не мог меня вербовать. Эти требования Либенсон сопровождал систематическими избиениями меня на допросах. Бил он меня кулаком, резиновой палкой, причем он, видимо, испытывал особое удовольствие от избиений, так как иногда он вызывал меня в кабинет Лефортовской тюрьмы, где я содержался, и просто, не допрашивая и не записывая никаких моих показаний, принимался меня бить. Избивал Либенсон меня зверски, как правило, я после избиений терял сознание...» (т.2, л.д.).

Не получив от Регентова клеветнических показаний против т.т. Вахрушева и Первухина, по сфальсифицированным материалам Регентов был осужден к 10 годам лишения свободы.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 9 декабря 1953 года дело в отношении Регентова прекращено и он полностью реабилитирован (т. л.д.).

Но особое значение придавалось заговорщиками фальсификации следственных материалов против члена коммунистической партии с 1905 года, члена Президиума ВЧК и Коллегии ОГПУ при Ф.Э. Дзержинском — Кедрова М.С.

Установлено, что Кедров длительное время хранил у себя копии документов, писем и донесений из г. Баку периода 1921 г., содержавших в себе данные о вражеской работе Берия и адресованных Ф.Э. Дзержинскому.

Это обстоятельство стало известно заговорщикам и явилось причиной яростного преследования, воздвигнутого против М.С. Кедрова, членов его семьи и близких ему людей.

Младший сын Кедрова М.С. — Игорь Кедров являлся сотрудником НКВД СССР и работал по линии разведки против гитлеровской Германии. В процессе работы ему и его товарищу — Голубеву В.П., работавшему в контрразведке, стали известны факты изменнических действий Берия в области подрыва советской разведки за границей. Одновременно через отца Игорь Кедров узнал и о наличии архивных документов 1921 г., свидетельствовавших о вражеской деятельности Берия против Советского государства. В связи с этим Кедров Игорь и Голубев Владимир написали заявление, в котором разоблачали Берия, как врага народа. Заявление это было перехвачено Берия, и 20 февраля 1939 года он приказал Мешику арестовать И. Кедрова и В. Голубева; 9 марта 1939 года была арестована престарелая мать Голубева — персональная пенсионерка, член коммунистической партии с 1918 г. Батурина Антонина Васильевна. Единственный основанием для ареста Батуриной, больной женщины, несколько лет прикованной к постели, было то, что она посоветовала И. Кедрову и В. Голубеву обратиться с заявлением в ЦК ВКП(б) и что Батурина была полностью осведомлена о содержании компрометирующих Берия материалов и помогала Голубеву к И. Кедрову формулировать заявление.

Враг народа Деканозов признал на следствии, что им была получена агентурная сводка, в которой сообщалось о намерении Кедрова и Голубева по совету Батуриной обратиться с разоблачающим Берия заявлением. Эта сводка была передана Деканозовым Берия или Меркулову.

Деканозов показал по этому поводу:

«...я вспомнил, что была сводка о том, что Батурина советовала Кедрову или Голубеву подать в ЦК ВКП(б) заявление о Берия Л.П. Эта сводка была передана руководству».

Получив в свое производство дела по обвинению Кедрова Игоря, Голубева и Батуриной, зная через Мешика о чрезвычайной заинтересованности Берия этими делами, Либенсон прилагал все усилия, чтобы получить от арестованных угодные Берия показания.

Путем шантажа, избиений и пыток Либенсон вынудил Кедрова и Голубева к даче ложных показаний о том, что разоблачающее Берия заявление было написано ими якобы по заданию германской разведки с целью скомпрометировать Берия.

Только после разоблачения врага народа Берия в его личных архивах было обнаружено заявление Кедрова и Голубева в ЦК ВКП(б), из которого явствует, что приводимые ими в заявлении факты изобличают Берия как шпиона иностранной разведки и врага народа. Более того, из дела по обвинению Кедрова И. Либенсон изъял собственноручные показания Кедрова, написав справку, что эти показания изъяты им «из оперативных соображений» (том л.д.).

На суде Голубев отказался от своих показаний, заявив, что эти показания были вынужденными, признав себя виновным только в подаче заявления, направленного против Берия (том л.д.).

На основании материалов, сфальсифицированных Либенсоном, и показаний, добытых им путем применения незаконных методов следствия, И. Кедров, В. Голубев и А.В. Батурина были осуждены к расстрелу.

Следует указать, что в деле по обвинению Голубева сохранились адресованные им Берия заявления, в которых он пишет о боязни попасть вновь в Сухановскую тюрьму и заявляет, что:

«Если суд и сохранит мне жизнь, все равно не имею намерения жить долго» (том л.д.).

Следствием установлена полная невиновность Кедрова И.М., Голубева В.П. и Батуриной А.В. и определением Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР они реабилитированы посмертно, а дела о них производством прекращены за отсутствием состава преступления (т. л.д.).

16 апреля 1939 года по указанию Берия был арестован М.С. Кедров. Никаких оснований к его аресту не было. Однако в расчете на то, что побоями и пытками от Кедрова можно будет добиться нужных Берия показаний, Мешик поручил следствие по его делу Либенсону.

Не имея никаких данных, указывающих на какие-либо порочащие Кедрова факты, Либенсон избивал Кедрова и всячески издевался над ним. Об этих пытках и издевательствах, применявшихся Либенсоном, свидетельствуют собственноручные показания Кедрова, сохранившиеся в деле и датированные 5 января 1940 года. Кедров пишет:

«...отвратительные издевательства проделывал надо мной в особенности гражданин Либенсон. Он тряс меня за шиворот и сталкивал со стула, ставил меня, как мальчишку, в угол носом, хватал за бороду, рвал мою гимнастерку и, когда я пробовал отводить его руки, он, грозя мне пальцем, как собаке, говорил: “Тубо! Рукам воли не давай”.

Когда в кабинет заходило несколько следователей, гражданин Либенсон демонстрировал меня перед ними как дрессированное животное: “Взгляните на эту харю! Шпик. Плюнуть хочется...” и т.д.» (том л.д.).

Свидетель Курушев, участвовавший по поручению Либенсона в следствии по делу Кедрова, показал:

«При допросах Кедрова Либенсон всячески оскорблял его, ругаясь нецензурно и называя шпионом, провокатором, предателем. Все это сопровождалось сплошным матом...

...Однажды, когда мною был вызван Кедров для очередного допроса, он, показывая разорванную гимнастерку, рассказал, что Либенсон на допросе схватил его за грудь, бил о стенку спиной, в результате чего порвал гимнастерку...» (том л.д.).

О преступных методах следствия, применявшихся к Кедрову, дает представление его заявление, адресованное секретарю ЦК Коммунистической партии А.А. Андрееву, датированное Кедровым 19 августа и скрытое от ЦК сообщниками Берия. В этом заявлении Кедров пишет:

«Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к Вам о помощи. Услышьте крик ужаса. Не пройдите мимо! Заступитесь! Помогите уничтожить кошмар допросов... Я невинно страдаю. Поверьте! Время рассудит. Я не агент, провокатор царской охранки, не шпион, не член антисоветской организации, в чем меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях, и никаких других преступлений в отношении партии и родины я никогда не совершал.

Я не запятнанный ничем старый большевик, честно боровшийся (без малого) 40 лет в рядах партии на благо и счастье народа.

Пятый месяц тщетно прошу предъявить мне конкретные обвинения, чтобы я мог их опровергнуть. Тщетно прошу записать следствие факты моей жизни, опровергающие указанные выше обвинения. Напрасно.

В ответ я слышу одни и те же слова: “Расскажите о своей вражеской работе, иначе плохо будет, будем давить, бить, сломим упорство”.

С первых дней нахождения моего в суровой Сухановской тюрьме начались репрессии — ограничение времени сна 1—2 часами в сутки, лишение выписки продуктов, книг, прогулок, даже отказ в медицинской помощи и лекарствах, несмотря на мое тяжелое заболевание сердца.

С переводом меня в Лефортовскую тюрьму круг репрессий расширился. Меня заставляли стоять часами до изнеможения в безмолвии в кабинете следователя, ставили как школьника в старой школе лицом в угол, трясли за шиворот, хватали за бороду, дважды сажали в карцер, вернее, погреб, совершенно сырое и холодное помещение с замурованным наглухо окном.

На первых допросах меня били по щекам за то, что я заявляю, что я честный большевик и что никаких фактов о моей преступной работе у них нет и не может быть. Теперь мне, 62-летнему старику, следователь угрожает еще более тяжкими и жестокими мерами физического воздействия.

Они уже не в состоянии осознать свою ошибку и признать незаконность и недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдание им в изображении меня злейшим, неразоружившимся врагом, настаивая на усилении репрессии. Но пусть знает партия, что я не виновен и никакими мерами не удастся верного сына партии, преданного ей до гроба жизни, превратить во врага!

Но у меня нет выхода. Я бессилен отвратить от себя надвигающиеся новые тяжкие удары. Всему, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано. Силы и энергия иссякают! Развязка приближается!

Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родине — что может быть страшнее для честного человека! Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет! Нет! Это не случится, не должно случиться, — кричу я, — Партия и Советское правительство и Нарком Л.П. Берия не допустят совершиться такой жестокой несправедливости.

Убежден, что при спокойном беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств необоснованность обвинения будет легко установлена. Я глубоко верю, что правда и справедливость восторжествуют. Я верю, верю!

М. Кедров».

Несмотря на бесчеловечные издевательства и пытки, примененные к нему, М.С. Кедров упорно не хотел давать ложных компрометирующих его показаний, уличая следствие в фальсификации следственных материалов и вызывая злобу у Либенсона и Мешика.

Продолжая свои показания от 5 января 1940 г., Кедров писал:

«Чем больше обнаруживалась полная несостоятельность и недоброкачественность предъявленных мне обвинений, тем больше росли раздражение, злоба и ненависть против меня со стороны руководителей следствия — Мешика и Либенсона, тем усиливались меры воздействия».

После того, как Кедров на одном из допросов заявил, что он не совершил никаких преступлений, а всегда был верным сыном партии, он был брошен полураздетым в сырой и холодный карцер, представлявший собой темный, без окон погреб с глухими стенами.

На жалобу Кедрова, что он может погибнуть в результате бесчеловечного к нему отношения, Либенсон цинично ответил:

«Кабы сдох! Сразу бы прекратили дело за смертью обвиняемого».

В ответ на просьбы Кедрова о медицинской помощи по указанию Либенсона он был помещен в карцер на трое суток.

По поводу условий содержания его в карцере Кедров в своих показаниях пишет:

«...Это был не карцер, а форменный погреб, сырой, холодный, с замурованным наглухо окном. Пол совершенно мокрый, загаженный экскрементами. Держали меня в подобном помещении в одном нижнем белье после перенесенной мной тяжелой гангрены ноги, это являлось совершенно ненужной жестокостью, грозившей рецидивом и ампутацией ноги» (т. л.д.).

В отдельных случаях, когда Кедрова допрашивал участвовавший в следствии и подчиненный Либенсону следователь Адамов, Либенсон и Мешик специально приходили на допрос, чтобы избивать Кедрова.

Допрошенный по этому поводу Адамов показал:

«...когда я допрашивал Кедрова, он содержался в Лефортовской тюрьме.

Во время одного из допросов в июле 1939 г. ко мне в кабинет зашли Мешик и Либенсон, и Мешик спросил Кедрова: "Ну, как, признаешься, старый черт?" На это Кедров ответил, что ему признаваться не в чем и он ни в чем не виноват. После этого Мешик и Либенсон избили Кедрова и вышли из кабинета» (т. л. д.).

Необходимо указать, что в архивном деле по обвинению М.С. Кедрова имеются четыре протокола допроса, проведенные с участием Либенсона. Однако, как видно из личного тюремного дела М.С. Кедрова, только Либенсон вызывал его «на допрос» 55 раз (т. л.д.).

Пытки и издевательства не сломили волю М.С. Кедрова. Ложных показаний, угодных Либенсону и Мешику, он не дал.

На сфальсифицированное Либенсоном обвинение в измене Родине, вредительстве и других контрреволюционных преступлениях Кедров ответил:

«...Категорически отрицаю предъявленное мне обвинение. Я виновным себя не признаю... заявляю, что вся моя жизнь и преданная работа партии большевиков в течение 38 лет является убедительным опровержением предъявленных мне обвинений» (т. л.д.).

Дело по обвинению Кедрова было направлено на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР. В судебном заседании Кедров полностью опроверг выдвинутые против него обвинения, убедительно доказав свою невиновность.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговором от 9 июля 1941 года оправдала Кедрова и указала, что обвинение его не нашло подтверждения на судебном следствии, что это обвинение основано на клеветнических показаниях, которые опровергаются объяснениями Кедрова и документами дела (т. л.д.).

После вынесения оправдательного приговора Кедрова не освободили из-под стражи.

Сфальсифицированное Мешиком и Либенсоном клеветническое представление, в котором извращались факты, было направлено Председателю Верховного Суда Союза ССР с требованием отмены оправдательного приговора в отношении Кедрова, но Верховный Суд оставил приговор в силе, не найдя оснований для его отмены. Однако и при таком положении, игнорируя советские законы, заговорщики продолжали содержать под стражей оправданного Верховным Судом М.С. Кедрова, выжидая удобного момента, чтобы умертвить его.

Об осведомленности Либенсона по поводу готовящейся расправы над Кедровым свидетель Адамов показал:

«...от Либенсона я узнал, что Военная Коллегия Верховного Суда СССР вынесла по делу оправдательный приговор.

Либенсон тогда приказал мне из здания НКВД не уходить, так как придется писать протест на этот приговор.

Через несколько часов ко мне вновь зашел Либенсон и сказал, что я могу быть свободным и что Кедров будет осужден в особом порядке» (т. л.д.).

1 ноября 1941 г. при наличии оправдательного приговора и отсутствии каких бы то ни было оснований, по преступному распоряжению Берия, Кедров М.С. был расстрелян в Саратовской тюрьме (т. л.д.).

В соответствии с изложенным Либенсону предъявлено обвинение в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 17-53-1 «б» и 58-8 УК РСФСР.

Привлеченный к настоящему делу и допрошенный в качестве обвиняемого Либенсон признал, что он участвовал в производстве следствия по делу Регентова и Бондаря, подписал ряд документов по этим делам в соответствии с указаниями Мешика (т. л.д.).

Либенсон признал, что он вел следствие по делу Кедрова Игоря и Голубева Владимира, участвовал в следствии по делу Батуриной, однако отрицает, что применял на допросах к ним меры физического воздействия (т. л.д.).

Либенсон признал, что он принимал участие в производстве следствия по делу Кедрова М.С, отрицая факты избиений Кедрова на допросах и фальсификации его дела.

Либенсон изобличается показаниями Мешика (осужден к ВМН) и свидетелей Мирошникова, Чекина, Адамова, Визеля, Албогачиева, Курушева, Сполохова, Регентова, Стадникова, Воробьева и др., а также материалами, документами дела и собственноручными письмами М.С. Кедрова (т. л.д.).

На основании изложенного —

ЛИБЕНСОН Ефим Михайлович, 1912 года рождения, уроженец с. Ново-Воронцовка, Херсонской области

ОБВИНЯЕТСЯ

в том, что являлся пособником изменнической заговорщической группы, возглавлявшейся врагом народа Берия.

В целях осуществления преступных замыслов изменнической заговорщической группы участвовал в террористических расправах с неугодными и опасными для заговорщиков людьми; применял к арестованным избиения и пытки; вымогал клеветнические показания и фальсифицировал следственные дела в отношении честных советских людей, которые впоследствии по этим материалам подвергались расстрелам.

Таким именно путем при его участии были умерщвлены: М.С. Кедров, И.М. Кедров, В.П. Голубев, А.В. Батурина и Г.И. Бондарь, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 17-58-1 «б» и 58-8 Уголовного Кодекса РСФСР.

Настоящее дело подлежит рассмотрению Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Обвинительное заключение составлено « » марта 1955 года в г. Москве.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР
ГЛАВНОЙ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
(ПОГРАНИЦКИЙ)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 476. Л. 165—181.

№ 140
ЗАПИСКА И.А. СЕРОВА В ЦК КПСС О НАБЛЮДЕНИИ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ ВЫСЛАННЫХ РОДСТВЕННИКОВ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ПО ДЕЛУ Л.П. БЕРИЯ

9 сентября 1955 г.

Совершенно секретно

№ 2297с

После осуждения врага народа Берия и его сообщников их близкие родственники были высланы в Красноярский край, Свердловскую область и Казахстан.

Комитет государственной безопасности располагает данными о том, что некоторые из них: племянник Берия — КВАРАЦХЕЛИЯ В.И., его мать — КВАРАЦХЕЛИЯ А.П., племянница Берия — КВАРАЦХЕЛИЯ-КОЗЛЯКОВСКАЯ С.К., проживающие в Красноярском крае, а также сестры Берия — КВАРАЦХЕЛИЯ-АНТАДЗЕ Е.Д. и КВАРАЦХЕЛИЯ-КВИЧИДЗЕ Т.Д. и их мужья — АНТАДЗЕ А.Н. и КВИЧИДЗЕ М.Д., проживающие в Казахской ССР, продолжают и ныне восхвалять Берия, утверждать о его невиновности и высказывать недовольство решением о их выселении.

Особо злобные клеветнические высказывания допускают КВАРАЦХЕЛИЯ-АНТАДЗЕ Е.Д. И АНТАДЗЕ А.Н.

Материалами предварительной проверки установлено, что КВАРАЦХЕЛИЯ-АНТАДЗЕ Е.Д. и ее муж АНТАДЗЕ А.Н. настроены явно антисоветски, допускают злобную клевету по адресу руководителей Партии и Советского государства, изыскивают способы для установления связи с остальными высланными родственниками врага народа Берия с целью проведения организованной враждебной деятельности, направленной против Советского государства.

Учитывая враждебное поведение КВАРАЦХЕЛИЯ-АНТАДЗЕ Е.Д. и АНТАДЗЕ А.Н., принято решение привлечь их к уголовной ответственности за злобную антисоветскую агитацию.

Наблюдение за поведением прочих высланных родственников врага народа Берия и его сообщников продолжаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
И. СЕРОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 476. Л. 201—202. Подлинник. Машинопись.

№ 141
ЗАПИСКА П. БАРАНОВА В ЦК КПСС О ЗАВЕРШЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛУ Л.Ф. ЦАНАВА

10 октября 1955 г.

Секретно

№ 187лс

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР закончено расследование по делу Цанава Л.Ф.

Материалами следствия установлено, что Цанава совершил ряд тяжких государственных преступлений:

а) будучи министром госбезопасности БССР, противопоставлял подчиненный ему аппарат партийным органам;

б) уничтожал, репрессировал и компрометировал честных партийных и советских работников, используя незаконные методы ведения следствия, фальсифицируя дела путем избиений, подлогов и обмана;

в) будучи приближенным лицом к Берия, Кобулову, Меркулову и другим и зная о их преступной деятельности, сам осуществлял ее в Белорусской ССР.

Подробно дело изложено в прилагаемой справке.

В соответствии с изложенными выше обстоятельствами, Цанава привлечен к уголовной ответственности по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-1 «б» и 58-11 УК РСФСР. Цанава виновным себя не признал, но вина его доказана показаниями более 150 свидетелей, показаниями арестованных соучастников Берия, а также приобщенными к делу документами, и он подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного суда СССР.

Однако передать дело в суд в настоящее время не представляется возможным в силу того, что Цанава тяжело болен и не в состоянии ознакомиться с материалами дела, с мая месяца с.г. находится на излечении в тюремной больнице, а дело 8 октября с.г. приостановлено до его выздоровления.

Приложение: справка на 25 л.

И.О. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
П. БАРАНОВ

Секретно

Справка

по делу Цанава Лаврентия Фомича, обвиняемого в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «б», 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Расследованием по делу ЦАНАВА Лаврентия Фомича, 1900 года рождения, уроженца села Нахуново Мартвильского района Грузинской ССР, бывшего члена КПСС с 1920 года, до ареста пенсионера МВД, установлено следующее:

В органах ЧК Грузии Цанава начал работать в 1921 году. В августе 1922 года, исполняя обязанности начальника политбюро ЧК Телавского уезда Грузии, Цанава, носивший тогда фамилию Джанджгава, злоупотреблял служебным положением и, кроме того, похитил с применением оружия девушку. За эти преступления решением Особой комиссии при Президиуме Всегрузинского Центрального исполнительного комитета, утвержденным Президиумом ЦИК, Цанава был приговорен к заключению «в лагерях принудительных работ сроком на 5 лет со строгой изоляцией». Некоторое время Цанава содержался под стражей, но затем скрылся, в связи с чем в ноябре 1922 года был объявлен его розыск. Однако в июне 1923 года, в результате вмешательства Берия, Президиум ГрузЧК пересмотрел дело Джанджгава, неосновательно освободив его от ответственности.

Не ограничившись этим, Берия 23 июня 1923 года обратился с письмом в ЦКК Грузии, ходатайствуя о восстановлении Цанава в партии.

После того как Цанава с помощью Берия избежал наказания за совершенные им преступления и был восстановлен в партии, он в 1925 году вновь вернулся на работу в ЧК.

После перехода Берия на партийную работу Цанава был переведен Берия сперва на советскую, а затем на партийную работу, занимая должности: заместителя Народного комиссара совхозов Грузинской ССР, заместителя председателя Всесоюзного треста, заместителя председателя Комитета по субтропикам Наркомзема СССР, первого секретаря Потийского ГК КП(б) Грузии, начальника Колхидстроя, уполномоченного партсовконтроля по Грузинской ССР и т.д.

Из показаний самого Цанавы видно, что он, состоя на службе в органах ЧК—ГПУ Грузии, и в последующее время поддерживал близкие отношения с Берия, Кобуловым, Гоглидзе и другими участниками заговорщической группы и, зная о ряде преступлении этих лиц, не только не сообщил об этом в партийные органы, но всячески это скрывал.

В 1938 году, когда Берия удалось пробраться на должности наркома внутренних дел СССР, им были вызваны из Грузии ближайшие соучастники его преступной деятельности и расставлены на наиболее важных постах в органах НКВД в Москве и на периферии. В числе других своих соучастников Берия вызвал из Грузии Цанава, который по его рекомендации в декабре 1938 года был назначен наркомом внутренних дел Белорусской ССР. Эту должность (переименованную затем в НКГБ, МГБ БССР) Цанава занимал до конца 1951 года, т.е. в течение 13 лет.

Все это время Цанава поддерживал тесные связи с Берия.

Допрошенный по поводу обстоятельств назначения Цанава на должность наркома внутренних дел Белоруссии соучастник Берия Б. Кобулов показал:

«...в Москве примерно в начале 1939 года Джанджгава посетил меня на службе и сообщил, что его вызвал в Москву Берия и что он назначается наркомом внутренних дел Белорусской ССР; от него же я узнал, что он впредь будет носить фамилию своей матери — Цанава якобы потому, что его старая фамилия затруднительна при произношении».

О личных отношениях Цанава с Берия бывший начальник охраны Берия, арестованный Саркисов показал:

«Цанава бывал в гостях у Берия. Они были в хороших отношениях. Когда сын Цанава со своим товарищем изнасиловали какую-то девушку, то Берия поручил однажды Надарая: "насчет сына Цанава напомните мне..." ...Цанава дружил и с Абакумовым В.С.».

Заняв должность наркома внутренних дел Белоруссии, Цанава всячески подчеркивал свои особые отношения с Берия.

Об особых отношениях Цанава и Берия и оказываемой последним поддержке Цанава было широко известно в аппарате МГБ СССР. Один из сообщников Берия и Абакумова, ныне осужденный к расстрелу Шварцман Л.Л. при допросе 27 января 1954 года показал: «...не отличаясь деловыми качествами, Цанава, по натуре большой самодур. Цанава сумел долго удержаться на руководящей работе только потому, что всюду афишировал свою близость к Берия».

В 1946 году при проверке работы Министерства государственной безопасности БССР были вскрыты грубейшие нарушения законности, обман, очковтирательство и сделаны выводы о необходимости снятия Цанава с работы.

Однако Цанава обратился за поддержкой к Берия и в результате этого был оставлен на прежней работе. По этому поводу свидетель Сотский П.С. показал:

«В 1946 году работу Министерства государственной безопасности БССР проверяла бригада МГБ СССР... тогда шли разговоры о снятии Цанавы с

работы. По этому поводу как-то в разговоре со мной Цанава сказал: “чтобы меня снять, надо спросить Политбюро, во-первых, и Берия, во-вторых”».

Уже будучи арестован, но не зная еще об аресте Берия, Цанава неоднократно обращался с заявлениями на имя Берия, рассчитывая получить от него, как и раньше, поддержку и помощь.

Так, в заявлении от 28 июля 1953 года Цанава, восхваляя Берия, писал: «За выполнение Ваших указаний не пощажу себя».

Противопоставление Цанава органов МВД партийным органам

Будучи послан Берия в декабре 1938 года на работу в Белоруссию, Цанава так же, как и Берия, проводил вражескую линию противопоставления органов МВД партийным органам.

Пользуясь поддержкой Берия, Цанава не допускал вмешательства партийных органов в деятельность органов государственной безопасности.

Цанава устанавливал слежку за теми партийными работниками, которые критиковали плохую работу органов государственной безопасности и отдельных плохо работающих сотрудников, собирал в отношении этих партийных работников лживые «компрометирующие» материалы.

Свидетель Калинин П.З., депутат Верховного Совета СССР, министр совхозов БССР, по этому вопросу показал: «Цанава проводил линию на обособление органов государственной безопасности от партийных органов. Даже в тех случаях, когда отдельных проштрафившихся чекистов наказывали партийные органы, Цанава вмешивался и добивался отмены таких решений. Если кто из партийных работников пытался критиковать работу органов государственной безопасности, Цанава немедленно обрушивался на этого работника, организовывал сбор провокационных материалов, а затем компрометировал его».

В показаниях свидетеля Калинина, а также бывшего секретаря Гродненского обкома партии Романова приведены факты запугивания со стороны Цанава партийных работников, выступавших с критикой работы органов государственной безопасности, а также организации Цанава особого наблюдения за такими партийными работниками.

Бывший секретарь Молодечненского областного комитета партии БССР, ныне первый заместитель председателя Совета Министров БССР, депутат Верховного Совета СССР, Климов И.Ф. показал:

«В 1945 году я отчитывался на бюро ЦК КП(б). Обстановка в области была трудная, действовали банды, партийно-советский актив терроризировался. На бюро ЦК я позволил себе высказать некоторые замечания в адрес органов государственной безопасности. Я отметил, что плохо поставлена агентурно-оперативная работа в органах МГБ. Этого было достаточно, чтобы навлечь на себя гнев Цанава, который уже на Бюро ЦК обрушился на меня, заявив, “что ты вмешиваешься в это дело, занимайся агитационно-пропагандистской работой...” В 1947 году начальником УМГБ Молодечненской области был назначен Мастицкий. Проработав полтора-два месяца, он зашел ко мне и сказал, что Цанава собирает на меня компрометирующие материалы. Мастицкий сказал, что он отказывается это делать, поскольку я являюсь секретарем обкома... Тогда же я хотел доложить этот вопрос в ЦК, но Мастицкий уговорил меня не делать этого, так как он боялся за себя. Все же я доложил одному из секретарей ЦК КП(б)Б и просил его посоветовать, как же мне быть. Он посоветовал мне не поднимать этого вопроса, заявив,

что мне не поверят, а за Цанава заступится Берия. Мастицкого же, как он мне сказал, могут посадить в тюрьму... затем Цанава приказал Мастицкому установить слежку за моей женой».

По этому поводу Мастицкий выступил на общем собрании партийной организации МГБ БССР от 13 июля 1953 года, где он заявил:

«Работавший длительное время в МВД СССР Цанава, являвшийся очень близким к Берия, что он всегда и афишировал, в результате низкого уровня политической бдительности в парторганизации насаждал вредные делу партии глубокие корни культа личности, подхалимства и безволия коллектива перед лицом его самодурства. В практике его работы: высосать из пальца, добыть материалы на того или иного человека с целью его компрометации — имело место и в МГБ БССР. Малозначительный материал превращался в серьезный, действительно компрометирующий материал. Не проверенный материал, но выгодный с точки зрения компрометации человека, не считался обязательным для проверки. Если Цанава сказал, что этот человек ему неугодный, ищите на него материал. Если человек где-либо выступил и что-либо сказал против Цанава, этот человек нехорош только потому, что он не угодил Цанава... Я лично от Цанава имел заявление, что секретарь обкома в области, где я работал, якобы не любит органы МВД и потому он ненадежный человек. Объективно разбираясь в этом вопросе, я, как коммунист, откровенно поговорил с секретарем обкома и узнал, что вся суть недоверия Цанава к нему сводилась к личной неприязни за его выступление на одном из расширенных заседаний бюро ЦК...»

Аналогичные факты сбора лживых «компрометирующих» материалов против партийных работников приведены в показаниях бывшего секретаря Барановичского обкома партии свидетеля Самутина В.Е., секретаря Молодечненского обкома партии Притыцкого С.О., свидетеля Левицкого, свидетеля Сотского и др.

Установлено, что Цанава применял провокационные методы с целью скомпрометировать приезжавших в Минск работников центральных органов. Так, свидетель Левицкий привел факт, имевший место в 1946 году, когда Цанава предложил ему участвовать в компрометации работников ЦК ВКП(б), прибывших в Минск для выполнения специального задания.

Левицкий показал:

«Он (Цанава) предложил мне пригласить членов комиссии в местечко Курасовщина, где была дача Совета Министров под названием "Белая дача" и подсобное хозяйство, организовать выпивку и прислать женщин, а он, Цанава, пришлет фотографа. Я категорически отказался и заявил ему, что на это я не пойду. Зная мстительность Цанава и опасаясь, что мое заявление будет расценено как клеветническое, я тогда официально никому об этом не заявил, однако я предупредил членов комиссии ЦК ВКП(б) т.т. Зодионченко и Щербакова (каждого отдельно), чтобы они были осторожны, так как их собираются скомпрометировать».

Факты сбора клеветнических «компрометирующих» материалов на руководящих работников партийных органов подтвердили допрошенные в качестве свидетелей сотрудники органов государственной безопасности БССР.

Осмотром документов бывшего министра государственной безопасности БССР и показаниями сотрудников этого министерства установлено, что по приказу Цанава служебные и неслужебные разговоры многих руководящих работников партийных и советских организаций, в том числе министров

БССР, депутатов Верховного Совета СССР и БССР, подслушивались. О том, что подслушивание за руководящими партийными и советскими работниками проводилось только по инициативе Цанава, дали показания сотрудники бывшего Министерства государственной безопасности БССР, непосредственно исполнявшие такие распоряжения Цанава. В частности, свидетель Морозкин, показывая о фактах сбора «компрометирующих» материалов на секретарей обкомов, заявил:

«Как правило, давая подобные поручения, Цанава обязывал бросить все и заниматься только выполнением его поручений».

В отношений отдельных руководящих работников велось также наружное наблюдение. Все сообщения и сводки о результатах наблюдения и подслушивания телефонных разговоров подшивались и таким образом создавались «дела» на руководящих работников партийно-советских организаций.

Избиение и компрометация Цанава руководящих работников Белоруссии

Особую активность проявил Цанава в собирании лживых «компрометирующих» материалов на партийных работников Притыцкого С.О. и Левицкого П.А.

Притыцкий С.О. долгое время находился на подпольной партийной работе в Западной Белоруссии. В 1936 году во время судебного процесса над коммунистами в Виленском окружном суде Притыцкий стрелял в провокатора Стрельчука и сам был тяжело ранен, а затем по выздоровлении был приговорен польским фашистским судом к смертной казни, которая в последующем была заменена ему пожизненным заключением.

После воссоединения Западной Белоруссии с БССР Притыцкий был избран секретарем Гродненского обкома партии. В июле 1950 года на пятом пленуме Гродненского обкома партии Притыцкий подверг критике слабую работу местных органов государственной безопасности, о чем начальник Гродненского УМГБ Фролов немедленно донес Цанава.

Получив такое сообщение, Цанава направил письмо в адрес секретаря ЦК КП Белоруссии, в котором приписал Притыцкому все случаи нарушения законности, имевшие место в отдельных районах Гродненской области. Он писал:

«Дальнейшее оставление области на этом уровне руководства будет еще более усугублять положение дела. Со своей стороны просил бы Вас о коренном укреплении руководства области».

Одновременно Цанава развил активную деятельность по собиранию так называемых «компрометирующих материалов» на Притыцкого: просматривались архивно-следственные дела на лиц, которые в прошлом находились на подпольной работе в Западной Белоруссии; были проверены все родственники как Притыцкого, так и его жены; от незаконно арестованного Анисова вымогались ложные показания для компрометации Притыцкого. Таким путем за короткое время было создано «дело о Притыцком», содержащее более 400 листов. Располагая данными, характеризующими Притыцкого только с положительной стороны, Цанава 27 ноября 1950 года представил в ЦК КП(б) Белоруссии вторую докладную записку, в которой, вопреки собранным фактам и материалам, возводил клевету на Притыцкого. В результате таких вражеских происков со стороны Цанава Притыцкий был ос-

вобожден от работы и только после разоблачения Берия и его сообщников вновь избран секретарем областного комитета партии.

Аналогичными провокационными методами Цанава действовал против секретаря областного комитета партии Левицкого П.А., который еще до Отечественной войны имел столкновения с Цанава, проявляя партийную принципиальность и противодействуя незаконным распоряжениям Цанава.

В 1944 году Левицкий был назначен первым заместителем председателя Совета Министров БССР.

Видя в Левицком человека, противодействующего его вражеским замыслам, Цанава сфальсифицировал на Левицкого компрометирующие материалы, представил эти сфальсифицированные материалы в директивные органы и добился того, что Левицкий был снят с руководящей работы. Для фальсификации клеветнических материалов против Левицкого Цанава прибег к помощи других соучастников Берия и, в частности, Меркулова. Таким путем Цанава были получены так называемые «собственноручные» показания арестованного Васильева П.П., работавшего в 1941—1942 г.г. лектором Алтайского краевого комитета партии и якобы установившего там антисоветскую связь с Левицким, являвшимся в то время одним из секретарей Алтайского краевого комитета партии.

«Собственноручные» показания Васильева датированы 4 декабря 1944 года и заверены подписью замначследчасти по особо важным делам МГБ СССР Родоса. Как установлено в настоящее время, Родос являлся одним из наиболее опытных фальсификаторов следственных дел, которому Берия и Кобулов поручали, в частности, фальсификацию дел в отношении Постышева, Чубаря, Мерецкова, Ванникова и других. На допросах Родос зверски избивал арестованных.

Будучи допрошен в 1955 году, Васильев показал, что в конце ноября 1944 года его доставили в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму НКГБ СССР, где он и содержался до 22 апреля 1948 года. Как показал Васильев, он неоднократно вызывался на допросы Родосом, который требовал от него дать показания об антисоветских связях с работниками Алтайского краевого комитета партии и, в частности, с Левицким.

Васильев показал:

«Вскоре после водворения меня в тюрьму Родос потребовал, чтобы я написал собственноручные показания о моих антисоветских связях с Левицким и другими работниками крайкома. Я отказался исполнить это, заявив, что в антисоветских связях с Левицким и другими не состоял. Тогда Родос заявил, что он заставит меня дать угодные ему показания... В конечном итоге я согласился дать любые показания и действительно под диктовку Родоса написал собственноручные показания.

Все написанное в отношении антисоветских высказываний Левицкого является вымыслом, и написано было мною в результате репрессий в отношении меня со стороны замначследчасти МГБ СССР Родоса. Никаких высказываний антисоветского характера от Левицкого я не слышал».

На вопрос, почему Родос стал требовать от него показаний о Левицком, Васильев ответил:

«По моему мнению, этот вопрос возник в связи с заинтересованностью сотрудников МГБ в компрометации Левицкого, но конкретно этого я не знаю».

После того как от Васильева были получены ложные показания на Левицкого, враг народа Меркулов, направив Цанава выписку из так называемых «собственноручных показаний» Васильева, писал:

«По Вашей просьбе направляю для сведения выписку из собственноручных показаний заключенного Васильева от 4/XII-1944 года в отношении Левицкого Петра Адамовича».

Представленные Цанава в директивные органы ложные показания Васильева о Левицком послужили основанием для снятия Левицкого с руководящей работы.

Вражеская деятельность Цанава, кроме компрометации руководящих партийных и советских работников на основании ложных сфальсифицированных материалов, выражалась и в том, что он собирал клеветнические и провокационные материалы в отношении видных представителей белорусской интеллигенции, деятелей культуры, науки и искусства.

Весь период пребывания Цанава в Белоруссии такие материалы собирались на писателей Якуба Коласа, Янку Купала, П. Бровко, П. Глебко, А. Кулешева, М. Лунькова и других. «Дело» в отношении этих писателей состояло из нескольких томов и именовалось «фашисты».

В докладной записке, направленной в конце 1938 года Берия и Кобулову, Цанава писал:

«Центральными фигурами националистической фашистской организации в Белоруссии в настоящее время являются: Якуб Колас и Янко Купала».

Только после увольнения Цанава из органов МГБ в 1952 году сбор клеветнических и провокационных материалов на этих выдающихся писателей Белоруссии был прекращен, а многотомная разработка сдана в архив.

Так же, как и другие участники заговорщической группы Берия, Цанава проводил преступную практику избиения кадров честных партийных и советских работников путем фальсификации следственных дел.

Установлено, что под руководством Цанава был сфальсифицирован ряд дел на руководящих партийно-советских работников, в результате чего честные советские люди были необоснованно осуждены и длительное время незаконно содержались под стражей, а некоторые из них умерли в тюрьмах и лагерях. Ниже приводятся отдельные из этих дел.

В 1938 году по сфальсифицированным НКГБ БССР материалам были арестованы и привлечены к уголовной ответственности за участие в контрреволюционной организации и за вредительство: Ананьев А.А., секретарь ЦК КП(б)Б, член КПСС с 1921 года; Стакун М.О., бывший председатель ЦИК БССР, член партии с 1912 года; Потапейко В.Д., начальник управления по делам искусств при СНК БССР, член партии с 1926 года; Пивоваров В.И., нарком просвещения БССР, член партии с 1931 года; Романов С.М., председатель оргкомитета Президиума Верховного Совета БССР по Полесской области, член партии с 1918 года; Левин, секретарь Мозырского райкома КП(б) Белоруссии, член партии с 1917 года, и ряд других лиц.

Установлено, что арестованные в результате применения к ним незаконных методов дали на предварительном следствии ложные показания с признанием своей вины в контрреволюционных преступлениях. Эти показания были получены путем избиений и пыток и в последующем все арестованные от своих показаний отказались. 11 февраля 1939 года в камере, где содержался арестованный Ананьев, было обнаружено письмо, написанное им. В этом письме Ананьев, решив покончить жизнь, самоубийством, писал:

«Я, Ананьев А.А., честный коммунист великой партии Ленина—Сталина, никогда не принадлежал и не был участником контрреволюционных фашистских троцкистских и антисоветских организаций.

Говорить, не делая преступлений, правду невозможно, а говорить о невиновности, — считают продолжением вражеской борьбы со следствием. С целью самосохранения и дабы получить возможность писать в Москву о своей невиновности, я вынужденно давал и даю показания неправдивые и вымышленные...

Я не заслужил, чтобы ко мне применялись методы обработки, необходимые для врагов. Я не заслужил, чтобы топталось человеческое достоинство... Правде о моей невиновности не верят, говорить неправду — больше не могу и страдать без вины — не хочу. Жизнь кончаю... Моей правде не поверили, а неправда привела меня к клевете на себя и людей.

Я был честным и честным умру. Прощай великая партия Ленина—Сталина и великая советская страна. Прощай дочь».

Цанава, как об этом свидетельствуют материалы, участвовал в допросах Ананьева, Пивоварова и других, проводил очную ставку между Ананьевым и Козаченок и знал, что большая часть обвиняемых по этому делу отказалась от своих показаний, заявив, что вынуждены были признать себя виновными и оговорить других лиц, так как на следствии их избивали. 17 мая 1939 г. Цанава, заведомо зная о том, что дело по обвинению Ананьева и других сфальсифицировано, утвердил обвинительное заключение по этому делу, после чего дело было направлено в Военную коллегию Верховного суда СССР. В судебном заседании 27—29 мая 1940 года все подсудимые не признали себя виновными в предъявленном им обвинении и заявили, что их показания на предварительном следствии были вымышленные, что они ложно оговорили себя и других лиц, что ложные показания ими были даны в результате избиений и пыток.

Военная коллегия вынесла приговор, согласно которому было оправдано шесть человек; четырем подсудимым обвинение было переквалифицировано на должностные преступления, а подсудимые Ананьев, Пивоваров, Левин, Петров, Козаченок признаны виновными в контрреволюционных преступлениях и осуждены к разным мерам уголовного наказания, на срок от 10 до 20 лет.

Получив дело с приговором Военной коллегии Верховного суда СССР, Цанава не освободил из тюрьмы лиц, оправданных Военной коллегией Верховного суда, а опротестовал приговор на имя Берия, причем в письме, адресованном Берия, утверждал, что «арестованные являются активными участниками антсоветской организации».

Письмо Цанава было направлено Берия в Прокуратуру СССР, которая отказала в принесении протеста по делу. После этого враги народа Меркулов, Кобулов дважды входили с представлениями об опротестовании оправдательного приговора, но Пленум Верховного суда СССР отказал им в этом, и 25 марта 1943 года вынес частное постановление, в котором указывалось:

«довести до сведения соответствующих органов, что оправдательный приговор Военной коллегии, вынесенный еще 25 мая 1940 года, до сих пор не приведен в исполнение и что лица, подлежащие по приговору освобождению, до сих пор находятся под стражей».

Оправданный Верховным судом СССР бывший председатель ЦИК БССР, член КПСС 1912 года, М.О. Стакун в своей жалобе от 12 сентября 1942 года писал:

«Приговором суда я оправдан, но, несмотря на это, до сих пор продолжаю сидеть в тюрьме, несмотря на то, что со дня оправдания, т.е. с 9 мая 1940 года прошло уже более 2 лет и 2-х месяцев».

23 апреля 1943 года Стакун умер в тюрьме с оправдательным приговором.

Остальные лица, вопреки оправдательному приговору Верховного суда СССР, по постановлению Особого совещания при НКГБ СССР были заключены в исправительно-трудовые лагери.

В результате Стакун, Ананьев, Пивоваров, Потапейко, Козаченок, Сачивко умерли в тюрьмах и лагерях, а остальные незаконно осужденные длительное время необоснованно содержались под стражей.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 декабря 1954 года уголовное дело по обвинению Ананьева А.А. и других производством прекращено за отсутствием состава преступления в действиях всех этих лиц.

II.

В связи с делом Ананьева и других Цанава по непроверенным и противоречивым показаниям некоторых из арестованных арестовал Ковалева А.Ф., председателя оргкомитета Президиума Верховного Совета БССР по Минской области, бывшего Председателя Совета Народных Комиссаров БССР, члена КПСС с 1926 года.

Ковалев являлся депутатом Верховного Совета СССР, однако санкция на его арест у Президиума Верховного Совета СССР испрошена не была.

О том, при каких обстоятельствах он был арестован и как велось следствие по его делу, Ковалев показал:

«25 января 1939 года я был арестован органами НКГБ БССР, ордер на мой арест подписал Цанава. Меня посадили в подвал, в одиночку. Сначала я считал, что произошло какое-то недоразумение, поскольку никаких преступлений я не совершал. Меня вызвали на допрос начальник следчасти наркомата Сотиков и следователи Лебедев и Исаев. Начались издевательства. Меня ругали самой отборной матерщиной. Сотиков плюнул мне в лицо. Исаев рвал у меня на голове волосы, требуя дать показания о вражеской деятельности.

...Конкретных обвинений мне не предъявляли, допросы длились целыми ночами, меня допрашивали всю ночь, а днем не давали спать. Я дошел до полного изнурения. Один раз не выпускали меня с допроса девять суток. Когда и при этих издевательствах я не дал им нужных показаний, мне устроили стойку. Возле меня смеялись люди, а я стоял, длилось это около 7 суток. У меня отекли ноги...

Вот в таком виде — опухший, изнуренный я был приведен в кабинет Цанава. Цанава стал спрашивать: “Почему не признаетесь? Вы безусловно враг, у нас есть материалы. Будете давать показания”. Я тогда сказал ему: “Гражданин нарком, я честнее вас, я никого не мучил, как делаете это вы”. Цанава закричал: “Мы тебя в порошок сотрем”, на что я ответил, что я в вашей власти, что вы уже изуродовали меня и показал ему опухшие ноги. Тогда ввели бывшего наркома просвещения БССР Пивоварова и сделали нечто вроде очной ставки. Сначала я его не узнал, он представлял из себя скелет. Пивоваров показал, что я якобы давал ему указание засорять белорусский словарь русскими словами и что я медленно строил школы. После очной ставки Цанава приказал: “Уведите его и допросите как полагается”. И за меня снова взялись. Мне не давали спать, сажали в подвал, помещали в камеру, где не было нар, а на полу было сыро — с потолка капала вода. От меня требовали показания о вражеской деятельности Захарова — заместите-

ля председателя СНК БССР и Забела — наркома коммунального хозяйства. Я ответил им, что знаю их как честных работников. ...Только 7 апреля 1942 года в Тобольске я был освобожден из тюрьмы. Я был полностью реабилитирован. Меня приняли М.И. Калинин, Горкин, мне возвратили мандат депутата Верховного Совета СССР, вернули партийный билет».

III.

11 января 1939 года по указанию Цанава был арестован член КПСС с 1921 года Федоров С.С, длительное время работавший вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ Косаревым в комсомольских органах и в Коммунистическом Интернационале молодежи.

Никаких материалов, свидетельствующих о совершении Федоровым каких-либо преступлений, в НКВД БССР не было. Следствием по делу Федорова руководил лично Цанава. О том, как велось следствие по его делу, Федоров показал:

«Я подвергался систематическим избиениям. Особенно сильно и неоднократно меня избивал следователь Лебедев. Он бил меня прессом по голове, порол пряжкой по спине, ягодицам, сшибал ногой с табуретки, бил и кулаками. Бил меня также несколько раз Киселев. Он, в частности, помогал Лебедеву пороть меня ремнем с пряжкой, бил он меня сам кулаком по голове и спине.

...Как правило, меня держали в кабинете у следователя до 5 часов утра. Следователи при этом менялись, и фактически допросов не было, кроме требований признаваться в каких-то преступлениях. Затем в 5 часов утра меня отводили в камеру, а в 6 часов был подъем, после чего спать не разрешалось. К вечеру снова вызывали, и опять я находился в кабинете следователя до утра...

Цанава при вызовах меня в служебный кабинет сам меня лично не бил, но постоянно оскорблял меня, требовал дать "признательные" показания, прямо говорил, что если я не дам показаний о вербовке меня иностранной разведкой, то отошлет меня к следователям, и что меня снова будут бить. Он говорил: "ты у меня в могилу все равно уйдешь", "я заставлю тебя дать показания, разоружиться..." ...Однажды ночью при вызове меня в тюрьме в присутствии Киселева Цанава спросил Киселева: "Ну что, дает показания?" Киселев ответил: "Дает чепуху, показывает, что Косарев его завербовал, но не говорит, в какую организацию". Тогда Цанава развернулся, ударил меня кулаком по лицу и сказал: "Расскажешь, в какую организацию завербовали". После этого Цанава обратился к Киселеву и сказал: "Бейте до тех пор, пока все не расскажет". После этого Цанава из кабинета следователя ушел».

Об избиении его на следствии Федоров сообщал в жалобе на имя Прокурора СССР. Эта жалоба была направлена по адресу 10/I-1940 года оперуполномоченным Черновым А.Ф., который приложил к ней и свое заявление об известных ему фактах нарушения соцзаконности в НКВД БССР. Чернов писал:

«Работая в аппарате Особоуполномоченного НКВД БССР, до получения заявления от с/з Федорова, приложенного здесь, я ясно себе представлял, что практиковавшиеся в 1937 году в НКВД методы допроса с применением избиений есть грубое нарушение УПК и в целом советского законодательства (в подтверждение чего памятовал ст.ст. 136 УПК, 115 УК и др.). Но вот, к моему удивлению, я случайно узнал, что не только в 1937—1938 гг., а в июне 1939 года повторяются подобные факты и притом в аппарате Особоуполномоченного».

Свидетель Рогов А.Б. показал, что за пересылку жалобы Федорова Чернов сначала был «проработан» как пособник врагу, а затем приказом № 126 от 18 марта 1940 года, подписанным Цанава, уволен из органов НКВД.

Узнав о том, что Федоров в прошлом работник КИМа и некоторое время общался по работе с выдающимся деятелем международного коммунистического движения Георгием Димитровым, Цанава стал домогаться от Федорова клеветнических показаний на Г.М. Димитрова.

По этому вопросу Федоров показал:

«В один из вызовов меня к себе в кабинет Цанава предупредил меня, чтобы я не спешил с ответом на вопрос, который он мне поставит. Этот допрос был в субботу и Цанава предупредил меня, что ответ я должен ему дать в понедельник.

Далее Цанава сказал: "Ты верь мне. У меня большие связи в центре. Я сохраню тебе жизнь". И дальше Цанава предложил мне дать показания на Димитрова. Я сразу же сказал: "Какие могут быть показания?", но он меня прервал, еще раз предупредил не торопиться и отправил в камеру.

В понедельник Цанава вызвал меня и спросил, что я могу показать о Димитрове. Я сказал, что никаких показаний на Димитрова дать не могу, так как не знаю ни о какой его вражеской деятельности. Цанава продолжал требовать от меня показания, заявив: "Ты понимаешь, как для нас важен выход на Москву", но я снова ответил отказом, после чего Цанава начал меня ругать, оскорблять, а затем отправил снова в камеру».

Добившись с помощью преступных методов допроса от Федорова ложных «признаний» в государственных преступлениях и клеветнического оговора Косарева А.В., Цанава утвердил обвинительное заключение и направил дело на рассмотрение в Особое совещание, постановлением которого Федоров и был заключен в ИТЛ сроком на 5 лет.

Это наказание Федоров отбыл, и только в 1954 году необоснованное постановление Особого совещания было отменено, а Федоров С.С. полностью реабилитирован.

IV.

10 февраля 1950 года по приказанию Цанава был арестован сотрудник редакции газеты «Советский крестьянин», член КПСС с 1926 года, Анисов С.Г. Арестован Анисов был незаконно, так как материалов, которые свидетельствовали бы о совершении Анисовым каких-либо преступлений, в МГБ БССР не было. Однако по имевшимся в МГБ БССР материалам, Цанава было известно, что Анисов, находясь на подпольной работе в Западной Белоруссии, поддерживал связь с подпольщиками-коммунистами Притыцким и Самутиным, работавшими к моменту ареста Анисова Секретарями Гродненского и Барановического обкомов партии.

Арестовав Анисова, Цанава добивался от него ложных показаний в отношении Притыцкого и Самутина. Как показал Анисов, его допрашивали также о взаимоотношениях с Председателем Совета Министров БССР т. Пономаренко П.К. Не добившись от Анисова нужных ему для компрометации партийных работников показаний и не имея доказательств вины Анисова, Цанава направил дело Анисова на Особое совещание, постановлением которого Анисов был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР 26 сентября 1954 года постановление Особого совещания по делу Анисова отменено и он полностью реабилитирован.

V.

По указанию Цанава 16 января 1951 года был арестован министр просвещения БССР, депутат Верховного Совета СССР, член КПСС с 1917 года Саевич П.В., за которым предварительно была установлена слежка.

Вопреки требованиям ст. 52 Конституции СССР, не было испрошено согласие Президиума Верховного Совета СССР на арест Саевича.

Постановление и ордер на арест Саевича были подписаны лично Цанава.

Установлено, что Цанава стало известно о критике со стороны Саевича в адрес Гродненского управления МГБ, после чего Цанава стал собирать архивные документы об отдельных политических ошибках Саевича в прошлом и о проявлении им либерализма в отношении отдельных троцкистов, за что Саевич имел партийное взыскание и чего он никогда не скрывал от партии.

Собрав эти материалы, Цанава 27 ноября 1950 года представил в ЦК Компартии Белоруссии докладную записку, назвав в ней Саевича «скрытым троцкистом», который, как писал Цанава, «на протяжении всего периода его нахождения в рядах ВКП(б)... проводил антипартийную работу».

Вскоре после этого Саевич был арестован. Следствие по делу Саевича велось под непосредственным руководством Цанава с применением незаконных методов: ночных и так называемых «конвейерных» допросов. Таким путем от Саевича были получены ложные показания с признанием вины в контрреволюционных преступлениях.

На основании этих сфальсифицированных материалов Саевич был осужден Военным трибуналом к 25 годам заключения в ИТЛ, но в последующем приговор Военного трибунала был отменен и дело возвращено на доследование.

5 августа 1954 года дело по обвинению Саевича прекращено производством за отсутствием в его действиях состава преступления. В результате вражеской деятельности Цанава Саевич незаконно содержался под стражей более трех лет.

VI.

3 мая 1950 года Цанава арестовал заместителя директора Минского педагогического института иностранных языков, члена КПСС с 1929 года, Каминского Л.И. и его жену Каминскую З.П. До ареста Каминских за ними была установлена слежка, а их телефонные разговоры подслушивались.

Не собрав, несмотря на все эти меры, никаких материалов, изобличавших Каминских в совершении преступлений, Цанава тем не менее арестовал Каминского и его жену за измену Родине и проведение антисоветской агитации.

Об особой заинтересованности Цанава в осуждении Каминских свидетельствует тот факт, что когда в ноябре 1951 года он был назначен зам. министра госбезопасности СССР и одновременно начальником 2 Главного управления МГБ СССР, арестованных Каминских этапировали в Москву.

Свидетель Гласов С.М. о Каминском и причинах его ареста показал:

«Я хорошо знал Каминского. Л.И. Каминский работал секретарем Кагановичского райкома партии, а затем тов. Пономаренко выдвинул его в аппарат ЦК КПБ на должность зав. особым сектором.

Каминского я знал, как честного работника. После возвращения Каминского из Америки, куда он посылался по линии Министерства иностранных дел, Цанава арестовал его, была арестована и жена Каминского. Впоследствии дело Каминского было прекращено, но Каминский заболел, у него расстройство психики».

Дело по обвинению Каминских было прекращено Прокуратурой СССР 31 июля 1952 года. Таким образом, Каминские необоснованно содержались в тюрьме более двух лет.

VII.

Цанава при отсутствии компрометирующих материалов незаконно арестовал 23 августа 1951 года секретаря Гомельского обкома КП(б), члена партии с 1937 года Демченко А.Н. Перед этим в июле-августе 1951 года, когда Демченко проживал в Минске в гостинице «Белоруссия», по приказанию Цанава телефон номера гостиницы, где жил Демченко с женой, был подключен для подслушивания. Сводки давались лично Цанава и нигде не регистрировались. Также подслушивались разговоры Демченко с его женой в номере гостиницы.

Дело по обвинению Демченко определением Военного трибунала войск МВД Белорусского военного округа прекращено за отсутствием в действиях Демченко состава преступления. По вине Цанава Демченко незаконно содержался под стражей более года.

Следствием установлено, что при расследовании дел о государственных преступлениях в МГБ БССР, в бытность Цанава министром, применялись строжайше запрещенные советским законодательством преступные методы, длительные ночные допросы и «конвейерные допросы», в результате чего арестованные неделями оставались без сна, избиения, пытки. Избиения арестованных производились, как правило, по указаниям Цанава, причем в ряде случаев Цанава лично избивал арестованных. По этому поводу многочисленные показания дали следователи органов государственной безопасности БССР, работавшие там в бытность Цанава министром. Так, свидетель Киселев И.Т. показал:

«...в тюрьме Цанава заходил в кабинеты, где следователи допрашивали арестованных, и сам лично бил арестованных».

Свидетель Парахневич В.Ф. показал, что в августе 1944 года он был вызван Цанава, которому в присутствии начследчасти Хват докладывал дело по обвинению арестованной Геринг Е.Ф., которая отрицала принадлежность к агентуре немецких разведывательных органов.

Далее Парахневич показал:

«Цанава оскорблял меня разными недостойными словами и заявил: “ты плохой следователь, ты не можешь разоблачить”... после этого Цанава спросил: “ты бьешь арестованных?”

Этот вопрос наркома меня просто ошеломил, я ответил, что нет, что нарушениями социалистической законности я не занимаюсь. На этот мой ответ Цанава искусственно рассмеялся, развалившись в своем кресле, и, обращаясь к Федорову и Хвату, сказал: “слышите, он не бьет. Какой же ты следователь, а еще гвардеец”.

Цанава после этого сказал, обращаясь ко мне, — “иди и чтобы через два часа Геринг созналась”».

Установлено, что Цанава отказывался освобождать лиц, оправданных судом, а в отношении судей, выносивших оправдательные приговоры, или прокуроров, прекращавших отдельные сфальсифицированные работниками органов госбезопасности дела, собирал ложные компрометирующие материалы, добиваясь ареста прокуроров и судей. Цанава запретил пускать прокуроров во внутреннюю тюрьму МГБ БССР.

VIII. Дезинформация

Маскируя свою вражескую деятельность, Цанава принимал меры к тому, чтобы создать видимость активной работы органов государственной безопасности по вскрытию вражеской агентуры. С этой целью он устраивал провокации против советских граждан, фальсифицировал «доказательства» и добивался осуждения невиновных, после чего доносил об «умело проведенных операциях» по разоблачению «вражеских элементов». В этом отношении характерным является дело по обвинению Турок А.Б.

Турок, будучи на фронте в звании младшего лейтенанта, попал в 1942 году в плен к немцам и содержался в разных лагерях на территории Германии до прихода американских войск.

В американской зоне оккупации Германии Турок перед освобождением из лагеря был допрошен американским офицером.

Прибыв осенью 1945 года по репатриации в Советский Союз, Турок работал председателем колхоза «Звезда» Лоевского района Гомельской области.

С ведома Цанава весной 1948 года к Турок под видом представителя американской разведки был послан агент органов МГБ «Полтавский», который трижды встречался с Турок и путем шантажа вымогал у него шпионские сведения якобы для передачи американцам.

При третьей встрече «Полтавский» под угрозой оружия заставил Турок написать письмо на имя американского лейтенанта Джонса, причем фамилию американца подсказал агент «Полтавский».

В переданной агенту «Полтавскому» записке Турок писал о количестве продуктов, полученных колхозниками на трудодни и о том, что «посевная идет хорошо, колхозники работают хорошо, насчет предприятий города Гомеля ничего неизвестно».

30 мая 1948 года по устному приказанию Цанава Турок был арестован.

После ареста Турок 8 июня 1948 года за подписью Цанава в адрес секретаря КП Белоруссии и председателя совета Министров БССР было послано донесение, в котором указывалось:

«Министерством государственной безопасности БССР в результате проведенной агентурной комбинации 30 мая с.г. арестован и разоблачен как агент американской разведки Турок А.Б.».

В целях обмана суда в обвинительном заключении по делу Турок было указано, что он встречался три раза с агентом американской разведки, которому якобы передал донесения. Также в целях обмана суда было вынесено постановление о выделении материалов на Карупнина-Колосова (так рекомендовал себя агент «Полтавский» при встречах с Турок) и направлении этих материалов в МГБ Гомельской области «для розыска и принятия оперативных мер».

В результате таких преступных комбинаций Турок был предан суду и осужден к заключению в ИТЛ сроком на 25 лет.

1 декабря 1953 года дело по обвинению Турок производством прекращено, а осужденный необоснованно и более пяти с половиной лет содержавшийся под стражей Турок — освобожден.

IX.

Установлено, что Цанава систематически прибегал к обману партийных и советских органов для того, чтобы скрыть провалы в работе органов госбезопасности БССР.

Так, в начале Отечественной войны органами госбезопасности Белоруссии не было вывезено в тыловые области СССР большое количество секретных и совершенно секретных документов, которые попали в руки врагов и в 1944—1945 г.г. были обнаружены на территории Польши, Германии в помещениях, где размещалось гестапо, а некоторые документы оказались даже на территории Франции.

Как показал свидетель Васильев, Цанава никаких мер к эвакуации этих документов не принимал. После Отечественной войны факты утери документов были выявлены, о чем составлены акты по каждому областному управлению МГБ. Однако Цанава сфальсифицировал сводный акт, вычеркнув данные об утере документов и скрыв от партийных органов, что большое количество секретных документов попало в руки врага.

Обманывая центральные органы, Цанава 11 июля 1946 года доносил:

«Произведенной документальной ревизией установлено, что действовавшие до войны личные дела агентурно-осведомительной сети, агентурные разработки и архивный фонд МГБ СССР в начале Отечественной войны были полностью эвакуированы в тылы Советского Союза... Только незначительная часть оперативных документов МГБ областей и районов БССР, подвергшихся нападению немцев в первые дни войны, в связи с угрозой захвата их противником, была уничтожена путем сожжения».

Массовые аресты

Цанава постоянно требовал от подчиненных ему начальников УМГБ производить больше арестов. В результате требований Цанава о большом количестве арестов деятельность оперативных работников органов госбезопасности направлялась именно на то, чтобы арестовывать как можно больше людей.

Насаждавшаяся Цанава преступная практика погони за большим количеством арестов, независимо от того, насколько обоснованы эти аресты, приводила к тому, что многие граждане арестовывались по непроверенным и несоответствующим действительности материалам и длительное время необоснованно содержались под стражей.

В декабре 1944 года и в начале января 1945 года приехавшие в Минск по заданию Берия враги народа Кобулов и Влодзимирский при активном участии Цанава, под предлогом изъятия антисоветских элементов, организовали в БССР операцию по массовому аресту граждан, проживавших на оккупированной немцами территории.

Многочисленными свидетельскими показаниями установлено, что Цанава и Кобулов вместо организации изъятия активных пособников немецким оккупантам и других преступников, ориентировали оперативных работников на то, чтобы арестовать как можно больше граждан, не вдаваясь в существо имевшихся в отношении них компрометирующих материалов. Начальникам отдельных управлений МГБ давались так называемые «контрольные цифры» и «лимиты» на аресты.

Арестовав несколько тысяч человек, Цанава обратился к Берия с просьбой, чтобы часть арестованных была направлена в лагери без проведения следствия в БССР.

Установлено, что 4838 арестованных были направлены в Свердловскую и Кировскую области, Красноярский край и Коми АССР, где и велось следствие в течение 1945—1947 годов. В результате из 4838 человек арестованных

было осуждено 3022 человека, около 300 человек умерли и 1484 человека были освобождены из-под стражи за прекращением дел. Большое количество граждан было освобождено также во время следствия в областных управлениях МГБ БССР.

* * *

Следствием установлены многочисленные факты корыстных злоупотреблений и морального разложения Цанава.

В числе корыстных злоупотреблений Цанава необходимо указать на опубликование им в 1949—50—51 годах под своим авторством книги «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков», фактически написанной подчиненными ему сотрудниками МГБ БССР. За эту книгу Цанава получил гонорар в сумме 400 тыс. рублей. Между тем вся книга была написана сотрудниками МГБ БССР — Морозко, Деревянко к др., а присвоивший себе авторство книги Цанава фактически не написал в этой книге ни одной страницы.

РУКОВОДИТЕЛЬ ОСОБОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ
ПОМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ПОМОЩНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА
СССР ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ
Л. СМИРНОВ

10 октября 1955 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 476. Л. 203—228. Подлинник. Машинопись.

№ 142

ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ Б.В. РОДОСА

28 февраля 1956 г.

В Президиум Верховного Совета СССР
от осужденного к расстрелу Родоса Бориса Вениаминовича

ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ

26 февраля 1956 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила меня по ст.ст. 58-1б, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу. Формула обвинения: на протяжении ряда лет состоял во вражеской связи с изменниками — заговорщиками Берия, Меркуловым, Кобуловым и др. и по их преступным указаниям проводил подрывную работу, выражавшуюся в применении мер физического воздействия — истязаний к арестованным честным партийным и советским работникам и в фальсификации на них дел, то есть в соучастии в террористической расправе с неугодными Берия людьми.

Я действительно виновен перед партией. Фактически допускавшиеся мною в период работы в центральном аппарате НКВД (с 1938—1944 г.г.) незаконные действия нельзя иначе рассматривать как преступления. Я действительно, как и многие другие работники НКВД того периода, по указаниям, исходившим от Берия, Меркулова и Кобулова, применял к арестованным меры физического воздействия с целью получения от них признательных показаний, что приводило (как это теперь до конца полностью

установлено) к фальсификации, а, следовательно, и к невинным жертвам. Это было на руку злейшему врагу партии и народа Берия и его ближайшим сообщникам. Однако допускал я это (как и другие следственные работники в то время) без какого бы то ни было вообще, и тем более без контрреволюционного умысла. Я никогда не был и не мог быть изменником, заговорщиком и террористом, так как у меня не было никаких предпосылок к проявлению недовольства против партии и Советской власти. Я никогда не примыкал и не мог примыкать ни к каким антипартийным, или антисоветским группировкам. Наоборот, мои родители — честные труженики, я и мои братья всегда были безгранично признательны партии за то, что совершенная под ее водительством Великая Октябрьская социалистическая революция избавила нас от двойного национального и социального гнета в царской России. Мы всегда были благодарны Советской власти за то, что именно она и только она дала нам, как и всем трудящимся страны, предусмотренные Конституцией свободу и право на труд и образование. Как же, несмотря на это, могло случиться, что я стал преступником и объективно превратился в пособника злодеяний врага народа Берия?

Еще с детских лет я приобщился к общественно-полезному труда. Где бы мне ни приходилось работать, я всегда честно и добросовестно трудился, и это неизменно отмечали мои партийные и советские руководители. В 1931 году, работая на строительстве Бериславского зерносовхоза, меня, как активиста, общественника, председателя поселкового Совета, привлекли на работу в ГПУ. Работая в Бериславском и Знаменском райотделениях ГПУ, а затем в Одесском областном управлении ГПУ, я в период 1931 — первой половины 1937 года вместе с другими самоотверженно участвовал в борьбе с активными врагами партии и советского народа: контрреволюционным кулачеством, участниками политбанд, кадровыми троцкистами, эсерами, меньшевиками, текапистами и другими враждебными Советскому государству элементами. Я работал много, не считаясь ни со временем, ни с возникавшими в этой борьбе трудностями. Участие в операциях против этих врагов партии нередко было сопряжено с риском для жизни. Никогда в то время с моей стороны не было ни малейших нарушений социалистической законности.

Во второй половине 1937 года в числе других периферийных работников меня вызвали на стажировку в центральный аппарат НКВД, где я в первое время работал в отделении СПО по антисоветским политпартиям. Осенью 1937 года меня оставили в штате секретно-политического отдела и направили в отделение, которое занималось следственной работой. Именно здесь я впервые увидел те нарушения социалистической законности, о которых ранее никакого представления не имел. Первый раз я был невольным свидетелем применения к арестованному мер физического воздействия, когда непосредственно в ходе очной ставки между Левиным и Михайловым, лично Ежов начал избивать Михайлова, дурному примеру которого последовали Фриновский и др. руководящие работники наркомата. Тогда же имели место факты незаконных арестов ответственных партийных и советских работников без предварительной санкции прокурора, и лишь значительно позже аресты оформлялись соответствующими постановлениями, которые, однако, своего значения как документы на арест уже не имели. По указаниям своих начальников и я в то время участвовал в составлении (на основании имевшихся к тому времени материалов) некоторых таких постановлений.

Несмотря на то, что решением ЦК партии от 17 ноября 1938 года было строжайше запрещено, как преступное, какое бы то ни было нарушение социалистической законности, преемник Ежова Берия и заместители последнего Меркулов и Кобулов (спустя непродолжительное время после этого постановления ЦК) стали лично применять к арестованным рукоприкладство и требовали этого же от следственных работников. Каждого арестованного ими человека Берия, Кобулов и Меркулов представляли следственным работникам как злейшего государственного преступника и требовали обязательно «размотать» арестованного, то есть получить его признание в проведении вражеской работы. В тех случаях, когда арестованный в предъявленном ему обвинении не признавался и показаний о преступной работе не давал, по исходившим от Берия, Меркулова и Кобулова указаниям следователями к арестованному применялись (в ряде случаев с моим участием) меры физического воздействия. Чаще всего, именно в результате этих грубейших нарушений социалистической законности получались от арестованных признательные показания. Арестованных затем судили и по их делам выносились (в абсолютном большинстве случаев) обвинительные приговоры.

При иных условиях работы того периода, если не лично у меня, недостаточно политически развитого человека, то у других работников НКВД могли возникнуть сомнения в правильности действий Берия, сомнения в правдивости получаемых от арестованных показаний. Однако условия работы в то время сложились трагически. Сейчас ясно, что Берия, преследуя какие-то свои черные цели, самыми коварными приемами обманывал руководство партии и правительства, работников НКВД, прокуратуры и судебных органов. Следственные работники знали и не могли не принимать во внимание того, что все проводимые Берия аресты санкционировали соответствующие прокуроры, заведомо зная о массовых случаях применения в НКВД мер физического воздействия к арестованным, прокуроры и сами не принимали действенных мер борьбы с этим злом и не докладывали об этом руководителям партии и правительства. Еще в те времена в наблюдательных производствах прокуратуры находилось много сигналов, заявлений арестованных о допускавшихся в следствии по их делам грубейших нарушениях. Однако этим серьезнейшим сигналам соответствующие руководящие работники прокуратуры почему-то хода не давали. Из приобщенных к моему делу показаний свидетелей — работников прокуратуры Рыжова и Коперника видно, что рядовые прокуроры, осуществлявшие надзор за следствием в НКВД, пытались пресекать нарушения социалистической законности, но руководство прокуратуры их не поддерживало. Начальники следственной части НКВД прямо говорили прокурору Копернику (как это видно из его показаний), что меры физического воздействия к арестованным применяются по указаниям руководителей НКВД Берия, Меркулова и Кобулова. Коперник об этом докладывал руководящим работникам прокуратуры и на этом все очевидно заканчивалось. Следственные работники НКВД того периода (в том числе и я) не могли не видеть того, что прокуроры, знающие о массовых случаях применения к арестованным мер физического воздействия, не только действенно не реагируют на эти нарушения, но неизменно утверждают обвинительные заключения и направляют дела в суд. Не было, пожалуй, ни одного такого случая, чтобы прокуроры прекратили или возвратили на доследование какое-нибудь дело центрального аппарата НКВД, как не было ни одного факта опротестования прокурорами (в порядке надзора) необос-

нованно вынесенных судами обвинительных приговоров, а ведь очень часто обвинительные приговоры выносились, несмотря на то, что подсудимые отказывались от данных ими на предварительном следствии показаний, как от не отвечающих действительности и данных ими на допросах только под влиянием физического воздействия. Были и такие случаи, когда обвиняемый ни на предварительном следствии, ни на суде виновным себя не признавал, заявлял, что на следствии его били, тем не менее, выносился обвинительный приговор. Из этого работники НКВД делали вывод, что и прокуроры и работники судебных органов не сомневаются в правильности получавшихся тогда от арестованных показаний.

Могли ли следственные работники при этих существовавших тогда условиях проявлять неверие в показания и дела? К сожалению, не могли, как не мог и лично я. Ко всему этому слепое преклонение перед культом личности Берия в тот период приводило к тому, что я, как и большинство следственных и оперативных работников НКВД, безоговорочно и неизменно выполнял исходившие от Берия указания преступного по существу характера, не только не вдаваясь в обсуждение этих указаний о применении к арестованным мер физического воздействия, но и не мог позволить себе осмыслить все то, что происходило вокруг меня и часто при моем участии в то время.

Таковы были действительные тягчайшие условия работы в тот период. Может ли это, однако, оправдывать в частности меня? Конечно нет. Я виноват и очень сильно виноват в том, что будучи, хотя и безусловно слепым и только слепым орудием в руках бывших руководителей НКВД, я своими незаконными действиями объективно, несознательно, без какого-либо злого умысла содействовал осуществлению бериевских коварных замыслов, которые (как это стало мне известно только в ходе предварительного следствия и на суде по моему делу) вели к фальсификации дел и невинным жертвам. Однако, при всей большой моей вине перед партией я не был изменником, заговорщиком и террористом, моя связь с бывшими руководителями НКВД, оказавшимися злейшими врагами советского народа, не была ни организационной, ни преступной.

В ходе предварительного следствия по моему делу и особенно на суде представителем обвинения подчеркивалось, что я хорошо знал, кто были те руководящие партийные и советские работники, в следствии по делам которых я участвовал и которые при моем содействии стали жертвами террористической расправы Берия.

Но ведь о том, кто были эти люди и какое они занимали положение, еще лучше и больше меня знали прокуроры, утверждавшие обвинительные заключения и предававшие их суду, и работники судебных органов, выносившие обвинительные приговоры этим арестованным партийным и советским работникам.

Несмотря на то, что многие такие люди арестовывались Берия и незаконно содержались долгое время под стражей без какого бы то ни было моего участия, несмотря на то, что такие арестованные как Чубарь В.Я., Постышев П.П. и другие неоднократно допрашивались быв. руководящими работниками наркомата (когда я был рядовым сотрудником) без какого бы то ни было моего участия и вообще в мое отсутствие и, очевидно, подвергались именно при тех вызовах избиению и вынуждены были давать там признательные показания, вся вина по этим делам заведомо тенденциозно приписывается только и только мне одному — по существу стрелочнику. Чубаря, например, допрашивали

до меня Ежов, Фриновский, Цесарский, Журбенко, Глебов и другие быв. руководящие работники наркомата. Именно они добились получения от него несомненно путем побоев признательных показаний, а вина за это дело несправедливо возлагается только на меня одного.

Злодейская расправа с К.К. Орджоникидзе — дело грязных рук Берия. Именно по злой воле Берия К.К. Орджоникидзе 12 лет незаконно содержался под стражей. Это преступление Берия совершил при участии огромного количества руководящих работников НКВД того периода: Меркулова, Кобулова, Абакумова, Огольцова, Гоглидзе, Влодзимирского, Леонова и других. А теперь вина за это дело возлагается на меня только потому, что, пользуясь своей властью и силой, быв. руководители НКВД через Влодзимирского в течение трех лет числили, именно числили за мной арестованного К.К. Орджоникидзе, следствие по «делу» которого не велось и не могло производиться, так как у меня (кроме подписанного Кобуловым и Влодзимирским постановления на арест) не было никаких абсолютно материалов. Эти быв. «руководители» НКВД неоднократно вызывали К.К. Орджоникидзе к себе, причем я не только не присутствовал при этом, но и понятия не имел, о чем с ним разговаривали!

Необоснованное приписывание мне всей вины за дело Чубаря, Постышева и других делается прокурорами тенденциозно для того, чтобы из этого искусственно создать впечатление об «особом доверии» бывш. руководителей НКВД ко мне, чтобы искусственно создать впечатление исключительной близости моей (как заявил на суде обвинитель) к Берия, Меркулову и Кобулову.

В ходе судебного рассмотрения моего дела и особенно в своей обвинительной речи пом. Генерального Прокурора СССР гр-н Смирнов неоднократно подчеркивал, что я знал о явно ложных от начала до конца показаниях Чубаря В.Я., Постышева П.П., Левина, Ахундова и других арестованных ответственных партийных и советских работников и, несмотря на это, я (???) предавал их суду и они по моей (???) вине были расстреляны. Разве я предавал этих людей суду? Нет, не я, а соответствующие работники прокуратуры, которые после ознакомления с материалами этих дел утверждали обвинительные заключения, они же, и только они предавали арестованных суду.

Если я — неуч и не имеющий юридического образования не мог (по утверждению обвинителя) не знать и не видеть, что показания перечисленных арестованных носят явно ложный характер, то почему работники прокуратуры, имеющие высшее общее, политическое и юридическое образование, а также большой практический опыт в следственной работе, не видели и не знали явно ложного характера показаний этих и др. арестованных и предавали их суду? Если же они этого не видели, то тем более не мог этого видеть я — человек с действительно ограниченными или, во всяком случае, невысокими познаниями.

Это, как и многочисленные другие факты заведомо тенденциозного и явно неправильного освещения эпизодов, условий и обстоятельств в ходе предварительного следствия, свидетельствует о том, что работники прокуратуры наперекор истине всячески добивались искусственно представить меня особенно близким к быв. вражескому руководству НКВД человеком, имевшим с ними преступную связь. Работники прокуратуры все время вели дело так, чтобы мои незаконные действия в следствиях в центральном аппарате НКВД обязательно выглядели, как результат вражеской связи с Берия, Меркуловым и Кобуловым, как сознательное и с контрреволюционным умыс-

лом сообщничество с последними, чего, однако, в действительности никогда не было.

Руководствуясь стремлением изобразить меня именно в таком крайне неприглядном свете, работники прокуратуры допускали и в допросах свидетелей и при составлении документов, в том числе и обвинительного заключения, необоснованные обобщения, явно необъективную фиксацию показаний, всяческие передергивания и т.п. Неслучайно поэтому ряд свидетелей не подтвердил на суде некоторые записанные прокурорами их показания во время предварительного следствия. Так, в протоколах некоторых свидетелей было записано, что они знают о моем участии в применении мер физического воздействия к Мерецкову. На суде же они от этого отказались, заявив, что об избиении Мерецкова им вообще ничего неизвестно и о моем участии в этом они ничего не знают.

Свидетель Чимбуров подавал в 1952 году заявление о грубейших нарушениях в следствии и по его делу, после чего он был допрошен во Владимире по существу этого заявления. Однако и в заявлении, и на допросе в 1952 году Чимбуров говорил только о незаконных действиях Матевосова, не обмолвившись обо мне ни единым словом. Стоило же Чимбурову в декабре 1955 года попасть на допрос к полковнику юстиции Иванову, как произошла метаморфоза. В показаниях Чимбурова на этом допросе фигурирую уже главным образом я.

Чтобы искусственно возвысить мою роль в то время, прокурор записал показания Зимина (быв. начальника Лефортовской тюрьмы), что я имел в Лефортовской тюрьме свой кабинет. На суде же, давая против меня очень нелестные (мягко выражаясь) показания, Зимин заявил, что это было записано в протоколе его допроса неправильно. Зимин на суде показал, что в Лефортовской тюрьме я никогда не имел своего кабинета, а занимал свободный, а когда все кабинеты были заняты, то мне (так же, как и другим следственным работникам) приходилось ждать.

Таких и аналогичных фактов было немало. В обвинительном заключении полковник юстиции Иванов также допустил ряд явно необоснованных обобщений и несоответствий по весьма острым и существенным моментам. Так, например, Иванов указал, что я вместе с Берия (по тому, как это записано, может сложиться впечатление, что Берия был у меня помощником) избивал в Сухановской тюрьме арестованных перед их расстрелом. Между тем, по единственным показаниям свидетеля Баштакова (о нем несколько слов ниже) приводится в обвинительном заключении единственный эпизод: в Сухановской тюрьме в его, Баштакова, присутствии Берия дал указание Эсаулову и мне побить Эйхе перед расстрелом, что тут же и было выполнено. Фактически же с моим участием или в моем присутствии ничего подобного никогда не было. Показания Баштакова в этой части в отношении меня ложны, так как в присутствии Берия я ни в одном случае в Сухановской тюрьме не был и Эйхе никогда в глаза не видел. Допрошенный Эсаулов также показал, что он Эйхе никогда не видел.

Ряд эпизодов по моему делу мог бы быть начисто опровергнут, если бы мне предоставили возможность ознакомиться с архивными следственными и тюремными делами арестованных, о чем я неоднократно в устной и письменной форме ходатайствовал и в период предварительного следствия и перед Военной коллегией. Однако этой возможности мне не дали, а знакомили, в частности, на суде только с теми листами дел, где имеется моя под-

пись. А это совсем не одно и то же. В обвинительном заключении указано, что в деле Чубаря после протокола объявления об окончании следствия были вшиты выписки из показаний других арестованных. Когда же я сам на суде смотрел эти листы дела Чубаря, то оказалось совсем другое: из описи документов 2 тома дела Чубаря видно, что за протоколом об окончании следствия было вшито обвинительное заключение. Позже, неизвестно кем и с какой целью, обвинительное заключение было вшито в другой том, а на это место — выписки из показаний арестованных. К моему делу приобщена справка о вызовах Чубаря только мною, тогда как при осмотре тюремного дела можно было бы воочию убедиться, что до меня его вызывали многие руководящие работники наркомата, и моя роль в этом деде может выглядеть совсем не так, как характеризовал обвинитель.

Суд отказал также в удовлетворении моих ходатайств о допросе некоторых дополнительных свидетелей, несмотря на то, что их показаниями могли бы быть полностью опровергнуты весьма серьезные пункты обвинения. Останавливаться на этих неудовлетворенных моих законных ходатайствах я не буду. Приведу лишь одно. По предписанию Берия в Куйбышеве в октябре 1941 года было расстреляно 20 арестованных, числившихся за следчастью. В предписании Берия было указано, что расстрел производится по приговору. Работники следственной части Шварцман, я и Зименков полагали, что могло быть вынесено решение Особого совещания или иной несудебной инстанции. По поручению Шварцмана, возглавлявшего в Куйбышеве следственную группу, я вместе с начальником I Спецотдела НКВД СССР Баштаковым присутствовал при том, когда администрация внутренней тюрьмы на основании предписания Берия передавала по списку арестованных особой комендантской команде во главе с Семенихиным. Никаких прав и обязанностей я при этом не имел и иметь не мог. Куда затем увезли арестованных, что именно и где с ними дальше сделали, я не знал, так как и близко к месту физического исполнения предписания Берия не находился, а оставался в помещении УМВД. Тем не менее, из-за неопытности в таких вопросах и вследствие допущенной мною преступной беспечности, я вместе с Баштаковым и Семенихиным подписал акт о расстреле этих арестованных, тогда как в действительности я ничего об этом не знал. Отсюда для меня все страшные беды, связанные с данным эпизодом. Воистину трагические последствия моей тогда оплошности сказались спустя 12 лет, когда меня арестовали и стали обвинять в том, что я присутствовал при расстреле в Куйбышеве группы арестованных по преступному предписанию Берия. Свидетели Семенихин и Баштаков показали (правда не в категорической форме), что я присутствовал непосредственно при расстреле. При этом они исходят из того, что я подписал акт, а обычно в таких случаях акт подписывают только те работники, которые присутствовали при расстреле. Поскольку я фактически при этом не был и учитывая, что в данном случае идет речь о чрезвычайно серьезном обстоятельстве, несомненно возникала необходимость в проведении дополнительных следственных действий с целью установления объективной истины, и такие вполне реальные возможности проверки были. Семенихин показал, что все арестованные одновременно перевозились из тюрьмы на спецучасток в специальной машине, а вслед шла легковая машина, в которой находился Баштаков и еще 3—4 работника, среди которых, возможно, был и я. Баштаков на допросе в прокуратуре также показал, что вместе с ним в легковой машине было еще 3—4 работника. Следовательно,

несложно было через Баштакова и Семенихина узнать, кто были эти 3—4 работника, и допросить их по вопросу о том, видели ли они меня в легковой машине и непосредственно на месте расстрела. Что мог дать этот допрос? Очень многое, и крайне существенное. Поскольку я на месте расстрела не был, то допрошенные эти 3—4 работника удостоверили бы этот непреложный факт, так как ни в машине, ни тем более на спецучастке они меня не видели, как и не могли видеть. Необходимость удостоверить этот факт важна не только и не столько для установления, был ли я на месте расстрела, сколько для вытекающих из этого серьезных выводов. А именно: коль скоро по показаниям дополнительных свидетелей было бы с несомненной очевидностью доказано, что в машине и на спецучастке за городом меня не было, стало быть и акт о расстреле я подписывать не должен был и что, следовательно, подписанием акта я допустил лишь оплошность, правда оплошность очень тяжкую, даже преступного характера. Однако, в то же время было бы достоверно установлено, что я не ложно показывал об этом серьезнейшем эпизоде, а говорил лишь истинную правду. А это, как каждому понятно, очень важно, тем более для меня, поскольку в этот страшный эпизод я попал как кур в ощип. Между тем и в ходе предварительного следствия (длившегося почти двадцать семь месяцев) и на суде отказали в удовлетворении моего законного ходатайства по одному из существеннейших пунктов обвинения меня по ст. 58-8 УК РСФСР. Отказано не только в установлении и вызове по этому эпизоду 3—4 свидетелей, но и вызове для допроса только одного бывш. начальника УМВД Куйбышевской области Тимофеева, который (как показал на суде Баштаков) точно был и в легковой машине, и непосредственно на месте расстрела, так как без него никто не знал, где именно за городом находится спецучасток УМВД.

О том, что мое присутствие или отсутствие при передаче арестованных особой группе не играло абсолютно никакой роли в исполнении предписания Берия о расстреле арестованных, достаточно свидетельствует тот факт, что по тому же предписанию 5 арестованных было расстреляно в Саратове, где я не только в тот момент, но и вообще никогда не был. Стало быть, не во мне дело, а в том, что представители 1 Спецотдела и в Куйбышеве и в Саратове незаконно выполнили предписание Берия о расстреле арестованных. По меньшей мере странно получается. Меня, по существу случайного свидетеля передачи арестованных особой группе, свидетеля без всяких прав и обязанностей относительно выполнения предписания Берия обвиняют и осуждают как соучастника террористической расправы врага народа Берия с неугодными ему людьми, а действительный виновник этого злодеяния Баштаков выступает в качестве свидетеля. При ознакомлении с материалами моего дела я узнал, что перед каждым расстрелом не кто-нибудь иной, а именно представитель I Спецотдела обязан лично фактически проверить наличие приговора или решения несудебной инстанции о расстреле, а в случае если таковой отсутствует, он, представитель I Спецотдела, обязан не допускать расстрела. В данном случае это было особо обязательно для начальника I Спецотдела, так как (в отличие от существующего для таких случаев правила) прокурор при расстреле группы арестованных в Куйбышеве не присутствовал. Между тем, Баштаков не имел на руках и не видел решений несудебных инстанций, а тем более приговоров о расстреле Локтионова, Штерна, Рычагова и других (в количестве 20 человек) но не только не запретил расстрел, а безоговорочно выполнил предписание Берия, допустив

этим чудовищное беззаконие. И, тем не менее, он на свободе, а я оказался в этом без вины виноватым.

Таким образам, из приведенных и других подобных фактов очевидно, что следствие по моему делу шло не по линии установления объективной истины, а тенденциозно в направлении искусственного усугубления оценки моих действий только как преднамеренных, как вытекающих только из контрреволюционного умысла и только из преступной связи с Берия, Меркуловым и Кобуловым. Тогда как в действительности ни преступных связей, ни контрреволюционного умысла и умысла вообще в моих, хотя и преступных, действиях не было и быть не могло. Не имея никаких намерений умалить действительную свою вину перед партией, я заверяю Президиум Верховного Совета СССР, что я был безотказно послушным, но воистину слепым орудием в руках бывших руководителей НКВД, которые, являясь (как впоследствии оказалось) злейшими врагами партии и народа, использовали вслепую меня (как и многих других работников НКВД того периода) в осуществлении своих коварных черных замыслов. Преклоняясь перед авторитетным в то время именем Берия, я также безоговорочно, как и безрассудно выполнял исходившие от него и от его сообщников указания о применении к арестованным мер физического воздействия для получения от них показаний, нисколько не вдаваясь в рассуждение о том, что это могло приводить и что (как теперь установлено) фактически приводило к фальсификации показаний и дел на честных, преданных партии, заслуженных людей. Вина моя в этом достаточно велика, и тем более потому, что мои и других следственных работников, хотя и слепые, неосмысленные и без всякого злого умысла действия объективно помогали истинным и злейшим врагам советского народа варварски расправляться со своими противниками и неугодными им людьми. За свою действительную вину перед партией я заслуживаю наказания, и сурового, но без всякого искусственного преувеличения моей роли, без приписывания мне того, в чем я не виновен.

В своем стремлении во что бы то ни стало создать видимость моей «исключительной близости» к бывшим руководителям НКВД, обвинитель на суде не раз цитировал дававшиеся мне Кобуловым и Влодзимирским характеристики, в которых указывалось, в частности, что я провел ряд важных дел. При этом обвинитель подчеркивал, что теперь все эти дела признаны сфальсифицированным. Это факт. Но ведь фактом является и то, что аналогичные и подобные характеристики за проведенные такие же дела давались всем следственным работникам того периода (а их было, пожалуй, более трехсот). Страшная беда в том именно и заключается, что враг народа Берия сумел обманом и коварством в той или иной степени использовать в своих целях очень многих работников НКВД, но они (в том числе и я) тогда не понимали того, что своими действиями совершали грязное, преступное дело.

Ни в ходе предварительного следствия, ни на суде вовсе не принимались во внимание важные обстоятельства, свидетельствующие о том, что мои отношения с бывшим вражеским руководством НКВД не носили преступного характера. Факты говорят о том, что тех, с кем у Берия, Меркулова и Кобулова действительно была близкая или преступная связь, они держали подле себя и при себе. Тогда как меня еще в 1946 году, то есть 10 лет тому назад, Абакумов не без участия его покровителей (Берия, Кобулова и Меркулова) выдворил из центрального аппарата на периферию. Произошло вскоре после того, как я направил в адрес быв. в то время секретаря ЦК Кузнецова

заявление об известных мне компрометировавших Абакумова с политической стороны сведениях, которые были известны и Кобулову. Не исключено, что это мое заявление было передержано соответствующим подразделением МГБ и попало в руки к Абакумову. По указанию того же Абакумова я, будучи уже в Крыму, в 1948 году был переведен в неоперативный отдел, а затем в начале 1952 года и вовсе уволен из органов без пенсии.

Если бы моя связь с быв. руководителями НКВД действительно носила преступный характер, они вряд ли допустили бы увольнение меня. Они, наоборот, старались бы держать меня при себе, чтобы использовать меня в своих злодейских целях. Однако, как всем известно, этого не было. В начале 1953 года Кобулов даже отказался принять и выслушать меня по поводу увольнения из органов без пенсии. Когда он возвратился на работу в МВД, я подавал на его имя заявление с просьбой о восстановлении меня на работе в МГБ, на это последовал отказ с мотивировкой «из-за отсутствия вакантных мест». Можно ли после этого утверждать, что я был близок к Кобулову и состоял с ним в преступной связи?

После перевода на периферию в 1946 году я в течение двух с половиной лет возглавлял в УМГБ Крымской области следственный отдел. В течение всего этого времени никаких нарушений социалистической законности я не допускал. Больше того, начальник УМГБ Кондаков всячески третировал меня за то, что я не допускал проведения необоснованных или недостаточно обоснованных арестов. Вскоре после приезда в Крым я написал в Москву рапорт о нарушениях и недостатках в следственной работе в УМГБ Крымской области. За это быв. тогда начальник УМГБ Фокин лишил меня хлебной карточки.

Не только в период до середины 1937 года (когда я работал на периферии) я участвовал в борьбе с истинными врагами партии и народа. Будучи сотрудником центрального аппарата, я весной 1940 года примерно в течение двух месяцев находился с оперативной бригадой во Львове. Там была проведена нами большая работа по выявлению и разоблачению забрасывавшихся из-за кордона эмиссаров оуновской террористической организации. Дни и ночи (почти без отдыха) я непосредственно участвовал в операциях, причем постоянно с риском для жизни, так как у каждого оуновца было огнестрельное оружие. В результате проведенных с моим участием операций было выявлено и арестовано много заброшенных из-за кордона активных участников оуновской организации, изъято значительное количество пулеметов, винтовок, револьверов, пистолетов, гранат и боеприпасов. Была также обнаружена и изъята материальная база польской антисоветской организации в виде ценностей (большое количество бриллиантов, золотых, платиновых вещей) на сумму примерно до 15 миллионов рублей золотом. За эту работу бывший нарком Украины генерал Серов наградил меня и ряд других работников НКВД именными часами.

При моем участии был пойман и разоблачен пытавшийся бежать с женой за кордон Успенский.

В период Великой Отечественной войны я участвовал в следствии по делу вскрытой в Москве террористической организации «Возрождение России». Характерно, что все без исключения работники, принимавшие участие в агентурно-оперативной и следственной работе по этому делу, были по приказу награждены. Только я один был совершенно обойден. Это ли не свидетельствует о том, что быв. руководители НКВД относились ко мне ху-

же, чем к многим другим работникам наркомата? Также в период Великой Отечественной войны я участвовал в выявлении и предотвращении подготавливавшегося в гор. Орске Чкаловской области вооруженного восстания против Советской власти. Проводились с моим участием и многие другие операции и дела против истинных врагов партии и советского народа.

Несмотря на большую мою вину перед партией, я неокончательно потерянный для своей Советской Родины человек и могу еще быть полезен.

Я убедительно прошу Президиум Верховного Совета СССР о пощаде. Ходатайствую о проявлении величайшего милосердия в честь XX съезда великой партии о помиловании меня. Ради ни в чем не повинных моих детей, старушки-матери и жены я умоляю Президиум Верховного Совета СССР сохранить мне жизнь для того, чтобы я мог употребить свои силы на частичное хотя бы искупление самоотверженным трудом в любых условиях своей вины перед партией и народом.

Очень прошу пожалеть моих ни в чем не повинных детей, ради будущего, ради возможности участия их в строительстве вместе со всем советским народом коммунистического общества. Еще и еще раз убедительно ходатайствую о помиловании. Прошу сохранить мне жизнь, и я трудом докажу, что не был и не являюсь врагом партии и народа, каждая минута жизни будет безраздельно отдана мною честному и безупречному служению делу и интересам великого Советского Союза.

РОДОС

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 479. Л. 29—41. Копия. Машинопись.

№ 143
ЗАЯВЛЕНИЕ АРЕСТОВАННОГО Р.А. МАРКАРЯНА К.Е. ВОРОШИЛОВУ С ПРОСЬБОЙ О ПОМИЛОВАНИИ[1]

30 марта 1956 г.

Секретно
Лично

Председателю Президиума Верховного Совета Союза ССР
гражданину ВОРОШИЛОВУ К.Е.
от заключенного Маркарян Рубена Амбарцумовича,
числ. за Верховным Судом СССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу извинения за то, что отрываю Вас своим заявлением от важных государственных дел. Я бы не беспокоил Вас, если бы не несправедливое отношение ко мне со стороны следственных органов. Уверен, что Вы поинтересуетесь моим делом и моей личностью и ради соблюдения советских за-

---

[1] На первом листе имеется машинописная помета: «Разослать членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС и т. Руденко Р.А. К. Ворошилов 9/IV-56 г.». На последней странице помета о рассылке: «Разослано т. Булганину Н.А, т. Кагановичу Л.М, т. Кириченко А.И., т. Маленкову Г.М., т. Микояну А.И., т. Молотову В.М., т. Первухину М.Г., т. Сабурову М.З., т. Суслову М.А., т. Хрущеву Н.С., т. Брежневу Л.И., т. Жукову Г.К., т. Мухитдинову Н.А., т. Фурцевой Е.А., т. Швернику Н.М., т. Шепилову Д.Т., т. Аристову А.Б., т. Беляеву Н.И., т. Поспелову Л.Н., т. Руденко Р.А.».

конов не позволите, чтобы по фантазии следователей и явно необоснованным и клеветническим материалам меня расстреляли, как врага советского народа, интересы которого я защищал с 1918 г., с юношеских лет.

Главная военная прокуратура арестовала меня в начале 1955 г. и предъявила обвинение как участнику «заговорщической группы Берия—Багирова». Не имея ни прямых, ни косвенных улик к привлечению меня к ответственности как врага народа, она приступила к проверке моей деятельности за 1937—1941 гг. в органах Аз. НКВД, где я работал до 39 года на неруководящей работе, а затем был выдвинут как зам. Наркома. Почему-то Главная военная прокуратура не интересуется моей работой до 1937 г. и после 1943 года, когда я навсегда выехал из Азербайджана в другую республику. В общей сложности в органах ЧК—МВД я работал 33 календарных года и в конце 1953 г. ушел на пенсию по выслуге лет. Вам хорошо известно, какие были тяжелые годы 37—41 и какая работа была возложена на органы НКВД. Дисциплина была железная. Никто не имел права возражать старшим начальникам, и их приказы все, в том числе и я, выполняли без обсуждения. В противном случае работников привлекали к ответственности, как врагов народа. Так мы все были терроризированы руководством наркомата. Партийная организация в лице 1-го секретаря ЦК КП(б) Азерб. Багирова всегда поддерживала руководство в лице НКВД. На протяжении такого периода на любого советского работника, тем более, если бы работал в таких ненормальных условиях, можно найти те или иные служебные ошибки, а поскольку следственные органы задались целью во что бы то ни стало очернить меня и включить в контрреволюционную группу Б—Б, то они так и сделали.

Я лично о существовании группы Б—Б и активной ее вражеской деятельности ничего не знал до разоблачения Берия и ознакомился с соответствующими документами, опубликованными ЦК КПСС. До моего ареста, в течение почти двух лет, следователи начали сбор компрматериалов на меня от разных, я бы сказал, случайных свидетелей, с явным упором обвинить меня. Такое стремление следственных органов приписывают тому, что я имел к концу своей службы сравнительно большое, высокое звание генерал-лейтенанта и несколько лет работал под руководством этих врагов, не зная их вражескую работу. В архивах были обнаружены некоторые количества следственных дел за 37—41 года, в которых я принимал участие при ведении следствия или подписывал документы в силу своего служебного положения. Эти дела в свое время рассматривались судебными органами, вплоть до военной коллегии Верховного суда СССР или Особым совещанием НКВД СССР. В настоящее время выявлено, что большинство дел в свое время было сфальсифицировано работниками НКВД путем нарушения советских законов. Действительно, часть арестованных тогда избивались, причем руководство это объясняло специальной установкой Москвы. Правильно это или нет, мне неизвестно. Но я хорошо знаю, что лично своих арестованных я не бил, дела их не фальсифицировал и фиксировал в точности все то, что было сказано ими. В те годы и позже очень много жалоб было со стороны осужденных заключенных, и Вы нигде не найдете, чтобы они в своих жалобах упомянули мою фамилию так же, как фамилии остальных работников, которые применяли к ним репрессивные меры. Это все хорошо известно Главной военной прокуратуре, и работники последней, которые непосредственно занимались моим делом, знают, что я участником контрреволюционной группы Б—Б не мог быть. С ними тесной связи не имел. За всю жизнь

Берия я видел в своем кабинете до 1945 г. всего четыре-пять раз по служебным делам по 3—5 минут, а Багирова до 1943 года тоже только в кабинете с участием моего Наркома при служебных приемах. Мои отношения были чисто официальные, и никогда я не подозревал, что тот и другой могут заниматься контрреволюционной деятельностью. Они пользовались неограниченным доверием партии и правительства и никогда не высказывались о своей подлой работе, иначе я бы донес об этом в ЦК ВКП(б). Моим следователям очень хорошо известно и то, что по тем архивным делам, по которым они меня неправильно обвиняют, как фальсификатора, помимо моей подписи имеются санкции соответствующих прокуроров, независимо от того, в какие судебные органы направлялись эти дела и по каким материалам обвиняемые были арестованы. Большинство этих прокуроров продолжают работать и в настоящее время. Если я участник группы Б—Б, то кто же они, эти прокуроры, которые непосредственно занимались арестованными больше, чем я. Они встречались с ними, даже допрашивали. Помимо бакинских спецпрокуроров дела, рассмотренные Особым совещанием, повторно проверялись и московскими прокурорами. Причем во время заседаний Особого совещания всегда присутствовали Генеральный прокурор СССР и его помощники, также большое количество их подчиненных, которые докладывали обсуждаемые дела. Как же при таких условиях эти блюстители советских законов пропускали сфальсифицированные дела? Почему же теперь они в стороне? Ведь директива ЦК ВКП(б) от 17.XI.1938 г. прямо говорит, что в таких случаях прокуроры наравне должны отвечать. Почему Главная военная прокуратура так односторонне выполняет директиву партии с явным пристрастием ко мне? Когда я пытался от следователя подполковника юстиции Громова узнать, почему в те годы так поверхностно подходили к след. делам руководители судебных и следственных органов СССР, так он прямо заявил, что общая линия во всей судебной следственной работе по всему Союзу была вражеская. Если это так, то почему же я должен отвечать за такую за такую линию, за такую политику. Что я из себя представлял, чтобы повлиять на такую вражескую политику по всему Союзу. Почему так явно раздували мое дело, меня сделали врагом и включили в предательскую группу Б-Б? Я знаю, что ни партия, ни правительство не позволят, чтобы раздули это дело и такого невинного человека, как я, сделали врагом и добились расстрела. Несмотря на это, Главная военная прокуратура при помощи ложного, клеветнического материала моих недоброжелателей искусственно меня сделала врагом советского народа и я буду расстрелян, если Вы не окажете справедливую помощь. Если Главная военная прокуратура взялась исправить ошибки 1937—38 гг., так пусть она объективно исправляет эти ошибки. Зачем я должен отвечать за действия Б—Б, которые, как теперь вскрыла партия, были очень грязными людьми и занимались предательством. Мог ли я в 1937—40 гг. подозревать, что они враги? Мог ли я подумать, что они допущены к столь ответственным должностям без предварительной проверки, что они обманули партию и занимались вредительством? Следственные органы абсолютно не считаются с положением, при котором в те годы приходилось мне работать. К вопросу, который для меня имеет жизненное значение, они подходят формально и с точки зрения мирной и спокойной обстановки 1955—56 гг. Ведь не так же было в те годы. Нужно же хоть приблизительно представить внешнюю и внутреннюю обстановку СССР и к делу подходить с этой точки зрения. Ниже я изложу, при каких

условиях мне приходилось работать под руководством первого секретаря ЦК КП(б)А Багирова, на которого директивными органами было возложено руководство работой НКВД. Помимо этого, такие же указания он имел из НКВД СССР, и по какому бы вопросу внутреннего порядка из Аз. НКВД мы ни обращались в центр за разъяснением или получением разрешения, всегда устно или письменно нам давали знать из Москвы, что все вопросы на месте нужно согласовать с Багировым и в центр нечего обращаться. Вот в таких условиях я 2—3 месяца работал в качестве врио наркома, а с февраля 1939 г. до августа 1941 г. зам. наркома. В августе месяце был прикреплен к войсковым подразделениям. Вместе с ними перешел в Иран, где находился 8—9 месяцеев, выполняя разные боевые задания МВД СССР. Еще в 1939—40 гг. мною лично был поставлен вопрос сначала перед Багировым, а потом перед Москвой о моем переводе из Азербайджана. Ближе сталкиваясь с ним по работе, я тогда убедился, что с этим человеком невозможно работать. Он считал себя «искушенным» чекистом и требовал больше арестов и больше суровости к советским людям и своим работникам. Он все время дергал, терроризировал и страшил нас, что мы или поддерживаем врагов или не вскрываем их к/р работу или окончательно выдохлись и не можем разоблачить деятельность врагов, которые, по его мнению, перешли в глубокое подполье и занимаются вредительством, хотя никаких признаков к такой оценке положения и не было. Мои взаимоотношения с наркомом Емельяновым также были неважные. Он и Багиров друг друга всегда поддерживали. Свое намерение о переводе я смог осуществить только в начале 1943 г. с назначением в Дагест. АССР в качестве наркома внутренних дел. Мне пришлось в такой нездоровой атмосфере 2—3 года работать под руководством Багирова. Это обстоятельство прокуратура во внимание не принимает, хотя имеются документы, свидетели, подтверждающие узурпаторство Багирова и явную защиту Москвы всех его незаконных деяний. При таких условиях кто мог против него пикнуть? Тем более, что я бессознательно доверял ему, как представителю высших органов власти. Впрочем, что же мне говорить об этом, Вам все хорошо известно, каким весом он пользовался в Москве у руководителей партии и правительства. Все указания он давал от их имени.

В Дагестане с 1943 г. я работал под руководством Дагобкома КПСС и МВД СССР в лице С.Н. Круглова и И.А. Серова. Вам небезызвестно, что в военные годы в Дагестане было очень напряженно. Несколько тысяч дезертиров с фронта скрывались в горах. Из них более 300 чел. под руководством немецко-фашистских агентов (парашютистов) активно занимались бандитизмом. В некоторых высокогорных районах совместно с чеченцами было поднято восстание против Советской власти. Под руководством партии мне удалось за короткий период ликвидировать все банды не только на территории Дагестанской АССР, но частично и в Чечне, также дезертирство.

Сейчас, когда вся работа НКВД под руководством Берия признана вражеской, я хотел, чтобы следственные органы собирали материалы, как я работал без руководства Берия—Багирова. В связи с этим просил, чтобы Гл. воен. прокуратура приобщила к моему след. делу все мои служебные и партийные характеристики после 1943 года, чтобы доказать свою честную работу. В этой просьбе мне было отказано по совершенно необоснованной мотивировке. Это лишнее доказательство, как Г.В.П. не объективна ко мне. Она не хочет приобщить к моему след. делу положительные для меня доку-

менты и довольствуется теми неправдивыми и клеветническими показаниями, какие были получены следователями от моих недоброжелателей. Почему же такое пристрастие ко мне? В ряде других моих просьб аналогичного порядка также получил отказ. Этим именно объясняю тенденциозность прокуратуры и стремление последней довести меня до расстрела, несмотря на то, что я такого сурового наказания не заслужил и врагом советского народа не был. Если бы я чувствовал такую вину, то никогда не беспокоил бы Вас. Поскольку огульно, искусственно включили меня в группу Б—Б и без основания сделали врагом советского народа, интересы которого защищал десятки лет, я и прошу Вашей пощады, иначе прокуратура несправедливо добьется своего желания так же, как следствие по моему делу проведено ею явно не объективно.

На допросе я дал вполне искреннее показание, говорил все то, что было мне известно, даже вскрыл кое-какие факты, которые не были известны следователям. Несмотря на это, последние все же остались недовольны моими показаниями, что я не говорил о своей вражеской работе в группе Б—Б. Как я могу говорить об этом, когда я ничего не знал и даже не подозревал о предательстве Б—Б так же, как и многие работники органов МВД, которые были все время в окружении Б—Б и продолжают работать и в настоящее время. Я же с ними, с этими предателями не был связан и доступа к ним вообще не имел. Это можно доказать фактами, свидетелями. Занимая такое высокое положение в стране, имея сотни близко расположенных крупных работников во всесоюзном масштабе, разве Б—Б могли интересоваться моей личностью? Что я представлял для них? Какое у меня было положение? По всем признакам я был далек от них, потому и не знал о вражеской деятельности этих предателей.

Прокуратура не желает подвергать анализу все это обстоятельство и мою работу на протяжении 33 лет (в органах я больше работал без руководства Б—Б), она не желает вскрыть истинную причину допущенных мною тех или иных ошибок, не считается с моим культурным и общеобразовательным уровнем и придерживается формальной точки зрения, искусственно включая в треклятую группу Б—Б. С горечью сердца и тревогой за свою судьбу, за несправедливое отношение ко мне со стороны след. органов я обращаюсь к Вашей совести с просьбой разобраться в моем деле и не принести меня в жертву ради этих врагов. С ними я не был связан. Я выходец из низов. Благодаря советской власти и Коммунистической партии из простого рабочего без соответствующего образования я дошел до руководителя среднего звена органов МВД. Меня Круглов и Серов хотели дальше выдвигать и перевести в Москву. Считался неплохим работником органов. Именно за хорошую общеполезную работу дважды (в 1946, 1950 гг.) был избран депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР и десятки раз в местные Советы и руководящие партийные органы. Из 6 членов семьи 5 человек с высшим образованием по разным специальностям. Все это благодаря советской власти. Я должен об этом констатировать, чтобы опровергать чудовищное мое обвинение. Если бы я принимал участие в группе Б—Б, то был бы изменником не только в отношении Родины и советской власти, но и по отношению своих детей, своих родных. Разве я мог позволить себе такое вероломство? Может ли быть такой отец, который предал бы своих родных и любимых детей? Таким подлецом я не мог бы быть. Я любил свою Родину так же, как и родных детей, которые воспитаны партией. Я не такой негодяй, чтобы забыть забо-

ту партии обо мне и моих детях. В каких бы условиях я ни находился, вечно буду благодарен партии и советской власти,

Советскую власть я начал защищать активно с юношеских лет, когда не знал этих врагов. Еще в 1918 г. поступил добровольцем в Красную Армию. В 1921 г. из Красной Армии, будучи еще беспартийным, добровольно перешел в органы ЧК, чтобы принимать личное участие в укреплении советской власти в Азербайджане. Вам хорошо известно вооруженное сопротивление против молодой власти со стороны местной буржуазии, беков, кулаков под руководством иностранных разведок (Англии, Турции и т.д.). В этой борьбе, не считаясь с личным благополучием, с положением семьи и детей, я всегда находился в первых рядах. В какой бы тяжелый и опасный участок не перебрасывали меня, всегда и везде оправдывал доверие партии. Это можно видеть по личному делу. Служить революции в рядах честных чекистов я считал смыслом жизни. Добровольно и навсегда остался в органах ЧК, потому что хотел быть частицей этого коллектива, чтобы активно защищать интересы советской власти, моя ли вина, что несколько лет я находился в подчинении врагов Б—Б, как и многие сотни др. работников органов, которые работают и сегодня. Десятки лет я трудился не для этих врагов, о предательстве которых я не знал, а только и только для советской власти. Свыше 14 месяцев как я заключен в одиночную камеру Бутырской тюрьмы в ожидании смерти, хотя, повторяю, что такого сурового наказания я не заслужил. Но учитывая чисто формальное отношение следователей к моему делу, пришел к такому выводу с первых дней своего ареста. Но сколько ни ломали они головы, логику же не могут отрицать? Нельзя так грубо использовать создавшуюся ситуацию в связи с делом Б—Б, закрыв глаза на имеющиеся факты, полагаться только на фантазию и на этой основе сделать меня контрреволюционером, заговорщиком против советской власти, фальсификатором след. дел или участником группы Б—Б я не был, и никогда такого доказательства при объективном подходе у следователей не было и не будет, к каким бы хитростям они ни прибегали. И чувствуя явную несправедливость ко мне, я нахожусь в таком отчаянном положении и душевном страдании, что не могу сконцентрировать свои мысли и ясно, более понятно их выразить в своем заявлении, чтобы Вы знали о моих переживаниях и горестях в результате несправедливости. Я временами теряю свой рассудок и нити мысли, потому так нескладно получилось у меня с данным заявлением, за что прошу прощения. Неужели из-за того, что я знал врагов народа Б—Б и некоторое время находился в их подчинении, я теперь должен быть расстрелян? Неужели мои дети должны страдать из-за этого? Как же можно без доказательства сделать меня участником группы Б—Б? Я верю в высокое милосердие и объективность Советского Суда. Я допускаю, что ко мне, к моему делу подход будет не с формальной точки зрения, как это сделала прокуратура, а по существу и по результатам моих чистосердечных и правдивых показаний. Врагом советского народа я не был и не буду до последнего вздоха. Если же Главн. военная прокуратура в результате необъективных и клеветнических материалов и фантазий следователей будет осуществлять свое намерение и на суде будет добиваться моего расстрела, то прошу обратить внимание на мое предсмертное заявление на Ваше имя о помиловании и не утвердить такой незаслуженный приговор суда в отношении меня. Не позволяйте, чтобы со мной расправлялись так, как хотели мои личные враги и недоброжелатели. Я не хочу умереть, как предатель, как враг

и вечно быть проклятым советским народом и моими родными. Прошу верить, что врагом советского народа я не был.

Прошу учесть, что я старик, инвалид с переломом позвоночника и по др. болезням. Со слезами на глазах обращаюсь к Вам перед судом с просьбой пощадить меня и не допустить, чтобы, искусственно включив меня в группу Б—Б, сделали врагом. До последнего вздоха я буду благодарен партии и советской власти за себя и своих детей. Повторно прошу извинить за беспокойство.

30 марта 1956 г. Бутырская тюрьма

МАРКАРЯН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 479 Л. 1—9. Копия Машинопись.

№ 144

ЗАПИСКА П.В. БАРАНОВА О НЕВОЗМОЖНОСТИ АМНИСТИИ Г.М. МАЙРАНОВСКОГО

24 апреля 1956 г.

Совершенно секретно

№ 4533/сс

14 февраля 1953 года за злоупотребление служебным положением и незаконное хранение сильнодействующих веществ (ст.ст. 193-17 п. «а» и 179 УК РСФСР) осужден к тюремному заключению на 10 лет бывший начальник токсикологической лаборатории МГБ СССР Майрановский Григорий Моисеевич, 1899 года рождения, полковник медслужбы, бывший член КПСС (выходец из Бунда).

Следствием было установлено, что Майрановский, работая по производству, испытанию и применению ядов и наркотических средств для оперативных целей, присваивал различные лекарственные и сильнодействующие вещества, принадлежащие лаборатории, и в связи с этим допустил безучетность и грубые нарушения правил хранения этих веществ.

При обыске на квартире у Майрановского было обнаружено 2 кг азотнокислого натрия (смертельная доза 3—4 грамма), 10 смертельных доз аконитина, 25 ампул стрихнина и др. яды, а также несколько тысяч снотворных доз сильнодействующих веществ. Кроме того, при аресте Майрановского в его кабинете уже по новому месту работы (ст. Кучино, объект № 1 отдела опертехники) обнаружены не сданные им совершенно секретные документы о работе лаборатории.

Не отрицая незаконности хранения ядов и секретных документов, Майрановский показал, что он не ставил себе цели использовать хранившиеся у него яды для совершения преступлений.

В связи с разоблачением изменническо-заговорщической деятельности Берия и его сообщников следствием была вновь проверена служебная деятельность Майрановского.

Установлено, что врач Майрановский, принятый в 1937 году на работу в органы НКВД, по предложению Берия и Меркулова организовал и оборудовал в 1938 году специальные помещения особо секретной и токсикологической лаборатории, где и производил по приказанию названных врагов народа бесчеловечные испытания различных смертоносных ядов на осужденных к высшей мере наказания.

В течение ряда лет Майрановским было уничтожено мучительным способом большое количество таких осужденных, личность которых следствию

установить не удалось, поскольку Берия и Меркулов, представляя Майрановскому «объекты испытания», скрывали данные об их личности.

Майрановский показал, что ему не было известно, кого именно он уничтожал, применяя яды, и в этом отношении для него было достаточным распоряжение Берия или Меркулова.

Кроме того, Майрановский испытывал на арестованных различные наркотические вещества с целью получения якобы правдивых показаний («проблема откровенности»).

По ходатайству Меркулова Майрановскому без защиты диссертации были присвоены звания профессора и ученая степень доктора медицинских наук.

Следствием не установлено, что Майрановский знал об изменническо-заговорщической деятельности Берия и его шайки, а был лишь исполнителем заданий Берия и Меркулова.

Таким образом, Майрановский не может быть привлечен к уголовной ответственности как соучастник заговорщической деятельности Берия и Меркулова, от отбытия наказания, назначенного ему в 1953 году, он подлежит освобождению в силу акта об амнистии от 27 марта 1953 года.

Учитывая связи Майрановского с разоблаченными врагами народа Берия и Меркуловым, выполнение им особо доверительных заданий этих лиц и социальную опасность Майрановского как лица, производившего бесчеловечные опыты над живыми людьми, полагал бы действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1953 года об амнистии на осужденного Майрановского Григория Моисеевича не распространять и ограничиться отбытием наказания по вынесенному ему приговору.

Представляю проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по этому вопросу.

П. БАРАНОВ

24 апреля 1953 г.

РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 479. Л. 145—147. Копия. Машинопись.

№ 145
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ОБ УТВЕРЖДЕНИИ РЕШЕНИЯ КПК ПРИ ЦК КПСС ПО ДЕЛУ КРАЙНОВА Н.И.[1]

4 мая 1956 г.

Сов. секретно

П 14/1

РЕШЕНИЕ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК КПСС ПО ДЕЛУ КРАЙНОВА Н.И.

Утвердить следующееe решение Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС:

«1. Учитывая, что Крайнов Н.И., работая в 1937—1938 гг. заместителем начальника отделения экономического отдела Управления НКВД Москов-

[1] На втором листе имеется машинописная помета: «Т.т. Микоян, Суслов — за. Разослано членам Президиума ЦК КПСС на голосование».

ской области, нарушал советскую социалистическую законность, вымогал путем незаконного ведения следствия вымышленные показания от подследственных, фальсифицировал дела на работников Московского электрозавода (Петровский), завода «Динамо» (Жуков) и других, по которым было необоснованно осуждено большое количество ни в чем не повинных руководящих работников, — исключить Крайнова Н.И. из членов КПСС.

2. Просить Совет Министров СССР о лишении Крайнова Н.И. воинского звания — генерал-майор».

СЕКРЕТАРЬ ЦК

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

В связи с поступившими заявлениями возвратившихся из мест заключения лиц, дела на которых прекращены из-за отсутствия состава преступления, о грубом нарушении социалистической законности членом КПСС — бывшим начальником УКГБ Московской области Крайновым Н.И., Секретариат ЦК КПСС 3 мая 1955 года поручил Комитету Партийного Контроля рассмотреть эти заявления.

Рассмотрение материалов, поступивших на Крайнова Н.И., затянулось до апреля 1956 года. За этот период времени, несмотря на неоспоримость доказательств фабрикации Крайновым Н.И. большого количества уголовных дел по обвинению в контрреволюционных преступлениях ряда руководящих партийных и советских работников Москвы и области, многие из которых расстреляны, а теперь полностью реабилитированы, Крайнов Н.И. не только не был привлечен к партийной ответственности, но и вновь избран в состав Московского областного комитета КПСС.

Комитет Партийного Контроля рассмотрел дело Крайнова Н.И. 20 апреля 1956 года и установил, что Крайнов Н.И., работая в 1937—1938 гг. заместителем начальника отделения экономического отдела управления НКВД Московской области, грубо нарушал социалистическую законность, избивал арестованных и вымогал от них ложные показания, а также фальсифицировал следственные материалы.

В августе 1938 г. по сфальсифицированным Крайновым Н.К. материалам необоснованно были обвинены в контрреволюционной деятельности и впоследствии расстреляны член КПСС с 1919 г. — директор Московского электрозавода Петровский В.П., член КПСС с 1926 г. — главный инженер и зам. начальника Главэлектропрома Рябов Ф.Д., член КПСС с 1917 г. — заместитель директора электрозавода Сидоров Э.Ф. В настоящее время все они судебными органами реабилитированы.

В июле 1938 года Управлением НКВД Московской области были арестованы и впоследствии приговорены к расстрелу по сфальсифицированным Крайновым Н.И. материалам член КПСС с 1918 г. — директор завода «Динамо» Жуков М.Е., инженеры завода Лившиц Б.Г. и Липштейн Р.Б. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР в мае 1955 года Жуков, Лившиц и Липштейн полностью реабилитированы.

В 1937—1938 гг. по постановлениям Крайнова Н.И. были арестованы: секретарь Воскресенского райкома ВКП(б) Горбульский С.Е., секретарь райкома ВЛКСМ Лещинский Р.М., член КПСС с 1917 г. — директор Воскресенского химкомбината Опарин Н.С. и другие 8 работников завода, из которых 6 человек были расстреляны. Как теперь установлено, Крайнов Н.И., проводивший следствие по этому делу, избивал арестованных и путем всевозможных

издевательств вымогал от них ложные показания о их контрреволюционной деятельности.

Член КПСС Опарин Н.С. в своем заявлении в КПК сообщил, что в период следствия Крайнов неоднократно избивал его до потери сознания, чтобы получить вымышленные показания.

Факты фальсификации Крайновым следственных материалов установлены и по другим делам.

Во время выборов его в состав МК КПСС на Московской областной партийной конференции (1955 год) Крайнов Н.И. не рассказал о нарушениях им социалистической законности.

Комитет Партийного Контроля, рассмотрев дело Крайнова Н.И., решил исключить из членов КПСС и лишить воинского звания генерал-майора.

КПК просит утвердить прилагаемое решение

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КПК ПРИ ЦК КПСС
Н. ШВЕРНИК

26.IV.1956 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 479. Л. 42—45. Копия. Машинопись.

Примечания

Док. № 1

В день ареста Л.П. Берия, 26 июня 1953 г., был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преступных антигосударственных действиях Берия» за подписью Председателя Президиума ВС СССР К. Ворошилова и секретаря Н. Пегова. На основании указа Берия был лишен полномочий депутата Верховного Совета СССР, снят с поста заместителя Председателя Совета Министров СССР и министра внутренних дел, лишен всех присвоенных ему званий и наград. Арестованный Берия был доставлен в московскую гарнизонную гауптвахту, где и написал письмо Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву. Затем он был переправлен в бункер штаба Московского военного округа.

Док. № 4

Данное заявление Строкача зачитывалось на заседании июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС для доказательства выдвинутого против Берия обвинения в том, что он решил поставить органы МВД над партией.

Док. № 9

П.А. Шария, бывший партийный работник, с 1938 по 1943 г. работавший под руководством Берия в НКВД СССР, а затем профессор философского факультета Тбилисского госуниверситета, первоначально был арестован в феврале 1952 г. по делу так называемой мингрельской националистической группы. Аресты руководящих партийных и советских работников, возглавляемых вторым секретарем ЦК КП(б) Грузии М. Барамия, ставивших якобы своей задачей ликвидацию советской власти с помощью иностранных государств, по мнению многих исследователей, были инициированы Сталиным. После смерти Сталина Шария был освобожден и стал помощником Берия, заместителя Председателя Совета Министров СССР. Был арестован на следующий день после ареста Берия и в сентябре 1954 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения.

Док. № 15

Факт службы Берия в муссаватистской контрразведке и то, что многие из руководителей большевистской партии это знали, не вызывает сомнений. После того как на июньском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) нарком здравоохранения Г.Н. Каминский напомнил делегатам об этом, Берия передал Сталину письмо И.П. Павлуновского. В 1926 г., перед отъездом в Закавказье на руководящую работу по линии ОГПУ, последний имел беседу с Ф.Э. Дзержинским. Павлуновский утверждал, что Дзержинский, Орджоникидзе и другие руководители знали о службе Берия в муссаватистской контрразведке и этот факт не должен был его смущать (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 788. Л. 114—115об).

С другой стороны, секретарь Орджоникидзе сообщил, что Дзержинский, когда узнал о службе Берия в муссаватистской контрразведке, хотел расстрелять его, но на защиту Берия встал Орджоникидзе (ЦА ФСБ России. Архивно-следственное дело Р-771. Л. 8).

Док. № 18

23 июля 1953 г. руководители министерства внутренних дел СССР С.Н. Круглов и И.А. Серов сообщили Г.М. Маленкову, что по адресу улица Грановского дом 3, где проживали многие высшие руководители советского государства, в 1942 и 1943 гг. в квартирах С.М. Буденного, Г.К. Жукова, С.К. Тимошенко была установлена аппаратура подслушивания. Ее установка на квартире Буденного проводилась по плану, утвержденному Б.З. Кобуловым, заместителем наркома НКВД СССР; у Жукова и Тимошенко — в июне 1943 г. по плану, утвержденному В.С. Абакумовым, начальником Главного управления контрразведки «Смерш» НКО. Сразу после ареста Берия аппаратура была снята. Учитывая столь высокий ранг военачальников (например, Жуков являлся первым заместителем наркома обороны и заместителем Верховного главнокомандующего), указание об установке аппаратуры прослушивания мог санкционировать только Сталин (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 27. Л. 1—2).

Док. № 20

Специальный комитет (в дальнейшем — Специальный комитет № 1 при Совете министров СССР) был создан решением ГКО 20 августа 1945 г., после взрывов атомных бомб США в Хиросиме и Нагасаки. Деятельность данного органа по созданию советской атомной бомбы контролировал Берия, а В.А. Махнев являлся членом и секретарем Спецкомитета. За активное участие в разработке атомной бомбы ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, дважды он становился лауреатом Сталинской премии.

Док. № 22

Руководство МВД СССР проводило серьезные кадровые перестановки в своем ведомстве. Докладывая Маленкову и Хрущеву о проделанной работе, Круглов, Серов и вновь назначенный первый заместитель министра К.Ф. Лунев сообщали о грандиозных изменениях. В своей записке они подчеркивали, что удалены «не внушающие политического доверия» работники, которые были назначены Берия по принципу личной преданности. В центральном аппарате лишились своих должностей начальники секретно-политического управления, управления военной контрразведки, транспортного и управления охраны, начальник следственной части, многие начальники отделов. Были заменены назначенные Берия в июне 1953 г. министры внутренних дел Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Грузинской ССР, республик Прибалтики, а также начальники многих управлений автономных республик и областей (РГАНИ Ф. 89. Оп. 18. Д. 28).

Док. № 37

С.Т. Дмитриев, ефрейтор 1-го зенитного полка противовоздушной обороны, расквартированного в Москве, из-за недовольства советской властью решил совершить покушение на членов правительства. Первоначально он задумал расстрелять правительственный кортеж во время следования автомобилей по улице Горького из зенитной установки, размещенной на машине, но затем отказался от такого плана, чтобы избежать жертв среди гражданского населения. 6 ноября он покинул пост в полковом гараже и, выдав себя за часового комендантского патруля, встал у Лобного места. Около 15.00 он из винтовки обстрелял автомобиль, в котором ехал нарком внешней торговли А.И. Микоян. Был схвачен. В ходе длительного следствия не было выявлено никакого контрреволюционного заго-

вора или участия в теракте германских спецслужб. Военным трибуналом 25 августа 1950 г. приговорен к ВМН.

Док. № 41

В.Н. Меркулов полагал, что причиной того, что он не был назначен на должность министра государственной безопасности, стали интриги Абакумова в связи с так называемым авиационным делом. Однако с апреля 1943 по 1946 г. Абакумов был в прямом подчинении Сталина в качестве начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО. В архиве ФСБ России отложились спецсообщения Абакумова по самым различным вопросам деятельности органов военной контрразведки с резолюциями Сталина, которые свидетельствовали об установлении делового и успешного взаимодействия между Сталиным и Абакумовым, что стало определяющим при решении вопроса о назначении министра МГБ СССР.

Но в дальнейшем министр государственной безопасности и в самом деле предпринимал шаги, направленные на дискредитацию Меркулова. Абакумов неоднократно посылал Сталину спецсообщения о деятельности Меркулова в годы Великой Отечественной войны. Во-первых, он проанализировал материалы НКГБ и обнаружил документы, свидетельствующие о том, что Меркулов в то время не уделял внимания разработке троцкистов и других антипартийных элементов. Действительно, на оперативных совещаниях Меркулов рекомендовал главное внимание обратить на борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью германских спецслужб. *(См. также док. № 74.)*

Кроме того, сохранились проигнорированные Меркуловым сообщения о неприятии деятельности Сталина рядом коммунистов, критиковавших вождя за катастрофические потери в начальный период войны, методы руководства. Все эти сообщения Абакумов направлял Сталину для дискредитации Меркулова.

Док. № 43

Попытки обвинить Берия в связях с английской разведкой через дело Л.Б. Окулицкого явно несостоятельны. Он принимал самое активное участие в подготовке процесса по делу руководителя «Армии Крайова». Непосредственное руководство операцией по поимке Окулицкого осуществлял по указанию Сталина заместитель наркома внутренних дел СССР И.А. Серов. По этому поводу он вспоминал: «После освобождения Варшавы нам пришлось долго разыскивать "министров польского правительства". Сталин И.В. дважды звонил и требовал быстрее их захватить. Наконец после удачной комбинации мы взяли всех "министров" и генерала Окулицкого, которых по указанию ГКО отправили в Москву, где их Военный Трибунал судил по законам военного времени» (см. *Петров Н.* Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005. С. 7—8). 31 мая 1945 г. Берия совместно с Меркуловым сообщали Сталину об организации проведения процесса. Он проходил в Москве с 18 по 21 июня. Пленумом Верховного суда СССР 19 апреля 1990 г. все осужденные на этом процессе были реабилитированы.

Док. № 45

В 1940 г. нарком внутренних дел СССР Берия, используя свое особое положение в структуре карательных органов, издал приказ о том, чтобы даже после решения суда об освобождении арестованного оно не реализовывалось, пока его не подтвердит соответствующий орган НКВД СССР. В связи с этим возникали постоянные конфликты между НКВД и сотрудниками Прокуратуры, которые

объективно считали данную практику грубейшим нарушением уголовно-процессуального законодательства.

Док. № 50

По сложившейся традиции высшее партийное руководство регулярно требовало от органов государственной безопасности информацию о реакции населения на важнейшие события внутри страны, на итоги их обсуждения в партийных организациях.

13 июля 1953 г. министр внутренних дел Круглов докладывал Маленкову об откликах рабочих, служащих, инженерно-технических работников, научной интеллигенции в связи с решением июльского Пленума ЦК КПСС и постановлением Президиума Верховного Совета по делу Берия. Из 37 характерных высказываний руководству страны были представлены 35 положительных, суть которых заключалась в том, что партия своевременно разоблачила врага народа, агента международного империализма. Отмечалась роль партии, которая крепка, «способна вскрывать все происки врагов и не боится производить чистку руководящего аппарата, если в нем засели враги». Некоторые рабочие требовали немедленно судить Берия и приговорить его к расстрелу.

Однако были и другие мнения, которые в большей степени соответствовали реальному положению. Заслуженный артист РСФСР Н.П. Смирнов-Сокольский реагировал на официальные сообщения следующим образом: «Берия в тюрьме. Кто следующий? Я убежден, что будут следующие. Как ни сильна машина, а развал начался. Берия — почин, кто с ним еще неизвестно. Это все оттого, что у нас огосударствили не только всякие отрасли, но даже дыхание, болезни, сны людей. В этих условиях любая сволочь как хочет, так и ворочит. Скандал большой и гнусный. Теперь будем ждать и наблюдать, что дальше, чей черед».

Не менее прозорлив был и лауреат Сталинской премии заслуженный артист УССР И. Набатов: «Для нас совершенно безразлично, кто будет держать палку. От смены руководства режим у нас не меняется. Он был и есть по-существу полицейским.

Я не верю ни в какие идейные мотивы в поступках не только Берия, но и других. Это откровенная борьба за власть.

Между прочим, Берия оказался бездарным продолжателем Сталина. По-моему, дележка власти, если только Берия этого хотел, только началась.

Так или иначе, крах этой структуры рано или поздно неизбежен. Любые перевороты внутри ничего для народа не изменят, система останется той же. Настоящий крах системы может придти с Запада».

Отклики о проведенных пленумах местных партийных комитетов свидетельствовали об определенных перекосах в работе государственного аппарата и соответствовали критике органов МВД на Пленуме ЦК КПСС Например, начальник Ленинградского областного управления МВД организовал в конце июня в городе облаву, в результате которой было арестовано около 1000 человек и затем более 90 % были освобождены. Он же запрещал начальникам различных уровней управления информировать о работе партийные органы. Осуждалась деятельность партийных органов различных регионов СССР за отсутствие контроля за органами министерства внутренних дел на местах.

В отдельных случаях высказывались и недостаточно аргументированные утверждения о роли Берия в хозяйственном строительстве. На пленуме Минского обкома партии представитель Академии наук Белорусской СССР отмечал, что Берия тормозил проведение работ по осушению Полесской низменности.

Особое внимание было обращено на обсуждение постановления Пленума ЦК КПСС в республиках Прибалтики.

Замена в республиках руководящих кадров на представителей местных национальностей рассматривалась как уступка буржуазно-националистическим элементам, пытавшимся подорвать дружбу народов СССР.

В докладной записке заместителя заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС отмечалось, что в течение трех дней в июне 1953 г. по указанию Берия были заменены все руководящие работники в системе МВД. Так, из 17 начальников отделов республиканского управления заменено 16, из 56 начальников городских и районных отделов МВД заменен 51.

В связи с проведенной кадровой политикой в национальных республиках, например в Латвии, среди населения усилились настроения, направленные на изменение политического строя, возврат репрессированных латышей, роспуск колхозов. Шли разговоры о массовом выселении русских из Латвии.

В Литовской ССР были отмечены высказывания о том, что, благодаря заботам президента США Эйзенхауэра о литовцах и вообще о народах Прибалтики, русские вынуждены идти на уступки и начали выезжать из Литвы.

В ходе встреч с населением партийным работникам задавались достаточно неудобные вопросы о том, каким образом Берия попал на руководящую работу в высшие органы власти, будет ли опубликован доклад Маленкова на июльском Пленуме, кто тормозил своевременный созыв XIX съезда КПСС и др.

В определенной мере дело Берия привело к росту в советском обществе критических взглядов на развитие страны (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 484. Л. 19—28, 39—44, 53—59).

Док. № 58

В архиве сохранился и черновой вариант письма арестованного П.А.Судоплатова в Совет Министров СССР, из которого следует, что следователи решили использовать данный эпизод для обвинения Берия в тайной попытке установить связь с Гитлером. В первом варианте письма Судоплатов писал: «5 августа 1953 года мне стало известно о том, что в июне 1941 года после нападения фашистской Германии на СССР советское правительство не принимало решения об установлении неофициальной связи с болгарским послом в СССР Стаменовым с целью выяснения через него условий, на которых Германия согласится прекратить войну». Судоплатов в письме упоминает только указания Берия. Но в своих воспоминаниях он отмечал, что «когда Берия приказал мне встретиться со Стаменовым, он тут же связался по телефону с Молотовым, и я слышал, что Молотов не только одобрил эту встречу, но даже пообещал устроить жену Стаменова на работу в Институт биохимии Академии наук». В июле 1953 г. Судоплатов был вызван в Кремль и рассказал все подробности встреч с Берия Хрущеву, Булганину, Молотову и Маленкову. Они молча выслушали его, а затем он был обвинен в том, что якобы являлся связным Берия в попытке использовать Стаменова для заключения мира с Германией. В ходе дальнейших допросов после ареста Судоплатов подчеркивал, что выполнял данное распоряжение Берия как задание правительства. При этом он отмечал, что всегда такие задания, поступавшие от наркома внутренних дел, рассматривал как решения вышестоящих инстанций. В итоге П.А. Судоплатов провел в заключении 15 лет и был освобожден в 1968 году (См.: *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 174—175).

Док. № 61

Непосредственное участие Берия в шельмовании руководства Грузии и его участие в массовых репрессиях в 1937—1938 гг. было в процессе следствия полностью доказано. А.В. Снегов, работавший в начале 1930-х г. в Закавказье, вспо-

минал, что Берия всячески дискредитировал, например, своего предшественника первого секретаря Закавказского крайкома партии Л.И. Лаврентьева-Картвелишвили, и это сыграло не последнюю роль в его отстранении от работы в Закавказье. Арестованный в июне 1937 г. Лаврентьев был переправлен для ведения следствия в НКВД Грузии, где от него были получены «признательные» показания об участии в контрреволюционной организации. Следствие находилось под личным контролем Берия. Он чутко улавливал установки, которые шли из центра, об усилении борьбы с различными проявлениями «контрреволюции». Началась кампания преследования троцкистов — и Берия направлял Сталину протоколы допросов «сознавшихся», особо подчеркивая то обстоятельство, что они подвергали сомнению выдающуюся роль вождя. Был раскрыт «заговор в Красной Армии», и в июле 1937 г. Берия сообщал Сталину о раскрытом «заговоре» в Закавказском военном округе, а затем о необходимости арестов командования 47-й грузинской стрелковой дивизии (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 319. Л. 34). Берия лично давал указания наркому НКВД Кобулову о том, какой следователь должен допрашивать арестованных. Бывший руководитель органов госбезопасности Грузии, ставший во главе партийно-государственной власти в республике, в полной мере использовал формы и методы, характерные для работы спецслужб.

Док. № 73

В последующем секретарь Ленинградского обкома Андрианов добивался приема у руководителей страны, адресуя им записки с просьбой о личной встрече. 12 сентября он вновь обратился к Маленкову, встревоженный развитием событий. Он писал: «Мне стало известно, что в Ленинграде в моей квартире и на даче управляющий делами обкома с участием бухгалтера, библиотекаря и других лиц произвели перепись имущества и библиотеки. Квартира и дача, в которых я жил, государственные, но вряд ли следовало без того, кто ее занимает, и тем более, после моего выезда из организации в ЦК, допускать подобные действия. Мне неизвестно, с кем согласована и чем вызвана подобная операция, но мне думается, что это произвол. Кроме того, в моем кабинете в обкоме, после того как я выехал в ЦК, установили дежурства ответственных работников, тогда как до этого все время была специальная комната для дежурства в особом секторе обкома. Помещений в Смольном достаточно. Об этом считаю необходимым Вас проинформировать. По этому вопросу такая же записка мною послана секретарю ЦК тов. Хрущеву» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 468). Поскольку предшествующая карьера Андрианова основывалась на поддержке Маленкова, он сначала был назначен заместителем министра Госконтроля, а через 3 года отправлен на пенсию.

Док. № 83

Начавший свою карьеру в органах государственной безопасности в апреле 1930 г. в Северо-Кавказском крае, Влодзимирский в полной мере оправдал доверие руководства, в результате чего уже в мае 1937 г. был назначен заместителем начальника 1-го отделения 4-го (секретно-политического) отдела ГУГБ НКВД СССР, в задачи которого входила с бывшими оппозиционерами. В этой должности он «успешно» работал в период массовых репрессий, участвуя и в тайных преступных акциях — в убийстве полпреда в Китае Бовкуна-Луганца и его жены (1939) и в похищении и убийстве жены маршала Кулика — Киры Симонич-Кулик (1940). Затем он возглавил следственную часть по особо важным делам НКГБ СССР. В 1945 г. Влодзимирский принимал непосредственное участие в допросах членов польского «лондонского правительства». После прихода к руководству органами госбезопасности В. Абакумова Влодзимирский был уволен в

запас. После смерти Сталина Берия назначил его начальником следственной части, и Влодзимирский «тем самым подписал себе смертный приговор», как объективно отмечает в своем исследовании Н. Петров. 17 июля 1953 г. он был арестован и отмечал, что лишь выполнял приказы, не подозревая об их преступном характере. «О том, что в НКВД, а затем в МГБ и МВД совершались преступления, я узнал при ознакомлении с делом. Еще раз заявляю, что близким человеком Берия я не был, — заявил в своем последнем слове на суде Влодзимирский. — Подтверждаю, что я участвовал в избиениях арестованных, но, поступая так, я полагал, что Берия отдает распоряжения об избиениях, предварительно согласовав их... Я еще раз прошу суд оценить объективно все доказательства, собранные в отношении меня, и изменить квалификацию моего обвинения». 23 декабря Влодзимирский в числе остальных обвиняемых был приговорен к ВМН. (Подробнее см.: *Петров Н.* Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011.)

Док. № 115

В обвинительном заключении были систематизированы и выделены в разделы обвинения в отношении Берия, основанные на показаниях арестованных и свидетелей. На первом месте стояли примеры об изменнических преступных действиях Берия в годы Гражданской войны. Реальные преступления, связанные с непосредственным участием в массовых репрессиях, раскрывались в самом большом по объему разделе «Заговорщическая изменническая деятельность Берия и его сообщников в Закавказье и Грузии в 1921—1938 гг.». Факты о «разрушении разведывательной сети за рубежом», нарушениях законности содержались в разделе «Преступная деятельность Берия и других заговорщиков до начала Великой Отечественной войны (1938—1941 гг.)». В разделах «Связь Берия с английской разведкой», «Покровительство агентам иностранных разведок» обосновывалась «шпионская» работа Берия. В отдельный раздел была выделена «Преступная деятельность Берия и других заговорщиков в период Великой Отечественной войны». Раздел «Преступная деятельность Берия и других заговорщиков после кончины Сталина» дополнялся разделами «Попытка установления тайной связи с Тито-Ранковичем», «Капитулянтские предложения Берия об отказе от социалистического строительства в ГДР и странах народной демократии», «Преступная деятельность заговорщиков по активизации буржуазно-националистических элементов», «Преступная связь Берия с контрреволюционной грузинской эмиграцией». Последний раздел носил название «Преступное морально-бытовое разложение Берия».

Док. № 118

В приговоре по делу Берия и его соратников были перечислены все основные обвинения. Они были сосредоточены в трех пунктах. В пункте первом утверждалось, что целью заговорщиков было поставить органы МВД над партией и правительством и захватить власть. Для этого они пытались опорочить работу партийных органов, собирая клеветнические данные о деятельности и составе партийных организаций. Далее приводились положения о том, что заговорщики сеяли вражду и рознь между народами СССР, создавали продовольственные трудности, саботировали мероприятия, направленные на подъем сельского хозяйства и повышение благосостояния советского народа. Отмечалось, что готовясь захватить власть, Берия и его сообщники установили слежку за руководителями партии и правительства. Во втором пункте обвинений содержались многочисленные реально установленные факты участия подсудимых в истязаниях и избиениях арестованных, фальсификации дел, похищениях и убийствах невин-

ных людей. Все это было подробно освещено в протоколах допросов. В меньшей степени в них отражены реальные факты по испытанию ядов на осужденных к высшей мере наказания, проводимых в лаборатории Майроновского, которые были включены в приговор. В третьем пункте Берия обвинялся в изменнической и шпионской деятельности в пользу германской и английской разведок. (Более подробно см.: *Сухомлинов А.* Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., 2004. С. 348—359.)

Док. № 119

В отношении родственников Берия и его соратников Маленков и Хрущев действовали в полном соответствии со сталинскими установками о преследовании невиновных на том основании, что они являлись членами семьи изменника Родины. В июле 1953 г. были арестованы жена и сын Берия. После полутора лет тюремного заключения в ноябре 1954 года Президиум ЦК КПСС принял постановление об отправке их на спецпоселение. В записке Генерального прокурора, приложенной к постановлению, отмечалось, что в отношении Н.Т. Берия имелись «сведения, дающие основание подозревать ее в преступных связях с одним из лидеров контрреволюционной грузинской эмиграции, меньшевиком Е. Гегечкори». Меркулов на допросе показал, что он совместно с Берия составил письмо к Е. Гегечкори от имени Н. Берия, но ему не известно, было ли оно подписано женой Берия. Поэтому далее Генеральный прокурор отмечал: «Однако нет данных, свидетельствующих о том, что Н. Берия была осведомлена об изменнической преступной деятельности своего мужа». Попытки скомпрометировать Н. Берия тем, что она якобы пыталась укрыть от наказания своего племянника Т. Шавдия, служившего в годы войны в гитлеровском грузинском легионе, оказались несостоятельны. «Следует считать установленным, что Н. Берия принимала участие в судьбе своего родственника Шавдия Т., но нет данных, свидетельствующих о том, что при этом она была осведомлена об измене Родине со стороны Шавдия и о том, что последний использовался Берия Л. для преступных связей с контрреволюционной грузинской эмиграцией».

В отношении сына Берия говорилось о якобы обманном пути присвоения ему ученой степени кандидата, а потом и доктора физико-математических наук, незаконном получении почетного звания лауреата Сталинской премии I степени и денежной премии. Н.С. Хрущев дал поручение разобраться, кто содействовал С. Берия в получении ученых степеней. По итогам разбирательства, проведенного Прокуратурой, 22 ноября на заседании Президиума ЦК КПСС было принято постановление о лишении его ученых степеней, звания лауреата Сталинской премии и воинского звания инженер-полковник. О том, что С. Берия действительно являлся крупным специалистом, свидетельствует записка Председателя КГБ при СМ СССР И. Серова от 26 ноября 1954 г. Серов сообщал, что, находясь в заключении, С. Берия больше года работал над проблемой управляемых ракет. С его предложениями о борьбе с баллистическими ракетами, кораблями противника, был ознакомлен специалист Министерства среднего машиностроения, хорошо знающий ракетную технику. Изучив записи и чертежи С. Берия, он дал заключение, что разработка данных тем представляет интерес. Было решено предоставить С. Берия возможность продолжить эту работу на радиозаводе. В дальнейшем С. Берия стал главным конструктором киевского научно-исследовательского института «Комета» (РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 196—214).

В мае 1954 г. Комиссия ЦК КПСС приняла решение о запрещении более 30 родственникам осужденных проживать в Москве, Ленинграде, Тбилиси и других режимных городах и местностях Советского Союза. Они были высланы в Красноярский край, Свердловскую область и Казахстан и взяты под надзор МВД

по месту нового жительства. В сентябре 1955 г. Председатель КГБ при СМ СССР сообщал в ЦК КПСС о том, что сестра Берия и ее муж «настроены явно антисоветски, допускают злобную клевету по адресу руководителей партии и Советского государства, изыскивают способы для установления связи с остальными высланными родственниками врага народа Берия с целью проведения организованной враждебной деятельности, направленной против Советского государства». Было принято решение о привлечении их к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию (РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 141—142; Д. 476. Л. 201—202).

Док. № 126

9 сентября 1955 года на процессе в Тбилиси был оглашен приговор по делу бывших министров госбезопасности Грузинской ССР Н.М. Рухадзе, А.Н. Рапава, заместителя министра Ш.О. Церетели и оперативных работников Н.Н. Кримяна, К.С. Савицкого, А.С. Хазана. Все они были приговорены к расстрелу. Г.И. Парамонов был приговорен к 25 годам, а С.Н. Надарая — к 10 годам лишения свободы.

Док. № 132

С.Р. Мильштейн принадлежал к ближайшим соратникам Берия по работе в ПП ОГПУ по ЗСФСР. После перехода последнего на партийную работу был взят им в аппарат ЦК компартии Грузии, где в дальнейшем стал 3-м секретарем Тбилисского горкома КП(б) Грузии. Под руководством Берия с декабря 1938 г. занимал руководящие должности в НКВД СССР. В марте 1953 г. был назначен замминистра МВД УССР. 30 октября 1954 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда к ВМН. Расстрелян в январе 1955 г.

Док. № 134

19 июня 1954 г. Н.К. Ковальчук обратился к Н.С. Хрущеву с письмом, в котором писал о том, что ему сообщили об увольнении из органов государственной безопасности. В ходе допросов Берия и его соратников были получены показания на Ковальчука о нарушениях им законности в 1938 г., когда он являлся начальником отделения Секретно-политического отдела Управления госбезопасности НКВД Грузии. По рекомендации Берия в начале 1953 г. он был назначен министром госбезопасности Латвийской ССР, затем советником МВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши. После ареста Берия был отозван в СССР и до сентября 1953 г. состоял в резерве МВД, затем получил назначение на должность начальника управления МВД по Ярославской области. В марте 1954 г. отозван и в мае уволен по фактам дискредитации. В своем письме он напоминал Хрущеву о первой их встрече на Украине в 1949 г. Хрущев подробно информировал его об обстановке в республике и поставил задачу быстрее ликвидировать националистическое движение, подпольные центры «Организации украинских националистов». Он поздравил его в 1950 г. в связи с разгромом ряда организаций и ликвидацией некоторых руководителей Центрального провода. 18 июля 1954 г. Ковальчук написал новое письмо, где просил принять его и высоко оценивал выступление Хрущева на совещании сотрудников органов госбезопасности в мае 1954 г. На совещании теплые слова прозвучали в адрес чекистов Украины. Ковальчук в этой связи подчеркивал, что длительное время возглавлял Министерство госбезопасности Украины. В итоге Ковальчук уголовной ответственности избежал (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 141—148).

Док. № 136

А.З. Кобулов был арестован 27 июня 1953 г., в один день со своим братом Богданом. В отличие от брата, который проходил по одному с Берия делу, Амаяк был менее заметным работником, но он также входил в окружение Берия. Его дело было выделено в отдельное производство. Приговор, вынесенный Военной коллегией Верховного суда СССР 1 октября 1954 г., носил явно политический характер. Кобулов обвинялся в том, что являлся активным участником антисоветской заговорщической группы и пытался в составе этой группы использовать органы МВД для «ликвидации советского рабоче-крестьянского строя и реставрации капитализма в СССР». Он обвинялся и в том, что являясь резидентом советской разведки в Германии в 1940—1941 гг., развалил ее работу. Речь идет о спецоперации немецких спецслужб, которые подставили А. Кобулову своего агента — латышского журналиста Орестеса Берлингеса (оперативный псевдоним «Лицеист»), якобы имевшего связи в высших кругах фашистской Германии. Сообщения «Лицеиста» регулярно докладывались Сталину. В приговоре указывалось, что Кобулов «получаемую от этих агентов дезинформацию передавал через Берия правительству СССР» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 475. Л. 153—155).

Реальное и доказанное обвинение заключалось в том, что в 1937—1938 гг. Амаяк Кобулов, являясь последовательно начальником Ахалцихского и Гагринского райотделов НКВД Грузинской ССР, принимал личное участие в избиениях и истязаниях арестованных.

Кобулов неоднократно писал прошения о помиловании, обращался к Маленкову, Хрущеву, Булганину, Генеральному прокурору. Все они были отклонены, и 26 февраля 1955 г. Амаяк Кобулов был расстрелян.

Док. № 139

Е.М. Либенсон был арестован 28 ноября 1953 г. за «тяжкие преступления против КПСС». Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 30 июля 1955 г. к 25 годам лишения свободы. Освобожден 13 декабря 1968 г. Не реабилитирован.

Док. № 141

Став после смерти Сталина всесильным министром внутренних дел, Берия в течение марта—апреля освобождал из заключения своих соратников. Так, в обвинительном заключении ему будет инкриминироваться незаконное освобождение «шпиона» Н. Эйтингона. Но он не выпускал из тюрем тех, кого считал виновниками кампании против сотрудников МГБ в 1951—1952 гг., исполнителей преступных сталинских указаний в послевоенные годы. Л.Ф. Цанава был арестован в апреле 1953 г. за участие в подготовке убийства С. Михоэлса. Умер во время следствия в 1956 г.

Док. № 142

Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело Б.В. Родоса в феврале 1956 г. — он проходил как соучастник Берия по фальсификации дел в период массовых репрессий, когда занимал должность помощника начальника следственной части НКВД СССР. Конкретные обвинения в отношении Родоса заключались в том, что он вел следствие по наиболее важным делам на видных деятелей коммунистической партии и принимал активное участие в фальсификации дел на руководящих работников ЦК ВКП(б). В ходе следствия было установлено, что Родос применял к арестованным пытки. Его виновность была доказана показаниями 24 свидетелей. Начальник отдела руководящих комсомоль-

ских органов ЦК ВЛКСМ Белослудцев описал действия Родоса в процессе предварительного следствия: «Родос взял крученую веревку с кольцом на конце и давай хлестать по ногам, ударит и протянет ее по телу... Я извивался, катался по полу и, наконец, не помню ничего, и, придя в сознание, увидел только одно зверское лицо Родоса. Он облил меня холодной водой, а потом заставил меня сесть на край стула копчиком заднего прохода. Я опять не выдержал этой ужасной тупой боли и свалился без сознания. Через некоторое время, придя в сознание, я попросил Родоса сводить меня в уборную помочиться, а он говорит: "Бери стакан и мочись". Я это сделал и спросил, куда девать стакан. Он схватил его, поднес мне ко рту и давай вливать в рот, а сам кричит: "Пей, говно в человеческой шкуре, или давай показания"». Аналогично Родос действовал и в процессе допроса генерал-полковника А.Д. Локтионова. Бывший следователь НКВД свидетель В.Г. Иванов, являвшийся в 1940—1941 гг. помощником Родоса, показал: «Я вызвал по указанию Родоса арестованного Локтионова и привел его на допрос в кабинет начальника следственной части НКВД Влодзимирского. Во время допроса Влодзимирский и Родос требовали от Локтионова показаний об антисоветской работе. Локтионов не признал себя виновным. Тогда Влодзимирский и Родос приказали Локтионову лечь животом на пол и принялись поочередно на моих глазах избивать Локтионова резиновыми палками, продолжая требовать от него показаний об антисоветской деятельности. Избиение продолжалось длительное время с небольшими перерывами. Локтионов от ударов, от боли катался по полу и ревел и кричал, что он ни в чем не виноват. Во время избиения Локтионов лишался сознания и его окачивали водой». Военной коллегией Верховного суда Родос приговорен к ВМН. Расстрелян 20 апреля 1956 г.

Док. № 143

Р.А. Маркарян длительное время служил в органах НКВД—НКГБ Азербайджанской ССР, когда первым секретарем ЦК компартии Азербайджана был М.Д. Багиров. В 1953 г. уволен из МВД по возрасту. После ареста Багирова был также арестован в январе 1955 г.

Открытый процесс по делу Багирова, Григоряна, Борщева, Маркаряна, Атакишева и Емельянова проходил с 12 по 26 апреля 1956 г. в Баку. Эти работники НКВД Азербайджанской ССР в период 1935—1941 гг. руководили различными подразделениями и являлись конкретными участниками массовых необоснованных репрессий. Они были непосредственными исполнителями указаний вышестоящих органов НКВД, создавали вымышленные контрреволюционные организации, арестовывали тысячи людей, которые постановлением «троек» приговаривались к расстрелу. Доказано было и личное их участие в избиениях арестованных.

Атакишев и Емельянов были приговорены к лишению свободы сроком на 25 лет, а остальные — к ВМН. 16 мая 1956 г. Макарян был расстрелян. Не реабилитирован.

Док. № 144

Одним из важнейших эпизодов обвинения Берия, который не получил достаточного освещения, стало существование в НКВД СССР спецлаборатории, в которой работал Майрановский. Разработка специальных средств для проведения оперативных мероприятий характерна для многих спецслужб. Так, например, в лаборатории спецотдела НКВД СССР в 1937 г. разрабатывались различные мероприятия для ликвидации Л. Троцкого, в т.ч. и использование отравляющих веществ в книгах, которые предполагалось ему подарить.

Майрановский был арестован в декабре 1951 г. по делу Абакумова. После смерти Сталина он в апреле 1953 г. обратился к Берия с просьбой об освобождении и сообщил, что готов выполнять все поручения на благо государства. При этом он отчитывался в ликвидации им десятков врагов советской власти в бытность сотрудником спецлаборатории. После ареста Берия эти заявления заинтересовали следователей и стали одним из фактов для обвинения министра внутренних дел.

На допросе в августе 1953 г. Майрановский заявил, что предложил испытывать яды на живых людях, приговоренных к высшей мере наказании, и получил согласие Берия. Он также рассказал об устранении людей с использованием спецсредств в ходе тайных встреч на конспиративных квартирах, когда он получал указания от Судоплатова. В связи с этим встает вопрос о правомерности реабилитации последнего.

В свою очередь Берия заявил, что указание о создании спецлаборатории и проведении опытов он получил от Сталина.

В связи с данной проблемой возникла ответственность и Меркулова, который не скрывал своего участия в проведении таких опытов над врагами советского государства. В августе 1953 г. он заявил об этом, будучи свидетелем по делу Берия, и в дальнейшем данный факт среди прочих послужил основанием для его ареста.

Уже на допросе в качестве обвиняемого в сентябре 1953 г. Меркулов признал, что дал разрешение Майрановскому на применение ядов к 30—40 осужденным, заявив, что никто кроме Берия и него не мог давать такое задание. (Подробнее см.: *Петров Н.* Палачи. Они выполняли заказы Сталина. С. 69—84.)

Именной комментарий

А

Абакумов В.С. (1908–1954) — в 1938–1941 гг. начальник УНКВД Ростовской области; в 1941–1943 гг. заместитель наркома внутренних дел СССР и начальник Управления особых отделов НКВД СССР; в 1943–1946 гг. начальник Главного управления контрразведки «Смерш» Наркомата обороны (Министерства Вооруженных Сил) СССР, одновременно в 1943 г. заместитель наркома обороны СССР; в 1946 г. заместитель министра, в 1946–1951 гг. министр государственной безопасности СССР. В июле 1951 г. арестован и в декабре 1954 г. расстрелян по приговору военной коллегии Верховного суда СССР. — 18, 29, 93, 100, 141–143, 154, 168, 187, 189, 259, 261, 263–265, 275, 277, 334, 335, 391, 448, 459, 615, 627, 645, 649, 650

Абашидзе — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. — 478

Аббасов — в 1951 г. министр торговли Нахичеванской АССР. — 437

Аббасов — в 1952 г. 1-й секретарь Кировабадского горкома партии. — 425

Абдуллаев — в 1953 г. член пленума Сумгаитского горкома КП Азербайджана. — 231

Абрамова-Сквирская — в 1951 г. заведующая отделом Бакинского горкома КП(б) Азербайджана. — 426, 428, 436, 440

Абранин — в 1953 г. секретарь партийной организации 4-й дистанции пути Министерства железнодорожного транспорта Литвы. — 182

Авалиани И.А. — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. — 374

Августинайтис — в 1953 г. министр сельского хозяйства Литовской ССР. — 181

Авиатамов Н.М. — в 1937 г. помощник прокурора Грузинской ССР по надзору за местами заключения, незаконно арестованный НКВД Грузинской СССР. — 481, 579, 608, 610

Агабабов — в 1951 г. заместитель министра торговли Азербайджанской ССР. — 426

Агабелян — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 481, 582

Агаев — в 1920 г. поручитель Багирова при его вступлении в РКП(б). — 441

Агафонов — в 1953 г. начальник отдела 6-го управления МВД СССР. — 66

Агниашвили П.А. (1898–1937) — в 1930-е гг. заместитель Председателя ЦИК Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 400

Агрба А.С. (1897–1938) — в 1937 г. 1-й секретарь Абхазского обкома КП(б) Грузинской ССР, председатель ЦИК Абхазской АССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 215, 268, 379, 396, 515

Адамов — в 1938 г. следователь следчасти Главного экономического управления НКВД ССР. — 311, 623, 624

Айба Г.К. — в 1937 г. сотрудник Гагрского отдела НКВД Абхазской АССР, свидетель на процессе в Тбилиси. — 450, 451, 586, 614

Айвазов Г. (?–1942) — в 1937 г. сотрудник УГБ НКВД Грузинской ССР. — 355, 359, 477, 575

ВКП(б), одновременно в 1939–1952 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б), в 1943–1946 гг. нарком земледелия СССР; в 1946–1953 гг. заместитель Председателя Совмина СССР; в 1953–1962 гг. член Президиума Верховного Совета СССР; с 1962 г. на пенсии. — 21, 22, 339, 621

Андрианов В.М. (1902–1978) — в 1938–1946 гг. 1-й секретарь Свердловского обкома ВКП(б); в 1946–1949 гг. заместитель председателя Совета по делам колхозов при Правительстве СССР; в 1949–1953 гг. 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС; в 1953–1956 гг. заместитель министра государственного контроля СССР; с 1956 г. на пенсии. — 44, 257, 259

Анисов С.Г. — в 1950 г. сотрудник редакции «Советский крестьянин». — 636

Аноскин — в 1953 г. сотрудник Комендантского отдела МВД СССР. — 80

Антонов — в 1953 г. сотрудник 8-го управления МВД СССР. — 75

Антонов А.И. (1896–1962) — генерал армии; в 1942 г. начальник штаба Северо-Кавказского фронта. — 176, 207, 209

Аполлонов А.Н. (1907–1978) — в 1950–1951 гг. заместитель министра госбезопасности СССР по войскам; в 1951–1953 гг. в кадрах Минобороны СССР. В декабре 1953 г. уволен по болезни. — 226

Арабелидзе — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. — 609

Арбузов — в 1953 г. сотрудник 6-го спецотдела МВД СССР. — 69

Аргов — в 1920–1930-е гг. работник СПО ГПУ Грузинской ССР. — 365

Арзанов В.Г. — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР, свидетель на процессе в Тбилиси. — 479, 483, 556, 561, 563, 576, 583, 609, 610, 613

Аристов А.Б. (1903–1973) — в 1955 г. секретарь ЦК КПСС. — 651

Ароян Ю.И. — в 1937–1938 гг. фельдшер внутренней тюрьмы НКВД ГССР, свидетель на процессе в Тбилиси. — 556, 568, 607, 613

Арсенидзе — в 1930-е гг. эмигрант из Грузии. — 407

Арсентьев — в 1953 г. сотрудник 2-го Главного управления МВД СССР. — 61

Арутинов (Арутюнов, Арутюнян) Г.А. (1900–1957) — в 1937–1953 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Армении. — 45, 130, 529–531, 534

Арутюнов Г.К. (?–1937) — секретарь председателя ЗакГПУ Д.С. Киладзе. Убит в ходе следствия в НКВД Грузинской ССР. — 320, 403, 404, 476, 477, 574, 575, 609

Арушанов — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. — 574

Асламазов М. (?–1937) — в 1937 г. секретарь ЦК ЛКСМ НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 219, 536

Атарбеков — в 1920-е гг. сотрудник ВЧК–ГПУ, брат Г.А. Атарбекова. — 30

Атарбеков (Атарбекян) Г.А. (1892–1925) — в 1918 г. заместитель председателя Северо-Кавказской ЧК, начальник Особого отдела Каспийско-Кавказского фронта; в 1919 г. председатель ЧК в Астрахани, затем начальник Особого отдела и председатель трибунала на Южном фронте; в 1920 г. начальник Особого отдела 9-й армии, уполномоченный ВЧК по Кубано-Черноморской области, уполномоченный ВЧК в Баку; с 1921 г. председатель Ревкома северных районов Армении, нарком почт и телеграфа Закавказья, заместитель наркома РКИ и член Президиума Закавказской партийной контрольной комиссии. Погиб при авиационной катастрофе в Тбилиси. — 30, 364

Афанасьев — в 1953 г. сотрудник 2-го Главного управления МВД СССР. — 61

Берия (Гегечкори) Н.Т. (1905–1991) — жена Л.П. Берия. В начале июля 1953 г. арестована, в ноябре 1954 г. направлена в административную ссылку. Научный сотрудник Сельскохозяйственной академии им. Д.А. Тимирязева. — 9, 10, 87, 165, 216, 322, 350, 352, 372, 373, 494, 499, 519, 528

Берия С.Л. (1925–2000) — сын Л.П. Берия; в 1948–1953 гг. сотрудник, главный инженер, главный конструктор конструкторского бюро № 1 при Третьем главном управлении Совмина СССР. Арестован 26 июня 1953 г. В ноябре 1954 г. направлен в административную ссылку. В дальнейшем работал главным конструктором Киевского НИИ. — 6, 8–10, 87, 238, 245, 246, 519

Берлинг З.Х. (1896–1980) — в 1940 г. военнопленный офицер польской армии, подполковник. — 110, 113, 124

Берлингес О. — в 1940 г. латышский корреспондент в Берлине, агент германской разведки, кличка в советской разведке «Лицеист». — 506

Бирюков — в 1953 г. сотрудник 1-го отдела 8-го управления МВД СССР. — 75

Бичерахов А.Ф. (1882–1952) — командир Терского казачьего отряда в годы 1-й мировой войны; в 1918–1920 гг. сотрудничал с английским военным командованием, правительствами Бакинской коммуны и Азербайджанской буржуазной республики, затем участник Белого движения. В 1920 г. эмигрировал в Великобританию. Полковник царской армии, генерал-майор английской армии. — 363

Блау Д.М. — в 1937 г. незаконно арестованный в 1937 г. НКВД Грузинской ССР. — 473, 571

Блохин В.М. (1895–1955) — в 1926–1953 гг. комендант ОГПУ–НКВД–МГБ СССР, генерал-майор. — 190, 318, 319, 325, 326, 339, 493, 499

Блюм Л. (1872–1950) — лидер и теоретик Французской социалистической партии; в 1936-1938 гг. глава правительства Народного фронта. — 252

Бовкун-Луганец (Орельский) И.Т. (1899–1939) — в 1937–1939 гг. полпред СССР в Китае. Убит по приказу Сталина. — 287, 288

Бовкун-Луганец Н.В. (?–1939) — жена И.Т. Бовкуна-Луганца. Убита вместе с мужем. — 287, 288

Богаладзе Г.В. — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. — 571

Богданов — в 1953 г. сотрудник Отдела «М» МВД СССР. — 79

Богданов Н.К. (1907–1972) — в 1948–1952 гг. начальник УМВД Московской области; в 1948–1953 гг. заместитель министра внутренних дел СССР; в 1953–1955 гг. начальник УМВД Ленинградской области; в 1955–1959 гг. заместитель министра внутренних дел РСФСР, генерал-лейтенант. В 1959 г. уволен по служебному несоответствию с ограничением в пенсионном обеспечении. — 44, 89

Богомолов Б.И. (1917–?) — в 1953–1954 гг. начальник 5-го отдела 4-го управления МВД СССР; в 1954–1956 гг. начальник 5-го отдела 4-го управления КГБ при СМ СССР, генерал-майор. — 64

Бодин П.И. (1900–1942) — в 1941–1942 гг. начальник штаба Юго-Западного фронта; в 1942 г. заместитель начальника Генерального штаба, начальник Оперативного управления Генштаба, начальник штаба Закавказского фронта. — 116, 192, 202–204, 207, 208

Болховитин А.А. (1915–?) — в 1943–1953 гг. старший следователь, помощник начальника следственной части по особо важным делам НКГБ–МГБ СССР;

1938–1941 гг. начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР; в феврале-июле 1941 г. начальник 1-го отдела НКГБ СССР; в 1941–1942 гг. начальник 1-го отдела НКВД СССР; в 1942–1943 гг. 1-й заместитель начальника 1-го отдела НКВД СССР; с 1943 г. начальник 6-го управления НКГБ СССР, затем 1-й заместитель начальника 6-го управления и начальник 1-го отдела НКГБ СССР; в 1951–1952 гг. начальник Главного управления охраны МГБ СССР; в мае-ноябре 1952 г. заместитель начальника управления лагеря в г. Асбест Свердловской области. В декабре 1952 г. арестован и в 1955 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР направлен в ссылку сроком на 5 лет в Красноярск, лишен воинского звания. В 1956 г. освобожден от дальнейшего отбытия наказания со снятием судимости. — 63, 82, 128, 226, 325

Влодзимирский Л.Е. (1903–1953) — в 1928–1936 гг. сотрудник ОГПУ по Северо-Кавказскому краю; в 1937–1939 гг. заместитель начальника отдела НКВД СССР; в 1939–1940 гг. помощник начальника, начальник следственной части ГЭУ НКВД СССР; в 1940–1946 гг. заместитель начальника отдела ГУГБ, начальник следственной части по особо важным делам НКВД—МГБ СССР; в 1946–1947 гг. начальник УМГБ Горьковской области; в 1947 г. уволен в запас МГБ по состоянию здоровья; в 1947–1953 гг. начальник Управления кадров и ревизионного отдела Главного управления советского имущества за границей при СМ СССР; с марта 1953 г. начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР. В июле 1953 г. арестован, в декабре 1953 г. расстрелян по приговору Специального судебного присутствия ВС СССР. — 5, 7, 67, 68, 71, 82, 86, 106, 153, 168, 172, 186–188, 190, 191, 197, 220, 237, 240, 268, 269, 272, 275–277, 283, 285, 286, 288, 314, 332, 333, 339, 340, 349, 360–362, 367–370, 414–419, 421–423, 486, 489, 493, 608, 640, 645, 649

Вовси М.С. (1897–1960) — врач-терапевт, академик Академии медицинских наук. В 1952–1953 гг. репрессирован по делу врачей. Реабилитирован. — 62, 82

Водясов — в 1953 г. свидетель по делу Мильштейна. — 517

Волин А.А. (1903–2007) — в 1948–1957 гг. Председатель Верховного суда СССР. — 292, 536, 537

Волков А.П. (1904–1974) — в 1947 г. заместитель начальника 5-го управления МГБ СССР; в 1952–1953 гг. заместитель начальника УМГБ Псковской области; в 1953–1954 гг. заместитель начальника 1-го отдела УМВД Псковской области, полковник. — 259, 261

Волковский — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 587

Волошин Б.М. (1899–?) — в 1943–1952 гг. начальник санотдела (медсанчасти) НКВД—МВД СССР. — 19

Воробьев — в 1955 г. свидетель по делу Либенсона. — 624

Воронин А.И. (1908–1990) — в 1953 г. начальник 6-го спецотдела МВД СССР; в 1953–1954 гг. начальник УМВД Красноярского края. — 69

Ворошилов К.Е. (1881–1969) — член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1926–1960 гг.; в 1925–1940 гг. нарком по военным и морским делам (нарком обороны) СССР; в 1940–1953 гг. заместитель Председателя СНК (Совмина) СССР, одновременно в 1941–1945 гг. член ГКО, в 1941 г. главнокомандующий войсками Северо-Западного направления, командующий Ленинградским фронтом; в 1953–1960 гг. Председатель Президиума Верховного Совета

Гезалов — в 1951 г. секретарь Бакинского горкома партии КП(б) Азербайджана. — 426

Гевявичус — в 1953 г. секретарь Пагегского райкома КП Литвы. — 182

Георгадзе Н. — в 1937 г. незаконно арестованная НКВД Грузинской ССР. — 482

Георгобиани Г.И. (?–1938) — в 1937 г. секретарь ЦК ЛКСМ Грузии. Репрессирован. Реабилитирован. — 219

Герасенков — в 1953 г. сотрудник Управления кадров МВД СССР. — 76

Гере Э. (1891–1980) — руководящий работник Венгерской партии труда. — 254–256

Герцовский А.Я. (1904–?) — генерал-майор; с 1920 г. в органах госбезопасности; в 1938 г. начальник отделения 1-го спецотдела НКВД СССР; в 1939–1943 гг. заместитель начальника, начальник 1-го спецотдела НКВД СССР; в 1943–1953 гг. начальник 1-го спецотдела НКГБ—МГБ СССР; в мае-сентябе 1953 г. начальник 1-го отдела МВД Якутской АССР. В октябре 1953 г. арестован и в июле 1955 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР, лишен воинского звания. — 77, 186, 189, 260, 261, 318–320, 340, 341, 349, 392, 490

Гетман — в 1953 г. сотрудник Управления службы МПВО МВД СССР. — 80

Гигошвили — в 1953 г. заведующий Административным отделом ЦК КП(б) Грузии. — 45

Гиндин — в 1940-е гг. секретарь Бакинского горкома компартии Азербайджана. — 232, 429

Глебка П.Ф. (1905–1969) — белорусский советский поэт, драматург. — 632

Глебов — в 1953 г. сотрудник Управления учебных заведений МВД СССР. — 76

Глебов З.Н. (1901–1940) — в 1937–1938 гг. заместитель начальника отдела ГУГБ НКВД СССР. — 645

Глонти М.М. — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе в Тбилиси. — 564, 607, 609, 610, 613

Гнедин Е.А. — в 1938 г. заведующий Отделом печати Наркомата иностранных дел СССР; в 1953 г. спецпоселенец. — 98, 100

Гобечия М.А. (?–1937) — в 1937 г. секретарь Абхазского обкома КП(б) Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 215

Гогейшвили — в 1937 г. арестованный НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Ренабилитирован. — 401

Гогинашвили — в 1950 г. арестованный МГБ Грузинской ССР. — 593

Гоглидзе С.А. (1901–1953) — в 1934–1937 гг. нарком внутренних дел ЗСФСР и начальник УНКВД по Грузинской ССР; в 1937–1938 гг. нарком внутренних дел Грузинской ССР; в 1938–1941 гг. начальник УНКВД Ленинградской области; в 1941 г. уполномоченный СНК СССР и ЦК ВКП(б) по Молдавской ССР; в 1941–1950 гг. уполномоченный НКВД—НКГБ СССР по Дальнему Востоку; в 1950–1951 гг. начальник Главного управления охраны МГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте; в 1951 г. 1-й заместитель министра государственной безопасности СССР; в 1951–1952 гг. министр государственной безопасности Узбекской ССР; в 1952 г. начальник 3-го Главного управления и заместитель министра государственной безопасности СССР; в 1952–1953 гг. 1-й заместитель министра государственной безопасности СССР; в марте-июне 1953 г. начальник 3-го управления МВД СССР. В июне 1953 г. арестован и 23 декабря 1953 г. расстрелян по приговору Специального

профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б); в 1953—1957 гг. заведующий Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. — 229, 531, 547

Громов Л.А. — в 1953 г. председатель Московского городского суда. — 419—421

Губаренко Ф.Я. — в 1953 г. начальник секретариата 2-го Главного управления МВД СССР. — 61

Гугунава Г.С. — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. — 375

Гудушаури — в 1940-е гг. начальник 2-го спецотдела НКВД Грузинской ССР. — 570, 607

Гукасов А.С. (1905—1954) — в 1949—1951 гг. начальник 3-го отдела 1-го управления МГБ СССР; в 1951—1952 гг. в распоряжении Управления кадров МГБ СССР, полковник госбезопасности; в 1952 г. уволен по болезни. — 91, 350

Гульст В.Н. (1900—1972) — в 1937—1941 гг. заместитель начальника, начальник отделов в НКВД—НКГБ Грузинской ССР, генерал-майор; в 1947 г. уволен по болезни; в 1954 г. лишен воинского звания. — 268, 283, 286, 354, 465, 468, 503, 511, 517, 528, 556, 563, 566, 609, 610

Гумедин (Дадаян) Г.Х. (1902—1938) — в 1937 г. нарком земледелия Армянской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 227, 228

Гунер В.В. — в 1939—1940 гг. сотрудник Транспортного управления НКВД СССР. — 523, 528

Гургенидзе — в 1930—1950-е гг. сотрудник МГБ Грузинской ССР. — 269, 457, 458, 593, 594

Гурович — в 1937 г. арестована по обвинению в троцкистской деятельности. Репрессирована. Реабилитирована. — 467

Гурьянов — в 1953 г. сотрудник Центрального архивного управления МВД СССР. — 78, 79, 83

Гусев — в 1940-е г. начальник отделения Отдела «А» МГБ СССР. — 320

Гусев — в 1953 г. секретарь парткома 8-го управления МВД СССР. — 81

Гусейн М. — в 1953 г. делегат Бакинской городской партийной конференции КП Азербайджана, азербайджанский советский писатель. — 231

Гуссейнов М. — один из руководителей партии «Гуммет»; в 1919 г. директор департамента министерства финансов Азербайджанской республики. — 34, 35, 37, 102

Гучмазашвили — в 1949—1950 гг. сотрудник МГБ Грузинской ССР. — 457, 593

Д

Давидов А.Д. — брат Н.Д. Давидова. — 474, 475, 572

Давидов Н.Д. (?—1937) — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 336, 337, 474, 475, 562, 572, 608—610

Давидов С.Д. — брат Н.Д. Давидова. Репрессирован. Реабилитирован. — 474, 475, 572

Давидян А. — в 1953 г. подруга Е.К. Багдасарян. — 228

Давлианидзе С.С. (1904—1967) — в 1941 г. начальник КРО НКВД, заместитель наркома НКГБ Грузинской ССР; в 1941—1944 гг. начальник ТО НКВД—НКГБ Закавказской ж.д.; в 1944—1945 гг. заместитель наркома НКГБ Гру-

Е

Ж

З

Зубкин — в 1930-е г. заместитель начальника Учетно-статистического отдела НКВД СССР. — 318, 319

Зубов — в 1953 г. сотрудник 2-го Главного управления МВД СССР. — 61, 293

Зубов А.Н. (1911–?) — в 1939–1941 гг. оперуполномоченный 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР, в 1953 г. помощник начальника 4-го отдела 4-го управления МВД СССР. — 91, 92, 171, 329, 332

Зубов П.Я. (1898–1952) — в 1920-е гг. сотрудник ВЧК—ГПУ Грузинской ССР. — 178

Зуев — в 1953 г. сотрудник Комендантского отдела МВД СССР. — 80

Зырянов П.И. (1907–1992) — в 1952–1956 гг. начальник Главного управления пограничных войск. — 14, 79

И

Ибрагимов М. — в 1953 г. делегат Бакинской городской партийной конференции КП Азербайджана, азербайджанский советский писатель. — 231, 439

Иванов — в 1953 г. заместитель начальника 2-го спецотдела МВД СССР. — 67, 68, 82

Иванов — в 1953 г. старший помощник Главного военного прокурора, полковник юстиции. — 177, 178, 190, 191, 286, 288, 360, 363, 646

Иванов — в 1917 г. прапорщик царской армии. — 441

Иванов А.А. (1908–1988) — в марте-июле 1953 г. советник МВД СССР при Министерстве общественной безопасности КНР; в 1953–1956 гг. заместитель старшего советника МВД—КГБ при Министерстве общественной безопасности КНР по контрразведке. — 70

Иванов В.А. — в 1942 г. незаконно расстрелян сотрудниками НКВД, подлежал лишению свободы. — 521

Иванов В.В. (1909–1966) — генерал-майор; в 1938–1939 гг. следователь следственной части НКВД СССР; в 1939–1948 гг. начальник Секретариата Особого совещания при НКВД—МГБ СССР, в 1948–1952 гг. уполномоченный Совмина СССР по спецобъектам; в 1952–1953 гг. заместитель начальника и член коллегии 2-го Главного управления при Совмине СССР; в марте-августе 1953 г. начальник Секретариата Особого совещания при МВД СССР. В апреле 1954 г. уволен и в январе 1955 г. лишен воинского звания. — 74, 239, 329, 362, 490, 499, 503, 511

Иванов М.С. (1903–1962) — в 1953 г. старший советник МГБ—МВД СССР при УГБ Венгрии. — 255, 256

Ивашутин П.И. (1909–2002) — в 1952–1953 гг. министр МГБ УССР, заместитель министра МВД УССР. — 12, 524, 525

Игнатьев С.Д. (1904–1983) — в 1952–1953 гг. министр МГБ СССР. — 21, 63, 100, 543

Игумнов — в 1953 г. инструктор Таурагского райкома КП Литвы. — 180

Ижханов С.М. — в 1940 г. секретарь ЦК КП(б) Грузии. — 228

Измайлов — в 1953 г. сотрудник Комендантского отдела МВД СССР. — 80

Измайлов К. — в 1919 г. сотрудник контрразведки при Комитете государственной обороны Азербайджанской республики. — 34, 35, 243

Изотов — в 1953 г. сотрудник Контрольной инспекции МВД СССР. — 71

Ильин — в 1953 г. сотрудник аппарата СМ СССР. — 22

Казаков — сотрудник 16-го отдела 8-го управления МВД СССР. — 75

Какучая — в 1953 г. сотрудница 8-го управления кадров МВД СССР. — 76

Какучая В.А. (1905–1982) — в марте-апреле 1953 г. министр внутренних дел Грузинской ССР. Арестован в июле 1953 г. Осужден. — 166, 261, 268, 516, 520

Калантаров Н.Н. — в 1937 г. сотрудник Гагрского отдела НКВД Абхазской АССР. — 561

Калинин — в 1939 г. помощник начальника 1-го спецотдела НКВД СССР. — 187

Калинин М.И. (1875–1946) — в 1938–1946 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. — 90, 93, 635

Калинин П.З. (1902–1966) — в 1955 г. министр совхозов Белорусской ССР. — 628

Кальницкий — в 1925 г. сотрудник ЧК Грузии. — 344

Калядов — в 1953 г. сотрудник Отдела «С» МВД СССР. — 73

Каменский — в 1953 г. сотрудник 1-го спецотдела МВД СССР. — 77

Каминская З.П. — жена Л.И. Каминского. Репрессирована. Реабилитирована. — 637, 638

Каминский Л.И. — в 1950 г. директор Минского педагогического института иностранных языков. — 637, 638

Канделаки (?–1921) — в 1919–1921 гг. член группы по организации подпольной работы в Азербайджане, затем секретарь Тбилисского горкома компартии. — 177, 178, 242

Капель Ю.В. (1904–1941) — в 1939 г. санитарный врач. Репрессирована. Реабилитирована. — 145, 146, 331

Капанадзе А.П. (1907–1983) — в 1938–1941 гг. заместитель начальника 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР; в апреле-августе 1941 г. нарком госбезопасности Аджарской АССР. — 139, 268, 388, 520

Капанадзе М. (?–1937) — в 1937 г. житель Мамукинской деревни Абхазской АССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 474, 475, 572

Каракеян (?–1937) — в 1937 г. крестьянин Гагрского района Абхазской АССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 453, 586

Каранадзе Г.Т. (1902–1970) — в 1937–1938 гг. 1-й секретарь Сигнахского райкома КП(б) Грузии; в 1938–1941, 1941–1942 гг. нарком внутренних дел Крымской АССР; в феврале-июле 1941 г. нарком госбезопасности Крымской АССР; в 1942–1943 гг. нарком внутренних дел Дагестанской АССР; в 1943–1952 гг. нарком (министр) внутренних дел Грузинской ССР; в 1952–1953 гг. находился под арестом по делу т.н. мингрельской националистической группы; в апреле-октябре 1953 г. заместитель министра внутренних дел Грузинской ССР; в октябре 1953 г. уволен из органов. — 252, 267, 278, 465, 467, 475, 479, 516, 607

Карасев Н.А. (1911–1976) — с 1937 г. в органах госбезопасности; в 1943–1953 гг. заместитель начальника, начальник отдела 2-го Главного управления НКГБ–МГБ СССР; в марте-июне 1953 г. начальник 2-го спецотдела МВД СССР; полковник; в июле 1953 г. арестован, находился под следствием. — 62, 68, 91

Карели Г.М. — в 1937 г. сотрудник внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР, свидетель на процессе в Тбилиси. — 579, 610, 613

Кебин (Кэбин) И.Г. (1905–1999) — в 1944–1947 гг. заместитель заведующего отделом ЦК КП(б) Эстонии; в 1947–1948 гг. директор Института истории партии при ЦК КП(б) Эстонии; в 1948–1950 гг. секретарь, в 1950–1978 гг. 1-й секретарь ЦК Компартии Эстонии. — 24, 25, 41, 47, 48

Кедия М. — в 1920 г. начальник особого отряда демократического правительства Грузии. — 273

Кедия М. — в 1943 г. сотрудник германских оккупационных властей в Праге, сын М. Кедия. — 163, 273

Кедия С. — в 1930-е гг. член загранбюро демократического правительства Грузии. — 162, 252, 254, 267, 273

Кедров И.М. — в 1939 сотрудник НКВД СССР. Сын М.С. Кедрова. Репрессирован. Реабилитирован. — 170, 234, 269, 289–291, 308–310, 312, 338, 339, 620, 621, 624

Кедров М.С. (1878–1941) — в 1918–1923 гг. член коллегии ВЧК—ОГПУ; в 1919–1920 гг. председатель Особого отдела ВЧК и член Президиума ВЧК; в 1922–1923 гг. уполномоченный по рыбной промышленности Южно-Каспийского района и уполномоченный ВЧК по Каспию; в 1923–1925 гг. председатель правления Акционерного общества по снабжению промышленности и транспорта; в 1926–1928 гг. младший помощник прокурора Отдельной военной прокуратуры Верховного суда СССР; в 1928–1934 гг. член Президиума Спортинтерна и Госплана РСФСР; в 1934–1936 гг. начальник спецотдела Госплана РСФСР; в 1936–1937 гг. старший научный сотрудник нейрохирургического института г. Москвы; в 1937–1941 гг. находился в заключении в Орловской тюрьме. Расстрелян по указанию Берия после вынесения оправдательного приговора Военной коллегией Верховного суда СССР. — 124, 168, 170, 172, 201, 234, 235, 269, 290, 308, 310–314, 339, 369, 396, 418, 619–624

Кекелия А.М. (?–1937) — в 1937 г. заведующий сельхозотделом Заккрайкома ВКП(б). — 379, 532

Кереселидзе — в 1948 г. арестованный по делу заместителя Председателя Верховного суда Грузинской ССР. — 456, 457, 592, 593

Керимов Э.А. (1912–?) — в 1952 г. заместитель министра госбезопасности Азербайджанской ССР. — 435

Керкадзе К.И. — жена М.И. Керкадзе, акушерка, свидетель на процессе в Тбилиси. — 454, 455, 588, 589, 607, 613

Керкадзе М.И. — в 1937 г. начальник Управления милиции НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. Свидетель на процессе в Тбилиси. — 454, 455, 503, 511, 528, 556, 566, 567, 588, 589, 607, 613

Кетия И.М. — в 1937 г. колхозник Гагрского района Абхазской АССР. — 451, 586, 587

Кетия Н.М. (?–1937) — в 1937 г. колхозник Гагрского района Абхазской АССР. Убит в ходе следствия. — 451, 586, 587

Кизирия — в 1937 г. председатель ЦК профсоюзов административных работников Грузинской ССР. — 464

Киладзе Д.С. (1885–1937) — в 1922–1934 гг. в органах ЧК—ГПУ—ОГПУ Закавказья; в 1934 г. нарком НКВД Грузии. Репрессирован. — 222, 475, 476, 573, 574, 587

Корольков — в 1953 г. сотрудник Управления кадров МВД СССР. — 76

Коротин — в 1953 г. сотрудник 2-го Главного управления МВД СССР. — 61

Коротков А.М. (1909—1961) — в 1946—1947 гг. заместитель начальника 1-го Главного управления МГБ СССР; в 1947—1950 гг. начальник 4-го управления Комитета информации при МИД СССР; в 1950—1953 гг. заместитель начальника Бюро № 1 МГБ СССР, затем заместитель начальника 1-го Главного управления МГБ СССР; в 1953 г. заместитель начальника 2-го Главного управления МВД СССР; в 1953—1954 гг. начальник отдела 1-го Главного управления МВД СССР; в 1954—1957 гг. заместитель начальника 1-го Главного управления КГБ при Совмине СССР; в 1957—1961 гг. уполномоченный КГБ при МГБ ГДР. — 14, 61, 82, 86, 293

Корчма — в 1953 г. сотрудник Смеляйского райотдела МВД Литовской ССР. — 183

Косарев А.В. (1903—1939) — в 1929—1938 гг. 1-й секретарь ВЛКСМ. Репрессирован. Реабилитирован. — 219, 635, 636

Косов — в 1953 г. сотрудник Комендантского отдела МВД СССР. — 80, 81

Костомаров Г.Д. (1896—1970) — в 1933—1940 гг. директор Центрального государственного архива Октябрьской революции НКВД СССР; в 1941—1942 гг. заместитель начальника Главного архивного управления НКВД СССР; в 1940—1941, 1944—1963 гг. директор Института истории партии МГК и МК КПСС. — 30, 31

Которашвили И.В. — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 480

Кохреидзе — в 1931 г. сотрудник УГБ НКВД Грузинской ССР. — 466

Кочлавашвили А.И. (1906—1977) — в 1953 г. заместитель министра МВД Грузинской ССР. — 166

Кравченко В.А. — в 1953 г. начальник 5-го спецотдела МВД СССР. — 70

Крайнов Н.И. — в 1955 г. начальник Управления КГБ Московской области. — 658—660

Красникова (?—1937) — в 1937 г. арестована по обвинению в троцкистской деятельности. Репрессирована. Реабилитирована. — 467

Красный — в 1922 г. начальник Шемаханского уездного политбюро в Азербайджане. — 442, 443

Крестинский Н.Н. (1883—1938) — в 1930—1937 гг. заместитель, 1-й заместитель наркома иностранных дел СССР; в марте-мае 1937 г. заместитель наркома юстиции СССР., Арестован. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован. — 262

Кримян Н.А. (1913—1955) — в 1937 г. начальник отделения УГБ НКВД Грузинской ССР; в органах госбезопасности до 1951 г.; уволен. В 1951—1953 гг. начальник отдела кадров Министерства юстиции Армянской ССР. На процессе в Тбилиси в 1955 г. приговорен к ВМН. Не реабилитирован. — 241, 278—282, 316, 354, 357, 374, 386, 389, 461—468, 470—485, 503, 535, 551, 552, 554—558, 561, 563—565, 568—572, 575—580, 582, 583, 602—604, 606—612

Кричевская — в 1952 г. незаконно арестованная МГБ Азербайджана за участие в «антисоветской» группе. — 436

Кротков — в 1953 г. сотрудник 1-го спецотдела МВД СССР. — 77

Круглов С.Н. (1907—1977) — в 1939—1941 гг. заместитель наркома внутренних дел СССР по кадрам; в 1941—1945 гг. заместитель, 1-й заместитель наркома,

Кулешов А.А. (1914–1978) — белорусский советский поэт, переводчик. — 632

Кулиев — в 1952 г. член счетной комиссии Зангеланской районной партконференции КП Азербайджана. — 436

Кулиев Я.Г. (1906–?) — в 1942–1948 гг. заместитель наркома–министра внутренних дел Азербайджанской ССР. — 231

Кулик — в 1953 г. сотрудник Комендантского отдела МВД СССР. — 80, 618

Кулик Г.И. (1890–1950) — в 1939 г. начальник ГАУ НКО и заместитель наркома обороны СССР. — 187, 188, 190, 191, 283, 286

Куличихин — в 1953 г. сотрудник 1-го спецотдела МВД СССР. — 77

Кульчицкий — в 1950-е гг. начальник следственной части по особо важным делам Главной военной прокуратуры СССР, полковник юстиции. — 23, 24, 359

Кундахчан М.М. — в 1937 г. колхозник Гагрского района Абхазской АССР. — 453, 586

Кундахчан О.Х. — в 1937 г. колхозник, незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. — 453, 585, 586

Купала Я. (Луцевич И.Д.) (1882–1942) — белорусский советский поэт, драматург. — 632

Купер М.Д. — в 1953 г. спецпоселенец. — 83, 84

Купцинов — в 1953 г. военный прокурор Главной военной прокуратуры СССР, подполковник юстиции. — 24, 26, 43, 50, 51

Курели И.Г. — в 1937 г. врач тюрьмы № 1 г. Тбилиси, свидетель на процессе в Тбилиси. — 555, 610, 613

Куропаткин — в 1923 г. начальник ЭКО ЧК Грузии. — 178

Курушев — в 1930–1940-е гг. сотрудник Следственной части НКВД СССР. — 618, 621, 624

Кутатели А. — грузинский писатель, автор романа о Берия «Лицом к лицу». — 273

Кутыров — в 1953 г. сотрудник планово-технического отдела 8-го управления МВД СССР. — 75

Кущава П.В. — в 1939–1950-е гг. сотрудник следственной части НКВД–МГБ Грузинской ССР. — 456, 457, 566, 590, 593, 608

Кучава М.И. — в 1953 г. председатель Грузинского республиканского Совета профессиональных союзов. — 419–421

Л

Лабзов — в 1953 г. сотрудник Комендантского отдела МВД СССР. — 80

Лавров — в 1953 г. старший техник 6-го спецотдела МВД СССР. — 69

Лавягин — в 1942 г. командир 10-го стрелковского корпуса. — 97

Ладария — (?–1937) — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 587

Лазарев — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. — 463, 464, 564, 610

Лазарева (Лазариди) А.И. — жена Н.М. Рухадзе. — 320

Лакоба М. (?–1937) — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 587

Лакоба Н.В. (1893–1936) — в 1930–1936 гг. Председатель ЦИК Абхазской АССР. — 205, 400, 404

Лапшов — в 1953 г. сотрудник аппарата СМ СССР. — 22

Логинов — в 1953 г. сотрудник 8-го отдела 8-го управления МВД СССР. — 75

Лознер В.М. — в 1935 г. сотрудник Бакинского горсовета. — 392, 393

Локтионов А.Д. (1893–1941) — в 1893–1941 гг. заместитель наркома обороны СССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 648

Ломан К.Г. — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. — 374

Ломинадзе В.В. (1897–1935) — в 1930 г. 1-й секретарь Заккрайкома ВКП(б); в 1933–1935 гг. секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б). Покончил жизнь самоубийством. — 360, 361

Ломтатидзе — в 1919 г. секретарь министра внутренних дел Грузинского демократического правительства. — 160–163

Лордкипанидзе — в 1920–1930-е гг. сотрудник ГПУ Грузинской ССР. — 365, 379, 474, 481, 563, 546, 582

Лорент П.П. (1898–1966) — в мае-июле 1953 г. начальник 6-го управления МВД СССР; в 1953–1954 гг. начальник Дорожно-транспортного отдела МВД Московской окружной железной дороги; в январе 1954 г. уволен «по фактам дискредитации». — 66

Лукина — в 1953 г. сотрудник Центрального архивного управления МВД СССР. — 79

Лунев К.Ф. (1907–1980) — в 1953–1954 гг. 1-й заместитель министра внутренних дел СССР; в 1954–1959 гг. 1-й заместитель Председателя КГБ при СМ СССР. — 419–421

Лыньков М. (1899–1975) — белорусский советский писатель. — 632

Лутфалиев — в 1953 г. ссыльный житель Красноярского края. — 363

Лысков — в 1919 г. сотрудник контрразведки при Комитете государственной обороны Азербайджанской республики. — 243

Любимов — в 1953 г. заместитель начальника Секретариата Специального комитета №1 при СМ СССР. — 53, 54

Людвигов Б.А. (1907–?) — в 1931–1935 гг. заведующий сектором, заместитель заведующего культпропотделом Закавказского крайкома ВКП(б); с 1936 г. помощник секретаря Закавказского крайкома ВКП(б) Л.П. Берия; с 1937 г. заместитель заведующего, заведующий особым сектором ЦК КП(б) Грузии; с 1938 г. заместитель начальника Секретариата МВД СССР, затем помощник Л.П. Берия в СМ СССР; с апреля 1953 г. начальник Секретариата МВД СССР. В июне 1953 г. арестован, в июле 1954 г. осужден. — 24, 26, 33, 37, 39, 43, 47–51, 85, 86, 122, 128, 132, 143, 164, 244, 245, 302, 485–494, 496–501, 536

Лягас — в 1953 г. секретарь радвилишкской районной газеты в Литовской ССР. — 182

Ляудис К.Ф. (1901–1989) — в июне-октябре 1953 г. секретарь ЦК КП Литвы; с октября 1953 г. по март 1954 г. министр внутренних дел Литовской ССР; в 1954–1959 гг. Председатель КГБ при СМ Литовской ССР. — 185

М

Магалашвили Н. — в 1934 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. — 601

Маградзе — в 1953 г. начальник 1-го отдела Грузинского пограничного округа. — 72, 556

Мадебадзе К. — в 1937 г. управляющий Грузмаргантреста. — 219

Миколадзе — в 1942 г. начальник штаба 46-й армии Северо-Кавказского фронта. — 97

Микоян А.И. (1895—1978) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1935—1966 гг.; в 1926—1930 гг. нарком внутренней и внешней торговли СССР; в 1930—1934 гг. нарком снабжения СССР; в 1934—1938 гг. нарком пищевой промышленности СССР; в 1938—1949 гг. нарком (министр) внешней торговли СССР, одновременно в 1937—1955 гг. заместитель Председателя СНК (Совмина) СССР, в 1942—1945 гг. член ГКО; в 1953 г. министр внутренней и внешней торговли СССР, затем министр торговли СССР; в 1955—1964 гг. 1-й заместитель Председателя Совмина СССР. — 8, 10, 14—17, 19, 20, 46, 93, 101, 104, 116, 143, 186, 191, 229, 240, 265, 271, 314, 322, 327, 333, 353, 361—363, 399, 533, 651, 658

Милова — в 1937 г. сотрудник УГБ НКВД Грузинской ССР. — 469, 559, 610

Мильграм Б.А. — в 1948 г. сотрудник МГБ Грузинской ССР. — 592, 607

Мильштейн С.Р. (1899—1955) — в 1932—1936 гг. заведующий особым сектором ЦК КП(б) Грузии; в 1937—1938 гг. секретарь райкома КП(б) Грузии г. Тбилиси, затем 3-й секретарь Тбилисского горкома КП(б) Грузии; в 1938—1939 гг. начальник следственной части НКВД СССР; в 1939—1941 гг. начальник Главного транспортного управления НКВД СССР; в 1941 г. начальник 3-го управления НКГБ СССР, затем 1-й заместитель наркома лесной промышленности СССР; в 1941—1942 гг. 1-й заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР; в 1943—1948 гг. начальник 3-го управления НКГБ СССР, затем начальник Транспортного управления НКВД СССР; в 1948—1950 гг. начальник Казанской железной дороги; в 1951—1953 гг. заместитель начальника Управления исправительно-трудовых лагерей и строительства рудников МВД СССР; в марте-июне 1953 г. заместитель министра внутренних дел Украинской ССР. В июле 1953 г. арестован и в январе 1955 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — 12, 44, 76, 78, 86, 87, 89, 197, 268, 300, 323, 378, 382, 489, 503, 509, 512—529

Минскер Я.Г. (1891—1934) — в 1911—1918 гг. член партии социалистов-революционеров, в 1914 г. в ссылке; в 1920—1921 гг. уполномоченный Разведупра Штаба РККА в Северной Маньчжурии; в 1922—1924 гг. консул в Персии; в 1925 г. в ИНО ОГПУ, работал под прикрытием вице-консула в Шанхае (1925—1926); атташе полпредства в Турции (1926—1929). — 363

Минтяк С.А. — в 1942 г. расстрелян сотрудниками НКВД, приговор о ВМН заменен лишением свободы. — 521, 522

Мирза-Бали — в 1923 г. член партии «Муссават». — 147

Мирзаханов И.А. (1887—1960) — в 1931—1938 гг. директор завода № 8 Наркомата тяжелого машиностроения СССР; в 1938—1939 гг. директор завода № 92 Наркомата оборонной промышленности СССР; в 1939—1940 гг. начальник Главного управления Наркомата вооружения СССР, затем в аппарате ЦК ВКП(б); в 1940—1951 гг. заместитель наркома (министра) вооружения СССР. В 1952 г. арестован и в апреле 1953 г. освобожден. — 347, 348

Мирианашвили — в 1948 г. арестованный по делу заместителя Председателя Верховного суда Грузинской ССР. — 456, 457, 592, 593

Миронов А.Н. — начальник внутренней тюрьмы МВД СССР. — 99, 190, 277, 287

О

1951 гг. 1-й заместитель, затем заместитель по общим вопросам наркома (министра) государственной безопасности СССР; в июле-августе 1951 г. и.о. министра государственной безопасности СССР; в 1951–1952 гг. 1-й заместитель министра государственной безопасности СССР; в 1952 г. министр государственной безопасности Узбекской ССР; в 1952–1953 гг. 1-й заместитель министра государственной безопасности СССР. В апреле 1953 г. арестован, в августе 1953 г. освобожден, в 1954 г. уволен из органов госбезопасности и исключен из партии, в апреле 1959 г. лишен воинского звания генерал-лейтенанта. — 189, 260, 261, 266, 645

Одлявицкий — в 1953 г. сотрудник 1-го Главного управления МВД СССР. — 62

Окропидзе В.Н. — в 1937 г. начальник Тбилисской тюрьмы № 1, свидетель на процессе в Тбилиси. — 556, 563, 580, 609, 610, 613

Окуджава А.В. — в 1939–1940 гг. сотрудник Следственной части НКВД Грузинской ССР, свидетель на процессе в Тбилиси. — 456, 561, 589, 590, 613

Окуджава М.С. (?–1937) — в 1927 г. сторонник Л.Д. Троцкого, высланный из Грузии. Репрессирован. Реабилитирован. — 230

Окулицкий Л. (1898–1946) — польский генерал, командующий «Армией Крайовой». Арестован в марте 1945 г., приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам заключения, умер в Бутырской тюрьме. — 152, 153

Опарин И.Е. — в 1940-е гг. начальник Хозяйственного управления СНК СССР. — 115

Опарин Н.С. — в 1937 г. директор Воскресенского химкомбината. Репрессирован. Реабилитирован. — 659, 660

Орагвелидзе К. — в 1950-е гг. заведующий отделом ЦК КП Грузии. — 213

Орахелашвили М.Д. (1881–1937) — с 1931 г. Председатель СНК ЗСФСР, затем 1-й секретарь Заккрайкома ВКП (б); в 1932–1937 гг. заместитель директора ИМЭЛ при ЦК ВКП (б); в 1927–1930 гг. член Главной редакции БСЭ. Репрессирован. Реабилитирован. — 127, 221, 223, 315, 316, 345, 377, 388, 400, 401, 471, 540, 555, 558, 568, 569, 609

Орджоникидзе А.М. — жена И.К. Орджоникидзе, свидетель на процессе в Тбилиси. — 448, 471–473, 570, 606, 608, 610, 613

Орджоникидзе Г.К. (Серго) (1886–1937) — член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930–1937 гг.; в 1922–1926 гг. 1-й секретарь Закавказского и Северо-Кавказского крайкомов ВКП(б); в 1926–1930 гг. Председатель ЦКК ВКП(б) и нарком Рабоче-крестьянской инспекции СССР, одновременно заместитель Председателя СНК и СТО СССР; в 1930–1932 гг. Председатель ВСНХ СССР; в 1932–1937 гг. нарком тяжелой промышленности СССР. Покончил жизнь самоубийством. — 128, 136, 138, 222, 223, 235, 315–317, 363, 385, 396, 400–402, 409, 418, 431, 439, 440, 444–448, 470–473, 507, 508, 515, 517, 518, 521, 530, 531, 540, 541, 552, 558, 562, 567–570, 606, 608, 609, 611

Орджоникидзе Д.Г. (?–1937) — в 1937 г. руководящий хозяйственный работник Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 471–473, 562, 570, 606, 608–610

Орджоникидзе З.Г. (1894–1960) — жена Г.К. Орджоникидзе; автор воспоминаний «Путь большевика». — 570

Орджоникидзе И.К. — брат Г.К. Орджоникидзе. Репрессирован. Реабилитирован. — 446, 448, 471–473, 570, 606, 608, 610

Панов — в 1953 г. заместитель начальника Дорожного отдела милиции по политчасти Рижского вокзала. — 66

Панов — в 1953 г. сотрудник аппарата СМ СССР. — 107

Парамонов Г.И. (1907–?) — в 1935–1938 гг. оперуполномоченный, начальник отделения УГБ НКВД Грузинской ССР. Осужден в 1955 г. на 25 лет лишения свободы. Освобожден в 1968 г. Не реабилитирован. — 71, 220, 237, 269, 276, 277, 282, 283, 461–463, 465, 466, 468, 470, 471, 473, 475, 480, 481, 484, 485, 551, 552, 556–558, 561, 563, 564, 565, 568, 570–573, 578, 579, 597, 604–606, 608–612

Парахневич В.Ф. — в 1944 г. сотрудник НКВД Белорусской ССР. — 638

Парджикия А.И. — в 1952 г. секретный сотрудник органов МГБ Грузинской ССР. — 459

Парихаладзе Н.К. — в 1937 г.сотрудник Гагрского отдела НКВД Абхазской АССР. — 450, 452, 560, 585

Патоличев Н.С. (1908–1989) — в 1951–1956 гг. 1-й секретарь ЦК Компартии Белоруссии. — 44, 86, 94

Пачулия Г.А. — в 1937 г. сотрудник Гагрского отдела НКВД Грузинской ССР. — 452, 482, 582, 585

Пегов Н.М. (1905–1991) — в 1953 г. секретарь Президиума Верховного Совета СССР. — 21, 419, 540, 546

Педан — в 1937 г. арестованный НКВД Грузинской ССР, покончил жизнь самоубийством. — 404

Перадзе — в 1950 г. арестованный МГБ Грузинской ССР. — 458, 594

Первухин М.Г. (1904–1978) — член Президиума ЦК КПСС в 1952–1957 гг.; в 1939–1940, 1953–1954 гг. нарком (министр) электростанций и электропромышленности СССР; в 1940–1944, 1950–1953, 1953–1955 гг. заместитель Председателя, в 1955–1957 гг. 1-й заместитель Председателя СНК (Совмина) СССР. — 10, 17, 19, 27, 46, 93, 101, 116, 155, 186, 191, 221, 229, 240, 265, 271, 314, 322, 327, 333, 353, 363, 399, 619, 651

Первушин — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 354, 358

Переверзев — в 1953 г. секретарь партбюро Управления кадров МВД СССР. — 77

Перекрестов — в 1942 г. командир 3-го стрелкового корпуса Северо-Кавказкого фронта. — 97

Перов — в 1953 г. старший следователь Прокуратуры СССР. — 461

Петров — в 1919 г. руководитель коммунистического военного отряда. — 231

Петров Г. (?–1939) — в 1938–1939 гг. начальник 1-го спецотдела НКВД СССР. — 186, 187

Петров И.Е. (1896–1958) — в 1942–1943 гг. командующий Черноморской группой войск; генерал армии. — 193, 195, 207

Петровский В.П. — в 1938 г. директор Московского электрозавода. Репрессирован. Реабилитирован. — 659

Петровский Г.И. (1878–1958) — в 1919–1938 гг. Председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и один из председателей ЦИК СССР; в 1921–1939 гг. член ЦК ВКП(б); в 1937–1938 гг. заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР; в 1939 выведен из состава Политбюро и ЦК ВКП(б); с 1940 г. заместитель директора Музея революции СССР. — 125

Полин — в 1953 г. сотрудник планово-технического отдела 8-го управления МВД СССР. — 75

Полосин — в 1950-е гг. сотрудник МВД на объекте Спецкомитета № 1 в г. Свердловске. — 55

Полукаров — в 1953 г. сотрудник 1-го Главного управления МВД СССР. — 62

Поляков — в 1953 г. сотрудник Спецкомитета № 1 при СМ СССР. — 55

Помазнев М.Т. (1911–1987) — в 1949–1953 гг. управляющий делами СМ СССР. — 20, 23, 52, 108

Пономарев — в 1953 г. сотрудник 8-го отдела 8-го управления МВД СССР. — 75

Пономарев — в 1953 г. сотрудник аппарата СМ СССР. — 22

Пономаренко П.К. (1902–1984) — член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг.; в 1938–1944 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии; в 1944–1948 гг. Председатель СНК Белорусской ССР; в 1948–1953 гг. секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1950–1952 гг. министр заготовок СССР; в 1953–1954 гг. министр культуры СССР; в 1954–1955 гг. 1-й секретарь ЦК КП Казахстана. — 10, 21, 22, 229, 261, 636, 637

Попов — в 1953 г. сотрудник 5-го управления МВД СССР. — 65

Поскребышев А.Н. (1891–1965) — в 1923–1924 гг. заведующий Управлением делами ЦК ВКП(б); в 1924–1929 гг. помощник секретаря ЦК ВКП(б); в 1929–1934 гг. заместитель заведующего, заведующий Секретным отделом ЦК ВКП(б); в 1934–1952 гг. заведующий Особым сектором ЦК ВКП(б); в 1952–1953 гг. секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС; с 1953 г. на пенсии. — 26, 83, 225, 226

Поспелов П.Н. (1898–1979) — в 1940–1949 гг. главный редактор газеты «Правда»; в 1949–1952, 1961–1967 гг. директор ИМЭЛ (ИМЛ) при ЦК КПСС; в 1952–1953 гг. заместитель главного редактора газеты «Правда»; в 1953–1960 гг. секретарь ЦК КПСС. — 122, 128, 143, 614, 651

Постнов — в 1953 г. сотрудник Управления кадров МВД СССР. — 76

Постолов — в 1937 г. сотрудник Гагрского отдела НКВД Абхазской АССР. — 560, 607

Постышев П.П. (1887–1939) — в 1938 г. секретарь Куйбышевского обкома ВКП (б). — 263, 631, 644, 645

Потапейко В.Д. — в 1938 г. начальник Управления по делам искусств при СНК Белорусской ССР. — 632, 634

Потапов — в 1953 г. заместитель начальника Отдела «С» МВД СССР. — 74

Поташев А.И. (1909–1987) — в 1937–1943 гг. в ГУГБ, ГТУ НКВД СССР, начальник УНКВД Курской области; в 1943–1947 гг. начальник отдела в Транспортном управлении МГБ; в 1947–1948 гг. министр МГБ Киргизской ССР; в 1948–1959 гг. в резерве МГБ, начальник управления охраны МГБ Ярославской ж.д., начальник отдела в УМГБ–УМВД Московской области; в 1959 г. уволен по болезни. — 521–523, 528

Поченков — в 1953 г. инструктор Плунгского райкома КП Литвы. — 180

Правдин В.С. (1904–1970) — в 1953 г. сотрудник 9-го отдела МВД СССР. — 70

Предит М.А. (1882–?) — в 1920–1930-е гг. сотрудник ЧК–ГПУ Грузинской ССР; в 1953 г. персональный пенсионер. — 177, 178, 242, 344

Прейкшас К.К. (1903–1961) — в 1948–1960 гг. заместитель Председателя Совета Министров Литовской ССР. — 181

Р

1957 г. был выслан в Краснодар, позднее переведен в Токмак (Киргизия), затем в Арзамас и, наконец, в Горький. — 254, 255

Рамишвили Н. — в 1920 г. министр внутренних дел демократического правительства Грузии. — 160, 161, 273

Ранкович А. (1909—1983) — в 1948—1953 гг. министр внутренних дел Югославии. — 48, 153

Рапава А.Н. (1899—1955) — в 1936—1937 гг. заместитель наркома внутренних дел Грузинской ССР; в 1937—1938 гг. Председатель ЦИК, затем Председатель СНК Абхазской АССР; в 1938—1941, 1941—1943 гг. нарком внутренних дел Грузинской ССР; в 1941, 1943—1947 гг. нарком (министр) государственной безопасности Грузинской ССР; в 1948—1951 гг. министр юстиции Грузинской ССР; в 1951—1953 гг. находился под арестом по делу т.н. мингрельской националистической группы; в апреле-июне 1953 г. министр государственного контроля Грузинской ССР. В августе 1953 г. арестован и в 1955 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — 44, 105, 167, 222, 225, 251, 268, 271, 272, 276, 277, 285, 287, 288, 357, 402, 411, 449, 454—456, 490, 511, 514—516, 528, 550—552, 555, 556, 561, 562, 566, 567, 569—575, 587—591, 597—600, 606—608, 610—612

Рапава К.Н. — брат А.Н. Рапава, полковник Красной Армии, в годы Великой Отечественной войны перешел на сторону германской армии. — 599

Ратникас — в 1953 г. секретарь Ионишского райкома КП Литвы. — 182

Рахман С. — в 1953 г. делегат Бакинской городской партийной конференции КП Азербайджана, азербайджанский советский писатель. — 231

Рахманов У. — в 1938 г. Председатель СНК Азербайджанской ССР. — 429

Рзаев — в 1921 г. сотрудник Азербайджанской ЧК. — 231

Регентов Т.П. — в 1938 г. начальник Главэнерго Наркомата электростанций и электропромышленности СССР. — 619, 624

Редекс С.Ф. (1892—1940) — в 1928—1931 гг. полпред ОГПУ по ЗСФСР и председатель Закавказского ГПУ. Репрессирован. Реабилитирован. — 345, 364—366

Риблер А.П. — в 1937 колхозник Гагрского района Абхазской АССР. Убит в ходе следствия. — 451

Ризаев К. — в 1919 г. сотрудник контрразведки при Комитете государственной обороны Азербайджанской республики. — 243

Рогава В.А. — в 1939—1940 гг. сотрудник следчасти НКВД Грузинской ССР. — 456, 590

Рогов А.Б. — в 1940 г. сотрудник НКВД Белорусской ССР. — 636

Роговский В.А. (?—1937) — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 483, 583, 609

Родионов — в 1953 г. сотрудник 8-го управления МВД СССР. — 75

Родионов Д.Г. (1906—1972) — в 1953—1954 гг. заместитель начальника 4-го управления МВД СССР, генерал-лейтенант. — 64

Родос Б.В. (1905—1956) — в 1938—1946 гг. помощник начальника Следственной части 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР; помощник начальника Следственной части НКВД СССР; заместитель начальника Следственной части ГУГБ НКВД СССР; заместитель начальника Следственной части НКГБ—МГБ СССР. Арестован в 1953 г., приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к ВМН. Расстрелян в апреле 1956 г. Не реабилитирован. — 275, 346, 631, 641, 651

Рыбак И.М. — в 1937 г. начальник Секретариата НКВД Азербайджанской ССР. — 429, 490, 528, 610

Рыбаков — в 1953 г. секретарь парткома № 3 МВД СССР. — 81

Рывкин — в 1938 г. незаконно арестованная НКВД Грузинской ССР. — 374

Рыжов — в 1937 г. прокурор, осуществлявший надзор за деятельностью ГУГБ НКВД СССР. — 643

Рычагов П.В. (1911–1941) — в 1941 г. заместитель наркома обороны СССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 648

Рюмин — в 1953 г. сотрудник 2-го спецотдела МВД СССР. — 68

Рябиков В.М. (1907–1974) — в 1951 г. начальник 3-го Главного управления при СМ СССР. — 55

Рябов Ф.Ф. — в 1938 г. заместитель начальника Главэлектропромышленности НКТП СССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 659

Рясной В.С. (1904–1995) — сотрудник органов государственной безопасности, генерал-лейтенант (1945); с 1937 г. сотрудник ГУГБ НКВД СССР; с 1941 г. начальник управления НКВД Горьковской области; с 1943 г. нарком внутренних дел Украины; с 1946 г. 1-й заместитель наркома внутренних дел СССР; с 1952 г. заместитель министра государственной безопасности СССР; после смерти Сталина назначен начальником 2-го Главного управления (разведка) МВД СССР; с мая 1953 г. начальник управления МВД Москвы и Московской области; 30 марта 1956 г. переведен на Волго-Балтийский канал начальником строительства; 5 июля 1956 г. уволен из органов как дискредитировавший себя. — 14, 61–63, 66, 70, 82, 86

С

Сабонин — в 1953 г. сотрудник 1-го спецотдела МВД СССР. — 77

Сабуров М.З. (1900–1977) — член Президиума ЦК КПСС в 1952–1957 гг.; в 1938, 1946–1947 гг. заместитель Председателя, в 1938–1941, 1944–1946 гг. 1-й заместитель Председателя в 1941–1942, 1949–1953, 1953–1955 гг. Председатель Госплана СССР, одновременно в 1941–1944, 1947–1953, 1953–1955 гг. заместитель Председателя СНК (Совмина) СССР; в марте-июне 1953 г. министр машиностроения СССР. — 10, 17, 19, 46, 93, 101, 116, 155, 186, 191, 221, 229, 240, 271, 314, 327, 333, 353, 363, 651

Савельев — в 1953 г. помощник Л.П. Берия в СМ СССР по вопросам сельского хозяйства. — 33

Савицкий К.С. (1905–1955) — сотрудник органов НКВД–МГБ–МВД СССР; в 1953 г. помощник заместителя министра внутренних дел СССР. Арестован 1 июля 1953 г., 19 сентября 1955 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Не реабилитирован. — 68, 86, 218, 236, 240, 241, 268, 269, 278–283, 316, 354, 357, 374, 383, 384, 386, 389, 400, 448, 461–467, 470, 471, 473–475, 477–485, 503, 511, 516, 528, 536, 544, 551–557, 561, 563–565, 568, 570–573, 575, 578–580, 582, 597, 598, 600, 602–606, 608–612

Савченко С.Р. (1904–1966) — в 1941, 1943–1949 гг. нарком (министр) государственной безопасности Украинской ССР; в 1941–1943 гг. заместитель наркома внутренних дел Украинской ССР; в 1949–1951 гг. 1-й заместитель председателя Комитета информации при МИД СССР; в 1951–1953 гг. заместитель министра государственной безопасности и начальник 1-го главного управле-

кома ВКП(б); в 1944–1946 гг. председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР; в 1947–1982 гг. секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1949–1951 гг. главный редактор газеты «Правда». — 21, 254, 255, 261, 296, 322, 614, 651, 658

Сусляков — свидетель по делу Н.М. Рухадзе. — 608

Суханов Д.Н. (1904–?) — до марта 1953 г. помощник секретаря ЦК КПСС Г.М. Маленкова; в 1953–1955 гг. заведующий канцелярией Президиума ЦК КПСС. — 26, 46, 59, 90, 93, 95, 100, 113–116, 133, 155, 175, 177, 186, 191, 201, 205, 217, 221, 239, 240, 254, 255, 257, 259, 262, 263, 271, 274, 292, 293, 314, 318, 322, 327, 333, 363, 370, 376, 390, 394, 399, 402, 405, 409, 411

Сухишвили — в 1938 г. арестованный НКВД Грузинской ССР. — 464

Сухонин — в 1953 г. начальник отдела МВД УССР. — 526, 527

Сырцов С.И. (1893–1937) — в 1929–1930 гг. Председатель СНК РСФСР; снят с поста за «фракционную» деятельность, затем директор завода. Репрессирован. Реабилитирован. — 361

Сысоев — в 1953 г. сотрудник 1-го Главного управления МВД СССР. — 63

Т

Тавадзе И.К. (1904–?) — в 1937 г. помощник секретаря ЦК КП(б) Грузии; в 1938–1939 гг. заведующий Отделом пропаганды ЦК КП(б) Грузии; в 1939–1943 гг. секретарь ЦК КП(б) Грузии по пропаганде; в 1943–1945 гг. нарком госконтроля Грузинской ССР; в 1946–1948 гг. 1-й секретарь посольства СССР во Франции; в 1949–1950 гг. заведующий Информационным отделом МИД СССР; в 1951–1952 гг. заместитель заведующего Отделом печати МИД СССР; в 1952–1953 гг. находился под арестом по делу т.н. мингрельской националистической группы; в апреле-июне 1953 гг. директор Тбилисской партшколы. В июле 1953 г. арестован, в марте 1955 г. освобожден. — 276, 277, 350, 359, 372, 374

Тавдишвили А.В. — в 1939–1950-е гг. сотрудник следчасти НКВД—МГБ Грузинской ССР. — 593, 594, 607

Тавдишвили М.К. (1909–?) — в 1951–1953 гг. заместитель министра государственной безопасности Грузинской ССР; в апреле 1953 г. арестован. — 68, 321, 454, 456, 457, 590

Такуев — в 1921 г. сотрудник ЧК Грузии. — 344

Талахадзе — в 1954 г. свидетель по делу Рухадзе. — 608

Тареев — в 1953 г. сотрудник 8-го отдела 8-го управления МВД СССР. — 75

Твалчрелидзе — в 1937 г. помощник начальника отделения УГБ НКВД Грузинской ССР, особоуполномоченный НКВД Грузинской ССР, секретарь партийной ячейки. — 281, 403, 404, 467, 469, 473, 476, 479, 482, 574, 576, 581, 609, 610

Теддер — в 1940-е гг. эмиссар У. Черчилля. — 152

Тер-Габриэлян С.М. (1886–1937) — в 1928–1935 гг. Председатель СНК Армении. Репрессирован. Реабилитирован. — 385

Терещенко — в 1953 г. начальник политотдела Главного управления милиции МВД СССР. — 73

Термен Л.С. (1896–1993) — изобретатель, в 1947 г. лауреат Сталинской премии за изобретение подслушивающих устройств. — 69, 70

Терминосов Л.С. — в 1932–1936 гг. председатель Таганрогского горплана. — 83

У

Ульянов — в 1953 г. сотрудник 5-го спецотдела МВД СССР. — 70

Унштейн — в 1928 г. сторонница Л.Д. Троцкого. — 467, 604, 610

Урумян М.Г. (?–1937) — в 1937 г. незаконно арестованный колхозник Гагрского района Абхазской АССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 453, 585, 586

Урушадзе А.П. — в 1920–1930-е гг. врач-стоматолог в Тбилиси; использовался ЧК—ОГПУ Грузии для связи с грузинской эмиграцией. — 407–409

Урушадзе — в 1930-е г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. — 278, 357, 374, 467, 503, 511, 598

Усиков — в 1953 г. сотрудник 8-го отдела 8-го управления МВД СССР. — 75

Успенский — в 1953 г. помощник Главного военного прокурора СССР, полковник юстиции. — 186, 189, 297, 298, 303, 314, 327, 333, 338, 341, 346, 350, 364, 366, 376, 380, 390, 394, 529

Успенский А.И. (1902–1940) — в 1938 г. нарком внутренних дел УССР. Репрессирован. Не реабилитирован. — 650

Утехин Г.В. (1906–1987) — в 1953 г. заместитель начальника 4-го управления МВД СССР. — 64, 70

Ушаков-Ушимирский З.М. (1895–1940) — в 1937 г. сотрудник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. Репрессирован. Не реабилитирован. — 240

Ф

Фадеев А.А. (1901–1956) — писатель и общественный деятель; в 1946–1954 гг. Генеральный секретарь и Председатель Правления Союза писателей СССР. — 231

Федоров — в 1953 г. начальник 4-й комендатуры Комендантского отдела МВД СССР. — 80

Федоров С.С. — в 1939 г. ответственный работник ЦК ВЛКСМ и КИМа. — 635, 636

Федосеев С.М. (1915–1998) — в органах госбезопасности с 1937 г.; в 1951–1953 гг. заместитель начальника 2-го Главного управления МГБ СССР; в марте-мае 1953 г. начальник отдела 2-го Главного управления МВД СССР; с июня 1953 г. заместитель начальника 2-го Главного управления МВД СССР, полковник. — 61, 82

Федотов П.В. (1898–1963) — в 1939–1941 гг. начальник отдела ГУГБ НКВД СССР; в 1941 г. начальник 2-го управления НКГБ СССР; в 1941–1943 гг. начальник 2-го управления НКВД СССР; в 1943–1946 гг. начальник 2-го Главного управления НКГБ СССР; в 1946–1947 гг. заместитель министра государственной безопасности СССР и начальник 1-го Главного управления МГБ СССР; в 1947–1952 гг. заместитель председателя Комитета информации при МИД СССР, в 1952–1953 гг. в распоряжении Министерства государственной безопасности СССР; в марте-июне 1953 гг. начальник 1-го Главного управления МВД СССР, затем оперативный работник МВД СССР; с 1953 г. начальник 1-го Главного управления МВД СССР; в 1954–1956 гг. начальник Главного управления МВД СССР. В 1959 г. лишен орденов и воинского звания. — 14, 62, 82, 86, 150, 156, 187, 200, 250, 251, 260, 544

Филаткин — в 1953 г. сотрудник 8-го отдела 8-го управления МВД СССР. — 75

Хитария — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. — 572

Хитаров П.Ф. — в 1937 г. сотрудник УГБ НКВД Грузинской ССР. — 474

Хмаладзе — в 1937 г. начальник Управления милиции НКВД Грузинской ССР. — 563

Хоменко — в 1953 г. сотрудник Ленинградского погранотряда Главного управления пограничных войск МВД СССР. — 73

Хонелидзе — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР, в 1954 г. свидетель по делу Хазана. — 610

Хоштария А.Г. — в 1937 г. работник Заккрайкома ВКП(б). — 382

Хоштария С.Г. — в 1935 г. помощник Л.П. Берия, в 1950 г. заместитель министра земледелия СССР. — 129, 130, 607

Храмелашвили — в 1953 г. старший инспектор Контрольной инспекции МВД СССР. — 71, 276, 509, 543, 548, 549

Хромов — в 1953 г. инспектор Контрольной инспекции МВД СССР. — 72

Хруничев М.В. (1901–1961) — в 1936–1953 гг. министр авиационной промышленности СССР. — 55

Хрущев Н.С. (1894–1971) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС в 1939–1964 гг.; в 1932–1934 гг. 2-й секретарь, в 1934–1938 гг. 1-й секретарь Московского горкома ЦК ВКП(б); в 1934–1935 гг. 2-й секретарь, в 1935–1938 гг. 1-й секретарь Московского обкома ЦК ВКП(б); в 1938–1947, 1947–1949 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины, одновременно в 1944–1947 гг. Председатель СНК (Совмина) Украинской ССР; в 1949–1953 гг. секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1949–1953 гг. 1-й секретарь Московского обкома ЦК ВКП(б); в 1953–1964 гг. 1-й секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1958 г. Председатель Совмина СССР и с 1956 г. Председатель Бюро ЦК КПСС по РСФСР; с 1964 г. на пенсии. — 5, 6, 8–10, 12, 13, 15, 17, 20, 22, 23, 25, 29, 30, 46, 59, 93, 95, 100, 101, 110, 113, 114, 116, 125, 126, 133, 144, 155, 175, 178, 186, 191, 201, 205, 217, 221, 229, 240, 254, 257–259, 262, 263, 271, 274, 293–296, 314, 322, 327, 333, 353, 363, 402, 405, 409, 411, 414, 415, 423, 424, 428, 431, 441, 446, 531, 537, 543, 614, 651

Хунцария В.К. — в 1937 г. сотрудник Гагрского отдела НКВД Абхазской АССР. — 450

Хухунашвили — в 1940–1950-е гг. агент-провокатор МГБ Грузинской ССР. — 321, 456, 592

Ц

Цагурия — в 1939 г. сотрудник Дорожно-транспортного отдела НКВД Грузинской ССР. — 472

Цанава (Джанджава) Л.Ф. (1900–1955) — в 1930–1933 гг. помощник начальника ОГПУ Грузинской ССР; в 1934–1935 гг. начальник Главсубтропкома Наркомата земледелия СССР; в 1935–1937 гг. секретарь Потийского горкома КП(б) Грузии; в 1937–1938 гг. начальник «Колхидстроя»; в 1938–1941 гг. нарком внутренних дел Белорусской ССР; в феврале-июне 1941 г. нарком государственной безопасности Белорусской ССР; в 1941–1942 гг. заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР, одновременно в 1941–1943 гг. начальник Особого отдела НКВД Западного, Центрального фронтов; в 1943–1951 гг. нарком (министр) государственной безопасности Белорус-

Ч

Чернов А.Ф. — в 1940 г. сотрудник НКВД Белорусской ССР. — 635, 636

Чернов И.А. (1906–1991) — в 1946–1951 гг. начальник Секретариата МГБ СССР. — 264

Чернуха В.Н. (1900–1965) — в 1952–1953 гг. заместитель заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б); в 1954–1965 гг. заместитель заведующего Общим отделом ЦК КПСС. — 318

Черчилль У. (1874–1965) — в 1906–1922, 1924–1929 гг. занимал ряд министерских постов в правительстве Великобритании; в 1939–1940 гг. военно-морской министр; в 1940–1945, 1951–1955 гг. премьер-министр, лидер Консервативной партии. — 13, 149, 151, 152

Чиабришвили — в 1919 г. следователь контрразведки при Комитете государственной обороны Азербайджанской республики. — 273

Чикобава Г.Б. — в 1949 г. член «антисоветской» молодежной организации. — 459

Чистяков — в 1953 г. сотрудник 8-го управления МВД СССР. — 75

Чихвадзе — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. — 580

Чичибая — в 1930-е гг. секретарь райкома партии Грузинской ССР. — 516

Чубарь В.Я. (1891–1939) — в 1938 г. заместитель Председателя СНК СССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 631, 644, 645, 647

Чупров — генерал-майор авиации; в 1946–1953 гг. начальник Летной инспекции МВД СССР; в 1954–1963 гг. начальник Авиационного отдела ГУПВ КГБ при СМ СССР; с 1963 г. в отставке. — 72

Чхаидзе Д. — в 1937 г. незаконно арестованный НКВД Грузинской ССР. Репрессирован. Реабилитирован. — 564, 587

Чхенкели — в 1920-е гг. член заграничного бюро демократического правительства Грузии. — 105

Ш

Шабазов — в 1953 г. инструктор Плунгского райкома КП Литвы. — 180

Шавгулидзе М.И. — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. — 455, 456, 588–591

Шавдия Т. — племянник жены Л.П. Берия, в годы 2-й мировой войны был на службе в Грузинском национальном легионе войск фашистской Германии. — 494, 495, 500, 600

Шавишвили Х. — в 1930-е гг. представитель пресс-бюро демократического правительства Грузии в Швейцарии. — 253

Шарапов — в 1920 г. поручитель М. Багирова при его вступлении в РКП(б). — 441

Шарашидзе В.И. — в 1951 г. заместитель начальника отдела МГБ Грузинской ССР. — 595

Шария П.А. (1902–1983) — в 1936–1938 гг. заведующий Отделами науки и школы, затем Отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) Грузии; в 1938–1939 гг. начальник Секретариата начальника ГУГБ, секретариата НКВД СССР; в 1939 г. начальник Особого бюро при наркоме внутренних дел СССР; в 1940 г. начальник Управления учебными заведениями НКВД СССР; в 1941–1942 гг. заместитель начальника 1-го управления НКВД СССР; в 1943–1948 гг. секретарь ЦК КП(б) Грузии; в 1948–1952 гг. профессор Тбилисского государс-

Шишко-Богуш — в 1941 г. начальник штаба Польской армии, генерал-майор. — 150, 152

Шишов — в 1953 г. сотрудник Отдела «М» МВД СССР. — 79

Шиян В.В. (1909—1979) — в 1937—1938 гг. помощник оперуполномоченного 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР; в 1950—1953 гг. заместитель начальника, начальник 9-го управления МВД СССР. — 489, 498, 499, 503, 511, 520, 528

Шкирятов М.Ф. (1893—1954) — в 1952—1954 гг. председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. — 229, 547

Шлюгер Л.Д. — жена Ш.С. Шлюгера. — 326

Шлюгер Ш.С. — до марта 1953 г. находился под арестом; с марта 1953 г. инспектор, помощник начальника Контрольной инспекции при МВД СССР. — 71, 276, 326

Шнейдер — в 1938 г. сотрудник НКВД Азербайджанской ССР. — 429

Штеменко С.М. (1907—1976) — в 1941—1946 гг. заместитель начальника, начальник направления, начальник Оперативного управления Генштаба Советской Армии; в 1946—1948 гг. заместитель начальника, в 1948—1952 гг. начальник Генштаба и заместитель министра Вооруженных Сил СССР; в 1952—1953 гг. начальник штаба Группы советских войск в Германии; в марте-июне 1953 г. 1-й заместитель начальника Генштаба; в 1953—1956 гг. начальник штаба войск Западно-Сибирского ВО; в 1956—1957 гг. начальник ГРУ и заместитель начальника Генштаба Вооруженных Сил СССР; в 1961—1962 гг. 1-й заместитель командующего войсками Закавказского ВО; в 1962—1967 гг. начальник Главного штаба — 1-й заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками; с 1968 г. 1-й заместитель начальника Генштаба — начальник штаба ОВС государств — участников Варшавского договора. — 116, 120, 121, 192, 195, 201, 202, 204, 206, 209, 212, 293

Штерн Г.М. (1900—1941) — в 1941 г. начальник Главного управления противовоздушной обороны НКО СССР. — 648

Штреккер — немецкий разведчик. — 152

Шубин Н. — в 1953 г. заведующий сектором Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС. — 229, 233

Шубняков Ф.Г. (1916—?) — в 1943—1947 гг. начальник отдела НКГБ—МГБ СССР, в 1949-1950 гг. заместитель начальника, в 1951 г. начальник 2-го Главного управления МГБ СССР; в 1951—1953 гг. находился под арестом по т.н. делу В.С. Абакумова; в 1953—1954 гг. заместитель начальника 1-го Главного управления МВД СССР, затем заместитель начальника 2-го Главного управления КГБ СССР. — 62, 261

Шукри Д. — в 1942 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. — 272

Шукри Паша — в 1920 г. командир турецкого отряда. — 443

Шуленбург — в 1914 г. офицер германской армии. — 601

Шумаускас М.Ю. (1905—1982) — в 1953—1954 гг. 1-й заместитель Председателя Совета Министров Литовской ССР. — 181

Щ

Щавелев — в 1938 г. сотрудник УГБ НКВД СССР. — 360

Щемелев — в 1953 г. сотрудник Военно-строительного управления МВД СССР. — 80

Я

Ягода Г.Г. (1891–1938) — в 1934–1936 гг. нарком внутренних дел СССР; в 1936–1937 гг. нарком связи СССР. Репрессирован. Не реабилитирован. — 318, 334, 335, 544, 601

Ягодкин И.Т. — в 1953 г. член Комитета партийного контроля. — 433, 440

Язев — в 1953 г. следователь Следственной части по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР. — 67

Якименко — в 1941 г. начальник 1-го спецотдела УНКВД Дагестанской АССР. — 522

Якобашвили М.А. — в 1953 г. свидетель по делу С.Р. Мильштейна. — 511, 517, 528

Яковлев Н.Д. (1898–1972) — в 1948 г. заместитель министра Вооруженных Сил СССР. Арестован в феврале 1952 г. по обвинению во вредительстве, освобожден после смерти И.В. Сталина; в 1953 г. заместитель командующего войсками ПВО. — 118, 615

Якубов — в 1953 г. делегат Бакинской городской партийной конференции КП Азербайджана. — 439

Яхнава — в 1937 г. сотрудник НКВД Грузинской ССР. — 610

Яхонтов В.А. — в 1920-е гг. эмигрант, дядя жены В.Н. Меркулова. — 297, 298

Яценко Н.И. (1898–1971) — в 1953 г. начальник Отдела «М» МВД СССР. — 79

Яшвили — в 1927 г. сторонник Л.Д. Троцкого, высланный из Грузии. — 230

Яшин — в 1953 г. следователь Следственной части по особо важным делам МВД СССР. — 67, 71

Список сокращений

АБ — атомная бомба
АзЧК — Азербайджанская чрезвычайная комиссия
АН — Академия наук
АП РФ — Архив Президента Российской Федерации
АССР — автономная советская социалистическая республика

БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
БСЭ — Большая советская энциклопедия

ВВС — Военно-Воздушные Силы
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВМН — высшая мера наказания
ВО — военный округ
ВПТ — Венгерская партия трудящихся

ГАУ — Главное артиллерийское управление
ГВП — Главная военная прокуратура
ГКО — Государственный Комитет обороны
Главлит — Главное управление по делам литературы и искусств
горплан — городской плановый отдел
горком — городской комитет
горсовет — городской совет
Госплан — Государственный плановый комитет
ГРУ — Главное разведывательное управление
ГССР — Грузинская советская социалистическая республика
ГПУ — Государственное политическое управление
ГТУ — Главное транспортное управление НКВД СССР
ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ГУМ — Государственный универсальный магазин
ГУПВ — Главное управление пограничных войск
ГУСИМЗ — Главное управление советским имуществом за границей
ГЭС — гидроэлектростанция
ГЭУ — Главное экономическое управление НКВД СССР

Д. — дело
Дальстрой — Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР

ж.д.	—	железная дорога
ЗакГПУ	—	Государственное политическое управление Закавказской федерации
ЗСФСР	—	Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика
ИМЭЛ	—	Институт Маркса—Энгельса—Ленина
ИНО	—	иностранный отдел
ИТЛ	—	исправительный трудовой лагерь
КГБ	—	Комитет государственной безопасности
КИМ	—	Коммунистический интернационал молодежи
Коминтерн	—	Коммунистический интернационал
КП	—	Коммунистическая партия
КПК	—	Комитет партийного контроля
КПСС	—	Коммунистическая партия Советского Союза
Л.	—	лист
ЛКСМ	—	Ленинский коммунистический союз молодежи
МГБ	—	Министерство государственной безопасности СССР
МВД	—	Министерство внутренних дел СССР
МВО	—	Московский военный округ
МИД	—	Министерство иностранных дел СССР
МК	—	Московский комитет
Моссовет	—	Московский совет депутатов трудящихся
МПВО	—	местная противовоздушная оборона
Наркомлегпром	—	Народный комиссариат легкой промышленности СССР
Наркомтяжпром	—	Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР
НИИ	—	научно-исследовательский институт
НКВД	—	Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКО	—	Народный комиссариат обороны СССР
ОГПУ	—	Объединенное государственное политическое управление
ОО	—	особый отдел
Оп.	—	опись
ОРПО	—	Отдел руководящих партийных органов
ПВО	—	противовоздушная оборона
полпред	—	полномочный представитель
Политбюро	—	Политическое бюро
ПП	—	Полномочное представительство

райотдел	— районный отдел
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РИК	— районный исполнительный комитет
РКИ	— Рабоче-крестьянская инспекция
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б)	— Российская коммунистическая партия (большевиков)
РО	— районный отдел
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СЕПГ	— Социалистическая единая партия Германии
СКФ	— Северо-Кавказский фронт
СО	— секретный отдел
СМ, Совмин	— Совет Министров СССР
СНК, Совнарком	— Совет народных комиссаров СССР
СОЧ	— секретно-оперативная часть
СПО	— секретно-политический отдел
СПУ	— Секретно-политическое управление
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
СТО	— Совет Труда и Обороны
ТЭЦ	— теплоэлектроцентраль
УГБ	— Управление государственной безопасности
УКМК	— Управление коменданта Московского Кремля
УКР	— Управление контрразведки
УМВД	— Управление Министерства внутренних дел
УМГБ	— Управление Министерства государственной безопасности
УНКВД	— Управление Наркомата внутренних дел
УНКГБ	— управление Наркомата государственной безопасности
УИТЛК	— Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
Ф.	— фонд
ЧК	— Чрезвычайная комиссия
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦК	— Центральный комитет
ЦКК	— Центральная контрольная комиссия
ЭКО	— экономический отдел
ЭКУ	— Экономическое управление

Содержание

Раздел II
НАКАЗАНИЕ СОРАТНИКОВ БЕРИЯ

THE BERIA CASE

A SENTENCE THAT CANNOT BE APPEALED AGAINST

The documents contained in the present book relate to the preparation to and the actual court proceedings of the case against Beria and his closest companions. The documents presented here, despite their evidently biased nature, convincingly prove the crimes perpetrated by the figurants of the case and leave no doubt as to the rightfulness of the sentence passed on them.

Книги серии «РОССИЯ. XX ВЕК. ДОКУМЕНТЫ»

Кронштадт. 1921. М., 1997.

Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917—1921 гг. М., 1997.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1960: Справочник. М., 1997.

Лубянка: Органы ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991: Справочник. М., 2003.

Лубянка: Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003.

Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. М., 2004.

Лубянка: Сталин и НКВД—НКГБ—ГРУК «СМЕРШ». 1939 — март 1946. М., 2006.

Лубянка: Сталин и МГБ. Март 1946 — март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2007.

1941 год: В 2 кн. М., 1998.

Катынь: Пленники необъявленной войны. М., 1999.

58/10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991: Аннотированный каталог. М., 1999.

Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

Экология и власть.1917—1990. М., 1999.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960. М., 2000.

Как ломали НЭП: В 5 т. М., 2000.

Реабилитация: как это было: В 3 т. М., 2000—2004.

Сибирская Вандея: В 2 т. М., 2000.

Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2001.

Власть и художественная интеллигенция.1917—1953: Документы ЦК РКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. М., 2002.

Дети ГУЛАГа. 1918—1956. М., 2002.

Дело генерала Л.Г. Корнилова: В 2 т. М., 2003.

Ближневосточный конфликт: В 2 т. М., 2003.

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003.

Россия и США: Дипломатические отношения. 1900—1917. М., 1999.

Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1918—1926. М., 2002.

Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1927—1933. М., 2002.

Советско-американские отношения. 1934—1939. М., 2003.

Советско-американские отношения. 1939—1945. М., 2004.

Советско-американские отношения. 1945—1948. М., 2004.

Советско-американские отношения. 1949—1952. М., 2006.

Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945—1953. М., 2005.

Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации. 1938—1953. М., 2005.

Поэзия узников ГУЛАГа: Антология. М., 2005.

Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930—1953. М., 2005.

Сталинские депортации. 1928—1953. М., 2005.

Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов. 1917—1956. М., 2005.

Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652—1917. М., 2006.

Никита Хрущев. 1964: Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007.

Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926. М., 2007.

Ярославское восстание. 1918. М., 2007.

«Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г. М., 2008.

Военная разведка информирует: Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008.

Александр Яковлев. Перестройка. 1985—1991: Неизданное, малоизвестное, забытое. М., 2008.

Аппарат НКВД—МГБ в Германии. 1945—1953. М., 2009.

Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: В 2 т., М., 2009.

Александр Яковлев. Избранные интервью: 1992—2005. М., 2009.

Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. М., 2009.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Документы. М., 2010.

Голод в СССР. 1929—1934. Т. 1. 1929 — июль 1932: В 2 кн. М., 2011.

Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. М., 2011.

Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937—1938: Документы и комментарии. М., 2011.

Пять колец под кремлевскими звездами: Документальная хроника Олимпиады-80 в Москве. М., 2011.

СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории. М., 2012.

Голод в СССР. 1929—1934. Т. 2. июль 1932 — июль 1933. М., 2012.

ДОКУМЕНТЫ

ДЕЛО БЕРИЯ

Приговор обжалованию не подлежит

Составитель

В.Н. Хаустов

Корректор Т.Е. Ширма

Оригинал-макет подготовлен ООО «БЕТА-Фрейм»

ЛР № 061660 от 06.01.97 г.

Подписано к печати 17.12.2011 г.
Формат 70 × $100^1/_{16}$. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 60,6. Тираж 800 экз.
Заказ № 1118990.

Общественный фонд
«Международный фонд "Демократия"»
(фонд Александра Н. Яковлева)
123242, Москва, ул. Малая Грузинская, д. 15, стр. 3
Тел. 8-499-252-69-21. Факс 8-499-252-51-22
E-mail: mfdemo@idf.ru
http://www.alexanderyakovlev.org

arvato
ЯПК

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул.Свободы, 97